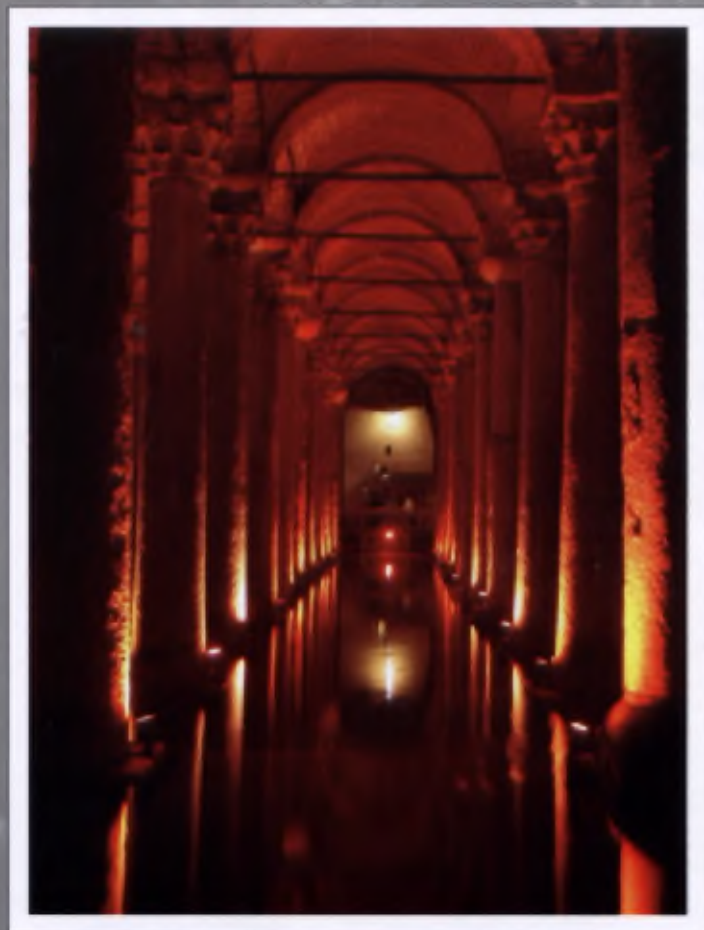

С.Б. Сорочан

РОМЕЙСКОЕ ЦАРСТВО

*Книга
для чтения
по истории
Византии*

1

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

С.Б. Сорочан

РОМЕЙСКОЕ ЦАРСТВО

*Книга
для чтения
по истории
Византии*

1

часть

Харьков «МАЙДАН» 2018

Художественное оформление

В. Носаня

Сорочан С. Б.

С 66 Ромейское царство. Книга для чтения по истории Византии. В 3 ч. Харьков: Майдан, 2018. Часть 1. 720 с.
ISBN 978-966-372-708-0.

Книга для чтения строжно, в меру детально, увлекательно освещает историю возникновения, развития, расцвета и падения Ромейского царства – Византийской империи, историю византийской Церкви, культуры и искусства, экономику, повседневную жизнь и менталитет византийцев. Разделы первых двух частей книги сопровождаются заданиями для самостоятельной работы, самообучения и подборкой письменных источников, позволяющих читателям изучать факты и развивать навыки самостоятельного критического осмысления прочитанного. Третья часть издания содержит справочные приложения, необходимые для начинающего византиниста, в частности, максимально полный список изданий тех византийских источников, которые выходили в переводе на русский или украинский языки, а также пространный толковый словарь и библиографию учебной и специальной литературы.

Для преподавателей и студентов высших учебных заведений гуманитарных направлений, учителей социально-гуманитарных дисциплин, учащихся Духовных академий и семинарий, а также всех, кто интересуется историей Византии и готов продолжать этим самостоятельно заниматься с помощью рекомендуемых в книге литературы и интернет-ресурсов.

УДК 94(4)"0375/1492"

Рецензенты:

член-корр. НАН Украины, д. и. н., проф. Г. Ю. Ивакин (Киев)

д. и. н., проф. Л. В. Войтович (Львов)

д. и. н., проф. Г. Атанасов (Силистра, Болгария)

Печатается по решению Ученого совета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

На обложке книги использовано фото подземной Царской цистерны
(Йерибатан Сарай) в Константинополе – Стамбуле.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Великое наследие	8
Раздел I. Византия ранняя (IV-VI вв.)	16
§ 1. Неа Роми – «Новый Рим»	17
§ 2. Залоги успеха	92
§ 3. Imperium Romanum Christianum	123
§ 4. Потери и мятежи	173
Раздел II. «Темные века». От античности к средневековью	200
§ 5. Перестройка Ромейской державы	201
§ 6. Столетия перемен.	234
§ 7. «Золотые века» византийской деревни	262
§ 8. Власть заслуженных	273
§ 9. Иконоборство. Нечестивые отступники или великие реформаторы?	290
§ 10. Битва Бога и дьявола. Ереси и миссионерство в VIII-IX вв.	334
Раздел III. Ромейское царство в X-XII вв. : от могущества к краху	349
§ 11. Вершина величия. Македонская династия	350
§ 12. «Могущественные» и «убогие»	403
§ 13. «Из Варяг в Греки и из Грек по Днепру...»	425
§ 14. Ромейское царство и Русь: история любви и ненависти	437
§ 15. Эпоха раскола и интриг	462
§ 16. Загадка Комнинов	492
§ 17. В зените славы и слабости. Ромейское царство на грани XII-XIII вв.	529
Раздел IV. От Никей до Палеологовского Возрождения	554
§ 18. На обломках крушения	555
§ 19. «Возвращение отечества»	572
Раздел V. Византия поздняя : путь к гибели (XIV-XV вв.)	598
§ 20. Мир поместий и деревень	599
§ 21. Губительная конкуренция или плодотворное сотрудничество?	607
§ 22. Попытка обновления	617
§ 23. Сумерки Ромейского царства	634
§ 24. Между Востоком и Западом	644
§ 25. «Град обреченный»	657
§ 26. Последний бой Империи.	679

*Что знаем мы о Византии,
Её таинственных веках?
Она на трех материках
Воздвигла храмы золотые.*

*Сошлись в ней Запад и Восток,
И Север с Югом встали рядом –
Неодолимая преграда,
Людской прервавшая поток.*

*Который бесконечно тек,
И был Восток – его исток...
Преграда рухнула когда-то,*

*О ней забыло большинство,
Но древних храмов волшебство
В своих руинах даже свято!*

Александр Космин¹

¹ На вулиці Петровського: Поезії / Ред. і упорядник В.І. Ковальов. – Харків: ХНАДУ, 2010. – С. 75.

*Возлюбих брега понтийския,
Сладок говор, нежный взгляд,
Возвышенный чувств обряд,
Разны игрища витийския,*

*Красны чары византийския,
Дев изысканный наряд,
Возлюбих брега понтийския,
Сладок говор, нежный взгляд.*

*Любы песни мне дорийския,
Где несть тьмы, далече ад,
Речи сладкия мусикийския.*

Возлюбих брега понтийския...

Чары Византии
(рондель, со старославянского варианта)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во всемирной истории византийской цивилизации принадлежит особое и, несомненно, выдающееся место. Ее мощнейшее политическое, историко-культурное влияние покрывало громадные пространства и массу народов от Ближнего Востока до западной Европы. Будучи не просто наследницей, а, по сути дела, оставаясь самой Римской империей, Ромейское царство, больше известное нам под искусственным названием Византийская империя, впитала в себя греко-эллинистические и римские традиции, а также лучшие достижения ближневосточных народов, создало утонченную, яркую, оригинальную материальную и духовную культуру, смогло защитить собой Европу от грозной мусульманской угрозы и заложило основы европейского Возрождения – Ренессанса. Изучением наследия этой жемчужины средневековья занимается византистика или византиноведение – историческая дисциплина, которая по праву считается «орхидеей наук».

Предлагаемая учебная книга для чтения может послужить своеобразным введением в специальность «византиноведение» и будет особенно полезна для начинающих. Эта книга затрагивает все аспекты социальной жизни – политику, войны и военное дело, управление, экономику, коммерцию, религию, образование, семью, брак, питание и пищу, одежду, сексуальные традиции, манеру поведения византийцев. Она охватывает самые сложные и самые волнующие проблемы удивительной Империи, которые становятся фокусом изложения и позволяют создать историческую модель Ромейского царства от истоков движения до последнего рубежа, самое главное, понять, что нам завещали византийцы, о чем успели предупредить, предостеречь. Написанная достаточно живо и образно, с максимальной доступностью изложения, она ни в коей мере не является еще одним объемистым трактатом, излагающим предмет на уровне академического справочного издания или университетского курса византистики, некоторые аспекты в ней сознательно опущены, дабы с лихвой восполнить данный

пробел более глубокой трактовкой материала за счет самостоятельных размышлений читателей над прочитанным, включая извлечения из письменных источников, — источников, доносящих живые голоса прошлого, «шорох времени». Именно этот материал поистине составляет сердцевину книги, адресованную всем, начинающим самостоятельное «путешествие» в увлекательном мире византийской истории.

Итак, еще раз подчеркнем, что книга для чтения, акцентируем — прежде всего для чтения, не содержит предельно детального, системно-хронологического описания политической, социально-экономической, культурной истории Византийской империи. Её главная цель в ином — помочь восстановить цепь времен, дать почувствовать содержание разных эпох, периодов византийской истории, понять наиболее важные особенности, специфику эволюции этой средневековой «сверхдержавы», раскрыть ее сильные и слабые стороны, причины блестящих успехов и роковых неудач, в итоге приведших к трагической гибели великой Империи.

В основу деления истории Византии положена периодизация, принятая в византинистике. В соответствии с ней первая, наиболее объемная часть книги состоит из пяти разделов и охватывает весь период существования Римейского царства — с 330 до 1453 гг.

Во второй части рассматриваются проблемы общественного и частного быта византийцев, специфика их мировоззрения и культуры, что позволяет погрузиться в «атмосферу» эпохи, постигнуть археологию повседневности и менталитет ромеев. В завершение вторая часть книги сжато знакомит с поствизантийской историей, которой, на самом деле, нет конца. Вопросы к тексту разделов и к разнообразным письменным источникам призваны помочь читающим методически контролировать себя в процессе усвоения прочитанного, главное — учить мыслить, размышлять, сравнивать, делать личные выводы, самостоятельно искать решения, формировать собственную точку зрения и умение ее отстаивать. Для этого мы постарались отразить в тексте взгляды различных слоев ромейского общества на происходившие события и альтернативные суждения по спорным проблемам, заимствованные из работ славной кагорты мировой византистики конца XIX — начала XXI столетий.

Третья часть книги содержит важный для всякого начинающего научно-справочный аппарат, хронологические таблицы, списки византийских императоров и Патриархов, хронологизированный перечень агиографических источников (персоналии), перечень византийских денежных единиц, мер измерений и их эквивалентов, пространный толковый словарь (термины, имена, понятия, географические названия из него выделены в тексте жирным курсивом), карты, максимально полный список письменных источников в переводах, а также наиболее полезной учебной и разнообразной специальной литературы и интернет-ресурсов. Кроме того, эта часть как указатель, справочник позволит ввести желающих в круг увлекательной художественной литературы, поэзии и фильмов о Римейском царстве. Разумеется, здесь сосредоточено не столько собственно чтение, сколько то, без чего невозможен азарт собственных поисков, к которым, мы надеемся, рано или поздно обязательно придет наш читатель, чтобы продолжать открывать новую реальность вечной Византии.

ВЕЛИКОЕ НАСЛЕДИЕ

Римская государственность, греческая культура и христианская вера суть главные источники византийского развития. Без любого из этих трех элементов сущность Византии немыслима.

Георгий *Острогорский*.

Блеск и величие, золото и благочестие... Продолжательница великой *Римской империи*, она стала первым правовым христианским государством на земле, сплотив в единой вере самые разные народы, назвавшие себя *ромеями*. Эта мощная страна в ее новом христианском облике просуществовала, вызывая зависть и восхищение, куда дольше любой другой империи, какую знала средневековая история и Запада, и Востока. Ее можно не понимать, даже ненавидеть, но нельзя не почитать. Исчезнув, она продолжала и продолжает покорять своим глубоким духовным миром. На века огненными буквами запечатлено в памяти человечества ее гордое название — *Романия, Ромейское царство, Византия, Второй Рим*.

*Супердержава
средневековья*

В 476 г. на Западе пала древняя Римская империя, продержавшаяся около 500 лет, а теперь пребывавшая в страшном хаосе. Знаки римского достоинства западного императора, подростка Ромула, заслужившего малопочтительное прозвище Августул — «Августенок», были отосланы из итальянского Рима германским вождем-захватчиком Одоакром восточному римскому императору Зинону, которому он в итоге подчинился, получив престижный сан патрикия и заявив, что «подобно солнцу на небе, императору следует быть одному на земле». Несчастному симпатичному мальчику было назначено содержание и позволено удалиться на виллу, на юг Италии. Собственно, у него не было прав на императорский престол злополучной Западной Римской империи: в результате очередного двор-

цового переворота его выдвинул амбициозный отец-италиец Орест, который прежде был секретарем-писцом у худшего из варваров, грозного вождя гуннов Атиллы, а затем как регент попытался править от имени возведенного на трон сына. Теперь Орест был казнен захватившим власть Одоакром, а что случилось дальше с малолетним экс-императором, неизвестно, но маловероятно, чтобы он дожил до зрелых лет. Скорее всего, его тоже убили. В любом случае, на современников это роковое и, уж точно, жестокое событие не произвело глубокого впечатления, они даже не осознали его как падение. Для них власть лишь перешла в руки единственного славного императора Зинона. Идея Империи не умирала на Западе, продолжая жить на греко-римском Востоке.

Именно эта восточная часть некогда единого великого римского государства, будущая Византия, не только уцелела под натиском нашествий иноземцев и сохранилась как единое целое с центром в **Константинополе**, основанном в 324-330 гг., но и жила еще почти тысячу лет, продемонстрировав удивительную, уникальную жизнеспособность, устойчивость, прочность основ, подобную которой трудно отыскать. Даже держава, покорившая ее в XV в., – империя **турок-османов** просуществовала в два раза меньше, а Российская и Австро-Венгерская империи – соответственно 250 и 100 лет, что говорит само за себя.

На протяжении всей двенадцативековой причудливой исторической жизни Ромейское царство знало периоды взлета и падения, расцвета и упадка, радость неслыханных побед и горечь страшных, роковых поражений. Величественно и грозно плыл сквозь столетия корабль этой супердержавы, направляемый опытными кормчими – правителями, поражающий воображение современников экзотикой форм и ослепительным блеском сказочного богатства. Именно это богатство свидетельствует о процветании, которое долгое время просто не могло не быть всеобщим.

Себя византийцы именовали по-латыни «романи», по-гречески «ромаиос», то есть ромеями, в переводе с греческого – «римлянами», и вплоть до предпоследних столетий существования Империи чувствовали себя оскорбленными, когда их называли греками. Начало своей политической истории они, как и древние римляне, относили к троянцу Энею – герою знаменитой эпической поэмы римлянина Вергилия. Свою державу ромеи без малейших сомнений продолжали считать все той же Ромейской (Римской) империей. По-гречески, на котором говорило, общалось большинство населения Византии, это звучало по-разному: «полития тон Ромаион», «то кратос Ромаион», «Ромаион игемониас», «Ромаион архи», то есть «Ромейская власть», или чаще – «василея тон Ромаион», «Ромаион василея» – «Ромейское царство». Западные соседи тоже называли эту страну Романия, а восточные – Рум. Сами ромеи редко пользовались словом «Византия» или «Византий» (ударение на втором слоге), по древнему названию своей столицы. Этот термин оставался для них в лучшем случае архаичным древнегреческим термином, понятным лишь суперизбранным интеллектуалам, книжникам, философам, богословам. Поэтому латинский термин *Byzantium* (Византия) в значении «Византийская империя» является в значительной степени искусственным. Его впервые ввел в науку немецкий гуманист и ученый Иероним Вольф (1516-1580 гг.) из города Аусбурга, который в 1577 г. издал небольшое собрание сочинений ромеев, переведя его на латынь и назвав «Корпус византийской истории». Название прижилось среди историков, стало повторяться в из-

даниях других Корпусов византийских источников, особенно с XVIII в., а затем привилось и в обиходе.

Будучи продолжателем древней Римской империи, Ромейское царство стало первым из великих государств, официально принявших **христианство** в качестве государственной **религии**. Оно же было первым, кто начал жить и управлять в соответствии с христианским учением, распространяя его по всему миру, особенно среди **славян**. Ее принципиальной задачей была защита ортодоксальной христианской идеологии, которая одна признавалась правильной – православной верой. Поэтому отдельные правители Ромейского царства оценивались не по их политическому влиянию или военным успехам, а по критериям ортодоксии: одни императоры были плохи, потому что впадали в **ересь**, то есть выбирали «утраченное христианство» – отход от соборных **канонов**, постановлений, норм, правил, **догматов** Церкви, другие, даже не очень талантливые, хороши только потому, что отстаивали чистоту ортодоксальной веры.

В Византии христианство влияло на повседневную жизнь, пожалуй, больше, чем в какой-либо другой христианской стране. Единство ее удивительной общности обеспечивалось, прежде всего, «церковным общением», и церковное отлучение от него считалось одной из самых тяжких кар. Поэтому для того, чтобы быть римлянами (ромеями), надо было жить на римской, пусть даже бывшей территории и, самое главное, невзирая на этническое происхождение, быть не просто подданными римского (ромейского) императора, но обязательно свободными христианами, свято чтущими Божьи заповеди и мощь своего единого централизованного государства. Заметим: рабы и исповедующие **иудаизм** к ромеям не относились.

Этническая консолидация населения Ромейского царства, то есть формирование национальной общности, известной как «византийские греки», развернулась не скоро, так что термин «ромей» долгое время не имел определенного этнического содержания. Византийское общество было очень иерархизировано, но даже его правящий класс состоял из выходцев, имевших как греческое происхождение, так и представителей других этносов. Греческий язык действительно был доминирующим, но для многих, особенно в сельской местности, он не являлся основным, а кое-кто его вообще не знал. Таким образом, важно сразу понять, что ромей понимались в политико-конфессиональном смысле, а не этническом. Эта культурная идентичность, осознание своего превосходства и исключительности играли важнейшую роль для жизни страны и лежала в основе успешной борьбы Византии за существование в течение очень длительного времени. Лишь с XI в. византийцев все чаще стали связывать с понятием средневековые «греки», которое постепенно вытеснило прежнее, «наднациональное», что стало предвестием конца этого государства, народ которого держался на вере в Бога, царя и собственные традиции. С этим же временем совпадает появление у него непримиримых соперников не только на Востоке, как прежде, но и на христианском или, как чаще говорили, латинском Западе.

Раскинувшись на двух континентах – в Европе и в Азии, а поначалу простирая власть и на северную Африку (Карта 1), Ромейская держава играла ведущую роль в средневековом мире и оказывала огромное влияние на ход международных событий. Ни одно другое государство Европы и **Ближнего Востока** не имело такого количества непосредственных контактов, мирных или же враждебных, с таким множеством стран и народов, как Ромейское царство, неизменно вызывая

у них смешанные чувства восхищения, вожделения и зависти. Врагов и союзников она повергала в трепет золотом и благочестием веры, железной поступью своих намного более организованных армий, двигавшихся слаженно и бездушно, как механизмы; секретным страшным оружием в виде метаемого издалека, облепляющего и испепеляющего «*жидкого огня*»; несокрушимыми каменными твердынями крепостей, построенных с учетом всех достижений фортификации; звериной настойчивостью опытных полководцев, для которых в искусстве войны, казалось, не осталось никаких тайн.

Романия всегда оставалась воюющей империей. Так она жила из года в год, из столетия в столетие. Впрочем, в отличие от римлян-милитаристов ромеи, будучи обществом готовым к войне, в редких случаях нападали первыми: они были не столь воинственны и предпочитали разрабатывать разные стратегические и дипломатические способы защиты вместо более агрессивных действий. Нелепыми представляются обвинения западноевропейцами Византии в неких поползновениях в сторону соседей. Насколько известно из истории, византийская армия не жгла и не грабила Париж или Лондон. А вот обратный факт, как мы увидим, имел место по отношению к Константинополю. Сами же византийцы воспринимали войну как неизбежное зло и при малейшей возможности стремились решать спорные вопросы посредством тонкой дипломатической игры, этого почти невидимого для непосвященных, гибкого, коварного оружия. Как афористично заметил ведущий английский византист Джон *Хэлдон*, – ромеи «проливали чернила, а не кровь». Даже в тех случаях, когда византийцы предпринимали явно завоевательные походы, они ни разу за всю свою тысячелетнюю историю не вышли за пределы прежней Римской империи. Так что с точки зрения ромеев они всегда вели справедливые, освободительные войны. Им было что защищать и они знали, за что воюют. Византийцы, скорее, старались сохранить от посягательств *варваров*, или как они называли инородцев – *эфников*, уже существующие границы Ромейского царства, нежели претендовали на новые земли. Для них была важна не столько военная победа силой оружия, сколько победа духовная, победа благочестия.

Ромейскому царству, как и Древней *Руси*, выпало на долю вести очень важную для судеб Европы борьбу с опасными врагами из Азии. Ей довелось разгромить *персов*, остановить экспансию стремительно объединившихся *арабов* на самом пике ее развития, стереть в прах целые армии завоевателей, принять на себя главный удар бесчисленных кочевых народов – *гуннов*, *аваров*, *тюрков*, *булгаров*, *печенегов*, *половцев-кumanов*, *сельчуков*, *тюркок-османов* и тем самым обеспечить существование многих европейских государств, дать им развиваться, стать на ноги. Именно поэтому ее собственная история оказалась впечатляющей последовательностью политических потрясений. Романия платила за все по полному счету, – платила за себя и за других, давая им возможность выжить, развиваться, прикрывая собой неблагодарный Запад от грозных взоров Востока. Не будь этого бастиона христианства, этой великой плотины, что ждало бы Европу, на каком языке говорили бы мы сегодня и какому богу бы поклонялись? В нашей памяти итог трагической судьбы ромеев окружен скорбью, и, как бы романтизированно и патетично это не звучит, он будет сиять вечно.

В ряде отношений византийская культура и византийская система мира были парадоксальными. Это было единственное в средневековой Европе

аграрное государство с необычайно развитой городской жизнью, безусловной, полной собственностью на землю и разветвленной, очень живой, всеохватной, очень эффективной налоговой системой. Государство, в котором императорами долгое время становились не по монархическому праву наследства, а с помощью игры случая, интриг, предательства, жестокости. Государство, в котором было вполне возможно подняться из общественных низов до высот знатности и могущества. Государство, в котором Церковь обладала огромной властью, равной власти императора, но не мешала императорам ромеев, избегая личного обожествления, являть видимость всемогущества и при этом самой никогда не претендовать на власть, отделять себя от общества. Государство с очень своеобразной, разумной и сложно организованной властью, как мы увидим, с трудом поддающейся представлению. Оно имело единственную и неизменную столицу, которая определяла действие чиновников по всей стране и направляла общее развитие по всем направлениям. Государство, культура которого сочетала в себе почитание идеи миролюбия с высоким уважением к армии. Государство, в котором постоянно культивировался дух традиций прошлого.

Ромейское царство обладало сложной и в то же время достаточно гибкой социальной структурой, в ней были рабы, но не было рабовладельческого строя, были знатные аристократические фамилии, имевшие с XI в. огромное влияние, но так никогда и не ставшие по настоящему **феодалами** по праву крови, а переплетавшиеся с представителями государственной администрации. В этом государстве царил диктат права, причем частное право четко отделялось от публичного и не доминировало, как на средневековом Западе. Более того, в отличие от стран западной Европы, где каждый аристократ был сам себе судья, в Византии сохранялось государственное судопроизводство и теоретически любой крестьянин мог подать в суд даже на богатого землевладельца. Здесь проводилась достойная социальная политика в отношении необеспеченных слоев населения, существовали дома престарелых, приюты для сирот и детей малоимущих, больницы и даже родильные дома и ясли, необычные для прочих стран. Будучи государством, официально признавшим только ортодоксальное христианство, Византия тем не менее соблюдала религиозную толерантность и редко пускалась в массовое преследование инакомыслящих, ограничиваясь, как правило, жаркими богословскими спорами, а не инквизиционными кострами.

Как верно заметил византинист Дэвид Тальбот **Райс**, «нет на свете страны, история которой являла бы нам столь же поразительное смешение доблести и предательства, таланта и бездарности, умения и беспомощности, набожности и соглашательства. ...Нет в мире другого государства, чья история являла бы собой такое единство противоположностей, нет другой культуры, которая представляла бы собой такой сплав материального и духовного». Эта была неповторимая древняя христианская Империя – и этим все сказано. Она удивительным образом отразила преемственность и изменчивость в своем развитии, то что историки называют мудреными словами континуит и дисконтинуитет. Первое проявлялось в сохранении централизованной бюрократии, управленческого аппарата, упорядоченной налоговой системы, кодифицированных норм римского

права, функций города, внешних черт быта, второе – в переменах типов собственности, социальной структуры, системы ценностей *мировоззрения*, то есть в глубинных, медленно складывавшихся преобразованиях.

Прямая наследница греко-римского мира и эллинистического Востока, Византийская империя стала центром блестящей и весьма своеобразной культуры. Впитав в себя культурные традиции Запада и Востока, ромеи создали яркую и оригинальную цивилизацию с мощным и продуктивным зарядом, которую можно по разному оценивать, но которой нельзя не восхищаться. Этот заряд позволил стране просуществовать как глобальному политическому фактору более тысячи лет, причем в таких сложнейших внешних условиях, в каких не смогло бы просуществовать ни одно государство, ныне претендующее на роль сверхдержавы. Внутренние недостатки византийской модели развития, с одной стороны, мешали, но так и не смогли помешать ей удерживать заметное место в мировой политике, с другой стороны, они, как ни парадоксально, стали фактором, до поры укреплявшим ее государственность.

Длительное время Ромейское царство оставалось недостижимым образцом подражания для стран и народов Европы, предметом восхищения всех ее владык, *королей, герцогов и графов*, какого бы уровня власти они ни достигали. Полная внутреннего благородства, благочестия, изящества и пышности, торжественности и глубины, напряженности мысли, византийская цивилизация притягивала многих своей мудростью. Она всегда была неисчерпаемым кладом полезных знаний и богатого, самого разнообразного опыта. Ее культурное влияние распространялось на различные племена и народы и проявлялось в самых разнообразных сферах: религии и философии, праве и дипломатии, письменности и образовании; проникало в литературу, зодчество, живопись, музыку. Даже самые непримиримые враги – арабы и турки усвоили это наследие. Особенно сильно ромейская цивилизация воздействовала на институты и культуру стран, в которых исповедание христианства утвердилось по *православному*, то есть византийскому образцу: *Грузию, Армению, Болгарию, Сербию*, Русь, другие славянские страны. Вместе они образовывали сообщество, объединенное по принципу идеологической, а не политической группировки. Столица Ромейского царства – бронзово-голубой Константинополь был их духовным центром. Через Византию они дышали воздухом мировой культуры. В отличие от Римской Церкви, которая признавала только три святых языка – еврейский, греческий и латынь, а на практике – только латынь, Византийская Церковь позволяла каждому принявшему христианство народу вершить церковную службу и обряды на их родном языке, а для славян даже помогла создать свою письменность. Если бы не было ромеев, наш образ жизни несомненно развивался бы по иным путям.

Искры пепелища

Прошло уже более 550 лет с момента гибели Ромейского царства, многое исчезло с той поры. Иные народы сегодня живут на землях некогда могущественной Империи ромеев, новые государства образовались на ее бескрайних просторах. Изменился мир, да и сам человек стал другим. Но след, оставленный этой яркой, самобытной и очень контрастной цивилизацией в памяти человечества, столь глубок, что до сих пор он поражает глубинным чувством высокой трагедии человеческой жизни на земле и вместе с тем манит с притягательной силой.

Определяющим в наследии Византии можно считать церковное искусство, архитектуру и православное богословие – очень сложную и красивую систему, говорящую о Боге. Она подарила миру законы-*кодексы*, которые легли в основу европейского права, систему светского образования, определенный стиль интеллектуальной жизни. Именно Византия восприняла римскую мозаику. Она – родина миниатюры на *пергамене*. В Византию уходят корни европейской живописи, праматерью которой является византийская *икона*. Более того, это была цивилизация, которая создала перевес восприятия изображения над текстом. Она породила образы, определяющие для европейской идентичности, которые стали основой культуры Европы. Самое главное, Византия дала синтез как основную идею цивилизации и главный способ выживания.

Но величайшей заслугой Ромейского царства, пожалуй, следует считать сохранение античного знания в виде большинства древнегреческих произведений, которые известны нам. Если бы не византийские копии, списки старых текстов, зачастую сопровождавшиеся комментариями, многие из них исчезли бы безвозвратно уже в период крушения Западной Римской империи. Сохранившись, они в итоге дошли до типографских изданий. Кроме того, Византия продолжает жить в огромном наследии своего великого прошлого, в произведениях искусных ремесленников и талантливых архитекторов, строителей, в сочинениях историков и философов, писателей и поэтов, в творениях живописцев и мозаичистов. Остатки мощных стен ее городов и крепостей, стойко сопротивляясь разрушительному действию времени, напоминают нам о былой славе и могуществе уникальной Империи ромеев. Можно сказать, что исчезнувший ромейский народ сохранил свое лицо, на которое за века не легла печать старения. И по сей день поражают гениальностью замысла и мастерством исполнения великолепные дворцы и *храмы* – *кириаконы*, *кафоликоны*, церкви – *екклесии*, красочными цветами расцветают страницы роскошных рукописных книг, хранящихся как в крупнейших библиотеках мира, так и в удаленных *монастырях*. Не случайно даже крошечный редкий *манускрипт*, выполненный на тончайшем, просвечивающемся на свету пергамене, порой превосходит по стоимости самую дорогую американскую виллу.

* * *

Историю Византии, ее экономику, право, материальную и духовную культуру, влияние на другие государства и народы средневековья изучает один из разделов исторической науки, который называется *византинистика* или *византиноведение*. Историки и археологи, нумизматы и искусствоведы многих стран мира с трепетом склоняются над изысканными творениями ромейских ткачей, ювелиров и художников, изучают древние манускрипты, очищают от земли византийские монеты и печати – *моливдулы*, раскапывают покинутые города, поселения, пытаются восстановить и понять тот давно ушедший, но манящий и волнующий, вечно живой мир византийской цивилизации.

Несмотря на огромную работу, проделанную за последние два столетия отечественными и зарубежными византинистами в деле изучения истории Ромейского царства, до сих пор многие вопросы и проблемы остаются неразгаданными и спорными, еще ждут своего исследователя. Более того, следует заметить, что

Византия ныне стала битвой ложных мифов, как антивизантийского, так и провизантийского свойства, которые используют в конъюнктурных политических интересах. Чтобы правильно разобраться в этом, тоже нужно обладать непредубежденным знанием, позволяющим должным образом оценить сильные и слабые стороны этой оригинальной великой цивилизации.

Нам точно не известно как говорили византийцы, точнее, как звучали отдельные буквы языка, который был и не древнегреческим, и не новогреческим. Непонятно, почему специалисты называют его среднегреческим. Видимо, он также отличался от современного языка, как наш сегодняшний язык от языка жителей Киевской Руси – понять можно, да далеко не все.

Уже в XVI в. западные ученые-гуманисты эпохи позднего Возрождения предложили две системы произношения греческого языка. Одна из них, разработанная знаменитым Эразмом Роттердамским, применима к звучанию древнегреческого языка, где греческие буквы «бета», «дзета», «ета», «тхета» и «юпсилон» произносятся как «б», «дз», «е» и «т». Отсюда звучание слов «**б**асилевс» – царь, «**дз**игос» – весы, «страте**г**» – военачальник, «пар**т**енос» – дева. Но в другой системе, разработанной немецким ученым Иоганном Рейхлином, эти же буквы представлены как «вита», «зита», «ита», «фита» и звучат как «в», «з», «и», «ф». Поэтому те же слова произносятся с ними как «**в**асилевс», «зигос», «страти**г**», «пар**ф**енос». Следует иметь в виду, что византинисты предпочитают использовать рейхлинову систему звучания, относя ее к среднегреческому языку. Дабы не допустить путаницы с многочисленными византийскими терминами и именами, следует усвоить это нехитрое правило и руководствоваться им в дальнейшем.

Раздел I

ВИЗАНТИЯ РАННЯЯ (IV-VI вв.)

В то время как Западная Римская империя *августов* гибла, рассыпалась под ударами варварских нашествий, в огне пожаров и разрушениях, восточная часть Римского государства – Византия пережила складывание своих фундаментальных особенностей и преобразилась в христианскую монархию божественного права. Более того, Восточная Римская империя стала едва ли не первым государством в истории человечества, которое попыталось жить по заветам Христа. Она не только выстояла, отбила натиск безжалостных, агрессивных *германцев-готов*, закованных в броню персов и тюрок, жадных, воинственных степняков гуннов, опытных в войне аваров, выносливых, жестоких славян, окрепла и сохранила самостоятельность, но вскоре сама перешла в наступление на мир пришлых эфников-инородцев. Ее ресурсы и организация в IV-VI вв. не знали себе равных в Европе и мало с кем могли соперничать в Азии.

§ 1. Неа Роми – «Новый Рим»

Условную дату рождения Византийской державы историки обычно относят к 11 мая 330 г. Именно в этот погожий весенний день римский император *Константин I Великий* (306-337 гг.) торжественно освятил отстраиваемую уже шесть лет новую столицу Римского государства – Новый Рим, по-гречески Неа Роми. Впоследствии в честь ее основателя она получила название Константинополь, с греческого – «град Константина».

Именно с этого знаменательного, а по сути, переломного события началось утверждение власти Империи на Востоке, – началась, по представлениям византийцев, новая жизнь и для Востока, и для Запада. Уже римский император Диоклетиан, суровый солдат из дикой скалистой Далмации, в конце III в. разделил огромный римский мир на две половины, отдав западные, латиноязычные области своему старому приятелю – собутыльнику Максимиану, которого возвел в ранг августа, а себе оставив более богатый и культурно развитый греческий Восток. К тому времени старый Рим перестал быть местопребыванием императорского двора, а императоры избирали своей резиденцией то североиталийский Медиолан (Милан), то германский Трир, то малоазийскую *Никомидию*. Но все это были временные решения. Рим, погрязший в разногласиях, коррупции и праздности, страдавший от малярии и сокращения населения, чтивший республиканские традиции и античные языческие религиозные обычаи древних римлян, тоже не удовлетворял новым требованиям времени и тем более стратегической роли столицы Империи. Его экономические, природные и человеческие ресурсы стали куда хуже восточных, а управленческие сигналы плохо доходили до отдаленных восточных провинций, все более привыкавших к самостоятельности. С переносом столицы нового христианского мира ближе к ним они окончательно зажили особой жизнью, хотя формально все еще оставались в рамках единого гигантского государственного организма, доживавшего свои последние десятилетия.

Город на Босфоре

Константин, заложивший основы нового мира, был старшим сыном от первого брака правителя западных провинций Римской империи Флавия Констанция Хлора (305-306 гг.) и Елены Флавии, согласно преданию, христианки, дочери короля англов Кола Колчестерского, а по другой, более правдоподобной версии, – бывшей хозяйки провинциального постоянного двора и наложницы отца Константина. Констанций Хлор как цезарь должен был унаследовать свою часть владений после того, как 60-летний Диоклетиан вместе со своим сопровителем, августом Максимианом пошли на беспрецедентный шаг – добровольно отказались от власти. Но Констанций уже в 306 г. умер в Британии от лейкемии, оправдав свое имя Хлор – «Бледный», после чего солдаты в Йорке провозгласили его сына августом и тем обрекли Рим на очередную гражданскую войну, из которой Константин вышел победителем, дождавшись гибели остальных пяти претендентов на власть.

Если верить свидетельствам одного из крупнейших ученых того времени, *епископа* Евсевия Кесарийского, называвшего себя *Евсевием Памфилом*, а так-

же других биографов и историков этого великого правителя, Константин проявил себя как человек смелый, энергичный и вместе с тем осторожный. Он имел приятную внешность, был высокого роста, крепкого телосложения, обладал недюжинной физической силой и отличался ловкостью и хитроумием. Хорошего образования император не получил, но к знаниям сохранил уважение. Влиянием матери можно объяснить его терпимое отношение и постепенное, все большее склонение к христианству. Он вел воздержанный образ жизни, умел владеть собой, был вежлив, общителен и даже склонен к юмору. Однако, одолев своих соперников, других претендентов на трон августа, и в возрасте 52 лет наконец оставшись единственным единовластным императором, проявлял гневливость, жестокость, деспотизм даже в отношении членов своего семейства, впрочем, далеко не дружного, полного интриг.

Языческий историк **Зосима** злословил в «Новой истории», написанной во второй половине V в.: «...своего [старшего] сына Криспа, удостоенного... сана **кеесаря**, которого подозревали в связи со своей мачехой Фаустой, он убил, совершенно презрев закон природы, а когда мать Константина Елена стала возмущаться такой расправой и была не в силах вынести убийства юноши, Константин, как бы ей в утешение, излечил это зло еще большим, ибо, приказав раскалить сверх меры баню и поместив в нее Фаусту, он извлек ее оттуда уже мертвой». Даже если это сплетня, нет сомнений, что император был крут. Тем более не было шансов уцелеть у тех, кто пытался ему соперничать, строить козни, заговоры и мешать его далеко идущим политическим планам, которые он осуществлял весьма долго – в общей сложности более тридцати лет. Среди них значилось ошеломляющее: создание единой огромной Империи, освобожденной от мучительного хаоса прежних гражданских войн и руководимой государем-монархом, абсолютную династическую власть которого никто не имел права оспаривать, а также осуществление единой религиозной политики, поддерживающей христианство и закладывающей основы отношений между императором и Церковью. Единственным источником закона теперь становится воля императора. Видимо, поэтому византийцы восприняли самого Константина как эталон государя, и в их представлении каждый следующий император был новым Константином.

Одним из самых важнейших деяний этого энергичного правителя стала организация не просто нового опорного пункта в Европе, а новой постоянной столицы Империи на Востоке. Город выстроили на месте известной еще **Геродоту** древней мегарской колонии **Византий**, с VII в. расположившейся на побережье пролива **Босфор**.

*Древнегреческая легенда гласит, что когда в 670 г. до н. э. жители города Мегары на западе **Малой Азии** решили основать новое поселение – **апоикию**, они, как полагалось, обратились за советом к прославленному оракулу бога Аполлона в Дельфах. По одной из версий мифа, предводитель колонистов с необычным именем Виз или Визант получил от оракула указание возвести город на фракийском мысу, где рыба и олени водятся в изобилии.*

Прибыв на берега Мраморного моря, у южного входа в пролив Босфор, Визант и его спутники окинули взором прекрасный пейзаж и стали совершать положенное перед закладкой поселения жертвоприношение. Вдруг прилетел огромный коршун, схватил жертвенное животное и отнес его на холмистую оконечность особенно удобно расположенного Босфорского

мыса. Посчитав случившееся добрым знаком богов, переселенцы решили на том месте, куда коршун унес добычу, построить город. Новая колония, по традиции, получила название Византий, по имени её отца-основателя, и избрала символом своего города полумесяц в честь покровительницы, богини Артемиды.

Во время гражданской войны в Римской империи в 196 г. город после двухлетней тяжелейшей осады, когда среди осажденных дело дошло до каннибализма, был разгромлен войсками могучего военачальника, сурового, безжалостного, неразборчивого в средствах, «солдатского» императора Септимия Севера, поскольку поддерживал его противника, Писциния Нигера. Но затем, после страшной расправы, он был возвращен к жизни, восстановлен и украшен, став еще больше по размерам.

Ранней осенью 324 г. римский император Константин, преследуя соимператора Валерия **Лициния**, своего разгромленного последнего соперника, окончательно разбил его у Хрисополя, малоазийского портового городка, который находился напротив Византия. Тогда то он и оценил на редкость удобное положение Византия как военно-морской базы на Мраморном море и Босфоре, которую можно защищать без особого труда, и решил устроить здесь сильный укрепленный пункт с императорской резиденцией, постоянными военными силами, мастерскими по изготовлению оружия, амуниции, имперскими конными заводами. Используя доставшиеся ему богатства Лициния, он увеличил город в пять раз по сравнению с городом, восстановленным Септимием Севером, по сути дела, заложил его занова. Малоизвестный дотоле маленький гарнизонный городок Византий начал превращаться в растущий политический, торгово-экономический и культурный центр пока еще объединенной, единой Римской империи.

Предание, пересказанное вскоре после смерти Константина I, его биографом, Евсевием Памфилом, повествует, что, начиная строительство, император взял в руки копье, дабы самолично отметить им границы будущей столицы. Он все шел с ним и шел, чертя линию на земле. Сопровождавшие его придворные, видя чрезвычайные размеры города (около 370 гектаров), с удивлением стали спрашивать его: «Докуда, государь, ты пойдёшь?». Он же многозначительно ответил им, намекая на помощь небесных сил: «Я пойду до тех пор, пока не остановится некто, идущий впереди меня!». Там, где видимый только Константину небесный посланник вонзил в землю меч, и были заложены новые оборонительные стены. Император, имя которого со временем передадут городу, одновременно с языческим «освящением» в понедельник, 11 мая 330 г., в серебряный юбилей своего правления, посвятил Новый Рим – Неа Роми христианскому Богу, справив «**Таинство** Таинств» – Божественную **литургию**. Примечательно, что император появился на торжествах в диадеме – символе власти восточных деспотов, которой его римские предшественники избегали. В этом тоже крылся намек на новые отношения.

Вновь отстроенный город действительно получил новую жизнь. Он был прекрасен, обладал великолепным климатом, плодородными окрестностями и рыбными ловлями. Как позже писал византийский **ритор**, историк **Прокопий Кесарийский**, Константинополь был как венком «окружен голубым морем и сияющей красотой рощ, окаймляющих береговые бухты». Стремясь выделить его

из массы прочих провинциальных *полисов*, Константин привнес в него черты и обычаи старой столицы Римского государства. В двух километрах к западу от древних крепостных стен Византия он повелел выстроить новые высокие оборонительные стены, получившие его имя, даровал византийцам право на 80 тысяч порций бесплатного государственного хлеба – единственного, чего здесь не хватало, украсил город колоннами, статуями, *обелисками*, вывезенными из других античных центров Европы, Африки и Малой Азии, выстроил несколько десятков роскошных дворцов – палатив и храмов – кириаконов, в частности, здание Сената, намного более крупное и роскошное, чем в Риме, патриарший храм Св. Ирины, а точнее, Айя Эйрене – Святого Божьего Мира, *базилику мученика* Мокия на кладбище и церковь мученика Акакия на берегу бухты. К слову, во дворе ее находилась священная реликвия – дерево, на котором был повешен этот чтимый мученик. Стараниями Константина был устроен форум, Капитолий, водопровод, позволивший со временем соорудить более полутора сотен бань, громадный *ипподром*, два великолепных театра – важнейших показателей городского благосостояния, унаследованных от античных времен. Он удлинил и расширил улицы за счет галерей, портиков, устроил новые кварталы – копии римских, наполнил город садами, великолепными резиденциями, дворцами знати. Впрочем, лишь немногие из них он дарил римским сенаторским семействам, которые крайне неохотно отправлялись служить на Восток, остававшийся для них чужим отдаленным краем. Они не задерживались здесь надолго и не оставляли своих корней. Сам Константин старый Рим никогда не любил и не стремился оставаться в нем дольше, чем того требовали дела. К старой римской аристократии, скрывавшей его действия, он, мягко говоря, не был расположен и старался опереться на новое окружение, которое сам же лепил. Поэтому ехидный ритор Евнапий имел основания связывать, что «...основатель города наполнил его пьяной, прожорливой толпой, слишком тупой, чтобы правильно произносить его имя». Тем не менее позже, уже при преемниках императора, новый Сенат, основательно пополненный крупными, богатыми, прежде всего, восточными землевладельцами, получил права и привилегии, равные римскому Сенату.

Таким образом, в правление Константина Великого началась перестройка языческих храмов в церкви-екклесии, евктирии, возведение новых христианских храмов-кириаконов, хотя нельзя сказать, что городу сразу был придан исключительно христианский характер. К тому же отправлять языческий ритуал еще не возбранялось: были лишь запрещены жертвенные воссожжения, сакральная проституция, ритуальные оргии и языческие празднества. Правда, по словам Евсевия Памфила, император посвятил Константинополь Святой *Троице* и Святой Деве Марии. Недаром со временем именно во имя *Богородицы*, воспринимавшейся как Градодержлица, здесь было отстроено несколько десятков церквей.

С чем согласны все историки: место было выбрано со сверхгениальной точностью. Город, причудливо дарованный и языческим богам, и христианскому Богу, и местным святым, находился в точке, где от Европы до Азии рукой подать. Расположенный между ними протяженный 30-километровый пролив Босфор соединял *Понт* – Черное море с *Пропонтидой* – Мраморным морем, названному ныне так по наиболее крупному острову Мармара, известному своими залежами мрамора. Через этот пролив и небольшое море, разделяющие два континента, лежащие так близко друг к другу, что «они почти целуются» друг с другом,

было легко перебраться в Малую Азию, а оттуда добраться до любой точки региона, называемого тогда *Левант*, а ныне – Ближний Восток. Из Пропонтиды через пролив *Дарданеллы*, своеобразное продолжение Босфора, можно было напрямик попасть в *Эгейское море*, а оттуда в Средиземное. Удобные морские и сухопутные пути и удаленность от особенно опасных персидской (иранской) и дунайской границ делали стратегическое положение Константинополя исключительно выгодным и для торговли, и для обороны, и для снабжения зерном, продовольствием его быстро растущего населения. Лучшим доказательством гениальности выбора Константина является то, что город устоял перед всеми нападениями, выдерживая из столетие в столетие атаки и осады. Ни из какой другой точки не удалось бы столь успешно координировать военные действия против врагов, грозивших одновременно с запада и с востока.

Огромный треугольный мыс, где расположилась новая столица, с восточной стороны был приподнят, словно рог носорога (Карта 8). С южной стороны он омывался ослепительной водной гладью Мраморного моря, а с северной – изогнутым заливом протяженностью шесть с половиной километров. По своей форме он получил у византийцев удачное название Керас – Рог. Нередко его именовали *Хрисокерас* – дословно *Золотой Рог*. Великолепный залив в самом широком месте, у входа превышал полкилометра, имел глубину более тридцати метров и был удобной естественной, очень вместительной, спокойной гаванью, – казалось, сама природа позаботилась, чтобы это место превратилось в крупнейший и прекрасно защищенный порт мира. Отсюда, как из рога изобилия, в город с судов поступало огромное количество товаров, а сеть сухопутных дорог, уходящих на континент, позволяла поддерживать связи с западным миром.

Тем временем старый Рим все больше превращался в захолустье и уходил в прошлое как основная столица мира. Численность, а главное, значение его населения постоянно сокращались, тогда как новая столица непрерывно росла во всех отношениях. Церковный Вселенский собор 381 г. в Константинополе охарактеризовал этот город как «Новый Рим» и установил «преимущество чести» для ее епископа, «уступающего лишь епископу Римскому». В первой половине V в. о Константинополе говорили и писали как о «Втором Риме», а благодаря растущему обилию доставляемых отовсюду христианских реликвий, иногда именовали даже Новым Иерусалимом. В 451 г., вместе с введением взамен архиепископа титула Патриарх, его признали центром *Патриархата*, распространявшего свою церковную власть на территории *епархий Фракии* в Европе и Понта в *Малой Азии* (северо-запад *Балканского полуострова*, Подунавье и север современной Турции). С этого же времени в императорских конституциях к имени города стали прибавлять эпитет «царский». Из трактата-описания следует, что Новый Рим насчитывал тогда 323 улицы, состоявшие из 4383 жилых домов, 20 государственных пекарен, работавших только на тех, кто получал бесплатно раздаваемый хлеб, и еще 120 частных пекарен. Численность его жителей достигла приблизительно пол миллиона человек, и скоро он стал наиболее населенным пунктом Империи.

Для защиты столицы от внешних врагов с суши уже при Константине Великом выстроили огромную крепостную стену, которая шла от бухты Золотой Рог до Пропонтиды. В первой половине V в. ее заменили новой стеной, еще более мощной, поскольку к этому времени было принято решение увеличить терри-

торию города почти вдвое, хотя она и так достигала невиданной величины – 700 гектаров.

Впрочем, поначалу город не мог соперничать как по размеру, так и по красоте с такими древними и величественными городами как спесивая, наполненная крикливыми толпами торгового люда, египетская *Александрия* или сирийская *Антиохия*. Примечательно, что императорский двор и высшие государственные службы, некоторое время, как и прежде, все еще переезжали с места на место, следуя по традиции за императором. До середины IV в. они находились в Антиохии, крупнейшем и богатейшем центре *Сирии*, и окончательно обосновались в новой императорской резиденции на берегу Босфора лишь в 359 г. Через пятнадцать лет здесь наконец осели государственные архивы. Только через сто лет после основания население Константинополя превысило население старого Рима. Но отношение к городу как к действительной и, заметим, единственной имперской столице оформилось лишь к последней четверти V в., когда германцами был свергнут последний император Рима, завершился процесс формирования Ромейского царства, греческий язык заметно потеснил латынь в качестве официального языка местного управления и большой, многолюдный Константинополь, «царский город» или просто Полис – «Город», как его все чаще обычно называли ромеи, один стал представлять собой Империю. Так что до поры до времени «Новый Рим» служил лишь символом перемен, которые произошли не в один момент.

Загадки власти государства ромеев

На протяжении IV в. формально все еще единая Римская империя, раскинувшаяся на огромных территориях Европы и Азии, то и дело уже делилась между несколькими императорами. Поэтому не было ничего нового, когда в 395 г. после смерти 50-летнего императора Феодосия I, она, как выяснилось в недалеком будущем, окончательно распалась на две самостоятельные части. Восточной надлежало управлять из Константинополя, а западная, с центром в Риме, считалась подчиненной ей.

Умерев во время визита в североиталийский Медиолан – Милан, последний император, еще повелевавший всем Средиземноморьем, успел завещать западные владения младшему, 10-летнему сыну Гонорию, а восточные – старшему, 17-летнему Аркадию. Так в руках этого юного владыки, которого одни византийские историки называли благочестивым и грозным, а другие – кротким и безвольным, оказалась лучшая часть того, чему предстояло стать великой Византией. Впрочем, даже в тот момент разделение не воспринималось как непоправимое. Напомним, что Империя все еще считалась единой и до 438 г. абсолютно все декреты принимались от имени обоих императоров – и Востока, и Запада. Лишь после 476 г., когда восставший командующий германскими войсками, вождь Одоакр, объявленный своими воинами королем, убрал с трона западного римского императора малолетнего Ромула Августула и отослал *регалии*-знаки его власти в Константинополь, владыка этого «священнейшего города», как до того называли только старый Рим, стал единственным легитимным правителем римского Востока и Запада, законную верховную власть которого признавали короли варваров.

Ромеи справедливо считали себя прямыми наследниками Древнего Рима, более того, гражданами этого самого Рима, и не видели четкой границы между

его и собственной историей. Поэтому довольно затруднительно определить точную дату рождения Ромейского царства. Споры на эту тему бесполезны. Одни исследователи полагают, что следует вести отсчет истории Византии с основания-освящения Константинополя в 330 г.; другие связывают ее возникновение с разделом единой Римской империи на Восточную и Западную, что произошло постепенно в течение 395-438 гг. Некоторые же считают, что говорить об истории византийской монархии следует лишь с VII в., когда Ромейская империя потеряла свои восточные и северные провинции в результате лихих арабских завоеваний и мощного напора славянской колонизации. Каждый из них прав лишь отчасти, ибо сплав старого и нового не получается в одночасье: новое государство, формально родившись в IV в., постепенно трансформировалось в христианскую правовую монархию, уже в V в. приобрело собственное лицо, институты, ритуалы, стиль правления, но изначально имело особые социально-экономические условия развития, отличные от тех, что знал попавший под власть диких германских народов Запад.

Византийское правительство с самого начала позаботилось, чтобы народы, населяющие Империю, стали оплотом православия. Важно также учесть, что Византия была типом древней Империи. За ней стояло то славное прошлое, которого не было и не могло быть у варварских государей Европы при всей их свирепости и безмерной храбрости. Верховенство здесь принадлежало единственному и неповторимому христианскому императору. Его именовали также августом, *деспотом* или *василевсом* (в переводе с греческого – «царь», что в свою очередь представляет славянский вариант слова «цезарь»).

Император ромеев был высшим магистратом в государстве, но считалось, что он получает власть от Бога и является Его другом. «Мною цари царствуют» – утверждало *Священное Писание*. Уже Константин Великий закрепил понятие «богоизбранный царь». Ромеи говорили, что таковой «...ниже только Бога и следует сейчас же за Богом». Подобное местоположение императора Византии где-то на пол пути к Небесам обеспечивало ему почитание, более того, даже благоговение, обожание подавляющего большинства его граждан, исповедующих христианство. Недаром в перечне добродетелей именно «евсейей» – благочестие числилось одним из важнейших свойств царя.

Однако вызывающими уважение, неоспоримо священными, полагали византийцы, являлись императорский пост и сан, а не сам монарх как человек. В каком-то смысле это была административная должность, порожденная структурой государственного аппарата, и, значит, можно было стать царем, сделав карьеру в этом аппарате. В результате на троне мог оказаться как наследственный император, рожденный и воспитанный при дворе, так и его соправитель, не обязательно, сын или брат, а зять, племянник, другой родственник, а то и просто «усыновленный» фаворит, выскочка, которому способствовали талант или просто удача. Восстание против василевса как личности недостойной трона, неумелого, плохого, неблагочестивого правителя, не радевшего о благе подданных, не осуждалось, тем более, если мятежники выходили победителями и кто-либо из них узурпировал, то есть захватывал власть.

Кроме того, ромеи считали, что императорская власть не всегда дается Богом, и не о всяком василевсе можно сказать, что его власть божественного происхождения. При Божьем попущении и диавол тоже может доставить престол

своему избраннику. Тогда это будет недостойный «тиран», либо тот, кто сперва получил по заслугам высшую власть от Бога, был избран Богом, а затем забыл о подданных, стал творить произвол, несправедливые дела, грешить, высказывать неуважение к христианским догматам, учению, впал в нечестие и в итоге оказался наказан Господом. Этот божественный гнев проявлялся в катастрофах, поражениях, которые обрушивались на Империю, а самое главное в том, что само Небо посылало плохому императору соперника, победа которого свидетельствовала, что Бог оставил предыдущего правителя.

Как бы то ни было, ромейский император был единственным, кто не имел господина, абсолютно свободным, зависевшим на этой земле только от самого себя и от Бога. Все остальные были его подданными – иппиками, политами-гражданами, народом (димос, лаос) или слугами, но в переносном значении обозначались одним греческим слово «дулы» – рабы. Поэтому даже могущественному генерал-губернатору целого края ни коим образом не было зазорно назвать себя «прирожденным рабом» императора и уж тем более пасть перед ним ниц : между царем и его подданными нет места стыду. Понятие собственного достоинства, обычно сопряженного с сословной привилегированностью или личными заслугами, в этой системе координат отсутствовало, а точнее, ассоциировалось с занимаемым положением, саном, чином. Сам же император, даже имея коронованных соправителей, правил как неограниченный монарх, откуда и происходил его титул – *автократор* (в переводе с греч. «самодержец», а точнее, «единоправец»), а централизованная *монархия* – власть одного правителя понималась как справедливое и законное правление такого автократора. Критике мог подвергаться конкретный император – тот или иной человек, но не священная идея монархической власти и ее божественного происхождения.

Долгом автократора было наблюдать за происходящим в государстве и отвечать за все, подписывать чернилами из *пурпура* практически все государственные документы. Он был главой правительства, руководителем внешней политики, сердцем администрации, единственным законодателем, верховным судьей и главнокомандующим армией, вождем и защитником народа. От его имени юристы редактировали законы, отвечали рескриптами-предписаниями на многочисленные запросы дворцовых канцелярий и наместников в провинциях. Императору ромеев надлежало демонстрировать справедливость, расточать благодеяния, милости, всячески проявлять благочестие и высшую добродетель – *филантропию*, то есть заботу, попечение, касающиеся исключительно всех своих подданных, христианских верующих. Они должны были своими молитвами помогать государю в его деятельности. Но он же мог судить, казнить их, приказывать калечить, конфисковывать имущество, отправлять в ссылку, изгнание. Его воля простиралась даже на Церковь. Все должны были ему повиноваться и молиться за него как за «Отца Ромеев» – «Патер Ромаион», главу одной большой семьи, состоящую из верноподданных.

Большинство правительственных ведомств получали указы напрямую от императора, а его основные помощники, которых он был волен назначать и смещать, являлись придворными. Это главная причина, по которой византийская администрация была весьма централизованной. Уже в III в. утвердился принцип римского права: «То, что угодно императору, имеет силу закона». Только он один – живой закон был свободен от обязательного его соблюдения, что, впро-

чем, означало, что император может создавать законы, но не злостно нарушать их. Считалось, что подобное превращает его в тирана.

Власть государя ромеев была полной, а каждодневная жизнь подчинена жесткому этикету. Официально принятый, сложный императорский церемониал – система сложившихся традиционных ритуалов презентации власти подчеркивала порядок и стройность жизни Империи, величие ее императорской власти, священный статус, недосягаемую высоту царского трона. Именно этим, полагали ромеи, их жизнь отличается от жизни варваров, дикарей, инородцев-эфников. Придворный этикет, праздничная церемониальная культура, ее зримые акты несли в себе этический заряд, создавали положительный, умиротворяющий эффект, порождая у зрителей и участников обрядов самые просветленные и жизнеутверждающие эмоции.

Так, поначалу византийских императоров провозглашали в соответствии с древним обычаем, ставя на щит и поднимая его на нем перед армией и собравшимся народом. Церковь не играла никакой роли в божественном выборе. Позже, в 457 г. этот способ информировать страну о восхождении на трон Империи нового монарха был заменен религиозной **церемонией** – **Патриарх** Константинополя благословил на царство уже коронованного нового государя, освятив его как личность. Но только с VII в. стала осуществляться коронация царя Патриархом в главной церкви столицы – Святой Премудрости Божьей – Святой Софии, заложенной при Константине Великом. Патриарх читал в алтаре **молитву** над **короной**, перед тем как под шумное одобрение собравшихся верующих возложить ее на голову императора, как положено, подписавшего обет верности. В свою очередь все присутствующие подданные коронованного василевса в строго определенной последовательности подходили к трону и клялись избраннику в верности.

Со временем коронацией в виде религиозной церемонии стало сопровождаться и объявление **соправителя** императора, только происходила это не в Св. Софии, а в одной из дворцовых церквей, где Патриарх, благословив корону, передавал ее императору, который, как и в случае коронации его жены, сам возлагал ее на голову **соправителя**. Старший **соправитель** в свою очередь назначал себе **собственного соправителя** и преемника, который получал титул **кесаря**, чтобы отличаться от императора и его прямых наследников. Если **соправителем** была женщина, ей присваивали титул «августа» (ударение на букве «у»). Однако никогда у власти в ранней Византии не было более одного правителя с максимум двумя **соправителями**.

В присутствии монарха всем, кроме Патриарха, полагалось стоять. Даже члены правительства в присутствии автократора все заседания проводили стоя. К императору нельзя было обращаться непосредственно. Кроме того, все его ближайшие подданные, включая родственников, в знак приветствия совершали имеющий давнее происхождение ритуал почтения, более того – святого поклонения императору – **проскинесис**, для чего падали перед ним ниц, вытянув вперед руки¹, или совершали глубокий земной поклон, становились на колени. С VI в. это превратилось в особую почетную привилегию, которую осуществляли лишь те, кто допускался к торжест-

¹ Эту позу до сих пор используют монашествующие, когда приносят обеты.

ственным выходам, **парастасиям** – праздничным или будничным приемам монарха, хотя в контексте ритуала почтения проскинису в Византии совершали и в отношении других высших лиц общества и государства. Иногда это сочеталось с церемониальным целованием императора – **аспасмом**. К примеру, сенаторам дозволялось поцеловать грудь государя справа, когда он наклонялся, чтобы поцеловать их в макушку.

Когда император появлялся на улицах города, его как посланника Бога приветствовала толпа. Хоры, собранные из горожан, стояли по ходу движения процессии и пели гимны в честь царя. Перед ним несли свечи, факелы и кадила.

Огромный штат придворных чиновников состоял при особе императора и императрицы, управлял их личным и государственным имуществом, командовал отрядами придворной гвардии и стражей василевса.

Власть являла собой символ. Византийская чиновная знать использовала для этого разные отличительные знаки на одежде в виде окрашенных или вышитых ромбов, квадратов, кругов, полос, углов, крестов, каймы (так называемых **клав**), а также золотые пояса, бляхи и застежки. Особо надо остановиться на роли золотого пояса. Он являлся как бы паспортом владельца, свидетельствующим о месте в чиновной или военной иерархии и о высоком социальном положении его носителя. Это наглядно иллюстрирует история, рассказанная византийским историком начала VII в., **Феофилактом Симокаттой**, – история об одном из телохранителей императора Маврикия (582–602 гг.), знатном юноше. Он был убит дружинником – варваром, похитившем с мертвого «золотой пояс с прекрасными украшениями». Убийца попросил столичного мастера золотых дел перелить украшения этого пояса: «Мастер, заметив, что отдельные части пояса сделаны замечательно, что форма сгибов обличает высокое положение владельца», сопоставил это с варварской внешностью его мнимого хозяина и передал начальнику полиции – **претору** свои подозрения. Варвар пытался хитрить, обманывать, говорил, что пояс из воинской добычи, захваченной в бою, но под пытками сознался в преступлении и был, как полагалось, казнен. Из рассказа **Иоанна Эфесского**, церковного историка конца VI в., известно также, что пояс жаловался военачальнику самим императором как **инсигния**, по-гречески **симея** – знак, символ власти, и по приказу мог быть снят, срезан, сорван, что сразу же лишало владельца пояса его статуса.

Автократор тоже имел свои царские инсигнии, среди которых значились парадный меч и царский трон, причем под последним, важно учесть, иногда понимался сам город Константинополь, как «престол» Вселенной, расстаться с которым для царя было совершенно немислимо. Голову императора ромеев украшали увенчанный крестом венец – **стемма** в виде двух обручей с **пропендулиями (катастасиями)** – подвесками из жемчуга и драгоценных камней, либо **диадема** – легкая открытая корона в виде ленты или полукруга. Парадное облачение было очень тяжелым. В него обязательно входил **лор** – широкая, обильно расшитая драгоценностями перевязь, спускавшаяся вдоль груди до пола: если верить одному арабскому послу, она состояла из тридцати тысяч жемчужин! Только император мог носить башмаки – кампагии пурпурного цвета и пурпурный плащ – **порфиру** с особым

отличительным знаком – **тавлионом** на спине в виде золотистого ромба. Самовольное их ношение расценивалась как претензия на престол, узурпация власти. Такого же цвета была кlava – широкая кайма на его одежде. Пурпур (по-гречески влатта, по-древнерусски – порфир) добывался из моллюсков морских пурпурных улиток (*Murex brandaris*) и высоко ценился. Краска улитки-багрянки заключалась в маленькой железе с жидкостью, поначалу бесцветной. Будучи извлеченной на воздух, она становилась красновато-пурпурной. Для того, чтобы получить один грамм такого красителя надо было обработать до десяти тысяч улиток-багрянок. Сырье для этого поставляли специальные ловцы мурекс, или улиток, – **мурилегулы** и **конхилиолегулы**, главным образом, из восточного Средиземноморья (Сирия и юг Малой Азии).

Пурпурный цвет – красновато-фиолетовый, темно-багровый или лилово-красный (цвет бордо). Это был цвет Византии. Лишь царя хоронили в мраморном саркофаге из красивого красного порфира (порфирита). Эту разновидность мрамора добывали в северной Африке до V в., а потом его производство прервалось после захвата этих территорий варварами. Он был на вес золота и резервировался за колоннами в честь императоров или местами, где в течение долгого времени должен был стоять император. Такие круглые возвышения обычно называли **омфалами** – «пупами». Само золото тоже было императорским цветом. При этом блестящие доспехи, расшитые одеяния гармонировали с белоснежной чистотой – от **туники** до светлого лика всего облика государя.

Символом божественной природы императорской власти в ранней Византии была Десница Божия, которую, как символический образ Бога Отца, изображали появляющейся из облака и держащей корону или венок над головой императоров или императриц. Для этих же целей служил нимб – сияющий круг над головой Божиего избранника. На подвесных печатях императора изображали в полном властном облачении, держащим в правой руке державу – большой шар с крестом – еще один символ власти, а в левой руке – нечто похожее на короткий жезл или свиток. На самом деле это еще один, очень своеобразный символический предмет – **акакия**, пурпурный шелковый мешочек цилиндрической формы, наполненный землей, прахом. Он должен был напоминать самодержцу о смерти, грешности, зыбкости власти и его самого и служить отражением величественной, полного глубокого философского смысла концепции стремления к вечно недостижимому идеалу. Позже, с VIII в. прах – акакию все чаще стали заменять золотым ларцом, но тоже с землей, или иной сimeей-инсигнией – большим крестом на длинной рукоятке.

Как символы, священные знаки власти, византийские императоры на память о себе оставляли в храмах – кириаконах, еkkлeсиях императорские одеяния, тоги, венцы и даже портреты.

Ромейское царство являлось типичным авторитарным государством, но со своими неповторимыми особенностями, которые нарушали правило авторитарности. Согласно римской традиции, каждое ответвление византийской власти, Церковь, общественные организации и бюрократические службы были тщательно централизованы, регламентированы и разграничены. Как уже было сказано, перед лицом царя все одинаково считались рабами, холопами – от первого мини-

стра до убогого крестьянина. Тем не менее это не было диктаторское государство, поскольку его граждане были до известного предела свободны, независимы, индивидуальны, а сам император обязан был править в интересах и на благо всех подданных, включая низшие слои общества, защищать от чиновников тех, кого называли пенитес. Византийские императоры были озабочены регулярностью правосудия и компетентностью, неподкупностью судей, их независимостью от знати, правящих и имперских агентов. Последнее достигалось получением достаточного жалования судьями, хорошим знанием ими права, клятвой всегда служить истине и письменными заверениями приговоров их личной подписью, от которой невозможно было отвертеться. Решения местных судов, гражданских и церковных, могли быть обжалованы и рассмотрены снова в другом местном суде, но постановления верховного, то есть императорского суда считались окончательными.

Важно заметить, что власть самого византийского государя, строго говоря, не была ни выборной, ни наследственной. Ромеи, как и древние римляне, полагали, что народ не умеет выбирать и поэтому может привести на трон худшего из кандидатов. Родство тоже не является гарантией получения власти людьми достойными и способными. Представление об избранности императора Богом и только Богом долгое время, до конца IX в. исключало в Ромейском царстве любые правила наследования.

Впрочем, сам автократ как держатель абсолютной власти мог назначит своего наследника и соправителя, и, как сказано, даже не одного, но лишь заручившись законной поддержкой армии и *синклита* (в переводе с греческого – сенат). Это был совещательный, консультативный орган, чья основная задача состояла в разработке проектов законов, передаваемых на рассмотрение императору. Кроме того, он мог, по требованию императора, играть роль судебного органа. Синклит состоял из крупных сановников, которые носили наследственный титул *клариссима* (clarissimus) – «светлости, светлейшего», по-гречески лампротата. Они назначались пожизненно, в отличие от других должностных лиц, звания которых император мог даровать или отбирать по своему усмотрению. Синклитики сознавали, что, наравне с армией и народом, исполняют таким образом волю Божию. С течением времени их власть то усиливалась, то ослабевала. В любом случае ранневизантийский сенат становился важнейшим органом после смерти императора, когда вместе со старшими военачальниками санкционировал восхождение на трон следующего правителя или даже избирал его.

Синклитиков Константинополя выбирали из высших чинов придворных. Но чиновниками становились не только выходцы из родовой знати. Уже с IV в. возникает новый тип карьеры сенатора – через службу в государственном аппарате, число ведомств которого все росло и росло. Поэтому старая сенатская знать постепенно уступала место новой служилой аристократии. Теоретически любая должность была открыта кому угодно. Поэтому в ряды этой социальной элиты, в высшие слои общества случалось попадать, а значит, дослуживаться до самых высоких постов и простолюдином, обладавшим личными способностями, талантами и образованием, особенно в области права, а не только семейными связями, протекцией. Ведь работа государственной системы была основана на создании и хранении сложной письменной информации, которой надо было владеть. Причем

до VII в. карьеру можно было сделать не только в Константинополе, но и в иных крупных центрах, таких как Александрия и Антиохия.

В середине IV в. в дополнение к титулу «светлейший» для пребывавших на имперской службе были введены наследственный титул **иллюстрий** (*illustris*) – «сиятельство, сиятельный» и, более низкий, не наследственный **спектабиль** (*spectabilis*) – «великолепие», по-гречески перевелent. Впрочем, последний быстро потерял значение и к концу V в. присваивался уже не очень высоким чинам. Путаницу с санам усиливало то, что их обладатели могли получать посты как действительные, так и почетные, не требовавшие службы ни при дворе, ни в провинции. Среди их носителей были и лица, обладавшие внушительными доходами, поместьями, и не очень богатые, даже находившиеся в стесненных обстоятельствах, но кичившиеся своим саном.

В середине VI вв. были введены еще два высших титула – **глориос** (*gloriosus*), «славность», «наиславнейший», по-гречески **эндокс** или **эндоксотатос**, и **магнифик** (*magnificus*), «превосходительство», по-гречески **мегалопрепестат** – «велепреподобнейший», к которым принадлежали почти все чины высшего ранга. Но аристократия эта все реже и реже была родовой, включала в себя семейства и персоны разного потенциала, часто из числа назначенных императором по своему усмотрению. Случалось, люди незнатного происхождения, – солдаты, торговцы, крестьяне, пастухи, – иногда оказывались даже на императорском троне. Этот факт при всей его исключительности нисколько не смущал ромеев. Они, как и древние римляне, считали: все свободные граждане Империи от рождения равны между собой, а родовитость – частное дело каждого. К тому же благородство человека, полагали византийцы, определяется не его происхождением или древностью рода, а его заслугами и добродетелью.

Выдающимся императорам удавалось закрепить за своей фамилией престол на два – три поколения, но как только личное значение очередного правителя ослабевало, начинались интриги, заговоры, восстания, которые приводили к власти более активного, энергичного. Чиновничество, армия, магнаты, широкие слои населения отказывались от поддержки того, кто не оправдывал их ожидания. Они могли простить самодержцу все, кроме этого. Поэтому при всем величии власти не было более беззащитной фигуры, чем ромейский царь. Узурпация власти, хоть в принципе осуждалась, была в порядке вещей. Собственно, в этом не было ничего нового: так жила и великая Римская империя, чьи традиции власти наследовали ромеи. Достаточно вспомнить, что из 55 римских императоров, правивших от Августа до Иовиана около четырех веков, 28 были убиты, а трое покончили самоубийством. Всего лишь семеро мирно пришли на смену своим отцам. После смерти Септимия Севера в 211 г. за последующие 73 года сменилось 23 императора, двое из которых правили всего по месяцу, трое – по году, и 13-летнее правление Александра Севера было из ряда вон выходящим событием. Иногда весть об избрании нового императора достигала древнего Рима вместе с вестью о его убийстве.

Византинисты любят сравнивать средневековую Германскую империю, где за тысячу лет сменилось примерно пятьдесят королей, императоров, правителей всего из пяти знатных родов, с Византией, где с 395 по 1453 г. правило семь династий, но зато сто девять императоров, включая узурпаторов. Из них две трети по-

гибли на войне или от несчастного случая, а главное – стали жертвами заговоров, дворцовых переворотов, в результате которых они насильственно или добровольно отреклись от трона, умерли в тюрьме, погибли голодной смертью, были убиты, отравлены, задушены либо искалечены и изгнаны. К примеру, достаточно было отсечь нос, чтобы удалить жертву от всех общественных функций, ибо, по представлениям ромеев, царствовать достоин был только полноценный человек. Тем самым *евнухи*, по-гречески *эктомы*, по причине своей мужской неполноценности из-за произведенной над ними хирургической *кастрации* – орхиэктомии тоже исключались из борьбы за царский венец. Но особенно часто как наиболее верное средство отстранить соперника от трона, сохранив ему жизнь, применялось *ослепление*, которое ромеи научились мастерски проводить, выкалывая, вырезая глаза, а чаще, поднося к глазам жертвы раскаленное добела железо, сжигавшее верхний слой роговицы и делавшее глаза незрячими. Того же можно было добиться с помощью столь же изощренной казни – ослепления растолченным стеклом. Для пущей верности жертву переворота можно было еще и насильно постричь в *монахи*, поскольку монашество закрывало путь в светский мир, а, значит, и возможность возврата к царской власти.

Во власти толпы

Иногда, наряду с армией и сенатом, на возведение нового императора на трон оказывали влияние *димы*. Так называли отдельные городские районы или кварталы, объединявшие по примеру древнегреческого демоса – «народа» средние слои уважаемых горожан, сообща занимавшихся коммунальными вопросами и охраной улиц. Это были прочно сложившиеся, согласованно действовавшие организации сторонников императора, причем вооруженных. Иногда из них составляли отряды городской милиции, народного ополчения, пожарной службы и от случая к случаю привлекали к обороне столицы, строительству и ремонту укреплений.

Раннюю Византию отличала необычайно большая роль зрелищ в городской общественно-политической жизни. Центральным пунктом в столице Империи и некоторых крупных провинциальных городах, таких как египетская Александрия, сирийские Антиохия и *Эдесса*, македонская *Фессалоника*, западноазиатская *Магнисия*, являлись римский цирк, или, как его было принято называть в восточных, грекоговорящих провинциях, ипподром, поскольку он действительно предназначался главным образом для конных бегов. Каждое такое спортивно-развлекательное сооружение было не просто любимым местом времяпровождения населения, но государственным учреждением. Посредством его государство стремилось обеспечить массовые, бесплатные, а поэтому доступные любым социальным категориям мероприятия, ибо от благосклонности простого народа в немалой степени зависела власть императора, прочность его престола, да и совместное времяпровождение низов вместе с сановниками, богачами, а в столице – с самим императором создавала иллюзию некоего равенства, возможности общения разных слоев населения.

За организацию игр в Константинополе отвечал столичный градоначальник – *префект* города, или *эпарх*, субсидировал их лично император или богачи из местной знати, но непосредственно устройством конных ристаний и обеспечением их всем необходимым занимались упомянутые выше димы. Они же участвовали в официальных царских и государственных церемониях. Их главы – *ди-*

мархи или *димократы* даже имели дворцовые чины, причем довольно высокого ранга. Самое главное, димы были связаны с так называемыми цирковыми партиями или группировками Ипподрома, на которые делилось население Константинополя и некоторых значительных провинциальных городов Империи.

Необходимо подчеркнуть, что, как и синклит, эти группировки димов имели права и пользовались ими. К примеру, они могли напрямую обращаться к местному представителю государственной власти, если дело происходило в провинции, или даже к императору в столице. Им же принадлежала власть, своеобразная «димократия» – власть *димотов*, которую ни в коем случае нельзя понимать как власть всего народа, и которая временами выливалась в общественные беспорядки, восстания горожан – «активистов», в анархию и хаос толпы. Следует также помнить, что вокруг организации зрелищ и от участия в них так или иначе кормилось огромное количество людей, как подчеркивал историк Прокопий Кесарийский, – «...почти бесчисленное количество». В любом случае это была спланированная сила, способная выражать волю и интересы широких слоев ромеев, по крайней мере, всего населения города.

Константинопольский главный Ипподром отличался особой пышностью, размерами и великолепием. Его громада располагалась в самом престижном центральном районе города, в непосредственной близости от монументального архитектурного комплекса *Большого императорского дворца*, раскинувшегося между берегами Босфорского пролива и Мраморного моря (Карта 8). Столичный Ипподром был построен по образцу римского Большого цирка – *Circus Maximus* суровым императором Септимием Севером еще в 203 г. и перестроен, значительно увеличен через столетие Константином Великим. Его здание в виде лежащей буквы П ромеи называли *стама*. С одной стороны стама изгибалась мощным каменным полукругом на циклопическом фундаменте и именовалась *Сфендона*, а с другой, торцевой стороны была прямой. Именно здесь размещались восемь ворот, служивших входом для зрителей, а еще четверо ворот скрывали за железной решеткой так называемые *Карцеры*, стартовые места колесниц и одновременно стойла для лошадей, участвовавших в забегах. Общая длина огромного столичного Ипподрома, со временем ставшего способным вместить 30, 60 и даже 80 тысяч зрителей, росла от перестройки к перестройке в V-VI вв. и составляла по разным данным от 370 до 480 метров, а внешняя ширина – от 117 до 180 метров. Ныне все, что от него осталось, лежит в турецком Стамбуле под четырехметровой толщей земли, на которой разбит парк и две площади, одна из которых – Ат Майданы так и переводится – Площадь лошадей.

Арена для гонок колесниц достигала 170 метров в длину и 79,5 метров в ширину. Ее пересекал, деля на два трека – беговые дорожки шириной до 35 метров, невысокий барьер, а по сути, двойная стена общей шириной около 10 метров, которую ромеи называли «Спина» (ударение на «и») – от латинского «колючка, шип», из-за стоящих в ее промежутке монументов. Здесь были великолепные колонны, высоченные, громадные четырехугольные порфирные и каменные обелиски из Египта, в том числе покрытые позолоченными бронзовыми пластинами, а также бронзовые и мраморные статуи знаменитых ваятелей древности, жертвенники из великих храмов *античности*, бронзовые изваяния диких зверей. Особенно впечатляли отлитые из меди знаки зодиака, а также привезенная из Дельф огромная бронзовая чаша – треножник на восьмиметровых винтообраз-

ных подпорах из трех извивающихся змей и гигантская статуя Геракла работы выдающегося древнегреческого скульптора III в. до н. э. Лисиппа. Теперь в эти прославленные творения вкладывали иной, философский или магический смысл, они служили иным временам и умы христиан не смущали. Даже статуи Афины или Минервы стали олицетворять Софию – Премудрость Божию, а изображение египетской Исиды с младенцем Гором удобно превратилось в прообраз Богоматери. Другие, менее понятные, служили просто для потехи – символами древней культуры, наследниками которой чванливо осознавали себя ромеи. Позже, с приходом средневековья их станут бояться, находя в них нечто непонятное, а значит, зловещее, таинственное.

На одной из сторон Ипподрома, почти в самом центре трибун находилась императорская ложа – *Кафисма*, дословно «сидение», которая имела вид двухэтажной лоджии с изумительными мраморными, порфирными и гранитными колоннами. Она соединялась с Большим императорским дворцом крытой, похожей по форме на улитку своим закругленным ходом винтовой лестницей – *кохлией*, дословно «улиткой». Император появлялся здесь, не смешиваясь со зрителями, и в случае опасности, возникших беспорядков всегда мог скрыться за надежной, массивной бронзовой дверью Кафисмы. Ниже, под Кафисмой, на террасе-балконе, защищая василевса от нежелательных контактов с кем бы то ни было, располагались его телохранители, царская стража, и здесь же, в пространстве, окруженном коринфскими колоннами, император вручал награды счастливым победителям. Справа и слева от Кафисмы находились места для сановников, чиновников и прочих привилегированных зрителей.

Остальная часть Ипподрома была опоясана тридцатью, а, может быть, и сорока рядами деревянных (с X в. – каменных и мраморных) ступеней высотой 38 сантиметров, на которых восседал простой люд. Места были бесплатными, но есть основания полагать, что для прохода на трибуны требовалось получить специальный жетон – тессеру. Наиболее предприимчивые заранее, задолго до начала игр, иногда с ночи, пробирались на трибуны с целью занять самые выгодные, с лучшим обзором места, чтобы потом продать их желающим. Не сумевшие попасть на ипподром забирались на любые окружающие возвышенности, крыши зданий, как это происходило в Антиохии. Ну а тем, кому повезло, могли рассчитывать на трибуны с сиденьями, каждое из которых имело достаточно ширины – до 70 сантиметров, чтобы не чувствовать тесноты, а для мягкости служили свернутый плащ, тюфяк или подушка, захваченные с собой из дома. В проходах трибун для полного комфорта можно было воспользоваться лотками со съестным или туалетами. Над последним рядом ступеней трибун возвышалась легкая галерея, богато украшенная статуями, и, самое главное, по примеру римских цирков, был устроен солнцезащитный матерчатый тент – козырек на длинных горизонтальных шестах, прикрывавший зрителей от зноя или дождя. Под высокими трибунами хватало места и для разнообразных служебных помещений.

О том, как привлекал Ипподром жителей Константинополя, говорит характерный случай, о котором повествует Житие Св. Маркиана Эконома. Один богатый горожанин долго не соглашался уступить свой участок земли, понадобившийся для возведения задуманной императором Юстинианом Великой новой церкви Св. Софии. Ему предлагали хорошие деньги, но он упорно отказывался. Тогда власти, придравшись к тому, что участок

загрязнен, бросили упрямы в темницу. Но ни тюремное заключение, ни тюремные блохи и клопы, ни голод, которым его пытались сломить, не возымели действия. Лишь узнав о предстоящих долгожданных бегах и поняв, что ему на них никак не попасть, злополучный владелец уступил. Продав свой участок практически за бесценок, его бывший хозяин, говорят, сумел таки попасть на Ипподром и насладиться бегами колесниц.

Для таких людей, как отмечал знаменитый антиохийский ритор IV в. Ливаний, «...весь интерес в жизни – победит тот или иной возница». Даже духовные лица, церковнослужители – **клирики**, которым соборные постановления строго воспрещали посещать бега, не в силах были противиться увидеть это «сатанинское позорище ипподрома», «соперничество конями», «смертоносное наслаждение», как в одном из писем назвал прельстительное зрелище ристаний ученик Иоанна Христостома, монах **Исидор Пелусиот**.

Видать, не избегал такого искушения и один из самых известных богословов, Отец Церкви **Григорий Назианзин**. Уж больно наглядно он, как никто другой владевший даром слова, описал поведение фанатов-болельщиков: «Конелюбы подпрыгивают, кричат, подбрасывают в воздух пригорошни пыли, колотя воздух пальцами словно бичами, (как бы) погоняют коней». Ни теснота, ни холод и зной, ни пыль, ни шум и крики, «...ничто не портило им настроения, они были веселы как на лугу».

С IV по VII в. состязания проводились в Константинополе не менее 66 дней в году. Каждый раз посланный императором чиновник – **препосит** вывешивал на больших воротах Константинополя флаг, который заранее, за два дня оповещал всех о предстоящих бегах. В первый из них надо было получить разрешение императора на проведение игр, а второй посвятить проверке надежности ипподромных сооружений, готовности лошадей, упряжи, возниц, приветственным встречам последних с болельщиками. Специально обученные, тренированные кучера цирковых колесниц – квадриг, то есть четверок лошадей, или биг – упряжек из двух коней звались **гениохи**. Согласно обычаю римских ипподромов, они были бритоголовыми и носили одеяния четырех цветов – зеленого, синего, белого и красного в виде короткой, без рукавов туники, удерживаемой перекрещенными кожаными ремнями. Голову кучера защищал шлем, а лодыжки – своеобразные кожаные «гетры», предохранявшие от травм во время гонки.

С тех пор, как с конца IV в. Церковь окончательно запретила кровавые гладиаторские бои, а еще позже – травлю диких зверей, единственными доступными и любимыми видами зрелищ оставались унаследованные от античности дорогостоящие бега на колесницах, а иногда театральные представления, вплоть до интермедий, пантомим, акробатических упражнений, выступлений гимнастов, клоунад, которые, впрочем, при всей симпатии к ним простого народа, тоже не одобрялись и не признавались за потребное духовенством. Недаром, устраивая собрания, представления в театре или на ипподроме, их никогда не проводили в дни христианских праздников.

Церковь отрицательно относилась к ристаниям, не без оснований опасаясь, что многие христиане предпочтут игры богослужению. Современник Григория Богослова, Иоанн Христомом сокрушался по этому поводу: «Если спросить о числе пророков или апостолов, никто не сумеет открыть рта, зато о лошадях и возницах каждый готов болтать сколько угодно». Но со

временем церковные власти вынуждены были примириться со столь буйным, захватывающим зрелищем и даже постарались извлечь из него выгоды, поставив бега на колесницах под покровительство Христа и Богородицы. Перед началом состязаний все гениохи направлялись в храм, ставили свечи, принимали Святое **Причастие**, ибо неясно было, что впереди – победа, слава, а, может, тяжкое увечье и смерть. Болельщики тоже давали христианские обеты. И когда – по сигналу – колесницы с бешено молотящими копытами лошадьми, под восторженный рев десяток тысяч глоток зрителей вылетали из ворот четырех Карцеров, именно Святой Троице и Богородице ромеи возносили свои молитвы, умоляя даровать победу «своей» колеснице.

В зависимости от цвета одежд гениохов образовывались соответствующие группировки болельщиков, которые занимались только развлечениями и назывались **факциями**, или по-гречески **мерами** – дословно «частями». Первые упоминания о них относятся к правлению императора Феодосия II Младшего (408-450 гг.), но зародились они гораздо раньше, уже на заре византийской цивилизации, а наибольшего расцвета достигли в VI столетии.

Каждая факция будто спортивный клуб объединяла свою часть тех рядовых членов, кто входил в димы – димотов, собирала с них взносы деньгами и употребляла их на содержание собственных лошадей, колесниц, возниц, конюшен и даже домов и церквей. Похоже, это были наиболее зажиточные граждане, к тому же получавшие хлебное довольствие в качестве государственного благодеяния. Иногда они вкладывали в любимую команду почти все состояние, тратились на ее спонсирование, обучение, тренировку, отработку тактических приемов борьбы с упряжками соперников, содержание зверинцев, многочисленной obsługi, танцоров и актеров из группы поддержки своего «клуба». Они же на собственные средства возводили прославленным возницам статуи, случалось, даже из золота, заказывали **мелистам** – штатным поэтам своей факции хвалебные стихи в их честь.

Но главная особенность заключается в том, что постепенно факции димотов из чисто спортивных превратились в группировки социально-политические и даже идеологические, которые выражали общественные интересы той или иной части населения и как отличительный знак носили на плечах своих представителей определенный цвет. Наиболее влиятельными среди них были факция **прасинов**, дословно «зеленых» (изначально она символически ассоциировалась с весной, землей, богинями Флорой и Афродитой и объединяла главным образом торгово-ремесленное население ярко выраженной восточной ориентации, жаждавшее перемен и настроенное оппозиционно к центральной власти), и более консервативная факция **венетов**, дословно «синих» (символически она была связана с водой, морем или воздухом, богами Кроносом, Посейдоном, Герой и отстаивала интересы православно ориентированных землевладельцев, аристократии, церковной знати). Обычно **левки** – «белые», чьим символом были зима, воздух, Зевс, на правах младших партнеров объединялись с венетами, а **русии** – «красные», символически связанные с летом, огнем и Аресом, – с прасинами. Такое слияние началось уже с V в. и к началу VI в. окончательно завершилось. Через столетие в Константинополе первая группировка, называемая мера, дословно «часть», составляла около 900 венетов, а вторая мера – 1500 прасинов, но число приверженцев тех и других было гораздо больше. Кроме того, такие

«части» были и в других крупных византийских городах, располагавших ипподромами. Например, особой активностью они отличались в Антиохии и в Александрии с их бурной общественной жизнью.

В соответствии с установившимся порядком, «зеленые» располагались на одной стороне Ипподрома, – той, где была Кафисма, – но слева от нее, а «синие» – справа, дабы хотя бы таким образом избежать между ними рукопашных столкновений, которые имели не только горячую спортивную, но и социально-экономическую, политическую, даже религиозную подоплеку. Так, «торговцы»-прасины в значительной степени имели склонность к восточным неортодоксальным христианским сектам, а венеты с их поддержкой землевладельческих аристократических кругов и столичного чиновничества стойко отстаивали Православие.

Впрочем, эмоциональная групповая психология болельщиков перевешивала все это. В соответствии с худшими традициями спортивных фанатов они воспринимали соперников и их команду как врагов, пытающихся отнять у них благоволение судьбы, а значит, личное счастье, благополучие. Историк Прокопий Кесарийский с аристократической надменностью заметил по этому поводу: «В сравнении с победой над соперником для них не важны ни Божьи, ни человеческие дела. И даже женщины принимают участие в этой скверне, не только следуя за своими мужьями, но, случается, и выступая против них. Поэтому я не могу назвать это иначе, как только душевной болезнью». Эта вражду, выливавшуюся в побоища «фанатов», не в силах были смирить ни узы дружбы, ни кровное родство, так что, случалось, «родные братья или как-то иначе связанные между собой люди оказываются приверженцами различных цветов». Позже, через пол столетия его мнение целиком разделял другой византийский историк, Феофилакт Симокатта, отмечавший, что «весь ромейский народ делится на сторонников этих цветов, а из-за этого его жизнь омрачалась великими бедствиями». Члены соперничающих мер были готовы ради своих партий терпеть недостатки в самом необходимом и, будто сообщники, стремились даже селиться обособленно, в отдельных кварталах, где им было удобнее защищаться от погромов противников, оказывать друг другу содействие, поддержку, короче, чувствовать себя в большей безопасности.

Впрочем, неприемлемые действия властей, притеснения правительства могли в редких случаях заставить факции забыть разногласия, перестать тузить друг друга и объединиться. Именно так, и не впервые в истории, произошло во время самого страшного, кровавозрелищного бунта – знаменитого константинопольского январского восстания 532 г., бушевавшего целую неделю и ставшего известным по кличу восставших болельщиков как «*Ника*» – «Победа». Попытка навести порядок в неожиданно объединившихся факциях «прасино-венетов», поставить их под контроль и наказать виновных в незаконных действиях привела к масштабным пожарам, убийственным массовым беспорядкам, едва не закончившихся свержением императора.

Тем не менее, как верно заметил по поводу такой «партийной» борьбы один из ведущих византийцев, Федор Иванович *Успенский*, это была «демократия со свойственной ей разнузданностью, но без свойственной ей свободы». В димы, факцию мог вступить любой свободный человек, но он постоянно чувствовал на себе контроль правительства, тяжелую руку императорской власти, которая

в зависимости от своих пристрастий вела собственную идейно-политическую игру, косвенно поддерживая то одну, то другую группировку, разобщая их, натравливая друг на друга, иногда с помощью нанятых горлодеров, которые с помощью ловко вброшенных восклицаний манипулировали толпой, отвлекали ее, меняли настрой в нужное правительству направление. Впрочем, сами ипподромные игры являлись для властей прекрасным отвлекающим маневром, помогавшим забыть и о внешних, и о внутренних проблемах..

Бега на колесницах представляли собой увлекательное, завораживающее зрелище. К ним начинали готовиться за два дня до начала. В первый день, как уже говорилось, надо было получить формальное разрешение императора. На следующий день оповещали народ о предстоящем соревновании, и представители факции отправлялись в конюшни на территории дворцового комплекса, чтобы проверить лошадей и инвентарь. В день скачек, уже к рассвету, чтобы занять наиболее удобные места, огромная собравшаяся толпа колыхалась у проходов к восьми воротам в торцовой стене Ипподрома.

После полудня димархи вместе с представителями димов и конюхами шли в Карцеры, примыкающее к этой же торцовой стене здание с четырьмя ворот, где за решетками находились стойла, из которых выезжали четверки лошадей. Скорее всего, именно над Карцерами, возвышаясь на четырех колоннах или башне, в стремительном беге летела знаменитая четверка позолоченных бронзовых коней – еще одно прославленное творение древнегреческого мастера Лисиппа, доставленное по приказу императора Феодосия II с эгейского острова Хиос¹.

*Тем временем император облачался в специальные одежды и молился, падая ниц со свечой в руке, после чего в зале, примыкавшей к его ложе на Ипподроме, принимал сановников, обладавших привилегией находится рядом с ним во время представления. Под славословия собравшихся, давно томившихся ожиданием зрителей, двери по знаку открывались и царь, наконец, появлялся в самой Кафисме, усаживаясь на стоявший на возвышении трон. Трижды благословив крестным знаменем массы собравшихся, приветствовавших его, он ждал установления полной тишины, в которой начинало торжественно и все более сильно, мощно звучать слаженное пение хоров димов. Присутствовавшие сановники низко кланялись императору и, наконец, по знаку самого государя либо его **консула** маппарий кидал на арену заветную маппу – белый платок в качестве сигнала начала первого заезда колесниц. Четыре двери Карцеров стремительно распахивались и на арену под неистовые крики зрителей вырывались первые четыре упряжки (по одной от каждого Карцера), выбранные в результате жеребьевке, которая определяла и беговую дорожку, дальнюю или ближнюю по отношению к Спине. Колесницы должны были, двигаясь против часовой стрелки, промчаться в забеге обычно семь скаковых кругов, которые отсчитывали, убирая с **овария** – возвышения на Спине по одному крупные страусовые или деревянные яйца, по-гречески овы, лежавших на виду у зрителей.*

¹ Часть византинистов полагает, что эта квадрига стояла над Кафисмой. Так или иначе, после разгрома Константинополя крестоносцами в 1204 г. она будет похищена венецианцами, которые установят ее на фронте своего собора Св. Марка. Ныне эта знаменитая квадрига хранится на втором этаже собора, а не на его фронте, как иногда пишут.

Выигрывал лишь тот единственный возница колесницы, чья упряжка приходила первой. Вторых и третьих мест не было – либо безусловная победа, либо столь же безусловное поражение. Каждый раз димы вдохновенно скандировали лозунги в честь императора, который был центральной фигурой соревнований. Победа любой из колесниц была его победой. Недаром бега обязательно проводились по случаю восшествия на престол, победных триумфов, приема чужеземных делегаций, дней рождения царя и дня основания Константинополя.

Но львиная доля славы все же доставалась гениоху-победителю. В награду, на виду у всех, под Кафисмой, он получал из рук префекта, по-гречески эпарха города, или от самого императора венок или пальмовую ветвь, оригарийон – драгоценный золотой символ, серебряный шлем или пояс, богатую одежду, а, случалось, и литру (римский фунт) золота в виде 72 монет. По значимости этот солидный приз равнялся годовому доходу ромейской крестьянской семьи средней состоятельности.

Иногда партии болельщиков заказывали скульпторам бронзовые изваяния лошадей, победивших в гонках, статуи, бюсты на постаментах или мозаичные портреты любимых возничих. Они были божествами для всех слоев населения, как знаменитый, доблестный, непобедимый Порфирий Александрийский, который умудрялся выигрывать, виртуозно используя для этого даже побежденных в предыдущих заездах коней. В правление императора Анастасия (491-518 гг.) он удостоился семи статуй, в том числе из позолоченной бронзы, и нескольких десятков эпиграмм, обессмертивших его имя. Лихой гениох Ураний, младший современник Порфирия, был почтен в Константинополе редкостной золотой статуей, какой не ставили и императорам, удовлетворявшимся железом или бронзой.

В день полагалось обычно устраивать по 24 заезда – 12 до обеда и 12 после, так что порой на арене сменялось 32 колесницы и 128 лошадей, а бывало и больше. К примеру, в столице число заездов могло достигать 25, причем и утром, и после обеда, хотя в рядовых провинциальных городах, таких как египетский Оксирих, хватало и шести, тем более, что после утреннего забега зрителей еще и забавляли зрелищами, интермедиями, клоунадами, а димы уходили петь и танцевать. На арену спускалась толпа, чтобы получить раздаваемые даровые овощи и лакомства. Кто мог, подкреплялся принесенной с собой едой и питьем или покупал их на лотках. Император же отправлялся на обед в зал Кафисмы, где отдыхал с приглашенными сановниками. Затем арену чистили, песок выглаживали, и вновь толпа взрывалась криками восторга в ожидании последних забегов.

На главном Ипподроме страны, наклонившись вперед, затаив дыхание и впившись взглядом в «свою» колесницу, зрители напряженно следили, как в тучах пыли покрытые пеной лошади стремительно влекли грохочущие хрупкие экипажи вокруг Спины, обгоняя или задевая друг друга, сталкиваясь, иногда опрокидываясь на резких поворотах, особенно у крутого полукруга Сфендоны. Именно с ее сидений чаще всего можно было увидеть драматические крушения колесниц, гибель или увечья лошадей и возниц. Чтобы справиться с управлением колесницей на большой скорости требовалось незаурядное мастерство, тем более, что возницы сознательно стремились сбить

соперников. Кто мог, тот делал денежные ставки на гончиков, что еще более подогревало интерес к игре.

Нередко, распаленные состязаниями, представители враждующих «частей» вступали в перебранку, выкрикивали оскорбительные лозунги, издевательски подсмеивались друг над другом, пытались перекрычать противника. Порой в апогее волнения дело заканчивалось нешуточными потасовками, давками, столкновениями с тяжелыми увечьями и смертоубийством, когда в ход шли камни, кулаки, палки и даже спрятанные под одеждой или тайком пронесенные на ипподром в сосудах с фруктами кинжалы, короткие мечи таких «фанатов-ультрас», особенно из числа нижних слоев общества и буйной молодежи – *стасиотов*, которые таким образом давали выход своей активности и наводили ужас на прочих горожан. Желая выделиться среди прочих членов факций, они носили странные, эпатажные для ромеев персидские пышные бороды, усы и прически «гуннского типа», тщательно выбривая голову вплоть до висков, но оставляя сзади беспорядочные длинные пряди волос, а чтобы выглядеть более грозными и атлетически сложенными, одевали пышные хитоны с пурпурной каймой, которые были максимально широкими в плечах и стянутыми к кистям. Когда они размахивали руками, эта верхняя часть одежды раздувалась, создавая видимость мощного торса. Будучи зачастую небогатыми, стасиоты приобретали такие экстравагантные одеяния на средства, добытые вымогательствами, насилием, едва ли не откровенным грабежом добропорядочных граждан, а, случалось, хулиганили, пускались в кутежи, разврат, бесчинства, пользуясь попустительством, а то и покровительством властей, когда те хотели использовать их самоуправство и агрессивность в своих интересах, по мелочам дать выход накапливавшейся протестной энергии. Впрочем, правительство не жаловало беспредела: зачинщиков беспорядков ловили и бросали в тюрьму претория, а тем, кто пускал в ход оружие, по приказу императора могли напрочь отсечь пальцы.

На Ипподроме не только устраивались развлекательные зрелища. Он был также подлинным средоточием всей общественно-политической жизни Ромейского царства, иногда использовался даже для проведения религиозных процессий, например, очень важного шествия в Вербное воскресенье, за неделю перед трепетно ожидаемой *Пасхой*, но гораздо чаще – для государственных церемоний и политических собраний. Здесь зрелищным поднятием на щит провозглашали новых императоров, праздновали триумфы – победы над внешними врагами, выставляли на показ богатые военные трофеи и одетых в чужеземные костюмы пленников со всего света, производили раздачу части захваченной военной добычи, награждали отличившихся воинов, оглашали правительственные указы, казнили или публично позорили государственных преступников, царских противников. На Ипподроме собравшиеся приветствовали императора и императрицу-августу. По сути дела, это было единственное место в Империи, где государь и народ встречались лицом к лицу. Как политическая реалья в Византии действовал принцип «глас народа – глас Божий». Поэтому «богоизбранный народ», каким являлись ромеи, имел право выражать свои мысли «богоизбранному императору».

К этому стоит добавить, что каждая факция имела свой хор, орган и другие музыкальные инструменты. Прасинам и венетам оказывалась честь стоять на пути следования императорского шествия из дворца, более того – исполнять

некоторые функции на царских церемониях. В число их обязанностей, кроме организации игр на Ипподроме, входило поддержание в должном состоянии оборонительных стен, выступать в случае необходимости в качестве милиции, набирать вооруженных сторонников. Стасиоты организованно посещали военно-спортивные секции, обучаясь там владению оружием. Именно эти обязанности и одновременно привилегии делали их опасными в периоды политических кризисов, волнений, едва ли не ежегодных выступлений, мятежей, короче, того, что хронист Марцеллин Комит, назвал «плебейской войной».

Через своих глашатаев предводители факций, димархи, могли на Ипподроме общаться с самодержцем согласованными выкриками, в том числе рифмованными, так называемыми *аккламациями*. Такими речевками они выражали ему и его властным вельможам либо благодарность за справедливость и усердие, либо – жалобы, обвинения, упреки, претензии, порицания. В зависимости от ситуации они могли меняться от возгласа «Многая лета императору!» до призыва «Другого императора ромеям!». Поводов всегда хватало: плохое снабжение города, произвол отдельных чиновников, налоговые злоупотребления, недовольство доносчиками, религиозной или государственной политикой царя. Аккламации, что собственно переводится с латыни как «восклицания», заранее сочиняли особые должностные лица – мелисты, поэты, которые входили в штат димархов. Последним помогали также девтеревонты, дословно «вторые», письмоводители-*хартулярии* и *нотарии*. В свою очередь император из Кафисмы мог переговариваться с народом через своего глашатая, чиновника-рефенедария, повторявшего слова автократора через огромный раструб. Только здесь, причем не только во время игр, но и собравшись в другие важные для них моменты, грозные своим численным превосходством массы подданных имели шанс выразить своему августейшему «отцу» поддержку или же, напротив, негодование, критику. Они даже могли повлиять на его действия, поскольку по закону Константина Великого от 311 г., справедливость таких аккламаций должна была тщательно расследоваться властями. Какой бы фикцией они ни были, этими правами, как свидетельствуют ранневизантийские источники, касающиеся Александрии и Антиохии, пытались пользоваться и в других мегаполисах Империи.

В заключении раздела уместно вспомнить слова выдающегося византиниста, Геннадия Григорьевича *Литаврина*, который так отметил особенности общественной жизни Империи: «...иностранцев в Византии должно было удивлять не только высокие стандарты городского быта и иные внешние атрибуты непривычной для них цивилизации: не могли не поражать их и нормы жизни, по которым жили ромеи, – полное бессилие личности перед властью василевса и его чиновников причудливо соединялось здесь с официально признаваемым (и иногда реализуемым) равенством всех подданных перед законом». Воистину, это была особая, неповторимая монархия, где «богоизбранные» самодержец и толпа с ее «димократией» были двумя сторонами одной медали.

Рычаги управления

Править огромной державой императору ромеев помогал мощный, развитый, разветвленный, дисциплинированный и прекрасно отлаженный чиновно-бюрократический аппарат. При всех недостатках, свойственных такому аппарату – медлительность, бумажная волокита, нерешительность «столоначальников» в принятии собственных

решений, коррупция, склонность к подношениям, взяткам и «чаевым», эгоистичность, интриганство, – его деятельность и жизнь общества в целом основывались на власти закона, а не произволе носителей власти, как это было свойственно для средневековья.

Особо следует отметить, что ромейское государственное управление, государственное администрирование было строго централизовано. Наряду с самодержавием императорской власти и бюрократизацией государственного организма, это был ее основной принцип. Гражданская власть пока еще отделялась от военной, а публичное право не сливалось с частным, тем более, личным, как это было у сеньоров западных королевств, возникших на обломках Древнего Рима. Централизованная финансовая система и государственный контроль за материальными и трудовыми ресурсами дали византийскому правительству преимущество, о котором никто другой в том мире не мог даже мечтать. Центральное правительство, обладающее всей полнотой власти, могло как никогда эффективно мобилизовывать и направлять все необходимые средства на решение первоочередных задач. Позднейшее внутреннее политическое и военное междоусобное противостояние пока еще не мешало.

Столичный **Большой императорский дворец**, представлявший огромный закрытый комплекс, был одновременно местом обитания императора и его семьи, свиты и, главное, центром управления. Все государственные должности были связаны с Дворцом и любой функционер имел соответствующий своему рангу придворный сан, причем такой сан не передавался по наследству. Чиновники вступали здесь в должность, ритуально преклонив колени перед императором, после чего получали царские приказы, которые должны были под угрозой тяжкого наказания со всей тщательностью выполнять, будучи связанными с императором торжественной письменной клятвой. Как образно заметил французский византинист Андре **Гийу**, «...импульс из императорского дворца мог предписывать волю Империи всему проживающему на ее огромной территории населению».

Поздняя Римская империя делилась на крупные территориально-административные единицы – **префектуры**. Каждая из них занимала территорию многих современных государств. В начале правления императора Константина I их было три: 1) Ориент, то есть Восток (от Подунавья на Балканах до северной Африки – Ливии); 2) **Иллирик** на севере Балкан, Италия и Африка; 3) **Галлия**, включая островную Британию, Иберийский полуостров – Испанию и Тингитану – часть Мавритании (*совр.* Алжир) в северной Африке. Ко времени окончательного разделения Империи, в 440-е гг. они были преобразованы уже в четыре префектуры: 1) самая огромная – Восток, с центром в Константинополе; 2) более скромная – Иллирик, с центром в македонской Фессалонике; 3) Италия; 4) Галлия.

Исходя из этого деления и строго иерархического принципа расположения соподчиненных сановников, сохранявшегося на протяжении веков, ближайшими помощниками ромейского императора являлись два **префекта претория** восточных областей. Они находились во главе всего гражданского ведомства. Один из них возглавлял префектуру Иллирик (западные области, север Балканского полуострова, Дакия, Македония), а другой – Восток (восточные области, Фракия, Малая Азия, части современных Ирана, Армении, Турции, **Греции**, Сирии, **Палестины**, Египта, северной Африки). Следует иметь в виду, что сплошной пограничной линии не существовало. Префектуры Галлия, Италия и большая

часть северной Африки были утеряны Империей во второй половине V в., но в VI в. Италию и Африку ромеям удалось вернуть.

У префектов – глав префектур были канцелярии, административные службы – **скринии**, каждая из которых имела свои функции (налоги, военный бюджет, арсеналы, общественные работы). При скриниях были особые гарнизоны, предназначенные для охраны служащих-скринариев. Так, в аппарате самой крупной префектуры – Восток их насчитывалось более тысячи. Только низших служащих – **аппариторов** было до шестисот.

Каждая префектура делилась на **диоцезы** (dioeceseae) – «директории», большие провинции во главе с заместителями или, лучше сказать, наместниками префекта претория – гражданскими **викариями**. Каждый диоцез в свою очередь делился на более мелкие территориально-административные единицы – области или, по-гречески, **эпархии**. Их было свыше пятидесяти. Чиновный штат провинции насчитывал в среднем около двухсот человек – ничтожно мало для современных требований, но необыкновенно много для средневековья. На низовом уровне администрации находился самоуправяемый город – **цивитас** (civitas) или, по-гречески, полис со своим дистриктом, округом (territorium), с которого власти вели учет и сбор налогов.

Столица Римейского царства с ее прилегающей стомильной округой – не много не мало около 160 километров – была выделена в отдельную, самостоятельную территориальную единицу. Более того, на живущих в радиусе двух дней пути от великого Города распространялись все права, обязанности и льготы константинопольцев. Уже с момента своего основания это был центр особого экономического региона с особой юрисдикцией, – своеобразный город-государство.

За организацию в Константинополе некоторых торжеств и развлечений поначалу отвечали консулы, известные со времен Древнего Рима. Только им разрешалось получать так называемую **спортулу** – золотой подарок и сделанный из резной слоновой кости **динтих** – дословно «сложенный вдвое», в данном случае двойные прямоугольные пластинки-складни, скрепленные петлей. Они были изысканно украшены портретом самого консула, жанровыми и символическими сценами. Зато за должность надо было основательно раскошелиться, потратиться на организацию общественных празднеств – еду и развлечения для всех. В 541 г. этот пост был упразднен, расходы на празднества взял на себя император, но в качестве титула консул еще существовал в Византии несколько столетий.

После отмены института консульства как такового делами Константинополя ведал городской префект, он же эпарх (**ипарх**), который подчинялся непосредственно императору ромеев. Он считался первым из гражданских чиновников и «отцом города», имел особые, эффектные знаки власти – белого коня, носил некий особый «передник» – симикинфион и оранжевые туфли, но обязанности его были трудны и многохлопотны. Это было одно из самых занятых должностных лиц страны. Прежде всего, эпарх отвечал за порядок и спокойствие в огромной столице Империи, ее снабжение продовольствием и всем необходимым, за проведение государственных торжеств, зрелищ. Ему подчинялись городские пожарные, надзиратели кварталов, торгово-ремесленные **корпорации**, он контролировал и регулировал торговлю на городских рынках, улицах, проверял меры и весы торговцев, следил за ценами. Эпарх же был главным судьей города и председателем – **проедром синклита**, составлял проекты законов и указов.

При этом ему помогали отвечавшие за закон и порядок помощник – симпон, *логофет преторий* и их тюрем, районные судьи.

Магистр оффикий – дословно «магистр должностей» занимал очень важный, можно сказать, верховный административный пост. Он стоял во главе личной канцелярии императора и дворцовой стражи – *схолариев*, ведал деятельностью придворной и чиновной администраций, перепиской, приемами, руководил внешней политикой государства и тайной полицией с сетью осведомителей, шпионов (*curiosis*), был главой высшего императорского суда, следил за военными арсеналами и за почтовой службой, содержавшейся за счет государства. Эта служба с IV до первой трети VI вв. была представлена двумя разрядами транспорта – обычным регулярным (*cursus clabularis* или, по-гречески, платис дромос) с использованием тяжелых фур, запряженных волами, лошадьми или мулами для транспортировки государственных грузов, и скоростным (*cursus velox* или, по-гречески, оксис дромос), для стремительной, быстрой доставки к нужному месту курьеров и имперских чиновников. Использование почтовых животных строго контролировалось: только магистр оффикий или префект соответствующей провинции могли выдать ордер на это. В дальнейшем оба подразделения общественного транспорта, очевидно, были объединены.

Кроме того, в распоряжении магистра оффикий было три отдела-скринии: «памяти», «священных посланий (записей)» и «священных бумаг» (переписчиков). С их помощью он управлял хозяйством императора и подбирал людей для других ведомств столицы. Немудрено, что до VII в. это был самый могущественный, независимый человек и при дворе, и в администрации, который получал указания только от императора и отчитывался лишь перед ним.

Квестор «священных палат», начальник Дворца, считался главным юристом страны. Вместе с подчиненной ему канцелярией этот хлопотун отвечал за составление и рассылку царских законов, указов, обладал судебной властью.

Ромейская империя получала доходы как государство-собственник с того имущества, которым владело, доходы с государственных монополий на шелк, пшеницу, металлы, производство вооружения, экипировку армии, чеканку монеты и самые большие доходы – регулярные налоговые сборы. Особенно важной и доходной была монополия государства на шелк и периодически – на хлеб. Продовольствие, издавна получаемое из Египта и предназначенное для Рима, теперь было перенаправлено в Константинополь. Для этого зерно не позднее 9 августа свозили в *Антиною* на Ниле, чтобы успеть доставить его в порт Александрии до 10 сентября. Речь могла идти о 310 млн. литр хлеба – 94 тысячах тонн!. Там его грузили на подконтрольные государству корабли специального «хлебного флота», насчитывавшего около 3 600 судов. Большими, величавыми эскадрами они отплывали к эгейскому острову *Тенедосу*, где находилось несколько огромных, высоченных зернохранилищ-элеваторов. Оттуда партиями хлеб перевозили в столицу, где разгружали на набережных общей длиной около четырех километров и продавали на рынке по фиксированной цене, четко определенной правительством. Иногда установленная на хлеб цена даже оказывалась ниже стоимости зерна. В этом случае правительство выделяло субсидию для покрытия разницы. Поэтому хлебная монополия имела свою положительную сторону.

Ромейское царство унаследовало от Рима стройную, разветвленную и прекрасно отлаженную государственную систему налогообложения, какой не было

ни у одного другого государства Европы. Все поборы взимались на основе соответствующих законов и обычаев и, как водится, подкреплялись военной силой Империи или просто давлением со стороны чиновников и представителей духовенства. Византийская система сбора налогов была, пожалуй, слишком эффективной и из-за этого весьма обременительной. Налоги рассчитывались наперед и их недоимки вышибались из плательщиков безжалостно – плетью, штрафами, залогом имущества должников.

Размер налоговых ставок определялся центральным правительством и зависел как от внутренних потребностей Империи, так и от складывавшейся международной обстановки. В этом заключалось и могущество, и слабость государства ромеев, власти которого в своих расчетах не принимали ни в малейшее внимание чрезвычайные обстоятельства, неурожай, падеж скота, разорение от военных действий и прочие, разумеется, то и дело случавшиеся непредвиденные обстоятельства. Очень немногие получали налоговые льготы и только по решению императора или суда. Правда, «древние» задолженности иногда списывали. Это было методом финансового оздоровления, но в немалой степени объяснялось трезвым пониманием того или иного императора, что долги все равно не собрать. Чего уж там – можно сделать и широкий жест и заработать на нем хотя бы политические дивиденды.

Налоги были прямыми, главным образом, с земли, и косвенными, преимущественно с торговли. Взимали их главным образом в денежной форме, хотя власти всегда были готовы принимать налоги и натурой.

Финансовое управление поначалу осуществляли три независимые службы, в которых непросто разобраться.

Ко времени Константина I государственные финансы контролировались: 1) префектами претория; 2) казной «священных щедрот»; 3) частной императорской казной.

Наиболее важную роль в этом качестве играла префектура претория. Она определяла размеры регулярного поземельного налога, взимала и распределяла собранные земельные подати. На нее же возлагалась обязанность следить за состоянием дорог, мостов, почтовой службы, государственных зернохранилищ и оружейных мастерских в своих территориальных округах. Это, как и предоставление специалистов, рабочих рук, осуществлялось путем обложения всего населения или отдельных его групп.

*Другой финансовый департамент – **sacrae largitiones**, в переводе с латыни – «священных щедрот», имел сложный облик с массой отделений и отвечал за поступление казенных денежных средств, доходы с торговли, разработку рудников, карьеров, шахт, солеварен, которые государство использовало напрямую или сдавало в аренду. Это же ведомство следило за выпуском монет в казначействах (*thesauri*), государственных монетных дворах, за закрытыми государственными мастерскими-эргастулами, сборами с управляемых гражданских земель и сборами на материальные нужды армии, за работой таможи и за, собственно *largitio* – выдачей ценных наградных, отличительных знаков, регулярных и нерегулярных даров по определенным поводам – в день рождения императора, вступления на престол и тому подобное. В VI в. **comes sacrarum largitionum**) стал весть и той частью государственных доходов, что шла*

на содержание императорского двора, для чего было создано новое управление – патримониум (*patrimonium*). Кроме того, в дальнейшем местные отделения «священной казны» в диоцезах постепенно перешли в подчинение префектов претория.

Царь был главным собственником Империи. Частный императорский **фиск** – *res privata* (буквально «частное дело» или «**частное имущество**»), то есть царская частная казна, существовавшая за счет доходов, рент с обрабатываемых императорских земель в провинции, служила не только для удовлетворения потребностей семьи монарха, но использовалась и для государственных нужд, в частности, раздач традиционных подарков церквям.

Во главе всех этих служб стояли казначей – выше названный комит «священных щедрот» и управляющий императорским имуществом – **комит «частных имуществ»** (*comes rerum privatarum*), которым в свою очередь подчинялись многочисленные комиты, прокураторы, **палатины**, акторы и прочие аппариторы в провинциях.

Особую роль играл штат «священной спальни» царя, по-латыни – **sacrum cubiculum**, куда был закрыт доступ барбатам – «бородочам», то есть бородатым людям, а таковыми были все полноценные мужчины Византии. Поэтому здесь было особенно много эктомов – евнухов, как ромейского, так и варварского происхождения, влияние которых стало возрастать с конца IV в. Со временем они стали, по едкому выражению одного византийского царя, «...столь же многочисленны, как мухи весной в загоне для овец». Дело в том, что, по представлениям ромеев, такие неполноценные мужчины имели недостаточно жизненной силы, чтобы сглазить императора. Да и императору было легче довериться им, поскольку в силу своей физической неполноценности они не могли претендовать на трон.

Препосит императорских покоев, обычно эком, был доверенным лицом василевса и заботился о личных делах императора и императрицы-августы. С подчиненными ему **примикирием** священной спальни и сотнями прислужников, он занимал важное место во Дворце. Другой примикирий возглавлял важную организацию канцеляристов – нотарииев, без которой была бы невозможна деятельность государственных служб, обремененных документацией. Следует учесть, что такие же примикирии из числа важнейших должностных лиц епископатов возглавляли местные нотариальные организации.

Важно подчеркнуть, что почти все главы служб, некоторые другие высокопоставленные чиновники и военное командование составляли ближайший совет императора – Священный **консисторий** (*consistorium*), являвшийся ранее неофициальным советом при императоре. Теперь, в ранней Византии он становится важнейшим органом государственной власти, состоящим из главы, квестора Священной палаты, и небольшого числа постоянных членов, выбранных лично царем. Ведущими среди них по понятным причинам были два уже известных нам комита финансов, один из которых управлял государственной казной, а другой заведовал императорским имуществом. Тем не менее консистория располагала значительно меньшим влиянием, чем синклит и созывалась по усмотрению главы державы. Ее название происходит от латинского глагола консистере – «стоять», поскольку в присутствии императора, председательствующего на таких заседаниях, никому не полагалось сидеть. По этой же причине выступления были разумно ограничены по времени. В этом своеобразном «кабинете министров» обсуж-

дались все важные правительственные вопросы, политические и религиозные проблемы, назначения высших должностных лиц и, самое главное, принимались апелляции на решения судов. При всей совещательности этого правительственного органа, он, как и димы столицы, тоже имел влияние на царя. Позже консистория преобразовалась в верховный царский суд – **василикон критерион**.

Император прислушивался и к мнению синклита, в который входили крупнейшие собственники Империи. Из числа сенаторов (в середине IV в. их было около трехсот, а к концу столетия насчитывалось около двух тысяч) назначались многие высшие должностные чиновники и правители провинций. Вместе с тем устройство ромейского государства, замкнутого на автократоре-монархе, предвещало неизбежный упадок сената, как института власти, что и последовало уже с VI в.

Старшие госслужащие получали распоряжения напрямую от императора. Он же лично платил им зарплату деньгами и отчасти натурой. С некоторых пор это стало происходить ежегодно перед Пасхой в Большом императорском дворце.

Общее число всех гражданских служащих в Византии к VII в. равнялось приблизительно десяти тысячам человек. Это означает, что за истекшие три столетия их стало в четыре раза меньше, но оставшихся хватало в полной мере. Более того, если учесть, что некоторые государи варваров обходились в это время несколькими приближенными и немногочисленной знатью, число ромейской бюрократии потрясает. Правительство занималось всем – устанавливало цены и размер зарплат, выдавало разрешение на торговлю, проездные документы путешествующим и так далее.

Соответственно содержание этого аппарата стоило государственной казне, мягко говоря, недешево. При этом придерживались следующего принципа: высшим чиновникам государство платило огромное жалованье, а низшим – самое минимальное. Например, префект – правитель Египта получал больше, чем вместе взятые четыреста других представителей его администрации. Основная масса задействованных в ведомстве этого императорского наместника получала в год от девяти до 38 золотых монет – **солидов**, тогда как единичные высшие чиновники – канцеллярии имели по 252 солида, советники-консиларии – по 720 солидов, а сам префект – 7 200 солидов.

Такой высокопоставленный чиновник, как квестор, скреплявший своей подписью императорские законы, получал из казны годичное жалованье десять литр (720 солидов), «...для чистоты его рук».

Преторы громадных областей – префектур Фракии на месте современной Болгарии и севера Греции, малоазийских Писидии, Ликаонии, **комит** горной **Исаврии** (на юге теперешней Турции) имели оклад по 800 солидов, однако другие служащие их служб-оффикий получали по 360 солидов, а рядовые заседатели-ассесоры (по-гречески праедры) зарабатывали по 72 солида.

Писарь-логограф получал шесть солидов в год, в то время как **архиварий** либо почтовый служащий должен был довольствоваться платой в два солида, едва достаточной для пропитания, что подразумевает содержание таких младших мелких должностных лиц за счет каких-то неизвестных дополнительных доходов, скорее всего, от земледелия на своем или арендованном наделе.

Все это неминуемо вело к процветанию взяточничества, произвола и злоупотреблений, которым не было конца, особенно в верхних эшелонах власти. Любая

мелочь повседневной жизни регулировалась государственными чиновниками, многих из которых процветание государства заботило меньше, чем собственное благополучие и которые любыми способами умножали свои состояния. Побочные доходы, «принятые по обычаю» подношения за услуги, спортулы-«корзинки», то есть официально признанные подарки просителей, рассматривались ими как вполне законный способ использовать свое положение и увеличить жалование. Это не было коррупцией в современном смысле слова, поскольку такие подношения и выплаты чиновникам признавались правительством и на них жаловались лишь тогда, когда они выходили за рамки «обычного права» и становились наглым вымогательством «непредусмотренной», чрезмерной платы. В остальном ромеями исповедовался принцип «не подмажешь – не поедешь», и такая «смазка» позволяла крутиться всем управленческим механизмам Ромейского царства. Кажется странным, что при всем том эта сложная машина медленно, но довольно исправно работала, ведя Империю впереди всех стран тогдашней Европы. Для ее полуграмотных длинноволосых правителей, ставивших вместо подписи крест или палку, она оставалась беспримечной. Видимо, феномен объясним тем, что большинство византийских чиновников все же было безупречным и отличалось работоспособностью и преданностью. «Чаевые» за работу, своеобразные пошлины, просители платили им не зря, а само византийское общество было не более коррумпировано, чем любое современное общество со сложной государственной системой. Возводит взяточничество и стяжательство византийского чиновничества в абсолют и изображать его тягчайшим бичом для народа, как это иногда делают историки, было бы преувеличением.

*Наследие легионов.
Ранняя ромейская армия*

Протяженные границы Империи, многочисленные и сильные враги обязывали ромеев содержать собственную выносливую, хорошо снабжаемую, организованную, дорогостоящую армию. Уже в 364 г. произошло разделение всей римской армии между Западной и Восточной половиной империи. Легионы, оставшиеся на Западе, получили титул «старшие» (*seniores*), тогда как восточные стали именовать «младшими» (*iuniores*). С этого времени последние зажили собственной жизнью, хотя до VI в. командным языком оставалась латынь, поскольку армия не могла быть многоязычной.

В начале V в. ранневизантийская армия насчитывала, по разным подсчетам, от 300 000 до 550 000 воинов, а к концу следующего столетия сократилась как минимум до 150 000 человек, поскольку часть германцев, прежде в изобилии поставлявших Империи стойких солдат, обосновалась в своих племенных землях, варварских королевствах, образовавшихся на Западе.

Императорские войска теперь сражались во имя торжества Христа. Согласно декрету императора Феодосия II от 416 г., в армии могли служить лишь христиане. После утренней и вечерней трапезы в войсках рекомендовалось провести церковные богослужения, по окончании которых все собравшиеся должны были «пропеть *Трисвятое* и все остальное, что полагается». Священники, прикрепленные к каждому полку, регулярно служили походные молебны, обязательные для всех, советовали обращаться с молитвами к святым, покровителям воинов, например, к Св. Михаилу, Св. Георгию или Феодору Тирону («Новобранцу»). Императоры снабжали армию святой водой и призывали ее воевать во Имя Господа.

Поэтому любое столкновение, в котором участвовали ромеи, считалось справедливой войной, тем более, если она велась с презренными язычниками-варварами или инородцами-эфниками, не исповедовавшими ортодоксального православия.

В V-VI вв. армия делилась на две основные ветви: пограничные войска – **лимитаны** (limitanei) и мобильные войска, называвшиеся **комитатами** (comitatenses). Последние назывались так, потому что служили под началом военных комитов, которыми в свою очередь командовали **военные магистры** – по-латыни **магистры милитум** (magistri militum). Лимитаны – «пограничники» набирались на месте. Они несли службу, главным образом, на Евфрате и Дунае, защищая фортификационные линии Империи, пока те еще продолжали действовать. Остальные войска – комитаты представляли основное ядро армии. Это были воинские подразделения, отчасти набиравшиеся из рекрутов, а отчасти – из инородцев, варваров-наемников, расквартированные внутри страны, стоявшие в городах в качестве гарнизонов, а также составлявшие действующую полевую армию. На рубеже VI-VII вв. было девять таких больших подразделений, включая две армии около Константинополя. Они вооружались и кормились от государства и под страхом высокого штрафа в фунт золота за каждого солдата их запрещалось использовать для иных, не военных работ. Сами воины, как указывал закон, должны были «потеть от обязанностей собственной службы», а не возделывать поля и искать работы в виде охраны домашнего скота или товаров.

В провинции, обычно в пограничном округе, командование провинциальными пограничными войсками возглавлял военный чиновник – **дуке** (по-гречески **дука**). Так называли того, кто имел должность заместителя **претора**. Дуки избирались императором чаще всего из числа дворцовой знати. Они обеспечивали защиту вверенных им районов, областей, краев, поступление налогов, выполняли полицейские функции. В 560-е гг. в Империи насчитывалось 25 таких командиров. Кроме того, полками командовали своеобразные генералы – **стратиги**, которые приносили присягу императору. Они должны были собирать и содержать собственные военные формирования, набирать офицерский состав, обеспечивать солдат оружием.

Общее военное командование поначалу было сосредоточено в руках двух или трех военных магистров – магистров милитум. Они набирались из числа кадровых военных. Один из них командовал пехотой (magister peditum), другой имел резиденцию в Константинополе, считался главнокомандующим и распоряжался кавалерией (magister equitum, *греч.* «каваллария фемата»), роль которой повысилась к последней трети VI в. Тогда же, в связи с реорганизацией армии, к имевшимся магистрам добавились еще четверо региональных – в префектурах Восток, Иллирик (север Балканского полуострова), в диоцезе Фракия (около Константинополя) и в Армении, откуда можно было ожидать нападения персов. Позднее число военных магистров было доведено до восьми, а затем и до десяти, причем под их командованием оказались смешанные, и конные, и пешие войска.

В случае войны армия быстро собиралась под знамена императора, которому напрямую подчинялись магистры милитум, дуки, **стратилаты** – главнокомандующие в той или иной части Империи, стратиги и прочие командиры. Ее основу составляли расположенные в столице и ее окрестностях отборных воинов императорской гвардии. Охрану царских дворцов несли палатины (от греческого слова палатий – дворец) – особые первоклассные, элитные части,

похожие на гвардейские и набиравшиеся из храбрых, безжалостных варваров, преимущественно германцев. Эти придворные полки, числом семь, – по пол тысячи тяжелых кавалеристов в каждом, располагались прямо в Большом императорском дворце, где отныне постоянно пребывал император. При императоре Льве I (457-474 гг.) к ним добавилась отборная личная стража, всего из трехсот человек, которая тоже принимала участие в боях, пока в VII в. не приобрела чисто декоративное значение, как и палатинская гвардия.

Ромеи ясно осознавали значение собственной армии. Кроме прежних классических греко-римских наставлений, к VI в. они имели уже собственную солидную военную литературу, такую как «Краткое изложение военного дела» **Вегиция** (рубеж IV-V вв.), анонимное «Искусство командования», «Тактикон» («Правила») и «Эпитидивма» («Практическое пособие») **Урвикия** (конец V – начало VI вв.). Это же следует из материалов пространного военного сочинения, приписываемого **Сириану Магистру**, автору конца IX в., который использовал гораздо более древние сведения о стратегии и практике военных действий на суше и на море в VI в.

Особенно много для повышения эффективности армии сделал император Маврикий, который, по выражению византийского историка **Евагрия Схоластика**, хотя и «не был вскормлен в военных трудах», но, будучи человеком рассудительным, серьезным, обстоятельным, сумел составить около 600 г. «**Стратегикон**» – написанный на греческом языке пространный военный трактат «Искусство войны». Это был, по сути дела, первый в Византии полноценный военный устав, который не столько теоретизировал, подобно античным военным трактатам типа популярного «Стратегикос» («Военачальник») грека **Онасандра**, сколько исходил из реальных жизненных ситуаций. В этом видится новый знак переходной эпохи от поздней античности к раннему средневековью, к которой принадлежал Маврикий.

Согласно этим военным наставлениям, учебникам по военному делу, ромейское войско состояло из пехотных и становившихся все более важными кавалерийских частей, имело хорошее вооружение и содержание солдат. Соотношение конницы и пехоты определялось как 1:3, по крайней мере, до конца VI столетия, но роль пехоты в бою становилась все более и более пассивной.

Пехота делилась на легкую и тяжелую. Византийцы заимствовали у римлян хорошее воинское оснащение. Это помогает понять, почему их обмундирование и оружие на протяжении многих веков не претерпело особых изменений. Кроме того, не ограничиваясь ценным опытом римских легионов, они учились у противника наиболее выигрышным достижениям соседних народов.

*Подобно аварам, ромейские воины стали широко использовать стремена (греч. **скала** – «ступенька»), а вместо лат – гибкую кольчугу со стальными накладками или чешуйчатый доспех, полюбили удобные круглые кожаные войские палатки «аварского образца». Они заимствовали у **герулов** длинный, до 0,9 метра германский меч-**снафу** вместо короткого обоюдоострого римского меча-гладийса, у готов – удобную, надежную военную обувь, иногда с металлической подошвой, у славян – искусство метания дротиков, у персов – высокую плотность массированной прицельной стрельбы из **лука**, причем вели ее, по крайней мере до конца VI в., более эффективно, чем сами персы. Военные наставления твердили: для того, чтобы достиг тройной цели*

боевой стрельбы – стрелять точно, мощно и быстро, надо непрерывно тренироваться и в «римской» (большим и указательными пальцами), и в «персидской» (тремя пальцами) технике натяжения тетивы, дабы в том случае, если одни пальцы устают, стрелок «мог воспользоваться другими». Мишени для таких упражнений постепенно уменьшали в размерах в высоту и в ширину, а затем переходили к сложным движущимся мишеням, к примеру, мячам, которые тянули на веревке. Стрельбой по вращающемуся горизонтально на шесте деревянному диску измеряли силу прицельной стрельбы, то есть мощность стрелы, удар которой поворачивал диск на большее или меньшее количество градусов. Чтобы разобраться, чей был выстрел, стрелы метили именами или значками.

Большинство оружейных мастерских были сосредоточены в двух городах – Константинополе и Фессалонике в Македонии. Прочие провинциальные оружейные центры находились в районах богатых рудниками. Так, древняя Никомидия на северо-западе Малой Азии славилась своими мечами и щитами. **Кесария** была основным центром изготовления доспехов. В **Киликии**, на юге Малой Азии, в мастерских Иерополиса ковали отличные длинные копья-контосы, делали легкие пики и дротики. Здесь же размещалось большинство эргастулов по производству воинской амуниции. Византийская армия, как и ее родоначальница – римская, никогда не испытывала недостатка в оружии, снаряжении, осадных приспособлениях и механических военных устройствах.

Каждый пехотинец имел в качестве главного наступательного оружия длинное копье (особенно солдаты передних шеренг), короткий однолезвийный меч – **ромфею**, кинжал, иногда боевой топор и всегда разнообразные метательные копья, дротики, колчан для стрел числом до сорока и небольшой, но тугой сложносоставной лук с обратным изгибом, который надо было натягивать до уха с максимальным усилием. Лучников-**токсотов** обычно ставили впереди, перед тяжелой пехотой, копьеносцами – **контатами**, и прикрывали большими щитами. Прежде чем враг успевал вступить в контакт, его осыпал град убийственных стрел, после чего токсоты слаженно отступали в тыл, проходя по коридорам между размокнувшими отрядами тяжелой пехоты, которая после этого моментально смыкала свои ряды. Серьезные потери от прицельной стрельбы иногда решали исход схватки с противником. Чтобы лучшие учесть условия для стрельбы, в небо, по восточному обычаю, запускали воздушных змеев, часто в виде фигуры дракона из шелка. Пехотинцы продолжали ловко пользоваться и пращами из веревок или кожаных ремней.

Тело тяжелооруженного воина прикрывали прочный кожаный панцирь с нашитыми на него железными, бронзовым или роговыми пластинами наподобие рыбьей чешуи, либо стальная кольчуга, а на голову надевали островерхий металлический шлем с нащечниками, но без забрала. Защиту завершал большой круглый или овальный щит диаметром до пяти футов (полтора метра), деревянный и обтянутый кожей, с металлическим выступом – умбоном по центру и металлической окантовкой по краям. В случае необходимости, связав такие щиты, отряды тяжелой ромейской пехоты, таранили центр неприятеля, опрокидывая его.

*Надевать эту сложную амуницию следовало строго по уставу, в четкой последовательности, обязательно начиная с ног: после **поножей-халктувов** – набедренники, затем – панцирь и шлем, после чего надо было подпоясаться мечом, прикрепить лук и колчан и в завершение надеть наплечники и **наручи-маникелы**. Смысл именно такой последовательности, поясняли авторы военных трактатов, заключался в том, чтобы ни один из ранее надетых элементов вооружения не оказывался препятствием для последующих.*

Но главной по значению силой, особенно в войнах на Востоке, где приходилось иметь дело, главным образом, с конным противником, с V в. постепенно все больше становилась кавалерия, которая давала византийской армии такое существенное преимущество как маневренность и мобильность. Правда, в этом очень дорогом виде вооруженных сил постоянно ощущалась острая нехватка, и ромейской пехоте частенько приходилось, полагаясь только на свою хорошую выучку и умелое командование, самостоятельно отбиваться от грозных персидских конных латников. И тем не менее конница играла все более важную и зачастую универсальную роль, а пехота все чаще уступала ей если не центр, то фланги боевых порядков для нанесения главного удара. Случалось, что всадники атаковали почти без поддержки пехоты, которая оставалась в резерве или охраняла траншеи, укрепленный походный лагерь на случай отступления.

*Ромейская конница делилась на легкую – **курсоры** и тяжелую – **дефенсоры** (дословно с лат. «защитники»). Последние составляли приблизительно 15% конницы полевых армий и звались также **катафрактами** и **клибанариями**. Они облачались в гунии – просторные верхние одеяния из войлока с широкими рукавами поверх тяжелого оборонительного доспеха – металлического панциря, чешуйчатого, кольчужного или комбинированного, который вместе с коническим шлемом, маникелами и халктувами скрывал почти все тело всадника с головы до ног. Плечи и бедра прикрывали наплечниками и набедренниками из накладных кожаных полос-**птериг**. Лошадей тоже защищали металлические налобники и нагрудники. Нательные доспехи хранили в особых кожаных футлярах, чтобы они не заржавели, не повредились, и перевозили в плетеных коробах на крупах коней. Но, также как пехотинцы, бронированные всадники кроме меча и копья, которое носили за спиной, имели в водонепроницаемом налучии, прикрываемом гунией, еще и тугой, достаточно мощный лук. Стрельба из него, причем на полном галопе «вперед, назад, вправо и влево», в то время была присуща именно ромейской кавалерии, что позволяло эффективно использовать таких конных лучников, своеобразных «драгун», как на расстоянии, так и в ближнем бою.*

Оптимальная численность войска, необходимая для успешного проведения военной операции, колебалась в ту эпоху в пределах 10-15 тысяч, иногда доходя до 20-30 тысяч человек. Согласно военной реформе конца VI в., оно состояло из тактических единиц – **нумеров**, по-гречески **арифм** или **тагм** (построений, «полков»), и более мелких **ванд**, отрядов солдат, своеобразных батальонов или эскадронов, численностью приблизительно от двухсот до четырехсот воинов. Упорядоченные единицы боевого строя назывались **контувернии** или **паратаксии**, от греческого таксий – линия боевого порядка войска. Из тагм формировались более крупные подразделения – миры или хилиархии (дословно «тысячи»), во главе которых стояли мирархи или **хилиархи**. Их же называли на латинский

лад дуксами. Обычно мира насчитывала от тысячи до трех тысяч воинов. В свою очередь каждая мира делилась на три **меры** (дословно с греч. «части») – правую, среднюю и левую, возглавляемые **трибунами** (тривунами), или по-гречески **мерархами**. Находившийся в центре построения назывался **ипостратиг** – «подстратиг». Он командовал самой важной, первой линией воинов, но мог быть и общим главнокомандующим всех трех мер.

*Отряды имели свои опознавательные воинские значки (знамена) – фламулы или ванды (флаги), которые, как правило, находились при командирах и, видимые отовсюду, указывали воинам местоположение их начальника. В каждой тагме было определенное число знаменосцев (2), ординарцев (2), разведчиков (2-4), квартирмейстеров, надзирателей за порядком, отряд санитарно-врачебной службы из 8-10 санитаров, фельдшеров, проворных солдат, так называемых **депотатов** или **скрибонов**, и врача-хирурга, а также писарь, барабаник, глашатай, курьер и обязательно свой обоз для поклажи. Полковой обоз состоял из 350 повозок. На каждой шестнадцатой вьючной лошади восседал верховой, а на повозках ехали или шли рядом еще 2 800 человек. Для соблюдения чистоты на марше или в военных лагерях для солдат устраивали полевые бани.*

*От воина требовалось умение хорошо ездить верхом, быстро и метко стрелять из лука, метать дротики, и, самое главное, четко выполнять команды. Боевой порядок должен был состоять из двух – трех линий – таксиев. При этом на флангах стояли **плагифилаки** – специальные силы для защиты флангов и фланговых засад, а также **гиперкерасты** для охватов флангов противника, чего особенно боялись даже организованные армии врагов, таких как персы. Глубина строя достигала 4-7 человек для конницы и 8-16 человек для дефенсоров, причем ветеранов старались поставить вперемежку с новобранцами для придания им большей стойкости, надежности.*

*По римской традиции, передовые позиции пехоты иногда усиливали траншеями, как это было в 530 г. в трехдневном победном сражении с превосходящими силами персов при стратегически важном городе-крепости **Дара** в Месопотамии. Эти протяженные траншеи соединялись друг с другом ходами сообщений с многочисленными проходами для маневра и служили защитой против вражеской легкой конницы, которой тут погибло больше пяти тысяч, включая «бессмертных», гвардию сасанидского шахин-шаха.*

*Но еще большее значение придавали устройству стационарного военного походного лагеря – **апликта**. По римскому образцу, он имел форму прямоугольника, разделенного на четыре сектора дорогами, ведущими ко входам в середине каждой стороны. Место для лагерной стоянки полагалось выбирать очень тщательно, по определенной процедуре, указанной в военных руководствах. Апликт должен был быть на удобной позиции, обязательно с ровом, валом и защитными заграждениями – частоколом, палисадами, иметь источники воды и фуража для лошадей и вьючных животных. Для охраны лагеря выставляли сторожевые пикеты, назначали пароли, а входы обязательно прикрывали находившиеся в постоянной готовности лучники. Помимо этого для охраны важных объектов стали использовать собак.*

*Особое и очень важное место отводилось ведению разведки, организации засылки военных шпионов – **катаскопов**, сбору сведений о вражеских*

городских стенах, водных ресурсах, состоянии дорог, о тропах через горы, о построении войск, а также организации охранной службы, особенно при пересечении армией горных проходов. Для преодоления последних выделялись особые, специально укомплектованные воинские части, своеобразные «горные егеря». Должностные лица, именуемые антикенсорами или препараторами, должны были следить за потребностями войска в пропитании и воде. Во время маршей их для разведки высылали вперед с целью изучения удобных маршрутов и мест разбивки апликтов.

Основными военными орудиями оставались заимствованные римлянами у греков передвижные, опоясанные железом башни-гелеполы, дословно «губительницы городов», «градоборы», нередко огромной величины, высотой в несколько этажей, а также легкие или тяжелые, колесные стенобитные тараны – **криосы**, дословно «бараны». Иногда их устанавливали на **лофосе** – искусственной насыпи, возведенной из мешков с землей почти до верха стены осаждаемого города или его цитадели. Из метательных орудий продолжали использовать машины торсионного типа – **баллисты**, а также **петроволы**, **лифоволы** – камнеметы, действовавшие благодаря силе скручивания или натяжения. Самые крупные из них могли метать камни весом свыше 300 литр (около 100 кг). К ним уже при Константине Великом прибавилась машина для метания ядер, которая получила название **онагр**, то есть «дикий осел», очевидно, за свою способность больно «лягаться». К концу VI в. на вооружении ромеев появилась позаимствованная через аваров из Китая метательная машина-катапульта типа **требуше**, которую византийцы называли **манганик** или **мангана**. Ей было суждено особенно долгое будущее. Наряду с крупными орудиями при взятии крепостей и во время полевых сражений в ход пускали простые и легкие в обслуживании ручные баллисты натяжного действия – карробаллисты или хиробаллисты, гастропфеты – дословно «упираемые в живот», которые действовали по принципу **арбалета** и стреляли короткими стрелами-болтами или камнями. Иногда их устанавливали на повозки. «Стратегикон» Маврикия называл такую ручную полевую артиллерию **алокатий** или элокатий.

Осажденный город старались отрезать от поставок продовольствия и боеприпасов. Очень часто совершали хитроумные глубокие подкопы под стены или башни, стремясь обрушить их и образовать пролом. Для этого рыли крытый циночками туннель с деревянными креплениями, которые, подведя под основание стены, поджигали, дабы устроенный таким образом свод рухнул и земля вместе со стеной резко просела. Кроме того, саперы могли окружать осаждаемый город или крепость высоким земляным валом, укрепленным древесиной, а механики устанавливали на нем мощные заграждения, «механизмы высоких башен» и камнеметы. Защититься от них можно было лишь прикрепив к стене цепями тюфяки, маты, мешки, набитые соломой, морскими водорослями и смоченные уксусом, чтобы приглушить, смягчить удары и затруднить возгорание такой защиты. Во всяком случае, указанный способ воспринимался в византийской военной технике VI в. как новый и ценный.

Не менее ценили и военные хитрости, всевозможные косвенные, психологические методы воздействия на врага, стремясь спровоцировать его на

вылазки, выманить из укрепления, или запугать, деморализовать. Прямой же штурм ромейские тактические руководства рекомендовали как самое крайнее средство, ибо таковой грозил потерями и мог кончиться неудачей. Показательно, что большинство крепостей сдавалось в результате психологического воздействия на голодающий гарнизон.

Воины проходили хорошую профессиональную и физическую подготовку, должны были быть выносливыми. Не менее полугода, прежде чем пустить в дело, с ними вели тактические упражнения, тщательно обучали навыкам строевого и походного движения, в частности, боевому строю, называвшемуся по-гречески **хелон** – «черепаха» (у римлян – *testudo*), когда бойцы во втором и последующих рядах по команде поднимали щиты, чтобы прикрыть головы от стрел и метательных снарядов. Они занимались также бегом, плаванием, прыжками в длину и высоту, вскакиванием на коня, подниманием тяжестей, метанием камней, стрельбой по мишеням. В противном случае, обладая лишь элементарными навыками, вчерашние земледельцы были бы почти бесполезны в армии, неопытны и обречены на гибель. Поэтому напряженные индивидуальные тренировки и их нормативы были очень жесткими. Так, за пять часов летнего времени солдат должен был проходить расстояние не менее 20 миль (около 30 км) обычным походным шагом и не менее 24 миль (около 36 км) ускоренным шагом, при этом общий вес его полного вооружения и снаряжения должен был составлять не менее 60 футов (около 20 кг). Седельная сума **стратиота**-кавалериста должна была вмещать в себя продовольственный запас сухарей, молотого зерна и прочего на три – четыре дня, общим весом до 10 кг. Остальное продовольствие, не менее чем на 8-10 дней, должно было находиться в обозе. Снабжение осуществлялось за счет покупки провианта на рынке или у производителей, а также из доходов провинций, причем полковые уполномоченные расплачивались как деньгами, так и расписками, которые следовало учитывать при будущем взимании налогов. Экипировку, одежду, вооружение доставляли натурой, из государственных мастерских. Источниками железной руды, древесного угля, топлива, даже коней тоже были натуральные налоги, хотя лошадей могли и покупать у владельцев по твердым ценам, либо получать их с имперских конных заводов.

Согласно предписаниям стратегикон, воины могли «выступить в поход и в праздник, и в проливной дождь, и ночью, и днем, и поэтому не следует заранее объявлять ни время, ни день выступления, чтобы они были готовы к этому всегда». По консервативной традиции, с целью соблюдения преемственности со славным наследием римской армии, множество отрывистых воинских команд сохранялось в латинском звучании: *Silentium* – «Молчать!»; *Captate* – «Слушай команду!»; *Junge* – «Сомкнись!»; *Dirige frontem* – «Держать фронт!»; *Exi* – «Вперед!». И даже за кличем-командой *Adiuta* – «Помоги!» все как один дружно, громогласно отвечали *Deus* – «Боже!», после чего начиналось выдвижение.

Впрочем, для поддержания дисциплины и боевого духа приходилось прибегать не только к решительным командам, но и к разным мерам воздействия – от смертной казни и **децимации** (казни одного воина из десятка тех, кто обратился в бегство «без серьезной и очевидной причины») до побо-

ев, штрафов и разжалования в рекруты. Зато в случае беспорочной службы исправному воину полагался зимой отпуск на два – три месяца, впрочем, если только в это время не шли те самые военные действия, к которым он должен был быть готовым всегда.

В ранний период служба в армии была для ромеев обязательной. Во время военного призыва в нее попадали рекруты, или, как их грубовато именовали, «тела». Этот эквивалент «пушечного мяса» набирали главным образом из добропорядочных сельских жителей Империи или попросту покупали из числа пришельцев, чужеземцев. Такого рода рекрутскую поставку – *протостасию* – надо было совершить непосредственно предоставив «тело», либо внести лично или с соучастниками, группой, определенное количество золотых солидов ответственному за выполнение рекрутской повинности – *темонарию*. Собранные деньги, рассматривавшиеся как регулярный военный налог, шли на приобретение рекрута, а также на его одежду и расходы.

Полки квартировали в отдельных городах и буквально срастались с ними. Они не выступали в поход во всем своем составе, в виде строевых частей, как было в прежние времена – на войну шли отдельные солдаты по вызову или назначению командования. Большинство воинов, штаб части и их командир оставались на местах и, как правило, не участвовали в походе.

С VI в. мобильные части стали формировать на добровольной основе. Лишь к концу столетия император Маврикий, погрязший в войнах, вынужден был ввести обязательную военную службу для новобранцев мужчин-ромеев с предельным возрастом до 40 лет, причем это должны были быть стратиоты, располагавшие достаточными средствами для приобретения вооружения – луков, копий, лошадей и даже найма себе обслуживающего персонала, слуг. Кроме гражданского ополчения Маврикий попытался также создать нечто вроде «национальной гвардии» – соединения запаса из лучников, которые в мирное время раз в неделю должны были упражняться стрельбой из лука, требовавшей постоянных навыков. Отслуживших свой срок ветеранов освобождали от несения ряда тяжелых, «грязных» повинностей, особенно от дорожной и почтовой, награждали земельными пожалованиями и иными привилегиями. Вышедших в отставку воинов нельзя было подвергать ряду наказаний. И все же, несмотря на льготы для добросовестно отслуживших, регулярных солдат не хватало и большую часть армии поневоле приходилось формировать из профессиональных наемников – варваров, преимущественно германцев, уже давно ставших злым роком Римской империи. Эти не имевшие отечества «солдаты удачи», искатели военной добычи, как и их позднейшие наследники в средневековом мире, полагали, что «война должна питать войну». Их командиры – вожди домогались добычи, крупных выплат и даров, а, случалось, добивались высоких постов и титулов. Иногда они вмешивались в религиозную, политическую борьбу, устраивали мятежи, как это случилось в 400 г., когда в Константинополе жителям пришлось уничтожить озверевших восставших готов во главе с их честолюбивым командиром Гайной. Его настигли гунны, которые отправили императору засоленную голову убитого авантюриста.

Как уже упоминалось, в некоторых провинциях, особенно приграничных, ненадежных, подверженных смутам, помимо лимитанов находились местные войска под началом региональных командующих, дуксов или дук. К 560 г. насчитыва-

валось 25 таких воинских частей – территориальных формирований, выполнявших как армейские, так и полицейские функции от дунайских до африканских рубежей. В частности, к последней трети VI в. дукат был образован и в Крыму с центром в византийском Херсоне.

Кроме того, в дополнение к собственным войскам Империя содержала значительные союзнические силы. Для защиты Византии привлекали местных жителей, ромеев или варваров, иноземцев-эфников из числа так называемых *федератов*. Больше всего они соответствовали понятию вспомогательных войск. Первоначально их распределяли по подразделениям, которые всегда возглавляли ромейские офицеры, и им полагалось жалование. К концу VI в. они были собраны воедино и составили уже отборные войска. *Соции* (по-гречески «симмахи» или «энспонды») – союзники из числа неримских племен зачастую были великолепными, отважными воинами, несли службу на границе, но, поскольку они принадлежали к племенам, их корпусами командовали собственные вожди, военачальники – *этнархи*. Такие силы были существенным стратегическим ресурсом Ромейского царства, успешно участвовали в его защите. К примеру, так обстояло с конными арабами-*гассанидами* на сиро-палестинской границе в VI в., где возникло их относительно самостоятельное буферное государство. Союзные арабы получали от византийских властей регулярную помощь продовольствием, деньгами, амуницией и вооружением, а их вождям-шейхам представляли имперские титулы и звания, назначали предводителями других арабских племен Сирии. Иногда такие союзники принимали христианство, усваивали элементы ромейской культуры, главное, вливались в войсковые подразделения Византии, но особой надежностью не отличались. Дисциплина их бывала спорной, а характер очень непростым.

Если к этому прибавить, что:

число военнотружущих постоянно и довольно резко колебалось при сохранении постоянного дефицита боееспособных, обученных войск;

государству часто не хватало денег на их содержание, поглощавшее большую часть государственного бюджета в виде наличных платежей и поставок оборудования и снаряжения;

гражданская администрация, в чьих руках находилось снабжение и вооружение солдат, нередко задерживала им уплату жалования;

в войсках процветали хищения и воровство,

станет понятно, почему византийская армия отчасти страдала распушенностью и порой была недостаточно дисциплинированной. Вместе со скудостью жалования и трудностями службы все это становилось причиной солдатских мятежей. Кроме того, армия была отчуждена от общества. Поэтому вооруженными силами могли командовать и евнухи, и чиновники, которые распоряжались ими как инструментом.

Однако многоуровневая, стройная воинская организация, многочисленный обученный, компетентный командный состав (в особенности низший), совершенные по тем временам вооружение, экипировка и военная техника, обильно поставляемые государственными мастерскими, эффективная и отлично скоординированная система тыловой поддержки, хорошо поставленная разведка, глубоко и всесторонне продуманная тактика и стратегия превращали ромейскую армию в грозное оружие. Под умелым командованием талантливых полководцев

и при условии получения богатого вознаграждения, она до начала VII в. вполне отвечала задачам обороны Империи ромеев, более того, становилась опасным противником для ее недругов и неоднократно одерживала блестящие победы над многочисленными и воинственными врагами.

Что касается флота, то его подразделения для морских и речных операций входили в ранней Византии в структуру, называвшуюся квестура эксцерцитус (*questura excercitus*), и были сосредоточены в ключевых портах Балкан и Сирии. Поначалу небольшие флотилии, отдельные эскадры базировались на Дунае, в североиталийской **Равенне** и в Константинополе. Бассейн Эгейского моря служил важнейшим источником пополнения, снабжения моряков и кораблей. Но как самостоятельная сила ранневизантийский военно-морской флот играл подчиненное, второстепенное значение. Этому находится простое объяснение: с того времени, как Средиземное море надолго стало «римским озером», и в основном было покончено с пиратством, необходимости в содержании многочисленного военного флота не было, если не считать обеспечения переправ через реки, тот же полноводный Дунай. Кроме того, в случае крайней надобности, использовали для военных целей имевшиеся в изобилии торговые, грузовые вспомогательные суда, моряков на которых тоже оснащали луками, стрелами, пращами, копьями, дротиками, щитами, доспехами (металлическими и из двойных проваренных шкур) и вообще всем необходимым для войны.

Впрочем, это не мешало византийцам уже в начале VI в. иметь мощные военные корабли, которые в отличие от тихоходных «круглых» торгашей, могли двигаться не только под парусом, но и на веслах. Они имели одну главную мачту, два ряда весел, низкие надводные борта, легкую конструкцию и развивали крейсерскую скорость до 8-9 узлов (40-50 км в час), отчего получили название **дромоны** – дословно «бегуны, гонщики». Гребцы орудовали веслами прямо через отверстия в бортах, а их места были укрыты съёмными щитами.

Угрожающе торчали на носах таких кораблей бивни-шипы таранов, способные крушить скамьи гребцов противника. Около мачт высились ксилокастроны – деревянные башенки с оградами, откуда в неприятеля пускали длинные и маленькие стрелы, называемые «мыши», метали камни, железные шары с шипами, горшки с зажигательной смесью, удушливой негашеной известью, даже ядовитыми змеями, скорпионами. Протаранив корабль, на него при помощи подъемников обрушивали тяжести, лили жидкую горящую смолу, с помощью насосов или сифонов затопляли вражеское судно. Даже гребцы на нижней палубе активно участвовали в сражении – кололи длинными копьями или метали их через отверстия для весел.

Со временем боевые дромоны стали строить все больших размеров, с более широкой средней частью, даже двухпалубные, с двумя рядами гребцов от 25 до 50 человек на каждой стороне каждой палубы, хотя надо учесть, что над верхней скамейкой для гребцов верхней палубы не было. Вместе с похожими **хеландиями**, такие суда могли служить как для военно-морских целей, так и для перевозки войск, грузов, лошадей. Самые большие из них, если верить византийским источникам IX-X вв., были способны взять на борт от ста до двухсот человек, половину из которых составляла обученная «морская пехота», тогда как в VI в еще преобладали дромоны на пятьдесят – сто человек.

Действия судов в строю четко координировались посредством обмена условными сигналами, которые передавали с корабля на корабль с помощью флагов, белых полотнищ, горящих факелов, дыма, зеркал или отполированных до блеска мечей. Так, сигналы флажком – камилавком можно было подавать, поднимая его вертикально, наклоняя вправо или влево, покачивая из стороны в сторону, спуская или меняя конфигурацию и цвет. Этим достигался прием команд о задуманных перемещениях судов, о порядке их построения перед битвой (полумесяцем, в линию или в два – три ряда), о решении сражаться или уклониться от битвы, снижении или повышении скорости движения, расположении засады и пр.

Периодически устраивались военно-морские учения, когда суда чередовали боевые построения, тесные формирования и лобовые атаки. В целом, византийский флот оставался достаточно сильным, особенно тогда, когда в нем возникала нужда. Подобно сухопутным войскам, он сохранял навыки и здравые традиции, унаследованные от мощного римского флота, и не раз спасал положение Ромейского царства.

***Раннее христианство:
от «зловредного
суеверия» к верховному
доминированию***

Очень важной стороной «Нового Рима» стало постепенно наступавшее господство христианской идеологии – потрясающий, трудно объяснимый феномен христианизации языческого общества в Римской империи. Это принесло окончательную гибель

старым языческим богам, античным или традиционным религиям в Средиземноморье, хотя свои позиции они сдали далеко не сразу, а соответствующая перестройка социума растянулась на столетия.

Самая ранняя история христианства связана с неприятием в греко-римском обществе этой появившейся в I в. нетрадиционной религии, сторонников которой современники поначалу считали «последователями нового и зловредного, безмерно уродливого суеверия» (*superstitio*), ненавидимого за некие «кровавые преступления». Этот неприемлемый обществом новый культ подвергался кратковременным периодическим, иногда довольно жестоким государственным гонениям и преследованиям его последователей, главным образом, по причине их отказа от религии своих предков, от поклонения языческим богам и самому императору как живому богу – единственное, что тогда крепило трон от бесконечных узурпаций и кровавых гражданских войн, обеспечивало то, что можно было бы условно назвать современным термином «национальная безопасность».

При этом сами проповедники христианства отвечали на единичные и в общем то кратковременные случаи гонений заявлениями о верности императору, цитируя учение апостола Павла о том, что всякая власть от Бога (Рим. 13: 1), и совет первоверховного апостола Петра: «Бога Бойтесь, царя чтите» (1 Петр 2:17). Происходившие из самых разных социальных слоев, как верхов, так и плебса, христиане исправно платили налоги, уважали честный труд, дорожили крепостью своих семей, жили чистой, строгой жизнью, но, самое главное, видели в своей религии с ее мистическим, сакральнотерминальным опытом единственную надежду на облегчение тяжкого бремени повседневной жизни, социальных кризисов, нищеты. Вместе с тем их пугали Конец света, ощущение надвигающейся катастрофы, то есть христиане с их мистицизмом отражали как раз то, чем все более

проникался **менталитет** рядового человека эпохи поздней античности. Христианство поддерживало надежду, что страдания людей не напрасны, предлагало очень привлекательное учение о бессмертии в будущей вечной жизни, защиту всемогущего любящего Бога и некоторый высокоморальный кодекс, который вселял надежду в сердца, проникнутые аполитичностью к Римской империи и разочарованием к тщеславным, раздражительным и бессильным обитателям античного Олимпа. Христиане осуждали бессодержательную глупость римских культов, низость языческих богов, аморальность греческой философии, детскую абсурдность театра, склонность эллинов к «демоническим» искусствам, ложность учения о природном бессмертии души. Они воспринимали себя как невидимую душу мира, жили на Земле как граждане Неба, умирали, чтобы воскреснуть вновь.

С течением времени новое вероучение, поначалу малочисленное, эксклюзивное, к началу IV в. охватывавшее не более 10% населения Римской империи, стало привлекать все больше и больше людей своим демократизмом, всепокоряющими идеями мира, добра, человечности, любви к ближнему. Из религиозных сект Римской империи христиане были лучше образованы, имели активных лидеров, более-менее стройную организацию, что тоже сыграло свою роль. Каждый новый обращенный, которых год от года становилось все больше, понимал, что лучшая жизнь на земле и спасение души в будущем зависят от его Святого **Крещения** – христианской инициации и стремления жить в соответствии со всеми положениями новой веры.

Но зревшая великая перемена случилась достаточно неожиданно. В конце октября 312 г. Константин I победил в битве под Римом у Красных Скал и Мульвийского моста через Тибр. Кровавое сражение не просто решило исход очередной ожесточенной гражданской войны. Оно оказалось связано с идеей рождения Христианской Империи. Как отметил влиятельный американский исследователь Питер Браун в своем новаторском «Мире Поздней Античности», «если Бог помогает тем, кто сам себе помогает, то ни одна группа не заслуживала чуда «обращения» Константина I в 312 г., более, чем христиане».

Дело в том, что победитель вошел со своим войском в Рим под знаменем-**лабарумом** и со щитами, на которых, согласно посланному ему откровению свыше, была начертана **хрисма** – христианская монограмма первых двух букв имени Христа (ХР). Она уже давно являлась знаковой в различных христианских текстах и изображениях. Знамя с этим символом и надписью Hoc Vince – «Этим победишь» заменило прежние штандарты с надписью Sol Invictus – «Непобедимое Солнце», языческого бога-покровителя Константина. Хрисма наглядно указывала, что император стал приверженцем Христа и, значит, Римская империя должна была вступить в новую эру – стать государством, в которое волеется христианская Церковь. В дальнейшем лабарум с хрисмой освящал все походы, которые сделали прославленного императора властелином мира. Крест перестал служить орудием казни, став восприниматься как священный символ христианства.

Свершенное означало итог духовных исканий и молитв, которым уже до этого, предавался, разумеется, не один Константин. Боле того, оно явилось несомненной революцией в политике, но это была рискованная игра: у старых богов еще оставался шанс, они имели множество последователей, которые в забвении «отеческих» обрядов и культов видели причину всех проблем Империи, от военных поражений до жутких неурожаев и эпидемий. Враждебность народа к хри-

стианству произрастала из страха, что неучастие христиан в языческих культах угрожало рах *deorum* – согласию между богами и человеческим родом и могло грозить бедой всему обществу. Самое большее, на что были согласны такие «ортодоксы», – примириться с христианами, ни в коем случае не отказываясь от своих традиционных религий. Поэтому главное, что кроме победы у Мульвийского моста, решающую роль сыграли два судьбоносных эдикта, уравнивших все религии в правах. Первый из них – «эдикт о веротерпимости» был издан в 311 г. в Сардике августом Галерием и его соправителями Лицинием и Константином, а второй – «эдикт равноправия», в 313 г. в Медиолане (Милане) августами – соправителями, все теми же Лицинием и Константином. Отныне христианство из религии преследуемой превратилось в «дозволенную религию» (*religio licita*), впрочем, оставшись наравне с язычеством, политеизмом, дабы не раздражать большинство подданных, все еще язычников, то есть носителей античных и традиционных религий в Средиземноморье, которых с IV в. христиане стали именовать, не только «эллинами», как прежде, но и латинским словом *pagani* – «селяне», «простолюдины», «деревенщина».

После «эдикта равноправия» христианство стала распространяться по Империи со скоростью лесного пожара, что усилило его подрывное воздействие по отношению к греко-римским языческим традициям, а церковные лидеры с такой же ошеломляющей скоростью обратили имперскую власть в свою пользу. Но и тогда количество христиан составляло не более одной седьмой части населения, оставаясь в меньшинстве даже на Востоке, где христианские общины были изначально наиболее многочисленны. В самых крупных, развитых городах – Константинополе и Антиохии больше половины горожан были явными или скрытыми, тайными язычниками. Иногда они полностью контролировали городские курии и, если и не конфликтовали, то достаточно равнодушно соседствовали с теми, кого теперь официально, не таясь признавали христианами. Можно вообразить, что творилось в сельской «глубинке»!

Константин Великий, покровитель, а фактически легальный, открытый руководитель христианской Церкви и инициатор созыва Первого Вселенского церковного собора, на котором он лично председательствовал, не ставил задачу принудительно крестить язычников, которые явно доминировали в Империи и, как гласил акт 324 г., ради сохранения спокойствия пока имели невозбранное право пользоваться «своими посвященными лжи храмами». Сам император никогда не был убежденным христианином, полностью не понимал принятой им религии (хотя по этому поводу до сих пор идут споры исследователей), во всяком случае, не видел греха в том, чтобы продолжать чеканить на монетах изображения *Sol Invictus* – Непобедимого Солнца и *Mars Conservator* – бога войны Марса Охранителя, которых особенно чтил наравне с Христом. Он даже закладку Константинополя связал с целым рядом сугубо языческих ритуалов и украсил центральную столичную площадь, носящую его имя, привезенной из египетского Гелиополя тридцатиметровой порфиrowой колонной со своей впечатляющей статуей, где был представлен Аполлоном-Гелиосом, державшим в руках скипетр и сферу, в которую был помещен ...фрагмент Креста Господня. Причем в самой колонне или под ней, в порфиrowых цилиндрах, в странном для нас, но вполне понятном для того полуантичного мира сочетании хранились редкостные как христианские, так и языческие реликвии – таинственный плащ Афины, якобы приве-

женный героем Энеем из Трои, топорик, при помощи которого библейский Ной построил ковчег, корзина с остатками хлебов, которыми Христос накормил пять тысяч людей, кувшин с благовониями Марии Магдалины. Еще раз заметим, что для раннего христианства, очень много заимствовавшего от греко-римского мира Империи, такие вещи не выглядели, как нам кажется, конфузом, искажением некой изначальной чистоты христианской веры, о чем, к примеру, свидетельствует обнаруженное в нижней части базилики Св. Петра в Риме мозаичное изображение Христа в одеянии Солнца или Аполлона, созданное на рубеже IV в. Впрочем, и поздние византийские богословы именовали Христа Солнцем Правды, движение за которым человека постепенно просвещает его Божественным светом.

Константин, беря от христианства очень важную для него идею божественной санкции власти, оставался в рамках доктрины римской имперской государственности и в любом случае был синкретистом. Римская традиция наделяла августи религиозной властью. Поэтому при всей, достаточно искренней приверженности к христианству, император продолжал носить титул Великого *Понтифика* – Pontific Maximus, дословно с латыни «строителя мостов», то есть соединителя мира богов и мира людей, официального верховного жреца Рима, каким были римские августи, обожествлявшиеся после смерти, и изображал себя на монетах с обычными языческими эмблемами. Это не мешало ему называть себя «епископом внешних» и, по сути, всецело руководить Церковью. Предусмотрительный император решил принять христианскую инициацию – Святое Крещение с последующими послекрещальными обрядами и первым Святым Причастием только в возрасте 65 лет, почувствовав приближение смерти, буквально за несколько дней до кончины, очевидно, рассчитывая, что через это решающее церковное Святое Таинство он успеет получить полное искупление *грехов*. До этого император оставался на положении *катехумена* – оглашённого, то есть официально не имел права даже присутствовать при *Евхаристии*, а не то, что участвовать в ней. Формально он откладывал решение, отговариваясь желанием креститься только на земле Иисуса, в Палестине, в водах реки *Иордан*, до которой он якобы не мог добраться. На самом деле Константин как римский император не желал, да и не мог стать членом одной из государственных корпораций, даже если это была Христианская Церковь, ибо тогда он был бы обязан соблюдать только ее устав. Это ограничивало бы абсолютную монархическую власть императора. Видимо, именно такая особенность правосознания объясняет в полной мере, почему Константин принял Крещение лишь на самом исходе земной жизни.

Тем не менее его гениальность проявилась в том, что, в отличие от правивших предшественников, он первым увидел в христианстве не угрозу, а средство объединения. Показательно, что именно Константин стал единственным истинно византийским императором, причисленным после смерти к лику святых, и с него началась средневековая традиция почитать святыми тех правителей, которые, невзирая на их сомнительное прошлое поведение, способствовали Крещению своих народов. Реально же первым христианским императором оказался его сын, Констанций II, который в 341 г. запретил кровавые языческие жертвоприношения, считал христианскую религию приоритетным направлением своей политики и поэтому довольно бесцеремонно вмешивался в церковные дела. Впрочем, как и осторожный в отношении религии отец, пост верховного жреца он все еще сберег за собой и языческие храмы не разрушал.

После некоторых отступлений, особенно ярко обнаружившихся в середине IV в. в короткое, как падение метеорита, правление упрямого реакционера, племянника Константина Великого, экзальтированного молодого императора Флавия Клавдия Юлиана (360-363 гг.), попытавшегося вдохнуть жизнь в истощившее свои силы, угасавшее, дезорганизованное язычество, новая вера, вобравшая во второй половине IV в. около тридцати миллионов населения Римской империи, получила решительную поддержку со стороны властей. Но лишь в 381 г. появился эдикт очень энергичного, целеустремленного Феодосия I Великого, наконец провозгласивший христианство единственной дозволенной государственной религией Империи. Император издал его в самом начале своего царствования после внезапной, тяжелой болезни, во время которой он принял Крещение и столь же стремительно исцелился. Так он стал первым императором, крестившимся сразу по приходу к власти.

Теперь ситуация в корне изменилась. Христианским императорам все сложнее становилось разграничивать нужды Империи и нужды Церкви, как некогда это еще мог делать Константин Великий. С традицией веротерпимости, адаптации, плюрализма религиозных трактовок и мнений, длившейся с 313 г., было порвано, исповедание любой другой религии кроме христианства было категорически запрещено. Как культурная система христианство возобладавало над греческим и римским стилями жизни. С этого момента сама Империя официально стала христианской, а античность бесповоротно вступила в свой завершающий период, который будет длиться еще более двух столетий.

Окончательную победу христианства в церковном государстве, каким стала Римская империя, а именно, переход от убеждения к принуждению, очевидно, можно связывать с изданием эдикта 391 г. В нем говорилось, что все религиозные обряды в языческих храмах объявляются преступлением против императора. Нарушители указа наказывались денежными штрафами и конфискацией имущества. Последующие эдикты от 395 и 399 гг. предписывали разрушить языческие храмы, а в 396 г. в Империи были отменены привилегии, которыми испокон веков пользовались жрецы.

Строгие императорские указы в прямом смысле мечом нависли над головами язычников, оказавшихся вне закона: теперь они грозили смертной казнью за участие в любых культовых действиях – жертвоприношении, поклонении идолам, хотя для большинства жителей за этими действиями зачастую уже не стояло ничего, кроме освященной веками привычной традиции. Современники искаженно воспринимали многие прежние обычаи и обряды, не понимая их смысла, символы. Остатки древнеримского язычества все более и более утрачивали сакральную форму, выживая лишь в виде обрядовых рудиментов и памятников искусства. На смену им шло стремление даже правящих элит городов увязать историю своих мест с христианством, деяниями святых и мучеников, изменить прежний стиль повседневной жизни. Тем не менее именно в это время победившее христианство показало черты самой резкой религиозной нетерпимости, даже фанатизма и ненависти, как это особенно ярко видно на примерах кровавой борьбы, развернувшейся в египетской Александрии, где была уничтожена уникальная библиотека гигантского языческого комплекса *Серапееума* и в клочья растерзана монахами, *паравалани* прославленная женщина-ученая *Ипатия*. При всей исключительности таких эксцессов, они свидетельствуют об обострении кон-

фронтации христиан с язычниками, причем по инициативе самих христиан, категорически не желавших теперь мириться с теми, кто был готов даже пойти на компромисс или видел в христианстве вполне земные житейские преимущества.

Отныне, согласно новой религиозно-политической концепции ромеев, служить знаком высшей власти и обеспечивать чудотворную защиту Империи должны были утвердившиеся и множившиеся христианские святыни. К концу IV столетия стало ясно, что блестящий век героических христиан, мучеников, дословно «свидетелей», преследуемых за Христа, принявших смерть за веру, остался позади. Несмотря на продолжавшееся скрытое и явное сопротивление язычников христианизации, доходившее порой до бунтов, погромов, церковная жизнь вступила в новый период своего развития, а численность христиан в общей сложности достигла уже две трети населения.

Если во времена Константина Великого Святая Христианская Церковь стала именоваться «кафолической», то есть всемирной, то во времена Феодосия I было прибавлено наименование «ортодоксальная» – православная, то есть правильно славящая Бога. Отныне она будет носить одновременно оба эти названия – вплоть до разделения Церкви на западную и восточную в XI в.

Из децентрализованных, не связанных друг с другом общин равных братьев, без иерархии и бюрократии, рассеянных по всей Империи и еще сравнительно недавно вынужденных периодически вести полуподпольное существование, Церковь превратилась в мощный, легальный, централизованный институт со своей **церковной иерархией**. Она стала богатейшей и могущественнейшей, престижной организацией, сросшейся с государством и ее бюрократией. Десятки тысяч бедных людей теперь содержались за церковный счет, получали помощь, милостыню, а высшее духовенство, зачастую изначально не бедное по своему составу, случалось, жило в роскоши, удивлявшей даже придворных сановников. Епископы, верховные священники своих Церквей, особенно крупных городов с большой подконтрольной пригородной территорией, имели значительную власть и влияние, причем их поддерживал древний институт церковных **викариев** или «сельских епископов» – **хорепископов**, помощников, которые могли рукополагать священнослужителей низших рангов. Епископы, как правило, играли ключевую роль в городских советах. На них, помимо управления церковными имениями, нередко возлагалось руководство городскими работами, например, починка оборонительных стен, строительство или ремонт общественных бань, снабжение города продовольствием во время военной опасности. Иногда им даже поручалось руководство городскими или государственными общественными зернохранилищами и содержание войск, размещенных в пределах их епархий.

Династии священнослужителей становятся теперь обыденной и привлекательной практикой. Важно учесть, что священнослужители интегрировались в структуру имперской бюрократии, что делало церковную службу привлекательной для греко-римской элиты и сформировало иерархию должностей в клире по образцу светской иерархии. Не мудрено, что из-за должности **архиерея**, первосвященника ведется соперничество. Несмотря на запреты, ее стремятся купить, что приводит к пополнению рядов епископов представителями высокого социального слоя, знатных семей, которые делаются похожими на прежних жрецов и, кроме подношений верующих, начинают получать вознаграждение за службу. Рост привлекательности этой должности во многом объясним тем, что, согласно

церковным правилам, епископы не сменялись, занимали епископские кафедры пожизненно, десятилетиями, и, что было чрезвычайно важно в условиях растущего налогового гнета со стороны государства, церковные имущества их епархий были объявлены неотчуждаемыми ни при каких условиях. Эти имущества, как тесто на дрожжах, росли за счет традиционных приношений верующих, императорских милостей, щедрых даров знати или оставленного по завещанию.

Однако общественность, став официально под знамя Креста Христова, дала Церкви множество новых членов, которые приняли христианство только по имени, а по духу и по жизни были все еще настоящими язычниками. Огромные массы людей оставались практически незатронутыми церковной проповедью, отказались от язычества, но не торопились подчинять себя всей строгости христианского закона. Некоторые из Отцов Церкви жаловались, будто даже праздники в честь святых были просто поводом для разгула. Церковный писатель **Феодорит Кирский** проговорился об одном святом, гордившимся тем, что в юности ему удалось сохранить невинность, несмотря на многократные посещения празднований в честь свв. мучеников. И мужчины, и женщины не могли забыть раскрепощающий дух бывлых языческих фестивалей. Богословское невежество населения шокировало, да и низшее духовенство имело недостаточно образования. По большому счету, императоров больше заботило исправное поступление податей, общественное благосостояние, процветание государства, безопасность и отсутствие распрей между кем бы то ни было, чем известия об «идолопоклонстве» и продолжавшихся там и сям жертвоприношениях. Даже христианские писатели высказывали доверие к оракулам и предзнаменованиям. Древнеримские языческие обряды и празднества сохранялись в системе мероприятий, праздников и форм одежды официальных лиц ранней Византии. В ней же сохранялись многочисленные материальные памятники античности, как религиозно нейтральные, так и культовые, в виде прошедших сквозь столетия статуй божеств. Ко всему этому проявлялось достаточно лояльное отношение. В отдаленных провинциях отсутствовали церковные **приходы** – **паракиии**, совместно молящиеся общины верующих и надлежащая церковная организация, христиане были в массе бедны в отличие от язычников, пребывавших в богатстве и знатности и, несмотря на формальные запреты, продолжавших занимать высокие посты и составлять кичливую интеллектуальную элиту восточноримского общества.

*Еще во времена Константина I широкое распространение в северной Африке получила проповедь фанатичных последователей **пресвитера**, а затем Карфагенского епископа Доната – **донатистов**, обрушившихся на тех христиан-«предателей», «веротступников» (*traditores*), которые во время недавних гонений проявили слабость – согласились приносить жертвы языческим богам и добровольно сдали Священные Писания и церковные имущества властям. Столь непримиримая позиция тех, кто особенно прочно обосновался в Нумидии – сельском крае берберов, вызвала смятение в обществе и была осуждена православными церковными и светскими властями как ересь, по-гречески *аиресис*. Таким термином в то время называлась, прежде всего, добровольная организация и уже затем ряд верований и практик, характеризовавших данную организацию. В данном случае это означало выбор неканонического пути, вызывающий религиозные разногласия, по сути, церковный **раскол**, по-гречески **схизма**, но само появление такой ереси весьма*

показательно для оценки уровня находившегося в поисках раннего христианства. Кроме того, следует заметить, что именно донатисты создали прецедент обращаться за поддержкой к императору, который для этого собрал церковный Собор в Арле в 314 г. и даже профинансировал его, разрешив епископам бесплатно пользоваться государственным транспортом для переездов, чем они сразу, охотно и весьма активно стали пользоваться. Таков оказался первый прецедент вмешательства государства в богословие и дела Церкви, что, по сути, проложило дальнейший путь к «двоевластию» Церкви и государства, Церкви и Империи.

Среди христиан не стихали разногласия, выявлялись разные, многочисленные, подчас весьма эклектичные варианты христианского вероучения. Недаром даже в конце IV в. прославленный проповедник и **архиепископ** Константинопольский **Иоанн Хрисостом** (Златоуст), не раз срывавший рукоплескания за свои ежедневные блистательные проповеди, сокрушался по поводу доставшейся ему паствы: «Ныне все извращено и испорчено, церковь ныне не отличается от стойла быков, ослов и верблюдов, и я всюду хожу, ищу овец – и не могу усмотреть». Христианский храм – кириакон сделался местом собрания «верных», он даже превратился в просторную базилику, но в него шли по прежнему, как на площади или в хлебные лавки, где происходили беспрестанные сборища. Входившие в церковь прямо направлялись к своим родственникам и друзьям, с целью разузнать от них новости. Не забывали здесь и своих суетных мирских дел, назначали свидания, обсуждали условия сделок, флиртовали. Недаром знаменитые проповедники той эпохи оставили после себя проповеди, в которых жаловались на болтовню, шутки, сплетни, проявление безразличия или же нетерпения, праздное шатание по храму, стремление выделиться, бесцеремонное разглядывание других и тому подобное. Церковь была местом, где можно было «на других посмотреть и себя показать». Нередкие для того времени нарекания священнослужителей в адрес роскошных женских одеяний, изощренности макияжа, благовоний, причесок, драгоценностей, нарядов и манер были вызваны, главным образом, тем, что прихожанки позволяли себе щеголять всем этим в церкви. Тот же Иоанн Хрисостом жаловался на евхаристические собрания, в которых имели место и процветали социальные, экономические, профессиональные и политические связи, – те самые евхаристические собрания, от которых он ожидал присутствия хоров **ангелов** и ничего иного, кроме «тишины, внимания и настойчивых молитв». Клирики были не единственными критиками: поэт Коммодиан набросал сатирический типовой портрет болтливой прихожанки, которая в то время, когда предстоятель «умоляет Всевышнего за Его народ, избранный и освященный, чтобы ни один из них не погиб», «болтает с ухмылкой на лице или критикует внешность соседки». Кроме того, проповедников заботили опоздания и преждевременные уходы или пропуски служб ради посещения мирских зрелищ. Разумеется, им было крайне трудно в такой обстановке заставить слушающих быть внимательными и не уходить преждевременно со служб.

Еще раз надо подчеркнуть, что в это переходное время оставалось очень много людей, для которых христианство было лишь немногим больше, чем давнешний традиционный языческий государственный культ. Оно и воспринималось ими как преимущественно такой культ, как некое «личное» язычество и не более того. Христиане и нехристиане продолжали иметь много общего в обществе. Не

вызывает удивление, что одни и те же мастерские выпускали вещи – рельефные костяные пластины, лампы-светильники, застежки, пряжки и прочее как с христианскими сюжетами, так и языческими, на потребу покупателям любых вкусов и религиозных ориентаций, далеко не обязательно конфликтовавших друг с другом на религиозной почве. Необходимо было наполнять всю жизнь мира новым духовным содержанием, а для этого создавать христианскую идентичность, наводить порядок, крепить единство и чистоту рядов христиан, в том числе самих священнослужителей и церковнослужителей – профессионалов от религии, как уже сказано, постепенно выстраивавшихся в систему стройной церковной иерархии.

Для того чтобы решать важнейшие религиозные вопросы, выбирать епископа или освящать новую церковь **митрополиты** – первые епископы, то есть церковные главы крупных областей (по-гречески епархий), провинций – диоцезов с их первенствующим, столичным городом-матерью – митрополисом созывали **провинциальные**, или **Поместные соборы** (по-гречески **синоды**), на которых они председательствовали. Такие Соборы со временем стали обычно устраивать два раза в год : первый – через три месяца после Пасхи, летом, а второй – в середине осени.

Первым региональным Собором, представлявшим епископов Сирии и Месопотамии, стал Поместный собор в центрально-малоазиатской Анкире в 314 г., который ужесточил церковную дисциплину и мораль, наказания в случае прелюбодеяния, аборта, убийства. Последний значительный ранне-византийский региональный собор состоялся в Карфагене в 419 г., когда был принят Кодекс канонов Африканской Церкви.

Но, чтобы уладить разногласия, примирить противоположные мнения, трактовки, а для этого установить точную богословскую терминологию, с помощью которой можно было бы разобраться в правильности веры, иерархи Церкви стали созывать еще и чрезвычайные Экуменические, то есть **Вселенские соборы**. При этом они должны были обязательно обратиться с прошением об этом к императору, который в блистающих белых одеждах возглавлял съезд представителей разных **епископий, архиепископий, митрополий**, Патриархатов и субсидировал его. Такой первый Вселенский собор, на котором присутствовало около двух сотен епископов, созвал по совету Осия, епископа испанской Кордовы, еще не крещенный император Константин I в мае 325 г. в небольшом малоазийском приозерном городке **Никея**, – что удобно, неподалеку от тогдашней императорской столицы Никомидии. Надо было осудить накопившиеся богословские отклонения, дать большинству истинное учение о Христе и тем добиться самого главного – укрепить единство Церкви, все более тесно связывавшейся с государством. Вместе с тем показательно, что на этом Соборе преобладали греческие епископы (западных, включая даже главного религиозного советника императора, Осия, было не более десяти). Поэтому, когда Константин произнес приветственную речь на латыни, ее не все поняли на слух и речь пришлось позже переводить на греческий. Ромейское царство и его Церковь все более огречивались, хотя до окончательного перелома в этом направлении оставалось еще почти триста лет.

На Никейском соборе и следующем – Константинопольском Вселенском соборе в 381 г., где присутствовало около полутора сотни восточных епископов и вообще не было западных архиереев, главные догматы христианства были све-

дены в важнейший *Символ Веры* – *орос*, догматическое вероопределение Собора, краткое изложение главных, неоспоримых, не подлежащих обсуждению положений, обязательных для верующих, – того, что означает «быть христианином», а также был утвержден канон – закрытый перечень авторитетных книг *Нового Завета*, то есть состав второй части Священного Писания – Библии, и принят церковный календарь – распределение христианских праздников по месяцам и числам, вплоть до официального расчета Пасхи. Очень важно, что все материалы синодов нашли отражение в подробных стенографических отчетах, так называемых деяниях, по-гречески *непрагмена*, или в *праксисах*, кратких отчетах в виде докладов и протоколов, а также в канонах – правилах, нормативных положениях, доводимых Отцами Собора до всего христианского мира.

Тогда же, к концу переломного IV в., стало наблюдаться постепенное возвышение Константинопольского церковного престола, такого нового выскочки, находившегося в непосредственной близости от постоянной и все более набравшей влияние резиденции императора. До этого в христианском мире по своей авторитетности лидировали три епископа – Рима (берущий начало от апостола Петра), Александрии (от евангелиста Марка) и Антиохии в Сирии, причем Апостольский престол *понтифика* Рима, менее других политически независимый от власти императоров, неизменно занимал признаваемое всеми ведущее по чести место. Верховные представители всех указанных престолов носили сан архиепископа или митрополита, а со временем, с середины V в. стали титуловаться Патриархами. Исходя из этой ситуации, Папа Геласий I написал в 494 г. византийскому императору Анастасию: «...две силы правят в этом мире – священная власть епископов и царская власть». Таким образом, уже в ранней Византии Церковь сумела преодолеть свою разобщенность, унаследованную от первых веков христианства, и, что особенно важно, стала выступать как мощный инструмент политического влияния.

*«Люди из бездны».
Монахи и юродивые*

Верующие души с ранних времен – еще дохристианских – искали уединения, становясь *отшельниками*, а идея безбрачия, умерщвления плоти издавна ассоциировалась с набожностью. Поэтому нет ничего удивительного, что в Римской империи, еще до официального принятия христианства, рано появился мир иных людей, тех, кого христиане называли «божии угодники». Среди них главное место принадлежало монашеству, от греческого слова – «монахос» – одиночка, производному от их образа жизни. Традиционно считается, что оно получило распространение в III – начале IV вв. на Востоке – прежде всего, в Египте, в пустынных, прокаленных солнцем местах *Нитрии*, *Фиваиды*, но свои собственные древние традиции монашество, несомненно, имело и на Синайском полуострове – в Палестине, в Сирии, например, предместье сирийской Антиохии, а также в *Каппадокии*, в восточной Малой Азии. Как факт, старейший сохранившийся папирус, в котором употребляется слово «монах», датируется 324 г. – годом закладки Константинополя.

Разумеется, тяготевшие к подвижнической, полной лишений жизни давно встречались и среди горожан, в числе членов первых христианских домашних церквей, но именно отречение от мира, от шума и суеты греко-римских городов оформилось в культуру уже победившего христианства, в которой где бы то ни

было уединенно предаваться молитве, хранить ритуальную чистоту, безбрачие и жить максимально отдельно от остального общества стало рассматриваться как выбор, доступный всем **мирянам** – по-латыни плебсу, по-гречески **лаикам** («народу»), верующим христианам, участникам церковной жизни, и мужчинам, и женщинам. Парадоксально, но именно тогда, когда христианская религия победила, став государственной, монашество объявило своим идеалом бегство от оков материального, вещественного мира, от светских забот и соблазнов, полный отказ от материальных благ, суровую и скромную, смиренную жизнь, всецело отданную **помыслам** о Боге. Нищета, самоистязания, **посты**, по-гречески **нистии**, и особенно целомудрие, плотское воздержание, наряду со стойкостью ко злу, апатией – **бесстрастием**, стали ее главными составляющими с целью обеспечить **спасение**, то есть избавить себя от зла, еще при жизни умереть для греха, достичь **обожения**, по-гречески теосис – приобщения к Божественной жизни и духовно ожить для Христа.

С этой целью пламенно верующий человек искал себе убежище, скрывался от своих желаний, страстей и не мог открыто признаться в грехах. Он жил сам с собой и с Богом. Поэтому выходом представлялось не думать ни о ком другом, как можно полнее порвать с миром, «обрести могилу до могилы», стать «живым мертвецом», а для этого отселиться от остальных, по возможности, отправиться в уединенные места, где денно и нощно молиться, петь псалмы, особенно на восходе и закате солнца, предаваться тихому **созерцанию**, – главное, исповедоваться перед Богом, который становился единственным центром устремлений и единственным объектом любви. Одиночество, лишения и страдания позволяли приблизиться к духовному совершенству, испытав хотя бы малую долю мук, которые, согласно Своей и Божьей воле, принял на себя Спаситель.

Так родился вызывавший всеобщее восхищение и преклонение образец так называемого апостатика – «отрекшегося», мужественного монаха – **анакхорета**, то есть отшельника, или **иремита**, то есть пустынника, живущего в одиночестве, тишине и безмолвии, переносящего голод и жажду, холод и жару, полностью отдавшегося бдениям и молитвам о спасении, которые он творил, надо заметить, не только за себя, а за всех. Духовная сила такой молитвы считалась не менее важной для защиты Империи, чем сила оружия. В византийской Церкви подобный образ жизни получил со временем название **идиоритм**, то есть «одинокое житье». Именно он породил многих людей, достигших дарованной Богом духовной силы. В византийской Сирии с ее развитым монашеством таких отрেকшихся от мира аскетов, дававших обет безбрачия при Крещении, не случайно называли «Сыны/Дочери Завета», хотя они продолжали проживать в городах и служили в местных церквях.

Трудно сказать, кто именно и где стал первым монахом. По преданию, им считается Павел Фивский (Фивейский), доживший до 91 года в отшельничестве, в руинах заброшенных древних египетских Фив. На самом деле, о скачкообразно распространявшемся монашестве, причем по самым разным регионам, мы имеем весьма неравномерные данные. Ясные этапы его развития очень сложно определить.

*Принято указывать, что одним из самых влиятельных идейных родоначальников монашества стал анахорет **Антоний Великий**, которого со- ставитель его Жития художественно и, как теперь выясняется, не совсем*

точно изобразил в виде малорослого, совершенно неграмотного египтянина, говорившего только на коптском языке. Впрочем, Антоний действительно родился около 254 г. в крестьянской, но зажиточной христианской семье коптов с севера Фиваиды. После смерти своих родителей он решил последовать за Христом и по Его завету распродал и раздал свое имущество, а сестру оставил на попечение монашеской общины в Александрии. Недолго пробыв в учениках некоего старца – отшельника, он уединился «в городе мертвых», на некрополе – кладбище, которое, как и пустыня, считалось местом обитания злых духов. Претерпев борение с ними, около 285 г. он отправился в некую заброшенную крепость в Фиваидской пустыне, где прожил в одиночестве два десятилетия. Таким образом, его нововведением стало не отречение от мира, а уход в пустыню. Другими словами, Антоний стал символом пустынножительства. Лишь со временем он разрешил селиться по соседству с ним его назойливым последователям, которые стали строить одиночные келии (от лат. *cella* – клетка) наподобие шатров кочевых племен. Рассказывали, что пустынный воздерживался от еды по четыре дня кряду, а если ел, то только после заката, никогда не мылся, временами впадал в молитвенный экстаз, обретал божественную истину в видениях, даже предрекал будущее, обладал силой изгонять духов и самых жестоких демонов, зачаровывать крокодилов, приручать диких животных и птиц, занимался целительством. При этом он оказался достаточно высокообразованным, чтобы понимать философов, активно участвовал в церковной полемике своей эпохи (сохранилось несколько его писем, причем на греческом языке). К нему стекалось множество верующих в поисках наставления и спасения, единения с Богом по благодати. За это время Антоний только дважды приходил в Александрию, в 308 и 337/338 гг., оба раза во время гонений на христиан. Уйдя в конечном счете в безлесые, скалистые горы Синая, он закончил жизнь в 356 г. столетним старцем, в долгожданном одиночестве и завещал двум верным ученикам, Макарию и Амате, похоронить себя так, чтобы его тело не подвергли мумификации, принятой среди египтян, а сама могила осталась неизвестной. Очевидно, именно Амата, наряду с другим учеником, Серапионом Тмуитским, предоставил Афанасию, многократно гонимому епископу Александрии, сведения для Жития Св. Антония, составленного около 358 г. Оно было переведено на латынь и языки христианского Востока, получило широчайшую известность, послужило популяризации монашеских идеалов и духовности пустынников в Империи, воодушевив подражателей.

Но в это же время и даже раньше, в начале IV в. раскольники-мелитиане создали конфедерацию монастырей и имели экономически мощную и духовно репрезентативную монашескую общину в египетском Хатхоре. Тогда же росли монашеские поселения на Нитрийской горе, в семидесяти километрах к югу от Александрии, и в так называемой Келлии, пустыне, приблизительно в двадцати километрах от Нитрийской горы, в Нижнем, то есть северном Египте, где основателями обителей во второй четверти IV в. стал старший современник Антония, авторитетный монах, **авва** (отец) Аммон или Аммон (ум. в 347 г.). К концу столетия монашеские колонии достигали здесь численности четырех-пяти тысяч человек, а особо строгое монашеское поселение в Келлиях простиралось на двадцать два километра. Новейшие

археологические раскопки показали, что к середине VI в. обширная территория обитания здешних отшельников представляла собой прямоугольные постройки из кирпича, обнесенные кирпичными стенами, так что с воздуха они напоминали гигантскую шахматную доску на поверхности пустыни. В каждом общежитии обязательно была «клетка» – келия отца – аввы, примыкающая к одному из углов. Обычно она имела несколько комнат: модельню, кухню, кладовые и спальню. Внутри стены были побелены и зачастую украшены изображениями львов, верблюдов, птиц, а также крестов красного и золотого цвета. Некоторые поселения имели вторую, меньшую келию, предположительно, для ученика аввы. Вход в поселение контролировался из сторожки. Кое-где в общежитиях сохранились остатки колодцев и ирригационных каналов, вероятно, для небольших садов – единственного, что оживляло охряно-желтую пустыню.

В шестидесяти километрах к югу от Келлии, к западу от Нила находилась куда большая Нитрийская пустыня (совр. Вади Натрун), она же Скит, где еще одним пионером монашества стал преподобный **Макарий Египетский** (ок. 300-391 гг.), причем к середине IV в. монашеские поселения здесь столь разрослись, что многие предпочитали уходить дальше на юг, скрываясь от мира.

Быт здешних иноков, старцев, живших в уединенных хижинах – скитах, хорошо описан в анонимной «Истории египетских монахов», составленной приблизительно в 400 г. в виде путевых заметок о паломничестве по Египту, предпринятом в 394 г. палестинскими монахами. В ней собраны истории знаменитых отшельников, целителей, святых, чудотворцев. Позже эта тема была продолжена еще одним палестинским монахом-путешественником **Иоанном Мосхом** в собрании столь же душеспасительных рассказов под названием «Луг духовный».

Таким образом, невзирая на опасности, нападения, погромы кочевников, число монашествующих в ранневизантийском Египте быстро ширилось, со временем составляя иногда большую часть населения даже городов, таких как **Оксирих**. Поразительно, но в них не осталось почти ничего от потомков египетских фараонов и эллинизированных греков.

В ранневизантийской Сирии тоже складывались общины мужчин и женщин – братства и сестринства, которые вели строгую жизнь дома или жили группами близ церквей. Это ассоциировалось с «ангельской жизнью», жизнью «не от мира сего», как способом предвосхитить будущий век. Роль, подобную Антонию Великому, здесь сыграл Иларион Великий (ок. 291-371 гг.), в юности монашествовавший в Египте, а затем вернувшийся в Палестину, Святую Землю, с египетскими монахами. В дальнейшем опорой монашества стали наиболее влиятельные обители монахов великомученицы **Екатерины на Синае** («Неопалимая купина»), **Мар Шаба** – Великая Лавра (преподобного **Саввы Освященного**, или **Саввы Великого**) недалеко от Иерусалима, в долине Кедрон, ряд монастырей на горе Елеон в Иерусалиме, монастыри вокруг Антиохии, а также обитель **Георгия Хузеви**та с горы Хузева в сирийском Вади Келте.

Покидая людскую суету и ежедневные заботы, отказавшись от родных и близких, наиболее ревностные христиане, подвижники уходили в места с их точки

зрения благодатные и проклятые одновременно – кладбища, суровые пустыни, пещерные горы, дикие леса, где подстерегало много опасностей для жизни, но зато можно было отвлечься от земных забот и полностью посвятить себя благочестивым размышлениям, страданиям и непрерывным молитвам, борьбе с дьяволом, **бесами**, падшими духами, демонами, во имя спасения души отринуть грешную свободу и отдать всего себя Богу. Возлюбив Его, они не рассчитывали на взаимность, полагая, что скорбь лучше радости.

Некоторые из них, умерщвляя свои тела и умиряя инстинкты в попытке подражать святым, налагали на себя различного рода обеты, иногда довольно экстремальные. Они жили на деревьях (дендриты), отказывались от мытья («землеспальники», «грязноногие», «грязныши»), то есть не обмывали свои тела кроме тех случаев, когда приходилось пересекать реку, не стригли волосы, даже ходили нагими, прикрываясь бородой, порой, как у Св. Онофрия, отравставшей до лодыжек, питались, да и то не каждый день, только собранными травами и кореньями, отчего получили у современников характерное название **воски** – с греческого «пасущиеся». По их глубокому убеждению, только таким образом можно было обеспечить спасение прежде всего своей душе и – собственным примером – душам других людей. С точки зрения отшельников выходило, что чем грязнее тело, тем чище душа. Все было направлено на умерщвление плоти и возвышение души. Поэтому между грязью и святостью была прямая связь. Это рассматривалось важнее, чем улучшение никчемного для души земного существования живущих.

*Ранняя Византия наполнилась рассказами о подвигах пустынников, отшельников, святых отцов, чудотворцев. В частности, в правление императора Феодосия II их подробно описал посетивший в конце IV в. Египет, Ливийскую пустыню, Сирию и Палестину наблюдатель по имени **Палладий** (ок. 363-431 гг.), который поведал о галлюцинациях, искушениях и страданиях, выпавших на долю этих полуголодных, измученных людей. Ни у кого из ромеев не вызывал удивления, а, скорее, заслуживал похвалу и желание подражать человек, живущий, словно дикий зверь, в горах, в тесной, холодной пещере, сам наносивший раны своей плоти, чтобы, подобно мученику, испытать, закалить душу болью. Самые странные и непонятные, с точки зрения современного человека, поступки, зрелищные до театральности подвиги самоумерщвления, кажущиеся сверхземным вдохновением или обыкновенным безумием, одобрялись и поощрялись религиозно экзальтированными византийцами: чтобы приучить себя к полному молчанию, держали во рту камень, ничего не ели неделями, испытывали сознание почти непрерывной бессонницей, поливали палку, издалека таская воду, пока она не зацветала, переплывали реку на спине крокодила, до конца дней замуровывали нижнюю половину тела в камень, приковывали себя к скале, заключали в клеть, узкий промежуток между стенами, который сообщался с внешним миром лишь через специальное узкое отверстие – **инклузу** в стене, сквозь крохотное окошко келии изрекали предсказания толпам паломников...*

*Основоположителем особого рода подвижничества – **столпничества**, стояния до конца жизни на высоком столпе, стал сирийский пустынножитель **Св. Симеон Столпник (Стилит)** (ок. 390-459 гг.). После смерти почти всех своих сестер, братьев и родителей, тринадцатилетний пастух овец посвятил себя монашеской жизни, во время которой стал подвергать себя*

различным мучениям: туго, до крови обвязывался грубой веревкой из финиковых листьев, почти не спал по три-четыре недели, по десять дней ничего не ел, соблюдал «сухой пост», то есть не употреблял ни хлеба, ни воды, вызывая тем искушение монашеской братии и нареkania отцов-настоятелей, укорявших Симеона за такое надмерное послушание Господу. В 414 г. он основал свой монастырь – мандру, дословно «ограду», который действительно представлял собой окруженное довольно высокой стеной место без кровли у небольшой сирийской горной деревушке Теланисо (Телнешин) – дословно «Женский холм», близ города Алеппо. Вначале Симеон приковал себя десятиметровой цепью за правую ногу к скале, а затем начал потрясающий подвиг столпника, сначала устроясь на скале, а через четыре года, в 423 г. – на столпе диаметром два метра, который постепенно подняли на высоту восемнадцать метров. На нем подвижник провел тридцать три года, под солнцем, дождем и ветром, никогда не моясь, покрытый язвами, терпя укусы змей, мучимый болями в костях и «куриной слепотой». Когда какой-нибудь червяк вываливался из его гноящихся язв, он поднимал его обратно, приговаривая: «Ешь, что Господь послал тебе». Хотя Симеон не был видным государственным деятелем или выдающимся полководцем, он стал одной из наиболее известных и популярных личностей той эпохи. Он проповедовал, судил приходящих к нему верующих. Его сорокалетнее столпничество навсегда поразило воображение христиан. Снизу он казался застывшим на полпути между небом и землей, с воздетыми в молитве руками – посредником между Богом и человечеством.

Уже после смерти Симеона в 459 г. рядом с местом подвига святого был создан обширный архитектурный ансамбль площадью 12 000 кв. метров. Он включал три монастыря, крещальню, **мартирий**, многочисленные ремесленные мастерские и двенадцать гостиниц для приюта благочестивых паломников, сотни лет продолжавших со всего мира стекаться в Теланисо (ныне Калаат Симан), чтобы почтить останки подвижника и удостоиться видения божественных знамений. По сути дела, на месте деревушки вырос город, который жил за счет паломничества.

Десятки людей последовали примеру Симеона. Они проводили жизнь в зловонной грязи, в истлевшей одежде на высоких колоннах, иногда обнесенных поверху низкими перилами, которые не давали им упасть вниз во сне. Одним из самых известных стал Св. Даниил Столпник, уроженец деревни близ Самосаты на восточной границе. В середине V в. он перебрался в манивший всех Константинополь и в 460 г. обосновался на высоченной «баинеобразной» колонне в Сосфении, под городом, где и умер в 493 г., в возрасте 83 лет. Все это время Даниил Стилит поучал народ, давал советы и дважды в день наставлял приходивших к нему учеников. Старший из них вечером, вскарабкавшись по приставной лестнице на колонну, поднимал столпнику еду, состоящую из ягод и орехов, но не приготовленной пищи. Все попытки скомпрометировать святого заканчивались провалом, а пытавшихся это делать, – проститутку, заявившую, что праведник якобы с ней блудил, еретика, подложившего к подножию столпа жареную рыбу, – неизменно постигала кара Небес. Сам император Феодосий II, большой любитель благочестивой уединенной жизни, всякий раз посылал к Даниилу после грозы,

чтобы узнать, каково пришлось подвижнику. В зимние бураны его тело обледенело и ученики поднимались наверх и оттаивали подвижника горячей водой. Ступни старого столпника были покрыты воспаленными ранами из-за постоянного стояния, а в выжженных солнцем волосах кишели вши, которых он не убивал, поскольку они могли служить пищей для прилетающих к нему птиц. Когда Даниил умер и его труп спустили вниз, оказалось, что ноги мученика заживо изъедены червями. Он оброс волосами так, что, остриженные с головы, они уместились на двенадцати блюдах, каждое по четыре локтя в длину, а борода – на двух блюдах, каждое по три локтя.

Св. Алий в северомалоазийской **Пафлагонии** простоял на столпе еще дольше – 53 года и только паралич заставил его лечь. Даже тогда он был избран настоятелем ближнего монастыря и управлял им, не сходя со столпа. Другим известным стилитом был сириец Симеон Младший Дивногорец (521-592 гг.), основавший на Дивной горе знаменитый монастырь. Он побил рекорд по количеству проведенных на столпе лет – 68!

Среди столпников редко, но встречались и женщины. Они тоже выдерживали испытание жарой и холодом, временами теряли зрение от палящего солнца или покрывались ледяной коркой. Известно около четырех десятков Житий конца IV – первой половины V вв., посвященных сирийским столпникам. Можно лишь поражаться стойкости этих «людей из бездны», – бездны святости, целиком вверивших свое тело и душу Богу. Не менее странно, что физические трудности не приводили к их скорой смерти. Конечно, немало анахоретов заболело и умирало, но большинство, на удивление, достигало старости, доживало до весьма преклонного возраста. Но лишь одному на тысячу удавалось при жизни прославиться в качестве чудотворца или быть призванным обратно в мир, чтобы сделаться епископом. Парадоксально и то, что удалившись от мира с его связями и покровительством, патронатом, такие святые, в свою очередь, становились последним прибежищем, заступниками и исправителями. Более того, за своими добродетелями и ритуальными действиями монахи-чудотворцы ухитрялись скрывать мотивы властвования, как это видно на примере некоторых самых почитаемых стилитов.

Толпы фанатичных верующих с ночи ждали восхода солнца, чтобы окружить столпы с подвижниками и просить благословения, исцеления, пророчества, совета или помощи. Истовые почитатели с радостью подставляли лица, когда подвижники мочились со своих «пустынных гнезд», считая, что этой «святой росой» исцеляются от слепоты, проказы, язв на теле, лихорадки, немоты и прочего. Они собирали фекалии столпников, засушивали их и носили в кожаных мешочках на шее как оберег. Следствием проявления такого откровенного и опасного поклонения стала бескомпромиссная борьба местного епископата. Церкви Иерусалимского, Антиохийского и Константинопольского патриархатов, со своей стороны, объявили стилитов, «охваченных гордыней и надменностью», «вне закона». С 535 г. они пытались запретить эту сирийскую монашескую практику рядом соборных постановлений, но она не пресеклась.

У нас нет права критиковать ни этих людей, ни их время, потому что нам крайне сложно даже пытаться понять мировоззрение ранневизантийского церковного мира, бунтовавшего против всего материалистического. После веков

преследования христиане, наконец избавившись от прямого, а еще более косвенного подавления, выражали свою веру разнообразными, порой весьма эксцентричными способами. Удивительны перемены, происходившие в них. В ту эпоху истинно верующие, как бы ни было пока мало их число, больше думали об ином, горнем мире, нежели о том, в котором мы живем, и, естественно, не находили в поведении отшельников, пустынников и столпников ничего эксцентричного. Как верно заметил английский писатель и путешественник Генри Мортон, «...на одного человека, насмехавшегося над святым Симеоном, приходилась сотня тех, кто с восторгом взирал на него и далее – на небеса». Такой человек выражал веру в то, что тело и душа находятся в постоянном конфликте друг с другом и душа достигает полной свободы только полностью победив тело. Следовательно, отшельники стремились не к тому, чтобы подчинить страсти с помощью монашеских правил и личной воли, но к их окончательному подавлению.

При этом монахи уходили от мира не потому, что ненавидели мир, а потому, что ненавидели зло, страшные, губящие душу силы этого материального мира и царствующего в нем «князя века сего» – дьявола. Удаление от мира сбрасывало с них все узы этого вещественного мира, давало им свободу, чтобы, освободившись не только внешним, но и внутренним, духовным образом, без помех, в покое молиться, всем сердцем обратиться к единому Богу и предаться великому подвигу очищения своего сердца от страстей, соблюдать девство, каяться в похоти, блуде и прочих грехах, истово бороться за веру. Поэтому монахи, особенно анахореты и пустынники-иремиты, аскеты, соблюдавшие подобающий им строгий, чистый от требований плоти образ жизни, считались духовной элитой, порожденной христианством, образцом высшей праведности, духовного совершенства и признавались обществом в качестве нравственных наставников. Они нередко пользовались духовным авторитетом неизмеримо более высоким, чем обычное духовенство, своим подвижничеством достигали известной меры святости и духовного совершенства, что имело огромное значение для христиан, составлявших теперь основную часть населения Ромейского царства. К ним обращались за советом, помощью и покровительством, их называли «друзьями Бога», просили наиболее благочестивых и опытных, уже выступавших против сил зла, быть *экзорцистами*, то есть прикосновением или с помощью молитв изгонять демонов, бесов, исцелять и защищать от нападений злых духов разной степени значимости. Ибо огромное большинство ромеев, не имевших ни возможности, ни склонности вести подвижническую жизнь, верили, что монах или монахиня, ведя правильную – праведную жизнь, то есть отринув от себя все земное, плотское, став как бы живым мертвецом, уже ближе всех находятся к Господу, а после смерти непременно попадут в Царство Божие.

Таким образом, наряду с отшельниками и пустынниками, монастыри, дословно «места уединения», где совместно жили, трудились и молились монахи, тоже стали приобретать особое значение как центры христианского благочестия, поддерживавшие определенный нравственный уровень общества в целом. Впрочем, это не значит, что среди иноков все обладали духовным авторитетом и были искренни. Встречались и такие, которые вели себя недостойно, даже антиобщественно, бродяжничали, занимались некоторыми формами магии, хотя и безвредными, и целительством, что явно противоречило канонам Церкви, то есть ее правилам и авторитетным произведениям.

Для устройства монастыря нужно было не менее трех монахов. Сперва иноки не были включены в **клир**, не имели духовных санов, а монастырские обители не относились к церковным учреждениям. Это были просто одинокие отшельники или проживающие в пустыне кучки молящихся людей, небольшие общины отстаивающих свои идеалы, причем достаточно стихийно и свободолюбиво. Они не были средоточием мысли и учености. Но так долго не могло продолжаться. Именно в монастырской среде со временем стали формироваться богословы, авторитетные церковные лидеры, игравшие ведущую роль в догматических спорах, именно из числа наиболее активных монахов стали избирать епископов и даже митрополитов – архиереев митрополий, Патриархов.

Поэтому уже в V в. монахи, – даже те, что не имели посвящения в церковный сан и формально оставались мирянами, лаиками, – все же стали гораздо больше относиться к клиру, поскольку попали под власть местных епископов, которым в VI в. по закону полагалось водружать крест на месте любого будущего монастыря и освящать обитель. После этого она не могла быть превращена в мирское жилище, имение, усадьбу, склад или постоялый двор. Монастырь находился отныне в полной зависимости от епископа, подлежал его надзору и суду. Он призывался навсегда служить благочестивым целям, а имущество монастыря должно было навека оставаться в нем, никуда и никем не отчуждаясь. Так началось официально узаконенное правом развитие иноческих обителей, контролируемых епископами, хотя строили их все кто мог – миряне (мужчины и женщины), «белое» духовенство – священнослужители, церковнослужители, монахи и монахини, монашествующее («черное») духовенство, епископы, Патриархи, императоры.

В Ромейском царстве, – сначала в Египте, Палестине, Сирии, а потом и других местах, – стали распространяться монашеские общины, которые по способу жительства монахов стали именовать либо **киновиями**, либо **лаврами**. Первые получили особое распространение в гористых Армении и Каппадокии на востоке Малой Азии благодаря усилиям таких церковных лидеров как Евстафий из Севасты, **Василий Великий** (Кесарийский) и Григорий Назианзин (Богослов). Они представляли общежительное житие – по-гречески койнос биос – «общую жизнь», когда монахи и ежедневно молились, и трапезничали, и спали вместе, в одних помещениях, согласно общему для всех уставу.

В отличие от киновий были монастыри, которые называли лаврами. Они получили особое распространение в Сирии, Палестине, Аравийской пустыне. Их монахи, как встарь, жили по правилам идиоритма, но вели не общинный, а особожительный (идиоритмический) образ жизни и иногда управлялись не настоятелем, а выборным комитетом братьев. Иноки таких самоуправляемых особожительных монастырей подчинялись главе братства, обычно из числа наиболее уважаемых старцев, жили очень аскетично, порознь и даже молились отдельно. Каждому выделялось по две келии для жилья, ручного труда и для сна, и каждый ел в одиночестве хлеб и сухие фрукты, выдаваемые не менее раза в неделю из общих монастырских припасов. Только по субботним вечерам, в воскресенье и в праздничные дни, на Рождество, Пасху, в день святого покровителя монастыря иноки такой обители служили вместе главную Божественную общую службу – Литургию (от *греч.* литос – «общественный, общий» и эргон – «служба, дело») и собирались в трапезной, где вкушали горячую пищу и вино. Поскольку шли они к центру монастыря тропами от разбросанных там и сям монашеских

хижин – келий, как и само греческое слово лавра – «тропа, путь, аллея, улица», организованные таким образом обители получили название лавры, а их монахи – лавриоты. Они наиболее удачно сочетали принципы одиночного, анахоретского жития (**ерметик**) с общежительным, киновитским. Позже, приблизительно к началу VIII в. разница между лаврами и киновиями исчезла, и лаврами стали называть любые крупные монастыри.

Поначалу монахам как пустынноикам-иремитам, отшельникам, то есть тем, кто вел одиночное житие – ерметик, было запрещено проживать в городах, да они и не стремились к этому, вполне справедливо опасаясь мирских соблазнов, искушений. Поэтому их обители возникали в пригородах. Первая константинопольская киновия – киновия Далмата была построена на окраине столицы ромейским сенатором Сатурнином в 382 г. для сирийского монаха Св. Исаака. Но такая традиция соблюдалась сравнительно недолго. Уже в 392 г. появилось императорское предписание, которое даровало инокам «вход в крепости». Вскоре пристанища для монахов появились в каждом районе города.

В 448 г. их было 23. Синод 536 г. упоминает уже 63 местных монастыря. К концу правления Юстиниана Великого это число достигло 70. Отдельные столичные обители объединяли братию по этническому и языковому принципу – сирийцы, латины, египтяне. В провинциальном Египте к этому времени на пять – шесть миллионов жителей приходилось до 50 000 монахов и монахинь (около 1% населения). Даже в далеком крымском Херсоне с его примерно шестью тысячами населения было не менее двух-трех монастырей, располагавшихся на окраине города или в пригороде. К середине VII в. только в одной небольшой Палестине насчитывалось не менее 140 монастырей, сосредоточенных главным образом в Иудейской пустыне и на морском берегу около Газы. Некоторые из них были относительно бедны и существовали на протяжении одного поколения где-нибудь в отдаленных районах, другие же, допускавшие роскошь, становились очень богатыми, знаменитыми, влиятельными и переходили из столетия в столетие.

В местностях, которые считались особенно святыми, обители иноков лепились друг к другу, как ласточкины гнезда, и составляли иногда большие сплошные поселения, монашеские федерации. Вместо пустынь таковыми со временем стали склоны «Святых гор» – Нитрии в Египте, Сина в Палестине, Иды, **Олимпа**, Латры и Св. Авксентия (первоначально гора Скопос) на западе Малой Азии, Дивная гора и Черная гора (иначе Аман) к северу от Антиохии Сирийской, скалы, пещеры Каппадокии на востоке Малой Азии, а также поросшая лесом, богатая мрамором приморская гора **Афон** на одном из трех выступов небольшого македонского полуострова **Халкидика**. Монахи здесь жили под императорским покровительством. Власти всегда стремились поддерживать и регулировать монашество.

Руководитель монастыря – настоятель или **игумен** мог быть предложен **ктиторам**, но обычно, согласно светскому, а затем и церковному праву, он избирался монахами, причем пожизненно, как и **архимандрит** – глава иноческой паствы, который тоже мог быть настоятелем и обязательно утверждался епископом. Игумен и архимандрит должны были удовлетворять многим требованиям. Настоятель монастыря обязывался быть хозяйственником и политиком, дисциплинированным подчиненным и требовательным начальником, умелым и жестким руководителем и одновременно кротким молитвенником, отцом братии. Три раза в неделю, по-

сле утренней молитвы игумен собирал иноков, чтобы наставлять их, произносить речи. У него были помощники – главные : **эконом**, заведующий монастырским хозяйством, управляющий; казначей; **экклесиарх** – ризничий, а также **хартофилак**, отвечавший за документацию, и **библиофилак** – библиотекарь. За нравственностью, совестью монахов следил **пневматик** – духовный отец, обычно из числа старых и наиболее уважаемых иноков, который исповедовал братию. Все вместе, духовным собором, они совещательно решали дела их общей обители.

Главными монастырскими документами являлись **бревион** – список вкладов и перечень церковных, литургических обязательств, а также **типикон** – перечень особых уставных прав и обязанностей монахов, порядка богослужения и наставлений относительно жизни конкретного монастыря. Он определял и штат монастыря, в том числе распределение должностей (диаконов). Типики либо получали подтверждение императора в виде особого указа, либо имели вид духовных завещаний. Вместе с тем важно заметить, что единого устава и орденов, наподобие западных, живших по правилам – ординес, византийское монашество не имело.

*Наиболее популярными для отдельных монастырей стал устав последователя идей Антония Великого, тоже египетского подвижника, бывшего солдата, ставшего впоследствии известным как авва **Пахомий Великий** (ок. 292-346 гг.). По благочестивому преданию, этот устав дал ему на медной доске ангел. Около 330 г., почти в то время, когда Константин I торжественно открыл свою новую столицу, этот организатор-первопроходец с армейской практичностью и дисциплиной начал создавать одну из первых выдающихся монашеских конфедераций, известную как Киновия – «Братство». Эта Киновия была учреждена в разрушенном местечке Тавенниси на Ниле, в Верхнем, то есть южном Египте. Она объединила сначала двадцать, а затем – сорок и более иноков, число которых, как и самих обителей, продолжало расти. Именно Пахомий ввел строгую организационную систему, при которой значительные группы монахов, детально разделенные на двадцать четыре класса по степени развития их духовной жизни, должны были совместно жить в одной ограде, строго повиноваться старшине – настоятелю, старицу – гиронту. Они носили одинаковую одежду, сообща молились, дважды в сутки, – утром, с пением петухов, и вечером, стоя с простертыми во образ креста руками, – пели псалмы, трапезничали раз в день, вели суровую аскетичную жизнь, были обязаны регулярно выполнять какую-либо физическую работу, трудиться, а также заниматься благотворительностью (раздавать милостыню, содержать гостиницу, больницу, могилы, кладбища – **кимитрии**), проводить ритуальные службы для населения в обмен на пожертвования. К концу жизни этого великого подвижника монашества его главное детище насчитывало уже одиннадцать зданий, в двух из которых в кельях жили монахини. Пахомий основал девять подобных монастырей, как в пустыне, так и по берегам Нила, в том числе даже в центре Александрии – в Метанойе, дословно «**Покаянии**». После смерти он был причислен к лику святых.*

Одним из ранних центров монашества, как уже говорилось, стала неприютная скалистая Каппадокия. Знаменитой фигурой здесь был младший современник Пахомия, знаменитый богослов, **Отец Церкви**, Василий Великий (ок. 330-379 гг.). После обучения в Афинах, он объехал крупнейшие монашеские поселения Месопотамии, Сирии, Палестины, Египта. В 357 г.

в своем фамильном имении в южночерноморском Понте он основал первую в этих краях обитель. При этом надо заметить, что своими монашескими инновациями он был во многом обязан Евтафию Севастийскому (ок. 300 – ок. 377 гг.), который начал организовывать обители в своей родной Армении уже в 330-е гг. Позже он разоидется с ним по богословским вопросам, и Евтафий, несправедливо забытый на века, скроется в тени своего великого последователя на ниве монашества.

Между тем, будучи рукоположен в сан **пресвитера**, а затем епископа понтийской Кесарии, Василий Кесарийский стал основывать монастыри в городе. Кроме того, как епископ Кесарии он способствовал созданию таких важных институтов христианской благотворительности как лечебницы для бедных, странноприимницы, кухни для голодных, создав значительный район города, известный как Василедиос. Он сформулировал свои новаторские позиции в знаменитом «Аскетиконе», основную часть которого составляли два устава – Пространный (из 55 правил) и Краткий (из 313 правил), изложенных в вопросах и ответах для иноков Понтийского монастыря, а потом и других обителей региона.

Эти заповеди тоже предусматривали проживание сообща в небольших монастырях, беспрекословное повиновение старшим, начальствующим, главе обители – игумену, целомудрие, постоянную молитву, обязательную работу, причем не только физическую, как у Пахомия, но и умственную. Это позволило покончить с тягой монахов к индивидуальному подвижничеству, излишнему аскетическому, героическому самоистязанию, занимавшему столь видное место у египетских отцов, живших в пустыне. Василий Великий, напротив, предписывал избегать всего, что могло негативно сказаться на здоровье, то есть не одобрял избыток чрезмерных лишений. Служение Богу, по его авторитетному мнению, не должно было быть ни пыткой, ни развлечением. Число отшельников сразу пошло на убыль, поскольку настоятели позволяли вести ерметический образ жизни только самым благочестивым из монахов. Видимо, разумная умеренность и уравновешенность требований объясняет, почему принципам Василия Кесарийского со временем стали следовать иноки большинства киновий-обителей христианского Востока. Они сложили свои уставы в соответствии с наставлениями этого замечательного человека, который, таким образом, явился если не первым, то подлинным организатором византийского монашества.

Основными положениями, наряду с нестяжанием, то есть полным отказом от всякой собственности, целомудрием, абсолютным послушанием настоятелю с отречением от собственной воли, стала жизнь только внутри монастыря, без права его самовольно покидать, тем более на ночь, работа в монастырской пекарне, кухне, лечебнице, однообразие одежды, общие моления, еда и сон, забота о бедных и больных, раздача милостыни. Жизнь подчинялась порядку ежедневных долгих церковных служб, которые иноки обязаны были посещать все вместе, а накануне праздника моления начинались с наступления сумерек и продолжались до полудня. Недаром принадлежностью монахов являлись четки, которые помогали считать (отсюда их название) количество молитв, полагаемых в ежедневное правило, не сосредотачивая при этом внимание на самом счете. Кругообразная нить четок служила

символом вечности, образом непрестанной (вечной) «умной молитвы», прерывающей любые мысли и позволяющей достичь бесстрастия – апафии, что в эразмовом произношении весьма красноречиво звучит как апатия.

Некоторые обители в V в. стали жить по правилам так называемых **акимитов** – «неусыпающих», сторонников идеи сирийского монаха Александра Акимита о необходимости непрерывного, ни на миг не прерываемого творения молитвы, для чего иноки делились на смены по восемь часов.

Одним из наиболее разносторонних и всеобъемлющих теоретиков монашества стал современник Василия Великого, Евагрий Понтийский (345-399 гг.), появившийся на свет за год до смерти Пахомия Великого. Его земная и небесная судьбы сложились весьма причудливо. Он вырос в Понте, в семье епископа. В анагносты-чтецы его посвятил сам Василий Великий, в диаконы – Григорий Назианзин. В Константинополе он приобрел известность своей защитой православного Никейского Символа Веры, в чем ничего плохого, разумеется, не было. Но на беду, Евагрий влюбился в замужнюю женщину, а после вещего видения во сне, порвал с ней и уехал в Иерусалим, где принял монашеский постриг. В 383 г. он поселился в уже известном нам монастыре Аммона (Аммуна) в Нитрии, а через два года перебрался в более строгое монашеское поселение в не менее пустынной Келлии, где и провел остаток жизни, зарабатывая себе на жизнь трудом каллиграфа и переписчика: этим промышляли многие грамотные иноки. Евагрий прошел монашеское обучение под руководством прославленного отца-пустынника Макария Египетского и со временем возглавил кружок монахов-интеллектуалов, собиравшихся на всю ночь по субботам и воскресеньям. Именно там Евагрий приобрел известность своим мастерством различения духов. В богословском плане он придерживался спорных взглядов необычайно плодовитого, влиятельного церковного писателя **Оригена** Александрийского (182-254 гг.), а его собственные взгляды в свою очередь повлияли на формирование православного мистического богословия. В частности, знаменитый на Западе ученик египетских старцев, диакон **Иоанн Кассиан**, живший в Массалии (совр. Марселе) и умерший там в 435 г., позаимствовал свои ключевые идеи, включая монашеские, именно у Евагрия Понтийского – талантливого автора мистического трактата «О молитве», сочинений «Гностические главы», «Практикос» («О деятельной жизни»).

Евагрий разделял монашескую жизнь на два этапа: период аскетической практики, дабы возобладать над бесовскими страстями, смертными грехами, после чего следовало вхождение во вторую зрелую фазу иноческой жизни – гностики – созерцания или мистического знания. Он же оказался одним из наиболее ранних сторонников важнейшей идеи непрерывной безмолвной и безобразной молитвы, повествуя о том, как путем такой молитвы в наиболее возвышенные моменты монашескому уму открывался незримый сапфирный свет Святой Троицы.

Смерть Евагрия Понтийского в 399 г. спасла его от преследований со стороны епископа Феофила Александрийского, который заклеил Евагрия и его последователей как еретиков – оригенистов и изгнал их из Египта. Тем не менее посмертное осуждение за еретические взгляды последовало и позже, на Константинопольском соборе 553 г. Впрочем, как теперь становится

ясно исследователям, это не помешало некоторым последующим духовным лидерам Православия, включая самые известные фигуры, так или иначе быть обязанными своим воззрениям этому оригинальному уму, открытие которого в полной мере последовало для науки только в XX столетии.

В практике восточного монашества установилось деление монахов на три степени или чина – «новоначальных» и малосхимников, которыми были кинувиты, то есть общежительные иноки, получившие название малого ангельского образа, а также великосхимников – иноков великого ангельского образа, для которых был обязателен затвор в монастыре, принятие самых строгих обетов вплоть до отречения от человеческого общества, уход на покой, то есть оставление исполнения церковных должностей, ношение на теле *трихины* – жесткой власяницы и даже еще одно изменение монашеского имени.

Поначалу монахам запрещалось принимать на себя духовный сан. Для богослужения они приглашали в свои обители священников, которым запрещалось даже переночевать в монастыре. Когда преподобному Пахомию предложили сделаться пресвитером, он сбежал, а пустынник Антоний Великий отсек себе ухо, чтобы уклониться от епископства, поскольку полученная физическая ущербность не позволяла ему стать архиереем. Впрочем, такая практика продлилась недолго : уже в монашеском уставе Василия Великого было предусмотрено, что монастырь все же должен был иметь священников из своей братии. Впоследствии монахи, служившие в монастырских церквях пресвитерами, стали именоваться *иеромонахами*, а служащие *диаконами* – *иеродиаконами*. С конца VII в., когда каноническим, то есть церковным правом было узаконено безбрачие епископата, монахи все чаще стали становиться епископами, тогда как не монахи, ставшие епископами, не могли принимать монашество под угрозой потери епископской власти и удаления в монастырь.

Но, пожалуй, самым многозначным зрелищем был сам инок. «Образ ангела» и «воин Христов» предстал преимущественно в черных одеждах, которые он имел и для дня, и для ночи. Сам цвет символизировал отречение от яркого светлого мира. *Мафорий*, покров, дословно «покрывало», или *паллион* – мантия, длинная накидка без рукавов с застежкой на ворота, спускающаяся до земли, знаменовали «ангельское жительство» монаха, как бы связывали и руки, и ноги для мирских дел, оставляя свободной только голову, всеми мыслями устремленную к Богу, то есть была символом смирения и символом «всепокрывающей жертвы Христа». Но большинство монахов узнавали по черной рясе – от греческого «то расон», что значит «вытертая, поношенная», – верхнего одеяния с длинными широкими рукавами, расширенными книзу, и подрясника – *эксакиды*, простой длинной нижней туники до пят, из грубой ткани. Ряса с подрясником стала символом важнейшего монашеского обета нестяжания, символом бедности монашеской.

В состав одежды некоторых иноков входил введенный уже Пахомием *милот* – верхняя накидка из белой овечьей шкуры, под который на тело одевали *левитон*, длинную льняную рубаху, перепосанную кожаным поясом. Сделанный из мертвой кожи, он символизировал как умерщвление плоти (тела), так и готовность на всякое благое дело.

Но обязательным атрибутом одежды многих монахов был *параман* – шерстяной плат с вышитыми крестами, перевязь под одеждой, который носился принавившими монашескую схиму поверх одежд, а простым монахом – под мантией,

на тунике, так чтобы не виден был изображенный на нем крест. Причем у великосхимника этот черный платок, который крестовидно обнимал плечи и под мышками перепоясывал одежду, назывался **аналав**. И параман, и аналав должны были напоминать монаху о крестной смерти Христа, о том, что монах должен духовно следовать за Христом и, как и Он, должен быть распят для мира.

Уже по одежде можно было четко установить ранг византийского монаха. До-ким – ученик или «новоначальный», он же – рясофор, получал обычную шапочку – **камелавкий** и черную монашескую рясу в залог будущих обетов монашества. На схимнике, или схимонахе, связанном великим иноческим обетом совершенного отречения от мира, можно было видеть **клобук**, тот же камелавкий, но покрытый платком, разрезанным сзади на три конца. Кроме того, голову и плечи великосхимника и днем, и ночью покрывал **кукуль** – «шлем спасения», расшитый пятью крестами, – остроконечный капюшон, закрывавший почти все лицо и имевший длинные воскрылья – полотнища, спускающиеся на груд и спину. Обычно его сшивали вместе с аналавом или мантией. Кукуль ежечасно должен был напоминать носившему святую обязанность хранить незлобие и младенческую простоту.

Всей этой одеждой владели сообща : ее стирали, обычно каждую субботу, и раз в неделю распределяли между монахами. Зато мыться целиком разрешалось не более трех раз в год. Исключение делалось лишь для тех, кому нужно была ванна по состоянию здоровья.

Пищу тоже готовили сообща и вместе принимали ее раз в день, обычно в полдень, в общей столовой-трапезной, за общим столом, в полном молчании, пока один из иноков читал вслух **Евангелие**. При этом старшие монахи сидели в глубине зала, который обычно имел **конху** – полукруглый выступ, а прочие – за длинным столом. В еде полностью отсутствовало мясо, в среду и субботу полагались только хлеб, вода и сушеные фрукты. Самые благочестивые – старцы принимали еще более строгий пост и ели только вечером и только хлеб, вымоченный в воде, а по большим праздникам – бобы. Вместе с четырьмя большими постами и еженедельными малыми выдержать такую повседневную жизнь, мягко говоря, было нелегко. Но именно в этом заключалась важная культурная сторона **аскетизма** – становившихся все более популярными религиозных упражнений в подвижничестве, которые понимались как медленное, неуклонное, непоказное, будничное дело самоотречения, предпринятое с целью добиться новых возможностей, воспитания добродетелей – милосердия, умения прощать, умиротворения, безгрешности. В конечном счете это была идеология любви к Богу, добровольно, более того, даже с самоудовлетворением доведенная до преображения, то есть своеобразного перформанса личности. Отсюда же происходило и понимание спасительной цепочки, которая предполагала, что ангелы помогают отшельникам, отшельники – киновитам, киновиты – людям.

Стать монахом можно было не менее чем после полугода, а согласно закону Юстинина Великого, трех лет послушничества в монастыре. Но рабам, зависимым крестьянам – **колонам** и связанным помолвкой путь в братство был затруднен. Многие определяло согласие или несогласие на постриг хозяина раба. Жена могла стать монахиней только с разрешения мужа. Если один из супругов уходил в монастырь, то согласно закону, он как бы физически умирал. Девочки могли уйти в монастырь в возрасте десяти лет, но отречься от мира им разрешалось не раньше достижения шестнадцати лет. Вообще, императорское законодательство

и церковное право тщательно ограничивали возраст приема в обитель. Только если принимаемый в ряды иноков отвечал всем правовым критериям, игумен совершал над ним особый обряд – *постриг* волос, а мужчине сбривал волосы на голове или выбривал макушку – делал *тонсуру*, после чего облачал в монашескую одежду – схиму и давал «поцелуй мира».

Наказания монахам, подлежавших суду епископа, а не гражданскому суду, никогда не носили телесный характер, но были духовными, как рекомендовал Св. Василий Великий, – пост, уединение, разлука, лишение *евлогий*, то есть благословения и милости, отлучение от Святого Причастия, многочисленные земные поклоны.

Покинуть монастырь стало почти невозможно : делавшего такую попытку возвращали силой или направляли на общественные работы. Даже ворота с калиткой в обители устраивали единственные и ключи от них были у самого старшего из братьев, который служил монастырским привратником – *просмонарием, парамонарием*. Ворота для входа не открывали, ибо к царствию небесному, согласно Евангелию от Матфея, «врата тесны и узок путь». Монастырь воочию реализовывал этот принцип, открывая паломнику только калитку. Так уже при входе нас ждал религиозный символ, церковное назидание. Ведь монастырь символизировал царство небесное на земле. *Рай*, «небесный Иерусалим», «горняя обитель» представлялись по текстам священных книг неким городом, обнесённым стеной. Вот и монастырские обители обносили стенами или оградами-мандрами. Монах-просмонарий, непременно находившийся у ворот, в сторожке, нес послушание и символизировал самого Св. Петра, хранителя райских ключей.

В стенах монастыря среди храмов, церквей, молелен обязательно находился колодец – *фреар* или источник – *агиасма* со святой водой. В последнем случае такая вода для хозяйственных нужд не использовалась. Она была знаком Святого Крещения, знаком очищения от греха. Вода входила в специфический набор монастырских святынь, и источник ее обычно окружал рой легенд. Чаше всего оказывалось, что агиасма или фреар были «ископаны» основателем обители, святым, мучеником, или вода начала бить по одной его молитве.

Монастырские святыни представляли собой единую систему. Любопытство к ним использовалось монастырем для укрепления мысли о всемогуществе Бога. Во всяком случае, иконы и *мощи*, храмы и часовни, крипты и молельни, мольбы и *ставродиавасии* – крестные ходы представляли в монастыре в особенно концентрированном виде.

И облик, и поведение монахов должны были выражать определенную систему чувств и настроений. Уже Св. Василий Великий указывал, как должен выглядеть монах, чтобы было видно, как он скорбит о Христе : «Взор печальный и потупленный в землю, небрежность в наружности, волосы непричесанные, одежда немытая». В духе запретов, оставленных Отцами Церкви, монастыри пропагандировали, чтили и демонстрировали паломникам схимников, что жили в большом воздержании и были известны своими подвигами подвижников. Они были еще одним назиданием паломнику : грешна плоть, грех потакать ей, плоть надо умерщвлять.

Примечательно, что некоторые женщины – трансвеститы в ранневизантийское время совершали свой подвиг не в женских, а в мужских монастырях, приняв мужские имена и вид скопцов-евнухов, достоинства коих, согласно евангелисту

Матфею, превозносил сам Иисус Христос. Таким образом, их отказ от тела был более полным. Умерщвлять греховную плоть им приходилось в чуждом окружении, на виду мужчин. Совершая подобный подвиг, они превосходили свою «низкую» женскую натуру, достигая «приобщения» к «правильному», с точки зрения *Библии*, полу. Хотя акт Поместного собора в Ганграх в 340 г. запретил подобную практику, в Житиях святых продолжали встречаться рассказы о том, как лишь после смерти, готовя тело к похоронам, обнаруживалась женская природа некоторых подвижников – настолько полным был их отказ от всего плотского.

Монашество все более и более твердо занимало позицию носителя и хранителя церковной культуры. Монахи были мобильны, а их международная субкультура многообразно переплеталась. Монахи с их идеалами антиавторитаризма и склонностью к утопии заставили содрогнуться весь клир. Они особенно активно участвовали в конфликтах, терзавших Церковь, соперничали с прочим духовенством. Монастыри были центрами строгого религиозного воспитания, стремившимися распространить свое влияние далеко за пределы монастырской ограды. Религиозная традиция хранить множество византийских легенд, связанных с монастырями : о чудесах, предшествовавших основанию многих обителей, об ошеломляющем подвижничестве людей святой жизни, исцеляющей силе монастырских агиасм, о хранящихся в обителях чудотворных иконах и святых реликвиях, мощах.

Но, при всех заявлениях об «уходе от мира», монастырь на деле всегда был очень продуманно и активно ориентирован на этот мир, на вмешательство в религиозную жизнь, – вмешательство, перед которым решительно отступали заботы о «потустороннем». Благодаря этому воздействию монахам удалось изменить даже восприятие эстетических понятий, оказывать влияние на все слои общества, будучи духовными наставниками, поучая как деревенских жителей, так и светскую аристократию, включая самого императора. Основным мерилом делается Библия с ее христианскими принципами. Христианская мораль осуждает богатство и алчность, сребролюбие, стремление к получению прибыли: «Богатство – это беглый раб – наставлял в конце IV в. великий проповедник Иоанн Хрисостом. – Бедность – место убежища, тихая гавань». Даже дурные помыслы объявлялись «зловонием души».

Распространенными и популярными становятся Жития святых, где воспевались аскетические подвиги, ущемление плоти, которая представлялась «темницей души». Неизменно нравоучительная, агиография, создававшаяся в основном в монашеской среде, представляла собой мощное средство социального контроля. Ее нормативные схемы отстаивали власть Церкви и ее институтов в обществе.

Особой популярностью пользовался «Лавсаик» – сборник рассказов Палладия Еленопольского (ок. 363-431 гг.), уроженца малоазийской Галатии, который путешествовал по Египту в начале 390-х гг и как монах подвизался в Нитрии и Келлии. Он покинул эти места около 400 г. и стал епископом Еленополя, будучи рукоположен самим Иоанном Хрисостомом. Палладий описал в виде семидесяти кратких биографий жизнь отшельников и праведников преимущественно египетской пустыни. Не меньшим спросом пользовались *Патерики* – «Книги отцов» и так называемые *Апофтегмы* (Апофтегмы) – антология из более тысячи кратких историй из жизни и памятных изречений святых отцов, лидеров монашества преимущественно из египетского Скита в 330-е – 460-е гг. Первый сбор-

ник Житий палестинских монахов, святых и мучеников создал в VI в. на сирийском языке монах **Кирилл Скифопольский** (ок. 525 – после 539 гг.). Он собрал биографии семи лидеров монашества, подвизавшихся в каменистой Иудейской пустыне с 400 по 550 гг. К исходу этого столетия появилась еще одна замечательная книжка Житий – «Луг духовный», написанная много путешествовавшим палестинским монахом Иоанном Мосхом с оригинальным прозвищем Евкрат – «Анисовое варено».

Красота, совершенство тела не волновали *агиографов* и богословов. Да и сама жизнь, ее образ едва ли вели к такому совершенству. Ненужное отмирало за ненадобностью. Не случайно в Римейском царстве было много *юродивых* – удивительных «блаженных похабников», глупцов, – признак православного менталитета и вместе с тем показатель психического надлома общества. В основе этого понятия лежат слова из Первого послания апостола Павла к Коринфянам: «Мы безумны Христа ради», «ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом», и из Евангелия от Марка : «...кто хочет идти за Мною, отвергнись себя».

Юродивые действительно отвергали жизнь обычных людей и соглашались изображать безумие, чтобы добровольно, как Христос, претерпеть страдание и поношение от людей и так приобщиться к Его страданиям. В противоположность грешникам, жаждущим объявить себя святыми, это были святые-безумцы, объявляющие себя грешниками, чтобы терпеть поношение от мира. Юродивые отрешались от всех благ, и не только житейских, но и духовных : от почестей, славы, уважения и привязанностей со стороны ближних. Мало того, они бросали вызов этим благам и приманкам, поступая не по-людски, но «по уродски» (отсюда «уродивый» – юродивый). Юродство и было таким подвигом, в котором человек показывал себя по наружным поступкам глупым, безумным, внутренне оставаясь преисполнен истинной христианской мудрости. Поэтому эти чудаковатые, босонogie, оборванные, лишенные всего люди с дурным запахом от грязных, немытых тел, такие несчастные, жалкие, а порой смешные в своей беспомощности, почитались населением как избранные Божии, живые святые, которым ниспослано великое чудо – самим творить чудеса и совершать подвиги добродетели. Считалось, что их грозными словами, а порой эпатажными, девиантными, неприличными, открыто срамными поступками Бог обличает людские пороки, которые мы стремимся держать в тайне. Нередко даже императоры наносили визиты юродивым, которые пророчествовали, шепча или выкрикивая нечленораздельные слова.

Голос юродивого воспринимался как глас Божий. Люди верили, что под личиной безумия юродивые скрывали святость, мудрость, предвидение и обличение. Сама их нагота – это обличение людей, которые думают об украшении тела, но не о душе. Все их поведение – осмеяние условностей и пороков, которые обычно скрывают.

Этот феномен представлял собой один из видов «странной» святости, подвижничества. Ею наделялся человек, в течение своей жизни не проявлявший публично христианских добродетелей. Мало того, как уже сказано, он даже нарушал нормы поведения. Добрые же дела, горячие молитвы свершал в тайне, так что о них если и узнавали, то после смерти юродивого. Недаром повествования о тех, кто решился на подвиг юродства, были проникнуты щемящим чувством искреннего сострадания к бедному человеку, такому убогому и такому мудрому в своей простоте.

Юродство зародилось в монашеской среде, в египетской пустыне в конце IV в. Оттуда оно распространилось в Сирию и Палестину, вышло на улицы городов. Своего расцвета это явление достигло позже, в VI – первой половине VII вв., потом, после некоторого спада, опять оживилось в конце IX-X вв. Лишь с XII в. юродство стало отходить на задворки религиозной жизни.

Смысл этого явления, видимо, заключался в той «встряске», которая напоминала христианам о народном сильном характере их религии. Это была, по образному выражению Сергея Аркадьевича Иванова, написавшего книгу о византийском юродстве, «шокотерапия» православия, дабы оно не «закосневало» в своем качестве официальной государственной идеологии. Следует подчеркнуть, что юродство оставалось, в целом, исключительной особенностью именно православного варианта христианства, хотя и заимствовалось в соседствовавших с Византией землях, где зачастую оставалось лишь в зачаточной и подражательной форме. Ромейское царство и тут удивляло мир.

?

1. С чем был связан перенос столицы Римской империи? Почему выбор Константина I пал на Византий и в чем заключалась мудрость этого стратегического выбора?
2. Что имел в виду Константин I, говоря, что он пойдет до тех пор, пока не остановится некто, идущий впереди него?
3. Кто был последним правителем единой Империи – до раздела на Западную и Восточную?
4. Почему Константинополь процветал в V в., в то время как Рим пришел в упадок? Какими фактами можно это подтвердить?
5. Вспомните, кто мог называться ромеем?
6. В чем заключалось фундаментальное отличие Восточной Римской империи от Западной?
7. От кого и от чего зависело избрание нового василевса?
8. Как вы полагаете, почему византийские императоры не были наследными монархами? Можно ли василевса считать «слугой народа»?
9. Как ромеи относились к родовитости? Чем это можно объяснить?
10. Чем привлекали византийцев ипподромы и почему о них заботилось именно государство?
11. Вспомните основные составляющие византийского ипподрома.
12. Попробуйте выделить основные типы мятежей партий ипподрома.
13. Из чего складывались доходы ранней Византийской империи?
14. Кто помогал императору в управлении страной? Какую роль в управлении играли чиновники и каким образом они были организованы? Попробуйте определить основные принципы, на которых основывалась ранневизантийская система управления.
15. В чем состояли достоинства и недостатки византийской налоговой системы?
16. Почему ромейская армия не всегда отличалась надежностью? От чего зависела её боеспособность?
17. Оцените состояние византийской армии и флота. Какую роль в войсках играли контингенты варваров?

18. Какую тенденцию в развитии родов ромейских войск можно заметить к VI-VII вв.?
19. Попробуйте перечислить сильные и слабые стороны ромейской государственности? Каких было больше?
20. Вспомните, что произошло раньше: перенос столицы Империи на восток или превращение христианства в государственную религию? Когда это было?
21. Каковы этапы становления христианства как государственной религии?
22. В чем проявлялась специфика отношений к христианству и к античным традиционным религиям в ранневизантийском обществе и как развивались отношения между самими христианами и язычниками?
23. Почему император Константин I откладывал принятие Святого Крещения до последних дней своей жизни?
24. За какие заслуги Христианская Церковь признала Константина I святым?
25. С какой целью стали созывать церковные Соборы? Почему так была важна точность богословских терминов, которые устанавливали эти Соборы?
26. Что собой представлял христианский аскетизм? Почему его надо понимать не только как тяжкую физическую практику, связанную с воздержанием, самоотречением, но также и как средство построения, преображения личности?
27. Как вы считаете, чем был обусловлен всплеск аскетизма и отшельничества в ранней Византии?
28. Какие виды ранней монашеской жизни существовали в Ромейском царстве? Попробуйте выстроить их типологию, организационные модели.
29. Почему Антония Великого нельзя считать «первым монахом»? В чем можно видеть его первенство?
30. Кто оказал наиболее осязаемое влияние на организацию монашества и создал первые монашеские уставы?
31. Где, в каких местах и почему именно там наиболее активно развивалось монашество?
32. Как вы полагаете, что влияло на формирование идеала ромейского монаха?
33. Чем киновия принципиально отличается от классической лавры?
34. В чем заключалась символика одежды византийских монахов?
35. Подумайте, почему в монашеской жизни, отрицавшей мир, так много было рассчитано на зрителя?
36. Почему государство стремилось поставить монашество не только под контроль Церкви и в чем законодательно проявлялась регламентация монашеской жизни?
37. Почему юродство было прежде всего византийским феноменом? Поразмышляйте над тем, почему его не знало античное общество?

Внимание, источник!

**Из «Гетики» историка Иордана (550-е гг.)
о впечатлении остготского короля Атанариха, посетившего Константинополь
по приглашению императора Феодосия I Великого (378-395 гг.).**

Атанариха, который тогда наследовал Фритигерну, он (Феодосий I) привлек к себе поднесением ему даров и пригласил его со свойственной ему приветливостью нрава побывать у него в Константинополе. Тот, охотно приняв приглашение, вступил в царственный город и в удивлении воскликнул: «Теперь я вижу собственными глазами то, о чем

часто слышал с недоверием!» – разумея под этим славу великого города. И, озираясь туда и сюда, он то восхищался местоположением города, то удивлялся веренице кораблей, то, смотря на знаменитые стены и на множество народа из различных племен, обильной волной стекающего сюда, как войско в боевом порядке, в общий поток с разных сторон, произнес: «Без сомнения император есть земной бог, и кто осмеливается на него подняться, сам будет виновен в пролитии собственной крови». Был он, таким образом, в превеликом восхищении, а император возвеличил его еще большими почестями.

**Из предписания императора Феодосия II от 16 января 424 г.
комиту священных шедрот Максимину относительно одежд,
окрашенных пурпуром**

(Пусть) все, которые являются какого угодно пола, достоинства, ремесла, профессии и рода, воздерживаются от владения продукцией такого рода, который посвящается только принцепсу и его дому. И шелковые паллии, и туники, которые сотканы никак иначе (кроме как путем) смешивания (с) красящим (пурпуриноносным) моллюском, никто дома не делает или ткёт. Туники и паллии, окрашенные кровью моллюска в каждой части ткани, выносятся из жилищ и утаскиваются (в фиск). (Пусть) не вшиваются никакие нити, окрашенные моллюском, и (пусть) не долженствующие быть скрепляющими нити избегнут того же окрашивания (с помощью) острого гребня. Долженствующие быть возвращенными эрарию настоящие (то есть окрашенные пурпуром) платья тотчас (ему и предоставляются) (...). Иначе поднимется опасность наподобие (наказания по обвинению в) оскорблении величия.

**Патриарх Николай I Мистик (901 907 и 912 – 925 гг.),
бывший императорский секретарь и тайный поверенный,
об императорской власти**

Если василевс, по внушению диавола, издает приказ, противоречащий божественному закону, ему не следует подчиняться; надо считать, что безбожный приказ, исходящий от безбожного человека, не имеет никакой силы...

«История» Никиты Хониата (ок. 1155 – 1217 г.) о власти императора

[...] императорская власть достается не игрой судьбы, не как родовой удел, а как дар за мужество и награда за многие подвиги.

[...] Для большей части ромейских царей решительно невыносимо только повелевать, ходить в золоте, пользоваться общественным достоянием как своим и обращаться с людьми свободными как с рабами. Они считают для себя крайней обидой, если их не признают мудрецами.

**Из воспоминаний арабского пленного Гаруна ибн-Яхьи (середина X в.)
о константинопольском Ипподроме**

[...] Рядом с ним¹ находится место, именуемое «аль-Будрун» (Ипподром), и похоже оно на поле для скачек, там часто собираются люди знатного происхождения, и импе-

¹ Речь идет о Большом императорском дворце.

ратор их видит из своего дворца. В самом дворце находятся идола, отлитые из бронзы, имеющие вид лошадей, людей, диких животных, львов и прочая : в восточной части Ипподрома, со стороны Золотых ворот, находятся двое малых ворот, через которые на Ипподром выводят четверки лошадей. В особые повозки поднимаются мужчины-возницы, одетые в красивые одежды из богатых тканей различных цветов, обильно расшитых золотом, и начинаются соревнования квадриг : лошади бегут наперегонки, увлекая за собой повозки, они пробегают ворота, о которых я уже упоминал, и трижды обегают во-круг установленных на Ипподроме идолов. Вознице, опередившему своих соперников, от имени императора бросают ожерелье из золотых монет и целый фунт чистого золота. Все жители Константинополя присутствуют на этих состязаниях и с интересом наблюдают за ними.

Историк Прокопий Кесарийский (490/507-585 гг.) о цирковых партиях

Издrevле жители в каждом городе разделялись на венетов и прасинов; но с недавнего времени за эти имена и за места, на которых сидят во время зрелищ, стали расточать деньги и подвергать себя жесточайшим телесным наказаниям, даже постыдной смерти. Они заводят драки со своими противниками, сами, не ведая за что, подвергают себя опасности, будучи, напротив того, уверены, что, одержав верх над ними в этих драках, они не могут ожидать ничего более, как заключения в темницы и казни. Вражда к противникам возникает у них без причины и остается навеки; не уважается ни родство, ни свойство, ни узы дружбы. Даже родные братья, приставшие один к одному из этих цветов, другой к другому, бывают в раздоре между собою. Им нужды нет ни до божьих, ни до человеческих дел, лишь бы одолеть противников. Им нужды нет до того, что какая-либо сторона окажется нечестивою перед Богом, что законы и гражданское общество оскорбляются людьми своими или их противниками, ибо даже в то самое время, когда они нуждаются, может быть, в необходимом, когда отечество обижено в самом существенном, они немало о том не беспокоятся, лишь бы их стороне (партии) было хорошо; стороною они называют своих сообщников. И даже женщины принимают участие в этой нечисти; они не только следуют мнению своих мужей, но даже пристают к противной партии, несмотря на то, что они не ходят на зрелища¹ и ничто их к этому участию не побуждает. И не могу я иначе назвать это, как душевной болезнью. Вот что происходит в каждом городе между жителями его.

Из «Хронографии» Феофана Исповедника (811-814 гг.) о беспорядках, вызванных соперничеством венетов и прасинов в 512 г.

В том же году венеты ввели народное правление и во всех городах произвели возмущения, побиение камнями и прочие убийства. Беспорядки начались прежде всего в Антиохии и распространились по всем городам, в коих продолжались целых пять лет. При этом поражали мечами прасинов, когда они попадались при встрече, даже отыскивали в домах, и правители не смели подвергать наказанию убийц. Это продолжалось до самого шестого года царствования благочестивого Юстина.

¹ Женщинам было запрещено посещать ипподром.

**Из эдикта к провинциалам императоров Грациана и Феодосия I
от 29 января 380 г. о наборе воинов.**

Мы определили, чтобы среди лучших турм отборнейших воинов никто не был из числа рабов, или чтобы (не был) приведен из трактира или из прислуги пользующихся дурной славой постоялых дворов, или из числа пекарей или поваров, или даже такой, уродство которого отвергло (его от) подчинения службе, и не лица, притащенные из мастерских-эргастулов. Ибо ни по какому извинению не должны избежать тяжелого наказания (в виде) убытка, если это будет скрыто (от) показания светлейшим мужам магистрам конных (и) пеших. Но поскольку предлагающего это ждет суровое наказание, то (пусть его) накажет тройной взнос превосходных рекрутов.

**Из санкции императора Льва I (457-474 гг.)
относительно выдачи пробаториев – утвердительных писем**

3. (В) скринии памяти (выдаются пробатории) : агентов по делам, палатинов (ведомства) щедрот, палатинов (ведомства) частных имуществ доли Августы.

4. Также (в) скринии священных посланий (выдаются пробатории) : в оффициях сительных мужей префектов претория Востока и Иллирика, и Города¹; оффикия проконсулов Азии и Ахайи; оффикия префекта-августала; оффикия комита Востока; оффикия комита божественных домов; оффикия викариев Фракии, Понта, Азии и Македонии; и класса казначеев.

5. Также (выдаются пробатории и в) скринии священных бумаг (для) : оффикия сительных мужей магистров воинов того и другого (рода воинской) службы, презентальных, Востока и Иллирика; (а также следующих чиновников:) «впускающих»; ведающих аудиенциями; «запоминающих»; и всех «сопровождающих»; кладовщиков; измерителей; тех лампоносцев, которые приставлены (к) свяственным скриниям; десятников части (дворца, относящейся к) Августе; курьеров части Августы; (чиновников) оффикия замечательных мужей дуков: Палестины, Месопотамии, нового лимеса² Финикии, Осроены, Сирии и Евфратийской Августы, Аравии и Фиваиды, Ливии, Пентаполя, Мизии Первой (и) Второй, Дакии, Паннонии; (а также) оффикия замечательных мужей комитов : Египта, Памфилии, Исаурии, Ликаонии и Писидии.

**Из «Послания к Кесарю» Евсевия Кесарийского. Первоначальный текст
Символа Веры, принятый на Никейском соборе 19 июня 325 г.**

Мы верим во единого Бога, всенаивысшего Отца (Отца Вседержителя), Творца всего видимого и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божьего, рожденного от Отца, того самого естества (*единосущного*, подобосущного – *омоусиус*), что и Отец, Бога от Бога, Света от Света, Бога Истинного от Бога Истинного, рожденного, несотворенного, Который создал все на небе и на земле, Который для нас, людей, и для нашего спасения пришел с небес, был претворен (воплотился), стал человеком (вочеловечился), страдал, воскрес из мертвых на третий день, вознесса на небо, и (Он) придет судить живых и мертвых. И в Святого Духа.

¹ Полисом, то есть Городом было приятно называть Константинополь, столицу Империи.

² Оборонительного пояса.

А говорящих, что было (время), когда не было (Сына), и что Его не было перед тем, как (Он) был рожденный, и что (Он) был создан из ничего, или тех, кто утверждает, что Сын Божий из другой *ипостаси* (естества, субстанции) или *сущности (природы)*, чем Отец, или, что Сын Божий создан (тварен), или преложим, или изменяем, Вселенская (Кафолическая) Церковь анафемствует (осуждает).

**Из предписаний императоров Гонория и Феодосия II от 8 июня 423 г.
относительно язычников, манихеев, иудеев и еретиков**

Язычников, которые сохранились, если они когда-нибудь будут захвачены в должествующих быть проклятыми священнодействиях демонов, – хотя (прежде) они должны (были) подставляться (под) капитальное (смертное) наказание, – пусть нынче удерживает проскрипция¹ имуществ и ссылка.

Манихеев [...], а также и тех, кто хуже всех еретиков [...], если они упорствуют в том же безумии, мы наказываем той же карой – проскрипцией имуществ, а также ссылкой.

Но и христианам [...] мы специально поручаем, чтобы они не отваживались злоупотреблять авторитетом религии [...] (в отношении) иудеев и язычников, живущих в покое [...]. Ибо, если они будут жестоки против спокойных или разграбят их добро, то понуждаются восстановить не только то, что унесли, но (и должны быть) согласны (возместить) тройне и вчетверо то, что разграбили. И ректоры провинций, и оффикии, и провинциалы (пусть) узнают себе, что должны быть наказаны те, кто [...] допустят (такое).

**Из сборника рассказов «Луг духовный» Палладия Елленопольского (419 г.)
о египетских монахах**

Посетив много святых и прожив года три в монастырях около Александрии [...] я оттуда пошел на Нитрийскую гору² [...]. К этой горе прилежит большая пустыня, простирающаяся даже до Эфиопии и Мавритании³. По горе живет до пяти тысяч мужей, которые ведут различный образ жизни, кто как может и хочет; так что можно там жить по одному, и по двое, и многим вместе. У них семь пекарен, в которых готовят хлебы и для себя, и для отшельников, удалившихся в большую пустыню, числом до шестисот. На этой горе Нитрийской только одна церковь, весьма обширная. Подле церкви находится странноприимный дом, в котором содержат странника во все время его пребывания на горе, хотя бы оно продолжалось два или три года, пока он не захочет оставить гору. Ему позволяют жить без дела только одну неделю, а в следующие дни ему дают дело или в саду, или в пекарне, или на поварне. Если же странник человек знатный, то ему дают читать книги, но беседовать ни с кем не позволяют до шестого часа дня. На этой горе живут и врачи, и аптекари. Употребляют здесь и вино и продают его. Платье же себе делают все сами своими руками, так что в этом отношении они не знают нужды. По наступлению вечера можно... слышать в каждой келии хвалебные песни и псалмы, воспеваемые Христу, и молитвы воссылают на небеса [...]. В церковь собираются только по субботам и воскресным дням.

¹ Конфискация.

² Нитрийская гора располагалась в нескольких десятках километров к югу от Александрии, в пустыне Нитрии.

³ Мавритания – бывшая римская провинция на северо-востоке Африки (территория современных Алжира и Туниса).

**Из «Церковной истории» Евагрия Схоластика (конец VI в.)
о подвижничестве разного рода**

[...] Прибыв в с вятый город Христа¹, она (императрица Евдокия²) многое совершила ради почитания Бога Спасителя и даже построила святые монастыри и так называемые лавры; в них устав различен, но образ жизни удовлетворяет одной-единственной боголюбезной цели.

Ибо над теми, кто живет общиной, не властвует ничто из того, что притягивает к земле; ибо у них нет золота, да и о каком золоте мне говорить, если [у них] нет ни собственной одежды, ни каких-либо съестных припасов. Ибо ныне один носит грубый плащ или экскомиду³, а вскоре другой наденет ее, так что одежда всех является [одеждой] каждого, а одежда одного – [одеждой] всех. У них и совместная трапеза без закусок и каких-либо других приправ, которая встречает [сидящихся за стол] одной зеленью и бобами, доставляемыми в количестве, необходимом для поддержания жизни и только. Они проводят дни и ночи в общих молитвах к Богу, до такой степени истощая себя и изнуряя трудами, что, кажется, видишь мертвецов без могил, [ходящих] по земле. Есть такие, кто, исполняя пост, продлевают его на два или три дня, другие же на пять или сверх того, и с трудом принимают даже необходимую пищу.

Иные же, выбирая противоположный путь, уединяются и запирают себя в тесные помещения такой ширины и такой высоты, что они не могут ни выпрямиться, ни лечь свободно, постоянно пребывая, по выражению апостола, в пещерах и земляных ямах. Другие возносят молитвы к Богу, обитая вместе со зверьми и в каких-то глубоко сокрытых пещерах. Однако ими придуман и еще один способ [подвижничества], превосходящий меру любого мужества и выносливости. Ибо отправляясь в раскаленную пустыню и прикрыв только то, что необходимо по природе, мужчины и женщины подвергают все остальные части обнаженного тела непомерным холодам и палящему дыханию ветров, равно презирая и зной и стужу. Они совершенно отвергают человеческую пищу и пасутся на земле – [их] называют пасущимися⁴, – только от нее получая жизнь, так что с временем уподобляются животным, поскольку у них меняется внешний вид и по разуму они также отличаются от людей; завидев их, они бегут, и, преследуемые, находят [способ] скрыться или же благодаря скорости ног, или же в каких-нибудь непроходимых местах.

Скажу и о другом, что едва не прошло мимо меня, хотя оно и превосходит по важности все остальное. Есть немногие, но они все равно есть, которые, как только получают бесстрастие посредством добродетели, возвращаются в мир в самую гущу его суеты; и объявляя себя безумными, до такой степени попирают тщеславие..., и до такой степени стремятся к мудрости, что едят с совершенным равнодушием, даже когда им приходится быть у трактирщиков или перекупщиков, не обращая внимания ни на место, ни на внешний вид, ни на что-либо другое; они посещают многие бани, как правило, моясь вместе с женщинами, с такой силой побеждая страсти, что тиранят свою природу и не отвечают [ее зову] ни при взгляде, ни при прикосновении, ни даже в объятьях женщины; с мужчинами они мужчины, с женщинами женщины, и желают участвовать в обеих природах, а не только в какой-нибудь одной из них. ...Они часто и неумоимо падают на колени и с напряжение поднимаются, ибо только один порыв вдыхает огонь в их старость

¹ Иерусалим.

² Супруга императора Феодосия II с 421 г., августа – с 423 г. Умерла в Иерусалиме в 460 г.

³ Туника, оставлявшая открытым правое плечо и правую руку; одежда рабов и трудового люда.

⁴ См.: *воски*.

и добровольную слабость; они словно бесплотные атлеты и бескровные бойцы, для кого пост является настоящим пиром и роскошью, а предельное воздержание от еды – изобильной трапезой. Когда бы ни пришел к ним гость, даже ранним утром, он встречают [его] с приветствиями и щедростью, придумывая особый вид поста – есть, не испытывая желания; и вызывает изумление, как они, нуждаясь в стольких [вещах], довольствуются столь малым при такой роскоши; они враги своих прихотей и своей природы, подчиняющиеся желаниям тех, кто рядом с ними, чтобы во всем у них плотское наслаждение было отринуто и правила душа, разумно избирая и сохраняя прекрасное и богоугодное; блаженны они образом жизни, [который ведут] на земле, еще более блаженны своим уходом из мира, которого ежечасно ожидают, торопясь увидеть Желанного.

Из Актов III Вселенского собора в Халкидоне в 451 г.

[...] То, что ведет к жизни истинно и абсолютно монашеской достойно настоящего уважения. Но поскольку некоторые пользуются своими монашескими одеждами для того, чтобы вносить раздор в Церкви и политические дела, оказываясь то там, то здесь, без всякого плана, в разных городах, и даже принимаются сами основывать монастыри, собор постановил, что никто не может ни построить, ни основать монастырь или место для богослужения без разрешения епископа города. Кроме того, было решено, что как городские, так и деревенские монахи будут подчиняться епископу. Они должны удовлетворяться тем, что постоянно будут в смиренном созерцании, посте и молитве в тех местах, которые будут для этого определены. Монахи должны стараться не вызывать беспорядков в делах Церкви или государства, не вмешиваться ни в те, ни в другие. Они должны покидать монастырь только в случае необходимости и по приказу епископа города.

Знаменитый церковный деятель, богослов и писатель Григорий из Назианза (ок. 330-390 гг.) о вступающих в состав духовенства.

Всем отверст вход в незапертую дверь и кажется мне : слышу глашатая, который стоит впереди и возглашает : «приходите сюда все служители греха, ставшие поношением для людей, чревоугодники, отяжелевшие от толщины, бесстыдные, высокомерные, пьяницы, бродяги, злоречивые, одевающиеся пышно, лгуны, обидчики, скорые на ложную клятву, мироеды, незаконно налагающие руки на чужое достояние, убийцы, обманщики, льстецы перед сильными, лвы в отношении к слабым, двоедушные рабы [...]»

?

1. Как вы думаете, что больше всего поразило Атанариха в столице ромеев и почему именно это выделил Иордан?
2. Почему имперский закон настаивал на том, чтобы платья, окрашенные пурпуром, поступали только в государственную казну?
3. Как рассматривали императорскую власть Николай I Мистик и Никита Хониат? О чем это говорит?
4. Чем отличались взгляды византийцев на власть императора от представлений народов западной Европы и Востока? Как вы думаете, почему?

5. Как, со слов арабского писателя, вы представляете константинопольский Ипподром? Что там происходило?
6. Как относится Прокопий Кесарийский к факциям? Почему?
7. Можно ли вслед за Феофаном назвать случившееся в 512 г. «народным правлением»? Какую хронологическую ошибку допустил хронист?
8. Кого, согласно закону, не следовало брать на службу в армию? Как вы думаете, насколько последовательно соблюдался этот принцип отбора? Кто и почему был заинтересован в поставке в армию некачественных рекрутов?
9. Попробуйте разобраться, каким чиновным ведомствам были адресованы упомянутые в законе императора Льва утвердительные письма-пробатории и какие ведомства их выдавали?
10. К чему сводились религиозные разногласия в Церкви, если исходить из анализа Никейского Символа Веры? Как вы думаете, почему они тревожили и Церковь, и императорскую власть?
11. Как, согласно имперским законам, полагалось поступать с язычниками, иудеями, не признававшими Христа, и еретиками? Подумайте, о чем говорит принятие таких законов?
12. Попробуйте восстановить внешний вид монастыря по рассказу Палладия. К какому типу он относится?
13. Какие виды святого подвижничества перечисляет Евагрий Схоластик? Что в них общего и почему?
14. На какие опасности монашества для византийской Церкви и государства указывал Халкидонский синод 451 г.? Вспомните, что вам уже известно о монашестве в ранней Византии?
15. О чем свидетельствуют инвективы Григория Назианзина? Подумайте, чем можно объяснить низкий уровень нравственности раннего православного духовенства после того как Церковь достигла господствующего положения в обществе к концу IV века?

§ 2. Залоги успеха

В состав ранней Византийской империи вошли наиболее богатые, плодородные и культурные области Римской державы с разным климатом и богатыми природными, людскими и материальными ресурсами. Она состояла в основном из четырех главных регионов – италийского, балканского, малоазийского и ближневосточного. Это было аграрное общество, но с очень развитыми городами, торговлей, ремеслом, фискальной системой, абсолютно самодостаточной хозяйственной жизнью и большими государственными доходами. Доставшееся ромеям наследие, геополитический, геоэкономический и геостратегический факторы определили природу Ромейского царства, его уникальное по устойчивости положение в период, когда весь мир переживал грандиозные изменения и, образно говоря, «вышел из своих суставов». Прочность институтов, наличие выдающихся лидеров в кризисные моменты, процветающая экономика ранней Византии обеспечили благополучие, высокий прожиточный уровень растущему населению, а также достаточно средств, чтобы откупаться или отбиваться от варварских нашествий.

Пространство Империи

Если следовать с севера на юг по часовой стрелке, то одной из самых отдаленных земель Ромейского царства являлся обширный Крымский полуостров (*Таврика*), расположенный в Черном море между Одесским заливом и Азовским морем, когда-то называвшимся *Меотидой* (Карта 1).

Со временем находившиеся здесь приморские области, тянувшиеся вдоль горной яйлы от портового города-крепости *Херсона* на месте современного Севастополя до города-крепости *Боспор* на месте Керчи, получили название *климата*, что по-гречески означало «склоны гор». Кроме греческого, здесь обитало местное скифо-сарматское население, к которому со временем добавилось население из германцев-готов и степняков алан.

Далее следовали еще более гористое побережье восточного Причерноморья, Кавказ с его многочисленными местными племенами, в частности, *Лазика*¹, потом часть Армении, плодородные речные долины и неприютные пустыни Месопотамии (северного Ирака) и самая важная, ядровая территория, процветающий центр Империи, колыбель исполина – вся Малая Азия преимущественно в виде огромного плоскогорья со средней высотой в тысячу метров, выше которого то там, то здесь и ныне возвышаются островки гор, покрытых густыми лесами. Именно сюда грозила с востока опасность со стороны мощной Персии – государства шахов Сасанидов, как тогда звали Иран.

Южнее простиралось благодатное восточное Средиземноморье с щедрыми, хотя и каменистыми землями Палестины и Сирии, отдельные пустынные районы Аравийского полуострова вплоть до Красного моря, наконец, почти однообразное меловое плоскогорье Египта с его прославленной плодородной, зеленой долиной Нила и узкая, но протяженная полоска побережье знойной северной Африки с ее благодатными оазисами и кипучими портовыми городами. Долгое время этим землям не угрожало ничто, кроме рассеянных племен кочевников, как арабов, так и берберов.

Прыжок через Гибралтарский пролив, ширина которого в самом узком месте всего четырнадцать километров, и мы на территории небольшого анклава ромеев на юго-восточной оконечности Пиренейского полуострова, откуда недалеко до Апеннинского полуострова, знаменитого «итальянского сапога», под «каблуком» которого находилась щедрая *Сицилия* – большой остров треугольной формы с роскошными пшеничными полями. Кроме того, он занимал важнейшее место в главных морских коммуникациях Империи.

Ромейскими были и другие крупные, важные во всех отношениях острова Средиземного моря – *Балеарские*, *Сардиния*, *Корсика*, *Кипр*. От ромейского побережья Адриатики, с отошедшими в V в. к Империи латинскими Иллириком и *Далмацией*, начинались земли протяженного, огромного, на две трети покрытого горами и лесами Балканского полуострова, вместе с гористой Грецией почти сплошь византийские, как и многочисленные острова Эгейского моря, самыми значительными из которых являлись *Крит*, *Самос* и *Лесбос*. Если бы не угроза со стороны германских варварских королевств для Италии, а для Балкан – Аварского каганта и славянских племен, эти земли были бы не

¹ В 523 г. от Персии отделилась Лазика (область западной Грузии), а ее правитель, приняв христианство, признал верховенство византийского императора.

менее процветающими, чем владения Ромейского царства в восточном Средиземноморье.

Византийская империя никогда, даже во времена своей военной экспансии, не нарушала очерченную границу, которая охватывала более 1 млн. кв. километров, а жило на этом пространстве, по разным подсчетам, приблизительно от 24 до 28 млн. человек, хотя некоторые византийцы считают возможным увеличить это число почти вдвое. В любом случае плотность населения достигала не менее пятнадцати – двадцати обитателей на квадратный километр, что по тем временам было немало.

Из различных племен и народностей состояло население Империи ромеев. В ранний период господства Византии оно представляло собой особенно причудливую этническую и лингвистическую мозаику. На огромной территории Ромейского царства обитали гордые греки и деловитые сирийцы (сиры, сириаки), говорившие на арамейском наречии, трудолюбивые копты, потомки древнего египетского населения, свободолюбивые германцы, иллирийцы, воинственные фракийцы, говорившие на латыни и романском диалекте, энергичные армяне и пылкие лазы – предки грузин, лукавые пафлагонцы и по-солдатски грубые каппадокийцы, прижимистые киликийцы и полудикие, отчаянные племена горцев–исавров в Малой Азии, кочевники–берберы, арабы и появившиеся позже турки, переселенцы–славяне, принявшие христианство, но оставшиеся грабителями жители горного Ливана – мардаиты, а также многочисленные евреи, как ассимилировавшиеся, так и жившие общинами, сохранившими свою этническую самобытность. Все это постепенно смешивалось в одну основу. Будучи многоэтническим государством, Империя объединялась на православной религиозно-политической почве, на чувстве причастности к одной и той же культуре.

На различных языках, диалектах и наречиях говорило, а подчас и писало это многоликое и разнородное население, причем ни один язык не был гонимым. Но общим для всех был греческий язык, для которого теперь пришло время реванша. Благодаря Православию, из языка покоренного народа, языка меньшинства он превратился во все более господствующий в деловой, бытовой и культурной жизни, стал языком литературы и науки. Однако официальным языком власти, особенно армии и права, и вторым придворным языком в IV–VI вв. все еще продолжала оставаться унаследованная от Рима латынь. На ней отдавали приказы в армии, писали законы, указы и постановления императоров, приказы и распоряжения правителей и чиновников, составляли решения судов, хотя нередко и с греческим переводом. Лишь к середине VII в. латынь окончательно исчезла из столицы Империи, лишившись государственного покровительства по мере все более полного перехода на греческий язык, а еще позже латинский язык в Ромейском царстве стали уже называть варварским.

Благогатные земли, густонаселенные области с мягким и умеренным климатом вошли в состав Империи ромеев. Жаркое лето и теплая дождливая зима в прибрежных областях и на юге (Сирия, Палестина, Египет) сочеталась со знойным засушливым летом и более суровой и снежной зимой в северных и внутренних районах страны (Балканы, центральная Малая Азия).

Большая часть территории Византии имела гористый, скальный или холмистый ландшафт (Крымские горы с их отрогами, Динарское нагорье западных

Балкан, труднодоступные Родопские горы в Македонии, хребет Пинда в средней Греция и ее южная оконечность – *Пелопоннес*, Малая Азия с особенно значительным хребтом *Тавра*, тянувшимся на юге полуострова трехсоткилометровой горной полосой шириной около пятидесяти километров, каменистые Палестина, Сирия с неприступными горами Ливана). В таких местах рос лес и густые кустарники и лишь в предгорьях были луга. Речные долины, причем не всегда большие по размерам, находились в придунайских районах (дельта Дуная), около македонской *Фессалоники (Кампания)*, в плодородных североафриканских долинах, а равнины – на покрытых редким кустарником, безлюдных, холмистых, высоких плоскогорьях Малой Азии, в полустепях – полупустынях востока необъятной страны.

*Природные богатства
страны ромеев*

Империя ромеев была типичной аграрной страной – ее земли состояли преимущественно из областей с древней и высокой земледельческой культурой. Однако во многих из них, несмотря на богатый морской климат, занятие земледелием требовало дополнительного полива, устройства ирригационных систем, каналов, специальных *цистерн*, различных приспособлений для черпания воды.

Зато на орошаемых землях Сирии, Палестины и Египта дважды в год созревали богатые урожаи ячменя и пшеницы. Долина Нила с его богатными разливами производила наибольшее количество зерна на душу населения. На 27 000 кв. км плодородной египетской территории в VI в. проживало четверть населения Империи, приносившего ей 40% финансовых поступлений. Но особенно славилась своими богатыми пастбищами и плодородием превосходная красная земля к северу от сирийской реки *Ярмук* (Йармук), притока Иордана. Отсюда вплоть до Ирака гигантской дугой тянулся пояс земель, который не случайно называют «Полумесяцем изобилия». Кроме того, зерно, как уже сказано, составляло главное богатство острова Сицилия. Здесь же выращивали прекрасный виноград. Много хлеба давали провинции Иллирика и тучные долины Фракии, которые уже римляне прозвали «амбаром Цереры», богини плодородия. Значительное количество зерна производилось в греческой *Фессалии*. Для хлебопашества были весьма пригодны приморские области Малой Азии, а также хорошо орошаемые высокие равнины и холмистые плоскогорья северомалозийской *Галатии*, центром которой являлся город *Анкира* – нынешняя турецкая Анкара. В таких районах была особенно велика плотность населения и более активно развивалось сельское хозяйство.

Побережье западной Сирии, Палестины, Малой Азии, Греции и многочисленные морские острова покрывали цветущие оливковые рощи, фруктовые сады и виноградники. Следует особо подчеркнуть, что Ромейское царство в значительной степени находилось в поясе оливководства, простиравшегося от просторных прибрежных равнин жаркого Туниса до черноморского побережья Малой Азии. Севернее эта важная культура не плодоносит. Спрос же на оливки и масло из них был чрезвычайно велик, причем даже среди варварских племен, соседей Империи, давно распробовавших их вкус.

Греция, особенно *Аттика* и Фессалия, а также *Македония* славились чрезвычайно полезным и вкусным медом, северная Африка, Палестина – финиковы-

ми пальмами и фисташковыми деревьями, смоквами-инжиром, для выращивания которых были необходимы обильная ирригация и сухая жара.

Протяженная, изрезанная бухтами и заливами береговая морская полоса давала возможность активно заниматься рыболовством. Поражает богатый выбор рыбы, известной византийцам. Наряду с ячменным хлебом, зеленью, овощами, фруктами и разбавленным теплой водой виноградным вином, она неизменно составляла пищу большинства населения.

На Сицилии, побережьи Адриатики, в **Крыму** и на пол тысячи километров севернее его, вплоть до лиманов около устья Днепра, из соляных озер Малой Азии и Египта добывали соль, стоившую недорого, но выгодную из-за широчайшего потребления в быту и в производстве. Сицилия также славилась как место добычи шафрана – очень ценного красителя лимонно-желтого цвета, который любили использовать византийцы и который входил в официальные цвета императорских одежд.

В Сирии, Палестине и Египте производились ценные льняные и шерстяные ткани. Благодаря использованию ирригации, в **Финикии**, Месопотамии, а также в некоторых других районах, к примеру, в глубоких долинах рек Армении и в южноиталийской солнечной **Калаврии**, хорошо росли тутовые деревья, листьями которых питаются шелковичные черви. Выращивание шелковичных культур делало эти земли одними из самых богатых и процветающих в Империи, позволяло снизить дефицит шелка-сырца, завозимого в Ромейское царство через Персию (Иран) и Дальний Восток. Особенно интенсивно этим стали заниматься в VI столетии, согласно плану, разработанному имперским правительством.

*Византийские шелководы – **сколекотрофы** – дословно «кормильщики червей» занимались своей трудоемкой деятельностью посезонно, в основном в течение апреля – июля. Культивирование от личинки-червя до собственно кокона, готового к прядению, требовало огромной заботы по поддержанию чистоты, влажности, даже тишины. Чтобы убить куколок в коконах, их нагревали в духовках при строго определенной температуре, дабы не повредить нить кокона. Готовую продукцию в виде таких «пропеченных» коконов скупали у многочисленных мелких производителей либо оптовики, либо странствующие торговцы – инициативные, находчивые, обладающие средствами и навыками «маркетинга». Они же диктовали «стартовые цены» сырья, пользуясь узостью рынка, а также тем, что давали производителям средства в долг, в кредит, даже под еще не выращенную продукцию. Но все равно местного сырья для изготовления шелка, так называемой **метаксы**, не хватало, и она продолжала экспортироваться как полуфабрикат, вероятно, в виде нераскрученных коконов и необработанных шелковых волокон. Легкий, компактный, сравнительно дорогой материал оставался идеальным предметом торговли. Это был некий универсальный, неоспоримо важный товар из числа сырьевых, с которым ромеям пришлось иметь дело едва ли не на всем протяжении истории существования их Империи.*

Однако очистка метаксы и изготовление пряжи распадалась в шелковом производстве на два разных технологических процесса. Приготовление собственно метаксы-пряжи (неочищенной метаксы) сводилось к размотке волокон из шелковичных коконов в горячей воде, которые на прядильном колесе соединяли в прядильную нить. Эту операцию выполняли уже сколекото-

рофы. Такая метакса представляла намотанный на катушку или барабан непромытый, неочищенный шелк-пряжу, который требовал дальнейшей обработки, а именно, подготовки нитей к окраске. Этим занимались специалисты – **катартарии**. Они промывали шелковую пряжу горячей водой и обрабатывали золой, просушивали на солнце в течение нескольких дней, ночью опуская в холодную воду, после чего тонкие, мягкие, очень прочные и легко окрашиваемые нити ценной метаксы можно было употреблять для изготовления тканей, чем занимались ремесленники – **сирикарии**.

Крашеный шелк был главным, но, разумеется, не единственным богатством ромеев. В холмистых районах восточномалоазийской Каппадокии, в **Лидии**, а также в Месопотамии, Сирии, североафриканской **Киренаике** разводили породистых лошадей и вьючных животных – **мулов** и верблюдов. Караваны из них, причем иногда из нескольких сот или даже тысяч голов, играли роль намного более безопасного, хотя и более дорогого транспорта, чем морские суда. В провинции **Фригия**, на западе Малой Азии, и в провинции **Азия**, недалеко от северомалоазийской Nikeи, около укрепленного военного лагеря **Малагины** паслись огромные императорские табуны. Здесь же существовали особенно важные для государства царские конюшни, конные заводы-митаты, откуда лошадей в больших количествах поставляли для нужд общественной почты и транспорта, а также для армии и царского двора. Важно подчеркнуть, что их закупали по твердым государственным расценкам. Европейскими центрами коневодства считались греческие Македония, Фессалия и **Эпир**. Вообще, ромеи любили лошадей и знали в них толк.

Северобалканская Фракия тоже поставляла резвых и выносливых коней, а также убойный скот, быков, овец, которых пригоняли на городские скотобойни-**хортволы**, в частности, на скотобойни всепожирающего, многочленного Константинополя. Во внутренних районах Малой Азии, степях балканской Халкидики, в Македонии особенно процветало овцеводство; в холмистых областях Малой Азии, в богатой **Вифинии** с ее обильными желудями дубовыми рощами, – свиноводство. Владельцы здешних крупных поместий основывали свое благосостояние именно на этом очень востребованном типе производства. На покрытых кустарником склонах гор тихой, глухой Греции и побережья Малой Азии разводили тонкошерстных коз. Недаром Фессалия, Македония и Эпир славились высоко ценившимся лакомством – «дарданским» козьим сыром.

Горы в изобилии давали дешевый строительный камень разных расцветок; кустарник повсеместно использовали для топлива. Древесину заготавливали в Понте, на севере Малой Азии. Прекрасный строительный и корабельный лес – дубы, сосны, кедры росли на склонах гор Иллирика, северобалканской Далмации и южномалоазийского Тавра, в лесах и чащах скалистой Сицилии, малоазийских **Ликии**, **Писидии**, **Памфилии** и Киликии, а также в **Ливане**. Именно высококачественному лесу ромеи были в немалой степени обязаны успехам своего судостроения. Существует свидетельство того, что византийские власти следовали определенной стратегии эксплуатации лесов, заботясь о них.

Строительный камень разного качества можно было добывать по всему Ромейскому царству, однако определенные виды камня, особенно мрамор, добывали специалисты в конкретных месторождениях. Наиболее известные мрамороломни и мастерские по обработке мрамора издавна существовали на юге Малой

Азии, в *Карии*, и в Мраморном море, где этим особенно славились государственные разработки мраморных жил на острове *Проконнес* (другие варианты названия – Приконнис, Проконисс; нынешний Мармара с современной турецкой деревней Сарайляр). Здешние карьеры, как и соседняя столица Империи, находились под небесным покровительством Богородицы и носили ее имя. Колонны, базы, капители, *антаблементы* и прочее в виде полуфабрикатов из проконнесского бело-голубого мрамора с характерными черно-серыми прожилками везли заказчикам во все уголки Средиземноморья и Черноморья. Прибывавшие с ними мастера высокого класса контролировали выгрузку архитектурных деталей и элементов и завершали их обработку, доверив несложные детали артелям местных или странствующих мастеров-каменщиков и каменотесов. Впрочем, вместе с падением спроса на крупные постройки из камня добыча мрамора в Византии к VII в. сократилась: с избытком хватало того, что можно было пустить во вторичное использование. Кроме того, выручал камень из местных карьеров. Лишь богачи продолжали импортировать дорогие сорта мрамора.

Богатство земли ромеев составляли и полезные ископаемые. Их залежи драгоценной россыпью были разбросаны в пределах Ромейского царства. В ранний период золото, по-гречески хрисос, добывали на северо-западной окраине Балканского полуострова, в Иллирике, где за это отвечал особый комит – *comes metallorum per Illiricum*. Где здесь находились копи, неизвестно, зато золотые разработки V-VI вв. археологически зафиксированы в восточном Египте, а письменные источники указывают на важность золотых запасов Кавказа, прежде всего, Армении, где, кроме того, добывали и серебро, именуемое по-гречески аргирос. Следует подчеркнуть, что вывоз этих жизненно важных для экономики ценнейших металлов находился под запретом властей в течение всего существования Византийской империи.

Археологические исследования подтверждают деятельность в IV-V вв. древних античных серебряных разработок Лавриона в Греции. Кроме того, к исходу ранневизантийского периода, в VI-VII вв. серебро добывали на южночерноморском побережье и в горах Тавра на юге Малой Азии. Горы Тавра были вообще богаты медью (халкос), железом (сидерос), свинцом (моливдес), даже золотом, а также оловом (касаитерос), без которого невозможно было производить бронзу и *латунь*. Между тем из бронзы делали всевозможную домашнюю утварь, посуду, инструменты, украшения и крайне необходимую для внутреннего рынка многочисленную разменную монету. Важные залежи меди существовали в центральных Балканах, в Испании, в горах Кипра. Ранневизантийские разработки меди велись в северной Сирии и Палестине, где продолжали использовать горную технологию, заимствованную у римлян.

Стратегически важные запасы железа в горах Ливана обеспечивали сырьем производственные центры *Дамаска* и *Бостры*. Железо также добывали в Малой Азии в горах Тавра и около бойких, портовых *Трапезунда* и *Синопа*, откуда его удобно было вывозить морем. Понтийские разработки издавна ценились цинко-содержащей рудой, необходимой для производства латуни, поскольку чистый металлический цинк был неизвестен. Встречались важные разработки железа в западномалоазийских *Сардах*. Здесь в ходе раскопок открыты металлургические *эргастии*, работавшие на местном сырье. Добыча железа велась и в Крыму, в районе Керчи. Поразительно, но железо импортировали даже из далекой Индии!

Как уже сказано, свинец и олово поступали из Аназарба в Киликии, на юге Малой Азии, где их разработки велись в горах Тавра, но в VI-VII вв. британское олово тоже было в ходу в Ромейском царстве, если верить рассказам из Жития Александрийского патриарха Иоанна Милостивого (610-620 гг.), где описывался корабль, везший зерно в Британию, а обратно возвращавшийся в Александрию с грузом олова, чтобы продать его в североафриканской Киренаике.

Позже, согласно археологическим свидетельствам, ромеи сосредоточили свои разработки полезных ископаемых на северо-западе Малой Азии и в Греции. Много меди давали знаменитые Феннские рудники Аравии, свинец поставляли *Пергам* и Халкидика, цинк – малоазийская *Троада*, серу, необходимую при изготовлении канатов, – Сицилия, натр и квасцы, важные в текстильном производстве, при валянии сукна и для изготовления красителей, – Египет, а также Вифиния и *Керасунт* на Черном море, к востоку от Трапезунда.

У побережья Малой Азии и Финикии миллионами добывали ценный моллюсок (мурекс) морской пурпурной улитки-багрянки, из жидкости железы которой изготавливали знаменитую высокоценную пурпурную краску, использовавшуюся для окрашивания дорогих и редких пурпурных тканей. Накапливавшиеся гигантские кучи, целые горы остатков скорлупы раковин на месте красилен периодически пережигали на известь.

На территории Ромейского царства в изобилии имелась хорошая глина, песок, пригодные для изготовления стекла (прежде всего, в Египте и Финикии). Плодородная долина Нила снабжала весь Средиземноморский мир и в первую очередь Константинополь не только зерном, но и *папирусом*, единственным доступным письменным материалом, до VIII в. заменявшим дорогой «кожаный» письменный материал – пергамен.

Из месторождений Керченского и Таманского полуостровов, Кавказа, Грузии поступало такое стратегически важное сырье как нефть. Впрочем, она добывалась в сравнительно небольших количествах, достаточных для покрытия нужд прежде всего военного дела, изготовления зажигательных снарядов и смесей.

Так или иначе, именно эти неоспоримые факторы физической географии определяли жизнеспособность ранней Византии, количество производимой продукции, здоровье и благополучие ромеев, а в определенной степени способствовали и эффективности управления огромной страной.

Восточно-римская деревня

Вся жизнь Ромейского царства была сосредоточена на сельском хозяйстве. Нет сомнений, что именно оно было основным средством существования и, значит, основным источником доходов. По оценкам исследователей, не менее 80% населения Империи было крестьянами и сельскими ремесленниками, занято в земледелии и скотоводстве. Их труд служил основным источником прибавочного продукта. Другими словами, главным видом продовольствия являлся хлеб.

Палинологические исследования – изучение пыльцы и спор растений показывают, что в V-VI вв. заметно увеличилась площадь возделываемых земель, число культивируемых злаков, растений, что вызвало отступление лесов и без того активно вырубавшихся для строительства и прочих жизненных потребностей. Мягкие сорта пшеницы сменились твердыми сортами, для которых характерно

более высокое содержание белка, что позволило получить более качественную муку и вместе с тем сократить потребление хлеба по сравнению с тем хлебом, что выпекался прежде из мягкой пшеницы. Это несомненно свидетельствует об успехах сельскохозяйственного производства, хотя урожайность зерновых оставалась незначительной по нынешним меркам : даже в плодородных районах она редко превосходила сам 8:1, то есть на одно посаженное зерно получали восемь в виде урожая, а в сухих районах – и того меньше, в среднем сам 5:1. Впрочем, на этом уровне держался весь средневековый аграрный мир.

Византия была страной, где поначалу господствовала привилегированная крупная земельная собственность. Она оформилась уже в период поздней античности, когда экономический кризис Римской империи заставил людей вкладывать деньги в землю.

Сельское хозяйство требовало много рук. Разумеется, богатые землевладельцы, тем более сановные чиновники, сами не занимались им. Они назначали присматривающего за всем старшего эконома, несколько человек управляющих, счетоводов, которые вели дела. Земли делили на мелкие клочки, участки по два – четыре гектара, на которых работали, главным образом, арендаторы, зависимые крестьяне – *колоны* и в меньшей степени – рабы. Этого было достаточно для пропитания, а о постоянном увеличении продукции не думали, поскольку она была не нужна Империи.

Именно таким была жизнь некоего семейства Апионов, хорошо известная из записей египетских папирусов за многие годы – с 488 по 625 г. Они могли позволить себе иметь собственный флот, службу конных посыльных, своих солдат, тюрьмы для пойманных беглых рабов и жителей деревень, которых решили наказать, и даже своего рода частный банк, куда поступали причитающиеся Апионам как владельцам платежи деньгами и товарами и где выдавались ссуды местным крестьянам. Часто земли принадлежали церковным приходам – параикиям и особенно епископствам.

Рабство продолжало существовать и признавалось Церковью. Но уже с IV в. на Востоке оно играло в производстве весьма скромную роль, ограничиваясь в основном рамками домашнего хозяйства. Малопроизводительный даже в сельском хозяйстве труд рабов становился все более невыгодным по мере того как прекращались успешные войны, доставлявшие массу дешевых невольников в имения знати. Самое главное, труд рабов, как правило, не окупал расходы на их покупку и содержание. Ведь для приобретения даже неквалифицированного раба требовалось выложить, как правило, не менее десяти золотых *солидов*, – сумму, на которую ромей средней зажиточности мог бы прожить целый год. Престарелый раб или рабыня стоили около восьми солидов, покупка даже ребенка обходилась в пять золотых. Причем без гарантии, что такой «живой товар» успеет окупиться, а не выйдет из строя, покалечится, заболеет, а то и помрет. Как с ценным вложением, с ним и обращаться надо было соответственно. Чтобы воспроизводить такие рабочие руки, рабовладельцы разрешали посаженным на землю рабам обзаводиться семьей, домом, имуществом, к ним стали относиться мягче, а с VI в. убийство раба уже приравнивалось по закону к убийству свободного. Жестокое угнетение осуждалось.

Жизнь рабов, которым посчастливилось иметь хорошего хозяина, была, наверное, легче, чем жизнь свободных бедняков, которые, особенно в горо-

дах, влачили нищенское существование при всех их вольных правах. Рабам даже позволялось в свободное время работать по найму. Они могли таким путем заработать деньги и выкупить свободу. Трудно сказать, сколько потребовалось бы на это времени, например, военнопленным, – именно так чаще всего попадали в рабство, – но, кажется, большинство из них довольно быстро вливалось в обычное население. Многие бывшие рабы селились в провинциях как крестьяне и подлежали воинской повинности наравне со свободными.

Все более сокращавшиеся в количестве сельские рабы уже не находились под непрерывным надзором надсмотрщиков и управляющих, они все больше превращались в зависимых, но лично свободных арендаторов, сами вели хозяйство, хотя и отдавали большую часть урожая и выполняли любые работы по приказанию господина. В результате этого процесса рабство, как экономическая реальность, исчезло в Римейском царстве. Эта некогда основная форма получения дохода постепенно сменялась системой рент и налогов.

Некоторую, обычно меньшую часть земледельцев поместья составляли зависимые колонны. Их правовой статус с 332 г был наследственным и являл удивительное сочетание свободы и неволи.

Согласно римскому праву, колонны считались полусвободными лицами. Как правило, они были землевладельцами-арендаторами земли у государства или крупных земельных собственников. Имущество свободных колоннов признавалось их собственностью – **пекулием**. Отчуждение этого имущества могло происходить только с согласия собственника земли. Браки таких колоннов считались вполне законными. Их вносили в налоговый реестр и они платили налоги непосредственно государству. В их числе был особый основной налог на землю, так называемый **канон**, который вносили в виде части собранного урожая натурой или деньгами.

Некоторые колонны попадали в категорию так называемых **адскрипционных** или **энапографов** (в переводе с латинского и греческого – «приписные»), то есть они являлись «приписанными», прикрепленными к земле поместья и его владельцу, который налагал на них повинности, зато сполна платил за них государственные налоги и был собственником их имущества. По сути дела, это были полурабы, которых вносили в налоговый реестр не под своим именем, как свободных колоннов, а под именем землевладельца. Отпуск на волю для них не существовал. Они не должны были покидать отведенные для них наделы и могли подвергаться телесным наказаниям. Беглый адскрипционный-энапограф признавался ...вором самого себя. Фактически такие колонны прикреплялись к своим участкам, были поземельно-зависимыми. В случае бегства работников господа разыскивали их и возвращали на прежнее место. Правда, землевладелец не мог продать или купить «приписного» колону, как раба. Но в остальном даже скрупулезное византийское законодательство терпелось при определении тех или других.

Вместе с тем в Римейском царстве IV-VI вв. сохранилось еще немало и лично свободных земледельцев, которые имели свою землю. Обычно их называли по-гречески **георгамии** – «пахарями» или попросту – антропами, дословно «людьми». Это были свободные лица, зачастую сравнительно зажиточные, хотя среди них встречались и такие, которые раньше владели землей, но затем обеднели

и продали или отдали за долги большую ее часть. Когда такие птохи – «нищие» оставались вообще без пахотной земли, они лишались налоговых обязательств перед государством, поскольку не были вписаны в налоговые списки кормившихся от земли. В этом случае их называли *элеутерами*, в переводе с греческого «свободными», хотя такие «свободные» по положению немногим отличались от зависимых колонов. Неимущие брали в аренду небольшие участки у землевладельцев, отдавая хозяину обычно треть или даже половину урожая в натуральном или денежном выражении.

В целом, свободные колоны, георги, антропы составляли большинство и находились в гораздо лучшем положении, нежели категории откровенно зависимого сельского населения. С точки зрения закона, они обладали чуть более высоким статусом, собственным «имением» и оставались военнообязанными.

Следует особо отметить тенденцию, крайне важную для будущего сельского хозяйства страны. Уже в VI в. стало значительно увеличиваться число арендаторов земли, которые обычно заключали долгосрочный или даже бессрочный договор найма – *эмфитевсис*. Он возобновлялся при условии обязательного улучшения обрабатываемой земли и уплаты фиксированной ренты, натурой или деньгами, причем право такой ренты можно было передавать. Часто она считалась постоянной или наследственной.

Георги жили в деревнях – *комах* или *хорионах* крестьянскими организациями, сельскими соседскими общинами – *митрокомиями*. Это был вид сельскохозяйственного объединения, которое несло ответственность за доходность соответствующего налогового округа. Всей деревней крестьяне выбирали старост комы или хориона – *протокомитов* или *протов* – дословно «первых», которые, пользуясь своим авторитетом, уважением, руководили делами общины, хранили архив документов общины, следили за порядком, разбирали споры, разрешали мелкие конфликты. В помощь к ним назначалось несколько деревенских служащих – *ипиретов*. Надо особо подчеркнуть, что византийская община как налоговая единица в лице деревенских старост сама распределяла государственные подати, собирала налоги с землевладельцев и передавала государственным чиновникам, *кондукторам*, управлявшим налоговыми округами и производившим предварительные расчеты по налогам, которые они сообщали старостам. Сообща, деревней общинники, – свободные, арендаторы и полузависимые, – отвечали перед властями за полную уплату налогов, выполнение повинностей.

Самым важным государственным прямым подушным налогом, который в ранней Византии регулярно платили все крестьяне, являлась *капитация*. Ее единицей была *капит* – по-латыни «голова», а точнее по смыслу, «душа». Обычно отдельно от подушного налога взимались еще *синтелейя* – денежная подать в казну, канон, как уже выше сказано, основной прямой земельный натуральный налог, и *аннона* – еще одна комбинация подушной подати и земельного налога, которая обычно выглядела как принудительная закупка зерна властями по установленным низким ценам. Подати взимались ежегодно в три срока (в сентябре, январе, апреле-мае) как в денежной, так и в натуральной форме, прежде всего, зерном, соленой свининой, свиным жиром, маслом, вином или иными продуктами питания, но обязательно длительного хранения. Причем за неплатежеспособного человека его долю вносил сосед, что фактически прикрепляло налогоплательщика к земле. По самым приблизительным подсчетам деревня Ромейского

царства со столами и ропотом отдавала до трети своей продукции в качестве основных налогов.

Все полученное с земледельцев с помощью многочисленных посредников – сборщиков, получателей, приемщиков, кладовщиков, сопровождающих, охраны – собиралось и хранилось в поражающей воображение огромной сети государственных товарных складов-хранилищ – *орариев* или *анофик*, самые крупные из которых находились, разумеется, в Константинополе. Собранное в них распределялось государством по мере надобности: выдавалось воинам и служащим, чиновникам в виде аннон – пайков из продовольствия, одежды, фуража, дров, а также раздавалось населению, плебсу некоторых городов, особенно в голодные годы. Людей при этом снабжали специальными тессерами-жетонами на получение такого заветного пайка.

Финансовая администрация префекта претория – диокесис скрупулезно вела региональные книги-реестры, *кадастры*, где отмечались все земельные наделы и налогоплательщики. В свою очередь это было тщательно сведено в центральный кадастр в виде нескольких больших реестров. Через каждые пять лет производилась всеобщая перепись населения и его имущества, а через 15 лет – генеральный пересмотр размеров обложения. Для сравнения заметим, что подобные переписи с такой очередностью проводятся далеко не во всех современных странах.

В основу имперской системы налогообложения – *югации* была положена особая фискальная единица – *югум* или *югон*. При определении с нее налоговой ставки по принципу специальной формулы *jugatio-capitatio* учитывалось соотношение размеров земельного надела и его качество (*jugum*), наличие ирригации, возделываемая культура (зерно, виноград, шафран, оливковые деревья), а также количество голов (*caput*) работников, способных собственными силами с помощью упряжки из пары волов обработать данный участок.

Но чем дальше, тем больше византийское государство старалось получать подати деньгами. Уже с конца V в. обязательные натуральные поставки, «взыскания» зерна – *синону* – дословно «хлебное» заменили принудительной правительственной скупкой продуктов питания по фиксированным ценам, ввели денежную *хрисотелию*, да и остальные виды земельной подати стали платить соответствующими монетами, золотом и серебром. Поэтому крестьянин вынужден был отправляться в ближайший порт, город или крупное селение, дабы любым способом сбыть часть своих продуктов на местном рынке, выручить деньги и заплатить налог сборщикам подати. Это было нелегко, иногда доводило плательщиков до полного разорения, но таким способом государство стимулировало внутриимперский обмен, насыщало городской рынок достаточным количеством продовольственных товаров.

Земледельцы ранней Византии, впрочем, как и все прочие ее граждане, даже «божественные дома», церкви, также исполняли обременительные повинности, в том числе так называемые «грязные», – устройство, ремонт государственных и общественных дорог (одостросия), починку мостов (гефироктисия, гефиресис), строительство военных укреплений, перевозку государственных грузов на телегах, повозках, вьючных животных, устройство и содержание на постое чиновников или того хуже, солдат, которые зачастую вели себя как разбойники, несмотря на законодательный запрет требовать от хозяев что-либо под названием

«продукты»: бревна, дрова, масло, тюфяки и прочее. По закону же, третья часть любого частного дома по заключению *метатора* – измерителя жилых помещений должна была быть выдана под постой воинов, возвратившихся из похода или отправляющихся на войну. Это было особенно ненавистно простому народу и порождало неприкрытое взяточничество, коррупцию со стороны властей.

Спасаясь от разорения и притеснений государственных чиновников, наглых служащих курий, крестьяне иногда целыми деревнями отдавались под покровительство – *патронат* влиятельных и могущественных людей, крупных собственников, хозяев поместий, особенно тех из них, которые пользовались какими-либо налоговыми льготами. Крестьяне передавали им свою землю и превращались в зависимых людей, колонов. Но теперь они уже не платили подати государству. Контроль за их взиманием переходил к землевладельцам. Поскольку подобная практика лишала казну налогоплательщиков, императоры выступали против нее. Впрочем, без особых успехов, поскольку тяжелые налоги так или иначе заставляли крестьян искать спасение под крылом господ.

Облик ранневизантийского города

Сотни городов, больших и малых располагались на территории Ромейского царства. В IV-VI вв. их существовало не менее шестисот, а некоторые историки насчитывают в два раза больше, что почти соответ-

ствует числу городов в современной России или в три раза превосходит число городов нынешней Украины.

В них жило приблизительно 20% населения ранней Византии (не менее пяти миллионов человек) – уровень, достигнутый большинством европейских стран лишь в период расцвета средневековья. Поэтому, в сравнении с западными королевствами германцев, где изначально установилось господство деревни, исключительно «крестьянской цивилизации», Ромейское царство было еще и «страной городов», хотя в целом их роль в экономике аграрной Империи была, разумеется, вторичной.

Из-за экологических катастроф, демографического спада ромейский город по своим размерам стал меньше предшествующего ему греко-римского города. Население обычного ранневизантийского полиса или цивитата, как на греческий и латинский лад именовали городские поселения Империи, составляло от одной до пяти тысяч человек. Если оно переваливало за семь – десять тысяч человек, перед нами был уже незаурядный городской центр, хотя площадь его могла не выходить за пределы 25-30 гектаров. Впрочем, имелись и большие города с десятками и даже сотнями тысяч жителей.

*Огромные древние города Востока – сирийская Антиохия на Оронте, переименованная в VI в. в Феополь – «город Бога», и египетская Александрия, площадью около 900-1000 га, насчитывали по двести – триста тысяч населения. В столице державы – Константинополе обитало по разным оценкам от 150 до 500 тысяч жителей. К середине V в. площадь этого города достигла своего максимума – 1430 гектаров, из них 375 гектаров приходилось на первые десять, самых старых регионов столицы, в которых жило 80% горожан, тогда как наиболее обширный, окраинный XIV регион занимал 700 гектаров. Недаром его называли *Хора* («село»): здесь расположились монастыри и сады, огороды. Здесь даже селились отшельники, такие как тво-*

ривший чудеса египетский инок Патапий, который, по словам автора его Жития, «жил в Городе, словно в пустыне». Впрочем, такое же соотношение было и в некоторых других городах. Так, сирийская Вероя охватывала 95 гектаров, но только на четвертой части их кто-то жил. Иногда пустовало до трети городской площади.

Восточно-римские города, несмотря на строительство церквей, во многом сохранили типичный античный облик. Они были укреплены оборонительными стенами и башнями, которые строились и содержались за счет государства и самих жителей. Античные сооружения могли быть изменены. По старой традиции, их разрушали, чтобы использовать строительный материал. Христианские церкви, молельни, часовни сменили на площадях прежние языческие храмы. Их могло быть один – два десятка в зависимости от величины города и, еще больше, его значения. Скажем, в крошечном скромном Ниссане в Палестине с его 1000-1500 жителей было четыре храма, тогда как в важном египетском Оксирихе площадью 160 гектаров с тридцатью тысячами жителей, из которых десятая часть были клириками, насчитывалось сорок церквей.

В любом случае внутренний вид ранневизантийского города еще долгое время хранил античные черты. Его центральная площадь – *агора*, прямоугольная или круглая в плане, называлась также на римский лад *форосом* или по-гречески – *платейей* («плоской») и имела многофункциональное значение. Здесь располагались важнейшие общественные и административные, муниципальные здания: городской совет – *курия*, дворцы-палатии, христианские храмы – *кириаконы*, еkkлeсии и рынок. Последний отличали ряды каменных и деревянных торговых прилавков – *авак*. Нередко для размещения торговцев и ремесленников с их лавчонками и мастерскими – эрагастириями служили крытые галереи или закрытые портики – *эмволы*.

Вместе с тем в градостроительстве неумолимо проступали и средневековые черты. Так, в ромейских городах Балканского полуострова появился укрепленный Верх, – город, близ которого разрастались жилые кварталы. Города Сирии часто строили по плану, отвечавшему рельефу местности.

Но вообще в большинстве ранневизантийских городских центров старались сохранять унаследованную от греко-римского общества планировку, как правило, регулярную. Прямые, построенные по единому плану улицы мостили каменной щебенкой, галькой или керамической крошкой, – слоем, толщиной до 3/4 метра, который прекрасно дренировал воду, иногда покрывали каменными плитами, украшали старинными статуями, застраивали тенистыми портиками и колоннадами, тянувшимися вдоль тротуаров.

Особой пышностью и богатством отличалась главная улица любого города, где находились общественные здания и кафедральные храмы – *кафоликоны*. Называть их соборами, как иногда делают, будет не совсем верно, поскольку византийский город не знал единственного главного храма, каким является собор. Здесь же располагались дворцы богачей и двух – трехэтажные дома процветающих, зажиточных горожан, лавки и конторы самых состоятельных торговцев и ростовщиков. К примеру, в сирийской *Анамее* главная улица достигала рекордной ширины – 23 метра, но обычно была не меньше шести метров.

Виллы знати блистали мрамором, яркими красочными напольными мозаиками и настенными фресками, утопали в зелени садов и благоухании цветов. Впро-

чем, ромейские города не знали разделения на аристократическую и плебейскую часть, так что рядом с домом влиятельного, богатого вельможи мог приютиться неказистый домишко какого-нибудь заурядного сапожника или замызганная распивочная кабатчика – *капилоса*. В целом, тип жилого дома с внутренним двором в ряде районов Византии был унаследован от античного зодчества и очень долго сохранял с ним теснейшую связь.

Этажи каменных, оштукатуренных снаружи и изнутри зданий подчас громоздились друг над другом выступами. Они имели скатные, покрытые черепицей, или плоские крыши. Последние в летние месяцы можно было использовать как уютные террасы. Но в любом случае из трактата о градостроительных правилах сирийского архитектора VI в. Юлиана Аскалонита следует, что никакой дом не должен был закрывать соседям свет или вид на море. Немало места занимали балконы, ставшие особенно популярными с V в. В связи с этим император Зинон, уделявший большое внимание строительству, был вынужден издать в 474 г. указ, по которому ширина любых городских улиц не могла быть меньше 3,5 метров, а балконы должны были находиться на высоте не менее 4,5 метров от земли и на расстоянии 3 метров от стены дома напротив. Кроме того, на улицы выходили немногочисленные, небольшие по размеру верхние окна, прямоугольные или с закругленным верхом, и крепкие входные двери, которые иногда оббивали железом, скрепленным большими гвоздями с широкими шляпками. Прочие двери и окна открывались во внутренние, достаточно просторные дворики. Отгороженные портиками, они иногда соединялись между собой закрытыми проходами или галереями. Подчас размер такого двора мог достигать четвертой части от всей площади дома – городской усадьбы, достигавшей обычно 150-200 кв. м. Именно здесь протекала большая часть жизни семьи, насчитывавшей в среднем шесть – семь человек. Выходит, что на каждого жителя дома приходилось не менее 20 кв. м. площади, что не назовешь теснотой, хотя, конечно, встречались дома, которые византийцы считали бы совсем крохотными, не превышавшими 60 кв. м. Хуже всех были жилища бедняков. В документах IV столетия есть упоминание о «полуподвальных комнатах». Утверждается, что проживавшие в них были больше подвержены чуме, чем другие жители города, из-за затхлости воздуха. Так что условия жизни византийских горожан, разумеется, были разными, но в большинстве случаев вполне комфортными по меркам эпохи.

Каждый более или менее крупный ромейский город унаследовал от Древнего Рима свой богато отделанный театр, обычно располагавшийся на склоне холма и способный принять в своем театроне или амфитеатре несколько тысяч зрителей. Новейшие исследования раннего христианства показывают, что отказ от прежних религиозных традиций и перестройка восприятия сознания на новые реалии произошла со значительным запозданием, не ранее V-VI вв., что касается и отказа от восприятия театра в городском пространстве как необходимой формы общественной жизни. И дело тут было не только в том, что Церковь осуждала театральные зрелища. Куда большую роль в упадке театра, постепенном отказе от использования его на прежний лад сыграла и муниципальная реформа конца IV в., которая законодательно покончила с полисным финансированием содержания театральных сооружений и самих представлений. С этого времени роль

общественного центра стала окончательно переходить к цирку или ипподрому, который любому ромейскому городу теперь нельзя было строить без императорского разрешения. Именно здесь происходили не только спортивные состязания, прежде всего, конные ристания, но и официальные собрания, торжества, празднества, развлечения.

Надземные и подземные многокилометровые *акведуки*-водопроводы, открытые и закрытые водосборные цистерны-резервуары, жизненно важные общественные, государственные, монастырские, церковные и частные водохранилища снабжали города водой. Собственная вода из источников и атмосферных осадков, питавшая дворцы и дома, являлась признаком богатства. Порой эти блестяще выполненные, технически совершенные, красивые архитектурные сооружения достигали очень больших размеров, покрывались сводами, которые поддерживали высокие колонны. Содержимого их было вполне достаточно, чтобы обеспечить население водой даже в случае долгой осады. Всюду строились фонтаны, общественные и частные бани – *термы*, *валании* и *лутры*. Как и некоторые, правда, очень богатые дома, бани имели верх достижения римской цивилизации – централизованное подпольное отопление, *гипокауст* и несколько помещений, в том числе с ванными, отделанными мрамором и прочным гидроизоляционным раствором – *цемянкой*. Температура в залах менялась от очень жаркой до прохладной в зависимости от расстояния до префурния – кочегарки, топившейся дровами.

Прежняя система канализации, несущая стоки, отбросы, к изумлению современных археологов, продолжала действовать, ремонтировалась, чистилась, перестраивалась. Почти все городские дома были подключены к ней. Иногда подземные водопроводы имели внушительный вид сводчатых каналов шириной полтора и высотой более двух метров. Другое важнейшее достижение греко-римской цивилизации – протяженные системы гончарных, реже – свинцовых или дубовых труб диаметром от 6 до 20 см, соединенных одна в одну, подавали воду, подчас из источников за много километров от города, а дренажные колодцы, поглощительные ямы, сточные каналы, закрытые водостоки в виде желобов из каменных плит, гончарных труб удаляли избыток грязной воды, нечистоты, в случае возможности сливая их в море. Накапливавшийся мусор периодически приходилось вывозить на повозках, хотя кое-где он лежал кучами, особенно створки раковин съеденных устриц. Рядом с площадями или в других местах, где скапливался народ, устраивали общественные туалеты – *латрины* или *афедроны*, причем как одиночные, так и на несколько десятков мест. В последнем случае стульчаки в них были устроены так, что сидевшие на них практически соприкасались плечами и видели такой же ряд напротив.

За городскими воротами, которые тщательно охраняла гарнизонная стража, начинались предместья. Здесь, как правило, находились постоянные дворы и гостиницы – *пандохионы* и *ксенодохионы*, в которых размещались приезжие. Впрочем, они были и в черте города, даже в центре, как в Константинополе, где недалеко от берега Золотого Рога, в местности, называемой «Стадионом», в VI в. императорскими стараниями для посещавших столицу были выстроены огромные странноприимные дома.

Иногда около крепостных стен устраивали рынок, куда выходили из города горожане, а крестьяне из деревень приносили зерно, вино, зелень и другие про-

дукты. При всей узости рынка существование регулярного торгового обмена на уровне даже самого маленького ромейского поселения не вызывает сомнений.

Города получали основные необходимые ресурсы – еду, питье, топливо, строительные материалы и прочее непосредственно из прилегающих к ним районов. За городской чертой были разбросаны *проастии* – личные сады и огороды горожан, обеспечивавшие не только их потребности, но и отчасти снабжавшие рынки свежими овощами, бобовыми и фруктами. Таких городов, где население занималось сельским хозяйством и местным производством, было большинство. Вдали от дорог виднелись и загородные *икосы* – виллы, поместья богачей, иногда впечатляющей архитектуры, как правило с комнатами, расположенными вокруг центрального мощеного уютного двора.

Неподалеку от крепостных стен располагались поле для военных упражнений и место для казней – избиения палками, бичами, усекновения мечом, даже сожжения заживо. Впрочем, последние могли проводить и на некоторых городских площадях, рынках. Тут же, по соседству, устраивали и городские свалки, куда свозили мусор и нечистоты, выбрасывали без должного погребения трупы казненных преступников.

Ранневизантийские провинциальные города еще сохранили элементы самоуправления, которое постепенно подпало под все более бдительный надзор имперских чиновников. Во главе городского муниципалитета стояли местные городские собственники, землевладельцы – *куриалы* – члены городского совета (сената). По словам *Евагрия Схоластика*, антиохийского историка конца VI в., они «записывали свои имена на белых досках, причем каждый город считал и называл членов совета сенаторами». Этот совет распоряжался имуществом и доходами города, следил за благоустройством и порядком, по возможности устраивал игры и зрелища для жителей, содержал общественные бани, а бывало, и городские учебные заведения, школы. Впрочем, в украшении городов местная знать участвовала все меньше и меньше: теперь этим занимались в основном епископы, организовывавшие возведение церквей и прочих сакральных или благотворительных сооружений.

Когда римское государство заставило куриалов отвечать своим имуществом за поступление податей с горожан и жителей сельской округи, они стали беднеть и разоряться. Чтобы куриалы не покидали города, правительство прикрепило их к городским советам и поставило в полное подчинение центральным властям. Уже удачливый и бережливый император Анастасий I Дикор (дословно «Разноглазый»¹), уделивший особое внимание упорядочиванию финансового управления Империи, отнял сбор налогов у советов, передав обязанности по их взиманию так называемым *виндикам* – специально поставленным правительственным чиновникам, которые подчинялись префекту претория. Они должны были надзирать за сбором ряда государственных податей, прежде всего, анноны, и за распределением собственно городских финансовых ресурсов. Ранневизантийское государство наращивало свое присутствие в куриях – городских сенатах, которые в конце концов оказались придатком государственной налоговой системы.

Влиятельная местная знать вскоре подчинила курии и стала во главе городского управления, которое осуществлялось ими по поручению императора. Го-

¹ Пожилой, высокого роста, седеющий и тщательно выбритый, этот бывший *силенциарий*, по свидетельству хронистов, имел правый глаз серым, а левый – черным.

родкой совет из наиболее богатых собственников – «первых в списке (курии)», **принципалов** или по-гречески **протевонов** (дословно «первенствующих»), **«отца города»** (патер полиос) и епископа решал все важнейшие вопросы городской жизни вместе с царскими чиновниками, пытался сглаживать ошибки верховной имперской администрации. Сами куриалы стремились к приобретению громких почетных титулов, которые уравнивали их с обладателями реальной власти в провинции и в Империи. Бывшие «слуги народа» превратились, по сути дела, в государственных служащих, стали зарождающейся знатью нового типа, которая основывалась на богатстве, родовитости и достоинстве, то есть общественном авторитете, приобретаемом в результате отправления определенной государственной должности. После этого имперское правительство признавало их за главных в городе. Как заметил тот же Евагрий Схоластик, «цвет городов рассеялся». Совет знати подчинил себе прочих горожан. От былых античных полисных свобод – полисов к середине VI в. не осталось почти ничего. Ромейский город VII в. обладал немалой самостоятельностью, которой дорожила муниципальная знать, но городская верхушка избегала полной автономии, предпочитая сохранять своеобразный административно-политический паритет, установившийся в отношениях с недремной центральной властью.

Ремесло, торговля и финансы

В то время как на Западе утверждалось господство деревни, а города хирели, торговля замерла, в городах Ромейского царства бурлила жизнь. Они оставались экономической опорой центральной власти, в той или иной степени постепенно превращаясь из земельных собственников в торговые и промышленные центры.

Впрочем, вложение денег в коммерцию не считалось почтенным делом в отличие от вложения денег в более доходную земельную собственность или приобретения государственных, придворных должностей, санов. Нажива и прибыль тоже осуждались, тем более в торговле и ремесле. Сказывался христианский менталитет, превалировавший в обществе ромеев. Достойным считалось обрабатывать землю, возделывать виноградник. Занимавшиеся же непосредственно торговлей и ремеслом в принципе не могли рассчитывать на то, что эти занятия принесут им высокое социальное положение.

Тем не менее внутренний рынок был богат не только продовольственными, сырьевыми, но и ремесленными товарами. Его развитие, как и внешнюю и внутреннюю торговлю, стимулировали потребности правительства, императорского двора, армии и столицы Империи в сырье, готовой продукции, продовольствии и деньгах для их содержания. Мелкая торговля имела особенно широкое распространение в ранней Византии. Типичной для того времени была картина, когда крестьянин отправлялся в ближайшее крупное селения, чтобы «...одно продать, другое обменять, третье купить». Налицо было соединение денежной торговли с меновой. В таких городках, расположенных нередко на расстоянии десяти – пятнадцати километров друг от друга, как правило, имелся небольшой рынок, здесь устраивали торги, жили ремесленники.

Важно учесть, что все морские или сухопутные торговые пути мира заканчивались Средиземным морем, где находились ромейские владения. Частное предпринимательство извлекало определенные выгоды из государственного мо-

реходства и развития других видов государственного транспорта. Продолжались достаточно оживленные связи между многими приморскими городами и провинциями, причем с элементами специализации, районирования торговли.

*Беспокойный, но плодородный Египет, как и вся северная Африка и Сицилия, поставляли огромное количество пшеницы, ячменя, оливковое масло, необходимое для еды и для освещения улиц, домов, маяков, вино, лен, папирус – основной писчий материал того времени, красивые стеклянные изделия, сосуды, бусы, которые продавали на вес, не нанизанными. Сирия тоже славилась ячменем, маслом из оливок и винами, которые везли в разнотипных керамических сосудах – амфорах, гордилась посудой из цветного стекла, драгоценными тонкими, как паутина, льняными и шелковыми тканями, пурпуром, меховыми и кожаными изделиями, обувью, седлами, железными изделиями. Из небольшого палестинского приморского поселения **Газа** – важного караванного центра, известного римейским хронистам как «ворота в пустыню», шла важная, оживленная торговая дорога, связывавшая крупнейшие сирийские центры с Антиохией, а через нее – с Константинополем. Отсюда вино из Газы, наряду с шелком и папирусом, достигало двора длинноволосых **франков** Меровингской Галлии. Раскопки показывают, что сирийские и палестинские амфоры скапливались в Карфагене, тогда как изящную североафриканскую керамику, в том числе столовую посуду и светильники, покрытые характерным оранжево-красным, «морковным» лаком, находят на юге Греции, в Малой Азии и Таврике (Крыму). К слову, именно такие находки вместе со знанием центров их изготовления позволяют составить достаточно глубокое представление о развитии межрегиональной торговли в Римейском царстве.*

Вифинская Никея была богата благодаря своему текстильному производству, шелку. Соседний Понт тоже славился производством текстиля. Льняные ткани, видимо, уже окрашенные, ввозились из Македонии. Даже Греция, в целом отодвинутая от международной торговли и ведущая, казалось, тихое существование, была известна своим целебным медом из горной Аттики, мрамором и другими экспортными полезными ископаемыми. На Пелопоннеском полуострове производили одежду и ковры, а также, как и в центрально-малоазийской провинции Анатолии, льняные ткани и окрашивали их.

Изделия византийских ремесленников оказывались подчас весьма далеко за пределами Империи. Их везли на север и юг, запад и восток. По мере упадка городов в западной Европе росло значение Византии. Ее купцы имели **фактории** на Сардинии, Сицилии, в итальянских **Равенне**, **Неаполе**, южногаллской **Массилии** (Марселе), испанской Барселоне. Если верить рассказам Житий о предприимчивых капитанах, на севере корабли римейских мореходов через Средиземное море и Атлантический океан достигали туманной Британии и суровых скалистых берегов Скандинавии, куда они добирались с грузом хлеба в обмен на олово.

Оживленная торговля велась со Средней Азией, Туркестаном, богатой, загадочной **Согдианой**, страной купцов, с ее всемирно важными, находившимися на пересечении торговых путей известными центрами, такими как сверкающий изразцами Самарканд, Фергана, стоявшими на известном уже с первых веков **«Великом шелковом пути»** – именно крашенный шелк был основным товаром среди всего того, что везли по этому пути на бесчисленных верблюжьих спинах.

Связывавший Восток и Запад, он пролегал через бескрайние просторы евразийской Великой Степи, которую контролировали кочевники, собиравшие с купцов щедрую дань за проезд. Ответвления этого важнейшего трансконтинентального торгового пути заканчивались в византийских центрах на Кавказе, в *Колхиде* и в Крыму. В среднем требовалось 230 дней, не считая остановок, чтобы преодолеть долгий, трудный и подчас опасный путь и доставить долгожданные тюки из перевалочного пункта Центральной Азии в Константинополь.

Из Персии, то есть Ирана *Сасанидов*, и еще более далеких Китая, Индии, с Цейлона (Шри-Ланка) тоже поступали шелк и хлопчатобумажные ткани (*вам-вакин*), причем часть продукции из хлопка доводилась до готовности уже в Константинополе. С Востока везли слоновую кость для резных шкатулок, окладов книг, даже мебели и дверей, драгоценные камни и жемчуг – по-гречески маргаритас, благовония и пряности. Спрос на специи, несмотря на их дороговизну, стабильно оставался велик, ибо без них невозможно было представить по-настоящему вкусную еду и консервации. Неудивительно, что в 408 г. предводитель западных готов, неистовый *Аларих*, потребовал неимоверное количество – три тысячи фунтов – около тонны перца в качестве части выкупа за снятие осады Константинополя, а каган аваров, по словам Феофилакта Симокатты, был буквально «одержим ароматами». Эти ценные редкие деликатесы, предметы роскоши вызывали такой интерес варваров, что они, по словам византийцев, под любым предлогом присылали в Константинополь все новые и новые посольства, чтобы получить от императора вожаемые подарки. Торговля ромеев с Востоком была настолько развита, что около 552 г. александрийский купец *Косма Индикоплов*, то есть «Плававший в Индию» смог написать книгу с подробным отчетом о поездке к побережью Малабара. Наглядным проявлением особого почтения ромеями всего восточного является одно из прекраснейших византийских серебряных блюд VI столетия, украшенное фигурой, олицетворяющей Индию.

Росла и ширилась торговля Ромейского царства со странами Причерноморья и Кавказа, пр этом особую роль играл опорный пункт Империи в юго-западном Крыму – транзитный город-порт Херсон. Ко второй четверти VI в. ромейским стал Боспор (Керчь) в восточном Крыму, несколько позднее византийцы освоили порт *Сугдеи* (*Судака*) в юго-восточной Таврике и возвели здесь укрепленный *бург*.

На далеком юге через Красное море и Нил ромеи торговали пряностями, шелком, драгоценными камнями, поступавшими через Аравийский полуостров и Египет; в Африке установили торговые связи с изобиловавшей золотом, слоновой костью и благовониями солнечной Эфиопией – легендарной страной Офир, куда в X в. до н. э. снаряжал свои экспедиции сказочно богатый, мудрый, великий библейский царь *Соломон*. В частности, размеры, вес и разнообразие возможностей применения слоновой кости в Ромейском царстве V-VI вв. наводит на мысль о том, что она отнюдь не была той редкостью, которой станет впоследствии, в средневизантийскую эпоху. По крайней мере, в начале IV в. ее оценивали лишь в 1/40 стоимости эквивалентного по весу серебряного слитка.

У варварских племен Европы большим спросом пользовались византийское вино и оливковое масло, соусы – *гарум* (*гарон*), готовившиеся из засоленной рыбы, ароматизированной соли и пряностей, шерстяные ковры и драгоценности, оружие и шелковые ткани. Последнее легко объяснимо: помимо красоты и легкости, они отличались таким ценным качеством как гигроскопичность и гиги-

еничность, в них не заводились насекомые и паразиты, столь докучавшие даже длинноволосым варварским королям.

Сеть дорог, путей, достаточно плотная как на суше, так и особенно на море, подобно кровеносным сосудам соединяла воедино тело Империи и наполняла его жизнью. Упадок инженерного дела, наступивший уже в позднеримскую эпоху, конечно, отразился на ухудшении состояния дорог, во многом построенных еще римлянами, но коммуникационная система действовала, поддерживалась властями и силами населения в регионах.

В источниках упоминаются широкие дороги (до 6,5 метров) и узкие тропы, мощеные (плакоты) и не мощеные, подходящие для перевозок колесного транспорта (хамаксеги) и не подходящие (монопатии), разнообразные тяжелые, запряженные быками или волами (ангарии, хамаксы), и легкие повозки, экипажи (реды, бироты), верховые, вьючные животные – лошади, мулы, ослы, использование которых было не дешевым и порой стоило до двух солидов за небольшой переход. Причем с ростом числа дорог, активно используемых, но не пригодных для колесного транспорта из-за своей ширины или покатости, ступенчатости, возрастало значение мулов и ослов, что особенно отчетливо прослеживается уже со второй половины VI в.

Закон оговаривал использование рабочего скота «до определенного места», а если это условие оказывалось нарушенным, пользовавшийся «транспортным средством» возмещал хозяину животного. Если отправлявшийся по хозяйству или по торговым делам брал вола, осла или другую рабочую скотину без ведома ее хозяина, он должен был отдать положенную плату в двойном размере, а случись скотине пасть по дороге, возвращал вместо нее двух животных. Таким образом, интересы владельцев живых «транспортных средств» были надежно защищены с правовой точки зрения, что косвенно указывает на важность и доходность этой византийской сферы предпринимательства.

Вероятно, организация наземных перевозок, особенно продуктов питания, насыпного груза (зерна), габаритных товаров, сулила немалую выгоду, ибо стоимость таких транспортных перевозок была весьма высока. Но надо учесть, что большие расстояния и расходы (стоимость корма для животных, плата погонщикам и сопровождающим, местные сборы и пошлины) вместе с чрезвычайно медленным движением телег и вьючных животных многократно умножали цену перевозимых товаров. Они имели смысл только для государства, которое вкладывало деньги как в медленные (тяжелые телеги, фургоны на волах), так и в скоростные виды транспорта (легкие повозки с упряжкой лошадей или мулов) для своих собственных целей, особенно для снабжения армии и организации почтовой, курьерской службы, как и прежде, осуществлявшейся с завидной скоростью 240 римских миль, то есть 360 километров в сутки.

Впрочем, и здесь последовали изменения. Так, уже в конце V в. была упразднена транспортировка тяжелых грузов ответственных высокопоставленных чиновников, что прежде являлось одной из задач *cursus publicus* (по-гречески *димосиос дромос*) – системы общественных дорог и транспорта. К середине VI в. существенно сократилась единственная оставшаяся транспортная служба *cursus velox* (оксис дромос) – «скоростная почта». Тем не менее учреждения оксис дромос с казенными лошадьми на станциях – мансах, стафмосах или постоянных дво-

рах – пандохионах оставались на содержании государства до конца ранневизантийского периода.

Накопление богатств в Ромейском царстве, как правило, происходило в денежной форме, и государство использовало деньги повсюду, где возможно. Лишь в некоторых изолированных, глухих провинциальных районах, где не было рынка как такового, предпочтительней оставалась рента натурой или услугами. Крупная же торговля и налоговая система поддерживались с помощью такого непревзойденного инструмента как развитая денежная система на основе золота. Ромейские золотые солиды с изображением могущественных царей-императоров имели хождение во всех странах и играли роль «мировых денег средневековья», вожделенной международной валюты, такой монеты, которой не было в других государствах. Ее репутация объяснима введенным уже Константином I стандартом в 4,55 грамма золота, стабильно выраженном в весе монеты. Наличными деньгами стали золотая *литра* в 72 солида, серебряная литра, равная пяти солидам, золотой *кентинарий* из ста литров.

Золотая монета разменивалась на семисс (половину солида), введенный в оборот при Феодосии I, и триенс, или *тремисс* (треть солида), появившийся при умелом финансисте, «разноглазом» императоре Анастасии Дикоре. Чеканились и новые серебряные номиналы – *милиариссии*, или *милиаренсы*, равные 1 / 1000 части золотого литра, и *силиквы* (половина милиаренса). Впрочем, на раннем этапе истории Византии, в период между 400 и 615 гг. их не чеканил, а если и выпускали, то в малых количествах, вероятно, эпизодически и то преимущественно в западных провинциях. Зато к различным торжествам отливали парадные серебряные монеты единообразного вида с изображением на оборотной стороне креста в обрамлении пальмовых ветвей. Крупные медные монеты носили название *фоллисы* (*фоллы*), а мелкие – центенионалис. Иногда на них ставили буквенные обозначения – АЕ (от аес – медь по-латыни) и цифры от 1 до 4 в зависимости от достоинства монеты. Самая крошечная медная монетка называлась *нумия* (*нуммия*) и составляла ровно 1 / 72000 часть солида.

В 498 г. Анастасий I, отличавшийся особой склонностью к государственным финансовым делам, решил провести монетную реформу, с которой начинается собственно византийская монетная чеканка. На наиболее ходовых, разменных медных выпусках появилось обозначение номинала, ставившееся на оборотной стороне греческой цифрой в виде литой буквы М. Такой номинал равнялся 40 нуммиям и носил название фоллис. Монета достоинством поменьше, с буквой К равнялась 20 нуммиям и являлась полуфоллисом, с буквой I была декануммием, то есть равнялась 10 нуммиям и, наконец, с буквой Е означала 5 единиц. Последняя, получившая название пентануммий, со временем нашла наибольшее распространение в мелком денежном обороте Империи, даже в самых захолустьях.

Золотые, серебряные и медные монеты изготавливали в государственных мастерских и в так называемой тезавре (thesauri) – «сокровищнице» под контролем особого чиновника финансового департамента, главного казначея – комита священных щедрот – comes sacrorum largitionum, где largitio – «щедроты» означало золотую и серебряную посуду, официальные ценные инсигнии власти, церемониальное облачение. Монеты отличались строгим единообразием формы и веса, где бы их ни отливали – на монетных дворах Константинополя, Никеи,

Фессалоники, Карфагена, Александрии, Антиохии, Равенны, Рима, Сицилии. Кроме того, денежную медь периодически выпускали в крымском Херсоне и Боспоре, по крайней мере, в VI-VII вв. Обычно на одной стороне монеты помещали изображение правящего императора, одного или с соправителями, а на обороте – крест, распятие или главу Иисуса Христа. Изготовление денег и их продажа являлись исключительно государственной монополией, поскольку только византийское государство имело достаточно средств для инвестирования этого производства. Ромейский золотой долгое время выдерживал все финансовые кризисы Империи. Ценность византийских монет была стабильной и, поразительно, – не менялась до XI в.! Американский византист Раймон Лопец образно назвал солид «долларом средневековья». Такое мировое господство денег Ромейского царства будет оставаться безраздельным почти до самого конца раннего средневековья. Не многие народы могут похвастаться валютой, которая сохраняла бы свое достоинство на протяжении почти тысячи лет.

Впрочем, довольно скоро ромеи были вынуждены перейти не к счету, а взвешиванию монет при крупных сделках. Это вызвала появившаяся привычка обрезать золотые монеты по краю, тем более широко практиковавшаяся там, где, не хватало мелкой монеты для разменных операций. Дело в том, что мелкие номиналы в Византии постепенно исчезли: с VII в. – семиссы, а с IX в. – тремиссы.

В Ромейском царстве торговля и ремесло считались делом второстепенным, но государственным, и рассматривались как один из источников государственных доходов. При этом правительство не играло заметной роли в развитии предпринимательства, а лишь пыталось периодически регулировать и держать его под контролем, наблюдая за эргастириями, импортом и экспортом, ценами на товары, нормой прибыли, устанавливало монополии, таможенные пошлины и прочие сборы. Развивалась торговля, ориентированная преимущественно на внутренний рынок, и ее интересы были подчинены политическим, идеологическим структурам и социальной элите Империи. Под запретом находилась продажа или передача варварам стратегически важных товаров, особенно оружия какого угодно рода, тканей военного образца, выделаного и необработанного железа. Пока Ромейское царство оставалось могущественным и богатым, а его правительство работало стабильно и результативно, эта политико-экономическая система «госконтроля», при всей ее архаичности, давала неплохие результаты.

Ремесленники и купцы ранней Византии переняли у римлян позднеантичную модель организации объединений в корпорации по профессиям. Подобные ромейские корпоративные объединения назывались в греческом варианте *систимата*, – **систимами** или **соматейями**. Провести между ними различие непросто. Похоже, первые объединяли, прежде всего, торговцев, отличались более высоким статусом, тогда как вторые имели более выраженный производственный или обслуживающий характер. Стоявшие во главе их старшины – **простаты** отвечали перед императорской администрацией за законность деятельности корпораций, своевременную уплату налогов и выполнение государственных повинностей.

В столице Ромейского царства и, видимо, в отдельных, по крайней мере, крупных ромейских провинциальных городах существовало примерно по полтора-два десятка систем, объединявших ремесленников и торговцев различных профессий: гончаров, ткачей, кожевников, кузнецов, портных, золотых и серебряных дел мастеров, строителей, хлебопек, огородников, парфюме-

ров, хозяев харчевен и постоянных дворов, торговцев зерном, мясом, маслом, вином, овощами, тканями и других.

Под особым контролем городских чиновников находились корпорации, от которых зависела жизнь в городе, его снабжение самыми необходимыми продуктами, – объединения **артополов** – «хлебоделов», пекарей (от греч. артос – хлеб), **ихфиопратов** – рыботорговцев (ихфис – рыба, пратос – торговую), **проватэмпоров** (проватос – скот, эмпорос – торговец) – поставщиков убойного скота, крупного и мелкого, **хирэмпоров** (хирус – свиньи, эмпорос – торговец) – резчиков свиней и продавцов свинины, а также **макеллариев** (от макелла – мясницкий нож-тесак) – мясников и, наконец, **капилосов** – продавцов основного напитка, вина. Одной из самых богатых была система **аргиропратов** – торговцев серебром, золотом, жемчугом и драгоценностями, которые одновременно занимались ростовщичеством. Поэтому называть их ювелирами не совсем правильно.

Особенно четкая специализация соблюдалась в области торговли шелком. Могущественная ассоциация **метаксопратов** сосредоточивала в своих руках закупку как привозной неочищенной метаксы-пряжи, так и очищенных шелковых нитей, которые они продавали **катартариям** и **сирикариям**, то есть тем, кто готовил пряжу к производству и ткал из нее шелковую материю. Объединение менял – **трапезитов** или **каталлактов** вело размен монет, помогая поддерживать деятельность денежного рынка. По понятным причинам, оно тоже было связано с ростовщичеством. Хотя занятие им порицалось как противное заповедям христианства, экономически без него невозможно было обойтись. Правительство лишь делало попытки, чтобы **токос** – процентная ставка ссуд, обычно колебавшаяся между 4 и 8 %, не поднималась выше 12 %.

Первоначально системы являлись добровольными объединениями, но со временем государство и городские власти все больше вмешивались в деятельность корпораций, как и любого другого объединения населения в Империи. Правительство было заинтересовано в контроле за городским хозяйством и в коллективной ответственности членов системы за исправную уплату податей и выполнение повинностей. С помощью корпораций легче было бороться и с проблемой безработицы, особенно серьезной в столице, привлекавшей всех. Смягчая конкуренцию между работающими, объединения давали членам систем и соматей экономические выгоды. Следовательно, заинтересованность в корпорациях была обоюдной – и у их членов, и у государства.

Со времен Константина Великого, в течение почти двух столетий все городское население, за исключением учителей, врачей и клириков-«гробокопателей», могильщиков, платило государству **хрисаргир** – златосеребряную подать, которая собиралась отовсюду в высшую магистратуру префекта претория раз в четыре года, а по другим данным – раз в пять лет. Златосеребряной она называлась потому, что уплачивалась деньгами – золотой и серебряной монетой за любое имущество или любую предпринимательскую деятельность, приносящие денежный доход, будь то ремесло, торговля, занятие проституцией или получение подаяния нищим. Многие римляне считали эту подать мерзостью, страшным грехом, но казна ежегодно получала таким образом до 1000 фунтов золота, столь необходимых для покрытия растущих расходов армии. После бессрочной отме-

ны в 498 г., даже сожжения списков, фиксирующих сбор, хрисаргир, по словам хрониста *Иоанна Малалы*, – «бремя чрезмерное и ужасное», – заменили торговым налогом. Кроме того, с горожан брались *ценз* – пошлина за землю, а также пошлина на наследство. Обнаружившуюся после отмены хрисаргира некоторую нехватку денег государство стало восполнять уплатой давно известной анноны, но уже исключительно в денежной форме.

Часть корпораций, эргастириев должна была деньгами, трудом или своими изделиями поддерживать благоустройство города, другая часть – обеспечивать содержание главного, наиболее обширного городского епископского храма – кафеолика, делать отчисления на пожарную службу, на похороны неимущих, на ремонт крыш общественных купален, на городское освещение светильниками. На военную одежду тоже взимался сбор деньгами, а ткачи обеспечивали своей продукцией шестую долю этого сбора. Все эти поборы вместе взятые составляли довольно значительные средства, которыми могли распоряжаться ромейские власти.

Местом работы византийских ремесленников была мастерская, нередко служившая одновременно лавкой. Владельцев таких эргастириев называли эргастериакими. Некоторые из мастеровых побогаче снимали места для продажи своей продукции в уличных портиках и на рынках. На главных, особенно многолюдных улицах и площадях городов в первых этажах домов располагались магазины состоятельных торговцев и купцов. Другие устраивались в разгороженных досками, бревнами, занавесями портиках или под высокими аркадами акведуков. По стандартам эпохи, одно заведение такого рода – торгово-ремесленная точка приходилась примерно на 20 человек, так что в среднестатистичном ромейском городе с населением пять – шесть тысяч человек насчитывалось около 250-300 эргастириев. Вероятно, над некоторыми из них были вывески, на что указывает существование особой профессии профикария – изготовителя вывесок.

Стоимость эргастирия колебалась и нередко зависела от стоимости дома, в котором он располагался (как правило, 10% от стоимости усадьбы). Так, в византийском Египте лавка-мастерская продавалась в зависимости от качества и размера по цене от одного до 18 солидов. Но нередко ее снимали в аренду, внося за это плату (эникий, фор или мисфос), которая тоже существенно колебалась, чаще всего в размерах от одного до трех-четырёх солидов в год. Иногда встречалась и более высокая рента в несколько десятков золотых номисм.

Обычно съемщик эргастирия отдавал наймодателю приблизительно от 5 до 20% заработанного и лишь редко эта величина достигала 40%. Таким образом, будет преувеличенным воспринимать бремя аренды лавки-мастерской в Византии как нечто совершенно непосильное для массы нанимателей и весьма чувствительное для доходов даже самых зажиточных из них.

Существовали в Империи ромеев корпорации, объединявшие ремесленников государственных мастерских-эргастулов. Такие ремесленники освобождались от иных повинностей, но зато пожизненно прикреплялись к своему ремеслу, как и их дети. Среди них были оружейники, которые находились под контролем особого *магистра официий* – «начальника ведомств», то есть магистра, который наблюдал за всеми службами (officia) Империи, *гинекарии*-ткачи, торговцы льняными изделиями или льняными тканями. Некоторые из государственных

ремесленников – **монетарии**, оружейники, подобно рекрутам, даже клеймились: на руках им выжигали особую публичную отметку – **стигмату**. В случае бегства несчастных ловили, наказывали и возвращали на прежнее место работы. Во главе государственных ремесленников стояли назначаемые властями чиновники – магистры льняной государственной или личной императорской одежды, препозиты тезавров (сокровищ), прокураторы красилен и ткацких мастерских и другие **архонты** и надзиратели.

Примечательно, что частные мастерские по производству медных и золотых изделий были распространены преимущественно в византийских деревнях, в сельской местности, тогда как серебряную посуду производили в городах. Александрия упоминается в некоторых источниках как именно такой центр. К примеру, сохранившийся гороскоп для плавания корабля отсюда до Афин в 475 г. указывает на ценный груз из серебряных изделий. Другой гороскоп 479 г. для плавания корабля из Александрии до западномалоазийской **Смирны** сообщает о том, что на борту находился большой груз изделий из бронзы и кухонной утвари.

В изрезанной горными массивами, протяженной Византии, повсюду имевшей выход к морю, главную роль, как мы уже заметили, играл не столько сухопутный транспорт, сколько торговый флот. Его главным преимуществом была быстрота доставки. Морской сезон обычно открывался в день весеннего равноденствия, около 10-15 марта, и продолжался до конца ноября – начала декабря. В остальное время «моря стояли как пустыни».

Ромеи славились как прекрасные мореходы и великолепно знали условия плавания в «своём море». Так они называли Средиземное море, причем его частью считали и Черное море. В VI – первой половине VII вв. они умели строить не только небольшие плоскодонные суда вместимостью несколько тонн, но и крупные корабли грузоподъемностью до 50 тысяч модиев¹ (375 тонн). Судно средних размеров обычно имело от 60 до 100 гребцов, но преобладали парусные корабли, более удобные и экономичные, способные нести груз в 10-20 тонн. Их, в отличие от военных судов, – остроносых, с вытянутой формой корпуса, – называли «круглыми». Крупнейшие кораблестроительные **неории** – верфи и **эскартизисы** – доки ранней Византии находились на острове Кипр и в египетской Александрии.

*Судовладельцы – **навикуларии** объединялись в отдельную корпорацию и были обязаны под контролем государства в течение определенного времени в году за низкую плату перевозить государственные грузы – **ангари**. По закону, от этого не освобождался ни один корабль, способный вместить свыше 2000 модиев, то есть грузоподъемностью не менее 15 тонн. Для их содержания шла корабельная повинность, отчисляемая правительством с доходов земельных владений, поместий. Особенно масштабные перевозки зерна и масла предпринимались в IV-VI вв. из Египта в Константинополь, сотни тысяч населения которого остро нуждались в продовольствии. За эту важную услугу навикулариев освобождали, прежде всего, от уплаты пошлин, в отличие от всех прочих торговцев, на которых не распространялось это редкое исключение. Имели они и некоторые другие правовые привилегии. Кроме того, исследователи предполагают, что значительное количество торговли утварью тоже осуществлялось кораблями этого*

¹ 1 обычный византийский модий = 7,4-7,5 кг.

«хлебного флота», капитанам которых разрешали везти с собой товары, предназначенные для частной торговли, в обмен на процент прибыли с их продажи.

Как правило, купцы – **эмпоры** не были судовладельцами. Они, в основном, фрахтовали, то есть нанимали корабли. Крупнейшим судовладельцем в это время являлась Александрийская Церковь, о чем дошли красочные рассказы в Житиях святых. Из них следует, что в VI – начале VII вв. суда патриаршего флота Александрии бороздили воды даже Адриатического моря.

Существенный доход давала государственная собственность. В нее входили прежде всего сельскохозяйственные угодья. Правительство владело большой собственностью в городах, также приносившей хороший доход. Эта собственность включала в себя дома и складские помещения, которые сдавались в аренду предпринимателям. Кроме того, правительство контролировало многие производства, причем, если некоторые из них, например, производство вооружения, не давали прямого дохода, оно помогало государству резко уменьшить расходы. Многие рудники, карьеры, шахты, солеварни тоже были государственной монополией. В частности, здесь трудились рудокопы и даже рудокопки, несшие повинность согласно своему происхождению. И наконец, самым важным был сбор налогов, хотя основная тяжесть их падала не на городское, а на сельское население. В целом, это была достаточно разумная и справедливая система доходов, которая позволяла покрывать весьма значительные расходы государства.

?

1. Какие земли, входившие в состав Византии в IV–VI вв., можно считать главными, ядровыми?
2. Почему в Восточной Римской империи греческий язык постепенно вытеснил латынь и как долго сохранялось официальное двуязычие?
3. Каково было геополитическое и геостратегическое положение Византийской империи в IV–VI вв.?
4. Дайте оценку роли климатогеографических факторов в истории ранней Византии.
5. Какими природными богатствами обладали ромеи?
6. Попробуйте районировать добычу полезных ископаемых в Ромейском царстве и нанесите их на карту Средиземноморья. В каких местах их было особенно много?
7. Что византийцы называли метаксой?
8. Какие категории зависимого крестьянства существовали в ранневизантийской деревне? Чем они отличались?
9. Почему правительство безуспешно боролось с практикой патроната? Кто и почему к ней прибегал?
10. В чем заключалась специфика положения рабов в ранней Византии?
11. Почему Византия процветала в V в., в то время как Западная Римская империя пришла в упадок? Какими фактами это можно подтвердить?
12. Какое перерождение в Ромейском царстве пережили к VII в. городские советы?
13. Как развивались ромейские ремесло и торговля в IV–VI вв.?

14. Если из Империи ромеев в западную Европу везли в основном дорогие товары, требовавшие для своего изготовления большого искусства, то что же могли везти из западной Европы на рынки ранней Византии?
15. Каковы причины процветания византийского города в IV–VI вв.?
16. Подумайте, какие византийские города жили за счет регулярного импорта, а какие зависели от местного производства? Что было больше развито в Римейском царстве – внутренний или внешний рынок?
17. Каким образом было организовано ремесло и торговля в ранней Византии?
18. Каково было отношение ромейского государства к тем, кто непосредственно занимался торговлей и ремеслом?
19. Почему хрисаргир был более ненавистным для ромеев, чем торговый налог?
20. Что в Римейском царстве служило основной ячейкой торгово-ремесленной деятельности?
21. Что было выгоднее в Византии – покупка или аренда эргастерия?
22. Как вы думаете, почему ромейское государство так пристально следило за деятельностью некоторых объединений ремесленников? С чем это было связано?
23. Что собой представляла дорожная система ранней Византийской империи и в чем проявлялась эволюция сухопутных грузоперевозок к VI в.?
24. Какую роль в Римейском царстве играл торговый флот и почему? Испытал ли он упадок по сравнению с римской эпохой?
25. На чем основывалась ромейская государственная система финансов и доходов?
26. Какой государственный чиновник контролировал выпуск монет в ранней Византии?
27. В чем была суть монетной реформы императора Анастасия Дикора?

Внимание, источник!

Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов» (конец VI в.)

43. За Фракией (находится) – Малая Армения, она, говорят, поставляет незаменимых на войне всадников и лучников.

44. Далее – Пафлагония и Понт, где обитают мужи богатые и подобно каппадокийцам и галатам¹, одаренные ученостью и другими высокими качествами.

45... (нам следует сказать) о лежащей за Киликией Исаврии, богатой, как сообщают, доблестными мужами. Исаврийцы предавались от времени до времени разбоям, более того, стремились поднять оружие против Рима, но оказались не в силах победить его непоборимую славу. За пределами Исаврии лежит Пафлагония, цветущая область, полностью обеспечивающая себя всем; оливковое масло она производит в таком количестве, что щедро снабжает другие части империи.

47... провинция Азия, весьма обширная, выдающаяся среди всех других и имеющая несчетное множество городов, обширных размером, из которых многие расположены у моря. Назвать из них следует два: Эфес, обладающий, как говорят, замечательной гаванью, и блистательную Смирну. Провинция Азия обширна и богата всем – разнообразными винами, оливковым маслом, ячменем, великолепными тканями, окрашенными настоящим пурпуром, полбой – и настолько прекрасна, что трудно воздать ей подобающую хвалу.

¹ Провинции – *Каппадокия* и *Галатия*, соответственно, на востоке и севере Малой Азии.

48. Далее лежит Геллеспонт, плодородный край, изобилующий злаками, вином и оливковым маслом. Он обладает знаменитыми с древности городами, Троей и Иллионом, а также превосходящим их по величию городом Кизиком.

49. За Геллеспонтом находится удивительная Вифиния, большая, богатая и производящая всяческие плоды. В ней много городов, из которых замечательны Никея и Никомидия.

50. За Вифинией следует провинция Фракия; она весьма богата зерном и населением рослым и отважным в битвах, так что отсюда обычно вербуют воинов. Фракия имеет блистательные города – Константинополь и Гераклею¹.

51. Вблизи Фракии ты увидишь Македонию, всем изобилующую и ведущую торговлю железом, свинцом, а иногда еще солониной и дарданским сыром, ибо Дардания к ней примыкает. Македония имеет прекрасный город Фессалонику, принадлежащий к числу самых замечательных городов (мира).

52. За Македонией лежит Фессалия; земля здесь приносит богатые урожаи, и область эта, как говорят, снабжает и другие провинции [...]. Он (край) производит немного оливкового масла и аттический мед, но главная его слава скорее, чем в чем-либо другом заключается в блеске наук и риторского искусства.

Из предписания 393 г., включенного в *Кодекс Феодосия*, относительно добычи мрамора и металлов

Мы предписываем, чтобы рука частных (лиц) удерживалась от какой угодно мраморной (и) металлической разработки [...]. Если же кто-то попыбует далее разрабатывать запретное скрытым трудом, то все, что бы он ни нарубил, должно быть виндцировано праву фиска и казне.

Из эдикта императора Константина I о колонах (332 г.)

Тот, у кого будет найден принадлежащий другому колон, не только должен его вернуть туда, откуда он родом, но и должен заплатить подать, причитающуюся с (колона), за все то время, какое колон у него находился. А самих колонов, которые вздумают бежать, следует заковывать в кандалы, как рабов, чтобы в наказание заставить их рабским способом исполнять обязанности, приличествующие свободным людям.

Из «Новой истории» Зосима (вторая половина V в.) о введении хрисаргира императором Константином I

II. 38. (1). [...] Константин продолжал растрчивать [доходы] от налогов на дары не тем, кто нуждался, но людям недостойным и негодным, разоряя налогоплательщиков и в то же время обогащая тех, кто не мог принести какой-либо пользы; ибо он считал мотовство честью². (2) Именно он наложил подать в золоте и серебре³ на всех тех, кто

¹ Византийская Ираклия Фракийская, центр важного архиепископства.

² Другой вариант перевода – «считал расточительность щедростью». В представлении ромеев, это была одна из типичных черт тирана, тогда как умеренность – качество благочестивого, «хорошего» императора.

³ Хрисаргир (дословно «златосребр») – налог на имущество и товарооборот, налагался на всех, кто имел любой доход в деньгах. Этот налог должен был покрыть растущие расходы армии, но, по словам современников, лишь ненамного увеличил годовые доходы Ромейского царства.

повсюду доставляет товары, и на тех, кто в городах торгует любыми вещами вплоть до самых ничтожных, не освободив от этого налога даже злополучных гетер, так что, когда приближался установленный четырехлетний срок уплаты этой подати, можно было видеть в каждом городе жалобы и сетования, а когда он наступал – бичи и пытки, которыми подвергали тела тех, кто не мог вынести груз денежного взыскания из-за крайней бедности. (3) Уже и матери продавали сыновей, а отцы отправляли заниматься проституцией своих дочерей, вынужденные отдавать сборщикам хрисаргира серебро, [вырученное] за их ремесло.

Из императорского закона 418 г. относительно уклонений от уплаты денежного побора

Никто – торговец или владелец вещей, которые подразумеваются (как) подлежащие побору ежепятiletнего золота, – (пусть) не считает, что он должен быть вытаскен из-под предназначенной функции (то есть освобожден от этого побора с помощью приданной ему) уверенности (в виде) патрониниев или звания какого угодно высочайшего достоинства, даже если он относится к дому госпожи и нашей действительной уважаемой Августы Пульхерии¹, либо благороднейших сестер нашего благочестия².

Из императорского закона 424 г. относительно сбора дохода с эргастриев Константинополя

Поскольку упоминают, что в портиках (бань) Зевксиппа существуют дома со своими мастерскими, (то) мы приказываем, чтобы (от) упомянутых мест без какого-либо извинения собирался доход в количестве, которое следует для должествующих быть выставленными светильников, и (для) построек, и (для) ремонта крыш (в) купальне этого царского Города.

Из императорского закона 529 г. о запрете продавать рабов без земли

Как запрещено продавать (рабов) уроженцев без земли, так не следует продавать без земли рабов, сидящих на земле и приписных. Мы также запрещаем обходить закон, что часто имеет место относительно (рабов) уроженцев, и продавать слишком малую часть от той земли, к которой они прикреплены, но мы требуем, чтобы господа и собственники продавали количество рабов и (рабов) уроженцев в соответствии с количеством земли и всегда бы соблюдали это соотношение.

Из новеллы 539 г., адресованной префекту претория

[...] Здоровое телесно коренное население, которое не имеет средств к существованию, должно без промедления обращаться в службы общественных работ, к главам хлебопекарен, к держателям садов и т.д. Если они отказываются это делать, нужно вы-

¹ *Пульхерия* (399-453 гг., августа с 414 г.), старшая, властная, очень набожная сестра императора Феодосия Младшего, девственница с монашескими склонностями, которая тем не менее до конца 420-х гг. принимала самое активное участие в управлении государством вместе с братом, имея на него неограниченное влияние.

² Речь идет о других сестрах императора – Марине и Аркадии, тоже давших обет девственности.

гонять их из города... Инвалидов и стариков трогать не нужно, пусть о них добровольно позаботятся жители города. У всех других необходимо спрашивать, что они собираются делать в Константинополе, чтобы избежать присутствия безработных, а когда они завершат свои дела, то должны возвращаться к себе домой.

**Византийский поэт-гимнограф Роман Сладкопевец (конец V в. – после 555 г.).
Из кондака «На усопших»**

Над убогим богач надругается,
Пожирает сирых и немощных;
Земледельца труд – прибыль господская,
Одним пот, а другим роскошества,
И бедняк в трудах надрывается,
Чтобы все отнялось и развеялось.

**Трактат сирийского архитектора Юлиана из Аскалона
«О законе и об обычаях Палестины» (VI в.)**

(43) Если к портику примыкают или возвышаются над ним частные дома, низкие или многоэтажные, и если общественные портики нуждаются в ремонте и улучшении, должно иметь в виду, что при разборе и установке колонн и при работе над эпистилем (настилка над колонной) эргастирии, которые помещаются в портиках, несут половину расходов вследствие той пользы, которую они извлекают – ведь эргастирия очень много получает пользы в портике. Для того, кто живет над потриком – половина расходов, поскольку над потриком довлеет тяжесть от надстройки. Свободен от участия в расходах тот, кто примыкает к портику наравне с ним и если его жилище обращено в сторону портика – ведь он не причиняет портику никаких неудобств, и никакой ему пользы от портика не доставляется, скорее наоборот (ему причиняется вред) от того, что потриком заслоняется (в его жилище) свет. Если же в указанном портике нуждается в ремонте потолок, то эргастирии должны принять на себя половину расходов; тот, который обращен к портику и примыкает к нему, несет одну шестую часть расходов. Тот или те, кто помещаются над потриком, несут остальную третью часть расходов. Имеющий эргастерию должен оплачивать половину расходов вследствие использования им портика. Тот, кто находится под потолком портика, дает одну шестую вследствие того, что потолок портика защищает его от дождей; тот или те, кто помещаются над потриком, платят третью часть вследствиеотягощения, которое причиняют портику. Однако нужно иметь в виду, что если будет повреждена колонна общественного портика или капитель или базис, или же пострадает постройка вплоть до грунтового столба, то расходы по ремонту должна брать на себя казна.

(80) При постройке или ремонте подземной канализации надлежит принимать работу друг от друга от двора к двору, от дома к дому. Например, если подземные каналы идут от двора, то хозяин его должен на свои средства провести их до тех пор, пока не достигнет другого двора, подобным же образом поступать должны и прочие до тех пор, пока не достигнут общественной клоаки. Если же общественная клоака находится на слишком далеком расстоянии от последнего двора, надлежит последнему двору проводить каналы также как и те, которые проводили раньше, но по причине протяженности остального канала необходимо разделить труд между остальными участниками проведения канализации.

?

1. Какими богатствами, согласно географическому трактату, обладали провинции ранней Византии и какие земли были наиболее процветающими?
2. Подумайте, почему имперский закон требовал, чтобы разработка мрамора и руды сосредотачивалась только в руках государства?
3. Что вы можете рассказать о положении колонов? Можно ли их считать «свободными людьми», как об этом сказано в эдикте Константина I?
4. Почему государство беспокоило то, чтобы рабов продавали с полноценным наделом земли?
5. Что настораживает в рассказе Зосима о разорительности хрисаргира? Учтите, что автор разделял языческие взгляды и был враждебно настроен по отношению к Константину, за то, что тот «необдуманно отбросил отеческие обычаи».
6. Как вы думаете, о каком «ежепятiletнем денежном поборе» с торговцев идет речь в законе от 418 г.?
7. Какие способы уклонения торговцев и прочих владельцев движимости от налогов называет закон от 418 г.?
8. На что, согласно закону от 424 г., должен был идти денежный сбор с эргастириев, размещенных в портиках общественной бани? Как вы думаете, такая практика существовала в провинциальных городах Ромейского царства?
4. О какой проблеме говорить императорский приказ 539 г. и почему она была очень серьезной именно в Константинополе?
5. Какую несправедливость видел поэт-монах Роман в современной ему Византии? Кого он в данном случае относил к беднякам, а кого – к богачам? В чем он усматривал тяжесть положения земледельца?
9. Как, по сведениям Юлиана Аскалонита, организовывали общественные работы в ромейском городе в Палестине и кто их финансировал?

§ 3. Imperium Romanum Christianum

Поворотной вехой в истории Ромейского царства явилось VI столетие, когда благодаря череде грандиозных начинаний было утверждено и закреплено торжество единой новой христианской державы, единой Церкви и единого закона. С этого времени византийцы стали воспринимать Империю по новому: не как обычное государство, а *Imperium Romanum Christianum* – Христианскую Римскую Империю, богохранимую исполнительницу божественных предначертаний, и «Град земной» – земное подобие «Града небесного». Отличительной чертой правления византийских императоров надолго стала централизация власти, крепкий союз с Церковью, забота о финансах, а созданный кодекс законов и заново отстроенные города, крепости, другие общественные сооружения пережили века. Самое главное, миссия Христианской Империи на века стала глубинной идеологической основой Византии и одной из причин ее удивительной выносливости.

**«Император, который
никогда не спит»**

Наивысшего расцвета и наибольшего территориального распространения ранняя Византия достигла в правление императора Юстиниана I (527-565 гг.), который вошел в историю как последний император античности и родоначальник ромейского Средневековья. В его царствование укрепилась власть автократора-самодержца, в том числе и над Церковью, были уничтожены многие старые государственные учреждения, смяты остатки прежнего влияния синклита, городского самоуправления, проведена серия важнейших реформ во всех областях жизни. При Юстиниане росли финансы, широко велось строительство, оживилась международная торговля.

Будущий великий император, получивший при Святом Крещении доброе имя Петр, родился около 482 г. в крестьянской то ли иллирийской, то ли даже славянской семье некоего Савватия в захолустной деревне Таурисий, находившейся в сорока пяти километрах от города Ниша на территории теперешней Сербии. Насколько это был «медвежий угол», косвенно указывает факт, что даже когда впоследствии император отстроил здесь вполне благоустроенный городок под гордым названием Юстиниана Прима, его население не превышало тысячи жителей.

*Другой член этого простого семейства, Юстин, брат жены Савватия – Вигиланции, могучий грубый солдат из такого же местного глухого городка Бедериана, по описанию Иоанна Малалы, был типичным кряжистым крестьянином: «невысокого роста, широкогрудый, с седыми кудрявыми волосами, с красивым носом, румяный, благообразный, опытный в военных делах, честлюбивый, но безграмотный». Он участвовал в подавлении восстания воинственных исавров, отчаянных сорвиголов, которые чувствовали себя как дома в обстановке интриг и сражений, чудом избежал смерти, дослужился к старости до высокого поста начальника караульных – **эскувитов**, почетной императорской придворной стражи. Затем, после смерти бездетного императора Анастасия Дикора в 518 г., удачно воспользовавшись хитросплетением дворцовых интриг и подкупив эскувитов чужими деньгами, Юстин неожиданно для самого себя, с порванной в потасовке губой, оказался избран на царский трон. Природный крестьянский ум и политическая прозорливость позволили 70-летнему императору задумать многочисленные реформы внутренней жизни государства и править достаточно удачно, по крайней мере, стабильно. Супругой ему под стать была Луппикина, тихая женщина варварского происхождения, прежде его рабыня, которая после коронации приняла благозвучное имя Евфимии.*

Около 500 г., Юстин, будучи бездетным, вызвал юного Петра из скучной сельской глуши и обеспечил племяннику превосходное образование. Кроме латыни, своего родного с детства языка, он освоил греческий, хотя и не так хорошо, постиг премудрости придворной службы, то есть подготовился к государственной деятельности. Придя к власти, дядя великодушно усыновил его под пышным именем Флавий Петр Савватий Юстиниан, после чего тот активно помогал невежественному, не умевшему читать и писать Юстину в делах управления, наконец, стал соправителем и, когда дядя-император скончался в 527 г. от старой военной раны, сам занял трон. Не столько способности, как и характер, видимо, вполне посредственные, сколько не-

изменное колоссальное трудолюбие и настойчивость позволили Юстиниану стать весьма грамотным, знать толк в праве и богословии.

Судя по описаниям современников и портретам на медальонах, настенных мозаиках (наиболее известная – мозаика равеннской базилики Св. Виталия, где император представлен уже в почтенном 64-летнем возрасте с залысынами в полуседых волосах), Юстиниан, как и его дядя, был мал ростом, широкогруд, имел круглое, цветущее, чистое лицо с гладковыбритыми щеками и внимательными серыми глазами.

Юстиниан не ел мяса и – еще большая редкость – не пил вина, мало спал, был прост в быту и доступен людям различного звания. Он лично вникал в бесчисленные государственные дела, вел огромную переписку. Государь обладал воистину демонической работоспособностью, суетливой энергией, заставлявшей подданных сочинять об этом легенды и даже считать его не человеком, а неким «владыкой демонов». «Неспящий», «император, который никогда не спит», «ночной император» – так говорили о нем современники. В самый глухой час ночи, как сплетничал Прокопий Кесарийский в своей неизданной желчной «Тайной истории», Юстиниан, пугая слуг, нередко бродил по пустынным, освещаемым лишь светом луны, темным залам Священного императорского дворца, обдумывая дела, законы и путаные богословские проблемы.

В этом человеке были необыкновенно развиты интуиция и логика. В большинстве случаев он руководствовался не тщеславием, сиюминутными порывами или жадностью, в которых его обвиняли некоторые современники, а разумом, осторожностью и стремлением расчетливо достичь поставленной перед самим собой высокой государственной задачи. Это был автократ до мозга костей, который, не повысив голоса, мог отправить на смерть тысячи людей. Он сам принимал решения и его взгляд был устремлен на поколения, которым еще предстояло родиться, в той же степени, как на те, которыми он правил сегодня. Несмотря на противоречивость характера, Юстиниан не совершал необдуманных поступков, влекущих крайне неблагоприятные финансовые последствия. При всех оговорках, надо признать, что он все же умел экономить, рассчитывать ожидаемые прибыли и убытки от своих действий. Несомненно, этот император был незаурядной, целостной личностью, подобной Юлию Цезарю или Октавиану Августу, и его эпоха осталась самой блистательной, «золотой» в памяти и современников, и потомков. Недаром даже спустя столетия Данте в грандиозной, эпической «Божественной комедии» поместил Юстиниана в Раю среди благодетелей человечества.

«Единое государство, единый закон и единая Церковь» – такова была краткая новая формула государственной деятельности Юстиниана I и одновременно глобальные задачи его имперской политики. Три вещи, которые ему надо было претворить и оставить на века. Видения такого масштаба могут быть опасными, подобное честолюбие иногда сметает все на своем пути. Следует заметить, что эти идеи еще не стали анахронизмом и соответствовали настроением эпохи. Они казались правильными любому человеку, который знал о былой великой славе единого и неповторимого Рима. Более того, поставленные задачи были поддержаны всеми мощными средствами византийского государства.

Будучи непревзойденным реформатором, император поставил целью гораздо большее, чем возрождение Римской империи, – создание нового универсального общества в границах единого государства, с единой верой, единым законодательством, единой формой собственности – частной, единой формой семьи, единым языком, объединяющим людей, едиными правами для свободных граждан. В преамбуле к одной из своих знаменитых новелл в 535 г. Юстиниан впервые от имени императорской власти провозгласил идеал – гармонию между императором и священством, причем в отношении последнего особо указал на молитву о духовном благоденствии христианского общества как на его первейший долг, тогда как защита Церкви стала наиболее серьезной, священной из императорских обязанностей.

Именно в этой связи и возник термин «*цезарепанизм*», которым описывалась властная роль императора в церковных делах. Это стало предметом продолжительных дискуссий между отвергавшими данное понятие как не отражающее духовной автономии византийской Церкви и теми, кто отстаивал его ценность на том практическом основании, что деятельность византийской Церкви во многом регулировалась имперским законодательством и император ромеев был наделен определенной степенью святости. Но так или иначе был установлен принцип согласованности, единства духовной и светской властей, «священства и царственности», который действительно стал основополагающим принципом жизнедеятельности ромейского общества. Поэтому необходимо особо подчеркнуть, что именно в период правления этого знаменитого самодержца окончательно оформилась одна из новых ведущих идей идеологии складывающегося средневекового общества – идея союза Христианской Церкви и Христианской Империи (*Imperium Christianum*), которая в дальнейшем будет вдохновлять всех крупнейших монархов мира. Самым необходимым условием такого союза считали правоверность Христианской Церкви и правоверие императора и его подданных.

У ромеев это вылилось в особую политико-идеологическую теорию, которая называлась *симфония* («согласие»), точнее симфония тис агафи – «благая гармония», гармоничные взаимоотношения между Православной Церковью и христианским императором. Благая симфония предполагала равноправные отношения и сотрудничество между светской и духовной властью. Однако на практике такое «согласие» в Ромейском царстве соблюдалось не всегда. Бывали императоры всецело подчинявшие Церковь, но случалось и наоборот. Все зависело от значимости правившей личности.

*Если иметь в виду Юстиниана I, то одним из основных направлений его внутренней политики стало достижение единства веры и признание императора основным проводником в этой сфере. Заботясь о правах и имущественных интересах Церкви, он вместе с тем ярко проявлял самодержавные тенденции, отстаивая примат светской власти над церковной. По обычаю коронования император был свят. Поэтому он принял на себя титул **исапостола**, то есть царя, равного апостолам Христа, и прославился как «Учитель Церкви». Он объявил жестокую борьбу всем, кто не исповедовал ортодоксальное христианство. Его законы устранили «утерянных христиан» – еретиков от всех общественных должностей – гражданских, военных, муниципальных, запрещали им заниматься адвокатурой и быть препода-*

вателями, отказывали в праве наследства. Еретики подвергались ссылкам и даже казням. Так Юстиниан мог бороться со всеми, кто не подчинялся его власти автократора. Он лично, и чем дальше, тем больше, принимал участие в спорах по церковным и богословским вопросам, решать которые самодержец всегда считал частью своих государственных обязанностей, писал теологические трактаты, сочинял религиозные гимны. Более того, к концу жизни, став все более терять интерес к опостылевшим насущным делам, император сосредоточился только на этом, обсуждая тонкости догматики, которым придавал главенствующее значение. В 553 г. Пятый Вселенский собор в Константинополе даже пожаловал мирянину Юстиниану неслыханное – сан «внешнего епископа Церкви», во власти которого находились все прочие церковные иерархи, которыми он руководил, как и государством. Титул «священный» стал применяться и к особе императора, и ко всей императорской семье. Именно с этого времени степень святости верховного правителя ромеев стала повышаться век от века.

В конечном счете Юстиниану удалось создать авторитарную державу, опиравшуюся на духовенство и на большой, централизованный аппарат управленцев. На это же были направлены все многогранные, хотя и непоследовательные реформы – аграрная, административная, церковная, военная, монетная и другие, увеличен и осложнен придворный этикет, предприняты шаги по наведению порядка и искоренению злоупотреблений в провинциальном управлении, начата борьба с вымогательствами в области взимания все более растущих денежных налогов, созданы экономические условия для увеличения товарооборота и оживления производства, введены ограничения права крупных земельных собственников и, напротив, предоставлены податные льготы для разраставшегося мелкого землевладения. Император, воспользовавшись муниципальной реформой, постепенно прибрал к рукам важнейшие фонды городов Империи, фактически ставшие отныне частью государственного имущества, несмотря на то, что к распоряжению ими еще допускались «первенствующие» граждане каждого города и местный епископ. Он предложил в своих конституциях программу искоренения продажности должностных лиц и, в частности, запретил давать узаконенные прежде взятки – *суффрагии* при назначении на любые должности. Теперь за это полагалось платить в *димосион* – государственную казну твердые таксы – *синифии*. Формально выражая неодобрение чрезвычайному обременению населения, Юстиниан постоянно снабжал провинциальную администрацию предписаниями с требованиями выполнять сбор налогов сполна, а в отдельные годы даже собирать налогов выше нормы, мотивируя это борьбой с недоимками. Все это, безусловно, добавляло средств в императорскую казну, но мало способствовало снижению социального напряжения, особенно сильного поначалу.

Успехи, которых достиг Юстиниан I за время своего почти сорокалетнего единоличного правления, можно во многом объяснить тем, что императору удалось найти энергичных и талантливых помощников. Это были люди мощного типа с ярко выраженной индивидуальностью, обладатели высокого ума. Сам будучи выскочкой из простолюдинов, Юстиниан требовал от исполнителей своих планов выдающихся качеств, а не знатных имен, и весьма прохладно относился к кичливым, высокомерным аристократам, которые постоянно боролись за власть с императором.

Во главе финансового ведомства он поставил поднятого из рядов мелкого чиновничества эпарха¹ (управляющего императорским двором, по сути дела, премьер-министра) **Иоана Каппадокийца**. Родом из Каппадокии, это был необразованный, лишенный всякого обаяния человек и вместе с тем умелый, крайне избрательный, более того, неразборчивый в выборе средств по части выбивания денег из подданных, стремлении экономить на ком угодно и в то же время достаточно неподкупный и честный по отношению к собранному государственному достоянию. Именно Иоанн Каппадокийский долгое время нес на своих плечах основную тяжесть административного управления государством, проводил необходимые, часто полезные, хотя и болезненные реформы, перекрывал лазейки в налоговой системе, целеустремленно, решительно боролся с коррупцией. Не мудрено, что именно он стал объектом всеобщей ненависти со стороны как бедных, так и особенно богатых. Этому способствовали и его нездоровые личные качества. По словам современника, писателя **Иоанна Лиды**, не было «ни одной жены, девы или юноши, совершенно огражденных от поругания их чести» со стороны этого большого любителя секса. Судьбе будет угодно, чтобы сей распутный, грубый, задиристый мужлан-дебошир непомерной толщины и аппетита, погрязший в роскоши и удовольствиях, умер монахом в монастыре после того как попал в опалу за свой несдержанный язык и опасные высказывания, сплетни и «фейки» в адрес супруги Юстиниана, Феодоры, которая, сама будучи выскочкой, люто его ненавидела.

Квестором (высшим юристом) был еще один выдвиженец Юстиниана, тихий, спокойный, исполнительный трудяга **Трибониан** – энциклопедический знаток римского права, обладавший глубокими юридическими познаниями, соединенными с практическим опытом и величайшей старательностью. Не считая склонности к язычеству, которым тогда грешили многие интеллектуалы, его портила лишь привычка за взятки продавать правосудие и подгонять законы под нужное решение.

В окружении Юстиниана I мы встретим не только одаренных администраторов, но и талантливых полководцев, которые вели победоносные войны. Германец по происхождению, начисто лишенный аристократических манер, неприхотливый в условиях военной жизни, высокий, статный, белокурый красавец, храбрец и силач, **Велисарий** достиг чина военного магистра Востока. Великий строитель армии, неистощимый на выдумки, военные хитрости и неожиданные тактические маневры, он неоднократно одерживал блестящие, эпохальные победы над персами и в течение долгого ряда лет возглавлял наиболее сложные и ответственные экспедиции ромейской армии, душил мятежи, отбивал орды зверствовавших диких гуннов, грабителей – булгар и славян от столицы.

Не очень опытным, но дальновидным военачальником и еще более талантливым организатором, тактиком и искушенным дипломатом с большими связями при дворе показал себя старый евнух-постельничий, **кувикуларий** и одновременно почетный «меченосец»–**снафарий**, богобоязненный армянин **Нарсес**. Он отличался здравым смыслом и трезвостью суждений, обладал сильным характером, проницательным, острым умом, умел заставлять людей слаженно работать вместе и, как и остальные верные, надежные соратники, самозабвенно охранял

¹ Иначе, на римский лад, эта должность называлась префект претория.

императора, претворял в жизнь его инициативы по восстановлению былых границ Римской империи.

Гением самых величественных строительных замыслов императора, воплощенных на выделенные им огромные деньги, стал архитектор и инженер, знаток секретов оптики **Анфимий из Тралл**, происходивший из очень одаренной семьи – его братья были не менее блистательными и оригинальными интеллектуалами, чем он сам. С именем Анфимия связан великий этап византийской архитектуры, определивший неповторимый облик византийской цивилизации.

Но, безусловно, самого близкого и преданного советника Юстиниан I получил в лице августы Феодоры, которую официально звал не только «наивысококочтимейшей богоданной супругой», но и более интимно – своим «самым нежным очарованием».

*Еще при жизни этой замечательной женщины ее необычайная судьба так поражала современников, что константинопольские горожане для объяснения головокружительной карьеры Феодоры выдумывали самые невероятные истории, собранные и пересказанные Прокопием Кесарийским в его злобном памфлете «Тайная история». Если верить этому небольшому шедевр едкой злости, сделанному в жанре **псогоса** – хулы, будущая императрица была всего лишь средней из трех дочерей бедного человека с соответствующим именем Акакий – «Прах», который служил смотрителем зверей и дрессировщиком медведей при цирке константинопольского Ипподрома. Он умер, оставив семью в бедственном положении, когда Феодора была еще маленькой девочкой. Мать сошлась с другим мужчиной, который стал преемником покойного по должности и вместе с доставшимися ему животными принял заботу и о семье «Праха». Видимо, забота была столь мизерной, а нищета и тяготы столь велики, что мать стала понуждать дочерей зарабатывать всеми возможными способами, вплоть до проституции. Они начали посещать светские собрания, где «познакомились с грязными прикосновениями и нескромными разговорами». Как можно понять легковерного Прокопия, старательно описывавшего всю эту порнографию, сама Феодора, еще будучи малолеткой, занималась оральным сексом со всяким отребьем, слугами, рабами, сопровождавшими своих господ в театр, а когда выросла стала настоящей эротоманкой : «...пользуясь в своем ремесле тремя отверстиями, упрекала природу, досадуя, что на груди не было более широкого отверстия, позволившего бы ей придумать и иной способ сношений». При всем том эта юная девушка, которой жизнь даровала больше побоев, чем нежности, была жизнерадостна, полна необычайного обаяния, остроумия и хороша собой : маленького роста, но чрезвычайно изящная, грациозная, стройная, черноволосая, а ее приятное лицо, матовое, слегка бледное, озарялось большими, полными выражения жизни и блеска прекрасными черными глазами. Вместе со своими двумя сестрами – Комито и Анастасией Феодора постепенно вошла в ряды лицедеев, театральные круги модных танцовщиц, флейтисток, мимов и куртизанок и, как и они, «демонстрировала приватную сторону своей жизни перед тысячами граждан», обнажаясь целиком или почти полностью в крайне непристойных представлениях, таких живых картинах и пантомимах, «где могли проявляться вполне свободно ее веселость и живой комизм», другими словами – редкий дар смешить людей.*

Обладая исключительно страстным темпераментом, она скандализировала Константинополь, решаясь на самые нескромные выходки и показывалась самым откровенным образом. Ей не было и двадцати лет, а все говорили о безумной роскоши ее ужинов, смелости речей и множестве любовников. С одним из них, богачем Гекеболием, императорским наместником Пятиградия – Пентаполиса в северной Африке, она последовала в провинциальную Кирену. Впрочем, пыльный город, находившийся на краю пустыне, вскоре ей наскучил, как и сам Гекиболий.

Непостоянная, слишком зависимая от мужского обожания, Феодора и дальше меняла привязанности, покровителей и города Египта, Сирии, Палестины, то теряя, то прибыльно округляя свои заработки. Довольно долго ей довелось прожить в Александрии, где она нашла доступ к таким уважаемым людям и знаменитым проповедникам как Патриарх Тимофей, видимо, сильно повлиявших на нее и заставивших раскаяться в грехах. Во всяком случае, когда она вернулась в столицу Империи, с прошлым скандальным образом жизни, где было все, вплоть до группового секса, было покончено. Феодора стала жить одна, в маленьком домике, скромно и честно, занимаясь прядением шерсти и даже научными занятиями. Тогда то знаменитая танцовщица по имени Македония познакомила свою молодую подругу с 42-летним Юстинианом, который был старше ее почти на два десятка лет. Пленив и прочно привязав к себе этого богатого, серьезного, солидного и в то же время не связанного условностями человека безумной любовью, уже в 524 г. бывшая проститутка Феодора стала из его наложницы женой и вместе с ним через три года, в Пасхальное воскресенье первого апреля взойшла на трон. Для этого овдовевший к тому времени император Юстин I по настойчивой просьбе племянника пошел даже на отмену закона, запрещавшего лицам ранга синклитиков-сенаторов брать в жены актрис, гетер, служанок гостиниц и рабынь.

Феодора имела ум более поверхностный, нежели ее избранник, но необычайно изобретательный и практичный. Жизненный опыт много повидавшей женщины научил ее мгновенно оценивать обстановку, разбираться в людях. Организаторские способности, несгибаемая воля, энергичность, настойчивость, смелость и решительность сочетались в этой царице «из сточной канавы» с крайней обидчивостью, злопамятством, коварством и мстительностью. Она была личностью сильной, жесткой и расчетливой.

Ей необычайно повезло. Феодора могла позволить себе жить как ей нравилось, с невиданной роскошью, обременяя ею казну. Она особенно дорожила этими внешними признаками и символами власти. У императрицы был свой флот, свой двор, свой стол, накрытый всегда с тонким, изысканным вкусом, своя служба, своя охрана и, когда каждую весну августа отправлялась на целебные воды Пифии в Малой Азии, ее сопровождали самые высокие сановники и четыре тысячи человек. Чтобы понравится ей, надо было усердствовать в оказании почести, падать перед ней ниц, каждый день в часы аудиенции подолгу простаивать в ее приемной, ожидая позднего пробуждения и окончания туалета.

Феодора, как настоящая выскочка, любила подчеркивать свой сан и дистанцию, отделявшую ее от подданных. Понимая, что внешность – ее

*оружие, она неустанно пеклась о своей красоте, утонченности, регулярно спала днем для свежести лица и тела, принимала ванны, после которых отдыхала часами. Взяв от жизни все, что могла, Феодора утратила интерес к сексу, после замужества хранила полнейшую супружескую верность и вела безусловно порядочную жизнь. Однако судьба послала ей воздаяние за грехи молодости : неудачные беременности и их частые прерывания оставили ее без детей, чему не мог помочь даже лучший гинеколог своего времени – **Аэций из Амиды**, а в 548 г., в возрасте 48 лет, последовало самое страшное – трагическая мучительная смерть от рака.*

Эта бывшая балаганная актриска, танцовщица, дочь зрителя зверей с ипподрома, стала первой женщиной Империи, оказывала на императора постоянное, мощное влияние и больше двадцати лет управляла громадной страной в не меньшей мере, чем ее царственный супруг, принимала послов, придирчиво следила за тщательнейшим соблюдением дисциплины усложнившихся придворных церемоний, вела дипломатическую переписку, влияла на церковную политику государства, на выборы Патриархов и Пап, держала в руках нити всех интриг и уж точно имела повсюду своих верных агентов. Недаром присяга чиновников приносилась не только на имя императора, но и императрицы, чей титул августы считался должностью. Царственный супружеский союз Юстиниана и Феодоры представлял уникальный для того времени пример равноправного партнерства между мужчиной и женщиной.

Войны Юстиниана

Юстиниан I по праву считал себя законным наследником римских цезарей, хранителем славы, достоинства и доблести Рима, правителем Orbis Romanum – «Римского мира» и главой христианской **эйкумены**.

Считалось, что всё, входившее когда-нибудь в состав этого Римского мира, соединено с ним навечно, даже если находится под чужой властью. Поэтому ромейский самодержец предпринял грандиозную авантюру – попытался присоединить к своему государству все те земли, которые прежде, в границах II в. н. э., принадлежали римским императорам, и где теперь были основаны варварские королевства германцев – **вандалов** в северной Африке и готов в Италии и на Пиренейском полуострове. К слову, их правители сами формально признавали верховенство Ромейского царства и считались наместниками царя, а оставшиеся на этих территориях римляне, особенно знать, лелеяли надежды вновь вернуться в ряды подданных блестящего государства, накопившего к тому времени немалые силы.

Разлагающее действие старых римских порядков на общинный строй германцев, быстрый упадок варварских государств, а также их разногласия облегчили феноменальную задачу императору и его полководцам. К тому же, надо учесть, что большинство варваров исповедовало **арианство** – еретическое с точки зрения православных ромеев христианское учение о «тварности» Христа, Бога Сына, и его подчиненности Богу Отцу. Оно было осужденное церковными соборами, и Юстиниан I считал своим личным долгом правоверного благочестивого владыки восстановить порядок и тут, – во что бы то ни стало вернуть варваров-еретиков и их земли в лоно истинной Церкви и заручиться помощью Всевышнего. Благо, для этого у богатейшей страны мира были средства. В свое

время, воспользовавшись относительным затишьем на границах, удачливый, расчетливый финансист Анастасий I, с редкостной эффективностью собиравший налоги и контролировавший расходы, скопил в казне, если верить византийским историкам, 320 тысяч фунтов золота, то есть около 23 миллионов солидов, или более ста тонн драгоценного металла! Кроме того, следует учесть, что его преемники получили не только значительный золотой запас, но и населенную, цветущую Империю на Востоке. Если верить позднеримским источникам, один Египет давал около трети доходов (зерном и деньгами), собранных с ближневосточных и балканских провинций. С ним по величине сбора налогов конкурировали другие богатые регионы Ромейского царства – Сирия, Месопотамия, *Осроена*, Финикия, Палестина и южномалоазийская Киликия. Успешные войны обещали новые ресурсы для укрепления Империи. Ситуация на Балканах еще не очень тревожила, а восточные границы, казалось, можно было обезопасить, привычно купив мир с кичливыми персами. И тогда Средиземное море станет внутренним «озером» ромеев, а прежняя столица – Рим будет наконец возвращена!

Военные походы должны были организовываться с минимальным дополнительным расходом государственных средств и при более эффективном управлении войсками. Для этого даже не надо было новых наборов рекрутов: в экспедиционный корпус, этакий «спецназ», отбирались отряды из уже имевшихся подразделений профессиональных стратиотов и федератов, включая наводивших особый ужас свирепых, плосколицых, смуглых гуннов – прирожденных всадников и отличных стрелков из мощных сложносоставных луков с обратным изгибом. К слову, такими же луками теперь обзавелись и ромейские воины, успешно пускавшие их в ход и в конном, и в пешем бою. Союзники – симмахи или соции привлекались на византийскую службу в силу договоров между императором и вождями варваров и оплачивались дополнительно из расчета 200–400 фунтов золота в год на один отряд. В распоряжении императора уже имелся постоянно пополняемый государственный арсенал. Воинское довольствие армии обеспечивалось регулярным налогообложением. Поэтому только флот оказывался наиболее затратной статьёй экспедиционных расходов, поскольку состоял из частных судов, а моряками на них были вольнонаемные профессионалы – добровольцы.

Прекращение затяжной войны со стареющим шахом Персии, заключение с ним победоносного для ромеев «Вечного» мира от 532 г. и преодоление в Константинополе сопротивления политике Юстиниана, вылившееся в разгром бурного мятежа горожан и синклитиков, дало удобный момент для готовившегося рывка на Запад. Ранней весной 533 г. началась деятельная, спешная подготовка к походу в северную Африку, где один вандалский король сверг другого, проимперски настроенного, и уже полыхали инспирированные византийскими агентами антивандалские мятежи местного православного населения. Борясь с ними, вандалы-ариане дошли до такого безумства, что снесли стены своих городов, дабы не позволить бунтовщикам восставать снова.

Впрочем, Юстиниана отговаривали от этой, как казалось многим, сумасбродной, авантюрной затеи, не без страха вспоминая с какой легкостью в 468 г. вандалы всего за пять дней с помощью своих пиратских судов, превращенных в зажигательные брандеры, отразили мощный флот и превосходно вооруженную армию византийского полководца Василиска, шурина, то есть брата жены Льва I. Тогда это провальное предприятие обернулось для Империи катастрофой – потерей

130 тысяч фунтов золота и разбалансировкой бюджета государства на многие десятилетия. Но на сей раз честолюбивый император верил в удачу и не уступил. Он понимал, что, имея в тылу сильный вандалский боевой флот, начинать тщательно задуманное воссоздание государства будут безумием.

Молодой искусный полководец Велисарий, уже зарекомендовавший себя в двух победных военных кампаниях с персами, был назначен императором главнокомандующим небольшим экспедиционным корпусом, чтобы в случае неудачи, минимизировать потери Империи. Однако при всей своей немногочисленности корпус был хорошо организован. В его состав вошли десять тысяч отборных пехотинцев, набранных из населения Македонии и Фракии, и шесть тысяч конницы, которая состояла преимущественно из федератов – варваров, лихих наездников – герулов и гуннов, знакомых с боевыми действиями в пустыне. Для перевозки ромейской армии и отборных боевых коней снарядили сотню транспортных судов. В распоряжении Велисария также находилась и эскадра военных парусно-гребных кораблей из 92 быстроходных судов – дромонов, на которых несли службу около двух тысяч гребцов и воинов.

22 июня 533 г. Константинополь с замиранием взирал на зрелище редкой красоты и величавости: хорошо вооруженная эскадра уходила в море после того, как Патриарх Епифаний, как положено, отслужил торжественный молебен и окрестил тут же одного из воинов, посадив его в качестве своеобразного талисмана на флагманский корабль. Вместе с Велисарием в далекий и опасный заморский поход отправился его военный секретарь – талантливый писатель Прокопий Кесарийский, выражавший интересы senatorской знати, но не забывавший славить императора. Позже он хвалебно и весьма ярко, подробно опишет все перипетии завоеваний в восьми книгах своей фундаментальной «Войны с персами, вандалами и готами». Над этими «фронтowymi очерками» он будет кропотливо работать как историк более двух десятилетий.

Ромейская армия, совершив к началу сентября опасный и длительный морской бросок через порты контролируемой готами Сицилии, довольно быстро, буквально за несколько недель сумела расправиться с численно превосходящей и отчаянно сражавшейся вандалской армией. Кроме промедления, потери инициативы и несогласованности действий противником сыграли свою роль отвлечение части войск вандалов на подавление мятежа Года, наместника вандалского короля Гелимера, на Сардинии и превосходные боевые качества профессиональных тяжеловооруженных ромейских конных лучников. Прирожденный тактик. Велисарий суровыми, но справедливыми мерами навел порядок в своей армии, жестоко наказывал солдат за поножовщину, мародерство, стремясь снизить столь важное для ромеев расположение местного населения. Префектура Африки с ее семью провинциями была восстановлена, а вместе с ней прежняя налоговая система и крупное землевладение.

В пышном почетном триумфе, устроенном в Константинополе в духе древних традиций, перед шествовавшим пешком победителем везли в повозках невиданные, богатейшие трофеи, золото, накопленное вандалами за сотни лет пиратства и разбоя, включая знаменитую серебряную менору – семисвечник из знаменитого, стертого с лица земли римлянами Иерусалимского храма библейского царя Соломона, и вели скованных цепями отборных пленных, самых высоких, мускулистых, красивых вандалов и их сдавшегося короля Гелимера (530-534 гг.)

с его семьей. Опустившись вместе с Велисарием на землю перед кафисмой императора на Ипподроме, он напыщенно изрек по поводу происходящего уместные в данном случае знаменитые библейские слова : «Суета сует и все суета». Остаток жизни последний король вандалов, внук грозного Гензериха, великого основателя вандальского королевства, провел в уединении, в милостиво подаренном ему Юстинианом богатом поместье в малоазийской Галатии, а его доблестные воины пошли на службу в императорскую армию на персидской границе или постепенно растворились среди других народов.

Покорение вандалов стоило византийской казне около трех тысяч фунтов золота дополнительно к регулярным расходам на содержание армии, а принесло прибыль в виде добычи, оцениваемой более чем в пять тысяч фунтов золота, и впридачу ресурсы богатого североафриканского региона. Именно перевес доходов над расходами в вандальской экспедиции подкрепил давно лелеемую идею реальности отвоевания Запада. Местные племена кочевников-берберов или **мавров** еще четырнадцать лет будут оказывать ромейским властям упорное сопротивление, вести мелкую войну, отказываться платить налоги, а недовольные ромейские солдаты-наемники бунтовать из-за жалованья и обещанных им земельных наделов, но к 548 г. все будет кончено – северная Африка от **Ливии** вплоть до крайнего западного города-порта Септем (Сеута), важной позиции для контроля над подступами к Испании, на пол столетия станет относительно процветающей провинцией Ромейского царства. Имперские штандарты будут трепетать даже на востоке Африки, у Атласских гор в жаркой Сахаре.

Однако Римская империя, не включавшая в себя собственно Рим, представлялась Юстиниану абсурдом. Поэтому уже летом 535 г. небольшой десантный корпус прославленного триумфатора, теперь уже консула Велисария без боя высадился на Сицилии, в то время как другое войско, поддерживаемое союзниками – безжалостными франками с их наводившими жуть метательными двухсторонними секирами, чуть позже вторглось в Далмацию на северо-западе Балканского полуострова, зажимая Италию в железные клещи. Предыдущий успех окрылял, а раздоры, пьянство, беспутства, интриги и убийства, начавшиеся в королевском семействе незадолго до этого умершего короля остготов **Теодориха** Великого из славного древнего рода Амалов, в свое время, с 488 г. обосновавшегося в Италии с разрешения Константинополя, предвещали скорую, несложную, малозатратную победу, наподобие вандальской. Удушение в купальне отстраненной готской знатью от трона младшей дочери и наследницы Теодориха, проромейски настроенной, властолюбивой, темпераментной Амаласунты, стало для Юстиниана удобным поводом для вмешательства. Начала отсчет итальянская компания против готов, которая, однако, оказалась гораздо более трудной и вылилась в двадцатилетнюю тяжелейшую, кровопролитную войну с ее не менее чем восьмью ромейскими крупными походами.

Уже скоро выяснилось, что далеко не все население Италии, как готы – отменные бойцы, так и римляне-италики, италиоты, жаждали вернуться под чинный контроль и властную императорскую руку, стремившуюся всячески регламентировать жизнь и закручивать налоговый пресс. Победа склонялась то в ту, то в другую сторону. Столица готского королевства, неприступная, окруженная болотами Равенна, была сдана готами в 540 г. Зато желанный символ – Рим пять раз переходил из рук в руки и в итоге обезлюдел и остался в таком разо-

ренном, нищем состоянии, от которого не смог оправиться еще тысячу лет. Во время осады на громадных пустырях бывшей римской суперстолицы стали даже выращивали пшеницу.

Эпидемия чумы, нехватка средств, беспорядки и разногласия командиров в ромейской армии усложняли ситуацию. Измотанные боями и болезнями, голодные готы и их вожди, понесшие огромные потери, тоже находились в столь тяжелой, напряженной ситуации, что вместе со сдачей Равенны. решились уступить корону Велисария, если тот объявит себя императором готов, но полководец, искренне преданный Юстиниану, обманул их, добившись тем для ромеев преимуществ при заключении мира, и получил без боя часть отданных ему готских сокровищ. Кроме того, в плену оказался преданный готами их король, бежанец худородный вояка Витигис (536-540 гг.), которого, вместе с супругой Матасунтой, последней законной представительницей из рода Амалов, и королевской сокровищницей ромеи доставили в Константинополь.

Тем не менее затяжка оказавшейся слишком дорогостоящей военной кампании, отказ следовать некоторым важным императорским инструкциям в отношении готов, подозрения в двойной игре и в утаивании военной добычи привели в 542 г. к отозванию из Италии, а затем к полной опале талантливое боевое командира. Его сначала бросили на восточный фронт, в Месопотамию, против наступавших персов, а после постигших неудач отняли все – богатство, имущество, власть. Не помогла даже давняя дружба жены Велисария, изворотливой, умной, беспринципной Антонины с августой Феодорой, поскольку Велисарий отверг супругу, заподозрив ее в измене со своим приемным сыном Феодосием. Через два года доведенного до отчаяния полководца вновь вернут к делу, но прежнего всеобщего преклонения, славы и карьеры обиженный бывший триумфатор уже не достигнет. В 548 г. Юстиниан окончательно отзовет его, заболевшего, возможно, перенесшего инсульт, с поста командующего в Италии, и он вновь окажется в хитросплетении придворных интриг, в результате которых будет то и дело попадать в немилость, но всякий раз получать прощение. Верный слуга, не раз выручавший императора, умрет во сне в возрасте 57-58 лет, на восемь месяцев пережив своего властелина. Даже в поздней Византии будут рассказывать легенды об этом незаурядном человеке, павшем жертвой человеческой зависти и непостоянства фортуны.

Весной 551 г. в Италию было направлено новое, самое большое войско, которое насчитывало около 35 тысяч человек, включая разношерстные отряды союзников-германцев, гуннов, персов и боевитых наемников из Фракии и Иллирии. На этот раз византийскую армию возглавил ранее не очень удачно воевавший вместе с Велисарием, но по приказу царской четы следивший за ним, самый влиятельный человек при дворе, преподит священной опочивальни, семидесятилетний евнух Нарсес. Теперь, благодаря организаторским способностям, а главное, полученным, наконец, из казны деньгам для солдат, воевавшим в Италии, ему повезло больше, чем предшественнику. Удачно маневрируя, он быстро продвигался вперед и добился громкой победы, навязав захваченным врасплох готам решающее сражение в 150 километрах к северу от Рима. Их храбрый, умный, энергичный вождь, молодой герой, король Тотила (542-552 гг.), который, как никто другой, сплотил готов, воссоздал готскую державу, создал свой флот и едва не отбросил ромеев за пределы Италии и Сицилии, был смертельно ранен копьем при отступлении, а его окровавленный плащ и шлем, захваченные ромеями, от-

правлены в Константинополь. Вскоре от метко пущенного дротика погиб смеившийся Тотилу его племянник, военачальник Тейя, окруженный на горе Лактарий – «Молочной» близ *Салерно*. Свирепые франки, неверные союзники, не раз пытавшиеся грабить Италию, почти все полегли под тучами смертоносных византийских стрел в последнем отчаянном сражении, а уцелевшие готы, подписав договор о дальнейшем неучастии в военных действиях против Империи, были навсегда изгнаны со своими семьями из страны, правителем которой стал Нарсес.

Наконец, в результате огромного напряжения сил к 555 г. средняя, а затем северная Италия были в целом покорены ромеями. Юстиниан небывало поднял свой престиж. Общие дополнительные затраты казны на всю войну составили 15 тысяч фунтов золота, тогда как прибыль в виде захваченного у побежденных остготов золота достигала 35 тысяч фунтов золота. К этому надо добавить доступ армии к итальянским ресурсам, что сократило расходы казны, плюс доходы от непомерных налогов, которые стали поступать с населения византийских владений на Апеннинском полуострове и Сицилии. Победа ромеев также укрепила на некоторое время союз императора с Римским папой, который, невзирая на прежде принятые в Константинополе решения, продолжал считать себя первым среди всех прочих Патриархов. Возрождение префектуры Италии было отмечено изданием сборника постановлений под названием Прагматическая санкция, где указывались права тех, кто оказался на возвращенных землях под *скипетром* византийского автократора.

Когда перелом в остготской кампании был уже достигнут, Юстиниан решил предпринять завоевание богатой Бетики и части Иберии на Пиренейском полуострове, где ныне находятся южная Испания и юг Португалии. На этот раз все произошло гораздо быстрее. Удачно воспользовавшись мятежом римского христианского населения против вестготского короля Агилы (549-554 гг.), ромеи отправили крошечную армию во главе с 90-летним старцем, опытным администратором, патрикием Петром Либерием из сенатского рода. На удивление, он оказался неплохим командующим, умело организовал партизанскую войну местного христианского романизированного населения против ариан-вестготов и сумел вернуть Империи здешние земли. Через два года, в 554 г., погрязшее в распрях местных властителей королевство вестготов со столицей в Толедо было оккупировано очередным византийским экспедиционным корпусом. И, хотя им удалось закрепиться лишь на южном побережье, в районе Гибралатара, долгожданный контроль ромеев над всей средиземноморской торговлей был установлен.

В итоге в результате серии завоевательных войн почти вся северная Африка, Аппенинский полуостров с Далмацией, юго-восточная часть Пиренеев с значительным куском побережья, крупные острова Сицилия, Сардиния, Корсика и Балеары вошли в состав огромной, заново воссозданной Империи. Более того, завоевание Запада не только окупало затраты на него, но и принесло Ромейскому царству финансовую прибыль и политические выгоды. К середине 550-х гг., казалось, воплотились самые честолюбивые мечты Юстиниана I: Средиземное, Адриатическое, Тирренское, Эгейское, Черное моря превратились в гигантское *mare nostrum* – единое «домашнее море» Империи. Византия также владела подходом к Красному морю. Она стала единственной могущественной державой в Средиземноморье, господствовавшей над всем регионом. Власть ромейского автократора простиралась от Геркулесовых столпов, как по давней традиции именовали Гиб-

ралтарский пролив, до Евфрата. Территория чудовищно разбухшего государства увеличилась почти в два раза, достигнув в общей сложности около 1,5 млн. кв. км (Карта 1). Старая Римская империя, казалось, вот-вот может возродиться почти во всем объеме и вновь стать самой могущественной державой мира.

Однако на Востоке Ромейское царство оказалось в проигрыше. Сокрушитель зарвавшихся германских королевств истощался в бесплодной оборонительной и дипломатической борьбе с мощным Сасанидским Ираном, пришедшим на смену тому самому Парфянскому царству, с которым в свое время столь же безуспешно воевал всесильный Древний Рим. За время Персидских войн, тянувшихся с 527 до 562 гг., Юстиниан I заключил с Ираном не менее пяти договоров о мире или перемирии и почти все они, за исключением победного первого от 532 г., сопровождались выплатами персам выкупов, субсидий и контрибуций. Эти издержки составили не менее 150 кентинариев золота, что равнялось сумме дополнительных затрат на всю военную кампанию с остготами! Финансовые потери снижало лишь то, что военные действия на Востоке проходили в основном за пределами экономически значимых земель Византии – в Армении, Колхиде, Лазике, Сирийской пустыне и на Аравийском полуострове.

Серьезный ущерб ромеям нанесли крупные вторжения племен гуннов и кочевых арабов-*лахмидов* с нижнего Евфрата, союзников персов, а также поход в Месопотамию и Сирию самого славного представителя иранской династии Сасанидов, молодого, энергичного, интеллектуального шахиншаха – «царя царей» Хосрова (Хусру) I в 540 г. Будучи сыном своего времени, он повел войны с Ромейским царством не столько ради славы, сколько в материальных интересах. Грабеж и дань позволяли неплохо пополнять шахскую казну. Кроме того, сумма потерь от вражеских набегов в ходе Персидских войн Юстиниана составила около 40 кентинариев золота. Таким образом, расходная часть этих войн превысила возможные доходы.

Впрочем, значительного превышения расходов над доходами в бюджете не произошло. Сумма всех видов военных потерь составила около 150-200 кентинариев, а это было вполне сравнимо с затратами на западные экспедиции. Следовательно, слишком разорительными эти войны Юстиниана не оказались. Доходы государства составляли пять – шесть миллионов солидов, большинство из которых поступало из Египта, восточной префектуры. Финансовая ситуация в стране не была все время критической. Куда хуже был политический, а вместе с ним и психологический эффект. Император, имевший в своем распоряжении двадцать пять военных территориальных формирований вдоль границы и в тылу, одержавший блестящие военные и политические победы на Западе, откупал у наседавших персов мир за большие ежемесячные суммы денег и на склоне своих дней, в 562 г., признал себя и даже своих преемников данниками персидского царя на пятьдесят лет вперед. Поразительный контраст силы и бессилия!

*«Я победил тебя,
о Соломон!»*

Первый Юстиниан остался знаменит не только своими военными авантюрами, оказавшими важное влияние на историю человечества, но и очень ин-

тенсивным, строго рациональным и функциональным строительством, которое велось во время его правления. Он полагал, что слава великой Империи должна выражаться весомо и зримо. Это объясняет, почему территория Ромейского цар-

ства, распространившего свое влияние как в европейских, так и в азиатских и африканских землях, покрылась сетью достроенных, обновленных и заново сооруженных городов, крепостей, храмов, церквей, молелен, прочих построек. Количество потраченных на них средств не поддается подсчету.

Одним из постоянных предметов попечения автократора была забота об охране границ Империи ромеев. Поэтому все города вдоль границы были укреплены и связаны между собой непрерывной линией постов, просто, но прочно построенных, снабженных водой и съестными припасами и занятых небольшими ромейскими гарнизонами. В самых отдаленных захолустьях вновь стали строить проезжие пути, обновлять, мостить старые дороги, в пустынях копали колодцы-фреары, через горные реки перебрасывали мосты, в городах проводили водопроводы, канализацию, устраивали водохранилища, купальни, горячие бани.

Вдоль берегов полноводного Дуная и в отдалении от него, к югу, на больших дорогах, византийцы соорудили мощную, глубоко эшелонированную оборону, которая защищала государство от вторжения с северо-востока многочисленных буйных «светловолосых народов», балто-славянских племен – венетов, антов и *склавинов*, как называли их ромеи. Они являлись предками славян и балтов – пруссов, литов (литовцев), латов (латышей), живших на огромных пространствах между Вислой, Днепром и Верхней Волгой и, видимо, говоривших на одном языке. Грандиозная по меркам эпохи система укреплений, крепостей – *кастра*, башень – бургов, *пирг* и сторожевых постов – *фрур*, расположенных в шахматном порядке, получила на римский лад название *лимес* – дословно «граница». Первый пояс из свыше 120 укреплений следовал вдоль южного берега Дуная, второй, из 76 укреплений, – по северному склону Балканского хребта – горной цепи в восточной части полуострова, от которой он получил свое название, а третий, шедший по склонам Родопских гор, исходил от *Сердики*, нынешней Софии, и включал около сотни оборонительных комплексов. Кроме того, на территории Иллирика в северо-западной части Балкан тоже было сооружено не менее 143 укреплений. Делали их экономно, из запасов местного камня, силами привлеченных для этого жителей окрестных селений и рядовых воинов, озабоченных собственной безопасностью.

Кастра покрыли и территорию Армении – важного металлургического центра, перекрестка торговых путей. Оттуда начался отток переселенцев-армян, охотно шедших служить в византийскую армию, чиновный аппарат, заниматься торговлей. На Кавказе ромейская граница сдвинулась на север до Питиунта (теперь Пицунда). Созданное здесь зависимое от Ромейского царства грузинское княжество Лазика, закрывало персам доступ к Черному морю.

Список городов больших и малых, крепостей, храмов и дворцов, складов и цистерн – от североафриканского Карфагена до сирийской Пальмиры, от берегов Евфрата до крымских владений – поистине огромен, даже если считать, что он преувеличен современниками. Кроме Армении особенно активно строительство шло в северной Месопотамии и северной Сирии. На своей родине, на месте скучного городишка Бедериана автократор отстроил современный, благоустроенный город на тысячу жителей, назвав его Юстиниана Прима. Стараниями императора были возведены, достроены или отреставрированы многие самые знаменитые, прославленные церкви Империи : церковь Св. Девы Марии Влахернской – главный столичный храм, посвященный Богородице, ее же храм в Иерусалиме, мо-

настырь Неопалимой Купины на Синае, позже получивший название Св. Екатерины, огромный храм Св. Иоанна Богослова в Эфесе. Он выделял деньги на восстановление Антиохии Сирийской и ряда других городов, пострадавших от ряда жутких землетрясений, особенно интенсивных в 555-561 гг. К слову, только из-за этого казна недополучила в виде налогов и различных сборов сумму, равносильную затратам из-за обширных варварских вторжений. Как бы то ни было, создается впечатление, что ни один византийский император, ни до Юстиниана I, ни после него, не вел столь широкомасштабное общественное строительство, с блеском запечатленное Прокопием Кесарийским в трактате «О постройках» – «Пери кτισματον», где бесконечным рефреном перечислялись церкви, крепости и другие сооружения, построенные или обновленные этим великим государем. Преемникам такой темп оказался, видимо, не по силам.

Юстиниан преобразил Константинополь, частью сгоревший и разрушенный в результате буйного мятежа зимой 532 г. Но наиболее значительным, впечатляющим сооружением здесь по праву считается замечательный шедевр византийского зодчества – «чудо и слава века», как говорили о нем современники, – столичный храм Св. Софии, то есть Премудрости Божией. Официально звавшийся по-гречески мегалэ екклесиа – Главной или Великой церковью, он должен был стать частью грандиозного наследия Юстиниана, – частью того, что навсегда сохранит его имя в веках. Никогда более Византия не создаст храмовую постройку таких грандиозных масштабов. Она на века превратится в средоточие власти Константинопольского патриархата.

Согласно императорской новелле от 535 г., Св. София и три связанные с ней соседние церкви получили клир числом 485 человек: 60 пресвитеров, 100 диаконов, 90 иподиаконов (поддиаконов), 110 *анагностов*-чтецов, 25 певчих, 100 придверников – остиариев, 40 *диаконалисс*. Следует учесть, что этот храм изначально был первым в Константинополе. Его начал строить уже Константин I, а освящение произошло в 360 г. С начала V в. для Великой церкви, рассматривавшейся как официальный первоисточник христианства, привычным стало греческое название *Айя София* – Св. София, укоренившееся навсегда.

Начало 532 г. было встречено беспорядками устрашающего, яростного мятежа константинопольцев, вошедшего в историю по названию «Ника» – «Победа!», когда столица пылала в огне, а Юстиниан едва не бросил трон. Подавляя бунт, солдаты перебили тридцать тысяч горожан. Прежний, возведенный Феодосием II в 415 г., громадный, пятинефный базиликальный храм Св. Софии погиб в пожаре. Случившееся было воспринято как государственная катастрофа. Император, видимо, уже до этого обдумывавший вместе с архитекторами проект нового строительства, решил не просто восстановить храм, но построить его на века, сделать частью осуществления своей величественной идейной программы.

Эпохальное строительство длилось крайне поспешно, рекордно короткий для своих масштабов срок – пять лет десять месяцев и четыре дня с момента закладки первого камня 23 февраля 532 г. По легенде, которая будет передаваться из столетия в столетие, план Св. Софии был подсказан императору ангелом в видении. В строительстве участвовало две бригады мастеров и рабочих по пять тысяч человек, которыми руководили соперничающие друг с другом, талантливые инженеры, математики и оптики –

Анфимий из малоазийского города Траллы, вероятно, армянин, и *Исидор из Милета*. Последний завершил постройку храма после смерти Анфимия. Они использовали все известные в те времена строительные и оптические приемы и создали величайшее суперсооружение античности. К декабрю 537 г. работы были окончены. На них израсходовали баснословную сумму денег – 320 тысяч литр золота – золотой запас, равный всему накопленному за царствование рачительного Анастасия Дикора. Это соответствовало трем годовым доходам Византии!

Храм, над которым напряженно трудилась вся Империя ромеев, стал одним из самых потрясающих зданий в мире. Он был сооружен из камня и обожженного плоского кирпича – **плинфы**, скрепленной прочной цемянкой. Образующийся в ней силикат кальция стягивал самые мельчайшие трещины и вместе с тем делал здание сейсмоустойчивым. Для усиления этого же эффекта высоченные колонны были установлены в свинцовые подушки. Даже известь готовили для прочности не на обычной, а на ячменной воде. Задуманный было пол из чистого золота Юстиниана отговорили делать: обошлись белым мрамором с четырьмя так называемыми «реками», то есть широкими полосами зеленого мрамора, символизировавшими четыре райские реки. Зато только здесь был золотой престол под балдахином, украшенный драгоценными камнями и Голгофским крестом с двумя парами дельфинов – символом Христа. На создание огромного алтаря было израсходовано сорок тысяч фунтов серебра, то есть почти тринадцать тонн!

Великая церковь имела новаторскую форму: вписанного в квадрат креста (79 x 72 м) с невероятно широким и на удивление плоским, низким центральным, слегка эллиптическим куполом диаметром 31 на 33 метра на четырех циклопических опорах-**пилястрах** (что было нововведением), а также малыми полукуполами по бокам. Последние были гениальным изобретением Анфимия и Исидора. Именно это позволило вытянуть главный неф на рекордную длину в 80 метров, создать безбрежное пространство площадью 1 970 кв. метров при общей площади собора около 5 600 кв. метров и достичь необычайного, ошеломляющего, фантастического величия. Для сравнения, площадь зала прославленного римского Пантеона была в два раза меньше.

Из сорока окон, прорезавших кольцо под главным куполом с изображением гигантского креста на фоне звездного неба, в церковь вливался бледный струящийся свет, создавая иллюзию парения огромной блистающей, драгоценной полусферы, висящей в 56 метрах от пола, то есть на высоте 16-17-го этажа, что по тем временам воспринималось как небоскреб. Для усиления эффекта на подоконниках окон купола поначалу разместили зеркала-рефлекторы, собиравшие свет в центре купола, где был изображен огромный мозаичный крест. Уникальная световая природа храма с подвешенными на длинных медных цепях изысканными серебряными дисковидными **хоросами** с лампами создавала образ движущегося, «вращающегося» огня и света, – некоего облака Света, завораживающий эффект которого столетиями поражал всех входивших в Айя Софию. Когда, часть купола рухнула во время сильнейшего землетрясения 557 г., он был заново тщательно отстроен, даже поднят еще на шесть метров племянником умершего к тому времени Исидора Милетского, Исидором Младшим. Конструкция оставалась рекордной вплоть

до наших дней, когда был изобретен метод строительства из бетона. Даже Юстиниан и его архитекторы не пытались повторить раз удавшийся, революционный по своей значимости эксперимент.

Историк Прокопий писал, что уникальные купола Св. Софии держались, «будто подвешенные к небу золотой цепью». Правда, их чудовищное давление на стены заставило уже с IX в. снаружи подпирать храм все новыми и новыми массивными арочными **контрфорсами**, которые продолжали достраивать вплоть до XIV в. Поэтому со временем внешний облик Великой церкви сильно мутировал: ее основной конструктивный каркас из нефа, перекрытого куполом, оказался скрыт мощными каменными подпорками, ризолитами – частями фасада, выступающими за основную линию, башенками и всевозможными служебными помещениями. Но внутри, то есть именно там, где она должна была рассматриваться как модель мироздания, Айя София сохранилась в первоизданном виде.

Сакральный свет, льющийся из 214 окон, бесподобная иллюминация из сотен подвешенных на цепях ламп и подсвечников, сияние множества лампад, мерцание драгоценной утвари, блеск цветного мрамора, тончайшая резьба позолоченных капителей 128 разнообразных, огромных, массивных багряных, розовых, желтых, зеленых, черных колонн, взятых из древних языческих храмов и поставленных друг на друга, словно игрушки сказочных гигантов, фрески в виде гирлянд цветов и символов христианства, изумительные мозаичные панно, сплошной ковер золотых мозаик потолков, которые придворный поэт VI в. **Павел Силенциарий** уподобил освященным солнцем горным вершинам, создавали потрясающее впечатление и заставляли поверить, что здесь поют неземные хоры. Юстиниан I хотел превзойти новым великолепным зданием славу и величие грандиозного Иерусалимского храма, сооруженного в середине X в. за десять лет семьюдесятью тысячами строителей, которыми, по преданию, руководил легендарный Веселеил, архитектор великого древнееврейского царя Соломона. Это ему удалось. Ромейские историки рассказывают, что когда император вошел в новый великолепный, весь залитый светом храм, то, опередив Патриарха и прочих сопровождавших, поднял руки и провозгласил: «Честь и слава Всевышнему, который посчитал меня достойным совершить такое дело. О Соломон, я превзошел тебя!». Уже одно то, что это мудрое здание выдержало полторы тысячи лет и до сих пор впечатляет приходящих в него, не может не вызвать восхищения. Трепет рождают плиты его пола, протертые до углублений коленями тысяч и тысяч грешников, веками приходивших сюда каяться пред Господом.

Расположенный на холме, неподалеку от грандиозного комплекса Большого императорского дворца и Ипподрома, далеко видный с моря и с суши, храм Св. Софии, на воздвижение которого была брошена вся мощь Империи, стал не только главной церковью Ромейского царства, демонстрацией ее величия, символом отношений христианского императора с Богом, но и главной святыней всего православного Востока, «храмом храмов», подобием Вселенной, как ее представляли ромеи. Он долгое время оставался недостижимым памятником-образцом, сказочным шедевром для многих народов средневековой Европы и Азии, побывав в котором, они говорили, что очутились будто на небесах. Достаточно сказать, что на строительство всемирно известного Собора Св. Петра в Риме

ушло около 350 лет, а купол большего диаметра, чем в Аяя Софии был сооружен в Европе лишь девять веков спустя, в эпоху Возрождения, архитектором Филиппо Брунеллески для знаменитого собор Санта Мария дель Фьоре во Флоренции.

Кроме всего прочего храм Св. Софии играл первостепенную, церемониальную роль на протяжении всей истории византийского государства. Здесь хранились, буквально свисали с потолка, вызывая изумление и восхищение иноземцев, государственные регалии власти – символы императорского сана, в том числе несколько десятков пожертвованных царских венцов, включая тот, главный, который возлагал на голову нового государя Константинопольский патриарх. Здесь же, вдоль стен, будто в музее, стояло множество величайших реликвий христианства, к которым благоговейно приходили прикоснуться паломники.

*Во время торжеств император входил в храм через юго-западный вестибюль, так называемый «вестибюль воинов», откуда, оставив венец, меч и стражу, следовал с сопровождавшими его чиновниками в прихожую – **нартекс** через так называемые Прекрасные двери навстречу Патриарху. Поцеловав Евангелие и крест, император обменивался поклоном и взаимным поцелуем с Патриархом, после чего следовал к громадным центральным дверям (7,6 на 4 метра), что вели из нартекса в основное помещение храма. Они были сделаны из чудодейственной древесины легендарного Ноева ковчега, окованы серебром и, будучи символом райских врат, назывались Царскими, ибо никто, кроме царя ромеев, не имел права в них входить. В юго-восточном углу Великой церкви имелось специальное, отгороженное драгоценными занавесями место – митаторий, особое пространство, где император переодевался перед богослужением в драгоценные одежды и где стояло высокое сидище, на котором он восседал. Во время Божественной литургии он мог оставаться невидимым для подданных. После окончания службы из митатория можно было по винтовой лестнице незаметно подняться на высокую галерею здания и через двухэтажные крытые переходы вернуться в Большой императорский дворец. На этих галереях, так называемых катихуменах, связанных дверями и с патриаршими покоями, не раз проводили важнейшие заседания высших лиц, даже церковные соборы. Вода, подведенная сюда по трубам, и сборная дождевая служила даже для патриаршей бани, устроенной здесь же. На галереях толпились во время службы женщины-прихожанки, а у парапета, на квадрате зеленого мрамора, прямо напротив алтаря, стояла скамья императрицы. Для последней это было особенно удобно, поскольку в галерею храма Св. Софии, как уже сказано, можно было попасть переходами непосредственно из дворца, избегнув самые людные места византийской столицы.*

Именно сюда, в Аяя Софию устремлялись многочисленные узурпаторы, оппозиционеры, а их приверженцы длинным шестом доставали высоко подвешенный над престолом на цепях из золота и драгоценных камней императорский венец и заставляли Патриарха выйти из покоев и короновать своего претендента на царство. Сюда бежали разного рода государственные преступники в надежде обрести в Великой церкви прибежище и защиту от преследователей. Ведь никому не позволялось силой вытащить человека, припавшего к алтарю и молящего о спасении. Любой беглец, скрывающийся в Аяя Софии, находился под покровительством Патриарха и самого Бога.

Свод гражданского права В Ромейском царстве всегда наблюдалось большое уважение к закону. Отсюда временами возникала идея обновить, реформировать и систематизировать перегруженный деталями и довольно непоследовательный, противоречивый свод римских законов, копившийся тысячу лет. Из руины законов, из хаоса надо было отбросить устаревшее, повторяющееся, создать упорядоченное целое, важное для дальнейшего развития цивилизации.

Идея эта была не нова. Наиболее удачно в свое время ее пытался осуществить император Феодосий II Младший. В 438 г. он приказал издать в 16 книгах, написанных на официальной латыни, собрание всех эдиктов, выпущенных Константином I и его преемниками, включив в название свое имя. Кодекс Феодосия вскоре стал в Византии основой законодательства страны. Он был введен и в западной половине Империи.

Но еще более удачную попытку такого рода предпринял Юстиниан I. Едва миновал первый год его самостоятельного правления, как 13 февраля 528 г. специальным императорским указом была создана правительственная комиссия из шестнадцати человек, профессоров права, для составления нового сборника законов. Во главе комиссии стал Иоанна Каппадокиец, но императора в ней представлял выдающийся правовед, великолепно эрудированный, «...украшенный красноречием и юридической мудростью», Трибониан, с послушной старательностью и даже наслаждением оперативно исполнявший все приказания Юстиниана.

Нужно было устранить накопившиеся за века различные интерпретации юристов, выбросить устаревшее, унифицировать правовые нормы, которые действовали в Восточной и Западной Римских империях. Начальный этап работы продолжался до 529 г. и был выполнен удивительно быстро, за четырнадцать месяцев. Его венцом стало издание **Кодекса Юстиниана**, который состоял из 12 книг и содержал около 4 700 законов. Они были написаны на латыни, но вскоре переведены на греческий, который к тому времени получил в обществе перевес. Кодекс постановлений Юстиниана стал последним законодательным сводом Империи на латыни, после чего законы издавали уже только на греческом.

В 530 г. под председательством усердного торопыги Трибониана создается новая комиссия. Она должна была собрать воедино учения и мнения всех именитых правоведов древности. Это было необходимо для практической деятельности византийских юристов, адвокатов и судей. Предстояло упорядочить все древнее право за 1400 лет! На сей раз сорок специалистов изучили и сделали выписки из двух тысяч книг, насчитывавших более трех миллионов строк. Большой организационной удачей Трибониана стало создание трех подкомиссий с отдельными задачами для каждой. Через три года грандиозная работа была завершена. Комиссия составила сборник мнений древних юристов. На латыни он назывался «**Дигесты**», или по-гречески «Пандекты», дословно «собранное, систематизированное». На сей раз сборник состоял из 50 книг общим объемом в сто пятьдесят тысяч строк. Так же, как и Кодекс Юстиниана, он получил силу закона и стал ядром всего византийского права.

Но так как, по замечанию самого императора, «...не все могли снести тяжесть такой мудрости», появились «**Институции**» – выборки из Кодекса и Дигест, по сути дела, в виде краткого учебника права на латыни для студентов юридических

школ, которые в VI в. еще процветали, особенно, в Сирии, славившейся напряженностью правоведческой мысли.

Кодекс, Дигесты, Институции составили вместе то, что с XVI столетия получило в Европе название *Corpus juris civilis* – «Свод гражданского права». Указы Юстиниана, которые выходили в последующие годы его правления, с 535 по 556 гг., составили «Новые постановления», или «*Новеллы*». Подавляющее их большинство относилось к области государственного, особенно провинциального управления, часть – к делам церковным, монастырским, и, в отличие от предыдущих частей Свода, в большинстве было опубликовано уже не на латыни, а на греческом языке. Вскоре переводы на греческий язык стали появляться и для главных частей корпуса.

Очевидно, Юстиниан торопился с кодификацией права по вполне объективным причинам. Рекордный срок деятельности комиссии – менее семи лет (до 29 декабря 534 г.) объясняется тем, что император настойчиво подгонял ее работу, рассчитывая, что упорядоченное, единообразное законодательство станет своеобразным стабилизатором жизни централизованного государства, каким являлось Ромейское царство, решит насущные социально-экономические и политические проблемы, поможет провести назревшие реформы управления, пополнить столь необходимыми юристами разрастающийся государственный аппарат и еще более упрочит влияние заповедей христианства. Недаром оговаривались более строгие условия для развода, смягчались телесные наказания, поощрялось освобождение рабов на волю. Но главной причиной являлись великодержавные устремления владыки ромеев, который на деле пытался реализовать важнейший принцип своего авторитарного правления – «Через единое право к единой державе». Абсолютность власти императора постоянно подчеркивалась сводом законов, как и то, что эта власть дана Божией милостью. При этом победа христианской религии объявлялась столь же священной задачей, как и восстановление былого римского могущества.

Действительно, правоведов стали активно готовить в Константинополе, где они проходили четырехлетний курс обучения. В знаменитой ромейской юридической школе в Берите – нынешнем Бейруте, просуществовавшей до 30-х гг. VII в., законы штудировали еще дольше – пять лет, правда, пятикурсникам уже не надо было слушать лекции, отчего они получили название «пролиты» (ударение на первом слоге), то есть «освобожденные».

Поразительно, проделанное почти не привлекло внимания современников, хотя и распространилось по всему Средиземноморью. Как можно было ожидать, поспешность привела к недоработкам. Да и сами составители рассматривали сделанное как промежуточный этап развития права, а не его наивысший взлет. Отсюда две редакции Кодекса, отдельное, «вдогонку» к нему издание императорских Новелл. Хотя Юстиниан запретил перекраивать сделанное, в дальнейшем, вероятно, все же предполагалась еще одна кодификация.

Так или иначе, к 535 г. эпоха римского права сменилась эпохой византийского права. Последующие четыре столетия Империя жила, руководствуясь наследием императорских юристов VI в., а 36 новелл Юстиниана, имевших отношение к Церкви, вошли в многочисленные сборники церковных постановлений – *номоканы* (от греч. номос – «закон» и канон – «правило») и светские юридические сборники, выборки (*эпитомы*), обобщения (*синописисы*), причем не толь-

ко византийские, но и южных славян и Руси. Более того, при помощи «Свода гражданского права» народы и правители учились тому, как нужно управлять государством, чтить законы и как смотреть на власть государя. Именно в законах Юстиниана впервые был озвучен основополагающий принцип абсолютной монархии: «Что угодно государю, то имеет силу закона», и принцип этот был блестяще применен на практике. Уже в университетах средневекового Запада с XI в. началось комментирование, или, как было принято говорить, глоссаторство Свода. И до сих пор римское право, защищающее частную собственность, лежит в основе гражданского права большинства европейских стран, а Кодекс Юстиниана обязательно изучают студенты юридических факультетов, продолжающие использовать его латинские выражения. Реформаторский вклад императора и его юристов, их гигантский интеллектуальный подвиг трудно переоценить.

Ранневизантийская Церковь

К началу VI в. за истекшие двести лет окончательно сложилась стройная церковная организация ранней Византии – *таксис еkkлисиас*, построенная по образцу государственной организации Империи. Городские квартальные и местные сельские христианские храмы с их совместно молившимися коллективами – общинами верующих, церковными приходами – паракиями или *паройкиями* (от греческого слова «соседи») объединялись в церковные области – епархии, самые крупные из которых насчитывали порой сотни приходов.

Обычно наиболее значительные города являлись центрами епархий или архиепископий, а главные города, имевшие статус столицы края, округа, – центрами митрополий. Последние ограничивались пределами одной либо сразу нескольких провинций. Над ними стояли церковные кафедры, пользующиеся в силу разных причин особым признанием. Со времен Четвертого Вселенского собора 451 г., состоявшегося в малоазийском городе Халкидоне, их стали именовать Патриархиями. Эта строго иерархическая структура называлась *Ромацион еkkлисиан* – Ромейская Церковь.

Со времен Халкидонского Вселенского собора весь православный мир стал управляться пятью одновременно существовавшими, формально равноправными Патриархиями. Три из них были наиболее древними – с центрами в Старом Риме, Александрии Египетской и Антиохии Сирийской. Последние две отличались особой активностью богословских школ. Небольшой Иерусалим – центр четвертой Патриархии воспринимался как столица христианского мира, главное место благочестивых паломничеств – *ксенитий* к самым прославленным святыням, таким как Гроб Господень. Константинопольский епископ сначала подчинялся старейшей митрополии Фракии с центром в *Ираклии* Фракийской на берегу Мраморного моря, но постепенно его авторитет, как председателя главной столицы Империи, рос и закреплялся решениями церковных соборов, пока все с того же 451 г. не приобрел статус Патриарха. Еще раз заметим, что этот термин как высший иерархический церковный титул стал фигурировать с последней трети V в.

Таким образом, вместо централизации в Ромейском царстве долгое время действовала административная система церковной *пентархии* (от греческого пентос – «пять»). Закрепленная решением Халкидонского собора, эта административная география оставалась основой строения Церкви, хотя и посеяла семена раздора с Западом, поскольку сделало верховенство Папы римского чисто

номинальным. Именно с этого момента зародилось соперничество между Старым и Новым Римом по поводу приоритета в церковной сфере, которое в последующие века будет становится все более ожесточенным, пока не дойдет до окончательного разрыва.

Столичный Патриарх, архиепископ Константинополя, как первосвященник формально был независим от государя ромеев, но на деле он весьма зависел от его расположения. Недаром около 30% всех известных с VI в. византийских Патриархов, в том числе признанные авторитеты в делах Церкви и вопросах богословия, вынужденно уходили или даже низлагались из-за конфликтов, серьезных противоречий с императорами, что иногда вызывало крупные политические потрясения в Империи. Особенно это было опасно тогда, когда государь вторгался в сферу сложных богословских вопросов и вызывал внутрицерковные противоречия. Вместе с тем Константинопольский патриарх мог организовать эффективное противодействие воле императора уже хотя бы потому, что был человеком наиболее близким государю, его советником и наставником, который проводил коронации, крестины, заупокойные службы в семье самого императора и его родственников, принимал исповеди, заставлял их каяться в совершенных грехах. Он же являлся главой правящего *Священного Синода*. Это собрание духовных лиц, епископов, ставшее уже с IV в. постоянным в связи со всем более увеличивающимся количеством дел, готовило и принимало все важные акты, связанные с жизнью Церкви. Со временем Синод разросся за счет большого штата клириков, принадлежавших Великой церкви – Св. Софии, и превратился в настоящий административный совет, отчасти скопированный с императорского. В его состав входили такие важные церковные начальники-архонты как *сакелларий* – церковный казначей, а позднее инспектор монастырей; *эконом*, надзиравший за хозяйством Церкви; *скевофилак* – хранитель сокровищ Великой церкви; *хартофилак* – глава патриаршей канцелярии, хранитель документации и прочие. Лишь с IX в. его состав сузился до высших иерархов – митрополитов, архиепископов и ближайших помощников Патриарха. Священный Синод влиял и на *экдикион*, – созданный при Юстиниане церковный трибунал из служащих патриаршей Церкви. В общем, «рычагов воздействия» хватало.

Митрополитов назначал опять таки лично Патриарх, который выбирал их из трех кандидатов, предложенных Священным Синодом. Его контроль выражался в присутствии патриаршего представителя на избрании митрополита и вручении избраннику *омофора* – особой накидки-шарфа как знака согласия и защиты.

В конце IV в. появились епископы с церковным титулом *экзарх*. Чаще всего так назывался верховный архиепископ, которому во всем церковном диоцезе, то есть крупном церковном округе, подчинялись другие митрополиты – главы церковных областей на территории такого большого округа.

Но были *автокефальные* – дословно с *греч.* «самоглавные», не подчинявшиеся своему местному митрополиту, епископы, независимые друг от друга. Такие «самоглавные» архиереи подчинялись только непосредственно Патриарху и находились под его юрисдикцией, либо были главами самостоятельных и равноправных Поместных Церквей, то есть частей единой Вселенской Церкви. Они поставлялись архиереями своей Церкви и, значит, имели самостоятельный источник власти, пользовались самостоятельностью в области административной и судебной деятельности, сами составляли новые чинопоследования, пес-

ношения, канонизировали своих святых, приготавливали для себя важное для церковных обрядов и Таинств святое *миро*. Вместе с тем самостоятельность их не следует преувеличивать, поскольку они входили во Вселенскую Церковь. Вопросы об учреждении и упразднении таких автокефальных Церквей, как и Поместных Церквей, объединявших несколько епископий во главе с первым епископом, решал Вселенский собор – высший и чрезвычайный орган епископской власти, или епископат Поместной Церкви, собиравшийся на свой Поместный собор, или на малый собор – синод. Случаев самочинного провозглашения автокефальных и тем более автономных Церквей византийская Церковь долгое время не знала.

Нетрудно заметить, что церковная структура во многом унаследовала позднеримскую гражданскую административную структуру окружавшей ее Империи, в которой тоже были диоцезы, епархии, их наместники, викарии, что останется в Католической Церкви навсегда.

Епископа обязательно представлял город, где находилась его церковная кафедра, и он руководил всеми священниками и монастырями в своем епископстве. Выборы главы епископии осуществлял местный, провинциальный синод, то есть коллегия, в которую до VII в. входили представители местного духовенства и знати города – центра епископии. Из трех поданных ими кандидатов митрополит утверждал одного и этот один становился первым гражданином города, контролировавшим его жизнь, а значит, наиболее значительным человеком своей епархии. Он возглавлял церковный суд, следил за исполнением церковных законов, за чистотой нравов и религиозных обрядов, разбирал конфликты между духовенством и мирянами, а также вместе с помощником – экономом управлял собственностью епархии, раздавал милостыню согласно аккуратно составленным ведомостям-спискам бедняков, помогал богоугодным заведениям, которые должны были заботиться о путешественниках, больных, стариках и сиротах, выступал ходатаем перед властями от различных групп населения, побуждал это население к сопротивлению врагам и, уж конечно, мог влиять на общественное мнение. В смутные времена к его словам прислушивались особенно охотно, тем более если чувствовали в них высокий нравственный, моральный авторитет. Впрочем, за участие в политической жизни порой приходилось расплачиваться перед светскими властями, ревниво оберегавшими свои prerogatives.

С другой стороны, эти же власти, случалось, использовали высоких духовных лиц в качестве дипломатов, посылали их с посольскими миссиями, выкупать пленных. За это им и их свите полагался оклад, согласно установлению Юстиниана от 546 г., колебавшийся от двух до 30 фунтов золота, да плюс еще подношения от всех своих священников в размере золотого солида. К примеру, подвижник *Феодор Сикеот*, при всем его отвращении к сребролюбию, в качестве епископа Анастасиополя, небольшого городка в малазийской Галатии, получал более пяти фунтов золота, эквивалентных заработной плате образованного профессионала VI-VII вв. Некоторые епископы могли радоваться доходам, сопоставимым с доходами правителей провинций и высших должностных лиц Империи, но в беднейших епархиях клиру нередко приходилось работать ради дополнительного заработка.

Епископ, достаточно образованный человек, не мог быть младше 35 лет и, если имел жену, должен был отослать ее в отдаленный монастырь. Со временем только монахи стали считаться подходящими на все высшие церковные

должности, хотя даже среди таких кандидатов было немало происходивших из наиболее привилегированных и образованных слоев общества. Большинство из них было предано своему служению и пастве, но встречались и люди нечестные, корыстные либо просто тяготившиеся своей участью пастыря, особенно если ее приходилось владеть в глухом, захолустном углу, иногда даже не городе, а пусть большим, но селе.

Прочее духовенство представляли *священники*, по-гречески *иереи*. Они должны были быть старше 30 лет, обязательно носить бороду и выбритую макушку – тонсуру, отличаться строгой одеждой. Им запрещалось состоять на постоянной гражданской службе, принимать участие в зрелищах, азартных играх, быть содержателями питейных заведений, заниматься ростовщичеством. Их жизнь должна была быть посвящена только служению Богу, хотя это не исключало возможности вступления в брак, семьи, детей. Постепенно это стало обычаем в Православной Церкви, в отличие от средневекового Запада, где к концу раннего средневековья утвердилось трудно соблюдаемое правило celibата священников, то есть безбрачия. Оно помогало Латинской Церкви успешнее бороться со светской властью, но встречало вполне понятное недовольство священников. Византийская, Греческая Церковь не придерживалась этого правила.

Священникам помогали еще более многочисленные диаконы, иподиаконы (поддиаконы), *аколуфы* – помощники священников и *диакониссы*. Последние были вдовами или хранили обет безбрачия. В любом случае, им не могло быть меньше 60 лет, хотя позже, к VIII в., возраст рукоположения в этот духовный сан сократили до 40 лет. В обязанности диаконисс входило руководить Крещением женщин, присматривать за ними в храме во время службы, обучать основам веры готовящихся принять христианство-оглашенных, вообще, быть посредниками между прихожанками и священниками, епископом.

Низший разряд церковных служащих, принявших посвящение, то есть входивших в состав клира, составляли анагносты – чтецы, которые не должны были быть моложе 20 лет. При посвящении в чин они получали только благословение крестом – сфрагис вместо епископского рукоположения – хиротонии. С анагнстами соседствовали экзорцисты, певчие, канонархи – руководители хоров, придверники-остиарии, свеченосцы, простые вдовы, могильщики, больничные служащие.

При всем том грань между духовенством и мирянами – плебсом, лаиками в Ромейском царстве проводилась не слишком резко: все верующие принимали главное Таинство христиан – Святое Причастие, или «Благодарение» – по-гречески Евхаристию причастников под обоими видами Святых Даров, то есть вкушали хлеб и разбавленное теплой водой красное вино из чаши-*потира* – воплощения Святых Тела и Крови Господня. Безбрачие, как уже сказано, распространялось только на епископов и монахов, да и противоположность между высшим и низшим духовенством тоже ощущалась не сильно.

Управлять церквями и их имуществом высшему духовенству помогали многочисленные помощники: экононы из числа пресвитеров, которые отвечали за церковные имущества, имения; *экдики* – защитники церковных прав в судах (иногда их наделяли правом наблюдения за низшими клириками); нотариусы, в большинстве своем диаконы, составители церковных актов, секретари; архивариусы, тоже часто диаконы, хранители документов; сакелларии, хранители сокровищ, а также *архидиаконы*, *синкелы*, *референдарии*, *апокрисии*, *диакиты*,

скевофилаки и прочие. Их митрополиты и епископы назначали сами. При всем том церковная иерархия, надо подчеркнуть, являлась частью светской, то есть входила в общий имперский «табель о рангах».

Языком богослужения все более становился греческий, «эллинский» – с Юстиниана I официально действующий «единый язык», хотя исключить использование родного языка в том или ином регионе многоэтничного Ромейского царства было невозможно.

До VI в. священники носили простые белые одежды, не очень отличающиеся от римских тог. Именно в таком виде они изображены стоящими рядом с Юстинианом I на мозаике равеннского храма Св. Виталия. Однако в дальнейшем епископы стали носить ризу, основную тунику – шелковый *стихарь*, *епитрахиль* – вышитую крестами длинную ленту, наброшенную на шею, прижатую на талии поясом, вышитые нарукавники – поручи, а также омофор, разновидность наплечной накидки-шарфа с вышитыми крестами. К поясу они крепили *епогонатий* – прямоугольный кусок ткани, спускавшийся до колен, – подобие ножа, символизирующего их роль духовных судей. Священники одевали безрукавные *фелони*. Диаконы тоже носили особый тип шарфа – *орарь* – в виде длинной ленты, спадающей с левого плеча. Иногда риза заменялась на *саккос* – короткую мешковатую тунику с разрезами по бокам.

Важнейшие вопросы жизни и деятельности Церкви, в том числе вопросы борьбы с противоречащими общепринятой догматике ересями, как уже сказано, с IV в. решались на церковных Соборах, или Синодах. Напомним, что на Халкидонском Вселенском соборе 451 г. Константинопольского патриарха официально признали главой Восточно-Римской Церкви, равным по достоинству с Римским архиепископом, хотя и вторым по чести после него. На тот момент ему подчинялись три десятка митрополитов и около 450 епископов, чьи церковные округа располагались преимущественно в Малой Азии, а также в Европе, Армении, на Кавказе и в Крыму. На этом же Соборе были утверждены принципы избрания Патриарха, определена роль Священного Синода как коллегиального органа управления церковными делами, усилена власть епископов над рядовым духовенством и, что особенно важно, над монашеством, жизнь которого попытались упорядочить, а влияние ограничить. Четвертое правило Халкидонского собора гласило по этому поводу: «Монашествующие в каждом городе и стране да будут в подчинении у епископа, да соблюдают безмолвие, да прилежат только посту и молитве, безотлучно пребывая в тех местах, в которых отреклись от мира, да не вмешиваются ни в церковные, ни в житейские дела, и да не принимают в них участие, оставляя свои монастыри разве только, когда это будет позволено епископом города, по необходимой надобности».

Возвышение Константинопольского патриарха вызвало оправданные опасения со стороны прочих восточных престолов. К концу VI в. они действительно попали под его власть. Но особенно быстро стали портиться отношения с Римскими папами, которые требовали юридического признания своей правоверности и приоритета, то есть права первоверховенства, решающего суждения во всех церковных делах, и не хотели довольствоваться лишь почетным первенством по чести, а не по власти. Дело в том, что уже с самого начала существования Церкви Христовой менталитет, психотип, мировоззрение и традиции Восточной и Западной Церквей были разными. Начав путь из одного истока, каждая из Церк-

вей развивалась самостоятельно. При этом не могла не сказаться и наступившая геополитическая разобщенность Запада и Востока. Настаивая на исключительности своей Римской кафедры и ее властных притязаниях, Папы апеллировали к словам Христа, обращенным к апостолу Петру о том, что «на камне сем Он воздвигнет свою Церковь». Поэтому они объявляли себя носителями истины, согласно с правом, данным Первоверховным апостолом Петром, которого с конца II в. стали полагать первым епископом Рима. Отклоняя этот аргумент, Константинопольские патриархи в дальнейшем с не меньшей убедительностью стали указывать на то, что их кафедра была основана Андреем, старшим братом Петра, первым из апостолов Христа – Первозванным, который привел своего брата к Господу. Так или иначе, с конца VI в., с патриаршества Иоанна Постника, они, несмотря на тщетные протесты папства, стали звать себя Вселенскими архиепископами Нового Рима, то есть Вселенскими Патриархами, подчеркивая тем самым свою правоверность, а значит, и верховную власть.

Однако высшими и незыблемыми авторитетами в вопросах веры для ромеев были не решения императора, Патриарха или Папы, а постановления Вселенских соборов, которые расценивались как Священное Писание. В свою очередь Синоды епископов подчинялись воле автократора ромеев. Но права императора в отношении Церкви определялись постепенно и с колебаниями. Тут, несомненно, были свои нюансы и отступления как в пользу императора, так и Церкви. По сути дела, только монашество, всегда стоявшее в оппозиции к светской власти, препятствовало превращению Ромейского царства в теократическую монархию, то есть государство, в котором император был одновременно высшим церковным сакральным лицом.

Византийцы считали своего государя наделенным святостью, более того – «равным апостолам» и признавали за ним управление земной Церковью, ибо Бог доверил ему весь земной мир. Хотя он и не являлся в прямом смысле этого слова священником и имел лишь самый низкий в церковной иерархии сан иподиакона, который даже не упоминался в его титулатуре, но отличался рядом преимуществ перед мирянами. Входя в храм, как и простой laik, с непокрытой головой, император тем не менее обладал правом проповеди в церкви, более того, мог входить в алтарь и причащаться как священник, тогда как с VI в. вход мирян в алтарь был строго запрещен. Во время Великого поста он возглавлял шествие вокруг Высокого алтаря в церкви Магноры, кроме того, выполнял некоторые церковные обязанности в Вербное Воскресенье и в Великий Четверг перед Пасхой.

Уже с 451 г. Церковь начали активно привлекать к избранию императора. Заключительная и важнейшая часть его коронации со временем стала проводиться исключительно в храме Св. Софии, символизируя божественное освящение власти самодержца. Зато Патриарх не мог быть избран без согласия императора и не мог отлучить царя от Церкви. Если Патриарх вступал с ним в конфликт, то государь мог добиться его смещения, более того, сделать это самым позорным образом. Забегая вперед, можно вспомнить, как василевс Константин V в 768 г. расправился с низложенным Патриархом Константином в присутствии нового Патриарха Никиты прямо в храме Св. Софии, повелев зачитывать перед собравшимся народом свиток с записями провинностей Патриарха, причем «при зачитании каждого пунк-

*та асикрит бил Константина по лицу», после чего его вывели на **амвон** – возвышенную площадку, с которой читали **гомиллии** – проповеди и Евангелия, предали **анафеме** и «...вытолкали из церкви задом наперед». Кроме того, император имел право возводить любого епископа в более высокий духовный сан, то есть вмешивался в церковную иерархию. Он лишь не мог самостоятельно решать вопросы церковной догматики. Церковники активно восставали против таких притязаний, ибо подобными полномочиями обладал исключительно Вселенский собор. И все же именно автократор являлся инициатором его созыва и председательствовал на любом Вселенском соборе.*

Любой институт, тем более идеологический, должен существовать на какие-то средства. Прежде всего надо учесть, что Церковь, как и монастыри, была владельцем земельного состояния, которое можно было увеличивать благодаря дарам различных имений – от больших, пожертвованных богачами, до крошечных наделов самых мелких землевладельцев. Согласно церковным канонам, церковное имущество, то есть то, что было отдано, подарено, пожертвовано церкви, – божественное учреждение и земного собственника у него быть не могло. Поэтому церковные и монастырские земли не подлежали отчуждению и их массив только рос, хотя часть таких земель все же выводилась из-под церковного управления долгосрочной или даже наследственной арендой.

Долгое время основным источником дохода византийского клира были пожалования императоров и имущественные вклады, частные пожертвования ромеев как деньгами, так и недвижимым имуществом, а особенно продуктами – хлебом, оливковым маслом, медом, вином, которые делали ради спасения и за которые духовенство и монахи обязаны были молиться. Западная практика постоянной церковной десятины – взимания десятой части от доходов прихожан в Восточной Церкви отсутствовала. Поэтому уже законодательство Юстиниана I определяло, что если кто хочет возвести храм, то храмостроитель или храмостроители (ктиторы) вскладчину должны позаботиться не только об успешном возведении постройки, но и о средствах, имуществе, на которые мог жить клир, служащий в этом храме – кириаконе, еkkлeсии или в монастыре. При этом ктиторские права имели ритуальный характер и выражались в наличии портрета основателя и его погребения в церкви, ежегодных и еженедельных поминовений в соответствии с указаниями устава-типикона храма или монастыря. Что еще более важно, получивший почетный титул ктитора имел некоторые права в управлении, хотя они и были минимальными, а вся юрисдикция находилась в руках епископа. Воле ктитора обязан был следовать и его наследник – **эпитрон**.

Особенно поддерживали Церковь именно ромейские императоры : они дарили ей деньги, земельные владения, сосуды для службы, украшения, церковные облачения, отделанные драгоценностями богослужебные книги, освобождали некоторые, наиболее прославленные церкви, монастыри, богадельни, приюты, сиротские дома, **лепрозории** и прочие подобные благотворительные учреждения от налогов и поборов (хотя в целом это было большим исключением), давали всевозможные привилегии. Среди мирян – лаиков, особенно знати, военных, вошло в обычай в конце своей карьеры или жизни удаляться в монастырь на покой и при этом оставлять все свои богатства или хотя бы их часть монастырям и церквам. Случаи, когда люди после ухода в монастырь вновь возвращались к мирской жизни, конечно, были, но они все же составляли исключение.

Поэтому не удивительно, что уже в V в. Церкви принадлежало более одной десятой части лучших земель Ромейского царства и ее средства превосходили государственные ресурсы, правда, без учета расходов на армию. Она владела промыслами, мастерскими, лавками, гостиницами, кораблями, ее архиепископы, Патриархи, случалось, вели заморскую торговлю. К примеру, доход солеварен в начале VII в. был передан в греческой Фессалонике роскошной базилике Св. Димитрия – небесного покровителя этого очень богатого города. Св. Софии принадлежало тысяча сто столичных эргастриев. На эти деньги содержался клир храма, его священнослужители и церковнослужители, велось церковное строительство, поддерживались богоугодные заведения, щедро раздавалась милостыня бедным горожанам и крестьянам.

Некоторым особняком еще держались монастыри, которых долгое время не контролировали и не пытались полностью контролировать ни Церковь, ни государство. В византийском мире разрешалось разнообразие путей служения Богу. Тем не менее еще раз заметим, что в VI в. монашество было окончательно введено в состав духовенства. Оно оказалось подчинено епископам и без их ведома отныне никто не мог открывать обители. Более того, каждая из них должна была платить местной епархии особый налог, носивший название **каноникон**.

Таким образом, уже Юстиниан I в лице Церкви нашел для ромеев главное объединяющее начало, стержень, твердыню нравственных устоев. В 529 г. он принудил креститься оставшихся в столице язычников, при этом многие константинопольские аристократы были казнены, а их имущество конфисковано. В 536 г. в семиапсидной зале роскошного столичного дворца Гормизды – самой отдаленной части Большого императорского дворца был созван церковный Собор из полутора сотен епископов, который запретил любую форму христианской веры, не одобренную властями. Именно Церковь, последовательно поддерживаемая государством, стала пытаться обеспечивать и ромейскому обществу, и отдельному человеку равновесие духовного состояния, нерушимость социальных связей, негативное восприятие преступлений и пороков.

Однако столь важная идея единой, универсальной, независимой Церкви, ведущего инструмента формирования общественного сознания, потребовала от императорской власти занять жесткую позицию по отношению к нарушителям церковных канонов, сектантам и еретикам, которые отражали взгляды, интересы оппозиционных, в частности, сепаратистки настроенных группировок. Император активно вмешивался и в церковную жизнь во всех ее проявлениях. Он твердо отстаивал единство Церкви, ведущим главой которой стремился стать, безжалостно преследовал инакомыслящих, «утерянных христиан» – еретиков, закрывал языческие школы и академии.

*Это вызвало враждебность иудеев к Империи, которые стали приветствовать ее врагов, в частности, персов. Особенно кровавой оказалась расправа Юстиниана I над иудейской сектой **самаритян** в Палестине и других восточных провинциях. Здесь, начиная с 528 г. разразилась настоящая гражданская война, для подавления которой император привлек племена не знавших мира и покоя арабов. Около двадцати тысяч самаритян было вырезано, а еще столько же попало в плен к кочевникам и было продано в рабство в Иран и Эфиопию.*

Но и после такой радикальной «прополки» сорняки разных осужденных Церковью «выборов», «направлений» – ересей не переводились. Еще в начале V в. их каталог насчитывал цифру, в которую верилось с трудом – 158! Голова пухла от сотен названий, за каждым из которых скрывались свои пути. Кроме того, несмотря на то, что обращение в христианство предписывалось законодательством, даже к концу VI в. еще оставались многочисленные язычники, которые порой жили бок о бок с христианами или, по крайней мере, с теми, кто таковыми себя считал. С 542 до 571 гг. в Малой Азии активно действовал с миссионерскими целями посланный туда Юстинианом искоренять язычников епископ Ассийский Иоанн Эфесский, который в короткий срок крестил около семидесяти тысяч человек. Каждый из обращенных получал от императора крещальные одежды и по тримисию. Страстный, ожесточенный, резкий Иоанн, действуя как инквизитор, приказывал разрушать языческие храмы и строить на их месте христианские. По его словам, он основал девяносто девять церквей и двенадцать монастырей, щедро получая из столицы средства, церковную утварь, одежды и прочее.

В Константинополе тоже был возбужден ряд громких, показательных процессов против язычников. Хватали даже «людей известных и знатных, с прочими грамматиками, софистами, схоластиками и врачами». Для того, чтобы быть обвиненным, видимо, было достаточно иметь склонность к языческому образованию и наукам, а пытки довершали остальное в судопроизводстве. Префект претория Фока, к слову, известный своей честностью, чтобы не быть схваченным, предпочел умереть от яда, который принял ночью. Но Юстиниан не оставил его и после смерти, приказав устроить ему «похороны осла» и закопать его «как мертвую скотину».

В 562/563 г. все тот же Иоанн Эфесский стал ведущим организатором процесса над пятью привезенными в Константинополь жрецами, с которыми были доставлены отнятые у них «идолы» и более двух тысяч книг, преданных сожжению. В 580 г., уже будучи опальным и сам побывав в заключении, он участвовал в скандальном процессе по обвинению в язычестве Григория, Патриарха Антиохийского, и Евлогия, Патриарха Александрийского, которые принесли ночью в жертву мальчика.

Отступников уничтожали физически, либо, если они считали себя христианами, применяли различные меры духовного воздействия, полагая, что тяжко согрешивших, отринувших догматы Церкви, рано или поздно накажет сам Бог. Самой суровой карой при этом считалось **отлучение от Церкви** – афорисмос – подвергнутый ему человек временно, от одного дня до года, или навсегда исключался из общины верующих, прерывал связь с Церковью, с «церковным общением» – еkkлeсия праксой и становился изгоем общества. Он лишался той помощи и **благодати** – Божьего дара, энергии, которые Церковь предлагала всем своим собратьям. Афорисмос отнимал у него те блага и преимущества, которые были приобретены им в Таинстве Святого Крещения, отсекал от церковного организма. Для отлученного оказывались чужды и недействительны заслуги и ходатайства святых, молитвы и добрые дела верующих. Большой оставался без помощи, умерший – без церковного погребения, умирающий – без утешения, дети – без Крещения, свадьбы – без благословения.

Отлучение, как правило, подкреплялось церковным проклятием от имени Бога – **анафемой**, дословно с *греч.* «отставлением», которое возглашали над отлученным во время служения Литургии в церквах. Даже убийство таких отвергнутых, предоставленных самим себе, не влекло за собой полагавшегося по закону наказания. Если еретик умирал, отринутый Церковью, она не производила над ним никаких служб, тем самым обрекая его погибшую душу на вечные страдания. Будучи наложенным на земле, афорисмос с анафемой не слагались и на небе. Такова была суть наказания отлучением церковным проклятием, наказания для верующего поистине тяжелого и страшного.

Тем не менее в самом христианстве – учении чрезвычайно сложном, местами даже непонятном, «неудобовразумительном», как сказал еще апостол Павел, оставалось много неясного, противоречивого и спорного. В нем было нечто запредельное, непонятное земному уму и он начинал властно требовать своего – того, что мог бы по-человечески понять. Слова, произнесенные когда-то Иисусом Христом и его учениками – апостолами, толковались по-разному. Достаточно было столкнуться с трудами **гностиков**, так называемых «знающих», чтобы поразиться эклектичности их восприятий всего унаследованного от Нового Завета, иудаизма и даже зороастризма. Да и кем был сам Христос – необычайным человеком, Богом или же богочеловеком? Из разных толкований христианского вероучения рождалось то, что называлось по-гречески аиресис – ересь, дословно «выбор», то есть выбор иного объяснения религиозных доктрин, идей, несовместимого с не подлежащими обсуждению, не оставлявшими выбора догмами официальных, канонических церковных Соборов.

Духовная жизнь в ранней Византии отличалась необыкновенной, потрясающей интенсивностью. Продолжавшиеся тесные контакты, взаимодействия между христианами и нехристианами, скрытыми и явными язычниками, приводили к тому, что и те, и другие не развивались в изолированной оппозиции друг к другу, порождали многоплановые, гибридные богословско-философские трактовки. Такие довольно запутанные, ожесточенные богословские споры разделялись у ромеев в основном на два вида: **тринитарные** – о Святой Троице и месте в Ней Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа, и **христологические**, то есть о интерпретации личности Иисуса Христа в свете христианского канона Священного Писания, а значит, о **природе** или **сущности**, субстанции, по-гречески усии, ипостаси – **лице** Христа. Это были не праздные вопросы: от ответа на них зависели спасение или гибель души. Поэтому их обсуждали прямо на улицах, у прилавков мяен, в булочных, банях с такой страстью, что порой это приводило к мятежам.

Учения, которые признавались на церковных Вселенских соборах правильными, именовались его сторонниками ортодоксальными (православием), то есть правильной верой. Большинство верующих ромеев относили себя к числу так называемых **халкидонитов**. Они отражали официально принятую Церковью, ортодоксальную точку зрения и были защитниками Никейского Символа Веры (325 г.), подтвержденного на Халкидонском соборе 451 г., где собралось пол тысячи епископов, – больше, чем во всех других случаях. Само халкидонское вероучение сформулировал Папа Лев, и на Востоке оно получило именование «Томос Льва». Халкидониты защищали от несогласных с ними «отщепенцев» – **апосхитов**, или, как те сами себя называли, **диакриноменов** – «отделившихся», ставшее ортодоксальным представлением о «неслиянности» и «нераздельности»

двух естеств Христа – божественной и человеческой. Их епископы учили, что Бог Сын произошел из той же субстанции, что и Бог Отец, то есть две божественные сущности имеют одно происхождение. Поддерживая ортодоксальную веру, они одновременно поддерживали идею универсальной Империи, то есть римского миропорядка и римского государственного устройства. Однако это не мешало тому, чтобы в разных регионах Ромейского царства, особенно в окраинных восточных провинциях то и дело возникали отступники или противники этой ведущей, краеугольной богословской догмы, а значит, и политической идеальной идеи универсализма. Выступление против них отталкивало эти провинции с их нехалкидонитами, или как их обобщенно называли, *миафиситами*, от императорской власти и столичной Церкви, пытавшейся возвыситься над остальными региональными Церквями.

Особенно большой популярностью стало пользоваться учение священника *Ария*, уроженца Ливии, рукоположенного в 311 г. пресвитером общины Вокалис в предместье Александрии. Вероятно, он учился в школе Св. Лукиана Антиохийского, известного учителя и мученика, умершего в 312 г., который настаивал на первичности Бога Отца по отношению к «вторичному» Богу Сыну. В 318-324 гг. хорошо богословски и философски образованный Арий вступил в горячую полемику с Александром, епископом Александрии, а после своего изгнания из Александрии нашел приют у авторитетного Евсевия Никомидийского, епископа тогдашней императорской столицы. По описаниям, Арий был высокий, худощавый, подчеркнуто аскетической наружности человек, искренний, строгий и серьезной. Он не хотел признавать, что Иисус Христос, Спаситель, абсолютно равен предвечному Богу Отцу и утверждал, что Бог Сын, Христос, только похож на Бога Отца, не равен Ему, но сотворен Им, следовательно, не *единосущен* Ему, меньше и занимает в Святой Троице подчиненное место. Как считал Арий, Иисус Христос не человек, а подлинный божественный Разум (по-гречески *Логос*), но поскольку он Сын Божий, то «было время, когда Он не существовал». Более того, раз Он создан Богом, значит, является существом низшего порядка, так как ранее Его не было. Поскольку Сын Божий терпел искушения как человек, страдал, как страдает человек, и умер как человек, Он не может быть равным высшему Отцу, который стоит над искушением, болью и смертью. Отец создал Его как человека, и в сущности Он был всего лишь Его посланцем, не больше. Это же означало, что Бог мог бы в любое время послать на землю другого такого Спасителя, другого мессию, другого Своего Сына. По сути дела, выходило, что поклоняться надо было только Богу Отцу. Такой грубый рационализм и демократизм в представлении Христа, а еще более – призывы ариан отказаться от накопления богатств весьма нравились простым ромеям, особенно антиохийцам и другим горожанам восточной части Римской империи, готовым всюду спорить на религиозные темы до хрипоты : принять своим утлым разумом, что Создатель выше Сына, им было легче, нежели постичь мистический догмат о нераздельной Троице.

После ряда соборных попыток то осудить, то поддержать это учение, Первый Никейский Вселенский собор, заложивший догматическую основу Церкви, все же осудил это учение и признал его ересью, правда, в основном усилиями западных епископов. С хитроумной подачи императора Констан-

тина Великого, озабоченного любыми вариантами поиска путей единства Церкви, было решено, что Отец и Сын вечны и подобны по природе своей – по-гречески **омоусиос** – «единосущны», точнее – «подобосущны». Для отражения этого догмата омоусиане (омиусане) – «подобосущники» стали изображать крест с первой и последней буквами греческого алфавита – альфа и омега по сторонам, подчеркивая широко известные слова Откровения Иоанна Богослова – «Я есть альфа и омега, начало и конец». При этом про никейские богословы утверждали, что для Сына Божьего Его тело было лишь «орудием», причем, как сострил один из современных исследователей, Христос и это «орудие» соотносились ими «не ближе, чем отношение астронавта к скафандру».

Около 327/328 г. малый Собор в той же Никее отозвал Ария из ссылки, но еще более непримиримый, чем епископ Александр, новый епископ Александрии, воинствующий, авторитарный Афанасий категорически отказался принять опального. Последние годы жизни он провел, вероятно, в Египте или родной Ливии. В итоге на Соборе 336 г. Арий все же признал Никейский Символ Веры и епископу Константинополя было приказано принять его в общение. Однако, согласно сенсационному сообщению, прощенный ...внезапно умер в константинопольском афедроне – общественном туалете, что его противники-ортодоксы, разумеется, посчитали заслуженной Божьей карой.

Никейский орос подтвердил и Второй Константинопольский собор 381 г., на котором полторы сотни восточных епископов выступило против сторонников арианства. Не смущало даже то, что, умирая в Никомидии в 337 г., сам равноапостольный император Константин принял Крещение и Причастие из рук склонявшегося к арианству епископа Евсевия Никомидийского, незадолго перед этим почтившего своим присутствием похороны Ария.

Вопреки решениям Соборов и надеждам императоров на единство, разнообразные богословские альянсы продолжали плодиться, колебания и споры не утихали. Один из трех прославленных **Каппадокийских отцов**, видный аристократический богослов **Григорий Нисский**, вспоминая о своем посещении Константинополя, писал об этой всеобщей маниакальной атмосфере, пронизывавшей общество: «Повсюду полно таких людей, которые, рассуждают о непостижимых предметах, – на улицах, рынках, площадях, перекрестках. Спросишь, сколько нужно заплатить, – [в ответ] философствуют о рожденном и нерожденном; хочешь узнать о цене хлеба – отвечают: Отец больше Сына; справишься, готова ли баня, – говорят : Сын произошел из ничего».

Даже среди самих сторонников арианских взглядов не было единства : одни из них утверждали подобосущие Сына и Отца (омиусиане), другие отрицали всякое подобие рожденного Сына природе нерожденного Отца (неоариане, аномеи), третьи говорили лишь о подобии Сына Отцу (радикальные омии). Тем не менее ко всем им был приклеен ярлык ариан, за которым на самом деле крылось собирательное название любых оппонентов Никейского собора. Так, то запрещаясь, то получая официальное разрешение властей, так называемое арианство широко распространилось в конце IV-VI вв. среди племен готов, вандалов, свегов, лангобардов, бургундов, став яблоком раздора между римским населением и варварами-германцами на Западе. В значи-

тельной степени оно было уничтожено лишь после эпохальных заморских войн Юстиниана I.

Родоначальником несторианской ереси явился **Несторий**, рыжий, голубоглазый сорокалетний **архимандрит**, уроженец сирийской Германикии. Это был ученик знаменитого сирийского богослова Феодорита Кирского, представитель очень активной богословской **Антиохийской школы**. Человек нравственный, высокообразованный, прекрасный проповедник и одаренный теолог, он занял связи с высшими государственными чиновниками и даже с ближайшим финансовым советником самого императора Феодосия II, влиятельным евнухом Хрисанфием, по протекции которого в 428 г. получил титул Патриарха Константинополя. Едва вступив на кафедру, Несторий ополчился против ариан и других еретиков. Новый глава Константинопольской Церкви заявил богобоязненному императору: «Дай мне страну, которая очищена от всех еретиков, а я дам тебе небо взамен». Однако сам он в своих аналитических рассуждениях пришел к мысли, что Иисус не более чем человек, ставший мессией – помазанником Божьим в силу сошествия на него Святого Духа и только после смерти получил божественную сущность (природу). В своих проповедях он убеждал: «Мария, друг мой, не рождала Божества, ибо «рожденное от плоти есть плоть» (Ин. 3:6). Творение не могло произвести на свет Того, Кто не сотворен. И в последние дни Отец не породил Бога Слова от Девы... Скорее, Он сформировал из Девы храм для Бога Слова, храм в котором Он обитал». Отсюда следовало, что Пресвятую Деву, мать Иисуса Христа, почитание которой все более и более росло, надо называть не Теотокос – Богородицей (Бога родившей), как утверждала народная традиция, а антропотокос – человекородицей или, в лучшем случае, Христородицей. Это сразу вызвало бурю негодования ортодоксов. Особенно непримиримую позицию занял «египтянин» – волевой Патриарх Кирилл Александрийский (412-444 гг.), опытный теолог и церковный политик, который в союзе с папскими легатами все же одержал победу. На Третьем Вселенском соборе, заседавшем на родине Девы Марии, причем в храме ее имени, в крупном западномалоазиатском городе **Эфесе** в 431 г. **несторианство** должно было подвергнуться осуждению, хотя на деле представители противоположных сторон так и не встретились для обсуждения вопросов, и члены Собора рассеялись, не придя к общему решению. Лишь через два года, когда Несторий, не выдержав напряжения борьбы, сам отрекся от патриаршего трона и был отправлен в изгнание в свой монастырь под Антиохией, было достигнуто соглашение между антиохийцами и александрийцами. Еще через четыре года он, по приказу Феодосия II и по наущению честолюбивой сестры императора, Пульхерии, не простившей Несторию запрет на причащение ее по императорскому чину в алтаре, был изгнан в Большой оазис в Ливийской пустыне. Так, пребывая в ссылке по разным местам, он умер около 451 г., написав по-сирийски последнее свое сочинение – знаменитую «Книгу Ираклида». Его последователи, лишившись лидера и, главное, подогреваемые недовольством к догматическим решениям Халкидонского Вселенского собора 451 г., попытавшегося окончательно утвердить ортодоксальный Символ Веры, были вынуждены бежать в Персию, чьи правители стали относиться к ним терпимо, ибо видели в них врагов официальной

Церкви Константинополя. В результате в течение многих веков на Востоке, в Сирии, Месопотамии, армянских землях и за пределами Ромейского царства можно было встретить многочисленные секты **несториан**.

Ещё более острый конфликт вспыхнул в Церкви к середине V в. с появлением популярного богословского направления, получившего условное название **монофиситства** (в переводе с греческого – моно – «единая» и фисис «природа»). Оно было вызвано полемикой ортодоксальных халкидонитов с несторианами, да и вообще борьбой православных с любыми антихалкидонитами и миафиситами, то есть сторонниками ««одной воплощенной природа» Христа. Активным проповедником нового учения стал еще один архимандрит, семидесятилетний константинополец Евтихий (ок. 378 – после 454 г.), имевший высокие связи при дворе Феодосия II благодаря своему влиятельному крестнику, уже известному нам евнуху Хрисанфию, управлявшему финансами Империи. Недруги едко прозовут этого Евтихия Антихием, то есть «несчастливым». В противовес Несторию, но и Никейскому Символу Веры, он решительно утверждал, что Иисус Христос состоял до единения, или воплощения из двух естеств – божественной и человеческой, а после воплощения Ему была присуща уже лишь одна и притом только божественная природа, в которой, как капля воды в море, растворилась человеческая сущность (природа) Иисуса. Тем самым напрашивался вывод, что Спаситель не мог чувствовать ни страданий, ни голода, точнее, он их чувствовал совсем не так как человек. Его человеческое лицо исчезало. Более того, распятым за искупление человеческих грехов оказывался не богочеловек, а ...сам Бог!

Но Евтих требовал от духовенства отказа от роскоши и земных благ, чем множил широкие ряды своих приверженцев. Сочувствие к новому учению выразил даже сам император Феодосий II, переживавший за единство Церкви и искавший спасительного компромисса. Не мудрено, что на вновь созванном Соборе в Эфесе в 449 г. под председательством Диоскора, Патриарха Александрии, для поддержки которого император решился даже на скандальное введение в зал заседаний вооруженной стражи, победили сторонники Евтихия. Не помогло отвержение этого Собора Папой Львом I Великим, впоследствии обозвавшим его *Latrocinium* – «Разбоем».

На короткое время монофиситство приобрело статус официальной, обязательной для всех веры. Однако уже в 451 г. на Четвертом Вселенском соборе в Халкидоне, собравшем всех восточных епископов как никогда полно, это учение все же объявили ересью, а Диоскор Александрийский был осужден. Участники знаменитого Халкидонского собора приняли исторически важное решение, категорически подтвердив вероучительную формулу – догматическое определение Никейского собора. **Халкидонский орос** призывал верить, что во Христе сам Бог приходил на землю и что Спаситель был истинным Богом и истинным Человеком, то есть имел две природы в одном **лице** – в одной ипостаси, дословно с греч. «сущности, субстанции, реальности». «Антихий» окончательно проиграл борьбу и бесследно исчез. Так одно и то же учение в зависимости от политической конъюнктуры признавалось то правой верой, то ересью. Государственная власть в ранней Византии, как никогда, была вынуждена постоянно лавировать.

Впрочем, даже после осуждения монофиситства, его разные течения, секты, как и несторианство, не отличавшиеся единством, оставались распространёнными в Малой Азии, Армении, Грузии, а особенно на Ближнем Востоке – в Сирии, Палестине, кавказской Албании (нынешний Азербайджан), Месопотамии, Персии, Аравии, Египте, африканской Нубии (иначе Нобатии, ныне Судан), Эфиопии. Случалось, язычники принимали массовое Крещение именно от монофиситов.

В 482 г. император ромеев Зинон издал так называемый **Енотикон** – Акт Единения, указ о единстве Церкви, призванный с помощью обтекаемых, расплывчатых формулировок примирить монофиситство с Православием. Но попытка, хотя и обеспечила краткий мир на Востоке, закончилась неудачно, более того, привела к первому настоящему расколу с Римской Церковью – схизме. Не желавший разделять эти взгляды и принижать свой статус первенствующего главы Церкви, Папа римский Феликс III предал анафеме крутого Константинопольского патриарха Акакия (471-489 гг.), но, поскольку не нашлось никого, кто бы осмелился передать послание лично, буллу постарались незаметно приколоть к одеянию Патриарха.

Акакианский раскол или, как правильнее было бы называть его по имени истинного инициатора, «Феликианский раскол», стал первым отделением папского Рима от Церкви из-за недогматических вопросов, к счастью для христиан, пока еще допускающих преодоление разногласий. Он длился на протяжении жизни целого поколения – 35 лет, пока в 519 г. император Юстин I не отменил Енотикон и, тем самым, дал основание восстановить отношения с папством. Тем не менее среди могущественных покровителей, сочувствующих этому религиозному учению, можно обнаружить даже богобоязненного императора Анастасия I, который заменял халкидонских епископов монофиситскими, и жену Юстиниана Великого, августу Феодору, которая имела безграничное влияние на своего супруга несмотря на его антимонафиситские взгляды и политику. Она открыто или скрыто выступала против решений Халкидонского собора, как и другие монофиситы, видя в нем несторианство, поддерживала, в том числе финансово, «единоестественников» и их миссионеров, давала приют в своих дворцовых покоях гонимым монахам, лидерам монофиситов. В частности, она защищала одного из самых знаменитых проповедников, Иоанна Эфесского, который бродил по дорогам Малой Азии, а скандально известного, стойкого адепта монофиситов, ссыльного Александрийского архиепископа Тимофея по прозвищу Элур («Кот») называла своим духовным отцом.

Особенно активную роль в отстаивании монофиситства и ее Церкви сыграл еще один протез императрицы Феодоры, фанатичный митрополит сирийской Эдессы Иаков (Яков) по прозвищу Варадай – дословно «Оборванец» (конец V в. – 578 г.), который в нищенской, нарочито жалкой одежде путешествовал и проповедовал по всем восточным провинциям с 40-х гг. VI в. Он крестил вождя кочевых арабов-гассанидов в Аравии, осуществил **хиротонию**, то есть **рукоположил** около трех десятков епископов и назначил, если верить, несколько тысяч священников. Важно, что его поддержка со стороны исповедовавших монофиситство гассанидов, контролировавших сирийскую границу Империи, способствовала созданию особой Церкви в Си-

рии, которую впоследствии стали часто называть «яковитской» по имени ее основателя, а ее последователей – **яковитами** (иаковитами).

Две Церкви ожесточенно враждовали, причем преследуемые яковитские епископы, которым был закрыт доступ в города, превратили некоторые монастыри в свои несокрушимые оплоты. Таковым стало знаменитое святилище Симеона Столпника, в противовес которому официальная, ортодоксальная Церковь создала культ другого Симеона Столпника – Дивногорца, известного по знаменитому монастырю на горе Дивной по дороге из Антиохии в Селевкию. Часть монофиситов нашла убежище в еще одном сирийском монастыре Марон, где создала свою Церковь **маронитов**, впрочем, отличающуюся не только от халкидонитов, но и от монофиситов. Монофиситской стала и Армянская Апостольская Церковь, а это было совсем не мало.

Попытка Юстиниана I, вынашивавшего честолюбивые планы не только территориального, но и религиозного объединения Римской империи, внести согласие в церковные вопросы путем издания около 544 г. эдикта о «Трех главах», то есть трех пунктов с осуждением несторианства конкретных лиц и произведений почти столетней давности, а именно крупнейшего богослова, главы Антиохийской школы Феодора Мопсуестийского (350-428 гг.), талантливое церковное писателя Феодорита Кирского (398-466 гг.), учителя и защитника Нестория, и еще одного сирийца, Ивы Эдесского (умер в 457 г.), вызвала большое волнение и с треском провалилась. Епископы справедливо усмотрели в богословской затее Юстиниана, разумеется, навязываемой им силой, попытку ревизии взлелеенных идей Халкидонского Вселенского собора. На самом деле решался ключевой вопрос : кто является источником власти в римском мире? Разумеется, император хотел видеть этим источником себя. Тем более это нужно было сделать в Италии, после готских войн переходившей к Ромейскому царству. Римский же папа Вигилий вел себя крайне непоследовательно, то поддерживая императора ромеев, то оспаривая его решения. Доставленный под конвоем в Константинополь в 551 г., он долгое время отказывался признать решения Юстиниана об осуждении Ивы, Феодорита и Феодора, даже сбежал через окно из Большого императорского дворца и пытался найти убежище у алтаря столичной церкви Св. муч. Сергия и Вакха, пока стража не выволокла его оттуда силой, причем понтифик, человек толстый и крупного телосложения, вырвал с корнем столбы престола, за которые цеплялся из всех сил. Удерживаемый насильно и под угрозой отлучения от Церкви, он в конце концов содлся, заявил, что его попутал диавол, и все же поставил свою подпись под постановлением 164 восточных епископов организованного в 553 г. Пятого Вселенского собора, который, следуя наказу императора, осуждал упомянутых в «Трех главах» и проклинал их сочинения. После этого Вигилий наконец был отпущен в Рим, но по дороге туда в «сокрушенном состоянии духа» скончался в Сиракузах, на Сицилии. Тем не менее латинская Церковь не признала компетенции императора в таких вопросах, и воссоединения с христианами восточных провинций, чего так домогался Юстинин, не произошло. Более того, Собор привел к ряду расколов, отделению трех Поместных Церквей – Карфагенской, Испанской и Аквилейской на севере Италии. Монофиситы, в свою очередь разделившиеся на ряд враждующих группировок, тоже не поддержали

ни эту, ни последующие попытки примирения с халкидонитами, не желая видеть такую вселенскую власть, которая могла бы одинаково управлять греческим Востоком и латинским Западом. Недаром их стали именовать **акефалами** – дословно «безголовыми», поскольку они не имели общепризнанного главы.

Впрочем, во второй четверти VII в. последовала еще одна, более глубокая попытка компромиссного решения христологической проблемы – **монофелитство** (моно – «одна, единственная», фелисис – «воля», дословно «единоволлие»), своеобразный вариант монофиситства. Его сторонники разделяли доктрину, со временем получившую название **моноэнергизм**. Они считали, что в Христе хотя и существовали две природы – божественная и человеческая, обе они объединялись единой божественной **энергией** – дословно с греч. «действием», или силой, волей. Монофиситам оставалось только признать, что единство, которое они прозвали в фигуре Спасителя, относится к его воле-энергии, а не к его природе (фисис). Таким путем имперские власти в очередной раз безуспешно пытались утихомирить религиозные разногласия, примирить страсти, еще более разгоревшиеся после догматических определений Халкидонского собора 451 г., восстановить единство христиан перед угрозой иноверцев и вернуть в лоно официальной Церкви отвоеванные у персов восточные монофиситские провинции. На это пошел мечтавший о примирении, почитаемый ромеями василевс Ираклий, в 638 г. издавший вместе с Константинопольским патриархом Сергием важнейший официальный монофелитский эдикт о вере под названием «Изложение», по-гречески **Екфесис**, в котором признавалась двойственность природы Христа, но опять-таки настаивалось на Его одной силе (энергии).

Несмотря на то, что документ был составлен Сергием, подписан самим царем, областным Собором епископов и выставлен в нартексе Айя Софии, он породил новое недовольство и суровую критику. Известный своим красноречием, высокоуважаемый аскет, монах Софроний, избранный в 634 г. Патриархом Иерусалимским, с гневом твердил, что новая доктрина является всего лишь уклончивой формой, разновидностью того же монофиситства и отступает от догматов Халкидонского собора. Только что избранный Папой в 641 г. Иоанн IV тоже категорически осудил монофелитство. «Твердые» монофиситы тем более не признали его как общеимперскую вероучительную доктрину. Это был шаг в пустоту.

Страсти не утихали, несмотря на попытки императорской власти заткнуть рот всем спорщикам страхом порки и изгнания за любые дебаты по вопросам веры. Именно это предписывал знаменитый «Типос», изданный в 648 г. внуком Ираклия, решительным василевсом Константином II, провозглашенным к тому же первосвященником. Невзирая на царские угрозы, выдающийся церковный писатель, ученый монах из Константинополя **Максим Исповедник**, крупнейший православный богослов своего времени, более двух десятилетий живший в изгнании в латинской северной Африке, в 640 г. побудил только что занявшего престол Папу **Мартина I** на большом Соборе из 105 епископов в церкви Спасителя в Латеранском дворце в Риме осудить монофелитскую доктрину, а позднее и «Типос», то есть вмешательство императоров в церковные дела и догматику. Своевольный, жесткий Константин

не остановился перед крутой расправой : обвиненный в государственной измене, пожилкой, тяжко больной, измученный дизентерией, потерявший возможность ходить, Мартин в 655 г. окончил свои дни в тоскливой и голодной крымской ссылке. Максим, тоже переживший пытки и издевательства, сначала был сослан во фракийский городок Визию. Позже его вновь судили и подвергли бичеванию, искалечили – отрубили правую руку, отрезали язык и выслали в западную Грузию, точнее, в кавказскую Лазику, в захолустную крепость Схимарис, где, не пережив страданий, 82-летний несчастный старец скончался в 662 г. И все же желанного для правительства согласия между Римской Церковью, сторонниками догматов Халкидонского собора и монофиситски ориентированными восточными провинциями так и не удалось достичь, хотя **монофелиты** прилагали все, даже самые экстраординарные способы для того, чтобы отстоять истинность своей веры. К примеру, монах-пресвитер, чудаковатый старик Полихроний даже решился публично, с помощью монофиситской книги и молитв оживить мертвеца, но, долго простояв над телом, вынужден был сокрушенно признаться, что ничего не может сделать.

В конечном счете монофелитство тоже было осуждено в 680-681 гг. на Шестом Вселенском соборе в Константинополе, проводившем в течение одиннадцати месяцев 18 заседаний. Собор провозгласил, что Богочеловек имеет две воли, как и два естества, причем Его человеческая воля подчиняется божественной. Те, кто придерживался иной точки зрения, в очередной раз были осуждены и прокляты. Впрочем, важно понять, что примирение потеряло прежнюю актуальность и лишилось смысла в новых условиях: большинство восточных монофиситов теперь попало под власть захватчиков-арабов и попросту перестали быть подданными василевсов. Так или иначе титанические усилия императоров ромеев по цементированию Империи единой, компромиссной церковной доктриной оказались тщетными и после утраты восточных провинций василевсам ромеев надо было заботиться уже только о той Церкви, которая осталась на уцелевших территориях и разделяла главную вероучительную формулу – догматическое определение (орос) Халкидонского собора. Народ на этих территориях не поддерживал монофелитство, которое осталось только в Сирии.

Пока Соборы и влиятельные богословы спорили относительно философских терминов «природа», «сущность», «вещество», «лицо», «воля», «энергия» – всех этих фисис, усия, ипостасис, фелисис, просопон, натура, ессенция, субстанция, персона, и о том, что ими не является, в Империи росло количество монахов, катализаторов этих богословских споров. Причем в этих спорах, не трудно заметить, уже очень рано проявились сепаратистские настроения и разногласия в философской направленности греческого Востока и латинского Запада в рамках одной мировоззренческой системы – христианства. С течением времени эти тенденции, пока еще слабые, будут углубляться, регионилизироваться и приведут к обособлению восточной – Православной (Греческой) и западной – Латинской (Католической) Церквей.

Другая особенность РOMEЙСКОГО царства коренилась в забвении понятия политической партии. Империя сокрушила всякую оппозицию. Но оппозиция, подавленная как политическая сила, ожила в религиозной форме. Другими сло-

вами, люди, которые не имели возможности объединиться под политическими лозунгами, имели полную свободу объединиться под лозунгами богословскими. Именно так они и поступали: на словах отстаивали свои теологические доктрины, а на деле утверждали политические идеи. Отсюда же наличие необычайно сильного размаха и непрерывных традиций массовых народно-еретических движений социального протеста, опять-таки принимавших форму религиозных споров. Правительству приходилось преследовать их, чтобы выявлять подобные потенциальные политические партии внутри Империи.

Самыми радикальными при этом были действия сект «новых пророков» – **монтанистов**, пользовавшихся особой популярностью среди христианских женщин, **мессалиан** (дословно с греческого и сирийского «молитвенников») и близких к ним, особенно влиятельных в Ромейском царстве и за его пределами, на Востоке, манихеев, которые, хотя и относили себя тоже к христианам, не признавали духовенства как такового и верили в одновременное существование Бога Добра и Бога Зла, вечно борющихся между собой за власть над человеком, за его гибель или спасение. Они были распространены как среди городского, так и сельского населения, и заложили основы последующих мощных средневековых еретических движений, которым будет суждено потрясти не только Ромейское царство, но и другие европейские страны – Болгарию, Францию, Италию, Чехию. Экспорт богословских идей, у истоков которых стояли ромеи, влиял на весь мир.

Так или иначе, обещание лучшей жизни для всех верующих на этом свете и на том давало ранневизантийской Церкви право вмешиваться во все сферы будничной жизни, заставить обращаться к ней по любому вопросу, управлять мыслью, служить проводником во всех делах. Она благословляла дома и занятия ромеев, крестила взрослых и детей, проводила через чин **миропомазания**, венчала новобрачных, осуществляла последнее помазание, когда они лежали при смерти, погребала усопших. Ей удалось улучшить удел женщин, стариков, больных, бедных.

Раздача милостыни городским беднякам, вдовам, многочисленным нищим, всем, кто не имел крова, больным, узникам изначально стала одной из главных функций Церкви. Кроме того, при поддержке государства она широко занималась благотворительностью, строила, укомплектовывала персоналом и содержала специализированные учреждения, оказывавшее помощь нуждающимся: больницы – **иатрины**, **носокомионы**; странноприимные дома – **птохионы**; убежища для сирот и стариков – **орфанотрофионы** (дословно «сиротопитательницы») и **гирокомии** или **гиронтокомионы**, дома-приюты для вдов – **хироторофионы**, приюты для слепых – **тифлокомии**, **диаконии** – бани и зернохранилища, **лобокомии**, то есть лепрозории – дома для больных проказой-лепрой и даже родильные дома – **лохокомии**. Следует подчеркнуть, что таков был один из способов создания христианского города-полиса в ранней Византии.

Как уже сказано, немалые средства на все это черпали из постоянно притекавших пожертвований, подарков богобоязненных верующих любого ранга, епископских отчислений, доходов от посещений паломниками святых **реликвий**, **мощей**, от продажи многочисленных, размножавшихся евлогиев. Следует подчеркнуть, что специальных спекуляций на этом не было, а дело благотворительности подогревала в значительной мере истинная вера, далекая от корысти. Императорская помощь Церкви даже увеличилась со второй половины VI в., после того, как финансовое положение Церкви пошатнулся кризис, затронувший

и городские финансы. Кроме того делами благотворительности занимались и все более крепнувшие, росшие в числе монастыри.

Восточная Церковь не ставила перед собой специальной цели миссионерства и тем более мессианства. Византия, если так можно выразиться, была системой, мало склонной учить других. Тем не менее десятки христианских монахов и священников, особенно в VI в., отправлялись в соседние страны нести слово Божье, а значит, множить число тех, кто мог пополнить число подданных императора ромеев. От берегов Черного моря до плоскогорий Абиссинии, от Дуная до оазисов Сахары распространяли они христианство среди варваров, иноземцев-эфников, расширяли влияние Империи на соседние народы, готовили их включение в своеобразное «ромейское сообщество наций». Примечательно, что это достигалось иногда путем соединения действий посольств с религиозными миссиями, то есть благодаря централизованной государственной политики, но всегда не насильственными способами. Византийцы не знали понятия «святой войны», войны как «дела Господа», и этим выгодно отличались от западноевропейцев.

?

1. Какими личными качествами обладал Юстиниан I и насколько они подходили для достижения поставленных им задач? К какому психологическому типу людей можно отнести этого императора? Кого из известных политиков мирового уровня он вам напоминает?
2. На что была направлена внутренняя политика Юстиниана I? Попробуйте систематизировать ее меры.
3. Чем можно объяснить жесткую религиозную политику Юстиниана I в отношении отступников от христианской веры?
4. Расшифруйте смысл термина «Imperium Christianum Romanum».
5. В чем состояла суть принципа симфонии? Насколько он был важен для византийцев и сложно ли было ему следовать в реальной жизни?
6. Какие народы входили в державу Юстиниана I?
7. Что можно сказать о ближайшем окружении Юстиниана I? Какую роль в его жизни играла императрица Феодора?
8. С какими народами воевали армии Юстиниана I и почему? Каким образом, за счет каких преимуществ византийским войскам удалось достичь столь блестящих побед?
9. Почему Юстиниан I не прекратил свои войны, даже видя, что период побед закончился, а народ Ромейского царства беднеет?
10. Чем объяснить удачи Юстиниана на Западе и неудачи на Востоке?
11. Сравните расходы и доходы в войнах Юстиниана? Чего было больше?
12. Как объяснить слова Юстиниана I: «Я победил тебя, о Соломон»?
13. Ради чего Юстиниан I приводил в порядок законы, строил и благоустраивал города, развивал торговлю?
14. Каковы причины и историческое значение составления «Свода гражданского права»? Почему часть Свода была издана на латыни, а часть на греческом языке?
15. Как вы думаете, чем в XIII в. руководствовался Данте, относя Юстиниана I в своей «Божественной комедии» к благодетелям человечества?

16. Попробуйте составить структурный план организации византийской Церкви в VI в.
17. Чем отличалась Восточно-Римская Церковь V-VII вв. от той, которая формировалась в западной Европе?
18. Подумайте, почему руководители византийской Церкви не ввели у себя безбрачие священников, чтобы успешнее бороться со светской властью?
19. Почему каноны Халкидонского собора запрещали монахам даже «шевелить языком»?
19. Какие основные еретические учения существовали в ранней Византии и чем отличались их приверженцы? Кто и как с ними боролся?
20. Поразмышляйте, почему в IV-VI вв. в Римейском царстве было много различных еретических отклонений, тогда как на Западе подобного не наблюдалось?
21. Какими способами и методами византийцы распространяли христианство среди других народов и чего они таким образом добивались?

Внимание, источник!

Из политического памфлета «Тайная история», написанного в 550 г. Прокопием Кесарийским, главным историографом эпохи Юстиниана.

Некоторые из приближенных Юстиниана, остававшиеся при нем до глубокой ночи, конечно, из числа несших служебные обязанности по дворцу, [...] говорили, что вместо него видели какое-то необычайное привидение дьявольского вида. Один из них рассказывал, что Юстиниан, внезапно вскочив с императорского трона, начинал ходить по всему дворцу, и вдруг у него пропадала голова, а остальное тело продолжало совершать эти долгие прогулки взад и вперед. Рассказывавший говорил, что при таком зрелище, не доверяя, что он видит это своими глазами, потрясенный и в полном смущении, он долгое время стоял на одном месте. А затем голова вновь возвращалась к телу Юстиниана [...]. Это я пишу не как очевидец, но услышал я все это от тех, которые серьезно и настойчиво утверждали, что видели это сами [...]. Феодора же своей подруге танцовщице Македонии говорила, что ей ночью во сне явилось видение и приказало не заботиться о деньгах, так как прибыв в Византию, она возляжет на ложе владыки демонов и при помощи всяких своих ухищрений [...] станет его законной супругой, и тогда она будет властно распоряжаться всеми богатствами Империи [...]. Чтобы быть принятым императрицей даже для людей, занимавших высшие должности, требовалось много времени и труда; постоянно должны были все они сидеть там в каком-то рабском ожидании, находясь все время в узком и душном помещении. Не быть здесь для любого из начальствующих лиц равнялось смертельной опасности. Все время стояли они [в этом коридоре] на цыпочках, каждый стараясь вытянуть шею и голову выше своих соседей, чтобы выходящие из внутренних покоев императрицы евнухи могли его видеть.

Прокопий Кесарийский о своих известных современниках в сочинении «О войне с персами» (около 555 г.).

Он (Иоанн Каппадокиец) ничему другому не научился от грамматиста, как писать письма, да и те писал дурно и нескладно; но силою ума превyšшал он всех известных мне людей; отлично понимал, что нужно сделать и умел разрешать труднейшие обстоятельства. Быв самым дурным человеком, он употреблял свои способности на дурное. Ни по-

мышления о Боге, ни стыд людей не входили в душу его; из корысти погубил он множество людей и целые города. Нажив в короткое время великое богатство, он вдался в непомерное пьянство. До обеденного часа он грабил имущество подданных, после обеда проводил время в питье и самом гнусном разврате, от которого никак не мог себя удерживать [...].

Он всегда готов был красть деньги и еще готовее издерживать и расточать их. Таков был этот Иоанн!

...Трибониан имел хорошие способности и достиг высокой степени учености, не уступая в ней никому из современников, но был до безумия предан любостыжанию и всегда готов торговать правосудием. Он ежедневно то уничтожал, то составлял законы, продавая их, по мере надобности, просителям.

Константинопольский адвокат и писатель *Агафий из Мирины* (ок. 536 – ок. 582 гг.) о полководце Нарсесе в сочинении «О царствовании Юстиниана»

Нарсес был чрезвычайно благоразумен и деятелен и удивительно легко приспособлялся к любой обстановке. Он не очень отличался образованием и не гордился красноречием, но славился прямой натурой и был в состоянии словом выражать свои мысли, и это евнух, воспитанный в изнеженности в императорском дворце. Он был низкого роста, сухоощав, но выработал такое мужество и ловкость в делах, которые кажутся невероятными. Отсюда ясно, что кому присущ свободный и благородный дух, тому ничто и ни в каком деле не может помешать достичь первенства и стать наилучшим [...].

Предисловие к одной из новелл Юстиниана I

Всевышняя благодать сообщила человечеству два величайших дара – священство и царство; то [первое] заботится об угождении Богу, а это [второе] – о прочих предметах человеческих. Оба же, проистекая из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни. Поэтому нет важнейшей заботы для государей, как благоустройство священства, которое, со своей стороны, служит им молитвой о них Богу. Когда и Церковь со всех сторон благоустроена, и государственное управление движется твердо и путем законов направляет жизнь народов к истинному благу, то возникает добрый и благотворный союз Церкви и государства, столь вожделенный для человечества.

Извлечение из текста закона Юстиниана I

Государство состоит из частей и членов, наподобие человека, величайшие и нужнейшие части – царь и Патриарх, потому мир и благополучие душ и тела подданных зависят от полного единогласия и согласия между царством и священством.

Прокопий Кесарийский в трактате «О постройках» (около 560 г.) о возведении константинопольского храма Св. Софии

23. И вот император (Юстиниан I) со всем рвением приступил к строительству, не жалея никаких средств; со всей земли он собрал каких только мог мастеров. 24. Анфимий из Тралл, в искусстве так называемой механики и строительства самый знаменитый не только

из числа своих современников, но даже из тех, кто жил задолго до него [...]. 25. Вместе с ним работал другой архитектор, по имени Исидор из Милета, во всех отношениях человек знающий и подходящий, чтобы содействовать императору Юстиниану [...]. 27. Этот храм представлял чудесное зрелище, — для смотревших на него он казался исключительным, для слышавших о нем — совершенно невероятным. В высоту он поднимался как будто до неба и, как корабль на высоких волнах моря, он выделяется среди других строений, как бы склоняясь над остальным городом, украшая его, как составная его часть [...]. 29. Несказанной красотой славился он. Блеском своих украшений прославлен он и гармонией своих размеров; нет в нем ничего излишнего [...]. 30. Можно было бы сказать, что место это не извне освещается солнцем, но что блеск рождается в нем самом: такое количество света распространяется в этом храме. 33. Крыша этого сооружения разрешается как четвертая часть шара : возвышаясь над ней, на прилегающих частях здания поднимается другое, более мощное сооружение в виде полумесяца, удивительное по красоте, но в общем вызывающее страх вследствие кажущейся опасности такого соединения. 34. Ведь кажется, что оно держится не на твердом основании, но возносится в небо без опасности для тех, кто находится в храме [...]. 54. Теперь перейдем к другим частям храма. Чистым золотом выложен потолок, соединяя с красотой и великолепием, соревнуясь в блеске : его сияние побеждает блеск камней [и мраморов]. 59. Кто исчислил бы великолепие колонн и мраморов, которыми украшен храм? Можно было бы подумать, что находишься на роскошном лугу, покрытом цветами. 60. В самом деле, как не удивляться то пурпурному их цвету, то изумрудному; одни показывают багряный цвет, у других, как солнце, сияет белый; а некоторые из них, сразу являясь разноцветными, показывают различные окраски, как будто бы природа была их художником. 61. И всякий раз как кто-нибудь входит в этот храм, чтобы молиться, он сразу понимает, что не человеческим могуществом или искусством, но Божиим соизволением завершено такое дело; его разум, устремляясь к Богу, витает в небесах, полагая, что он находится недалеко и что он пребывает особенно там, где он сам выбрал.

**Из «Хроники» Марцеллина Комита о событиях января 532 г.
и восстании «Ника»**

Ипатий, Помпей и Проб, племянники со стороны сестры божественного Анастасия¹, разжигаемые недостойными амбициями, попытались захватить трон 13 января, после того как многие из знати уже присягнули им на верность, и целая толпа смутьянов была соблазнена оружием, подарками и хитростью их сообщников. Они мародерствовали в царственном городе в течение пяти ужасных дней путем грабежа, огня и меча посредством преступных граждан, сновавших вокруг с воинственным вероломством. Они имели в виду определенно смену императора, тогда как притворно выражали лояльность Юстиниану во дворце. В действительности на пятый день этого неслыханно гнусного мятежа Ипатий, украшенный золотым браслетом, на руках своих преступных сообщников, и его разбойный соучастник Помпей с нагрудником, скрытым под одеждой, отправились захватывать дворец. Оба они были схвачены перед входом во дворец, немедленно закованы в цепи и казнены по приказу нашего святейшего императора. Они расплатились сполна и потеряли империю прежде, чем обрели ее. Несчетное количество людей были убиты на ипподроме, и сторонники узурпаторов были немедленно объявлены вне закона. Церковь², сожженную в то время, начали восстанавливать по приказу нашего августа.

¹ Императора Анастасия Дикора (491-518 гг.).

² Речь идет о столичном храме Св. Софии.

**Из «Хронографии» Иоанна Малалы (ум. 574 г.)
о константинопольском восстании «Ника» в январе 532 г.**

В то же самое время, в десятый индиктион, под влиянием неких демонов-аласторов¹ случилось событие, ставшее поводом для волнения в Византии; тогда Евдемон, префект города, взял под стражу по шесть человек, нарушивших порядок, из каждой партии [ипподрома]. Допросив различных лиц, он раскрыл, что семь из них виновны в убийствах и принял судебное решение черверых обезглавить, а троих распять. Когда их провели по всему городу, переправили на другую сторону [залива Золотой рог] и стали вешать, столбы рухнули, и двое [приговоренных] упали; один был венетом, другой – прасином. Собравшаяся толпа, увидев случившееся, вославила царя. Монахи [из обители] близ храма Св. Конона, услышав [эти возгласы], пришли туда и обнаружили, что двое из приговоренных лежат на земле живыми. Приведя их к морю, и посадив на судно, они отослали их в священное убежище, в [храм] Св. Лаврентия. Узнав об этом, префект города, послав военный отряд, оставил [воинов] стеречь находившихся там [беглецов].

Через три дня проводились конные состязания, называемые состязаниями Ид. Идами же они называются потому, что для всех отличившихся на [государственной] службе царь римлян устраивал торжественные пиры в своем дворце, удостаивая каждого почестями². Когда 13 января проходили скачки, обе партии призывали царя быть милосердным³. Они продолжали кричать до двадцать второго заезда, но не удостоились ответа. Тогда диавол внушил им дурное намерение, и они стали славить друг друга: «Многие лета милосердным прасинам и венетам!». Покинув Ипподром и взяв себе паролем призыв «Ника», чтобы не проникли в их ряды воины или экскувиты⁴, [венеты и прасины], дружелюбно настроенные [друг к другу], стали толпами разгуливать [по городу]. С наступлением темноты они пришли к преторию префекта города, спрашивая о беглецах, находившихся в храме Св. Лаврентия. Не получив ответа, они подожгли преторий; сгорел и преторий, и Медные ворота дворца до самых Схол, и Великая церковь, и общественный портик; народ продолжал бесчинствовать. На рассвете, когда царь повелел провести конные состязания и был по обычаю поднят флаг⁵, те же самые димоты подожгли места для зрителей; сгорела часть [Ипподрома] и общественный портик у [бани] Зевксиппа.

Мунд, Константиол и Василид выступили с войском по приказу царя, желая усмирить восставшие толпы; толпа же стала выкрикивать возгласы против Иоанна по прозвищу Каппадокиец, Тривуниана⁶ и префекта города Евдемона; услышав от них это, посланные синклитики сообщили [обо всем] царю; и тотчас были смещены с должности Иоанн, Тривуниан и Евдемон. Когда Велисарий пришел с войском готов и произошла стычка, многие из димотов были убиты. Толпа рассвирепела, [восставшие] подожгли многие места и многих без разбора убивали.

Восемнадцатого [числа] того же самого месяца царь пришел на Ипподром, неся Святое Евангелие; узнав [об этом], пришли толпы, и [Юстиниан], принеся клятвы, обратился к ним с воззванием; многие люди из народа провозглашали царем его, другие же

¹ Злой демон мести за убийство.

² Указанное мероприятие проходило в январские иды, то есть середине месяца, а пиры включали и конные состязания на ипподроме.

³ Согласно обычаю, помиловать тех, кто сорвался с виселицы и остался в живых.

⁴ Караульная придворная стража императора.

⁵ Оповещающий о начале скачек флаг поднимали над главными воротами Константинополя.

⁶ Трибониан.

бунтовали, провозглашая Ипатия¹. Димы, взяв того самого Ипатия, привели его на так называемый форум Константина, поставив его на возвышение, на ступени [колонны]; похитив из дворца царские инсигнии и золотое ожерелье, они венчали его. Взяв его, они привели [его] на Ипподром, желая ввести его в царскую Кафисму². Толпа поспешила вынести ему из дворца царские одеяния; Ипатий знал, что царь удалился и, воссев в Кафисме, дерзко узурпировал власть. Тогда Мунд, Константиол, Велисарий, другие сиклитики и вооруженный отряд спрятались позади Кафисмы, а кувикуларий и спафарий Нарсес, тайно выйдя [из дворца], подкупил некоторых [членов] партии венетов, раздав им деньги. И некоторые восставшие из толпы стали провозглашать Юстиниана царем в городе; люди разделились и пошли друг против друга. Когда военные магистры вошли с войском на Ипподром, они начали убивать толпы [людей] у обоих входов: одни метали стрелы, другие рубили мечами. Скрытно выйдя, Велисарий схватил Ипатия и Помпея и привел их к царю Юстиниану...

По приказанию царя спафарии схватили и заключили под стражу Ипатия и Помпея. Было же убито на Ипподроме тридцать пять тысяч, ³возможно, чуть более или менее [того]. На следующий день Ипатий и Помпей были убиты, а тела их брошены в море. Во всех городах царь сообщил о своей победе и о поражении мятежников...

**Из «Церковной истории» Иоанна Эфесского (третья четверть VI в.)
об обращении в христианство варварского народа нобадов
в правление Юстиниана I**

IV. 6. В синоде Папы Феодосия был один старец, прекрасный священник по имени Юлиан, охваченный духовным рвением по поводу заблуждения народа, который находился на границе восточной Фиваиды в Египте, не был подчинен государству ромеев и даже получал мзду с тем, чтобы не вторгаться и не брать в полон в Египте. Заботясь об этом народе, блаженный Юлиан и сообщил покойной царице Феодоре, чтобы вызвать ее усердие к обращению этого народа. Царица горела ревностью Божией, она приняла (его) с радостью и обещала, что будет сделано все, чтобы отвратить этот народ от заблуждения почитания идолов. Об этой радости она известила победоносного императора Юстиниана и обещала позаботиться, чтобы блаженный Юлиан был туда послан. Император же не обрадовался, когда узнал, что этого противника Собора (Халкидонского) стремятся послать туда, предполагая написать своим епископам в Фиваиду, чтобы они отправились поучать их и установили там имя (значение) Собора. И поскольку у него возникло рвение, он поспешно первым направил туда посланцев с золотом, крещальными одеждами и подношениями царю этого народа и с писаниями дуксу Фиваиды, чтобы он позаботился о его посланце и отправил его к тому народу.

Когда об этом узнала царица, и она тотчас с хитростью составила письма к дуксу Фиваиды и послала магистриана. «Так как я и император решили направить посла к народу нобадов, то вот я и посылаю благого мужа по имени Юлиан, и я желаю, чтобы этот мой до того [посланного] императором прибыл к этому народу. Да будет тебе известно, если ты не удержишь его под предлогами [разными], пока не прибудет мой благой [посланец] и не будет отправлен и не достигнет [нобадов], то не будет тебе жизни. Я пошлю туда, и тотчас снимут твою голову».

¹ Племянник Юстиниана I, член синклита.

² Царская ложа, связанная ходом с Большим императорским дворцом.

³ Военные магистры, из которых Мунд был предводителем готских наемников.

После того, как получил это дукс Фиваиды, прибыл к нему посол императора, он удерживал его, говоря : «Подожди, посмотрим, чтобы мы приготовили тебе [вьючных] животных, чтобы мы приготовили людей, знающих пустыню, тогда ты сможешь отправиться». Так он удерживал его, пока не прибыли посланцы благочестивой царицы, которые нашли приготовленными животных и людей. В тот же день как бы насильно они захватили животных и отправились первые.

[Дукс] послал сказать императорскому [послу] : «Да будет тебе известно, что я приготовил тебе и хотел послать к тебе, [но] прибыли посланцы царицы, напали на меня силой, захватили животных, отправились и уехали. Страх перед царицей хорошо мне известен, поэтому я не посмел противиться им. Но подожди еще, пока я вновь не приготовлю тебе, и ты отправишься с миром». Когда тот это узнал, он разорвал его одежды, унижал [его] всячески и ругался.

Через несколько времени выехал и он, отправился наконец, не зная об обмане, который был.

Из 16-го деяния Шестого Вселенского собора в Константинополе (680-681 гг.) о предании анафеме пресвитера Константина из сирийской Апамен

Когда славнейшие патрикии и консулы и все блаженнейшие и боголюбезные епископы сели по чину в той же судебной палате Трулл¹, и когда было положено на середине святое и непорочное Евангелие Христа Бога нашего, Феодор, благочестивейший диакон святейшей здешней кафедральной и апостольской Великой Божией церкви², первенствующий из благочестивейших нотариусов святейшего архиепископа сего богохранимого и царствующего города Георгия³, сказал : «Доводим до сведения вас, славнейших, и всего Святого и Вселенского собора, что стоит у завесы Константин, называющий себя пресвитером святейшей Божией церкви в Апамене во второй провинции Сирии, и просит дозволения войти, чтобы сообщить вашему святому собору нечто, касающееся настоящего догматического движения. О чем и докладываем на благоразумие».

Славнейшие сановники и Святой Собор сказали : «Пусть войдет упомянутый почтеннейший пресвитер». И он вошел.

[...] Почтеннейший пресвитер Константин сказал : «Я признаю два естества, как наречено в Халкидоне⁴, и два свойства, и о действиях не буду спорить, если вы назовете их свойствами. А одну волю признаю я в лице Бога Слова (ибо, если хотите знать всю правду, я не знаю по-гречески, что значит ипостась⁵, а признаю волю в лице Бога Слова) и после воплощения; ибо Отец и Сын и Дух Святой есть одна воля».

Славнейшие сановники и Святой Собор сказали : «Одна воля, которую ты признаешь в домостроительстве воплощения Господа нашего Иисуса Христа, принадлежит ли к бо-

¹ Так называлась отдаленная Купольная (*греч.* *трулос*) зала Большого императорского дворца в Константинополе, где проходили заседания Вселенского собора. Там же через десять лет будет заседать Пято-Шестой Вселенский собор.

² Храм Св. Софии.

³ Георгий I, Константинопольский патриарх (679-686 гг.).

⁴ На Четвертом Вселенском соборе 451 г. в Халкидоне, где было осуждено монофиситство и уточнен православный Символ Веры.

⁵ Ипостась — дословно с *греч.* «подставка», или «естество, сущность», эквивалент *лат.* термина «бытие, существование, субстанция». Это важнейший термин в богословском языке, из-за толкования которого шли ожесточенные церковные споры между православными, арианами и западными христианами.

жественному Его естеству или к человеческому естеству?» – Почтеннейший Константин сказал : «Признаю, что воля принадлежит божеству».

Славнейшие сановники и Святой Собор сказали : «Человеческое естество Господа нашего Иисуса Христа имело ли волю или нет?» – Почтеннейший Константин сказал : «Естественную – да, ее имело от чрева (матери) до креста, но я признаю это свойством, и оно есть свойство».

Славнейшие сановники и Святой Собор сказали: «Так что же? Разве после креста Христос оставил человеческое естество?» – Почтеннейший Константин сказал : «При Нем не осталось человеческой воли, а осталась она с плотью и кровью, потому что Он не имеет нужды ни есть, ни пить, ни спать, ни ходить».

Славнейшие сановники и Святой Собор сказали : «Прежде ты говорил, что одну волю имело лицо Бога Слова, а потом сказал, что и человечество Его имело естественное хотение. Как выходит по твоим словам, что Он имел одну личную волю и одну естественную? Каким образом ты думаешь, что во Христе одна воля?» – Почтеннейший Константин сказал : «Христос оставил и совлек ее с Себя вместе с кровью и плотью».

Славнейшие сановники и Святой Собор сказали: «Где осталась плоть и кровь?» – Почтеннейший Константин сказал : «Совлек с Себя ее».

Славнейшие сановники и Святой Собор сказали : «Кто совлек с себя плоть?» – Почтеннейший Константин сказал: «Христос».

Славнейшие сановники и Святой Собор сказали: «Вместе с плотью совлек с Себя и человеческую волю?» – Почтеннейший Константин сказал: «Да, господа, и эту волю».

Славнейшие сановники и Святой Собор сказали : «Макарий, бывший Патриарх Антиохийский, также веровал, как и ты говоришь?» – Почтеннейший Константин сказал : «Да, господа, как я признаю одну волю, так признавал и Макарий. Так я и слышал от него».

Святой Собор сказал : «Так ты думаешь и так пребудешь в этом мнении до конца?» – Константин сказал : «Да, господа, так я думаю и так верую, и иначе невозможно».

Из «Хронографии» Феофана Исповедника (811-814 гг.) о событиях на Боспоре Крымском в 527 / 528 г.

В этом же году пришел к императору [Юстиниану I] царь гуннов, [живущих] поблизости] от Босфора, по имени Горда, стал христианином и был просветлен. Император принял его и, дав ему много даров, отослал в его страну охранять ромейское государство и город Босфор¹. А назван он был так из-за того, что выплачивал ромеям ежегодно налог вместо денег быками – дань быками. Император назначил туда арифм² ромейских стратиотов и трибуна охранять город от гуннов и взимать налог быками. В этом городе происходила оживленная торговля между ромеями и гуннами. Царь гуннов, став христианином и отправившись в свою страну, нашел своего брата и рассказал ему о расположении и щедрости императора и о том, что он стал христианином. Взяв статуи, которые гунны почитали, он переплавил их, а были они из серебра и электрона³. Гунны, разъярившись, сговорились с его братом и убили Горду, царем же сделали его брата Маугериса. Но убоявшись, как бы ромеи не взыскали за него, они внезапно подступили к городу Босфору, убили трибуна Далмация и стратиотов. Услышав об этом, император послал

¹ Речь идет о крымском Боспоре на месте *совр.* Керчи.

² Арифм – здесь в значении военный отряд (дословно «число»).

³ Сплав золота и серебра.

апоипата¹ Иоанна, внука Иоанна Скифа, сына патрикия Руфина, с большим вспомогательным скифским [войском] и одновременно отправил в поход против них по суше от Одиссополя² Годилу и стратига Вадуария. Услышав об этом, гунны обратились в бегство и скрылись. В Босфоре наступил мир, и ромеи владели им безбоязненно.

?

1. О чем свидетельствуют скандальные сплетни о Юстиниане и Феодоре, пересказанные Прокопием Кесарийским в «Тайной истории»?
2. Как вы считаете, насколько объективно оценил своих современников Прокопий Кесарийский?
3. Какими чертами, по словам Агафия, должен был обладать полководец? Обладал ли ими Нарсес?
4. Какая роль, согласно ромейским законам, отводилась императорской властью Церкви и почему?
5. Чем византийская Церковь отличалась от той, что формировалась в западной Европе?
6. Какое впечатление произвел на Прокопия Кесарийского столичный храм Св. Софии? Что его особенно поражало?
7. Сравните в «Войне с персами» описание Прокопием портретов власть предержащих с рассказами Марцеллина Комита и Иоанна Малалы о беспорядках во время восстания «Ника» в Константинополе. Что можно считать поводом, а что причиной этого мятежа?
8. Каковы могли быть требования восставших во время мятежа «Ника»? Какое будущее ждало бы Ромейское царство, если бы Юстиниан I бежал или был свергнут и убит?
9. Что говорят источники о димах и их роли в восстании «Ника»?
10. Как вы думаете, почему ристания на Ипподроме не стали отменять даже когда началось восстание «Ника»?
11. В чем вам видятся причины поражения восстания «Ника», если исходить из свидетельств Марцеллина Комита и Иоанна Малалы?
10. Из-за чего, по словам Иоанна Эфесского, соревновались в миссионерской политике Юстиниан I и его супруга, августа Феодора? Чем были вызваны эти интриги?
11. Попробуйте определить, к какой ереси относятся осужденные Шестым Вселенским собором взгляды пресвитера Константина из Апаimei? В чем вам видится суть спора пресвитера с собравшимися?
12. Как, по данным Феофана Исповедника, действовали византийские власти в отношении крымских гуннов на Боспоре? О чем говорит такая политика?

¹ Отставной *ипат* (консул), один из высших персональных рангов.

² Город во Фракии на западном берегу Черного моря.

§ 4. Потери и мятежи

Все более набравшие силу буйные волны нашествий разных народов очень серьезно отразилась на положении Ромейского царства, не сумевшего выдержать чудовищного напряжения сил своих собственных предыдущих захватнических войн. Особенно ухудшилась ситуация со второй половины VI в., когда усилились грабительские набеги славянских и болгарских племен на Балканы, а на западе, в только что отвоеванную ромеями Италию вторглись воинственные племена германцев-лангобардов. Они скоро овладели севером и центром Аппенинского полуострова, а на его юге основали свои герцогства. Ромеи потеряли земли в Испании. Единые до этого византийские владения оказались расчленены и стали постепенно терять связь с Константинополем. Сил же и способностей, чтобы отбросить врагов, не хватало. Их поглощала активизировавшаяся на экономически важном Востоке борьба с коварной, высокоорганизованной Персией – Сасанидским Ираном, а к концу VI в. усилилась опасность со стороны многочисленных кочевников-тюрков, напавших из Азии. Византия виртуозно использовала успехи своей дипломатии, чтобы удержать достигнутые позиции. Однако после смерти Юстиниана, при его ближайших преемниках ситуация стала настолько грозной, что о единой Империи уже нельзя было мечтать. Новое время требовало экономии бюджета страны, строгого расчета финансовых средств и изменения прежних римских, не до конца реформированных институтов.

Неспокойные соседи Империи

На Востоке Ромейское царство граничило с Персией. Это территория современного Ирана. Здесь правили иранские шахин-шахи – «цари царей» – из династии Сасанидов. Это было великое и мощное, развитое государство, не уступавшее Риму, хотя и находившееся в состоянии брожения, открытой социальной борьбы.

Между персами и римлянами, а затем ромеями издавна, почти постоянно велись изнурительные, затяжные, из года в год войны из-за сфер влияния и, главное, стремления быстро обогатиться захватываемой военной добычей, к которой относились «живой товар» – военнопленные, особенно знатные и ремесленники, скот, выкуп, всякое имущество, предметы роскоши, церковного культа, произведения искусства, статуи, мрамор, золото, серебро, медь, одежды и вообще все, что было возможно. Пощады не давали никому: с попавшего в плен в 259 г. римского императора Валериана, персы, когда он скончался сломленный, в унижениях, содрали кожу, выкрасили ее в красный цвет, набили сеном и демонстрировали этот жуткий трофей римским послам. Вооружив слонов и имея численное превосходство в войсках, враги осаждали, жестоко грабили, уничтожали города или области и, тысячами вырезав население, а некоторых даже распяв, покидали, не стремясь или не имея сил сохранить захваченное за собой. В ожесточении ромеи тоже убивали на персидской территории всех мужчин от двенадцати лет, жгли дома, резали и портили даже виноградные лозы и деревья.

Яблоком раздора служили богатые, стратегически важные Месопотамия и Армения. По мирному договору 387 г. Армения, населенная в основном христи-

анами, была разделена между Римской империей и Персией и это стало поводом к бесконечным конфликтам, которые постоянно тлели как угли костра в ночи.

Основные военные действия приходились на Закавказье и Сирию. Кроме того, персидские владыки пытались взять под контроль Аравию и Прикаспийскую степь, дабы отрезать ромеев от всех путей поступления восточных товаров, особенно шелка, столь нужных Империи для развития и обогащения. Им помогали в этом разбойничьи полукочевые племена, арабы-лахмиды, тогда как крещенные гассаниды, напротив, поддерживали Ромейское царство, помогая оборонять его сиро-палестинскую границу. Обе державы внимательно за ними следили и старались не допустить опасного, как показало будущее, объединения арабских племен. При этом Византия не столько грозила внезапными нападениями, которыми обычно действовал сам Иран, сколько требовала внимания, настороженности, обмена дипломатическими заявлениями и посольствами.

*В мирное время предприимчивые пришлые персидские купцы вели бойкую торговлю с ромеями, местным населением, приобретая у них зерно, масло, лошадей, быков, овец, медь, олово, железо, утварь, даже оружие. Собиравшихся на такой рынок, по «прекрасному обычаю персов», никто не смел грабить. Главное, персы выступали посредниками в дальней торговле Империи с Китаем, Индией, Цейлоном (Шри Ланка). При этом товары свозились в пограничные персидские города **Нисибис**, **Каллиник** и **Артаксату** – единственно разрешенные рыночные центры обмена, находившиеся под военной охраной. Пересечение границы для торговли должно было происходить под наблюдением византийского комитета торговых связей – *comite commerciorum*. Главными предметами покупки ромейских купцов-эмпоров являлись жемчуг, благовония, специи, особенно перец, а также поступавшая по Великому шелковому пути возделенная метакса (шелк-сырец), на которую был большой спрос в византийских мастерских, производящих разнообразные шелковые ткани. Шелк был нужен и как приманка для найма западных варваров в имперскую армию. Без него было немыслимо ведение дипломатических переговоров и все новых и новых военных кампаний.*

Для персидской державы Константинополь был источником прямых доходов, так как под предлогом того, что персы несут защиту так называемых «Железных ворот» – Дарьяльского ущелья и общей для обоих государств кавказской границы от кочевых народов, прежде всего тюрок, они требовали вознаграждения – «субсидий», по сути дела, дани золотом в десятки тысяч солидов. Византия из века в век стремилась укрепить границу с Ираном целой цепью крепостей в непосредственной к ней близости и имела ряд фрур на внутренней границе за Евфратом. Тем не менее в этой гиблой войне большие пространства оставались фактически без всякой защиты.

С начала VI в., по нижнему и среднему Дунаю начинаются вторжения разных племен южных славян, или склавинов, как их называли ромеи, в пределы Византии через ее оголенную дунайскую границу. Они сопровождались дикими зверствами, избиениями тысяч людей. Императору Юстиниану I, невзирая на потери сил в Африке и Италии, удалось остановить славян и не допустить их на Балканы. Для этого он очень экономно, функционально восстановил или достроил по дунайской границе несколько сотен крепостей и башен, которые составили три грандиозные оборонительные линии – лимесы. Но войск не хватало.

Волны массовых славянских вторжений, поддерживаемые соседними племенами кочевников-скотоводов тюркского происхождения – аварами и протоболгарами – кутригурами, накатывались на эти каменные твердыни, нередко достигая Адриатики, Коринфского залива и западного побережья Эгейского моря. Более того, в последние два десятилетия VI в. захватчики уже стали селиться здесь, на коренных землях Империи, в постоянных поселениях, то есть не возвращались после набегов домой.

В 582 г. после долгой осады пал *Сирмий*, важный дунайский город, игравший роль ключа к доступу на балканские земли вплоть до греческого Пелопоннеса. В 586 и 618 гг. дело дошло до грандиозных, с применением множества мощных камнеметов, осад варварами самого значительного города Балкан – Фессалоники, который лишь чудом оказался спасен. Ромеи связали это с покровительством городу со стороны святого великомученика, воина IV в., Димитрия, который разъезжал на белом коне и в белом плаще как «командир воинства небесного», о чем было написано соответствующее агиографическое сочинение – «Чудеса Св. Димитрия». Тогда же, в 591 г. варвары даже угрожали Константинополю.

Свирепых аварских воинов-всадников с копьем на плече и мощным, тугим луком в руке легко было узнать издали по длинным волосам, собранным в пучок или косу, круглым воротникам из бахромы и широким одеждам из льна, шкур или грубой ткани, под которыми крылись прочные кольчуги. Даже их лошади, которых у аваров, как у всех степняков, было бесчисленное множество, были защищены железными налобниками и войлочными или металлическими нагрудниками и имели железные стремяна – редкость для Европы того времени. Ромеи высоко ценили искусность этих варваров в войне, особо отмечая, что «только тюрки и авары обдумывают тактику» и заботятся о боевом порядке.

Военное дело отважных, неустрашимых славян тоже сделало значительные успехи. Хотя они не освоили мощный сложносоставной лук, требовавший бесконечных тренировок, но заимствовали частично у своих аварских господ, а частично у византийских противников другое необходимое оружие, снаряжение для ведения штурмов и еще более усилили натиск. Только свойственная им беспечность и непослушание своим предводителям делало их уязвимыми.

Большим напряжением сил, после ряда успешных сражений, перебросив освободившиеся войска из Италии и Востока, мигрирующих варваров удалось отеснить за Дунай, перенеся войну на вражескую территорию. Однако Фессалоника оставалась отрезана от Константинополя и добраться в нее из столицы можно было только морем. В дальнейшем, в середине-третьей четверти VII в. славяне все же расселились и прочно осели преимущественно в восточной части Балканского полуострова и даже на юге Греции, в Пелопоннесе. Отныне византийские императоры будут стремиться подчинить их, обложить налогами, культурно развить, подвергнуть эллинизации и ромеизации, массовым переселениям, в том числе в Малую Азию, в районы Никоидии, Никеи, Каппадокии, в Сирию, а военные отряды станут использовать для службы в ромейской армии. Сохранив некоторую политическую автономию, славянские воины-колонисты новыми силами влились в хозяйственную жизнь страны.

Строительство крепостей, символизирующих присутствие Империи на северных форпостах ее владений, было предпринято в правление Юстиниана I и на Кавказе. Оттуда грозила не только персидская опасность. С середины 50-х гг.

VI в. вся Евро-Азия оказалась потрясена масштабными завоеваниями кочевников-тюркютов (древних тюрков). Закованная в железные латные доспехи, бронированная конница тюрков за три года покорила просторы от Каспия до Черного моря. Мало того, степняки объединились в рамках государства-орды – Великого *Тюркского каганата* (552–651 гг.). Престол в нем наследовали выходцы из прославленного рода Ашина – «Волка».

Тогда же в районах, непосредственно примыкавших к северному Причерноморью, появились новые племена аваров, двигавшиеся под натиском воинственных алтайских тюрков из приволжских степей. Вслед за ними в середине 570-х гг. показались их преследователи – тюрки, вторгшиеся в Таврику, где до этого на степных просторах около Херсона и Боспора – двух крупнейших византийских центров Крымского полуострова на месте нынешнего Севастополя и Керчи кочевали племена гуннов, протоболгар.

Неоднократный обмен посольствами с тюрками, получившими от Ромейского царства контроль над Великим шелковым путем, не исправил положение. С 576 г. Боспор был захвачен на несколько лет многочисленными объединенными тюрко-булгарскими войсками, а к 581 г. они приблизились к стенам Херсона. С их высоты горожане могли видеть черные боевые стяги, украшенные золотой волчьей головой. Уже до этого тюркская опасность заставила византийские власти в лице *дуки* – военного наместника, своеобразного «генерал-губернатора» провинции – эпархии Тавроскифия, и «энспондов» – союзников Ромейского царства из числа готов и аланов, живших на крымских землях, начать активно создавать систему обороны из нескольких укреплений – убежищ (*кастра*, бургов, фрур, пирг) на подступах к «столице» края – Херсону, в юго-западной части Внутренней гряды Крымских гор. К концу VI в. здесь возникли такие предгорные и горные крепости как *Инкерман, Бакла, Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Мангун, Чуфут-Кале* недалеко от современного Бахчисарая. Выстроенные рационально, экономно, с помощью местных военных сил, они не могли слишком отяготить финансы, тогда как даже психологический эффект их присутствия, несомненно, играл немалую роль.

Еще раньше, к середине VI в. стараниями Юстиниана I на богатом южном берегу Крыма, защищенном высокой горной грядой от холодов северной степи, были выстроены приморские фруры *Алустон* и в Горзувитах (теперь Алушта и Гурзуф), которые обеспечивали безопасность этого региона и охраняли морские пути между Херсоном и Боспором. Последний все же оказался возвращен Ромейскому царству не позже 590 г. Вероятно, в состав этого пограничного крымско-азовского *дуката* была включена и Сугдея, со временем превратившаяся из портового бурга в крепость-кастрон на месте нынешнего Судака.

Разгоревшаяся у тюрков внутридинастическая борьба, вылившаяся в гражданскую пятнадцатилетнюю войну, полоса поражений и восстаний на Востоке, наступление периода суши и похолодания, особенно болезненно отразившегося на кочевниках, привели к распаду гигантской тюркской степной державы, переставшей существовать в виде единого каганата уже к 602 г. В свою очередь это создало возможность урегулирования многих вопросов и установления мирных, даже союзных отношений с Византией. Империя сумела выйти с минимальными потерями из опасного столкновения.

К 631–632 гг. Великий каганат тюркютов окончательно распался на Восточный и Западный тюркский каганат, причем в последнем на троне остались вы-

ходцы из рода Ашина, которым в дальнейшем доведется сыграть значительную роль в истории *Хазарии* (651-965 гг.), еще одной могущественной тюркской «степной Империи», перегородившей торговые пути с Запада на Восток.

«Делатели мира»

Куда чаще на помощь ромеям приходило то, что мы ныне называем дипломатия – оружие подчас гораздо более эффективное, чем военная сила. По этому поводу в середине V в. император Маркиан сказал фразу, ставшую крылатой : «У нас есть железо для наших врагов и золото для наших друзей».

Византийская дипломатия, главный, важнейший инструмент отношений с другими народами и острое комплексной стратегии управления Ромейским царством, считала своими основными задачами поддержание авторитета и могущества единственной в мире богоизбранной Империи, поиск любых средств, чтобы заставить окружающих инородцев-эфников, которых презрительно называли «варварами», служить ромеям, быть их союзниками, а не угрожать им. Особенно этим отличались первые императоры Востока. Основные свои усилия они тратили на то, чтобы направить вторжения варваров за пределы государства и по возможности натравить их на западную Европу, включая Италию и утерянный Рим. Поэтому дипломатическая политика византийского двора уже с V в. заключалась в основном в политическом лавировании и в минимуме реальной военной активности. Таким образом Византия собирала силы, без которых были бы невозможны последующие не столько завоевательные, сколько отвоевательные войны Юстиниана I (527-565 гг.). Именно эта «реконкиста» вернула в VI в. Ромейское царство в его былые территориальные рамки древней Римской империи, за которые оно в дальнейшем никогда не вышло, сосредоточившись преимущественно на обороне, защите своих владений от массовых варварских вторжений.

Константинопольский историк этого же времени, *Менандр Протиктор*, метко назвал византийских посланников «делателями мира, исполнителями дел священных». Тем не менее в арсенале их дипломатических приемов, кроме умения убеждать всеми возможными средствами, можно найти весь спектр уловок : изощренный, бессердечный расчет, устрашение, запугивание, подкуп, изворотливость, двуличие, бесчестность, натравливание на врага его же союзников, разжигание племенной или религиозной розни, вероломство, интриги, хитрость и коварство. Их особенно охотно пускали в ход, когда дело касалось стравливания соседних реальных и потенциальных врагов, народов-иноверцев, которых ромеи воспринимали только как алчных, коварных, жестоких, недальновидных варваров-эфников.

Дипломатические комбинации разыгрывались как сложные, многоходовые шахматные партии с многочисленными народами, разбросанными от северной Африки на Западе до просторов Азии на Востоке. Византийская дипломатия довела до совершенства искусство слова, а точнее, искусство правдоподобной лжи, наполненной медленно действующим ядом дружественных заверений, внешне бескорыстного корыстолюбия, радушных обещаний, оборачивавшихся вдруг удрушающими тисками, неожиданными, ошеломляющими военными ударами, нападениями. Главное было своевременно заключить политический и военный союз, а затем в нужное, подходящее время вероломно его разорвать. Ведь миссия «делателей мира» была благой. Заключая союзы с правителями варваров, нанимая их для защиты своих границ, подкупая золотом, дарами, предоставляя им субси-

дии, жалуя высокие дворцовые саны, привилегии, связывая семейными связями с императорским дворцом и в то же время ссоря, возбуждая усобицы, стравливая между собой, не давая им возможности объединиться, установить единовластие, ромеи увеличивали силу Империи, уберегали ее от многочисленных опустошительных набегов и превращали разобщенных потенциальных врагов в средство самосохранения. Поэтому обман противника почитался за доблесть, которой гордились и которую ставили в пример потомкам.

Жители Империи смотрели на своего императора, как на повелителя всего населенного мира. Окружающий мир они делили на эйкумену, то есть цивилизованное пространство, и варварские земли, населенные дикими существами, всевозможными страшилищами, к которым следовало испытывать лишь глубокое презрение и пренебрежение. Варварская, языческая окраина противостоит «Христианской империи», центру цивилизованности. Ромеи – «избранный народ», который находится под особым покровительством Бога. Эйкумена принадлежит василевсу, «господину всей земли», законному наследнику римских императоров. Все правители цивилизованного, христианского мира – подчиненные василевса, единственного государя на земле, имеющего право носить сан императора. Примерно так рассуждали византийцы.

Ромеи свято чтили и как могли оберегали свое исключительное политическое и религиозное положение в мире. Суверенный император, по их мнению, являлся наместником Бога на земле и защитником, «отцом» единой мировой семьи всех христиан. Никто и никогда из иноземных правителей не мог стать равным василевсу. Каждый из них занимал отведенное ему место в этой «семейной иерархии» и системе «духовных» родственных связей в качестве «сыновей» (правители близких Болгарии, Армении), «братьев» (некоторые государи стран западной Европы), «племянников» (правители русов), даже «внуков» или хотя бы друзей императора этой большой семьи народов. В Византии, которая поддерживала дипломатические отношения со многими странами тогдашнего мира, была четко определена значимость каждого из правителей других государств, и в соответствии с ней – жалуемый ему императором титул.

В соответствии со степенью приближенности к государю ромеев иностранцы, представители варварской знати, особенно из числа дружественных Ромейскому царству, порой получали высокие придворные саны, титулы, такие как *архонт* – «князь», даже архонт архонтов, *игемон* – «предводитель», династ, *мегалодоксос* – «всеславный», принкипс – «первый», *этнарх* – «глава народа», *топарх* – «глава места», *самран*, *филарх* – «глава племени», *мегалопрепестатос* – «велепреподобнейший», эндоксотатос – «наиславнейший», *перивлептос* – «знаменитый», «прославленный», *евгенес* – «благородный», *кириос* – «господин» и десятки других. Зачастую вся эта мишура даровались им, в отличие от византийцев, с правом передачи своим сыновьям. Иноземцам было сложно в ней разобраться, но все понимали, что за велеречивыми титулами маячит престиж и подкреплявшее его золото, многочисленные ценные подарки. Это связывало иноземных правителей с императором, от которого они теперь начинали зависеть, получать столь желанные, полагающиеся за сан выплаты, дары, своеобразную «ренту» – скрытый вариант подкупа. К примеру, от первой попытки вестготов во главе с могучим Аларихом взять Рим удалось откупиться золотом и серебром, выделанными кожами и 500 фунтами (около 150 килограм-

мов) специй, ценимых на вес золота. В августе 410 г. Аларих был уже сильно рассержен и не пошел ни на какие сделки: он хотел проучить Рим и унижить его, им руководила глубокая обида. Годами он командовал войсками от имени Рима, но его амбиции недальновидно не удовлетворили, он так и не стал римским полководцем и даже не получил римского титула. И тогда он обратился против цивилизации, которой восхищался, и повел на нее готов, чтобы грабить и убивать. Дипломатический промах обернулся трагедией, которая потрясла весь мир.

Урок не прошел даром. Высокообразованный дипломат Приск Панийский, секретарь Максимиана, высокого сановника императора Востока Феодосия II Младшего, в своем подробном дневнике о посольстве Максимиана из Константинополя в Паннонию, ко двору величайшего предводителя гуннов Аттилы в 448 г., указывал, что «за гостеприимство» хан и его приближенные получили от императора подношения в виде шести тысяч литр золота – почти две тонны самому вождю гуннов, шелк и драгоценные камни его приближенным, серебряные чаши, красные кожи, возделенный индийский перец, финики и сладости вдове брата Аттилы, Блеме.

Хан приволжских булгар Куврат, крещенный в Константинополе, около 635 г. получил за помощь в борьбе с опасными, воинственными аvaraми высокий сан патрикия, а вместе с ним дары, обнаруженные в 1912 г. в виде клада из двадцати килограммов золотых и пятидесяти килограммов серебряных предметов искусной работы возле нынешнего села Малое Перещепино в Полтавской области Украины. До своей смерти в 642 г. он оставался верным союзником Империи и помог ей вытеснить авар из Фракии.

В качестве награды верхам варварской элиты предоставляли также торжественный прием при царском дворе. Кроме того, как политическое средство в ход шли брачные связи с домами крещенных (подчеркнем – обязательно крещенных) варварских вождей, королей. Первым в этом ряду является брак преемника Алариха, вождя вестготов Атаульфа (Адолфа – это имя означает «волк-отец») с дочерью Феодосия Великого, сводной сестрой жалкого императора Западной Римской империи Гонория и тетей императора Восточной Римской империи Феодосия Младшего, молодой, красивой, умной Галлой Платидией. В 414 г. императорские дворы в Равенне и Константинополе потрясла весть о том, что 24-летняя Платидия стала королевой готов и сто красивых готских мальчиков поднесли ей в качестве приданого сто золотых блюд, на которых лежали награбленные четыре года назад золото и драгоценности Рима.

Этот брак продлился всего год. Платидия родила Атаульфу ребенка, который умер, а вскоре после этого вождь готов был убит своим конюшим. Императору Гонорию удалось выторговать сестру за 600 тысяч мер пшеницы, после чего Галла Платидия была выдана замуж за будущего соправителя ее брата, римского военачальника Констанция, от которого она произвела на свет дочь Гонорию, а затем сына Валентиниана. Однако Констанций пробыл соправителем и августом всего лишь семь месяцев. После его смерти несчастная Платидия вновь стала вдовой. Страдая от несносных любовных приставаний сводного брата, скандалов и интриг Равеннского двора, она забрала детей и уехала к своему царственному племяннику Феодосию в Константинополь, а после смерти Гонория от водянки вернулась в Италию регентшей при своем шестилетнем сыне, Валентиниане III, который был провозглашен императором Запада. Десять лет она правила умирающей Западной империей и еще пятнадцать лет сохраняла в своих руках власть. Она умерла

в 62 года и ее великолепный мавзолей, знаменитый своими мозаиками, до сих пор считается одной из главных достопримечательностей древней Равенны. Говорят, много веков забальзамированное тело Платидии в императорском одеянии покоилось на троне кипарисового дерева и его можно, было увидеть через отверстие в стене, но в 1577 г. какие-то дети, играя с огнем, сожгли императрицу и ее трон.

Гонории, как и ее матери, выпала необычная, странная судьба, и она тоже вошла в историю самых скандальных дипломатических интриг. Девушка с сильным характером и с тягой к власти, она оказалась в положении старой девы – заложницы при своем неспособном к управлению Империей младшем брате, который не давал ей выйти замуж ни за кого, кто мог хоть как-то претендовать на царский пурпур, даже если это был не язычник, а христианин. В 30 лет она влюбилась в своего управляющего по имени Евгений, с которым якобы задумала убить Валентиниана III. Мнимый или явный заговор был раскрыт, Евгения казнили, а Гонорию решили сбыть замуж за обыкновенного состоятельного человека, чтобы таким образом устранить ее из большой политики. И тогда, доведенная до крайности, она совершила неслыханный для римлянки-аристократки поступок: тайком послал свое кольца Атилле, предложив этому великому язычнику свою руку. Очевидно, рассказы Платидии о том, как она правила готами, не привили ее нежной, благовоспитанной дочери отвращения к варварам, даже не крещенным. Понятно, что в гареме грозного вождя гуннов были женщины и помоложе, но тут подворачивался случай уникальный. Два года, 451 и 452 гг., Атила с огромной армией гуннов, франков и вандалов добивался своей «невесты», держа в страхе Равенну и Константинополь. Среди послов, пришедших встречать его под Римом, был Папа Лев I, и «Бич Божий», каким он представлялся христианам, неожиданно отступил, пообещав вернуться на следующий год, если ему не выдадут Гонорию. Но не вернулся. Атила скорострительно скончался в своей постели, которую разделил с очередной, силой взятой им молодой женой – наложницей, Ильдико, принцессой покоренных бургундов. Гонория же, на короткий миг сверкнув в сумерках истории дипломатии, ушла в неизвестность, став символом того союза между варварами и римлянами, из которого в будущем будет суждено родиться Европе.

Впрочем, следует учесть, что императорский дворец на Босфоре долгое время, по меньшей мере до второй половины X в., не будет снисходить до создания родственных семейных связей с язычниками, иноверцами, как бы ни было это выгодно с дипломатической точки зрения. Если такое и случалось под давлением обстоятельств, то крайне редко, и осуждалось как византийскими правителями, так и общественным мнением. Обычно василевсы хитрили и вместо принцесс, имевших прямое родство с правящей династией, с помощью своих ловких, велеречивых дипломатов устраивали браки иноземных правителей со своими дальними и сверхдальними родственницами или ромейками из знатных, но не царских семейств, причем рассматривали подобный брачный союз как свидетельство подчинения такого правителя и его подданных Империи.

Гораздо чаще в ранней Византии прибегали к такому способу дипломатического воздействия как Святое Крещение иноземных вождей, причем даже Юстиниан I Великий при всех его амбициозных замашках не считал зазорным стать крестником, восприемником от святой купели самых диких предводителей варваров, таких как гуннский вождь Грод или Горд с крымского Боспора или король герулов Грепа, он же Агриппа. Позже василевсы не раз использовали этот прием

в отношении задиристых болгарских ханов, пытаюсь обуздать их. Крестившись хотя бы с частью своей знати, ближайшими родственниками, такие правители, связанные верой и нерушимой дружбой, добровольно становились в патронатные отношения по отношению к своему крестнику – императору ромеев. Он же начинал использовать их в интересах Империи, для защиты византийской территории, причем даже той, что уже была отторгнута, захвачена варварами. Более того, земли таких крещенных племен и народов начинали считаться неотъемлемой частью имперских владений, как бы переданным императором этим инородцам – архонтам, топархам, кирам в управление.

С этой же целью Ромейское царство давало убежище иноземным политическим авантюристам, изгоям, оппозиционной знати. Держали их так, «на всякий случай», чтобы при необходимости выдвинуть «своего» претендента на престол против зазнавшегося, непокорного соседа или, напротив, добровольно выдать заинтересованной стороне, заработав на этом политические и дипломатические дивиденды.

Охотно византийцы пользовались и иными средствами, чтобы привлечь варваров, иноземцев-эфников на свою сторону, или, как говорили, «превратить врага в себя». Они приглашали или брали заложниками в Константинополь, к императорскому двору всевозможных иностранных принцев, князьков, знать. За ними внимательно наблюдали, прививали им вкус к роскошной с точки зрения варваров жизни, приобщали к драгоценной кладези греко-римской культуры, к византийским ценностям, крестили, щедро одаривали деньгами и ромейскими титулами, главное, воспитывали в духе преданности императору, старались одновременно очаровать и запугать. В некоторых случаях их превращали в агентов влияния Империи ромеев, ее симпатиков и, вернувшись после такой «стажировки» домой, они проводили проромейскую политику.

Нормы поведения византийских дипломатов и государственных лиц сводились к соблюдению правил, которые известный политолог Эдвард Люттвак назвал «оперативным кодексом». Они предусматривали избегание войны всеми средствами, сбор разведывательных и шпионских данных, маневрирование, разработку различных хитростей, подлостей, вероломных ходов, затягивание переговоров, медленное подтачивание материальных и моральных сил врага, использование его слабостей, подкуп, вербовку союзников. Все это позволяло ромеям активно привлекать пограничные племена и народы для охраны своих границ. Их вождям, кроме пышных санов, давали особые знаки отличия (золотые и серебряные диадемы, дорогие вышитые одежды, жезлы), щедрые дары и еще более щедрые, велеречивые посулы, которые далеко не всегда соблюдались. Одни, наиболее прозорливые, понимали это, другие попадались на виртуозно выполняемые приманки из побрякушек, мишуры слов и блеска золота, чтобы потом сокрушаться и проклинать коварных, лстивых и расчетливых ромейских «исполнителей дел священных», полагая, что таковы все жители Ромейского царства.

Недаром, по свидетельству уже упомянутого Менандра, вождь громадного государства алтайских тюрок, Турксанф (Тянь-хан-хан), – тот самый, чьи войска решили напасть на крымский Боспор, – сказал прибывшим к нему в 575 г. византийским послам: «Не вы ли те самые римляне, употребляющие десять языков и один обман? Выговорив эти слова, он заткнул себе рот десятью пальцами: «Как у меня теперь во рту десять пальцев, так и у вас,

у римлян, множество языков. Одним вы обманываете меня, другим моих рабов... Просто сказать, лаская все народы и оболщая их искусством речей и коварством души, вы пренебрегаете ими, когда они ввергнутся в беду головой, а пользу от этого получаете сами. И вы, посланники, приезжаете ко мне облеченные ложью, да и сам пославший вас обманщик».

Впрочем, надо учесть, что привычка вести долгие дорогостоящие интриги, подкупать варваров, инородцев-эфников дарами сыграла с византийцами злую шутку. Играя на самолюбии варварских вождей и пытаясь поразить их богатством и роскошью, ромейская дипломатия не учла все растущую жажду наживы и постоянную потребность в получении подарков, пенсий, которые зачастую превращались, по сути дела, в ежегодную и немалую дань.

Как бы то ни было, платить золотом все равно было эффективнее, чем добиваться желаемого железом, то есть посылать на убой новые военные силы и терять налоговые поступления из разграбленных провинций. Более того, ромейские власти понимали, что соперников не следовало окончательно уничтожать : нынешний враг завтра мог стать союзником в нескончаемой борьбе с неожиданно окрепшим соседом. Не менее эффективно можно было действовать, перерезая важные торговые пути, нанося экономический ущерб, ограничивая в приобретении или вообще категорически запрещая к вывозу эфникам стратегические важные товары – зерно, вино, оливковое масло, соль, обработанное и необработанное железо, медь, точильные камни, оружие, доспехи, древесину для кораблей и сами корабли и, главное, престижные товары – шелк, драгоценные ювелирные украшения, золото и золотую византийскую монету – универсальную валюту, столь востребованную во всем мире. Представители правящих иноземных элит зачастую могли заполучить интересующие их товары, изделия только в качестве дипломатической торговли – даров, подарков, дани от императора ромеев. Такой сложный комплекс взаимосвязей разных народов с Ромейским царством сам по себе служил эффективным механизмом сдерживания других стран и по сути очень напоминал тот, каким пользуется в современном мире такой политический гегемон как США.

Любой, самый худой мир предпочитался предусмотрительными ромеями неизвестности войны, полной опасности. Менандр Протиктор устами отправленного к персам посла Юстиниана I, выдающегося, красноречивого дипломата Петра Патрикия убеждал: «Что мир – великое благо для людей, что, напротив, война есть зло, об этом никто спорить не будет. Хотя бы против общепринятого мнения и можно было полагать победу несомненной, я думаю, однако, что и одерживающему победу худо живется из-за слез других людей». Другими словами, мир, как и все остальное, был товар, и за него византийцы были готовы платить разумную цену, если для этого оставалась хотя бы малейшая возможность. К тому же дань не снижала производства ромеев, а золото скоро вновь возвращалось в Империю, благодаря контактам, совершаемым самими варварами, заинтересованными в византийских товарах. Даже значительная часть просто подаренного оставалась в столице : неумная жажда к драгоценному металлу заставляла чужеземцев без счета тратиться на его приобретение. Тот же Менандр Протиктор с иронией вспоминал, как аварские посланники в соответствии со своим варварским дурным вкусом покупали на рынке «золотые цепи, сделанные как для сковывания беглецов, и золотые кровати и другие предметы сладкой жизни». Таким образом, развитие торговых связей вместе с дипломатическим

искусством и проповедью христианства среди чужеземцев помогало византийцам если не подчинять, то хотя бы контролировать их.

Зачастую сами торговые и церковные интересы Ромейского царства направляли деятельность византийской дипломатии. Причем, в отличие от латинского Рима, Православная Церковь облегчила задачу своим миссионерам: разрешила богослужение на различных языках и переводила Священное Писание на языки новообращенных народов. В числе их были арабы из Сирии и Йемена (тогдашнего Химьяра), темнокожие эфиопы из огромного государства Аксум в восточной Африке, смуглые берберы из северной Африки, лазы и цаны на Кавказе и границах Армении, светловодлосые *гепиды*, герулы, воинственные плосколицы, не сходившие с своих коней гунны на Дунае, вплоть до королевств сероглазых усатых франков отдаленной Галлии, в церквях которой молились за здоровье ромейского императора.

Обычно византийские купцы и отдельные церковные проповедники первыми проникали в неизвестную дотоле страну, собирая в интересах своего правительства ценные сведения: о политическом устройстве, военном деле, торговле, правах и обычаях того государства, где им довелось побывать. Затем приступали к делу те, кого можно назвать скорее посланниками, чем дипломатами, ибо самого понятия дипломатии тогда еще не существовало.

Особой службы иностранных дел в Византии не было, как не было и корпуса профессиональных дипломатов. Таковыми по воле императора назначали некоторых должностных лиц, чиновников, военных, ученых, священнослужителей, которых отправляли на переговоры с иноземными правителями. Свои миссии они принимали добровольно, а не принудительно и докладывали о ее выполнении любому высокопоставленному чиновнику или самому императору. При всем том надо учесть, что византийская дипломатическая система имела строго централизованный, целенаправленный характер, руководясь из единого центра – царского дворца, и находилась под постоянным строжайшим контролем государства. В сравнении с неупорядоченной, несогласованной дипломатией варварских королевств или долгое время остававшихся раздробленными европейских княжеств это давало значительные преимущества.

Приемами, перепиской в раннюю эпоху ведал магистр оффикий. Кроме того, в Ромейском царстве существовало специальное «ведомство по управлению варварами», в котором служил целый штат высокообразованных профессионалов – *протоасикриты* и *асикриты* (старшие секретари и просто секретари), *василики* («царевы люди») и *ерминеуты* – обученные толмачи, переводчики со всех известных тогда языков. Службу переводчиков при магистре оффикий возглавлял главный, дословно – «великий переводчик» – *мегас диерминеутис*. Все они, будучи официальными чиновниками, имели собственные свинцовые печати-моливдулы, которые с помощью пропущенного через них шнура-*миринфа* прикрепляли к документам, письмам, тюкам с дипломатическими грузами. Послы, главы делегаций далеко не всегда владели языками народов, к которым отправлялись: пренебрежительно считалось, что эти инородцы сами должны стремиться овладеть греческим или латынью, на которых снисходила общаться с ними Империя ромеев. И лишь немногие из них, наиболее талантливые, толковые и способные к языкам стремились овладеть варварскими наречиями, языками тех народов, с которыми им предстояло вести дипломатические переговоры, иногда сочетавшиеся с миссионерскими проектами.

Византийские посольства были небольшими и, не считаяслуги и сопровождающих, обычно состояли из одного-трех ведущих человек. Определяющими считались их качества собеседников. Поэтому важный документ мог доставить в одиночку и толковый сановник невысокого ранга. Главное, чтобы он был «человеком честным, набожным, неподкупным и готовым пожертвовать собой ради отчизны».

Ромейский посланник, обязанности которого обычно выполнялись как однократное поручение императора, перед отправкой проходил своеобразный экзамен о знании страны, обычаев и традиций народа, к которому его отправляли. Предварительно с ним устраивали «ролевую игру»: предлагали список тем, заданий и спрашивали о том, как он будет поступать при разных предлагаемых обстоятельствах.

Даже будучи духовным лицом, византийский посол, чтобы не уронить престиж Ромейского царства, должен был быть одет, как приличествует имперскому послу, а не монаху. Добравшись до чужеземного двора, он должен был насколько возможно выказывать приветливость, уступчивость, обходительность, великодушие и щедрость, никогда не проявлять пренебрежения к противоположной стороне, хвалить местные порядки и обычаи, но так, чтобы не уронить собственное достоинство и не унижить тем самым Империю ромеев. К примеру, если полудикие гунны все свои дела, включая переговоры, вели, по их обычаю, не слезая с коней, ромейские послы тоже были вынуждены оставаться верхом, чтобы не спешиваться перед конными варварами. Даже побежденная теми же гуннами, Византия не отступала, а снисходила, заключая с ними мир.

*Прибыв к иностранному государю, посланник первым делом лично предъявлял **верительную грамоту**. Она подтверждала его полномочия. Лишь затем следовали устные сообщения от императора. Дипломат Приск Панийский в своем сочинении «Византийская история и деяния Аттилы» вспоминал как прибывшие посланники-ромей вошли в шатер великого хана, охраняемый «многочисленной толпой варваров». Этот низкорослый, коренастый, широкоплечий человек с приплюснутым монгольским носом, глубоко посаженными глазами и несколькими жидкими волосками на подбородке вместо бороды был упрям, заносчив и не знал жалости. «Аттила, — пишет Приск, — сидел на деревянной скамье. Мы стали несколько поодаль от его седалища, а Максимин подошел к варвару, приветствовал его. Он вручил ему царские грамоты и сказал, что царь желает здоровья ему и всем его домашним. Аттила отвечал: «Пусть с римлянами будет то, чего они не желают». Ритуал был соблюден, богатейшие дары за оказанный прием преподнесены, хотя обе стороны не доверяли друг другу, а Аттила в конце концов выведal, что за попыткой заключить с ним договор о мире и дружбе крылась тайная организация его устранения с помощью подосланного убийцы.*

В таких делах импровизация сводилась к минимуму. Дипломат заранее получал подробное предписание, — каким образом себя вести на переговорах с иноземцами, к каким целям и какими средствами стремиться. Конечно, он должен был благоразумно следить за обстоятельствами и в силу их мог и не исполнить приказанного ему, но вообще немотивированный отход от инструкций сурово карался. В любом случае, только после того, как импе-

ратор подтверждал привезенный договор, он обретал силу, как правило, на тридцать лет, что считалось достаточным для соблюдения «глубокого» или «вечного» мира.

Именно ромеи упрочили в международном праве подхваченный остальными народами принцип абсолютной дипломатической неприкосновенности личности посла – «исполнителя дел священных». Они же создали формуляры международных договоров, которые составлялись на языках обеих договаривающихся сторон, разработали дипломатический церемониал их подписания. И все же риск посольских миссий был велик, порой требовал героических усилий для их выполнения, особенно в дальних, слабоорганизованных странах, полных грабителей, разбойников, диких племен. Не всегда помогала даже такая мера предосторожности как обмен заложниками, которых было принято давать и получать во время переговоров, чтобы избежать обмана.

Кроме всего прочего, византийские послы также тщательно собирали сведения о варварских народах, изучали их историю, происхождение, быт, нравы, обычаи, богатство, организацию власти, военное дело, взаимоотношения с соседями и т. п. Такой сбор был поставлен на постоянную основу и велся весьма компетентно, системно и комплексно. Ведь, чтобы управлять народами, считали византийцы, надо о них знать все. Поэтому, в отличие от своих предшественников – римлян, не интересовавшихся банальной жизнью неримлян, они, несмотря на свою имперскую спесь, гордыню и тщеславие, были полны живого, мудрого любопытства по отношению к культуре и жизни иноземных народов.

Иноземных послов и их свиту, встретив на границе, с утонченной вежливостью, торжественно сопровождали в Константинополь, следуя строго установленным маршрутом, останавливаясь в намеченных для этого постоянных дворах, под надзором соглядатаев, причем иногда специально везли кружным путем, стремясь запутать варваров, указать им самые непроходимые дороги, чтобы посеять в их сознании мысль о том, как трудно достичь столицы Ромейского царства. Несмотря на то, что дорога в таких случаях затягивалась, с того момента, как прибывшие оказывались на территории Империи ромеев, их содержало византийское государство на средства казны, хотя такое чрезвычайное гостеприимство было весьма накладно. К слову, прибывшим можно было совершать покупки и продажи того, что им хотелось, даже составлять контракты, но, как правило, ни шага нельзя было ступить без надзора, получая только ту точно дозированную информацию, которая была угодна византийским властям.

Мощные, неприступные, высокие стены острогом Константинополя, роскошные общественные здания с изваяниями из бронзы, камня и мозаиками, фонтаны и цистерны, величественные церкви и монастыри, памятные колонны и другие монументы, масса больших торговых и военных судов в порту уже сами по себе производили на варваров неизгладимое впечатление. Посольство размещали в специально отведенном для этого дворце, в котором они иногда жили по несколько месяцев, не в состоянии уехать, будто почетные пленники, дожидаясь аудиенции императора ромеев. Тогда в ход вступал ошеломляющий эффект грандиозного комплекса Большого императорского дворца, который погружал послов в невероятно пышную церемонию приема, которая должна была ослепить и заставить поверить в сказочные богатства и мо-

гущество Ромейского царства. На это же были направлены устариваемые отнюдь не только для развлечения послов демонстрация войск и военной техники, представления на Ипподроме с показом экзотических животных, слонов и львов, потрясающе пышные церковные службы в Айя Софии и в заключение – собственно торжественный прием императора, на котором вручали ценные подарки, а после устраивали в честь прибывших одно или несколько царских пиришеств в богатых помещениях Большого императорского дворца.

Правила посольского дела, многие формальности профессионального дипломатического этикета – ритуалы приема и отправления посольств, определение полномочий послов, порядок заключения договоров, обмен подписанными, скрепленными печатами документами (подлинными и копиями), дипломатические стандартные выражения – клаузулы – стали нормой для многих европейских дворов. Применяются они и в современной подлинной дипломатии.

Уничтожение дела Юстиниана

При преемниках Юстиниана I Ромейская держава переживала не лучшие дни. Великий император, при всей авантюристности его задумок, ставил вполне конкретные, реальные цели, стремился рационально их достигать, был необыкновенно трудолюбив, но не мог многое предусмотреть: потери от восстания самаритян в Палестине в 529-539 гг., отчаянного мятежа «Ника» в 532 г., вред, нанесенный экономике восточных областей социальными и религиозными движениями 520-540-х гг., ряд крупных землетрясений, два сильнейших извержения вулканов в Америке или Индонезии в 536 г. и в 540 г., которые сопровождались загрязнением атмосферы, периодическими затемнениями Солнца, снижением температуры даже в Средиземноморье в среднем на два градуса (следы этих грозных извержений отмечают специалисты во льдах Арктики и Гренландии).

Экологические беды, возможно, спровоцировали **пандемию** исключительно заразной чумы – молчаливого, невидимого, неосязаемого врага, с 542 г. в огромных количествах ставшего истреблять население Ромейского царства. К этому добавились неожиданно ожесточенное, затяжное сопротивление отважных готов в Италии, укрепление свирепых франков в бывшей римской Галлии, приведшее в дальнейшем к созданию их империи, активизацию погромных славянских набегов на Балканы, необходимость поспешного строительства в системе обороны и в разрушенных городах в 540-550-х гг., обострение отношений с жадной до добычи Персией.

Юстиниан приобрел многое. К примеру, расширились границы Империи ромеев и, значит, увеличилось число ее граждан. Земли северной Африки и Сицилии вновь стали важным источником снабжения, поступления налогов, неисчерпаемым кладезем исключительно ценных ресурсов, которыми Ромейское царство смогло пользоваться еще более ста лет. Византийский флот монопольно господствовал на всех морях Средиземноморского региона. Константинополь стал основным центром торговли между Европой и Азией, все более обращая взоры к богатствам Китая, Цейлона и Индии. Оттуда, в обход пытавшейся блокировать пути Персии, через Кавказ, Крым и Красное море в громадных количествах стали вывозить шелк, специи и драгоценные камни. Удалось наладить собственное производство шелка в Константинополе, Антиохии Сирийской, Тире, Берите (Бейруте). Повсеместно был сделан рывок в строительстве, развернулись разнообразные общественные

работы. Были упорядочены и рационализированы законы. В целом страна значительно преобразилась и при всех ее недугах являла картину грандиозной мощи.

Однако не все начинания императора оказались равно успешными. Он не смог преодолеть религиозный раскол, наметившийся между христианским Востоком и Западом, вдохнуть новую жизнь в организм ненадолго реанимированной Римской империи, очистить от коррупции имперскую администрацию даже после ее реформирования. Проведенные реформы управления создали лишь смешанные, нечеткие формы между старым и новым и не смогли достичь принципиального переустройства устаревшей административной системы. Старая аристократия, причастная к управлению государством, слабела и на нее нельзя было положиться. Кроме того, она была отчасти уничтожена в ходе катаклизмов VI в. Обновить, внутренне переродить Империю не удалось. Она была восстановлена лишь внешне, территориально. Различие между Востоком и Западом было уже столь велико, что прочно слить эти две части империи стало невозможно. Более того, эта задача не отвечала жизненным интересам Ромейского царства, центр которого находился на Востоке. Удержать Запад можно было лишь силой, но для этого у Византии уже не было ни сил, ни средств. Успехи оказались куплены дорогой ценой, которая легла на финансы, налоги страны и, разумеется, на ее население.

Смерть Феодоры явилась особенно большим ударом для Юстиниана. Память о ней осталась священной: недаром император приобрел обыкновение клясться ее именем. Потеряв свою великую любовь, убитый горем, в меланхолии, он приходил к ее гробнице в *храме Св. Апостолов*, зажигал свечи и долгое время не хотел никого видеть. Он все больше и больше склонял свою голову перед преградами, которые вставали препятствиями его амбициозным целям, поздно поняв, что опасность персидских, аварских и славянских вторжений куда насущней, чем возвращение прежних земель. Последний подлинный римский император, занимавший трон Византии, мысливший понятиями старой Римской империи, умер в ноябрьскую ночь 565 г. в возрасте 83 лет и после пышных похорон был упокоен в роскошном порфировом саркофаге рядом с могилой своей вечной любви – Феодоры.

В конечные годы своей жизни он интересовался только состоянием Церкви и бесконечными богословскими спорами, которые служили для него, как для всякого истинного ромея, и жизненным стимулом, и душевной отдушиной. Денег в казне было меньше, чем когда-либо, причем теперь Юстиниан предоставлял высшим чиновникам распоряжаться ими, как они считали нужным. Мощные пограничные крепости приходили в заброшенное состояние, армия сократилась в пять раз. Его воля и силы клонились к закату, в то время как печаль, не утихая, казалось, находила все больше места в его душе. С полным равнодушием смотрел он, разочарованный, на то, как расстраивается управление воссозданной им обширной Империи, страдавшей от нехватки финансовых средств и растянутости гигантских коммуникаций. Он больше не мечтал о восстановлении единой Римской державы и говорил, что погружается в ожидание вечной жизни. С ним закончилась целая эпоха, родившая такие грандиозные, немеркнущие деяния как константинопольский храм Св. Софии и фундаментальный свод римского гражданского права.

Уже Юстин II Младший (565-578 гг.), сын Вигилантии, единственной сестры Юстиниана, к слову, женатый на племяннице Феодоры, Софии, сменив на троне великого императора, сетовал в одной из своих новелл : «Мы нашли казну ра-

зоренной долгами и доведенной до крайней нищеты, и армию до такой степени расстроенной, что государство представлено беспрерывным нашествиям и набегам варваров». Отчасти это было риторическое преувеличение, но за ним все же маячила мрачная тень реальности. Денег действительно не хватало прежде всего в частной казне нового императора, который должен был покрыть громадные долги Юстиниана, а враги наседали. Дополнительные расходы Ромейского царства только на дипломатию с аварами, причем не умную, составили за период правления Юстина II около пятнадцати кентинариев золота, тогда как на переговоры со все более наглевшими персами ушло более чем три тысячи фунтов золота. Персидские войны, шедшие почти все время правления этого императора, обошлись византийским финансам в двести кентинариев. Не менее затяжная Аварская война с ее набегам на Дунае стоила не на много меньше.

Очень тяжелым явилось вторжение на Балканы в 577-578 гг. ста тысяч крушивших все славян. Из-за этого регион не додал казне несколько сот фунтов золота налоговых сборов. Правда, остальные театры военных действий – в Италии, Испании и Африке не требовали крупных дополнительных затрат. По настоящему опустошительными оказывались лишь один – два набега варваров (славян, гуннов, арабов) за десятилетие, остальные варварские рейды не привели к заметным финансовым потерям казны. Это обстоятельство позволяло провинциям залечивать раны и худо-бедно восстанавливать свою экономику.

Надо было спасать то, что можно было спасти, исправлять прежние упущения. Строительство теперь велось куда экономнее, упор в нем делался на частные средства и ресурсы местных Церквей. Уменьшение государственных расходов произошло и за счет сокращения дополнительных затрат – свертывания программ заморских походов и неумной пропаганды власти императора во время празднеств. Немалые издержки в войне с персидским шахин-шахом несколько окупилась благодаря захваченной на иранской территории добыче, хотя соотношение все равно было не в пользу награбленного. Как поздно понял Юстин, выгоднее было идти по пути дяди и не задиаться, а откупаться от врагов казенным золотом. Правда, в состав Империи вошли части *Персоармении*, а также *Ивирия* и Свания на Кавказе, но доходы, полученные с них, оказались минимальными из-за зыбкости византийской власти в этих землях. Ромейские победы чередовались с ожесточенными персидскими контратаками, успеху которых способствовали несогласованность в действиях византийских командующих и упадок дисциплины в их войсках. Сам император видел в происходившем лишь несчастья, посылаемые карающим Господом за грехи, в частности, за исповедание монофиситства, отчего стал преследовать, лишать привилегий клир монофиситов и изгонять их монахов. Не выдержав бремени ответственности, в итоге он впал в буйное помешательство с приступами безумной ярости и попытками выброситься из окна.

Экономика оказалась перенапряжена, народ беднел, демографический спад нарастал. Надо было все время изыскивать доходы для покрытия дополнительных, чрезвычайных расходов. Имперские чиновники всячески ухищрялись, добывая средства. Ближайшие преемники Юстиниана оказались поневоле втиснутыми в кильватер кризисной финансовой политики, на которой лежала тень их великого предшественника. Поэтому время с 555 по 610 гг. принадлежит к одному из сложных периодов византийской истории. Сами современники с удивлением вопрошали: «Куда же исчезли богатства ромеев?».

Экологические беды, особенно поднятые в атмосферу планеты выбросы вулканов, зловещими символами которых стали периодические затемнения Солнца, вызвали похолодание, что не могло не отразиться на жизни и хозяйстве ромеев. Эпидемии, занесенные с Ближнего Востока, от различных варваров, с которыми пришлось тесно столкнуться в годы войн, свирепствовали внутри страны. Проникнув через порт Клисму на Красном море, а возможно, и через город Пелусий, уже с 541 г. началась пандемия – циклически возвращающаяся эпидемия страшной чумы, которая смертоносным валом пронеслась по землям Ромейского царства, чтобы потом возвращаться вновь и вновь. Исключительно заразная и исключительно смертоносная бацилла Йерсена, палочка, вызывающая бубонную чуму, будет открыта лишь в конце XIX в. А тогда, в кошмарное лето 542 г., даже укусы вездесущих блох, переносивших палочку *Yersinia pestis*, гарантировал инфекцию. Если она поражала легкие, возникали болезненные опухоли у лимфоузлов, и смерть наступала в течение недели; если она попадала в кровь, по всему телу появлялись черные пятна, и жертве оставалось жить не больше дня. По рассказам очевидцев, в Константинополе, особенно жестоко пораженном болезнью, не хватало живых, дабы ежедневно хоронить новые и новые тысячи умерших. Почерневшие трупы, изуродованные гнойными бубонами и папулами, валялись на улицах, и поднимавшаяся от них жуткая вонь отравляла живых. Дома, корабли с их экипажами, почтовые станции на дорогах превращались в могилы. Везде можно было видеть брошенный, дичавший скот и необработанные поля. Среди заболевших оказался сам император Юстиниан I, чудом выживший. Мертвецов, число которых стремительно росло, на повозках вывозили в поля, виноградники, сады, пустующие цистерны для воды, ими доверху наполняли крепостные башни, которые превратились в гигантские могильные ямы.

В 558 г. «Юстинианова» чума вспыхнула с новой силой и периодически, около восемнадцати раз возобновлялась до середины VIII в. в интервалах от десяти до 24 лет. В итоге, уже к 600 г. инфекционные болезни унесли жизни почти 40% (около 12 миллионов) всех жителей Ромейского царства, изменив само видение мира и общества. Демографический спад помог избежать продовольственного кризиса в стране, но особенно остро сказался на численности горожан, армии и, хотя в целом слабо затронул экономику, снизил поступление налогов.

Испепелив немалые силы в разожженном ею же костре «отвоевательных» войн, Византийская империя, как и следовало ожидать, не смогла удержать всех захваченных земель. Рост недовольства во всех слоях населения, как следствие, привел к снижению потенциальной мощи и обороноспособности страны. Ее удаленные от Константинополя *анклавы* учились выживать самостоятельно и не всегда это получалось удачно. В 568 г., всего через три года после смерти Юстиниана, свирепое германское племя лангобардов, дословно – «длиннобородых», проделав перед этим по Европе долгий путь из Скандинавии, под угрозой со стороны кочевников-аваров вторглось в долину реки По, поселилось в недавно отвоеванной ромеями у готов северной Италии. Оно постепенно усиливалось и, несомненно, намеревалось прибрать к рукам весь Апеннинский полуостров. В центральной части этого полуострова и на юге – в Сполето и Беневенто лангобарды создали ряд самостоятельных племенных герцогств. Это был самый тяжелый удар. Правда, у Империи здесь остались хорошо укрепленный североиталийский город Равенна с прилегающей обширной областью из нескольких крупных городов (Пентаполь – «Пятиградье»). Отдельные лангобардские герцоги стали служить византийскому

императору на правах союзников, участвуя в военных походах за пределами Италии. Такое раздробление лангобардских сил не позволило варварам захватить весь полуостров полностью. Но от завоеваний практически не пострадал лишь огромный остров Сицилия, который лежал на границе с *Апулией* и Калаврией – под «каблуком» и «носком» «Итальянского сапога», и представлял собой богатейшие владения Империи. Византийские императоры, церкви Рима и Равенны, уцелевшие итальянские сенаторы долгое время располагали здесь своим имуществом.

Еще короче оказалось ромейское присутствие на испанских землях. Западные готы, перейдя в контрнаступление, постепенно, в течение пятидесяти лет, к 625 г. отвоевывают стратегически важные владения Византийской империи на юго-востоке Пиренейского полуострова, в том числе важнейший опорный пункт ромеев – Картахену (ныне Кордову) – столицу византийской Испании, дважды переходившую из рук в руки. Это была очередная из крупных потерь Ромейского царства.

Между тем славяне и авары тоже не прекращали свои набеги, громили балканские Иллирик, Фракию, доходили почти до стен Константинополя, разрушили Сингидунум (Белград), Сердику (Софию), осаждали Фессалонику в Македонии, сожгли и разрушили Карфаген, Афины, Фессалию, Эвбею, Локриду. В конце VI – начале VII вв. приходят в запустение многие поселения в восточной и южной прибрежной полосе Греции и на некоторых островах. Уцелела лишь западная часть Пелопоннеса. Византийская отчетность свидетельствует, что к 630 г. военный корпус северобалканского Иллирика, находившийся под командованием отдельного военного магистра, был разбит и расформирован по другим полевым армиям. Таков был результат занятия большей части Балкан и Греции славянскими племенами под общей гегемонией аваров. Причем от рейдов заволаше-славяне окончательно перешли к практике заселения, то есть колонизации опустошенных земель балканского региона, которые станут ихними более чем на двести лет. Пополняя здесь сельское население земледельцами, они подверглись мощному ромейскому влиянию, эллинизации и христианизации своей культуры, а в конечном итоге – этнической ассимиляции. Однако, не дождавшись этого, большая часть греческого населения отступила к побережью, еще доступному для византийского флота. Некоторые бежали дальше, на эгейские острова, в Сицилию, Малую Азию, то есть туда, где продолжала действовать имперская администрация.

В руках византийцев до конца VII в. еще останется большая часть прибрежной северной Африка, но стычки с берберскими племенами, обитавшими на территории современных Алжира и Туниса и окружавшими здешние ромейские владения, не прекращались. Ситуация стала катастрофической, когда к ним добавились захватчики арабы, пришедшие с востока и получившие на этих землях название *мавры* – от покоренной ими североафриканской области, *Мавритании*.

Не лучше обстояли дела и на Востоке, которому, в отличие от Запада, Юстиниан уделял мало внимания. Во второй половине VI в. ряд поражений византийцам нанес их давний соперник, прославленный мудростью и военными талантами «царь царей» Хосров I. Сменивший его в 590 г., молодой амбициозный персидский шахин-шах Хосров II Парвиз вмешался в ромейские дела и, несмотря на заключенный мирный договор, в начале VII в. затеял очередную дорогостоящую, большую войну между Ираном и Византией. Персидские полчища, продолжая начатое великое продвижение на просторах Передней Азии, железным потоком затопили Армению, часть Малой Азии, Сирии, то есть прежде всего те земли, ко-

торые до этого принадлежали Ромейскому царству. Они уже были готовы к броску на стены Константинополя.

Очередной император, молодой каппадокиец Маврикий, в 582 г. ставший преемником отличавшегося редкой щедростью, а по сути дела, расточительно-стью императора Тиверия Константина, приступил к управлению государством с минимальным запасом наличных финансовых средств. Поэтому он вынужден был обратиться к политике жесткой экономии и созданию в казне денежного резерва. Тем не менее это не мешало ему торжественно отмечать собственное консульство, бракосочетание, а также все важные события в жизни старшего сына – рождение, возведение в сан кесаря и августа, свадьбу.

Главным событием всей дипломатии этого энергичного и по началу счастливого, удачливого императора стал мирный договор 591 г. с Сасанидским Ираном, наконец позволивший сократить расходы на войну с Востоком. В виду изменения международной обстановки здесь наступило столь долгожданное затишье.

Зато Балканы были потрясены шестью или семью новыми крупными вторжениями (583, 584, 587, 589, 696, 599-600 гг.), в которых принимали участие авары, славяне или булгары. Источники упоминают более двадцати захваченных городов и крепостей. Особенно разорительными стали аваро-славянские прорывы вглубь Фракии и Иллирии в 584, 587, 597 гг. и, возможно, в 600 г. В этих условиях надобность в глубоко эшелонированной обороне отпала.

Ответные военные походы при Маврикии стали меньшими по числу участников, в них не привлекали крупных сил варваров-союзников. Сама некогда победоносная ромейская армия находилась в плачевном состоянии, ее потрясали восстания, дисциплина была расшатана. Никто не хотел слушать безавторитетных командующих и быстро ставшего непопулярным императора, попытавшегося реорганизовать систему армейского снабжения. Обеспечение армии всем необходимым забирало не менее трети регулярного государственного дохода и это становилось ощутимым бременем для экономики страны и ее налогоплательщиков. Одной из главных причин бунтов послужили в целом успешные попытки Маврикия реорганизовать систему снабжения армии, в частности, издание в 588 г. закона об уменьшении на четверть военной анноны – пищевого довольствия, пайка, выдававшегося солдатам, и перевод его на денежные выдачи. Кроме того, император, пытаясь всеми правдами, а еще больше неправдами наполнить императорскую казну, приказывал отправлять в Константинополь для себя и своих родственников большую часть военной добычи. В ответ воины открыто поносили царскую власть, грабили местное население, назначали себе командирами кого хотели, уничтожали статуи Маврикия, надписи в его честь и заявляли, что не желают иметь императором скупого «мелочного торговца». Ситуацию еще более ухудшило антивизантийское выступление в Армении, вылившееся в восстание пылкого Симбата Багратуни в конце 80-х или начале 90-х гг. VI в.

Безмерная жадность толкнула Маврикия, человека в общем-то, ответственного, рассудительного и не высокомерного, на чудовищный поступок. В 599 г. он наотрез отказался выкупить у авар двенадцать тысяч ромеев (солдат и мирных жителей), захваченных в плен, и те казнили пленных. Этим император навлек на себя всеобщую народную ненависть и Божью кару, которая не заставила себя ждать. Последующие два года Византию потрясла сначала ужасная чума, а затем сильнейшее землетрясение в важнейших

городах Империи, что вызвало непредвиденные расходы казны. Основной проблемой Маврикия как никогда стала нехватка денег. Стремясь найти их, император в условиях голода, осенью 601 г. решился на спекуляцию государственным хлебом. Неудивительно, что в декабре того же года во время прохождения церковной процессии по улицам Константинополя, в Маврикия и его старшего сына-соправителя Феодосия, шедших как паломники, босыми, из толпы полетели увесистые камни, так что они едва спаслись. Возмущенный народ нарядил в черный плащ какого-то человека, похожего на императора, надел на него шутовской венки из листьев чеснока и, посадив на осла задом наперед, стал возить по городу, распевая непристойные частушки с намеками на плодovitость многодетного Маврикия: «Нашел себе телку, да и потоптал ее, словно петух! И настрогал детей, что чушек. Господи, дай ему в лоб!». В целом, социальные неурядицы нанесли ущерб, оцениваемый цифрой приблизительно в 1000 фунтов золота, которая не представляется большой. Куда сильнее пострадал и без того низкий личный «рейтинг популярности» императора, правителя в общем-то твердого и умелого.

В 602 г. вспыхнул очередной солдатский бунт, на сей раз переросший в масштабную катастрофу. Посланное за Дунай против славян, обессиленное восьмимесячным безысходным походом, усталое, вконец унывшее войско, испытывавшее проблемы с оплатой и продовольствием, отказалось, вопреки распоряжению императора, зимовать в суровых, холодных землях, населенных варварами, и подняло мятеж. Полагаясь на помощь активизировавшихся димов столицы, злобность и агрессивность которых достигла кульминации, солдаты подняли на щит одного из своих военных командиров – мерарха по имени Фока, бывшего конюшего, то ли фракийца, то ли каппадокийца по происхождению, и избрали его вождем. Когда он прибыл в **Евдом** – дословно «Седьмой», поле для военных маневров на седьмой миле от центра Константинополя, меры прасинов и венетов, народные партии и даже синклит и Патриарх встретили его овациями и провозгласили императором. Впрочем, радость константинопольцев длилась недолго.

Низкорослый, коренастый, рыжий, с густой, необычной для ромейских императоров бородой, лохматыми, сросшимися на переносице бровями и обезображенным огромным красным ирамом лицом, Фока имел не только свирепый вид, но и неводержанный характер. Это был патологически жестокий, развратный и много пьющий человек. Ничто не доставляло ему такого удовольствия, как вид крови. Первым делом он казнил на глазах у схваченного несчастного Маврикия пятерых его сыновей, включая грудного младенца, а затем и самого низвергнутого императора, который безропотно, как наказание за свои тяжкие грехи, встретил столь ужасную смерть. Обнаженные тела убитых были брошены с мола в море «...как достойная слез игрушка, и можно было видеть, что морские потоки то любовно прибывали к берегу трупы, то уносили их в море». Жена Маврикия, Константина, с тремя дочерьми была заключена в монастырь, а через три года, обвиненная в заговоре против узурпатора, обезглавлена после садистских пыток. К этому времени репрессии пошли по нарастающей, что не могло не вызвать массовое недовольство в столице. Уже через несколько недель взбунтовавшиеся против Маврикия подданные начали оплакивать его горькую кончину, которую он, несомненно, избежал, если бы вовремя предоставил солдатам чуть больше хлеба, а народу – чуть меньше налогов.

Новый государь, грубый солдафон, наткнувшись на оппозицию знати, мог держаться только режимом террора, но этим он нисколько не поправил положение. «За время своего правления, – писал через двести лет византийский историк Никифор, – он довел дела христиан до такого бедственного состояния, что многие только и говорили, ...как персы наносили ущерб ромейской державе извне, Фока же изнутри вредил еще больше». Удержание некоторых позиций на Балканах, популярность в отдельных регионах и подчеркнуто дружественная, а, по сути дела, даже приниженная политика по отношению к папскому Риму его не спасли. Пьянствуя, творя беззакония, насилия, убийства, садистские расправы, он оказался повинен в политических промахах, развале армии, в новых поражениях от коварных аваров и буйных славян, в потере единой христианской Армении, в восстании иудеев, разъяренных приказом об их насильственном Крещении. Кровавое преследование при нем монофиситов вызвало особое озлобление как части столичных димов, прежде всего меры «зеленых», так и торгово-ремесленного населения сирийских городов. В этих «тучах дьявольской пыли», по выражению одного из византийских агиографов, зрело пламя гражданской войны.

Самое главное, унаследованные от упадочной Римской империи политические и общественные структуры просто на глазах превращались в руины. Авторитетный византист Георгий Острогорский образно назвал это смертельной агонией старого, обескровленного позднеримского государства, а годы наступившей анархии – «демаркационной линией между эпохой поздней Римской империи и новой эрой».

?

1. С кем в IV-VI вв. византийцы вели войны и почему главная опасность грозила с Востока?
2. Кто был более опасным врагом Ромейского царства – персы или тюрки?
3. Как ромеи смотрели на окружающий внешний мир и почему?
4. На что были направлены дипломатические усилия византийского двора в V в. и почему Византия редко отличалась военной активностью?
5. Вспомните излюбленные нормы поведения, методы и способы византийской дипломатии в отношении врагов и соседей.
6. В чем вы видите преимущества дипломатии Ромейского царства перед дипломатией других современных ей стран и народов?
7. Подумайте, почему ромейская дипломатия достигла наибольших успехов среди варварских народов на северной границе Империи, а не в Азии?
8. Какие приемы и правила ромейской дипломатии применяются и сегодня?
9. Вскоре после смерти Юстиниана I Византия потеряла большую часть своих владений в Африке, Италии, Испании. Как вы думаете, что помешало ромеям восстановить Римскую империю в ее прежних границах?
10. Почему Ромейское царство при преемниках Юстиниана I пришло в упадок?
11. Чем объяснить ошибки политики императора Маврикия? Насколько эта политика была вредна для Византии?
12. Только ли террором и неудачами в войнах можно объяснить беды, обрушившиеся на Ромейское царство в правление Фоки? Что было необходимо стране в этот период?

Внимание, источник!**Кодекс Юстиниана (4. 63. 4) : из предписания императоров Гонория и Феодосия II от 408 или 409 г. префекту претория Анфимию относительно порядка торговли с персами**

Надлежит, чтобы купцы – подданные как нашему империи, так (и подданные) царя персов – ничуть не устраивали рыночные дни (*nundinas*) (где бы то ни было), кроме тех мест, в которых (проводить это) условлено нами вместе с упомянутым народом (во) время союза (*foederis*), чтобы (для) чужого царства не разузнавались тайны, пока (это) не решено.

1. Следовательно, впредь никакой подданный нашему империи (пусть) не отважится отправляться ради купли или продажи товаров (*species*) за Нисибин, Каллиник и Артаксату¹ и не считает, что товары должны быть обменены с персом (в иных местах), кроме упомянутых общин; (да будет) известно с той и другой стороны, (что тот,) кто стеснит (это требование), должен быть предан вечному наказанию ссылки, а товары, которые будут проданы или приобретены (где-либо) кроме этих мест, должны быть виндцированы нашим священным эрарием (*aerario*) [...].

Прокопий Кесарийский в «Войне с готами» (около 555 г.) о нашествии славян в 551 г.

С того момента, как славяне бросились на римскую страну, они избивали, не взирая на возраст, всех, кто попадал им в руки, так что вся страна, образующая Иллирию и Фракию, была завалена трупами, оставленными по большей части без погребения. При этом они не убивали тех, кто попадал им на встречу, мечом, топором или каким-нибудь обычным способом, но они крепко врывали в землю камни, концы которых они предварительно обтачивали, делая их острыми, и зверски сажали на них свои несчастные жертвы, погружая в их тела острия камней, так что последние проникали через все внутренности, и таким образом умерщвляли. Иногда эти варвары вколачивали в землю четыре крепких бревна, к которым привязывали своих пленников за руки и за ноги, затем начинали безостановочно наносить по голове сильные удары бичем и таким образом убивали их, как собак, змей или других вредных животных. Других они запирали в их домах вместе с быками и баранами, которых не могли увести с собой, и немилосердно сжигали их. И таким образом славяне погубили всех, кого только нашли на своем пути.

Церковный историк Иоанн Эфесский (около 507-585 гг.) о поселениях славян на территории Империи ромеев в 581-585 гг.

Тот самый год, третий после смерти цезаря Юстина (581 г.), был известен также вторжением проклятого народа, называемого славянами, который прошел всю Грецию, и область фессалоникийцев, и всю Фракию, и захватил города, и взял множество крепостей, и опустошал, и жег, и захватывал людей в плен, и стал властвовать по всей стране, и поселился в ней, властвуя, и живет в ней без страха, как будто это его собственная земля. И вот четыре года теперь прошло, а цезарь [Маврикий] занят войной с персами, и послал все свои войска на Восток, и славяне живут свободно на земле, и пребывают в ней,

¹ Пограничные с Персией города.

и распространились вдаль и вширь, насколько Бог позволяет им, и грабят, и жгут, и берут в плен. И в грабежах дошли даже до внешних стен Города¹, и увели все императорские табуны лошадей, числом много тысяч, и все остальное, что смогли найти. И даже доныне² [...] они все еще располагаются и обитают здесь, и живут в мире на ромейских землях, без беспокойства и страха, и захватывают пленных, убивают и жгут, и они обогатились золотом, и серебром, и табунами лошадей, и оружием, и обучились воевать лучше, чем ромеи, хотя сначала они были грубыми дикарями, которые не осмеливались показаться из лесов и мест, защищенных деревьями, а что до оружия, то они даже не знали, что это такое, за исключением двух или трех метательных копий и дротиков.

**«Краткая история» Никифора, Патриарха Константинопольского (806-815 гг.),
о переселении славян при василевсе Юстиниане II (685-695 гг.).**

[...] Юстиниан принял царствование от отца³, распоряжавшегося с целью сохранения мира и установления прочного порядка в государстве, и все разрушил. Он разорвал и мир, заключенный с болгарами⁴. Приведя конную армию во Фракийские области, он сразу же устремился против славян. Сделав набег до города Фессалоник, многих из тамошних людей славянского народа захватил одних насильственным образом, других обещаниями, переправив через Авидос⁵ и поселил в так называемой Опсикийской области⁶. Из них набрал в войско до 30 тысяч народа, и народ, который вооружил, стал именоваться избранным войском⁷. И поставил над ними архонтом из числа благородных по имени Небул.

**Церковный историк Евсевий Кесарийский, он же – Евсевий Памфил
(около 265-340 гг.), об устройстве мира**

В древности мир был разделен сообразно странам и народам на множество государств, тираний, княжеств. Отсюда постоянные войны и связанные с ними опустошения и разбои. Причина деления заключалась в различии между богами, которым поклонялись люди. Ныне, когда крест, орудие спасения и знамение победы, явился на земле и восстал против демонов, дело демонов, то есть ложных богов, исчезло, как дым; государства, княжества, тирании, республики отжили свое время. Единый Бог возведен всем людям; единая импе-

¹ Имеется в виду внешняя, так называемая Длинная стена (она же Анастасиева стена) Константинополя, построенная в начале VI в., которая защищала примыкавшую к городу область со стороны Фракии.

² 585 г.

³ Речь идет о сыне Константина IV Погоната (Бородатого), Юстиниане II, последнем представителе Ираклийской династии, сколь деятельном, столь и жестоком императоре. Начавшиеся при нем мятежи будут лихорадить престол Империи ромеев почти тридцать лет.

⁴ В 688 г. Юстиниан II отказался платить дань болгарам хана Аспаруха, несколькими годами раньше осевшими на ромейских землях около Дуная.

⁵ *Авидос* – портовый центр на малоазийском побережье, находился в самом узком месте пролива Дарданеллы и имел таможенную – вторую по значению после *Иерона*, на азиатской стороне Босфора, у входа из Черного моря.

⁶ *Опсикий* – область на северо-западе Малой Азии, в провинции Вифиния, ближайшая к столичному округу Константинополя. В ней командовал имперский *комит*, соединявший в своих руках военную и гражданскую власть.

⁷ Очевидно, речь идет о численности всех переселенных славян, так что количество «свех-комплектного войска», полученного из них, составляла не более шести – семи тысяч воинов. Через несколько лет Юстиниан II использовал их против мусульман.

рия существует, чтобы обнять и сдерживать всех людей – Римская империя. Так в одно и то же время, по произволению Неба, возросли два зерна, поднялись над землею и покрыли мир своею тенью – Римская империя и христианская вера. Они предназначены объединить вечным согласием весь человеческий род. Греки, варвары, народы, жившие на окраинах неизвестных берегов, уже услышали голос истины. На этом победы не остановятся. Истина распространит свою власть до границ земли, и ее дело совершится быстро и легко. В мире будет один народ, и люди составят единую семью под скипетром общего отца.

**Из Сказания *Приска Панийского* о ромейском посольстве
к верховному вождю гуннов Аттиле в 448 г.
и о приемах византийской дипломатии**

Отрывок 8. 448 г., 41-й год правления Феодосия II.

Евнух Хрисафий¹ убеждал Эдикона² умертвить Аттилу. Царь Феодосий и магистр Мартилий, посоветовавшись между собой по сему предмету, решились отправить к Аттиле посланником Максимиана, а не одного Вигилу³. Под видом, что состоит в звании переводчика, Вигила имел поручение сообразоваться с волей Эдикона. Максимин, ничего не знавший о том, что было ими замышляемо, должен был представить Аттиле царское письмо. Царь извещал его, что Вигила был только переводчиком, что Максимин, человек знатного происхождения и самый близкий к царю, был достоинством выше Вигилы. Затем царь писал к Аттиле, чтобы он не нарушал мирного договора нашествием на римские области; еще сообщал он, что сверх выданных прежде беглецов, посылает к нему семнадцать человек, и уверял, что у римлян не было других беглых из областей Аттилы⁴. Таково было содержание письма. Сверх того, Максимиану было предписано объявить гуннскому государю изустно, что он не мог требовать, чтобы к нему были отправляемы посланники высшего достоинства, ибо этого не бывало ни при его предках, ни при других начальниках Скифской земли; что звание посланника всегда отправлял какой-нибудь воин или вестник; что для разрешения всех недоразумений надлежало отправить к римлянам Онигисия⁵, потому что не было прилично, чтобы Аттила в сопровождении римлянина, имеющего консульское достоинство, прибыл в разрушенный уже город Сердику⁶.

**Из письма Юстиниана I
одному из племенных вождей ававров середины VI в.**

Я послал мои подарки самому могущественному из ваших вождей, предназначал я их тебе, почитая тебя самым могущественным; но другой силою перехватил мои подарки, заявляя, будто он первый между вами. Покажи ему, что ты выше всех, отними у него то, что он взял у тебя, отомсти ему. В противном случае будет ясно, что именно он – верховный вождь, и мы окажем ему наше благоволение, а ты потеряешь преимущества, которыми мы тебя пожаловали.

¹ Приближенный Феодосия II, имел на него большое влияние.

² Знатный гунн, приближенный Аттилы.

³ Гунн, служивший у ромеев.

⁴ Аттила настаивал на выдаче всех беглецов, дабы они не служили у римлян.

⁵ Приближенный Аттилы.

⁶ Сердика (София) была разрушена войсками Аттилы.

**Прокопий Кесарийский в «Тайной истории» (около 550 г.)
о принципах дипломатии Юстиниана I**

Он расточал огромные богатства, не забывая ни об одной, всем варварским нациям – восточным и западным, южным и северным, до народов далекой Британии включительно. Он осыпал своими милостями народы, имена которых до него никто не знал и которых видели впервые, не зная даже, откуда они. Таким образом, он истощал богатства империи, расточая их варварам, которых отпускал всегда нагруженными подарками. И таким образом варвары сделались обладателями достояния Рима то путем пенсий, которые им выдавал император, то путем добычи и пленных, которых они уводили, то путем мира, который они продавали.

**Оценка константинопольским историком второй половины VI в.
Агафием Миринейским политической дипломатии Юстиниана I**

Мысль василевса видела дальше, и события весьма скоро принуждали его хулителей восхищаться его предусмотрительностью и искусством. Разделяя варваров, он, сам не обнажая меча, одерживал посредством своего ума победу и осуществлял свои надежды.

**Прокопий Кесарийский в «Войне с персами» (около 555 г.)
о том, как византийцы узнали секрет шелка**

В то время некие монахи, прибывшие из Индии, зная, что царь Юстиниан находится в затруднении, так как персы не продают ромеям шелка-сырца, обещали царю внедрить этот шелк-сырец, чтобы ромеи могли не получать этот товар ни от персов, своих врагов, ни от каких-либо других народов. Ибо они провели длительное время в земле, расположенной выше Индии, (населенной) многочисленными народами и называемой Сериндой¹, где они в точности изучили искусство этого рода, чтобы возможно было получать в Ромейской земле шелк-сырец.

Продолжая исследовать и узнавать, справедливы ли слова, сказанные монахами, что какие-то черви производят шелк-сырец, (царь узнал), что живых червей перевезти невозможно, а их зародыши, напротив, удобны для перевозки и совершенно легки. Яйца, положенные каждым из червей, бесчисленны. Эти люди (т. е. монахи) закопали в навоз яйца спустя много времени после их откладки и через некоторое время достали живых червей. Царь (обещал) одарить мужей дарами, убеждая исполнить данное ими слово.

И они вновь отправились в Серинду и доставили яйца в Византию. Когда таким образом вывелись черви, они выпустили их кормиться на тутовые листья, и от них в дальнейшем пошел шелк-сырец в Ромейской земле. Таковы были обстоятельства с шелком во время войны с персами.

**Из трактата императора Константина VII Багрянородного
«О церемониях» (около 958 г.).**

Правила как принимать чужих посланников и как отправлять посольства

Посланники или отправляются от нас, или приезжают к нам. Приезжающих к нам, должно принимать почтенно и великолепно; ибо посланники у всех народов в почтении.

¹ Серинда – так византийцы называли Китай. Возможно, впрочем, что здесь имеется ввиду одна из областей Азии.

Приставленные к ним должны беречься, чтобы не открывать им того, о чем они расспрашивают. Если посланники приехали из самых отдаленных стран, так что между нами и ими есть другие народы : то только показывать им то, что нам угодно и на столько, на сколько угодно. Таким же образом должно поступать с посланниками близких к нам народов, которые уступают нам в силе. Но если те народы далеко превосходят нас множеством войска и храбростью : то должно скрывать от них наше богатство и красоту женщин, а показывать им только множество народа, благоустройство оружия, высоту городских стен.

Что касается до посланников, отправляемых от нас к другим, то они должны быть известны своим благочестием, свободны от обвинения в преступлении и от публичного осуждения; разумны от природы, преданны государству, так чтобы были готовы жертвовать для него собою [...].

Посланник, приехавший к лицу, к кому он отправлен, должен являться как можно более приятным, великодушным, благотворительным, хвалить как свое, так и чужое, и не унижать чужое. Ему должно вести дела благоразумно; следить за обстоятельствами, а не исполнять, непременно, что ему приказали, если только не было приказа исполнить это во что бы то ни стало. Так, например : некто отправляется с подарками к соседственному народу, которого почитали дружественным. Он застал этот народ в связях с неприятелем нашим. Он удержал у себя подарки и грамоту, и вместо поднесения подарков только говорил мирные речи. Иной бы заметил, что посланник сделал бы лучше, если бы он выдал подарки для укрощения дикости неприятеля, или оставил бы у себя драгоценнейшее и представил бы неважные, не удерживая всего. Таким образом, неприятели, с одной стороны, не богатели бы нашими подарками, с другой, уменьшилась бы и вражда их к нам.

До отправления своего посланник подвергается испытанию. Ему предлагают главные предметы посольства и спрашивают его, как бы он вел такое-то и иное направление.

«Хронография» Феофана Исповедника (814-818 гг.) о свержении императора Маврикия в 602 г.

При наступлении осеннего времени Маврикий приказал Петру провести зиму в землях славян; но воины восстали и не хотели исполнять этого из-за слабости лошадей, из-за великого опустошения той страны и потому, что варвары в большом множестве наводняли ту землю; они готовы были произвести всеобщий бунт. Военачальник, негодуя на воинов, подвергал их великим трудам; пошли проливные дожди и наступила жестокая стужа. Петр имел свое местопребывание в 20 милях от войска. Маврикий беспрестанно беспокоил Петра, чтоб они перешли за Истр (Дунай) и приготовили бы себе на зиму съестных припасов на земле славян, чтоб не иметь нужды посылать им общественное продовольствие. Военачальник, призвавши Гундая, говорил : «Слишком тяжелы для меня царские приказы, отвести на зиму ромеев в чужую страну: и не послушаться трудно; а еще опаснее послушаться, сребролюбие ничего доброго не производит, но всегда было матерью всех зол. Зараженный им император сам подвергает ромеев величайшим бедствиям». Потом, созвавши военачальников, объявил им царскую волю. Они сказали, что войско, узнавши о сем, тотчас возмутилось; высшие начальники, оставив его, прибежали к своему начальнику. Мятежные толпы, собравшись, провозгласили сотника Фоку экархом (правителем), подняв на щиты, поздравляли его.

[...] Прасины (зеленые), вышедши в Регий¹, превозносили великими похвалами тирана Фоку и убедили его прибыть в Евдом². Итак, Фока послал секретаря Феодосия, который, вошедши в Великую церковь (храм Св. Софии), читал к народу, чтоб Патриарх, народные партии и синклит собрались в Евдоме. Когда все собрались в Евдоме, то Патриарх Кириак (595/6-606 гг.) потребовал от тирана исповедания православной веры и соблюдения Церкви в безмятежии [...]. Народ прославлял тирана, и тиран был провозглашен [...]. С этого времени не прекращались различные и чрезвычайные бедствия в Ромейском царстве. Хозрой, царь персидский, нарушил мир, авары опустошили Фракию, два войска ромейских истреблены, и когда (василевс) Ираклий (610-641 гг.), вступивши на престол, сделал точный подсчет войску, то из всего множества воинов, которые находились при Маврикии, после Фоки нашел не более двух человек. Так-то избравшие тирана сами от него погибли.

?

1. Какие правила предписывал закон относительно персидско-ромейской торговли? Как вы думаете, почему она строилась на такой системе?
2. В чем совпадают и чем разнятся рассказы Прокопия Кесарийского и Иоанна Эфесского о нападениях славян?
3. О чем говорить сообщение хрониста Феофана о прорыве специально собранных воинских сил Юстиниана II к Фессалонике? На что оно указывает?
4. Зачем Юстиниан II занимался переселением славян, какие цели он преследовал? Кого и почему он ставил во главе славянского ополчения?
3. В чем заключалась суть теории, изложенной Евсевием Кесарийским? Насколько она отвечала ранневизантийским реалиям?
4. Что можно сказать об эффективности методов и приемов византийской дипломатии, сравнив сведения из рассказа Приска Панийского, письма императора Юстиниана I, «Тайной истории» Прокопия и сочинения Агафия из Мирины? Как формулируется подобный принцип политики? У какого государства позаимствовали его византийцы?
5. Что можно сказать, исходя из рассказа Прокопия Кесарийского о шелке, о причинах соперничества между ромеями и персами? Насколько правдоподобна легенда?
6. Какие требования предъявлялись к личности ромейского посланника, отправлявшегося в соседние страны, и почему?
7. В чем, с точки зрения византийского хрониста Феофана, заключались причины свержения императора Маврикия? Была ли его политика действительно вредной для Византии?
8. Что можно сказать о результатах правления Фоки? Как вы считаете, насколько достоверен Феофан Исповедник?

¹ Одноименный дворец V в. к западу от Константинополя. Сюда придворные выходили встречать императора ромеев, возвращающегося из западных походов и здесь раздавали милостыню нищим.

² Евдом (Евдомон) – местность у столба, поставленного на седьмой миле к юго-востоку от Константинополя, на берегу Мраморного моря. Находилась к столице в два раза ближе, чем Регий.

Раздел II

«ТЕМНЫЕ ВЕКА». ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

VII–IX столетия стали переломными в истории Римского царства. Времена изменились, и все изменилось с ними. Античный классический мир наконец умер. Перемены затронули основы экономической и духовной жизни римского общества, вызвали полную «перекалибровку» властных структур, покончили с отжившими формами, тормозившими развитие. Именно в этот период Православная Церковь пережила один из самых серьезных кризисов в ее истории – *иконоборство*. Теснимая со всех сторон врагами, особенно арабами, поглотившими почти половину территории и населения Империи, в буре внутренних и религиозных конфликтов, в ходе реформ и перестроек рождалась новая Византия – раннесредневековая греческая держава, которую в эту пору можно отнести к своеобразной зоне крестьянской свободы, где преобладала деревня. Тем не менее она отличалась свежими силами, особым умонастроением, особой исторической памятью.

От той бурной эпохи до нас дошло немало противоречивых сведений, порождающих научные споры, разные толкования, поэтому VII–IX столетия получили у историков условное название «темные века». От этого слова веет чарами мрачности и таинственности, неким «зимним», что вообще долгое время связывали с понятием Средневековья. Его считали и до сих пор продолжают считать суровым и бесплодным временем, этакой «ночной эпохой истории». Эта эпоха действительно слабо изучена и во многом неясна. Но чем пристальнее и дольше вглядываешься в ее мрак, тем яснее проступают сквозь него обломки былой жизни и тем более поражает их величие, кипение страстей, накал борьбы, стремление выстоять, приспособиться к рождению полного тревог, нового сурового мира, которое пронизывает всю раннесредневековую Романию.

§ 5. Перестройка Ромейской державы

В истории Византии VII – начало VIII вв. стали тревожным, трудным временем, когда само существование Империи было впервые поставлено под вопрос. Извне на государство ромеев и с Запада, и с Востока обрушилась серьезная опасность – сначала со стороны аваров, славян и персов, а затем, еще более грозная, со стороны неожиданно усилившихся арабов Аравийского полуострова. Вторжения, набеги врагов, нехватка людей в армии и вместе с тем переход к наследственной военной службе заставили византийцев создать новую схему организации войск, а, значит, изменить устаревшие административные структуры. В результате внутри общества свершилось глубокое преобразование, которое, по сути дела, придало стране новый облик. Облик бескрайней старой Римской империи с ее префектурами и провинциями окончательно сменился средневековой, сильно милитаризованной державой средних размеров, полной сил. Она стала в два раза меньше по занимаемой территории и еще меньше по доходам, но зато отличалась большей этнической однородностью и религиозной сплоченностью. Ромейское царство превратилось теперь в раннесредневековое, преимущественно греческое государство, население которого истово верило в заступничество Бога, святых и готово было, организовавшись в военно-административные округа, с оружием в руках отражать врагов.

Великий поход

Осенью 610 г. 36-летний Ираклий, сын одноименного правителя – *экзарха* Карфагена, встав во главе собранной в византийской северной Африке военной экспедиции, прибыл с внушительным флотом повстанцев к Константинополю и без особых усилий положил конец катастрофическому правлению жестокого тирана Фоки, к тому времени потерявшему всяческую поддержку в столице. Его сдал даже собственный зять, Крисп, которого незадачливый император назначил епархом Города.

Притащенного за бороду, опозоренного узурпатора казнили мечом, затем отрубили правую руку, отрезали половые органы и все это повесили на шестах, а труп для большей острастки сожгли. В срочном порядке были казнены все приверженцы и близкие друзья Фоки. В тот же день новый император получил венец из рук Патриарха, а синклит и горожане приветствовали его как избавителя от произвола и анархии. После кратковременной гражданской войны место для новой династии оказалось расчищено и ее представители будут оставаться у власти более столетия, с 610 по 717 г.

Ираклий (610-641 гг.), худощавый, жилистый, золотовласый блондин с характерной «козлиной» бородкой, оказался человеком полным пламенной религиозной веры и неукротимой энергии, но впечатлительным и нервным, склонным к бурным подъемам и внезапным спадам. Он показал себя способным полководцем, хорошим администратором и просто храбрым солдатом, не раз отважно дравшимся в гуще врагов. Один из ведущих персидских полководцев, не в силах скрыть восхищение им, сказал ромею – перебежчику: «Посмотри на своего императора! Он боится стрел и дротиков не более, чем наковальня!». Ираклий стал первым государем со времен императора

Феодосия Великого, который вновь лично командовал своими войсками. Духовный пастырь императора, Патриарх Сергей (610-638 гг.), поддерживал его в трудные минуты и словом, и делом, несмотря на то, что не одобрил второй брак Ираклия с его племянницей Мартиной. Когда остро встал вопрос, где взять деньги для армии, он в первый раз за всю историю ромеев не остановился даже перед выдачей драгоценной церковной утвари Великой церкви на нужды государства. Переплавленные сокровища должны были спасти христиан от персов.

Между тем ситуация на Востоке сложилась для византийцев столь безнадежно, что ее решение стало важнейшим вопросом жизни и смерти. Новый император, как и предсказал ему перед смертью Фока, тоже не сумел справиться с натиском персов. За короткий срок, в 614-619 гг. они овладели уже не только Палестиной, Сирией, но и процветающим Египтом, основным источником зерна для столицы Ромейского царства. В эти критические годы Византия стала терять богатейшие провинции, дававшие львиную долю налоговых поступлений. Поэтому в продолжение шести лет (622-628 гг.) Ираклий повел особенно напряженную войну с Персией. К тому времени «царь царей» Хосров II совершенно опустошил своими войсками Малую Азию, перекрыл горные проходы и нанес серьезный урон коммерческой деятельности ромеев. Собрав все силы, искусно маневрируя огромным 120-тысячным, хорошо подготовленным, обученным на полномасштабных тактических боевых учениях, патриотично настроенным экспедиционным войском, неся знаменитый оберег Империи – плат с нерукотворным образом Христа из **Камулиан**, император весной 623 г. перешел границу Сасанидского Ирана. Так начала отсчет беспримерная по длительности, усилиям и успешности персидская военная кампания ромеев.

В результате тяжелых, изнурительных походов, проводимых, к полной неожиданности врага, даже зимой, вдали от баз снабжения провиантом и подкреплениями, перевес, граничащий с чудом, оказался все же на стороне византийцев. Ираклий одержал ряд блестящих побед (на капподокийской возвышенности, на берегах армянского озера Ван и реки Евфрат, при Ниневии на Тигре и у ворот Ктесифона¹) и потому вошел в легенды как спаситель Империи – первый крестоносец, боровшийся с «неверными».

Дело в том, что в 614 г. персы – огнепоклонники взяли Иерусалим, где перебили всех мужчин, а женщин и детей продали в рабство. Город был зверски разграблен, Иерусалимский патриарх Захария выслан, самые великие святыни христиан поруганы, храм Гроба Господня с громадно базиликой, построенные Константином I и его матерью Еленой, сожжены дотла вместе с большей частью других важнейших христианских святынь. Византия была ошеломлена этим чудовищным известием. Самое главное – одна из самых дорогих реликвий христианского мира, Святое Животворящее Древо, или Истинный (он же – Честный) Крест Господень, – тот самый, на котором, как верили христиане, был распят Иисус Христос, наряду с прочими реликвиями, имеющими отношение к Распятию, были увезены шахин-шахом в Ктесифон. Монофиситы же, жившие в Сирии и Палестине, вместе с евреями поддер-

¹ Ниневия – бывшая столица ассирийской державы, ныне иракский город Мосул; Ктесифон – столица державы шахин-шахов из династии Сасанидов в Иране (Персии), недалеко от нынешнего Багдада.

живали персов. Во всем зримо выделялся знак гнева Бога, отвернувшегося от Империи. Поэтому выступление ромейской армии против шахского Ирана в 622 г., которое имело предлогом возврат Истинного Креста, получило вид крестового похода. Успешными оказались и последующие военные действия василевса против персов и их владыки, в письмах к Ираклию всячески оскорблявшего и поносившего христианскую веру.

Чтобы добиться перелома в борьбе в свою пользу, шахин-шах Хосров распорядился провести тотальный призыв в армию всех мужчин, включая иностранцев, и пошел на союз с полчищами авар и славян, разлившихся к тому времени по всему Балканскому полуострову. Но даже это не принесло результата. Десятидневная осада Константинополя летом 626 г. и попытка общего штурма города с применением множества канеметов и дюжины огромных передвижных осадных башен, покрытых для защиты шкурами, закончились полным провалом из-за разгрома в бухте Золотой Рог славянской флотилии из плотов и ладей-долбленок, по-гречески **моноксиллов** – дословно «однодревок». Начавшиеся среди врагов разная эпидемия, падеж лошадей, голод, привели их в замешательство, увеличили потери и заставили отступить. Призвав на помощь небесные силы и устроив всенощные бдения, Константинопольский патриарх Сергей, лично возглавивший торжественную многолюдную церковную процессию, обошел стены осажденного города с иконами Нерукотворного Спаса и Богородицы – признанной покровительницей Константинополя. Кроме того, стараясь ободрить народ, он приказал написать образ Девы Марии с Младенцем на всех воротах столицы. Религиозный энтузиазм населения был доведен, как никогда ранее, до состояния неистовства. Казалось, сами силы небесные стали на сторону ромеев, на сей раз показавших редкостный пример единодушия и решимости в борьбе. Опытный гарнизон столицы, несмотря на отсутствие Ираклия, находившегося с армией на Кавказе, отбил все атаки врага. Некоторые исследователи считают, что слова, открывающие прославленный религиозный процессионный гимн – **Акафист** Богородицы, повествуют именно об этой грандиозной победе.

С этого рокового для авар крупного поражения ускорился распад грабительского Аварского каганата, который к концу следующего столетия исчез без следа. Чтобы сделать этот процесс еще интенсивнее, Ираклий разрешил поселиться на северо-западе Балканского полуострова пришедшим из-за Карпат славянским племенам **сербов** и **хорватов**. Пользуясь упадком могущества своих старых хозяев-аваров, западные славяне, веныды или венды, возглавляемые франкским купцом **Само**, ставшим их **князем**, создали на землях **Моравы** свое собственное государство, хотя едва ли можно считать его полностью славянским. Кроме того, в степях северо-восточного Причерноморья сложился крупный союз протоболгар во главе с их прославленными вождями Орханом и его преемником, племянником Кувратом. Окрещенные и удостоенные титулов патрикия, они приняли сторону императора ромеев в борьбе с аварами. Правда, Великой Болгарии придется просуществовать недолго, но об этом никто из современников не знал.

Иран же раздирали вражда несториан и огнепоклонников, сторонников **зороастризма**, борьба разных кланов персидской знати за власть. Спровоцировав дворцовый переворот в Ктесифоне, Ираклий избавился от своего непримиримого соперника-шаха и стал посредником в споре о наследовании шахского престола. Впавшего в безумие Хосрова умертвили его же подданные, бросив в крепость со

зловещим названием «Башня Тьмы»), а затем расстреляли из лука, перед этим заставив несчастного смотреть как его детей убивают у него на глазах. Уже в 628 г. окончательно разгромленные персы и их новый шахин-шах Кавад-Широе пошли на заключение унижительного мира с ромеями.

Это был высочайший триумф правления Ираклия, одержавшего неоспоримый верх. Ромейское царство получило огромную контрибуцию, вернуло себе Армению, Месопотамию, Сирию, Палестину и Египет. Система лимитанов и пограничных гарнизонов была восстановлена. Победа имела не только военно-стратегическое, но и огромное духовно-нравственное значение. Увезенная из Иерусалима святыня – Древо Креста Господня и другие реликвии вновь оказались в руках ромеев. Они были возвращены на место, а иудеи, пошедшие на сотрудничество с персами, наказаны. Для государства, в котором религия играла такую существенную роль, это было событием величайшей важности. Ираклия даже признали мессией и святым. Он раздал богатые дары константинопольцам и сторицей возместил сделанные ранее займы. Самое главное, могущество давнего врага Ромейского царства было полностью подорвано. Сын шаха, наследник престола, был объявлен рабом византийского императора, который стал его опекуном. Сил ромеев, прочности их военных структур оказалось достаточно, чтобы выйти победителями из этой последней «великой войны античности» и в то же время первой, по сути, типично средневековой войны, напоминающей позднейшие *Крестовые походы*. Надломленный тяжелыми потерями, Сасанидский Иран погряз в смутах, переворотах и практически прекратил свое существование как независимое государство. Оба противника – персы и авары, перед которыми Византия недавно трепетала, лежали поверженными. Сербь и хорваты признали верховную власть византийского императора и ситуация на Балканах тоже значительно облегчилась.

Арабская опасность

Год, когда начался победоносный поход ромеев на Восток, роковым образом совпал с годом *Хиджры* – по-арабски «Исхода». В то самое время, когда Ираклий сумел раз и навсегда избавить Ромейское царство от персидской и аварской угрозы, около юго-восточной границы Империи произошло удивительное, неожиданное событие – стремительное объединение ранее веривших в языческих богов, разрозненных, враждовавших арабских кочевых племен под знаменем новой веры – *ислама*, что означает дословно «повиновение», «покорность», «предание себя Богу», подчинение воле единого Создателя – Аллаха, как по-арабски звучало слово Бог.

Новая религия вобрала в себя элементы иудаизма, христианства и ханифизма – арабского единобожия. Она была принесена еще недавно никому не ведомым выходцем из племени курайш *Мухаммедом* (Мухаммадом), сыном Абдаллаха (ок. 570-632 гг.). Это был небогатый, неграмотный, страдавший эпилепсией торговец-караванщик из крупного торгового караванного города и общеарабского религиозного центра *Мекки* на территории нынешней Саудовской Аравии. В 610 г. он заявил о себе как о *Пророке*, посланнике новой веры в единого Бога, которую должен был принять весь мир. Великолепию пышного, сложного церковного Православия с его личным опытом общения с Богом ислам предлагал гораздо более скромное, несложное богослужение, которое мог исполнять всякий, лишь бы было видно солнце, прямой контакт с Богом, которого уже с IV в.

арабские аскеты – ханифы стали звать Аллаха. Главным было соблюдение внешнего закона – шариата, сформированного на базе продиктованной Мухаммедом священной книги – **Корана**, хадисов – преданий, а также мнения знатоков фихха – религиозно-правовой мысли. Вдохновленные идеями ислама и, еще больше, вполне мирскими целями невиданного материального обогащения, захвата новых земель и покорения их «неверного» населения, арабы почти мгновенно сплотились и, вырвавшись из песков пустыни под черным знаменем Пророка, с пугающей скоростью перешли в мощное наступление против своих соседей.

Исповедовавшие ислам называли себя **мусульмане** (муслимы), то есть «покорные», «отдавшие (заручившие) себя Аллаху». Они были готовы умереть за свою веру и были убеждены, что смерть в бою против «неверных» поможет им сразу вознести дух на Небеса, где их ожидают вполне земные, плотские утехы и наслаждения. Самое главное, пока этого не произошло, их ждала привлекательная возможность наживы и обогащения: воины получали 4/5 военной добычи, три доли – всадник и одну долю – пехотинец. Теперь весь мир резко распался для них по признаку веры на две зоны: Дар уль-Ислам, «территорию ислама», и Дар-уль-куфр, «территорию неверия», или Дар уль-Харб, «территорию войны». Начался отсчет новой эры в истории человечества, а, значит, и истории ромеев.

Арабы, или как их называли в Европе – **сарацины**, быстро создали превосходную, воинственную, выносливую, дисциплинированную армию из добровольцев-кочевников, бедуинов – дословно «пустынников», а когда добыча увеличилась, то и из наемников (ахабишей), включавших представителей разных племен, чужеземцев и даже не мусульман. Эта арабская армия состояла преимущественно из пехоты, но очень скоро, наряду с ней, появилось постепенно все более растущее верховое войско, для чего арабы пересели с привычных им верблюдов на коней. При этом, чтобы не отстать от ураганного темпа конницы, пехоту тоже сажали на коней и верблюдов со специальными седлами. К слову, верблюды играли еще и роль своеобразных водных резервуаров впрок: когда воды во время перехода не хватало, часть их резали, поскольку содержимым желудка одного верблюда можно было напоить восемь – десять лошадей, а мясо пустить на прокорм воинов.

Со временем прекрасно организованный боевой строй арабских войск стал насчитывать, как правило, четыре линии. Первая – «Утро псового лая» – называлась так потому, что первой начинала битву, осыпая врагов стрелами конных лучников, словно дразнила их, выманивала, чтобы заставить расстроить ряды. Вторая линия называлась «День помощи». Она как бы подпирала сзади конных лучников и состояла из тяжеловооруженных всадников – копьеносцев, одетых в железные нагрудники, кольчуги, шлемы. Тяжелая конница обрушивалась на врага, когда его ряды смешивались под ливнем стрел конных лучников. Но если «День помощи» не сокрушал врага, вся конница расходилась в стороны и пропускала вперед третью линию – «Вечер потрясения». Пешие ратники «Вечера потрясения» стояли стеной, опустившись на колени и прикрывшись щитами. Древки своих копий они вонзали в землю, а острия наклоняли в сторону врага. Враг терял последние силы, пробиваясь через эту колючую изгородь, тогда как панцирная конница не давала ему покоя. И наконец, позади всех, на некотором удалении, ждала своего часа последняя конная боевая линия, которую арабы называли «Знамя Пророка». Она, будто духи, возникающие из песчаной бури,

вмешивалась в битву в решительный миг, чтобы переломить сражение в свою пользу. Именно маневренность, мобильность и хорошая управляемость в скором времени сделали спаянную племенным родством арабскую армию почти непобедимой. Она не тащила за собой громоздкие обозы и могла быстро перемещаться на очень большие расстояния, наносить стремительные удары на флангах и расстраивать ряды врагов. Все это давало ей тактический перевес над противником, не знавшим таких преимуществ.

В 632 г. в аравийской *Медине* умер от лихорадки Мухаммед, единственный в истории человек, который был одновременно и Пророком, и поэтом, и завоевателем, и зачинателем будущей невиданной империи. Задуманный им большой завоевательный поход в ромейские провинции и против союзников Византии арабам пришлось отложить. Но уже через два года сильная, хотя еще и не накопившая боевого опыта армия первого избранного у мусульман *халифа* (наследника) – предводителя правоверных, общительного, знающего Абу Бакра (632–634 гг.), тестя Мухаммеда, вторглась в южную Сирию – богатейшую византийскую провинцию, всего лишь пять лет назад отбитую ромеями у персов в ходе ожесточенной войны. Арабы теперь блокировали, осаждали такие знаковые города как Бусра (Бостра), Дамаск, Эмесса, Пелла, Скифополь и учились брать их. Запустевшая византийская оборона во всем регионе оказалась разорвана в клочья. Ромейские власти, пренебрегшие новым противником, который представлялся им лишь трусливыми бандами грабителей, а еще более успокоенные прежними масштабными блистательными победами, недооценили опасность со стороны Аравии, не выделили должного количества войск, не обеспечили вовремя золотом своих союзников из числа провизантийских или нейтральных арабских племен и тем оттолкнули их.

После капитуляции осенью 635 г. Дамаска – древней столицы Сирии, крупного, хорошо укрепленного, богатого города и важнейшего рынка, расположенного на перекрестке дорог, ведущих от Евфрата в Египет, большинство остальных сирийских городов сдались добровольно, то есть были подчинены, важно подчеркнуть, мирным путем, через переговоры и подписание клятвенных договоров с жителями «о неприкосновенности их жизни, их имущества, их церквей и крестов». Ведь на помощь Ромейского царства не приходилось рассчитывать.

Объяснение случившихся неудач ромеев следует искать прежде всего в том, что на местных жителей приграничных областей невозможно было положиться. Обескровленные предыдущими поборами византийских властей, они крайне неохотно поставляли припасы ромейским войскам, шумели по ночам, провоцировали тревогу, полагая, что лучше договориться по доброму с арабами, чем быть разоренными ими. Ромейские и армянские командующие спорили, интриговали, вели несогласованные действия, не имели связи, а воинские дисциплина и моральный дух падали, особенно среди многочисленных, но недостаточно обученных новобранцев, составлявших значительную часть разноэтничного и разнотипного византийского войска. В такой ситуации обе противоборствующие стороны готовились к самой крупной по своему масштабу генеральной битве, вооружая, стягивая силы и маневрируя.

В палящем августе 636 г., в жесточайшую песчаную бурю, в кровавом, продолжавшемся двое суток сражении возле Джабии, богатого селения союзных ромеям палестинских арабов – гассанидов на реке Ярмук, к востоку от палестинской Галилеи, мусульманская армия наголову разгромила превосходившее по

численности византийское войско, вероятно, достигавшее более двадцати тысяч человек, включая гассанидов. Арабская конница заранее учла особенности неровной, сильно изрезанной местности на слишком растянутом ромейском фронте. Искусно маневрируя, она сумела нанести мощный фланговый удар и забрать инициативу в свои руки. Сильный ветер с песком из пустыни, дувший ромеям в лицо, слепил, ослаблял полет их стел, и наоборот, помогал арабам, будто духи *Ада* налетавших из мглы клубов пыли. Не спасла даже команда сковать каждый десяток тяжеловооруженных воинов общей цепью, чтобы удержать их в шеренге. Те, кто не poleg на месте, в большинстве погибли в ходе беспощадного преследования. Арабский командующий Ибн аль-Джаррах запретил брать в плен. После этого катастрофического поражения в регионе больше не осталось боеспособных полевых имперских армий и его завоевание арабами было предопределено.

Поняв, что в ближайшее время утерянное не вернуть, Ираклий, по словам сирийского историка, в отчаянии воскликнул : «Сазо, Сирия!», что значило : «Оставься с миром, Сирия!», и разрешил своим воинам все брать и грабить, как будто для него эта цветущая земля уже принадлежала врагам. Не располагая резервами, он был вынужден отдать приказ отвести остатки деморализованной ромейской армии в центральную и западную Малую Азию и всячески уклоняться от сражений, сосредоточившись на глухой обороне и выжидая момента для сокрушительного ответного удара, подобного тому, что в свое время ему удалось нанести Персии.

Собственно, именно катастрофические арабские завоевания вынудили ромеев начать реорганизацию армии и систему военной тактики. Даже солдаты из элитных столичных подразделений были переформированы в рамках очень изменившихся экономических и стратегических условий и рассеяны по провинциальным гарнизонам в различных районах, так что эти регионы, занятые тем или иным военным подразделением, получали наименование по этому подразделению. Области, в которых их расквартировали, отныне обязаны были обеспечивать солдат всем необходимым. Часть крещенных гассанидов-монофиситов, несмотря на то, что были арабами, не пожелали примкнуть к победителям и ушли вглубь Каппадокии. Однако мало кто на Востоке остался лоялен к Константинополю. Сказались гонения по религиозным вопросам, плоды прежней ромейской политики по выколачиванию налогов и препятствиям в торговле с теми же арабами, доходившими до грабежа караванов и захвата контроля над торговыми путями.

В 637 г. халиф Омар (Умар) ибн аль-Хаттаб (634-644 гг), еще один тесть Мухаммеда, мудрый и справедливый, простой и скромный человек, толерантный к иноверцам, въехал верхом на верблюде в завоеванный Иерусалим – важнейший религиозный центр иудеев, христиан, а теперь и мусульман, удивив жителей бедностью своей одежды, состоявшей из одной черной шерстяной рубахи-галабии. Святая Земля, героически отвоеванная ромеями у персов, вновь оказалась в чужих руках, а позднее, на построенном иерусалимском Куполе Скалы – мечети на месте вознесения Пророка Мухаммеда появилась надменная надпись, гласившая, что Иисус, сын Марии, тоже был только Пророком и христиане не должны никак иначе его называть и тем более считать Богом в отличие от Аллаха.

Натиск арабов не смогли остановить ни смертоносная пандемия чумы, унесшая многие тысячи жизней мусульман, ни «год пепла» – 639 г., поразивший страшной засухой саму Аравию, ни внутренние распри, мятежи. Буквально за несколько месяцев с ошеломляющей быстротой было завоевано все, что остава-

лось от ранее разгромленной ромеями, изувеченной Персии. Через десять лет ее последний бесприютный шах Йездигер III был убит кем то из местных жителей, соблазнившимся деньгами, а еще через десять лет персы были обращены в мусульманство. В 638 г. пала восточная жемчужина ромейской короны – Антиохия Сирийская. Затем наступила очередь Месопотамии и византийской Армении, в южных областях которой были размещены арабские гарнизоны. Армянский царь вынужден был поставлять оккупантам вспомогательные силы, хотя и при условии, что они не будут использованы против византийцев. Египет, житница Ромейского царства, основной поставщик зерна и оливкового масла, невзирая на сопротивление небольшой армии, капитулировал к концу 641 г. В дальнейшем, по сути дела, он был предан местным монофиситским Патриархом Вениамином, призвавшим коптов восстать против халкидонитов и забрать их церкви. Арабы гарантировали мир и неприкосновенность храмов при условии уплаты 13 000 серебряных динаров дани (по два динара с каждого мужчины), брали 200 заложников и давали возможность желающим беспрепятственно покинуть Александрию. Вместе с эвакуировавшимися войсками покидавшие город ромеи с тоской смотрели с палуб уходивших кораблей на навсегда скрывавшиеся берега родины. С ее потерей заканчивался «золотой век» ранней Византии. Через несколько лет, после неудачной попытки ромейского морского десанта вернуть Александрию и мятежа части местного населения, недовольного податным гнетом завоевателей, арабы, занявшие непримиримую позицию по отношению к египтянам-христианам, сравняли стены города с землей со стороны суши, а столицу Египта перенесли в Аль Фустат, дословно с арабского «лагерь», – маленькое, бедное, но зато привычное воинам-кочевникам поселение у пирамид в Гизе, что позже станет великолепным, громадным Аль-Кахиром – Каиром, дословно «Победоносным».

В 641 г. вконец удрученный роковыми неудачами, интригами императрицы Мартины и своих детей от первого и второго брака, сломленный морально, погруженный в меланхолию, с больной душой и раздутым, почти парализованным от водянки телом, в самом жалком положении умер великий победитель Персии, все же отдаливший нашествие с Востока от Европы. Его противник Омар, будучи зарезан во время молитвы персидским рабом-христианином, пережил Ираклия на три года. Избранный халифом пожилой и пассивный Осман (Усман) ибн Аффан (644-656 гг.), представитель относившегося к курайшам известного рода **Омейядов**, был большой любитель благовоний, породистых лошадей и молоденьких рабынь, но при нем завоевания по инерции все же продолжались – как снег весной постепенно таяли богатые владения византийцев в северной Африке, была подорвана вековая монополия Ромейского царства на море.

Преемники василевса Ираклия, его внук Константин II, он же Констант Погонат («Бородач») (641-668 гг.), и правнук Константин IV (668-685 гг.), тоже были людьми способными, властными, своевольными, решительными, храбрыми, даже жестокими, но и им не удалось кардинально поправить положение. Казалось, востоку Ромейского царства приходил конец, поэтому взоры правителей ромеев все чаще обращались к тому, что осталось на западе.

Чрезмерно увлекшись устройством дел в Италии и «Старом Риме», позабыв о нелюбимом им Константинополе, покидая который Констант Бородач удостоил лишь плевка, своенравный император стал жертвой заговора: он был убит мыльницей в бане сицилийских Сиракуз одним из своих слугителей, упустив

момент разногласий у арабов. Это был последний византийский император, который посетил Рим, и жил там как полноправный государь в 663 г. Он едва не перекроил историю Европы, собираясь, укрепившись на Балканском и Апеннинском полуостровах, порвать с Константинополем и вновь перенести столицу на Запад, на сей раз в Сиракузы, защитить Италию, Сицилию и африканские владения от лангобардов и арабов, ибо считал Империю на Востоке если не до конца утраченной, то под смертельной угрозой. Этот факт особенно ярко указывает на катастрофичность сложившегося положения.

К тому времени, используя брошенные ромеями арсеналы и начав собственное строительство кораблей, арабы энергично напали на основные военно-морские базы Ромейского царства – острова Кипр и *Родос*. Целясь на притягивавший своими колоссальными богатствами Константинополь, они овладели также эгейским островом Кос. Императорский флот оказался разгромлен уже в 655 г. в первом же крупном морском сражении – знаменитой «битве мачт» между христианами и мусульманами у южных, ликийских берегов Малой Азии. До глубокой ночи здесь длилась жестокая abordажная рукопашная схватка, в которой ромеи понесли огромные потери, усугубленные начавшимся штормом. Поскольку на захваченном флагманском корабле византийцев был убит человек, переодетый в царские одежды, ликующие арабы решили, что покончили с самим Константином Погонатом.

Враги уже вынашивали идею объединения земель поверженной Персии и захватываемой Византии, надеясь занять место христианской Империи. Роковую ситуацию спасла смерть любвеобильного халифа Османа, который, столкнувшись с мятежами, оказался зарезан повстанцами в 656 г. в своем доме в Медине – «Городе Пророка». Вслед за этим вспыхнула выгодная для византийцев тяжкая междоусобная, гражданская война – фитна между кузеном и зятем Пророка Али ибн Абу-Талибом, мужем Фатимы, известном своей жестокостью, и военным наместником Сирии, хитрым Муавией ибн Суфьяном, обвинившем Али в причастности к убийству халифа. В итоге через пять лет Али был убит одним из фанатичных мусульман-экстремистов, Муавия захватил престол и перенес столицу арабского мира из мрачной, пыльной Медины – изначального центра мусульманской общины в роскошный сирийский Дамаск, где, по словам арабского историка, «...устроил и сокровищницы свои для денег». Он обеспечил преемство власти для своего сына Язида и тем самым по настоящему основал славную воинственную династию Омейядов, которая просуществовала в течение следующих восьмидесяти лет.

Тем не менее эта борьба возродила прежние родо-племенные распри, осложнила их новыми обидами и противоречиями, усилила религиозную рознь арабов, навсегда разделивших мусульманский мир на ортодоксов – *суннитов*, принявших Муавию как халифа, и на сторонников Али (по арабски «ши'а Али») и его погибших двух сыновей – непримиримых, фанатичных *шиитов*, которые не признали право на руководство мусульманской общиной за потомками Муавии.

Но мусульмане, несмотря на внутренние осложнения, фитну 656-661 гг., упрямо продолжали двигаться по восточному и южному Средиземноморью, подобно гигантской волне, затапливающей все на всем пути (Карта 2). Если до этого, по выражению современника, «границы империи, подобно статуям императоров, казались навечно сделанными из бронзы и мрамора», то теперь все «видели империю униженной», а половину ее земель потерянными.

В чем причины столь удивительных успехов арабов, сумевших смести все на своем пути и буквально за два – три поколения создать гигантскую державу, поражающую воображение? Перевес в вооружении? Но его не было : вооружение арабов было сравнительно простым и уступало вооружению ромеев и персов, поступавшему к ним в виде военных трофеев. У них не было даже осадной техники, которую они лишь со временем заимствовала у противников, как и штурмовые навыки. Да и количественно силы воюющих сторон были примерно одинаковыми – по 20-30 тысяч воинов.

Может быть, их противники были в упадке? Но этого не скажешь, по крайней мере, в отношении Ромейского царства, которое только что сумело сломать хребет сильному, грозному врагу, получило контрибуцию, вернуло взятое в долг, да и богатая добыча, захваченная арабами у византийцев, сама по себе показательна и не свидетельствует в пользу полного истощения ромеев.

Ислам? Едва ли он мог сразу стать притягательным знаменем побед. Следует учесть, что в начале арабских завоеваний общая масса завоевателей в значительной мере предавалась многобожию, оставалась языческой, поначалу не знала ни священной книги мусульман – Корана, ни его существенных предписаний и даже не питала симпатий к исламу, временами отрекалась от него, являясь мусульманской лишь формально. Ислам был только стимулом, объединяющим фактором в завоеваниях. Причем идея распространения ислама на весь мир пришла к арабам гораздо позже, как доказательство правомерности арабских завоеваний. Причина их успешности крылась, видимо, в другом.

Нет сомнений, что прежде всего арабы крайне удачно воспользовались битвой не на жизнь, а на смерть своих основных соперников, Персии и Византии, препятствовавших объединению арабских племен и в свою очередь разьединенных. Но еще более важно, что этнические противоречия и вражда между христианами разных толков внесли самый существенный вклад в победу арабов, которые своим господством, как ни странно, примирили враждующих, поставив их в одинаковое положение. Во всяком случае, гонения официального Константинополя несомненно «помогли» еретикам восточных провинций отнестись к чужой вере с меньшей непримиримостью, чем к императорам-гонителям.

Кроме того, сказались экономические ошибки византийцев и преимущества географического положения Аравийского полуострова, который населявшие его племена метко называли «Джазират-ал-араб» – «Остров арабов». Ромейские власти отрезали этот «остров» от внешней торговли, они сами и их союзники из местных окрещенных племен грабили караваны, а это не могло не вызвать недовольства тех, на кого византийцы смотрели как на полудиких варваров. Между тем население захваченных этими варварами областей уже давно питало идеи отделения от Ромейской империи и нередко встречало арабов как освободителей. Недаром здесь бытовала крылатая фраза : «Бог мести послал арабов, чтобы освободить нас от жестокости римлян». Последняя крылась прежде всего в налоговом гнете, который завоеватели поначалу весьма дальновидно ослабили.

*Они предлагали своим противникам сам собой напрашивавшийся выбор : или биться насмерть, или принять ислам, или стать **зимми** (араб. ахл-ал-зима – «людьми договора»), то есть покоренными, но не принявшими ислам. В по-*

следнем случае они обязывались отдавать **харадж** (от араб. «все, что прорастает») – подать с «земли и людей», то есть поземельный налог,, а также еще один налог – **джизью** (араб. «вознаграждение»), которая являлась выкупом «неверных» за возможность безопасно жить в «краю мусульман» (дар- уль ислам). Учитывая, что размеры подати и выкупа – вознаграждения поначалу определяли сами покоренные и они были невелики в сравнении с выжимавшими все соки византийской и персидской налоговыми системами, выбор был очевиден – откупившись сравнительно небольшой суммой, можно было сохранить главное – жизнь, имущество и веру. К примеру, джизья, о которой договорились в 635 г. жители сданного арабам богатого Дамаска, по разным сведениям, колебалась от одного до четырех динаров с мужчины и одного джариба зерна (около 23 кг) с джариба земли (около полутора соток). Более того, если верить арабским источникам, арабы иногда возвращали полученную джизью, когда, вынужденные отступить перед переходившими в контрнаступление ромеями, не в состоянии были удержать захваченные центры. Несомненно, такие случаи, о которых ширилась молва, еще более склоняли к ним сердца местного населения, когда оно сравнивало «врагов» с вернувшимися «родными» ромейскими властями, тут же начинавшими вновь драть три шкуры с бедных подданных и жестко требовать недоимки. Лишь со временем размеры джизьи и хараджа стали расти, иногда достигая половины дохода плативших, но для сдавшихся на милость победителей было уже поздно сетовать и горевать. Политико-экономическая игра была сделана.

Тем более утешало то, что вначале арабы сравнительно мягко относились к населению покоренных областей и демонстрировали исключительную способность адаптироваться к обстоятельствам. Зачастую, не мудрствуя, они использовали византийскую систему местного управления, лишь постепенно ее арабизируя, привлекали жителей в органы государственной власти, настойчиво насаждая арабский язык. Знание последнего поневоле стало условием жизненного успеха. Нельзя было стать мусульманином не зная Корана, а языком Корана был арабский. Собственная арабская монета, динар, во многом была сделана похожей на ромейский солид, с которым она удачно стала соперничать.

Следует учесть, что для раннего ислама с его ревностным единобожием была характерна значительная веротерпимость к христианам и иудеям, как к указанным в Коране «людям Писания» (ахл ал-китаб), тоже монотеистам, которые, подразумевалось, рано или поздно примут ислам. Религиозная мягкость, веротерпимость арабов стала одной из главных причин их быстрого продвижения по завоеванным территориям, поскольку этой веротерпимости не было в Ромейском царстве,, где официальная Церковь вела бескомпромиссную борьбу не только против иудеев, время от времени требуя их Крещения, но и против христиан – монофиситов – сирийцев, коптов и других коренных жителей тех районов, которые со временем захватили арабы. Как заметил крупный востоковед, академик Василий Бартольд : «Римской нетерпимости был противопоставлен принцип равенства всех вероучений на Востоке». Поэтому последствия местного сепаратизма Сирии и Египта, давних религиозных разногласий Империи с монофиситами сказались в полной мере, тем более, что арабы не покровительствовали

официальной Церкви – Церкви халкидонитов, приверженцы которой в бывших византийских восточных провинциях презрительно назывались **мельки-тами**, то есть сторонниками малько, по-сирийски императора, царя. Вероучительная ненависть была столь сильна, что монофиситы Востока видели врагов не в арабах, а в непримиримых «царских христианах» – халкидонитах. Не лучшие к последним относились и преследуемые при Ираклии евреи-иудеи, которых этот василевс желал окрестить. Понятно, почему они горячо клялись Торой, «...что правитель Ираклия только в таком случае вступит в город, если мы будем побеждены и выйдем из сил».

Наконец, не исключено, что причины случившегося отчасти можно видеть и в изменении климата, и в определенном демографическом взрыве на Аравийском полуострове, что привело к массовой перекочевке бедуинов за пределы Аравии и вызвало мусульманский «Потоп».

Так или иначе, ведомые религиозными призывами и идеей священной войны, мусульмане, мудро действуя всеми возможными способами, добились феноменальных, ошеломляющих успехов в распространении своей религии. Достаточно заметить, что христианство шло к таким результатам почти четыреста лет! Ислам оказался вероучением простым и понятным для людей, давно принявших идею единобожия. Его принятие давало конкретные экономические льготы. Мусульмане платили в казну только ушр – десятину своих доходов. На этом фоне харадж и джизья были в несколько раз больше. Очень важно, что исламизация проходила добровольно, без насилия со стороны государства. С другой стороны, ограничения, накладываемые на неверных, безоружных «покровительствуемых» граждан второго сорта, зимми, были малы – не так уж трудно было не быть военнообязанными, не ездить на лошадях, а использовать взамен мулов или ослов, или строить свои святилища не выше мечетей. Хуже был моральный прессинг со стороны победителей, единственных носителей истинной веры. Исламизация и арабизация постепенно пропитывали собой этот новый мир, большая часть которого была отвоевана у ромеев и принесла каждому арабскому воину колоссальную добычу, опять таки, надо заметить, справедливо разделенную.

Обосновавшись в Дамаске, халифы из рода Омейядов почти ежегодно принимали грабительские рейды вглубь Малой Азии, особенно в ее юго-восточные области, двигаясь от крутых гор Тавра, где теперь проходила условная византийско-арабская граница. Чаще всего маршрут арабских вторжений мечом пронзал ромейские малоазийские города **Аморий, Дорилеум, Ираклию** Понтийскую, достигая иногда областей южного Понта и даже Халкидона напротив Константинополя, в опасной близости от столицы ромеев. Набеги следовали с регулярностью сезонных ветров. Страх ромеев перед тем, что арабы рано или поздно окончательно завоюют страну, обратился чуть ли не в наследственную манию.

К концу VII в. на землях Месопотамии, Сирии и южномалоазийской Киликии приверженцы Пророка создали особый укрепленный, протяженный, пограничный административный район – **иклим-ас-сугур**. Именно здесь и перед ним, на опустошенных, «ничейных» землях юго-востока Малой Азии – «территории войны», столетиями шла самая ожесточенная борьба, но именно создание ас-сугура указывает, что ромеи были не только оборонявшейся стороной, придерживавшейся исключительно стратегии сдерживания. Они сами то и дело предпринимали от-

ветные рейды. Со временем война превратилась в такое же регулярное сезонное занятие как сев или сбор урожая. Почти ежегодно, если было все спокойно внутри Халифата, весной (не позже 11 мая, чтобы поспеть к уборке зерна), арабы собирали войска в пограничных округах Сирии для очередного набега. Будто заведенный механизм, они были в «подбрюшье» ромейской Малой Азии, порой углубляясь на север, будто нож в масло, вплоть до берегов Черного моря и Босфора.

Крупные военные походы мусульмане предпринимали очень редко : они не окупали затраты. Тем не менее в течение семи лет, около 670–678 гг., войска халифа Муавии, сумевшего ликвидировать смуту в Халифате, впервые решились грозить самой столице Византии, падение которой открыло бы захватчикам путь в Европу. В конечном итоге, собрав гигантские силы, способные сражаться как на суше, так и на море, халиф предпринял ее осаду. Она оказалась самой страшной из всех осад, перенесенных константинопольцами. Понимая, что взять Константинополь можно только одновременным сухопутно-морским ударом, арабы, наняв в сирийских портах множество корабельных экипажей, блокировали столицу Ромейского царства большим флотом со стороны Мраморного моря, а к сухопутным стенам доставили массивные осадные орудия и огромные катапульты, но тщетно : преодолеть хорошо продуманную систему фортификационных сооружений не удалось, город выстоял, более того, даже не испытал голода. Припасы удавалось доставлять из соседней балканской Фракии, а, возможно, по морю, с Крымского полуострова.

Крупной удачей для византийцев стало сожжение многих арабских судов, сосредоточенных на зимовку у *Кизика*, «жидким огнем» – по-гречески «пир иргос», самым истребительным оружием до появления в XIV в. пороха и пушек. Стремительно вылетающее, грохочущее пламя из пневматических устройств на носках приблизившихся почти вплотную ромейских судов слепило огненными вспышками, дым застилал небо, пары и газы душили охваченных ужасом моряков на арабских судах, казалось, горело само море.

Достоверно известно всего пять фактов о пресловутом «жидком огне». Одно из первых упоминаний этого легендарного гениального оружия в византийских письменных источниках относится к VI в. С его помощью был уничтожен флот бунтовщика Виталиана, предводителя варваров-федератов в Мёзии и Фракии. Он восстал в 513 г. против императора Анастасия Дикора. Префект претория Марин Сириец, сжегший мятежный флот, получил необходимую для этого огнесмесь в виде некоего самовоспламеняющегося порошка серы – «божественного апирона» от знаменитого философа Прокла Афинского. Но по другой, более распространенной с начала IX в. версии, собственно «жидкий огонь» был изобретен в Константинополе беженцем из сирийского Гелиополя (теперь Баальбек в нынешнем Ливане), строителем (зодчим) Каллиником, незадолго до конца первой осады Константинополя арабами. Вместе с тем Патриарх яковитов Михаил Сириец утверждал в написанной им в XII в. «Хронике», что Каллиник, которого он называл «плотником», впервые применил свое изобретение, называемое «нафт» («нефть» по-арабски) еще до этого, в Ликии, на юго-востоке Малой Азии, где с его помощью были сожжены стоявшие в море суда со всеми людьми на борту.

«Пир иргос», вероятно, он же «фалассион пир» – «морской огонь», «военный огонь», «мидийский огонь», представлял собой легко воспламеняющуюся клейкую смесь, очевидно, из фракций сырой, то есть неочищенной нефти,

горючих растительных масел с неперменным и очень важным для эффективности вязким, клейким загустителем, скорее всего, смолой, которая, в отличие от нефти, легко воспламенялась и резко повышала температуру горения. Именно этим объяснимо ее сильное поражающее действие и способность прилипать, «приклеиваться» к предметам. Попадая в цель, будь то деревянные борта, палуба корабля, осадная машина или толпа воинов, она как бы облепляла ее, быстро расплываясь во все стороны.

Различные огнесмеси на основе нефти и истолченной в порошок смолы металы из передвижных, установленных на колесах катапульт в глиняных сосудах с подожженными фитилями, тлеющей ветошью. Разбиваясь, они взрывались испепеляющим пламенем.

Со временем для «жидкого огня» стали использовать огнеметы – специальные бронзовые трубы – **сифоны**, иногда сделанные в виде бронзовых чудовищ с разинутыми пастьми. Они, в соответствии с указаниями знаменитого александрийского инженера I в. **Герона** Механика, написавшего трактат «Пневматика», были подсоединены трубками к наглухо закрытым, герметичным бронзовым резервуарам-котлам, в которых жаровнями разогревали огнесмесь, под давлением накачивая поршнем или насосом-помпой воздух (принцип действия водяного пистолета). В необходимый момент, открыв кран, можно было выстрелить разогретую жидкость через наконечник. **Сифонатору** – высококвалифицированному специалисту по обслуживанию приспособления для метания горючей смеси достаточно было поднести к ней факел, чтобы вылетевшие кипящие капли превратилась в ревущий столб пламени, устремленный на врага. Для того, чтобы защитить руки от возможных ожогов, сифонатор имел трубчатые щитки-поручи. В целом же, за действие огнеметных сифонов отвечал мастер-**протоелат**, который был одновременно главой гребцов на судне.

По словам хрониста Феофана, «огненосными горшками» снабжали огромные двухпалубные суда, а «огненными сифонами» – быстрые, легко маневренные «сифонофорные» корабли. Во время боя, когда суда подходили предельно близко или вплотную, противника забрасывали этими горшками и поливали из сифонов горячей жидкостью, которая горела даже в воде. Погасить адский огонь можно было засыпав песком, землей, закрыть сырыми кожами, чтобы лишить очаг возгорания кислорода, либо залить уксусом или мочой. Запасы этих жидкостей с целью противопожарной безопасности держали в глиняных бочках – пифосах неподалеку от огнеметов и емкостей с запасом «жидкого огня». Впрочем, в этих обстоятельствах крылись недостатки смертоносного оружия. Они заключались в малой дальности (пара десятков метров) и повышенной опасности, трудности использования огнесмеси, которую с риском для взрыва от избыточного давления или высокой температуры приходилось разогревать в специальных аппаратах внутри корпуса неустойчивого деревянного судна, качаемого ветром и волной. Видимо, сложность использования такого оружия и отсутствие собственных специалистов объясняют, почему арабы не научились применять подобные огнеметы.

«Жидкий огонь», этот страшный «напалм византийцев», долго оставался грозным оружием ромеев и, несомненно, имел еще и психологический эффект воздействия. Он давал его обладателям преимущество над врагами

и на море, и на суше. Позже на вооружении в армии появились даже «ручные сифоны» – хиросифоны, огнеметы. Бойцы прятали их за бронзовыми щитами и особенно эффективно использовали при штурме крепостей. С эпохи Крестовых походов средневековые авторы стали именовать ромейский «жидкий огонь» «греческим огнем» и с этим наиболее распространенным названием он и вошел в историю.

В 678 г. после череды неудачных атак с суши и столкновений на море арабы сняли эту затяжную, перемежающуюся отходами осаду Константинополя. Возвращаясь в Средиземное море, их флот попал в лютую зимнюю бурю, которая погубила оставшиеся корабли. Неудача постигла и сухопутное войско арабов во главе с полководцем Абу Суфьяном : в сражениях с ромеями в Малой Азии он попал в засаду и потерял около тридцати тысяч воинов. Это был блистательный реванш, который кровью стер позор Ярмука и вселил в ромеев уверенность в своих силах. Кроме того, распри между суннитами и шиитами ослабили натиск завоевателей и позволили Ромейскому царству, воспользовавшись положением, вновь свободно вздохнуть. Подавленный, мрачный Муавия вынужден был заключить перемирие на долгих три десятка лет на невыгодных для арабов условиях, даже впервые согласился на уплату ежегодной дани золотом, конями и рабами, на освобождение пленных ромеев и вывод войск с недавно захваченных эгейских островов. Сломленный, он умер на следующий год. В первый раз мусульманские завоеватели потерпели крупную неудачу. Чрезвычайным напряжением сил византийцы смогли отстоять свои ядровые малоазийские владения, а Константинополь оказался на пике популярности и вернул доверие в глазах прочих правителей на Востоке и Западе. Путь арабам на Европу через Балканы был перекрыт.

После смерти престарелого суннитского халифа Муавии воинственный, жесткий и решительный молодой василевс Юстиниан II (685-695 гг.), сын Константина IV Погоната, пополнив армию боевитым славянским контингентом, отправился в Армению, чтобы вернуть ее под власть Империи ромеев, но оказался жестоко разбит в 692 г. Славянское войско во главе с их архонтом по имени Небул, предало, склоненное к измене арабским полководцем Мухаммедом, пославшим Небулу «колчан, полный номисм». В отместку василевс приказал перебить оставшихся славян вместе с женами и детьми, но это не спасло положение. Удача вновь стала отворачиваться от Византии.

Ухудшилось положение и в северной Африке, где арабы уже имели базу в Кайруане и громили сопротивление местных племен берберов. К концу VII в. Ромейское царство окончательно потеряло здешние земли с крупнейшим узлом связи, городом-портом Карфагеном, дважды переходившим из рук в руки. Уже в первые года VIII в. арабы достигли здесь побережья Атлантического океана, и через Гибралтарский пролив, ширина которого в самом узком месте всего четырнадцать километров, их армия вторжения во главе с одноглазым полководцем по имени Тарик оказалась в Испании. Дальше лежали южные христианские земли франков, куда тоже влекло завоевателей. Это был безвозвратный урон европейской цивилизации, которая стала складываться на берегах Средиземного моря во времена Римской империи.

С колоссальным трудом, собрав все мужество, ромеи отчаянно удерживали границу, установившуюся отныне по безлюдным горам Тавра на юго-востоке Малой Азии. Расположенные здесь земли, наряду с Балканами, основной оплот

христианства, прикрывали тем самым европейский Запад, который опрометчиво воспринимал арабов как далекую и едва ли реальную угрозу.

Лишь после ряда поражений казавшийся необоримым натиск Дамасского халифата Омейядов на Византию на некоторое время ослабел. Сказалась очередная фитна – гражданская война у арабов в 682-692 гг. Поэтому последняя плотина христианского мира на пути арабского потока все же устояла, спася тем европейский мир. Но во многом секрет этих успехов кроется не только в осложнениях у арабов, а и в тех мудрых преобразованиях, на путь которых ромейские власти встали уже с конца VI в. и особенно в обновлении при династии Ираклия.

Экзархаты и фемы

Византийцы были не в состоянии противостоять натиску германцев-лангобардов на Аппенинском полуострове, берберских кочевых племен в северной Африке, славян и аваров – на Балканах. Особенно опасным стало положение в северной и средней Италии, поскольку Римский папа руками вторгшихся сюда и усилившихся лангобардов в конечном счете добился ликвидации византийского владычества. Это привело к фактическому отделению данного анклава, лишь номинально остававшегося частью Ромейского царства. Связи его с востоком все более слабели. Сенаторов здесь почти не осталось, а ряды знати теперь пополнялись, главным образом, за счет выходцев из местной армии. Власть префектур претория, одного из главных символов ранневизантийского государственного устройства, оказалась обречена и год от года становилась все более призрачной.

Ответом на тяжелейшие испытания стало начало формирования в Византии к концу VI в. новой, эпохальной по своей значимости военно-административной системы, которая должна была решить жизненно важные проблемы системы управления и обеспечения обороноспособности державы. Чтобы спасти хоть какие-то территории, отвоеванные Юстинианом I, дальновидный, энергичный, исключительно упорный в работе император Маврикий (582-602 гг.) решил усилить свое влияние, прежде всего в наиболее тревожных, удаленных регионах, округах, окончательно передав в руки назначаемых сюда правителей – экзархов и военную, и гражданскую власть, дабы им было удобнее реагировать на опасность. Таким образом, по мере уменьшения территории Ромейского царства усиливалась централизация. Ничего нового в такой мере не было. По пути соединения высших полномочий в одном лице, то есть нарушения старой традиции управления, шел уже Юстиниан I, издавший целый ряд новелл такого рода об отдельных провинциях, наместничествах, особенно в беспокойном Египте. Теперь эта тенденция становится общим спасительным правилом, несмотря на то, что она оказалась соединена, по сути дела, с делением Империи ромеев на области.

Экзарх являлся представителем императорской власти на территории, вверенной его защите и управлению. Для большей эффективности все военные дела, администрация, суд и финансы были сосредоточены в его ведении. Он получал из Константинополя военное подразделение для своей охраны, набирал на местах войска и вообще обладал неограниченными полномочиями, пользовался царскими почестями. Даже дворец экзарха назывался священным, как и столичные палаты императора.

На Апеннинском полуострове уже в 584 г. был образован **Равеннский экзархат** – комплекс из семи подконтрольных византийским властям территорий – ду-

катов с центром в североиталийском городе Равенна. Эта столица византийской Италии тогда была укрепленным морским городом, находилась рядом с берегом лагуны, как и ее военный порт Классис, располагавшийся в четырех километрах. В зависимость от здешнего экзархата попали значительные итальянские города – Рим, Неаполь, Перузия (теперь Перуджа), а также Венето, будущая **Венеция**, раскинувшаяся более чем на ста островах в огромной, вытянутой адриатической лагуне. Эти острова издавна служили прекрасным убежищем от врагов, особенно во время вторжения лангобардов, а их жители, пополняемые все новыми беженцами, промышляли рыбной ловлей, добычей соли, мореплаванием, торговлей и находились под мощным воздействием ромейской культуры и образованности. Даже сам титул **дож** выборного главы Венеции был искажением изначального имперского звания дукс, или дука. Со временем предприимчивые венецианцы сделают своим небесным патроном Св. Марка-евангелиста, мощи которого совершенно авантюрно, прикрыв кусками свинины, выкрадут в IX в. у арабов из Александрии, после чего соорудят над гробницей роскошный пятикупольный храм Св. Марка, скопировав его со знаменитого константинопольского храма Св. Апостолов – **Апостолиона**. Не жалея денег на украшение святыни, они в X в. закажут для нее византийским мастерам алтарную преграду чудной работы, которую украсят двумя тысячами драгоценных камней. Даже после падения экзархата в середине VIII в. под ударами лангобардов венецианцы, как и многие другие италиоты, останутся в сфере интересов Ромейского царства, до 827 г. еще будут получать келевсисы – повеления василевсов и лишь постепенно, соперничая с метрополией, станут все более независимыми, сохраняя на протяжении веков тесные экономические, политические и культурные связи с Константинополем.

Подобные преобразования пережила и северная Африка, где около 590 / 591 гг. возник **Карфагенский экзархат** со столицей в одноименном крупнейшем городе и порте, лежавшем напротив Сицилии, на перекрестке важнейших путей. В состав большого округа входили пять дукатов, причем один из них лежал за африканскими пределами – на острове Сардиния. При византийцах Карфаген пережил последний блистательный период своего существования как центр цивилизации и культуры. Впрочем, судьба этого экзархата оказалась еще более короткой, чем византийской Равенны. В 702 г. последние ромеи покинули Африку, окончательно захваченную мусульманами.

Оба экзархата были форпостами Ромейского царства на Западе и, самое главное, знаменовали собой начало эпохи милитаризации византийского государства и управления. Они стали образцом для будущей оригинальной, очень эффективной, крепкой организации армии и администрации, толчок к которой дала угроза со стороны персов, тюрков, а затем арабов, когда византийцам пришлось столкнуться с вторжениями массовых конных армий врага с различных направлений. Кроме того, надо было решить давно терзавшую армию проблему вербовки, пополнения новыми воинами и навести порядок в тылу. В этих целях василевс Ираклий (610-641 гг.) предпринял первую попытку провести соответствующую реформу – поделить провинции, сельскую местность с находившимися в них группировками войск на милитаризованные, по сути дела, военно-территориальные провинциальные округа, которые стали называть «командами» – **стратигиями**, а позже – **фемами** (последний термин привился к началу IX в.) Набор солдат, по-гречески **стратиотов**, их размещение производились в рамках этих

округов. Часто они были сыновьями ветеранов, поскольку для некоторых категорий рекрутов военная служба сделалась наследственной.

Первоначально греческий термин *фема* означал отдельную войсковую единицу и лишь позже, не ранее второй половины VII в., по имени этого отряда, специальной воинской части или военного корпуса стали называть территориальную область, провинцию или несколько провинций, где он дислоцировался. В такой стратегии или феме всем распоряжался своеобразный «генерал-губернатор» – *стратиг* и было расположено фемное подразделение, которое в «темные века» насчитывало как правило от одной до четырех тысяч воинов, живших здесь же в качестве привилегированных военных землевладельцев – зажиточных крестьян, имевших свои дома, семьи, воинские земельные владения-наделы. Они даже должны были отчасти обеспечивать себя оружием и снаряжением, а для поднятия их достатка им предоставляли налоговые льготы. Таким образом, зависимость армии от личных солдатских хозяйств, воинских владений, которые позже назовут *стратиотика ктимата*, возросла как в области провианта, так и вооружения. Оружие, верховых и вьючных животных ей поставляли по натуральному оброку, а отчасти войска закупали их самостоятельно. Как уже сказано, в большинстве случаев такие подразделения получали местные названия.

Прежние, унаследованные от римской армии, различия между полевыми и пограничными войсками – лимитанами и комитатами постепенно почти исчезли. Вооруженные силы теперь комплектовались в основной массе из фемных, территориальных, хорошо подготовленных ополченцев. Помимо таких территориальных ополчений стратегий-фем византийские вооруженные силы включали также профессиональных военных, а именно регулярные кавалерийские части и отряды дворцовой стражи – дворцовые схолы, по сути дела, имперские столичные гвардейские части и наемников-иноземцев, главным образом, из числа тюрок, которые долгое время являлись резервом для пополнения регулярных войск некоторых фем.

Новая военно-административная система явилась выходом из тяжелого военного положения, особенно вызванного мусульманским завоеванием, и стала основой византийской государственности почти на пятьсот лет. Это было значительное достижение. Принцип фемного строя утверждался постепенно при преемниках василевса Ираклия, со второй половины VII в. как серия мер по децентрализации провинциального административного управления и вместе с тем по внедрению более гибкой центральной власти Константинополя в провинциях. Вместо того, чтобы пытаться удерживать границу страны и навязывать врагу генеральные сражения, фемные армии с конца VII в. перешли к успешным глубоким рейдам в тыл противника, либо прибегали к тактике измора вторгавшегося на имперскую территорию неприятеля, следуя за ним по пятам, непрерывно тревожа его, завлекая в засады и вынуждая убраться к себе. Эта стратегия имела успех благодаря опоре на многочисленные, снабженные всем необходимым маленькие посты, укрепления-фруры, башни-пирги и крепости, расположенные на главных путях во внутренние районы Ромейского царства. Наталкиваясь на них, враг, как правило, терял инициативу и увязал в осадах.

Новые фемы создавали по мере роста военной угрозы тому или иному району или необходимости преобразования отвоеванных областей. К 730 г. они приобрели ясные географические очертания, а к концу VIII в. – элементы военной и фи-

нансовой администрации, хотя разделение на провинции тоже осталось. Как уже сказано, во главе каждого округа стоял стратиг. Теперь он сосредотачивал в своих руках не только военную, но и гражданскую власть, переданную ему василевсом. Стратиг отвечал за безопасность вверенной ему территории, за дозорную службу, заботился о поступлениях налогов, осуществлял казенные выплаты, следил за набором ополченцев, строительством, обновлением и текущим ремонтом общественных построек, оборонительных сооружений, тесно сотрудничал с духовными властями, контролировал действия подчиненных ему местных гражданских властей, регулярно донося обо всем в столицу. При этом он оставался в строгой подотчетности константинопольскому правительству и лично правившему на тот момент василевсу. Дабы стратиг не успел срастись с местной знатью и не стал вынашивать идеи неповиновения, его старались держать в феме не более четырех – шести лет, переводя на новое место службы и все время тасуя чиновников.

Управлять областью стратигу помогал штат так называемых *проелевсимов* – военных должностных лиц, командиров-начальников, составлявший его секрет – свиту, ведомство, штаб. Главными среди них считались начальник штаба – *комит палатии* («шатра, военной палатки») (комис тис кортис), который отвечал за дозорную службу и охрану лагеря фемы, и *турмархи*, командовавшие *турмами* – отрядами, размещенными на соответствующей территории (турмы). Аналогично назывались соответствующие административные единицы, на которые делилась фема. Обычно их было две или три. Штаб каждой турмы располагался в укрепленном городе или крепости и его начальник отвечал за состояние прочих укрепленных пунктов в своем округе, безопасность местного населения, его имущества. Он первым должен был выступать против вторгнувшегося неприятеля, а если не хватало сил, просить помощи у стратига. Ниже турмархов следовали *доместик фемы*, который командовал провинциальной регулярной тагмой, а также *кентрах* (офицер) «меченосцев»-спафариев и *комис этарейи* (дружины), вероятно, начальники стражи и телохранителей стратига. Поначалу, со второй половины VII в. такие сторожевые отряды формировались из особо преданных стратигу воинов или даже из его родственников. Офицерами также были комиты или друнгари. Последние являлись офицерами, возглавлявшими *друнги* – регулярные тактические единицы меньше турм, каждый приблизительно по тысяче воинов, хотя их штатный и численный состав не были фиксированы и могли существенно колебаться. Друнги делились на *ванды (банды)* численностью от сорока до четырехсот воинов (треть – конники, остальные – пехотинцы) во главе со своими унтер-офицерами, комитами ванд. Каждая ванда, как и турма, тоже имела совершенно определенную, четкую территориальную привязку и своего знаменосца – *вандофора*. Из района дислокации она черпала пополнение и ресурсы.

Под личным командованием стратига находились и *таксаты, таксеоты*, воины регулярных кавалерийских отрядов, контингенты быстрого реагирования, размещенные в приграничных или прибрежных крепостях фемы. Это была отборная часть фемного войска, по уровню подготовки превосходившая ополченцев – стражиотов. Пехотные отряды – *таксисы, таксиархии* под командованием *таксиархов* тоже входили в гарнизоны крепостей. Адьютантом стратига являлся *протомандатор*, который возглавлял посыльных, передававших распоряжения стратига в отряды. Обязанности канцеляриста выполнял *протоканкелларий*, который также отвечал за поддержание порядка в фемном ополчении во время похода.

Гражданскую часть фемы представляли претор или **крит** – судья, в ведении которого была гражданская, уголовная, а с конца X в. и военная юрисдикция. Кроме того, он имел дисциплинарную власть над всем персоналом, вверенным стратеги. Отчасти сюда же относился и появившийся с начала IX в. такой чиновник, как фемный **протонотарий**. Он отвечал за созданную к этому времени систему снабжения стратиотов и регулярных тагм за счет натуральных и денежных повинностей, возложенных на местное население конкретной фемы, а также непосредственно за сбор, хранение и распределение продовольственных запасов для нужд армии и фемной администрации. В частности, как отвечающий за сбор **сакеллы**, протонотарарий находился в подчинении такого центрального финансового департамента как сакелла, и поэтому свои отчеты слал прямо в Константинополь, видимо, минуя недремного во всем остальном стратега. Появившийся еще позже **хартуларий** выполнял в феме военно-финансовые функции, в качестве письмоводителя вел списки солдат-стратиотов, оружия и был связан со столичным **логофетом стратиотикона**. Инспектор-эпопт отвечал за список-кадастр приобретенных имперских земель и проверял список воинов. **Диикит (диойкит)** – финансовый инспектор земельного налога был сборщиком соответствующих прямых и дополнительных государственных податей, которые собирали с округа – провинции или фемы. Как и эпопт, он подчинялся главному налоговому ведомству – **геникону**, своеобразному министерству финансов, то есть тоже зависел только от Константинополя. Завершали эту фемную администрацию писцы – сcribes секрета и простые **нотарии**.

Случалось, стратеги не нуждались в столь полном постоянном штабном штате, тем более, что городские советы с их «отцами города», «первенствующими» – протевонами формально сохраняли свои управленческие, начальственные полномочия, по крайней мере до конца IX в. Иногда вместо стратега фему мог возглавлять **эк просопу**, по-гречески «от лица», то есть заместитель стратега. Причем он в свою очередь считался эк просопу (заместителем, представителем) василевса на вверенной ему территории. Ниже стратигов в служебной иерархии следовали также **клизурархи**, появившиеся в VIII в., чьей обязанностью являлась охрана пограничных округов, стратегически важных ущелий, и **парафилаксы** – охранники крепостей. Их задачей было оперативное пресечение набегов небольших вражеских отрядов, с тем, чтобы свести к минимуму возможный ущерб.

Первые фемы, в зависимости от ситуации организовывавшие оборону в местном масштабе, родились не ранее чем через пятьдесят лет после создания экзархатов, и оформились сначала как военно-территориальные, а затем и гражданские структуры управления. Появились они прежде всего на основных направлениях персидских, а затем арабских ударов, в Малой Азии – **Анатолик** (дословно с греч. «восточная»), **Армениак** (армянская) и **Опсикий**. Анатолик являлся самой обширной, ядровой, центральной, а потому важнейшей фемой. Не случайно ее стратег занимал первое место среди всех стратигов и получал самое большое жалованье. Опсикий происходил от названия гвардейского корпуса, ранее связанного с главным военным магистром в Константинополе. Эти войска сопровождали императора, откуда и происходит их латинское наименование *obsequium*. После военных походов василевса Ираклия их разместили на северо-западе Малой Азии в качестве ближайшего военного округа для защиты Константинополя. Эту большую фему единственную возглавлял не стратег, а комит.

По тому же образцу к концу VII – первой трети VIII вв. были организованы стратегии, в дальнейшем «области фем» на севере Малой Азии, где раньше размещались элитные конные военные корпуса, называвшиеся *оптиматами* – дословно «лучшими» и *вукелариями* – «сухарниками». Последние появились ранее как отряды-дружины профессиональных солдат-вукелариев личной стражи на частной службе у высокопоставленных особ и высших воинских начальников, которые содержали их на собственные средства. Позже они стали элитными регулярными войсками, подчиненными комиту Опсикия и стратигам Анатолика и **Фракисия**. К слову, Фракисий была первой специальной фемой, созданной в начале VIII в. на западном побережье полуострова для защиты побережья от нападений набиравшего все большую силу мусульманского флота. Она была названа по имени воинского корпуса фракийцев, переброшенного из Европы – **Фракии** еще в середине 630 г. и безуспешно пытавшегося защитить Египет от арабов. В Европе, прежде всего на территории Балканского полуострова, были созданы фема Фракия, а затем фемы **Македония** и **Эллада** (центральная Греция). Самая западная фема Ромейского царства – Сицилия на одноименном богатом острове тоже сконцентрировала значительные военные силы стратиотов и федератов (Карта 3).

Набор во флот был сопряжен с еще большими трудностями, чем в армию. Но рост с 660-х гг. арабского флота и серьезная угроза со стороны военных кораблей мусульман заставила ромейские власти пойти по тому же пути организации приморских областей и островов: с целью охраны территориальных вод Византийской империи они образовывали региональные морские фемы в Эгейском море и на южном побережье Малой Азии, в Ликии, Карии, Писидии, Памфилии. Призывники из этих фем получили те же выгоды, что и сухопутные стратиоты. Так, в VII в. появился морской корпус с красноречивым названием – **Карависианы** – «Корабельный» (от *греч.* каравиа – «корабль»), то есть «корабельное войско». Его стратегу, а правильнее, адмиралу, разместившемуся сначала, скорее всего, на крупном эгейском острове Родосе, а потом на Самосе, подчинялись друнгарии и турмархи, главы эскадр. Их экипажи состояли из лучших моряков-карависиев, памфилийцев, а также мардаитов, выходцев из горной северной Сирии, христианского народа грабителей, который в это время был переселен в Памфилию, а потом появился и в других приморских фемах. Здесь, в Памфилии, у глубокого горного залива, окруженного живописными горными террасами, находился город **Атталия** (*турец.* Анталья), ставший крупнейшей военно-морской базой Ромейского царства.

Важнейшими морскими подразделениями со временем, к концу VII в. стала фема **Кивириотов** на юго-западном побережье Малой Азии, получившая название от города Кивира в Карии, а еще позже – фема **Кефалиния** на островах **Ионического моря**, около юго-западных берегов Греции, с центром на острове Корфу. Стратигам таких морских фем подчинялись **кентархи** – командиры крупных военных кораблей-дромонов, хеландиев и **протокаравы**, дословно «старшие корабельщики», то есть опытные штурманы-рулевые.

К этому надо добавить региональный фемный флот Эгеиды, то есть островов Эгейского моря, небольшие провинциальные флотилии Эллады и Пелопоннеса, в основном из легких кораблей, охранявших побережье. Они действовали в союзе с небольшим, но мощным константинопольским императорским флотом, или **плоймон**, из тяжелых кораблей, размещенных в портах столицы и непо-

далеку от нее. Плоимон возглавлял *друнгарий флота*, по-гречески друнгариос тон плоимон. В его службу входили, в частности, комиты, которые командовали эскадрами и могли быть прикреплены к соответствующим морским базам. Они участвовали во многих морских сражениях и сыграли значительную роль в обороне столицы от арабов. По мере роста флота значение друнгария флота тоже росло и со временем он стал наряду с domestikом схол одним из главных военных чинов Ромейского царства.

На Западе, после потери побережья северной Африки к 700 г., Империя могла некоторое время пользоваться для военно-морских целей Сицилией и Балеарскими островами, пока к началу IX в. эти земли стали все больше уходить из под контроля Византии и попадать в руки мусульманских пиратов.

Среди византийских кораблей выделялись известные с VI в. тяжелые, длинные, одно- или двухярусные парусно-весельные военные суда – дромоны, похожие на них хеландии и специальные суда, оборудованные для перевозки грузов, конницы, – *иппагоги* (от *греч.* иппос – «лошадь»). Они имели особые технические приспособления: подъемники, подбрюшные ремни, перевязки для коней, оливковое масло, которое добавляли в корм. Наряду с легкими, быстроходными парусными судами – челноками – *акатиями*, *галиадами*, бравшими на борт в среднем 10-15 человек, использовали военные галеры – *катерги* (дословно «изнурительные», «трудные корабли»), которые двигались на веслах, с помощью нескольких десятков гребцов, и поэтому не зависели от течений и ветра. Их обеспечивали запасами воды – самым важным в плавании (от двух до четырех литров в день на человека), запасными рулями, веслами, уключинами для весел, канатами, досками, фитилями, смолой, кораблестроительными инструментами, включая топоры, сверла, пилы.

Все вместе эти суда образовывали постоянный флот, мощный кулак византийских вооруженных сил, который завоевал собственный политический авторитет. Он имел значительный радиус действия и в случае больших военных операций, в том числе вторжения, был способен выставит до шести – семи тысяч судов одновременно, – невиданную по тем временам армаду из разных видов кораблей, среди которых насчитывалось около тысячи дромонов. Организация флота, этой славы Романии, оставалась такой с VII до X вв. включительно. Он помогал коммерческому флоту оставаться хозяином Средиземного моря, по крайней мере, в его восточной части, и достаточно успешно сдерживал арабский натиск.

Хуже обстояло дело в западной части Средиземного моря, где в конце VII в. с потерей североафриканского побережья, Карфагена исчезли и ромейские военно-морские базы. Лишь Сицилия продолжала в VIII-IX вв. поддерживать активность имперского флота. Но с 840 г. Балеарские острова стали объектом пиратских рейдов мусульман, почти все сицилийские порты оказались утеряны к началу X в. и Византия была уже не в состоянии соблюдать здесь свое морское присутствие. Это объясняет, почему ромейские власти поневоле надолго утратили интерес к западному Средиземноморью.

Фемное устройство, по образному выражению Георгия Острогорского, стало на века «становым хребтом средневекового византийского государства». Озабоченное созданием военной структуры в наиболее угрожаемых регионах, ромейское правительство продолжало распространять фемный строй и дробить уже существующие сухопутные и морские фемы на более мелкие, так что к концу

IX в. их уже насчитывалось больше трех десятков. Как правило, все они носили имя той географической области, в которой находились. В первой половине X в. фема в среднем имела около 2 400 воинов, а укрепленный, приграничный район – **клизура** – приблизительно восемьсот человек во главе с клисурархом. Так из свободных крестьян фем и варваров-поселенцев постепенно сформировалось патриотически настроенное войско нового типа, которое сменило мятежное и ненадежное наемное.

*Главной военной силой страны надолго стали свободные зажиточные крестьяне – стратиоты, многих из которых призывали в армию, особенно к концу VIII в., только на сезон. Зажиточное хозяйство, способное выставить такого воина, оценивалось не менее чем в четыре – пять литр золота (288-360 номисм). Обеспеченные военнообязанные крестьяне заносились в специальные списки – каталоги. Любые местные собственники, способные к **стратии** (военной службе), то есть имевшие в составе своей семьи мужчин, вполне могли попасть в эти каталоги. Каждому стратиоту надлежало являться на смотр или в поход с собственным конем, военным снаряжением и припасами, либо, если он не мог служить самостоятельно, заплатить определенную сумму. Снаряжение это мало изменилось по сравнению с предшествующим временем, сохранив свою прежнюю, позднеримскую основу – меч, копьё, щит и шлем. Разве что увеличение числа рукопашных стычек привело к тому, что у всадников к их экипировке добавился большой нож и двулезвийная алебарда – сочетание копьё и боевого топора. Зато из числа стандартного вооружения исчез лук, стрельбе из которого в ромейской армии перестали обучать. Дело в том, что кочевников, у которых можно было бы перенимать опыт такой стрельбы, почти не стало.*

За несение военной службы стратиоты получали в собственность или в долгосрочную аренду земельные участки, которые, как и сама служба, тоже назывались стратии и которые ни при каких условиях, как и коня, нельзя было отбирать. Их разрешалось передавать по наследству при условии, что наследник тоже станет нести военную обязанность. Малоземельные или вовсе безземельные крестьяне, к примеру, младшие сыновья в семьях стратиотов, могли приобретать невозделанную землю в малонаселенных приграничных районах и таким образом тоже становиться потенциальными военнообязанными.

*Согласно откорректированному сжатою правовому своду – «Эклоге законов», появившейся в 741 г., при разделе военной добычи шестую часть следовало отдавать в казну, а остальное делить по справедливости между стратиотами за исключением полководца и командиров, которые должны были довольствоваться жалованьем, к слову, тоже вполне приличным. Стратиги получали от 10 до 40 литр золота в зависимости от категории и значимости их фемы, турмархи – до 12, комиты – три, даже младшие офицеры – одну-две литры, тогда как солдатское жалованье профессионального воина, особенно с хорошей выслугой, могло достигать суммы в 12 номисм и выше с прибавкой по номисме за каждый год службы. Однако надо учесть еще и то, что стратиоты освобождались от уплаты части налогов, да еще государство выдавало им небольшое жалованье деньгами или натурой (**опсоний** и **ситиресий**), чтобы они, по словам современников, «...могли ве-*

сти безбедное существование и приобретать хороших коней и различное вооружение».

Фемная система оказалась связана с временным преобладанием в Ромейском царстве свободного крестьянства и с относительным ослаблением централизации. Она была необычайно действенной, гибкой, особенно выгодной экономически, так как позволяла сократить военные расходы до минимума и иметь не просто ополчение, а большие контингенты обученных солдат – удобную, относительно дешевую, находящуюся в значительной степени на самообеспечении армию. Обеспокоенные возможностью утраты своего государства, вдохновленные патриотическим и религиозным духом, стратиоты воевали за свои церкви, дома, свои семьи, свою землю. Солдаты проходили интенсивные военные сборы, лагеря, постоянно тренировались, учились ратному делу, строю и, в отличие от ненадежных наемников-варваров, отличались достаточно высокой боеспособностью. Такая серьезная подготовка позволяла ополченцам не уступать профессиональным воинам, каковыми они по сути дела и становились. Даже арабы, сметавшие до того все на своем пути, не смогли справиться с ними.

Благодаря военной реформе, проведенной талантливым военачальником, любимцем солдат, василевсом Константином V (741-775 гг.), военно-административная система была усовершенствована и стала еще более эффективной. Армия, как и в позднеримские времена лимитанов-пограничников и комитатов-полевиков, вновь стала делиться на две ступени: провинциальные фемные иррегулярные ополчения милицейского типа из воинов-стратиотов, предназначенные для обороны территории Ромейского царства, и мобильная полевая регулярная армия, которая могла эффективно вести наступательные операции. В последнем случае это были небольшие, но лучше вооруженные и обученные, отборные, ударные регулярные кавалерийские подразделения, называвшиеся тагмами – «полками». Их набирали из числа иноземцев или местных жителей, нанятых на время одной или нескольких военных кампаний.

Одной из первых таких тагм стала учрежденная Константином V тагма «стен» (тон тихон), служившая городским гарнизонам Константинополя. Профессиональные боеспособные солдаты-«контрактники» находились в самой столице и ее округе и всегда были в распоряжении царя, получая плату наличными даже большую, чем фемные войска. Каждая тагма насчитывала, вероятно, от полутора до четырех тысяч человек. К регулярной полевой армии также стала относиться учрежденная в 50-60-е гг. VIII в. тагма *схол*, которой командовали доместики (со второй половины X в. – два доместика *схол* – Востока и Запада – выступали уже в качестве главнокомандующих). В их подчинении находились младшие офицеры – топотирит, дословно «местоблюститель», хартуларий, проексем, комиты, доместики низших рангов. Два из доместиков с соответствующим штатом офицеров, скрибонов-командиров полков, адъютантов-мандаторов, знаменосцев командовали еще одной тагмой – *эскувитов*, превратившейся из придворной стражи в царскую гвардию и тоже ставшей регулярной частью полевой армии. Чуть позже, с 780-х гг. специальные задачи по охране Дворца, Ипподрома, мест, где в столице проходили суды, стала выполнять тагма *арифм*, дословно «число», со стоявшим во главе его друнгарием (позже – великим друнгарием). Кроме того, в 809 г. василевс Никифор I Геник создал для своего сына личную свиту, которую он назвал «достойными» – *иканатами*. В эту тагму входили сыновья архонтов,

которым было 15 лет или более, – попытка создать своеобразный регулярный кадетский корпус. Недаром domestik, командовавший «достойными», был окружен особенно многочисленным штатом офицеров.

Царский дворец, кроме гарнизона тагм и императорских частей схоляриев под командованием *протоспафария* или *катепана*, теперь охраняли несколько корпусов, называвшихся *этерией* – «дружиной». Служившие в них *этайры* считались ядром полевой армии. Вместе с другими схоляриями они обычно сопровождали василевса в походах. Но нехватка людей ощущалась даже здесь. Поэтому в состав стражи вербовали македонцев, тюрок, *хазар*, арабов, франков, а позже норманнов-скандинавов, *варягов*. Во главе их стоял *этериарх*. Кроме того, охрану несли *манглавиты* – царские телохранители, вооруженные дубинами, секирами и мечами.

Формально «четыре царские стражи» – тагмы схол, экскувитов, арифмов и иканатов будут считаться главной ударной силой византийской армии вплоть до военных преобразований второй половины X в. Но, к сожалению, ликвидация мобильной армии после смерти Константина V приведет к разбалансировке военно-административной системы Империи и, как следствие, к негативным последствиям. Ополчения малоазийских фем оказались не в состоянии справиться с одновременной войной, которую пришлось вести и против арабов, и против болгар. Следствием стал ряд тяжелых поражений в конце VIII – начале IX вв., сопровождавшихся значительными человеческими, материальными и территориальными потерями византийцев.

Очередная стабилизация военно-административной системы Ромейского царства началась с 20-х гг. IX в. Известно, что при василевсе Феофиле, после проведения военной реформы по реструктурированию фем, увеличению их количества, в 840 г. вся армия насчитывала в общей сложности 120 000 человек, то есть несколько меньше того, что имела Империя в эпоху прославленных походов Юстиниана I, но примерно столько же, сколько было в войсках жилистого храброго коротышки, «ромейского крестоносца» Ираклия I. В военных действиях, при обороне или в небольших вторжениях, рейдах, случалось, принимали участие до восьмисот воинов, очень редко – пару десятков тысяч. Предпочтение, как и прежде, отдавалось быстрым, разрушительным набегам на вражескую территорию с целью нанесения экономического ущерба, уничтожения запасов материальных ресурсов, объектов инфраструктуры, захвата пленных. Но, уступая количественно, ромейская армия этой эпохи несомненно превосходила качеством, оставаясь живой, динамичной и подверженной изменениям системой. Следует особо отметить, что во многом именно мужеству крестьян – стратиотов, к тому же не требовавших постоянного государственного финансирования, Византийская империя обязана своим спасением от «мусульманского апокалипсиса» VIII-IX вв. Мудрые системные преобразования и верно вложенные деньги, как известно, вообще решают многое.

К этому надо добавить, что уже после 620-х гг., в правление василевса Ираклия и последующие примерно двадцать лет была достигнута большая централизация финансовых учреждений Ромейского царства, отчего значительные налоговые ресурсы были объединены для более эффективного использования, в том числе для нужд обороны, выхода из кризисной политической и финансовой ситуации. Сбором налогов теперь стали заниматься в основном импер-

ские чиновники в провинциях, а не города, которые теряли прежнюю роль основных посредников в сборе налогов. Ведомство «священных щедрот» (*sacrae largitiones*) было упразднено как самостоятельный секрет-департамент, префектура Иллирик тоже практически исчезла вместе с потерей ее территорий на Балканах в 610-630-е гг., а префектура претория Восток была разделена на отдельные подразделения во главе со своими управляющими – **логофетами**, подчиненными непосредственно василевсу и **сакелларию** – главному царскому казначею, управлявшему имперской экономикой и финансами. Сократившееся имперское правительство действовало достаточно эффективно вне зависимости от того, кто оказывался на троне.

Выпуск денег был централизован в Константинополе. За исключением Сицилии и Рима, большинство монетных дворов – **оффицин** в провинциях были закрыты. В широкое обращение поступила новая полноценная серебряная монета – **гексаграм** (дословно «шесть граммов»), которая приравнивалась к 1/12 части золотого солида. Унификация монетного дела явилась показателем роста могущества государства, обладавшего единым развитым денежным рынком.

Важной чертой VII в. стал процесс эллинизации или, точнее, грецизации Византийской империи, а значит, создания единой культуры новой эпохи. Носители греческого языка постепенно побеждали, особенно с VI в., когда греческий стал языком законодательства: последним законодательным сводом стал Кодекс Юстиниана, обнародованный в 529 г. Но именно в начале правления Ираклия делопроизводство было окончательно переведено на греческий язык, а в 629 г. латинский римский титул – император заменен народным греческим наименованием правителя – василевс. Он навсегда останется единственным официальным названием царя ромеев. Титул кесарь («цезарь») утратил свой императорский характер. Приблизительно в то же время древней римской традиции был нанесен смертельный удар – греческий язык, на котором, если не считать Италии, уже давно говорили народ и Церковь Византии, стал государственным языком, а прежний символ Юпитера – орел был сделан гербом василевсов. Уже император Маврикий не знал латинского языка, а через одно поколение в Ромейском царстве его знали только ученые.

Религиозное инакомыслие, как и некоторые массовые, но не греческие языки – срийский, коптский по большей части исчезли вместе с беспокойными землями Сирии и Египта, к середине VII в. отторгнутыми от Византии. С переходом монофиситов под власть халифов Ромейское царство становится более однородным, консолидированным в религиозном, идеологическом плане, а состояние неуверенности в будущем, тяжкие испытания «темных веков» необычайно усилили религиозный энтузиазм его населения, укрепили веру в Бога, иконы, святые реликвии и заступничество святых. Можно сказать, произошло окончательное огречение и оцерковление всей общественной жизни, что сформировало новый облик христианской Империи. Примечательно, что именно в это время в византийских сочинениях, даже произведениях Отцов Церкви, таких как **Максим Исповедник**, появляется собственно термин «Византия». Теперь он противопоставляется термину ромей, под которым начинают понимать не «греков», а обитателей римского Запада.

Таким образом, в условиях арабской опасности Ромейское царство сумело быстро перестроиться, восстановить и сконцентрировать свои силы, более того,

в очередной раз продемонстрировать свою поистине уникальную жизнеспособность. Действительно, доходы Империи упали почти до четверти, а численность населения уменьшилась до 7-13 млн. жителей (примерно 9 человек на 1 кв. км). Географические рамки ее территории сократились почти в два раза, составив в VIII в. 700 000 кв. км, то есть ограничили Балканами, Крымом и Малой Азией, наряду с эгейскими островами, Критом, Кипром и частью южной Италии с Сицилией (Карта 2). Зато она стала более компактной и быстро научилась обходиться без утерянных окраинных восточных провинций. Более того, защищать ее границы стало значительно проще. Самое главное, Романия, став сильно милитаризованной, могущественной страной, сохранила свои ядровые земли в Малой Азии и на Балканском полуострове, покрыла их сетью магистральных стратегических дорог, укрепленных постов, маршевых военных лагерей, базами, гарнизонами в важных ключевых пунктах. Теперь судьба Ромейского царства во многом решалась именно на полях битв в Малой Азии и Фракии. Она гораздо больше зависела от этих ядровых земель, причем, надо заметить, при всех потерях по-прежнему оставалась крупнейшим средневековым государством, к тому же более цельным, сильным и сплоченным, чем прежде. Ее владения теперь не были опасно разбросаны вширь на три тысячи километров по Средиземноморью. Называть эту Романию «обглоданным скелетом» Восточной Римской империи, как делают некоторые византилисты, едва ли справедливо. Для сравнения можно заметить, что Византийская империя вместе с землями, находившимися под ее влиянием, все еще превосходила арабский халифат Омейядов в середине VIII в. и почти равнялась Западной франкской империи *Карла Великого* в пору ее наивысшего могущества на рубеже VIII-IX вв.

?

1. Какую роль сыграли византийцы в распаде Аварского кагната и к чему это привело?
2. Как вы думаете, почему ромейская армия, одержавшая победу над персами, не смогла противостоять натиску арабов?
3. В чем вы видите главные причины поражения ромейских войск в судьбоносной битве с арабами на реке Ярмук?
4. Какие земли входили в состав Ромейского царства после арабских завоеваний к концу VII в.?
5. Каким грозным секретным оружием обладали византийцы и как его использовали?
6. Какова была главная тенденция в преобразованиях Ромейского царства в VI-VII вв.?
7. В чем сходство и различие экзархатов и фем?
8. Какие события и обстоятельства подтолкнули ромеев к созданию фемной системы?
9. Объясните суть фемного строя.
10. В чем вам видятся преимущества фемного войска перед наемным?
11. Как и в чем изменились вооружение и источники снабжения фемных армий по сравнению с имперской армией V-VI вв.?
12. В чем проявилось изменение структуры византийской армии с середины VIII в. и о чем это говорит?
13. Какие изменения претерпела организация флота Ромейского царства в «темные века»?

14. Чем ромейское войско отличалось от мусульманской армии? Какое наследие долгое время его тяготило?
15. Насколько создание военно-территориальных округов и провинциализация административного управления были опасными для центральной власти?
16. Почему византийские императоры в дальнейшем создавали все более мелкие фемы?
17. Как вы полагаете, когда Византия была более сильной – при Юстиниане I или после арабских завоеваний?
18. Какие «плюсы» и «минусы» для развития страны принесло сокращение территории Ромейского царства в VII в.? Чего было больше?
19. Когда и почему в Ромейском царстве греческий язык постепенно вытеснил латынь?

Внимание, источник!

«Краткая история» Никифора, Патриарха Константинопольского (806-815 гг.), о свержении Фоки в 610 г.

...И окружающие Фоку зрители¹, сколь и граждане восстали, ибо уже димоты из партии зеленого цвета (прасины) подожгли императорское помещение (кесарий) и возглашали о чужом царствовании. Но, узнав о сильном наступлении на них войск Ираклия, они покинули императора и перешли на их сторону. Некто по имени Фотий, который был оскорблен Фокой, так как его жену император некогда обесчестил, проникнув во дворец с множеством войска, тотчас же захватил Фоку, снял с него императорское облачение, закутал его в черные одежды, скрутив руки, связанные за спиной, и на судне вручил пленника Ираклию. Ираклий, увидев его, сказал: «Так-то, несчастный, ты правил государством». Тот же ответил: «А ты намереваешься лучше управлять?» И сразу же Ираклий еще на корабле приказал подвергнуть Фоку казни мечом [...], а тело его протаскать к так называемому форуму Быка и там его предал сожжению.

«Хронография» Феофана (814-818 гг.) об осаде Константинополя аварами, славянами, персами

Год 617. В этом году царь персов Хосрой набрал новое войско, собрав иноземцев, граждан, рабов и людей всякого рода. Это войско он отдал под командование военачальника Саиса, присоединив к нему еще пятьдесят тысяч, взятых из войска Сарвара, назвал их «носителями золотых копий» и послал против императора [Ираклия]. Сарвара же с оставшимся у него войском он послал на Константинополь, чтобы, договорившись с западными гуннами (их называют также аварами, склавинами и гепидами), тот двинулся вместе с ними на город и осадил его. И узнав это, император разделил свое войско на три части: одну он послал защищать город, другую отдал под командование своему брату Феодору, приказав ему идти войной на Саиса, а третью часть взял сам и двинулся на Лазику (Грузия) [...].

А Сарвар подошел к Халкидону², и авары из Фракии, приблизившись к городу [Константинополю], хотели захватить его. Придвинув к нему множество машин, они в нес-

¹ На столичном Ипподроме.

² Халкидон – портовый город на малоазийском берегу Босфора, напротив переправы к Константинополю.

метном множестве, превосходя числом [противника], приплыли с Истра (Дуная) на выдолбленных челнах и заполнили весь залив «Рога». И после десяти дней осады города с суши и моря они были побеждены, благодаря силе и помощи Бога и молитвам непорочной Девы Богородицы. И, потеряв великое множество на суше и море, они отступили с великим стыдом. А Сарвар, осадивший Халкидон, не отступил, но перезимовал там, производя набеги и опустошая земли и города на другом берегу.

**Из анонимной сирийской хроники 1234 г.
о захвате арабами Сирии и Египта в VII в.**

106. После смерти Мухаммеда воцарился Абу Бекр. В первый год своего царствования он послал арабские войска в землю Сирии, чтобы покорить ее. Войско состояло из 39 тысяч, и он поставил четырех военачальников... Он послал с ними йеменцев, войско около 12 тысяч. Начальником йеменцев был Абу Аль-Кулаб. Вышли арабские войска из своего города, и вышел с ними Абу Бекр, чтобы вести их. Он приказал им, говоря : «Когда вы войдете в эту землю, не убивайте ни старого, ни малого, ни женщины, не сводите столпника с его места, не обижайте отшельников, потому что они предали себя Богу, чтобы работать ему. Не срезайте деревьев, не повреждайте растений, не растерзывают скота, ни быков, ни овец. Всякий город и народ, который примет вас, заключайте с ним договор, будьте верны в обещаниях им. Пусть они живут по своим законам и по установлениям, бывшим у них до нашего времени. Установите подать, как границу, которая есть между вами, чтобы они оставались в своей религии и в своей земле. Те, что не примут вас, ведите с ними войну и обязательно следуйте всем указаниям и истинным законам, которые даны вам от Аллаха через нашего Пророка, чтобы вы не прогневили Аллаха».

116. Император Ираклий [...] собрал войска из Армении, Сирии и Бет-Ромайе, более 30 тысяч, распределил их между тремя военачальниками : Григорием Армянином, Кентарисом и Кардариганом. [...] Они вышли из Антиохии, чтобы отправиться к Эмесе навстречу арабам. Услышав молву о них, арабы испугались их, подумали оставить города, которые они взяли, и возвратиться в свою землю. Затем они стали советоваться между собой, и говорили друг другу: «Как мы оставим эту цветущую землю и если мы выйдем из нее, мы никогда вновь не вернемся в нее, будем же сражаться с ромеями». Приказал Абу Обадия, глава, поставленный над арабами Омаром, Хабибу бар Маслама, чтобы он вернул жителям Эмесы подать, которую собрали с них, и сказал им : «Между нами есть клятвы, мы идем навстречу ромеям. Если мы вернемся – наша подать, если будем сражены и не вернемся, то мы свободны от клятв». Эмир Абу Обадия приказал Сувайду бар Калтому, который правил Дамаском, чтобы и он вернул подать, которую собрал с жителей Дамаска и сказал им : «Если мы победим и вернемся, мы возмем ее у вас, а если будем разбиты и не сможем спасти вас от ромеев, вот ваша подать у вас. А мы свободны от клятв, которыми мы вам клялись». Арабы выступили из Дамаска, пришли и расположились у реки Ярмука. Ромеи пришли туда, где расположились арабы. Каждому городу или селению, которые проходили ромеи, из тех, что имели соглашение с арабами, они угрожали. Язык не может сообщить о зле, причиненном ромеями при их прохождении, и безобразиях, которые не следует иметь в памяти.

Через несколько дней после того как [войска] расположились друг против друга у реки, они стали переговариваться друг с другом относительно мира и о прекращении войны. Но у них не было согласия относительно [уступок], которые они просили друг у друга, и они приготовились к битве. Когда они готовились, прибыл в лагерь арабов Абу Суфьян и вдохнул силу в арабов для боя. Они били в барабаны, трубили в трубы

и бились весь день, пока не застала их темная ночь. И были побеждены ромеи, обратились в бегство и бежали от арабов, которые начали уничтожать их мечами. Смешались ромеи и не знали, куда бегут. Многие из них направились на свет огня пастухов. Так как они бежали поспешно, они падали с высоких утесов, разбивались и умерло их много тысяч, больше тех, что были убиты в бою. Вернулись арабы с большой победой и радостью в Дамаск. Вышли жители Дамаска им навстречу и встретили их с удовольствием, приняли радостно и выполнили свои договоры и обещания.

118. В то время, когда усилились арабы, взял войско Омар бар Аз и пошел против земли египетской. Мы нашли в рассказах и историях египетских, что Вениамин, который был тогда Патриархом православных в Египте, предал Египет Омару бар Азу, военачальнику арабов, из-за антипатии, то есть из-за вражды с Киром, Патриархом халкидонитским, в том же Египте. Ибо говорят, что этот Кир с патриаршеством главенство и власть над всем Египтом принял от Ираклия и что воины и вооруженные служили ему. Желая, чтобы было известно, что с епископством ему достался чин военачальника, на одну ногу он надел красный башмак, а на другую ногу сандалию, что носят монахи. Поэтому он тиранически действовал во всем, и он весьма вредил православным властью, которую он имел от императора. Он выгнал Вениамина из его церквей и сам господствовал в них.

[...] Побоялся Омар бар Аз идти в Египет. Вениамин же, Патриарх православных, вышел и отправился к Омару бар Азу, ободрил его и обещал ему предать всю землю египетскую. Он заключил с ним договор, что тот даст и отдаст в его руки все церкви Египта и изгонит халкидонитов. Вернулся Вениамин в Египет и сообщил своим единоверцам о том, что им было сделано, убеждал их обрезать волосы, чтобы это было их знаком и чтобы они не были уничтожены с халкидонитами. Он возбуждал их к тому, чтобы они восстали против ромеев, предали бы землю арабам, освободились от горького рабства ромеям, потому что им не остается ничего, кроме гонения за их веру. До того доходила свирепость халкидонитов, что во время совершения Таинств они входили к православным, выбрасывали Святые Дары и попирали их. [...] Когда узнали главы Александрии и Египта, они сговорились с Патриархом Вениамином, а когда прибыл Омар в Египет, они предали ему город [Александрию]. Арабы вошли, напали на ромеев и уничтожили их. Кир и Мануил, увидев, что арабы усилились, взяли, что могли, и бежали в Константинополь. Патриарх Вениамин стал господствовать над церквами Александрии и всего Египта. С того времени не могли поднять головы халкидониты во всем Египте, кроме немногих людей, пребывавших в селениях и крепостях на морских островах.

«Хронография» Иоанна Малалы (ум. 574 г.) об использовании зажигательной смеси в 513 г. во время разгрома мятежа Виталиана

...И он (Виталиан¹) вновь отправился грабить всю Фракию и Европу, дошел до Сик и Анапла напротив Константинополя, замыслив овладеть и самим Константинополем.

¹ Виталиан, выходец из провинции Скифия, сын гота Патрикиола и римлянки, был комитом федератов и командовал отрядом булгар; сторонник ортодоксального православия (халкидонит), недовольный монофиситскими симпатиями правившего тогда Анастасия I Дикора, против которого он выступил. Организатор мятежа воспользовался недовольством федератов решением правительства сократить размеры государственного довольствия – анноны федератов. Поводом к выступлению стало то, что жена Виталиана была изнасилована его непосредственным начальником, военным магистром Фракии, стратигем Ипатием, племянником Анастасия. Виталиану за три дня удалось собрать огромную армию и восстание приобрело значительный размах.

[...] Царь же Анастасий незадолго до этого пригласил через Марину¹ философа Прокла Афинского, знаменитого мужа; и сказал ему [тогда] царь Анастасий: «Что я могу сделать, философ, против этого пса, который так вредит и мне, и [моему] государству?». Прокл же ответил ему: «Не отчаивайся, царь, ибо он обратится в бегство и удалится, как только ты пошлешь кого-нибудь против него». И царь Анастасий тотчас повелел экс-префекту Марину Сирийцу, стоявшему рядом с царем во время его разговора с философом Проклом, вооружиться против Виталиана, который находился напротив Константинополя по ту сторону залива. И говорит философ Прокл в присутствии царя Марину Сирийцу: «Возьми то, что я даю тебе, и выходи против Виталиана». И приказал философ принести большое количество так называемого божественного апилона, повелев растереть его в мельчайший порошок, и отдал Марину, сказав ему: «Где бы ты ни посыпал этим [порошком] после восхода солнца – в доме ли, на корабле ли, – тотчас загорится дом или корабль и будет уничтожен огнем».

...Итак, после того, как философ [Прокл] рассказал Марину, что корабли [должны] загореться, а [находящиеся] на них люди утонуть, [военачальник] приказал [воинам] насыпать [апилона]; он устремился к противоположной стороне [пролива], [спеша сразиться] с Виталианом и его людьми. Двинулись навстречу и корабли Виталиана, и [оба флота] оказались очень близко друг к другу у [храма] Св. Феклы в Сиках в том месте пролива, который называется Вифарий. В три часа дня² там произошло морское сражение; [тогда] внезапно и одновременно все [участвовавшие в битве] корабли мятежника Виталиана занялись огнем и пошли на дно пролива вместе с теми воинами из готов, гуннов и скифов, которые у него были [...]. А Виталиан и плившие на других кораблях, увидев, что [участвовавшие в битве] корабли внезапно занялись огнем, бежали и вернулись к Анаплу. [...] Спаситель Христос и удача царя одержали таким образом победу. Царь Анастасий устроил торжественный выезд в Состений, [где] в течение многих дней возносил [Господу] благодарственные [молитвы] в храме Михаила Архангела. Философ же Прокл Афинский попросив у царя [разрешения уехать], был отпущен, отказавшись принять что-нибудь от царя, а ведь ему было предложено взять четыреста фунтов золота³; этот философ, вернувшись в Афины, свой родной город, вскоре скончался. Некоторые же [люди] в Константинополе говорили, что божественный апилон, рассыпанный по воздуху, воспламеняется от солнечного тепла, так как очень мелкий, и что это явление природное.

Из «Чудес Св. Димитрия» (VII в.).

Воспоминания архиепископа Фессалоники Иоанна об использовании аварами 50 каменетов – петровол при осаде города в 597 г.

У этих петровол была четырехсторонняя рама, которая была шире у основания и постепенно сужалась к верху. К этим машинам крепились толстые оси, обложенные на концах железными пластинами, и к ним были прибиты гвоздями деревянные брусья, как балки большого дома. С задней стороны этих брусьев свисали пращи, а с передней – крепкие канаты, посредством которых, оттягивая вниз и затем высвобождая пращу, они выпускают камни, летящие высоко и с сильным шумом. И они выпускают много больших камней, так что ни земля, ни людские постройки не могут сопротивляться их ударам.

¹ Марин Сириец – скриниарий, в 512-513 гг. назначенный префектом претория; сторонник монофиситов.

² В переводе с византийского исчисления – около 9 часов утра.

³ Около 128 кг золота, или 28 800 солидов.

Кроме того, они покрывали эти четырехсторонние камнеметы досками с трех сторон, чтобы люди, находившиеся внутри и приводившие их в действие, не были ранены стрелами, [выпущенными] теми, кто находился на стенах. Поскольку же один из них, вместе с досками, был сожжен огнем от зажигательной стрелы, они отступили, увозя с собой машины. На другой день они снова подкатали эти петроволы, покрытые свежеснятыми бычьими шкурами и досками, и поставили их ближе к городским стенам; производя выстрелы, они обрушили на нас целые горы валунов. Ибо как еще можно назвать эти огромные камни?

**Из «Эклоги законов»,
византийского правового свода Льва III и Константина V (741 г.)**

Титул XVI. О воинском собственном имуществе

1. Воинский пекулий (надел) – это такой, который стратиоты, находящиеся в положении подвластных у отца или деда, приобрели по своей службе в воинской части [тагме]¹; они имеют право завещать пекулий даже тогда, когда они постоянно находятся в лагерях [...]. И если они тратят по своей воле пекулий, то не имеют права наследники их требовать законную долю от подобного пекулия, но стратиоты вольны такой пекулий дарить или же по своему усмотрению полностью оставлять [по завещанию]. И после смерти их родителей этот пекулий не должен быть включен и разделен вместе с отцовским имуществом и признается исключительно только принадлежащим этим лицам.

«Воинский закон» (VIII в.)

11. Если стратиот во время битвы или сражения покинет свой строй или банду² и выбежит раньше с (того) места, в котором он был размещен, и будет снимать доспехи с мертвого врага, убитого другим, или опрометчиво устремится в преследование других врагов, – такого мы повелеваем наказать смертной казнью как ослабляющего строй и тем самым причиняющего ущерб своим товарищам, и все, что им взято, как и следует, изъять и передать казне тагмы. Если же учитывать снисхождение, то пусть он будет побит ропалами,³ или лишен военной службы.

12. Если во время генерального сражения или битвы произойдет обращение в бегство без какой-либо разумной и видимой причины, мы повелеваем стратиотов той тагмы, которая первой обратится в бегство и отступит из строя или из своей меры,⁴ выстроенной для сражения, рассчитать по десять и, как ослабивших строй и явившихся виновниками обращения в бегство всей меры, (каждого десятого) предать смерти стратиотами другой тагмы. Если же окажется, что некоторые из них, как случается, будут ранены в этой стычке, – таковым мы повелеваем быть свободными от этого обвинения.

13. Если знамя будет захвачено врагами без какого-либо разумного и видимого основания, мы повелеваем наказать тех, кому была поручена его охрана⁵, и оказавшихся

¹ Тагма – воинское подразделение.

² Банда (ванда) – отряд, обычно состоявший из 50 кавалеристов и 150 пехотинцев.

³ Ропалы – дубинки, деревянные палки, утолщающиеся на одном конце.

⁴ Тагмы объединялись в друнги и хилиархии, а последние – в меры (турмы). Максимальная численность хилиархии – три тысячи человек, а меры (дословно «части») – шесть тысяч воинов.

⁵ Знамя вместе со знаменосцем – вандофором охраняло 15-20 человек, специально выделенных для этой цели.

поблизости архонтов, командующих ими или схолами, в которых они (знамена) были. Если же случится, что некоторые из них сражались, были ранены, пусть они останутся свободными от такого наказания.

?

1. Каким образом, по словам Никифора, был низвергнут император Фока? Вспомните, почему так легко удался этот переворот и что выиграли от него ромеи?
2. Как вы себе представляете осаду Константинополя в 617 г. со слов византийского хрониста? Можно ли назвать ее результатом победой ромеев?
3. Что, по словам анонимного сирийского хрониста, помогло арабам покорить ромейскую Сирию?
4. Как действовали арабы в отношении сирийских городов перед сражением с ромеями у реки Ярмук? О чем это говорит?
5. Какую причину потери византийцами Египта считает главной анонимный сирийский хронист? Насколько верно и полно он отразил ситуацию? Как вы думаете, какую Церковь в Египте возглавлял Вениамин и кого подразумевает автор под «православными»?
6. Сравните изложенные хронистом «сценарии» покорения арабами Сирии и Египта. Что в них общего и о чем это говорит?
7. Что мешает поставить знак равенства между «божественным апироном», описанным Иоанном Малалой, и «жидким огнем»?
8. Подумайте, почему один из авторов «Чудес Св. Димитрия» так подробно описал действие петровол в 597 г.? Как их можно было уничтожить и чем защитить?
9. Что такое, согласно предписанию «Эклоги законов», воинский пекулий? Кто и на каком основании его получал?
10. Какими правами «Эклога законов» наделяла стратиотов в отношении их наделов?
11. О чем особенно заботился «Воинский закон»?
12. В чьей армии существовали способы наказания воинов, подобные указанным в «Воинском законе»?
13. Как вы считаете, какая причина признавалась ромеями достаточно веской для отступления?
14. Кто и почему в византийской армии заботился о том, чтобы знамя не попало в руки врага?

§ 6. Столетия перемен

«Темные века» принесли в жизнь ромеев много нового, о чем трудно судить однозначно. Ясно лишь, что это была эпоха глубоких, в том числе системных преобразований. Помимо жителей деревни, ставших в своей массе стратиотами, изменения особенно затронули горожан и развитие мореплавания.

Упадок или развитие?

О судьбе византийского города в VII–IX вв. среди историков продолжают споры и до сегодняшнего дня. Одни считают, что ромейские города в это время умерли, кроме считанных 10–15 крупных торговых центров.

В результате глубокого кризиса, вызванного внутренними социальными, экономическими, экологическими, демографическими причинами, они постепенно превратились в полусельские поселения, способные прокормить лишь весьма ограниченное население, местный гарнизон, церковные власти. Они больше не рассматривались как самостоятельные юридические единицы, не имели собственных земель, муниципальных доходов. В городах, ставших, подобно селу, жить аграрной жизнью, не велось строительство общественных городских зданий, пришла в упадок инфраструктура, значительно сократилось товарное производство. Зато стало преобладать производство зерна и продовольствия, уменьшилась платежеспособность населения, что в свою очередь объясняется сокращением денежного обращения и размеров прибавочного продукта. В итоге такие образования перестали быть «деревнями» только в X–XII вв. в результате нового оживления городской жизни, отделения ремесла от сельского хозяйства. Такова точка зрения, которую разделяли и продолжают разделять многие ведущие византинисты.

Другие же признают, что в VII–IX вв. города Ромейского царства переживали определенный упадок, связанный с военными потрясениями и общей перестройкой общества на средневековый лад. Часть из них, действительно, сократила населенную часть своей территории, иногда даже стала напоминать деревни. Аграризация городов была вполне естественна для преобразования хозяйства в то время, когда простое товарное производство сосредотачивалось прежде всего в сфере продукции земледелия, а роль села в византийском обществе действительно росла. Но это ни в коем случае, полагают исследователи, не означало «смерти города», его едва ли не полного исчезновения, перерыва в развитии городской жизни. Просто византийские города избавлялись от античных черт и приобретали новые, но это новое еще не значить упадническое, плохое. Государство и Церковь вели строительство церковных сооружений, городских оборонительных укреплений, арсеналов, зернохранилищ, складов. Аграрные же занятия горожан, там где они стали расти, не мешали прочим, ремесленным, торговым, промысловым, и часто совмещались с ними. Более того, города этого времени, даже если они назывались кастра – крепости, сохранили свою многофункциональность и продолжали играть роль административных, церковных, религиозных центров, а также занимали важное место в структуре механизмов товарообмена. Их жители считали себя именно горожанами, а не обитателями деревни.

Что касается кризиса, то он поразил города цивилизации средневекового Запада, где действительно установилось господство деревни, а города стали воен-

ными укреплениями, убежищами, крепостями, замками *сеньоров* или резиденциями епископов. Но на их фоне византийские полисы, *полисмь* или кастра, как их чаще всего стали называть с VIII в., выглядели в «темные века» вполне благополучно. В любом случае, следует учитывать, что при общем сокращении населения положение городов в разных регионах было различным и научные заключения в отношении их надо делать избирательно.

Причины, объясняющие слабую изученность византийского города в VII–IX вв., коренятся, скорее всего, в следующем. Во первых, отсутствуют масштабные раскопки таких городов, а там, где они велись, более пристальное внимание долгое время уделялось не столько средневековым, сколько более ранним, античным памятникам. Ведь подавляющее большинство таких центров были наследниками греко-римской цивилизации. Во-вторых, исследователи сосредотачивали внимание прежде всего на храмах и оборонительных сооружениях, а не на городских кварталах и жилых постройках. В третьих, использовали не всегда верные методические подходы к византийским материалам из городов, которые специалисты все время стремились сравнивать с античными, забывая, что эти города жили в новых социально-экономических условиях. И так, что же собой представляли эти города после VI в.?

Судьба городов

В результате арабских завоеваний Империя потеряла многочисленные и богатые городские центры в Азии и Африке – Антиохию Сирийскую, Бейрут, Дамаск, Газу, Эдессу, «жемчужину Египта» – Александрию, африканский Карфаген, через которые проходила большая часть экспорта и импорта Ромейского царства. Оставшиеся города Балканского полуострова в условиях угрозы со стороны аваров, славян, болгар превратились преимущественно в укрепления.

Добычей алчных пиратов стали острова Эгейского моря, многие из которых оказались заброшены, почти опустели. То мусульманские корсары, то славяне на своих небольших судах, выдолбленных из одного куска дерева, совершали дерзкие нападения на ромейские корабли и приморские города. Кое-где жители были перебиты, бежали, а церкви лежали в развалинах. Связи между городами затруднились, а сами города перестраивали свой быт применительно к условиям хронической военной опасности.

Согласно церковным канонам, резиденцией епископа мог быть назван только город, а не деревня. Данные же Вселенских церковных соборов и списков митрополий, епископств и автокефальных (то есть самостоятельных) архиепископств Константинопольского патриархата – по-гречески «таксисов», а по-латыни – ноций епископатов (*Notitii Episcopatuuum*) – указывают, что число таких центров на территории Империи, уменьшившейся почти наполовину, сократилось до трехсот – четырехсот. В массе своей они занимали небольшую территорию от нескольких до двух – трех десятков гектаров, имели население в две – три тысячи человек, так что город с пятью – шестью тысячами горожан считался достаточно крупным. В среднем плотность населения достигала примерно 150 человек на гектар.

Около 600 г. вследствие губительных последствий военных действий, набегов врагов и массовых инфекционных заражений численность ромеев могла сократиться до 17–19 млн человек, из которых 4,3–4,8 млн составляли горожане. В дальнейшем, около 700 г. количество горожан уменьшилось еще больше, до

1,5-2,1 млн человек. Новый демографический урон Империи нанесла последняя «великая чума» 746-747 гг., вызвавшая очередное сокращение населения до 7-8 млн человек, то есть уменьшившая его приблизительно на 40% от 12 млн. Но даже с учетом этого урона численность населения примерно трехсот городов Ромейского царства едва ли упала меньше 800 тысяч – полутора миллионов человек, то есть составляла 10-15% от общей численности. Это было очень много по сравнению с западной Европой варварских королевств, почти полностью оставшихся без городов, носителей городской культуры, торговли, ремесла.

Некоторые ромейские города сократились или оказались заброшены вовсе. Так, легендарные Афины уменьшились почти в восемь раз, до шестнадцати гектаров. Западномалоазийские Сарды превратились в конгломерат поселков. Большой центрально-малоазийский город Анкира (теперь Анкара) к середине VII в. сократился до размеров крепости площадью всего несколько сотен квадратных метров. Город Аморий в 716 г. успешно обороняли от многократно превосходивших сил арабов всего лишь восемьсот человек. Жители других городов переселялись на новые, более безопасные места. Пиратские рейды, грозившие с моря, заставляли население уходить подальше от берега, вглубь страны. Особенно благоприятными местами для поселения теперь считались высокие и крутые холмы, горные плато, где можно было воздвигнуть крепкие оборонительные стены и башни, построенные по всем правилам военной науки. Крутые склоны были менее удобны для повозок торговцев, но зато более надежны в час военной опасности. Именно под их защиту перебрались теперь крупные земельные собственники, покинувшие свои имения. Впрочем, перенос города на новое место был делом весьма дорогостоящим и хлопотным. Поэтому, за редким исключением, большинство горожан и в новое, беспокойное время остались на местах прежнего жительства, разве что присваивая своему городу новое имя.

Другое дело, постепенно меняется внутренняя планировка городов. Она становится менее регулярной. Вместо прямых, построенных по единому плану, античных улиц со временем появляются кривые, неровные улочки, беспорядочно сбегающие от крепости к подножию холма. Меньшим изменениям подвергались границы городских кварталов: даже новые жилые усадьбы ромеи предпочитали строить на прежних местах, из материала разобранных домов, поскольку так было дешевле, экономичнее. Усадьбы с домом, как правило, двухэтажным, несколько сократились в размерах, но в среднем занимали около 100-150 кв. м., вполне достаточных для проживания обычной семьи из пяти – шести человек (ниже этого уровня обеспечение простого воспроизводства маловероятно).

Города в условиях возросшей милитаризации жизни стали в первую очередь оборонительными крепостями-кастропами: их либо окружали крепостными стенами, иногда тройными (вокруг нижней части города, вокруг среднего города и вокруг старого акрополя), либо они имели укрепленный центр или цитадель, возле которой располагалось поселение, либо то и другое одновременно. Во время вражеского вторжения горожане вместе с окрестными крестьянами, пригонявшими свой скот, прятались за крепкими стенами. На направлениях, откуда наиболее часто угрожали вражеские рейды, строили сторожевые укрепления – фруры, башни-пирги – с небольшим

гарнизонам, который световыми сигналами заранее оповещал о приближении неприятеля.

За пределами собственно города иногда возводили церкви, монастыри, обнесенные стенами. В таком случае они тоже играли роль передовых форпостов. Здесь же, как и прежде, располагались отдельные постоянные дворы-трактиры, пандохионы – дословно «принимающие всех», но главными оставались пригородные хозяйства горожан – **проастии**. Не только городская знать, но и простые жители имели или арендовали участки земли, виноградники, оливковые рощи, сады, ульи, огороды. Впрочем, ни хозяева, ни арендаторы, учитывая опасность нападений, как правило, не жили на пригородных участках, которые, приходя, обрабатывали сами или с помощью батраков, наемных работников – **мистиев**.

К середине IX в., в связи с начавшимся задолго до этого приростом, население составило в Ромейском царстве не менее 12 млн человек. Нотиция 901-902 гг., отразившая положение предыдущих десятилетий, называла уже свыше пятисот епископских центров, а значит, городов. Количество горожан при этом увеличилось почти в полтора – два раза и составило приблизительно два – три миллиона человек (12-20% от общей численности населения Византии в 15-17 млн человек). Упадок был преодолен.

Хотя общий спад и разрушения отразились на отдельных провинциальных торгово-ремесленных центрах Ромейского царства, последние все же продолжали существовать даже в самые неблагоприятные времена. Главное, они по-прежнему доминировали над деревней административно, фискально, экономически. Только здесь можно было получить услуги, недоступные на селе. Только здесь располагались представители военной и гражданской администрации, церковные и доходные учреждения, регулярно функционировали рынки и ярмарки, трудились ремесленники и торговцы, развивались профессиональные корпорации, братства, общины, связанные с поклонением тому или иному святому, общества любителей цирковых игр. Повседневные потребности, запросы двора и знати, заказы на вооружение, снабжение армии и флота, спрос иноземцев на высококачественные ромейские ткани и другие изделия поддерживали развитие ремесла и торговли, особенно в столице, которая делается своеобразной «мастерской мира».

Сократившийся выпуск монеты, необходимой для нужд денежного обращения, с успехом компенсировался включением в оборот старых монет предыдущих римских и ромейских императоров, причем за несколько сот лет. В VII в. ими продолжали расплачиваться как и в IV столетии. Кроме того, торговля могла продолжаться и в форме натурального обмена. Но в любом случае, на денежный фонд тяжким бременем легли расходы на формирование и вооружение армии, набор и содержание войск, а также суммы, которые Ромейское царство должно было платить захватчикам.

Несмотря на ущерб от развившегося пиратства и войну с арабами за господство на Средиземном море, морская торговля не сдавала позиций. Византийцы имели первоклассные суда, обладали развитыми навыками кораблестроения и судовождения. Со времен античности им была известна **астролябия** – дословно «ловец звезд», прибор для определения в ночное время широты, на которой находится судно, а уже в IX в., благодаря заслугам моряков зависимого от Ромейского царства южноиталийского города-государства **Амальфи**, они стали

применять на своих кораблях *буссоль* – инструмент с магнитной стрелкой для ориентировки на нужное направление.

Еще раз надо особо подчеркнуть, что в целом византийские города в VII–IX вв. сохраняли самые разные функции, одновременно являясь производственными, торговыми, административными, военными, церковными, религиозными центрами и центрами паломничества для приходивших к их христианским святыням. Христианизация преобразила городской ландшафт. В городе могли находиться резиденция епископа с епископальным комплексом, кириаконы, кафоликаны – главные приходские и монастырские храмы, монастыри, церкви, *бантистерии* – крещальни с небольшими купелями, в которых в основном крестили уже не взрослых, а детей. К ним примыкали *мартирии* или *мемории* и кладбища, которые привычно стали звать не «городами мертвых», некрополями, а кимитириями, дословно «местами успения, местами сна» и которые уже не стремились непременно вынести за пределы городской черты. Обычным было наличие военного гарнизона, чиновных зданий, в частности, склада государственных грузов, товаров – апофики и здания *претория*, где размещались начальство, судьи, тюрьма.

Вдоль улиц, на площадях, в том числе на агоре, и в жилых усадьбах устраивали эргастрии – разнообразные мастерские и лавки. Обычно на двадцать жителей приходился один такой объект, так что число их даже в небольшом городе с тремя тысячами населения составляло не менее полутора сотен. Заходившие в них покупатели, судя по живым зарисовкам из Житий, видели разложенные и развешенные товары, а также продукты, иногда выставленные в стеклянных сосудах на прилавке. Случалось, какой-нибудь стеклодув со своим переносным горном или кузнец – медник устраивались в крытом портике или прямо на улице, собирая зевак поглазеть на работу, а зимой еще и погреться у горна.

Как правило, город «темных веков» имел один или несколько рынков, которым не мешало соседство церквей, странноприимные дома, а в случае близости моря – защищенный крепостными стенами порт. Море всегда выручало ромеев в трудные времена. Канализация и водоснабжение по водостокам, гончарным трубам продолжали действовать, за ними следили, перестраивали старые и строили новые ветки, чистили дренажные и питьевые колодцы, надстраивали их в случае необходимости. Надломленная, но не сломленная городская жизнь, невзирая на лихолетья, продолжалась.

Сердце Империи

Потрясающие геополитические, геостратегические и геоэкономические преимущества Константинополя особенно дали себя знать после того, как арабы захватили многие ромейские крупные порты. С конца VII в. столица Ромейского царства стала служить и ведущим транзитным центром, и терминалом, встречавшим и провожавшим все суда, используемые в торговле Европы и Востока. Более того, для большинства ромеев Константинополь окончательно стал символом державы, душой и сердцем Романии, не меньшей святыней, чем императорская власть или Православная Церковь. Подобно магниту, он все больше и больше притягивал к себе знать, вообще всех провинциалов, пытавшихся отыскать для себя нишу в рамках имперской системы.

Византийцы рассматривали Константинополь как Божий град, центр всех четырех сторон света, город, созданный по воле Бога, и потому богохранимый. По

меткому замечанию Сергея Аверинцева, известного российского филолога-классика, это был «в каком-то смысле сам по себе мир» и уж во всяком случае «колесница» этого мира – *Axis Mundi*, как сказали бы современники.

По-разному ромеи именовали свою столицу – Византий, Второй Рим, Новый Рим, Царственная, Царица городов, Мать Империи, Новый Иерусалим, Город-светоч. Но, что примечательно, часто они называли ее просто Полис – «Город», как бы единственный и неповторимый среди всех прочих. Даже китайцы, жившие на другом конце мира, звали Византийскую империю Фу-лин, воспроизводя это греческое Полин, Полис. Это же отмечали арабы, писавшие, что греки зовут Константинию-Константинополь словом Болин, или Истинболин, – так на слух мусульман звучали греческие слова Полин или «ис тин полин» – «в Город». Позже из этого родится турецкое Истанбул – Стамбул.

Граница Города, раскинувшегося на треугольном полуострове, тянулась примерно на 19,5 километров и со второй половины V в. охватила в общей сложности 1450 гектаров (Карта 8). Соединяя в себе притягательную красоту, безотказно действовавшую как на варваров, так и на цивилизованные народы, Константинополь был непревзойденной крепостью средневековья, о которую разбилась не одна волна завоевателей.

Глазам любого, кто через плоские фракийские равнины приближался к «Царице городов», прежде всего открывалось чрезвычайно впечатляющее зрелище – стены, ограждавшие город с суши. По их камням, ослепительно белым при свете солнца, словно широкие шрамы, тянулись горизонтальные линии из красного кирпича-плинфы. Кроме зрительного эффекта такая конструкция повышала сейсмостойкость сооружения. Это было особенно важно, если учесть, что прежняя крепостная стена, построенная Константином I, пострадала в 408 г. именно от землетрясения и потребовалась ее замена, дабы охватить разросшийся к тому времени пригород, известный как Эксокион – дословно «За колоннами». Новые мощные оборонительные укрепления города, как и прежние, отделяли его от остальной континентальной Европы. Они были сооружены за рекордный срок в шесть лет между Мраморным морем и Золотым Рогом в начале правления юного императора Феодосия II стараниями ведущего государственного деятеля Анфемия, «одного из мудрейших людей своего времени». С 413 г. Феодосиевы стены пришли на смену расположенным в полутора километрах восточнее от них крепостным стенам Константина, построенным в 30-е гг. IV в., и к VII в. окончательно образовали мощный каменный оборонительный пояс, охватив разросшийся город уже не только с суши, но и с моря. Пространство между стенами Константина и Феодосия составило новый обширный регион по площади едва ли не равный остальному Городу, но до тех пор, пока здесь действовало кладбище – некрополь, этот регион собственно городом, видимо, не считался. Он представлял собой слабозаселенную, резервную территорию на случай убежища, к тому же вполне пригодную для выпаса домашнего скота, устройства огородов. Ни портиков, ни публичных площадей здесь не было, и даже случалось, «как в пустыне» жили отшельники, монахи. Тем не менее новая линия укреплений была выгодной и, главное, обезопасивала устроенные на высотах в этом районе в течение V – начала VI вв. гигантские открытые водосборные цистерны. Среди них выделялись самая большая, размером 224 на 85 м, городская цистерна Аэция, названная в честь этого префекта и сооруженная в 421 г., – при глубине

до 15 м она вмещала до 300 000 куб. м воды; циклопическая цистерна *Аспара*, патрикия аланского происхождения, влиятельного приближенного императора Льва I, построенная в 459 г. и вмещавшая 23 700 куб. м воды; почти равная ей цистерна Св. Мокия объемом около 25 000 куб. м, сооруженная императором Анастасием Дикором. Таким образом, речь шла прежде всего о защите городских запасов воды на случай осады. Пример казавшегося несокрушимым старого Рима – Вечного города, впервые за восемьсот лет взятого и разграбленного в 410 г. вестготами торжествующего Алариха, явился предостережением для интриговавшего с ними Константинополя, которому в то время угрожали набегами племена хищных гуннов.

Когда необыкновенно мощное землетрясение 447 г. разрушило стену Феодосия, 16 000 горожан, трудившихся не покладая рук, полностью отстроило ее с невероятной быстротой – за шестьдесят дней, возведя при этом еще и внешнюю стену с дополнительным рядом башен, а также укрепленную кирпичами траншею-ров. Столь быстрое строительство, видимо, подстегнула зловещая весть о приближении к Городу гуннов, горевших дикой жадой грабежа. Угроза же нападения североафриканского флота вандалов – ужаса всех морей заставила позаботиться о строительстве стен и со стороны моря. В конечном итоге Феодосиевы стены – Феодосианон Тихос, гораздо более мощные, чем стены Константина, были укреплены почти четырьмя сотнями башен (394) и, оставаясь самой труднопреодолимой преградой из всех, когда-либо возведенных для защиты города, много веков надежно защищали гордую столицу ромеев от самых разных грозных врагов. На их регулярную реставрацию, поддержание в целости тратились огромные средства, которые, каким бы ни было состояние византийской экономики, находили всегда. Они явились самым впечатляющим защитным сооружением в античной или средневековой истории.

*Сухопутные крепостные стены Феодосия представляли собой особенно сложную оборонительную систему, выстроенную по последнему слову греко-византийского военно-инженерного искусства. Протяженностью около шести километров, они перерезали весь полуостров от одного берега до другого и имели три ряда стен, каждый выше другого. Доступ к стенам для усиления защиты преграждал позже выкопанный ров, по-гречески **суда**, шириной около 18-20 метров и глубиной до 10 метров, что затрудняло врагам ведение подкопа, туннеля под стены. Неизвестно, наполняли ли этот грандиозный, устрашающий ров водой, настолько он был гигантским по своим размерам, но в любом случае в нем скапливались атмосферные осадки. Кроме того, есть предположение, что в него могли впускать морскую воду. Над внутренней стороной громадной траншеи возвышался первый ряд невысокой, от двух до пяти метров, защитной стены. Второй ряд стен играл роль передовой стены – **протехисмы**. Его называли Экс Тихос – Внешняя стена. Она имела толщину в 2-3 метра, высоту 8-10 метров, то есть в пять-шесть раз выше человеческого роста, и была укреплена 15-метровыми башнями числом 92. На 20-25-метровом удалении от второй линии возвышались самые мощные, главные стены высотой 18-20 метров и толщиной пять – шесть метров у основания. Их называли Большой стеной – Мега Тихос. Они были усилены 96 огромными круглыми, а также четырех-, шести- и восьмиугольными башнями высотой от 20 до 30 метров, стоящими на расстоянии 55-*

60 метров друг от друга. Чтобы сподручнее вести обстрел противника из луков и метательных машин, башни всех линий обороны были расставлены в шахматном порядке. Они имели по два этажа – верхний, боевой, и нижний, для кладовых и казарм. С внутренней стороны наверху, вдоль основной стены шла галерея, поддерживаемая арками, из которой можно было попасть в верхнюю камеру башни с узкими бойницами и амбразурами для стрельбы из лука. Общая глубина Феодосиевой оборонительной системы достигала 65 метров, подступы к ней были хорошо пристреляны, а основные оборонительные сооружения уходили под землю на 10-12 метров, что делало попытки соорудить подкоп в таких местах делом совершенно безнадежным.

Морские укрепления, тянувшиеся вдоль Золотого Рога и берега Мраморного моря, состояли из одного ряда более низких стен протяженностью соответственно семь и восемь километров, защищенных цепью из 298 башен. Подходу к ним через Золотой Рог препятствовали натянутый бон – плавучее заграждение, которым ромеи обзавелись со времен осады арабами в 717 г., а со стороны Пропонтиды – быстрые течения и неожиданные штормы. Ни одна армия не преуспела в попытках пройти штурмом через многочисленные слои обороны. До тех пор, пока наиболее мощными осадными орудиями оставались тараны, катапульты и передвижные штурмовые башни, превосходно защищенный Константинополь был фактически неуязвим.

Остатки укреплений этого супергорода средневековья, заменившие ему в столкновениях с врагами пушки и порох, сохранились и до сегодняшнего дня. Стойко сопротивляясь разрушительному действию времени, они продолжают поражать нас своей мощью и грандиозностью.

Константинополь имел десять главных ворот, которые делились по ровну на гражданские и военные, а также небольшие военные калитки для доступа в междустенье. Военные ворота имели номера, а ворота, использовавшиеся в невоенных целях, – названия. В случае осады общественные гражданские ворота замуровывали. Военные ворота, состоявшие из двух железных створок, иногда прикрытых еще и подъемной решеткой – **катапактой** или **сlegtетором**, находились под защитой наиболее дюжих, крепких и высоких башен, не имели мостов через ров и открывались только для вылазок против неприятеля. Знаменитые парадные **Золотые ворота** – Хриси Пили, изначально сделанные в виде трехпролетной триумфальной арки высотой до 20 метров, со временем включили в систему крепостных стен между двух башен, сложенных из гигантских монолитных блоков белого мрамора, пригнанных так плотно, что между ними до сих пор не просунешь и лезвие бритвы. Проезд этих знаменитых ворот прикрывали большие створы из отполированной латуни, сияющей на солнце как золото. Кроме того, Хриси Пили увенчивали огромных размеров статуи четырех слонов, впряженных в колесницу, которой правил император Феодосий I – заказчик арки в честь победы в 391 г. над «тираном» Максимом, соперником в борьбе за власть. Центральный, самый высокий пролет ворот предназначался для проезда царского эскорта. В других случаях он открывался только для триумфов императора и его полководцев. Недаром прототипом константинопольских Золотых ворот послужили Золотые ворота Иерусалима, через которые Христос совершил свой торжественный вход в город. Именно к ним

выводила главная дорожная артерия Балкан – древняя *Виа Эгнация*, которая сливалась здесь с главной улицей города – **Меси**, или, точнее, переходила в нее. К середине V в. константинопольские Золотые ворота превратились в укрепленную цитадель с двумя воротами – Малыми и Большими (прежней триумфальной арки), защищенных сначала пятью, а затем – семью башнями, отчего весь комплекс получил название *Гептапиргос* – «Семибашенный». Турки поныне называют его аналогично – *Едикуле* – «Семь башен».

Некоторые столичные ворота вели непосредственно к Мраморному морю и завершались причалами и гаванями, среди которых наиболее известными были южные гавани **Юлиана** (она же – **Софиана**, *Контоскалий*), **Феодосиана** (она же – **Кесарион** или *Ламияс*), *Элефтерий*, *Эптаскалий*, **Вуклеон** – все на Мраморном море, а также северные **Неорий** и **Просфорий** – у входа в залив Золотой Рог. Правда, порт *Элефтерий* стал мелеть уже к VI в., но за его сохранность боролись вплоть до XI в., когда он, как показывают современные археологические раскопки, разом погиб в результате некой катастрофы, огромной приливной волны, цунами, накрывшей его вместе с судами, грузами, лошадьми, таскавшими эти грузы.

В эти гавани приходили и уходили корабли византийские и иноземные. Порты Константинополя буквально кишели покачивающимися на воде судами и суденышками купцов и рыбаков, лодками ремесленников, выгружавших свои грузы и товары. Особенно активно действовала оживленная переправа – **Перама**, связывавшая оба берега залива в самом узком месте, где ныне находится *Галатский мост Стамбула*.

Кроме грандиозной Феодосиевой стены Город на дальних подступах прикрывали внешние, так называемые *Макрон Тихос*, то есть Большие или Длинные, они же Анастасиевы стены протяженностью около 50 километров. Их начали строить во второй половине V в., в эпоху императора Льва I, и окончательно достроили в самом начале VI в. Расположенные в 65 километрах к западу от столицы, между берегами Мраморного и Черного морей, они широким охватом прикрывали богатые городские предместья от внезапных нападений врагов из Фракии. Впрочем, эти циклопические стены толщиной 3,5 метра и высотой 5 метров, укрепленные 450 башнями, нуждались в многотысячном гарнизоне, патрулях, их было трудно защищать на всем грандиозном протяжении, равном почти двум дням пути. Поэтому уже к началу VII в. они потеряли свое значение и оказались заброшены.

Константинополь, в подражании Древнему Риму, в соответствии с важной священной традицией преемственности, тоже лежал на семи холмах. Впрочем, самый высокий не достигал ста метров, а место полноводного Тибра занимала довольно жалкая речушка *Ликос* – «Волчья», которая служила для водопоя скота, стирки и часто пересыхала в жаркие летние месяцы. Но общая территория была громадной. Как и в Риме, она делилась на 14 районов – **регионов** и 322 квартала – **гитонии**. Такое деление сохранялось до самого падения Константинополя.

Величественные дворцы – палатии, многочисленные церкви, усадьбы громоздились друг на друга живописным амфитеатром и, прикрытые зеленеющим плащом деревьев, спускались к заливу Золотой Рог и к берегам Пропонтиды, вдоль которых они тянулись соответственно сторонам гигантского треугольника мыса на пять и восемь километров. Константинополь расположен на той же ши-

роते, что и солнечный, теплый Неаполь. Поэтому лето здесь умеренно жаркое, хотя более сухое, а зимние холода до сих пор смягчает южный ветер. Впрочем, по воспоминаниям ромеев, случалось, лед покрывал не только залив, но и море.

Генеральный план и топографию гигантского Города ныне можно представить только на основании данных письменных источников, отдельных руин и немного из того, что удалось обнаружить археологам в ходе раскопок, начатых после Первой мировой войны, ибо большая часть древнего Византия – Константинополя лежит на глубине от трех до семи метров под улицами и зданиями современного турецкого Стамбула.

Главная улица столицы, Меси (в переводе с греческого «Средняя» или «Срединная»), протяженностью три километра, начиналась от сравнительно большой, около 4 000 кв. м, вымощенной мрамором, трапецивидной центральной площади города – **Августиона**, получившей свой название от августы Елены, матери Константина Великого. Эта площадь в старейшей, восточной части Константинополя являлась собственно двором главной церкви Ромейского царства – знаменитого храма Св. Софии и ее ворота обычно были заперты: народ здесь собирали лишь по особым, торжественным случаям. Она была вся уставлена статуями, среди которых выделялась своими колоссальными размерами колонна с бронзовой конной статуей Юстиниана I наверху – один обхват головы императора достигал почти двух метров. С севера над Августионом высилась окруженная многочисленными лавками свечников – **кирулариев** громада Великой церкви, чей купол величественно плыл над Городом. Против ее западных дверей находилась **Халкопратия** – ряды торговцев изделиями из меди и бронзы и знаменитая богатая церковь Богоматери Халкопратийской, двери которой были оббиты чеканным серебром. Здесь, посреди квартала медников, хранилась одна из главных реликвий ромеев, спасительный пояс Богородицы, с которым обходили городские стены, если столице угрожали враги.

К юго-востоку от Августиона террасами высотой от шести до 32 метров над уровнем моря простирались бесчисленные постройки, переходы и сады Большого императорского дворца, который заслуживает отдельного рассказа.

*Этот монументальный архитектурный комплекс общей площадью более 100 000 кв. м начал сооружаться на приморской оконечности Города уже при Константине I и особенно активно расстраивался в VI в. и в 830-е гг. Он включал массу зданий до пяти этажей, каждый высотой шесть метров, с нескончаемой анфиладой палат – **триклиниев**, тронных и приемных залов, помещений для пиришеств и отдыха, покоев – **кувикл**, а также храмы, церкви, часовни, скрытые и открытые цистерны для воды, веранды, несколько тюрем и **Циканистирий**. Последним словом персидского происхождения обозначали специальную площадку для излюбленной василевсами верховой игры в мяч (поло). Она находилась под окнами Дворца, с его восточной стороны. Все это было соединено между собой галереями и переходами, внутренними садами – кипиями и террасами с лестницами. Здесь же располагались помещения **консистории**, дворцовые службы, конюшни, казармы, где несли службу придворная гвардия, царские телохранители.*

*На северной границе территории дворцового комплекса, между апсидой храма Св. Софии и собственно дворцом находилось место, именовавшееся **Питтакий**. Здесь принимали и хранили питтакии – грамоты-прошения, че-*

лобитные на имя императора и сюда со всей Империи съезжались желающие добиться царское правосудие.

На юге к морю спускалась лестница, которая вела к императорским пристаням. Вероятно, существовали и подземные ходы, один из которых, с мощными сводчатыми стенами, обнаружен археологами около порта Элефтерия на Мраморном море, далеко за пределами Дворца. В случае опасности всегда можно было спастись бегством на корабле. Примыкавшая с юга к Дворцу небольшая гавань Вуколеон – дословно «Быкольва», названная так по установленной на верхней площадке ступеней, ведущих от воды, скульптурной композиции в виде льва, терзающего быка, была надежно прикрыта высокими стенами, которые защищали царские дромоны. Видимо, где-то поблизости от этого района находилось и итальяйское подворье: наглым иноземцам случалось красть статуи с Ипподрома.

В Царской стое, или Регии, – роскошной двойной колоннаде у Ипподрома, в начале Меси устроили **политиры** – книжные лавки и места, где с раннего утра и до захода солнца просиживали риторы-адвокаты, за деньги разбиравшие просителям судебные документы, нотариусы, писцы, учителя филологии. Впрочем, здесь любили собираться не только желающие подзаработать ученые знатоки, но и обыватели, горячо, вплоть до взаимных оскорблений спорившие на излюбленные богословские темы.

Августион украшали прекрасные колоннады и закрытые портики-эмволы, а рядом с ними, но уже за пределами этой парадной дворцовой площади, находилась Гунария – квартал торговцев богатым пушным товаром. В северо-западной части площади возвышалась еще одна достопримечательность – **Милий**, первый военный межевой столб, собственно милий, который римляне считали началом дорог и от которого рассчитывали все расстояния в Римском царстве. Со временем он был включен в состав четырехсторонней величественной арочной конструкции под куполом, через которую во время разных церемоний, так поражающих иностранцев, проходил император и где его приветствовали вены.

Небольшая, в две сотни метров улочка между зданием **Халки** с огромными бронзовыми воротами – входом в Большой императорский дворец и Милием Августиона была отдана под прилавки – **аваки мирэпсов** – торговцев специями, благовониями, красителями, лекарствами гомеопатического характера, чьи запахи, видимо, были приятны для обитателей царственных покоев. На каждую аваку отводилось около двух метров, а сама она представляла собой деревянный стол-лоток с квадратными ячейками (карвеа), в которые было насыпано то, чем торговали мирэпсы.

Меси – главная артерия Города шириной около 25 метров, была хорошо мощена каменными плитами и оторочена портиками, то есть колоннадами, которые поддерживали выдвинутые вперед вторые этажи домов и создавали крытые проходы вдоль улицы. Первые шестьсот метров от Августиона она была украшена стоявшими в ряд 94 колоннами, перекрытыми мощными арками с громадными пролетами в шесть метров.

Дальше на главную улицу выходили ведомство градоначальника – **эпарха**, а также церкви, палаты Константинопольского архиепископа – Патриарха, общественные бани, одетые в мрамор и утопающие в зелени дворцы видных сановников, знати и богатейших предпринимателей.

«Средняя» пересекала наиболее крупные площади столицы. Прежде всего это был своеобразный омфал – дословно «пуп» Города диаметром около сотни метров, – большой, овальный формы форос Константина, он же – Фора или Агора (сегодня это гораздо меньший стамбульский Чемберлиташ). В центре площадь украшала грандиозная статуя, изображавшая основателя Константинополя – императора Константина Великого. Она была установлена на высоченной колонне из мрамора и порфира (порфирита). Статуя из позолоченной бронзы изображала императора в виде солнечного бога Аполлона с венцом, украшенным семью лучами, расходящимися от его головы, так что он казался одновременно и солнечным богом Аполлоном, и Иисусом Христом в терновом венце. Теперь от нее уцелела лишь изрядно порченая, в трещинах порфировая колонна. Ее бывшая высота равнялась 37 метрам, и она состояла из семи доставленных из Египта порфировых «барабанов», перехваченных бронзовыми обручами. Турки называют ее Чемберлиташ – «сожженная колонна». В толще цоколя находилась крошечная подземная часовня, наполненная удивительными реликвиями, среди которых был топор библейского Ноя, посох Моисея, «палладий» из Трои, корзины с теми пятью хлебами, которыми Христос накормил многие сотни людей. При императоре Феодосии II доступ паломников к ним был закрыт после того, как один проходимец попытался украсть священный хлеб.

Знаменитый форос был охвачен двухъярусной колоннадой с двумя стоящими друг против друга роскошными монументальными, беломраморными арками. На восточной арке были воздвигнуты статуя Фортуны и контрастировавший с ней Крест, отделанный серебряными пластинами. На северной стороне фороса располагался накрытый большим куполом блотраморный Дворец синклита (сената), в который вели двери с изображением мифических титанов. Они предварялись изящным портиком с четырьмя порфировыми колоннами, перед которыми располагались древнегреческие статуи Афины и мало кому понятного Тетиса. Несмотря на такие древние и новые красоты именно на площади Константина действовал основной вещевой и продуктовый рынок, нередко устраивали публичные казни, а позади площади находился очень уместный для такого места большой общественный туалет, знаменитый тем, что именно в нем умер ересиарх Арий, которого нашли якобы «головой в очке, а ногами вверх». Тут же, рядом с церковью Богородицы на Форе, находилась Кирополия – ряды свечников, в закрытом портике – Большом Эмволе размещались ряды торговцев импортными, восточными ткаными изделиями, а южнее Фора тянулись ряды меховых, скорняжных эргастриев.

Кроме того, на отрезке от Милия до агоры Константина действовала Аргиропратия – ряды торговцев драгоценностями, оценщиков, менял и *хрисохооов* – золотых дел мастеров. Здесь постоянно фланировала толпа, шла бойкая торговля, на которую любили глазет обитатели верхних этажей. Несмотря на запреты властей, всегда оставался велик соблазн разгородить здешние крытые портики деревянными щитами, досками, завесами, тряпками, а внутри устроить разнообразные магазинчики, забегаловки, в результате чего, разумеется, возрастала антисанитария и опасность пожаров.

После фора Константина следовал *Анемодулий* – дословно «Раб ветров» Он представлял собой высокую пирамиду или башню-столп, украшенную барельефами с изображениями птиц, животных, растений, сельскохозяйственных

работ и смеющихся нагих проказников-эротов, кидающих друг в друга яблоки. На вершине этого диковинного сооружения, приписываемого некоему Илиодору, располагался флюгер в виде бронзовой фигуры женщины на стержне, которая оборачивалась при малейшем дуновении ветра.

За Анемодулием Меси пересекала площадь Тавра – дословно «Быка», которая именовалась также площадью Феодосия, ибо была украшена статуями последнего императора единой Римской империи Феодосия I и его сыновей. Здешний форум напоминал мраморную платформу, втиснутую между склонами, и находился на месте современной стамбульской площади Баязида, но был гораздо больше (400 на 350 метров, 140 000 кв. м). Понятно, почему именно здесь, на этом огромном пространстве, у подножия монументальной колонны со статуей Феодосия Великого, ромейские чиновники торжественно встречали иностранных посланников, которые с благоговением взирали на колоссальную колонну и на две грандиозные триумфальные арки, одни из самых больших в мире. В будничные дни площадь, по крайней мере, с VIII в. служила рынком для продажи свиней и овец, хрюкавших и блеявших рядом со всем этим античным величием, церквами и дворцами. Прозрачным наглядным намеком на честность при сделках здесь же высилась громадная скульптура, изображавшая две руки (средний палец одной из них, найденный при раскопках, имеет длину 0,8 м). К югу от Тавра были устроены скотобойни – хортовопы, а еще дальше размещались мясные ряды, в которых у своих авак и лавок красовались дюжие мясники – *макеллари*, не расстававшиеся с колоритными огромными мясницкими ножами- макеллами.

Далее Меси тянулась мимо монастыря Христа Акаталиптос – дословно «Непостижимого» и выходила на перекресток с народным названием Филадельфийон, то есть «Братолюбие». Он был украшен 14-метровым порфировым столпом с крестом, порфировыми статуями сыновей Константина Великого, Елены, матери Константина, и даже статуями боровшегося с христианами императора Юлиана (361-363 гг.) и его жены, августы Софии. Порфировая колонна покоилась на вырезанных из порфира двух парах крепко обнявшихся суровых мужчин, очевидно, тетрархов – управителей четвертями Римской империи. Ныне эту консоль можно увидеть на фасаде венецианского собора Сан-Марко, куда ее в качестве трофея в начале XIII в. доставили крестоносцы.

Неподалеку от Филадельфия было выставлено изображение *модия* (византийской меры сыпучих веществ), расположенное на высокой пирамиде. Извятие истинного модия служило еще одним напоминанием не чистым на руку торговцам о суровом наказании вплоть до отрубания рук, которое ждало каждого за пользование фальшивыми мерами. В этой лучшей части Города, которая носила название Месомфал – «Средина пупа» и действительно находилась в центре древнего Константинополя, причудливо переплетались монашеское уединение, слава и воинская доблесть, суетный и шумный мир торговцев и ремесленников с их дымом, копотью, базарными склоками и шутовскими выкриками.

После Филадельфия Меси, будто гигантская рогатка, разделялась на два рукава. Ее южное ответвление вливалось в площадь Амастриана, пользовавшуюся среди горожан дурной славой. Именно здесь совершались казни важнейших, государственных преступников. Кроме того, Амастриана была богато украшена античными статуями: Зевс-Гелиос на мраморной колеснице, распростертый на земле, отдыхающий Геракл, птицы, драконы. Именно поэтому, многие богобояз-

ненные, суеверные константинопольцы полагали, что эта площадь находится во власти зловещих демонов. Указанные выше обстоятельства не мешали Амастриане служить конным рынком, где продавали лошадей и где работали оценщики коней – **вофры**, получавшие за свой труд комиссионные. Многочисленные каналы, выбоины, лужи, крепкие запахи конской мочи и навоза удивительно преобразили облик античного наследия давних веков.

Миновав Амастрианский рынок, Меси спускалась в долину речушки Ликоса. Здесь располагалась агора Вола или Быка. Свое название этот форос получил от гигантской античной бронзовой статуи быка или вола, некогда вывезенной из малоазийского Пергама. Она простояла здесь по меньшей мере до VII в. включительно, если не дольше, пока не была переплавлена на монеты. Площадь Вола была местом, где часто происходили столкновения и творился скорый суд возбужденной толпы горожан над иноверцами и политическими оппонентами. Случалось, здесь устраивали казни, сжигали опасных государственных преступников или их останки, но сама полая статуя быка для изжаривания заживо не использовалась. Скорее всего, это легенда.

Следующим следовал огромный форум Аркадия, являвшийся еще одной агорой Города. В его центре на 45 метров возносилась гигантская колонна, спирально украшенная рельефами с изображениями побед императора Аркадия (395–408 гг.). Она имела внутри лестницу из 233 ступеней, ведущую на самый верх, где на громадной капители со стороны пять метров высилась конная статуя Аркадия, воздвигнутая его сыном, Феодосием II в 421 г. Здесь она простояла пока не упала сверху в 740 г., но колонна осталась, давая повод суеверным константинопольцам самым причудливым образом истолковывать покрывавшие ее полустершиеся рельефы.

После агоры Аркадия и до окраинного Седьмого холма столицы, или **Ксиро-лофа** – «Сухого холма», с его монастырями и гостиним подворьем сирийцев-христиан, этот рукав Средней завершался главными въездом в «Царицу городов» – описанными выше знаменитыми трехпролетными Золотыми воротами, которые защищала пристроенная со стороны Города к Феодосиевой стене укрепленная цитадель с мощными башнями.

Другой рукав Меси от Филадельфия уходил на северо-запад. Он миновал многие величественные церкви, в том числе крестово-купольный храм Св. Апостолов, так называемый Апостолион, стоявший на самом высоком холме Константинополя, и прославленный, хотя и окраинный Хорский монастырь с ксенодохионом – гостиним двором для прибывавших из Палестины, а также гигантский открытый водоем – цистерну Аэция, и завершался Харисийскими воротами, некогда названными так в честь некоего Харисия, димарха венетов. Они выводили на дорогу к фракийскому **Адрианополю** и поэтому назывались также Адрианопольскими.

Апостолион заслуживает особого упоминания. Первоначальный храм был выстроен еще Константином Великим и служил мавзолеем императоров, их близких родственников, Патриархов. При преемнике Константина I, Констанции (337–361 гг.), в храм были перенесены мощи Свв. апостолов Тимофея, Андрея и Луки, а еще позже в алтарь были положены мощи наиболее прославленных византийских Отцов Церкви конца IV – начала V вв. – Григория Назианзина (Богослова) и Иоанна Хрисостома. Юстиниан I приказал заново перестроить

обветшавшее здание и сделать его еще более великолепным. В частности, к алтарю был пристроен храм Юстиниана Великого, в котором стояла гробница из чистого золота, приготовленная императором для самого себя.

В Апостолионе хранились не только мощи и разнообразные драгоценные реликвии, но также императорские облачения, короны-венцы, драгоценные камни, жемчуг, золотые украшения и другие богатства и сокровища. Здесь проводились некоторые знаменательные церковные Соборы. С зажженными свечами в руках император и Патриарх непременно молились у гробниц Иоанна Златоуста и Григория Богослова. Отсюда следовали самые пышные богомольные выходы. Обстановка роскошного алтаря с чудотворными иконами, шелковых завес, великолепных мозаичных полов, гармоничной мраморной облицовки, пышных одеяний высших духовных лиц и членов синклита, нерушимого и размеренного ритуала внушали веру в незыблемость, подчеркивали традиционность устоев общества ромеев.

К северу от Харисийских (Адрианопольских) городских ворот, у конца Золотого Рога располагался укрепленный с VII в. оборонительной стеной район **Влахерн**, где находились начавшие строиться с середины V в. дворцовые сооружения и ряд великолепных храмов – кириакон, еkkлесий, среди которых главную роль играла наиболее почитаемая крестовидная базилика Богоматери Влахернской с Покровом (Мафорием) и другими величайшими священными реликвиями Девы Марии. К ней примыкала восьмиугольная купольная церковь – реликварий Святого Гроба и храм Святой Купели на месте прославленного целебного теплого источника – агиасмы, куда в надежде на чудо избавления от телесного и душевного «морока» приходило множество паломников и где, облаченный в золоченные простыни, регулярно купался сам император. Здесь же, во Влахернах находились места поселения местных евреев и приезжих иноземцев, а чуть ниже – длинный деревянный мост через Золотой Рог, который соединял самый большой, окраинный 14-й район Города с противоположным берегом.

Примерно пятьдесят широких, от пяти до десяти метров, улиц, украшенные колонами и двухэтажными портиками, тянулись по берегу Мраморного моря и Золотого Рога от продуктовых рядов булочников – **Артополии** – дословно «Хлеботорговли» на север, где находились ряды Большого Эмвола фороса Константина. К югу от него, около вместительной гавани Юлиана, она же – Софiana, действовала с VI в. Крифополия – «Ячменный рынок», а чуть севернее по берегу Пропонтиды – рыбные ряды, известные как «Большие камары». Это были провонявшие рыбой лавки со сводчатыми помещениями, толстые стены которых хранили прохладу даже в летний зной.

Другой центр предпринимательской деятельности обнаруживался в большом северном районе под названием **Зевгма**, где неподалеку от берега Золотого Рога находились красильни, Карвунария – рынок столь необходимого топлива, где продавали хворост, камыш, папирус и древесный уголь, а со второй четверти IX в. стал действовать рынок рабов в Ставрионе. Рядом, недалеко от возвышенного Акрополя, в Стратигии действовал скотопригонный пункт, – единственное место в Городе, где разрешалось продавать убойный скот. Десятки окружающих их более мелких улиц и улочек были застроены трех-, двух- и одноэтажными домами ремесленников, состоятельных купцов, чиновников и знати. Более ста лестниц связывали эти улицы, позволяя переходить с одной на другую.

Вокруг ослепительного, пестрого великолепия сооружений «Царственной» простирались мягкая прелесть зеленых берегов и холмов Босфора, а зеркальные лазурные воды Мраморного моря сочетались с чарующей далью окутанных дымкой вифинских гор на противоположном малоазийском берегу.

Впрочем, далеко не весь Константинополь выглядел столь привлекательно и был так щедро одет в мрамор и наряжен статуями и колоннами как главная магистраль и площади мегаполиса. Гораздо скромнее выглядела самая просторная, западная, окраинная часть византийской столицы, занятая огородами, садами и редкими виллами. Да и между главными улицами повсеместно встречались убогие кварталы и жалкие, небольшие домишки. Покатые, узкие, извилистые, лишь частью мощенные боковые улочки, по которым было трудно двигаться не то что на повозках, но даже верхом, в IV-VI вв. были застроены доходными домами, которые иногда достигали девяти этажей. Здесь, в крохотных комнатухах, отапливаемых жаровнями, на которых готовили и подогревали пищу, в страшной тесноте и грязи жил простой народ – тысячи мелких ремесленников и торговцев, моряков и наемных работников. Лишь демографический спад последующих столетий покончил с этими многоэтажными постройками, нужда в которых отпала.

Некоторые историки считают, что численность жителей Константинополя в VIII в. уменьшилась до 40 000, из-за последствий сильного землетрясения 742 г. и особенно – «великой чумы» 746-747 гг. Одна из самых страшных эпидемий возобновилась в Египте и Сирии, опустошила остров Сицилию, Пелопоннес, малоазийскую Анатолию и достигла столицы Империи. Оставшиеся в живых, выжившие, моля о заступничестве святых, с ужасом наблюдали беспощадное шествие смерти. Тогдашнее Ромейское царство, по подсчетам ученых, вновь потеряло до 40% жителей – четыре – пять миллионов человек. Таков был последний всплеск великой пандемии «Юстиниановой чумы», с перерывами тянувшейся с VI в. и не дававшей населению численно расти.

Сочетание простора больших площадей и даже незастроенных пространств, пустырей, особенно разросшихся в Городе во второй половине VIII в. в связи с демографическим спадом, контрастировало на фоне массы узеньких, кривых, грязных улочек, изрытых ямами, темных даже в солнечные дни от нависающих верхних этажей домов. Зловонные кучи нечистот, которые не успевали вывозить на особых повозках, мусорные ямы и стаи бродячих собак – такова была другая сторона некоторых районов царственного Полиса.

Если центральные улицы Константинополя ночью освещались факелами, масляными фонарями или восковыми свечами на крестовидных подвесах, которые светились будто россыпь светлячков, то в остальном городе царила тьма. Лишь изредка можно было повстречать возвращающуюся из распивочной-капители подвыпившую компанию или запоздалого ремесленника, который со свечником в руке пробирался домой погруженными во мрак, окраинными, кривыми улочками ромейской столицы.

Зато днем центральные улицы и площади многотысячного мегаполиса наполнялись разноголосым гомоном, бурлили толпами народа. Особенно много горожан и приезжих толпилось у громады Айя Софии, расположенных рядом с ней церковью Св. Ирины, прославленной, находившейся на особом положении, казенной больницы Св. Сампсона, многочисленных лавок в восточной части Кон-

стантинополя, в рядах Артополии, между форами Константина и Феодосия, где располагались булочные и пекарни, торговали овощами и рыбой, сыром и различными горячими закусками. Лишь к вечеру улицы Города пустели, большая часть жителей принималась за **диннон** – обед.

Население Константинополя было удивительно разноплеменным, разноэтническим и разноязыким. Здесь можно было повстречать бородатых греков, служивших в византийских войсках гладко выбритых франков, привозивших на рынки Города великолепные восточные товары арабов в темных плащах и кирпичного цвета сандалия. В столице ромеев проживало и немало армян, занимавших нередко высокие посты в государственном аппарате и армии. Грузины, аланы, евреи, турки, болгары, италийцы-италиоты... Это далеко не полный перечень пестрой и разноликой этнической мозаики огромного супергорода средневековья. Одни из ее социальных составляющих прочно обосновались здесь, имели свои кварталы, церкви, причалы, другие – приезжие купцы, путешественники, воины, искатели приключений, паломники – бродили по шумным улицам Города, с любопытством рассматривая невиданные достопримечательности блестящей столицы мира.

Богатейший полис притягивал великое множество нищих, которые проводили жизнь на его площадях и улицах : днем жалобными голосами они выпрашивали милостыню, на ночь располагались у кириаконов, церквей или в крытых галереях, где кроватью служила соломенная подстилка, а зимними ночами приходилось дрожать от холода. Иногда для утепления портики, где ютились бедолаги, по императорскому распоряжению заколачивали досками, но случались такие «благоедения» крайне редко. Впрочем, некоторые профессиональные столичные нищие зарабатывали подаванием гораздо больше, чем мог получить трудившийся с раннего утра и до позднего вечера квалифицированный рабочий.

Большой средневековый город Константинополь давал пропитание многим: ремесленникам и корчмарям, виноторговцам и проституткам – **порни**, юродивым и дрессировщикам зверей, цирковым акробатам и профессиональным вора, которые промышляли на рынках и улочках, даже в публичных банях остававшейся огромной по любым меркам столицы ромеев. Другое дело, что разбойный грабеж не процветал. Обычно полицейская, в том числе ночная стража, – **вигла** и **керкета**, подчиненные сначала **префекту**, а затем градоначальнику – **эпарху** Константинополя, были бдительны и проверяли даже случайных загулявших, компании молодых, засидевшихся до темна пьяниц, которых в этом случае ждала отменная порка.

Постоянным бичом густонаселенного Города были пожары, печальные последствия которых были трудно устранимы. Достаточно было какой-нибудь женщине, пришедшей купить что-либо на рынке, по неосторожности оставить лампаду рядом с грузом пакли, чтобы огонь превратился в бушующее пламя и за несколько дней самым ужаснейшим образом опустошил весь центр Константинополя. Недаром на столичных рынках и возле лавок, мастерских, повсюду лежали багры, вилы, топоры и шесты для тушения довольно частых возгораний, бороться с которыми должна была и специальная городская пожарная служба, тоже входившая в виглу. Отчисления на содержание доблестных храбрых пожарников шли с нескольких сот константинопольских эргастириев, сосредоточенных преимущественно у Великой церкви.

Другой насущной проблемой столицы долгое время оставалось водоснабжение. Благодаря грандиозным работам по подведению питьевой воды, она поступала из озер, родников по акведукам издалека, из района Белградского леса – лесистой местности в 20 км к северу от Константинополя. Эти акведуки тщательно, очень аккуратно и красиво построили из камня и кирпича в три фазы: на рубеже I-II вв. для греческого Византия, во второй половине IV – начале V вв. и в середине VI в. уже для собственно Константинополя, после чего столь грандиозных работ не вели, ограничиваясь ремонтам и поддержанием в порядке оставшихся объектов. Подсчитано, что общая протяженность сильно разветвленной водопроводной системы Константинополя из шести десятков мостов-водогонов достигала 550 километров, по которым ежедневно доставлялось до 89 000 куб. м воды.

Одним из самых гигантских сооружений такого рода, по мнению современников, подобных рукотворной небесной реке, текущей посреди Города, являлся огромный акведук, который начали строить при императорах Адриане и Константине I и завершили в 378 г. при императоре Валенте (совр. *турец.* Боздоган Кемери). Акведук императора Валента состоял из двухрядного водогона, причем каждый высотой 1,88 м и шириной 0,95 м, так что внутри него мог свободно двигаться человек. Он был проложен на изящных каменных арках, возвышавшихся почти на 60 метров над уровнем моря, и давал 6 000 куб. м воды в день, поступавших в столичный Большой Нимфей, но все же этого было бы недостаточно для густонаселенного Города. Именно поэтому в Константинополе строили водосборные цистерны-резервуары, как гигантские, трехярусные, так и совсем небольшие. Их выкапывали в огромном количестве – под дворцами, большими церквями, монастырями, частными домами. Три самые крупные цистерны под открытым небом обладали вместимостью около миллиона кубических метров, что же касается скрытых, подземных цистерн, то их было около сотни. Выложенные из плоского кирпича своды таких огромных резервуаров поддерживал лес из многих десятков и даже сотен мраморных колонн, как, например, во впечатляющей цистерне Юстиниана (она же – «цистерна Базилика», или «царская») (*турец.* Йерибатан Сарай – «Дворец, провалившийся под землю») в районе Халкопратия, недалеко от Милия и Айя Софии, где число восьмиметровых колонн, поставленных в двенадцать рядов, достигало 336. Это был настоящий шедевр архитектуры, водоем длиной 141 метр и шириной 73 метра, в котором можно было плавать на лодке. В таинственном прохладном полумраке на площади свыше 10 000 кв. м здесь плескалось 80 000 куб. м воды. Она же поступала из городских *нимфеев*, *фиалов*, колодцев – фреаров. Никакой другой город не обладал таким огромным количеством водоемов-цистерн как Константинополь, по этой причине как бы висящий над пустотой.

Тем не менее с VII в. воды стало не хватать. Разрушенный во время краткой, но яростной аваро-славянской осады 626 г. большой акведук Валента оставался не починенным ровно 140 лет. Поэтому в жаркое время года возле городских водоемов выстраивались огромные очереди, случались беспорядки, толчея. Обычной фигурой, впрочем, не только столицы, но и других ромейских городов, был предприимчивый торговец водой, издалека терпеливо таскавший ее на себе или на своем ослике.

**Доходы,
заработки, цены**

По понятиям ромеев, работа должна была приносить справедливое вознаграждение, тогда как нажива, прибыль была по всем показателям запрещена. Она рассматривалась как торговая спекуляция, а единственно правильной формой работы считался наем под ежедневный или ежемесячный расчет.

Наемному работнику обязательно полагалась заработная плата. Апостол Павел в Послании к Римлянам (4: 4) высказал на этот счет высокоавторитетное обосновывающее правило: «Люди получают плату за свой труд не в знак милости, но потому, что им эта плата положена». Но и те, кто не являлся собственно **мистием, мисфотом**, то есть не работал за мисфос – наемную плату, как правило, поденную, тоже получали доходы от своих профессиональных занятий даже в том случае, если им не полагалось жалование.

Состояние византийской торговли и рынка периода раннего средневековья позволяет лучше представить изучение такого понятия как **кердос**. Под ним ромеи понимали все то, что увеличивало любое имущество, состояние, богатство, заработок и противостояло убыткам. Повелось считать, что стараниями центральной власти в Византии не позже IX в. была всюду установлена единая норма дохода в размере 8,3% от прибыли с вложенной суммы капитала. Это обеспечивало прожиточный уровень жизни. Любое усилие производителя увеличить свое вознаграждение строго наказывалось. Посмотрим, так ли это?

Начнем с «хлебоделов» – артополов или артопратов, чьи доходы и труд находились под особенно пристальным наблюдением властей. Обычные караваи из кислого теста могли весить 400-450, 600-650 граммов (два фунта), или немного меньше или больше. В VII в. называли очень дешевым фунт хлеба (не меньше 320 граммов) по цене около трети мелкой медной монеты – фоллиса (фолла). Вообще, горожане воспринимали как приемлемые даже три фолла за хлеб, хотя в крайних ситуациях дороговизна иногда разрасталась необыкновенно, увеличиваясь в один – два десятка раз. Обычной ценой в ромейском городе, пожалуй, следовало бы считать восемь модиев зерна (около 60 килограммов) за золотой – солид. Частный владелец рядовой городской пекарни с двумя печами и производственной мощностью 70-90 хлебов мог получить доход около половины или даже целого солида, когда караваи продавались по два – три фолла за штуку. С учетом издержек, он мог иметь около четырех – восьми номисм в месяц, а годовой доход колебался в пределах 47-95 солидов.

Византийская мораль, действительно, осуждала перепродажу с целью наживы, признавая единственно законной торговлю избыточным продуктом его производителей. Но некоторые профессии так или иначе оказывались связаны с перепродажей, принося неплохой доход.

Так, около 70 солидов зарабатывал за год средний ихфиопрат, торговец рыбой, приобретающий ее у рыбаков. Даже при вычете трети на издержки, поборы, ему оставалась значительная сумма в 47 солидов.

Цена лошади, вола или коровы была эквивалентна в среднем четырем солидам, а к IX-X вв. выросла до 12 солидов. В этом случае посредник при продаже – **вофр** даже при совершении лишь одной комиссионной сделки в день за теоретически возможные 286 рабочих дней в году имел бы около 12 номисм дохода, а реально – гораздо больше.

Еще большую выручку обеспечивали себе метаксопраты, занятые перепродажей неочищенных и очищенных шелковых нитей. Перепродав всего фунт метаксы, торговец мог получить шесть номисм узаконенного кердоса. Если продажа происходила достаточно часто, то метаксопрат за двенадцать аналогичных операций с четырьмя килограммами метаксы мог бы обеспечить себе 100% доход, равный 72 солидам. Не случайно, именно среди метаксопратов встречались обладавшие большими средствами. Впрочем, они были не одиноки. *Продолжатель Феофана* рассказывает о свечнике-кируларии, способном выложить сто фунтов золота – 7 200 солидов лишь за честь отобедать во дворце с василевсом Никифором I (802-810 гг.).

Похоже, к одним из самых зажиточных торговцев относились *сапонопраты*-мыловары: недаром их наказывали самыми высокими штрафами, доходившими до 24 номисм и брали вступительный взнос в систиму в шесть раз превышавший тот, что требовался в системе метаксопратов, тоже отнюдь не бедствовавших. Это была одна из особенно важных отраслей, наряду с таким занятием как изготовление свечей. Последние нужны были не только в домах, но также и для профессиональных нужд, а больше всего – в многочисленных церквах, часовнях, где их ежедневно использовали для освещения, ставили перед иконами и на алтари.

Торговля на дальние расстояния, – высшая степень обмена, – всегда давала занятым в ней возможность получать максимум прибыли. «Изрядный торговец» из искрящегося множеством бытовых деталей рассказа-синаксаря о честном пафлагонском крестьянине на тысячу золотых рачительно вел в течение года приобретение товаров на стороне, чтобы затем, явившись на ежегодный *панигир* в одном из мест южночерноморской Пафлагонии, продать их все и заработать полторы тысячи солидов, то есть почти 67% прибыли, полученной практически разом, в течение тех немногих дней, пока шли праздник и ярмарка. Разложив этот доход на весь ушедший на закупку товаров год, эмпор ежемесячно обеспечивал себе кердос более чем в 40 номисм.

Чрезвычайно доходным было занятие морской торговлей. Норма прибыли за перевозку была не менее 12%, а на деле в два и более раза выше. Порой один выгодный рейс мог принести выручку, превышавшую в несколько раз размер кредита, ссуды, которые понадобились на его финансирование. Жития рассказывали о случаях таких сказочных обогащений, когда эмпор, взявший в ссуду, например, тысячу литр золота (72 000 солидов), отдавал своему кредитору четыре тысячи литр (288 000 солидов) и еще оставался с немалым барышом. Подобного нельзя было встретить ни в одном другом виде торговли. К примеру, ранневизантийский церковный писатель Иоанн Эфесский сообщал, что скромный, мелкий торговец мог иметь в год пять или шесть золотых, а более состоятельный, но не богатый, зарабатывал 10-30 солидов.

Стабильный доход приносила и сдача судна в наем. Фрахтовая плата за корабль, везший более тонны груза, могла, учитывая высокую степень риска плавания, достигать 50 или даже 100 солидов, хотя если разложить совокупный доход от такого предпринимательства на год, то окажется, что *навклир*-капитан судна обходился не более шестью – семью солидами ежемесячно, а простой навт-моряк мог позволить себе и того меньше – чуть больше трех солидов.

Итак, кердос был разный, у одних больший, у других меньший. Он мог достигать нескольких десятков солидов в месяц, но обычно укладывался для боль-

шинства лавочников в пределы от четырех до восьми солидов. Ремесленники нередко имели один, иногда два – три солида в месяц, хотя и среди них встречались специалисты (навпиги-кораблестроители, шелкоткачи-сирикарии, каллиграфы-книгопродавцы), способные при удачной конъюнктуре зарабатывать в десять раз больше. К примеру, высоко ценились рукописные книги из трудоемкого в изготовлении кожного пергамента, что объясняет немногочисленность библиотек. Книги, предназначенные для церемониального использования или сделанные для высокопоставленных лиц, были особенно дороги, их переплет богато украшали резной костью, серебром, золотом, искусной резбой, гравировкой, чеканкой. В книгах для императоров страницы и переплет красили в драгоценный пурпур. Евангелия, изготовленные таким образом, называются Пурпурные кодексы. Самой дешевой была наиболее востребованная, ходовая *Псалтирь* – сборник 150 церковных псалмов, которая стоила не менее солида.

Так или иначе, даже помощники, некоторые наемные работники, служащие, занятые в ремесле и коммерческой сфере деятельности, выручали по три-четыре номисмы в год, а случалось, и в два-три раза больше.

Для того, чтобы понять, много это было или мало, следует обратить внимание на уровень розничных цен в раннесредневековой Византии. Сведенные вместе основные статьи расхода на еду, потребляемую один-два раза в день (хлеб, вино, бобы, овощи, зелень, фрукты, рыба, мясо, растительное масло, уксус, соль), составляли как минимум восемь – девять номисм, но не превышали тринадцать – четырнадцать солидов в год, что в среднем соответствовало приблизительно семи – одиннадцати фоллам, необходимым на обычное скромное ежедневное питание. Эта сумма поразительным образом соотносится с той, которую чаще всего упоминали агиографы, говоря о дневном заработке или пропитании житейных персонажей.

В итоге, нащупываются крайние вехи-цифры того, что было необходимо в раннесредневековом Ромейском царстве для прожиточного минимума: нижний предел опускается до четырех – пяти солидов в год, а верхний поднимается до девятнадцати солидов, колеблясь около уровня в одиннадцать – двенадцать золотых, то есть в среднем солид в месяц. Поддержание его не учитывает траты на налоги, аренду, услуги, одежду, содержание детей, прочие случайные расходы, которые могли вырастать от нескольких номисм до десятков в зависимости от рода занятий, положения, уровня дохода и запросов. Понятно, что одними они были у преподобного бессеребренника, зарабатывавшего себе на хлеб своим промыслом, но устремленного помыслами в «мир горний», и совсем иными у практичного купца-толстосума, который хотел и мог получить кое-что вполне материальное в земной «обители скорби».

Отдельные лавочники и квалифицированные работники были в состоянии иметь за год в два-три раза больше, чем 16-26 солидов, составлявших в раннесредневековую эпоху средний прожиточный минимум рядовой ромейской семьи. Некоторые византийцы увеличивают эту сумму до десяти солидов на человека, но и тогда ее разница по отношению к потенциальному доходу обычного хлебника, рыбака, рыботорговца, гончара, торговца метаксой, переписчика-книгопродавца, навклира или корабельного мастера изменится весьма незначительно. Отдельные сирикарии могли иметь в пять – десять раз больше, а «изрядные купцы», судовладельцы, случалось, «накручивали» кердос, превосходивший

прожиточный минимум в 20-30 раз. При всем том треть номисмы в неделю, четыре милиарисия, были достаточны, чтобы прокормить себя.

Десять литр (720 солидов), с точки зрения составителей «Эклоги законов», являлись той чертой, которая отделяла обычного имущего человека от богатого. По этой мерке большинство ромейских предпринимателей эпохи «темных веков» не могли бы считаться богатыми. Однако нет сомнения, что располагая имуществом больше, чем на пол сотни солидов, они относились к разряду тех, кого называли «состоятельные», «имеющие средства и достаток» – *эпюры*. Очевидно, именно к ним примыкала масса обеспеченных ремесленников и торговцев, иногда еще и мелких землевладельцев, систематически или от случая к случаю использовавших наемный труд и имевших приличный годовой доход в 24-27 солидов. Но меньшинство, состоявшее из тех, кто располагал кердосом от девяти до двенадцати солидов, позволяли себе лишь скромный уровень жизни и, по закону, попадали в разряд бедных, поражались в правах, не могли выступать свидетелями и поручителями. Примерно в таком же положении находилась часть наемных рабочих, служащих, поденщиков, главным образом, неквалифицированных, с годичной зарплатой, колебавшейся от трех – четырех до двенадцати солидов.

Таким образом, большинство торгово-ремесленного населения раннесредневековой Византии имело сравнительно невысокий доход, однако он был далек от беспросветной нищеты на грани полуголодного состояния, как представляется некоторым византинистам.

«Демократизация» торговли и мореплавания

Морские перевозки считались опасными, а вложения в корабли достаточно рискованными, ненадежными. На море происходили военные столкновения с арабами, не стихало пиратство, берега изобиловали людьми, грабившими суда, потерпевшие крушение. В Ромейском царстве долгое время соблюдалось «береговое право», делавшее несчастных корабельщиков и их пассажиров беззащитными. В портах обрезами канаты и воровали якоря.

И все же, несмотря на эти «многообразные несчастья», о коих сетовал в своих колоритных рассказах Иоанн Мосх, агиограф конца VI – начала VII вв., ромеи предпочитали морской транспорт гораздо более медленным перевозкам по не менее опасным и уж точно более дорогостоящим сухопутным дорогам. Если бы не было морского сообщения, многие области на суше были бы отрезаны друг от друга, и, что более важно, – от сердца государства, столицы. Из столетия в столетие страна выживала именно благодаря морским путям.

Хорошо зная морское дело, ромеи тем не менее редко пускались на своих судах через открытые моря. Куда больше было развито каботажное плавание вдоль берега, от острова к острову, от порта к порту. Прямые морские маршруты от Крыма к Константинополю, от Александрии к Родосу, от эгейского Лесбоса к Афинам, от Кипра к Криту или от Крита к Сицилии не были нормой, хотя и случались. Наиболее важными морскими путями являлись трассы от Меотиды – Азовского моря к Константинополю вдоль восточночерноморского побережья; от южночерноморского Трапезунда к Константинополю через Синоп; от Константинополя к Леванту вдоль западного побережья Малой Азии и через Родос; от Константинополя вдоль фракийского побережья к восточному побережью Греции; от Родоса к южному побережью Крита и Пелопоннесу. Из Алексан-

дрии путь вел на север, вдоль побережья Палестины, южномалоазийских Киликии и Ликии в Эгейское море и дальше.

В организации византийской торговли в VII–IX вв. произошли существенные изменения. Главное состояло в том, что она перешла в руки менее состоятельных, чем прежде, средних и мелких владельцев, предпринимателей. Одновременно усиливается децентрализация товарообмена. Владелец корабля часто становится и капитаном, и торговцем. Он перевозит грузы и пассажиров, выходит на рыбную ловлю, а подчас даже грешит морским разбоем. К этому времени относится и финансирование торговых поездок в складчину, с получением из прибыли определенной доли. Такие профессиональные сообщества назывались **кинонии** – «товарищества».

В практику широко входит свод правил – Номос навтикос, дословно с греческого «Морской закон», в основе которого лежали известные со времен поздней античности положения «Закона родосцев», моряков крупного эгейского острова Родос, важнейшего центра морских коммуникаций. Эти предписания были столь ценны и полезны, что в свое время юристы включили их в Дигесты Юстиниана. «Морской закон» расписывал все – фрахтование, то есть найм судна, ответственность судовладельца, состав и обязанности команды, доли ее дохода, правила поведения на борту, аварийные ситуации.

Как правило, купцы – эмпоры, занимавшиеся морской, в том числе международной торговлей, не были судовладельцами, а лишь сопровождали свой товар: согласно закону, капитан судна – навклир и эмпор выступали как два независимых лица, вступающие между собой в договорные отношения. В житийной литературе нередко повествуется о таком торговце, который, желая нанять корабль для перевозки груза, направлялся в гавань и без труда находил нужное ему судно. В этом случае он распоряжался на нем сам.

Перед началом плавания каждый пассажир – **эпиват** и хозяин корабля обговаривали все условия совместного предприятия. Они скрепляли их письменным соглашением – чартером, то есть морским договором между судовладельцем и фрахтователем (нанимателем) на аренду всего судна или его части на определенный рейс или срок. В чартер включался вопрос о плате владельцу корабля и морякам – **навтам**, о сохранности груза экипажем корабля и степени ответственности за потерю груза, о возможности сбрасывания имущества эпивата во время шторма или кораблекрушения, причем последний вопрос решался общим голосованием, предварительно, перед отплытием. Равным образом проверку корабля перед погрузкой осуществлял сам эмпор, который не должен был грузить слишком тяжелые вещи на неспособное их везти, ветхое судно. Особо оговаривалась потеря перевозимых денег: собственник корабля отвечал за их пятую часть, а если груз был особо ценным, состоял из золота, жемчуга, шелка – за десятую часть стоимости товара. Из разумных соображений безопасности пассажирам запрещалось жарить рыбу и колоть дрова на борту, однако каждому полагалась из запаса дневная порция воды для питья и готовки еды (восемь литров на человека), а также разрешалось покупать еду у кока-**парасхарита**. Впрочем, обычно пассажиры запасались водой сами на весь рейс и должны были очень экономно, по глотку, расходовать ее. Когда она заканчивалась раньше времени, оставалось только страдать и молить о чуде дождя.

Детально разработанное законодательство старалось учесть любые мелочи, дабы упорядочить эту важнейшую, активно развивавшуюся сферу предприни-

мательства. Лишь неписанное «береговое право», как уже сказано, было единственным, на что оно не могло покуситься : потерпевшее крушение судно, если его в щепки не разбивало море, становилось добычей местных жителей, которые мгновенно растаскивали все вплоть до обшивки и гвоздей.

Ординарная грузоподъемность греко-римских кораблей первых веков колебалась в солидных пределах 150-500 тонн. Но важно учесть, что корабли большого и среднего размера стали исчезать уже с конца IV в. Поэтому падение тоннажа судов совпадает с концом Римской империи, а не рождением Ромейского царства. Большинство кораблей теперь строили меньших размеров, нежели в античности. Крупные трех-, четырехпалубные суда вытесняются средними и даже мелкими однопалубными. Однако считать это обстоятельство «знаком существенного упадка морской торговли» не приходится. Византия не утратила высокий уровень кораблестроения. Его сохраняли в «темные века» корабельные плотники, конопатчики и прочие ремесленники – судостроители верфей – неориев, оставшихся в достаточно обширных пределах Ромейского царства. Основные базы флота располагались на побережье и островах Эгейского моря.

Например, по словам хрониста Феофана, поход ромеев во Фракию против болгар в 754 г. потребовал множество судов, каждое из которых везло по двенадцать лошадей. Это соответствует габаритам корабля длиной не менее 12,5 метров, шириной 4 метра, высотой 1,7 метра и водоизмещением 30 регистровых тонн, то есть вместимостью не менее пяти тысяч модиев (при модии в 6,5 килограммов). В представлении современников, мелким теперь считалось судно, способное везти груз, равный 2 054 морским модиям, или 11,3 тонн (7,5 тонн – вес людей, 750 килограммов – вес корабельного снаряжения и скарба, три тонны – месячный запас продовольствия), что соответствовало кораблю вместимостью около 12,5 регистровых тонн. Находки византийских судов, потерпевших крушения (например, хорошо сохранившегося грузового корабля VII в. у Ясси-Ада около южного побережья Турции или судов VIII в. в столичной гавани Феодосия), подтверждают эти данные.

Действительно, крупных кораблей строилось теперь в десятки раз меньше, но они были. Именно таким судном распоряжалась супруга василевса Феофила (829-842 гг.), августа Феодора, решившая для целей благотворительности заняться получением доходов от торговли. Однажды, по словам Продолжателя Феофана, отдыхая на обращенной к морю террасе Большого императорского дворца, Феофил увидел, как «какой-то тяжелогрузный корабль, плывя с попутным ветром под развернутыми парусами, своей огромной тенью накрыл гавань, чем и поверг в изумление царя». Судно было способно взять на борт тысячу человек, а значит, примерное водоизмещение корабля составляло больше 33 000 модиев, длина могла достигать 58 метров, ширина – около пяти метров, а высота от киля до палубы – два метра.

Византия, обеспеченная корабельным сырьем значительно лучше своих главных соперников – сирийских и африканских мусульман, имела явные преимущества. Ее парусные корабли были оснащены такими изобретениями, каких не знали другие торовые флоты, включая римский. К их числу относится квадратная корма и носовая парусная оснастка, известная как косой, или «латинский» треугольный парус, который весьма облегчал маневрирование. Заметными достижениями в кораблестроении, мореплавании, навигации стали также каркас-

ный метод кораблестроения и использование такого морского навигационного прибора как астролябия, известного уже со времен античности, но пережившего усовершенствования. Переход от шиповых конструкций к корпусному строительству, ранняя стадия которого тоже началась в римский период, продолжался на протяжении поздней античности и в «темные века», а к XI в. фрагтовщики Ромейского царства вообще прекратили строить по методу шипо-гнездовых соединений, характерному для их римских предшественников. Выгоды вследствие применения этого метода оказались, прежде всего, экономическими: каркасные методы строительства были более быстрыми и менее трудоемкими, нежели предшествующие, и в меньшем количестве требовали применения в строительстве дорогостоящего металла. Недаром Византийская империя, используя эти преимущества, сдерживала соперников вплоть до середины XI в., когда активность ее флота ослабела и стал развиваться торговый флот италийских портов, который взял на себя перевозку большей части товаров.

В тех случаях, когда в статьях «Морского закона» упоминалась вместимость судна, оперировали стандартной величиной в хилиаду – тысячу модиев. Именно так определялся корабль, пригодный для перевозки самых разных грузов и стоивший 30–35 золотых номисм. Расчеты показывают, что он имел чуть больше четырех метров длины, около двух метров ширины и 1,2 м высоты, а внутренний объем равнялся шести регистровым тоннам. С точки зрения права, это был своего рода эталон при оценке размеров и стоимости других судов. Для управления подобным тысячемодиевым судном более чем достаточным считался экипаж всего из двух – трех человек.

Между тем «Морской закон», перечисляя состав команды обычного среднего корабля, называет не менее семи человек, да и то в случае, если навклир – капитан совмещал функции *кивернета* – рулевого, штурмана, лоцмана, а число простых настов – матросов не превышало двух. Кроме них в состав команды такого судна входили *проревс* – помощник капитана и вперёдсмотрящий, *навпис* – корабельный мастер для текущего ремонта, *каравит* (дословно «корабельщик») – ответственный за груз, а потому судовой писец и бухгалтер, парасхарит – кок и одновременно стюарт, обслуживавший пассажиров и отвечавший за пожароопасную жаровню с огнем. Были возможны варианты экипажей из восьми – десяти – двенадцати человек. Разумеется, подобные команды требовались для относительно крупных судов с регистровой вместимостью, превышавшей шестьдесят тонн, или десять тысяч модиев. Средний же византийский торговый или пассажирский корабль имел длину двадцать метров, ширину пять метров, трюм глубиной около двух метров и мог нести до сорока тонн груза. Он был оснащен треугольным, прямоугольным или квадратным парусом и был достаточно маневренным. Управление им затрудняли лишь унаследованные от античности два рулевых весла, которые находились не на корме, а с обеих сторон борта.

Согласно все тому же «Морскому закону», который определял долевое участие членов экипажа с различными функциями, судовая команда носила характер товарищества – кинонии по извлечению дохода от предприятия, что указывает на явную корпоративность отношений. В качестве платы члены экипажа получали часть дохода от фрахта, всякого рода предприятий, соглашений с пассажирами – эпиватами и торговцами. В зависимости от размера этих «частей» состав

команды делился на четыре категории : в первую входил навклир, получавший две доли, во вторую – кормчий, проревс, навпиг и каравит, которым полагалось полторы доли, в третью – матросы, получавшие по одной доле и, наконец, парасхарит, на которого приходилась оставшиеся пол доли.

Едва ли правы византинисты утверждающие, что ромейские моряки все больше приближались к положению люмпенов, таких маргиналов, социальных «аутсайдеров» общества. Это плохо вяжется с отсутствием упадка византийского мореплавания и морского дела в «темные века». Ни правовые, ни повествовательные источники не отражают деградации навтов. Скажем, в Житии Св. Фомиды говорится, что ее муж-моряк занимал «среднее положение» в обществе, и эта оценка больше соответствует реалиям VII-IX вв. К примеру, даже низкооплачиваемый парасхарит в 709 г. получал две номисмы в месяц.

Археологические источники свидетельствуют, что среди моряков были весьма компетентные в делах, грамотные люди. Так, в 2014 г. турецкие археологи нашли у берега Босфора на месте останков 37 судов VII-VIII вв. портативный деревянный ящик на ремне для транспортировки. Он представлял собой комплект церакул – восковых дощечек для письма и гирь-разновесов, и состоял из нескольких прямоугольных панелей, положенных одна на одну, покрытых с обеих сторон воском для записей стилем. В нижней части ящика находилась выдвижная панель с круглыми отверстиями разного диаметра, в которые вставляли миниатюрные гири – *эксагии* для взвешивания. Видимо, он принадлежал капитану или каравиту корабля. Эту находку шутливо окрестили «византийским гаджетом», эквивалентом современных планшетных компьютеров.

Согласно «Морскому закону», имущество навклира оценивалось в 48 раз дороже, чем имущество его помощников – рулевого, проревса и каравита, и в 96 раз дороже, чем имущество рядового матроса. Но надо учитывать, что кораблевладельцы, капитаны – хозяева считались относящимися к богатым людям и на их фоне состояние простого навта было отнюдь не ничтожным.

Реальная морская практика не требовала крупных судов в большом количестве. Наиболее распространенными стали мелкие и средние корабли вместимостью от тысячи до десяти тысяч модиев (6-60 рег. т), длиной от 4 до 13 метров, тогда как очень большими считались суда в 20-35 тысяч модиев (120-210 рег. т), длиной 28-35 метров. Особо следует заметить, что от этих параметров не отличались и размеры судов следующих за «темными веками» столетий. Причем это было характерной чертой всего морского транспорта классического, Высокого Средневековья. Не случайно все это время вплоть до второй половины XIV в. называют «великой эпохой одномачтовых судов», когда даже широко распространенная итальянская торговая галера в среднем имела грузоподъемность, адекватную грузоподъемности крупных византийских кораблей VI-IX вв. с регистровой вместимостью около двухсот тонн. Северо-европейские коggi были способны перевозить и того меньше – от десяти до ста тонн. Не следует забывать, что величина судов ограничивалась и уровнем развития морской техники : имеющиеся оснастка парусами и размеры боковых рулевых весел позволяли управлять лишь относительно небольшими кораблями.

Выходит, абсолютное сокращение тоннажа именно ромейских грузовых судов в VII-IX вв. – иллюзия некоторых историков, ибо на самом деле это было глобальное явление, свойственное не только этой эпохе и не только Византии, яв-

ление весьма продолжительное, тенденции, которого обнаружались в позднюю античность, и, значит, однозначно связывать его с резким сокращением объема внутриимперской торговли в «темные века» не вполне справедливо.

Более того, можно утверждать, что значение внешней торговли, в частности, на Балканах, в «темные века» возросло. Если товарообмен между западным и восточным Средиземноморьем стал эпизодическим, то роль путей, ведущих из славянских земель и западной Европы в Константинополь и Фессалонику повышалась. Оживилась торговля с давно зависевшим от Ромейского царства Венето (Венецией), раскинувшейся на более чем сотне островов адриатической лагуны, а также с Неаполем, Амальфи, другими южноиталийскими портовыми городами и Сицилией, которая, судя по числу находок золотых солидов этого времени, была богатейшей ромейской провинцией.

Опасность морских пространств, их необеспеченность не следует преувеличивать. После первых неудач, вызвавших запустение прибрежных районов в результате нападений мусульман, византийцам удалось нейтрализовать арабов. Они отправили свой флот для блокады Египта и Сирии, используя в качестве баз Мальту, Лампедузу и Сицилию. А с ослаблением мусульманского натиска торговые отношения с Востоком вновь наладились. Ромеи снова стали способны ввозить восточные товары не только через малоазийскую Анатолию. Другое дело, что сократившемуся числу населения теперь не надо было импортировать большие количества товаров. Вполне хватало продукции внутренних районов Империи.

Как бы то ни было, многие иноземные торговцы по-прежнему старались приехать на рынки Ромейского царства, где оборот был быстрее и выгоднее, чем в других странах. Они платили низкие пошлины при въезде и высокие при выезде, поскольку таким образом византийское правительство стремилось увеличить привоз и сократить вывоз, особенно дорогостоящих и стратегически важных товаров, предметов роскоши, железа, золота. Поэтому ромейским купцам не было особой нужды ездить в чужие страны: «иноплеменники» сами в изобилии прибывали к ним и сушей, и морем. Такое своеобразное иждивенчество, весьма выгодное поначалу, в дальнейшем дорого обойдется ромейским купцам, не привыкшим завоевывать рынки и не заботившимся об инициативе. При всех попытках вести определенную политику меркантилизма, византийскому государству, к сожалению, не достало взгляда на перспективу.

?

1. С вашей точки зрения, кто из историков прав: те, которые говорят о превращении большинства византийских городов в деревни или те, которые это отрицают? Приведите аргументы для своего ответа.
2. Подумайте, почему византийские города остаются слабоизученными с археологической точки зрения?
3. Назовите основные причины преобразования ромейского города в VII-IX вв.
4. Как вы представляете себе облик города в Ромейском царстве эпохи «темных веков»? Какие новые черты он приобрел?

5. Чем, по вашему, проастиий отличался от обычного крестьянского хозяйства?
6. Пользуясь приведенными цифрами, попробуйте составить диаграмму эволюции численности городского населения Ромейского царства в пределах 600-900 гг. Какой вывод из полученного вы можете сделать?
7. Почему ромеи считали свою столицу священной?
8. Опишите, как вы представляете себе Константинополь к IX в. Попробуйте по памяти о прочитанном составить его схематичный план.
9. Вспомните, против кого ромеи выстроили мощные стены Феодосия? Кто вообще угрожал Константинополю на протяжении V-VIII вв.?
7. Почему можно назвать столицу ромеев городом контрастов?
8. Составьте таблицу доходов византийских ремесленников, торговцев, предпринимателей, наемных рабочих и проанализируйте ее.
9. Как вы полагаете, ведомо ли было ромеям понятие «прибыль»? Чем оно отличалось от современного?
10. Попробуйте нанести на контурную карту основные морские пути византийцев. Какие выводы позволяет сделать их анализ?
11. В чем заключалась «демократизация» торговли в Византии?
12. Дайте оценку судостроения и морского дела Ромейского царства в «темные века». В чем вы видите их достижения?
13. Как вы полагаете, что могли везти в Византию из западной Европы, славянских земель, Арабского халифата, а что, учитывая запреты, вывозить?
14. Почему константинопольским купцам не надо было путешествовать в поисках рынков и что было в этом плохого с экономической точки зрения?
15. Выясните, что такое меркантилизм и подумайте, в чем он мог проявляться в Ромейском царстве.

Внимание, источник!

«Морской закон» (VII-X вв.)

13. Если войдет на корабль пассажир, имея золото или другое что ценное, он должен передать самому навклиру, а если тот, который не сделает это, заявит : «Золото или серебро у меня пропало», это заявление никакого значения не имеет. Навклир же и моряки вместе плывущие пусть принесут присягу [в том, что не брали ценностей].

17. Если кто внесет на потребности товарищества золото или серебро специально для участия в товариществе по морской торговле и в договоре обусловит срок действия товарищества и если тот, кто получает золото или серебро, не вернет по истечении срока полученного заимодавцу и если после этого случится, что ценности погибнут от огня или разбойников или кораблекрушения, то собственник золота не должен иметь убытка и должен получить свое полностью [...].

20. При фрахтовании корабля должен иметь силу закона законным образом заключенные письменные соглашения [...].

22. Навклир пусть не берет с собой ничего, кроме воды, съестных припасов и канатов, в которых корабль нужду имеет [...].

34. Если корабль повезет полотно и платье, навклир должен предоставить кожаные покрывала, чтобы товар не пострадал во время бури от волн, если [трюм] корабля напол-

нится водой, навклир пусть тотчас объявит тем, кто имеет товар на корабле, чтобы они произвели перекладку товара [...].

39. Если корабль нагружен пшеницей или вином или оливковым маслом по воле навклира и моряков, спустивших паруса, причалит к местности или берегу против желания купца и если произойдет гибель корабля, груз же и товар будут спасены, купец не должен участвовать в покрытии ущерба вследствие гибели корабля [...].

43. Если корабль застигнут бурей и придется прибегнуть к выбрасыванию груза в море и если разорваны будут реи и падут мачты, и руль, и якоря, и челноки должны войти в общий подсчет при раскладке убытков, вместе с тем учесть надлежит и стоимость корабля и спасенных вещей.

?

1. Установите по источнику, какие виды опасностей поджидали купцов в морском путешествии?
2. Что можно сказать о системе организации ромейской морской торговли согласно положениям «Морского закона»? Что в первую очередь стремились оговорить его предписания?
3. В каких имущественных отношениях находились навклир и купец?
4. Какие товары преимущественно указаны к перевозке на ромейских кораблях? Как вы думаете, почему именно им уделено особое внимание?

§ 7. «Золотые века» византийской деревни

Отсутствие документации не дает возможности точно определить соотношение крупных земельных владений и мелкой собственности. Но даже без этих данных ясно, что главной фигурой ромейской деревни VII-IX вв. становится свободный крестьянин – общинник и арендатор. Крупное землевладение значительно пошатнуло свои позиции в Ромейском царстве по причине неурядиц эпохи вражеских вторжений славян, персов, арабов. Византийское общество превратилось в систему сельских общин при сохранении полной, безусловной частной собственности на землю. Колонат утратил свое прежнее значение уже к началу этого периода, на что убедительно указывает исчезновение из византийских источников самого названия колон. В условиях нашествий было трудно управлять большими имениями, что способствовало росту независимых, главным образом, мелких собственников, арендаторов. Такие зоны свободы встречались в средневековой западной Европе, но там они были исключением, связанным, как правило, с существованием пастушеских, пастбищных хозяйств где-нибудь в горных, глухих местностях. Здесь же, на просторах Романии, деревенские люди, находившиеся под защитой царской власти, повсеместно почувствовали себя господами, хозяевами своего имущества и имения, вольными людьми, что выгодно отличало эту крестьянскую цивилизацию, насчитыва-

вавшую при всех демографических спадах VIII в. и депопуляции не менее шести – семи миллионов человек. Большинство византинистов полагает, что это была эпоха развития такой крепкой аграрной страны, в какую превратилось Ромейское царство.

Кинотис и киноты

Сельская община в Византии оставалась соседской, то есть объединяла крестьян не по родственному, а по территориальному принципу, и по-прежнему называлась митрокомией, или **кинотис**, точнее – хориу кинотис, кинотис хориона – «сельский мир» Она объединяла **кинонов** – дословно «сотоварищей», то есть хоритов – независимых крестьян и сочетала общинное землевладение с частной собственностью на крестьянские наделы.

О правовом регулировании, нормах права, в ней существовавших, можно судить на основании Номос георгикос, дословно с греческого «Земледельческого закона», оформившегося уже в конце VI-VII вв., причем, вероятно, на имперских балканских землях, подвергшихся славянской колонизации. Он защищал крестьян, делал их полноправными собственниками земли, на которой они работали. Видимо, на такую меру правительство заставило пойти острая нехватка людских ресурсов, которая стала ощущаться в Ромейском царстве в результате военных потерь, демографического спада, перемещения массы беженцев, спасавшихся от врагов, наличия больших покинутых территорий в разных опасных районах. Некоторые из таких территорий государству приходилось заселять многочисленными переселенцами из числа варваров, таких как славяне, привычно несших с собой свои исконные общинные порядки.

Упадок имперской власти в конце VI-VII вв. сильно сказался на сельской экономике. Вторжения славян на Балканы, набеги персов, а затем арабов в Малой Азии создали условия неопределенности в регионах, все еще находившихся под имперским контролем, и подорвали основу развития и процветания сельской экономики. Некогда византинисты считали, что поселение славян на территории Ромейского царства привело к росту его населения, что в свою очередь принесло большую пользу сельской экономике. Этого взгляда больше не придерживаются, поскольку археологические исследования доказали, что после интенсивного заселения в V-VI вв. имело место резкое сокращение количества поселений в VII-VIII вв. Даже специальные меры, предпринятые василевсами для обустройства славян на территории Ромейского царства, следует рассматривать не как признак увеличения населения, а как доказательство все той же продолжительной ситуации депопуляции.

Характерными чертами византийской общины-деревни эпохи «темных веков» стали отсутствие регулярных периодических переделов земли и сравнительно медленное образование свободно отчуждаемой земельной собственности. Поэтому митрокомия – кинотис оказалась более устойчивой, сплоченной, дружной, чем западноевропейская община-марка. Этому же способствовала общность византийской общины в административном, судебном и податном отношении, а кроме того, необходимость бороться против натиска государства. Важно уяснить, что именно прочные позиции ромейской общины в VII-VIII вв. препятствовали складыванию в Византии феодального поместья и соответствующих сеньориальных методов эксплуатации, присущих классическому **феодализму**.

Ромейская деревня этого времени насчитывала, как правило, от 50 до 1 000 человек. Обычно она была невелика и состояла в среднем из десяти – тридцати дворов. За исключением нескольких регионов с богатыми почвами или являвшихся убежищами, перенаселенных из-за миграций, уровень плотности сельского населения стал сравнительно низким по всей Империи. Для Ромейского царства VII-VIII вв. он равнялся примерно семнадцати жителям на квадратный километр, то есть не достигал предложенного современным французским медиевистом Фернаном Броделем «благоприятного порога» в тридцать человек на квадратный километр. Но в течение IX в. демографические условия для нормального развития, видимо, были окончательно восстановлены: «порог» поднялся до трех десятков человек, приблизившись к «дочумным» показателям V-VI вв. Это свидетельствует об общей экономической активности.

Многие деревенские поселения располагались в лесистых местах, поскольку, заметили исследователи, в «Земледельческом законе» постоянно заходит речь о выжигании лесов и распашке нови. Другие обосновывались на возвышенностях, а лепившиеся друг к другу дома обносили невысокими крепостными стенами, оградами. За их пределами, на некотором удалении, находились сады, иногда объединенные в один общий сад. Впрочем, встречались и деревни, в которых жилые усадьбы располагались на определенном расстоянии друг от друга.

Сельские дома чаще всего строили из камня, которого было в изобилии, крышу крыли черепицей либо тростником или соломой, земляной пол утрамбовывали и покрывали гладким слоем глины. В западных областях Малой Азии стены жилищ делали из ивняка и обмазывали глиной. Случалось, использовали сырец – высушенные «земляные кирпичи» из глины, смешанной с рубленой соломой, которыми надстраивали невысокий каменный цоколь постройки.

Двери и окна старались сделать так, чтобы они выходили во внутренний дворик – средоточие жизни. Деревенский дом состоял из полуподвального нижнего, хозяйственного этажа, где хранили земледельческую технику, орудия труда и содержали домашних животных. На втором этаже жила семья георга, любившая теплыми летними вечерами коротать недолгие часы досуга на террасе, где обычно сушились фрукты.

Помещения были небольшими, но даже, когда крестьянину удавалось разбогатеть, он не расширял свой дом за счет приусадебного участка или сада, а, скорее, старался улучшить внутреннюю планировку. Как и горожане, зажиточные селяне, в соответствии с давними правилами приличий, могли позволить себе устроить отдельные покои для женщин.

Каждый член общины – кион, георг владел наделами пахотной земли, садом или виноградником, а также приусадебным участком, где выращивали всякого рода зелень, огурцы, капусту. Крестьянская семья была довольно многочисленной, достигая порой двух-трех десятков человек: в одном доме могли жить отец со своими женатыми сыновьями, дочерьми и внуками. Такая большая семья именовалась **сингения**. По яркому, хотя и идеализированному рассказу Никиты из малоазийского **Амния**, за огромный круглый костяной стол в трапезной его деда, зажиточного сельского хозяина, прославленного Филарета Милостивого, в середине VIII в. жившего в своем поместье в районе Синопа, собиралось до 36 человек, проживающих в доме, а собственно семья состояла из 30 человек: самого Филарета, его родителей, жены, двух замужних сестер, их мужей и детей. Это

хозяйство, раскинувшееся в период своего наибольшего процветания на 48 деревень, своеобразных ферм, имело сотню волов, 600 голов крупного рогатого скота, 800 кобыл, 80 мулов и верховых лошадей, 12 тысяч овец и бесчисленное количество ульев. Считается, что оно было сравнительно типичным для своего времени, хотя тогда же было немало крестьян, кто не мог позволить себе иметь больше пары волов, отчего падеж одного из них воспринимался как непоправимая катастрофа.

Семейное владение обычного византийского хорита, так называемый *стась*, составлял в среднем от 60 до 120 модиев (5,6-11,2 га) и зависел от качества земли. Хорошая земля стоила одну номисму за один модий (0,09 га или около 900 кв. м), среднего качества – одну номисму за два или три модия, плохая земля – одну номисму за пять или даже десять модиев и эта стоимость столетиями оставалась неизменной. Теоретически исправное крестьянское хозяйство должно было иметь не менее 24 модиев (2,2 га), но на деле размеры наделов, включавших пахотные земли, виноградник, сад, обычно колебались в пределах 140 модиев (12,6 га) и даже больше – до 250-300 модиев (22,5-27 га).

Участки зачастую были раздроблены на множество мелких наделов, клочков пахотной земли, виноградных кустов, фруктовых деревьев и весьма отдалены друг от друга. В любом случае, георги старательно обносили свои наделы изгородями, иногда даже окапывали рвом, а в гористых местностях отделяли каменными оградами или просто широкими межами из камней. Они могли сдавать свои участки земли в аренду, обменивать и даже закладывать. Но пастбищами, лугами, лесами, источниками воды общинники – киноны пользовались совместно.

Хориты охотно помогали друг другу и в большом и в малом. В Житии Филарета Милостивого рассказывается, как праведный Филарет, разбогатев, решил все свое состояние, по евангельскому завету, раздать нищим. Но вот в деревню пришли послы из Константинополя, которые искали невесту самому юному василевсу и захотели остановиться в большом доме Филарета. Жене его оказалось нечем угощать послов – ведь все было роздано беднякам. С обидой она набросилась на мужа, попрекая его: «Ты так хозяйничал, что в доме у нас не осталось и единой курицы. Навари диких овощей и угощай своих друзей». Но тут соседи и друзья – односельчане выручили попавшего в неловкое положение Филарета, принесли ему всяческих яств, и на столе собралось богатое угощение.

Случалось, общинники при использовании земельных угодий добровольно шли на временное заключение простой производственной кооперации. Еще чаще они сообща предпринимали необходимые работы, с которыми трудно было справиться в одиночку. Скажем, общими усилиями – кинонис хоритони – «сельским миром» выжигали лес под распаху, выкапывали водоем или выворачивали, сдвигали огромный камень-валун. Деревня сообща нанимала сторожей, пастухов, а также мастеров для сооружения моста через речку или строительства мельницы. Сообща община устраивала праздники, ловила воров и уничтожала диких зверей, шла с просьбами к местным святым людям, блаженным и юродивым, молила уберечь поля от налета всепожирающей саранчи, о благословенном дожде в засушливую погоду.

Сходка всей деревни разрешала разногласия между георгами, заставляла их жить коллективным самосознанием, на котором базировалось правовое

регулирование сельской общины. Если конфликт касался земли, то созывалось все село. Старейшие его жители, взяв в руки большой деревянный крест, обходили спорное поле, по памяти определяя его первоначальные истинные границы. Землю при этом мерили веревкой предписанной длины. В присутствии чиновника, называвшегося апографий, ее тащил вол или мул.

Кинотис, как и раньше, выбирала своих должностных лиц – старост, протокомитов, протов, имела свою церковь или хотя бы молельню. Епископ не совершал богослужений в сельской местности. Но в деревне были свои клирики, во всяком случае, священник – пастырь, часто выходец из своих братьев-лаиков, по сути дела, такой же крестьянин, семья которого не имела иных средств существования, кроме надела земли. Занимаясь тем же ремеслом, что и его местная паства, он не обладал таким уровнем дохода, как его коллега – городской священник.

Только крестьяне данной общины – «деревенские господа», кыры, как их величали по-гречески, пользовались всеми правами. Пришельцу было сложно прижиться и тем более получить надел земли в чужой деревне. Кинотис неохотно допускал в свою среду постороннего.

Впрочем, некоторые из пунктов «Земледельческого закона», касающиеся аренды, предполагают, что более крупные землевладельцы могли иметь и более значимое присутствие в большинстве деревень, нежели допускают некоторые историки. Социальные условия того времени могли оказывать противоречивое воздействие на крестьянство. Военная нестабильность, вероятно, увеличила необходимость в защите со стороны влиятельных лиц, но, с другой стороны, нехватка рабочей силы, должно быть, укрепляла позиции хоритов в переговорах с землевладельцами. Наши познания о сельском обществе VII-VIII вв. весьма ограничены, но реальность, весьма вероятно, была гораздо более сложной, нежели идеализированная некоторыми византинистами картина всеобщего процветания независимых крестьянских общин.

Ясно, что состав византийских крестьян эпохи «темных веков» отличался крайней неоднородностью. Среди них были обычные, простые собственники земли, а также владельцы чужой земли и домов, держатели земель, принадлежавших крупным знатым собственникам, многочисленные арендаторы. Последние платили ренту хозяевам земли и налог государству и закреплялись за своими участками в зависимости от характера ренты. Бессрочные арендаторы могли передавать свои участки по наследству или продавать, причем в церковных владениях они даже считались собственниками таких своих участков, а не арендаторами. Их самостоятельность возросла. Зачастую они платили низкую фиксированную ренту землевладельцам, которые проживали довольно далеко от них, в других районах. Конечно, им случалось разоряться в виду экологических, стихийных, военных бедствий, непомерных требований властей, но тем не менее число бедняков до X в. было невелико и составляло, по подсчетам некоторых византинистов, от 8 до 20% крестьян той или иной деревни.

Все эти категории, в массе своей лично свободные, относительно независимые, имели прочные гарантии своих прав, в случае необходимости могли обращаться с иском в суд. Но все они, как и раньше, в той или иной степени несли бремя податей. Любая деревня – хорион в «темные века» начинает играть все большую роль одновременно и податной, налоговой единицы. Именно на ней отразились преобразования государственной системы налогообложения. Начиная

с VII в. новая экономическая и фискальная система государства ромеев имела в своей основе уже не город, а село.

Так, к концу этого столетия прежняя синона превратилась в регулярные ежегодные поступления с земли в виде зерновых и, возможно, других продуктов с каждого налогоплательщика. Еще позже она стала рассчитываться, видимо, по фиксированной ставке. Самое главное, было покончено с объединением подушного налога с поземельным, – подушный налог стал взиматься отдельно от поземельного, перестал быть связан с землей. Хорит теперь платил личный налог независимо от места своей оседлости. Тем самым отпала практиковавшаяся ранее государством важная причина прикрепления налогоплательщика к земле, что внесло вклад в усиление возможности свободы передвижения крестьян.

К IX в., когда экономика стала более денежной по форме, византийские крестьяне платили государственный денежный налог – *экстраордин*, еще один земельный налог – канон на землю и отдельную важнейшую подушную подать, или, точнее, налог «с очага», «с дыма» – *канникон*, который взимался, вероятно, с каждого дома или семьи. В силу этих важных изменений в налоговой системе крестьянская община стала носить прежде всего фискальный характер. Она максимально использовалась государством при налогообложении, поскольку все земли кинотис представляли собой единый налоговый округ. При этом подати за покинутую по любым причинам крестьянскую землю перекладывали на соседей, дабы не страдали интересы фиска. Таким образом, как заметил известный французский византист Мишель Каплан, «...не только налоговая система, но и вся система обработки земли основывалась на монолитной сплоченности деревенской общины». К этому выводу можно добавить, что в ранне-средневековой Романии осуществлялся своеобразный симбиоз, взаимное взаимовыгодное использование государства и землепашца, труд которого почитался особо. Показательно, что многие византийские святые этого времени происходили именно из крестьянских семей.

Хозяйство георга

Случалось, византийские крестьяне вели свое хозяйство на крохотных участках – *хорафиях*, которые располагались на склонах гор, холмов. Кое-кто из них, позажиточней, хозяйствовал на дальних выселках – *агридиях*, своеобразных хуторах-фермах.

Воды для полива часто не хватало : приходилось строить каналы, орошавшие сады и поля, сооружать цистерны, где скапливалась дождевая влага. Но зато при хорошем уходе можно было в местах с благоприятным климатом снимать и по два урожая в год. Кроме пшеницы, ячменя и бобовых, георги возделывали виноград и фрукты (яблоки, груши, сливы, гранаты), а также неизменно пользовавшиеся спросом оливки, которые употребляли свежими, в соленом виде, маринованными или делали из них наиболее ходовое масло.

Основной системой полеводства было двухполье : половину земли засеивали, другую оставляли под паром, то есть давали ей возможность «отдохнуть», восстановиться. Но к идее трехполья ромеи эпохи «темных веков» не дошли. Рабочим скотом служили спокойные, степенные волы (кастрированные быки), ослы и мулы (гибрид осла и кобылы, неспособный к саморазмножению). Как и эти животные, приемы пахоты и техническая вооруженность земледелия не изменились, пожалуй, со времен Гомера. Плуг тянула пара неторопливых волов,

впряженных в ярмо, охватывающее шею; возвращаясь с поля, пахарь переворачивал плуг и водружал его на спину животных. Плуг оставался легким, бесколесным, деревянным. Он не имел лемеха, то есть не поднимал пластов земли, но лишь проводил борозду насаженным на дерево железным сошником. Пахарю приходилось несколько раз проходить по полю : сперва вдоль, потом поперек. Кроме плуга применялись железная, а чаще – деревянная лопата, окованная железом, и железные кирка-мотыга либо двузубая мотыга (*дикелла*) – для обработки огородов, садов и виноградников, окопки растений. Такая мотыга являлась универсальным инструментом, с которым ромейский крестьянин практически не расставался. Она стала едва ли не символом сельской жизни и присутствовала на большинстве миниатюр, изображавших занятия византийских крестьян.

Пахоту и вообще обработку почвы осуществляли обычно осенью, когда улетали журавли – в октябре или ноябре, после чего производили сев зерновых и посадку овощей, чтобы можно было использовать пользу зимних дождей для увлажнения почвы. Старинное предание гласило, что ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы во время сева разбрасываемое семенное зерно коснулось бычьих рогов. Суеверные ромеи верили, что в этом случае хлеб уродится жестким и несъедобным. Но и без этого количество собранного зерна по-прежнему оказывалось невелико и крайне редко превышало шесть – семь центнеров с гектара земли, а обычно было и того меньше. Негативную роль играло истощение и засоление почвы, особенно интенсивное при регулярном искусственном поливе, без которого невозможно было обойтись. В этом случае уже через пару десятков лет участок оказывался почти бесплодным, заставляя крестьянина напрасно рыдать над ним. Поднять же вновь было нелегко, да и, главное, годных для этого свободных земель при имевшихся казалось бы бескрайних просторах было крайне мало. В местах населенных плуг, образно говоря, уже остановился у порога дома.

Во многих регионах Ромейского царства, где господствовал средиземноморский климат, овощи убирали в июне, а хлеб в июле, после чего землю можно было использовать для пастбищ, что способствовало ее полезному естественному удобрению навозом скота. Иногда в почву специально вносили навоз, который в этом случае надо было таскать на себе в плетеных корзинах, но, следует учесть, что использование удобрений на полях было для ромеев скорее исключением, нежели правилом. Жали железными серпами, а чтобы защитить левую руку от уколов жесткой стерни, надевали специальный нарукавник, сделанный из плотной ткани или кожи.

Свезенные снопы отвозили на гумно, расположенное на высоком, открытом всем ветрам месте. Молотили хлеб с помощью вола или осла, запряженного в деревянные сани. Разбросав снопы, по гумну прогоняли животных – под тяжестью влекомых ими саней колосья вымолачивались. Затем зерно подбрасывали лопатами, провеивая его на ветру, и сыпали в большие глиняные пифосы, или просто в устроенные в земле или скале ямы, плотно закрывавшиеся каменными крышками. В таких хранилищах хлеб, не портясь, мог лежать годами.

Для помола зерна использовали ручные жернова диаметром 30-35 сантиметров или стационарные жернова диаметром 0,7-0,9 метра, приводимые в движение «бессловесным мельником» – ослом или волком. Водяная мельница могла находиться в собственности кинотис или отдельных, наиболее состоя-

тельных георгов. Но работала она в основном зимой, поскольку летом многие реки не давали достаточно воды или вообще пересыхали. Зато ручные мельницы исправно выручали, отличаясь довольно высокой продуктивностью : пара женщин за час могли приготовить с их помощью 4,5 килограмма муки, а при хорошем владении ручной мельницей – в два раза больше. Пять – шесть часов такой работы было вполне достаточно для получения муки, необходимой для выпечки восьми десятков караваев хлеба по 450 граммов каждый.

Животноводство играло в жизни деревни не менее важную роль, чем земледелие. Особенно много разводили овец, коз и свиней. Это приносило неплохой доход, ибо баран стоил номисму, – столько же, сколько оливковое дерево вместе с землей, на которой оно росло. Крупный рогатый скот встречался реже, а коней использовали преимущественно для военных нужд и с IX в. стали подковывать. На лошадях ездили, но не пахали, да и стоили они дорого – от десяти до двадцати солидов.

Скотоводство было характерно для большинства сельских общин. Оно было источником не только мяса, молока, сыра, шерсти, но и кож, сырья для производства клеев, изделий из рога и кости и прочего. Впрочем, мясо достаточно редко попадало на стол крестьянина. Корова рассматривалась прежде всего как средство пополнения поголовья волов. Правда, из коровьего молока готовили сливочное масло – вутир, однако простые ромеи не имели привычки к его употреблению. Другое дело овечий или козий сыр, твердый и душистый.

В любом случае заниматься всерьез животноводством мог себе позволить только богатый землевладелец, имевший достаточно обширные угодья, места для выпаса или луга. Простой же георг, хорит был, скорее, озабочен тем, чтобы прокормить семью и сберечь основное средство производства – пару волов или быков, стоившую не менее двенадцати золотых номисм.

Всю эту живность содержали в загонах, а на день выгоняли в лес. Свиней, которые у ромеев отличались небольшими размерами и весом, пасли в дубовых рощах. Волов и коров нередко оставляли под надзором пастушьих собак, а чтобы животное не потерялось в лесу, ему на шею привязывали металлический колокольчик. После уборки урожая животных выгоняли на поля и в виноградники : рачительные хозяев следили за тем, чтобы без пользы не пропала ни одна былинка.

Очень широко практиковали перегон скота на горные пастбища. Иногда на целые месяцы, с весны до поздней осени, крестьянин покидал свое хозяйство, дом и уходил с козами и овцами в горы. На горных плато Балкан и Малой Азии можно было повстречать огромные отары овец, которые переходили с места на место под охраной обученных собак и вооруженных луками суровых пастухов, привычных к палящему солнцу, дождям и ветрам. Несмотря на опасности, встречи с разбойниками или волками, жизнь таких скотоводов была свободнее, а, возможно, счастливее, чем та, что выпадала на долю работавших на земле. Георги охотно разводили также птицу, особенно гусей и кур, и по возможности старались заниматься пчеловодством, имея порой десятки и сотни ульев.

Самое захудалое хозяйство византийского крестьянина не могло обойтись без сада, где росли виноградная лоза, масличные и фруктовые деревья. Зачастую он был относительно невелик, поэтому георг не ленился удобрять здесь почву навозом и усердно поливал деревья и грядки водой, взятой из колодца или ближайшего водоема. Именно сад-огород вселял надежду и помогал выжить кре-

стьянину в неурожайный год, давал дополнительные деньги при продаже овощей и фруктов, как свежих, так и сушеных, на близлежащем рынке.

Необыкновенно важную роль в сельском хозяйстве Ромейского царства играло виноградарство, которое приносило доход больший, чем хлебопашество. Даже небольшой виноградник размерами чуть больше пол гектара был достаточен, чтобы обеспечить семью. Поэтому и ценился он дорого – в среднем шесть номисм за один модий. Вино сбывали оптом охотно скупавшим его владельцам питейных заведений. Его запасы хранили в глиняных пифосах, порой достигавших двух метров высоты, а перевозили в короткогорлых круглодонных желобчатых амфорах или плоских керамических флягах большого размера, которые было удобно приторочивать к боку мула или осла. Случалось, их массово производили в гончарных мастерских, которые устраивали в сельской местности и которые работали сезонно.

Деревенские промыслы и ремесла

Деревенские ремесла ромеев носили, главным образом, домашний характер и были рассчитаны на удовлетворение потребностей семьи в повседневной одежде и нехитрых бытовых изделиях. Однако некоторые сельские кузнецы и гончары работали не только на заказ, но и на продажу.

Особенно востребованной была работа по металлу, связанная с изготовлением и починкой простых земледельческих и прочих инструментов для односельчан. В небольшой кузнице мастеру нередко помогали женщина или маленький мальчик, которые поддерживали в горне огонь, раздувая его ручными кожаными мехами.

Деревенские гончары изготавливали не только керамическую тару, амфоры, кувшины, но и кирпичи-плинфу, черепицу-керамиды. Наряду с кузнецами и плотниками, они, по сути дела, были единственными ремесленниками в деревнях.

Неплохие доходы приносило такое казалось бы нехитрое занятие как плетение корзин, незаменимых в быту и хозяйстве. Красивые, искусно сделанные корзины порой продавались почти за золотой, но даже простую корзинку можно было выменять за хлебец или за три медяка. Так что плетя по десять корзин в день, плетельщик был в состоянии заработать за месяц более трех солидов, с избытком достаточных для пропитания семьи.

Еще более выгодным был такой тяжелый, изнурительный, требующий терпения промысел как выжиг древесного угля, которым занимались обычно сами дровосеки – *ксилоконы* или специализированные изготовители – *анфраконы*. Надо было нарубить деревьев, заготовить дрова, сложить их особым образом в штабеля так, чтобы остались щели-продухи для создания воздушной тяги, и засыпать сверху тонким слоем дерна и земли. Подожженные, они медленно, в течение многих дней тлели, превращаясь в уголь. От едкого дыма, копоти и смрада у работающих слезились, болели глаза, перехватывало дыхание. Надо было доглядеть, чтобы нигде наружу не прорывался огонь, иначе получаемая ценная продукция могла попросту сгореть. Затем выжженный древесный уголь очищали от земли, измельчали и, ссыпав в корзины, короба или мешки, везли из леса на двух- или четырехколесных телегах или увязанным в тюки.

Но даже продавая только дрова и хворост можно было свести концы с концами. Навьюченных ими ослов или мулов всегда ждали горожане. Жизнь без

топлива по понятным причинам была немислима, а его расходы весьма велики. Забавные изображения таких перевозок представлены на одной из мозаик Большого императорского дворца в Константинополе. Там изображен мул с двумя вязанками хвороста на спине, поверх которых явно попытался взгромоздиться еще и хозяин, потому что мул, брыкаясь, скидывает его.

Существовали деревни, жители которых зарабатывали себе на жизнь морским промыслом, изготовлением полотна, шитьем из него парусов, плетением сетей. Рыболовство подчас становилось профессиональным занятием многих приморских деревень. Рыбаки выходили в море днем с сетями, а по ночам ловили рыбу при свете факелов или прикрепленных на носу лодок железных решетчатых жаровен с зажженными углями. Разумеется, это не мешало, расслабившись, посидеть с удочкой в руке на берегу ручья, реки или пруда, чтобы получить от этого спокойного, приятного занятия пользу.

Таким же подсобным занятием являлась охота с луком и стрелами на куропаток, кроликов, которых вспугивали собакой. Ловкие мальчишки исхитрялись поймать зайца, набросив на него корзину, хотя куда больше в ходу были сети, капканы, деревянные ловушки, которые крестьяне были мастера расставлять. С их помощью ловили не только дичь, но и певчих птиц, на которых всегда был спрос на рынке.

Среди крестьян встречались профессиональные строители – *икодомы*. В поисках работы они нередко переселялись вместе с семьями из одной местности в другую. К слову, вырубка лесов особенно энергично пошла в Византии с IX в. в связи с необходимостью обеспечить жильем растущее население.

Необходимость уплачивать налоги иногда толкала георгов продавать на рынке не только излишки урожая, но и необходимое. Таким жестким образом, государство, в ущерб крестьянам, стремилось поддерживать низкие цены на продукты сельского хозяйства. Во всяком случае, именно такой была политика некоторых василевсов пика эпохи «темных веков».

?

1. Попробуйте, оперируя цифрами, приведенными в предыдущем параграфе, высчитать эволюцию численности крестьянского населения Римейского царства в течение VII-IX вв, учитывая, что оно равнялось примерно 90% от общего количества ромеев.
2. Какие существуют оценки влияния славян на состояние византийской деревни и аграрной экономики VII-VIII вв.?
3. Подумайте, какие обстоятельства, причины могли вызвать расширение независимого землепользования, а значит, преобладание свободного общинного крестьянства и арендаторов в Византии VII-IX вв.?
4. Сравните византийскую общину VII-IX вв. и западноевропейскую того же времени.
5. Оцените, на каком уровне находились земледелие и сельские орудия труда в Византии.
6. Сравните стоимость исправного крестьянского хозяйства со стоимостью пахотной упряжки? Какие выводы можно сделать из такого сравнения?
7. Какую роль в хозяйстве георга играло животноводство и почему? Что сдерживало его развитие?

8. Каковы причины того, что в византийской деревне мало использовали водяные мельницы?
9. Высчитайте, сколько стоил виноградник размером в пол гектара? Сравните это со стоимостью такого же надела очень хорошей пахотной земли и попытайтесь объяснить разницу.
10. Какое место в деревне занимали ремесла и промыслы? Сравните их доходность с сельским хозяйством.
11. Как вы думаете, для кого и почему василевсы снижали цены на сельскохозяйственные продукты в ущерб крестьянам?

Внимание, источник!

Из Жития Филарета Милостивого, составленного Никитой Амнийским (ок. 820 г.)

У одного человека, который пахал свою пашню, пал вол. Подумав об убытке, жестокости и несговорчивости заимодавцев, когда дело касается лихвы, пахарь стал печалиться и плакать, и, жалуюсь, взывал к Богу : «Господи, нет у меня ничего, кроме этой упрямости вол, и по множеству бед моих не знаю, как теперь прокормить жену и девятерых малых детей? Чем заплачу подать василевсу? Откуда сыщу денег заимодавцу? Ты ведь знаешь, Владыка, что вол я купил в долг. Что мне делать, не знаю. Брошу дом свой и убегу далеко отсюда, пока мои заимодавцы ничего не узнали и не набросились на меня, как дикие звери [...].

«Земледельческий закон» – юридический сборник установлений VII-IX вв.

10. Доля мортита – девять снопов, доля же земледателя – один сноп; тот, кто вознамерился делить иначе, да будет проклят Богом.

30. Если кто-то обрежет колокольчик у быка или овцы и будет опознан, пусть будет высечен, как вор [...].

51. Если вол или осел, намереваясь войти в виноградник или сад, напорется на колья изгороди, пусть будет неповинен хозяин виноградника или сада.

55. Если кто-либо, убив сторожевую собаку, не признается и произойдет нападение диких зверей на загон, затем же будет опознан убийца собаки, пусть он возместит все погибшее стадо вместе со стоимостью собаки.

60. Входящий во время жатвы на чужую межу и воруящий снопы, колосья или бобовые пусть будет лишен одежд и высечен.

61. Входящие в чужие виноградники и смоковичные рощи ради того, чтобы поесть, пусть будут безнаказанны : если же ради воровства, пусть будут наказаны битьем и лишены одежд.

62. Крадущие плуг, или сошник, или ярмо пусть понесут ответственность за убытки по числу дней, начиная от того дня, когда была совершена кража, за каждый день по 12 фоллов¹.

63. Поджигающие или крадущие чужую телегу пусть заплатят в двойном размере.

¹ Фолл (обол) – мелкая медная монета, «медяк». 12 фоллисов – стоимость примерно четырех караваев хлеба.

64. Поджигающие гумно или стога из вражеской мести пусть будут преданы сожжению.

65. Поджигающие сарай для сена или мякены пусть подвергнутся отсечению руки.

66. Разрушающие чужие дома самовольно или делающие непригодной изгородь с тем, чтобы огородить или построить свои [дома], пусть подвергнутся отсечению руки.

68. Захваченный в житнице крадущим зерно пусть будет высечен в первый раз сотней плетей и возместит убытки обкраденному [...].

82. Если после того, как будет разделена земля села, кто-либо найдет на своем участке место, пригодное для возведения [водяной] мельницы, и озаботится этим, то не имеют права земледельцы других участков что-либо говорить в отношении такой мельницы.

?

1. Почему в рассказе Никиты Амнийского падение вола повергло пахаря в такое уныние? Мог ли крестьянин действительно сбежать и куда?
2. Кому, согласно «Земледельческому закону», крестьянин должен отдать часть урожая?
3. Как вы думаете, кто такой мортит?
4. Какую информацию о крестьянской жизни, занятиях и быте можно извлечь из приведенных статей «Земледельческого закона»?
5. Попробуйте разобраться, от чего зависела мера наказания за различные преступления в деревне.

§ 8. Власть заслуженных

Бурные события «темных веков», перевороты, трагедии, почти непрерывные войны с наседавшими врагами все время поддерживали состояние неуверенности, в котором оказалось византийское общество. Эти же обстоятельства усиливали социальную мобильность, вертикальную динамику, способствовали трансформации общественных классов. Прежние богачи-сенаторы окончательно превратились в группу высших должностных лиц, не играющую особой политической роли. С середины VII до середины VIII вв. произошла полная перестройка, обновление системы титулов, должностей, привилегий, богатства и власти, основой которой стала прежде всего имперская служба. На смену старой аристократии, хранительницы традиций городской культуры, приходит новая, очень разнородная служилая знать, пытавшаяся реанимировать систему управления Ромейского царства. Даже в высшую чиновную администрацию столицы теперь могли попасть разного рода выскочки, авантюристы, ибо главное, что требовалось от них — преданность правящему василевсу и относительная компетентность, мало мальские навыки к управлению. Впрочем, в целом, правительство старалось подбирать людей, обладавших соответствующими способностями и ресурсами. Вместе с этим возросла роль армии, а значит, возросло значение опытных военных командиров, военной провинциальной администрации и знати. Власть в Империи в это время балансировала между этими основ-

ными социальными силами, ставшими новой, относительно зависимой от василевсов элитой общества.

Столичная аристократия Всю власть, все бразды правления Ромейским царством сконцентрировал «мозг» державы – Константинополь. Здесь располагались роскошная резиденция василевса и окончательно сложившаяся в VII – первой половине VIII вв., после развала системы префектур, система **логофисий** – независимых органов – чиновных ведомств, секретов, своеобразных министерств, управляемых непосредственно василевсом.

Часть из них была создана на основе прежних разветвленных финансовых канцелярий префектуры претория : префектуры армии (**стратиотикон**), общих финансов (генике трапеза) и частных финансов (идике трапеза). Логофет стратиотикона – начальник воинского казначейства занимался сбором военного налога и податей на нужды армии, а также ее комплектованием. Особое управление – **идика** имело финансовые функции, а также организовывало снабжение армии вооружением. Но основным среди них уже с конца VII в. стала логофесия геникона. Именно это правительственное ведомство устанавливало налоговые ставки, отвечало за сбор казенных податей и государственные финансы. Другими словами, **логофет геникона** являлся главой самой главной, государственной казны. Его роль была особо важной, поскольку Ромейское царство несло колоссальные расходы, с которыми не могло сравниться ни одно современное ей христианское государство.

Византия обладала самой централизованной, развитой и разветвленной налоговой системой всего средневекового мира, построенной в свою очередь на лучшей системе описания земель и регистрации имуществ. Эти задачи выполняла весьма сложная система служилой бюрократии. Сборы, подати платили практически все, за редким исключением, когда это позволялось в виде высочайшей милости царя, в виде особой привилегии, да и то всегда предоставлявшей лишь частичное освобождение.

Традиционная византийская «теория налогообложения», берущая истоки в римской, зиждилась на четырех основных принципах : во-первых, справедливости (соразмерности массы налога и величины дохода налогоплательщика), во-вторых, определенности (признания взаимных обязательств государства и его граждан в деле доходов и расходов), в-третьих, удобства плательщика (признание традиций и правовых установлений в качестве определенной «меры» налогообложения) и, в-четвертых, минимальных общественных издержек на процесс сбора налогов (построение финансовой деятельности на публично-правовой основе).

Принцип взаимной ответственности государства и частного собственника выдерживался уже со времен Римской империи. Византийские императоры тоже требовали выплаты налогов с собственности и считали обязанностью подданных уплату недоимок. Ни о каких местных, городских бюджетах теперь не могло идти и речи. По ромейским законам, все должны были нести повинности имущественные, – все способные к ним, а полномочия налогового аппарата распространялись на все Ромейское царство, независимо от географического, экономического или социального положения плательщика податей.

Уже эдикт Юстина II от 569 г. подчеркивал, что от налогового обложения не должны быть свободны ни «дом Бога», ни монастыри, ни нищеприимные дома – птохионы, ни знатные лица, ни сами те чиновники, которые заведуют сбором государственных податей и налогов. Изменение размеров налогов зависело от произвольного решения властей и определялось многими обстоятельствами, обычно складывавшимися не в пользу налогоплательщика. Выколачивать из них требуемое был призван соответствующий финансовый аппарат.

Для этого в провинциальных ромейских центрах уже в VI–VII вв. действовали такие специальные служилые имперские чиновники как *аркарии*. Они собирали деньги в кассу ведомства префекта претория или ведомства комита «священных щедрот». После того, как эти ведомства претерпели преобразования, для составления и исправления налоговых списков-кадастров из Константинополя в фемы стали слать инспекторов – хартуляриев и эпоптов, которые перемеряли землю, распределяли налоги между наследниками умерших, заносили в списки заброшенные и не приносящие дохода участки. На основании составленного таким образом кадастра производился сбор и учет налогов.

Взыскание податей в провинциях и фемных округах осуществлялось и другими чиновниками – диикитами (диойкитами), позже, в XI в. получивших название *практоров*. Кроме того, налоги учитывали и проверяли эпопты и *эксисоты*. Все они являлись представителями центральной власти, находились в подчинении логофета геникона и приезжали в ту или иную область, фему лишь на короткий срок (составить, уточнить списки-реестры или учесть, собрать налоги).

Коммеркиарии поначалу занимались закупкой от имени государства ввозимых на территорию Ромейского царства предметов роскоши, дорогостоящих товаров, а позже, с VIII в. – сбором не прямых (косвенных) налогов, причем весьма значительных, прежде всего, десятипроцентной пошлины с торговли, которая собственно и называлась *коммеркием*.

Интересна эволюция этого должностного лица, функции которого были множественными и изменчивыми. Первоначально (до середины VI в.), он был известен как комит коммеркия (comites commerciorum). Это был государственный агент по закупке на границе Империи товаров, прежде всего, шелка и шелка-сырца у импортеров. В его обязанности также входил контроль над изготовлением и продажей ромейского шелка и вообще шелковых изделий, что, надо подчеркнуть, являлось важной государственной монополией.

Функции коммеркиария стали меняться в сторону ограничения его полномочий вместе с кризисом, охватившим Ромейское царство в первой половине VII в. В это время сей государственный служащий встречается в связи с особым территориально-административным округом – апоффикой, иногда включавшей несколько провинций, а еще позже, с 730 г. – с фемой или с соответствующим бюро царских коммеркий. Теперь ему в обязанности вменялся контроль и регулирование международной торговли Империи посредством взимания таможенных налогов и пошлин, а сам коммеркиарий действовал вместе с провинциальными военными властями, стратигами фем преимущественно в портовых центрах. С конца VIII в. коммеркий стал означать главным образом налог в 10 % от стоимости товара. Соответственно должность коммеркиария ассоциировалась с его сбором.

К коммеркию надо добавить пошлины на транспорт, корабли (за причаливание, стоянку на якоре в порту, за высадку на берег, за хранение грузов на складе и т. п.). Кроме того, с каждой сделки взимался **пратикион** – налог за взвешивание или обмер, половину из которого платил продавец, а половину – покупатель.

В подчинении логофета геникона, который обязательно получал какой-нибудь царский сан, находилось также управление некоторыми императорскими поместьями, водоснабжением, государственными рудниками. Те, кого называли по-гречески о эпи тон икиакон, или **ойкисты**, управляли царскими поместьями, другими частными императорскими имуществами в провинциях, а контролеры вод взимали вполне справедливую пошлину за пользование водой из общественных водопроводов. **Зигостаты** (от слова *зигии* – «весы») старательно следили за правильным содержанием драгоценных металлов – золота и серебра в имперских монетах, которые с VII в. стали отливать преимущественно в столичных официнах, поскольку большинство провинциальных монетных дворов было закрыто.

От геникона ветвились многочисленные казначейства. Они следили за хранением и расходом государственных и императорских средств. Так, **сакеллион** – личная казна василевса занималась в то же время снабжением войска и флота необходимыми припасами и продовольствием. Стоявший во главе нее царский сакелларий заменил теперь комита «священных щедрот» и комита частного имущества.

Уже упомянутое ведомство царских имуществ – идика, во главе которого стоял логофет, или **препосит** идика, кроме управления императорскими имуществами, имело частную царскую сокровищницу-казну, пополняемую за счет денег от продажи титулов и царской, а значит, «львиной доли» военной добычи. Кроме того, это подразделение также обеспечивало армию, а отчасти и царский двор, провиантом, припасами, оружием, военными материалами, а также управляло государственными мастерскими, во главе которых стояли кичливые **архонты эргодосия**. В казне секрета идика хранились и драгоценные вещи, златотканые одежды, шелк. Сокровища находились и в личной казне василевса – **китоне**, обычно расположенном в дворцовых апартаментах, собственно в царской опочивальне, носившей то же название. Эта казна обслуживала любые домашние расходы василевса и его семьи.

Ведомство **великого куратора** управляло частными владениями императора ромеев, отвечало за дела царских доменов и некоторые государственные странноприимные дома – ксенодохионы, во главе которых стояли начальники гостиниц – ксенодохи (от *греч.* ксенос – «гость»). Некоторые из царских владений и ксенодохионов находились под наблюдением **куратора Манган**. Так – Манганы – назывался и одноименный императорский дворец в Константинополе с залом для царских церемоний. Вообще, нетрудно заметить, что число царских кураторий постепенно росло.

Во главе самого большого столичного сиротского приюта Св. Павла стоял **орфанотроф**, дословно «сиротопитатель», куратор самого дома и его имуществ. Ему подчинялись собственные хартуларии, кураторы и казначей-**аркарый**.

В императорской канцелярии истова трудились ее глава – протоасикрит, его секретари, которые редактировали императорские акты, регистратор прошений (по-гречески о эпи тон деисеон), а царский письмоводитель – **препосит каниклия** (чернильницы) в специальных местах ставил на документах знак достоверности.

Появившийся позднее других, особый логофет *дрома* принял на себя круг обязанностей прежнего магистра оффиций и постепенно стал одним из главных чиновников Ромейского царства. В частности, он был главой важнейшей монопольной структуры государства – почты. Чиновники, имея приказ государя, могли для своего безопасного и, главное, скорого передвижения использовать лошадей и повозки почтовых станций, мест смены лошадей, верховых или гужевых животных, а при случае и переночевать на станциях. Кроме того, эта система, как и прежде, служила для транспортировки важных государственных грузов. Для ее поддержки те из хозяев и потомственных работников, кто трудился на ниве почтово-транспортных нужд, также как военнотруженики, освобождались от остальных дополнительных государственных налогов и повинностей. За содержанием «царских дорог» и станций в качестве повинности должно было следить население из числа так называемых *экскуссатов дрома*, живущее рядом с такой дорогой или постоянным двором. Впрочем, надо заметить, делали это не слишком регулярно, да и мостили даже самые крупные, магистральные дороги лишь на ближайших подступах к городам и крепостям.

Логофет дрома имел связь с крупными собственниками, которые с VII в. стали управлять дорожным хозяйством от государева имени. Он ведал обслуживанием посланников и чиновников, разъезжающих по служебным надобностям, распоряжался протяженной системой сигнальных огней – своего рода световым телеграфом, а также судил иноземцев в Константинополе, через инспекторов, путешественников, ромейских торговцев собирал разведывательную информацию, отвечал за организацию приемов иностранных послов и занимался выкупом пленных. В его многотрудных хлопотах ему помогали глава *скринии варваров* (о эпи тон варварон), то есть бюро, занимавшегося приемом иноземных купцов и послов на территории Ромейского царства, протонотарий, *хартуларий дрома*, ответственный за налоговый аспект почтовой службы, кураторы – смотрители станций, а также корпус устных переводчиков-герминеитов. Специальные чиновники – *епискентиты*, посланные в разные концы Ромейского царства, внимательно следили за всем происходящим в провинциях и регулярно отправляли донесения логофету дрома.

За магистром оффикий были оставлены только придворные функции. Остальные распределили между *доместиком схол* – главой корпуса царской стражи, *квестором*, который возглавлял канцелярии, а также служащим просьб и служащим церемоний. Особенно важной оставалась должность квестора, который представлял судебную власть, вплоть до X в. продолжал корпеть над составлением императорских новелл – новых законов, а также, вместе с логофетом дрома, наблюдал в столице за приезжими провинциалами. Наряду с переписчиками, антиграфами и другими, ему помогали криты – гражданские судьи, которых в случае необходимости могли назначать и судьями фем.

Ведомство логофета стратиотикона, как уже было сказано, занималось военными делами и расходами на армию, следило за набором воинов – стратиотов и учетом их участков-стратий, за состоянием арсеналов, за солдатскими списками-каталогами, выплатами воинского жалованья, налогами и налоговыми льготами для солдат. При этом требуемые для войск денежные средства поступали из финансовых секретов. Кроме того, военный логофет следил за походным снабжением армии лошадьми и выючными животными, а также контролировал скотоводческие

центры Малой Азии, от которых зависело это снабжение. Той же логофессии подчинялись стратеги фем вместе с их хартулариями, а также *хартуларии тагм* – наемных профессиональных регулярных войск, которые тоже занимались воинскими списками, *легатарии*, вероятно, имевшие полицейские функции, *опционы*, выдававшие жалованье солдатам и т. п. За морской арсенал Константинополя отвечал офицер-*кентрах*, легатарий и *экзартист*, тогда как вооружением флота ведали служащие общественного *веститария* и соответствующие царские нотариусы.

Даже стадами скота управляло особое военизированное столичное ведомство во главе с *логофетом агелы*, то есть главой стад. В его обязанности входили наблюдение за исправной работой конных заводов-митат, прочих ферм, поставлявших животных для общественного транспорта и почты, а также надзор за теми солдатами, которые следили за погонщиками и охраняли животных на пастбищах. Напряженная, изматывающая, затратная война с арабами постоянно требовала лошадей, перевозки людей, грузов. Кроме того надо было покрывать все возрастающие нужды государственной почты – дрома и царского двора, в частности, пышного царского кортежа, для которого отбирали лучших животных. Логофет агелы обязан был к определенному времени пригонять в военный лагерь Малагина близ северомалоазийской Никеи лошадей, мулов, верблюдов, которыми снабжали стратиотов во время военного похода, причем, случалось, их продавали по завышенным ценам, невзирая на ворчанье солдат. Вместе со *ставлокомитом*, главой царских конюшен, он составлял списки животных, требуемых для конкретной военной экспедиции, и, как заправский логист, учитывал резерв, запас животных, нужный для непредвиденных обстоятельств.

Структура и без того сложных секретов – логофисий постепенно усложнялась, число их росло и к X в. перевалило за шесть десятков. Невзирая на определенный дуближ функций этих ведомств, прекрасно организованный и дисциплинированный бюрократический аппарат позволял василевсу эффективно управлять огромной страной.

Помощь и поддержку императору оказывала вся многочисленная константинопольская чиновная знать. В состав столичной служилой аристократии входили синклитики и придворные, а также служащие многочисленных царских канцелярий. Все они, начиная от простого солдата и кончая главным логофетом, назначались и смещались василевсом, являлись исполнителями его воли, за исправную службу награждались подарками, либо, напротив, за нарушения подвергались тяжким наказаниям, ссылке. Жалованье – *рогу* придворные служащие, даже мелкие, получали тоже непосредственно от царя, тогда как провинциальные чиновники – через царских курьеров или из местного отделения государственного казначейства.

Эта рабская подчиненность служилого чиновничества императору – господину наиболее ярко выражалась в любопытном обряде, известном в X в., но, видимо, существовавшем и ранее. Перед Пасхой, за пять дней до праздника Входа Господня в Иерусалим – Вербного воскресенья, василевс собирал всех придворных служащих у одного из залов Большого императорского дворца и, стоя за огромным столом, показно, собственноручно вручал им причитающуюся розу и подарки (драгоценные чаши, роскошные, расшитые жемчугом одежды, мантии, отрезы ткани, «многоценную» пурпурную краску), которые являлись как бы залогом искренней признательности и преданности получавших по отношению к самодержцу.

Толстенный трактат «О церемониях», составленный к 958 г., описывает протокольное платье тринадцати рангов высших чиновников. К примеру, магистру, чиновнику верховного суда, вручали мантию, расшитую золотными нитями, белую тунику, украшенную золотом, плащ-гиматий, тоже с золотой каймой, и пояс с драгоценными камнями. Сию роскошь ему надлежало одевать на все официальные мероприятия. Случалось, чтоб унести, как полагалось, на плечах, все эти знаки внимания самодержца, тяжелые мешки с золотыми монетами некоторым вельможам приходилось брать с собой свиту из слуг.

Служащим меньшего ранга, по вызову проходившим мимо стола бесконечной чередой, вручал дары и жалованье придворный сановник, начальник китона – царских покоев. Но количество чиновников было столь велико, что подобные раздачи, длившиеся по четыре часа в день, растягивались на целую неделю, вплоть до Пасхи. Ведь состав одного только столичного центрального административного аппарата насчитывал к 840-м гг. 605 человек – из них 592 получали от 18 до 144 номисм (236 – по 144 номисмы; 88 – по 72 номисмы; 236 – по 36 номисм; 32 – главным образом писцы – канцеллярии имперских ведомств – по 18 номисм). Это не намного отличалось от средней величины годовых доходов некоторых категорий частных ремесленников, торговцев, лавочников, навклиров, зажиточных владельцев эргастириев – эргастириаков, но зато было достаточно стабильным заработком, не зависевшим от переменчивой удачи или ненадежной конъюнктуры рынка, да еще и связанным с обладанием властью, которая в Ромейском царстве всегда ценилась выше денег. Отсюда и происходила заманчивая притягательность любых санов и служебных должностей, особенно царских.

Связь столичного служилого чиновничества и василевса была обратной. Ведь василевс не в меньшей степени зависел от коллективной воли чиновников, свято чтивших сложившиеся традиции системы управления и стойко державшихся за привычные привилегии. Каждый из них получал только ему отведенное место в четкой иерархической имперской структуре. Она считалась воплощением мировой гармонии и порядка – **таксиса** («божественного порядка») и противостояла атаксии – безвластию, беззаконию.

Понятие иерархии вошло в плоть и кровь византийского общества с самых ранних времен его существования. Закон подчинения свято, справедливо соблюдался и, следует подчеркнуть, что именно он придавал невиданную крепость византийскому государству. Место, занимаемое человеком на этой иерархической лестнице, определяло его социальный статус, доходы, а также потенциальные возможности карьерного роста. Но место это надо было заслужить. Теоретически считалось, что все должности, звания открыты для любого человека. Вся история великой Империи в раннее средневековье пестрит случаями, когда люди незнатного происхождения занимали любые, даже самые высокие посты в государстве. Они достигали высот власти за счет своей энергии, предприимчивости, или, в не меньшей степени, благодаря случаю, вниманию самого василевса или его приближенных. Если все шло хорошо, человек имел сносные способности, получил приличное образование, проявил компетентность и, главное, ему сопутствовала удача, он вполне мог рассчитывать на успешное развитие карьеры. Сама нестабильность жизни вела к росту социальной мобильности по вертикали, усилившейся уже с эпохи Юстиниана I.

Успех в продвижении по служебной лестнице зависел от различных факторов. Образование и знание законов давали неплохие шансы занять для начала, хоть и незначительный, но пост при дворе монарха или в одной из многочисленных канцелярий. В византийских источниках часто встречаются рассказы о том, как родители, иногда на последние деньги, снаряжают и отправляют свое чадо в Константинополь и просят высокопоставленного родственника или знакомого помочь их сыну и словом и делом в получении дальнейшего образования и устройстве на перспективную службу. Разумеется, семья юноши была обязана в дальнейшем этим покровителям и оказывала им те или иные услуги.

Вступлению чиновника в занимаемую должность предшествовала особая церемония посвящения. На ней «неофитам», гражданским или военным, вручали знаки отличия, характерные только для данного «министерства» (резную пластинку из слоновой кости, пояс, одежду, мантию особого цвета, отороченную соответствующими полосами). А посвященные, в свою очередь, приносили клятву на верность императору и православной вере. Особой пышностью и торжественностью отличалась церемония получения высших должностей. На ней лично присутствовал сам василевс. Похожий обряд проводился и в отношении высшего константинопольского духовенства, которое также являлось неотъемлемой частью этой строгой иерархической лестницы Ромейского царства и, важно подчеркнуть, рассматривалось как чиновничество.

В VIII-IX вв. василевсы довольно часто назначали на новые должности, переводили с должности на должность или повышали чиновников. Даже если их переводили без повышения, им могли жаловать более высокие титулы, звания, так что жалование и статус все же возрастали. Хотя считалось, что те или иные должности могли занимать только гражданские или только военные лица, порядок этот соблюдался не всегда, с нарушениями. Многое зависело от воли самого царя. Нередко духовные лица, священники занимали и государственные посты, включая военные, несмотря на строгие правила, запрещающие им брать в руки оружие даже для защиты своих церквей. Яркие примеры этому можно найти в конце VII в., когда умный, энергичный василевс Юстиниан II назначил своего товарища Феодосия, который был монахом, главой финансового ведомства, а несколько лет спустя доверил командование флотом некоему Иоанну, диакону Великой церкви.

Обязательно надо учитывать, что последствия такой динамики сглаживались наличием жесткого церемониала, правил придворного этикета и провозглашения нового правителя. Подобная система гасила напряженность в обществе благодаря образцовой бюрократической иерархии, где отдельные фигуры были легко заменимы без кардинальной смены самой линии властей.

Помимо должностей высшее и среднее звено служилых ромейских чиновников обязательно имело то, что называли **аксиомата**, **аксиома** – титулы, саны, звания, влиявшие на размер жалования. Уже с 660-х гг. выходит из употребления старая система сенатских титулов и достоинств – иллюстрии – «сиятельства», клариссимы – «светлости», спектабили – «великолепия». Определенное значение некоторое время еще сохранял лишь ранг высших сановников, именуемых глорiosi – «Их Славности», а по-гречески эндоксы, или эндоксотаты. Власть, как ни-

когда прежде, сосредотачивается в руках царского двора, заслуженной знати, которая начинает все больше зависеть от этого двора. Наследственное сенаторское сословие как таковое перестает существовать. Отныне всех сановников, включая синклитиков, назначали василевсы, от которых они теперь целиком зависели. Имперская служба сама по себе превращается в самый важный источник экономических и социальных преимуществ. От степени близости ко двору теперь зависели и карьера, и высокое социальное положение. Происхождение и родословная теряют былое значение. Показательно, что составителей Житий святых в VII–IX вв. это совершенно не волновало, когда они описывали судьбу своих героев.

Соответственно взамен старых титулов, соответствовавших сенаторскому положению в прежнем смысле, пришли новые саны известные нам из «табелей о рангах», или **Тактиконов**, как называли такие списки ромей. Один из них был составлен в 842–843 гг., вскоре после смерти василевса Феофиола, в царствование его малолетнего сына Михаила III и его матери, вдовствующей императрицы Феодоры. Другой принадлежал **атриклину** – дворецкому, церемониймейстеру василевса Льва VI Мудрого, Филофею, составившему в 899 г. так называемый «Клиторологий». Он содержал календарь всех основных имперских праздников с перечнем должностных лиц, за них ответственных. Из него следует, что к этому времени все византийское чиновничество разделялось на восемнадцать рангов, каждому из которых соответствовал свой титул. Чем ближе стоял чиновник к царскому двору, тем тем выше был его ранг и больше возможностей дальнейшего продвижения.

Так, высшие саны, – **кесарь**, **новилисим** (то есть «благороднейший»), **куропалат**, – жаловались исключительно ближайшим родственникам василевса. За ними следовали чины первого класса – **патрикии зосты**, то есть патрикии с правом ношения пояса в виде отличительного знака, или опоясанные, – сан, который жаловался придворным дамам, не несшим административных обязанностей, а также **магистр¹**, **вестиарий**, **анфипат** (проконсул), **патрикий** и **протоспафарий** – старший воевода, носивший в качестве сimei-инсигнии золотое оплечье – **маниакий** с драгоценными камнями. Обладатели этих титулов составляли верхушку ромейской бюрократии, занимаемая должности, примерно равные нынешним генеральским и полковничьим. Ниже протоспафария или чины второго (**спафарокандидаты** с инсигнией в виде золотой цепи), третьего (спафарии – «меченосцы», воеводы со знаком власти в виде меча – спафы с золотой рукояткой) и четвертого классов (ипаты, **силенциарии** – «молчальники», от силенцио – «тишина», то есть поддержатели порядка в присутствии императора, для чего им служили золотые палки-инсигнии; **страторы** – дословно с латинского «попонищники», конюшие со знаком власти в виде золотой плетки; **кандидаты** – царские охранники с золотыми цепями на шее, **мандаторы** – посланники с красными жезлами-инсигниями и т. д.). К примеру, главный логофет обычно носил сан магистра, царского протоспафария, патрикия, хотя среди них встречались и обладатели более низких санов, скажем, царского остиария (привратника). Стратиг фемы как правило был царским протоспафарием или спафарием,

¹ Так, например, магистров до конца IX в. было 12. Каждый из них получал по 24 литра (288 номисм) золота в год, две одежды и подарки по праздникам.

а коммеркиарий – ипатом. Но иногда обладатель сана не исполнял никакой должности.

Некоторые должности жаловались императором какому-либо избранному лицу. Такими, помимо должности августы – супруги императора, стала должность **василеопатора** – дословно «отца василевса», который имел всю полноту административной власти, севастофора, ректора, который ходил в белоснежных одеждах и с венком из роз, получая весьма недурной доход, а также синкела, постоянного помощника и советника Патриарха, наконец, служащего церемоний.

Наряду со званиями, которые предоставлялись «бородатым людям», по-гречески барбатам, в Ромейском царстве существовали саны, которыми награждали «безбородых» придворных, то есть евнухов, по-гречески эктомов. Они тоже были связаны с начальным взносом и предполагали получение жалованья. При этом одним из самых высших был сан **проедра**, или главы сената, за ним следовал **вестарх** – начальник над **вестиаритами**, чиновниками вестиария, собственно вестиариты, евнухи-патрикий, **примикирии**, остиарии – привратники, **снафарокувикуларии** и **кувикуларии** – евнухи императорской опочивальни, **ниписистарии** – ответственные за подготовку императора к омовению.

За евнухами обычно сохранялись дворцовые функции **паракимомена** – дословно «тот кто спит рядом», главного царского спальничего, постельничьего, отвечавшего за бесперебойную работу дворца; **протовестиария**, осуществлявшего надзор за личным гардеробом и казной императора; **пинкерна** – царского виночерпия, прислуживавшего за столом; великого **пация** – коменданта-управляющего, или главного привратника, какие были в царских дворцах. Особой важностью отличался пост паракимомена, который во время торжеств и процессий следовал за царем с золотым жезлом – отличительным знаком должности, в сопровождении вооруженных телохранителей с оливковыми ветвями в руках.

Согласно занимаемой должности и полученного титула вельможи должны были размещаться в ожидании василевса или рассаживаться во время трапез в императорском дворце. Именно атриклину поручалось строго различать значение чинов и следить за соответствием отведенного места званию и достоинству того, кто в нем находится. Впрочем, надо учитывать, что высокому званию в Ромейском царстве не всегда соответствовала высокая должность: василевс мог избрать на важный пост лицо с не очень высоким титулом, если этот человек казался ему более подходящим и верным.

Должность давала человеку власть, но только звание, титул, сан, то, что ромеи называли одним словом аксиома, определял его положение, «порядок» – таксис в дворцовом церемониале и обществе. Когда кого-либо представляли, вначале указывали имя и титул, а уже после следовала занимаемая должность. Ибо должность могли отобрать, сан же обычно считался пожизненным, но ни в коем случае не наследственным.

Пожалование чина в Византии являлось личной акцией василевса. Но на практике многие титулы можно было купить. Василевс Лев VI в конце IX в. даже установил определенные расценки, тарифы на них. Сан давал любому человеку положение, открывал путь к вершинам власти, поднимал престиж. Вместе с ростом чинов росло и жалованье чиновника. Поэтому подобные покупки служили своего рода инвестицией, возможностью застраховаться от превратностей судь-

бы. Ведь проценты с суммы, вложенной в покупку титула, обеспечивали чиновнику пожизненные выплаты из казны.

Скажем, жалованье «генерала» – протоспафария составляло одну литру золота (72 солида), тогда как цена получения «генеральского» сана – 12–18 литр, причем на деле она могла быть еще выше из-за поборов имперской канцелярии, ведавшей назначениями и повышениями. Только важнейшие высшие военные и гражданские посты державы, которые требовали определенных способностей и деловых качеств, нельзя было купить. Такие сановники находились под особым контролем императора ромеев. Впрочем, и сюда то и дело попадали люди случайные, далеко не всегда обладавшие особыми талантами, но добившиеся расположения василевса теми или иными способами, ухищрениями.

Закон запрещал служилым знатым лицам заниматься торговлей и, значит, этот источник пополнения состояния, становившийся все более привлекательным по мере роста экономического оживления со второй половины VIII в., был для них официально закрыт. Зато в соответствии со своим титулом и должностью государственные служащие получали жалованье – рогу, которое почти всегда в значительной мере выплачивалось золотой монетой. Жалованье выдавалось ежегодно и увеличивалось с продвижением по служебной лестнице. Когда чиновник выходил в отставку, пенсия как таковая не полагалась, но ему давали единовременно определенную сумму денег, в зависимости от ранга, а также он получал определенные судебные, а иногда и финансовые льготы. Помимо этого многочисленное столичное чиновничество жило за счет доходов от царских щедрот, подарков в дни многочисленных церковных и царских праздников, вплоть до всевозможных взяток и вымогательств, которые иногда узаконивались как «добровольные подношения». К тому же чиновники имели право на определенные сборы с населения в свою пользу. Так, судьи получали с тяжущихся **эк-таги** – вознаграждение для себя и своих слуг. Сборщики налогов в провинциях, как само собой разумеющееся, взымали в свою пользу часть государственного налога. Во время своих поездок по стране чиновники находились на полном содержании местных жителей или отдельных храмов, монастырей.

Понятно почему константинопольская служилая аристократия была кровно заинтересована в исправной уплате податей всеми налогоплательщиками страны и активно поддерживала центральную государственную администрацию, которая являлась гарантом ее благосостояния. Только сильная власть василевса могла обеспечить безбедное жалованье, подарки и иные легальные и полулегальные источники доходов. Понятно также, какими огромными суммами проворачивало государство, обеспечивая эту заслуженную правящую рать.

Провинциальная знать

К другой группе византийской служилой знати относилась знать тоже сановная, но провинциальная. Она состояла преимущественно из фемных военных командиров – фемного офицерства и крупных местных землевладельцев, которые имели соответствующие титулы и отличались боевыми качествами. В руках этой знати сосредотачивалась не только военная, но и гражданская власть на местах. По этой же причине ее верхушка особенно тянулась к должностям стратигов городов и фем. Так к X в. сформировался новый социальный слой, связанный по своему происхождению

с провинцией, но тоже стремившийся проникнуть в столицу, к императорскому двору, где можно было сделать карьеру, обрести и власть, и положение в обществе, и новые богатства.

В некоторых византийских провинциях были **архонты** – начальники города, области или фемы. Они появились, вероятно, с конца VII в., со времени правления Юстиниана II (685-695 гг.). Несмотря на спорность понятия такого архонта, ясно, что это были особые должностные лица, единоличные главы провинциального или городского управления и одновременно чиновники на государственной службе. Будучи представителями центральной власти из числа избранных состоятельных, влиятельных провинциальных собственников, землевладельцев средней руки, владельцев недвижимости, они являлись лидерами местной городской элиты и находились под имперской юрисдикцией, входили в имперскую провинциальную административную систему. Такие архонты осуществляли гражданское и, очевидно, военное руководство, во всяком случае, занимались вопросами обороны, руководили ополчением стратиотов или возглавляли военные эскадры, решали разнообразные вопросы местного управления, финансов, выполнения государственных повинностей, контролировали действия прочих низовых местных властей в интересах Империи. Следовательно, для византийских земель термин архонт означал не просто начальник, но обязательно соответствующее лицо в административном аппарате, представителя центральной власти на местах, невзирая на степень отдаленности, внутренней автономии того или иного архонтата. Обязательно следует учитывать, что эта автономия никоим образом не исключала архонтат из сферы действия византийской налоговой системы, имперского законодательства и церковных институтов.

В некоторых провинциальных центрах рядом с имперским архонтом можно было видеть так называемых «отцов города», протевонов – «первенствующих», которые тоже были из числа местной знати и помогали в управлении городом как имперские служащие, может быть, и без должностного жалованья, но с имперскими титулами, как правило, не выше четвертого класса чинов.

Необходимо особо подчеркнуть, что главы архонтатов были в единственном числе, не представляли коллективного органа, как это было в античных греко-римских полисах, и сама их должность была государственным постом, а не магистратурой. Они почти всегда располагались на одном иерархическом уровне и в VIII – первой половине IX вв. в основном примыкали по своему служебному положению к среднему классу чиновников в сане спафариев (турмархам, хартулариям и др.), хотя поначалу, до конца VIII в., среди них встречались и носители низшего, четвертого класса титулатуры (царские кандидаты, страторы, ипаты).

К последней трети IX в. имперские служилые архонты исчезли из табеля чинов и должностей, будучи заменены фемными стратигами. Эти «генерал-губернаторы», заменившие военных магистров, теперь играли главную роль в фемах. Первоначально каждому из них, как правителю провинции, подчинялся фемный судья, сборщики налогов, архонты – «начальники» городов, прочая местная служилая знать. Но со временем, опасаясь усиления влияния стратигов, василевсы стали предпринимать все более решительные меры по ограничению власти этих всесильных функционеров. Помимо того, что обширные фемы дробились на более мелкие, императоры старались лимитировать пребывание стратига в одной феме несколькими годами, к тому же им строжайше запрещалось без царского

разрешения приобретать земли и получать какие-либо подарки на территории места своей службы. Таким образом, успеть срастись с рядами местной провинциальной знати подобным чужакам было нелегко.

Кроме того, в конце IX в. византийский стратиг, при всем его главенстве, утратил ряд полномочий. Он больше не являлся единственным полновластным хозяином фемы. Теперь его основной обязанностью осталось командование военными силами, расположенными на территории вверенного военно-территориального округа. Он же являлся судьей для своих стратиотов. Гражданское же управление, разрастаясь, постепенно сконцентрировалось в руках *претора* – фемного судьи, подробно доносившего обо всем непосредственно василевсу в столицу. Претор освободился от тесной опеки стратига и стал самой влиятельной фигурой фемы. Рядом с ним уже с 820-х гг. появилась также фигура фемного протонотария. Последний, как уже говорилось, относился к фемной фискальной системе и координировал ее усилия с военной сферой, подчиняясь, однако, не стратигу, а главному финансовому ведомству государства – сакелле. Случалось, этот функционер совмещал свой пост с функциями монетария, отвечавшего за работу монетного двора, хотя, как уже указывалось, таких дворов осталось в Ромейском царстве очень немного, поскольку выпуск монет был окончательно сконцентрирован в столице Империи, Константинополе.

Главным источником богатства основной массы провинциальной знати являлось не только их служебное положение, жалование-рога, накапливаемые драгоценности, золото, но и поместья – проастии, подчас весьма обширные, особенно в фемах Малой Азии. Чтобы обеспечить свое хозяйство рабочими руками, землевладельцы, преодолевая противодействие императорской власти, постепенно закабалили окрестное население, обедневших крестьян-общинников, стратиотов и стремились расширить границы владений за счет общинных, крестьянских и пригородных земель. Невзирая на запреты со стороны царской власти, они через своих родственников или посредников всеми правдами и неправдами стремились присваивать недвижимость в провинциях. Так начал неотвратимо развиваться процесс перемещения земельной собственности, который через двести лет преобразит социальный строй Византии. Со временем такого рода хозяева, владельцы, *эмфитевты* – безсрочные арендаторы стали поставлять на рынок все большую часть производимого в их поместьях, а в городах втягивались в ремесло и торговлю, владея эргастириями через рабов или доверенных лиц. Законы, запрещавшие такую практику, никто не отменял, но заинтересованные лица научились их обходить в ущерб интересам государства. Последнее, при всем старании, было не в состоянии остановить коррупцию, сращивание на местах власти с богатством.

Впрочем, во многом провинциальная знать так или иначе оставалась связана с государственной службой, общей иерархией, тоже зависела от центрального правительства. При соблюдении определенных условий существовала реальная перспектива карьерного роста и возможность достижения высот власти. Разделение оставалось условным и противостояние не таким однобоким, как может показаться на первый взгляд. Жизнь всегда сложнее условной исторической схемы. Как владельцы почетных титулов и государственных должностей такие служилые провинциалы, как и столичные бюрократы, тоже получали рогу золотой монетой, одаривались дорогими одеждами, драгоценной посудой и т. п., причем

предпочитали такие вложения как легко перемещаемые, укрываемые и используемые в случае необходимости.

Согласно Тактикону 842-843 гг., верхние четыре ранга служащих – несколько десятков фемных стратигов получали за год от 2 880 до 720 номисм, плюс иногда доходы от сбора коммеркия. Клисурархов одаривали по 360 номисм. Далее по нисходящей следовали турмархи фем, архонты крупных областей, как и прочие чиновники VI ранга, получавшие по 216 номисм. Ксенодохи, гирокомы – надзиратели за домами для престарелых и другие, относившиеся к VII рангу, имели по 144 номисмы. Чиновникам VIII ранга, среди которых обнаруживаются хартуларии флота, протонотариис фем, протокаравы – «старшие рулевые», получали по 72 номисмы. IX ранг составляли отрядные знаменосцы – вандафоры, посыльные – мандаторы схол и прочие, которым полагалось по 36 номисм. Кентархи военных отрядов (ванд), топотириты хор – «местоблюстители», входившие в X ранг чиновников, имели по 18 номисм, тогда как низший, XI ранг служащих – стратиоты гвардейских профессиональных тагм и фемных ополчений, включая декархов – командиров «десяток», получали от одной до 12 номисм в год, да и то нерегулярно.

Традиция предыдущих столетий осталась неизменной – низшие служащие имели в десятки и даже сотни раз меньшую плату, чем их начальники. Тем не менее фемная знать еще не была сильна экономически и, как и заслуженная столичная бюрократия, не видела себя вне службы.

Борьба за лидерство

Противоречия между интересами, присущие служилой столичной аристократии и провинциальной знати, начали проявляться уже в конце VIII-IX вв., которые ознаменовались соперничеством между представителями этих группировок за господство и влияние. Борьба велась с переменным успехом и таким же попеременным переходом из одной страты знати в другую.

Попадавшие в ряды заслуженной столичной аристократии стремилась к увеличению доходов казны, за счет которой они собственно жили, и к усилению контроля над провинциями. Основой процветания фемной знати, армейской верхушки являлось не только служебное положение и титулы, но и крупное землевладение, поместья, эксплуатация провинциальной собственности. Поэтому она добивалась расширения своих земельных владений, благосостояния, получения различных финансовых, а подчас и судебных льгот, усиления влияния в провинциальных городах. Это была группировка, которую условно можно именовать «ястребами», поскольку ее представители, люди, главным образом, военные или связанные с военной сферой, были заинтересованы в процветании армии, ее комплектовании, ведении успешных военных действий, которые давали им добычу, трофеи, награды. Их сила увеличивались по мере усиления роли такой служилой военной аристократии в войнах с арабами.

Василевсы эпохи «темных веков» обычно действовали в интересах той группировки знати, которая приводила их к власти. Нередко стратиго наиболее влиятельных фем (особенно обширного центрально-малоазийского Анатолика) поднимали военные мятежи и объявляли себя императорами. В ход пускались не только грубая военная сила, но и интриги, козни, заговоры. Перманентная вражда представителей «бюрократов» и «полководцев» ослабляла государство,

отвлекала от решения насущных проблем, приводила к смутам и переворотам, порой довольно частым, в которых Ромейское царство вынуждено было жить, невзирая на явственно обозначившуюся в целом тенденцию к укреплению самодержавной власти царя и централизации государства. Именно эта тенденция объясняет, почему противоречия между константинопольским чиновничеством и провинциальной знатью долгое время не приводили к кардинальному несоответствию их интересов: и те, и другие зависели от василевса, от его милостей и обеспечивались жалованьем – рогой. Борьба велась не против государственной власти, а за участие в ней.

?

1. Каким образом был организован правительственный государственный аппарат Византийской империи в «темные века»? В чем его отличия от системы ранневизантийской центральной администрации?
2. Руководствуясь книгой, попытайтесь установить функции какого более раннего высокого чиновника перешли к логофету дрома.
3. Попробуйте найти объяснение, почему византийскому обществу был так важен принцип иерархии и закон подчинения? Подумайте о сильных и слабых сторонах этого явления.
4. Почему действие «социального лифта» в византийском обществе не имело тяжелых последствий?
5. В чем проявлялось усиление центральной власти в Ромейском царстве к IX в.? Как это соотносится с феноменом фемного строя?
6. В чем вы видите положительные, а в чем отрицательные стороны византийской системы налогообложения? Каких было больше?
7. Как вы думаете, почему в разные периоды менялись функции коммеркиариев? От чего это зависело?
8. Попробуйте подсчитать, сколько номисм надо было выплатить в качестве годового жалованья всем служащим столичного центрального аппарата управления в IX в.
9. На чем строилась византийская система обеспечения сановников?
10. Правильно ли было уплачивать фемным стратигам столь большое жалованье? Зачем так делалось?
11. Что вам нравится в византийской служебной иерархии эпохи «темных веков», а что – нет?
12. Сравните положение ромейской знати и западноевропейской. Что между ними общее, а что различное? Почему?
13. Как вы считаете, возможен ли был компромисс между соперничающими группировками знати?
14. Что было различного и общего в интересах столичной и провинциальной знати Ромейского царства? Почему будет неверно жестко их разъединять и противопоставлять?
15. На кого бы вы сделали ставку на месте василевса: на «бюрократов» или на «полководцев»? В каком случае и почему?

Внимание, источник!**Извлечение из Клиторология – трактата атриклина (дворецкого) Филофея
о византийском церемониале (899 г.)**

Многие в высшей степени видные почетные должности существовали уже во времена предков. Тщательное описание их хлопотно и трудно, так как названия многих почетных должностей с течением времени вышли из употребления. Придуманные же вновь с той поры почетные титулы внесли немалую путаницу в правильное определение значения этих должностей, мы же хотим из часто темных предписаний старых порядков и из ныне существующего придворного церемониала собрать важнейшие [...]. Прежде всего помните, мои друзья, что значение всех искусств и навыков ведет к полезной цели; точно так же и наука атриклина не преследует какой-нибудь другой хорошей цели, как только посредством строгого порядка и педантично точного распределения мест, точно отделить друг от друга различные степени придворных чинов и высших должностных лиц. Ибо блистательное жизненное положение или блестящее должностное достоинство никогда не предстанут перед глазами зрителей в таком характерном виде, как тогда, когда по вызову атриклина обладатели их удостоятся почетного места за высоким столом на обеде высочайших особ, что составляет предмет зависти для многих. Если же при устройстве высочайшего обеда произойдет по нашей вине ошибка в этикете или замешательство, то это будет причиной досады не только для их превосходительств и высших сановников, но и также и мы, как старший мастер церемоний, осраим себя и подпадем проклятию насмешек. Поэтому, милые друзья, при исполнении этой видной и ответственной должности мы должны приложить все старания и самую строгую добросовестность для точнейшего изучения порядка чинов, запечатлеть их в нашем уме и установить и разъяснить с педантичной добросовестностью разделение и подразделение по чинам.

Из сочинения «Антаподосис» (греч. «расплата, возмездие») диакона Лиутпранда (в миру Люцо или Люзо), посла графа Беренгара, регента и управителя Североиталийского королевства, о торжественной церемонии выдачи жалованья ромейским сановникам в Большом императорском дворце (949 / 950 г.).

Устанавливался большой стол, десять локтей в длину и четыре в ширину. Стол был покрыт кошельками, полными золотых номисм, на каждом из них стоял знак, который указывал на того человека, которому этот кошелек предназначался. Эти люди начинали в строгом порядке проходить один за другим перед императором: их последовательно вызывали, согласно званию их службы. Первым вызывали ректора дворца, на плечи (а не в руки) которого клали мешки с золотыми монетами и четыре скарамангия¹. После него к столу подходили domestik схол и друнгарий флота, первый из которых стоял во главе сухопутной армии, а второй – во главе морской. Они имели равный ранг и получали тоже количество номисм и скарамангий. Но полученного было слишком много, чтобы нести его на плечах; не без труда, с помощью свиты, они тащили полученное. Затем принимали магистров, которых было двадцать четыре, каждому из них выдавали по двадцать четыре литры золота и два скарамангия. Следующий разряд, который подходил к столу, – патрикии, каждый из которых получал по двенадцать номисм и одному скарамангию. У тех,

¹ Церемониальные одежды.

кто подходил за ними, я уже не знал титулов, как и не знал число получаемых ими монет. Отвечая на вызов, перед столом проходила бесконечная толпа протоспафариев, спафаро-кандидатов, китонитов, манглавитов, протокаравов, каждый из которых, согласно своему званию, получал семь, шесть, пять, четыре, три, две или одну литру золота. Начинаясь на пятый день Вербной недели и длившаяся по четыре часа в день, церемония повторялась и на шестой, и на седьмой день. Что же касается тех, чье жалованье было меньше, чем одна литра золота, то они получали его не от императора, а от паракимомена. Церемония выдачи длилась всю неделю перед Пасхой.

Из послания виднейшего Отца Церкви, богослова и Константинопольского патриарха Григория Назианзина (ок. 330-390 гг.).

Овцы, не пасите пастырей и не выступайте из своих пределов, для вас довольно, если вы на доброй пажити. Не судите судей, не предписывайте законов законодателям [...]. Поэтому да не замышляет стать головой, кто с трудом служит рукой или ногой, или другим еще менее важным членом тела, напротив, братья, каждый оставайся в том звании, в котором призван (1 Кор. 7: 20), хотя бы и достоин был высшего. Довольствоваться настоящим – гораздо похвальнее, нежели домогаться звания, какого не получил. Кому можно без опасности следовать за другим, тот не желай начальствовать с опасностью для себя. Да не нарушается закон подчинения, которым держиться и земное и небесное, чтобы через многоначалие не дойти до безначалия.

Выдержки из «Эклоги законов» – византийского правового свода 741 г.

Из предисловия к «Эклогам законов»

Тех, которые поставлены исполнять закон, мы убеждаем и вместе закликаем воздерживаться от всяких человеческих страстей, но от здравого помысла произносить решения истинной справедливости, не презирать нищего, не оставлять без обличения сильного, неправду деющего, не так [вести себя], чтобы по наружности, на словах превозносить правду и справедливость, а на деле предпочитать несправедливость и лихоимство, как нечто более полезное... Те, в душу которых не вложено заранее истинной справедливости, которые или подвержены подкупу деньгами, или благоприятствуют дружбе, или мстят за неправду к себе, или же боятся [чужого] могущества, все те не могут править правого суда... Посему, всячески стараясь положить предел такому злему стяжанию, мы решили давать мзду (жалованье) славнейшему квестору и писцам, и секретарям, и всем служащим по делам судейским, с тем, чтобы они уже ничего не брали с какого бы то ни было лица, судимого у них...

Титул XII. О вечном и ограниченном эфитевсисе

6. Пусть не берут эфитевсис навечно или на срок доверенные лица императорского дома или благочестивых учреждений, или хартуларии, или диикиты, или их родственники, [ни сами, ни] через посредников. Но и гражданские и военные архонты не могут быть эфитевтами и арендаторами. И пусть стратиоты не вступают в подобные соглашения, и не занимаются другими частными делами, и не вмешиваются в них и не вторгаются в дома или имения, принадлежавшие кому-либо, и не ставят их себе на службу, ибо они поставлены для того, чтобы только сражаться за государство против врагов.

Титул XVII. Наказание за преступление

3. Поднимающего восстание против василевса или злоумышляющего, или принимающего участие в заговоре против него или против государства христиан в тот же час должно предать смерти как намеревающегося все разрушить. Но для того, чтобы некоторые часто и из вражды не предавали кого-либо смерти без суда, возведя на него обвинение, что он поднимал голос против царства, нужно его взять на месте под хорошую охрану и донести о нем василевсу, и как сам василевс в итоге рассудит и решит, так и сделать.

?

1. Как вы думаете, почему столь большое значение византийцы придавали церемониям и этикету? Какую роль у них играли титулы?
2. По словам Филофея, писавшего в конце IX в., некоторые титулы со временем устарели, а появились новые. Как вы думаете, что он имел в виду и с чем это было связано?
3. Попробуйте, исходя из сведений диакона Лиутпранда, подсчитать приблизительную сумму выплат, которую получали на Пасху столичные византийские сановники, если исходить из того, что в общей сложности их было не менее двух тысяч.
4. К чему призывал в своем послании Георгий Назианзин? Почему это было важно для византийского понятия иерархии? В чем заветы Григория соблюдались в «темные века»?
5. Какими недостатками, согласно «Эклоге законов», страдали византийские суды? Что было сделано для их исправления?
6. Какими чертами, согласно «Эклоге законов», должен обладать образцовый византийский судья?
7. Как византийское законодательство смотрело на мятежников и почему предусматривало столь суровое наказание за это преступление?
8. Кто являлся высшим судьей в Империи – квестор или василевс?
9. О каких социальных сдвигах свидетельствует титул XII. 6 «Эклоги законов»? Почему царская власть выступала против посягательств на землю и другие виды недвижимости? О чем говорит отмечаемое составителями «Эклоги» перемещение земельной собственности?

§ 9. Иконоборство. Нечестивые отступники или великие реформаторы?

В истории раннесредневековой Византии была эпоха, в оценке которой не просто разобраться: слишком много горячих споров и тогда, и после она породила, слишком противоречивы были ее причины, последствия, неординарные люди, участники этих памятных событий, так или иначе отозвавшихся во всем мире. Трудно их однозначно осуждать и однозначно оправдывать даже сейчас, по прошествии более тысячи лет. И напутствием при этом звучат давние мудрые слова российского историка Николая Карамзина:

«Холодный пепел мертвых не имеет заступника, кроме нашей совести: все безмолвствует вокруг древнего гроба!... Что если мы клеветем на сей пепел; если несправедливо терзаем память человека, веря ложным мнениям, принятым в летопись бессмыслием и враждою?». Попробуем непредвзятыми глазами взглянуть на потрясения, случившиеся с ромеями в VIII – первой половине IX вв.

Грозные Исакры

Последний из представителей Ираклийской династии, высокоодаренный, но властолюбивый, безудержно деспотичный, неуравновешенный Юстиниан II, неудачно поведший войну с арабами и безжалостно доведший до крайности налоговое бремя, был свергнут с престола в 695 г. Ему урезали нос и язык и отправили в ссылку за море, в крымский Херсон. Бежав оттуда к *хагану* – «вождю вождей» хазар и получив помощь болгарского хана Тервела, он вернулся к власти в 705 г. уже с прозвищем Ринотмит – «Носоусеченный».

Превратившись в сжигаемого неуголимой жадной мести душевнобольного, кровожадного монстра, он в своем ослеплении рассорился с Тервелом, которому сам же дал высочайший титул кесаря, позабыл о насущных государственных проблемах и в 711 г. был опять свергнут в ходе очередного дворцового переворота и убит, как и его рожденный от брака с сестрой хагана десятилетний сын-наследник Тиверий. Отрубленную голову ненавистного Юстиниана, – единственного из императоров ромеев, которого свергали дважды, – выставили на всеобщее обозрение, прикрепив к его обезображенному лицу искусственный нос из чистого золота.

Сменивший его на троне добродушный, щедрый и жизнелюбивый каппадокийский армянин Вардан, принявший красивое древнее римское имя Филиппик, был свергнут фемной армией и поддержавшими ее прасинами уже через девятнадцать месяцев своего неудачного правления, которое запомнилось набегами болгар, доходивших до Константинополя, и грабежами арабов в Малой Азии. Это недолгое время он провел, опустошая казну, в попойках и в бесплодных богословских спорах по поводу восстановленного им монофелитства, удобного его землякам-армянам, но оскорблявшего веру ортодоксальных ромеев-халкидонитов и папского Рима. Предательски схваченный заговорщиками после пира, пьяный и сонный, Вардан Филиппик был ослеплен и через несколько месяцев умер. Вместо него василевсом стал главный секретарь – протасикрит бывшего царя, Артемий, коронованный под именем Анастасий II, но войска Опсикия, уже почувствовавшие вкус к бунтам, в 715 г. провозгласили царем Феодосия III, бывшего простого сборщика налогов, «человека беспечного и простолюдина». Тот тоже сразу был свергнут, а по сути дела отказался от трона добровольно, и последовал за Анастасием в монастырь.

Пользуясь нестабильностью, политической и религиозной сумятицей в стране, мусульмане, сумевшие в 709 г. прорваться из Азии через Геллеспонт – пролив Дарданеллы во Фракию, в Европу, стали еще более решительно готовиться к новому походу на Константинополь. На этот раз они рассчитывали воспользоваться бунтом Льва по прозвищу Исавр, стратига самой крупной, мощной и значимой восточной фемы Империи – Анатолик, выступившего против слабого Феодосия. Весной 717 г. энергичный узурпатор, лучше других подходивший на роль опыт-

ного военачальника, взошел на трон и основал новую династию – Исаврийскую, или Сирийскую, представителям которой будет суждено находиться при власти ровно 150 лет, до 867 г.

Выросший вдали от столицы, Лев III Исавр (717-741 гг.) был выходцем из Исаврии, суровой горной области в юго-восточной части Малой Азии, и некоторое время жил в провинциальном северном сирийском городе Германикии, захваченном арабами. Позже, вместе с другими переселенцами, он оказался в ромейской Фракии, где началась его служба стратиотом. Из состоятельной семьи, но низкого происхождения, не очень образованный, он, благодаря своим талантам, живому уму, стал при Анастасии II стратигом важной фемы Анатолик. Один из самых талантливых полководцев Ромейского царства, суровый солдат, способный, бесстрашный, превосходно владевший оружием, Лев успешно защищал Малую Азию от мусульманских вторжений. К слову, он отлично говорил по-арабски. Высокий, красивый лицом, ловкий дипломат, хороший организатор и вместе с тем коварный, лживый, Лев обладал всеми качествами недюжинного государственного деятеля, какого уже жаждалось Ромейское царство после длительной череды переворотов и чехарды на престоле.

Его сын, Константин V (741-775 гг.), уже в двухлетнем возрасте благоразумно коронованный в соправители отца, любил дух коней больше, чем царских дворцов, поэтому из-за своего чрезмерного увлечения скачками, верховой охотой и лошадьми, получил малопристойную кличку Каваллин – «Кобылятник», «Жеребец». Позже идейные противники прозовут царя еще хуже – Копроним («Дермоименный» – от греч. копрос – «нечистоты, навоз»). По легенде, при Святом Крещении он, будучи младенцем, якобы «осквернил купель испражнениями», «окрестив» себя самого таким образом и указав на грядущие беды, которые он принесет Матери-Церкви. Тем не менее эти наветы не помешали Константину тоже слыть набожным, энергичным правителем, отважным бойцом, блестящим полководцем и талантливым администратором, шедшим по пути усиления централизованной власти. Правда, ум, решительность, удаля, редкий талант дальновидного стратега и другие выдающиеся качества сочетались у него с властностью, вспыльчивостью, болезненной экзальтированностью, подчас взрывами неоправданной жестокости, даже беспредельной свирепости по отношению к своим идейным противникам, но в суровую пору «темных веков» этим было трудно удивить. Невротик, страдающий тяжелыми болезнями, он умрет с распухшими ногами, в возрасте 57 лет во время своего очередного победоносного похода на болгар, оставшись кумиром простых солдат.

Как бы то ни было, оба первых Исавра являлись выдающимися людьми, сильными, одаренными императорами, вновь превратившими Ромейское царство в ведущую державу восточного Средиземноморья и Балкан. Славная память о них долгое время продолжала жить в ромейской армии и народе.

Не успел Лев III взойти на престол, как через пять месяцев ему пришлось столкнуться с решающим испытанием, от которого зависели судьбы мира. Громадная 200-тысячная арабская армия под командованием брата халифа, энтузиаста джихада, полководца Масламы ибн Абд-ал-Малика, блокировала Константинополь с суши, со стороны Феодосиевой стены, а чуть позже 1 800 кораблей

с 80 тысячами человек экипажа вошли в Мраморное море и пытались атаковать приморские стены города. Еще никогда мусульмане не посылали на войну столь грозные силы. Началась вторая по счету осада арабами Константинополя, одна из самых грандиозных осад в истории Византии.

Ромеи во главе с храбрым, деятельным василевсом отчаянно сопротивлялись врагу почти год. Попытка штурма окончилась для арабов неудачей. Возобновленные еще при Анастасии II неприступные оборонительные укрепления столицы, по всем статьям, включая припасы и военные машины, готовой к обороне, мужество, воинское, дипломатическое искусство и на сей раз спасли византийцев. Притворно пообещав сдать город, хитрый Лев убедил арабов уничтожить зерно, высаженное ими в окрестностях города, и тем самым лишил их провианта, на который они рассчитывали. Одураченные, они даже отдали ему часть своего продовольствия. Необыкновенно свирепая, длившейся сто дней, завалившая все снегом зима заставила обманутое теплолюбивое воинство жестоко, невыносимо голодать, питаться павшими лошадьми, ослами, верблюдами, падалью, мерзнуть в своих легких палатках и массово умирать от чумы, других болезней и истощения. «Рассказывают, – писал хронист Феофан Исповедник, – будто они даже запекали и ели тела умерших, а также заквашивали в горшках и поедали свои испражнения». К тому же с тыла, из Фракии, павших духом интервентов в их станах тревожили набеги язычников-болгар, на тот момент вновь ставших союзниками византийцев. Один из таких ночных рейдов едва не стоил жизни самому Масламе, «так что арабы стали бояться болгар больше, чем ромеев». В Константинополе постепенно скопилось столь много пленных мусульман, что по просьбе арабского командующего для них при тюрьме претория была даже открыта мечеть.

В середине августа 718 г., ровно через год после начала осады, вконец деморализованные, ослабевшие мусульмане, потерявшие к тому времени своего халифа, убитого в сражении, получили приказ об отступлении. После того, как фемные войска задержали у Никеи, столицы Опсикиа, прикрывавшей Константинополь, подкрепления, спешившие к войскам Масламы, ждать помощи было неоткуда. Большую часть арабских кораблей, присланных весной из египетской Александрии и из Африки для подкрепления, ромеи застали врасплох и сожгли «жидким огнем», часть моряков-христиан перешла на сторону ромеев вместе с кораблями, другие – попали в ужасный шторм, разыгравшийся в Эгейском море в результате подводного извержения вулкана: «Морская вода закипела, и когда смола, которой просмолены были корабли, растаяла, они потонули в глубинах вместе с командой и со всем, что было на них». В итоге от огромной армады мусульман осталось всего лишь пять кораблей, а к родным очагам в Сирию добрались лишь тридцать тысяч воинов Аллаха, из числа двух сотен тысяч принимавших участие в походе. Потери оказались громадными, на какое то время невозполнимыми. С этого момента Константинополь стал для мусульман незаживающей раной.

Второй по счету разгром арабов в самом сердце христианского мира явился поворотным моментом в истории: ромеи приостановили первый мощный натиск исламского джихада, спасли не только свою цивилизацию, но и прикрыли собой те полудикие варварские королевства германцев, которые лишь формировались на окраинах юной средневековой Европы и из которых должны были вырасти современные европейские народы. Если бы не эта победа Византии, мусульманские армии беспрепятственно захлестнули бы их, болгарский хан, да и Русь

под напором Халифата наверняка приняли бы не христианство, а ислам, и, может быть, как полагали некоторые историки и писатели, намаз слышался бы сейчас даже над спящими шпильми Оксфорда, а в Риме читали Коран. Во всяком случае, свершенное византийцами объясняет, почему арабские армии не смогли напасть на Европу наиболее коротким, удобным путем через Малую Азию и Балканы, а вынуждены были десятилетиями, с изматывающими боями следовать многие сотни километров вдоль южного побережья Средиземного моря, чтобы подойти к Гибралтару и ворваться на Пиренейский полуостров. Неудачный поход мавров, последовавший оттуда через пятнадцать лет на юг современной Франции и даже ожесточенная битва с ними франков у Пуатье и Тура, не идут ни в какое сравнение с пережитым в 717-718 гг. Уже один этот подвиг должен был навсегда обесмертить Византию в памяти человечества и уж, конечно, христианского мира.

В итоге решительных, искусных действий Льва III на море, а также благодаря успешной партизанской войне, начатой против арабов *акритами* – пограничниками (от акра – «граница»), своеобразным византийским «казачеством», приверженцы Пророка вынуждены были отступить. Ромеям в очередной раз крупно повезло.

Но ожесточенная борьба продолжалась. В 726 г. небольшое мусульманское войско прорвалось до Никеи и едва не овладело ею. Ослабевший молот арабских вторжений все же грозил сокрушить византийские владения. Лишь к концу своего правления, в 740 г., в «сердце» Малой Азии, при *Акроине* в феме Анатолик, мужественный Лев III и его 22-летний сын-соправитель Константин своими главными ударными силами одержали блестящую победу над смертельно опасным врагом. На поле боя полегли две трети всей мусульманской армии с ее полководцем.

В определенной степени успех оказался закономерным, поскольку василевс опирался на благоприятные изменения в государственной структуре и общественном строе РOMEЙСКОГО ЦАРСТВА, которые обозначились уже при его предшественниках, начиная с Ираклия I, и закрепились к середине VIII в. Основные законоположения, изложенные в принятой в 741 г., к концу правления Льва Исавра откорректированной выборке юстиниановых законов – «Эклоге» из 18 глав, отвечали современной ситуации, способствовали укреплению малой индивидуальной семьи, арендных отношений, важных для торгово-ремесленного населения и провинциальной знати, способствовали интересам Церкви, упрочению стратиотского войска, централизации власти. С этой же целью василевс стал делить крупные фемы на более мелкие и вручил государству обязанность поддерживать оборонительные сооружения городов, прежде находившиеся в ведении местных муниципальных организаций. Он попытался обуздать процветавшее судейское взяточничество, перевел на государственное жалованье судебный аппарат, который теперь стал отстаивать не интересы частных истцов, а своего «кормильца». Этим он тоже укрепил царскую власть. Наконец, Лев Исавр еще более централизовал налоговые сборы и тем самым улучшил, оздоровил фискальную систему, значительно пополнил имперскую казну. В этом отношении его правление было здоровым, эффективным и спасительным.

Триумф ромеев укрепил положение РOMEЙСКОГО ЦАРСТВА, показал, что оно переходит от стратегии преимущественно пассивного сопротивления к открытым стычкам наступательного характера и восстанавливает контроль над ситуацией. Это обстоятельство даже ввергло мусульман в смуты и очередную кровавую междоусобную войну, в ходе которой была вырезана династия Омейядов. Арабы

долго не могли оправиться от нанесенного поражения и более никогда не осмеливались осаждать Константинополь. Они должны были отказаться от захвата столицы ромеев и смириться с существованием христианской Империи. Постоянные вторжения мусульман в Малую Азию, окрепшую благодаря феменной организации и консолидации общества, прекратились. Ослабел и натиск мусульман на Европу из захваченных к тому времени северной Африки и Пиренеев. Эпоха джихада, казалось, закончилась.

Верными союзниками ромеев в борьбе с арабской опасностью стали наследники тюрков Западного каганата, хазары, которых связала с византийцами их вражда против Халифата. Во второй половине – конце VII в. они создали свое огромное полукочевое многоэтническое государственное образование на землях Прикаспия, между Волгой и Дагестаном и, будто плотина, в течение трех столетий сдерживали натиск с мусульманского Востока (Карта 3). Хазария сформировалась вследствие продолжительного симбиоза местного населения восточного Предкавказья с тюркскими и финно-угорскими военизированными кочевыми племенами, которые в свое время выплеснул в степи Прикаспия и Днепро-Донского медуречья могучий вал нашествия свирепых, беспощадных кочевников – гуннов, в свою очередь двигавшихся откуда-то из монгольских степей и Урала.

Подчинив своего предшественника в приазовских степях – Булгарский каганат (Великую Болгарию), хазары к концу VII в. из своих ядровых земель стали проникать на Крымский полуостров, где в результате сформировалась, скорее всего, система византийско-хазарского «двоевластия», которая просуществовала до 30-х гг. IX в. и означала совместную эксплуатацию территории Таврики, ее демилитаризацию и отказ от применения силы при решении спорных вопросов. Такого рода своеобразные «кондоминиумы» византийцы с успехом использовали и в отношении с персами, арабами, лангобардами и другими народами, как это особенно ярко видно на примерах острова Кипр (с 680 г.), земель Неаполитанского дуката, Ивирии (Грузии), Армении, Албании. Империя умела приспосабливаться к принципу совместного управления такими демилитаризованными зонами, доходы с которых распределялись между обоими договаривающимися сторонами.

Население Хазарии делилось на кочевников-скотоводов и оседлых, причем последние занимались земледелием, садоводством, рыболовством, на высоком уровне владели разнообразными ремеслами. Что касается внешней торговли с Европой и Азией, ее постепенно сосредоточили еврейские купцы – рахданиты (дословно «знающие путь»). Они же весьма ревностно, предприимчиво утверждали свою монополию во всем государстве, которое переживало процесс становления.

*В VIII в. при хазарском владетеле Булане (761-806 гг.) была осуществлена религиозная реформа, изгнаны из страны жрецы языческого культа, камы – шаманы и была введена элементарная форма **иудаизма**, которую особенно охотно стала принимать правящая верхушка. Это был шаг в сторону самостоятельности и государственности, ибо принятие христианства или мусульманства автоматически ставило бы хазар в зависимость от Римского царства или Арабского халифата. Позже, при хагане Обадии, видимо, в начале IX в. была предпринята еще более настойчивая попытка сделать уже раввинистический иудаизм верховной религией Хазарии и распростра-*

нить его шире, что внесло понятный холод в прежде столь дружественные византийско-хазарские отношения. Теперь на арабских дирхемах, приписываемых хазарской чеканке, вместо традиционной мусульманской формулы «Мухаммед пророк Аллаха» с 830-х гг. появилась Musa rasul Allah, то есть «Муса [Моисей] пророк Аллаха». Впрочем, даже после этого, если верить арабским источникам, евреи составляли в Хазарии меньшинство, а мусульмане и христиане – большинство, в то время как религией правящей верхушки оставался иудаизм.

Сами хазары имели тюркскую этническую принадлежность и относились к тюркской языковой семье. Прирожденные всадники, меткие лучники, широкоскулые, длинноволосые, они были воинственным, сильным народом, который раннесредневековые авторы нередко отождествляли с «хищными волками» – гуннами. Они жили данью с племен, которую свозили в указанные хаганом места. Но если бы не было Хазарии, которая противостояла на Кавказе мощным армиям мусульман, история восточной Европы и Византии, возможно, сложилась бы иначе.

Уже в 732 / 733 г., стремясь укрепить жизненно важный союз, Лев Исавр совершил редчайший для наместника Бога на земле поступок – женил своего 14-летнего сына Константина на дочери иноверного хазарского хагана, Чечак (Цветок), при Крещении принявшей имя Ирина и ставшей истовой христианкой. Через 18 лет от этого брака родился будущий император Лев IV Хазар (775–780 гг.). В себе он смешал царственную кровь ромеев и хазар.

И так, к середине VIII в. византийцам повезло: они могли использовать силы мощного союзника против мусульман, спал смертоносный вал разразившейся перед этим последней, самой страшной вспышки пандемии чумы и после длительной междоусобной войны, восстаний и наступившего экономического кризиса пришел конец славной, воинственной и на редкость жадной арабской династии Омейядов, наделавшей столько бед ромеям. Им на смену пришли **Аббасиды**, потомки дяди Мухаммеда, Абу-Аббаса, которые, являясь яростными противниками христианства, все же были более заинтересованы в Персии (Иране) и Афганистане, чем в Европе и Африке. Даже столицу Халифата они решили перенести подальше от границ Ромейского царства, из сирийского Дамаска в далекий Ирак, где был основан Багдад – Мадина-эс-Салам – грандиозный «Город Мира» с населением четыреста тысяч человек и площадью в три раза превосходящей Константинополь. Таким образом, в результате деятельных военных и дипломатических усилий ромеев, а также политического, религиозного, сектантского дробления, этнических конфликтов арабов и персов, военная мощь мусульман, столь опасная и неумолимая в VII в., наконец, перестала грозить существованию Империи ромеев. Византия со своими союзниками окончательно изменила в свою пользу стратегическую ситуацию и стала с переменным успехом теснить Багдадский халифат на Кавказе, в Малой Азии и Сирии.

Вскоре после вступления на трон молодому василевсу Константину V пришлось столкнуться со своим могущественным родичем, комитом обширной в то время и близкой к Константинополю фемы Опсикий, **Артавасдом**, который был женат на его тетке и в свое время помог Льву Исавру, своему земляку, добыть трон. Теперь лукавый царедворец Артавасд под предлогом защиты иконопочитания, которое отверг уже Лев III, провозгласил себя императором и лишил законного наследника престола. Более того, переметнувшийся в его лагерь, двуличный

Константинопольский патриарх Анастасий предал Константина церковному проклятию – анафеме, объявил его мертвым и водрузил царский венец на Артавасда. Однако законный император сумел собрать силы в ряде малоазийских фем, восторженно принявших его, и осенью 743 г. после недельной осады овладел Константинополем. Артавасда и его двух сыновей, племянников Константина, одного из которых успели объявить соправителем, а другого – главнокомандующим армией, после публичного позора на Ипподроме ослепили. Многих их сторонников казнили или искалечили, отрубив стопы или кисти рук. Неверный Патриарх Анастасий был высечен, раздет догола и как преступник провезен по Ипподрому на осле задом наперед. Но, желая показать силу и дискредитировать высший церковный сан, Константин V оставил опозоренного на патриаршем троне, заставив служить себе. В 766 г. императору, которому повсюду мерещились угрозы, пришлось расправиться с еще одним заговором придворных сановников, казнив девятнадцать человек.

Все это вынуждало василевса искать опоры только среди преданных людей, ограничивать влияние стратигов фем, дробить, сокращать их владения, делать управление более гибким и даже провести очень важную военную реформу – создать регулярную полевую армию, сформировав элитную столичную гвардию из воинов-профессионалов – тагмы, командующим которых он стал. В частности, из опальной фемы Опсикий было сформировано шесть тагм, каждая численностью по четыре тысячи человек, разделенных на две турмы по две тысячи человек. Каждая из них делилась на друнги по тысяче человек, в свою очередь состоявших из пяти ванд по двести человек. Теперь, располагая постоянной армией, ромеи перешли в еще более решительное наступление на соседей, разумным образом используя накопленные ресурсы. Византия уже сама атаковала. Воинственный удалой василевс совершал победоносные походы в северную Сирию, Месопотамию и южную Армению, находившиеся под контролем арабов, сумел защитить от них Кипр, в то время как стратиг морской фемы Кивириотов нанес сокрушительное поражение мусульманскому флоту неподалеку от утерянной столетие назад Александрии. Теперь византийцы вели боевые действия на пограничье и даже на землях Халифата, а ромейский флот вторгнулся в арабские территориальные воды.

Правда, это увлечение восточными делами неудачно отразилось на положении Ромейского царства на Западе, где наступали неугомонные, бедовые бородачи – лангобарды. Римские папы уже давно просили императора ромеев о помощи против основательно теснившего их лангобардского короля. Под натиском лангобардов в 751 г. пала столица италийского севера – византийская Равенна, но Константин V, боясь отвлекать войска с арабского фронта, неосмотрительно посоветовал римскому понтифику обратиться за поддержкой к северным соседям – воинственным, свирепым франкам, неоднократно вторгавшимся на Апеннинский полуостров. Те не замедлили откликнуться и, отвоевав земли вокруг Рима и Равенны, в 756 г. передали их Папе Стефану II в обмен на его поддержку династии Каролингов, утверждавшейся в молодой державе франков. Их новый король, Пипин Короткий, получил от этой мастерски разыгранной политической комбинации свои дивиденды, заложил основы для возникшей меньше чем через полстолетия франкской империи Карла Великого. Папа приобрел основы для будущего папского государства Св. Петра с центром в Риме. Но византийцы потеряли и без того слабое влияние, которое они имели к тому времени в Италии,

начавшей стремительно уходить от них. Благодаря роковой политической ошибке имперских властей ситуация на Западе стала для ромеев необратимой, их присутствие и влияние все более и более сокращались. Церковная юрисдикция Константинополя удерживалась лишь на территории эллинизированной южной Италии, а Латинская Церковь стала все более обособляться от Византии, чему в немалой степени посодействовали не только щедрый подарок Пипина Короткого, но и гонения византийских властей на иконопочитателей.

Зато на Балканах положение Ромейского царства крепло. Стремясь защитить стратегически важные земли Фракии, Константин V Исавр повел успешные войны с угрожавшей ромеям Болгарией. Он задался целью совсем уничтожить эту страну, в которой видел главного врага. Болгары в свою очередь ненавидели византийцев и боялись попасть в железные руки царских стратигов, привыкших повелевать людьми, тем более язычниками, как рабами. Василевс, ломая отчаянное вражеское сопротивление, совершил вглубь славянской и болгарской территории не менее девяти полномасштабных, крупнейших военных походов с использованием конницы и огромного флота, укрепил на границе обновленную цепь крепостей, организовывал массовые переселения сирийцев и армян из Малой Азии на земли Фракии и в Подунавье, а 208 тысяч славян из Македонии и болгарской территории – в Малую Азию, Вифинию, где их ранее уже селили. Перед императором ромеев склонили головы также нахарары – армянская великокняжеская знать. В значительной степени вырезанная мусульманами после подавления крупнейшего антиарабского восстания 774 / 775 г., она была не прочь присоединиться к Ромейскому царству, хотя не имела для этого сил.

В любом случае, при всех издержках и проблемах на будущее, свершенное указывало на пик могущества раннесредневековой византийской державы. Поэтому немецкий византинист Ильзе Рохов с полным правом констатировал в своей книге о Константине V: «...он не жестокий и дикий император, а скорее талантливый политик, сумевший разобраться в ситуации VIII в., провести необходимые политические преобразования и раздевший за стабильное государство».

«Штурм икон»

Внутренняя жизнь Ромейского царства при Льве III оказалась отмечена раздорами и беспорядками в сфере религии. Они были возбуждены иконоборским движением, то есть преследованием почитания икон со стороны государства. Насколько это было аномалией, отклонением от нормального развития? Каковы были причины этого явления? Что собственно означало иконоборство? На эти вопросы пытались найти ответ многие исследователи, но однозначно они так и не решены.

На Востоке, в глубине Малой Азии, то есть в ядровых землях Византии, составлявших ее оплот, уже давно существовали христианские секты близкие к иудаизму и мусульманству. Их приверженцы указывали на бесполезность поклонения иконам, находя в «бездушных и безмолвных раскрашенных досках» «изобретение диавольского коварства», – почти тех же языческих идолов, против которых была направлена вторая заповедь Бога, данная через библейского Пророка Моисея: «Не сотвори себе кумира». По словам этих сектантов, верующие под предлогом почитания истинного Бога наполнили мир богами в еще большем количестве, чем их было в языческих храмах, то есть римский мир снова стал как бы языческим. Дело в том, что первые христиане действительно не моли-

лись иконам и не знали их долгое время. Раннее христианство как чисто духовная религия исключало почитание икон. Первые изображения живых существ в церквах, рисунки Христа и Божьей Матери появились на Востоке не ранее V в. Даже в конце VI в. Папа римский Григорий I Великий писал, что ни одна вещь, сделанная человеческими руками, не может быть годной для того, чтобы на нее молились и чтили как Божественную. В то же время он не оправдывал случаев уничтожения уже существовавших святых образов. В Церкви понимали, что такие образные картинки, особенно из Священного Писания, важны в миссионерской деятельности, ибо были понятны даже неграмотным.

В VI-VII вв. в Империи широко распространилось почитание святых образов, через которые ромеям и тем более варварскому населению было легче общаться к христианской религии. Это стало одной из важнейших форм выражения благочестия. Правда, иконопочитание то и дело доходило до фанатичных крайностей, которые вылились в совсем эксцентричный культ икон, начавших все чаще использоваться верующими с отклонением от церковных догм, не по назначению, едва ли не как языческие обереги, идола. Согласно сборникам чудес святых, выпитый воск из растопленной печати с ликом Св. Артемия, исцелял от грыжи, а Свв. врачеватели Косма и Дамиан излечили болящую, повелев ей выпить смешанную с водой штукатурку с фрески с изображением святых. Даже краска или пыль с икон наделялись спасающей силой и, случалось, принимались внутрь вместе со Святым Причастием или вместо него. Бывало, при Святом Крещении иконами заменяли живых крестных родителей и шли на прочие подобные злоупотребления, подчас неотличимые от магических практик. К такой экзальтации верующих ромеев тянуло, как пьяниц к вину.

В общем, культ икон, развившись, становился все более неупорядоченным и неуправляемым. Грань между почитанием и слепым поклонением стерлась. Подобное поведение во многом объяснимо многочисленными бедами тяжелого VII столетия, экономическим спадом послеюстиниановского времени, регулярными вспышками безжалостной смертницы-чумы, стихийными бедствиями, изматывающей перманентной войной с арабами, приведшей к кризису, вздорожанию книг из-за прекращения привоза папируса из Египта, спаду культуры, который будет продолжаться более ста лет, до конца VIII в. Все вместе это создавало постоянную нездоровую атмосферу ужаса, апокалиптических пророчеств, подогревало мистические настроения, умножало суеверия, веру в чудо, в оберегающую силу, проявлявшую себя через иконы, культ святых, получивший к этому времени развитие в разных регионах Империи. Ведь ромеи всегда буквально понимали библейское выражение, что вера движет горами.

Хотя Вселенский церковный собор, собравшийся в 691-692 гг. в *Трулlose*, то есть в знаменитом «Круглом зале» *Большого императорского дворца*, высказался за почитание икон и сделал это очень обоснованно, принятое высокое решение не остановило, а даже, напротив, активизировало нападки некоторой части ромейского общества на идею иконопочитания, что через пару десятилетий привело к образованию двух враждебных религиозных группировок.

Борясь за чистоту веры и служения Богу, прежде всего, против внешних знаков почтения к иконам в виде поклонов, целования, возжжения свечей, воскурения фимиама, каждения, *иконокласты*, — дословно с греческого «иконоломатели», выдвинули революционное положение о том, что иконопочитание есть извра-

щение истинного христианства, дань грубому суеверию, пережиткам язычества. Они соглашались в том, что иконы могут быть полезны для напоминания о Боге и божественном, но возражали, что из этого еще не следует их святость. Ведь изображения, как предметы о чем-то напоминающие, совсем не то, что изображения как предмет поклонения. Как возможно, – с возмущением вопрошали иконоборцы, – чтобы Господь наш Иисус Христос, будучи одним лицом при неслитном единении двух естеств – материального и нематериального, – писался, то есть изображался низменными красками и другими материалами? Они ссылались на некоторые места Священного Писания и приводили весомые богословские доводы из христологических споров. Что изображают иконы? Если само божество, то это противоречит Священному Писанию. Ибо Бог Дух – неопиcуемый и непознаваемый не может быть осмыслен утильным человеческим разумом и тем более увиден глазами смертного, греховного существа. Если иконописец изображает только человеческую природу, плоть Иисуса Христа, он впадает в ересь несториан, если же напротив – божественную сущность Спасителя, то это ересь монофиситства. К тому же никто из иконописцев в точности не знает, как именно выглядел Господь, и значит, рисует лишь подобие плоти, и подобие несовершенное. Тем более нельзя изобразить воплощенное и воскресшее Слово – *Логос*. Недаром все евангелисты подчеркивали, что после Воскресения Господь мог как быть узнаваем учениками, так и оставаться неузнанным. Следовательно, икона – нечто иное по сравнению с Христом, не изображенный образ божества, а всего лишь мертвая материя, бездушная картинка, никак не связанная с Богом, по сути дела, идол, тот самый «золотой телец», на поклонение которому был наложен библейский запрет как на один из самых страшных, смертных грехов, за который и следуют наказания в виде многочисленных бед.

Следует также заметить, что, выступая против «древо- и костепоклонников», «идолотворцев», то есть поддерживающих культ святых икон, реликвий и мощей, иконоборцы вместе с тем признавали «умственное» поклонение Богу, а также Евангелие, а со временем – и Крест как символы искупления Христом грехов рода человеческого, несмотря на их аналогичную с иконой материальность. Вообще, их мысли были не менее глубоко укоренены в классической греческой философской традиции, чем мысли почитателей икон. Не случайно, внутрицерковная полемика того времени очень напоминает споры между древними философскими школами, тоже стремившимися выработать максимально точные понятия, термины, формулы, что при разброде вероучительных направлений было едва ли достижимо.

Иконодулы – дословно «рабы икон», защищаясь от столь серьезных обвинений тех, кого они относили к «богопротивникам», «богохульникам», объясняли, что прообраз, лик – по-гречески «архетип», «икона» это лишь подобие, символ написанного на них и внешнее, портретное сходство здесь не обязательно. К тому же образ не имеет ту же природу, что и представленный на иконе прообраз. В этом они справедливо видели главную, изначальную ошибку иконоборцев, ибо предметом поклонения является не само изображение или материал, из которого оно изготовлено (мозаика, фреска или доска), но незримо присутствующие в иконе как в важном церковном символе Божество, Богородица или Силы Небесные, о которых в Священном Писании идет речь отнюдь не как об идолах, бездушных кумирах. Они и проявляли себя не как идолы. К примеру, лик Богоро-

дицы, вынесенный на стены города, не раз спасал столицу в самые критические моменты ее истории.

На христианском Западе давно привыкли воспринимать изображения святых и Бога как иллюстрации к Библии, призванные просвещать верующих, и не видели в этом греха. Да и само Писание повествовало о изображениях херувимов, нарисованных или вылитых из золота, и не запрещало иконы. Наконец, Писание тоже создавалось, многократно переписывалось рукой человека, теми же материальными чернилами и красками, но при этом не теряло свою священность. Поэтому Папа особенно активно призывал отстаивать почитание икон, называя противников этого «злейшими еретиками», «иудействующими», «предтечами антихриста», «слугами дьявола», от которых и проистекают все ужасные беды, терзающие христиан. Не поддерживали иконоборства и восточные Патриархи – Александрийский, Иерусалимский и Антиохийский.

Первым защитником иконопочитания в VIII в. стал святитель Герман, Константинопольский патриарх (715-730 гг.), который изложил свои богословские взгляды на иконы в двух догматических посланиях к сторонникам иконоборского движения в Малой Азии – епископам Константину Наколийскому и Фоме Клавдиупольскому, которые, согласно старозаветным правилам, не считали возможным поклоняться всему, что создано человеческими руками. Патриарх всячески стремился подчеркнуть в споре такой аргумент как давность традиции почитания икон и пагубность нововведений, заставляющих проявлять презрение к трудам и жизни святых, которые, как и Дева Мария, в отличие от Христа, были простыми людьми и уж их то лица вполне могли быть изображены.

*Но еще более выделяется своей стойкостью истовый боец за иконы, грек **Иоанн Дамаскин** (ок. 675-749 гг.), христианин на мусульманской территории, ставший выдающимся православным богословом. Он был родом из семьи высокопоставленного византийского чиновника, сыгравшей определенную роль в сдаче арабам в Сирии Дамаска в 634 г. Его отец, Сергей Мансур (дословно с араб. «Победитель») стал казначеем при дворе дамаского халифа и дал своим детям, Иоанну и приемному сыну Косме (будущему преподобному Косме Маиумскому, епископу, творцу канонов) хорошее светское и духовное образование, а их необыкновенные способности способствовали успеху. После смерти отца, Иоанн, тоже известный среди мусульман как Мансур, пошел на службу халифу, но при этом стал писать трактаты против порицающих иконы, которые сделали его имя известным. По житийной версии, он был оклеветан перед халифом василевсом-иконаборцем Львом Исавром, который представил халифу документы якобы изобличающие в измене, за что его наказали отрубанием кисти правой руки, но по молитвам Иоанна Пресвятой Богородице рука оказалась чудесно исцелена. В благодарность за это чудо Иоанн приложил к иконе Богородицы сделанную из серебра руку, отчего она и стала называться «Троеручицей». Раздав все богатства, он вместе со своим братом Космой отправился в Иерусалим, где поступил в высокопочитаемую Великую Лавру преп. Саввы Освященного (Великого), которая находилась и ныне находится на западном берегу реки Иордан, в Иудейской пустыне, в знаменитой долине Кедрон. Здесь он и провел оставшуюся часть жизни, почти никуда не выезжая, писал наставления*

по православной вере, церковные гимны, книги по мистической философии, прочие произведения, слова, направленные против ересей, каковой для него явился и ислам – недавнее порождение Антихриста. Находясь далеко за пределами Ромейского царства, Иоанн Дамаскин мог выражать свои мысли более свободно и категорично, чем иконопочитатели в его пределах, и не бояться преданию анафеме иконоборцами, как это посмертно случилось с ним в 754 г. Его богословские труды не сразу, а постепенно, к концу VIII в. сыграли крупную роль в идейной борьбе с иконоборством, но не потому, что содержали новые доводы в защиту традиционных представлений и религиозных обрядов, а благодаря устранению из церковных догматов противоречий, приведению их в стройную систему идей о Боге, спасении, сотворении мира и человеке.

К концу затянувшейся полемики стал не менее прославлен младший современник Иоанна Дамаскина, монах **Феодор Студит** (759-826 гг.), истовый священнослужитель и реформатор. Он происходил тоже из знатной, но константинопольской семьи и со временем стал игуменом Студия – одного из древнейших столичных монастырей во имя Иоанна Предтечи, основанного еще в V в. неким вельможей Студием. В этой вновь расцветшей с конца VIII в. обители стали жить по новому, особенно строгому уставу – типикону, пытавшемуся положить конец усилившейся в результате иконоборства монашеской распущенности. Феодор превратился в лидера своеобразной монашеской партии, выступавшей за независимость духовной власти – Церкви от государства и даже самого императора. Его **гомиллии** – речи, которые он регулярно произносил своим монахам три раза в неделю, а также многочисленные письма распространялись по всему Ромейскому царству. Студит вызвал ненависть трех василевсов, подвергался гонениям, даже бичеванию, переходил из ссылки в ссылку, где в итоге и умер непоколебленным в своих взглядах.

Оба ярых иконопочитателя, как и их многочисленные соратники в клире и в миру, были готовы идти на изгнания, преследования и даже смерть за отстаиваемые идеи. Иоанн Дамаскин и Феодор Студит доказывали, что между нематериальным Богом и материальной иконой, изображающей Его как символ, существует тайная действенная связь. Созерцая икону, человек приобщается к этой связи, умом восходит к нематериальному, значит, икона – это воплощенная молитва, и почитание ее приближает верующего к Богу. Самое главное, они указывали, что раз Христос Воплотился, стал ради нас человеком, имел личные свойства, плоть и кости, носил одежду, перемещался из одного места в другое, даже после Своего Воскресения был все же видим апостолам, значит Он воспринял все свойства человеческого естества, в том числе и описуемость. «Ибо никто из рожденных от жены не бывает неизобразимым» – неопикуемый человек это нелепость. В таком случае изображение Спасителя в Его человеческом образе было лишь подтверждением реальности Его вочеловечения. Утверждать иное – значит отрицать Воплощение. Поэтому отрекающиеся от иконы Христа отрекаются от Него Самого, заявлял в своих знаменитых «Опровержениях» против иконоборцев Феодор Студит. Наряду со спасительной, чудотворной, исцеляющей силой некоторых икон, это был очень сильный аргумент. Полу-

чалось, что преследование образа есть еретическое гонение Первообраза. Дамаскину принадлежат следующие замечательные слова: «Если спросят тебя: покажи мне свою веру, – приведи его в храм и поставь перед ликами святых». Позже эту же ключевую мысль еще раз выразил в своем стихотворении Феодор Студит:

*Как только видишь ты икону, зришь Христа,
Христом же и ее зови, но лишь омонимично –
Ведь имя одинаково у них, не естество,
И поклонение обоим нераздельно и едино.
Итак, кто поклоняется ей, тот и чтит Христа,
А кто не поклоняется, тот враг Его, конечно,
как начертание во плоти Его вида
безумно не желающий почитать.*

Будучи глубоко религиозным человеком, Лев III, как и все его современники, свято верил в справедливость Бога и раздумывал о причинах Его гнева, вылившегося в переворотах, ожесточенных, кровавых войнах, нашествиях и прочих несчастьях. Не мог он не заметить и того, как при этом везет мусульманам с их строгим запретом на всякое изображение человека, и как страдают ромеи с их вопиющими эксцессами, злоупотреблениями, связанными с культом икон.

Духовный пессимизм, вызванный ошеломляющими вражескими вторжениями, еще более усилили природные катастрофы. В 726 г. большое впечатление на василевса, как и на всех ромеев, произвело очередное мощное извержение вулкана на эгейском острове Фера (теперь Санторин), когда небо затянуло густыми тучами вулканического пепла, газов, а на морское побережье обрушились гигантские разрушительные цунами. Более ясного знамения от Господа трудно было представить. Катаклизм не мог не заставить в очередной раз задуматься о причинах столь явных, зримых проявлений Божьего гнева. И тогда Лев III, как царь и как первосвященник, ответственный перед Богом, посчитал своим священным долгом открыто поддержать часть малоазийских епископов, давно и решительно требовавших запрещения «идольского», губительного с их точки зрения почитания икон. Поскольку после истребления монофелизма в Ромейском царстве не было мощных ересей, которые могли бы оскорбить Господа, василевс увидел непотребство только в «раскрашенных досках», какими действительно были полны храмы и дома. С этим, как и с тем, что идеологию надо упорядочить и консолидировать, было трудно спорить.

Как следствие, первой была немедленно уничтожена и заменена на изображение Креста самая известная и весьма почитаемая константинопольцами, великолепная, огромная, надвратная рельефная икона Христа *Халки* – Халкитис, которая находилась над главным входом в Большой императорский дворец и была отовсюду видна с площади Августина. Несмотря на вспыхнувшие в связи с этим беспорядки (возбужденная толпа женщин растерзала командира отряда, направленного для разрушения святого образа), василевс был настроен решительно и покарал виновных, пытавшихся сопротивляться действиям властей. Его не остановили даже вспыхнувшие в близкой феме Эллада в Греции и в далеком Равеннском экзархате мятежи сельского населения, вызванные отчасти вестью об иконоборском поведении царя. Их удалось подавить, но верный василевсу экзарх Равенны был убит, а возмущенные мятежные итальянские гар-

низоны, включая Венето – Венецию, заявили о своей независимости. Это стало серьезным предупреждением со стороны населения европейских частей Империи и Папы римского, сильно раздосадованного тем, что император – светский владыка столь круто вмешивается в вопросы церковной доктрины.

Тем не менее фанатично настроенный Лев III, при всей своей политической осмотрительности, все же решился принять окончательное решение в отношении икон. Для соблюдения законности 17 января 730 г. в императорском дворце в Константинополе собрался *силений* (от греч. *силентио* – «тишина») – совет, состоявший из царских сановников и духовенства. Официальный эдикт, вынесенный им под давлением василевса, был крайне суров и предельно категоричен: иконопочитание отныне объявлялось преступлением и подлежало гонениям. По царскому распоряжению властям предписывалось не только затруднять доступ к иконам, перевешивать их в церквях повыше, но, по возможности, вообще удалять их из храмов и монастырей. Даже на византийских монетах изображения Христа отныне должен был заменить крест.

Престарелый Патриарх Константинополя Герман, не желая поддерживать скандального нововведения, сложил с себя сан и был мирно отпущен царем в свое родовое имение. Его место занял бывший келейник отстраненного Патриарха, Анастасий, готовый во всем слушаться василевса. В письме к Папе Григорию II (715-731 гг.), очень резко протестовавшему против такого жесткого отношения к иконам, Лев III самонадеянно подчеркивал, что он и царь, и священник, то есть посягал на высшую духовную власть. Даже если это письмо подложное, ясно, что василевс стремился выступить одновременно как руководитель и государства, и Церкви. Таким образом, он стремился оказаться выше Патриарха и Папы. Через два года последний потерял часть своих церковных кафедр, которые император ромеев, наказывая за строптивость, отнял у него на Балканах, Сицилии, Крите, в южноиталийской Калаврии и передал Константинопольскому патриархату.

Западный мир открыто взбунтовался. Папа Григорий II, не желая подчиняться, даже выпустил свою собственную монету. Его преемник, Папа Григорий III (731-741 гг.), осудил иконоборство на Соборе, за что папские *легаты*, безуспешно пытавшиеся образумить василевса, оказались брошены в темницу. Время закономерно покажет, что Папа Павел I (757-767 гг.) объявит о своем избрании уже не царю ромеев Константину Исавру, а королю франков Пипину. Теперь на него, а не василевса папство будет делать ставку в борьбе с лангобардской опасностью. Давно назревавший разрыв с отдаленной Италией теперь стал неминуем. Как верно заметил Георгий Острогорский, «византийское иконоборство ... привело к тому, что Рим был вытеснен с греческого Востока, а Византия – с латинского Запада». Кроме того, часть духовенства, включая даже восточных Патриархов, оказавшихся на территории Халифата, заняла твердую, неприкрыто враждебную позицию против начатых реформ и нового государственного и церковного учения Империи, которая стала терять свой прежний универсализм.

Объяснение случившемуся перевороту надо искать, разумеется, не только в идеологической борьбе, но и в сфере материальных интересов, в сфере политической борьбы за власть, влияние.

Воинственные, на редкость упрямые императоры Исаврийской династии вели очень активную внешнюю политику. Но невозможно воевать, не вступая в контакты с противником. Эти контакты заставили обратить

внимание на требования врагов-мусульман в вопросах веры. У арабов было категорически запрещено изображать человеческие фигуры, лики. Лев III знал, что в Халифате действует закон, воспрещающий христианам поклоняться иконам. Недаром василевс, прекрасно знавший арабский язык, получил от современников прозвище «Саракинофрон» – дословно с греч. «сторонник арабов». Кроме того, в Ромейском царстве было много евреев, которых император горячо желал окрестить. Но их непременным условием было удаление икон из церквей. Наконец, против икон ополчились и остатки монофиситов, прочих еретиков и, что особенно важно, часть высшего духовенства, войска и царский двор. Как уже было сказано, особенно много сторонников запрета икон обнаруживалось в Малой Азии, а поддержка со стороны населения именно этого анклава была необыкновенно важна для Империи в период ожесточенной борьбы с мусульманами. Наконец, под предлогом борьбы с иконами императорской власти можно было получить деньги на жизненно необходимые военные кампании против арабов и болгар, обобрав Церковь и особенно – многочисленные монастыри, которые, невзирая на уставные предписания Василия Великого жить в нищете, накопили значительные имущественные богатства. Начиная с VII в. царские и частные дары в них нередко бывали очень ценными. Кроме того, культ чудотворных, нерукотворных икон – *ахиропоиетос*, чудодейственных мощей, священных реликвий, а также памятных предметов, образков для паломников, благословений – евлогий, которыми повсюду торговало духовенство, тоже приносил немалые доходы. Число монашеских обителей в Империи умножилось до опасной степени. К началу иконоборства едва ли не половина населения истово веровавшей Византии приняла постриг, стало монахами, что, в свою очередь, послужило увеличению земельных угодий и достатка, а, значит, и могущества Церкви. Чрезмерно разраставшееся монашество, не встречая препятствий, забирало столь нужных солдат у армии.

Дальнейшее усиление Церкви и монашества мыслилось императорской самодержавной властью уже как опасное самому существованию государства. Поэтому именно для поднятия престижа центральной власти и ослабления влияния стремившихся выйти из под государственного контроля церковных и особенно монашеских иерархов была развернута безпримерная по масштабам идеологическая кампания борьбы против почитания икон.

Византийское общество оказалось расколотым на две части. На стороне иконodule выступили ортодоксальное духовенство, монашество, представители Константинопольской патриархии, а также некоторая часть старой столичной аристократии, особенно из числа знатных женщин, фанатично преданных почитанию икон. На первых порах им удалось привлечь на свою сторону большую часть простого народа, главным образом в европейской части Империи, хотя их хватало и в азиатской. Поэтому говорить о географической поляризации византийского общества едва ли возможно. Но так или иначе северная и центральная Италия во главе с Римским папой, стремившимся принизить авторитет василевса и тем самым добиться большей самостоятельности, решительно высказалась против преследования икон. Под предлогом иконопочитания она отделилась от Византии, хотя и там остались мощные очаги иконоборства, как например, в Неаполе. Кроме того, тысячи отверженных иконопочитателей из числа не желав-

ших смириться перед царской волей находили сочувствие и убежище на Кавказе, областях, близких к Дунаю, на отдаленной Сицилии, крайнем юге Малой Азии, большом эгейском острове Крите и в Греции. Сотни монахов тайно бежали туда, спрятав под своими рясами небольшую толику великолепного собрания древних драгоценных икон и подпавших под осуждение священных реликвий.

Иконокласм же распространялся прежде всего благодаря поддержке Льва III и некоторых сменивших его василевсов. Они опирались на верную им столичную бюрократию, власть заслуженных, провинциальную военную знать, страиотское войско, солдат, чаще всего выходцев из провинций, основную массу жителей Константинополя, столичную интеллигенцию, часть белого духовенства, недовольного настойчивым стремлением монашества диктовать свои условия. Давно обнаружившееся противостояние армии и столичной аристократии тоже подогревало рознь в вопросах веры. Постепенно и торгово-ремесленные слои византийских городов выразили поддержку императорам – иконоборцам. Главным оплотом последних стали восточные провинции Ромейского царства, большая часть Малой Азии и Армения. Основная масса епископских кафедр занималась иконокластами.

Со временем иконоборская политика стала требовать весомых официальных санкций, которые мог дать только большой церковный Собор. Он был созван Константином V в памятном победоносном походе на болгар 754 г., в загородном царском дворце *Иерии* на азиатском берегу Босфора, то есть в окрестностях столицы, недалеко от портового городка-переправы Халкидона. Этот Иерийский синод вошел в историю с насмешливым именованием «безголовый», потому что на него не прибыл ни один верховный глава Церкви: Сверхпослушный Константинопольский патриарх Анастасий (730-754 гг.) умер незадолго до начала Собора от воспаления желудка, восточные Патриархи, выступившие в защиту икон, не были по понятным соображениям приглашены, к тому же они находились под властью мусульман, а Папа Стефан (752-757 гг.) искал защиту для себя на Западе, у набиравших силу франков, и не прислал своих легатов. Хотя он и высказался против иконоборского синода, ему, отчаянно теснимому лангобардами, было не до богословских споров. Тем не менее формально теперь можно было ополчиться против икон во всехристианском масштабе. 338 епископов, принимавших участие в Соборе, длившемся почти пол года (февраль-август), под нажимом убежденного в своей полной правоте василевса единогласно признали иконопочитание языческим идолопоклонством, вызванным кознями дьявола, *бесов*, запретили не только писать иконы, изображавшие Бога, Иисуса Христа, Богоматерь и святых в любом подобии человека, дословно – оскорблять их «...презренным эллинским искусством», но и держать святые иконы в храмах и домах.

Собор в Иерии перевел спор на новый уровень: отныне речь шла не о борьбе с суевериями и идолопоклонством, а об ипостаси – естестве, сущности (природе) Христа и возможности его изображения в связи с этим. Иконоборцы утверждали, что они защищают единственный истинный образ Христа – Евхаристические дары. Отныне официальным оставалось лишь одно поклонение – Святое Причастие, через которое совершалось приобщение к Христу Спасителю. Вместо скончавшегося Анастасия, василевс, ощущавший себя владыкой Церкви, назначил новым Патриархом епископа Константина Силейского (764-766 гг.), причем совершил это исключительно своей властью.

Таким образом, подавляющее число церковных иерархов, а, значит, с ними их центры, города, признали иконоборство. Были приняты законы, ограничивающие рост «мраконосителей», как презрительно называл иноков василевс, а значит, сокращавшие их влияние и доходы. Даже облачение в монашескую одежду оказалось под запретом, а сами иноки и инокиня в случае провинности отныне подвергались светскому суду.

Константин V, сильный теолог, составивший не менее тринадцати богословских работ, включая свои знаменитые «Вопрошания», был, как и его царственный отец, фанатично уверен, что делает доброе дело во имя Бога, борется за чистоту веры и очищает церкви от идолов (образов), крашенных досок, спасая тем Ромейское царство. Он лично осудил не только возможность правдивого изображения Христа, но, вероятно, и культ Богородицы, которую сравнивал с «пустым кошельком» в отличие от Христа – «кошелька с золотом». Если верить иконопочитателям, его приводило в ярость одно лишь упоминание слов «святой», «праведный». Желая подчеркнуть, что Бог на его стороне и поддерживает Ромейское царство, «равноапостольный василевс» приписывал заступничеству Господа все победы византийского оружия, а они, как нарочно, уже через десять лет после начала иконоборства стали на редкость удачными, впечатляющими. Казалось, Небеса стали на сторону «иконоломателей», которые наконец нашли корень всех прежних бед. Теперь уже речь шла не о том, чтобы повесить иконы повыше в храмах, дабы они не могли стать предметом необоснованного почитания и целования. Любые скульптурные изображения, «доски» и образы на стенах (мозаики, фрески на религиозные сюжеты, даже из священной истории) должны были быть убраны, стерты, замазаны, а почитающие их отлучены от Церкви. На стенах церквей, молелен, дворцов вместо сюжетов из Священного Писания стали все больше и все чаще появляться картины, прославлявшие царя и изображавшие преимущественно государственные цирковые игры, скачки, сцены войн императора, охоту, развлечения, а также природу, пейзажи, птиц (журавлей, воронов, павлинов), животных, плоды, цветы, побеги плюща, гирлянды, исключительно растительный, чисто декоративный орнамент. Критики недаром ехидно сравнивали такую роспись с «овощным складом и птичником». Зато под влиянием иконоборства появились условные, более стилизованные приемы для передачи божественного света, созерцательного состояния святых, которые в дальнейшем прочно вошли в византийское искусство.

Однако, надежно защищенное от внешних врагов, Ромейское царство оказалось как никогда глубоко и безнадежно погружено во внутреннюю рознь. Дело дошло до того, что каждый молился как хотел, запрещали лишь образы. Поэтому стала наблюдаться активизация иных еретических течений и иудеев. Последние даже начали строить давным-давно запрещенные имперскими законами новые синагоги, а василевс весьма милостиво смотрел на это.

Все это вместе взятое нагнетало страсти. Время перемен, переворотов редко обходится без жертв. Примерно с 759 г. императорская власть, переставшая более осторожничать и выжидать, стала подвергать открытым гонениям, осмеянию, увечьям, мучениям и даже смерти некоторых, самых стойких, отважных, фанатично настроенных представителей монашества, как главных носителей вековых культовых «предрассудков» и обрядовых суеверий. Поэтому «икономахии», уничтожению, сожжению икон, святых мощей, стала сопутствовать «монахома-

хия», чего еще не наблюдалось в умеренное правление Льва Исавра, не случайно не включившего вопрос об иконах в свою «Эклогу законов». Теперь отдельные церковные и монастырские здания, обители по царскому приказу были скрыты либо превращены в склады, эргастии, казармы, бани, конюшни или постоялые дворы. Часть земельных владений монастырей конфисковывалась императором, передавались в дар некоторым его верным сановникам, хотя преувеличивать размеры таких конфискаций не стоит – едва ли они были велики.

В любом случае, иконоборство утратило свой прежний, умеренный характер, стало воинственным. Религиозное противостояние достигло уровня политического мятежа, когда дело доходило до пыток и казней отдельных опасных смутьянов, противников политики властей. Иконопочитание стало рассматриваться как государственное преступление.

Бывало, в Константинополе в правление Константина V действительно разыгрывались позорные, а порой и ужасные, кровавые сцены. Озверевшая, фанатичная толпа «активистов», направляемая властями, расправлялась над наиболее стойкими сторонниками иконопочитания, особенно с их столь же фанатично преданными своей вере вождями и идейными вдохновителями из числа монашества. Некоторых из них забивали досмерти, калечили, отрезали им носы, языки, выкалывали глаза. В Житии Св. Анфусы из Мантиней в Вифинии говорится, что ее истязали, пытали при помощи раскаленных углей от сожженных икон. На столичном Ипподроме в 762 г. был прилюдно замучен Св. Мамант и засечен бичами монах Андрей. Самой известной жертвой стал Стефан Новый, знаменитый мученик иконоборского времени, игумен Трихинианского монастыря с горы Авксентия в пригороде столицы. Он был необоснованно обвинен в участии в политическом заговоре против василевса, во всевозможных пороках и зверски растерзан на куски возбужденной уличной толпой осенью 767 г. Прогнанные в позорном шествии под улюлюканье собравшихся на Ипподроме или попавшие в ссылку могли считать себя легко отделавшимися. Около 771 г. в Эфесе тамошний стратиг, близкий к царю Михаил Лаханодрокон, видимо, стремясь пополнить население Фракийской фемы, предложил местным инокам либо переменить одежды и заключить браки, либо подвергнуться ослеплению и ссылке на Кипр, остававшийся под совместным контролем арабов и византийцев. Об этом статиге также известно, что он окунал в масло, воск и поджигал бороды, избивал бичами, пытал, казнил мечом непокорных монахов и предавал огню целые библиотеки с «еретическими книгами».

Вместе с тем преувеличивать размах преследований и террора не стоит. Речь шла о нескольких сотнях наиболее потерпевших, включая несколько десятков высших чиновников и военных, таких как царский логофет дрома, комит Описики, стратеги Фракии и Сицилии. Большинство населения, видимо, стояло в стороне от дебатов и тем более от энергичной борьбы. Следует учесть, что многие повествования о святотатственных действиях василевса были рождены непониманием и последующей преувеличенной пропагандой иконопочитателей. На деле, борьба с ними не всегда занимала в императорской политике первое место, как может показаться. Зачастую ее оттесняли на второй план удачные военные, административные, фискальные изменения в провинциях, существенное накопление средств, организация элитных подразделений полевой армии, регу-

лярных полков-тагм, блестяще решаемые проблемы борьбы с внешними врагами, проблемы восстановления Константинополя после землетрясения 742 г. и последовавшей через несколько лет последней вспышки бубонной чумы, когда потребовалось заселять обезлюдевшую столицу со стороны. Именно принудительно закрываемые монастыри могли дать резерв столь необходимых рабочих и солдатских рук в Ромейском царстве, численность населения которого из-за свирепствовавшей до этого пандемии чумы сократилась по меньшей мере на треть. Таким образом, некоторый чисто мирской, практичный резон в политике иконоборства, в борьбе с иконами и монахами все же был и начавшийся с этого времени подъем Империи оказался отнюдь не случайным.

Большинство клира формально признало царскую политику, за долгие годы сжилась с иконоборством, было воспитано на нем, и вовсе не рвалось множить ряды мучеников. Показательно, что на иконоборском Соборе 754 г. лишь три епископа было осуждено за иконопочитание. Значит, почти все остальные восточные иерархии присоединились к иконоборцам. Страх перед потерей места служения в Церкви, при дворе или в администрации был сильнее страха перед вечными мучениями, которыми иконопочитатели пугали отвергнувших иконы: ведь при открытом переходе на сторону противников царской политики первая была весьма реальна, а вот вторые не представлялись столь же неизбежными. Покорных же, тем более мирян, которые не приняли «чистого поклонения духом» и втихую продолжали молиться как хотели, никто не преследовал и, следует подчеркнуть, таковых было большинство.

Не менее примечательно, что столичный храм Св. Софии с его святынями иконоборцы вообще не тронули. Святые мощи они не относили к числу рукотворных и потому не отказывались полностью от их почитания. Настроенность Константина V против почитания Богородицы (если это не надуманное обвинение иконопочитателей) не помешала в середине VIII в. в столичном императорском дворце возвести небольшую, но роскошную церковь, освященную во имя Пресвятой Богоматери Фара. Именно она стала выдающимся сакральным центром Ромейского царства – хранительницей наиболее прославленных новозаветных реликвий, связанных с Иисусом Христом, реликвий, которые, как считали ромей, должны были спасать их Империю.

На окраинах контроль за соблюдением постановлений иконоборского Собора тем более был слаб. Значительные массы людей не были вовлечены в борьбу, а люди знатные держали нос по ветру и угождали власть имущим. Даже пострадавшие монахи и монахини, отпущенные после допросов с пристрастием, вновь обустраивали обители, число монашествующих в которых продолжало расти, как это следует из житийной литературы. К примеру, Св. Анфуса, поселившаяся в Вифинии на острове среди озера, основала монастырь с 30 инокинями, выстроила две большие церкви, а к концу правления Константина V община насчитывала уже 900 человек, послушников, монахов и монахинь.

Уже после смерти крутого василевса в 775 г. волна иконоборских погромов пошла на убыль, и монастыри вновь оказались заполнены. Битву с ними император все же проиграл. Антимонашеская политика прекратилась и на важнейших епископских кафедрах вновь появились монахи. Простой народ устал от распрей, охладел к движению, от которого лично для себя мало что хорошего получил. В отличие от властей, его волновали не столько церковный раскол, сколько

вопросы пропитания, благосостояния и безопасности. Стали сильнее колебания среди знати. Все больше становилось умеренных, готовых идти на компромисс, и все меньше убежденных и последовательных деятелей иконоборства, ревностных поборников реформ из числа епископов и даже родственников покойного императора и его детей от двух жен.

Ирина, непомерно честолюбивая невестка Константина V, супруга его старшего сына, василевса Льва IV Хазара, была красивой зеленоглазой сироткой из провинциальных Афин, где так и не исчезли симпатии к иконам. Она продолжала почитать их и даже держала под подушкой, несмотря на гнев иконоборски настроенного мужа, обнаружившего это и отказавшегося спать с женой. Когда в 780 г., на пятом году правления Лев преждевременно умер в 30-летнем возрасте, жадная до власти молодая вдова сразу прибрала ее к рукам, стала регентшей при малолетнем сыне-наследнике Константине VI и начала всерьез подумывать о легализации культа святых икон. Для этого надо было созвать церковный Собор в Константинополе, но предпринятая в 786 г. попытка не удалась: жители столицы, особенно армия, в том числе шесть тысяч схоляриев, были настроены в массе своей антииконопочитательски и оставались верны памяти умершего одиннадцать лет назад горячо любимого «солдатского императора» Константина V. Этого следовало ожидать, поскольку армия, благодаря вдохновляющей силе военных успехов василевсов – иконоборцев, давно стала социальной базой для популяризации иконоборческих идей. Намерение делегатов, включая двух приехавших легатов Папы, собраться в знаменитом столичном храме Св. Апостолов провалилось – военные и епископы – иконоборцы попросту разогнали иконопочитательски настроенных епископов, заявив, что в 754 г. уже состоялся Собор и обсуждать нечего.

Тогда Ирина, не желавшая сдаваться, организовала расформирование и высылку непослушных войск на арбский фронт, заменив их верными частями из Вифинии. Чтобы избежать тягостной зависимости от преданных свекру сановников и армии, она стала опираться на мощную монастырскую группировку в той же Вифинии, состоявшую из старой константинопольской аристократии, которая избегала столицы и превратила вифинскую гору *Олимп* в Святую Гору, оплот иконопочитателей. В сентябре 787 г. Седьмой Вселенский собор все же удалось созвать и быстро, в течение двадцати дней провести вдали от беспокойного, ненадежного Константинополя, в вифинском городе Никее – месте проведения прославленного Первого Вселенского собора 325 г., отчего он вошел в историю как Второй Никейский собор, хотя последнее его заседание все же состоялось в Константинополе.

Впервые решения Иерийского собора 754 г. удалось осудить, и первый период иконоборства, продлившийся долгие шестьдесят лет, закончился. Новый синод предложил полноценное богословское обоснование (орос) для ранее не упорядоченных практик. Прорывом стало разделение на «служебное» и «относительное» поклонение: первое полагалось только Богу, второе – «образу, который восходит к первообразу». Это были слова Василия Великого, ставшие настоящим девизом иконопочитателей. Кроме того, была предложена теория омонимии – с греческого «единоименности», снимавшая проблему портретного сходства изображения и изображаемого: икона Христа признавалась такой не благодаря сходству черт, а благодаря написанию имени – акту называния. Согласно канонам, принятым

примерно 350 участниками Второго Никейского собора, включая беспрецедентное число монахов (131 человек), чествование, почитание икон следовало относить не к веществу икон, не к пресловутым дереву и краскам, а к высшему, святому первообразу тех, кто изображен на них, и, следовательно, оно не имело ничего общего с служебным поклонением, предназначенным лишь Богу. К иконам нельзя было относиться как к божествам, они не признавались предметом ритуального почтения, поклонения – проскиниса, но христианам вновь разрешалось служить им (латрия), целовать, зажигать перед ними свечи и молиться. Ссылным монахам дозволялось вернуться в монастыри. Пресвятая Богородица вновь была принята в качестве безусловного предмета почитания. Иконоборские сочинения подлежали уничтожению, а бывшие иконоборцы, после отречения от своей ереси, принимались в церковное общение.

На Соборе, легализовавшем иконы, как и полагалось, формально председательствовал 15-летний Константин VI, жертва будущей борьбы с матерью за власть. Ее интриги против сына завершатся в 797 г. редкостным злодеянием – ослеплением молодого императора в той самой Порфировой палате Дворца, где он появился на свет. Более того, предательски схваченного василевса лишили зрения особо жестоким способом, – так, чтобы у него не осталось шансов выжить, и в итоге он вскоре умер в ссылке на руках горячо любившей его жены, Феодоты. Маленькая дочка царя, Ефросинья, была заточена на отрезанном от мира острове Принкипо в Мраморном море. Набожность не пересилит в Ирине неженскую свирепость и жажду власти любой ценой. Она окажется куда более ужасным человеком, чем зачинатель иконоборства Лев III, и войдет в историю как василевс, облагодетельствовавший Церковь, и как бесчеловечный, бездушный, в целом неудачный политик, погрязший в интригах своих советников-евнухов. Кроме наведения порядка в центральной Греции, Пелопоннесе и укрепления христианизации, церковной и военной организации этих регионов, ей не удалось свершить достойных дел. Она не уделяла должного внимания границам, армии и в погоне за симпатией переставшего уважать ее столичного населения, в погоне за все более слабеющей популярностью, уменьшила высокие налоги с горожан и таможенные пошлины, что привело к жесточайшему финансовому кризису.

Еще раньше ухудшились отношения с арабами и болгарами. Но, самое главное, окончательно упал престиж Ромейского царства на Западе. За два года до свержения Ирины, на Рождество 800 г. (25 декабря), в Риме Папа Лев III, желая укрепить свое положение, неожиданно самонадеянно возложит священный венец императора и августа на короля франков и лангобардов Карла Великого и, таким, образом, отныне василевсы потеряют свое исключительное положение, их превосходство и даже легитимность будут поставлены под сомнение, а итальянские территории получать формальное подтверждение своей независимости от Ромейского царства. Кроме того, это станет началом очевидного раскола между латинской (Католической) и ортодоксальной (Православной) Церквями. Суровый Запад, где у власти стояли только мужчины, наконец возродил звание своего императора, которым стал один из величайших представителей средневековья – Карл Великий, и хотя тот не прочь был соединиться браком с Ириной, не хотел признать главой государства и священнослужителей женщину, даже такую, которая ополчилась на иконоборцев и попыталась вернуть порядок в Церкви. После ее правления, оборвавшегося дворцовым переворотом 802 г. и ссылкой на эгей-

ский остров Лесбос, где сверженная умрет в нищете, компромиссная ситуация с иконопочитанием застынет в состоянии неустойчивого равновесия. С бесславным концом Исаврийской династии вопрос не был окончательно решен.

Между тем военная ситуация становилась все сложнее. После 787 г. византийцы понесли ряд поражений от арабов, переживавших новый подъем и остававшихся еще достаточно сильными, чтобы требовать от Ромейского царства громадный выкуп. Наследник багдадского престола Халифата, султан Харун аль-Рашид, сумел прорваться до вифинской Малагины, важной военной базы, где уничтожил царские конные заводы. Став прославленным халифом, он совершил еще семь походов, один из которых привел его к Хрисополю напротив византийской столицы. Понятно, почему после очередного разгрома ромеев на равнинах Фригии и разрушения близкой к Константинополю Ираклии Понтийской ему легко удалось добиться от василевсов, способного администратора, бывшего главы налогового ведомства (логофета геникона) Никифора I Геника (802-811 гг.) и его сына-соправителя Ставракия, новой уплаты унижительной дани.

Правда, пошатнувшуюся при интриганке Ирине византийскую экономику удалось стабилизировать с помощью ряда налоговых и связанных с ними энергичных реформ, в том числе за счет церковного имущества. В частности, была введена круговая порука в деле уплаты налогов, ростовщичество под высокий кредитный процент (токос) стало выгодным монопольным правом государства, крестьяне обязывались сообща нести бремя расходов по вооружению стратиотов из своей общины, а военные моряки обеспечивались земельными участками по назначенной государством цене. На Балканах был создан ряд новых фем, проведены массовые переселения колонистов-стратиотов из Малой Азии в славянские области и подавлено крупное, упорное восстание славян в Пелопоннесе, которых, наконец, лишили самостоятельности и свободы. Не наступая на иконопочитание, разумный, толковый василевс Никифор Геник лишь пытался сдерживать радикальные претензии монашества во главе с неугомонным Феодором Студитом., который перебрался в столицу и восстановил пришедший в упадок Студийский монастырь, сделав его оплотом оппозиции.

Но в 811 г., когда самое страшное, казалось, было уже позади, прирожденный воин, грозный болгарский хан **Крум**, жадный до войны и завоеваний, удачно сманеврировал и неожиданно наголову разгромил царскую армию, выступившую против него в решающий поход во главе с Никифором I и Ставракием. Захватив и разграбив Плиску – столицу хана, василевс допустил ошибки в оперативном командовании, дал болгарам возможность собраться с силами и был убит в сражении. Оно случилось в ущелье, точнее, в горных проходах, укрепленных болгарами деревянными палисадами, где перебили всю армию ромеев. Ставракаий, сын-соправитель погибшего Никифора, раненный копьем в спину, с перебитым позвоночником, парализованный, скончался позже, всеми брошенный и забытый, за три месяца до смерти приняв монашеский постриг. Впрочем, хреника Петра Александрийского оставила версию, что его кончину мог убыстрить яд, который тайком дала обреченному страдальцу сестра Прокопия, прокладывавшая путь к трону для своего супруга, куропалата Михаила. Как бы то ни было, такая катастрофа не стрясалась с византийскими императорами уже много столетий. Константинополь огласился воплями вдов и сирот. А спустя немного времени до столицы дошла еще одна ужасная весть: болгарский хан – язычник,

надругавшись над трупом убитого царя, сделал из его черепа чашу, оковал серебром и пил из нее со своими военачальниками, позорно принуждая к этому же присланных византийских дипломатов. Унижение было еще тяжелее, чем военный удар, полученный от варваров.

Теперь на троне волею случая и придворных интриг оказался чудесно спасшийся в той роковой битве зять Никифора, муж честолюбивой сестры Ставракия, ревностный иконопочитатель Михаил I. Однако, несмотря на прозвище Рангави – «Сильнорукий», справиться с ситуацией, сложившейся на Балканах, этот добрый, благочестивый, но совершенно безвольный человек оказался бессилён. Боясь наглого Крума и ища хоть какой-то поддержки на усилившемся латинском Западе, он пошел на признание имперских претензий Карла Великого, назвал его василевсом, правда, не римлян, а франков, но и этот унижительный шаг не помог, ибо Карл и формировавшаяся при нем культура Каролингского Возрождения хотели видеть себя единственными наследниками Рима. Запад не собирался помогать ненавистной кичливой «Римлянии».

В 813 г. болгары, еще больше преисполнившись самоуверенности и в очередной раз наголову разгромив под Адрианополем в несколько раз превосходившую их армию ромеев, осадили Константинополь, который стоял на грани гражданского мятежа. Пригороды были уничтожены, сметены захватчиками и лишь неприступные стены в очередной раз чудом спасли Город. Теперь можно было только горько печалиться, вспоминая победные времена правления воинственного иконоборца Константина V. Добряк-император, окруженный предателями, да и проявивший себя слабым, безавторитетным, безумно расточительным правителем, попросту раздававшим деньги Патриарху, духовенству и двору, в отчаянии отрекся от трона в пользу коварного и опытного Льва, командующего восставшими войсками Анатолика. Его пятерых детей – мальчиков оскотили, а самого экс-василевса, жену Прокопию и дочерей отправили в изгнание, в монастыри, велел жить незаметно. Через тридцать два года, безвыездно прожив на маленьком пустынном островке *Платия* в Мраморном море, бывший неудачливый император ромеев окончил свои дни под скромным именем инок Афанасия.

Было от чего прийти в отчаяние и вновь начать искать причины Божьего гнева, а также духовные и материальные источники спасения. Поиски настроили на привычный ход мыслей и возродили прежние группировки. Уже в начале IX в. василевсы возобновили гонение на иконы. Иконоборство вновь стало поднимать голову, вступив в свой второй этап. Реакция особенно активизировалась в правление умного, способного, преисполненного боевого духа, деятельного, но жестокого василевса Льва V Армянина (813-820 гг.), прозванного иконодулами «звероименным тираном», «ассирийским драконом», «делателем преступлений», «злославным богоненавистником». Восстанавливая иконоборство, его сторонники, особенно их идейный предводитель, бывший иконописец, иеромонах, один из самых мощных, раскованных мыслителей той эпохи, армянин *Иоанн Грамматик*, убедительно указывали на синоде, созванном в 815 г. на Пасху в храме Св. Софии, что времена правления иконокластов, уничтожавших иконы как идолов, были гораздо более счастливыми и полезными для государства, самих василевсов и их детей, чем правление иконопочитателей. Последних вновь обвиняли во всех несчастьях и, прежде всего, в военных неудачах.

Действительно, нетрудно было заметить, что все государи, царствовавшие после восстановления иконопочитания, были несчастливы на войне и кончили довольно плохо: Константин ослеплен, Ирина свержена, Никифор убит болгарами, Михаил низложен. Все чаще, все громче на улицах можно было слышать слоган: «Долой кости икон!». Несмотря на сопротивление Патриарха Никифора, который был известен своими трудами-апологиями в защиту икон, в частности, тремя трактатами-возражениями, так называемыми Антирретиками против Константина V, и пользовался поддержкой ряда митрополитов, а также несмотря на крайне энергичное, даже открыто вызывающее, противодействие Феодора Студита, главы своеобразной ортодоксальной монашеской партии, иконоборцы вновь восторжествовали: изготовление икон было объявлено «бесполезным», духовенство призвали «не учить иконопоклонству», а в церквях иконы вновь, как и во времена Льва Исавра, стали перевешивать как можно выше, под предлогом защиты их от поругания, а на деле дабы не воздавать им культового поклонения и не зажигать перед ними свечей.

И... будто по мановению Божьей руки на Ромейское царство на долгое время снизошел мир: на Западе все успокоилось. Граница и столица были дополнительно укреплены, кое-кто из нерадивых, корыстолюбивых фемных архонтов предан суду. С молодым болгарским ханом Омуртагом, преемником наводившего ужас Крума, незадолго перед тем внезапно умершего жуткой смертью, видимо, от инсульта, удалось заключить тридцатилетнее перемирие, а внутренние раздоры, усилившиеся среди арабов, мятежное религиозное движение во главе с персом Бабеком, вызвали кризис власти у мусульман и положили конец их набегам. Однако общественный порядок Льву Армянину не удалось восстановить и не мудрено: согласно царскому эдикту, любой человек в любое время мог разбить священный образ, не опасаясь понести за это наказание, поэтому ризы со святыми изображениями рвали в клочья, иконы сбивали камнями, пачкали калом, рубили топорами и жгли на площадях и рынках. На Соборе 815 г., состоявшемся в константинопольской Айя. Софии, был провозглашен возврат к решениям Иерийского собора 754 г. Православных епископов избивали, пороли плетью из воловьих жил, а самых упорных несогласных, включая непреклонного Феодора Студита, отправили в ссылку. Василевс создал сеть агентов и доносчиков, которые следили за любыми проявлениями иконопочитания, а уличенных бичевали, арестовывали, изгоняли, морили голодом. Такую жестокость к подданным не смогли компенсировать даже военно-политические успехи царя.

В 820 г. Лев Армянин был неожиданно убит, что стало результатом заговора его старого товарища по оружию Михаила, бывшего начальника экскувитов – дворцовых царских караульных. Этот простой, коренастый, полуграмотный, едва умевший читать и писать провинциал из малоазийского города Амория страдал заиканием и вошел в историю с соответствующим прозвищем Травл – «Заика», или «Щепелявый». Обвиненный в измене Льву, он был отправлен в темницу, где, закованный в цепи, дожидался весьма эксцентричной казни: его должны были бросить в печь императорских бань, привязав к обезьяне. Но пока ужасная расправа готовилась, сторонники Михаила успели безжалостно расправиться с василевсом, изрубив его мечами на ранней утренней службе прямо в алтаре дворцовой церкви, отсеки ему руку то ли с крестом, то ли с кадиллом, которыми несчастный пытался отбиваться, а убитого поместили в общественное отхожее место, чтобы

потом в обнаженном виде проволочить по Ипподрому и свезти на муле в гавань. Здесь труп свергнутого царя погрузили на корабль и, вместе с женой и четырьмя сыновьями, отправили на находившийся примерно в двух десятках километров от Константинополя остров *Халки* в Мраморном море, где мальчиков кастрировали.

Новый василевс, амбициозный Михаил II был грубовато-прямодушным, невежественным солдатом с хамскими манерами, которому однако хватило здравого смысла не будить религиозные страсти, споры и предоставить верующим полную свободу, по крайней мере, за пределами столицы, лишь бы они слишком явно не проявляли приверженность к иконам и не занимались открытым проповедованием иконопочитания. Все относящееся к иконам должно было «погрузиться в великое молчание». Василевс освободил всех заключенных и сосланных иконопочитателей во главе с многократно пострадавшим Феодором Студитом и низложенным Патриархом Никифором, которые мирно скончались соответственно в 826 и 829 гг. Иконы, как и при Льве Армянине, не убирали из церквей, но старались держать их повыше под предлогом, что невежественные христане, будто идолопоклонники, доходят в своем заблуждении до употребления краски с икон на Причастие и берут образы святых в качестве *анадохов* – «крестных отцов» детей. Верившие в иконы вынуждены были молитвенно общаться со священниками – иконоборцами и новым иконоборским Патриархом Антонием Кассиматом (821-837 гг.), причащаться у них. При этом далеко не все понимали, что они поступают плохо, неправославно.

Зато своего апогея политика преследования иконопочитателей достигла в царствование сына Михаила Травла, высокообразованного, умного, справедливого, но горячего и несдержанного царя Феофила (829-842 гг.). Он был воспитан упомянутым выше знатоком наук и богословия, игуменом столичного монастыря Сергия и Вакха Иоанном Грамматиком в духе непримиримого иконоборства, полагал, что вновь последовавшие поражения от арабов проистекают от излишней снисходительности к иконопоклонникам и вообще всячески подражал Константину V, громкая посмертная военная слава которого не давала ему покоя. Со временем его талантливый учитель, поражавший в своих проповедях ссылками на языческих философов наравне с Отцами Церкви, стал патриаршим синкелом, а в 837 г. – Вселенским Патриархом Константинополя. Но иконодулы продолжали обзывать его «нечестиеначальником», «блюдогадателем», «колдуном», а он бесчестил их как лжецов – «иконников».

Открытая проповедь иконопочитания в Империи ромеев запрещалась царским указом 833 г., предписывавшим всем благочестивым христианам следовать постановлениям Собора, состоявшегося восемнадцать лет назад при василевсе Льве Армянине. Поклонение иконам пылкий василевс воспринимал как оскорбление святости Бога. Часть монастырей было предписано вывести из столицы и других города, что, впрочем, лишь посодействовало их будущему росту в провинции, где обители стали превращаться в крупных держателей земли и еще более богатеть. Феофил был готов терпеть тайных, скрытых иконопочитателей, но открыто, показно непокорных, в основном из числа небольшой, красноречивой монашеской оппозиции, нарочито выставлявших свое «благочестие» в пику «злочестивым иконоборцам», как и при Льве Армянине, ждали конфискации имущества, тюрьмы, ссылки, жестокости, скитания, хотя простого народа, как и прежде, это коснулось мало.

Пожалуй, самыми знаменитыми мучениками той отчаянной поры стали пришедшие палестинские пожилые монахи-иноземцы, 60-летние братья Феодор и Феофан, которые в своих стихах называли покойного Льва Армянина безбожником, глупцом, злодеем, сошедшим в *Ад*. За эти оскорбления в адрес царя и искажения текстов Священного Писания их подвергли особенно изощренному способу наказания: после жестокого бичевания железными иглами вытатуировали на лбу и лице издевательские, бранные иконоборские стихи, из-за чего эти монахи вошли в историю с прозвищем Грапты – «Меченые», или, как чаще переводят, «Начертанные». Феофил не посчитался с тем, что грозные предписания библейской Книги Левит (19: 28) запрещали наносить на тело отметины, татуировки. Мучительная казнь длилась почти целый день, после чего братьев отправили в заключение в Апамею Вифинскую, где Феодор через три года умер.

В остальном василевс вошел в историю и легенды как знаток юриспруденции и судопроизводства, справедливый, нелицеприятный правитель, который заботился о народе, лично разбирал судебные дела, защищал от притеснений, лихоимства чиновников, во время выездов по пятницам специально медленно пересекал на коне весь город, чтобы к нему могли обратиться с жалобами просители, ходил по рынкам, проверяя правильность цен и торговли. Он щедро раздавал милостыню бедным и нищим, устроил бесплатную школу для юношей, великолепную странноприимницу на месте квартала разогнанных блудниц, был усерден к божественным службам, почитал мощи святых и Богородицу, писал церковные гимны, любил по праздникам сам руководить церковным хором, при этом каждый раз жалуя певчим большие суммы золотом. Примечательно, что придя к власти, он приказал казнить непосредственных убийц Льва Армянина за святотатственное пролитие крови в алтаре, хотя они были сообщниками его отца. Все эти дела, достойные благочестивого христианина, стяжали к нему почти общенародную любовь, хотя иконопочитатели поговаривали, что царь совершает это нарочно, дабы завоевать народные симпатии и тем удобнее вести гонения на иконы.

К концу своего правления подражавший Константину V, но не блиставший военными талантами Феофил потерпел ряд жестоких поражений от мусульман, едва не попав в плен в одной из битв. В 838 г. арабские войска после двухнедельной осады, с ожесточенным боем и большими потерями взяли сильно укрепленный Аморий, тогдашнюю столицу фемы Анатолик, второй по значимости центрально-малоазиатский город-крепость Ромейского царства, который был местом рождения василевса и его отца. Это была месть ревностного мусульманина халифа Мутасима (833-842 гг.) за взятие ромеями приграничной крепости Запетры, или Созопетры, его родного города, над пленными которого воины Феофила жестоко надругались, выкалывая им глаза, отрезая носы, уши, мучая, насилуя. Одно из самых тяжелых, позорных поражений IX в. имело еще и пропагандистское значение. Недаром штурмующие по приказу халифа начертали на своих щитах слово «Аморий». Понимавший, что пощады не будет, отчаянно защищавшийся город очень быстро пал в результате предательства бывшего пленного араба-христианина, указавшего врагу наиболее слабое место в оборонительной стене, где врагам удалось пробить брешь. Аморий подвергся жесточайшему разграблению, его стены, дома были разрушены, запершиеся в большом кириаконе жители заживо сожжены, командовавший обороной патрикий Аэций распят на кресте, а около шестидесяти тысяч истомленных пленников обезглавлено по пути к Багдаду.

Ожесточение войны достигло высших пределов, после чего халиф даже стал подумывать о походе на Константинополь. В эту пору обманутых надежд оставалось только укреплять восточную границу цепью дополнительных укреплений для отражения внезапных нападении арабов и искать союзников на Западе в лице императора франков Людовика Благочестивого против мусульман, вторгшихся на юг Италии.

Теперь маятник качнулся в другую сторону – неудачи были приписаны иконоборским пристрастиям царя, каре за его «ересь», «злочестие», отчего поддержка иконоборства, и без того слабая, пошла на убыль, а сама идея практически исчезла. Даже жена Феофила, Феодора и его теща Феоктиста тайком продолжали чтить иконы и в таком духе воспитали дочерей василевса. Народ вновь стал испытывать тягу к старым знакомым образам, напоминавшим ему о более спокойных и благополучных временах. Самое главное, потребность Церкви в культовых образах и реликвиях оказалась непреодолимой. Это стало одной из главных причин бесславного исчезновения иконоборства.

Окончательно почитание икон было восстановлено тоже женщиной, вдовой Феофила, прекрасной, блистательной царицей-регентшей Феодорой (842–856 гг.), которая осталась на троне одна с четырехлетним сыном, будущим Михаилом III (856–867 гг.). Согласно легенде, мучимая одним и тем же вещим сном, в котором ей являлся ее умерший муж, весь в грязи и цепях, как преступник представший перед толпой народа на площади Константина, она решила вымолить прощение его тяжким смертным грехам и ради этого пошла на компромиссную сделку с лидерами иконопочитателей. Переговоры шли тяжело и неприятно.

Феодора, опираясь на помощь способных советников из числа родни и логофета дрома, евнуха Феоктиста, отдала приказ отпустить на свободу сосланных или посаженных в темницу в связи с иконопочитанием. Символ «нечестия» – увлеченный мирскими знаниями «блюдогадатель» Иоанн Грамматик, представленный основным виновником разжигания борьбы в предыдущие годы, попытался инсценировать покушение на себя, был низложен как неудавшийся самоубийца и с позором отправлен в ссылку в убогий монастырь на берегу Босфора, а потом в свое имение. Он отказался от какой бы то ни было борьбы.

Наконец, 4 марта 843 г., в первое воскресенье перед Великим Постом – временем каяться в грехах, лидер иконопочитателей, хитрый интриган Мефодий, был возведен на патриарший трон. В субботу, 10 марта на катехумениях – верхних галереях Айя. Софии состоялся созванный по согласию с царицей церковный Собор, который предал иконоборцев и их учение анафеме. Так иконоборство стало последней ересью, осужденной всей полнотой Церкви. Но, по настоянию Феодоры, как и договорились, имя Феофила не было внесено в списки проклятых видных еретиков на том основании, что он, якобы вразумленный неким страшным видением, раскаялся перед самой кончиной и с верой поцеловал икону. И хотя это было сделано не перед священником, без должного церковного покаяния, по гречески – метанойя, дословно «изменения ума», и без принятия православного Причастия, за почившего государя, противно правилам, было разрешено молиться как о верном и православном. К концу первой седмицы Великого Поста Мефодий торжественно возгласил, что имя Феофила...чудесным образом исчезло из списка еретиков.

В первое воскресенье поста, 11 марта, Патриарх со всеми православными клириками и множеством мирян собрались на крестный ход в Великую церковь,

неся кресты, иконы и зажженные свечи, а четырехлетний василевс Михаил – маленькая кукла в царских одеяниях, вместе с матерью, в сопровождении кувикуляриев и синклитиков прошли в храм и, соединившись с Патриархом, вошли в церковь, зримо символизируя единство светской власти, государства и Церкви. После их молитвы в алтаре Мефодий вновь во всеуслышание провозгласил анафемы иконоборцам и «вечную память» почившим исповедникам иконопочитания. «Зверей и богоборников, Антония скверного и преступника Иоанна сатаномысленного и церковного борителя, как волков лютых, сошедших, верные, проклятию предадим!» – гремел патриарший архидиакон. Тогда же, после окончания службы было объявлено, что отныне ежегодно память этого Торжества Православия над ересью (по-гречески Э Анастилосис тон иконов – Восстановление икон) будет совершаться в Церкви в первое воскресенье Великого поста. Все старые догматы обрели прежнюю силу, а иконы были вывешены во всех храмах столицы. По последовавшему компромиссному решению, поклонение иконам (латрия) осуждалось, а предписывалось их почитание (дулия), какое можно было оказывать и василевсу. Иконы в Византии окончательно стали пониматься не как религиозные картины, а как образы-посредники, которые были призваны соединять земной и небесный миры.

В знак победы иконопочитания на монетах и печатях после 843 г. вновь появилось отвергнутое со времен грозного Льва Исавра изображение Христа, а затем Богоматери и иных святых. Одним из главных символов триумфа, по распоряжению благочестивой августы, стало возобновление известным иконописцем, монахом Лазарем, в свое время наказанным за писание икон прижиганием ладоней раскаленным железом, огромного мозаичного образа Спасителя на Вратах Халки, который был сгруппирован в один ансамбль с изображением Креста, установленного при Льве III на месте иконы. Художники вновь взялись за свои инструменты, чтобы с успехом пытаться изображать божественное в красках, дереве и камне.

Если раньше, решением Второго Никейского собора 787 г., все покаявшиеся священники-иконоборцы сохранили свой сан, то теперь началась «великая чистка» среди еретического клира. Отступников, всех тех, кто присоединился к противникам икон, даже публично покаявшихся, принявших Православие, ждали отставления от сана, извержения из клира в ряды мирян и невиданные по масштабу, слепые, методичные репрессии, каких не знали василевсы-иконоборцы. Тысячи людей, – епископов, священников, диаконов были выброшены со своих мест, их потрясенные семьи, родственники лишены привычной жизни. Немало низложенных занялись частными уроками, кто-то устроился работать при храмах и различных благотворительных заведениях, иные занялись торговлей или земледелием, кто-то пошел даже на черные работы. При этом многие надели на себя личину невинных страдальцев и говорили иконопочитателям, что они победили «не Божиим содействием и своим благочестием, а из-за поддержки императрицы». Удаление от алтарей такого количества духовенства создало большие трудности: нужно было думать, кого рукополагать взамен, довольно спешно, а кандидатов было не так много. Атмосфера общества оставалась накаленной. Толпа ворвалась в храм Св. Апостолов, где были гробницы Константина V Исавра и Патриархов-иконоборцев, разгромила их. Трупы были выброшены и после осквернения, надругательств, сожжены на грязном, в колдобинах конном рынке на площади Амастриана, а пепел развеян.

Таким образом, руководители как одного, так и другого лагеря были не на высоте и едва ли искренне тянулись к заповедям Христа и апостолов своим сердцем. Каждый со своей точки зрения был прав, — но кто был прав с точки зрения Бога? Ведь победы учение иконоборцев, именно оно бы сейчас называлось Православным, а учение их противников мы бы называли иконопоклонством и говорили бы не об иконоборском, а о об иконопоклонном периоде в Византии. Иной была бы вся дальнейшая история восточного христианства.

Но случилось так, как случилось. Возвращение к культу икон стало победой ортодоксальной греческой религиозной мысли над мистическим религиозным мировоззрением, шедшим с Востока, из Азии. День 11 марта Православная Церковь до сих пор празднует как восстановление — Торжество Православия. Вот только вопрос, заметило ли это событие большинство народа тогдашнего Ромейского царства, так же легко, по крайней мере, внешне, принявшее иконы, как при императоре Льве Армянине отвергшее их? Ведь распри, грызня, смуты, раздор внутри Церкви, в рядах «победителей», увы, не прекратились. Призрак иконоборства преследовал ромеев вплоть до полной гибели Империи: на протяжении веков участники любых церковных споров изощрялись в попытках уличить друг друга в самом страшном — скрытом иконоборстве, и это обвинение было серьезней обвинение в любой другой ереси.

Гражданская война (820-825 гг.)

В то время, когда спор об иконах еще не был решен и сменявшие друг друга в результате переворотов василевсы в лучшем случае старались не будить страсти, в 820 г., сразу после смерти Льва V Армянина, в Византии началась междоусобная, по сути дела, гражданская война. Эта звериная пора принесла грандиозные бедствия ромеям, по словам современника, «...подобно открывшимся Нильским порогам, затопив землю, но не водой, а кровью».

Причиной восстания стали социальные, этнические, религиозные противоречия, особенно недовольство крестьян и стратиотов тяжелым податным гнетом и коррупцией, притеснениями властей. Как писал очевидец тех событий, «...раб поднялся против своего господина и стратиот против своего командира». К восставшим примкнули монашество, враждебно настроенное к императорам-иконоборцам, знать восточных фем, пытавшаяся дорваться до власти и занять лучшее положение в государстве. Позже к мятежникам присоединились часть городской бедноты, а также различные племена (гунны, лазы, абазги), обитавшие главным образом на окраинных землях Ромейского царства, в северо-восточной Малой Азии и на Кавказе.

Запылавшая гражданская война охватила громадную территорию от границ Армении до берегов лазурного Эгейского моря. Возглавил мятеж один из военачальников, бывший однополчанин Михаила Травла, турмарх федератов Фома Славянин, очевидно, потомок славянских переселенцев в Малую Азию, не так давно переведенный из столицы в фему Анатолики.

Жизнь Фомы была исполнена опасных авантур и постоянной борьбы, овеяна преданиями и легендами. Светловолосый, с круглым лицом и светло-серыми глазами, он прихрамывал на одну ногу, но был очень крепок телом и силен. Молодость его прошла довольно бурно: устроившись на службу к одному стратигу, он вступил в любовную связь с его женой, был уличен, бе-

жал к арабам и провел там несколько лет, изучив тамошний язык и обычаи. Собрав шайку разбойников из разорившихся крестьян, лихих людей, дезертиров, уголовников, Фома принялся грабить богачей под флагом установления справедливости. Однако разбогатеть таким образом ему не удалось, и, вернувшись в Ромейское царство, он решил попытать счастья на военной службе. К началу восстания это был человек уже преклонного возраста, который прожил яркую и трудную жизнь. Отважный воин, способный полководец, Фома сочетал в себе чрезмерное властолюбие с умом изворотливого и хитрого политика, обладал большим жизненным опытом и талантом покорять сердца людей. Казалось, сама судьба вела его на императорский трон ромеев.

В короткое время мятежник собрал под свои знамена многочисленную армию. В результате ловко проведенных переговоров, сделанных им больших подарков и еще больших посулов на его сторону перешло большинство фем Малой Азии, а на море поддержал флот из 350 судов, набранных, очевидно, преимущественно в морской феме Кивириотов и на островах Эгейского моря.

Первоначально Фома, желая привлечь как можно больше сторонников из числа простого народа, временно облегчил податной гнет. Он всячески пресекал злоупотребления сборщиков налогов, щедро раздавал отобранные у них деньги бедноте, чем множил ряды своих сторонников среди простых людей, озлобленных нуждой. Но все же главной целью честолюбца было овладение византийским престолом и желание одеть столь вожаденную и такую недостижимую стемму христианнейшего царя ромеев.

К Фоме примкнули часть аристократов, недовольные только что воцарившимся грубым, резким «самозванным василевсом» Михаилом II Травлом (820-829 гг.), обиженные на Константинополь иконопочитатели и монахи. Мятежник весьма удачно повел дела с арабами, сумел отразить их натиск на приграничные области Ромейского царства и даже вынудил халифа аль-Мамуна (813-833 гг.) пойти на соглашение с ним, пообещав после взятия Константинополя прислать богатые дары. Халиф, разумеется, преследовавший собственные корыстные политические цели в отношении Византии, выделил в помощь «ромейскому владыке» несколько отрядов конных лучников, налетавших как вихрь на правительственные войска и так же неожиданно скрывавшихся. Более того, по приказу халифа в захваченной мусульманами Антиохии при огромном стечении народа местный Патриарх Иов возложил на голову Фомы Славянина царский венец, причем церемонии проходили при поклонении иконам, что еще более подогрело слухи, что узурпатор восстановит почитание святых образов, если войдет в Константинополь. Новоявленный самозванный император объявил себя Константином VI, якобы чудесно спасшимся от ослепления, к которому его приговорила злобная мать Ирина, незаконно захватившая трон. Успех этой выдумки в народе оказался столь велик, что сумасбродный Фома временами сам почти верил в нее.

В разгар зимы, в декабре 821 г. все увеличивавшееся войско восставших решилось на осаду Константинополя, понимая, что падение Города решит судьбу предприятия. К тому времени под знаменами мятежника собрались 80 – тысячная хорошо вооруженная армия, а также немалый флот. Повстанцы приблизились вплотную к мощным сухопутным стенам ромейской столицы, раскинули огромный лагерь, а флот Фомы прорвал державшуюся на плавучих буях гигантскую железную цепь общей длиной около 700 м, которая крепилась на проти-

воположных башнях и преграждала широкий вход в бухту Золотой Рог. Куда ни взгляни с крепостных стен, повсюду колыхались тысячи копий и боевых знамен мятежников, и лица, лица, сумрачно-одинаковые, как потемневшие оболочки...

В праздник Зачатия Богородицы Св. Анной Патриарх Константинополя с молодым императором Феофилом, сыном и соправителем василевса Михаила II, возглавили крестный ход, который с Древом Креста Господня и с Покровом Богородицы, небесной заступницы столицы, прошел по крепостным стенам с пением *тропарей* и молениями о даровании победы. Это посеяло сомнения и некоторую растерянность среди бунтовщиков и, напротив, укрепило дух защитников, вдохнуло веру в чудо, которое одно, казалось, было способно спасти Город.

Константинопольцы не собирались сдаваться, понимая, что их ждет в случае неудачи. Они мужественно отбивали самые яростные штурмы и упорно сопротивлялись около полутора лет. Даже монахи – студиты во главе с игуменом Студия, Феодором, называли мятежников не иначе, как «агарянами» и не выражали никакого сочувствия их начинаниям. Царский флот, оснащенный бронзовыми сифонами, грохотавшими «жидким огнем», был страшнее, а главное, сильнее флота восставших, набранного из различных, преимущественно грузовых кораблей с «востока Азии». Михаил II, опытный знаток военного искусства, опирался на оставшиеся верными войска крупнейших фем – Опсикия и Армениака. К тому же василевс пошел на крайний шаг – обратился за помощью к заклятым врагам – болгарам и заручился поддержкой их правителя, хана Омуртага. Тот внезапно двинулся со своими лихими конниками к столице Империи, уже во Фракии, на побережье между Ираклией и *Силимврией* рассеял пестрые, плохо спаянные мятежные войска, разорил все на своем пути, взял богатую добычу и пленных. Именно это обстоятельство предопределило конечную неудачу Фомы и помогло добиться решающего перелома в ожесточенной борьбе с ним.

Весной 823 г. царские войска нанесли тяжелое поражение армии лже-Константина, в пух и прах разгромив остатки заметно поредевших отрядов мятежников недалеко от Константинополя, на поле Диабазис, при впадении Черной реки в Мраморное море. Фома с горсткой приспешников бежал во фракийский город Аркадиополь, где продержался все лето и начало осени против правительственных войск. Но, не видя дальнейшей возможности, да и не желая сопротивляться ради безнадежного дела, осажденные, измученные голодом, вымолили себе прощение, схватили Фому, связали и передали Михаилу Травлу.

Василевс устроил торжественную церемонию покаяния ногами побежденного мятежника, а затем велел посадить его в железную клетку. Публичная расправа, учиненная над ним, была чудовищно жестокой: ему отрубили руки по локоть и ноги по колено, после чего посадили задом наперед верхом на осла и выставили на всеобщее обозрение. Все, проходя, плевали в изувеченного мятежника и кидали в него грязью, а вечером подвешенный на вилах, искалеченный Фома наконец мученически испустил дух. Тело его выбросили за городом в яму с отбросами. Причудливая игра жизни великого авантюриста оказалась оборвана, так и не подарив пурпурную мечту – трон.

Несколько отрядов мятежников еще продержались некоторое время во фракийских городках Пании и Ираклии и в малоазийских крепостях Саниане и Кавале, но не смогли устоять перед царскими войсками, и к концу ноября 823 г. последние оплоты бунтовщиков пали. Михаил возвратился в столицу, совершив

пышный вход в Константинополь через Золотые ворота. Были устроены празднества на Ипподроме, причем василевс приказал провести пленных мятежников со связанными за спиной руками, но потом всех отпустил, по сути дела, амнистировал, отправив в ссылку только нескольких архонтов, наиболее отличившихся на службе у Фомы. С затянувшимся бунтом было окончательно покончено.

Восстание под предводительством Фомы Славянина явилось не просто еще одним неудавшимся переворотом, каким ромеев было трудно удивить. Оно оказалось одним из самых крупных народных движений средневековья. Мятеж поделился своим небывалым размахом и высоким уровнем военной организации повстанческой армии. Пестрота социального и этнического состава восставших во многом определила его силу, но стала и слабостью, привела, в конечном счете, к поражению.

Гражданская война, эта великая пожирательница людей, бушевавшая почти три года, негативно сказалась на военной мощи страны. Особенно жестоким ударом стала гибель большей части византийского флота, сожженного и потопленного в боях. Это значительно ослабило столь трудно отстаиваемые позиции Ромейского царства на море, чем не преминули воспользоваться враги. Не случайно, десять – пятнадцать тысяч андалузских (испанских) мусульман-мятежников, изгнанных эмиром Кордовы и ставших промышлять морским разбоем, именно в 823 г. предприняли яростный поход против Крита, причем с использованием «жидкого огня», захватили массу жителей в рабство, а в 826 г. надолго овладели этим богатейшим, стратегически важным островом, основав там на месте ромейского Ираклиона свою столицу-крепость Хандак (Кандия). Тем самым морской торговле ромеев был нанесен жестокий удар, поскольку Крит в дальнейшем превратился в пиратское государство, на полтора столетия став раем для работников.

Летом следующего года аглабиды – африканские арабы-мавры, жившие на территории современного Туниса, воспользовались мятежом заместителя сицилийского стратига – турмарха Евфимия. Этому типу грозило разжалование и положенное по закону усечение носа за то, что он похитил и заставил некую монахиню святотатственно вступить с ним в брак. Он сбежал от ее разгневанных братьев и царского правосудия в северную Африку и там склонил эмира Кайруана организовать нападение на Сицилию и признать его императором. Самозванец вскоре погиб от рук ромеевских послов из Кастоджованни, неожиданно убивших его во время переговоров о сдаче города, но с этой необычной уголовно-романтической истории началась эпоха войн за благодатный богатый остров.

Арабы-аглабиды высадились на Сицилии с большим войском, начав шаг за шагом завоевывать ее, несмотря на отчаянное сопротивление ромеев, нехватку продовольствия и эпидемию чумы. Взяв после одиннадцатимесячной осады крупный сицилийский город Панорм (Палермо) в 831 г., они сделали его новой столицей эмирата. Греческое население бежало в восточную часть острова, источники доходов с которого для византийцев заметно сократились. Со своей новой базы мусульмане совершали рейды на побережье Адриатики, восток и юг Италии, в Апулию и Калабрию, а в крупнейших итальянских портовых городах-крепостях Таренте и Бари основали эмираты. Могущество Ромейского царства в Средиземном море, и, особенно, на Адриатике, было самым серьезным образом подорвано.

Общее положение, ухудшившееся после гражданской войны 820-825 гг., удалось несколько выправить лишь к 840 г., когда Феофилом, последним василевсом – иконоборцем, постоянно заботившемся о государственной безопасности, была удачно проведена военная реформа, которой предшествовали военно-территориальные преобразования, выделение новых фем, главным образом на северном, понтийском побережье Малой Азии и на тесно связанном с ним Крымском полуострове. Погрязшие в раздорах арабы больше не могли, как прежде, выставить единую армию, и теперь ромеям противостояли войска отдельных эмиров, начальствовавших над приграничными крепостями. Мусульмане все больше переходили к обороне. В любом случае иконоборская эпоха прошла для ромеев на редкость бурно. Казалось, будто Господь одновременно и губил, и спасал Империю.

Результаты борьбы

Эпоха иконоборства стала самым ярким и противоречивым периодом в истории византийских «темных веков». С одной стороны, внутренняя смута и распри, вспышки фанатизма и жестокие расправы, насилия над инакомыслящими любого лагеря, опустошительная, кровавая гражданская война. Трудно поверить, что могло быть такое взаимонепонимание между теми, кто подвизался ради одной и той же цели, исповедовал одну веру. Иконоборские императоры стремились подчинить Церковь своей воле, пренебрегали догматическими канонами, шли на установление жесткой диктатуры, вели репрессии внутри страны и непрерывные войны за ее пределами, поначалу не особо заботясь о развитии культуры, образования.

С другой стороны, на это же время приходится развитие эффективного фемного строя, военных структур, разрастание системы провинциальной администрации, блестящие успехи ромейского оружия и самые большие победы над болгарами и арабами. Несколько драматических неудач не пошатнули положения. Невзирая на некоторую формальную децентрализацию, начавшуюся уже с VII в. вследствие развития, эволюции фемного строя, самодержавие все же укреплялось. В Ромейском царстве шел медленный процесс консолидации. Устойчиво держалось сельское хозяйство хоритов, кинонов, еще не познавшее губительного засилья знати. Не замирали торговля, промыслы, мелкая предпринимательская деятельность. После сокращения доходов государства до 15 млн солидов в середине VII в. постепенно наметился их подъем к середине IX в., когда они достигли 30 млн солидов. Василевсу Феофилу даже удалось скопить значительные резервы, достигавшие 7 млн номисм.

Оживилось преследуемое до этого Церковью искусство мимов, театральных актеров. В Константинополе при храме Сорока Мучеников была открыта бесплатная школа довольно высокого уровня, произошли сдвиги в образовании, вновь начавшем процветать. Иконоборские споры вообще стимулировали чтение, копирование и изучение письменных источников, поскольку противоборствующие стороны вынуждены были обращаться к ним в поисках аргументов для полемики. Это стало одной из причин внедрения нового, более прогрессивного вида письма – минускула – скорописи, поскольку иконопочитательская оппозиция нуждалась в своеобразном «самиздате», возможности быстрого копирования текстов и не имела средств для создания дорогих рукописей, написанных тщательным, но не экономным унциалом, похожим на печатные буквы. Сказанное способствовало преодолению начавшегося в VII в. культурного кри-

зиса. Немало этому поспособствовала и филологическая работа при подготовке и проведении церковных Соборов. Вместе с тем возрос интерес к светской культуре и наукам и этот рост продолжался и после Торжества Православия. В IX в. были переписаны многие античные рукописи светского содержания. Насколько проявился интерес к мирскому знанию ярко видно на примере одаренных Ионна Грамматика и его племянника, знаменитого ученого, изобретателя **Льва Математика**, или Льва Философа, представлявших особую, «эллинскую» линию в развитии византийской культуры, отличную от ортодоксально-православной.

Среди византинистов принято считать, что в суровое иконоборское время строили мало. Тем не менее трудно спорить с фактами, которые свидетельствуют, что строительство, частное и общественное, возобновилось, особенно со времен Константина V, и затем все более нарастало.

*К примеру, во время правления василевса Феофила, в 830-е гг. в Константинополе, на территории Большого императорского дворца был воздвигнут великолепный комплекс упорядоченных зданий с золочеными крышами, колоннами, мозаиками, полами из разноцветного полированного мрамора, дверями из полированной меди и серебра. К одному из них примыкала небольшая, но богато отделанная церковь с двумя приделами – в честь Богоматери и победителя дьявола, **архангела** Михаила. Одновременно с большим размахом были начаты работы по разбивке новых дворцовых террас и садов, устройству цистерн для воды. Самым чудесным и удивительным среди дворцового ансамбля по праву считался Мистирий – зал, имевший изумительную акустику. «Подобно звучащей пещере, – восхищенно писал Продолжатель Феофана, – он возвращает слушающим звук той же силы». Все, что говорилось шепотом у стены одной конхи было прекрасно слышно человеку, приложившему ухо к противоположной стене. Видимо, такой эффект чуда достигался с помощью особых акустических приспособлений. Некоторые постройки дворцового комплекса были украшены пышными, полными неги росписями в восточном духе и получили соответствующие названия – Зал любви, Опочивальня гармонии, Жемчужный триклиний.*

*Арабское влияние также вызвало моду на часовые механизмы, которые византийцы научились виртуозно делать к концу «темных веков». Призванные вызвать трепет ужаса и восторг механические, пневматические чудеса в виде рыкающих и бьющих хвостами необыкновенной величины позолоченных львов рядом со стремительно поднимавшимся ввысь царским тронном **Магнавры**, позолоченный платан с выводящими разные мелодии позолоченными, украшенными драгоценными камнями птицами были плодом труда византийских ювелиров и прославленного ученого, советника Феофила Льва Математика, некоторое время преподававшего в школе при храме Сорока Мучеников и ненадолго ставшего иконоборским архиепископом Фессалоники*

Этому редкостному мудрецу принадлежала также наладка очень важного «огненного телеграфа», в который входили неугасимый огонь мощной константинопольской приморской башни-маяка Фарос и располагавшаяся против него сигнальная площадка на вершине горы Св. Авксентия (нынешняя Каишдаг) на азиатской стороне Босфора. С помощью этой сигнальной системы протяженностью 1 200 км в столицу Ромейского царства за час попадали сведения с отдаленной юго-восточной границы Малой Азии, от

важного в стратегическом плане византийского кастрона Лула недалеко от киликийского **Тарса**. Именно здесь находился единственный проход – «Киликийские ворота», ведущий вдоль известнякового массива Тавра. Это система синхронизированной по времени визуальной связи из нескольких промежуточных станций с сигнальными кострами на холмах, которая наискось проходила через плоскогорья всего малоазийского полуострова, была крайне важна для своевременного оповещения о грозящей опасности. Часы в крепости близ Тарса и во дворце были синхронизированы. На них под каждым часом были написаны события, случающиеся в Сирии: под первым часом – набег арабов, под вторым – сражение, под третьим – пожар и так далее. «Если что-либо происходило в Сирии, – пишет хронист, – то зажигался огонь в тот час, под которым этот случай был записан».

Знаменитый предупреждавший о беде Золотой Петушок, позаимствованный из арабских сказок, видимо, явился откликом на эти два слившихся воедино легендарных византийских изобретения – поющих золотых птиц царского трона и оптической сигнальной системы Льва Математика.

О высоком мастерстве свидетельствуют галереи и верхняя часть восстановленной после землетрясения 740 г. древней столичной базилики Св. Ирины, преобразованной в крестово-купольный храм с огромным центральным куполом диаметром 15,5 метра. Дошли до нас и величественные, заново отделанные в 838 г. бронзой и украшенные крестами в рамах из орнаментов двери для соседнего со Св. Ириной храма Св. Софии.

С учетом печального опыта арабских морских осад были полностью обновлены оборонительные морские стены и башни Константинополя. Новые постройки украшали крестами с монограммой «Иисус Христос побеждает» и надписями из букв залитых свинцом, сообщавших, что они воздвигнуты благочестивым самодержцем, верным во Христе великим василевсом Феофилом, призывавшим Господа сделать их «до скончания веков неколебными, несотрясаемыми».

Впрочем, строительство велось не только в сердце Ромейского царства, но и в провинциях. Судя по письменным источникам, эпиграфическим памятникам, в целом ряде городов, особенно на западе Малой Азии, в Каппадокии и на Балканах, по инициативе местной знати возводились оборонительные стены, башни, общественные здания, храмы, новые дома.

Животрепещущим нервом движения был вопрос о взаимоотношении духовной и светской власти в Византии. Василевсы-иконоборцы упрямо стремились изменить традиционные христианские представления, подчинить Церковь и особенно монашество своей воле, вмешивались в определения церковных догматов, шли на установление жесткой диктатуры. Они не тронули церковные поместья, но покусились на церковные имущества, секвестировали некоторые монастырские владения, что позволило несколько укрепить экономические позиции царской власти. В частности, за счет конфискаций этих богатств удалось снизить дефицит драгоценных металлов, столь нужных в условиях войн и уплаты дани мусульманам.

Если в конце VII в. византийский император называл себя «рабом Христа» и впервые приказал чеканить изображение Спасителя на реверсе монет, то в VIII в. положение изменилось: царь подчеркивает не свою подчиненность

Богу, а свою власть над Церковью. Стремление василевса поставить себя выше Патриарха отчетливо прослеживается в процессе избрания нового главы Церкви. После смерти Патриарха царь объявлял митрополитам, что они должны выбрать трех достойных кандидатов. Митрополиты после совещания в Айя Софии общались о принятии решения василевсу, и он приказывал им явиться во дворец. Встав перед царем, они подавали ему список избранных. Одного из этих кандидатов василевс утверждал на пост, выбирая желательного для себя, после чего представлял нового Патриарха собравшемуся во дворце духовенству. Во время приема Патриарх сидел по левую руку от царя, но кресло его стояло ниже. Когда в палату входили митрополиты и синклит, они падали ниц, после чего их по очереди подводили к царю и они целовали его колени и руки.

С помощью политики иконоборства императоры боролись и со светской знатью, во всяком случае, с той частью аристократии, которая противилась их власти. Таким образом, в конфликт оказались вовлечены все слои ромейского общества, но особенно духовенство, наиболее активная часть монашества, а также военная и гражданская верхушка. Нередко столичная и провинциальная знать использовала споры об иконах в борьбе против своих соперников, ярким примером чему может служить восстание под предводительством Фомы Славянина.

Выступление монашества против официальной церковной политики вызывало вмешательство Папы римского. Подобные ситуации были в этот период при Патриархах Тарасии (784-806 гг.) и Никифоре I (806-815 гг.). Они приводили к тому, что Папа официально осуждал Патриарха или наоборот. В целом, иконоборство ухудшило отношения с папским Римом, хотя и без него Италия шла к отделению от Империи. Зато оно позволило оспорить универсализм Римской Церкви, а государству укрепить позиции центральной власти, царя, воспользоваться церковными материальными богатствами для укрепления армии, флота, поднятия обороноспособности страны, что помогло выдержать схватку с арабским Халифатом, болгарами и склонить чашу весов судьбы в пользу византийцев.

Уже к концу VIII в. основные цели государственной политики иконоборства были достигнуты: крайностей в почитании икон стало гораздо меньше, материальное положение оппозиционного духовенства подорвано, сокровища и часть имущества церквей и монастырей конфискованы, многие иконы и мощи, служившие объектом поклонения, а значит, и влияния, заброшены, уничтожены, некоторые монастыри вообще закрыты, ряды монашества сокращены. Главное – подверглись разгрому крупные центры сепаратизма (особенно в Малой Азии). Василевс отстоял свои позиции иерея, признанного главы Церкви. Монашество не сумело добиться верховенства, угрожающе росший поток уходивших в монастыри людей был остановлен и перенаправлен на интересы обороны страны. Была решена и вторая важная задача иконоборства – фемная знать, разросшаяся в результате продолжавшегося процесса децентрализации власти и провинциализации административного управления, все же всецело подчинилась престолу. «Бюрократы» и «полководцы» сплотились вокруг императорского трона. В подтверждение этому улучшились государственные дела, стабилизировалось финансовое положение, расцвело образование, искусство, развилась вера, утраченные провинции были завоеваны вновь, на границах наступил покой.

Тем не менее победа иконопочитателей способствовала деморализации белого духовенства и стала в основном все же монашеской победой. После Торжества

Православия монахи начинают вновь богатеть, становятся более независимыми и более многочисленными, особенно в городах. Кроме того, они все больше вмешиваются в вопросы этики. Из их среды все чаще и чаще происходят Патриархи, которые разными способами оказывают влияние на имперскую политику. 843 г. положил конец стремлениям византийских царей единовластно распоряжаться делами Церкви. Восторжествовала точка зрения Феодора Студита. Иноки и их обители смогли сохранить центральную роль в культурно-идеологической жизни ромейского мира. Спрос на иконы, а значит, и доходы монастырей от их производства резко подскочили. Искусство иконописи и его канонические правила вскоре возродились в прежнем объеме. Раз принятое и тем более оправданное догматически, иконопочитание уже не могло исчезнуть. Самое главное – эпохе великих веручительных споров ромеев пришел конец, а использование икон с той поры стало определяющей чертой православной церковной среды и богослужебной практики православных верующих, то есть одной из важнейших составляющих наследия Византии.

?

1. Охарактеризуйте внешнеполитическое положение Ромейского царства в период правления первых василевсов Исаурийской династии.
2. Как вы думаете, почему хазары не стали захватывать территорию Крымского полуострова и уничтожать там византийские владения?
3. Вспомните, кто из византийских правителей, кроме Льва Хазара, имел смешанную хазарскую и ромейскую царскую кровь?
4. Какие централизаторские мероприятия по укреплению царской власти и государства провели Лев III Исавр и его сын Константин?
5. Можно ли было заранее предвидеть иконоборство в Византии?
6. Какие религии и воззрения повлияли на враждебное отношение к иконам?
7. Какими доводами пользовались в религиозных спорах иконоборцы, а какими – иконопочитатели? Какие из них представляются вам наиболее весомыми?
8. Каковы были политические и экономические цели василевсов – иконоборцев? На кого они опирались, кто им противостоял?
9. Как вы думаете, почему монашество особенно рьяно выступало против иконоборства?
10. В чем видятся сходство и различия первого и второго этапа иконоборства?
11. Почему иконопочитание не удалось восстановить с одной попытки?
12. Попробуйте сформулировать основные причины восстановления иконопочитания?
13. Чем были события 820-825 гг. – восстанием или обычным мятежом, переворотом с целью узурпации трона? Аргументируйте свое мнение.
14. Каковы причины и последствия действий Фомы Славянина? Что они принесли ромеям?
15. Каковы итоги иконоборства? Что удалось достичь иконоборцам и как это отразилось на положении страны?
16. Какие изменения принесло иконоборство в византийское искусство?
17. Сравните размеры доходов византийского государства с VI до IX вв. Как они менялись? Найдите этому объяснение.

18. Представьте, что вы живете в период иконоборства. К какой бы группе вы примкнули — к иконодулам или к иконокластам? Почему? Что бы вы попытались предпринять, чтобы примирить враждующие партии?
19. Как могла бы измениться история Ближнего Востока, если бы иконоборцы кардинально одолели иконопочитателей?

Внимание, источник!

Из «Краткой истории» Никифора, Патриарха Константинопольского (806-814 гг.), о преследовании иконопочитателей при Льве III Исавре (717-741 гг.)

Говорят, что василевс (Лев III), услышав о землетрясении и извержении вулкана на одном из островов недалеко от Крита¹, счел это свидетельством Божьего гнева и старался угадать, какова же причина этого. Поэтому—то он и восстал против благочестия и святых икон, замышляя их низвержение, ибо полагал по невежеству, что будто бы от водружения икон и от поклонения им произошло страшное знамение. И начал он учить народ собственным догматам. Многие, впрочем, горько оплакивали оскорбление Церкви. Именно поэтому жители Эллады и Кикладских островов, отвергая неблагочестие, ополчились на василевса. Сбрав многочисленный флот, они поставили над собою императором некоего человека по имени Косма и прибыли к царственному городу². Жители Города, сразившись с ними, подожгли многие из кораблей вокруг Космы. Видя поражение, [мятежники] побежали к [своему] императору. Один из его архонтов, по имени Агаллиан, увидев это и отчаявшись в собственном спасении, предал себя вместе с войском [морской] пучине. Косма же и другой [мятежник], Стефан, были схвачены и обезглавлены...

[...] василевс (Лев III) собрал вокруг своего дворца огромную толпу из жителей Города, позвал тогдашнего архиерея Константинополя, [Патриарха] Германа³, и принуждал его подписать [документ] о низвержении святых икон. Тот же отказался и сложил священство, говоря: «Без Вселенского собора я не излагаю веру письменно». Уйдя затем в свой отеческий дом, он завершил путь своей брэнной жизни. После него рукоположили в архиереи Анастасия, бывшего клириком Великой церкви (Св. Софии)⁴. Многие благочестивые не присоединились к императорским догматам, претерпели от этого [Патриарха] величайшие кары и бесчестия.

Из Актов иконоборского Иерийского собора 754 г.

Нечестивое учреждение лжеименных икон не имеет для себя основания ни в Христовом, ни в апостольском, ни в отеческом *предании*; нет также и священной молитвы, освящающей их, чтобы сделать их из обыкновенных предметов святыми; но постоянно остаются они вещами обыкновенными, не имеющими никакого особенного значения, кроме того, какое сообщил им живописец.

Итак, мы взяли свидетельства из [Священного] Писания и деяний Отцов Церкви и объединили их в настоящем нашем определении, выбрав, так сказать, из многого не-

¹ Остров Санторин.

² Константинополю.

³ Герман I (715-730 гг.).

⁴ Анастасий (739-754 гг.).

многое, чтобы не растягивать своей речи. Итак [...] все мы, облеченные саном священства [...] пришли к одному убеждению и единодушно определяем, что всякая икона, сделанная из какого угодно вещества, а равно и писанная красками при помощи нечестивого искусства живописцев, должна быть низвергаема из христианских церквей.

Никакой человек да не дерзает заниматься таким нечестивым и неприличным делом. Если же кто-либо с этого времени дерзнет написать икону и поклоняться ей или поставить ее в церкви, или в собственном доме, или же скрывать ее, такой если будет епископ, или пресвитер, или диакон, то да будет низложен, а если монах или мирянин, то да будет предан анафеме¹, и да будет он виновен и пред императорскими законами, так как он противник Божьих распоряжений и враг отеческих догматов.

Определяем также и то, чтобы ни один человек, будучи настоятелем церкви или хозяином дома, под предлогом ослабления такого заблуждения относительно икон, не налагал рук своих на посвященные Богу сосуды с целью дать им другое – не идольское – назначение. А также и на одежды и на другие покровы, или на что-либо другое, посвященное на служение Богу, под предлогом дать всему этому полезное назначение.

Равным образом определяем, чтобы никакой человек из начальствующих или подчиненных им, или же из мирского чина не налагал под тем же предлогом руки свои на божественные храмы и не поработал их, как это сделано было некоторыми бесчинно поступающими.

Из «Хронографии» Феофана (814-818 гг.) о преследованиях иконопочитателей в правление василевса Константина V (741-775 гг.)

[...] 21 августа того же четвертого индиктиона (757 г.) на Ипподроме выставил он (Константин V) на посмеяние и на бесчестие образ монахов, приказал каждому из них вести за руку женщину и таким образом явиться на Ипподром, а между тем весь народ плевал на них и делал над ними все ругательства. 25 числа приведены были на Ипподром знаменитые сановники числом девятнадцать и представлены для зрелища, как злоумышленники против царского величества. Это не правда была. Их подстерегла зависть как мужей благовидных, сильных и всеми прославляемых. Иных из них убил (Константин V) за благочестие их, за то, что посещали отшельника и прославляли его страдания [...].

Из Жития Стефана Нового – одного из самых активных монахов-пропагандистов иконопочитания, в 766 г. брошенного в дворцовую тюрьму

(Василевс Константин V), сидя на балконе, который зовется Фарос², в окружении всего двух придворных, велел, чтобы святой предстал перед ним. Он же попросил у товарищей монету и спрятал ее в своем капюшоне. Тиран воскликнул: «О презренный, неужели мы, попирая иконы, попрали тем самым и Христа?». А премудрый Стефан запустил руку в капюшон, вытащил монету, имевшую изображение богоборца³, и сказал: «А если кто-нибудь бросит вот это на землю и станет топтать, понесет ли он наказание?». «Разумеется, – ответили они, – ведь он попрали бы образ царя». «Так какого же наказания заслуживает тот, кто

¹ Церковному проклятию.

² Иконопочитатель Стефан Диакон, автор Жития, составленного в 816 г., имеет в виду террасу-площадку рядом с *церковью Богородицы Фара*, входившую в южную, приморскую часть Большого императорского дворца.

³ Константина V. Так императора называли преследуемые им иконопочитатели.

попирает образ Сына Божия?» – воскликнул святой и, немедленно бросив монету оземь, наступил на нее. Присутствующие накинудились на Стефана, как звери, собираясь скинуть его в море, – подхалимство никогда не знает меры, – но царь остановил их.

Из постановлений Седьмого Вселенского собора в Никеи (787 г.)

Кроме досточтимого и живоносного креста должно помещать святые иконы, будут ли они в красках, из мозаики или из другого материала, в священных храмах Божиих, на освященных сосудах и облачениях, на стенах и досках, в домах и на улицах. Иконы, то есть изображения нашего Бога и Спасителя Иисуса Христа, пречистой Матери Божией, высокочтимых ангелов и всех святых должны содержаться как святые воспоминания; должно их почитать и ценить, однако не воздавая им поклонения, которое приличествует одному невидимому, непостижимому Богу. Все, кто этому древнему преданию Церкви противодействует и стараются силою или хитростью снять какую-либо икону, должны быть отлучены¹.

[...] Мы все верим, все утверждаем и подписываем это. Это есть вера апостолов, вера Церкви, вера православных, вера всего мира. Мы поклоняемся Святой Троице, почитаем иконы. Кто этого не делает, то да будет отлучен. Отлучен каждый, кто называет икону идолами. Отлучены все, кто имеет общение с непочитающими икон. Вечная слава православному римлянам, Иоанну Дамаскину. Вечная слава [Папе] Григорию в Риме². Вечная слава всем проповедникам истины.

Из «Хронографии» Феофана (814-818 гг.) о реформах василевса Никифора I Геника (802-811 гг.)

802 г. от Р.Х. В сем году Никифор, продолжая безбожные казни и желая совершенно унижить войско, приказал сделать христианские поселения из каждого легиона в Славянской земле, имения же сих переселенцев продать. Тогда представился совершенный вид пленения: многие в отчуждение ума изрыгали богохулия и желали нашествия врагов, иные плакали над гробами родителей и завидовали умершим, некоторые для избавления от бедствий повесились. Никто не мог сносить настоящего порядка вещей, но он был неизменяем. Хотя все видели истребление стяжаний своих, приобретенных родительскими трудами, отчаяние овладело всеми: бедные пришли в отчаяние от сих бедствий и от тех, о которых будет сказано; богатые сострадали им, но не могли помочь и сами ожидали еще горших бед; это возымело начало свое от сентября месяца и приведено к окончанию к Святой Пасхе. После того *второе стеснение*: он (Никифор) приказал бедным записываться в военную службу, вооружаться за счет окрестных жителей, которые притом должны вносить в казну восемнадцать монет и подати платить одним за других. *Третье притеснение*: надзирать за всеми, и взымать подати по имению и сверх того, платить за бумагу два кератия. *Четвертое притеснение*: приказать уничтожить все льготы. *Пятое*: с первого года своего царствования востребовать пошрины за дым с жителей благотворительных домов, сиротопитательного, странноприимного, приюта для старости, церквей и монастырей, излишние имения взять в царскую опеку, а подати за них возложить на оставшихся в тех богоугодных заведениях и прилежащих жителей; таким образом пода-

¹ Отлучение – исключение их церковного общества.

² Имеется в виду Папа Григорий II (715-731 гг.), первым мз Пап выступивший против иконоборства.

ти от многих предметов удвоились, а жилища и помещения стеснены. *Шестое*: чтобы военачальники наблюдали за теми, как из бедности вдруг обогащались, и требовали бы деньги, как от открывателей сокровищ. *Седьмое*: от тех, кои за двадцать лет до сего времени нашли или бочку, или какой-либо сосуд [с сокровищем], также требовать деньги. *Восьмое*: получившие наследство от дедов или родителей, считая также за двадцать лет, должны платить в казну, хотя бы они уже обеднели; живущим за Авидосом приказал платить с каждого живущего по две монеты, особенно с двенадцатиостровии¹. *Девятое*: жители приморские, особенно начальники кораблей из Малой Азии, которые никогда не занимались земледелием, против воли своей должны были покупать похищенные им земли и платить за них наложенную им цену. *Десятое*: собрав знатнейших судовладельцев в Константинополе, раздал им по двенадцать литр золота в рост с монеты один тетраерат, притом чтобы они платили обыкновенные пошлины с торговли.

Из письма василевса Михаила II Травла (820-829 гг.) к императору франков Людовику Благочестивому относительно заблуждений в поклонении иконам

Многие из церковных людей и мирян отверглись апостольских преданий и отеческих постановлений, сделались виновниками злых новшеств: изгнали честные и животворящие кресты из святых храмов и на их место поставили иконы с возженными перед ними свечами и стали оказывать им такое же поклонение, как Честному и Животворящему Древу, пением псалмов и молитв просили у икон помощи, многие возлагали на эти иконы полотенца и делали из икон восприемников своих детей при Святом Крещении. Желая принять монашеский чин, многие предпочитали отдавать свои волосы не духовным лицам, как это было в обычае, а складывать при иконах. Некоторые из священников и клириков скоблят краски с икон, смешивают их с Причастием и дают эту смесь желающим вместо Причащения. Другие возлагали Тело Христово² на образа и отсюда приобщались Святых Таинств. Некоторые, презрев храмы Божии, устраивали в частных домах алтари из икон и на них совершали священные Таинства и многое другое непозволительное и противное нашей вере допускали в церквах. Чтобы устранить эти заблуждения, православные императоры составили Поместный собор³, на котором определено было снять иконы с низких мест в храмах и оставить те, которые были на высоких местах, дабы невежественные и слабые люди не воздавали им божеского поклонения и не зажигали перед ними свечей. Это постановление мы доселе соблюдаем, отлучая от Церкви тех, которые оказывают приверженность к подобным новшествам.

«Книга царств» историка Генесия (середина X в.) о восстании Фомы Славянина

Когда Фома узнал, что Михаил стал василевсом⁴, он, говорят, быстро набрал множество людей с целью поднятия мятежа против него. Ибо уже с начала они расходились друг с другом кардинальным образом. Михаил, являвшийся стратигом всего восточного войска, был не хуже [Фомы], но имел недостатком то, что был по происхождению из

¹ Острова Эгейского моря.

² Освященный хлеб, частицы просфоры, используемой при Святом Причащении.

³ Иконоборский собор 815 г.

⁴ Михаил II Травл (820-829 гг.) стал царем сразу после убийства Льва V Армянина заговорщиками в ночь на 25 декабря 820 г.

области, вскормившей множество афинганов¹, как кажется, а также и потому, что был косноязычен и считался недостаточно храбрым. Фома же был любим всеми вследствие того, что не уступал ни в мужестве, ни в учтивости и обходительности, ни в лучших качествах Льву², хотя и был по происхождению из скифского рода, был уже старцем и имел искаленную ногу. И он захватил сборщиков, взыскивающих государственные налоги, предписав отобрать у них все денежные сборы, чтобы разделить среди народа и собрать боеспособную армию против Михаила. И никто не оставался не вовлеченным ни с востока, ни с запада, ни из чужеземных племен, ни из местных, ни из соседских, ни из тех, кто имел рабский удел и ненавидел господ, ни из целых народностей, которые в разное время вливались и следовали за ним, как за новым Ксерксом, явившимся среди единоверцев, одни по земле, другие по морю. Так что затем и все фемы вместе со стратигами решили присоединиться к нему [...]. И настолько увеличилась масса шедших против своих соплеменников, что сарацины осмелились безнаказанно грабить все острова и земли и захватили бы их полностью, если бы затем Фома их не забрал обратно, благодаря своей большой славе, без сопротивления. Потому что он сделал попытку войти с сарацинами в сношение таким образом, что он их сумел так хитро обойти; они удовлетворились, пораженные его огромной силой. И он послал к ним с предложением мира или, лучше, союза, если они будут стоять за повстанцев против императора. И так он заключил союз с агарянами³, с ведома их начальника, и был венчан на царство Антиохийским патриархом Иовом, затем с индами, египтянами, ассириянами, мидянами [...] и другими всякими народами, образовал всеобщую армию и стал господином всего Востока; и, наконец, приблизился к областям Фракии, намереваясь захватить путем осады Византию, имея хорошо вооруженных всадников и пеших камнеметов, так же как и пращников и легковооруженных пехотинцев неизмеримой силы, да еще и осадные машины и немалое число технических средств. И еще, так как многократные безуспешные атаки его против стен со стороны материка были отбиты, так как против них устремился сын василевса Феофил⁴ и сильно разбил их, но затем подошел и сам отец его Михаил и напал на противников.

Поэтому Фома, неспособный сравниться здесь, вступил в морской бой, выдвинув большое скопление небольших судов, но и здесь в равной степени потерпел неудачу. Они были уничтожены военным огнем⁵. [...] В течение трех лет этот несчастный (Фома) продолжал мятеж.

Продолжатель Феофана (середина X в.) о восстановлении иконопочитания императрицей Феодорой в 843 г.

4. Смотри, как сия благородная жена, не враг, а истинно помощница мужу⁶, собрала вместе православных, какие только были на земле, предоставила им право свободной речи и сказала: «О отцы и клир Божий, с великой благосклонностью дарую я вам восстановление всечтимых и святых икон, соблаговолите же и вы по-справедливости воздать благодарность своей госпоже [...]. А прошу я для своего мужа и царя от Бога прощения,

¹ Секта, близкая к еретикам – павликианам и иудеям.

² Василевс Лев V Армянин (813-820 гг.).

³ Агаряне, то есть сыновья библейской Агари; арабы, мусульмане.

⁴ Сын Михаила II, будущий император Феофил (829-842 гг.).

⁵ Имеется в виду «жидкий» или «греческий огонь».

⁶ Имеется в виду василевс Феофил (829-842 гг.) – ярый иконоборец.

милости и забвения греха. Если же этого не случится, не будет ни моего с вами согласия, ни почитания и провозглашения святых икон и не получите вы Церковь».

6 [...] Они выслушали ее речь и, что нрав августы (как никто другая была она христолюбива), а также жажда ввести поклонение святым иконам, общим приговором и мнением ответили, что, если все так и есть, найдет он прощение у Бога, и дали в том письменное удостоверение госпоже. Получив Церковь, она отдала святейшему Мефодию¹ чин первосвященника и в первое воскресение святого поста² вместе с самой госпожой совершили всенощное песнопение в святом храме всесвятой Богородицы во Влахернах, а утром с молениями отправились в Великий храм Слова Божия (Св. Софию). И восстановила Церковь свою красу, ибо вновь стали непорочно совершаться Святые Таинства. И расцвела Православная Церковь и возобновилась подобно орлу, согласно Писанию, а все еретики во всей вселенной подверглись унижению с ересиархом³.

?

1. Насколько правдоподобными вам кажется объяснение Патриарха Никифора о причинах иконоборства при василевсе Льве III?
2. Чем объяснить, почему Иерийский собор, борясь с почитанием икон, не позволял использовать церковные здания и утварь не по назначению?
3. Каким образом Константин V, согласно свидетельствам Феофана, расправлялся со своими оппонентами – иконопочитателями?
4. Что бы вы могли возразить от имени иконоборцев на аргумент в пользу почитания икон, приведенный автором Жития Стефана Нового?
5. Сравните решения Соборов 754 и 787 гг. К каким аргументам относительно икон прибегали участники обоих соборов и в чем они разнятся?
6. На что были направлены реформы Никифора I? Можно ли согласиться с описавшим их Феофаном Исповедником, что они все являлись притеснениями, злодеяниями?
7. Можно ли считать новшествами те отклонения от обычаев почитания икон, о которых писал в своем письме Михаил II? Насколько справедливы упреки и меры василевса?
8. Как вы думаете, почему арабы, согласно Генесию, поддержали Фому Славянина и заключили с ним союз?
9. Каким образом Фома использовал средства, отобранные у сборщиков налогов? Дайте источниковедческую оценку имеющимся у Генесия сведениям.
10. Как вы думаете, почему повстанцы, имея немалые силы, потерпели поражение у стен Константинополя?
11. Как, согласно Продолжателю Феофана, произошло восстановление иконопочитания и почему? Какую роль в этом сыграла царица Феодора?

¹ Мефодий I – Патриарх Константинопольский (843-847 гг.).

² 4 марта.

³ Ересиарх – буквально – глава еретического движения.

§ 10. Битва Бога и дьявола. Ереси и миссионерство в VIII-IX вв.

«Темные века» были наполнены ожесточенными религиозными спорами, которые то и дело выливались в ереси. Случалось, что еретики, сопротивляясь официальным властям и Церкви, брались за оружие, хотя для них это было не характерно. Материальное зло, полагали верующие ромей, неустранимо с помощью материальных средств. Гораздо правильнее было положиться на Бога. Вера должна была сама подсказать путь к спасению, избавлению от греха. Отчасти этим объясняется та смущающая историков, на первый взгляд, странная не настойчивость усилий официального ромейского общества по организации миссионерской деятельности среди язычников и неверных. Византийцы с большим снобизмом относились к варварам, инородцам-эфникам, их проповедники редко шли в иные страны. Тем не менее попытки миссионерских предприятий, особенно в отношении Хазарии, Моравы, Болгарии, Сербии, Венгрии, Руси предпринимались, тем более, что их правители зачастую стали сами стремиться привести свои народы в сообщество христианских государств.

«Республика» еретиков Наиболее широкое распространение в пределах Ромейского царства, особенно в Малой Азии, получило протестное, антицерковное движение *павликиан*.

Павликианство возникло в VII в., если не ранее, в Армении или в Сирии как в основе своей безвредная христианская секта, многое почерпнувшая из идей пророка, перса Мани (ок. 216-276 гг.), заложившего основы так называемого манихейства — очень сложного, синкретичного, близкого к *гностикам*, мудрствующего учения о борьбе доброго и злого начал над миром и людьми. Но название свое павликиане получили от человека по имени Павел Самосатский, сына манихейки, который утверждал, что Бог создал только небеса и их обитателей, а дьявол — человека и земной мир. По его мнению, Христос был праведником и сыном простой женщины, который стал Сыном Божиим лишь после своей мученической смерти. Господь послал Его в мир, чтобы смело бороться со злом. Сторонники учения Павла отказывали в почитании Деве Марии, пророкам и святым, а в качестве священных книг признавали только Евангелия Нового Завета, причем не все, и отрицали «басни» *Ветхого Завета*, первой части Библии.

Павликиане, для которых была характерна глубокая набожность и строгая дисциплина, не признавали икон, венчания, христианских Таинств Крещения и Причастия. Они не считали крест святым, а, напротив, видели в нем символ проклятия, ибо на нем был распят Иисус. С их точки зрения монашество и монастыри были «порождением дьявола». Церковь, служившая опорой государству, тоже расценивалась ими как служительница сатаны. Некоторые дошли до того, что видели в сатане старшего Сына Бога.

Многих павликиан отличали религиозная экзальтация, граничащая с мистическим экстазом, жажда мученичества, страстный протест против погрязших в пороках земных правителей, бунтарский дух, соединенный с бескомпромиссным аскетизмом. Следует особо подчеркнуть, что павликиан-

ство не было пассивным учением, как большинство других ересей. Оно не просто призывало к бегству от мира зла и к полному отказу от земных радостей, но обязывало своих последователей принимать активное участие в борьбе с сатаной и ускорять победу над ним. Это учение, с отрицанием порочных земных порядков, в целом несло заряд оптимизма, светлую веру в конечную победу добра над жестоким миром зла. Оно быстро обрело сторонников.

В павликианстве нашли отражение взгляды, надежды и чаяния свободного крестьянства, его общинный дух. Уважение к труду, признание его обязательности¹, призыв к скромной трудовой жизни и презрение к богатству, идеи взаимопомощи пользовались широкой популярностью среди деревенских масс и находили отклик у простых горожан, мелких торговцев, ремесленников. Идеи всеобщего равенства выражались в признании павликианами небывалого – равенства между мужчиной и женщиной.

Павликиане отрицали существование церковной иерархии, вообще духовенства как особого сословия, клира, церковные обряды. Их духовными наставниками становились проповедники, которые своим примером воздержания и строгого соблюдения всех идей и требований учения завоевывали уважение и авторитет среди единоверцев.

Близость идей павликиан и иконоборцев объясняет, почему при василевсах – иконоборцах отношение к павликианам в Ромейском царстве было вполне терпимое. В них видели союзников и не подвергали преследованиям как еретиков. Смерть последнего царственного иконоборца – василевса Феофила покончила с этим благодушием.

843 г. стал не только годом восстановления иконопочитания – Торжества Православия, но и началом грандиозных репрессий против павликиан, что стало политическим просчетом правительства царицы Феодоры, в дальнейшем дорого обошедшимся Империи. В области поселений павликиан на востоке страны, где усиленно распространялись слухи, что в Ромейском царстве «возобновилось идолопоклонство», а «женщина и евнухи взяли власть», были организованы карательные «крестовые походы», когда во имя торжества христианства оказалось истреблено до ста тысяч еретиков. С неслыханной жестокостью их резали, вешали, топили, распинали на деревянных столбах. Все их имущество и земли под чистую были конфискованы государством. Уцелевшие в этой бойне, изгнанные основали свой город **Тефрику** (Карта 4).

Эта крепость на восточной границе Византии превратилась в столицу сторонников учения Павла. Там они создали своеобразную колонию, павликианскую «республику», основанную на самоуправлении религиозно-территориальных общин, выдвинули талантливых руководителей и полководцев, убежденных павликиан, – Карвея, бывшего протомандатора, то есть адъютанта стратига фемы Анатолик, и Хрисохира, «отличного мужеством и умом». Было также создано фанатично преданное учению павликиан войско, которое теперь, вместо того, чтобы стать мощным бастионом на пути арабов, само принимало участие в грабительских мусульманских набегах на ромейские земли. Пленных, которых захватывали, павликиане частично оставляли себе, а частично продавали ара-

¹ «Если, кто не хочет трудиться, – то и не ешь!» (по заповеди апостола Павла).

бам, причиняя бывшим согражданам не меньше вреда, чем мусульмане. Кровно заинтересованные в ослаблении Ромейского царства, арабские халифы и эмиры, особенно мощный эмир Малатен – бывшей византийской *Мелитины*, всячески покровительствовали павликианам, принимали их как переселенцев, поставляли им оружие, съестные припасы и оказывали всяческую помощь.

Со временем еретики настолько утвердились в восточных областях Романии, что дошли в своих походах до Анкиры, а после взятия богатого Эфеса с его крупным торговым центром и ежегодной ярмаркой-панигиром даже предлагали василевсу Василию I Македонянину (867-886 гг.) отказаться от Малой Азии, то есть поделиться государством. Стремясь добиться этого, они вступили в крайне опасные для Ромейского царства переговоры с болгарами о совместных действиях против общего врага.

Только в результате целого ряда изнурительных походов и кровопролитных сражений императорской армии удалось сломить ожесточенное сопротивление приверженцев апостола Павла, покончив с их независимостью. В 872 г. армия павликиан была окончательно разгромлена византийским главнокомандующим, зятем василевса Василия Македонянина, domestikом схол Христофором, и в панике бежала. Пытавшийся спастись, Хрисохир был убит и ограблен собственными телохранителями. Теперь царь смог удовлетворить свою неумную жажду мести, лично расстреливая из лука выставленную на столичном Ипподроме голову заклятого врага. Тефрика сдалась и в довершение бедствий оказалась разрушена сильным землетрясением. Тысячи уцелевших павликиан, не пожелавших отречься от учения, заплатились жизнью, были истреблены физически.

Тем не менее павликианство не было полностью уничтожено. Вместе с беженцами и принудительно переселенными оно широко распространилось на Балканах и позже слилось с движением *богомиллов*, схожим по своим идеям отказом от религиозных обрядов и от церковной иерархии, перекинулось на юг Франции, где дало ростки ереси катаров (по-гречески «чистых», «совершенных») или *альбигойцев* – учению, которое к XIII в. по степени своей популярности будет конкурировать с христианством. Битва Бога и дьявола продолжалась.

Болгария и ее Крещение

В далеком 679 г. хан Аспарух, один из сыновей прославленного Куврата, предводитель тюркского племени булгар, прогнанного с их пастбищ на Волге пришедшими с востока хазарами, совершил грандиозный тысячекилометровый переход через степи северного Причерноморья и появился в землях, примыкавших к устью Дуная, – Оггосе византийских авторов.

Покорно попросив у ромеев разрешения поселиться здесь, он его не получил. Тогда, наголову разгромив неудачно пытавшуюся преградить путь византийскую армию Константина IV, которую не спасла поддержка патрулировавшего Дунай имперского флота, он в скором времени объединил приднубайских славян, обосновавшихся между рекой и горной цепью Балкан, и создал могущественное государство, так называемое Первое Болгарское царство с центром в городе Плиске.

Долгое время существовавший главный естественный рубеж Ромейского царства по Дунаю перестал быть незыблемым. Тем самым процесс восстановления власти Византии в важнейшей для нее области – на Балканах был подорван, и отныне она должна была делить полуостров с болгарами, на три столетия став-

ших постоянной и очень близкой, серьезной угрозой для византийской Фракии и самого Константинополя. Ассимилировавшись в языковом отношении с жившим здесь славянским большинством, прежние тюркоязычные болгары образовали средневековых и современных болгар. Несмотря на периодические военные столкновения, борьбу из-за границ, за возвращение «отеческих земель», соседство с развитым Ромейским царством благоприятствовало налаживанию хозяйственных и культурных связей между двумя государствами. Разность верований – язычества у болгар и христианства у византийцев – не мешала им обмениваться посольствами, заключать военные и торговые договоры, ездить по делам друг к другу.

Так, с 718 г. начал действовать договор, заключенный ранее василевсом Феоодосием III и Патриархом Германом с болгарским «владельцем» Кермесием (Кормисошем). Он предусматривал приход болгар с их товарами в Константинополь и Фессалонику, куда они могли попасть при наличии соответствующих письменных разрешений, своеобразных паспортов с печатями – сфрагидиев и сигиллиев, выдававшихся властями с обеих сторон. Как верно отметил крупнейший отечественный византист Ф. И. Успенский, это были уже отношения «культурных наций». Видеть в этом выгоду только для болгарских властей невозможно, так как контроль был обоюдным: ему подвергались все ромеи, приходившие к болгарам, но и болгары не могли его избежать.

Вся вторая половина VIII – начала IX вв. прошли в огне византийско-болгарских войн, в ходе которых болгары оказали мужественное и упорное сопротивление ромеям, в ряде кампаний проникавших со своими войсками и громадным флотом на славянские и болгарские территории. Ромеи упрямо восстанавливали здесь свои административные структуры, укрепляли фемы Эллада и Фракия, давили поддерживаемые болгарами славянские мятежи в Пелопоннесе, в окрестностях города **Патры**, как нигде настойчиво вели христианизацию местного населения. Фемы, созданные на землях, занятых славянами, обязывались платить дань и выставлять винские контингенты.

Но летом 811 г. болгарский хан Крум (802-815 гг.), удвоивший к тому времени свою территорию, устроил роковую западню для громоздкого воинства василевса Никифора I Геника, задумавшего раз и навсегда уничтожить Болгарское ханство. Бездарное руководство загнало ромейскую армию, к тому же не отличавшуюся высоким боевым духом и отчасти вооруженную лишь пращами и дубинами, в тактически безвыходную ситуацию. Византийские войска, стиснутые в долине, были захвачены врасплох и понесли огромные потери от внезапной, предрассветной мощной атаки болгар, славян и аваров, сам василевс погиб в начале боя, а его сын и наследник престола, Ставракий оказался тяжело ранен и не выжил. Три последующих года стали периодом наивысших успехов воинственного хана, самого опасного врага Ромейского царства, по языческой традиции сделавшего чашу из черепа убитого врага-василевса.

В руках болгарского государя оказалось несколько десятков ромейских городов и крепостей в Подунавье, а ромейская граница сместилась к югу, за Сердику (Софию). В частности, Крум поселил в «Болгарии за Дунаем» десятки тысяч плененных им жителей Адрианополя и окрестностей этого крупного укрепленного балканского города, защищавшего Константинополь. Лишь спустя четверть столетия, в 837 г. вошедшему в дельту Дуная ромей-

скому флоту удастся вызволить часть этих «македонцев» из неволи. Неистовый болгарский государь дважды подходил к стенам Константинополя, даже осаждал его, нанес византийским войскам ряд позорных поражений, истребил их лучшие силы из западных провинций. Только внезапная смерть Крума в 814 г. спасла столицу ромеев от падения. Но примечательно, что даже будучи на пике своего могущества «архигос» болгар счел нужным повторить основные клаузулы договора 716 г., «установленные предками», и, значит, оставались неизменными причины, по которым они не потеряли для болгар жизненной важности за истекшее столетие.

Воистину, в судьбе обоих народов тесно переплелись и взаимная ненависть, и взаимная приязнь, которые вылились в итоге в важнейшее событие их общей политической и духовной жизни. На сей раз ему предшествовали победы ромейского оружия. К тому времени византийцы вновь показали силу в войне с арабами и не только выправили ситуацию, заставив врага перейти к обороне, но и достигли большого успеха, в 863 г. окружив и в пух и прах разгромив на границе Пафлагонии войска эмира Мелитины, крупнейшего форпоста мусульман на востоке Малой Азии и союзника злокозненных еретиков-павликиан. Одержанная победа подняла авторитет Ромейского царства и усилила его решимость к действиям. Византийская армия появилась у границ Болгарии, а флот внушительно демонстрировал свою мощь у берегов северобалканской Далмации, где издавна сохранялись зоны таких латинских поселений как Сплит или Задар. Стычки за Венето (Венецию), важный порт, заменивший соседствовавшую с ним Равенну, тоже складывались в пользу византийского контроля за этим регионом Балкан. Иподволь, постепенно ромейские власти восстановили ряд епархий, исчезнувших в результате славянских вторжений.

Все это вынудило болгарского хана Бориса (852-889 гг.), склоняемого к Крещению его сестрой, воспитанной при ромейском дворе, перестать слать посольства к франкам и по заключению мира после очередного успешного похода ромейских войск к болгарским пределам довольно поспешно принять от византийцев христианство в 864 / 865 г. После Крещения он, по традициям византийской дипломатии, получил имя своего восприемника, крестного отца, правившего на тот момент василевса Михаила III, и титул князя, по-ромейски «богоданного архонта». За ним крестились и его подданные, а при болгарском дворе образовалась сильная проромейская партия. Это был один из крупнейших официальных миссионерских успехов Ромейского царства после VIII в., отмеченного усилиями лишь единичных частных проповедников, таких как **Стефан Сурожский** (Сугдейский), пытавшегося умножить число христиан в юго-восточном Крыму. Правда, почти тогда же, в 777 г. принял Крещение свергнутый и бежавший в Византию хан тюркского народа булгар Телериг. По традиции его восприемником от купели выступил василевс Лев IV Хазар, который женил крестника на своей родственнице. Но это не шло в сравнение с Крещением целой страны, и какой страны!

Теперь Православие распространилось в сопредельном могущественном государстве, чуть было не попавшем под покровительство папского Рима. Поражение последнего в этой борьбе за Болгарию объяснимо в значительной мере тем, что, хотя византийцы настойчиво требовали соблюдения исключительно ромейских церковных традиций, не совсем приходившихся по нраву болгарам, и наводнили болгарские земли греческими и армянскими священниками, кото-

рых надо было теперь кормить и содержать, Константинопольский патриарх не стал настаивать на том, чтобы языком богослужения в Болгарии был непременно греческий. Папство же не пожелало идти на аналогичную уступку в отношении латинского языка. Поэтому вся церковная литература в Болгарии стала переводиться с греческого на славянский, понятный и знатным, и простым болгарам. В целом христианизация ускорила и завершила процесс этнического и государственного сплочения страны, процесс ее славянизации, а оппозиции старобулгарской знати в прямом смысле была отрублена голова.

Итак, Болгария, попавшая в сферу борьбы Константинополя и Рима за церковное верховенство над страной, получила Крещение из рук ромейского духовенства, что имело огромное значение для увеличения влияния Византийской империи на Балканах. Здесь около 870 г. было создано архиепископство в македонском городе *Охриде*. Оно включило 32 новых епископства во главе с греческими архиереями.

Впрочем, победу не удалось распространить далее на Запад. Болгарский успех некоторое время оставался уникальным. Хитрый и беспринципный князь Борис-Михаил удачно воспользовался актом единения с Ромейским царством и потребовал у византийцев, «поскольку их теперь не двое, а один», в обмен на покорность и вечный мир отдать ему пустовавшие пограничные земли от Сидиры до Девельта (он же Загора). Византийская сторона благосклонно их отдала, поскольку в соответствии со своей дипломатической стратегией полагала, что они переходят болгарскому «богоданному архонту» в управление, а не отторгаются от Империи ромеев.

Указанные обстоятельства не помешали Борису-Михаилу начать добиваться для своей только что созданной Церкви автономии. С этой целью он обратился к смелому, властному Папе Николаю I, но, несмотря на все реверансы и поиски взаимоприемлемых компромиссов, получил отказ. Рим сам был не прочь прибрать к рукам Болгарскую Церковь и заявил о своем праве окончательного решения всех церковных вопросов. Однако это стремление вызвало раздражение себялюбивого, высокомерного и резкого Константинопольского патриарха *Фотия*, конфликтовавшего с Римом. Николай сочувственно относился к «игнатианам», сторонникам фанатичного Патриарха Игнатия, оскотенного сына Михаила Рангави, сверженного Фотием с нарушением канонов. В итоге развязавшихся интриг и богословских споров Папа предал Фотия анафеме, а Патриарх, не оставшись в долгу, в 867 г. добился от Константинопольского церковного собора отлучения Николая от Церкви. Уже после смерти соперника Фотий примирился с его преемником, поскольку папство, лишившись поддержки пришедших в упадок Каролингов, было не в состоянии отбиваться от арабских рейдов без помощи Ромейского царства. При этом каждая Церковь — Римская и Константинопольская — сохраняла свои обряды и формальное равенство по отношению друг к другу. Прочих трех глав восточных патриархатов можно было не принимать в расчет: они были обречены на полное бессилие, поскольку находились под чужеземным мусульманским владычеством.

Не трудно заметить, что для Византийской империи, стремившейся проповедовать Евангелие «всей Вселенной», христианизация служила прежде всего средством политического верховенства, возможностью расширить число людей, верных василевсу, сферу влияния. Впрочем, Крещение не обязательно меняло

внешний вид, обычаи «варваров» и делало их менее безопасными. Среди ромеев бытовали легенды о том, что такие новые христиане могли оставаться развратниками и даже «людоедами». Поэтому византийский хронист, известный как Продолжатель Феофана, глубокомысленно отмечал: «Неразумно отдавать свое добро другим и делать доступным для язычников то знание о сущем, благодаря которому род ромеев стал предметом восхищения». Почитая себя особым народом, гордясь своей культурой и образованностью, византийцы, как заметил видный немецкий византист Ганс-Георг Бек, «варваров как будто считали недостойными христианства». Видимо, в этом отчасти кроется объяснение сдержанного отношения ромейского государства к миссионерской деятельности за пределами имперских территорий, его малая активность до второй половины IX в., в отличие от западного миссионерства, которое действовало весьма энергично, напористо, вплоть до использования при этом принудительной силы огня и меча.

Но как бы то ни было, ромейские миссионерские предприятия, снисходившие к «варварам», не всегда терпели фиаско. Византинсты условно подразделяют их на три категории: миссии, инициировавшиеся императорами и правящими кругами Ромейского царства, случалось, с применением, хотя и редко, военной силы; миссии, характеризовавшиеся византийским влиянием через дипломатию, и миссии, возникшие благодаря инициативе какой-либо Поместной Церкви или личным усилиям некоторых частных деятелей, отдельных лиц, причем без участия светских властей. Отдельные удачи в этих направлениях стали особенно заметными в связи с распадом Халифата и попытками Ромейского царства создать противовес западному «политическому блоку» во главе с Восточнофранкским королевством. Отсюда успехи в Крещении Бориса Болгарского, и, возможно, князей Аскольда и Дира Киевских около 867 г., сербов в 869 г. Такие меры обеспечивали, хотя бы иногда, помощь Византии в военных конфликтах и неучастие народов, получивших от нее веру, в военных действиях против Империи. Для них, как и для ромеев, христианство рассматривалось в качестве некой «государственной религии», принятие которой считалось признаком лояльности к государству. Как бы то ни было, византийцы в большинстве случаев старались сделать так, чтобы крест предшествовал мечу.

**«Мы пришли
дать вам СЛОВО».
Константин и Мефодий**

Успехи ромейского миссионерства в IX в. были во многом связаны с такими ныне прославленными именами как Мефодий (род. до 820-885 гг.) и Константин (ок. 827-869 гг.). Последний больше известен нам под монашеским именем Кирилл, хотя принял его незадолго до смерти.

Оба брата были греками, детьми Льва. Из Житий Константина и Мефодия следует, что это был человек «богатого и доброго рода», известного и василевсу, и всей области Фессалоники. Он служил при стратиге фемным друнгарием, то есть имел средний офицерский чин, вероятно, был командиром нескольких сотен стратиотов и получал, как полагалось, шесть литр золота в год.

Константин и Мефодий (до принятия монашества – Михаил) родились в городе Фессалоники, в окрестностях которого обитало очень много славян. Поэтому братья прекрасно владели как греческим, так и славянским языком, слыша его с детства. Самое главное, они получили очень хорошее образование.

Константин, самый младший из семи детей Льва и его жены Фотины, возможно, славянки по происхождению, особенно выделялся способностями и неуёмной жаждой знаний. После семи лет, как утверждает составитель Жития, он был отдан «в учение книжное», обнаружил незаурядные дарования.

В возрасте не менее 14 лет он был приглашен в Константинополь логофетом дрома, просвещенным всесильным евнухом Феоктистом, пользовавшимся большим влиянием при вдовствующей императрице – регентше Феодоре, для продолжения обучения в частный кружок ученых. Изучение наук – грамматики, геометрии, диалектики, риторики, астрономии, арифметики, музыки велось здесь с участием лучших наставников, в том числе прославленного с 30-х гг. IX в. энциклопедиста Льва Математика, крупнейшего ума, знатока философии, античного наследия, трудов Платона, поэтики и астрологии. Любопытно, что не известно, преподавали ли ученикам богословие. Если верить агиографу, Константин учился вместе с юным василевсом Михаилом, был вхож в дом Феоктиста и в царский дворец, ему прочили успешную карьеру главы архонта, а потом и стратига. Но он рано, в возрасте около 20 лет, стал клириком, со временем принял, вероятно, духовный сан диакона или священника, а также занял должность патриаршего библиотекаря (по другим версиям – хартофилака-письмоводителя, архивариуса, или «сосудохранильника» – скевофилака). Как прошедшему полный курс обучения, ему присвоили титул философ, ставший его прозвищем.

Отличаясь кротостью нрава, любя уединение и ведя благочестивую жизнь, Константин приобрел всеобщую любовь. Желая посвятить себя монашеской жизни, он пол года провел в монастыре на Босфоре. Житие сообщает о его всеобъемлющих познаниях и гениальной способности к языкам: кроме греческого, он хорошо знал славянский, латинский, еврейский и арабский.

В возрасте 24 лет, то есть в 851 или 852 г. (по другой версии – в 855-856 гг.) Константин Философ участвовал в посольстве царского секретаря (асикрита) Георгия на Восток, вероятно, к эмиру Мелитины, находившейся в то время в руках арабов. Позже ему пришлось покинуть Константинополь, очевидно, в связи с убийством своего покровителя, логофета дрома, в начале 856 г. павшего от рук знатных заговорщиков, недовольных «тиранией» Феоктиста. Несколько лет Константин с братом Михаилом, до этого начальствовавшим в одной из славянских архонтий, а теперь постригшемся в монахи под именем Мефодий, провел в монастыре на знаменитой монашеской горе Олимп в Вифинии, на северо-западе Малой Азии.

В конце лета 860 г., вскоре после посещения Константинополя хазарским посольством и нападения на столицу флота варваров – «безбожных росов», Константин по повелению василевса Михаила III и Патриарха Фотия отправился с миссинерско-посольской миссией к хагану хазар и его «первому советнику», пеху, во время которой братья провели зиму 860-861 г. в Крыму, в византийском Херсоне. Здесь Константин занялся изучением языков хазар, евреев, **самаритян** и сирийцев. Изучение их было для него вполне актуальной задачей, а практика в этих языках увеличивала шансы на успешное завершение миссии в Хазарию, где его ждал диспут со знатоками иудаизма. Наряду с этим он приступил к поискам мощей блаженного епископа **Климента Римского**, ученика апостола Петра, по преданию, семь столетий назад убитого здесь в ссылке. С помощью херсо-

нитов ему удалось разыскать гробницу мученика в окрестностях Херсона, на островке в Казачьей бухте, и помочь в организации перенесения раки в епископальный храм города – большую базилику Свв. Апостолов Петра и Павла, что подняло дух горожан, страдавших от нападений разбойных толп разных «варваров» включая венгров и хазар.

Весной 861 г. миссия отправилась морем, а затем по суше «к Каспийским воротам Кавказских гор», в ставку хагана хазар, которая находилась где-то в районе Дербента в Дагестане. Константину здесь пришлось выдержать спор о вере с иудейскими богословами. Кроме того, он, вероятно, собрал сведения о существовании христианских общин на территории Хазарии с целью возможной в будущем организации хазарской епископии. Крестив около двести человек и взяв с собой пару десятков пленных ромеев, в знак доброй воли отпущенных хаганом на свободу, братья сухим путем возвратились в Крым. Здесь Константин, если верить Житию, еще побывал у некоего «народа фульского», наставляя его в вере, борясь с языческими заблуждениями этих местных христиан, после чего столь многофункциональная миссия морем вернулась в Константинополь. Мефодий удалился в монастырь Полихрон, одну из обителей, сосредоточенных на южном берегу Мраморного моря, где был поставлен игуменом, а Константин пребывал в знаменитой церкви Св. Апостолов – Апостолионе, одном из главных храмов столицы и одновременно усыпальнице византийских императоров и Патриархов, в *липсанотеку* – «костехранильницу» которой были положены доставленные из Херсона части святых мощей Климента Римского.

Славяне, жившие вдоль реки Моравы, северного притока Дуная, объединились и в IX в. создали довольно сильное славянское государство. Себя они называли моравами, а свое государство – Великая Морава. Оно включало в себя часть земель современных Чехии, Словакии, Венгрии, а также южные части Польши и Германии. В Великой Мораве преобладала латинская культура, она была Крещена западными священниками, но в 862 г. князь Моравы Ростислав, находивший опеку короля Людовика Немецкого слишком тяжелой, решил оградить свою страну от все возрастающего влияния франков. Беспокоило и заключение союза Людовика с еще не крещенным болгарским ханом Борисом – недругом Ростислава. Боясь быть зажатым между франками и болгарами, он обратился в поисках союзников к василевсу Михаилу III, скрыв это предлогом необходимости прислать ему миссионеров, особенно учителя, способного объяснить не на латинском, а на славянском языке основы христианского вероучения.

И василевс, и Патриарх откликнулись. Их проницательный выбор остановился на уже проявивших себя, великолепно образованных Константине и Мефодии, которые получили приказ проповедовать веру за пределами имперских границ, в славянской стране, на славянском языке. Братья с радостью согласились, создав славянскую азбуку из 38 букв на основании греческого алфавита, начали разрабатывать грамматику нового языка, приступили к переводу Священного Писания на македонско-славянский диалект и составили специальную славянскую церковную терминологию. Так начался вершинный путь их жизни – те самые главные отпускаемые нам годы, для которых вьется вся остальная жизнь.

Весной 863 г. или немного позже – в 864 г. Константин и Мефодий отправились в Мораву, где проработали несколько лет (по разным версиям – от трех лет и четырех месяцев до четырех лет и шести месяцев), занимаясь, главным об-

разом, переводом на славянский язык текстов Евангелий, Посланий Апостолов, Псалтири, богослужебных книг, обучая способных юношей и улаживая отношения с франкскими, германскими священниками и с Римским папой. Правда, язык они выбрали не моравский, а южномакедонский, отчего моравы поначалу имели мало проку. Но тем не менее, предоставив славянским народам алфавит, приспособленный к фонетическим особенностям их языков, Константин и Мефодий заложили основы для литературного развития славян. Примечательно, что миссия имела реликвии Римского епископа Климента, незадолго до этого обретенные братьями в Херсоне, и, значит, считала его своим небесным покровителем.

Скорее всего, в начале 867 г. Константин и Мефодий покинули Мораву и, вероятно, вернулись в Ромейское царство жить в их монастыре. Здесь им стало известно о дворцовом перевороте, убийстве Михаила III (оно случилось 23 сентября), смещении проклятого ранее Папой Николаем I высокоученого Патриарха Фотия (25 сентября) и избрании вместо него сурового аскета Игнатия, пользовавшегося влиянием в простом народе. Новые царь Василий I Македонянин и Патриарх желали налаживания нормальных отношений с папским Римом, из которого Константин и Мефодий весьма кстати получили письменное приглашение Папы Николая I. Кроме того, перед братьями стояла важнейшая задача посвятить в епископы и священники обученных ими учеников и тем самым дать Мораве церковную организацию того направления, которого добивался славянский князь.

Путь Константина и Мефодия лежал через Могабург (он же Блатноград), столицу славянского Блатенского княжества, около современного озера Балатон – владения князя Коцела Паннонского (нынешняя юго-западная Венгрия), и Венецию, которая формально все еще входила в состав Ромейского царства. Таким образом, вследствие многих причин разом братья вместе с имперской делегацией прибыли к папскому двору, где после скоропостижной смерти Николая I их торжественно встретил уже новый обладатель престола Св. Петра, Адриан II, избранный Папой в конце 867 г. Тогда же Константин и Мефодий доставили в Рим часть мощей блаженного Климента, после чего Папа освятил привезенные из Моравы церковные «славянские книги», организовал посвящение «учеников славянских» в пресвитеры и диаконы, а самих братьев – в епископы. Вскоре слабый здоровьем Константин тяжело заболел и, приняв монашеский постриг, скончался через пятьдесят дней в Риме на 42 году жизни. Он был похоронен в римской церкви – позднеантичной базилике Св. Климента, по преданию, построенной на месте дома мученика, чьи мощи доставили братья.

Через несколько месяцев после этого, в середине 869 г. Мефодий был отправлен Адрианом II в качестве посланника – легата в Паннонское княжество Коцела, а по возвращении в Рим в конце того же года был рукоположен Папой в сан римского архиепископа Паннонии. Последние годы жизни ему пришлось вынести немало суровых испытаний, побывать в плену у франков, защищать славянское богослужение в своей епархии, развернуть обучение молодежи славянскому письму и бороться с враждебностью немецких священнослужителей. В 880 г. во главе посольства князя Великой Моравы Святополка он явился в Рим, где Папа Иоанн VIII подтвердил буллой разрешение богослужения на славянском языке. Многочисленным врагам архиепископа не удалось перечеркнуть его дело. Через пять лет земной путь Мефодия завершился, причем его последним великим де-

лом стал славянский перевод почти всего текста Ветхого Завета, выполненный им с двумя лучшими учениками.

Главное в многочисленных заслугах братьев заключалось в том, что уже в Мораве они не только строили новые церкви, расширяя сферу влияния Православия, но, что особенно важно, дали славянам самый совершенный учебник правой веры – Славянское Евангелие, ввели уставное богослужение на славянском языке, распространяли славянскую письменность. Здесь ими была создана школа по подготовке священников из местного населения, умеющего читать и писать по-славянски.

Составленная для этого азбука получила название глаголица, от древнеславянского слова «глагол», то есть «слово». Ее алфавит отражал фенологию древнеславянского языка. Существует около трех десятков версий происхождения этой письменности. Пожалуй, ясно одно: часть букв глаголицы братья взяли из греческого алфавита, причем греческой скорописи своего времени, часть из семитских языков¹, а несколько знаков были, видимо, новыми. Впоследствии, в первой трети X в. ученики Константина создали еще одну, более простую, удобную, чем глаголичная, азбуку, теперь уже исключительно на основе греческого алфавита с добавлением немногих новых знаков. Ее назвали кириллицей, как считают, в честь Кирилла Преславского – болгарского проводника реформ алфавита. Интересно, что азбучный состав глаголицы и кириллицы, при разнице манеры написания букв, почти совпадает и обе системы письма использовались с рубежа IX-X столетий одновременно: глаголица больше бытовала у западных и южных славян, а кириллица – у южных и восточных. В дальнейшем, с XIV в. глаголица почти полностью вышла из употребления, погибла, а кириллической азбукой мы пользуемся до сих пор. Она распространена в Болгарии, Сербии, Черногории, Беларуси, Украине, России и в некоторых других восточных странах.

Деятельность Кирилла и Мефодия, при всей неоднозначности оценок успешности их миссий, имеет огромное значение для всей славянской культуры. Моравская Церковь в итоге все же примкнула к Римской Церкви, но привезенная братьями в Мораву славянская азбука, письменность и переводы многих церковных книг быстро разошлись по всем славянским землям, на огромную территорию, которая по площади превышала остальную Европу.

Известный английский византист, грек Кирилл Манго видел во введении славянского языка вместо греческого и латыни некую неудачу для славян, которые, не понуждаемые к изучению этих языков, оказались отодвинуты от огромного фонда оригинальной церковной и светской литературы. Ее переводы, действительно, медленно пополняли славянский мир, пользовавшийся своим языком. Но при этом надо учесть и обратную сторону случившегося. Создание многочисленных школ в раннеславянских государствах привело к усвоению письма не только религиозной и политической элитой общества, учеными интеллектуалами, как это случилось на Западе с его латынью, но и широкими массами народа. Кроме того, многие сотни слов из греческого языка перешли в древнеславянские языки, необыкновенно обогатив их. Поэтому Кирилл и Мефодий считаются «первоучите-

¹ Семитские языки – языки народов, населяющих часть Передней Азии и часть северной и восточной Африки: иудейский, самаритянский, арабский и некоторые языки Эфиопии, а также ряд мертвых языков – ассиро-вавилонский и др.

лями», просветителями славян, принесшими им христианство и ставшими родоначальниками их литературы. В славянских странах братьев почитают равноапостольными святыми, то есть равными самим апостолам Иисуса Христа, несшим свет христианства самым разным славянским народам. Они боролись за равенство всех, без различия языков и степени развития культуры. Можно согласиться с крупнейшим отечественным византинистом Федором Ивановичем Успенским, отметившим по этому поводу: «В обстоятельствах жизни и деятельности Кирилла и Мефодия Византия имеет блистательное доказательство своей всемирной культурной миссии». Эту же мысль, хотя и на иной лад, высказал английский византинист Роберт Браунинг: «Уроженцы Фессалоники, Кирилл и Мефодий стали гражданами вселенной. Они постоянно меняли культурную карту Европы. Каждый ребенок, от Черногории до Камчатки, который может написать свое имя, является, в каком-то поколении, учеником этих двух братьев».

?

1. Сравните взгляды павликиан, иконоборцев и иконопочитателей. Что в них общее, а что различное?
2. Кто поддерживал павликиан? Почему?
3. Почему павликианское движение потерпело фиаско?
4. Как ромеи вели миссионерскую деятельность и чем она отличалась в разные столетия? Чем объяснить ее ослабление в VII-VIII вв.?
5. Как вы думаете, что побудило болгарского хана Бориса принять христианство от византийцев?
6. К чему привела интрига в отношении независимости Болгарской Церкви и можно ли считать случившееся между Папой и Патриархом церковным расколом?
7. Навязывали ли ромейские цари христианство другим народам силой?
8. Почему византийцы были заинтересованы в распространении Православия и что активизировало их миссионерскую инициативу с середины IX в.?
9. Какие политические обстоятельства могли вынудить ромейские власти отправить в 860 г. миссию в Хазарию?
10. Перечислите основные цели путешествий Константина и Мефодия в иные края и страны?
11. В чем состоит особое значение Ромейского царства в истории ранних славян?
12. В чем вы видите особенности византийского миссионерства? Чем и почему оно отличалось от западного?

Внимание, источник!

Из «Истории павликианства» Петра Сицилийца (конец IX в.)

Я хочу написать вам о так называемой ереси манихеев и павликиан [...]. Во-первых, согласно их воззрениям, признается два начала – бог зла и бог добра. Один является создателем этого мира и властителем его; другой – будущего мира.

Во-вторых, они вечную Деву [Марию] исключают из числа почитаемых добрыми людьми [...].

В-четвертых, образ, воздействие и сила чтимого и животворящего Креста ими не признается, и они подвергают его всяческим поруганиям.

В-пятых, они не признают книги Ветхого Завета, называя пророков безумцами и обманщиками [...].

В-шестых, ими отвергаются священнослужители Церкви.

Продолжатель Феофана (середина X в.) о расправе над павликианами.

Феодора¹, имея подобные достижения на Западе, возымела сильное желание привести к правой вере на Востоке павликиан, либо искоренить их и удалить из числа живых. Это принесло много бед нашей стране. Ибо она послала некоторых из магистров (Аргира, Дуку и Судалу – так именовались ее посланники); они одних распяли на дереве, других поразили мечом, третьих бросили в морскую пучину. Так погибло до ста тысяч человек, как исчисляется. Их состояние было привезено и передано в царскую казну. Был у Анатолийского стратига (это был Феодосий Мелиссин) некий муж, числящийся на службе, по имени Карвеас, исполнявший должность протомандатора, чванлившийся и гордившийся верой этих самых павликиан. Когда он услышал, что его отец был распят на дереве, руководимый несчастьем и своею предусмотрительностью, он бежал вместе с другими пятью тысячами своих сообщников по ереси к тогдашнему эмиру Мелитины.

Из «Жития Мефодия» (конец IX в.)

V. Случилось же в те дни, что Ростислав, князь славянский, со Святополком² послали из Моравы к цесарю Михаилу³, говоря так: «Мы божьею милостью здоровы, и пришли к нам учителя многие от италийцев, и от греков, и от немцев, и учат нас по-разному, а мы, славяне, люди простые, и нет у нас [никого], кто бы наставил нас истине и дал нам знание. Так, добрый владыка, пошли такого мужа, который нас наставит великой правде». Тогда цесарь Михаил сказал философу Константину: «Слышишь ли, Философ, эту речь? Никто другой сделать этого не сможет, кроме тебя. Вот даю тебе дары многие и иди, взяв [с собой] брата своего игумена Мефодия. Вы ведь солуняне⁴, а солуняне все чисто говорят по-славянски» [...]. И когда минуло три года, возвратились (братья) из Моравы, учеников научив.

XV. [...] Раньше же [еще], посадив из учеников своих двух попов скорописцев, перевел [Мефодий] быстро и полностью все книги [библейские], кроме Маккавеев, с греческого языка на славянский, за шесть месяцев [...]. Окончив же достойную хвалу и славу воздал Богу, который дал ему такую благодать и удачу [...]. Ведь только Псалтирь и Евангелие с Апостолом и избранными службами церковными перевел сначала с Философом. Тогда же и номоканон⁵, что значит правило закона, и книги Отцов⁶ перевел.

¹ Вдова василевса Феофила, императрица-регентша в 842-856 гг.

² Святополк – брат Ростислава.

³ Василевс Михаил III (856-867 гг.).

⁴ Город Фессалоники иначе, на славянский лад называли Солунь.

⁵ Номоканон – «законоправило» – сборник наставлений церковных Соборов и гражданских византийских императорских законов, определявших положение Церкви в государстве.

⁶ «Книги отцов» – это труды Отцов Церкви IV-V вв., наиболее известными из которых были архиепископы Григорий Богослов (Назианзин), Василий Великий (Кесарийский), Иоанн Хрисостом.

Из «Жития Константина Философа» (не позже 882 г.)

И так 40 месяцев провел [Константин] в Моравии и пошел рукоположить учеников своих. Принял же его на пути Коцел, князь паннонийский¹, и очень возлюбил славянские буквы, и научился им, и великую ему честь оказал, и проводил его дальше. И не взял ни у Ростислава, ни у Коцела ни золота, ни серебра, ни чего иного [...], кроме пищи. Только выпросил у обоих пленных девятьсот и отпустил их [на свободу].

XVI. Когда же был он в Венеции, собрались против него латинские епископы, и попы, и черноризцы, как вороны на сокола, и воздвигли трязычную ересь, говоря: «Скажи нам, как ты теперь создал для славян письмена и учишь им, а их не обрел раньше никто другой [...]. Мы же знаем лишь три языка, на котором подобает Бога с помощью (особых) письмен славить: еврейский, греческий и латинский». Отвечал же им Философ: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими? Скажите мне, зачем делаете Бога немощным, как если бы не мог дать [народам своего письма] или завистливым, если бы не хотел дать?».

«Азбучная молитва» Константина Философа

Аз словом сим зываю к Богу:
Боже, всего сущего Создатель,
Видимого и невидимого!
Господня Духа живого ниспошли мне,
Дабы вложил Он в сердце мое Слово.
Есть оно благо для всех нас,
Живущих по заповедям Твоим.
Закона Твоего, как света, взыскую,
Ибо он – светоч жизни тех,
Кто алчет евангельского Слова,
 моля о ниспослании даров Твоих.
Летит ибо ныне и славянское племя,
 целиком обратясь к Крещению,
 желая называться людьми Твоими,
Милости Твоей испрашивают горячо.
Но мне даруй еще и красноречие,
Отец, Сын и Святой Дух,
Просящему о помощи Твоей!
Руки свои к небу воздеваю,
Силы и мудрости хочу набраться от Тебя.
Ты ведь даешь силу достойным,
Убогих же всех исцеляешь.
Фараонову злобу уничтожь во мне,
Херувимовыми разумом и силой одарив.

¹ Паннония – провинция в составе Римской империи, занимавшая западную часть Венгрии, северную Югославию и восточную часть Австрии. Там существовало славянское княжество, в котором в 869 г. римским архиепископом стал Мефодий.

О честная Пресвятая Троице!
Преврати печаль мою в радость,
Целомудренно чтобы смог я описать
Чудеса Твои, сверх всякой меры дивные.
Шестикрылую мощь восприму я,
шествуя вслед за Учителями,
слову их и делу следуя,
ясным сделаю евангельское Слово,
Щедрую хвалу воздам Божественной Троице.
Это Ей, что питает любой возраст,
Юных и старых, своим разумом,
Язык еще один воздает вечную хвалу –
Отцу, Сыну и Святому Духу – тем,
кому принадлежит почет и слава, власть
над всеми живыми и неживыми во все века.
Во веки веков. Аминь.

?

1. Почему Петр Сицилийский ставил знак равенства между ересью павликиан и манихеев? Как вы думаете, почему павликиане не признавали Богородицу, символ креста, книги Ветхого Завета и институт священнослужителей?
2. Что заставило павликиан взяться за оружие? К какому времени относится свидетельство Продолжателя Феофана?
3. Почему, если верить агиографу, византийские власти с такой готовностью ответили на призыв князя Ростислава прислать наставников в веру?
4. Как вы полагаете, исходя из текста Жития, почему, когда речь зашла о посылке учителей к славянам, выбор василевса пал именно на Константина и Мефодия?
5. Какую плату за науку, согласно данным агиографа, потребовал у славянских правителей Константин Философ? Почему?
6. Как вы считаете, почему латинское духовенство столь упорно настаивало на триязычии богослужения и не хотело признавать его на славянском языке?
7. Чему должна была служить «Азбучная молитва» и действительно ли ее автором мог быть Константин Философ?

Раздел III

РОМЕЙСКОЕ ЦАРСТВО В X-XII ВВ. : ОТ МОГУЩЕСТВА К КРАХУ

В этот вершинный трехсотлетний период Византия сложилась в своих классических чертах, – сложилось уже как средневековая самодержавная монархия, с элементами *феодализма*, впрочем, как и сама византийская монархия, весьма и весьма своеобразного. Централизация этого монархического государства еще более упрочилась. Несмотря на скованность этикетом и традициями, власть василевса все больше поднималась над обществом. Империя с огромной силой стремилась к могуществу, сумела достичь наивысшего расцвета, но затем довольно быстро, даже стремительно пришла в упадок, предоставив потомкам рассуждать, почему так произошло.

§ 11. Вершина величия. Македонская династия

В 867 г. в результате дворцового переворота к власти в государстве ромеев пришел Василий I, ставший основателем новой великой династии, которую называют Македонской (867–1056 гг.). За долгие годы достаточно умелого правления этого василевса и его преемников чрезвычайно укрепилась личная власть государя, был наконец закреплен принцип ее наследования, чего прежде не было, усилена законность. Именно поэтому династия уцелела несмотря на периоды регентства и ряд *соправителей*. Государь достигла необычайного могущества, величайшего военного блеска, какого она не знала в последующем. Самое главное, Византия окончательно сложилась в своих классических чертах как средневековая монархия. Правда, большая часть западных территорий Ромейского царства ушла из рук византийцев. Зато восточные границы государства расширились и ко второй четверти XI в. подступали к армянской реке Аракс, на юге достигали пределов знойной Палестины. Огромный Балканский полуостров, вплоть до Дуная, вновь находился в руках ромеев. Давний соперник, Болгарское царство, даже после Крещения продолжавшее выдвигать притязания к Империи, оказалось на некоторое время уничтожено и целиком поглощено Византией. Территория последней, как и во времена Юстиниана I, вновь расширилась до 1,2 млн. кв. км, что равнялось современным Франции, Испании и Португалии вместе взятым (Карта 4). Население державы ромеев, преодолев демографические потери предыдущих столетий, стало расти с IX в., достигнув к XI в. численности не менее 18–19 млн. человек (20 человек на кв. км), то есть равнялось тогдашнему населению всей Европы, а по подсчетам некоторых исследователей могло быть даже в два раза больше (50–65 млн. человек). Выросли, хотя и не в такой пропорции, доходы казны, которые исчислялись 15–20 млн. солидов в год, что составляло почти 90 тонн золота, то есть столько, сколько доходы казны процветавшей Российской империи в конце XIX в. Для еще более убедительного сравнения – доходы даже крупнейших держав Запада в XI в. не превышали двух тонн золота в год. Более того, управляли этой великой Империей лучше, чем когда-либо, а жители ее были спокойны и благополучны.

Эпоха законодателей

Василий, простой, дюжий и неграмотный деревенский парень, начал свою карьеру в столице Ромейского царства с должности конюха, но сумел проложить дорогу к трону и, будучи человеком изворотливым, беспринципным, не остановился перед убийством своего благодетеля, Михаила III.

Родоначальник новой династии появился на свет в 823–826 гг. в безымянной фракийской деревне недалеко от города-крепости Адрианополя, в семье крестьянина, которая в свое время переселилась в здешние края из Армении. Правда, есть вероятность, что его родным дядей был Константин Маниак, сделавший карьеру патрикия и логофета дрома. Уже юношей Василий отличался красотой, ладностью и богатырской силой. В детстве, уведенный в плен болгарами, он долго прожил в Македонии, отчего получил прозвище

Македонянин, несмотря на то, что в нем не имелось ни капли подлинно македонской крови, да и на греческом он говорил с сильным природным армянским акцентом. В поисках счастья молодой человек сначала попытался пристроиться при стратиге Македонии, а около 855 г. отправился в столицу Империи – Константинополь, манивший всех искателей удачи.

Город был переполнен, прижиться в нем было непросто, но Василию удалось завязать тесные отношения с Николаем, просмонарием-привратником расположенного рядом с Золотыми воротами монастыря Св. муч. Диомида, и даже породниться с ним, став его братом через процедуру **адельфопойи**. Родной брат Николая в это время находился на службе у комита оборонительных стен Феофила или, как его обычно звали, Феофилицы. Тот был главой *этарейи*-свиты, которую сам одел и вооружил. Василий стал членом этой компании, выделяясь гигантским ростом, недюжинной физической силой и замечательным умением обращаться с лошадьми. Когда Феофилица ездил в пелопонесский город Патры по официальным делам, его сопровождала свита. В Патрах Василию опять повезло – он познакомился с влиятельной вдовой Данилиис, которая владела огромным количеством земель. Вдова усыновила очаровавшего ее молодого силача, одарила деньгами и сделала богатым.

Патрон Василия, Феофилица в свою очередь входил в свиту – *фатрию* близких лиц Михаила III (842-867 гг.), вполне заслуженно прозванного современниками Мефисос – «Пьяница». В полном соответствии с этим прозвищем, малообещающий, безвольный, постепенно спивавшийся, деградировавший *василевс* вел праздную, разгульную, полную диких бесчинств жизнь, швырял пригоршнями денег на пирах, увлекался борьбой атлетов, охотой, лошадьми, бегами и даже выстроил с этой целью дворцовый ипподром лично для себя. Василий тоже оказался в этой фатрии и даже получил от царя невысокий чин *стратора-конюшего*. В 858 г. он был назначен уже *прото-стратором* – главой царских конюшен. В скором времени умный и хитрый Василий стал любимцем легкомысленного, своенравного царя, который злоскомориничал над прочими со своей шутовской свитой *подонков-собутыльников*, так называемых «митрополитов», среди которых были такие колоритные персонажи как «патриарх» – сквернослов Феофил по кличке Грил – «Поросенок» и патрикий Имерий по кличке Свинья, славившийся своим «искусством» испускать из зада зловонные ветры с такой силой, что мог потушить свечу на столе.

В этой беспутной фатрии, творившей в столице дикое бесчинство, умелый, хладнокровный, сметливый выскочка Василий не просто прижился, но уже через несколько лет занял ведущее место, в 865 г. стал патрикием и **паракимоменом** – дословно «спящим рядом с императором», постельничьим царя, уступая, пожалуй, лишь *всесильному* дяде *василевса*, энергичному, способному, прозорливому Варде, на деле определявшему политику двора и сделавшему для трона очень много успешного. Новому фавориту немало помогали деньги его покровительницы, сказочно богатой вдовы Данилиис. Более того, Михаил III даже выдал замуж за Василия, оставившего первую жену, «македонянку» Марию, свою бывшую любовницу Евдокию Ингерину, знатную ромейку германского рода, что делало большую честь сыну про-

стого крестьянина, едва умеющему читать и писать. Теперь у этого человека была своя этарейя, группировка подвижников, чьим господином-киром он стал и на которую опирался на пути к манившим высотам власти.

В 866 г. Василию удалось оклеветать в глазах царя конкурента, кесаря Варду, который, несмотря на недовольство столичной знати, возродил в Константинополе ученость и образование, успешно правил страной и готовил масштабную экспедицию на остров Крит. Обвиненный в измене, фаворит был изрублен мечами у колен василевса, где он молил о пощаде. Пролитие царем отеческой крови собственного родственника было встречено в народе и монашестве негодованием, но не коснулось ловкого Василия, с железной последовательностью, изворотливо осуществлявшего свои далеко идущие планы. Михаил III сделал его магистром, потом усыновил и наконец возвел в соправители после соответствующего объявления с огромного амвона Великой церкви.

Василий, которому самому не терпелось надеть царский венец и окончательно утвердиться на троне, уже через несколько месяцев решился на отчаянный, кровавый шаг в отношении своего капризного, непостоянного до невыносимости благодетеля. Основания для этого были: сумасбродный Михаил спяну вполне мог лишить его соправительства в пользу появившегося очередного любимца и собутыльника, некоего Василикина, гребца императорского дромона, возведенного в сан патрикия. Он уже начал примерять на него дорогие царские одежды. Неизвестно, насколько это действительно могло стать серьезным шагом, ибо Василикин был скопец и в виду ущербности по закону на трон царя не годился, но Василий и его окружение, над головами которых стали сгущаться тучи, пошли на переворот. В ночь с 23 на 24 сентября 867 г., после пиршества, очевидно, в окраинном дворце Св. Маммы, по обыкновению подвыпившего Михаила III зверски зарезали люди из свиты коварного фаворита, проникшие в царские покои. Мужественно пытавшемуся защищаться василевсу, проклинавшему своего вероломного друга, отсекали обе руки, а труп, чтобы скрыть обильно растекавшуюся кровь, завернули в лошадиную попону, после чего без почестей, с минимальными церемониями похоронили подальше, за пределами города, на противоположном берегу Босфора. Таким образом, Василий стал единовластным правителем могущественного государства, которого ждал новый «золотой век».

После прихода к власти новый василевс поступил не менее мудро, чем в свое время Юстиниан Великий. Все свои усилия он направил на стабилизацию, упрочение внутреннего положения страны, упорядочение законодательства и расширение границ Ромейского царства. Огромные средства были потрачены на полную реконструкцию флота, оснащение его передовыми для своего времени кораблями. С их помощью были упрочены позиции Империи на море, а сухопутная армия прорвалась в северную Месопотамию, круша переживавших разброд и мятежи восточных мусульман. В частности, им едва удалось подавить страшное восстание черных рабов – зинджей, к выгоде Ромейского царства терзавшее Халифат 15 лет.

Крещение сербов в 869 г. и массовое истребление павликиан в 872 г. тоже были достигнуты Василием ради торжества христианства. Во время военных походов, он, по словам его внука – биографа, «ревностно трудился вместе с вои-

нами», лично таскал камни на строительстве укреплений, прокладывал дороги и добился успехов в борьбе с мусульманами в южной Италии, Далмации, на семь лет вновь отвоевал у сарацин Кипр, отбил у них несколько важных малоазийских городов-крепостей, успешно отразил нападение арабов на эгейский остров Эвбею и даже справил пышный триумф в честь своих восточных побед, пока не оказался неожиданно наголову разгромлен у Тарса осенью 883 г. Здесь в ночном сражении poleglo две трети большущей ромейской армии, а противник захватил огромную добычу, которую с ликованием вывез на 15 000 трофейных лошадях и мулах.

Еще больше ему не везло с активно наседавшими западными арабами. Они все же заняли важнейший в военном отношении средиземноморский остров Мальту (870 г.), обосновались в римской Кампании, разбили два византийских флота, посланных к Сицилии, где после досадной потери столицы здешней фемы – богатых Сиракуз, не успевших дожидаться высланной из Константинополя помощи, у ромеев остался только чудом спасенный от мусульман город Таормина.

Зато Василию I удалось решить давно назревшую, очень важную проблему порядка престолонаследия, закрепив наследственное право на царский трон за своей фамилией. Тем самым были ограничены шансы возможных узурпаторов, насильственные действия которых оказывались теперь незаконными. Унаследованный от императорского Рима парадокс «наследования трона без наследования» наконец был преодолен. Уже с 869 г. Василий управлял Империей вместе с соимператором, красавцем Константином, любимым сыном от первой жены, Марии, который, к величайшему горю отца, скончался через десять лет. В нем просматривались задатки выдающегося монарха и, если бы он взял в жены дочь императора франков Людовика II, могло случиться геополитическое чудо – под его властью объединились бы Восточная и Западная империи. Оставшиеся три сына от Евдокии Ингерины – Лев, Александр и Стефан, тоже наследовали отцу, хотя Льва Василий по не совсем ясным причинам ненавидел и едва не сжил со свету.

Одной из главных задач василевс считал необходимость, как писал современник, «...дать императорской власти могучие корни, дабы они породили великолепное династическое древо». Так возник царский род, члены которого получали имя Порфирогенитов, ибо на свет они появлялись в роскошных Порфировых (Багряных) покоях Большого императорского дворца. Это было квадратное в плане здание, увенчанное пирамидой и отделанное внутри плитками порфира или оббивкой шелком цвета порфира, давшего название помещению. В Багряной палате – **Порфире** императрицы-августы рожали своих сыновей и дочерей, получавших почетный эпитет «порфирородных». Случалось, правда, что законные, прямые наследники временами отеснялись узурпаторами на задний план, но примечательно, что отныне ни один из потомков Василия I не заплатил головой за трон, как это случалось прежде.

Новый император, хотя не получил приличного с точки зрения ромеев образования, оказался человеком с природным умом, задатками гениального администратора, очень деятельным и в высшей степени верным приверженцем как греческой культуры, так и римского права. Василий I полагал, что нет на земле никого выше василевса, – никого, кто бы мог ему приказывать. Чтобы подчеркнуть величие и могущество византийского царя, его недостижимую высоту, был до мелочей упорядочен давно сложившийся,

сложный и пышный церемониал, отточенный придворный этикет. Теперь он представлял собой своеобразное, многократно отрепетированное театральное действо, где каждому участнику отводили определенное место и роль. Церемониалом сопровождалось венчание на царство, выходы василевса из дворца, приемы послов, торжественные погребальные проводы императора в последний путь и множество других, менее важных вещей повседневной жизни царского двора.

Для того, чтобы дать ромеям справедливое, «соломоново» законодательство Василий I рекодифицировал право великой эпохи Юстиниана I и приспособил его к нуждам современности. Он произвел новое «очищение древних законов», по-гречески анакафарсис – пересмотр прежних законов с добавлением новых, плодом которого стали последний грандиозный византийский кодекс гражданских и церковных законов, позже получивший название *«Василики»* (та Василика) – дословно «Царские», и так называемая *«Исагога»*, она же «Эпанагога» – дословно «Возведение», или «Введение» к задуманному собранию законов. Их подготовила специальная комиссия во главе с протоспафарием Симватием при активном участии Константинопольского патриарха. Примечательно, что в «Исагоге», составленной, вероятно, между 879-886 гг., впервые в истории Византии и ее светского права появились разделы «Об императоре» и «О Патриархе», в которых была сделана попытка определить формы взаимоотношения Церкви и государства, роли, которые в государственном законодательстве должны были играть василевс, Патриарх и само государство, а также четко разграничить их обязанности.

Борясь с притеснениями со стороны чиновников, василевс всюду рассылал своих уполномоченных и рассматривал жалобы со стороны любого. Желая зримо поднять престиж Ромейского царства, он осуществил программу строительства церквей, странноприимных и сиротских домов, обновил массу старых сооружений, отстроил и богато украсил новые дворцы, особенно в Константинополе, который вновь стал густонаселенным и продолжал оставаться самым богатым городом в мире.

После безвременной смерти в 879 г. своего горячо любимого старшего сына-наследника Константина, царь от горя впал в тяжелую депрессию, из которой уже так и не вышел до самой смерти. Он с глубоким недоверием, неприязнью, едва ли не с отвращением относился к следующему сыну, Льву (от второй жены – Ингерины, бывшей любовницы Михаила Пьяницы), который платил ему тем же. Видимо, Василию не давала покоя мысль, что именно этот нелюбимый сын займет трон, который он так хотел передать Константину. Дело дошло до того, что отец отправил Льва в тюрьму и даже угрожал лишить его глаза. Он примирился с ним по настоянию встревоженных придворных лишь за месяц до своей смерти, которую кое-кто, очевидно, не прочь был поторопить. Согласно преданию, 74-летний, но крепкий не по годам василевс поизб от несчастного случая на царской охоте. Огромных размеров олень бросился на преследовавшего его одинокого всадника, поддел за пояс рогами, вырвал из седла и так волочил императора 16 миль (больше 25 км). Наконец, одному из царских телохранителей удалось догнать обезумевшее могучее животное и перерубить пояс. Император, изодранный, избитый, упал без чувств на землю. Едва придя в себя, он, верный маниакальной

подозрительности, приказал арестовать своего спасителя и расследовать, не был ли тот заговорщиком, поднявшим меч не для того, чтобы освободить царя, но чтобы нанести ему роковой удар. Неизвестно, чем закончилось бы следствие для злополучного телохранителя и, разумеется, для наследника трона, но Василий, не прожив и восьми дней после случившегося, скончался 29 августа 886 г. от «истечения желудка».

Сын Василия I, 19-летний Лев VI (886-912 гг.), продолжил дело, начатое отцом – укрепление царствующей династии. Но всю жизнь ему роковым образом не везло с женами, умиравшими одна за другой, причем первая из них, Феофано, отличавшаяся неказистой внешностью и совершенно невыносимой набожностью, оставила ему дочь и еще одну дочь родила горячо любимая вторая жена, армянка Зоя Заутца, скончавшаяся внезапно через пару лет от загадочной болезни. Третья жена, очаровательная, поразительно красивая фригийка Евдокия Виэни, пробыв женой венценосца меньше года, родила долгожданного сына, но умерла во время родов, а младенец пережил ее на несколько дней. Василевс мог утешаться лишь тем, что провозгласил всех трех своих супруг святыми.

Средний брат и соправитель, пригожий, но злобный, избалованный, охочий до удовольствий, а по сути дела, безнадежно распутный Александр не мог иметь детей. Младшего, 15-летнего болезненного, хилого брата Стефана Лев сразу же после прихода к власти посадил на патриарший трон в качестве послушного орудия в церковных делах, впервые сосредоточив высшую духовную и мирскую власть в одной семье. Поэтому проблему с обеспечением династии наследником надо было решать, ибо его отсутствие могло привести к тягчайшим последствиям вплоть до ужасов гражданской войны.

Еще достаточно молодой, 35-летний василевс не остановился перед запрещенным каноническим законом четвертым браком со знатной столичной дамой, своей любовницей, удивительно красивой Зоей Карвонопсидой, дословно – «Черноокой», или, точнее, «с глазами, как раскаленные угли», чем привел многих в негодование и поссорился с очередным главой Константинопольской Церкви, упрямым, «безупречным» Патриархом Николаем I *Мистиком* (901-907 гг.). В качестве наказания «за мерзость блуда» тот наложил епитимию на оскверненного несчастного василевса и, став в Царских дверях, не допустил ослушника в храм Св. Софии для приношений и Святого Причастия. В припадке гнева Лев то приказывал избить Патриарха, то в раскаянии плакал, валялся со слезами у него в ногах, моля о прощении. Он даже обратился за помощью к Папе римскому и тот сдержанно одобрил отчаянный поступок Льва. Наконец, бывший духовник царя, новый Патриарх Евфимий (907-912 гг.), человек благочестивый и вместе с тем ограниченный, назначенный вместо строптивого Никифора, обвиненного в заговоре, снял епитимию, и хотя осуждал «четверобрачие» хуже прелюбодеяния, все же ради будущего Империи признал законными и греховный брак с Зоей, и родившегося от этого брака, 18-месячного сына, Константина Порфирогенета. Но еще полтора десятилетия, до 920 г. не стихал скандал, а в Церкви длился глубокий раскол по этому поводу.

Лев VI получил прекрасное образование под руководством высокоученого книгогочя и искусного императорского сановника Фотия, дважды занимавшего патриарший престол (858-867; 877-886 гг.). Государь обладал творческой натурой, интеллектом, любил произносить торжественные речи,

проповеди по церковным праздникам и сочинять стихи на древнегреческий манер, увлекался математикой, астрономией, астрологией и музыкой, активно интересовался церковными и богословскими вопросами и при этом проявил себя как благочестивый правитель. Его выдающиеся познания и глубина ума несомненны. Современники не зря прозвали этого многообещающего царя Софос, что означало Мудрый, или Философ, а позднейшие легенды приписали ему собрание стихотворных пророчеств, предсказаний о роковых судьбах Империи ромеев, ее падении.

Василевс слыл человеком обаятельным, щедрым, но слабовольным, непоследовательным, склонным к слезам и вместе с тем вспыльчивым. Он никогда не водил войска в бой, предпочитал неудобствам военных походов, в целом при нем неудачных, виртуозное искусство дипломатии и размеренную жизнь столичного Священного дворца с его пышным церемониалом и с детства привычными интригами. Лев очень любил без предупреждения посещать монастыри и оставаться там на обед. Иной раз, переодевшись в бедную одежду, царь ночами бродил по улицам уснувшего Константинополя, чтобы лично убедиться, насколько исправно несут свою службу стражники. Он был очень доволен, когда однажды его схватили и бросили в тюрьму претория, заподозрив в нем бродягу – наивная забава правителя могущественной державы, которая достигла величайшего экономического процветания.

Будучи наиболее плодотворным законодателем со времен Юстиниана Великого, Лев VI Мудрый уже в начале своего правления выпустил в свет первый из шести монументальных томов давно готовившихся «Василик» в виде 60 книг, отчего их также называли по-гречески Экзиконтабиблос, или Экзабиблос – «Шестикнижие». Они стали обширным и основным сводом законов Ромейского царства, в котором отрывки из Дигест, Кодекса и Новелл Юстиниана были сгруппированы по темам. Причем «Василики» отбросили устаревшие законы, оказались гораздо лучше систематизированы, чем корпус юстинианова права, и поэтому вытеснили его, оставшись непревзойденным образцом для ромейских законодателей последующих веков. Новый текст права по большей части излагался на греческом языке, а не латыни, окончательно ставшей в Романии мертвым языком, понятным только ученым, да и то не всем. Со временем свод пополнялся новыми многочисленными приписками – *схольями*, которые добавились к старым комментариям и разрослись. В XII в. к ним был сделан специальный перечень-указатель, известный как *Типуки* – дословно «Что где лежит».

Сам василевс издал «Сборник ста тринадцати законов, пересмотренных и исправленных», больше известный под именем «Новеллы» Льва VI. При всей их бессистемности они внесли важные уточнения во многие стороны жизни, изменившейся за последние столетия. В правление Василия I, между 870-879 гг., или, вернее, как полагают некоторые исследователи, в 907 г., при Льве Мудром к уже появившимся законодательным сборникам был добавлен «*Прохирон*» – дословно «Приручник, подручная книга») – краткое, из 40 титулов (глав) общедоступное практическое руководство по гражданскому и публичному праву, удобное для судей, а в 911 г. была записана так называемая «*Книга Эпарха*» – свод давно сложившихся правил, которыми должны были руководствоваться в своей деятельности столичный градоначальник и несколько десятков профессиональных ассоциаций Константинополя.

Лев VI не отличался воинственностью и не имел военных успехов. Скорее, его можно назвать «кабинетным полководцем»: под его именем сначала был составлен вопросоответник по военному делу «Провлимата» – «Проблемы», а позже, на рубеже IX-X вв. появился очень важный военный трактат, известный как «*Тактика Льва*» и написанный в виде пространного письма императора к некоему безымянному стратигу. Впервые после почти трехсотлетнего перерыва в нем были вновь собраны наставления по тактике и стратегии боя, логистике, советы по обучению, тренировкам, экипировке и снабжению воинов и, кроме того, появилась глава, посвященная морской войне, которая известна под названием «*Навмахика*». На страницах этого руководства самым подробным образом рассматривались виды войск и вооружения, характеристики качеств командующих, военная иерархия, организация походного марша, устройство лагеря, подготовка к битве и ведение самого боя, действия после него, осадное дело, воинские навыки и обычаи иноземных народов, боевые корабли, их оснащение и вооружение, методы морских битв. Дело в том, что фемная стратиотская армия с ее все более бедневшим и терявшим боеспособность иррегулярным ополчением вступала в тяжелые времена, и Лев Мудрый, а вслед за ним и другие василевсы, полководцы ромеев, пытались дать ее военачальникам универсальные руководства, которые, до виртуозности классифицировав и постигнув законы войны, помогли бы им добиться превосходства над любым противником.

Желая подольститься к усилившейся столичной аристократии, Лев VI снял давний запрет, не позволявший чиновникам во время исполнения ими должности без разрешения царя приобретать товары и принимать дары деньгами или землей. Он вообще облегчил получение земли знатью, заложив ускоритель очень опасной для Ромейского царства тенденции развития феодализма, а точнее, аристократической олигархии, которая впоследствии станет одной из основных причин крушения этой великой державы. Скупка земель знатными семействами постепенно стала подтачивать государственную систему, зиждившуюся на состоятельном крестьянстве и осевшей на землю армии.

Вместе с тем василевс провел очередной ряд мероприятий для укрепления личной власти и реорганизации провинциальной администрации. Так, он официально лишил синклит права участвовать в издании законов и сам стал назначать всех должностных лиц государства. С этого времени синклит превратился в административный совет высокопоставленных сановников, которые давно потеряли свое влияние. Было покончено даже с формальными остатками городского самоуправления: подтверждено закрытие городских советов, отменены всякие выборы муниципальных властей. Царский указ категорично гласил, что теперь василевс «...обо всем заботится и печется сам с Божьей помощью». Как избранник Божий и глава государства, он обладал практически неограниченной самодержавной властью, сдерживаемой лишь заветами морали и нравственности. Хотя на словах законы Льва пеклись о всеобщем благе подданных царя, равной справедливости для всех, само слово «димократия» приравнивалось к понятиям «мятеж», «убийство». Городские димы окончательно потеряли прежнее политическое значение и вместе со своими димархами и музыкальными органами превратились в декоративное украшение торжественных выходов василевса.

Пожалуй, только роль руководителя Церкви все же не оказалась полностью в царских руках. Как мирянин-лаик, участник церковной жизни, а не церковно-

служитель, клирик, он мог быть только ее защитником. Правда, василевс назначал Патриарха, но сместить его с поста без согласия духовенства не мог, как не мог отменить или хотя бы изменить определения церковных Соборов, которые единственные выносили решения по вопросам вероисповедания. Таким образом, власть Церкви росла вместе с властью царя, а система управления и административный аппарат Империи достигли верха своего совершенства.

Великие полководцы

Арабы и болгары продолжали оставаться опаснейшими врагами Ромейского царства. К 902 г. мусульманам наконец удалось овладеть почти всей Сицилией. Через три века после захвата острова Велисарием последние ромейские солдаты покидали его, хотя схватки с войсками эмира североафриканского Кайруана продолжались здесь еще несколько десятков лет. Кроме того, сарацины проникли в Адриатическое море, грабили Рим, угрожали разобщенным южноиталийским владениям Империи, в которых ведущая роль перешла к богатому городу-порту **Бари**, отвоеванному у мусульман отцом Льва Мудрого.

На остальные западные территории нацелилась хищная **Каролингская империя**, наследницей которой со временем стала **Священная Римская империя**, созданная воинственными германскими императорами.

Власть Византии на побережье италийской Кампании и на Кипре сохранялась чисто формально. Оживленный Крит, обладавший благодаря своему геоположению исключительным стратегическим значением, окончательно превратился в пиратское гнездо пиренейских арабов, опустошавших прочие острова Эгейского моря и побережье, грабивших корабли и тем самым парализовавших торговлю в восточной части Средиземного моря. Несколько попыток ромеев хотя бы частично вернуть Крит оказались неудачными.

*Стремительный налет арабов на крупный южномалоазиатский порт Антиалию летом 904 г. закончился разграблением этой важнейшей военно-морской базы ромеев и захватом шестидесяти кораблей с богатой добычей – по тысяче динаров на человека! Вскоре мусульманские пираты, предводительствуемые греком, бывшим христианином, обратившимся в ислам, знаменитым злобным корсаром Львом Триполитом, известным в арабских источниках как **гулям** («раб-воин») Зурафа, ограбили богатый таможенный Авидос на входе в Геллеспонт (Дарданеллы), вторглись в Мраморное море и угрожали Константинополю. Затем, уходя от подоспевшего ромейского флота, они впервые за всю историю напали на Фессалонику, чьи стены были повреждены недавно случившимся землетрясением, и через три дня осады разграбили этот второй по значению после столицы Византии портовый город с населением около двухсот тысяч человек. Здесь они устроили жуткое побоище, захватили огромную добычу, груды денег, горы разнообразных тканей и 22 000 пленных, преимущественно юношей и девушек, детей, которых, погрузив на десятки кораблей, продали на рабских рынках. Лишь через двадцать лет ромеям удастся смыть позор этого опустошительного набега, уничтожить удачливого пирата-ренегата у берегов острова Лемнос и постепенно возобновить свое господство в Эгейском море, где им так долго не везло.*

Не лучшие обстояли военные дела и на суше. Из-за просчетов командования, слабой дисциплины войск, а порой и из-за случайного невезения визан-

тийцы терпели жестокие поражения в войнах с Болгарским царством. Принятие болгарами Православия вопреки ожиданиям не примирило соперников. В 894 г. между ними разразилась первая в Европе своеобразная «экономическая война». Она имела торгово-политические причины и оказалась спровоцирована махинациями жадных и корыстолюбивых «торговых людей» из Фессалоник – сановных царских чиновников, протонотариев фемы, коммеркиариев Ставракия и Космы, близких ко двору, в частности, к фавориту василевса, Стилиану Заутицу, чья дочь была давней любовницей Льва Мудрого. Косма был к тому же и **вардарием**, то есть, вероятно, отвечал за порядок в речной торговле. Позже, в завершении своей карьеры, он достигнет должности стратига Фессалоник, тогда как Ставракий займет высокий пост главы скринии варваров, занимавшейся приемом иноземцев. Пользуясь своим служебным положением и высокими связями, они «обидели» коммерческие интересы болгар, добившись перенесения их рынка из Константинополя в Фессалонику и обложения болгарской торговли податями через особый склад-магазин – **митату**, прежде свободную от налогообложения.

Решительный, целеустремленный правитель Симеон Болгарский (893-927 гг.), младший сын крещенного болгарского князя Бориса-Михаила, к слову, отнюдь не варвар, а убежденный христианин, воспитанный и обученный при царском дворе в Константинополе, в отместку начал военные действия. После жестокого разгрома ромейской фемной армии в 896 г. под **Булгаро-фигоном**, в восточной Фракии, он захватил почти всю Македонию и **Эпир** в северной Греции. Византийцы теряли контроль столь выгодных торговых путей. В 913 г. царь Симеон, приведя к стенам Константинополя мощную армию и, разорив предместья, силой принудил ромеев признать за ним титул «василевс болгар». Произошла неслыханная, малопонятная церемония – во время трапезы во Влахернском дворце Патриарх Николай Мистик вынужден был венчать его на царство. В отличие от прежних врагов, Симеон откровенно рвался именно к короне царя ромеев и желал, чтобы сын покойного Льва VI Мудрого, тринадцатилетний **Константин Багрянородный**, взял в жены одну из его дочерей, стал его зятем. Достигнутое было согласие свела к нулю неудачная византийская атака, предпринятая в 917 г. по приказу матери Константина, императрицы-регентши Зои, перебросившей войска с Востока: величайший из болгарских царей почти целиком истребил ромейскую армию в кровопролитном сражении при реке Ахелой, отчего место битвы недалеко от приморского **Анхиала** до сего дня зовется Долиной Смерти. Даже полвека спустя здесь громоздились огромные кучи черепов, внушавшие ужас путникам.

Наращивая военную эскалацию на Балканах, царь вновь прорвался в северную Грецию, покорил Сербию, на некоторое время овладел фракийским Адрианополем, а в 924 г. подошел к Константинополю. Дело дошло до того, что на следующий год Симеон объявил себя уже «василевсом болгар и ромеев», пытаясь не только притязать на столицу византийцев, но создать вместо прежних Романии и Болгарии новое универсальное христианское царство. На одном из моливдулов он без оговорок называл себя «в Христе василевсом ромеев». Только дипломатическое искусство византийцев, несприступность мощных укреплений столицы и отсутствие у болгар флота не

позволило осуществиться этим амбициозным планам новоиспеченного иноземного василевса, однако он снял осаду на условии признания большинства его завоеваний, пересмотра прежних границ и заключения договора о большой ежегодной дани с византийцев.

Затянувшаяся гибридная война с единоверцами и одним из самых опасных и деятельных врагов Империи стала одним из самых суровых испытаний, истощала силы Ромейского царства, подрывала его престиж среди христиан, отвлекала силы от изматывавшей борьбы с «неверными», мусульманами. Лишь после смерти упрямого, гордого, неистового царя в 927 г. Византии удалось заключить мирный договор с его сыном, более спокойным, покладистым Петром Коротким (927-967 гг.) и изменить наконец невыгодную стратегическую ситуацию, из-за которой ромеи больше столетия должны были конкурировать с болгарами на равных. Болгария сама оказалась истощена чрезмерным напряжением сил, жестокими поражениями в Хорватии и начавшимся религиозным протестным движением богомилов, сторонников дуалистичной ереси о борьбе материальных и небесных сил зла и добра, чья секта была основана попом Богомилом. Тем не менее даже тогда ромеям пришлось пойти на новое унижение – согласие на брачный союз «василевса болгар» с едва вышедшей из детского возраста Марией, внучкой соправителя и тестя Константина Багрянородного, императора Романа I Лакапина (920-944 гг.), дочкой его старшего сына-соправителя Христофора, и обещание, как и при грозном Симеоне, выплачивать ежегодно дань за оборону границ от кочевников. Впрочем, это была обычная византийская практика, поскольку война обходилась Империи куда дороже, чем выплата дани, а иноземный правитель, пошедший на брачный союз с царской семьей, формально считался подпавшим в зависимость от престола на Босфоре. Был признан и учрежденный недавно Болгарский патриархат. Таким образом, путем разумных уступок, сближения с Болгарией Византия хотела добиться того, что ей не удалось путем военным. Поэтому она ревниво следила за деятельностью царя Петра, хотя он и вел политику мирного сосуществования, считая дальнейшую борьбу бесперспективной. Показательно, что болгары подпали под сильную культурную византизацию, а князь Сербии вновь признал византийский суверенитет.

Зато, не переставая, беспокоили набеги грабителей-венгров (угров, мадьяр), языческого народа финно-угорского происхождения, постепенно, с рубежа VIII-IX вв. передвигавшегося с Волги в Подонье, причерноморские земли. В итоге в самом конце IX в. венгры обосновались в Карпато-Дунайском бассейне, в Паннонии, на месте уничтоженного королем франков Карлом Великим (768-814 гг.) Аварского каганата – наследника наводивших ужас гуннов.

Свои хищные замыслы вынашивал динамичный монарх, германский король Оттон I Саксонский. В 962 г. он стал императором громогласно объявленной Священной Римской империи, объединившей немецкие и итальянские земли, и пытался вытеснить ромейские гарнизоны из сказочно богатой Италии, которая давно служила предметом раздоров с Византией. При этом василевс ромеев полагал страшным скандалом не только то, что он посмел «узурпировать власть» в бывших провинциях Римской империи, формально остававшихся за богоизбранным Ромейским царством, но и, нарушив

клятеву, назвал себя императором римлян, на что не покусился даже могучий Карл Великий, титуловавший себя лишь правителем Римской империи. С конца IX в. папский Рим вступил в мрачную полосу страшного упадка и политического хаоса, сопровождавшегося зверскими убийствами и надруганиями Пап. Стратиги западных фем постоянно просили о помощи, ссылаясь на бедственное положение своих стратиотов. Чрезвычайные военные и финансовые усилия византийских властей оказывались тщетными. Из одной войны Империя падала в другую, и не было видно конца военным тяготам и непрерывным пограничным конфликтам со стычками и перестрелками.

Лишь к третьей четверти X в. международное положение Ромейского царства стало улучшаться. Этому немало способствовало ослабление Болгарского царства и распад Аббасидского (Багдадского) халифата в результате давних религиозных распрей, вражды правителей, острых межэтнических конфликтов. Теперь багдадские мусульмане вели военные действия лишь в пограничных районах и больше не вторгались в пределы Империи. Ее меч вновь навис над Востоком. Защитные меры стали все более отходить на второй план. Многовековый ненавистный враг, понимавший только силу, наконец дрогнул и зашатался после ожесточенной войны, которая, казалось, длилась вечность. Арабские полчища, недавно еще казавшиеся неисчислимыми, попятились, истекая кровью.

Преобразованной героическими усилиями, обновленной ромейской армии удалось добиться столь невероятных успехов в расширении территории Империи, что они до сих пор впечатляют и удивляют военных историков. Ее сторожевые посты постоянно находились в боеготовности и число их неуклонно росло. Уже в 934 г. удалось овладеть желанным ключом к дороге на Евфрат – мощным городом-крепостью Мелитиной, которую арабы давно превратили в центр здешнего эмирата. Несколько позже византийцы отвоевали у мусульман северную Месопотамию и северную Сирию с все еще блистательными Эдессой и Антиохией, провинцию Киликию на юге Малой Азии, крупные острова Крит, Кипр. Предвосхитив будущее движение **крестоносцев** Запада, они почти дошли до Иерусалима. Даже северная Болгария отошла ромеям. Армения и Грузия вновь поспешили признать власть василевсов.

В это время победы командование византийскими армиями оказалось в руках талантливых полководцев, главным образом выходцев из провинциальной землевладельческой аристократии центрально-малоазиатской Анатолии. Это было не случайно, ибо хозяйство обширной Анатолии процветало, население росло и составляло Империи наибольшее количество войск. В силу неблагоприятных для правящей Македонской династии обстоятельств некоторые из выдвинувшихся анатолийских полководцев заняли византийский престол. Это прежде всего относится к василевсам-узурпаторам Никифору II Фоке (963-969 гг.) и Иоанну I Цимисхию (969-976 гг.).

Первый происходил из могущественного, знатного анатолийского семейства Фок, которое было замечено и возвышено царем Василием Македонянином. С тех пор оно исправно давало Ромейскому царству выдающихся военачальников. Слава талантливого полководца и верные войска привели Никифора Фоку на престол, оправдав буквальное значение его имени – «Победоносный». Будучи главнокомандующим, он вместе со своим братом Львом, тоже способным военачальником, стал руководителем и героем завоевания

пиратского Крита в 961 г., подготовив для этого блистательную десантную операцию против сарацин. В ней было задействовано более 50 000 человек и 3 300 кораблей – показатель возросшей мощи Ромейского царства. После 135 лет арабского владычества Крит с его морскими базами опять вернулся под власть ромеев, в результате чего плавание в Эгейском море стало гораздо более безопасным и торговля оживилась.

Перепуганным арабам Фока стал известен как «бледная смерть сарацинов». Своим войнам он придал характер священных Крестовых походов и внушал ужас даже искушенным в зверствах мусульманским пиратам. Рассказывают, что во время восьмимесячной осады Ираклиона, или Хандака, как его называли арабы, главной, большой крепости мусульман на Крите, Никифор приказал выставить кровавый частокол, увенчанный головами казненных пленных, а его камнеметы, вибрируя мощными жилами, метали эти головы в обессиливший от голода город, в итоге подвергшийся ужасной трехдневной резне и разрушению до основания. С некоторых главарей арабов, по слухам, живьем сдирали кожу или бросали в кипящую, клокотавшую смолу. Для необыкновенно пышного триумфа в Константинополь отсюда было вывезено триста кораблей, до бортов нагруженных пленными и колоссальной добычей, более чем столетие свозившейся пиратами на остров. Последующее крушение власти мусульман на Крите и превращение его через четыре года в фему явилось для ромеев победой такого масштаба, какой не было со времен доблестного василевса Ираклия. На сей раз знатных пленных вместе с захваченной добычей провели через весь Город от Золотых ворот до Халки Дворца по улицам, усыпанном лепестками, украшенных плющом, цветами, роскошными тканями и подсвечниками.

Характер, манеры и даже внешность Никифора Фоки мало способствовали тому, чтобы он смог завоевать сердца своих подданных. В описании современника, византийского историка Льва Диакона (ок. 950 – ок. 1000 г.), он был невысокого роста, плотный, широкоплечий, имел очень смуглый цвет лица, густые, курчавые, черные волосы, бороду с редкой сединой по бокам и глубоко сидевшие, темные глаза, прятавшиеся под мохнатыми бровями. Вечно хмурый, озабоченный и молчаливый, Никифор не пользовался популярностью у легкомысленных, дерзких константинопольцев, но, благодаря поддержке анатолийской аристократии и стратиотов, о нуждах которых искренне заботился и которым прощал любые бесчинства, был недоступен для придворных происков и интриг.

Став василевсом благодаря женитьбе на роскошной, порочной молодой красавице Феофано, жене внезапно умершего Романа II (959-963 гг.), – той тщеславной женищине, через которую теперь шло царское престолонаследие, – Никифор остался грубым и бестактным солдатом. Вне армии у него не было никаких интересов, кроме религии. Он издал закон, чтобы епископов назначали только после личной санкции василевса, проводил часы в беседах или переписке с людьми высокого духовного склада и святого образа жизни, особенно своим верным другом, монахом-отшельником Афанасием Афонским, и вызвал всеобщее возмущение византийского клира требованием, чтобы Церковь признала святым всякого воина, погибшего в бою с мусульманами, то есть попытался узаконить идею, на которую позже, в эпоху

Крестовых походов согласится Папа римский и Запад. Скуповатый, ради армии царь жертвовал всем, вводя все новые и новые налоги на ее содержание. Вместе с тем он ограничил рогу синклитикам и высшим церковникам, пресек рост монастырей, богоугодных учреждений, запретил расширять их имения – своеобразную «теневую экономику», которая в условиях возникшего земельного дефицита поглощала наиболее продуктивные земельные владения и была по казне.

*Разменявший свое 50-летие, но остававшийся физически очень сильным и мужественным, Никифор питал отвращение ко всем материальным наслаждениям, бичевал корыстолюбие, отличался умеренностью, не искал любви женщин. После смерти своей первой жены, еще до женитьбы на 22-летней Феофано, он дал обет плотского воздержания. Императрице такой строгий муж, постоянно пропадавший на войне, нужен был только как защитник ее малолетних сыновей. Воинственность, безжалостность и солдатская жесткость сочеталась в нем с высоким благочестием, набожностью и угрюмым аскетизмом, доходившими до религиозного суеверия: после смерти горячо любимого сына он отказался от мясной пищи, даже в царских покоях спал на полу на шкурах, носил на теле жесткую монашескую **власяницу** и по несколько часов ежедневно проводил в молитвах. По словам в тайне жаловавшихся придворных, это был человек холодный и замкнутый, скорый на руку, неумолимый и суровый для уклоняющихся от законов, страстно преданный военному делу и избежавший дворца как заразы. «С ним трудно ладить – сетовали они, – он не подарками привлекает в дружбу, а подчиняет себе страхом и железом». Неподкупный, надменный и невосприимчивый к лести, он был тверд как камень.*

*Всю свою энергию этот василевс, солдат и монах в одном лице, направил на восстановление былого могущества Ромейского царства. Ему удалось отобрать для армии, достигшей полутора сотен тысяч человек, обеспеченных, а значит, способных нести исправную военную службу стратиотов. Он обучал их по своим особым программам с целью восстановить дисциплину, поднять моральный дух и боевую подготовку войск. Если верить историку конца XI в., **Иоанну Скилице**, с такой обновленной, религиозно воодушевленной армией Фока завоевал на Востоке более ста городов. Ему удалось, перейдя горы Тавра, вторгнуться в Киликию и северную Сирию. Здесь он сумел сломить сопротивление наиболее грозного и давнего противника – сирийского эмира Сауфа ад-Даула – «Меча династии» Хамданидов. Это был правитель Мосула и городов Алеппо, Дамаск, Эдесса и Антиохия, обладатель самых богатых, роскошных конюшен, библиотеки и гарема, безжалостный воин и вместе с тем изысканный поэт и ученый. Он оставался единственным из упорных врагов Империи ромеев, кому еще удавалось организовывать ежегодные глубокие рейды на территорию юго-восточной Малой Азии. После нескольких сокрушительных поражений грозный эмир оказался окончательно разбит. Спасаясь бегством, он едва не погиб. Преследовавшие его ромейские солдаты бросились жадно собирать рассыпанные им золотые монеты и драгоценности, что задержало погоню, но не надолго спасло эмира: случившийся с ним вскоре инсульт вызвал паралич. Эмират стал **вассалом** Ромейского царства, его население-нехристиане теперь платили подати*

василевсу. Самое главное, удалось отвоевать южномалоазиатскую Киликию и часть Сирии с прославленной древней Антиохией, центром патриархии, которая 332 года пробыла под господством мусульман. Среди священных трофеев, более ценных для византийцев, чем вся прочая сказочно богатая добыча, особенно выделялась ветхая туника самого Иоанн Крестителя, доставленная в Константинополь из сирийского Алеппо, где она долгое время хранилась. Не менее важным стало временное упрочение фемного строя на отвоеванных территориях, что вылилось в создание новых военно-административных единиц в Киликии и вдоль берегов Тигра и Евфрата – давних рубежей ромейской державы.

Сурового смельчака Никифора пощадили мечи врагов в бесчисленных кровавых боях. Отважный, опытный полководец, как уже сказано, пользовался поддержкой давно набравшей силу азиатской военной знати, а также любовью и уважением солдат, которые больше всего ценили в своем начальнике готовность делить с ними все тяготы походной жизни и опасности в бою. Став василевсом, он установил, по сути дела, военный режим и заставил константинопольцев строить укрепления вокруг Большого дворца, предусмотрительно стремясь превратить его в крепость с потайным убежищем, чем вызвал раздражение и без того недовольных им, озлобленных горожан, а еще больше синклитиков, которых он лишил прежней роги. Если бы не отсутствие такта, доходившее порой до рукоприкладства в отношении иностранных послов, скупость и вместе с тем алчность, стремление все увеличивать и увеличивать до беспрецедентного уровня налоговое бремя, спекулируя вместе с братом Львом государственным хлебом во время неурожая и голода, пагубный отказ от контроля над городскими рынками, рост дороговизны, василевс еще успел бы много сделать для величия ромейской державы, не потерял популярность и не пал жертвой предательства друзей и коварства роковой августы Феофано, брак с которой привел его на трон.

Глубокой зимней ночью, когда дул леденящий северный ветер и падал густой снег, заговорщики высадились в царской гавани дворца Вуколеон и по одному, в корзине были втащены своими сообщниками наверх, после чего ворвались в спальню василевса. «Приблизившись к ложу и увидев, что оно пусто, они оцепенели от ужаса» – записал византийский хронист. Некоторые из заговорщиков, решив, что их предали, в панике уже собирались сигануть с балкона в море. Но один из слуг женской половины, предатель-евнух, сыгравший роль проводника, указал им на императора, который по своему обыкновению спал на полу. Они окружили его и, не слушая мольб о милосердии, стали жестоко бить, пинать ногами, пока не добились молотом. Растерзанный, выброшенный из окна, обезглавленный труп Никифора II на простой повозке был тихо свезен в храм Св. Апостолов, где упокоился в мраморном саркофаге рядом с прахом Константина Великого. В сонме мучеников столь бесславно кончивший жизнь великий воин не попал, но византийская Церковь все же причислила его к лику блаженных.

Не менее замечательным, способным военачальником показал себя и Иоанн Цимисхий, вероломный, лицемерный убийца неотесанного, неприятного, мрачного Никифора Фоки, которому он являл поразительный контраст во всем, кроме военной доблести. По происхождению армянин знат-

ного рода, внучатый племянник знаменитого, очень талантливого византийского военачальника Иоанна Куркуаса, он был неотразим в общении с женщинами, красив, имел русые волосы, рыжую бороду, ясный прямой взгляд поразительно голубых глаз, любил выпить, обладал пылким темпераментом, веселым, жизнерадостным характером и природным обаянием, которое быстро склонило к нему сердца ромеев. Его армянское прозвище Цимисхий означало «малый ростом», или попросту «коротышка». Тем не менее новый василевс обладал богатырской силой, ловкостью (мог перепрыгнуть через трех лошадей и приземлиться в седле четвертой), был решительным, храбрым, бесстрашным воином и расчетливым полководцем, умным, искусным дипломатом и при всем этом отличался великодушием, мягкосердечием и щедростью. Рассказывают, что став царем, он пожертвовал половину своего частного имущества бедным крестьянам, наиболее пострадавшим от недавнего неурожая, а на остальную учредил в Хрисополе приют для больных «святой болезнью» – проказой, ибо относился к этим несчастным, как и к больным эпилепсией, с особым состраданием и порой собственноручно омывал их жуткие язвы. Поэтому не удивительно, что он слыл одним из самых популярных и благородных правителей Византии.

Когда в 971 г. против Иоанна, столь жестоко занявшего царский трон, подняли мятеж ссыльные родственники убитого Никифора Фоки – племянник Варда Фока, брат Лев Фока и его сын, он, не желая проливать кровь, верный своему слову, пощадил их, лишь напугав угрозой ослепления : едва ли ссылку без конфискации имущества на уютные острова Лесбос и Хиос, да еще и с семьей, можно расценить как тяжкое наказание. В дальнейшем Цимисхию не пришлось сталкиваться с новыми посягательствами на императорский престол. Желая узаконить свое положение, к концу того же года он венчался на Феодоре, одной из пяти сестер покойного Романа II, возвращенной из двенадцатилетней ссылки : она не блистала красотой и молодостью, но зато была правнучкой, внучкой, дочерью, сестрой и теткой легитимных императоров. Благодаря ей, Иоанн становился членом Македонской династии. Интриганка же Феофано, на которую взирали все грехи за убийство супруга, по настоянию Патриарха была отправлена в ссылку в Армению.

На Западе василевсу повезло куда больше его предшественника, удачливому по преимуществу на Востоке. Он успешно сдерживал натиск 17-летнего, энергичного германского императора Оттона II Рыжего, безуспешно осаждавшего итальянские укрепленные города. Чтобы разрядить напряжение и выйти из обострившегося конфликта, Иоанн не остановился перед отдачей в жены чужеземному государю своей 16-летней племянницы, хотя и не порфирородной, но ромейской принцессы Феофано. Она была дочерью знатного вельможи Константина Склира и Софии Фокины, племянницы василевса Никифора Фоки, тогда как первой женой Цимисхия – сестра Константина Склира, Мария Склирена и, следовательно, новый василевс приходился Феофано дядей. Родство было настолько призрачным, что вызвало возмущение части германских придворных кругов, советовавших императору отослать «небагрянородную» Феофано назад. Тем не менее брак, заключенный в 972 г., оказался на удивление счастливым, причем родившийся в нем будущий Оттон III вырос скорее греком, чем немцем. Объединение пра-

влящих династий обоих Империй давало призрачный шанс на возможность осуществить давнюю мечту – воссоздать единое государство, как это было в IV столетии.

В своей беспримерной, ожесточенной военной «дуэли» с молодым, отважным Киевским князем – витязем **Святославом** (ок. 938-972 гг.), притязавшим на земли Подунавья, Иоанн Цимисхий тоже одержал верх, по крайней мере, дипломатический, и в конечном счете добился физического устранения воинственного соперника. Можно согласиться с теми историками, которые считают, что это стало для **росов** «последней вспышкой буйной силы, последним взмахом меча», а их удалой князь оказался игрушкой в руках византийских политиков. Дунайский оборонительный лимес был вновь, правда, ненадолго, восстановлен, восточная Болгария стала ромейской. Соблазненный возможностью отобрать у росов богатую добычу, пленных, мстительный печенежский князь Куря напал из засады на возвращавшиеся в Киев, основательно потрепанные, сократившиеся на две трети в боях с Иоанном I войска.

Печенеги или, как их с высокомерно, но точно характеризует византийский историк Лев Диакон, «многочисленное кочевое племя, которое пожирает вшей, возит с собой жилища и большую часть времени проводит в повозках», появились в степях северного Причерноморья с конца IX в. и, победив в ожесточенной борьбе хазар и венгров, распространили свою власть на бескрайние степи от Дона до Дуная. Они не раз нападали на славян и на ромеев, и ныне были раздражены тем, что росы заключили мир с Ромейским царством. Вероятно, их осведомителями стали горевшие жаждой мщения болгары, сообщившие о движении богатого каравана судов с остатками армии.

Череп павшего Святослава, по легенде, был превращен в окованную золотом чашу, из которой на пирах пили печенежские князья и их жены, полагая, что каков был этот человек, таким будет и родившийся от них. Такая необычная, «чудовищная» гибель была типична для раннесредневекового эпоса, в который прочно вошел погибший со славой «последний викинг» на киевском престоле, Святослав Игоревич. Позднее летописец мудро заметить от имени киевлян, что храбрый князь искал чужой земли и потерял свою. Цимисхий мог торжествовать! Его современник, известный проповедник, монах Антоний Студит в своей речи патетически восклицал, что василевсам были не только побеждены гордые **латины**, то есть жители Запада, но и гнусное племя скифов стерто с лица земли и исчезло, и народ болгар вновь склонил выю под ярмо.

Не менее успешными стали восточные походы императора-воина. Он дал отпор натиску особо опасных, диких тунисских берберов-мусульман, шитов во главе с энергичной самозваной династией **Фатимидов**, недавно легко завладевшей Египтом, посягавшей на Сирию, Палестину и на религиозной почве враждовавшей даже с Багдадскими халифами – «Правителями правоверных». В 974 г. Иоанн Цимисхий лично повел свою армию, пополненную без малого 10 000 армян, отвоевывать эти земли, быстро дойдя до Антиохии, Бейрута и Дамаска, которые открыли ему свои ворота. Другие прибрежные сирийские города выплатили огромную дань. Лишь безводные пески горячей пустыни стали препятствием на пути победоносных византийских войск к Багдаду, столице Халифата Аббасидов, но и без вмешательства ромеев некогда блистательный мусульманский город-гигант, в три раза превосхо-

дивший по размерам Константинополь, стал вскоре приходить в упадок. Казалось, еще последнее усилие и святой град Иерусалим был бы отвоеван уже до рыцарских Крестовых походов. Эти земли вновь признали власть ромеев и стали быстро населяться христианами, в основном яковитами. С одобрения василевса, они создавали здесь новые епископства и монастыри, которые становились центрами распространения сирийской христианской культуры. В столичный храм Св. Софии были переданы на хранение два главных священных трофея – волосы Ионна Крестителя и сандалии Иисуса Христа.

Но сам василевс вернулся в Константинополь из невероятно успешно-го великого восточного похода смертельно больным, заразившись тифом или малярией, а, может быть, и отравленный, и, вскоре умер в возрасте 51 года. Он едва успел исповедаться в тяжких грехах своей бурной жизни и благородно завещал все свое богатство бедным и больным. Шесть лет его доблестного правления блеснули в истории Ромейского царства как ослепительный удар молнии. Недаром этому невиданному подъему мощи Империи известный французский византинист Густав Шлюмберже посвятил книгу с символичным названием «Византийская эпопея».

Нигде не было столь активной торговли, столь сильного правительства, столь умелых чиновников, столь мощной армии как в Ромейском царстве. И казалось, так будет всегда! Вера в успех и благополучие были разлиты в воздухе и действовали заразительно.

Тем не менее конец X в. снова стал тревожным для ромеев. Ограниченные военные операции на Востоке чаще всего проваливались. В частности, не удалась попытка овладеть сирийским Триполи, вернувшимся в руки мусульман. Самое главное, вечная колючка в боку Империи – окрепшее Болгарское царство не только вернуло свои владения, изгнало византийские гарнизоны, но и начало экспансию, направленную на юг, в сторону ромейских земель. По линии болгаро-византийской границы врагам противостояла заимствованная с востока Ромейского царства структура многочисленных *«малых фем»*, которые располагали мощными опорными центрами – крепостями (кастра) и защищали особо важные перевалы, дороги, тропы, переправы через реки, то есть создавали передовую линию обороны прежде всего перед Фессалоникой и Адрианополем. Их военные силы состояли из регулярных пехотных *таксиархий* по тысяче пехотинцев каждая и из вспомогательных отрядов местных стратиотов. Здесь накапливались войска, располагались запасы продовольствия и материальных ресурсов, содержались пленные. Но и отлаженная система малых фем не спасала : недаром они довольно быстро, не выйдя за пределы X столетия, исчезли на Востоке, влившись здесь в крупные пограничные фемы.

Инициатива на некоторое время оказалась в руках болгар. Ставший во главе их, отчаянно смелый Самуил (976-1014 гг.) был младшим из четырех сыновей комита Николая, правителя Македонии. Двое старших комитопулов – сыновей военачальника со временем трагически погибли во время войны, а третьего своего брата-изменника Самуил уничтожил сам. Создав новое мощное Западно-Болгарское царство со столицей в Охриде, он объединил под своей властью все македонские земли почти до Фессалоник, включая давние болгарские территории и часть Албании. Он возродил Болгарский патриархат, отмененный Иоанном Цимисхием.

Лишь после почти непрерывных сорокалетних войн, навязанных болгарами, хладнокровный и трезвый политик, василевс Василий II (976-1025 гг.) с большим трудом вновь добился перевеса, захватив Болгарию. Впервые со времени прихода на Балканы славян и болгар, весь полуостров оказался под контролем Византийской империи, а Дунай, опять, как и четыре сотни лет назад, стал имперской границей на севере. В 1018 г. в македонском Охриде, сердце болгарского государства, василевс принял клятву верности от вдовы болгарского царя Владислава и оставшихся в живых членов царской семьи. Теперь они вливались в ряды имперской элиты. Некоторые из болгарских царевен были отданы в жены представителям самых знатных византийских семейств.

Василий II вообще поддерживал ромейскую аристократию. За участие в мятеже против василевса были наказаны только представители славного семейства Фок, считавшие себя более достойными верховной власти и осмелившиеся соперничать с Македонской династией. Они были разорены конфискациями и почти выпали из круга высшей византийской знати. Но другие старые семейства – Аргиры, Мелиссины и даже бунтовавшие Склиры сохранили свои позиции. Более того, началось возвышение новых провинциальных военно-аристократических семей – *Алиатов*, *Таронитов*, *Комнинов*, Далассинов, Вриенниев, Диогенов, Вотаниатов, Феодороканов, которым предстояло сыграть важную роль в дальнейшем. Причем некоторые представители аристократии уходят из военной сферы деятельности в более доходную, растущую – юридическую или налоговую, чиновную, тем более, что среди военных все более росла роль иноземцев, нанимающихся на военную службу. В целом, знать становится более единой, послушной, ближе к василевсу – источнику благ. Василий II сумел сохранить старые заветы и видел в них свою опору, что подтвердили его успехи.

Самое главное, сбылась заветная мечта жизни 60-летнего царя : страна-враг лежала у его ног вместе со всеми Балканами – впервые со времен их захвата славянами, Болгария, на этот раз уже вся, вошла в состав Ромейского царства. На центральных землях бывшей державы был создан *катепанат* Болгария (позже превращенный в дукат) с центром в Скопле. Над Нижним Дунаем раскинулась обширная ромейская фема *Паристрион*, от древнего названия Дуная – Истр, с резиденцией стратига в Силистрии. Позже она тоже была превращена в катепанат, а затем в дукат. Вероятно, фемой стал вечно манивший ромеев пограничный дунайский *Сирмий* (*Сирмиум*). Византийский «орел» все же одержал верх над болгарским «львом».

Василий II, старший сын бесталанного Романа II (959-963 гг.) и неистовой красавицы, августы Феофано, суровый и простой в быту, молчаливый и косноязычный, обладал незаурядным умом и энергией. В отличие от изнеженного младшего брата, Константина, который удался в гуляку-отца и ничем, кроме развлечений и секса не интересовался, он был упорным, способным учиться, разумным, но чрезвычайно вспыльчивым, упрямым и злопамятным.

Не любя показной блеск государственных церемониалов, Василий был начисто лишен внешней эффектности : ходил в простой повседневной, не слишком чистой одежде, мягко говоря, не вполне достойной царя, довольствовался скудной едой и питьем, пренебрегал женщинами, не жаловал искусства и науки, да и внешне ничем не выделялся – был небольшого роста, имел тусклые голубые глаза и солидную, окладистую бороду. Его простой

и краткий стиль изложения представлялся византийским интеллектуалам безыскусным и грубым. Лишь на коне этот воин и аскет смотрелся великолепно, ибо всадником был превосходным.

Фактически василевс с 976 г., он перестал играть роль марионетки и стал во главе государства только с 985 г., в возрасте 27 лет, после того как смог сместить своего наглого, хитрого, контролировавшего все структуры родственника, воспитателя и опекуна, евнуха-паракимомена **Василия Лакапина** по прозвищу Ноф – «Бастрад», и отправил его в ссылку, где тот через несколько лет умер. Прочие враги царя из числа родственников прежних василевсов-узурпаторов, мятежной знати, высших командиров, своевольных, кичливых богачей, непокорных архиереев кончали жизнь еще хуже – удавленные, утопленные, с отрезанными языками, посаженные на кол, распятые.

Длительные ожесточенные гражданские войны с могучими провинциальными малоазийскими магнатами сделали из Василия жесткого, недоверчивого человек. Выйдя из них победителем, царь не заботился ни о чем, кроме величия Империи, которой непреклонно служил и самовластно управлял последующие 35 лет. За это время он побывал почти на всех границах государства ромеев, огнем и мечом расширяя их, утверждая ромейское владычество. Благодаря своей способности сочетать оригинальное стратегическое видение главнокомандующего с дотошностью строевого командира, Василий II оказался не хуже самых блестящих полководцев, которых когда-либо знала византийская история. Со временем набравшись опыта, василевс редко шел на риск, и военные потери у него были минимальны.

Паталогически скупой, Василий пополнял государственную казну (накопил двести тысяч талантов, то есть больше четырнадцати миллионов номисм – около 65 тонн золота), так что драгоценности горами лежали прямо на земле в похожих на склепы подземных лабиринтах-сокровищницах. Кроме того, дотошный во всем, он провел в 993 г. перепись имущества всех налогоплательщиков, вынудил крестьян бежать от растущих налогов из «вольных» сел на земли вельмож, знати. Но и с аристократов Василий немилосердно драл недоимки, в 1001 г. возродив для этого специальный налог – **аллиленгий**, который возложил на крупных земельных собственников. Теперь они должны были платить его в качестве круговой поруки не только за бедных крестьян, но и за пустующие, брошенные земли. Не менее суровый контроль он ввел и за торгово-ремесленной деятельностью. Не доверяя никому, царь не искал расположения ни знати, ни народа, требуя от подданных только одного – беспрекословного подчинения.

Тридцать лет своей жизни, начиная с провальной для ромеев осады Сердики и последующего позорного разгрома у Траяновых ворот, василевс посвятил упорной, методичной, неумолимой, разрушительной борьбе с ненавистными болгарам, достигшими зенита своего могущества. После наведения порядка внутри страны, обуздания аристократической вольницы, с 991 г. все колоссальные ресурсы государственной машины Ромейского царства были брошены в горнило небывало ожесточенной войны. Вопреки традиции, византийские войска воевали в болгарских землях даже зимой, предварительно уничтожая посевы врага и предавая все огню.

Развязка наступила 29 июля 1014 г., когда в верховьях реки Стримон (теперь Струмы), в укрепленном болгарами рвами и изгородами проходе горного хребта Беласица, носившем красноречивое название Клидион – «Ключ», началась страшная сеча. Обойденные по горам с тыла, болгарские воины оказались в окружении. Многие из них погибли, а еще больше попало в плен. Царю Самуилу удалось бежать в крепость Прилеп (Преспа в современной Македонии), но поражение было сокрушительным, решившим исход войны и судьбу Первого Болгарского царства, через четыре года потерявшего свою независимость.

Источники рассказывают, что стремясь отомстить за непокорность, посеять невиданный ужас в стране противника, василевс вскоре приказал ослепить около пятнадцати тысяч пленных болгар, оставив на каждую сотню слепцов поводыря, ослепленного на один глаз, чтобы привести остальных к болгарскому царю в Прилеп. От вида столь страшного, жестокого зрелища тысяч медленно бредущих оборванных, истерзанных слепцов – всего, что осталось от некогда сильной армии, Самуил, к тому времени уже больной человек, оказался окончательно деморализован, сломлен и умер два дня спустя. За такую чудовищную непримиримость и ожесточенность по отношению к болгарам Василий II с этого времени получил прозвище Вулгароктон – «Болгаробойца», «Убийца болгар», с которым он и вошел в историю как покоритель Болгарии.

Впрочем, стоит заметить, что при всей крутизне политики беспощадный василевс оказался достаточно умен и проницателен, чтобы не покуситься на особый самостоятельный статус Болгарской Церкви, лишь пониженной до уровня автокефального архиепископства, не стал увеличивать размеры и менять натуральный вид налогов, которые болгары платили до завоевания, чтобы облегчить восстановление экономики опустошенных войной регионов. Достигнув мира, он стал смотреть на болгар как на своих подданных, а не врагов. Теперь болгарской знати доставались византийские жены и саны.

Разгром германского императора Оттона II Саксонского в 982 г. в Калаврии великолепно организованной армией египетских мусульман, Фатимидов, пришелся весьма кстати, чтобы поправить положение ромеев на юге Италии и снизить активность латинов. Учитывая прогреческие симпатии его наследника, Оттона III, Василий пытался организовать брак 17-летнего юноши с одной из своих племянниц, но из-за происков бесчинствовавшей римской знати первая попытка такого рода сорвалась. Вторая, состоявшаяся в 1002 г., уже почти увенчалась успехом, когда 22-летний жених внезапно умер от лихорадки, отчего средней племяннице василевса, Зое, так и не суждено было стать императрицей Запада, а при отсутствии у Василия наследника мужского пола, возможно, и царицей Востока.

Зато военные дела продолжали радовать. Благодаря им василевс теперь мог осуществлять верховное правление на территории от Адриатики до Азербайджана. Он водил свои войска на Кавказ – в христианскую Ивирию (Грузию), Абхазию, а также в Армению, которые были освобождены от гнета мусульман. Экспансия на Восток проходила за счет грузинских и армянских государств. Раздробленные и соперничающие друг с другом, они становились легкой добычей византийского оружия и дипломатии. Некоторые из их правителей добровольно шли на обмен своих территорий на востоке взамен

византийских титулов, должностей и земель. Так, около 1020 г. Сенекерим, правитель армянского княжества **Васпуракан**, опасаясь арабских вторжений, отдал василевсу свое царство, получив вместе со своей знатью в обмен ромейские саны и обширные имения на востоке Малой Азии, в Каппадокии.

Василевс был глубоко уязвлен бесконечными нападениями сицилийских мусульман на юг Италии. Чтобы успешнее противодействовать им, царь ромеев свел все византийские владения в Апулии и Калабрии под единую власть пограничного наместника – **катепана** с центром в мощном портовом городе-крепости Бари. Стареющий 67-летний император задумал вернуть даже утерянную Сицилию, для чего занялся планированием военной компании и сбором огромной армии против сицилийских арабов. Лишь его внезапная смерть в 1025 г. оборвала эти амбициозные планы, которые так и остались нереализованными.

Судьба не любила этого крайне одинокого, угрюмого, отчужденного, погруженного в себя человека грубого нрава, который пережил за свою жизнь более двух десятков внутренних конфликтов, мятежей, переворотов, заговоров. В свою очередь, никого не полюбив, он так и умер, не доверяя никому, неженатым и бездетным, что в будущем пагубно отразилось на судьбе Ромейского царства.

По злой иронии судьбы саркофаг могущественнейшего из василевсов ромеев, проведшего на троне шестьдесят два года, – больше, чем любой другой монарх в римской истории, – оказался не среди гробниц великих императоров в храме Св. Апостолов, а в церкви Иоанна Крестителя в пригороде Константинополя – **Евдомоне**. К XIV в. ее развалины стали служить загоном для овец. Здесь царские посланцы увидели рядом с каменным гробом «...стоящее в углу тело давно умершего человека, совершенно целое, со всеми членами, и абсолютно голое с головы до пят. Во рту у него была пастушеская свирель, засунутая кем-то ради глумления и смеха». Таким стал итог мирской славы этого блистательного и одинокого правителя, который провел жизнь, не выпуская из рук копыя.

Как бы то ни было, благодаря усилиям Василия II Болгаробойцы Ромейскому царству вновь принадлежали старые фемные области Месопотамии и северная Сирия с Антиохией, одним из наибольших городов мира, главным опорным пунктом византийцев на Востоке. Вышколенные, спаянные железной дисциплиной, безусловно организованные и хорошо руководимые, снабжаемые всем необходимым ромейские войска стояли на Адриатике, Дунае, Тигре и Евфрате, болгары были сломлены и присоединены, а арабы отражены. Компетентные и способные ромейские командующие следовали хорошо продуманной и иногда блестящей тактике и стратегии, направленной на ограничение возможностей неприятеля. Значение имперской профессиональной армии во внутренней и внешней политике возросло. Она внушала такой страх, что бывало достаточно простого слуха о ее приближении, чтобы держать в узде большинство воинственных соседей или пытавшихся отложиться союзников.

Отвоеванные восточные города, более активные, чем другие провинциальные центры Ромейского царства, теперь вновь вносили свой вклад в рост государственных доходов. Мусульманский эмират Алеппо и соседние с ним эмираты стали данниками Византии. Из мощных соперников, здесь, на Востоке остался

только Египет Фатимидов, управляемый могущественной шиитской династией, тоже зарившейся на Сирию. В борьбе за нее с обеих сторон открывались шлюзы дикой жестокости. Захватив в плен воинов одного из летучих отрядов мусульман, непрерывно тревоживших ромейские войска, Василий приказал отрубить руки у 40 пленников и отправить их в Триполи для устрашения врага.

В 995 г.в результате блестящего, молниеносного шестнадцатидневного марша через всю Малую Азию к Алеппо византийского экспедиционного корпуса, посаженного для быстроты передвижения на восемь тысяч мулов, огромная фатимидская армия в страхе поспешно отступила, бросив свой лагерь. Но война продолжалась, подогреваемая ненавистью к «неверным» такого религиозного фанатика как Хаким (996-1021 гг.), нового Каирского султана Фатимидов, взшедшего на престол в возрасте одиннадцати лет. Даже после того, как он вынужден был пойти на заключение мира в 1001 г., дикие причуды этого правителя подогревали идеи священной войны. Так, деспотичный Хаким потребовал, чтобы повсюду, вплоть до бани, неверных можно было отличить от правоверных мусульман, для чего христиане-копты должны были обязательно носить тяжелые нательные кресты, а иудеи – колокольчики. Хаким ненавидел изюм, поскольку из него можно было делать вино, запретил изготовление женской обуви («женщинам нечего делать на улицах»), а группу женщин, застигнутых в публичной бане, приказал сварить заживо. Купцов, пойманных на обмане, отдавали в руки Масуди, нубийского раба халифа: на глазах Хакима тот насиловал провинившихся.

В 1012 г. халиф, – вовсе не обскурант, открывший обсерваторию, библиотеку и даже имевший мать-христианку, – приказал уничтожит все церкви на своей территории, включая храм Гроба Господня в Иерусалиме, что стало одним из поводов Первого Крестового похода, предпринятого в конце XI в. Тела умерших немусульман, бывало, выкапывали из могил и бросали собакам. Впрочем, собак в Каире чудаковатый кровавый халиф приказал перебить, а лавки открывать только ночью, когда он, одетый в простые одежды, разъезжал по Каиру на своем муле по кличке Луна, полагая, что он близок к народу. Во время одной из таких очередных ночных прогулок Хаким таинственным образом бесследно пропал из собственного дворца, что позволило свободнее вздохнуть Василию, много лет боровшемуся со своим странным противником и оружием, и экономическими мерами, запретом торговли с Фатимидами.

Когда дело доходило до войны, всемогущий василевс всегда был готов сражаться. Некоторые прежние буферные государства-сателлиты, к примеру, кавказские княжества, были уничтожены. Правители аннексированных Армении и Грузии признавали верховенство василевсов, которые действовали где обещаниями, где дарами, а где силой. Происшедшее необыкновенно активизировало партизанскую войну акритов. Стратиги пограничных фем совершали рейды не только за пределы гор Тавра, но прорывались в Киликию и даже Верхнюю Месопотамию. Враги ничего не могли поделать с такими формами ограниченной войны: местные жители, предупрежденные своими караульными постами, укрывались вместе со скотом и прочим скарбом в горах, труднодоступных крепостях или в скальных подземельях, как в Каппадокии. Урон от вражеского набега оказывался минимальным, а захваченных в плен регулярно меняли, ибо они были с обеих сторон. 400-летнее противостояние арабского мира и Ромейского царства теперь заканчивалось в пользу последнего.

Византийская военная машина становилась все более агрессивной. Мощная, испытанная армия достигла к 1025 г. общей численности около 250 тысяч человек. Правда, имперский военный флот сильно сократился, поскольку уже Василий II пошел по пути получения кораблей у западных данников или союзников, прежде всего, италийцев. Именно их корабли господствовали в Средиземном море, достаточно надежно защищая ромейские владения в южной Италии от пиратских рейдов мусульман. Во второй половине X – первой четверти XI вв. ромеи значительно расширили свою территорию. Они по-прежнему считали своими подчиненными в Италии морские дукаты **Венецию**, **Неаполь**, архонтаты **Гаэты**, **Амальфи**, лангобардские княжества-принципаты на юге страны – **Салерно**, Капую, Беневент; в Далмации – Рагузу и Спалато (теперь Сплит); на северных Балканах – сербов и хорватов.

Василевсы давали этим вассальным правителям почетные византийские титулы и придворные должности, городам – льготы в портах Византии. А те в свою очередь создавали заслон для Ромейского царства на его границах, поддерживали мирные отношения, иногда поставляли в ромейскую армию военные контингенты, давали свои корабли, что было дешевле, чем содержать регулярный военный флот в Константинополе, получали повеления – келевсисы ромейских царей и помещали их имена на своих указах, а изображения чеканили на местных монетах. Зона влияния византийской культуры продолжала расти, хотя присоединение Болгарии кое в чем пошло не на пользу Византии: северная граница ромейской державы оказалась отныне обнажена и открыта для вторжения соседних варварских народов, особенно докучливых печенегов, от соприкосновения с которыми прежде ее оберегали сами болгары. Впрочем, вишивые печенеги сами находились в упадке, а половцы, или куманы, еще не появились им на смену.

В целом, Ромейское царство выдержало одновременную борьбу на два фронта, уравнило свои владения на западе и востоке, сделало христиан куда более сплоченными, сумело затормозить кризисные явления, хотя и не предотвратило их. Византийская торговля получила заметные преимущества за счет европейских центров, особенно городов Нижнего Дуная и далматинского побережья, вошедших в орбиту ромейского влияния. Демографическое и экономическое развитие шло здесь особенно быстро. К тому же сказывался намечающийся подъем италийских городов, который ромеи поначалу могли использовать с выгодой для себя. Ослабевший мусульманский Восток из хищника превратился теперь в добычу. Не было оснований думать, что это положение изменится когда-то в худшую сторону и героическая эпоха Византии после пика ее экспансии завершится новым кризисом ромейского общества.

От стратиотов к наемникам

Для ведения многочисленных войн Ромейское царство нуждалось в большой и хорошо вооруженной армии. Но уже со второй половины – конца IX столетия часть стратиотов, особенно из числа малоземельных крестьян, была не в состоянии переносить тяготы больших военных походов и заниматься своим хозяйством, ибо крупные военные кампании требовали их долгого отсутствия и материальных издержек.

Те, что побогаче под любыми предложениями стремились уклониться от мобилизации, выставляли за себя другого или, на худой конец, соглашались

платить отступные деньги как компенсацию за свое отсутствие. В отличие от полных опасностей приграничных областей, в тыловых областях, куда давно не проникал враг, фемные воины-ополченцы забрасывали тренировки как надоевшую бесполезную рутину. Вместо этого, – сетовал автор военного трактата X в., – они «...продают свое боевое снаряжение и лучших лошадей, а покупают коров», так что, если враг нападет, «...не найдется никого, кто был бы способен исполнять труд воина». К тому же многие из фемных стратиотов попросту разорялись и уже поэтому при всем желании не могли приобрести требуемый набор: обмундирование, оружие, коня и повозку для несения службы. В отличие от воинов-ромеев конца VII – первой половины IX столетия они были неважно обучены, если не считать немногих профессиональных солдат из окружения стратига. Не случайно после правления Василия I Македонянина византийцы на некоторое время перестали одерживать военные победы. Длительное существование свободной крестьянской общины, оказавшееся столь полезным для Ромейского царства и его системы благословенного фемного строя, подходило к концу. Традиционная система управления фемными армиями, замкнутая на василевсе, становилась слишком неповоротливой, медленно реагирующей.

Фемные ополчения стали таять не по дням, а по часам, а их боеспособные остатки включали в регулярные воинские части: фемные тагмы (отряды доместиков фем), гарнизоны крепостей (протокентархии), контингенты клисур, пограничные дукаты. По сути дела, уже с конца IX в. наблюдался постепенный отказ от иррегулярных ополчений в пользу регулярных войск. Необходимые изменения в организации армии отразились в серии военных реформ, завершивших процесс перехода от одного способа комплектования армии к другому и занявших всю третью четверть X в., срок жизни целого поколения ромеев. В результате этих сдвигов постепенно была выработана новая система, в основе которой стало все более расти значение именно регулярных, профессиональных войск, получавших жалованье за службу. Кроме того, такая система предусматривала большую самостоятельность командиров и была значительно эффективнее, чем нанимаемые на сезон «контрактники»-ополченцы, составлявшие основу фемных армий.

Вечно нищий логофет стратиотов, прежде не имевший собственных денежных средств, теперь получил их, чтобы выплачивать солдатам, уже не фемным стратиотам. В связи с этим у него появился заместитель – великий хартуларий логофета стратиотов, который ведал финансами логофесии и которому в свою очередь помогали хартуларии секрета – должностные лица с канцелярскими и, вполне вероятно, финансовыми обязанностями. Кроме того, военный логофет обзавелся некоторыми судебными функциями, что тоже прибавило ему вес. Стратиги стали офицерами, подчиненными катепану или дуке, главам новых военно-территориальных округов, больших коменданств, приграничных районов. В XI в. началась организация таких коменданств, объединявших под военной властью дуки или катепана несколько административных округов или же все военные силы, которые находились на довольно протяженной территории, к примеру, охватывали Крым и **Таманский полуостров**, именовавшийся византийцами Хазарией. Гражданская сфера в управлении фемой была отделена от военной сферы и передана в руки критеспетора, то есть «судьи-претора».

И так, – самое главное, фемные ополчения стали бесповоротно заменяться регулярными профессиональными тагмами – пехотными таксиархиями, постоянными армейскими подразделениями из 1000 воинов, и этериями – дружинными отрядами местных землевладельцев. К ним следует добавить конных воинов из *схол*, *экскувитов* и *виглы*, возникшие из бывших гвардейских пехотинцев, и так называемых *иканатов* – «достойных», гвардейскую пехоту – *арифм*, стражу на стенах и *нумера*, которые выступали как полицейские и тюремные стражи. Традиция содержания таких постоянных императорских полков – тагм никогда не прерывалась в Византии, но теперь она воистину обрела «второе дыхание» и стала единственно возможной. Немногие уцелевшие, наиболее боеспособные фемные контингенты, особенно с приграничья, где им никогда не давал расслабиться враг, теперь окончательно влились в эти регулярные формирования. Не случайно тогда же появились «малые», или «армянские», фемы наряду, а иногда взамен «больших», или «ромейских» фем. По всему было видно, что фемный строй, исчерпав все возможные структурообразующие и качественные изменения, окончательно вступил в пору своего заката.

Шедшая ему на смену наемная профессиональная армия на жалованьи была более эффективной, но, в отличие от византийской армии ополченцев поры складывания фем, стоила очень дорого. В середине X в. «нормальным» имуществом для несения стражи – военной службы считались две литры (144 номисмы – почти 650 грамм золота) для моряка царского флота и вдвое больше – четыре литры (288 номисм) для стратиота-всадника и солдата фемного флота. Но и таких средств скоро стало недостаточно. Стратиотские имения «со свистом» уходили в чужие руки несмотря на все еще формальную незаконность таких покупок. Чтобы поправить положение, Никифор II Фока развил далее военные реформы, пустив на них огромную добычу с отобранного у арабов, разграбленного Крита.

Новшества состояли в том, что было введено раздельное командование в восточной и западной частях Ромейского царства. Были созданы особые военные округа с единым военным командованием в пограничных районах Византии, где были расквартированы постоянные армейские подразделения. Появились мобильные войска в виде полевых боевых постов без какой-либо гражданской администрации. Самое главное, насущное – были образованы отряды элитной кавалерии путем пополнения существующих тагм и создания новых подразделений. С этой целью Никифор Фока решил в три раза увеличить минимальную стоимость стратиотского имения, доведя ее до двенадцати литр (844 номисм – почти 3,8 килограмма золота). Такой обеспеченный всем тяжеловооруженный воин уже не мог быть «бедным».

Разумеется, это не могло не отразиться на социальном составе византийского войска. Василевс полностью отказался от прежней антиаристократической политики поддержки мелких землевладельцев-крестьян, в числе которых было много бедняков. Теперь налогообложение было распространено и на тех, кто нес стратию. Натиск на крестьян, усиление податного гнета привели к ослаблению фемных частей и вместе с тем дали в руки властей средства. На них они могли нанимать все новые и новые войска, содержание которых было куда более дорогостоящим, чем прежде. Другими словами, собранные деньги позволяли финансировать набор наемников и набирать из них

регулярные армейские подразделения. Возможность службы в армии и одновременно престиж этой службы для рядового ромейского населения упали. Правительство полагало, что экономически эффективнее дать воину финансовое обеспечение от производителя, чем отрывать самого этого производителя от производства. Действительно, переход к наемникам и регулярной военной службе повышал боеспособность византийской армии. Бедные стратиоты, не способные нести службу, теперь платили в казну деньги на экипировку других воинов. Начинается смена военной повинности финансовой и, соответственно, резкое сокращение численности реально существующих фемных армий. Как уже сказано, этот процесс шел по нарастающей.

Главную роль в каждой полевой армии постепенно стала играть такая ударная сила как тяжеловооруженные всадники, обычно представленные особым отрядом численностью в 400-500 воинов. Общая же численность кавалерии сводилась до 8 500 человек. Она успешно дополнялась вышколенной, боеспособной пехотой, хорошо взаимодействуя с ней. При этом нормальная численность пехоты в действующей армии определялась в 11 200 **оплитов** – тяжеловооруженных и 4 800 – легковооруженных. Так, «полк» состоял из тысячи человек, из них 100 тяжелых и 400 обычных копьеносцев, 300 лучников с небольшими щитами, мечами и топорами и 200 легких пехотинцев с пращами и дротиками. Следовательно, военных с тяжелым оружием стало по численности гораздо больше, чем прежде, и, самое главное, их роль возросла. Именно поэтому теперь для такой армии надо было отбирать наиболее зажиточных воинов, земельные наделы которых были в три раза больше, чем у прежних, традиционных фемных стратиотов-ополченцев.

Особенно выделялись закованные вместе с лошадьми в тяжелую чешуйчатую или пластинчатую «рыцарскую» броню всадники, похожие на прежних ранневизантийских катафрактов, которых именовали также **кавалариями** или **кливанофорами** (**клибанофорами**). Страшна была атака этих спаянных железной дисциплиной, медленно надвигавшихся боевых порядков панцирных «железнобоких» кавалеристов, которые, как танки, таранили и опрокидывали неприятеля. Их острые копья пронзали людей насквозь, а убийственные шипастые булавы валили наземь. Врагам казалось, что это движутся какие-то чудовища. К концу XI в. они станут, подобно норманнской тяжелой коннице, атаковать галопом, что еще больше усилит необоримую силу их удара.

Тело такого воина покрывал комбинированный доспех, как правило, крепкий железный пластинчатый или чешуйчатый панцирь – **клеваний** (**клибаний**), который имел толстую простеганную подкладку из шелка или хлопка и особую схему соединения пластин, иногда цельный металлический нагрудник и, куда реже, кольчужная рубаха – **лорика** с кольчужными рукавицами. Голову скрывал остроконечный стальной шлем – **касис** с железной маской или бляхами-**забами** (завами) в два – три слоя, оставлявшими открытыми только глаза. Предплечье до локтя защищали **маникии**, а на руки от кисти до локтя надевали **наручи** – **маникелы** из кожи с прикрепленными забамы или пластинами-ламеллами. Такие же вертикальные пластины покрывали так называемый **кремасмата** – продолжение панциря, юбку из пластин, защищавшую живот и бедра. Кроме того, на ноги одевали **поножи-халкотувы** и стальную обувь с металлическими шпорами. Вес полного пластинчатого

го доспеха составлял четырнадцать – шестнадцать килограммов, включая ламеллярную кирасу весом около пяти килограммов.

Оружие воина составляли тяжелая сабля – **парамирий**, вероятно, искривленная, чтобы меньше цепляться при рубке, обоюдоострый меч – **спадфий** длиной не менее 0,9 метра и поэтому пригодный для атаки, железная шипастая палица-булава – **сидироравда** (дословно «железный посох»), несколько метательных палиц, утыканных лезвиями, – **вардукионов** или **мацукионов** и длинное копье – **контос**, а прикрытием служил большой щит – **скутум**, обтянутый толстой воловьей кожей.

Поверх доспехов набрасывали **епилорику** или **епанокливану** – плащ-накидку с разрезами на подмышках, чтобы не стесняло руки. Для ночных вылазок она могла быть темной. Шерстяную или льняную тунику, надеваемую под кольчугу или панцирь, красили в тот цвет, который был присвоен полку, так что каждая тагма имела свою униформу и четко определенное военным уставом построение. Западная Европа дошла до таких нововведений лишь в XVI в.

Лошади кавалариев имели легкое седло или полуседло, управлялись уздечкой и шпорами и тоже были хорошо защищены от стрел и сабельных ударов железными или кожаными нагрудниками, шейными щитками, налобниками, броней из шкуры зубров, вываренной плотной кожи или войлока – кентуклой, покрытой бабами или ламеллами, и даже особыми подвесками для защиты боков и живота коня.

Приобрести дорогостоящее вооружение, доспехи, средства и приспособления для ухода за ними и хранения, боевого коня, научиться всем этим профессионально владеть мог себе позволить только человек состоятельный, обладавший соответствующим досугом. Византийская армия поневоле стала весьма быстро терять свой народный, «крестьянский» характер и эволюционировать в армию по сути своей феодальную, состоявшую из богатых тяжеловооруженных всадников, панцирных воинов и наемников, служивших василевсу. Они несли «налог крови», и поэтому, по распоряжению царя, их родственники и даже слуги освобождались от налогов, тогда как на все остальные категории населения податной гнет возрос.

Выделившаяся ромейская знать группировалась вокруг виднейших военных фамилий и быстро теряла связь с крестьянской общиной. Крупные военные кланы в условиях вырождавшегося фемного строя все более делались не агентами царского правительства в фемах, а, по сути дела, сеньорами своих вассалов. Таким образом, значительная часть стратиотов стратегии катафрактов превратилась в мелких рыцарей. Менее зажиточные военнообязанные крестьяне несли службу легкими конниками, во вспомогательных войсках, набираемых только во время военных кампаний, а также пешими воинами, лучниками, прашниками, метателями дротиков и моряками на фемном флоте. Они еще сохранили собственное командование, но византийские офицеры все меньше рассчитывали на них. Походы Фоки и Цимисхия знаменовали собой последние победы фемного строя, который стал изживать себя, не отвечая интересам феодализирующейся военной знати. По сути дела, в это время появилась реальная возможность пойти по пути феодализации Византии по европейскому образцу и лишь наличие сильной центральной власти смогло приостановить пагубную для Империи назревавшую болезнь феодальной раздробленности.

Положение спасли наемники, в том числе из варварской Европы. Они появились в Ромейском царстве уже с начала X в. Через столетие, в начале XI в. государство стало предоставлять всем желающим стратиотам, отягченным военной службой, право откупаться от нее. Но так как своих «профессионалов войны» не хватало, на эти средства набиралось все больше наемников. Среди них было большое количество воинственных народностей, населяющих Империю, – армян, македонцев, фессалийцев, но основную массу составляли иноземцы – норманны, росы, болгары, армяне, грузины, англо-саксы (инглины), франки, датчане (дань), немитцы (немцы), италы (италийцы), далматинцы, сарацины (арабы), хазары, пачинакиты (печенег), аланы, авасги – подлинный «интернационал», этакий «Французский легион». Из них формировались особые полки – тагмы. Постепенно фемное войско превращалось во вспомогательные части при профессиональном наемном, хорошо оплачиваемом из казны: плата наемникам в полтора – два раза превосходила плату византийского стратиота. Кроме того, наемник получал ежемесячные выплаты *ситиресия* деньгами, одеждой, продуктами, праздничные выплаты, содержание. С конца X в. постоянные части наемников размещались на постой в населенных пунктах Ромейского царства и питались за счет местного населения. Наемников привлекали к сбору податей на территории военных действий, они получали часть военных трофеев. Для наемников в крупнейшем Манганском арсенале в Константинополе на случай войны были собраны громадные запасы оружия и снаряжения. Такие тагмы имелись во всех провинциях Византии, несли они и пограничную службу и, если не по духу, то по силе, отличались достаточно высоким уровнем боеспособности.

Примечательно, что в составе византийских войск вновь появляется подзабытая должность *стратилата*, а с 970-х гг. формируется новая элитная дворцовая тагма стратилатов, во главе которой стоял стратилат или domestik стратилатов.

В результате происшедших изменений к последней четверти XI в. ромейская армия сократилась до 20-25 тысяч воинов. Она стала в десять раз малочисленней, но зато качественно более мощной, стойкой, и, что очень важно, политически благонадежной. Вилевсы отбирали в нее лучших специалистов, среди которых особенно ценились норманнские тяжеловооруженные конники, конные печенег, конные арабские или пешие армянские лучники. Когда наемникам, будь это греки или чужеземцы, регулярно платили, они воевали с не меньшей отвагой, чем стратиоты, и главное, более профессионально, а значит, эффективно. Служебное рвение подогревалось и узаконенной перспективой подтверждаемого «Прохироном» раздела захваченной добычи.

Византийский военно-морской флот состоял из длинных весельных судов – дромон (дромониев) – «гонщиков», или, как их стали называть с IX в., – *монер* (*монерий*), способных вместить до сотни гребцов – компилатов, других членов команды и столько же вооруженных стратиотов, обученных воевать на море, своеобразных «морских пехотинцев». Такие корабли имели одну-две, редко – три мачты, передний, косой, так называемый латинский парус, очень удобный для маневров. Гребцы, как уже сказано, числом около ста человек сидели на скамьях вдоль бортов по двое, на двух ярусах – нижнем и верхнем, но без верхней палубы. Конфигурация корпуса дромона, несмотря на его скороходность, напоминала уют: днище было шире, чем уровень края бортов, что обеспечивало этому типу корабля особую устойчивость. При низких надводных бортах и наличии

отверстий для весел, куда могла попадать вода, это было предельно важно. Суда, как и прежде, оснащались камнеметами, стрелометами и батареями медных сифонов, пускавших гремящие струи пользучего «жидкого пламени». На некоторых из них у главной мачты, кроме прежней ксилокастры – деревянной башенки, устраивали боевые башни, с которых во время боя метали камни, стрелы, палицы, шары с шипами, ручные бомбы с «жидким огнем» на вражеские суда.

Хорошо защищенные, быстроходные, узконосые *тахидромоны* и небольшие *галеи* с одной скамьей для гребцов могли наносить внезапные стремительные удары, несли патрульно-конвойную службу, производили разведку, рекогносцировку, перевозили гонцов с донесениями. Грузовые корабли – *фортиды*, *скафы* – служили для перевозки продовольствия, военного имущества и снаряжения. Использование тяжеловесных, грузных судов с механической артиллерией, *памфилов*, несколько более легких *усиев* с сотней гребцов на борту, половина из которых, с верхнего ряда, сражалась во время боя, а также однопалубных парусно-весельных монер, стремительных тахидромонов, сифононосных кораблей с «жидким огнем» позволяло ромеям наносить мощные удары, морские набеги, вести долговременную осаду городов, рекогнасцировку, блокировать побережье, перебрасывать кавалерию, военные машины, грузы, большие контингенты войск и десант, численность которого достигала от пятой части до половины экипажа каждого дромона, принимавшего участие в операции. Количество же кораблей исчислялось сотнями. Если верить Льву Диакону, только во время критской экспедиции магистра Никифора Фоки было одновременно задействовано две тысячи кораблей с «жидким огнем», тысяча дромонов и 307 грузовых, вспомогательных судов.

Теперь весь флот делился на две части: одна набиралась в семи приморских фемах юга Малой Азии и островов Эгейского моря, где командовали фемные *друнгари*, другая, императорская (около 150 кораблей), – по-гречески *василея плоиа*, «царские суда» – делилась на «красные» и «черные» корабли, обслуживалась отчасти наемниками и располагалась в столице и близ нее, у берегов Мраморного моря и Босфора. На строительство флота были брошены огромные деньги. Так, только рога, то есть денежные выплаты для войск и корабельных экипажей, которые были задействованы в отдельно взятой полномасштабной экспедиции начала X в., составила около 240 000 номисм, то есть больше тонны золота!

Ромейское царство вновь стало одной из самых сильных военно-морских держав Средневековья. Её флот не имел серьезных соперников во всем Средиземном море и безусловно господствовал на Черном море. Уже во второй половине X в. были разгромлены мусульманские военно-морские базы и верфи, обеспечена свобода и безопасность торгового мореплавания. Исчезновение фемного войска, демилитаризация старых фем и даже Константинополя в XI в. не снизило боеспособность по новому организованной армии. Реформированные войска стали элитными и концентрировались главным образом на границах Империи.

«Наука побеждать»

Армии ромеев многие столетия обладали стратегическим, тактическим и организационным преимуществом перед большинством ее врагов. Именно это, наряду с эффективным государственным регулированием, позволяло быстро возрождаться даже после неудач, сокрушительных разгромов и потерь.

Другая причина подобной стабильности крылась в давней и весьма уважаемой в обществе традиции обязательно обобщать в военных руководствах и уставах боевой опыт вооруженных сил. Византийцы по праву продолжали гордиться своим воинскими навыками. Они свято берегли и внимательно изучали военную литературу, древние трактаты на военную тему, составляли новые военные пособия в виде вопросоответов по военному делу, писем командиру.

*В корпус военных трудов и исследований, как и прежде, в VI в., входили **тактики** – сочинения о правилах развертывания войск и их маневрах, **стратегиконы**, излагавшие принципы военного искусства, полиоркетики – руководства о методах и изобретениях, применявшихся для осад или защиты укрепленных мест, навмахики – уставы морского боя, стратегематы – сборники военных хитростей, принципов, правил и сведений. Их объемные тексты детально повествовали о порядках построения войска, их видах и вооружении, о тактике действий, об обычаях различных народов, особенно врагов-мусульман, сарацин, об обозах, маршах, тренировках, устройстве и планировке военного лагеря, подготовке к битве и действиях после битвы, о морских сражениях – навмахиях и т.д. Последним византийским выдающимся сочинением в этом жанре явилась «Тактика» одного из способных полководцев Империи, близкого друга василевса Василия II, **каниклия** – царского канцеляриста и дипломата рубежа X-XI вв., одаренного **Никифора Урана**, который некоторое время был военным магистром всех западных армий и дукой Антиохии. От XII в. дошли два трактата неизвестного автора, «Герона Византийского», посвященных осадному делу – «Парангельмата полиоркетика» («Наставления по осаде городов») и измерениям, но они основывались на инженерных руководствах многовековой давности. К сожалению, свое дальнейшее развитие военное искусство получит на латинском Западе, а не в Византии, начавшей отставать в этой области.*

Пока Ромейское царство оставалось единственной страной, где продолжали изучать военную науку, стратегию и тактику войны, разработанную в прошлом великими полководцами Рима. Эта военная мысль способствовала подготовке командных кадров страны. Более того, возвращенные таким способом грамотные ромейские военачальники сами творчески подходили к вопросу. Они не просто слепо следовали рекомендациям древних, но и вносили свои коррективы, продиктованные временем. К примеру, ромеи стали предпочитать такие опасные приемы войны как фланговые удары, хитроумные обходы, неожиданные нападения из засад, заманивания. В свою очередь категорически запрещалось преследовать частично опрокинутого неприятеля, дабы самим не попасть в ловушку притворного бегства. Если военачальники IX в. еще отвергали с презрением ночные вылазки в стан врага и считали, что сражение пристало начинать днем, лицом к лицу, то Никифор II Фока и его брат, талантливый полководец, куропалат Лев Фока, поступали как раз наоборот. Они охотно совершали скрытные набеги на противника, ночью, в темноте, пользуясь своей способностью к дисциплинированным координированным действиям, когда никто не ждал, нападали на врага, совершали опережающие удары, шли на приступ его укреплений, лихо отсекали вражеские обозы с добычей, стремились маневрировать, устраивать ложные демонстрации силы, отвлекающие атаки, дабы задержать противника,

спутать его планы, даже позволить совершить вторжение, заманить, чтобы затем неожиданно перехватить его на обратном пути домой.

«Солдатскому императору» Никифору Фоке приписывают сочинение специального трактата «О стычках», по сути дела, о партизанской войне – герилье на пограничье, с ее лазутчиками-синодиками, тайными агентами, шпионами-консариями, проводниками-дукаторами, следопытами, караульными, сменяемыми через 10-15 дней, группами слежения, патрулями легкой кавалерии, внезапными рейдами, атаками малыми силами, контратаками, заманиваниями, засадами, в которых значительно повышалась самостоятельность, свобода действий местных командующих, да и отдельных бойцов. Их тренировали, закаляли, учили не только обращению с оружием, но и моральной стойкости, бодрости духа, умению проводить целые дни в седле, переносить долгие марши, всевозможные лишения и исполнять тяжелейшие задания. Такая ревностная служба крестьян-воинов должна была поощряться вовремя выплачиваемым жалованьем, регулярным довольствием, подарками сверх того, что являлось «обычным или обусловленным договором», например, получением лучших лошадей и снаряжения. Сборщикам налогов и фемным судьям запрещалось связывать, бить, пороть стратиотов, заковывать их в цепи и даже просто унижать, ставить к позорному столбу.

Теперь ромейские стратеги утверждали, что динамику и исход боя решает не только сила натиска, численность войск, а также отвага и храбрость командующего, но и его разумность, мудрость, осторожность, предусмотрительность, умение и хитрость в сочетании с инициативностью. Они учили своих командиров идти на открытый ближний бой на уничтожение, с вероятными большими потерями, только в крайних случаях. Во всех остальных случаях рекомендовалось следовать, скорее, стратегии эластичной защиты и для этого, маневрировать, чтобы заставить врага распылить свои силы, использовать преимущества местности, заранее занимать удобные проходы и места еще до прибытия противника, опережая его, внезапным нападением побеждать даже превосходящие силы, перехватывать обремененные пленными и добычей вражеские колонны, когда они возвращаются домой. Причем в войне с чужеземцами хитрость, коварство считались вполне оправданными средствами, почти не ограниченными никакими этическими нормами. Скажем, перед началом вторжения или сражения полководцу следовало вербовать тайных лазутчиков из числа местного населения, захватить в плен языков для допроса, выведать все окрестные дороги и тропинки, засылать разведчиков-катаскопов, «соглядатаев» с письмами и «корзинами подарков» местным эмирам, но не для того лишь, чтобы усыпить бдительность, задобрить врага, а дабы узнать его настроения, сильные и слабые стороны, стратегический замысел, маршруты, любыми способами, вплоть до подкупа, разведать количество кавалерии и пехоты, маршруты их перемещения.

К слову, о таких мужественных профессиональных катаскопах сообщал уже военный трактат VI в., получивший название «Византийский аноним». В нем указывалось, что они содержались на средства казны, часто маскировались под торговцев, «людей добрых, незатейливых простодушных», заранее устанавливали места встреч, например, на людных торговых площадях, договаривались, каким способом будут осуществлять связь и, конечно, в совершенстве знали обычаи и язык врагов. Они обязательно должны были иметь на родине жен, детей,

родителей, братьев, чтобы «...тоска по родственникам постоянно удерживала их от сближения с врагами». Трактат «О военном деле» расширял такие рекомендации для агентов, работавших под прикрытием, к примеру, рекомендовал захваченных членов семьи пленника отсылать обратно, чтобы они шпионили за своими товарищами ради выкупа заложника.

*Был детально разработан такой метод ведения военных действий как **парадромы** – метод тесного «военного сопровождения», полупартизанской войны, окружавшей противника плотной завесой. Войска при этом передвигались тихо, тесными рядами, иногда даже переоделись крестьянами, конница двигалась поздно вечером, чтобы не было видно поднятых ею облаков пыли. Напротив, слабые, малочисленные отряды сбивали с толку врага, волоча за собой ветки, чтобы поднять больше пыли. Вторгшегося неприятеля постоянно тревожили и обстреливали, изматывали серией мелких ударов, налетов, засад летучих отрядов, отбивали награбленное, блокировали, лишали источников воды, уничтожали доступную ему земледельческую базу, вырубали фруктовые деревья и виноградники, истребляли фуражиров и разведчиков, стремились отрезать военные группы, отделившиеся от основных сил с целью рекогносцировки и грабежа. При этом заранее готовили планы срочной эвакуации населения и стад скота из таких областей, чтобы уберечь от зверств неприятеля и, главное, лишить врага продовольствия и пленников. Все, что невозможно было вывезти, уничтожали. Обоз – тулдон отделяли от боевых сил по причине его медленного движения и для большей безопасности, а запасы фуража на два – три дня везли на «быстроходных мулах» и в чересседельных сумках конницы. Партизанская война могла быть и наступательной, с глубокими рейдами воинских отрядов на вражескую территорию с целью подавить моральный дух неприятеля и посеять панику среди местного населения.*

Главное, византийские стратеги предпочитали не суетливую, а хорошо рассчитанную, организованную, контролируемую войну, в которой все было предусмотрено заранее и не оставалось места для неожиданностей, безрассудству, грубой и необузданной физической силы, по мнению ромеев, свойственной варварам.

*Законы войны были изложены в трактатах в словах точных и уверенных, как четкая поступь подвижных, тренированных панцирных византийских тагм. Согласно им, вторжению неприятеля всегда предшествовали действия особых небольших подразделений быстрой, подвижной конницы – **прокурсаторов** в легких доспехах из кожи или плотной ткани, с обязательными запасными конями. В военных трактатах их также называли хосариями (отсюда известные нам гусары) или тасинариями, трапезитами. Несколько сот таких воинов занимали дороги, тропы, выставляли стражу, но самое главное – совершали рекогносцировку, диверсии, засады, небольшие рейды и пробные атаки, чтобы прощупать врага и собрать сведения, необходимые командованию, а при приближении превосходящих сил неприятеля ускользнуть. Собственные главные силы с тяжелой пехотой и катафрактами должны были выступать в поход только после высылки авангарда из лучников и метателей дротиков, обследования прохода и размещения в нем надежной стражи. Войско на марше обязательно охраняла столь же надежная тыловая стража – **сака** (от арабского сакат).*

Ромеи вообще тщательно следили за своими врагами, изучая типы вражеских набегов, их численность, вооружение, особенности ведения боя, организацию власти, быт, нравы и даже особенности психологии. Они точно знали, в какое время года и по каким маршрутам лучше предпринимать походы против тех или иных стран и народов, и когда, напротив, наиболее велика вероятность нападения врага. Например, военный опыт показал, что летние походы против арабов Сирии были заранее обречены на неудачу. К концу лета мусульманские воины, в основном добровольцы из разных стран, вдохновленные религиозной идеей джихада и желанной военной добычей, сами массово вторгались в Ромейское царство. Из-за невыносимой жары и в условиях безводья привычный к зною арабский воины оказывался намного сильнее ромейского солдата. Наоборот, в Болгарию следовало вторгаться в разгар лета, когда враг был занят сбором урожая. На других давних противников -- печенегов и половцев, кочевые племена тюркского происхождения, рекомендовалось совершать нападения в конце осени, когда они, обремененные грузом и стадами, готовились к перемещению на зимние пастбища. Сталкиваясь с сарацинами – конными арабами, тюркам., полагалось ставить панцирных всадников в центр боевого построения, тогда как в иных случаях им отводились иные места в боевой линии, на флангах. Так, в столкновениях с воинственными росами в Болгарии катафракты таранными ударами с флангов нагнали такой страх на врагов, что воины князя Святослава скоро поняли, что не могут противостоять им.

В такой правильной войне, следующей системе догм и предписаний, византийское войско было неодолимо, как искусный фехтовальщик, против которого вышел с таким же оружием жалкий профан.

Основой боевого построения ромеев все еще оставалась упорядоченная пехотная так называемая «фаланга», которая теперь строилась квадратом или прямоугольником: на флангах располагались мобильные колонны конницы (в каждой колонне – двенадцать рядов, построенных трапецией, поскольку каждый ряд был длиннее предыдущего на четыре человека). В случае необходимости, например, если атак не удалась, конница могла укрыться внутри такого пехотного построения, а при необходимости в несколько простых приемов перестроиться в атакующие порядки и в свою очередь прикрыт пехоту. «Фаланга» состояла из тяжеловооруженных воинов – оплитов или **скутатов**, иногда до шестнадцати человек в глубину, а легкая пехота, **псилы**, лучники-**токсоты**, **сфендониты** – пращники, **аконтисты** – метатели дротиков группировалась вокруг скутатов, на флангах и служили для их поддержки. Особо важную роль в отражении врага и во время атаки играли могучие, внушительного вида **менавлаты** с толстыми, массивными копьями – **менавлами** из цельного ствола молодого дубка, кизила или другого твердого дерева. Их древко имело длину около трех метров, а накопчик копья достигал почти полуметра (до 47 см). Подразделения таких сильных, элитных воинов, численностью от ста до трехсот солдат, стояли в первой линии или в интервалах боевых пехотных порядков, прикрывая прочих. Кроме того, войска могли строиться на поле боя в две или три линии, причем последняя линия выполняла роль полевого резерва и прикрытия передовой линии на случай отступления. Центральный кавалерийский отряд, для которого требовалось пятьсот кливанофоров, должен был строиться в виде грозного треугольного кли-

на – 20 всадников в первой шеренге и 64 в последней. Впрочем, в зависимости от обстановки могли быть и другие варианты построения.

Тяжелая пехота, закрывшись большими щитами – skutami (не менее 1,4 метра) и выставив длинные, до шести метров прочные острые копья – контарии, собираемые из двух половин, принимала на себя главный удар противника, и ее задачей было сковать силы врага, чтобы дать возможность бронированным конным полкам – тагмам императорской гвардии – схолам, экскувитам, иканатам («достойным»), а также легкой быстрой кавалерии – прокластам и прокурсаторам совершить маневры обхода, охвата или окружения. Спаянные железной дисциплиной и испытанные в боях колонны железных skutatov и так называемых эдиков («защитников») играли роль живых крепостей, за которыми в случае неудачи могла укрыться конница и псилы. И хотя судьбу сражения зачастую решала стремительная кавалерийская атака бронированных кавалариев с применением разных хитростей, залогом успеха служила стойкость skutatov, являвшихся хребтом армии. Они были олицетворением слепой безжалостной силы, как сама смерть, надевшая стальную личину. Во время строевой и боевой подготовки их учили слаженно двигаться в полном вооружении, строго соблюдать предусмотренные интервалы построения, мгновенно перестраиваться и поворачивать ряды, маневрировать, пропускать сквозь строй конницу и снова смыкаться непреодолимой стеной. К слову, такая согласованность предполагала однородность вооружения и снаряжения воинов. Во многих сражениях X–XI вв. пехота продолжала играть ключевую роль, несмотря на увеличение боевого веса кавалерии.

*Тактика была основана на наступательных и оборонительно-наступательных действиях и предусматривала большое число последовательных координированных ударов по врагу. При этом нарушение строя считалось настолько серьезной виной, что от наказания за нее не могли спасти никакие блистательные подвиги и личные воинские заслуги нарушителя. К тому же в римейской армии продолжала существовать и давняя, оправдавшая себя традиция соединять и сохранять в одном небольшом подразделении – **контувернии** – воинов-единоплеменников или земляков. Ведь в случае опасности им было присуще чувство сплоченности, единства, взаимовыручки и взаимопомощи, что шло на пользу общему делу. Кроме того, выстроив солдат по контуверниям, можно было мгновенно вычислить лазутчиков, проникших в базовый военный лагерь – апликтон, тоже разбитый по всем правилам военной науки.*

Важно подчеркнуть, что это была христианская армия, военная доктрина которой покоилась на все более увеличивавшемся «религиозном заряде», а именно, на идеологической концепции «христоролюбивого воинства», согласно которой высшее назначение армии ромеев состояло в том, чтобы ратоборствовать во имя триумфа Православия и защиты своей страны. Поэтому она вдохновлялась религиозным энтузиазмом, истовой верой в помощь Господа и бестелесные силы, святые реликвии. Победа над врагом воспринималась как результат взаимодействия двух составляющих – военного мастерства и Божьей милости. Более того, Божьему промыслу авторы военных трактатов отдавали преимущество, как главной поруке победы. Посты, молитвы, Причастия, в том числе в начале сражения, были обязательны, так что знакомое нам «ура» заменяло громогласное, истовое «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!», разом произносимое вой-

ском по сигналу трубы или иного другого инструмента. Религия становится главной идеей, консолидирующей армейские ряды, где священнослужитель встал рядом с офицером, а хоругвь превратилась в военный символ. Впрочем, как нам уже известно, в полиэтничной византийской армии служили и иноземные контингенты, *варанги* – *варяги*, росы и другие «варвары», инородцы-эфники, причем иногда язычники, которым доверяли охрану арьергардов в пустынной местности. Во главе их архонтами оставляли иноземцев, как правило земляков служивших наемников, но высшее командование находилось в руках ромеев.

Так или иначе, борьбе с врагами-иноверцами стремились придать характер непримиримой «священной войны», иногда даже форму Крестовых походов, хотя каноны византийской Церкви все же не позволили принять это положение, столь воодушевлявшее западных крестоносцев и Пап. В любом случае осуществлялось религиозное обеспечение армии.

*Особая роль в этих случаях отводилась иконам и молитвам, адресованным Божьей Матери. В войсках молитвенное пение Триагиос (Трисвятое) стало звучать утром и вечером. В «Стратегикон», приписываемый Никифору Фоке, было включено строжайшее требование накануне сражения поститься и совершать коллективные молебны. Каждый воин, закрепив свечу на воткнутом в землю копье или дротике, возносил свои молитвы к Всевышнему, умоляя даровать победу, сохранить жизнь, простить большие и малые прегрешения, ниспослать благополучие родным и близким. Здесь же войсковой священник исповедовал и Причащал всех желающих, окроплял святой водой, посланной василевсом, давал возможность приложиться к святым мощам, которые вместе с крестом обычно несли от Константинополя. Над головами воинов колыхались **птихии** – дословно «счастливые», приносящие удачу знамена с изображением архангела Михаила. При появлении неприятеля, как предписывалось в «Военных наказах» императора Никифора Фоки, всему войску полагалось «...прочитать неодолимую христианскую молитву: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Амин» и затем слаженно, в совершенном порядке начать «...наступать на врага, не производя ни малейшего шума, ни звука». Такое приближение было страшным, неумолимым и производило соответствующий психологический эффект, который усиливал следующий после этой полной тишины громоподобный боевой клич «Крест побеждает!», с которым бросались в атаку.*

Теперь ромейский стратиот бился на ратном поле не ради победы государства – Империи, и даже не за славу и геройство, а за спасение собственной души, и если ему была уготована гибель, он мог твердо верить в то, что его жертву ждет Божья награда: все те, кто положил свою жизнь за истинную веру и за братьев по вере, получат вечное блаженство.

Война всегда злое, кровавое дело. Но до фанатичного истребления противника, тем более побежденного, ромеи обычно не доходили. Случалось, они могли перебить сковывавших маневр пленных врагов, которых не успели отправить вперед, но зачастую старались сохранить им жизнь, чтобы в дальнейшем поменять на попавших в неволю соотечественников. Так, в Малой Азии такой обмен обычно регулярно, по многу дней происходил на реке Ламус и около города Тарса, причем византийские пленные ценились дороже: одного ромея меняли на двух мусульман.

Крупные приморские города Ромейского царства находились под защитой не только крепостных стен, но и подводных молов и массивных железных цепей, преграждавших вход вражескому флоту в городские бухты, как это хорошо известно на примерах Константинополя и Фессалоники. Сохранившиеся и до сегодняшнего дня остатки мощных укреплений *Трапезунда*, Nikeи, *Никомидии*, фракийской *Месемврии*, крымского Херсона продолжают поражать воображение своим величием и грандиозностью.

Широко, как и прежде, ромеи использовали для обороны и осады рвы и ча-стоколы, глубокие подкопы и земляные насыпи, различные орудия, подвижные деревянные сборные башни – *гелеполы* с перекидными мостиками, колесные «черепahi» с таранами, которые называли греческим словом *криос* – «баран». Последние подвешивали внутри деревянных крытых каркасов-срубов, как и гелеполы, поставленные на колеса или валики. Их двигали с помощью шестов. Для большого тарана, обитого железом или бронзой, требовалось до шестидесяти человек в защитной кожаной одежде, чтобы его раскатать. Против него могла быть эффективной только постройка дополнительной стены. Железные крюки, служившие для отклонения тарана и веревки, с помощью которых можно было втянуть наверх его балки, помогали слабо, скорее, мешали врагу, но не более.

В руководстве X в. «Как выдерживать осаду» советовали проделать в оборонительных стенах множество отверстий, чтобы вести из них стрельбу из лука и отталкивать осадные лестницы древками копий. Чтобы оповестить о внезапном приступе звонили в вывешенные на стенах и башнях билы и колокола. Для защиты от стрел противника стали в качестве укрытия, заслона применять такое новшество как огромные переносные плетеные остроконечные домики-«корзины» – лесе на 10-15 человек, а для штурма использовали не только колесные и навесные осадные лестницы, но даже надувные, сшитые из промазанного жиром меха, и разновидности самбуки в виде вертикальной трубы, покрытой шкурами, изнутри которой можно было взбираться до вершины вражеской стены. Подобными приспособлениями для неожиданных атак пользуются и современные войска специального назначения.

Марш обязательно заканчивался устройством военного лагеря, одного или двух. Перед старательно окопанным и обнесенным частоколом апликтоном, устроенным, упорядоченным по всем правилам, разбитым по подразделениям, ставили *трискелии* – деревянные треножки, утыканые копьевидными шипами – ципатами, копали «ноголомы» – небольшие ямы с острыми кольми в них и, наконец, разбрасывали вокруг лагеря металлические шипастые шарики – *триболы*, или так называемый «чеснок», дабы сковать действия атакующей конницы и пехоты противника. Чтобы не поранить ими своих солдат, им предписывалось иметь обувь с железными подошвами. Кроме наружных постов пехоты и конницы, караулов, *виглаторов*, то есть «бдителей», часовых, чуткость защиты апликтонов повышали с помощью заграждений из бечевы с колокольчиками.

В ходу были мощные, сложные механические баллисты, основанные на силе скручивания, катапульты, действующие посредством силы натяжения, *петроволы*, *лифоволы* – камнеметы (от «петрос» или «лифос» – камень) и аналогичные им устройства, все эти *манганики*, *алакати*, *петрарии*, *тетрарии*, *ламбдарии*, *токсобаллисты*-стрелометы, крюки для захвата и разрушения осадных

приспособлений неприятеля, котлы, из которых на головы осаждавших лили кипящие воду или смолу, масло. С жутким скрипом и грохотом взметались рычаги смертоносных метательных машин типа *требушие*, действовавшие за счет силы натяжения или силы тяжести высвобождаемого противовеса. Взметавшиеся ввысь каменные глыбы весом до сорока килограммов и *худзии*, метательные снаряды со смрадной горючей смесью, медленно переворачиваясь на лету, обрушивались на обезумевшего от ужаса противника. Опрокидывались и рассыпались щебнем зубцы крепостных стен. Каменный смерч боевых машин сметал все. Тучами летели длинные стрелы из мощных луков, нестерпимо жалили маленькие короткие стрелы-«мухи» (миес) или «мыши» из деревянных трубок-*соленариев*, смертельным градом сыпались камни из пращей и ручных камнеметов – малых *хироманган*, ревели, пуская десятиметровые струи огня, ручные металлические трубки для метания «жидкого огня» – *хиросифоны*.

Армию обеспечивала отлично налаженная служба снабжения, различные вспомогательные службы, организованные с большой аккуратностью. Главным являлась поставка исправных лошадей, выючных животных. Эта обязанность была возложена на малоазийские пастбища Фригии и Каппадокии, а также на царские конюшни в Малагине, около Никеи. Дело в том, что на каждых двух пехотинцев полагалось по одному мулу для перевозки солдатской амуниции и вещей, и на каждых четырех – по одному прислужнику – *ипургу* или просто антропу – «человеку» для ухода за лошадьми и мулами, надзора за вещами, тяжелым снаряжением. По этой же причине тяжеловооруженным пехотинцам разрешалось иметь мулов и совершать походы верхом, чтобы не отставать от конницы. Кроме того, особые люди отряжались для подноса стрел, связанных в пучки по 50 штук, для разноски камней, нужных пращникам, воды сращающимся.

Не менее важным являлась организация тулдоса – обоза со всем необходимым, включая тысячи запасных стрел, уложенных в коробки, и доставка военных машин. Обычно тяжелые осадные механизмы изготовлялись на месте осады из подручного материала манганариями и искусными мастерами-технитами¹. Так же поступали с плетеными заслонами от стрел. Мостки, треножки с шипами, нанизанные на веревки металлические шипастые «чесноки», навесные, колесные и складные штурмовые лестницы, а также рабочие инструменты (ломы, заступы, топоры), веревки, ремни всегда находились в обозе, на повозках и вьючных животных, вместе с прочим инвентарем (лодками, круглыми кожаными палатками, ручными мельницами) и запасами продовольствия.

Опытные византийские саперы умели быстро строить самые разные укрепления, лагеря, обнаруживать ловушки, засыпанные землей поверх хрупких глиняных горшков, делать под оборонительные стены глубокие подкопы и поджигать их крепления с целью обрушения, устраивать контрподкопы, быстро наводить и разрушать мосты и понтонные переправы из специальных разборных лодок.

Военные трактаты предусматривали также организацию тренировок, во время которых рекомендовались проведения «потешных» боев, с деревянными копьями и мечами и со стрелами без наконечников или с затупленными наконечни-

¹ Техниты – в данном случае работники государственных мастерских по производству военного снаряжения.

ками. Лучших офицеров и бойцов по окончании военных действий ждали угощения, трапезы и пиршества, устроенные командующим, а также императорские награды, полученные на основании представлений от командиров: повышение в должности, подарки, земельные и денежные пожалования, доля в добыче. Каждый военачальник как военный администратор должен был вести подробнейшие списки – кафолики, чтобы было ясно сколько людей призвано, сколько осталось дома, сколько бежало, сколько было освобождено по болезни, кто служит ревностно, а кто ленив.

Не многие армии в мире в то время могли поспорить с ромеями. Казалось, их силе нет преград. Исторические исследования и военные труды объясняли успехи ромейского оружия высокой воинской дисциплиной, превосходством тактического мышления, хорошо налаженной работой тыла и, в немалой степени, Божественным провидением, которое, разумеется, не могло не быть на стороне богоизбранного ромейского христианского воинства. Это вдохновляло, но и порождало опасное настроение вседозволенности, возможности чаще, чем прежде говорить с соседями языком оружия.

Ученый василевс

Василевсы Македонской династии занимались не только государственными делами. Стабильность Ромейского царства позволила все больше внимания уделять наукам и образованию, покровительствовать им. Недаром это время прочно закрепилось у историков под условным названием «Македонский Ренессанс», то есть возрождения в плане культурном. Его же справедливо именуют эпохой «византийского энциклопедизма».

На этом фоне особенно выделяется впечатляющая фигура Константина VII Багрянородного (905-959 гг.), который стал одним из лучших попечителей для византийской образованности, духовной жизни. Его культурный и образовательный уровень поражают, вызывают восхищение. Пожалуй, это был один из самых симпатичных правителей в византийской истории.

Стройный, красивый, с ясными, светло-голубыми глазами и густой черной бородой, Константин VII был приятен в общении и вместе с тем добродушен до слабых характеристик. Он был всегда предельно учтив и ни на секунду не терял выдержки. От своего царственного отца, Льва Мудрого, Константин унаследовал склонность к чтению и исключительную преданность науке. По настоящему василевс пришел к власти в возрасте около сорока лет, хотя уже с детства, с 908 г., в течение почти 37 лет носил царский венец. В силу обстоятельств, большая часть времени его прошла в стороне от государственных дел. В шесть лет он остался без отца, соправителем своего дяди, бездарного и беспутного Александра (912-913 гг.), который первым из василевсов приказал изобразить себя на солидах, коронуемым самим Иоанном Крестителем, тем самым стремясь подчеркнуть исключительность своей и только своей власти. Поговаривали, что злобный родич собирался оскотить племянника, чтобы отстранить его от трона. Через год мать Константина, вдову-августу Зою Карвонопсину арестовали, остригли волосы, дали новое инокское имя – Анна и отослали в далекий монастырь. Несчастный, болезненный маленький император потерянно бродил по дворцу и плакал. В пятнадцать лет Константина женили на Елене,

юной дочери самоуверенного выскочки, энергичного, амбициозного армянина Романа Лакапина, друнгария флота, пользовавшегося народной любовью. Тот с большой ловкостью, по сути дела, мягко, без единого убийства узурпировал власть, а попытавшуюся править неудачницу Зою-Анну, обвиненную в попытке его отравить, вновь заточил в монастырь. Более того, став соправителем молодого Константина, он даже начал подумывать лишить зрения единственного законного представителя Македонской династии, дабы укрепить власть своей фамилии и обеспечить четверем сыновьям место на троне. Для этого он, как и дед Константина, Василий Македонянин, короновал их в качестве соправителей.

Пока вокруг бушевали политические страсти, василевсу лишь по названию и, по сути дела, без надежды стать им реально, была предоставлена возможность увлекаться живописью и музыкой, постигать профессиональные секреты самых разнообразных ремесел и, главное, трудиться в тиши библиотек и архивов вместе со своими учеными секретарями, собирая материалы для обширных компилятивных трактатов, делая выписками из исторических сочинений, источников. Управление огромной державой то и дело оказывалось в чужих руках: сначала у опекунов, Патриарха и матери, затем у тестя, Романа I Лакапина, во всеуслышание объявившего себя василеопатором – «отцом царя». Одинокому и нелюбимому, с греховным клеймом незаконнорожденного, Константину приходилось молчаливо смиряться с постепенным устранением всех тех, кому он мог довериться. Глубоко уязвленный, он тем не менее не принимал никаких честолюбивых попыток утвердиться во власти, покорно, без жалоб снося все удары несчастной судьбы и тем вызывая к себе явное сочувствие. Лишь в 945 г., после неудачной попытки развращенных, испорченных, склочных сыновей Романа лишить старика-отца трона, а затем свергнуть самого Константина, сорокалетний василевс волей воинов и горожан, сбегавшихся к дворцу, наконец был провозглашен автократом и смог избавиться от своих «защитников» – вероломных, своекорыстных соправителей, отправив их всех в ссылку на остров **Проти** в Мраморном море, где позднее они умерли, Роман – своей, а его два сына – насильственной смертью.

Придя к власти, он получил возможность и средства для того, чтобы активизировать научную деятельность своего кружка, в то же время напав на интересы государства и Македонской династии.

Больше ученый и писатель, нежели монарх, как правитель он относился, скорее, к разряду средних, если не посредственных, заурядных, поскольку был малодетельным и просто плыл по течению, с большим или меньшим успехом решая проблемы по мере их возникновения. Ни стратегии, ни далеко идущих планов Константин Багрянородный не строил. Впрочем, это не мешало ему быть добросовестным и трудолюбивым василевсом – «советником, радетелем, стратигом, воином, военачальником, предводителем», как лестно охарактеризовал его Продолжатель Феофана. Он умело, изобретательно подбирал кадры на высшие посты. При его дворе неукоснительно соблюдались чинность, степенность, сугубая богобоязненность. Не будучи по природе жесток и кровожаден, он был образцом нравственности в личной жизни. Правление этого просвещенного царя не оказалось омрачено большими войнами, да и внутри Империи ромеев царило относительное спокойствие. Страна была богата и мощна.

Свидетельствами необыкновенно оживившейся международной деятельности стали многочисленные посольства ромеев на Запад, к халифу арабской Кордовы, Абд-ар-Рахману III, к германскому королю Оттону I Великому, прием Киевской княгини, «архонтиссы Росии» – *Ольги*, которая, по обычаю, после оглашения и Святого Крещения в Константинополе приняла имя своей крестницы, августы Елены Лакапины, воспринявшей ее от купели. Щедрый на милостыню, василевс вместе с тем боролся с коррупцией и засилием тех, кто обладал деньгами и властью, как и его тесть, пытался контролировать аристократию. Он был одним из последних царей, кто еще успешно пытался сдерживать распад страстиотов, то есть мелкого крестьянского землевладения, на котором долгое время покоилось могущество Ромейской державы.

Василевс не только славился своей начитанностью, но и старался приобщить к знаниям, а, значит, и образованию как можно больше людей. Он много сделал для развития высшего образования, но самую главную задачу видел не в творчестве, как таковом, а в компилятивном сведении вместе всего того, что заслуживало знания и что надо было сохранить для современников и потомков в качестве научных и практических руководств. Будучи страстным коллекционером, Константин не только собирал редкие книги и рукописи, но и самые разнообразные произведения искусства. По его распоряжению и иногда при его участии составлялись своеобразные энциклопедии, трактаты – справочные своды практической учености по различным отраслям знаний: праву и сельскому хозяйству (*«Геопоники»*), военному искусству (различные *«Тактики»*), медицине и ветеринарии. Во введении-прооймионе к четырем так называемым *«Книгам царств (или царей)»* (*«Василейе»*) – истории правления императоров с 813 до 886 гг. говорится о щедром покровительствовании автору, константинопольцу Иосифу Генесию, со стороны Константина Багрянородного, который заказал ему написать этот труд.

Чтобы облегчить современникам доступ к безмерному количеству произведений древних греческих, римских, ранневизантийских историков и мыслителей, василевс приказал: «разыскать рукописи во всех странах и собрать их в одно хранилище; сделать избрание и сокращение в этом огромном материале; распределить сделанные извлечения на 53 книги, или специальности», короче – произвести отбор всего лучшего из них о всех случаях жизни. Именно так было записано в предисловии к задуманному компендиуму. Эти извлечения (по-латыни *экскерпты*) действительно были разделены по содержанию на 53 тематических раздела – *ипофесиса*. К величайшему сожалению, до нас дошли, и не всегда полностью, лишь четыре ипофесиса: *«О посольствах»*, *«О заговорах против василевсов»*, *«О добродетелях и пороке»*, *«О мнениях»*, тогда как среди несохранившихся были энциклопедические подборки о народах, поселениях, государственном управлении, императорах, их преемственности, коронации и смерти, о кесарях, других чинах, церковном, военном деле, причинах войн, приемах, браках, штрафах, изобретениях, предсказаниях, надписях, речах, посланиях и некоторые другие. Но и это немногое сохранившееся дает представление о грандиозности и полезности задуманной антологии.

Огромная заслуга Константина VII состоит именно в том, что своими организаторскими усилиями он определил лик эпохи «византийского энциклопедизма» и как никто другой сохранил человечеству часть ее истории. Примерно в это же время был составлен огромный энциклопедический свод – лексикон под назва-

нием «Суда», включивший около 30 тысяч статей. Большой вклад был сделан и в агиографию, благодаря упорядоченному «*Минологии*» – наиболее полному сборнику Житий святых, составленных магистром *Симеоном Метафрастом* – «Пересказчиком», действительно переработавшим на иной стилистический лад, пересказавшим огромный корпус византийских житийных сказаний, накопившихся к тому времени. Тогда же происходит и регламентация церковной жизни: создаются *Синаксарь* и Типикон Великой Церкви, определившие годовой порядок поминовений святых и проведения церковных служб.

При этом перу самого царя принадлежат четыре основных сочинения. Наиболее раннее из них, созданное к 934 г., еще при Романе Лакапине, это трактат «О фемах», где приводятся интересные, хотя отчасти устаревшие сведения о военно-административном устройстве и географии Ромейского царства с VI в. до первой трети IX в.

Более ценными, полными, насыщенными материалами оказались сочинения, составленные Константином Багрянородным после обретения самостоятельной власти в 945 г. Это обширный трактат «О церемониях», своеобразное пособие по дворцовому протоколу, вобравшее бесценные данные о жизни и ритуалах императорского двора за сотни лет, начиная с V в.

В «Жизнеописании Василия», написанном между 956 и 959 гг., император рассказал о деяниях своего царственного деда, дабы укрепить славу и законность Македонской династии. Они вошли в состав исторического сочинения, известного как Продолжатель Феофана, которое стали составлять при дворе в правление Константина VII, а закончили уже при его ближайших двух преемниках.

Наконец, особняком стоит крупный трактат «Об управлении империей». Впрочем, такое название ему было дано современными историками. Он тоже подготавливался под личным руководством Константина Багрянородного в качестве этнографического и политического справочника – обзора «О народах» и том, как на них воздействовать, управлять ими, но не был закончен и за пределы придворных кругов, видимо, не вышел, оставшись неизвестным современникам. Собранные обширные материалы, исторические очерки, докладные записки, в том числе совершенно секретные, из императорской канцелярии, архивов дипломатических ведомств были переработаны около 948-952 гг. в важный и конфиденциальный государственный документ. Поучительный и актуальный на тот момент ученый трактат – наставление, своего рода «урок», скомпонованный из 53 разных по объему глав, должен был дать всестороннее представление (историческое, политическое, экономическое, социальное) прежде всего о народах, проживавших близ северных границ Ромейского царства, объяснить, чем они могут быть полезны, чем вредны ромеям, научить основам сложной науки «делания мира», действиям в критических, форс-мажорных ситуациях, а также рассказать, какие внутренние новшества появлялись со временем в государстве. Это написанное в доверительной манере энциклопедическое поучение – руководство или завет по внутренней и внешней политике, дипломатии Империи, адресовывалось порфирородному наследнику, любимому сыну и соправителю Константина VII, будущему императору Роману II, очевидно, к его 14-летию. Для него же отец оставил памятку под заглавием «Что следует соблюдать, когда всевысочайший василевс ромеев отправляется на военную компанию», где сохранились советы-наставления, как идти к надежной победе.

Роман, родившийся в 938 г., рос более склонным к чрезмерным удовольствиям, легкомысленным забавам, игре в поло, псовой охоте, распутству, нежели к наукам, и его царственного отца беспокоило будущее единственного обожаемого наследника. С помощью «большой шахматной доски мира» он должен был учиться править народами, строить с ними мудрые отношения. К сожалению, усилия оказались даром: Роман, подстрекаемый своей безмерно тщеславной и столь же безнравственной 18-летней красавицей-женой, августой Феофано, дочерью простолюдина, хозяина одного из постоянных дворов около древней Спарты, примет участие в заговоре против отца, который скончается в 959 г. в возрасте 54 лет от лихорадки, а, возможно, отравленный. Симптомы скоропостижной смерти государя наводили на мысль о яде. Во всяком случае, эта смерть была Феофано чрезвычайно выгодна: ее супруг наконец становился полноправным самодержцем и вместе с женой начинал править государством. Умирал василевс в полном сознании, в окружении преданной жены Елены, пяти дочерей, до конца сохранив философскую твердость духа.

Обретенное царствование не пойдет его бездарному, безвольному сыну-подкаблучнику во благо: больше интересуясь радостями жизни, чем делами управления, он умрет молодым от раны, полученной на охоте, а, возможно, и от отравы, на 25-м году жизни и на четвертом году своего самостоятельного правления через два дня после того, как Феофано родит дочь Анну. Ту самую, которой через четверть века будет суждено стать супругой князя Киевской Руси, Владимира Великого, и родить от него дочь, Марию-Добронегу, а по другой версии, князей Бориса и Глеба, которых предательски убьют соперники именно из-за их царской крови. Причудливы и судьбоносны для всего мира оказывались извивы жизни даже самых негодных ромейских венценосцев!

?

1. Вспомните, с какими событиями византийско-болгарской истории могло быть связано пленение и освобождение будущего основателя Македонской династии?
2. Как вы думаете, почему Василий I законодательно закрепил наследственное право на царский престол, а его предшественники не догадались?
3. Какие меры предпринимали василевсы Македонской династии для укрепления личной власти государя?
4. Почему Василий I и Лев VI занялись «очищением древних законов»?
5. Какие положительные и отрицательные стороны имела политика Льва VI? В чем его главная заслуга перед Ромейским царством?
6. Какие земли входили в состав Византийской империи в начале XI в.?
7. Как вы думаете, почему к началу X в. ромеи стали терпеть военные неудачи, а во второй половине X – первой четверти XI в. смогли добиться замечательных успехов в деле расширения своих границ?
8. Почему сухопутная армия Ромейского царства росла, а собственный имперский флот с XI в. сокращался?
9. Попробуйте выделить и перечислить основные составляющие территориальных и военных реформ третьей четверти X в.? На что они были направлены?

10. Какую политику проводили василевсы – полководцы, что в ней было общего?
11. Вспомните, с какого времени и почему военная аристократия стала набирать все большую силу?
12. Какие изменения произошли в ромейской армии в результате военных реформ второй половине X в.? С чем это было связано?
13. Опишите, как вы себе представляете византийский военно-морской флот X в.? Появилось ли в нем что-либо новое?
14. Какие новшества появились в характере и тактике ведения боя в X–XI вв.? Как вы думаете, почему?
15. Что собой представляла структура «малых» фем? Как вы думаете, почему после 1018 г. многие из них прекратили свое существование?
16. С помощью карты спланируйте поход против одного из врагов Ромейского царства в X–XI вв. (арабов, болгар, печенегов).
17. Вспомните, каким византийским императорам удавалось создавать значительные денежные резервы?
18. Чем прославился Константин VII Багрянородный? Насколько справедливым может быть мнение, что василевс занимался науками в ущерб государственным делам?

Внимание, источник!

Продолжатель Феофана (середина X в.) о бесчинствах и святотатственных выходах Михаила III Пьяницы (842–867 гг.)

38. Но что всего хуже, была у него (Михаила) компания, все сатиры, гнусные и развратные сквернословы, которых вполне можно было бы назвать вакховыми тиасотами¹. Этих людей чтит он и уважал и, унижая божественное, облачал их в золототканые священнические одежды, преступно и святотатственно принуждал их к исполнению священных обрядов, их предводителя – Грила именем – называл Патриархом, а одиннадцать остальных – митрополитами самых значительных и сиятельных престолов. И считал Михаил, что ему царство не в радость, если сам не будет в этой компании, и потому назначил и именовал себя митрополитом Колоний². А когда надо было петь и совершать Таинства, они исполняли гимны под кифары, а на слова иереев иногда в подражание службе отвечали тихо и ясно, а иногда пронзительными и развязными выкриками. Золоченые же сосуды, жемчугом унизанные, они наполняли горчицей и перцем и передавали вкусить желающим, и таким образом издевались над непорочным Таинством³. Сей Грил, восседая на осле, совершал торжественные выходы и красовался в окружении своего дионисова сборища. И как-то случилось ему встретиться с блаженным Патриархом Игнатием⁴, шествовавшим во главе святого клира с церковными молениями. Как увидел его

¹ Тиасот – участник языческой религиозной процессии античного бога вина и веселья Вакха (Диониса), всегда появлявшегося в сопровождении пьяной и разгульной компании сатиров, силенов и менад.

² Колония (Колоний) – кастрон и одновременно название одноименной фемы на границе Малой Азии.

³ То есть над обрядом Святого Причастия, Евхаристией.

⁴ Игнатий – известный фанатичный аскет, Патриарх Константинопольский в 847–858 гг.

Грил, обрадовался такому случаю, начал свое бряцание, подобрал плащ, вместе с сообщниками своими ударил посильней по струнам и обрушил брань и сквернословие на этих непорочных¹.

39. И Феодору, свою мать, еще при жизни ее, когда пребывала она во дворце², позвал царь получить от него благословение, изобразив так, будто он и есть блаженный Игнатий. Когда же эта святая женщина в благочестии и страхе Божиим пришла и распростерлась на полу, прося помолиться за нее (ловко спрятав бороду, Грил до поры до времени скрывал, кто он такой), тот испустил зловонный грохот и безобразные речи, что и навлекло на него проклятия Феодоры и прочих благочестивых людей. Пророча, предрекла она Михаилу, что оставит его провидение и рука Божия...

Выдержка из законов Василия I (867-886 гг.)

Василевс являет собой воплощение законности и общее благо для всех подданных. Он никого не преследует, руководствуясь враждой, и никого не награждает по личному распоряжению, но раздает награды в соответствии с деятельностью каждого.

Извлечение из «Эпанагога» – краткого сборника законов, служившего введением к праву (между 879-886 гг.)

Титул II. О василевсе

4. На василевса возложена обязанность защищать и всячески поддерживать исполнение заповедей, содержащихся в Священном Писании, а также соблюдение всех догматов веры, сформулированных на семи Вселенских соборах. На него также возложена обязанность следить за исполнением всех известных римских законов.

5. Василевс должен подавать пример преданности истинной вере и набожности, он должен проявлять великое рвение в служении Господу и во всем, что имеет касательство к догмату о Святой Троице, а также в вопросах, имеющих отношение к постановлениям Церкви о единосущности Господа нашего Иисуса Христа, о триединстве божественного начала и о двуединстве начала божественного и человеческого в Иисусе Христе.

Титул III. О Патриархе

4. На Патриарха возложена особая обязанность: поучать людей и наставлять их в вере. Патриарх должен обращаться как с равными и с сильными мира сего, и с самыми ничтожными из поданных василевса; он должен проявлять милосердие, когда он кого-либо судит, но по отношению к закоренелым преступникам ему следует быть суровым и твердым; он должен изъясняться без страха и сомнения перед василевсом, когда речь идет о защите догматов веры.

¹ Можно думать, что описание процессии – не только злонамеренная выдумка враждебного Михаилу хрониста. О бесчинствах и святотатстве царя сообщается и в других источниках, в частности, в «Житии Игнатия». Они осуждаются также в XVI каноне Константинопольского церковного собора 869 / 870 гг.

² Видимо, речь идет о годах регенства августы Феодоры (842-856 гг.). После отречения она и четыре незамужние сестры Михаила по настоянию дяди, кесаря Варды были удалены в монастырь. Восстановительница иконопочитания умерла после 867 г., оплакав вместе с дочерьми смерть беспутного сына-пияницы.

5. Только Патриарх имеет право и только он один должен давать истолкования всем поучениям и наставлениям Отцов Церкви, а также всем постановлениям Вселенских соборов.

6. Что же касается основных идей и положений христианской веры, выработанных и утвержденных Отцами Церкви в их трудах и в решениях Соборов, то один лишь Патриарх может судить об их истинности...

7. Все древние каноны, все стародавние установления, положения, предписания и заповеди остаются в силе во все времена для всех людей без исключения и для тех случаев, к коим они применимы.

...Мирская власть и священство относятся между собой как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства.

Из «Взятия Фессалоники» клирика и кувкуклисия Иоанна Каминиата (около 905-908 гг.) о добыче, захваченной арабскими пиратами в городе.

58. В это время от тирана¹ вновь пришло распоряжение: если кто-нибудь из пленников имеет спрятанные где-либо деньги, пусть объявит об этом и купит себе спасение. Если же выяснится, что он лжет, такой человек должен быть обезглавлен.

Тиран отдал этот приказ, узнав, что варвары с того часа, как вошли в город, не пощадили никого, за исключением людей, утверждавших, что они имеют в тайниках деньги, которых не обнаружат никакие поиски.

...Поиски выкупа растянулись на целых десять суток, причем из города непрерывно доставлялись в гавань груды денег и разного добра: дорогих шелковых тканей и льняных, которые по тонкости соперничали с паутиной; кучи этих вещей, сваливаемых друг на друга, покрывали всю землю, образуя целые горы. Медной и железной утварью, а также шерстяными тканями варвары пренебрегали, не стремясь к их приобретению...

61. Так были нагружены все пятьдесят четыре корабля (варваров). Кроме того, оставалось еще много пленников, достойных, по суждению варваров, отправки. Поэтому пошли в дело и корабли, принадлежавшие городу, на которых у нас купцы прежде возили хлеб², и были подняты из воды те, которые мы затопили у входа в гавань³. Это варвары сделали, использовав весьма удачное приспособление – блоки, которые приводились в движение и при помощи канатов поднимали со дна корабля. Получив, таким образом, дополнительно много кораблей, они погрузили всех пленников, не оставив в городе никого из предназначенных к отправке. Я не знаю, сбрил ли кто из этих юношей первый пух и достигла ли зрелости хотя бы одна девушка. Все они были еще очень юными, а большинство – даже совсем младенцами...

¹ Предводитель мусульманских пиратов, Лев Триполийский.

² Это могли быть корабли зернового флота, на которых в город доставляли зерно, скупленное в Македонии и Фракии, откуда его, в свою очередь, могли вывозить, прежде всего в Константинополь, который особенно нуждался в хлебе после потери в VII в. Египта и Сирии.

³ С помощью этих затопленных кораблей фессалоникийцы безуспешно пытались не дать кораблям пиратов ворваться в гавань города. Согласно арабским источникам, число затопленных судов достигало 60.

**Лев Диакон. «История» (после 992 г.). Об обстоятельствах заключения
мирного договора князя русов Святослава с василевсом Иоанном Цимисхием
у придунайского Доростола (Дристра) в июне 971 г.**

IX. 10. [...] ромеи вступили в бой с врагами. Завязалась горячая битва, и скифы не выдержали настижка конной фаланги. Окруженные магистром Вардой, по прозванию Склир, который со множеством [воинов] обошел их с тыла, они обратились в бегство. Сам Сфендослав (Святослав), израненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи. Говорят, что в этой битве полегло 15 500 скифов, [на поле] подобрали 20 тысяч щитов и очень много мечей.

Всю ночь провел Сфендослав в гневе и печали, сожалея о гибели своего войска. Но видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия [ромеев], он счел долгом разумного полководца не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и приложить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послов к василевсу Иоанну и стал просить мира на следующих условиях. Тавроскифы уступят ромеям Доростол, освободят пленных, уйдут из Мисии¹ и возвратятся на родину, а ромеи дадут им возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненосными кораблями (они очень боялись «мидийского огня»², который мог даже и камни обращать в пепел), а кроме того, снабдят их продовольствием и будут считать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византий³, как было установлено прежде.

11. Василевс с радостью принял условия [росов], заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба – по два медимна⁴ на каждого. Говорят, что из 60-тысячного войска росов хлеб получили только 22 тысячи человек, избежавшие смерти, а остальные 38 тысяч погибли от оружия ромеев. После утверждения мирного договора Сфендослав попросил у василевса позволения встретиться с ним для беседы. Государь не уклонился и, покрытый вызолоченными доспехами, подъехал верхом к берегу Истра, ведя за собою многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников⁵. Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вде-та золотая серьга; она была украшена карбункулом⁶, обрамленным двумя жемчужинами. Одевание его было белым и отличалось от одежды его приближенных только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал. Так закончилась война ромеев со скифами.

¹ Мисия – Мизия, бывшая римская и ранневизантийская провинция, на территории которой в конце VII в. возникла Болгария.

² Греческий «жидкий огонь». Установки для его метания стояли на ромейских кораблях, контролировавших Истр-Дунай.

³ Константинополь.

⁴ Около 20 кг зерна достаточных примерно на 1,5 месяца.

⁵ Личный конвой – афанатон («бессмертные»).

⁶ Рубином.

**Из военного трактата «Тактика Льва» (ок. 900 г.).
Его авторство приписывают василевсу Льву VI Мудрому.**

Глава VII. О тренировке кавалериста и пехотинца

[...] Упражнять войско следующими средствами и приемами:

прежде всего, каждого стратиота в отдельности в соответствии с его специализацией.

3. Тяжеловооруженных пеших skutatov, то есть тех, кто носит полное вооружение, следует тренировать в единоборствах друг с другом с использованием щитов и палок,

4. в метании на дальнее расстояние дротиков, мартзобарбул¹, которые ныне называются саливами, и секир.

5. Так называемых псилов следует тренировать соответствующим образом – в скоростной стрельбе на расстояние по вертикальному копью,

6. в метании на дальнее расстояние дротиков и в стрельбе из пращи,

7. в ходьбе и беге по ровной и пересеченной местности. Кавалеристов следует упражнять в скоростной стрельбе из лука, в умении быстро извлечь стрелу из колчана и сильно пустить ее; для этого необходимо умело держаться на лошади.

8. Обучать пехоту в скоростной стрельбе из лука на расстояние либо по копью, либо по другому знаку.

9. Обучать скоростной стрельбе из лука во время движения верхом на лошади в направлении вперед, назад, вправо, влево. Обучать вскакиванию на лошадь.

10. Двигаясь на лошади, быстро выпустить из лука одну или две стрелы, быстро убрать натянутый лук в колчан, если он просторен, или в другое полуналучие, которое для этого предназначено. После того, как натянутый лук будет убран в колчан, выхватить копьё, которое носится за плечами, и действовать копьем; быстро закинув копьё за плечи, вновь выхватить лук.

12. Лучше будет обучать стратиотов всему этому во время маршей в собственной земле и стараться делать это верхом на лошадях. В этом случае и марш будет успешно осуществлен, и лошади не утомятся понапрасну.

15. Следует четко знать распоряжения, отдаваемые архонтами относительно боевых построений, в частности, те, которые касаются растягивания паратаксии² либо в ширину, либо в длину, а также ее сокращения, то есть сжатия по плотности, перемещения ее влево и вправо, видоизменения рядов, установления дистанций от человека до человека, изменения этих дистанций путем уплотнения и разряжения, встречных и расходящихся движений, то есть подходов и отходов, разделения стратиотов и распределения их по акиям³, то есть по рядам.

16. Следует знать и команды относительно построения всей фаланги, то есть боевого строя в целом, когда [...] эта фаланга уменьшается в глубину или растягивается в длину, и команды относительно так называемого сражения с обратным поворотом или сражения на два фронта, когда так называемые ураги⁴, то есть солдаты, стоящие самыми последни-

¹ Метательное оружие в виде коротких дротиков со свинцовыми наконечниками.

² **Патараксия** – общее военно-техническое наименование упорядоченных единиц боевого или походного построения византийской армии. Чаще всего термин обозначал совокупность линий (таксий) боевого порядка войска, выстроенного для сражения.

³ Термином **акии** обозначаются поперечные ряды боевого строя, в которых солдаты располагаются по одной вертикальной линии в затылок друг другу.

⁴ **Ураги** – солдаты, которые располагались на последних местах в рядах (акиях) и составляли тыловую шеренгу боевого построения; они именовались также тетрархами и стражами. Обязанность **урагов** определена в §72 главы.

ми в акиях, развернувшись вокруг себя, сражаются в передней шеренге как протостаты; точно таким же образом вслед за ними должна развернуться половина акий. Имеются и движения, обратные этим переменам – противоположные эволюции и возвращение фронта в исходное состояние.

29. Когда ванда кавалерии будет расположена по указанным акиям, то есть рядам, и выстроена надлежащим образом, назначенный мандатор¹ должен провозгласить следующее:

30. «Когда произойдет столкновение, никто не должен покидать свое место, никто не должен вырываться вперед, пока не начнется преследование врагов. Если ты вышел за линию фронта, следи за знаменем; не поддавайся страху, не свойственному стратиоту, но будь мужественным, каким подобает быть стратиоту, и не жди никаких увещеваний или каких-либо иных способов воздействия. Соблюдай, стратиот, свое место в строю; соблюдай его и ты, вандофор², когда произойдет столкновение с врагом, чтобы можно было следовать за знаменем. Если же ты выступишь за лицевую линию строя, не устремляйся слишком быстро в открытое поле, чтобы не ломать свой строй».

36. Следующее движение состоит в том, чтобы преследовать врага иногда наскоку в качестве курсоров, которые ныне называются прокластами³, иногда же при сохранении строя в качестве дифензоров, которые ныне называются эдикками⁴. И если нужно двигаться в качестве курсоров, подается команда: «Преследуй на скаку!» – и солдаты одну милю⁵ мчатся вскачь. Если же нужно двигаться в качестве дифензоров, полагается команда: «Преследуй строем!», и они двигаются организованно, сохраняя строй.

57. Псилы же, или акроболиты, как их называли древние (ныне они называются токсотами или сигиттаторами⁶), размещались в различных местах: иногда позади каждой акии в соответствии с численностью наличных сил, то есть к 16 skutatam четыре псила, чтобы когда акия skutatov разделится до четырех человек, позади них оказался бы один токсот; иногда в глубину акий попеременно – один skutat и один токсот; иногда же, если псиров много – в акиях на крыльях боевого строя, то есть на внешних сторонах паратаксии, а именно в промежутках между пехотной паратаксией и кавалеристами, а зачастую и вне их, на небольшом расстоянии, вместе с немногими skutatami, предназначенными для защиты кавалеристов, стоящих снаружи пехотного строя.

58. Те, кто имел на вооружении дротики, или секиры, или вардуки⁷, размещались либо позади акий skutatov, либо на крыльях паратаксии, но не в середине; прашники – всегда на крыльях паратаксии. Ныне же в целях обучения мы размещаем токсотов и остальных аконтистов⁸ позади акий, или же там, где потребуют обстоятельства.

¹ По определению составителя «Тактики Льва», *мандаторы* это специально выделенные из состава каждой тагмы два солдата, «...которые громко передают распоряжения архонтов стратиотам». Их рекомендовали выбирать из людей «бдительных, благоразумных, внушительных видом, громкоголосых, а если это возможно, то и умеющих говорить на разных языках».

² *Вандофор* – знаменсец ванды

³ *Курсорами (прокластами, промахами)* в «Тактике Льва» именуются солдаты легкой кавалерии, «которые следуют впереди паратаксии, завязывая сражение, и наносят стремительный удар по врагам, обратившимся в бегство».

⁴ *Дифензоры (эдики)* – дословно «защитники», солдаты, «...которые следуют за курсорами, не вырываясь вперед и не разрушая строя, но упорядоченно двигаются вперед с целью защиты курсоров, если тем, как это бывает, случится повернуть назад».

⁵ Более полутора километров.

⁶ Понятия, обозначающие лучников.

⁷ Возможно, еще одно наименование *мартзобарбулы*.

⁸ *Аконтисты* – разновидность бовых формирований пехоты, основным оружием которых являлись дротики (по-греч. аконтии).

68. Итак, солдаты двигаются и останавливаются по какому-либо звуковому сигналу или по мановению руки. Когда необходимо начать движение, кампидуктор дает сигнал либо горном, либо рогом, либо голосом – и солдаты приходят в движение. Если же необходимо остановиться, подается сигнал либо трубой, которая представляет собой малый горн, либо голосом, либо мановением руки – и они останавливаются. Необходимо приучить к такому звуку или сигналу в условиях звона оружия, пыли или тумана.

72. Урагам следует приказать по мере необходимости подталкивать сзади и выравнивать впереди стоящих, чтобы некоторые из них не отставали вследствие возможного страха.

73. Двигаться так называемой «черепашей» следует тогда, когда после сближения нашей и вражеской паратаксий предстоит обстрел из луков, а те, которые расположены по фронту, не имеют панцирей, то есть кольчуг. В этом случае подается команда: «Уплотнись!». Солдаты, расположенные впереди по линии фронта, сближают свои щиты до тех пор, пока они не сомкнутся друг с другом, плотно прикрывают свои животы до колен или же до голеней, а стоящие позади них поднимают свои щиты и защищают ими стоящих впереди, прикрывая грудь и лица, и таким образом вступают в сражение.

88. Это то, что касается движений. Команды же следующие: «Двигайся в полном вооружении!», «Стой в полном вооружении!», «Не покидай фалангу в полном вооружении!», «Молчи и слушай команды!», «Копья вверх!», «Копья вниз!», «Ураг, управляй лохом!», «Соблюдай дистанцию!», «Поворот к копыю!», «Поворот к щиту!», «Выйти вперед!», «Действуй так!», «Двигайся прямо!», «Удвоить глубину строя; вернуться в исходное положение!», «Повернуться к копыю лаконийским способом; вернуться в исходное положение!».

Из «Советов и рассказов» знатного ромейского военачальника Кантакалона Кекамена (между 1075-1078 гг.)

24. О стратегии

Если ты стратег и тебе вверено войско (стратигом я называю того, кто защищает и возглавляет военный лагерь), то дни и ночи бодрствуй и стремись к тому, чтобы поставить трофей против иноплеменников. Если ты находишься в неприятельской стране, то держи при себе многих верных и ловких лазутчиков, тех, кого, как мы знаем, называют хазарами. Нести службу без лазутчиков невозможно. Если кто и станет действовать без них, то действия его будут недостаточны и неподготовлены. Лазутчики твои пусть будут незнакомы друг с другом. Ведь кого-нибудь из них могут схватить, и он может выдать остальных.

34. О том, что враг твой умен

Если ты узнал наверное, что вождь народа, против которого ты воюешь, умен, то наблюдай за его поведением. Он измыслит всевозможные уловки и козни, чтобы захватить тебя в свои руки. Ты тоже придумывай необходимое и не только то, что слышал и выучил от древних, но и свое, новое выдумывай, изобретай все, что только можно. Не отговаривайся тем, что у древних этого не было. Человеческая природа, говорю я тебе, обладает врожденной хитростью и смекалкой. Подобно тому, как древние изобретали свои средства, сделай изобретение и ты и поставь трофей. Ведь и они были такими же людьми, как ты.

¹ *Лох* – другое наименование акии, состоявшей из 16 человек.

35. О том, что надо предпринимать против врага

Если враг твой глуп, то бойся его вдвойне: ночью ли, днем ли он нападет на тебя с отчаянной смелостью или совершит дело, на которое не пойдет человек разумный. Поэтому тебе нужно выставить надежную охрану, не пренебрегать пустяками, не давать себя увлечь мошенникам. Если враг пошлет к тебе людей как бы с грамотой, то знай, что это согладатаи. Если людей у тебя мало, то прикинься, будто у тебя собраны большие силы. Сделать это можно лишь расположившись в лесистых местах. Там твои люди будут приходить к тебе из разных мест по очереди, и узнать число их станет невозможно.

Из «Хронографии»

писателя и ученого Михаила Пселла (1018 – после 1096/97 г.) о характере и внешности Василия II Болгаробойцы (976-1025 гг.).

XXXIV. Он делил себя между военными делами и заботами мирного времени и, если говорить правду, на войне проявлял больше коварства, а во время мира – царственности. Если какому-нибудь воину случалось проштрафиться в походе, царь скрывал гнев и хранил его, как огонь под золой, но по возвращении в столицу обнаруживал и вновь его раздувал, и тогда уже сурово карал провинившегося. Большей частью он оставался тверд в своих приговорах, но бывало, что менял гнев на милость, при этом он нередко доискивался до причины преступления и тогда не наказывал за следствия. Иногда он поддавался состраданию, иногда иным соображениям и чувствам расположения к провинившемуся. Подвигнуть его на какое-нибудь дело было нелегко, но и от решений своих оказываться он не любил. Поэтому к тем, кому благоволил, Василий без крайней нужды не менял отношения, но и не скоро прощал навлекших на себя его гнев, и было для него собственное мнение судом окончательным и божественным.

XXXV. [...] Внешность же Василия свидетельствовала о благородстве его природы. Очи его были светло-голубые и блестящие, брови не нависшие и не грозные, но и не вытянутые в прямую линию, как у женщин, а изогнутые, выдающие гордый нрав мужа. Его глаза, не утопленные, как у людей хитрых и коварных, но и не выпуклые, как у распущенных, сияли мужественным блеском. Все его лицо было выточено, как идеальный, проведенный из центра круг, и соединялось с плечами шеей крепкой и не чересчур длинной. Грудь вперед слишком не выдавалась, но впалой и узкой также не была, а отличалась соразмерностью. Остальные члены ей соответствовали.

XXXVI. Роста он был ниже среднего, соразмерного величине членов и вовсе не горбился. Пешего Василия еще можно было с кем-то сопоставить, но, сидя на коне, он представлял собой ни с чем не сравнимое зрелище: его чеканная фигура возвышалась в седле, будто статуя, вылепленная искусным ваятелем [...]. Василий имел обыкновение тереть подбородок, особенно, когда возгорался гневом, занимался делами или предавался размышлениям. Другой его привычкой было, расставив локти, упереться пальцами в бедра. Его речь не была гладкой, он не округлял фразы и не распространял периодов, заикался и делал короткие паузы, скорей, как деревенщина, нежели человек образованный. Смелся он раскатисто, сотрясаясь всем телом.

**Из сочинения «Антаподосис» (греч. «расплата, возмездие»)
диакона Лиутпранда (в миру Люццо или Люзо), посла графа Беренгара,
регента и управителя Североиталийского королевства,
о приеме во дворце василевса (949 г.).**

В Константинополе к императорскому дворцу непосредственно примыкает зала удивительного великолепия и красоты, которую греки зовут Магнавра, или Золотая палата. Император Константин¹ велел привести ее в порядок для приема прибывших одновременно со мной послов испанского халифа и Лиутфреда, богатого купца из Майнца, который тогда был послан германским императором². Перед императорским тронном стояло бронзовое, но позолоченное дерево, на ветвях которого сидели разного рода птицы, сделанные из бронзы и тоже позолоченные. Птицы издавали каждая свою особую мелодию, согласно своей птичьей породе. Сиденье же императора было устроено так искусно, что сначала оно казалось низким, почти на уровне земли, затем несколько более высоким и, наконец, висающим в воздухе. Трон этот окружали будто в виде стражи огромной величины медные или деревянные, но, во всяком случае, покрытые золотом львы, которые бешено били своими хвостами о землю, открывали пасть, двигали языком и издавали громкий рев³. Я оперся на плечи двух евнухов и так был введен туда пред лик императора. При моем появлении заревели львы, и птицы защебетали каждая свою мелодию. Я же не испытал ни страха, ни удивления, так как еще раньше был осведомлен некоторыми знатоками о всех этих вещах. После того как я, согласно обычаю, трижды поклонился императору, приветствуя его, я поднял голову и увидел императора облаченным в совершенно другие одежды почти у потолка залы, в то время как только что видел его на троне на небольшой высоте от земли. Я не мог понять, как это произошло: должно быть, он был поднят наверх посредством машины, так же как поднимают вал давилного прессы. Сам император не произнес ни слова, а если бы и захотел произнести, это было бы неудобно из-за большого расстояния. О жизни и здоровье Беренгара меня спросил логофет. Ответив ему подобающим образом, я по знаку переводчика покинул залу аудиенции и отправился назад в отведенную мне гостиницу.

**Из трактата Константина VII Багрянородного
«О церемониях» (около 950 г.).**

Глава 38. Церемониал при коронации

Все выходят в парадных одеяниях – и весь синклит, и магистры, и другие чины; они берут сосуды, чтобы сопровождать владык. Когда же их приготовления окончены, василевс, облачившись в свой пурпурный скарамангий⁴ и сагий⁵, выходит из Августей⁶

¹ Речь идет о василевсе Константине VII Багрянородном (913-959 гг.).

² Имеется в виду германский король Оттон I (936-973 гг.), который будет коронован в 962 г. в Риме императорской короной так называемой Священной Римской империи.

³ Механизмы были сделаны по образцу львов, некогда стоявших на страже трона Соломона, мудрого библейского царя израильского.

⁴ **Скарамангий** – парадная верхняя одежда; царский скарамангий был белым, златотканым или пурпуровым.

⁵ **Сагий** – плащ, надеваемый василевсом поверх скарамангия.

⁶ **Августей** (Августий) – большая (или тронная) зала дворца Дафны, в свою очередь входившего в комплекс Большого императорского дворца.

в сопровождении препоситов¹ и следует до самого Онопода², и в Онопode первыми его встречают патрикии, и распорядитель говорит: «Повелите!» Тогда они возглашают: «На долгие годы и благие времена!» Затем они следуют до большого Консистерия³, где стоят консулы и остальные члены синклита, и владыки там останавливаются под балдахином; тогда все синклитики вместе с патрикиями падают на колени. Когда же все встают, владыки подают знак препоситу, и силенциарий⁴ говорит: «Повелите!» И в ответ ему возглашают: «На долгие и благие времена!»

Отсюда процессия движется в храм⁵, через Схолы⁶, а димы в парадных одеяниях остаются на своих местах, только творя крестное знамение.

И когда василевс входит в Орологий⁷, завеса поднимается, и он идет в Мутаторий⁸, где меняет прежнее одеяние на дивитисий и цицакий⁹, а сверху набрасывают сагий, потом идет вместе с Патриархом, зажигает свечи в серебряных воротах и входит в храм. Потом он идет в солею¹⁰ и молится перед святыми вратами при зажженных свечах, потом вместе с Патриархом входит на амвон¹¹.

Тогда Патриарх совершает молитву над хламидой, и после окончания молитвы кувуклии¹² поднимают ее и надевают на василевса. Тогда Патриарх совершает молитву над венцом и по окончании ее сам поднимает венец и возлагает на голову владыки. И тот час же народ восклицает трижды: «Свят, свят, свят! Слава Господу в вышних и мир на земле!» А потом: «Многая, многая лета великому царю и самодержцу!» – и далее по порядку.

С венцом василевс входит в Мутаторий, а выйдя оттуда, садится в кресло, тогда входят чины, падают на колени и целуют ноги царя [...]. Тогда препосит возглашает: «Повелите!» и все отвечают возгласом: «На долгие и благие времена!» и уходят.

Этот обычай, как и другие празднества, установлены для любви и содружества.

?

1. Можно ли принимать на веру описание всех скандальных походов свергнутого Василием I Михаила III? Как вы думаете, было ли их причиной одно беспутство царя?
2. Как византийское законодательство рассматривало власть царя ромеев и почему?
3. Какие обязанности, согласно «Эпанагоге», возлагались на василевса и Патриарха? Как вы полагаете, насколько сложно было следовать им на практике и к каким отношениям это приводило?

¹ Евнухов, организаторов и распорядителей дворцового церемониала.

² *Онопод* – одна из больших зал при входе в Большой дворец.

³ *Консистерия* – зал для официальных приемов в Большом дворце.

⁴ *Силенциарии* – служащие охраны Большого дворца.

⁵ Храм Св. Софии, он же – Великая церковь.

⁶ *Схолы*, или залы Схол – покои особого назначения в Большом дворце.

⁷ *Орологий* – помещение с некими часами, механическими или водяными.

⁸ *Мутаторий (митаторий)* – помещение для смены одежды.

⁹ *Дивитисий и цицакий* – парадная одежда византийских императоров и духовенства, фасон которой, как предполагают, пришел с Востока (видимо, напоминала славянский стихарь).

¹⁰ *Солея* – проход, коридор.

¹¹ *Амвон* – возвышение в центре храма, вокруг которого разворачивается церковная служба. Кроме священнослужителей, только василевс мог всходить на него.

¹² *Кувуклии* – слуги одноименной дворцовой царской спальни.

4. Вспомните, когда и кем ранее нарушались правила, упомянутые в «Эпанагоге»? Чем это можно объяснить?
5. О чем говорит грабеж Фессалоники, описанный Иоанном Каминиата? Почему мусульманские пираты смогли захватить столь богатый город? Попробуйте приблизительно подсчитать количество врагов, исходя из числа судов, задействованных в операции.
6. Можно ли сказать, исходя из рассказа Льва Диакона, что Иоанн Цимисхий добился капитуляции русов?
7. На что были направлены тренировки византийских войск и где их рекомендовалось проводить, согласно «Тактике Льва»?
8. Что из перечисленного в военном трактате можно отнести к традициям, а что к новшествам в византийской армии эпохи Льва VI Мудрого?
9. Каким образом, по мнению Кекавмена, должен был вести себя стратег в неприятельской стране? Почему византийцы делали особый упор на деятельность лазутчиков?
10. Почему Кекавмен советует остерегаться как умного, так и глупого врага? Какой из них, по вашему мнению, действительно более опасен?
11. Какими качествами обладал царь Василий II? Как вы себе представляете этого василевса, его слабые и сильные стороны?
12. Оцените уровень богатства Ромейского царства середины X в. по рассказу Лиутпранда.
13. Вспомните, когда и кем из ромеев были изобретены механические тронные чудеса, которые описал Лиутпранд? Насколько полно их описание?
14. Что можно сказать о методах византийской дипломатии X в., судя по описанию приема иноземного посланника во дворце василевса?
15. Как вы думаете, что подразумевал Константин VII в трактате «О церемониях», говоря, что церемония коронации василевса установлена для любви и содружества? Кого с кем?
16. Для чего царям ромеев был необходим столь сложный церемониал коронации?

§ 12. «Могущественные» и «убогие»

X–XII вв. стали периодом зарождения и постепенного укрепления феодалных отношений в византийской деревне. Это было время, на которое приходится массовое обеднение крестьян, владельцев мелких наделов, пытавшихся работать на себя. Часть из них, относимая к «слабым», получила у современников характерное название – «убогие», «бедняки», по-гречески *пениты*, *птохи*, *апоры*. Это было не столько экономическое понятие, сколько социальное, поскольку такие люди отличались отсутствием какого-либо влияния. Их роль в государстве была сведена только к изнурительной работе на земле, причем земле в значительной степени чужой. К вздорожавшей армейской службе они больше были не способны. Подавляющая часть обнищавших общинников превратилась в *париков* (ударение на первом слоге), дословно «присельников», арендаторов у зависимых людей, работников *динатов* (в переводе с греческого – «властелей» или «сильных», «могущественных»). Последние представляли собой всех тех, кто обладал деньгами, землями, а также санами и властью, поскольку земельное богатство в Ромейском

царстве подразумевало должность, чин, а значит, и могущество. Пользуясь своим высоким положением в административных и военных структурах власти, они притесняли мелких собственников и скупали их наделы. Ожесточенная борьба между центральной властью и крупной земельной аристократией определила все дальнейшее развитие византийского государства.

*От свободы
к зависимости*

Крестьяне, понуждаемые тяжким бременем налогов и нуждой, продавали лицам чиновным и властным землю. Особенно это становилось масштабным во время стихийных бедствий, неурожаев.

Уже знакомый нам выскочка низкого происхождения, василевс Роман I Лакапин (920-941 гг.) с удовольствием использовал преимущества и привилегии знатных родов, в частности, женил трех сыновей и двух дочерей на отпрысках влиятельных семейств, но при этом первым ясно понял опасность уничтожения мелких земельных собственников и повел ожесточенную борьбу против разрастания больших имений. Он стал принимать суровые законы, контролирующие покупку земли аристократами и Церковью, и прозорливо записал по этому поводу в одной из новелл: «Упадок мелкого землевладения приведет к полному упадку нашей казны и нашего войска». Власти, теряя налогоплательщиков, военнообязанных, пытались объявить сделки динатов, связанные с приобретением недвижимости в это время, недействительными, особенно если они касались стратиотских наделов, отчужденных за последние 30 лет.

Крестьянство стихийно тоже сопротивлялось болезненным процессам обезземеливания, обнищания. Проявлением этого стал ряд восстаний, охвативших южную Италию (920-921 гг.), греческий Пелопоннес (921 г.), восточно-малоазийскую Халдию (922 г.). Но особенно грозным оказалось крестьянское движение в самом центре Ромейского царства – в северо-малоазийской феме Опсикий в 932 г. Его возглавил македонянин Василий, прозванный Медная рука. Этот бунтарь уже был наказан в свое время отсечением руки, но заменил ее медным протезом, к которому крепил меч. После первых успехов восставшие, как водится, оказались разгромлены, а схваченный Василий был прилюдно сожжен в Константинополе.

Требовалось срочно принимать меры в отношении упорядочивания положения дел в деревне. Надо было всеми способами препятствовать крупным землевладельцам, причастным к провинциальному местному управлению, так называемым «могущественным», «начальственным», «сановным», как называли в законодательных источниках властелей-динатов, скупать крестьянские земли, стратиотские участки и брать под свое покровительство все увеличивающееся число «убогих». С трудом пока это еще можно было сделать, о чем свидетельствуют победы ромейского оружия над арабами и росами. В течение X в. василевсы почти безрезультатно, с низжайшим «коэффициентом полезного действия» издавали все новые новеллы в пользу апоров и пенитов – «бедных», стремясь сохранить исправных налогоплательщиков и пополнение армии солдатами. Но могущество крупных землевладельцев настолько возросло, что эти законы оказались малодейственными. В голодные годы, когда лютовали зимы и свирепствовали эпидемии, доведенные до отчаяния крестьяне отдавали землю за ничтожные деньги или просто за хлеб тем безумно алчным динаатам, которые, как говорится в царской новелле, были «более беспощадными, чем голод

и болезни». Часто те люди, которые должны были надзирать за исполнением законов, чиновники, судьи сами желали «погреть руки», завладеть земельными угодьями и, попросту говоря, саботировали запретные царские постановления о незаконной скупке имений. Поэтому к следующему столетию «плотина» из сопротивления крестьян и центральной государственной власти оказалась окончательно прорвана под давлением неумолимых экономических и политических обстоятельств. Массовое разорение общинников и стратиотов приобрело размах стихийного бедствия. Этому в немалой степени способствовало охраняемое ромейским правом свободное распоряжение земельной собственностью и все возрастающий налоговый гнет царской власти. Ведь для военных компаний почти постоянно сражающемуся Ромейскому царству нужны были огромные средства.

Условия держания земли у париков были разными. Часть из них получала ее от землевладельца-дината, обычно фемного офицера или служащего гражданской администрации, и платила ему хоропактон, а другая часть держала от государства и поэтому обязана была уплачивать налог, согласно государственным налоговым кадастрам по фискальным районам-дистиктам.

Следует подчеркнуть, что бремя крестьянских податей и повинностей в пользу державы было особенно тяжелым. Именно оно подрывало благополучие сельского населения, что было особенно болезненно в аграрной стране, какой являлась Византия. Крестьяне регулярно платили обычный основной и, видимо, важнейший налог – **синону** – «хлебное» за пользование земельным наделом. Первоначально казна взыскивала эту ежегодную повинность натурой, зерном, а позже, со второй половины XI в., стала брать деньгами. Часть этих сборов оставалась в распоряжении стратигов фем, местных гарнизонов и чиновного аппарата провинций, а основная часть собранного отправлялась в столицу Империи в конце сентября – октябре. Кроме того, со всех домохозяев, независимо от их имущественного положения, как и в IX в., взымалась подворная или подушная подать – капникон. Любой георг платил **энномион** – «пастбищное» за пользование пастбищем, а также налоги на пасеку и пчелиные ульи, скот, сад, огород, мельницу, дубовую рощу, масличные деревья, если таковые были. Учен был каждый лист на дереве, каждый волос на голове, как невесело шутили сами общинники. Более того, по закону, соседи должны были платить даже за тех, кто скрывался от уплаты налогов. С 970-х гг. добавился еще и **каноникон** – регулярный налог в пользу Церкви, который брали подворно как деньгами, так и натурой – зерном, мукой, вином, скотом, птицей. Впрочем, он был меньше, чем церковная десятина, которую требовало себе западное духовенство. Судебный сбор тоже стал регулярной пошлиной. Тяжелой обязанностью для земледельцев оставался **апликтон** – прием на постой и поставка продовольствия многочисленным разъездным чиновникам. То же приходилось делать и для проходивших через деревню солдат, в пользу которых несли **митатон**. **Ангариин** означали необходимость по первому требованию давать волов и повозки для государственных нужд, обслуживать и строить дороги, мосты, **кастроктисии** – возводить, ремонтировать крепости, укрепления, военные лагеря, **катергоктисии** – делать военные суда и поставлять для этого древесину. Кроме того, крестьяне платили поборы землемерам, устанавливавшим размеры их владений, сборщикам налогов – диикитам, которые получали за свой труд в качестве «обычного» платеж-**синифию**, даже низшим налоговым сборщикам – **таксиотам**, дравшим **элатикон** – «дорожное» «за утом-

ление ног», поскольку они ходили от двора ко двору, чтобы получить налоги. Уже в первой половине VIII в., при Льве III Исавре стали собирать по два серебряных кератия – **дикерат** на общественные нужды, главным образом, на строительство и обновление оборонительных стен. Стены отремонтировали, а надбавка к налогу осталась. Со временем к ней добавился **эксафолл** (**гексафоллон**) – дословно «шесть фоллов», еще один дополнительный налог, размером в половину кератия. В итоге с другими дополнительными статьями на каждую номисму основной государственной подати надбавка превосходила 80%. Причем срабатывал принцип: чем меньше сумма налога, тем больше надбавка. Воистину, не было числа тем, кто кормился в Ромейском царстве за счет византийской деревни.

*Правда, существовала особая категория крестьян – **экскуссатов**, которая вроде бы освобождалась от основных налогов. Однако взамен этого «освобождения» на их плечи ложилось несение специальных повинностей. Одни из них обслуживали ведомство почты, которое издавна функционировало в Ромейской империи. На больших трактах на определенном расстоянии были расположены станции с четырьмя – шестью быстроходными верховыми лошадьми и необходимым количеством вьючных животных. Их поставляли царские конезаводы, крупнейшие из которых находились в Малой Азии, прежде всего, во Фригии. Государство пристально следило за прикрепленными к станциям лошадьми. Крестьяне окрестных деревень обслуживали почтовые станции, выполняли ямскую повинность, со своими повозками сопровождали чиновников, членов иноземных посольств, курьеров. Другие экскуссаты снабжали продовольствием царский стол. К примеру, крестьяне деревни Тември в феме Опсикий поставляли рыбу ко двору василевса. Разумеется, такая деревня не была единственной.*

Видимо, динаты, используя свое служебное положение, шли на подлог налоговых книг – изокодиков, куда заносились платежи по всем крестьянским владениям, в том числе и общинным. После правления Льва VI (886-912 гг.) было решено, чтобы лица, производившие в изокодиках записи, делали это со скрибией – подписью, и это закрыло бы динатам возможность делать какие-либо приписки в свою пользу. Но уже принятие такого постановления указывает само по себе, что подобная практика не перевелась.

В любом случае сборщики налогов представляли собой самую ненавистную фигуру в византийской деревне, которой крестьяне по праву приписывали свои многочисленные и тягостные беды. Они произвольно повышали налоги, преследовали недоимщиков, заключали их в тюрьмы, творили всевозможные насилия и жестокости. В глазах современников это были «презренные людишки», жадность которых – причина всех болезней государства ромеев: «...они пожинают то, что не сеяли, и собирают там, где не пахали, и поедают, словно ломоть хлеба, несчастных поселян». При всей разумности византийской налоговой системы, налоги, которыми облагали сельскохозяйственное население, теперь только подрывали его благополучие. Это представляется вопиющим в стране, которая зависела от продуктов, выращенных на крестьянских землях.

Ко всему прочему X – первая половина XI вв. сами по себе оказались экологически очень неблагоприятным временем, что ускорило попадание крестьян в зависимость и рост магнатской элиты. То разливались реки, половодьем затопляя поля; то земли превращались в бесплодный солончак; то лютые морозы ме-

сяцами леденили землю и губили посевы; то наступала засуха, когда пересыхали ручьи и даже реки. Сколько раз приходилось вконец отчаявшимся земледельцам совершать *ставродиавасий* – крестный ход, тщетно умоляя небесные силы даровать хоть каплю дождя или защитить от всепожирающей саранчи!

Стихийные бедствия буквально преследовали крестьян. За неурожаями неминуемо следовал голод. Так, «великий голод», голодомор постиг Ромейское царство вслед за суровой зимой 927 / 928 г. 120 дней земля была скована льдом, после чего начался неурожай и пришла неизменная горестная спутница голода – «моровая язва», чума. Бедствие продолжалось несколько лет и стоило Империи ромеев потери примерно 10% населения. 1026 г. принес страшную засуху. В 1028 г., наоборот, начались непрерывные ливни, которые шли всю зиму: погибло много животных и плоды, сбитые на землю, сгнили. В 1032 г. северомалоазийские фемы Армениак и Пафлагонию охватил голод, сопровождавшийся чумой, все той же «моровой язвой», и толпы людей, теряя надежду, в отчаянии бежали, переселялись на новые места. С 1032 по 1034 г. несметные тучи саранчи опустошили поля в западномалоазийской феме Фракисий. В 1037 г. ни одна дождинка не упала на посевы, а затем выпал сильный град, разбивавший в дребезги даже черепичные крыши...

Едва ли не каждый второй год приносил с собой бедствия, от которых, в первую очередь, страдали кормильцы Ромейского царства, крестьяне–общинники. Доведенные до крайности мелкие поселенцы бросали свои наделы и уходили в поисках призрачного счастья в города или переселялись в другие части Византийской империи. Случалось, богатые, могущественные люди, не взирая на протесты общины, насильно захватывали ее владения. Даже в условиях лихолетий динатам, получавшим доходы от служебных должностей, удавалось сохранить и округлить свои финансовые резервы. В голодные годы георги сами продавали свои участки богатым за бесценок, а иногда просто за меру зерна. Чего не сделает доведенный до отчаяния человек! Обедневшие общинники в одиночку, а иногда целыми деревнями, отдавались под защиту и покровительство динатов, становясь их арендаторами, париками. С законодательной точки зрения они теперь отличались от независимых крестьян, которые работали рядом с ними, случается, в одной семье, в одном имении. За ними теперь старательно приглядывали *икодеспоты* – состоятельные сельские домохозяева, которые осуществляли надзор в поместьях динатов.

Впрочем, нельзя сказать, что парики были вовсе бесправны. Они имели недвижимое имущество, пусть и на парическом праве, и кроме того могли одновременно арендовать землю на условии уплаты ренты. Особенно важно, что парики все еще могли купить землю в собственность. Так они могли обеспечить себя необходимым количеством пахотной земли или земли под виноградником. С этой земли крестьяне уплачивали налог непосредственно в царскую казну, и эти земли не были отягощены специфическими парическими повинностями. Теоретически парики считались юридически свободными и полноправными гражданами Ромейского царства, могли продавать, сдавать в аренду, бросать землю. Однако в реальной действительности их правоспособность оказывалась все более и более ограниченной, а зависимость становилась не только экономической, но и личной, как бы это ни противоречило официальному праву и как бы сама зависимость, сравнительно с западным крепостничеством, ни была слабой. Со-

циальный регресс все же наблюдался, как бы его хотели не замечать некоторые современные византинисты.

Парик уже был человеком, зачастую потерявшим право свободно распоряжаться своим наделом, если он вообще у него был. Теперь господином земель становится динат, который приобретая все больше недвижимости, выделял крестьянину участок земли, помогал с посевным материалом, тягловым скотом, орудиями труда. Прежняя зона крестьянской свободы, столь удачно взрошенная в «темные века», таяла как весенний снег под лучами жаркого солнца.

Свободные общинники, особенно категория средних землевладельцев, были основой военного и финансового могущества, процветания Византии в том виде, в котором она сложилась за предыдущие столетия. И поэтому в X в. и в первой половине XI в. василевсы Македонской династии, при всем их равнодушии к решению социальных вопросов, все же издали ряд законов, которыми они пытались препятствовать захвату крестьянских наделов. Земли, отобранные у общинников в голодные годы без оценки, предписывалось вернуть пострадавшим безвозмездно, проданные же полагалось выкупить в рассрочку. Митрокомии, ее членам, будь это хоть младенец, в полной мере возвращалось ущемленное важное право *протимисиса* – предпочтительной покупки в случае продажи крестьянской земли. Ее сначала должны были купить родственники, а в случае их отсутствия – совладельцы и ближайшие соседи. Только после того, как они отклоняли покупку земли, она могла продаваться постороннему. Даже за ушедшими со своих участков крестьянами в течение 30 лет сохранялось право собственности на надел.

Но царские постановления продолжали открыто нарушаться. К тому же право «предпочтения», закон о сроке давности распространялись и на разбогатевших общинников, в том числе поднявшихся в ряды динатов: понятие «сосед» было довольно неопределенным. Да и зависимым крестьянам порой жилось гораздо лучше, чем свободным общинникам, и они не горели желанием вернуть свой прежний ненадежный статус. Иногда они даже дарили свои наделы динатам, добровольно становясь в зависимость от землевладельца, чтобы избежать нищеты, незащищенности. Свобода в новых условиях становилась обузой. Письменные источники недаром свидетельствуют, что крестьяне обдуманно избирали статус парика. Хороший, рачительный господин мог защитить от государственных налоговых злоупотреблений, от насилий, помочь с деньгами, даже вложить их в хозяйство своего «присельника» в надежде получить со временем больший доход.

Поэтому, несмотря на попытки государства ограничить уход крестьян и вернуть жизнь митрокомии в прежнее русло, положение изменилось мало. И тогда василевсы сами постепенно начали превращать свободных держателей земли в париков, но уже государственных. Борьба за мелких землевладельцев оказалась государством проиграна. Эволюция стала необратимой. Ослабление же общины пошло параллельно с ослаблением самого Ромейского царства и наращиванием мощи его «властелей».

Милости государя

Царь жаловал чиновные должности, но на деле они приобретались на деньги, которыми потом проворачивало государство. Суммы эти были огромны, учитывая, что только в одном Константинополе было несколько тысяч чиновников.

Уже василевс Лев VI установил тарифы на звания, которые варьировались в зависимости от того, полагалось ли жалование, разрешался ли доступ на царский прием. К примеру, генеральское жалование «старшего меченосца» – прото-спафария составляло одну литру золота (72 номисмы), а цена получения должности в 12-18 раз больше, не считая поборов царской канцелярии, ведавшей всеми назначениями и повышениями. Но все равно такая практика была выгодна чиновникам, ибо с отданной суммы они пожизненно получали от государства проценты. Это была их своеобразная «пенсия».

Вручали им и парадные одежды вышитые или вытканные золотом, усыпанные жемчужинами и драгоценными камнями, причем в зависимости от праздника орнамент и цвета были разными. Кроме того, надо учесть, что многие должности предполагали жалование и подарки, которые василевс делал на торжественной церемонии в некоторые дни. Воистину, руки дающего монарха не должны были скудеть. Это не могло не иметь последствий.

Дело в том, что со временем василевс стал дарить и часть своих безмежных прав. В частности, расширению земельных владений византийских магнатов и росту парикии особенно содействовали такие формы царского пожалования как *арифмос* и *прония*.

Арифмос (с греческого «число») представлял дарованное государем право на поселение определенного числа плательщиков казны на землях динаата. Подобное явление возникло в результате непрерывного умножения количества крестьян, неспособных своими силами обрабатывать предложенный государством надел. Чтобы вовсе не лишиться поступлений, василевсы разрешали монастырям или вельможам поселять определенное число таких неспособных плательщиков на своих землях в качестве париков. С них государство получало подати, но значительно меньше, чем со свободных крестьян.

Еще более широкое распространение в Ромейском царстве получила такая форма царского пожалования условного характера как *прония* (в переводе с греческого – «опека, попечительство, попечение, забота»). Наиболее раннее ее определение известно из податного трактата, видимо, XI в., где сказано, что *прония*, а точнее, *прониастика*, – это «пожалование от василевса на срок жизни человека». Получивший пожалование от государства, будь то аристократ или крестьянин-рекрут, начинал получать с доставшихся ему подопечных имперских поместий или земель доходы, арендную плату за пользование государственным имуществом, и большую часть полученного оставлял себе. По своей социальной сущности *прония* была служилой собственностью, поскольку *прониары* прежде всего были военные. Хотя *прониар* не мог скупать участки у попавших в его ведение париков, он получал долю с налога, пошлин, арендной платы, поборов за рыбную ловлю и т.п. и фактически имел право контроля над землей, территорией, отданной ему на время в публично-правовое попечение. Более того, в будущем *прониар* станет верховным судьей над своими париками, получить над ними в какой-то мере и административную власть, хотя это случится еще не скоро. Он даже начнет содержать собственный штат управленцев по образцу государственного административного аппарата. Но уже с самого начала института *пронии*, окончательно расцветшего с XII в., парики не могли продать свой надел за пределы *пронии*. Они оказывались как в поземельной, так и в налоговой зависимости от *прониара*. Скопив средства, *прониар* мог еще прикупить земли,

причем участки, добавленные прониаром к пронии, тоже переставали облагаться налогом в пользу государства.

Обычно прония как некий «грант» действительно давалась получившему ее на срок жизни, за любую службу, военную или гражданскую, причем статус прониаров был самый разный, как высокий, так и низкий. Однако то обстоятельство, что она представляла собой попечение, связанное с управлением территорией, так или иначе населенной зависимыми крестьянами, привело на практике к тому, что прония эволюционировала по пути превращения в условную земельную собственность и становилась частью грозного процесса децентрализации власти в Империи. В дальнейшем, в XIII в. она превратилась в наследственную собственность, а ее держатели – в династов-феодалов, правда, в отличие от западноевропейских сеньоров, не самовластных, со своими вассалами, а подконтрольных государству, которое в одночасье могло лишить их функции попечения.

Тем не менее доходы правительства от сельского хозяйства все больше падали по мере того, как число париков росло за счет государственных крестьян и стратиотов, увеличивалось количество освобожденной от налогов земли, принадлежавшей теперь частным светским и церковным землевладельцам. Поэтому власть василевса, несмотря на упорные попытки держать ситуацию под контролем, постепенно ущемлялась, царские сундуки оставались пустыми, государство беднело, в то время как прониары-«опекуны» умножали свои состояния за счет дохода от проний, становясь все богаче и богаче. Мало того, среди их владений преобладали держания именно зависимых крестьян-париков.

За монастырскими стенами

Около 1000 г. в Ромейском царстве насчитывалось до семи тысячи монастырей, а некоторые историки полагают, что их было в несколько раз больше. Во всяком случае, по сообщениям русского путешественника Антония, в середине XII в. на территории Византии действовало четырнадцать тысяч монастырей. Едва ли не половина ромеев оказалась за стенами обителей.

Иногда их учреждали постановлением Патриарха или василевса. Частные лица – **ктиторы** тоже могли организовать обитель: для этого было достаточно разрешения местного епископа. Многие так и поступали, удаляясь в монастырь, который основывали. Но главным образом ряды монашества быстро пополнялись за счет обедневших крестьян, не терпевших отделаться от земли и связанного с ним невыносимого налогового бремени. Еще раз подчеркнем, что статус вольного человека становился все более непосильной ношей. Как мы уже говорили, крестьяне не выдерживали конкуренции с династами, теряли земли. Случалось, их буквально сживали с земли. И вот прежний крестьянин, разорившись, принимал на себя монастырские обеты. Окончательно обнищавшая часть крестьянства, скинув пропотевшие хитоны, облакалась в черные подрясники. Убогая монастырская трапеза доставалась тяжелым трудом, но это был привычный круг крестьянских работ: пашня, луг, сад, скотный двор, мельница. Кусок иноческого хлеба был невелик, но все же это был верный кусок. Была и одежда, и крыша над головой. Главное, принявший постриг освобождался от государственных налогов, а в мужских монастырях – и от военной обязанности. В миру оставалась семья, но уже отпадала необходимость заботиться о ней, нести определенные обязанности. Принятие «ангельского образа» силою государственных законов

отменяло эти тяготившие, опостылевшие обязанности: монах уже не принадлежал «грешному миру», более того, должен был «ненавидеть мир».

Итак, монастырь имел – в этом он был вне конкуренции – поистине даровую рабочую силу, причем в монастырском послушании участвовали и освященные авторитетом Церкви обеты, которые к тому же подкреплялись личной религиозной верой, набожностью. Иночество открывало для религиозного сознания прямую дорогу к загробному блаженству. Здесь работал весь церковный арсенал средств воздействия на человека. Стремление в труде иноков и инокинь укреплялось верой в неизбежность и спасительность тягот на грешной земле, в неизбежность и спасительность скудной пищи, уставной «почти до сытости», обильно политой потом, – ибо «...в поте лица будешь есть хлеб свой», утверждало Писание. Пост – нистия, молитва, отказ от мирских соблазнов и послушание, послушание, послушание – высшая, важнейшая обязанность и добродетель – «превыше поста и молитвы».

На этих «трех китах» и покоилось преуспевание ромейских обителей, росших как грибы после дождя. Были и другие крепкие опоры монастырского хозяйства. Так, государство оказывало помощь монастырям, даруя им налоговые льготы, давая дары земель, зерном, деньгами. То же делали и влиятельные ромеи. Не удивительно, что при всех этих условиях византийское монастырское хозяйство стало образцовым.

Но и этим не исчерпывались все способы монастырского обогащения. Многие обители пользовались особой славой у верующих, привлекали к себе толпы паломников. Прийти к святыне, помолиться перед священной реликвией, иконой об исцелении или вразумлении, подании благодати, поставить свечи, запастись евлогиями. Да разве перечислить все надежды и горести человеческие, что несли ромеи в единственно доступное им место утешения – в церковь, в монастырь! В традиции православного паломника было не только обойти храмы и святыни, не только посылно пожертвовать обители приношение, которое, может, год, а может, и долее собиралось по медяку, но и поработать на обитель, послужить монастырю, взять на себя монастырское послушание. На срок. На день или на неделю, на месяц – кто сколько мог, сколько было сил и времени. Делали, что скажут. Эта работа выполнялась на совесть, со старанием: паломник понимал, что трудится для искупления греха, который знал за собой, трудится «в зачет», для спасения души. Некоторые обители имели производственные и торговые эргастрии, вели торговлю, занимались промыслами, держали свои лодки, суда, мельницы, сдавали излишки неведельваемой земли в аренду для того, чтобы на полученные средства содержать гостиницы, больницы, школы, кладбища и удовлетворять иные нужды собственной общины.

Исходя из всех этих тенденций, монастыри продолжали приобретать земельные угодья и увеличивать число монашествующих, превращаясь иногда в крупных собственников. К тому же принадлежавшие им огромные участки превосходной пахотной земли, по причине бездарного хозяйствования, в течение длительного времени не использовались, держались под паром. Духовенство злоупотребляло тем, что земли церковей и монастырей были неотчуждаемыми, «святыми и неподчиняемыми», как утверждали светские законы и церковные каноны. Ситуация, как и к началу иконоборства, вновь становилась угрожающей для государства. В попытке отрегулировать рост церковных владений василевс Никифор

Фока в 963 г. издал закон, осуждающий зло, проистекающее от накопления монастырями немеряных богатств. Предполагалось ограничивать размер монастырских владений и запрещать впредь принимать денежные дары и создавать новые обители. Но этот закон, вызвавший бурю негодования духовенства, не мог быть воплощен в жизнь уже в значительной степени потому, что само правительство побуждало монахов обосновываться вдоль границ Ромейского царства для распространения веры и для защиты государства. К примеру, именно при Никифоре Фоке по инициативе его друга, Св. Афанасия Афонского, начался рост монастырей на прославленной с тех пор Святой Горе Афон на македонском полуострове Халкидика, к востоку от Фессалоники, который весь попал под покровительство василевса. Сначала здесь была отстроена Лавра, где поначалу разрешили жить только пяти самым набожным и выдающимся монахам из 120 желающих. Но уже через несколько лет ивирские, то есть грузинские аристократы возвели *Ивирон*, еще позже сербы – *Хиландар*. В итоге не только на Святой Горе, но и в иных местах процесс увеличения монастырских имуществ, земельной собственности оказался неостановим. Известно, что корабли, принадлежавшие монастырям, регулярно возили вино в Константинополь, Фессалонику, другие города Византии.

При этом нельзя сказать, что монахи старались как можно эффективнее использовать свое хозяйство только из-за алчности. Согласно уставам, Типикам, цель увеличения благосостояния монастыря была не в улучшении образа жизни, а в увеличении числа иноков, размера милостыни по праздникам и в дни поминовений. Деньги, получаемые через пожертвования, ренту или торговлю, были также нужны для покупки необходимых продуктов, не производившихся в монастыре, верхней и нижней одежды, капюшенов, накидок, обуви, циновок, шерстяных одеял, свечей, масла для лампад и особенно – литургических принадлежностей, многочисленных икон, священных сосудов, дарохранительниц, лжиц, покрывал и одежд для культовой практики, богослужебных книг, кропил, кадил, лампад, подсвечников. Часть таких культовых вещей, относившихся к разряду священных, не продавалась, но подлежащие освящению можно и нужно было приобретать. Внешние события, военное вторжения, неурожай, эпидемия или, напротив, увеличение числа монахов ставили монастыри перед необходимостью активного включения в экономическую жизнь Ромейского царства и максимального рационального использования собственных ресурсов.

Любая обитель внешне представляла собой, как правило, окруженный каменной стеной замкнутый комплекс, куда можно было попасть через единственные ворота. В центре двора стояла монастырская церковь, а вокруг двора – галереи, покои игумена, кельи монахов, трапезная со столами D-образной формы, кухня, пекарня, хозяйственные постройки, склад, кладовые, где хранились все вещи и продукты, вино, овощи, хлеб, различные мастерские, даже лавки, винодельня, баня, комнаты для приезжающих гостей, без которых не обходился ни один монастырь. Иногда здесь можно было не только переночевать, но и поесть, переодеться и переобуться, используя старую одежду монахов, и даже быть похороненным на специальном кладбище. Монастырскую библиотеку и хранилище документов обители для защиты от пожара старались разместить в отдельно стоящей башне. Стоило все это хозяйство недешево: постройка даже маленькой церкви обходилась в начале XII в. в 30 номисм (22 номисмы материалы и 8 номисм – двухмесячная работа каменщика).

Жизнь за монастырскими стенами текла по своему раз и навсегда установленному, строго упорядоченному расписанию, в котором ведущая роль отводилась религиозным обязанностям. Глухой ночью, между часом и тремя, раздавался сигнал *гидрология* – водяных часов, по этому звуку поднимался афипнист – дословно «бодрствующий», «неспящий», который обходил спальни со светом и будил звуком деревянного молотка, стучавшего по билу, подвешенной деревянной доске – *ксилону*, *симандру*, или звонил в бронзовый колокольчик, иногда с надписью *Трисагион* – молитвенного песнопения Трисвятое. Зевая и зябко поеживаясь от ночной прохлады, иноки тянулись в монастырский кафоликон на утреню – *месониктикон*, дословно «среденочье». На рассвете вновь для афипниста звучал гидрологий и бил симандр, поднимая едва успевших заснуть, полусонных иноков на чтение «*часа первого*», или заутрени. Тогда же открывались ворота обители, чтобы местное население могло присутствовать на церковной службе. Затем каждого монаха ждала привычная работа, – кто отправлялся пахать, жать, собирать виноград или плоды, рыбачить, кто трудился в мастерских, прачечной, в больнице-носокомионе или ксеноне, кто месил тесто, плел корзины, циновки. В середине утра, около девяти часов, симандр отбивал «*час третий*», после чего можно было позавтракать и опять вернуться к работе. В середине дня наступал «*час шестой*», а затем обед – единственная горячая и сравнительно обильная еда за весь день и два часа положенного отдыха, когда можно было подремать, после чего трудились уже до захода солнца. Во второй половине дня, около 15 часов, читали молитвы «*часа девятого*». Но чаще их пропускали и за час до захода солнца служили вечерню – *гесперинон*, а с заходом солнца – повечерие – *аподеипнон*. Но уже через несколько часов сна вновь раздавался бой симандра. Бормоча псалмы, надо было вставать, чтобы молиться и снова работать, работать, работать во славу Господа и обители, пока не придет смерть. Только она одна была в состоянии разорвать железный круг монастырских часов, в которых, как в невидимых цепях, оказывался заключен любой иннок.

Со стороны такие ромейские монастыри-киновии напоминали коллективные поместья. Как уже сказано, увеличение их числа было вызвано не столько ростом религиозности и тягой ромеев к аскетической жизни, сколько постоянным ухудшением положения крестьян и попыткой спастись от непосильного податного бремени. Эти крестьяне основывали небольшие обители по десять-двенадцать человек. Важно подчеркнуть, что для византийских монахов, если не считать иноков некоторых самоуправляемых монастырей, физический труд считался обязательным, тогда как в западной Европе братии запрещалось заниматься сельскохозяйственными работами.

Рядовые византийские монахи превращались в монастырских париков, положение которых мало чем отличалось от их собратьев, живущих на государственных или динатских землях. Только и того, что их господином считался епископ или игумен.

В теории киневия представляла собой идеальное единство, основанное на принципах нестяжательства и равенства. На деле же за монастырскими стенами были свои «могущественные» и «убогие». Ведь монах, вопреки принципу нестяжательства, мог в виде исключения иметь собственное имущество. Так, если знатный вельможа постригался в монахи, то при нем могли находиться его личные слуги, ему отводили особые помещения и он имел воз-

возможность отдельно питаться. От него принималась *анотага* – пожертвование при постриге, которая шла на постройку или на содержание, ремонт зданий. В некоторых монастырях практиковалась продажа *ситиресия* – дословно «хлебного довольствия». Такой ситиресий выплачивался человеку, который покупал право содержания за счет монастыря и мог вступить в него в будущем. Это была услуга своеобразного «пожизненного содержания», предоставляемая обителью в обмен на имущественный вклад, пожертвование.

Что же касается идеала равенства, он не соблюдался как при жизни, так и после смерти. В монастырях сложилась своя общественная градация, которая зависела от срока монашеского служения, формы монастырской деятельности, места в управлении обителью. Одни монахи были заняты в богослужении, другие и немало – преимущественно в монастырском хозяйстве. Иноки разделялись также по «возрастному» принципу на великосхимников, монахов малой схимы и рясофоров-послушников. Подобное разделение монашеской братии сводилось не только к формам приветствия, определенному месту во время трапезы или на монастырском кладбище, где игуменам принадлежали особые, привилегированные ряды, а великосхимников хоронили отдельно от простых иноков, иногда в мартириях или рядом с ними. Но неравенство в первую очередь проявлялось в материальном плане: монахи различных категорий стали получать разного размера плату и неодинаковые суммы денег на приобретение одежды. Некоторые из них, из числа знати, сохраняли право держать слуг. Короче, «ангельская общность» разлагалась под напором мирской корысти.

Поразительно, но общество людей, отречшихся от мира и всех благ, являлись в Ромейском царстве обладателями богатств, прежде всего, земельных. Из иноков, послушников монахи превращались в хозяев, жгучим желанием которых было уже не столько искания пустынного безмолвствования ради спасения души, сколько стремление почувствовать свою силу в этом мире, обрести «суетные» мирские имущества. Монахи, это воинство Христово, научились мыслить перспективно, проявляя значительные хозяйственные, организаторские, а подчас, и дипломатические способности. Монастырь стремился занять ключевые позиции на данной территории и это было всегда то, что мы сейчас называем стратегически важным пунктом. Основателю монастыря надлежало точно оценить перспективность региона с точки зрения будущего обителя. И земли, и торговлю, и промыслы монастырь прибирал к своим рукам. В этом плане даже отшельничество напоминало скрытую разведку местности.

На практике в Византии монастыри не представляли собой единого целого, как это было, скажем, в западной Европе. Каждая обитель являлась автономной единицей, и время от времени вступала с соседними общинами-монастырями в договорные отношения или в территориальные объединения – «конфедерации».

Наиболее известными объединениями монастырей с X в. стали общины на горе Латрос в Малой Азии (всего их 12), основанные Павлом Новым, сыном комита флота, благодаря дарам Константина Багрянородного и болгарского царя; сообщество скальных обителей Каппадокии; не менее причудливые, удивительно живописные горные монастыри *Метеоры* над речной долиной в *Фессалии*, в Центральной Греции, а также группа знаменитых Афонских монастырей – особый, сложный мир, начавший расти с VII в. и в итоге покрывший своими ски-

тами 123 скальных выступа Святой Горы с приблизительно восьмью тысячами насельников. Прорубая в скалах длинные лестницы, здешние иноки лепили свои здания из камня и деревянных рам на труднодоступных утесах, словно ласточкины гнезда. Их не останавливала и здешняя высокая влажность, из-за которой все промокало насквозь и даже по стенам бежали ручейки.

Святая Гора – Айон Оропс с ее обителями была издавна посвящена Пречистой Деве Марии и в ее честь ни одно существо женского пола, равно как и бесполые эктомы – евнухи, дети, не должны было ступать на землю полуострова. Этот запрет – по-гречески аватон действует и в наши дни и требует специального письменного разрешения – диамонитирион на въезд в афонские монастыри. Впрочем, он не нов. Уже в IX в. дядя Феодора Студита, Св. Платон, прославленный настоятель монастыря Сакудион, что на горе Олимп, запретил входить в обитель не только женщинам, но даже животным женского пола.

Монашествующие Афона имели элементы общего управления в лице своего прота («первого»), старшего над скитами. Совет Афона, в котором были представители от каждого монастыря, обосновался в маленькой столице Карисе на склоне Горы. Со временем он мог созывать на собрания 124 монаха и распределял между всеми ежегодное пожалование, выделявшееся василевсом. При всем том обители Афонской горы были автономными и руководствовались собственными уставами – типиками, являя уникальное разнообразие.

При всем том византийское монашеское сообщество не имело столь мощной экономической базы и не пользовалось столь широкой корпоративной независимостью как монастыри западной Европы. Слабость его заключалась в том, что, несмотря на торжественные заверения законов, ромейское монашество было тесно связано с царской властью. Именно эта власть определяла границы экономической и административной свободы византийских киновий, позволяло им жить за счет своих хозяйств или сборов с населения, работавшего на монастырских землях. Государство назначало многим обителям так называемые *солемнии* – ежегодные выдачи деньгами или зерном. Иногда они представляли собой права взимания определенной, точно зафиксированной суммы государственного налога, который собирался с крестьян окрестных деревень, не подчиненных монастырю. Последний становился для них патроном. Тем не менее получение подобных выплат заставляло монахов особенно отчетливо ощущать свою материальную зависимость от государственной власти.

Случалось, монастыри получали от государя определенные налоговые привилегии – *экскуссию*, то есть иммунитет – освобождение от налогов. Но и она рассматривалась, как царская милость. Всегда сохранялась возможность пересмотра и отнятия такой привилегии.

Не обладали ромейские обители и судебным иммунитетом – независимостью от судебных властей и юрисдикцией над зависимым населением. Единственное, на что могли рассчитывать иноки, так это на выведение их из-под компетенции провинциальных властей и подчинение непосредственно царскому суду.

Широко практиковали в Ромейском царстве, стране монастырей, такую привилегию как *харистикий*. Она предоставлялась церковными властями или самим императором в качестве условного пожалования монастыря или иного церковного учреждения со всем его хозяйством в распоряжение светского или духовного лица, обычно, пожизненно, реже – на два-три поколения. В результа-

те такой харистикарий становился патроном монастыря, а работавшие на него крестьяне превращались в париков харистикария, который их нещадно эксплуатировал. Он получал причитающиеся с обители государственные поборы. Таким образом, харистикий представлял для государства недорогое средство вознаграждения своих слуг и в тоже время ограничивал рост церковных владений. Эта система давала возможность византийским вельможам округлить свои владения и при разумном ведении хозяйства наполнить свой кошелек звонкой монетой. Разумеется, любой харистикарий понимал временность доставшего ему и торопился выжать из него все, что можно.

Похожи были и полномочия ктитора – основателя монастыря, которым мог стать любой состоятельный ромей, пожелавший пожертвовать свои средства на благо обители. По отношению к такому «подшефному» монастырю ктитор имел ряд прав, которые определялись монастырским уставом. Главным при этом опять-таки было участие в прибылях обители. Права ктиторства были сходны с харистикием, но являлись наследственными, а потому еще более желанными.

Парики и динаты

Потеряв право собственности на землю и превратившись в парика, крестьянин являлся держателем земли либо господина, либо государства. Теперь именно семьи париков составляли главную рабочую силу в поместьях знати и в императорских владениях. Наемный труд был мало распространен, а рабы вообще исчезли из сельского хозяйства.

Налоговой единицей стал *зевгарион* – участок земли, который обрабатывала пара быков или волов. В зависимости от этого различали париков-*зевгаратов*, которые владели упряжкой для обработки земли площадью от ста до двухсот модиев (примерно 9-18 гектаров). Парики-*дуозевгараты* имели двойной надел, то есть два зевгариона. Парики-*воидаты* или *бюидаты*, располагавшие лишь одним быком или волком (боиос, по-гречески), имели от пятидесяти до ста модиев пахотной земли (около 4,5-9 гектаров). Не имевшие земли, рабочего скота, то есть имущества (кtima, по-гречески), зачислялись в разряд париков-*актимонов*. Обычно они занимались уходом за скотом или каким-нибудь деревенским промыслом и в лучшем случае имели только осла – единственное мало-мальски ценное подспорье в хозяйстве.

Все эти зависимые крестьяне продолжали уплачивать государству подати, поголовный и основной земельный налог (*телос, зевгарь*), нести повинности. Даже если динат получал экскуссию – освобождение от налогов, парики платили подати, только теперь они через руки господского управляющего, эконома, надзиравшего за ними, попадали не в казну, а в кошелек могущественного господина-землевладельца. Кроме того, за пользование землей крестьяне, будь они независимые или парики, уплачивали арендную плату или ренту, которая обычно составляла от 30 до 50% собранного урожая и вносилась, как правило, деньгами. Все это вместе взятое способствовало увеличению налоговых сборов в стране. Наконец, крестьяне выполняли различные отработочные повинности – ангарии. Это мог быть ремонт господского дома или строительство мельницы, рубка леса или ловля рыбы в пруду.

Господин парика мог менять размеры оплаты за держание надела земли крестьянином и даже – сами виды повинностей крестьян. Господа переселяли своих

париков с участка на участок. Парики переходили из рук в руки как принадлежность поместья при продажах земли, дарениях, конфискациях. Хуже того, в любой момент господин мог выгнать парика с участка земли, который находился у него в держании. При этом слабым утешением было для крестьянина то, что он мог забрать материал построек, сооруженных им на этой политой его потом земле.

При отсутствии детей и внуков у супружеской четы париков ее имущество переходило к господину, и даже родной брат не мог его унаследовать. Правда, парик мог обретать право наследственного владения на землю, если он ее держал в течение тридцати лет и исправно нес при этом повинности. Но и тут господа прибегали к законной уловке: при поселении на своей земле париков они обычно устанавливали срок их пребывания в поместье в 29 лет, чтобы сохранить возможность более свободно распоряжаться парическими семьями и так называемыми *стасями* – обложенными налогами крестьянскими наделами. Парики одновременно с держаниями могли иметь участки земли на правах полной частной собственности, но и это обычно было редкостью, да и размеры личных участков – ничтожны.

Зато поместья динатов – *икосы*, дословно «дома», порой занимали обширные территории, включавшие как обрабатываемые, так и не обрабатываемые земли. Некоторые из их владельцев так разбогатели, что могли вести неопишимо роскошную жизнь. К примеру, некая вдова Даниились, зажиточная землевладелица в районе пелопоннеских Патр, в конце IX в. владела восьмью десятками икосов и некоторыми городами, а ее выезды сопровождало три сотни слуг. Она завещала свое огромное состояние царю Василию I Македонянину, который сразу после ее смерти освободил три тысячи рабов и отправил их в Италию в качестве поселенцев. Василевса Василия II Болгаробойцу поразили богатство и размеры владений малоазийского магната Евстафия Малеины, пригласившего на отдых в одно из своих грандиозных имений в Каппадокии ...все войско василевса, возвращавшееся из сирийского похода, то есть несколько тысяч воинов! Этот динат, по словам византийского историка Иоанна Скилицы, мог, вооружив своих рабов и париков, выставить отряд в три тысячи человек. Впрочем, царь не жаловал олигархическую провинциальную аристократию, и магистр Евстафий Малеин, один из бывших соратников мятежного Варды Фоки, поплатился за свои интриги, бахвальство и непомерное честолюбие: пригласив вельможу в столицу, Василий заточил его в клетку, конфисковал владения и тот кончил жизнь пленником в отдаленной царской тюрьме. Но еще больше владельцев таких «домов» оставалось здравствовать на свободе.

В завещании невысокого должностного лица, протоспафария *Евстафия Воилы*, составленном в середине XI в., указывается, что он распоряжался несколькими имениями, земли которых приобрел на малоазийском пограничье. Кроме собственного дома-икоса Евстафий устроил церковь Пресвятой Богородицы, которой владел на правах ктитора, а также содержал монастырь Св. вмч. Варвары, где были похоронены его мать, жена, сын Роман и где он сам хотел быть похороненным. В состав владений протоспафария входили пахотные земли, виноградники, сады и даже степи. Ему принадлежали ирригационные каналы, водяные мельницы, движимое имущество – множество скота и около двух десятков рабов, среди которых были писцы-каллиграфы, поскольку Воила основал библиотеку из 66 рукописных книг – немалое количество и немалая ценность для

тех времен. Некоторые арендаторы его земель платили ему по 80 золотых в год, не считая части продукции, а общая ценность имущества достигала четырехсот литров – свыше 28 000 номисм. Впрочем, к периоду составления завещания, когда дела пошли хуже, у Воилы из одиннадцати имений осталось только четыре. Остальные он вынужден был либо продать, либо отдать другим «властелям», сановным лицам за долги. В целом это был собственник средней руки, но встречались провинциальные магнаты, которые подчас имели в своих владениях не только трактиры, распивочные заведения, бани, церкви, часовни со своими священниками, личные мавзолеи, а, случалось, и собственный двор, где их челядь носила титулы, напоминавшие придворных царя ромеев. Иногда динаты сами судили зависимых от них крестьян и даже содержали свои вооруженные дружины, впрочем, в отличие от западноевропейских сеньоров, непостоянные.

Наиболее известными и могущественными крупными землевладельцами Ромейского царства считались выходцы из набравших силу аристократических родов Дук, Склиров, Фок, Малеинов, Аргиров. Все они, отнюдь не питая сепаратистских тенденций и лишь рвась к участию в высшей власти государства, желали укорениться в той провинции, откуда вели происхождение, где стремились приобрести все новые и новые земли. Так, Дуки чувствовали себя хозяевами в Пафлагонии, на приморском севере Малой Азии, Фоки – в ее центре, обширной Анатолии, Аргире и Малеины проживали на востоке, в скалистой Каппадокии с ее причудливыми подземными «городами» и монастырями. Эти знатные олигархические семьи поставляли армии высший командный состав хорошего боевого качества и вообще стремились любым способом сохранить за собой имперскую службу, как можно более высокие властные функции, а значит, проистекавшие из этого богатства и престиж. Немало этому содействовали браки между ними, поскольку такие альковные связи позволяли не только восстановить семейное состояние, из поколения в поколение расстраиваемое положенными раздѣлами между детьми, включая дочерей, но и округлить его за счет полученного богатого приданого.

Вплоть до XI – начала XII вв. магнаты-землевладельцы редко обитали вне города, где они имели обширные дворы. Но чем дальше, тем больше аристократы начинают заботиться о своих сельских доменах, строят в них удобные дома с банями и ухоженными садами и даже снабжают имения кое-какими оборонительными сооружениями. Обычно это небольшие укрепления и охранные башни-убежища.

Господский дом – собственно икос – представлял собой большое прямоугольное строение из камня, со всех сторон окруженное террасой. Иногда просторное помещение для приемов могло иметь вычурную крестовидную форму с куполом сверху, покоящимся на четырех колоннах. Входящие в него вступали, чувствуя себя как в храме. Полы в доме и на террасе старательно выкладывали дорогими сортами мрамора, стены украшали мозаичными сценами, изображавшими подвиги героев «Илиады», библейских Самсона и Давида, чудеса пророка Моисея и прочие излюбленные сюжеты. Интерьер усадьбы богатого аристократа в сельской местности поражал своей пышностью и великолепием. В спальнях стояли роскошные позолоченные кровати, в гостиных – столы, украшенные инкрустациями из слоновой кости, золота и серебра, с тонкой, изысканной росписью. Когда темнело, в дворцах знати зажигали восковые свечи и светильники, заправленные чистым олив-

ковым маслом, у ложа, дурмана, курились мускатный орех, камфара, кассия, амбра, мускус и другие экзотичные благовония.

Возле дома, как правило, находилась просторная баня под черепичной крышей, нередко также богато отделанная мрамором, с подпольным отоплением – гипокаустом. В пределах усадьбы располагались хозяйственные постройки. Просторный амбар состоял из двух частей – обширного подвала, где хранились разнообразные вина и скоропортящиеся продукты, и верхнего помещения, куда складывали хлеб. Отдельные сооружения предназначались для ссыпки зерна, соломы, мякны. В комплекс усадьбы обязательно входили конюшня и хлева для скота.

В имении обязательно были виноградники, столь ценимые в ромейском обществе. Сельскохозяйственная энциклопедия X в. «Геопоники» поражает обилием перечисляемых сортов выращиваемого винограда – белого, красного, черного, дымчатого. За сортами тщательно следили, занимались селекцией, прививками. Это была гордость любого хозяина.

К господскому дому непременно примыкал обширный парк-сад, где росли яблони, груши, вишни, сливы, персики, айва, гранаты, фисташковые и миндальные деревья, смоковницы (инжир), каштаны, грецкие орехи, даже финиковые пальмы, лимонные деревья и лавр, ароматы которых кружили голову. Все свободное пространство между деревьями засаживали декоративными цветами – розами, пышными олеандрами, фиалками, лилиями, шафраном. Особенно ромеи любили розы, считая, что в их природе «есть что-то божественное». К слову, бросающееся в глаза изобилие цветочных мотивов в искусстве ромеев подчеркивает их страсть к садам и паркам.

Важная роль в ансамбле поместья отводилась каменной церкви или, на худой конец, часовне. Иногда такой сельский храм даже венчал купол, поставленный на нескольких колоннах. Без сакральной постройки усадьба была просто немыслима. Церковь старались облицевать внутри мрамором, снабдить священными сосудами, богослужебными книгами, движимым имуществом, прикрепить священника. За посланные Богом богатства надо было усердно молить, хорошо понимая, что данное сегодня завтра может исчезнуть как дым. «Сильный», как и последний «убогий», не мог чувствовать себя стабильно. Все было призрачно в бушующем мире ромейской жизни, в которой оставалось уповать лишь на небесные силы.

Крупные землевладельцы, наиболее богатые собственники Ромейского царства вкладывали средства в поместья, находившиеся недалеко от Константинополя, прежде всего в Вифинии и Фракии, где находились их резиденции, а также содействовали разведению скота, особенно в Малой Азии. Однако надо учесть, что это была все еще дофеодалная знать, для которой служба василевсу была основополагающей. Ведь только половина того, чем владел династ, как правило, было рентабельно и приносило доход. Так, с десяти тысяч модиев (примерно 900 гектаров) владений возле **Милета великого домашнего** Андроника Дуки, двоюродного брата василевса Михаила VII, где в 1073 г., согласно перечню, трудилось 49 париков, можно было получить триста номисм, и это без учета жалования куратору-управляющему и надсмотрщику. Источники свидетельствуют, что поместья были запущены, использовались не лучшим образом. Основу всех доходов составляла арендная плата арендаторов и париков за господскую землю.

Однако они были не в состоянии освоить все поместные земли, сады и пастбища. Крупные вотчины типа владений Андроника Дуки составляли исключение, а земельная рента была сравнительно небольшой по сравнению с тем, что могли дать высокие должности и звания. Поэтому представители даже самых могущественных родов должны были настойчиво просить милостей царя, что давало им возможность быстро обогатиться, получить почетную резиденцию в Константинополе. В свою очередь именно это прозаическое обстоятельство позволяло василевсу заручиться верностью «могущественных».

?

1. Назовите причины разорения крестьян в X–XI вв.
2. Каким образом государство защищало общинников? Почему принятые меры оказались неэффективными?
3. Как вы думаете, почему свободные крестьяне стали отказываться от своего статуса и добровольно переходить в ряды париков?
4. Почему византийским чиновникам было выгодно приобретать должности за собственные деньги?
5. Кем были динааты и какими путями они приобретали землю и недвижимость в провинциях? Играло ли насилие при этом главную роль?
6. Перечислите основные формы земельных пожалований в Ромейском царстве X–XII вв. Объясните их сущность и принципиальные отличия.
7. Можно ли объяснить рост монастырей в Византии к XI в. укреплением истинно православного духа ромеев или для этого были другие причины?
8. К чему со временем вели царские правовые пожалования?
9. Как вы себе представляете главные стороны жизнь византийского монастыря?
10. С какой целью монашеские обители стремились как можно рациональнее и прибыльнее вести свое хозяйство? Нарушался ли при этом принцип нестяжания?
11. Сравните византийский монастырь и западноевропейский. Как вы думаете, почему между ними были отличия и в чем они прежде всего проявлялись?
12. Почему и каким образом динаат мог препятствовать уходу от него париков?
13. Чем отличалось положение парика от положения раба и свободного общинника?
14. В каких районах Ромейского царства наиболее интенсивно развивались самые крупные динаатские хозяйства?
15. Как вы думаете, почему владения динаатов в массе своей были не очень доходны и рентабельны?
16. Какими путями «могущественные» могли увеличить свое состояние?
17. Что не позволяет назвать динаатов феодалами?
18. Попробуйте сравнить византийскую деревню X–XII вв. и западноевропейскую того же времени. В чем их сходство и отличие?
19. Можно ли назвать случившееся в византийской деревне X–XII вв. социальным кризисом?

Внимание, источник!**Из новеллы василевса Романа I Лакапина от 934-935 гг.**

[...] Итак, пусть никто впредь из высших и низших чинов гражданских, военных и церковных, ни сам собой, ни при помощи какого-либо посредствующего лица, не осмеливается вступить посредством покупки, дара или каким другим путем в какое-либо селение или деревню, покупая полностью его земли или хотя бы даже частью, так как всякое такое приобретение будет считаться недействительным, а само имущество со всякими улучшениями подлежащим безвозмездному возврату прежним владельцам или их наследникам или же в случае неимения таковых – жителям того же самого селения или имения [...]. Злоупотребления властью со стороны таких лиц, являющихся в села с многочисленной челядью, рабами и всякого рода спутниками, не только увеличивает тяготы бедных и ведет за собою восстания, преследования, барщину, притеснения, вымогательства, но [...] служит к непосредственному и немалому государственному ущербу и вреду. Потому что именно крестьянское землевладение удовлетворяет двум существенным государственным потребностям, внося казенные подати и исполняя воинскую повинность. То и другое должно будет сократиться, если сократиться число крестьян.

**Известный ритор, Афинский митрополит Михаил Хониат (ок. 1138-1224 гг.)
о сборщиках налогов**

Вы, пышные граждане Константинополя, не желаете выглянуть из-за своих стен и ворот, не хотите взглянуть на древние окружающие вас города, ждущие от вас справедливости; вы посылаете в них одного за другим податных сборщиков с их зубами звериными (если говорить словами Моисея), чтобы пожрать последнее. Сами же вы остаетесь у себя, предаваясь покою и извлекая богатства из законов и судебной деятельности, города же опустошают негодные фискалы. Да и чего не хватает вам? Разве плодородные равнины Македонии, Фракии и Фессалии не производят для вас хлеб, разве не выжимают вам вино Эвбея, Птелерия, Хиос и Родос; разве фиванские и коринфские пальцы не ткнут вам одежды; разве не вливают реки всех богатств в столицу, как в единое море?

«Геопоники» – византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в.**Глава 44. О надзирателе за имением или экономе**

1. Тот, кому доверена забота об имении, должен быть примером для всех в имении, чтобы, глядя на него, на его жизнь и поведение, люди больше его уважали, чем боялись. 2. Он должен быть человеком почтенным и доступным, по возможности воздерживаться от вина (неумеренное потребление вина отшибает память), не быть жадным и ненасытным в погоне за процентами. Пусть он довольствуется малым и будет всегда готов помочь тем, кто нуждается в необходимом; пусть он бодрствует и первым встает от сна... Во время работы он деятелен и ретив, во время общего отдыха любезен и снисходителен; он разрешает отдых на неделе, не дает на это время никаких тягостных поручений, а заставляет людей отдыхать, особенно в месячные и годовые праздники. 3. Он не принимает подрядов на чужие работы, не берет поручительства за работы на господской земле, не дает займы всем из господских денег и руководствуется только господскими приказами.

Глава 47. О здоровье земледельца

1. Хорошо, если в имении имеет свое пребывание врач. Если же нет врача, ты будешь сам лечить болезни, случающиеся у твоих людей, узнав о способах лечения у тех, кто болен подобными же болезнями. 2. Людей, живущих в одной и той же местности и ведущих почти одинаковый образ жизни, если они заболеют одинаковыми болезнями, и лечат одинаковыми средствами. 3. Лучше, однако, предупреждать болезни работников и по мере возможности принимать меры против заболевания заранее.

Глава 49. О том, что следует иметь в селении или поблизости кузнецов, плотников и горшечников

1. Невыгодно земледельцам ходить для изготовления орудий в города. Постоянная потребность в этих орудиях препятствует такому хождению, и частое посещение города делает работника ленивее. 2. Поэтому нужно иметь в самих имениях или поблизости от них кузнецов и плотников. 3. Необходимее же всего иметь гончаров, так как можно быть уверенным, что в каждой земле можно найти гончарную глину: или на поверхности, или в глубине, или в укромных углах селения ты найдешь глину, пригодную для изготовления гончарных изделий.

Из перечня владений Андроника Дуки, составленного в марте 1073 г. патриаршим нотариусом Адамом Матзукием

Владение Бары:

Доходы дома:

Право выпаса скота на горе Св. Илии и помещения их в загон, или фтинопорикон (осеннее право), 2 номисмы.

Сбор желудей тв лесу Олинфа, 114 номисм.

За траву для корма быков, волов, 5 номисм.

Сборы Пантиза с сельской общины Вервий, 1 номисма.

Оливковые деревья, 12 номисм...

Сбор с монастыря Намата за 96,5 модия земли 4 номисмы вместо 9,5 номисм, которые он должен платить за аренду земли из расчета 1 номисма за 10 модиев¹.

Трактир – 6 номисм...

Фруктовый сад церкви, 1 номисма.

Фруктовый сад Филопотий, 1 номисма.

Фруктовый сад Олинфа, 1 номисма.

За аренду владений Метаноя («Раскаяние»), 137, 5 номисмы.

За аренду земли Мандраклона, 14 номисм.

За аренду нового парика Иоанна Дескина из Эфеса за 230 модиев², 24 номисмы не заплачены, так как он уехал [...].

За аренду фруктового сада во владении Прины, включая семена и оливковые деревья, 10 номисм.

За аренду обработанной земли размером в 500 модиев³, не включенной в законную часть имения, по 1 номисме за 10 модиев – 50 номисм.

¹ Примерно 9 га.

² Около 21 га.

³ Примерно 45 га.

Налоги с париков Бориса, Олифа, Гаммы, Вервулидия, Галаида: в размере с 2,5 до 4 номисмы для тех, кто имеет упряж и землю (зевгараты), и полноисмы для тех, кто имеет вола (боидат) или не имеет земли (актимон), либо в целом 67,5 номисм с 48 семей париков, на которых государство уступает владельцу право поголовного и основного земельного налога 37 номисм.

Описание границ.

Доля парика в урожае. Из сборника арифметических задач

Дан участок, с которого землевладелец берет в свою пользу $\frac{1}{3}$ часть, на этом участке высевается 6 модиев; на другом участке сеют 8 модиев, с него в пользу землевладельца идет $\frac{3}{4}$; на третьем участке высевают 10 модиев, в пользу землевладельца идет $\frac{1}{5}$. На всех участках получено урожая 100 модиев. Какая доля парика?

Решается задача так: на трех полях засеяно 24 модия; возьми $\frac{1}{3}$ от 6, т. е. 2, $\frac{1}{4}$ от 8, т. е. 2, $\frac{1}{5}$ от 10, т. е. 2, всего будет 6. Теперь помножь 6 на такое число, чтобы произведение было равно числу 100; это будет $16\frac{2}{3}$, $6 \cdot 16 + 6 \cdot \frac{2}{3} = 100$. Возьми $\frac{1}{3}$ из 100, т. е. $33\frac{1}{3}$. Затем помножь 8 на $16\frac{2}{3}$, будет $133\frac{1}{3}$; возьми $\frac{1}{4}$ часть, получится $33\frac{4}{12}$. Точно так же помножь 10 на $16\frac{2}{3}$, будет $166\frac{2}{3}$, возьми $\frac{1}{5}$ получится $33\frac{1}{3}$.

Господин берет с париков своих $4\frac{1}{2}$ с каждых 8 модиев. На долю господина пришлось 60 модиев, сколько получил парик?

Узнай сначала разность между 8 и $3\frac{1}{2}$; разность будет $4\frac{1}{2}$. Помножь $4\frac{1}{2}$ на 60 и произведенное раздели на $3\frac{1}{2}$. Произведение $4\frac{1}{2}$ на 60 будет 270; эта сумма, разделенная на $3\frac{1}{2}$, дает $77\frac{1}{7}$.

Это и будет доля парика.

Если же господин берет с парика $3\frac{1}{2}$ с 8 модиев, и если парик получил 60 модиев, какая будет доля господина? Разность 8 и $3\frac{1}{2}$ равна $4\frac{1}{2}$. Помножь $3\frac{1}{2}$ на 60, будет 210, раздели это число на $4\frac{1}{2}$, получится $46\frac{2}{3}$. Это и будет часть господина.

Доклад начальника провинции василевсу Исааку II Ангелу (1185-1195 гг.) о насилиях династа Карантина

[...] Мы приступаем к выслушиванию показаний окольных людей. Не было ни одного, кто не оплакивал бы сердечной болью свою обиду и потери. Одни показывали на отнятие и похищение жилищ и виноградников, угодий и деревьев; другие жаловались на расхищение участков, усадеб, поместий, запашек. Каждый у наших ног положил грамоты на свои владения. И вот мне приятнейшее зрелище. Церкви разгласили, монастыри затрубили о насильственных действиях того мужа, сироты и вдовы и другие классы и общества людей с горьким плачем повествовали о своих утратах — тогда радовался и веселился всякий, получив несправедливо захваченное у него.

Антиохийский патриарх Иоанн (конец XI – начало XII в.) о харистикии

1 [...] Цари и Патриархи стали отдавать разрушенные или разрушающиеся монастыри и богадельни светским сановникам, первоначально в виде дара и не ради земной выгоды, но для восстановления и украшения и ради душевной пользы. С течением времени

враг [рода человеческого]¹ примешал и в это дело собственный яд, то есть любостязание и страсть к гнусному прибытку. Ухватившись за благовидный предлог, то есть за вышеозначенную временную и оправдываемую обстоятельствами сдачу монастырей, последующие цари и Патриархи начали уже дарить в виде полного дара даже состоятельные монастыри и богадельни, а потом с течением времени и те из них, которые были наиболее обширны и доходны [...]. Они подарены мирянам и даже женщинам [...].

14 [...] Получив в свою власть монастыри, он (харистикарий) тотчас распускает нена сытную утробу и кладет туда все, принадлежащие монастырю: не только дома, поместья, скот и всякие доходы, но и самые храмы, игумена и монахов он почитает своими рабами и всех и вся рассматривает как свою благоприобретенную собственность, всем пользуется как своим наследством. Большим храмам и церквам он уделяет какую-нибудь самую маленькую часть из всего дохода, да и то, давая, как свое задушное [...]. Особенно худо, если с этим душегубительным даром соединяется безответственность. В таком случае тотчас прекращается установленная ктиторами благоговейная служба, возжигание свечей, псалмопение, раздача милостыни, [...] прекращается отпуск самого необходимого пропитания для монахов. Еще раньше разрушается всякий монастырский порядок и иноческое правило: игумен теряет свою власть; всем начинает распоряжаться харистикарий [...]. Никакая монашеская дисциплина не может держаться при таком унижении духовной власти мирской. [...] и внутри святой ограды мирские люди убивают [скот], едят мясо, поют песни и творят невозбранно всякие мирские дела.

15. [...] От бедности и недостатка монах пускается в торговлю и барышничество и во всякое мирское занятие. Это делается в мужских монастырях, а то, что бывает в женских, еще хуже того [...]. Какой при этом возможен хороший порядок?

?

1. Какими путями шло обезземеливание крестьянства в X в. и к каким аргументам прибегает в своем законе Роман I Лакапин для доказательства необходимости сохранения крестьянского землевладения?
2. Как вы полагаете, насколько справедливы упреки Михаила Хониата в адрес константинопольцев?
3. Какими качествами должен был обладать управляющий имением, согласно «Геопоникам»? Какие нарушения с его стороны были наиболее частыми?
4. Зачем в имении мог понадобиться врач?
5. Почему в имениях полезно было иметь своих кузнецов, плотников и гончаров?
6. Как вы думаете, к чему приводила конкуренция сельского и городского ремесленного производства в Ромейском царстве X-XI вв.?
7. Проанализируйте, из каких источников складывались доходы динаата на примере владений Андроника Дуки и какие из этих источников были наиболее доходными?
8. Самостоятельно решите задачу: парик получил 3 надела земли: на первом он засеял 4 модия, господин взял 1/3 часть; на втором – 12 модиев, господин забрал 1/6 часть; на третьем – 18 модиев, господин взял 1/9 часть. Урожая со всех участков собрано 100 модиев. Какова доля парика и динаата?

¹ Имеется в виду диавол, сатана – «князь мира сего».

9. Почему Исаак II Ангел учредил следствие по делу Карантина? Как вы считаете, насколько оно было эффективным и чем могло угрожать династу?
10. В чем Антиохийский патриарх Иоанн видел зло харистикарной системы? Действительно ли в ней крылась угроза для Византии?

§ 13. «Из Варяг в Греки и из Грек по Днепру...»

Так описал летописец главное направление движения товаров, сложившееся к концу раннего средневековья, – от сурового Северного моря до лазурного Средиземноморья. Богатство Ромейского царства в период его наивысшего расцвета в значительной степени покоилось на торговле и ремесле. Имперские рынки и ярмарки, порой подключенные к тысячекилометровым трансконтинентальным водным и сухопутным торговым путям, притягивали самый разный люд, в том числе и жителей иных земель.

Страна городов

В X–XII вв. Ромейское царство продолжало оставаться самой «городской» страной всего европейского мира. В его пределах насчитывалось свыше 400 городов, в которых проживало около двух миллионов человек (10% от общего количества жителей Империи).

Правда, население городов, как и прежде, относительно редко превышало две-три тысячи, но имелись и средние, по шесть – десять тысяч человек, такие как Херсон или Сугдея в Крыму, и гораздо более крупные, с десятками тысяч жителей: в Константинополе вновь, как в эпоху Юстиниана Великого, проживало около 500 тысяч, а в Фессалонике, большом балканском портовом, рыночном центре, – примерно 200 тысяч человек. Для сравнения, в самых крупных городах Германии даже в XIV в. население редко превышало 25 тысяч человек.

Провинциальные города Ромейского царства переживали в это время настоящий подъем: увеличивалось производство ремесленных изделий, ширилась торговля между городами и областями Византии, подчас велось широкомасштабное строительство. Росли, перестраивались, обновлялись старые центры, складывались, возникали новые. В них по-прежнему действовали городские советы, состоявшие из нескольких представителей правящей верхушки и обязательно епископа или митрополита. Население обращалось к этим должностным лицам для решения своих частных дел, заключения контрактов, оформления торговых операций, семейных браков, помолвок, обручений. Случалось, горожане брали в руки оружие и выходили на городские стены, чтобы помочь гарнизону отбить врагов. Один из свидетелей нападения свирепых норманнов на Фессалонику летом 1185 г. писал, что «...любовь к родине превратила жителей города во львов». В подобных ситуациях каждый горожанин понимал: выбора нет – отбиться или погибнуть.

Между городскими центрами Империи ромеев существовала своеобразная территориальная специализация: из Гардикии (Фессалия) везли плуги и телеги, из Фив, Спарты и Коринфа (Пелопоннес) – ковры, шелковые, крашенные ткани, пергамен, из южномалоазийских городов Киликии – разнообразную одежду, в Фессалонике старались нанять строителей, славившихся своим мастерством.

Десятки ремесленных профессий, как и прежде, оставались востребованы в хозяйственной жизни Византии: катартари (мастера, очищавшие шелк – сырец), шелкоткачи – сирикарии, красильщики, портные – рапты, плетельщики корзин, дубильщики, кожевники, ремесленники – лоротомы, сапожники – зангарии, скитотомы, меховщики, скорняки – гунары, медники – халкевсы, кузнецы, ювелиры, ключники, якорники, золотых и серебряных дел мастера, торговцы благовониями, красителями, лекарствами – мирепсы, мыловары – сапонопраты, свечники – кируларии, оружейники, столяры, гончары, стеклоделы, лепщики по гипсу, строители – икодомы, мастера по мрамору, камнерезы и пр. Все их обязанности были точно определены, а число специализаций переваливало за сотню.

На крупные и малые ярмарки, которые устраивались в городах, больших поселениях, у стен известных, значительных монастырей, съезжались торговцы не только из дальних провинций, но из отдаленных заморских стран. Здесь можно было встретить арабского купца в черном плаще и сандалиях кирпичного цвета, торговавшего шелковыми тканями, благовониями и специями; сумрачного чернявого болгарина, пытавшегося сбыть шкуры, лен и мед; бойкого, говорливого венецианца, предлагавшего покупателям рабов и всевозможные изделия из металла и стекла. Обычно такие торги, или как их метко величали византийцы, **панигиры** – «игрища», приурочивались к дню святого – покровителя данного города (своеобразные дни города) или религиозным праздникам. Скажем, в малоазийском Эфесе ярмарка издавна проходила 27 декабря (день празднования Св. Иоанна Богослова, который, по преданию, умер в этом городе). В Фессалонике (Македония) торги начинались 20 октября (день широкопочитаемого Св. мученика Димитрия – воина) и длились шесть дней, во фракийском Адрианопле – 15 августа (день Успения Богородицы) и т. д. В каждом месте был свой ориентир, а иногда несколько.

Одной из самых известных ярмарок X-XII вв. в Европе стала фессалоникская. Фессалоника оставалась в это время вторым по величине и значимости городом Ромейского царства, перворазрядным торговым центром, крупнейшим портом Средиземноморского бассейна. Она переживала апогей своего процветания, основывая богатство в основном на экспорте как своих, так и импортируемых из Константинополя товаров и собирая астрономические суммы налогов с эргастириев, рынков и импорта. По словам очевидца, автора сочинения «Тимарион», сюда на торги стекались купцы со всех концов Средиземноморья, самых разных рас и этносов.

Во время огромной ярмарки, размещавшейся за западной оборонительной стеной города, два правильных, длинных ряда временных палаток и ларей тянулись на обширной территории, оставляя широкий проход для толп покупателей. Боковые улицы из таких же палаток и ларей делали панигир похожим сверху на туловище гигантской сороконожки. Многоголосый шум наполнял окрестности: отовсюду доносились громкие выкрики бойких купцов, на все лады расхваливавших свой товар; слышался скрип телег, ржание лошадей, мычание быков, блеяние овец...

Византийские купцы поддерживали торговые связи со странами Восточного Средиземноморья, бассейна Черного моря, Передней и Средней Азии. Перво-сортный, «многоценный» пурпур, в особенно больших количествах добывавший-

ся на эгейском острове Кеос, а также поступавший из сирийского города Тира, стремились приобрести не только афиняне и константинопольцы, но и арабы, и венецианцы. В Коринф, Спарту, Фивы, важные центры ткачества, съезжались купцы со всех концов Империи и с Аппенинского полуострова, чтобы закупить шелковые ткани. Их отмеряли на вес, взвешивая на больших неравноплечных весах – *кампанах*, к которым иногда привешивали фигурные бронзовые гири в виде женской головы, бюста Афродиты или сидящего на троне императора. В ромейские цветные шелка и шитые золотными нитями ткани одевались епископы и аббаты, князья и государи всей Европы. Они шли на украшения дворцов вельмож и церквей, как и византийские сосуды, иконы и иная утварь, которая использовалась при богослужении.

Из Аравии, Ирана, Средней Азии и еще более отдаленных Индии, Цейлона, Тибета, Явы везли в Трапезунд, крупнейший город-порт, находившийся на юго-восточном берегу Черного моря, восточную парфюмерию, пряности и специи. Отсюда эти товары расходились по всей стране. Трапезунд завладел контролем над сухопутной торговлей с Востоком и экспортировал собственные шелка и серебряные предметы. Из Сирии, как и в ранневизантийскую эпоху, поступали благовония, красители, шелк-сырец, высоко ценившиеся ткани, в том числе хлопчатобумажные – бамбакиновые, одежда, шерстяные ковры. Увы, мы не можем даже вообразить, что они собой представляли, ибо до нас не дошло ни единого экземпляра такой продукции, несомненно имевшейся в изобилии.

Вопреки некоторым утверждениям византийские города были миром свободной торговли, неуязвимой рыночной стихии, миром ромейского купца, пока еще не сильно стесненного иностранной конкуренцией. Цены определялись государством лишь на некоторые наиболее важные продукты, товары. Географические особенности Ромейского царства давали преимущества в развитии прежде всего приморским центрам-эмпориям. Это в свою очередь благоприятствовало возможности пойти по пути развития, который известный уральский византист Михаил Яковлевич Сюзюмов, условно назвал «венецианским», то есть замешанном на морской торговле и связанном с ней купечестве. Таким путем шло развитие Венеции, адриатических и северонемецких – ганзейских городов в западной Европе эпохи Высокого Средневековья. Но с Византией этого не случилось в силу ряда причин и, прежде всего, ввиду постоянного соперничества рано начавшей феодализироваться военной провинциальной знати, хотя возможность такого пути сохранялась долго, до XI в. включительно.

Мир денег

В экономической жизни Ромейского царства деньги имели широкое обращение. Сформировавшись уже на заре зарождения Империи, ромейская монетная система просуществовала практически без изменений в течение многих столетий.

В основе византийской денежной системы эпохи классического средневековья как и прежде лежали четыре единицы: 1) золотая монета, именовавшаяся с эпохи Нокифора II Фоки номисмой, а с XI в. – *иперпиром* (дословно «сверхчистой») или *византом* (последнее название появилось под влиянием италийцев); 2) серебряная монета – милиарисий или, правильнее, милиаренс, который стали выпускать с 720 г. и который с IX в. вошел в регулярное обращение; 3) более мелкая единица серебра – кератий; 4) медная монета – фоллис, которую в про-

сторечии называли на старый греческий лад оболон или лептой¹. Долей золотого к этому времени не осталось: семисс – половина солида исчез уже в VII в., а тремисс – треть солида – в правление Константина V (740-775 гг.). Принятые со времен Анастасия I (491-518 гг.) греческие буквенные знаки достоинства фоллисов – М, К, I, Е, означавшие количество нуммиев, продолжали применять вплоть до правления Василия I, когда их заменили божественными фигурами, такими же, как на золотых номисмах.

Все денежные единицы изготавливались не чеканкой, а путем литья в формах. При этом наиболее художественными были монеты василевсов Македонской династии, когда на них изображали Христа и императора ромеев, сидящими на троне или стоящими, либо Богородицу, иногда в сопровождении апостолов.

Вплоть до середины IX в., когда выпуск золотых монет сконцентрировался в Константинополе, монеты изготавливали также в официнах Никомидии, Фессалоники, Сиракуз, а также в Антиохии и Карфагене до захвата их мусульманами. Не исключен был периодический выпуск на некоторых других провинциальных монетных дворах Балкан и Крыма, что, разумеется, не следует рассматривать как проявление некоего «сепаратизма» или «самоуправления». Разрешения на такого рода акции шли только из столицы Ромейского царства.

Денежная система терпела преобразования, особенно со второй половины X в., но никогда не умирала в Византии даже в самые трудные для государства ромеев времена. В отличие от стран западной Европы, где богатства человека исчислялись количеством земли и вассалов, византийцы, помимо земель, поместий, всевозможного движимого и недвижимого имущества, все же предпочитали аккумулировать свое состояние в монетах. Отцы завещали своим дочерям в первую очередь деньги и драгоценности. Монастыри чаще получали от государства денежные выдачи, нежели земли. Чиновным вельможам платили жалованье – рогу в основном деньгами. Монетой взимали налоги и штрафы, монетой оплачивалась государева служба и труд ремесленника. Большинство сделок купли-продажи тоже шло в денежной форме.

Основным источником государственного дохода являлся земельный налог – *димосиос канон*, размер которого колебался в зависимости от выращиваемых культур и качества земли, которая могла быть первой, второй категории, с ирригацией или без. Земельный налог включал поставки зерном, древнюю *аннону*, которую уже с VI в. заменили *синоной* – уплатой деньгами. Размер ее зависел от числа волов, используемых при вспашке. С выпаса домашнего скота взимался *энномион*, с дома, где обитала семья, – *канникон* – «подымное». К ним добавлялись многочисленные *параколутемата* – дополнительные, косвенные налоги, тоже деньгами, которые брались с каждой номисмы основного прямого налога и тщательно высчитывались по соответствующей шкале. С любой сделки налоговая администрация взимала сбор, обычно соответствовавший 10% от стоимости товара. Вместе с остальными доходами от государственных имуществ и монополий все это составляло значительные запасы денежных средств. Не зря василевсы ромеев любили поражать иноземцев своими богатствами. Распахивая перед варварами кладовые, ризницы, казнохранилища, где золото гудами, тон-

¹ Более подробно о соотношении разных номиналов монет см. в Приложении к третьей части книги.

нами было рассыпано на полу, и здесь же висели, лежали драгоценные одежды и ткани, император снисходительно и небрежно предлагал ошеломленному высородному чужестранцу взять столько монет, сколько сможет унести в руках и на спине. Разумеется, такие траты, произвольное увеличение налогов приводили к неуравновешенности бюджета, но долгое время, вплоть до начала XIII в. Ромейское царство переживало только скоротечные финансовые кризисы.

Кроме того, деньги служили символом государственной власти, средством пропаганды. Не зря новоиспеченный император спешил запечатлеть на монетах собственное изображение, которое являлось своеобразной сакральной печатью, освящавшей божественную законность его власти василевса ромеев, то есть всех христиан. Случалось солиды обрезали с краев, но только так, чтобы – упаси Боже – не повредить лик василевса: это губило монету и сурово каралось законом. Стертые, поломанные, подпорченные монеты проходили через руки менял – *трапезитов, каталлактон*, которые взвешивали их на равноплечных весах – зигиях, пользуясь круглыми, квадратными или многоугольными плоскими бронзовыми разновесами либо небольшими круглыми *эксагиями* из стеклянной пасты, которые особенно трудно было подделать. Использование менял тормозило денежный оборот, но иначе он был невозможен.

На даче денег в долг под проценты наживались ростовщики – *симодарии*. И, хотя их профессия, как и прежде, мягко говоря, не относилась к числу почтенных, государство было вынуждено мириться с такой практикой. Все законодательные попытки ее запретить неизменно кончались в ромейском обществе фиаско. Единственное, что удалось сделать, так это добиться того, чтобы процентная ставка ссуд учитывала положение и занятия заемщика. Со знати брали 4,5%, с предпринимателей, торговцев, ремесленников – 8,5%, с прочих – 6,5%.

Впрочем, монета была не единственной формой расчетов. Натуральные поставки в казну государства, для войск или для рабочих рук на общественных работах (строительство, ремонт укреплений, дорого, кораблей), равно как и взимание арендной платы вином и зерном, также играли немаловажную роль. Зерно, вино, оливковое масло давали займы. Запасы хранились в общественных амбарах, которые открывали по распоряжению василевса в случае голода. Чиновникам и духовным лицам в дополнение к жалованью, получаемому деньгами, полагались хлебные выдачи из продукции общественных земель и иногда одежда, отрезки ткани из числа произведенного по госзаказу. Например, заведующему больницей столичного монастыря Пантократора в XII в. давали восемь номисм деньгами на год, а к этому – пятьдесят модиев пшеницы, шестьдесят модиев ячменя и тысячу мер сена. Плата натурой в данном случае была ничуть не меньшей денежных выплат, если исходить из того, что только пшеница должна была стоить четыре – пять номисм.

О реальной покупательной способности византийских монет судить довольно сложно. Из отрывочных сведений источников разного рода и времени можно выяснить следующее. Так, за одну номисму можно было приобрести 12-18 модиев пшеницы, то есть около 150 килограммов зерна. По византийским меркам, это месячная норма потребления на одного человека, но чтобы заработать такую сумму простому наемному рабочему надо было трудиться не менее месяца не покладая рук. Единственным утешением было то, что имперские власти старались следить за стабильностью и доступностью

хлебных цен. Осел стоил три номисмы, рукописная книга оценивалась приблизительно в двадцать – тридцать номисм, за дом в Константинополе давали две – три тысячи номисм. Стоимость имущества сановника среднего ранга оценивалась в 150–300 солидов, то есть примерно столько, сколько три – шесть средних крестьянских хозяйств вместе взятых, каждое из которых имело по паре плужных быков и платило по одной – две номисмы налога в год. Наемный работник мог заработать в день от 12 до 100 фоллисов, в то время как стратиг фемы Анатолик получал жалованье в 20 литр ежегодно. За титул протоспафария необходимо было уплатить от 12 до 22 литр, однако, эта цена могла доходить и до 60 литр.

Ромейские монеты имели хождения не только на рынках Византии, но и были известны и очень высоко ценились далеко за пределами «богохранимой» Империи. Не взирая на то, что закон запрещал их вывоз, номисмы утекали из Ромейского царства и, видимо, не только с посольскими дарами. Археологи находят многочисленные клады византийских монет в весьма значительном отдалении от ромейских границ.

Но в четкой и довольно упорядоченной денежной системе Византии, уже начиная с середины XI в., стал проследиваться кризис. Его первым предвестием стало решение императора Никифора II Фоки (963–966 гг.) ввести наряду с номисмой традиционного веса, так называемым *гистаменоном* (то есть «стандартной»), золотую монету облегченного веса – *тетартерон*, дословно «потерявший четверть веса», которые стали обращаться одновременно и участвовать во всех платежах. Она была меньшего диаметра, чем гистаменон, но большей толщины. Законом ее предписывалось принимать при сделках по одному курсу со старыми номисмами.

Примечательно, что в конце X в. появились фоллисы без изображений василевсов или даже их имен. На них изображали Христа, Богородицу, надписи с их именами и эпитетами, кресты. С середины XI в. монетному кружку гистаменона стали придавать неровную, блюдцеобразную форму, поскольку новые выпуски все более обесценивались и таким нехитрым приемом их можно было зримо отличить от более ранних и более полноценных. От этой практики ромеи уже не смогли отказаться, и с конца XI в. она оказалась унаследована новым, еще более обесцененным золотым, несмотря на то, что его стали звать «свехчистым» – иперпирон, просто перепер («чистый») или *трахи* (трахея), то есть «неровный». Последняя выпускалась двух типов – из сплава золота и серебра (электра) и из низкопробного серебра. Нумизматы называют такую монету скифатной (от греч. «скифос» – чаша). Единственными плоскими монетами остались тетартерон и его половина, которые стали медными.

Итак, вместо стабильного полноценного золотого начали чеканить номисмы гораздо более худшего качества. Дело дошло до «порчи» монеты, то есть до уменьшения в монетах содержания драгоценных металлов. Номисмы разных царствований оказались неодинакового качества, ценность которых снижалась с 24 кератиев сначала до 20, потом 18, а в конце XI в. – до 8 кератиев, то есть в три раза. Отсюда возникает понятие «предпочтительной» монеты, то есть той, которая принималась в первую очередь. И среди этого множества металлических старых и новых денег разного качества и достоинства все труднее было ориентироваться, четко определить их соотношение, которое колебалось в зависимости

от рыночной конъюнктуры. Единственное, что отныне оставалось на них неизменным, да и то не всегда, это портрет василевса, дополненный символами его власти и христианской веры.

«Книга Эпарха»

Основным местом деятельности византийских ремесленников был эргастерий, который служил одновременно и мастерской, и лавкой для продажи готовых изделий, а, случалось, и жильем. Подавляющая часть зданий в любом городе принадлежала знати. Поэтому ремесленники обычно арендовали помещение под эргастерий, платя за его съем ежемесячно или сразу за год. Покупка мастерской, которая в провинции стоила по разному, от двух-трех номисм до нескольких десятков солидов, являлась непозволительной роскошью или была нерентабельной для большинства ремесленников и торговцев.

В такой мастерской-лавке трудился сам хозяин, члены его семьи, один-два наемных работника – *мисфия*. В качестве помощников мастера иногда выступали обученные ремеслу рабы, которые представляли собой ценное имущество.

Свободные наемные неквалифицированные работники были немногочисленны. С ними заключался контракт сроком на один месяц, и на протяжении этого времени закон запрещал хозяевам других эргастериев переманивать мисфия к себе. В течение года работник должен был отработать 280 дней, за что ему полагалась плата в среднем в размере двух десятков номисм. Во всяком случае, это была сумма, которая позволяла сравнительно безбедно существовать.

В своей работе ремесленник пользовался простыми орудиями труда, да и техника производства, как и методы торговли, порой оставались неизменными веками, застыв ниже уровня перемен. Качество изделия во многом зависело от профессиональной сноровки мастера. Главные профессиональные секреты дела обычно передавались от отца к сыну.

Настоящими аристократами среди предпринимателей являлись *аргиопраты* – дословно «среброторговцы», а точнее, торговцы драгоценностями, посредники в сделках, ростовщики. К ним постоянно обращалась знать и Церковь, а государство привлекало к выполнению общественных служб, связанных с финансовыми расчетами. Некоторые из них поэтому имели собственные печати – знак официального статуса. Печати имели также отдельные *халкопраты* – торговцы медью и изделиями из нее, а также киуларии – свечники, видимо, потому, что им приходилось периодически совершать закупку воска и продажу свечей в интересах Церкви и государства, а не только частных лиц.

Относительно крупными были государственные эргастерии, в которых работали люди, осужденные за преступления, а также свободные мастера, получавшие за свой труд плату. В них изготавливали оружие и воинское снаряжение, экипировку, дворцовую утварь и «жидкий огонь», шелковые и шитые золотными нитями ткани, ценные красители, пергамен и прочее. К примеру, известны печати, принадлежавшие *архонту влаттия* – начальнику государственной мастерской по изготовлению дорогих одежд, которые шли на выдачу роги, подарки, в том числе посольские.

Ремесленники и торговцы Константинополя, а, вероятно, и других крупных городов, сохранили унаследованный от предыдущих столетий принцип объеди-

нения по профессиональным корпорациям – систимам или соматейям. Прежде всего они содействовали государству в контроле городской экономикой. Кроме того, эти производственно-торговые союзы защищали интересы их членов от притеснений вельмож, заводивших через подставных лиц, посредников собственные эргастии, и от конкуренции ремесленников и торговцев, стоявших вне корпорации и вдвойне опасных в условиях узкого рынка с относительно малым числом покупателей.

Одним из распространенных приемов нечестной конкуренции являлся следующий способ. Надо было подговорить хозяина помещения повысить арендную плату на снимаемое конкурентом помещение. Это заставляло ремесленника увеличивать затраты на производимую продукцию, и соответственно вырастала цена на готовое изделие. Подобные уловки строго карались законом, но не переводились.

О константинопольских профессиональных ассоциациях мы осведомлены благодаря знаменитой «Книге Эпарха» – «градоначальника» Константинополя, который ведал всеми делами города. Она была составлена в правление Льва VI Мудрого, в 911 г. и представляла собой устав столичных корпораций, которые объединяли торговцев и мастеровых 22 профессий, а фактически больше, так как документ не дошел до нас полностью. К примеру, в нем отсутствуют упоминания об объединениях гончаров, кузнецов, медников, плотников и столяров, оружейников и некоторых других, которые явно должны были существовать, более того, относится к числу наиболее крупных корпораций.

«Книга Эпарха» предусматривала, сколько ремесленник каждой корпорации мог закупить сырья и прочих необходимых ему товаров у приезжего купца, регулировала отношения между схожими по своим функциям систимами, запрещала заниматься одновременно несколькими профессиями, совмещать специальности. Ею определялись места, где могли располагаться эргастии определенного профиля производства и торговли, оговаривались их размеры, условия работы, качество изделий, товаров, заработная плата мисфиев, время торговли, отпускные цены, размеры доходов.

Например, булочник – артопол, дословно «хлебодел», должен был с каждой заработанной золотой номисмы четыре серебряных кератия затратить на содержание работника, топку печей, а 19 кератиев – на покупку и обмол зерна. И только один кератий, то есть 1 / 24 номисмы, составляла его разрешенная законом чистая прибыль – кердос.

В обход систимы вофров запрещалось продавать лошадей. За определенную плату вофры – знатоки коней и ветеринары – осматривали животных и назначали на него покупную цену.

Членство в систимах было добровольное. Этика труда предусматривала: чтобы войти в соответствующую корпорацию надо было соответствовать определенным стандартам мастерства, иметь должный нравственный уровень и заплатить вступительный взнос. Нарушение предписаний влекло за собой штраф, телесное наказание или исключение из систимы, после чего отверженный должен был зарабатывать себе на жизнь, как мог, в частном порядке, как правило, трудясь на кого-то. К примеру, в IX в. Студийский монастырь в Константинополе нанимал мастеров по металлу, ткачей и сапожников и реализовывал произведенную ими продукцию.

Во главе каждой ассоциации стоял старшина – простат. Он наблюдал за производством и торговлей, следил за уплатой податей и пошлин в государственную казну, решал споры между мастерами, следил за поведением своих подопечных в обществе и быту. За это старшина получал определенную мзду от членов своего профессионального объединения.

Каждый простат отвечал перед епархом Константинополя и подчинялся непосредственно ему. Градоначальник с помощью своего штата чиновников, среди которых главную роль играл первый заместитель епарха – симпон, следил за закупкой особо важного сырья и сдачей в аренду помещений под эргастии, за опечатыванием пломбами изготовленных шелковых тканей и клеймением всех весов и гирь. Продавать некоторые товары без клейма в виде свинцовой пломбы или печати, поставленной *вуллотом* – клеймильщиком из ведомства епарха, запрещалось и наказывалось штрафами.

Как и прежде, под особым попечением городских властей находились систимы, от деятельности которых зависела нормальная повседневная жизнь столицы: торговцы хлебом (артополы), рыбой (ихфиопраты), убойным скотом (проватэмпоры), говядиной, бараниной (макелларии), свининой (хирэмпоры), вином на разлив (капилосы), готовыми одеждами (*вестиопраты*), покрывалами, повязками (прандиопраты), бакалеей (салдамарии или пантаполы). Последним было разрешено устриваться по всему городу, поскольку они торговали такими важными продуктами питания как сыр, масло, мука, мед, мясо, соленая рыба и овощи. Остальным, как правило, отводилось определенное место, район. Постоялые дворы-пандохионы и распивочные-капилеи, тоже разбросанные по всему городу, предлагали желающим вино и еду, однако по воскресеньям и праздникам им не разрешалось открываться раньше восьми утра и надлежало погасить огни, жаровни и закрыть двери в восемь вечера. Власти по понятным причинам особенно охраняли рыночные площади и боялись пьяного буйства.

И все же в Византии не было бюргерства как организованной самоуправляемой общины, не было принципа городской свободы в противовес деревне, не было самоуправляемых цехов, но, напротив, существовала централизованно-государственная регламентация производства и распределения. Ромейский город не знал крепкой городской общины, бюргерского движения и городского самоуправления в их развитых формах, подобных тем, что стали известны цивилизации средневекового Запада. В этом крылись и плюсы и минусы развития.

Плюсом была упорядоченность, организованность, а значит, стабильность. Константинопольские власти в первую очередь заботились о бесперебойном снабжении двора и столицы всем необходимым, поощряли приезд византийских и иноземных купцов. Чтобы убыстрить оборот, увеличить его интенсивность и вместе с тем соблюсти важные для государства меры безопасности приезжим не разрешалось задерживаться в столице дольше трех месяцев, за чем следил епарх и подконтрольный ему особый чиновник – *леатарий*. Исключение было сделано только для сирийцев, которые имели в столице постоянно действующее подворье и даже свои собственные дома.

Парадоксально, но местным купцам – *эмпорам*, по-прежнему незачем было ездить в далекие страны и подвергать себя опасностям: все, что нужно, в Константинополь привозили сами иноземцы и провинциальные торговцы. Вывоз же некоторых товаров, в том числе производимых государством, в дворцовых ма-

стерских, вовсе находился под запретом (оружие, драгоценные металлы, железо, пурпур, некоторые виды шелковых тканей, окрашенных пурпуром).

Константинопольское ремесло не стремилось завоевать рынки. Более того, пошлины вывозные в несколько раз превышали ввозные, что впрочем, было нормой для средневековой экономики.

*В столице Империи и ее предместьях размещались целые торговые колонии иноземных купцов. Христиане-сирийцы предпочитали устраиваться на западной окраине, в монастыре Хора, рядом с оборонительной стеной Феодосия. Русы останавливались в **эвболе** монастыря Св. **Мамы** за пределами города. Итальянцы селились в районе Софийской гавани, недалеко от императорского дворца и ипподрома, а также в глубине гавани Золотой Рог, во Влахернах. Вероятно, имели свое подворье и болгары, часто навещавшиеся в Константинополь. На улицах и площадях города слышалась разноязыкая речь приезжих, шла бойкая торговля. До позднего вечера менялы – трапезиты не прекращали денежных расчетов у своих столов с разложенными на них стопками монетами, взвешивая и пересчитывая их.*

С другой стороны, государственный контроль не мог не препятствовать развитию частной инициативы. А надзор был неминуем. Независимо от того, состоял горожанин в корпорации или трудился самостоятельно, он уплачивал в казну налоги и пошлины со всех видов своего имущества и с любого рода трудовой деятельности. Платили за все, чем владели: за пригородный участок и за сад в городе, за мастерскую и за лавку, за корабль и за лодку, за овцу и за мула. Ни один товар на рынке не миновал бдительного ока и цепких рук финансового чиновника. Все имущество было обложено налогами. Кроме того, горожане несли и некоторые повинности: ремонтировали водопроводы, водосборные цистерны, общественные здания, во время осады занимали отведенные для них участки обороны. Византийский город давал много, но много и требовал.

?

1. Как вы считаете, чем был вызван рост провинциальных городов Ромейского царства?
2. Почему в Византии в X–XII вв. часто проводились ярмарки? Чем это было вызвано?
3. С какими странами и народами и чем торговали ромеи в X–XII?
4. Подумайте, что могло мешать Ромейскому царству выбрать «венетский» путь развития?
5. Какую роль в экономической жизни Византии играло денежное обращение и почему?
6. Почему в ромейском обществе сохранялось негативное отношение к ростовщичеству и в чем проявлялся контроль правительства за процентными ставками ссуд?
7. Чем вы объясните, почему Ромейское царство долгое время избегало длительных финансовых кризисов, хотя имело неуравновешенные статьи бюджета?
8. Как вы думаете, корпорации создавались больше в интересах ремесленников и торговцев или государства?
9. Какое должностное лицо Древнего Рима напоминало епарха Константинополя и чем?

10. Почему в Константинополе ввозные пошлины были ниже, чем вывозные? Было ли это полезно для Византии с экономической точки зрения или подобная политика была ошибочной?
11. Сравните ромейские системы и западноевропейские цехи. Какие выводы можно сделать из такого сравнения?

Внимание, источник!

Византийский анонимный сатирический диалог «Тимарион» (первая половина XII в.) о ярмарке-панигире в Фессалонике.

V. Празднество в честь Святого Димитрия здесь (в Фессалонике) играет такую же роль, как в Афинах Панафинеи и у милетян Панионии¹. У македонян это важнейшее празднество. Сюда стекается не только множество людей из этого племени и этой земли, но сюда отовсюду собираются эллины, затем различные племена мисян, обитающие вплоть до Дуная и до границ скифов, жители Кампании, Иберии, Лузитании и страны кельтов по ту сторону Альп, и, короче сказать, все берега океана посылают к мученику благочестивому поклонников и просителей. Так велика его слава повсеместно по всей Европе. Я же, как каппадокиец², живущий за границей, никогда раньше не участвовавший в празднестве и знавший о нем только понаслышке, решил устроиться так, чтобы видеть перед глазами все зрелище и чтобы ничто не ускользнуло от моего взора. Ради этого я поместился на господствующей над местом праздника возвышенности и, усевшись там, мог рассматривать все, не спеша. Здесь мне представилось следующее зрелище: палатки с товарами были разбиты ровными рядами друг против друга. Образованные таким образом длинные улицы давали достаточно простора для проходящих по ним толп людей. Глядя на их густоту и порядок расположения, можно было бы сказать, что это линии, проводимые шнуром на дальнее расстояние с противоположных точек [...]. И это было поистине замечательное зрелище. То, что в действительности было двумя рядами палаток, вследствие густоты их расположения и правильного порядка, напоминало зрителю одно живое существо. Казалось, что видишь червя, составленного из палаток, а поперечные переулки представлялись его щетинами [...].

VI. Если же ты спросишь меня, мой любопытный друг, что было внутри лавок, когда я позднее спустился с возвышенности, чтобы рассмотреть все поближе, то представь себе все виды товаров, все, что может быть изготовлено мужской и женской рукой из тканей и пряжи; все, что привозится из Беотии и Пелопонесса, и все, что торговые суда привозят эллинам из Италии. Но много товаров доставляет и Финикия и Египет, Испания и Геркулесовы столпы, где изготавливаются лучшие ковры. Все это доставляют торговцы прямо из своих стран в древнюю Македонию и Фессалонику. Эвксинский же Понт³ посылает свои произведения сначала в Византию⁴, и тем способствует со своей стороны торжественности великого праздника, так как оттуда товары во множестве доставляют

¹ *Панафинеи* – праздник, посвященный богине Афине, на него стекались люди из разных областей Греции. *Панионии* – праздник 12 ионийских союзных городов.

² Каппадокия – обширная область на востоке Малой Азии.

³ Речь идет о причерноморских городах, но не исключено, что здесь имеются в виду купцы Руси.

⁴ Константинополь.

сюда лошадьми и мулами. Все это я увидел, когда спустился. Но когда я сидел еще на своем холме, я удивился разнообразию и множеству животных, и их смешанный рев оглушал мои уши: лошади ржали, быки ревели, овцы блеяли, свиньи визжали, а собаки лаяли, так как и они сопровождают своих хозяев, защищая их от волков и воров.

«Книга Эпарха». 911 г. III. О траπεζитах (денежных менялах)

1. Всякий желающий вступить в корпорацию траπεζитов должен представить поручительство людей честных и уважаемых в том, что он ничего не совершит против законов, то есть не будет подпиливать и обрезать номисмы и милиарисии, что он не будет их подделывать и что если общественная служба помешает ему лично заниматься своими делами, то он не поместит в свою контору никого из рабов, кто бы управлял ею вместо него, что может навлечь крупные злоупотребления. Тот, кто будет изобличен в этом, будет наказан отсечением руки.

2. Траπεζиты обязаны доносить эпарху обо всех замеченных на площадях и улицах мешочниках, чтобы ими не совершено было чего-либо противозаконного. Если же, увидя их, не донесут, то подвергнутся вышеуказанному наказанию.

3. Траπεζит не должны уменьшать милиарисий, если он доброй пробы и если он имеет подлинное изображение, но будет принимать его, как равноценный 24 оболам. Если он не должной пробы, то принимается по справедливой расценке. Делющие иначе будут высечены.

4. Каждый траπεζит должен иметь двух рабов, помогающих ему в рассортировке монет, давая за них поручительство, что если кто-либо из них будет уличен в противозаконных деяниях, то выставивший его вместе с ним подвергается соответствующим наказаниям.

5. Всякий траπεζит, который обнаружит поддельную номисму и милиарисий и не предъявит монету и владельца эпарху, будет высечен, обрит и сослан.

6. Менялам воспрещается передавать свои счетные книги и монеты рабам и помещать их на площадях и на улицах, извлекая от них прибыль. Им равным образом запрещается покидать свои конторы и уступать свои места другим, когда они выполняют общественную повинность или (вызваны) для службы императору. Всякий нарушитель будет высечен, обрит и подвергнут конфискации имущества.

?

1. Как вы представляете себе планировку фессалоникийского панигира, исходя из рассказа автора «Тимариона»?
2. Вы попали на ярмарку в Фессалонику. Кого бы вы там могли повстречать и что купить?
3. Как вы думаете, почему автор «Тимариона» говорить о себе как об иноземце, хотя живет в Каппадокии?
4. Что, согласно Книге Эпарха, было необходимо для вступления в корпорацию траπεζитов?
5. За какие преступления менял наказывали наиболее строго и почему?

§ 14. Ромейское царство и Русь: история любви и ненависти

Среди соседей Византии с IX в. прочные позиции заняла набиравшее силы протогосударство Куявия – Киевская Русь, населенная росами и славянами. Их военные, а затем и торговые контакты способствовали знакомству с ромейской культурой, что в итоге привело к обращению в христианство бывших язычников, включило их в круг избранных народов европейского мира. Уникальная роль передаточного звена при этом досталась крымскому Херсону, известному у росов-русов как Корсунь.

Первые контакты

Контакты Ромейского царства с северными народами, в том числе восточными славянами и смешавшимися с ними норманнами-скандинавами, или росами, начались, если верить ромейским источникам, уже в первой половине IX в. И были они не дружественными, более того -- кровавыми.

В «Житии епископа Георгия из Амастриды» (ум. ок. 808 г.) описывается нападение «варваров Рос, народа, как все знают, жестокого и безжалостного», «звероподобного по поведению, бесчеловечного по поступкам», пришедшего с Мраморного моря – Пропонтиды и безнаказанно разорившего окрестности этого южночерноморского крупного города-порта, посреднического торгового центра, славившегося своими знаменитыми панигирами. Лишь чудесные знамения у гробницы Георгия в Амастриде заставили «игемона» – предводителя варваров прекратить бесчинства. Некоторые исследователи считают, что это «открытие» Византии росами произошло около 815 г., но другие полагают, что упоминание о набеge было сделано не составителем Жития, диаконом Игнатием, писавшим до 842 г., а вставлено в текст гораздо позже.

Хрестоматийным считается другой случай. В составленных у франков анналах Бертинского монастыря под 839 годом сохранилась любопытная запись о посольстве росов, побывавшем в Константинополе и на обратном, окружном пути к себе на родину задержанном франкским императором Людовиком Благочестивым по подозрению, что эти росы – свеоны, то есть шведы, с которыми франки воевали. В их вожде – хагане или некоем Хаконе есть основания видеть предводителя этих скандинавов, норманнов – «северных людей», который пытался заключить союз с василевсом ромеев Феофилом.

Согласно свидетельствам старославянского и армянского Жития Стефана Сурожского и более поздних хронографов, летописей, «Русь из Нова града» во главе с князем Бравлином (или Пролисом – в армянском варианте) приблизительно в первой четверти IX вв., по другой версии – в правление василевса Михаила III, в 6360 г. от сотворения мира, т.е. в 851 / 852 г. от Рождества Христова, после десятидневных сражений ворвалась в Сугдею (Судак), «с...илою изломив железные врата». Это был город, скорее всего, подконтрольный имперским властям ромейского Херсона, один из четырех епархиальных центров на территории Крымского полуострова, причем с богатыми церквами, такими как храм Св. Софии с усыпальницей – мавзолеем епископа Стефана. Разбив двери кириакона, захватчики нашли на гробе святого царские одежды, «и жемчуг и злато и камень

дорогой, и кадила злата и сосудов златых много». Сама цель похода – «повоевать Греческую землю», византийские владения, *климата* от Корсуня и до Корчева, то есть от Херсона до Боспора (Керчи), ограбить эти места, указывает на то, что северные соседи Ромейского царства, кто бы они ни были, знали о благоприятном состоянии хозяйственного развития южных областей Таврии, где можно было поживиться не только зерном, рыбой и невыделанными шкурами. Однако, войдя в Сугдею с мечом, князь, пораженный знамениями у гроба святого, принял там же Крещение со своими воинами, что следует расценить как успех ромейской дипломатии, и сделал богатые приношения -- вернул наиболее ценное церквам «в Корсун и Корчи и везде» вместе с пленными мужчинами, женщинами, детьми, захваченными «от Корсуня до Корча», после чего ушел, «и град и людей и попов почтив». Это грозное предвестие будущих войн донесло до крайних границ Империи леденящее дыхание варварского Севера. Впрочем, надо заметить, что и этому свидетельству историки доверяют мало, полагая его плодом сочинительства едва ли XVI в.

Под 6362 г. (853 / 854 г.) летописец записал в летописи, что в царствование Михаила III уже на сам Царьград ходили из Киева князья Аскольд и Дир, судя по именам, скандинавы-росы, но в византийских источниках середины IX-XII вв. оказался надежно зафиксирован другой поход неистовых северных варваров.

Хроника Георгия Монаха (Амартола – «Грешника»), его Продолжателя, или Хроника Логофета, сообщают, что летом 860 г. пара сотен небольших, сделанных из единого куска дерева кораблей характерной удлиненной формы, по-гречески *моноксилов* – «однодревок» росов, появились у стен Константинополя. Внезапность нападения отяготила незащищенность столицы. Видимо, нападавшие пираты были осведомлены о том, что василевс Михаил III находился в это время в военном походе в Малой Азии, а византийский флот – в экспедиции против Крита. Приведя горожан в ужас, росы, устремившись толпой, разорили, сожгли окрестности города, монастыри, села и, забрав добычу, отправились восвояси. Назвать поход полностью победоносным едва ли возможно, поскольку по некоторым свидетельствам на обратном пути почти весь пиратский флот со всем награбленным был уничтожен морской бурей. Как бы то ни было, но уже через шесть лет после этих событий, по словам очевидца, Патриарха Фотия, неведомый прежде ромеям дикий народ грабителей стал богат и знаменит, более того – «подданным и дружественным». Очевидно, посольство росов из Среднего Приднепровья явилось к этому времени в Константинополь, то есть росы (именно росы – называть их русскими или украинцами будет некорректно) стали принимать активное участие в международных отношениях, а часть из них, важно отметить, обратилась в христианство. Византийцы завязали с ними сношения и начали среди этого народа миссионерскую деятельность, имевшую большое будущее.

Ко времени правления Василия I Македонянина (867-886 гг.) относятся первые византийские свидетельства, подтверждаемые позднейшими ромейскими историками (Продолжатель Феофана, Никифор Каллист Ксанфопул и др.), о добровольном Крещении некоторой, уже значительной части росов, посылке им Патриархом Игнатием (867-877 гг.) ромейского архиепископа для создания церковной структуры, строительстве первых церквей (летописной Св. Илии в Киеве), организации христианских кладбищ. Таким образом, официальное крещение

этого народа, хотя бы в лице узкой группы, лиц состоялось, а оно, как известно, могло быть лишь одно, без повторений. Поэтому с точки зрения ромеев Русь уже была крещена, то есть воссоединена со Христом и Церковью, хотя далеко не все ее жители уверовали в Христа, а церковная организация отсутствовала. Языческие идолы и их жрецы – *волхвы* не торопились сдавать позиции. Богатства ромеев притягивали жадные взоры тех, кто хотел не столько молиться и торговать с заносчивыми «греками», сколько грабить.

Можно предполагать, что неугомонные вожди росов, хотя и приняли христианство, предприняли еще один поход на Ромейское царство в 874 г. В «Житии Патриарха Игнатия (798-877 гг.)», составленном в конце правления василевса Льва VI Мудрого (886-912 гг.), содержится описание осады Константинополя и разграбления его окрестностей «народом Рос» – «запятнанным убийствами более, чем кто-либо из скифов». Нападения продолжались и далее. Они становились все более масштабными, что говорит о крепнущей силе Руси – Руской земли, «проламывавшей» себе дорогу к богатствам Византии.

Если верить летописи, в 907 г., а, быть может, и на год-другой раньше, пришлый князь росов Хельгу – Олег, расправившийся до этого над князем Аскольдом, владевшим Киевом, с флотом совершил поход на столицу Ромейского царства и в знак своего покровительства над этим городом прибил над его воротами свой щит. Более того, есть основания считать этого легендарного князя, захватившего власть в Киеве, вступившего в борьбу с волхвами и загадочно погибшего, крещеным. Не исключено, что задачей набегов росов начала X в. стало их стремление добиться от Ромейского царства более выгодных условий найма на военную службу, поскольку василевс Лев VI действительно остро нуждался тогда в помощи против морских набегов мусульман и для ведения военных действий в Сирии. Накануне 911 г. Хельгу мог предпринять еще одно силовое давление на Константинополь, плодом которого стал очередной договор росов с ромеями.

Поздней весной 941 г. от пристаней Киева и Витичева отплыл ведомый князем росов Игорем, сыном норманского вождя Рюрика (ок. 875 – ок. 945 гг.), невиданный по величине флот из тысячи ладей, на просмоленных бортах которых алели овальные щиты воинов. Подойти к столице Империи скрытно не удалось: сначала стратиг Херсона в Крыму, а потом болгары, видевшие проплывавшие мимо их берегов армаду, донесли василевсу Роману Лакапину о движении грозного противника. В Золотом Роге срочно стали приводить в порядок флот, но большей части его на месте не оказалось: как и прежде, суда оказались задействованы в морском походе против арабов. Тем не менее царские дромоны протовестиярия Феофана встретили росов «жидким огнем». В морской битве вблизи Иерона, на выходе их Босфора, их флот понес большие потери. Князь росов Игорь (по-скандинавски Ингвар) – «дикий демон», «дикий вепрь», как называют его византийские авторы, – потерял управление войсками и вернулся в Киев. Предав пожарам и грабежам побережье Босфора и Пафлагонию, в сентябре оставшиеся росы решили вернуться домой ввиду нехватки продовольствия. Кроме того, их основательно потрепали стремительно подошедшие ромейские войска во главе с превосходным, победоносным полководцем, domestikом схол, армянином Иоанном Куркуасом, с железным упорством успешно воевавшим с мусульманами. Прорываясь обратно морем, большая часть уцелевших от предыдущего разгро-

ма «однодревок» росов была уничтожена ромейскими огненосными кораблями у берегов Фракии. По словам летописца, довелось «видете страшно чудо»: море горело вместе с гибнувшими людьми. Уцелевшие, как говорится в «Житии Василия Нового», свидетеля похода, «...едва спаслись в свою землю, чтобы рассказать о том, что с ними случилось». Но суровый урок прошел даром. Росы и их союзники и данники из Приднепровья – «пактиоты»-славяне, ежегодно поставлявшие им за плату моносилы, жаждали взять реванш и не собирались сдерживать военный натиск на Византию, привлекая с этой целью печенегов и венгров.

В лето 944 г. стратиг Херсона вновь погнал в Константинополь быстроходную тахидрому с тревожной вестью: «Вот идет Русь, без числа кораблей их, покрыли море корабли!». Гонцы болгар дополняли: «И сушей идет Русь, наняли с собой печенегов, нет им числа!». Не дожидаясь рати Игоря, василевс Роман Лакапин отправил ему предложение мира и дани. До военных действий, к счастью для обеих сторон, дело не дошло. Был заключен договор, вновь восстанавливавший торговые отношения двух держав и предусматривавший наличие печатей у послов и купцов. Византийцы лишь оговорили, чтобы русы не воевали «Херсонскую страну» в Крыму, не мешали херсонцам ловить рыбу в устье Днепра и защищали бы их от возможных набегов печенегов, «черных болгар» и хазар со стороны Кубани и Приазовья. Сам император получал также право вызывать на помощь себе «воев» – росов и в свою очередь обязывался представлять военную силу князю росов, очевидно, прежде всего для защиты византийских владений в Крыму. Судя по тексту договора 944 г., в окружении Игоря были знатные христиане-росы, и, значит, языческий Киев стоял на пороге новых времен, приближение которых уже давно готовила Византия.

Не полагаясь только на договоры, ловкие ромейские дипломаты пытались строить оборону с помощью дружественных могущественных печенегов. Константин Багрянородный писал сыну, что они, «...побуждаемые... посредством посланий и даров, легко могут нападать на земли росов». Ромеи всегда старались воевать чужими руками.

Кроме того, похоже, византийцы несколько изменили свою тактику миссионерства, которая прежде строилась на восприятии варваров прежде всего как «...людей отвратительных видом, но еще больше отталкивающих своим душевным складом». При этом объектом миссии являлись не столько народ, сколько элита, правители этих самых гнусных варваров. Теперь ромейские миссионеры старались стать для варваров приятными, «своими», – не выказывать к ним прежнюю надменность, кичливость, не обличать и не упрекать, не говорить высокопарно и хвастливо, не уходить от рассказов о Страстях Христа, которые многим варварам казались позорными. Видимо, этим можно объяснить успехи ромейской миссионерской деятельности не только в отношении Руси – Руской земли, но и аланов, венгров. Так, с 948 г. в Константинополе стали креститься видные венгерские вожди. В 952 г. один из них, Дьюла, отправляясь на родину, захватил с собой монаха Ерофея, который был рукоположен Константинопольским патриархом в епископы Венгрии. Государство вновь брало дело миссионерства в свои руки, хотя в дальнейшем византийской Церкви не удалось удержать здесь своих позиций.

В 957 г. столицу Ромейского царства для улаживания торговых условий и политических связей посетила вдова князя Игоря, Ольга (ок. 893/894-969 гг.). Сла-

вянка или скандинавка, волею случая в десять лет ставшая княгиней, она отличалась рачительностью, хозяйственной расчетливостью. Понимая, что с ромеями выгоднее иметь мир, нежели войну, «архонтисса Росии» Ольга – Эльга Росена, как на скандинавский лад ее называли ромеи, по своей инициативе склонилась к принятию христианства, «требища бесовские сокрушила» и даже имела среди своих приближенных священника Григория.

Впрочем, в Константинополе архонтиссе оказали довольно сдержанный прием, хотя и позволили ей остановиться со своими ладьями недалеко от Большого императорского дворца, в порте Софии, а точнее, у мола **Суда** (славянский Соудь) на Мраморном море, где она простояла около двух месяцев осенью 957 г. В сентябре Ольга была дважды принята василевсом Константином Багрянородным в Большом дворце. Как и другим правителям союзников, ей, по-видимому, был пожалован высокий имперский титул зосты патрикия (в трактате «О церемониях», детально отразившем прием, записано, что она села к апокопту – столу для высших персон «вместе с зостами, по уставу»).. Вероятно, до этих торжественных аудиенций, ровно через сорок дней после оглашения состоялось ее Святое Крещение, в котором она приняла имя своей царственной восприемницы от купели, августы Елены. Только после этого «новоизбранная Богом» могла получить необыкновенную привилегию, не имевшую аналогов в ходе приема обычных послов варварских народов, – право на личную встречу с царской семьей. Она разделила с ними два званных обеда – клиторииев с десертом, сидя вместе с императором, его супругой, дочерьми, сыном, невесткой, и приняла проскинис жен царских чиновников, беседуя с василевсом, как указано в трактате «О церемониях», «сколько пожелала». Ромеи как всегда вели свою тонкую политическую игру.

Согласно предписаниям византийского церемониала, уже крещенную Ольгу – Елену с ее свитой приняли с должным почтением, «пустили пыль в глаза» – провели по всем основным парадным залам Священного дворца и знаменитой оранжерее, угостили, но, похоже, не очень щедро одарили деньгами, как посла важного, но все же только посла. Примечательно, епископа на Русь она не получила. Очевидно, в ней желали видеть вассала Ромейского царства, дающего дары и воинскую помощь. Последнее, вкупе с незначительным размером подаренных ей и ее людям милиарисиев (чуть больше десяти килограммов серебра, не считая золотую чашу), оскорбило и вызвало недовольство честлюбивой княгини, даже заставило ее в пику ромеям обратиться к германскому королю Оттону I с просьбой прислать епископа и духовенство, но все же не отвергло от союза с Византией.

Русь давно представлялась Ромейскому царству могучей силой, которой надо было остерегаться и одновременно пытаться использовать с максимальной выгодой для себя. Поэтому прославившийся своим искусством полководца, суровый, замкнутый василевс Никифор II Фока (963-966 гг.) решил просить у ее «архонтов» наемников – **«тавроскифов»** для удара по зарвавшейся Болгарии. Ромеи отказались платить ей незначительную, но унижительную ежегодную дань, поскольку соотношение сил поменялось. Времена грозного Симеона Болгарского к тому времени стали преданием. Возмущенный Никифор поносил болгарских послов, обзывая их грязными, отвратительными попрошайками, управляемыми тем, кто одевается лишь в шкуры животных, а затем повелел их выпороть и выгнать вон. Желая найти против болгар силу, которая могла бы ударить по

ним с тыла, осенью 966 г. василевс направил к своему северному союзнику, «ка-тархонту росов Сфендославу» – Киевскому князю Святославу Игоревичу ново-испеченного патрикия **Калокира**, умного, честлюбивого, много повидавшего, говорившего на нескольких языках «первенствующего» – протевона и стратеги Херсона, не поскупившись снабдить его щедрым подарком в виде сундуков с 15 кентинариями золота (около 455 кг), на которые можно было бы нанять до десяти тысяч росов. Предполагалось, что успех миссии помог бы достичь нескольких целей: на время позволить Никифору Фоке сосредоточить военные силы Ромейского царства в борьбе с арабами на Востоке, одновременно заставил бы напуганных болгар ценить союз с Византией, более того, ослабил росов и болгаров во взаимной борьбе. Как покажет будущее, он просчитался как никудышный дипломат. Вместо слабого соседа, готового удовлетворяться скромной традиционной субсидией, Империя ромеев в скором времени получила другого, еще более амбициозного и агрессивного врага.

Святослав, в союзе с печенегами разгромивший в 965 г. ослабевшую из-за натиска тюркских племен печенегов, отхода от иудаизма, подавления хаганов все-ильными беками и последствий экологического кризиса Хазарскую империю, не смог закрепить за собой результаты недавних блестящих походов на Волгу. Поэтому он принял ромейские предложения, а главное, богатые подарки и дважды – в 968 и 970 гг. совершил в Болгарию победоносные походы и, если верить современникам, довел свои воинские контингенты до шестидесяти тысяч человек. Ему удалось вторгнуться в глубь страны и овладеть ее столицей, Великим Преславом. Карая Филиппополь за героическое сопротивление, он с невиданной жестокостью посадил на кол два десятка тысяч горожан. Жертвою зверств оккупантов стали около трехсот казненных местных бояр.

Судя по словам летописца, Святослав получил также какие-то суммы от ромеев – «емля дань на грецех», однако, чем дальше, тем больше стал выходить из под контроля Ромейского царства, преследуя уже собственные, далеко идущие экспансионистские планы в отношении Болгарии, показавшейся ему весьма изобильной. Вместе с со своей дружиной князь оставался привержен прежним языческим богам и не собирался принимать христианство. Как и рассчитывал Никифор II, болгары запросили помощи у хорошо знакомых им единоверцев-византийцев. Давно закрученная политическая интрига наконец стала приносить Империи ромеев свои плоды и осложнила положение Святослава.

В 970-971 гг. против этого почти былинного богатыря, яростного воителя, который подчинил болгар и даже хотел перенести столицу своего государства из Киева в богатый торговый город Переяславец в дельте Дуная, успешно сражался гениальный военачальник, смелый до дерзости царь Иоанн I Цимисхий, окруженный отборным личным конным конвоем, формируемым из детей погибших наиболее славных анатолийских воинов – так называемых **афанатои** («бессмертных»), одетых в блестящую броню. Командиры василевса, прославившиеся в войнах с арабами, действовали блестяще. Должным образом обученная, прекрасно дисциплинированная царская армия находилась в превосходной форме и тесно взаимодействовала с сильным флотом на море и на Дунае. Многие корабли были оборудованы машинами, трубы которых с жутким ревом извергали струи «жидкого огня». Мощный осадный парк, наводя ужас, тоже вел смертоносный огонь.

После взятия штурмом болгарской столицы, Великого Преслава, Иоанн совершил тонкий политический ход – на словах вернул царские права освобожденному из плена молодому болгарскому царю Борису, которого лишил трона Святослав. На самом деле он не думал о реальном восстановлении, освобождении Болгарии, лежавшей у его ног. Болгарский царь оказался в Константинополе в новом плену вместе со своим братом Романом, который был кастрирован. Бориса, – за исключением огромной рыжей бороды, личность ничем не примечательную, – возвели в сан магистра, но знаки царского достоинства – отороченную пурпуром тиару, багряницу и красные полусапоги, положенные ему как василевсу болгар, отобрали, убедив сложить с себя венец. Это был бесславный конец болгарской династии, которая не раз заставляла трепетать Византию.

В конечном счете после четырехмесячной, блестяще организованной военной кампании, ценой большого напряжения сил и активности византийской дипломатии Цимисхию летом 971 г. удалось добиться заключения договора, который удалял понесшие большие потери, но все еще страшные своей отчаянной варварской храбростью войска Святослава из восточной Болгарии, вновь скованную железными обручами византийских гарнизонов. Отныне она становилась имперской провинцией великого Ромейского царства с его упорядоченной системой управления и общей православной религией. Для самих болгар такое принудительное приобщение к блестящей византийской цивилизации было все же лучше, чем оказаться под властью жестокого князя-язычника и быть отброшенными назад в еще недавнее варварство. Договор также в очередной раз освобождал от посягательств росов «Херсонскую страну» с ее городами в Крыму и обязывал в случае необходимости предоставлять императору ромеев военную помощь. В скором будущем это соглашение сыграет важную, судьбоносную роль и для Ромейского царства, и для Руси.

Вместе с тем росы не только лили кровь или продавали ее ромеям как наемники, но и с самого начала активно торговали. Подкрепленная военной силой, власть росов по сути дела простиралась на всю Восточно-Европейскую равнину. Их «архонты» были крайне озабочены тем, чтобы во время зимнего «полюдья» у славянских племен добыть в виде дани товары, подлежащие выгодному сбыту на восточных зарубежных рынках летом. С этой целью они организовали систематическое строительство монокилов, ладей или акатий как называли эти легкие корабли ромеи, и контролировали речные пути на огромной территории Приднепровья. Значительные запасы собранного скапливались в руках военно-торговой дружинной верхушки, делившейся на группы княжеских «послов» и скандинавских по преимуществу «гостей», и нуждались в регулярном сбыте за море. Эта компания буквально «пробивала» себе дорогу к Константинополю, живя за счет обогащавшей их регулярной торговли с ежегодными весенне-летними карavanaми судов.

Уже Ибн Хордадбех, осведомленный арабский историк середины IX в., бывший глава почтового ведомства халифата, писал о международной торговле «сакалиба» – славян мехами и оружием с городами страны Рум на берегах Черного моря и уплате ими при этом «десятины» – хорошо известной ромейской октавы. Вероятно, нижняя часть Днепровского пути, начинавшаяся где-то в Среднем Поднепровье и связывавшая росов с Черным морем, начала действовать не позже этого времени. Ритор и философ *Никита Давид Пафлагон*, возможно, тот, кто

писал в «Житии Игнатия» о нападении «народа Рос», в одной из речей рубежа IX-X вв. говорил, что в Амастриду «...стекаются, как на общий рынок скифы, как населяющие северные берега Евксина (Черного моря), так и живущие южнее. Они привозят сюда свои и забирают амастридские товары». Если под «сакалиба» и северными скифами понимать купцов-росов, тогда эти свидетельства являются древнейшими упоминаниями торговых контактов Руси с Ромейским царством.

Первый договор мог быть заключен уже в 839 г., когда посланцы северного «кагана» прибыли ко двору василевса Феофила. В этом случае целью грозного грабительского похода росов 860 г. вполне могло стать стремление возобновить старое, обычно заключаемое на 30 лет соглашение или добиться нового, на лучших для себя условиях. Затем осенью 911 г. в Киеве, спустя четыре года после похода на Константинополь, между князем Олегом, его послами – варягами и византийскими императорами Львом и Александром был подписан очередной мирный договор, во вступительной статье которого говорилось о многолетних мирных отношениях между двумя государствами в прошлом. Ниже шла речь о предшествующих регулярных контактах между росами и ромеями: «...да егде ходим в Греки или с куплею («товаром, торговлей») или в солбу («посольство») к цесареву Вашему». Новый договор тоже строился на весьма благоприятных условиях. Купцы-росы получили право беспошлинно торговать в Константинополе, им отводилось место для проживания в ближайшем предместье ромейской столицы, в эмволе монастыря Св. Мамы, недалеко от знаменитых Золотых ворот, выделялась специальная баня, давались припасы и корабельное снаряжение на обратный путь. Кроме того, был установлен порядок обмена и выкупа пленных, возвращения ценного товара – беглых рабов, а также преступников, особенно оговорены те, кто «работал» в Византии. Если верить тексту договора, включенного в летописи, Олег подписал обе копии договора своей рукой, начертав на списках Святой Крест и призвав в свидетели Святую Троицу, что указывает на принятие им к этому времени христианской инициации – Крещения. Возможно, этим объясняются беспрецедентно выгодные для Руси условия этого договора, который был предложен ромеями Олегу за его крещение и обещание крестить Русь. Во всяком случае, о принятии христианства русами именно в 300 год хиджры, что соответствует 912 г., упомянул компетентный арабский историк XI в. ал-Марвизи.

Договор 944 г. входил во все тот же 30-летний цикл соглашений, но оказался менее выгодным для Руси, испытавшей удар ромейского оружия. Теперь прибывавшие купцы должны были платить въездные и выездные сборы. Как и прежде, они не могли оставаться в столице больше трех месяцев, а нераспроданные товары могли оставлять эпарху, чтобы он позаботился об их реализации и на следующий год вернул вырученные за это деньги. В город росы могли входить группой не более 50 человек, без оружия, лишь через одни ворота и только в сопровождении царского чиновника. По всему видно, что ромеи боялись их куда больше других иноземцев, на которых подобные ограничения не распространялись.

Тем не менее хорошо оплачиваемые наемные дружины как не крещенных, так и обращенных в христианство росов, варягов или варангов, как их называли ромеи, охотно служили в императорских войсках. Они отличались железной дисциплиной, нерушимой преданностью, физической силой, неукротимой отвагой, воевали против кочевников в Грузии, Армении, Фракии и Македонии, плавали

с византийским флотом на зеленый остров Крит, в солнечную Сицилию, италийскую Лангобардию, сражались с конницей сирийского эмира, несли гарнизонную службу, стерегли тюрьмы, защищали василевсов от предательских покушений и открытых мятежей. Оно и понятно. За одну кампанию, устроенную Империей, в X в. такие наемники получали сумму в двадцать раз большую, чем могли себе позволить платить варягам Киевские князья в XI в., хотя уже с X в. они контролировали поступление русов-наемников на военную службу к ромеям: это могло произойти только с согласия князей и после выдачи соответствующего письменного разрешения. Светловолосые и голубоглазые воины в золоченных панцирях с обоюдоострыми секирами и варяжскими мечами-ромфеями стояли в покоях императорского дворца в Константинополе, в почетном строю во время переговоров с послами и им доверяли больше, чем коренным ромеям. При таких обстоятельствах нарушать с ними мир было крайне нежелательно.

Через земли восточных славян проходил упомянутый выше важный водный торговый путь, известный в летописях как «путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру», то есть «путь из страны варягов в страну греков и обратно», который единой водной линией соединял Скандинавию, Русь и Ромейское царство. Когда арабские завоевания перерезали прежние торговые пути с Востока и на Восток, актуализировалась роль этого «пути из Грек по Днепру», и как мощный центр стал развиваться Киев, очень важный по своему геополитическому, стратегическому положению. Уже со второй половины – конца IX в. этот путь стал теснить давний Волжско-Балтийский путь, полностью сложился во второй половине X в. и функционировал по меньшей мере до середины XI в. Главные его пункты контролировала именно Куявия, князь которой носил название «архонта» или даже «катархонта», то есть «надначальника росов».

Из ромейской «страны городов» с ее развитым денежным обращением, организованным ремеслом, торговлей, этим путем вывозились самые разные изделия, украшения, разнообразные ткани, плащи-иматии, покрывала-прандии, расшитые пояса, оливковое масло, вина, фрукты. Даже воинственные печенеги – «пожиратели вшей» (фтирофаги), как высокомерно называли этих варваров ромеи, выступали посредниками в деловых, торговых операциях между русами и ромеями по закупке скота, шкур, меха, льна, воска, получая за это соответствующее вознаграждение. Не менее двух караванов из сотен ладей с купцами-росами тяжелейшим путем приходили каждое лето по Днепру и вдоль западного берега Черного моря в Константинополь, везя прежде всего рабов, собранных у вождей славян во время «полюдья», а также зерно, мед, рыбу, соленую икру, воск, кожи, меха. Горловину речных коммуникаций контролировал Киев, что во многом предопределило его политическое верховенство в условиях экономики, ориентированной на внешнюю торговлю и в определенной мере зависевшей от Константинополя. Последнему такое положение тоже было выгодно, поскольку росы тратили полученное за свои товары золото уже в Ромейском царстве, а значительную их часть меняли на высоко востребованный шелк.

Так, – то сотрудничая, то сражаясь, – оба государства и их граждане из самых разных социальных слоев все более и более сближались, непосредственно и основательно знакомились, узнавали устои чужой жизни, взаимно влияя друг на друга. Во всяком случае, в середине X в. при императорском дворе были твердо уверены, что Русь уже крещена.

Свет из Корсуня

Василевс Иоанн Цимисхий умер от тифа в начале 976 г., едва вернувшись из удачного восточного похода в Сирию. Вместе с тем среди ромеев ходили упорные слухи о том, что он был отравлен его алчным главным спальничим – паракимоменом и *проедром*, евнухом Василием Нофом, бастардом, внебрачным сыном Романа Лакапина от рабыни-скифянки, еще в отрочестве оскопленным по приказу отца.

Разумный и прижимистый, опытный Ноф более тридцати лет находился у вершины власти в Ромейском царстве, давно играл важную роль в политике, интриговал, подгрел под себя все службы и теперь рассчитывал занять главное место при дворе. По сути дела, он стал править вместо своих воспитанников, законных представителей Македонской династии, довольно призрачных фигур, – 18-летнего Василия II и 16-летнего Константина VIII, сыновей бесталанного Романа II и внуков Константина Багрянородного, которые не могли вернуть во дворец из ссылки даже свою собственную мать, августу Феофано. Единственным их преимуществом являлись порфирные пеленки, которые оправдывали законную власть этих молодых василевсов, не проявлявших особых желаний или способностей к управлению. Между тем жизнь совсем недавно показала, что удача сопутствует энергичным, закаленным в боях правителям-воинам, силой оружия, а не по наследству захватывающим власть. Повторить их опыт было кому.

Не прошло и полгода после смерти Иоанна Цимисхия, как летом 976 г. в Романии начался один из крупнейших в ее истории *апостасиев* – антиправительственных мятежей, дословно «отступничеств», могущественной, родовитой и влиятельной военно-землевладельческой, главным образом, армянской знати, равнявшейся к высшей власти. Политическая борьба была вызвана возросшими амбициями отдельных военачальников, влиянием армии и военных чинов. Лучший полководец Империи ромеев, зять покойного Иоанна и герой войны против Святослава, бывший *доместик схол* Востока, стратиг огромной окраинной фемы Месопотамия, армянин Варда Склир, самое имя которого, означавшее «Жестокий», приводило в ужас врагов, к 978 г. стал контролировать почти всю территорию Малой Азии. Со своими сторонниками он разбил в двух сражениях посланные против них императорские войска и приблизился к столице. Настал кульминационный момент гражданской войны.

Почти одновременно восстали покоренные болгары, нанеся ромеям чувствительные удары. Их вели против Ромейского царства некий комит Николай Шишман, провинциальный чиновник в Македонии, а после его смерти – четыре сына, именовавшие себя *комитопулами* (сыновьями комита). С гор и равнин западной Болгарии они прорвались в Македонию и Грецию. Попытка имперского правительства, отказавшись от готовящейся военной кампании на Евфрате, нанести удар болгарам, закончилась полным провалом – имперские войска были изрядно потрепаны в проходах Родопских гор, у крепости Стопонион. После этого недовольный командный состав армии, особенно выходцы из знатных восточных семейств, настояли на избрании доместиком схол честолюбивого каппадокийца исполинского телосложения – Варду Фоку, племянника злодейски убитого императора Никифора Фоки. В 970 г. он уже пытался захватить трон василевса и лишь редкая милость Ионна Цимисхия сохранила ему жизнь, отправив в монахом на Хиос.

Именно Варда Фока помог перепуганному Василию Нофу справиться с малоазийскими мятежниками, в тайне, разумеется, преследуя заветную цель – путь

к трону. В решающем сражении этот гигант, проявив изрядную силу и отвагу, ранил в личном поединке Варду Склира, после чего тот бежал к арабам в Багдад, но угодил у халифа в тюрьму. На время все утихло, перейдя в стадию своеобразной «холодной войны».

Но через семь лет, в 986 г. все более крепнувшие болгары нанесли византийцам поражение при Сердике (ныне Софии), вынудили опрометчиво действовавшего Василия II снять осаду с этого города и наголову разгромили возвращавшуюся армию ромеев в горном лесистом ущелье, известном как «Траяновы ворота», после чего вновь вырвались на юго-восток Балкан, в Фессалию и Эпир. На сей раз они были предводительствуемы опытным в стратегии, свободолюбивым комитом Самуилом, младшим, но самым способным из всех четырех комитопулов. Он провозгласил себя царем, возродил Болгарский патриархат и начал создавать новое Западно-Болгарское царство с центром в Македонии, навязывая ромеям войну по всей территории Балкан и выдавливая их даже из прилегавшей к Константинополю Фракии. Германский император обещал помощь Болгарии в борьбе с василевсами, его главными соперниками в притязаниях на господство над всем миром.

Прослышав об этих трудностях неуклюжего, неудачливого Василия, Варда Склир решил, что пришло его время действовать, вернуться в Романию, и, хотя уже был глубоким стариком, он вновь, уже в третий раз, предъявил претензии на трон, видимо, рассчитывая и на арабскую поддержку. В середине августа 987 г. в доме богатейшего дината, магистра Евстафея Малеина в Кесари, что в феме Харсиан, собрались его сторонники и провозгласили новым василевсом. Варда Фока, вновь получив верховное командование, выступил против своего тезки и тут же предал Василия II, воссоединился с мятежником, предложив ему в качестве тактического хода поделить будущую власть в Ромейском царстве пополам. Но уже через месяц, в сентябре, хитрой уловкой захватив Склира в плен, Фока, сам имевший давний опыт бунтовщика, неожиданно провозгласил себя единовластным василевсом, предприняв решающую попытку прийти к власти. Используя громадное состояние, накопленное семейством Фок, опираясь на крупную земельную аристократию, малоазийское фемное войско и флот, пополнив свои войска отборными отрядами ивиров – грузин, получив денежную помощь от арабских эмиров, узурпатор завладел крупнейшим городом на востоке Империи – Антиохией, а затем с двух сторон, от приморских Авидоса и Хрисополя, двинулся на Константинополь.

Над Ромейским царством был занесен меч и с Востока, и с Запада, а сил отразить его хотя бы с одной стороны не было. Очередной этап гражданской войны достиг кульминации. Положение правящей династии в лице рано разочаровавшегося в жизни Василия II и его легкомысленного брата Константина VIII оказалось отчаянным. Впрочем, добряк Константин считался правителем только номинально, а на деле проводил жизнь в расточительных удовольствиях, занимался женщинами и попойками, не будучи подспорьем старшему брату. Бывший опекун братьев и их двоюродный дед (по родству с Романом Лакапином), некогда всесильный и влиятельный паракимомен, опытный в делах Василий Ноф еще три года назад был изгнан в ссылку за свои интриги и непомерную тягу к власти. Положиться было не на кого. Вокруг все более слабевшего Константинополя затягивалась петля. Крайним пессимизмом оказались проникнуты слова 30-летнего Василия в новелле к монастырям от 4 апреля 988 г.: «До настоящего дня

никакой, даже самой малой удачи мы не встретили в нашей жизни, но, напротив, не осталось такого несчастья, которое мы не испытали бы». Все грознее рисовался кровавый призрак неумолимо надвигавшегося краха, днем и ночью сосущий истерзанный мозг угрюмого императора.

В этих условиях, грозивших обоим царственным братьям падением, ослеплением или даже смертью, Василий II, хватавшийся в надежде на спасение за любую соломинку, видимо, вспомнил о предыдущих договорах с росами и взялся заключить подобный. Предполагают, что еще в августе 986 г. или в 987 г., после трагической вести об узурпации стремительно набиравшего силы Фоки, он решил срочно отправить послов в Киев, чтобы просить союзной военной помощи у извечных политических недругов – росов-русов, или диких «тавроскифов» и их князя **Владимира** (ок. 962-1015 гг.), о которых рассказывали столько ужасов. Для спасения династии василевс в дни крайней опасности готов был обещать все, что угодно и даже – немыслимое дело! – отдать в жены презренному чужеземцу, варвару-язычнику, незаконнорожденному сыну Святослава и наложницы, рабыни-ключницы Малуши, человеку, имевшему как минимум четырех жен и множество наложниц, порфирородную принцессу, свою сестру Анну, представительницу царствующего дома в пятом поколении. Такое супружество с порфирородной принцессой до сих пор было исключением даже для христианских государей Запада, то есть совершенно необычным для придирчивой византийской династической практики, которая, по словам Константина Багрянородного, соблюдала «страшное заклятие и нерушимый приказ великого и святого Константина I», что «никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом, приверженным к особым и чуждым обычаям, ...особенно же иноверным и не крещеным». Поэтому, вынуждаемое крайними обстоятельствами нехватки сил и реальной военной опасностью, константинопольское правительство все же выставило одно важное встречное условие – Владимир должен был отринуть свои греховные привычки и, главное, принять христианскую веру из Ромейского царства, быть крещенным по греческому церковному обряду вместе со своим народом.

К слову, принятие христианства давно назревало: знать Киевской Горы, верхушка недавно подчиненных княжеств хорватов и древлян, «старцы градские», «мужи лучшие и нарочитые», несмотря на все еще господствовавшие родоплеменные порядки, не возражали против изменений, отказа от старых языческих богов, «древнего закона и покона», надеясь тем самым еще больше укрепить власть князя и свою, а значит, и государства, сравняться с другими мощными христианскими странами, империями, добиться больших выгод в торговле с ромеями. Уже Ярополк, старший брат князя Владимира, убитый им в 980 г., по словам Иоакимовской летописи, «даде христианом волю велику». Теперь Владимир надеялся, породнившись с византийским императорским домом, как можно быстрее достичь равноправных отношений с Ромейским царством и приобрести особый статус. Кризис системы ценностей языческого общества и поиски новых ориентиров в среде его элиты вынуждали действовать. Без принятия христианства на государственном уровне невозможно было перейти к высшей форме общественной организации. Другого пути вступить в семью цивилизованных народов не было. Поэтому василики не получили отказа.

Сведения источников (летописей, арабских, армянских, скандинавских, византийских авторов) позволяют предполагать, что, видимо, уже к середине лета

987 г., узнав об ухудшении ситуации в Византии и не желая медлить, князь Владимир, посадив на лады около 6 000 разноплеменных войск – варягов, словен, кривичей, «черных болгар», отправился в поход к днепровским порогам с целью противодействовать печенегам, а затем, обезопасив тылы, вторгся в пределы ромейских владений в Крыму. Враждебные действия «тавроскифов» должны были повлиять на ромейскую сторону, заставить ее пойти на беспрецедентные уступки. После осады, продолжавшейся не менее шести месяцев, скорее всего, весной следующего года к великой печали василевса Василия он взял измором кастрон Херсон, или, как его называли росы, Корсунь.

*Портовый, считавшийся почти неприступным, город-крепость достался византийцам в наследство от Римской империи. Он теснился между двумя бухтами на большом мысе, имел площадь более 30 гектаров и население около 5-6 тысяч человек. Со всех сторон, даже с моря, город был опоясан мощными оборонительными стенами общей протяженностью более четырех километров, высотой до десяти метров и толщиной до трех-четырёх метров, имел свыше четырех десятков боевых башен и вынесенную перед основной передовую крепостную стену – **протехисму**, прикрывавшую **перивол**.*

Херсон играл очень важную роль для Византии. Он служил главным, самым верным и надежным опорным пунктом Империи в северном Причерноморье. Отсюда ромеи торговали с беспокойным варварским миром, вели наблюдение за ним, собирали политическую, разведывательную информацию. Стратиг Херсона, защищая город и одноименную фему, тем самым охранял границы Ромейского царства. Сюда поступали разнообразные сведения о замыслах и передвижении варваров, отсюда стремительные остроносые тахидромы, вздрагивая от бешеных ударов весел и опасно кренясь переполненными ветром парусами, неслись напрямик через море к стольному Константинополю с донесениями о вражеских замыслах. Это было место дипломатических сношений с правителями варваров. Здесь держали заложников, чья жизнь зависела от сохранности и успеха византийских посольств. Сюда ссылали низложенных императоров и попавших в опалу церковников, мятежников и не в меру честолюбивых вельмож, государственных врагов. Василевсы были уверены в своих крымских подданных, которые всегда принимали деятельное участие в столичных событиях, в перипетиях борьбы за трон. Предположение известного польского историка-слависта Анджея Поппе о том, что Херсон, боясь быть отрезанным от поставок продовольствия с севера Малой Азии, стал на сторону мятежников и князь Владимир взял его в наказание за измену, выполняя соглашение с Василием II, остается остроумной гипотезой, которая не находит подтверждения в источниках.

Херсон был центром всей северочерноморской торговли Ромейского царства. Здесь шел оживленный обмен с печенегами, которые, в свою очередь, вели обмен с росами. Последние были частыми гостями в устье Днепра и иногда оставались там на зиму, невзирая на протесты византийцев и трения с херсонитами, тоже добывавшими там рыбу и икру. Следует учесть, что не все купцы русов обладали необходимыми экономическими возможностями для отправки своих ладей в Константинополь, им проще и выгоднее было попасть в Херсон. Печенеги тоже приобретали здесь шелк, ткани, ковры, пояса, изделия из металла, перец, со своей стороны предлагая ромеям

кожи, рабов, меха, а также обработанный лён и воск, в свою очередь полученные ими от русов. Эти товары сразу переправляли в Константинополь и другие византийские города севера Малой Азии. Предметом собственной торговли херсонитов издавна служили соль и рыба. Из Византии они везли ткани, изящную поливную (глазурованную) белоглиняную столовую посуду с одноцветной и многоцветной росписью, благовония, пряности. А в фемах **Вукеларии, Пафлагония и Армениак**, то есть на южном берегу Черного моря, закупали хлеб, вино и прочее, что было необходимо не только самому городу-торгашу, городу-посреднику, и без чего он, имея слабую аграрную базу, не мог существовать.

Лишиться крымской фемы Херсон – значило потерять многое. Хорошо укрепленный город во главе с византийским стратигом мужественно, крепко оборонялся. Но напрасно херсониты с надеждой смотрели в синюю даль моря, ожидая подхода грозных ромейских огненосных кораблей с войсками под красными и черными императорскими штандартами. В то время Константинополь еле сдерживал натиск болгар и пытался справиться с наседавшими мятежниками. Василевс мог лишь уповать на то, что крымский кастрон отобьется своими силами, и тянул время. Однако оно работало против него.

Росы, устроив лагерь с западной стороны города, около вместительной Стрелецкой бухты Севастополя, известной в источниках под названием Лимен, упрямо пытались возвести земляную «приспу» или «приступу» – насыпь к оборонительной стене, чтобы с ее помощью пойти на штурм, тогда как херсониты, сделав под нее подкоп, уносили землю и сыпали ее в городе. Огромный холм рос, осада затягивалась уже на шесть месяцев. Неизвестно, чем бы она закончилась, если бы в Херсоне не стала активно действовать пророски настроенные силы в лице некоторых варягов во главе с неким Ижберном (Ждьеберном) и херсонцем Анастасом, возможно, духовным лицом. Именно они повернули колесо истории, сообщив в стан Владимира секретные сведения о том, как лишить херсонцев поступления воды из загородного водопровода и где перекопать «земляной путь» – дорогу, по которой в город с моря, от верховьев Карантинной бухты поступали припасы, доставляемые контрабандистами-«корабельниками». Через три месяца после этого отчаявшиеся херсонцы сдались, их стратиг с женой был казнен, дочь изнасилована Владимиром и «со многим именем» отдана Ижберну. Этот же варяг, на время поставленный своим сюзереном-князем наместником Херсона, вместе с воеводой Олегом был послан в Константинополь.

У всего живого есть рубеж. Есть барьер неудач, выше которого не сдержать наката враждебных сил. Получив чудовищную весть о падении Херсона в результате враждебных действий Руси, Василий II оказался сломлен и заключил с Владимиром соглашение. Согласно договору, в обмен на столь срочно нужную, спасительную военную помощь и обещание вернуть плененный город император ромеев был вынужден отдать суровый приказ: незамедлительно отправить к князю росов свою 25-летнюю сестру Анну, невзирая на ее протесты, мольбы, страдальческий плач и отчаяние. Видимо, недаром в числе свадебных даров она везла частицы Святой девы, великомученицы Варвары, казненной язычниками за открытое исповедание веры. На летнем небе 20 дней стояла взошедшая «звезда хвостатая», комета, потом необычайная для осени жара сушила сотрясающуюся землю и особенно ужасали хорошо видимые ночью, некие вставшие

на севере «огненные столбы», может быть, вызванные землетрясением взрывы гидратов метана – газовых факелов на шельфе Черного моря, – зловещие для ромеев знамения, указывавшие на взятие «тавроскифами» города. Впрочем, он не очень сильно пострадал в ходе военных действий. Росы постарались сохранить его в целости в качестве традиционного свадебного подарка за невесту «багрняных» царских кровей. Большинство археологически зафиксированных слоев разрушений и пожаров относится к рубежу X-XI вв., когда Херсон, очевидно, постигло мощное землетрясение, возможно, совпавшее с тем, которое 26 октября 989 г. «опрокинуло на землю башни Византия», но не ко времени собственно Корсунского похода. Более того, Владимир, если верить Ипатьевской летописи, приказал выстроить в Корсуне еще одну церковь «на горе» – храм Иоанна Предтечи, видимо, в возвышенной западной части городища, дабы принести святой дар помогшему ему Богу.

Сам 27-летний князь принял последнее обязательное оглашение и затем крестился, скорее всего, как полагалось, в субботу перед Пасхой 8 апреля либо на Пятидесятницу 27 мая 988 г. на «торге» – большой агоре в самом центре города. Наиболее вероятно, что это произошло в крестовидном храме-кириаконе Св. Василия, над остатками которого во второй половине XIX в. выстроили нарядный памятный собор Св. Владимира¹. Князь получил крестное имя – Василий, которое не только указывало на его небесного христианского покровителя, но и было тождественно имени шурина, василевса Василия, справил венчальный обряд и уже летом отправился в Киев. С ним ушли дружинники, крестившиеся одновременно с князем в херсонском храме Богородицы Влахернской за городом, поехали священнослужители из Византии, увозя часть корсунских икон, церковных сосудов, утвари, святых мощей, и началась масштабная христианизация Руси.

Впрочем, по поводу места Крещения Владимира существует несколько версий, подсказываемых разнородными и разновременными источниками. Согласно одной, он принял христианство в Херсоне (Корсуне), по другой – в Киеве, причем за два года до завоевания Корсуня, по третьей – в Василькове, недалеко от Киева. Возможно, во всех их есть доля правды, ибо в X в. оглашение и Крещение язычников по константинопольскому ритуалу не проводилось одноактно и одновременно: основному Святому Таинству задолго до этого предшествовала процедура воцерковления через молитвы оглашения, после чего человек считался «некрещеным христианином», а затем следовало первое длительное оглашение, которому сопутствовало обучение в качестве оглашенного первой категории, и второе, короткое, не менее де-

¹ Видеть место крещения князя Владимира в большой базилике-кафоликоне на северном берегу города не приходится, хотя такое мнение стало расхожим и даже проникло в учебники, курсы лекций. Из анализа письменных источников и исторической топографии города явствует, что Уваровская базилика носила название Свв. Апостолов Петра и Павла и не имела отношения к совершенно определенно указанному в летописях месту крещения – храму на площади-агоре посреди города, «где торг вели корсуняне». Этот храм в свою очередь был связан с памятью первого епископа города, Св. муч. Василия (Василия), поскольку на месте его мученической кончины на этой платее (широкой улице или площади) херсониты поставили столп (колонну), по-гречески киону с крестом, о чем сообщает составитель Житий епископов Херсонских. Другим, хотя и менее вероятным для проведения крещения храмом могла стать базилика №28, тоже находившаяся на большой агоре: за ее алтарем находился храм № 29, а не указанные летописцем «палаты», где разместили Анну Порфирогениту.

сяти дней, уже накануне собственно крещения, когда над кандидатом читали заклинания и совершали чин «отрицания сатаны и сочетания ко Христу». Вероятнее всего, Владимир, загодя готовившийся к этому важнейшему событию, прошел полный срок приготовления и крестился с соблюдением всех церковных правил, что должно было служить гарантом искренности и серьезности его намерений. После Крещения он действительно стал совершенно другим человеком, отказался от блуда, прежних жен и наложниц, активно распространял христианство, как и его супруга, Анна Багрянородная, строил церкви и монастыри, так что после смерти был причислен не много не мало к равноапостольным святым.

С помощью присланных по договору Владимиром шести тысяч отличных воинов, которые сформировали Варяжский корпус, Василий II, скорее всего, в конце марта 989 г., ночью переправившись с войсками через море, на азиатский берег к Хрисополю, смог нанести первый удар мятежникам. Страшные секиры полученных в обмен на брак с Анной Порфирогенитой военных союзников – северных великанов, «скифов Тавра», сделали свое дело и беда, стремительно катившаяся к столице, невероятной ценой была наконец отодвинута. Многочисленные несчастья и смертельная для правящей династии опасность миновали. Вскоре, 13 апреля 989 г. Варяжский корпус отличился в разгроме мятежников на равнине вблизи Авидоса, а затем еще долго служил в Болгарии, Грузии, Армении, Сирии и Италии.

В последнем сражении под Авидосом исполина Варду Фоку, решившегося на отчаянный поединок с Василием, сразили то ли инсульт, то ли отравы. Василевс поспешил навстречу врагу, держа в правой руке меч, а в левой – икону Богородицы, но его противник внезапно повернул вспять, спешил с коня и внезапно умер, скорее всего, от действия яда: привычка полководца пить холодную воду перед сражением стала для него фатальной. Его войска в панике бежали. Голова узурпатора была выставлена в Константинополе, чтобы никто не усомнился в его страшном конце. Вскоре другой враг Василия – «негодный старец», усталый, полуслепой Склир, не желая продолжать борьбу, сдался на милость законного василевса, который все же вышел победителем из отчаянной борьбы с буйной малоазийской аристократией. К концу 989 г. спокойствие в Ромейском царстве было восстановлено.

Таким образом, отринувший язычество Киевский князь стал шурином «христианнейших василевсов», отчего он, а значит, и его наследники были включены в круг новых высоких, престижных связей. Теперь император Византии держал себя и вел переговоры с Великим Киевским князем, как равный с равным и по-родственному. Не исключено, что он получил и высокий византийский титул. Об исгниях царской власти можно говорить куда более предположительно. Некоторые историки полагают, что на своих золотых и серебряных монетах Владимир изображен с портретным сходством, – с грозно насупленными бровями, крупным мясистым носом, длинными усами, бритым энергичным подбородком, а голову его увенчивает царский венец-стема с крестом, драгоценностями и свисающими вдоль лица катасестами (пропендулиями). Причем восседает он на троне-престоле и в правой руке держит крест на длинной рукоятке – знак христианской власти, такой же как на печатях и номисмах Василия II и его брата. Так или иначе силой этого креста Владимир поборол и окончательно обновил душу своего народа, уже давно ставшего на путь Крещения, дал воцариться в стране

новой могучей вере, новому закону и обычаям, науке, книгам, храмам. Краткая запись в одной из поздних византийских Малых Хроник свидетельствует, что ромеи отметили факт массового Крещения на Руси уже в 6496 году от сотворения мира, то есть в 988 г. от Рождества Христова, но на эту тему особенно не распространялись ни тогда, ни после, видимо, потому, что христианизаторство не было сколько-нибудь существенной частью византийской внешнеполитической стратегии и пустовавшего в эти годы патриаршьяго престола, да и отнеслись они к происшедшему как к завершению давно свершившегося дела, тянувшегося с перерывами едва ли не со времен князя Аскольда. В конце концов крещенные росы были для них ни чем не лучше таких же крещенных «диких» болгар, ала-нов или венгров, о чем тоже особенно не распространялись, в отличие от куда более важной военной помощи, полученной от тех же росов.

Уничтожение языческого пантеона богов и введение христианства в Киеве состоялось летом 988 г., после взятия Корсуня (скорее всего, между 20 июня и 1 августа). «Митрополия Росия», то есть организационное оформление Церкви, впервые упоминается в византийской епископальной нотиции в конце X в. (не позже 996/997 гг.), а первым достоверно известным главой Церкви Руси стал грек Феопемпт, который занял Киевскую митрополичью кафедру при сыне Владимира, князе Ярославе Мудром. К слову, в XI в. почти все митрополиты Церкви Руси оставались греками и, значит, все же были проводниками имперской политики Византии, которая приравнивала всех христиан к своим подчиненным и, таким образом, сделала из победителя Владимира одновременно и заложника его победы. Как автономная митрополия Русь будет оставаться в зависимости от Константинопольского патриархата еще очень долго – до середины XV в. Московский патриархат будет образован в 1589 г., но и тогда Киевская митрополия останется в подчинении Константинополя.

В течение 989-996 гг. артели «мастеров от греков», в том числе из Херсона, выстроили на Перуновом холме, или холме Ликофорос (Аполлоновом), в Киеве патрональную церковь Св. Василия, а на Старокиевской горе, на территории княжеского детинца, рядом с так называемым Южным дворцом возникла княжеская домовая церковь – видный издавна первый на Руси большой каменный пятикупольный храм, украшенный теми иконами, сосудами, крестами, а может быть, и мраморами, что были привезены из Корсунского похода. Исходя из результатов раскопок, его стали сооружать как базилику, но затем изменили первоначальный простой замысел на более монументальную и защищенную от непогоды, зимних морозов крестово-купольную церковь. Она должна была стать и стала матерью всех храмов Руси. Долгое время здесь служили херсонские священники. Церковь получила сперва имя Св. Климента Римского, мощи которого, доставленные из Херсона, были в ней положены и принимали участие в обряде Крещения народа. Вскоре она была освящена во имя Богородицы Десятинной, поскольку содержалась на установленную князем «десятину», которую получал староста и эконо́м – управитель церкви. Первым из них, по преданию, был назначен «княжеский протопоп» Анастас Корсунянин, которому доведется прожить в Киеве до 1018 г., а потом уйти в Польшу вместе с войсками польского короля Болеслава Храброго, вмешавшегося в междоусобицу наследников покойного Владимира. Примечательно, что первым епископом Новгорода в 996-999 гг. тоже станет корсунянин – Иоаким (Якима), присланный Константинопольским патриархом.

Принятие Русью христианства не сделало ее монархией византийского типа. Слишком сильны здесь оказались пережитки военной демократии, института вожизма. Тем не менее уже в XI в. практически исчезли старые славянские общности, племена, все эти поляне, древляне, кривичи и т. п. На смену им пришли воспринявшие это как свое новое обобщающее имя русы, православные. Свершившееся позволило укрепить, совершенствовать государственную власть и территориальное единство, трансформировать вече, как орган верховной власти, в княжескую думу, отдаленно похожую на византийский синклит, получить статус великой державы и стать наравне с крупнейшими христианскими странами средневековой Европы. На нее перестали смотреть как на неведомую землю варваров.

С принятием Крещения Русь не утратила своей самостоятельности. Она оставалась стратегически равным партнером Ромейского царства, будучи его «духовной дочерью», но не политическим сателлитом. Этому обстоятельству способствовало и то, что между Русью и Византией лежала огромная, опасная половецко-печенежская степь, которая делала невозможным прямые контакты и даже паломничества русов в Романию, к ее святыням, превращала в опаснейшие, труднейшие мероприятия. Впрочем, князья русов особенно и не стремились к дальнейшему сближению на матримониальной почве, за счет браков с василевсами ромеев и их прямыми наследниками. Долгое время после Владимира, – по сути дела, до XIII в., – такие браки больше не заключались. Это было не нужно: Русь сама превращалась в империю, наряду с Ромейским царством и еще больше – Германией становилась той силой, вокруг которой группировался мир того времени. Пошел широкий культурный обмен Киевской Руси с христианскими державами центральной и западной Европы, с так называемыми латинами. Значение этого обмена трудно переоценить. Византия же в лице христианской православной Руси приобрела надежного и уникального союзника, который единственный из всех не ставил цели долговременного овладения Константинополем и никогда официально не посягал на титул василевса.

Особо следует подчеркнуть, что Русь приняла христианство от самой глубокой и сложной культуры и цивилизации, которая тогда была в мире. Нужно было в короткий срок освоить огромный пласт невероятно сложных интеллектуальных текстов, образов, новую систему понятий. Правда, с Византией пришли на Русь не светская культура, а святоотеческая, назидательная, дидактическая литература, масса апокрифов, греческая художественная литература, которую, в отличие от ромеев, стали воспринимать тоже как преимущественно священную. Вообще, наиболее сильное влияние Ромейского царства русы испытали именно в представлении о священном. Даже само общение с письменным текстом стало восприниматься как священное. В искусстве колоссальное влияние приобрела византийская иконопись. Из летописей известно о константинопольских художниках, которые учили первое поколение мастеров-русов, среди них – Алипия Печерского. Все это не могло не сказаться на всем последующем развитии культуры Руси. Ничего подобного на классическом европейском латинском Западе не было и не происходило. Там был путь постепенного просвещения варварских народов. А ситуация с Русью с этой точки зрения выглядит уникально, поскольку в результате принятия христианства Русь перескочила на несколько уровней культурного развития.

?

1. Какой торговый путь связывал Ромейское царство и Русь? Почему он получил такое название?
2. Как вы думаете, почему купцы с Руси, торговавшие в Византии, охотно принимали христианство?
3. Есть ли закономерность между морскими нападениями росов на Византию и заключаемыми мирными торговыми договорами? В чем она выражается?
4. Произведите подсчет участвовавших в морских экспедициях росов, если одно судно было способно вместить 20-40 человек.
5. Какие начальные этапы проникновения христианства на Русь можно выделить в течение IX-X вв.?
6. При каких обстоятельствах произошло Крещение князя Владимира? Почему его нельзя считать делом случая?
7. Чем для Ромейского царства был ценен крымский Херсон?
8. Попытайтесь выстроить связную цепочку из дат, сопряженных с событиями 976-990 гг. Какие этапы можно при этом выделить?
9. Чем можно объяснить почти полное молчание византийских источников о Крещении Руси в конце X в.?
10. В чем видится своеобразие культурного влияния Византии на Русь после ее Крещения? Подумайте, кто больше выиграл от принятия христианства Русью – сама Русь или Ромейское царство?

Внимание, источник!**Из стихов Иоанна Геометра, ромейского поэта второй половины X в.**

Увы, меч разделяет единую некогда семью, отец порывается убить своих сыновей, и сын обагрят десницу отчей кровью, горе нам, горе, брат поднимает секиру против груди брата [...]. А ты, город василевсов, Византион, скажи, до чего ты дошел – город счастья в прошлом, город несчастья в настоящем?! Не дрожишь ли ты ежедневно? Не рушатся ли твои стены? Ведь дети твои, выраставшие в твоих объятиях, одни стали добычей меча в битвах, другие покинули свои жилища и принуждены весь свой век жить, затаив дыхание, на пустынных островах, в ущельях и среди скал [...]. Затмилось солнце, поник блеск месяца [...].

[...] Вижу обезумевшую толпу сынов Амалика¹, останавливающих безвременно путников, вырывающих у голодного последний кусок хлеба и все имущество, слышу стоны и плач мужей, жен и детей, простирающих к небу свои руки.

[...] Вижу дело, достойное воздыханий и плача, – нивы, треснувшие до глубин, зияющие от засухи, поникли колосья, поблекшие и увядшие, точно мертвые. А пахари склонились в трудах над землей и говорят: «Умерла надежда, напрасен наш труд, все гибнет,

¹ Амалик – один из библейских старейшин Идумейских (Бытие, XXXVI. 12-16). Считался родоначальником Амаликитян – могущественного библейского народа, занимавшего страну между Палестиной и Египтом и сражавшихся с царями Израиля. Для ромеев «сыны Амалика» это арабы, по преданию которых Амалик был сыном Хама и внуком библейского Ноя.

все горит... Кто уплатит лежащие на нас тягости долгов? Кто накормит наших жен и детей? Кто внесет подати и прочие повинности в казну кесареву? Нет, никто! Так чего же ты ждешь, земля, возьми уж лучше вместе с пустым колосом и нас – мы не можем далее терпеть голод, мы готовы, лучше уж скорее конец...

Из «Жития Георгия Амастридского» Игнатия Диякона (770/780 – после 845 гг.)

Было нашествие варваров, росов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия как в смертоубийстве, они – этот губительный и на деле и по имени народ, – начав разорение от Пропонтиды¹ и посетив прочее побережье, достигнул наконец и до отечества святого², посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинакового вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, незаконные возлияния и жертвы [...].

Варвар, пораженный этим³, обещал все сделать как можно скорее. Дав вольность и свободу христианам, он поручил им и ходатайство перед Богом и перед святым. И вот устраивается щедрое воззвание светильников, и всенощное стояние, и песнопение; варвары освобождаются от божественного гнева, устраивается некоторое примирение и сделка их с христианами, и они уже более не оскорбляли святыни, не попирали божественных жертвенников, уже не отнимали нечестивыми руками божественных сокровищ, уже не оскверняли храмы кровью. Один гроб был достаточно силен для того, чтобы обличить безумие варваров, прекратить смертоубийство, остановить зверство, привести [людей], более свирепых, чем волки, к кротости овец и заставить тех, которые поклонялись рощам и лугам, уважать Божественные храмы. Видишь ли силу гроба, поборовшего силу целого народа?

Продолжатель Феофана (около 950 г.) о нападении росов на Константинополь 18 июня 860 г. и их последующем обращении

Потом набег росов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли, сам Понт Евксинский предали огню и оцепили город (Михаил в то время воевал с исмаилитами). Впрочем, насытившись гневом Божиим, они вернулись домой – правивший тогда Церковью [Патриарх] Фотий молил Бога об этом, – а вскоре прибыло от них посольство в царственный город, прося приобщить их Божьему Крещению. Что и произошло.

«Память на апостола Фому» Симеона Метафраста (X в.) как пример тактики византийского миссионерства

[...] С таким настроением и образом жизни он (Фома) оказался среди индов, и вскоре слава о нем достигла самых отдаленных (частей этого) народа. Когда [Фома] увидел, что ими владеют предрассудки, иссушающие самые глубины их души, он не сразу кинулся

¹ Мраморного моря.

² Епископа Георгия, то есть Амастриды.

³ Чудесными знамениями у гробницы Св. Георгия Амастридского.

обличать, не прибег к упрекам, решил не пользоваться таким снадобьем как суровость. Ведь он знал: то, что укреплено в наших душах долгой привычкой, нелегко поддается уничтожению, но скорее изменяется под воздействием убеждения, нежели силы. Поэтому он больше прибегал к мягкости, доброй манере и приятным словам. Он являл им свое величие и достоинство не с помощью высокомерия, напыщенности и велеречия, но делами и знаменами, весьма украшенный смиренномудрием, этой отличительной чертой Христа. Поэтому он предпочитал вести к богопознанию тем, что сам вызывал удивление своими делами, был доброжелателен и умерен в мыслях – этим-то он и внушал уважение индам. Они принялись расспрашивать его, кто он, какого рода, какая у него вера и чего он хочет. [Фома] же, имея внутри себя учителем Христа, мягко и скромно отвечал, что родом он из иудеев, ученик великого Моисея, того самого Моисея, что беседовал с Богом, а кроме того, он ученик Христа, который явился для спасения мира и который пришел объявить о вечной жизни и спасении душ; те, кто поверят в это, станут причастниками неиссякаемых благ. Вдобавок к этому он рассказал обо всех чудесах, связанных с нисхождением Христа и Бога Слова и Его земным существованием; и о самих Страстях, которые многим кажутся позорными, и о Силе Воскресения и восхождении на небо. Он говорил: «Я назначен Его учеником и помошником, возвестителем о чудесах, вестником и благовествователем о Его богомужском домостроении. Провозглашая Его человеколюбие по отношению к людям и безмерную к ним жалость, я дошел до вас свободными ногами. Я был причастником Его тайн и слугой, и собственными глазами убедился в том, что говорю. Я не [тащу] силой тех, кто отказывается, но принимаю в объятия тех, кто добровольно поверил».

**Константин VII Багрянородный
в трактате «Об управлении империей» (948-952 гг.)
о херсонцах**

Кн. 53. [...] Если жители крепости Херсон когда-либо восстанут или замыслият совершить противное царским повелениям, должно тогда, сколько найдется херсонских кораблей в столице, конфисковать их вместе с содержимым, а моряков и пассажиров – херсонитов связать и заключить в работные дома. Затем должны быть посланы три василика: один на побережье фемы Армениаки, другой – на побережье фемы Пафлагония, третий – на побережье фемы Вукеларии, чтобы захватить все суда херсонские, конфисковать и груз, и корабли, а людей связать и запереть в государственные тюрьмы и потом донести об этих делах, как их можно устроить. Кроме того, нужно, чтобы эти василики препятствовали пафлогонийским и вукеларийским кораблям и береговым суденышкам Понта переплывать через море в Херсон с хлебом или вином, или каким-либо иным продуктом, или с товаром. Затем также и стратиг должен приняться за дело и отменить десять литр, выдаваемых крепости Херсон из казны, а затем стратиг уйдет из Херсона, отправится в другую крепость и обоснуется там.

[Знай], что если херсониты не приезжают в Романию и не продают шкуры и воск, которые они покупают у пачинаков (печенегов), то они не могут существовать.

[Знай], что если херсониты не доставляют зерно из Амиса, Пафлагони, Вукелариев и со склонов Армениаков, то не могут существовать.

Житие князя Владимира особого состава (70-е гг. XI в.) о взятии войсками русов Корсуня

[...] Князь же Владимир, быстро собрав своих воинов: варягов и словен, и кривичей, и черных болгар, пошел на Корсунь, греческий город. И затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города в лимане, на расстоянии полета стрелы от города¹. И крепко сражались горожане. И сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, буду стоять здесь три года и более». Они же не послушали его. И стоял Владимир под городом шесть месяцев; и не истомились корсунцы от голода. Был же в Корсуне муж-варяг, по имени Жъдеберн. Он же пустил стрелу в полк к варягам и крикнул: «Донесите стрелу эту князю Владимиру». Написал же на стреле следующее: «Княже Владимир, приятель твой Жъдеберн великое влечение имеет к тебе, но о том тебя извещаю: хотя будешь стоять ты со своей воинской силой под городом год или два, или три, не сможешь ты голодом истощить Корсуня, ибо корабельщики приходят путем подземным с питьем и кормом в город. Путь же тот находится на восток от расположения твоих войск»².

Князь же Владимир разведал этот путь и приказал его перекопать. И люди корсунские изнемогли от голода и водной жажды и через три месяца сдались. И вошел Владимир в город и дружина его [...].

Летописный свод «Повесть временных лет» (начало XII в.) о Крещении Киевского князя Владимира

[...] В 6496 (988) году пошел Владимир на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир: «Если не сдадитесь, то простою три года». Они же не послушались. Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда подсыпали они, корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю и носили ее на себе в город и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, крещусь!» И тотчас же повелел копать на перерез трубам и перенял воду. Люди изнемогали от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный. Слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу!» И, услышав это, отчаялись цари. И послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников; если крестишься, то ее получишь, и царство небесное воспримешь, и с нами единовверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша, мужи» [...] И послушались цари,

¹ «Лиман» вполне соответствует Стрелецкой бухте, которая расположена в 300 метрах по прямой к северо-западу от города.

² В оригинале источника – «земляной путь». Речь могла идти о дороге, ведущей к периволу городу вдоль Карантинной бухты под прикрытием Девичьей горки. В этом случае она действительно находилась к востоку от лагеря русов, расположенного около Стрелецкой бухты.

и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти, говоря: «Иду как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же если не пойдешь, то сделают и нам то же, что в Корсуні». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате [...]. По Божественному Промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего. И скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избуешься недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас прозрел же он. Ощувив свое внезапное исцеление, Владимир прославил Бога: «Теперь узнал я Бога истинного». Многие же из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуні посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит у края церкви и до наших дней, а царицына палата – за алтарем. По Крещении же Владимира привели царицу для совершения брака¹. И не знающие же истины, говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят в Васильеве, а другие и по иному скажут [...].

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его², взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе. Поставил и церковь в Корсуні на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит та церковь и доныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней³, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы⁴ и про которые невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено⁵ за царицу, а сам вернулся в Киев.

[...] Затем жил Владимир в христианском законе и задумал создать церковь Пресвятой Богородицы, и послал привезти мастеров из греческой земли. И начал ее строить и когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней Корсунских священников [...].

¹ Скорее всего, Владимира и Анну венчал присланный из Константинополя иерей или архиепископ Херсонский, поскольку в 988-989 гг. киевская митрополичья кафедра была не занята, а митрополит Иоанн появился на ней не раньше 990 г.

² Речь идет о части особо почитаемых, в 861 г. разысканных с помощью Константина Философа мощах, которые считались принадлежащими одному из первых христианских мучеников, римскому епископу Клименту, обретшему смерть в херсонской ссылке в 101 г., и его ученику Фиве, присутствовавшему при этой мученической смерти.

³ Очевидно, античные статуи, сохранившиеся на агоре византийского Херсона.

⁴ Киевская каменная церковь Св. Климента Римского или Богородичная, она же Десятинная, которая была выстроена в к 996 г. и поручена Владимиром Анастасу как старосте, эконому-управителю. Название Десятинная объясняется тем, что князь дал новому храму, который должен был стать матерью всех церквей Руси, «от имени и от град своих десятую часть», «и владыку десятину Настасу Корсунянину». Имеется гипотеза о том, что это мог быть все тот же варяг Ижберн, в крещении – Анастатас. Это предположение снимает противоречие между сведениями Жития Владимира и Повести временных лет.

⁵ Брачный выкуп.

**Из «Хроники» саксонского епископа Титмара Мерзебургского (ок. 975-1018 гг.)
о князе Владимире и его правлении**

VII. 72. Продолжу рассказ и коснусь несправедливости, содеянной королем Руси Владимиром (rex Ruscorum Wlodemirus). Он взял жену из Греции по имени Елена¹, ранее посватанную за Оттона, но коварным образом у него восхищенную². По ее настоянию он (Владимир) принял святую христианскую веру, которую добрыми делами не украсил, ибо был великим и жестоким распутником и учинил большое насилие над изнеженными данайцами³. Имея троих сыновей⁴, он дал в жены одному из них⁵ дочь нашего притеснителя герцога (dux) Болеслава⁶, вместе с которой с поляками был прислан Рейнберн, епископ Колобжегский⁷ [...]. Упомянутый король [Владимир], узнав, что его сын по наущению Болеслава намерен тайно против него выступить, схватил того [епископа] вместе с этим [своим сыном] и [его] женой и заключил каждого в отдельную темницу. В ней святой отец, прилежно восхваляя Господа, свершил втайне то, чего не мог открыто⁸ [...].

VII. 73. ...Сей епископ, обретший в двоякой непорочности (телесной и духовной), прибежище на небесах, смеется над угрозами беззаконника, созерцая пламя возмездия, терзающее этого распутника, так как, по свидетельству учителя нашего Павла, Господь наказует прелюбодеев. Болеслав же, узнав обо всем этом, не переставал мстить, чем

¹ Здесь ошибка хрониста – греческую царевну, дочь покойного Романа II и августы Феофано, звали Анна. У нее была старшая сестра, возможно, именем Елена.

² Речь идет о сыне императора Священной Римской империи, Оттоне, которого его отец, Оттон I Великий в 967 / 968 г. сватал за Анну (Елену?), но получил категорический отказ ее отчима, василевса Никифора II Фоки. Последний заявил послу императора, епископу Лиутпранду Кремонскому, которого оскорбительно плохо принял в Константинополе, что Оттон всего лишь варварский король, по сути дела, не римлянин, а лангобард, и он не собирается отдавать ему в качестве приданого порфирородной принцессы южноиталийские владения Ромейского царства. Это стало причиной войны между Германией и Византией на юге Италии. В итоге Оттон I был вынужден удовлетвориться Феофано, племянницей василевса Иоанна I Цимисхия, преемника Никифора Фоки, то есть просто одной из родственниц правившего императора, а не законной «багрянородной» представительницей правившей Македонской династии. По византийским понятиям, брак «порфирогениты» с «варваром», не ромеем, был немислим.

³ «Данайцами» (Danai) ученый хронист на античный манер называет греков (ромеев). Распутство, «женолюбство» Владимира подтверждают летописцы: «И был он ненасытный на блуд, и, приведя к себе замужних жен и девушек, он растлевал их» (Ипатьевская летопись). Едва ли это можно трактовать только как отражение сакральной силы и энергии князя, который представлялся летописцу как библейский прототип женолюбивого царя Соломона.

⁴ В действительности, если следовать летописной «Повести временных лет», у Владимира было 12 сыновей от пяти жен (Рогнеда, дочь Рогволда Полоцкого, «грекия» брата Ярополка, «чехия», «болгарыня») и 800 наложниц, в том числе старший Вышеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Борис, Глеб, Святослав, Всеволод, Мстислав.

⁵ Святополку (981 – после 1015 гг.), в крещении Петру, князю Турова, земли которого граничили в Польше. Брак был заключен между 1008-1012 гг.

⁶ Княжну Болеславну (ок. 991 – после 1018 гг.), дочь польского короля Болеслава Храброго (992-1025 гг.), с которым воевали немцы.

⁷ Колобжег, город в польских землях на балтийском побережье, а также одно из трех епископств (другие два – Краков и Вроцлав), образованных в Польше в 1000 г. стараниями германского императора Оттона III (983-1002 гг.).

⁸ Имеется в виду смерть Рейнберна в заключении в Киеве, которую Титмар представляет как мученическую кончину: его пытали и он дал показания об измене Святополка, ибо знал о ней, будучи духовником жены князя, Марины. «Открыто» стать мучеником первому Колобжегскому епископу не удалось в своей епархии, откуда он был изгнан в результате языческого восстания.

только мог. После этого названный король умер в преклонных летах¹, оставив свое наследство двум сыновьям², тогда как третий³ до тех пор находился в темнице; впоследствии, сам ускользнув, но оставив там жену, он бежал к тестю.

VII. 74. Упомянутый король [Владимир] носил венерин набедренник, усугублявший [его] врожденную склонность к блуду. Но Спаситель наш Христос, заповедав нам препоясывать чресла, обильный источник губительных излишеств, разумел воздержание, а не какой-либо соблазн. Услышав от своих проповедников о горящем светильнике⁴ (Лука 12, 35), названный король смыл пятно содеянного греха, усердно творя щедрые милостыни. Ибо написано: подавайте милостыню, тогда все будет у вас чисто. Он долго правил упомянутым королевством⁵, умер глубоким стариком и похоронен в большом городе Киеве (Cuiewa) в церкви мученика Христова папы Климента⁶ рядом с упомянутой своей супругой – саркофаги их стоят посреди храма⁷. Власть его делят между собой сыновья, и во всем подтверждается слово Христово, ибо, боюсь, последует то, чему предречено свершиться устами нелживыми – ведь сказано: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет [...]»⁸.

?

1. Как вы думаете, о каких несчастьях ромеев печалился Иоанн Геометр, с чем конкретно они могли быть связаны?
2. На какие приемы византийских миссионеров X в. указывает текст Симеона Метафраста о проповеди апостола Фомы в Индии?
3. Какие меры советовал предпринимать Константин VII в случае непокорности херсонцев? Почему они были эффективны?

¹ Владимир умер в своей пригородной резиденции в Берестове 15 июля 1015 г. в возрасте 53 лет или чуть старше, но с точки зрения людей его времени это был уже преклонный возраст.

² Трудно сказать, кого имеет в виду Титмар. Владимир собирался передать престол в Киеве Борису. Из других видных князей можно выделить древлянского князя Святослава, Ярослав в Новгороде и Мстислава в *Тмутаракани*.

³ Святополк.

⁴ То есть о воздержании и ожидаемой награде по пришествии Спасителя Иисуса Христа. Титмар едва ли не дословно цитирует слова евангелиста Луки (12: 35-40).

⁵ Почти 37 лет, с 978 г. – после войны со старшим братом Ярополком за Киевский престол, а до этого как князь Новгорода.

⁶ Имеется в виду церковь Богородицы Десятинной, в придел которой была положена вывезенная Владимиром из византийского Херсона глава св. муч. Римского папы Климента.

⁷ Согласно древнерусской Повести временных лет, «цесарица» Анна умерла на несколько лет раньше Владимира, в 1011/1012 г., но византийский авторитетный хронист Иоанн Скилица (после 1040 – первое десятилетие XII в.) в своем сочинении «Обзор истории», где писал о событиях с 811 до 1057 г., ошибочно отнес ее смерть к 1020 г.: поздней осенью 1018 г., когда Титмар писал со слов очевидца, она уже покоилась в каменном гробу посреди Десятинной церкви. Необычное для светских погребений расположение саркофагов в центре храма должно было подчеркнуть особое значение усопших: в Ромейском царстве так чтили мощи особо почитаемых святых, да и то далеко не всех.

⁸ Подозрения хрониста скоро оправдались: Святополк, человек действия, по примеру князя Владимира начал борьбу с братьями за власть, с согласия Киевского митрополита провозгласил себя великим князем, уничтожил Бориса, Глеба и Святослава, призвал на помощь печенегов и поляков. Но из усобицы победителем в конечном итоге вышел Ярослав, который остался в истории с прозвищем Мудрый. Святополк, вошедший в историю «как Каин» (отсюда Окаянный), умер, вероятно, в 1019 г. в бегах, где-то между Чехией и Польшей.

4. Что общего в рассказах агиографов о нашествии варваров на Амастриду и Сугдею и о чем это может говорить?
5. Как свидетельства Продолжателя Феофана о росах объясняют слова Патриарха Фотия о том, что этот народ стал дружелюбен и знаменит?
6. Сравните рассказы об обстоятельствах взятия Корсуня в источниках. В чем они совпадают и в чем расходятся? Как вы думаете, почему?
7. Какие моменты в сведениях Корсунского летописного рассказа о Святом Крещении князя Владимира представляются достоверными, а какие вызывают сомнения?
8. В чем обвиняет и как оправдывает правителя Руси Владимира Титмар Мерзебургский и насколько справедливы эти обвинения и оправдания?

§ 15. Эпоха раскола и интриг

Большая часть XI столетия византийской истории оказалось заполнена смутами и мятежами. Явными стали скрытые противоречия между интересами все более крепнувших самостоятельных магнатов – землевладельцев и правящей политической элиты государства, столичной чиновной знати. Теперь речь шла о том, какая аристократическая группа – гражданские чиновники или военные аристократы – получит преобладание и превратит царскую власть в свое орудие. В ходе этой борьбы за 56 лет (с 1025 по 1081 г.) на престоле сменилось тринадцать василевсов. «Склонность захватывать корону, – по словам немецкого византиниста Франца Герцберга, – превратилась в настоящую эпидемию».

На западных границах Ромейского царства появились новые опасные враги – норманны в южной Италии, а на востоке пробовали свои силы агрессивные новообращенные мусульмане, кочевники сельджуки, а правильнее, – *сельчуки* – *туркмены*, пришедшие из иранской Средней Азии и постепенно захватившие две трети Малой Азии (Карта 5). В Сирии и Месопотамии продолжались почти непрерывные войны с арабами, но и они стали теперь не всегда успешными для ромеев. Чтобы снизить враждебность армянской знати, потерявшей к тому времени самостоятельность, василевсам приходилось идти на предоставление ей титулов и поместий в Малой Азии.

Значительно ухудшилась ситуация на Балканах, где прежде податливые сербы теперь начали борьбу за независимость и добились значительных успехов. Завоевание Болгарии вплотную приблизило Ромейское царство к задунайским кочевым ордам. На Дунайских рубежах не дававших покоя печенегов (пачинакитов византийских источников) сменили к концу столетия *половцы*, они же – куманы, команы, или кипчаки. Между тем бывшая армия Империи ромеев исчезла. Расходы на нее были радикально сокращены, а число заморских вероломных наемников-иноземцев заметно росло. Все прежние структуры Ромейского царства, включая фемные войска, вступили в стадию кардинальных изменений, реформирования. Росла напряженность между ромеями и народами подчиненных территорий – славянами Болгарии, лангобардами Италии, армянами, сирийцами.

Будто мрачная тень этих несчастий, нараставшее взаимное политическое отчуждение «латинов» и «греков», острое соперничество между главами Вселенской Христианской Церкви стало необратимым и завершилось «великой схизмой», разделением Церкви на западную с центром в Риме и восточную – в Константинополе. Недаром Георгий Острогорский оценил роковой XI век с его потрясениями как «...поворотное время, с которого начинается закат Византии».

Перевороты и трагедии

Вскоре после ухода из жизни такой мощной фигуры как Василий II Болгаробойца, сумевшего на некоторое время обуздать вельможную аристократию, в истории Царства ромеев началась непрерывная, уже никем не сдерживаемая борьба между конкурирующими служилой гражданской столичной и военной провинциальной знатью за экономические интересы, а значит, и за императорский престол. Успех и процветание первой обеспечивала служба в правительственном аппарате Византийской империи, особенно права получения государственных налогов и сборов. Главным источником богатства провинциалов, этого военного класса, наслоившегося на городских администраторов, стали накопленные ими драгоценности, золото, а также поместья и пронии с работавшими в них крестьянами. Вместе с тем и те, и другие были объединены в общую иерархию, на вершине которой находился василевс.

Борьба шла за контроль над ресурсами, распределение государственных доходов между столичной знатной бюрократией и богатыми, влиятельными землевладельцами, военными, которым тоже случалось занимать господствующее положение в некоторых секторах государственного управления. Часто враждовавшие группировки знати, в числе которых были представители аристократических семейств высших рангов, укрепившихся к XI в., те, кого называли «благородные», «люди добрых родов», делали ставку на недовольство народных масс непомерными налогами, произволом и коррупцией чванливых чиновников, засильем то и дело менявшихся фаворитов венценосцев. Альковные интриги, скандалы подчас перерастали в политические бури, колебавшие трон. Престола пытались достигнуть в основном тремя путями – жениться на особе царской крови, быть усыновленным ею либо совершить военный переворот, то есть фактически захватить власть в государстве, создав новую аристократическую систему правления, основанную на родственных и дружеских, по сути, клановых связях.

Женившийся на 50-летней гордой, избалованной принцессе Зое, дочери слабохарактерного, беспутного Константина VIII и племяннице сурового Василия Болгаробойцы, бывший эконо́м Великой церкви и епарх столицы, 60-летний синклитик, слабовольный император Роман III Аргир (1028-1034 гг.) тоже предоставил знати право влиять на дела государства. Он даже пытался воевать на Востоке, но не всегда удачно. Задумав изгнать Мирсадисов, незначительных, как ему казалось, арабских эмиров сирийского Алеппо, Роман Аргир потерпел от них поражение и сломя голову бежал с поля боя. Правда, в 1031 г. положение удалось поправить, отвоевав Эдессу, крупный город Месопотамии с зажиточным сирийским и армянским населением.

Страсть этого императора к гигантским стройкам вылилась в создание невообразимо грандиозного, устрашающего своим видом столичного монастыря с огромным количеством монахов и церкви во имя Богоматери

Перивленты (Восхитительной), что едва не стало поводом к бунту выведенных из терпения константинопольцев, видевших на какие излишества уходят собранные баснословные налоги.

Среди всех этих многотрудных дел василевс приблизил к себе странную и зловещую фигуру – выходца из Пафлагонии, монаха-евнуха Иоанна Орфанотрофа – главу столичного сиротского дома, человека беспринципного, жестокого, своевольного, при том весьма способного и трудолюбивого. Он происходил из семейства менялы, имел еще четырех братьев, одного из которых, исключительно красивого 19-летнего юношу, хотя и страдавшего эпилепсией, ему удалось сделать любовником страдающей от скуки, престарелой императрицы Зои. Добиться этого было не трудно, учитывая страстную любвеобильность августы и то обстоятельство, что Роман Аргир своей супругой стал откровенно пренебрегать, завел любовницу и даже стеснил в средствах на содержание. Не мудрено, что вскоре больного старика – царя верные Зое и Иоанну Орфанотрофу слуги утопили в бане и уже на следующий день вдова обвенчалась со своим молодым любовником, который занял трон как Михаил IV Пафлагон (1034-1041 гг.).

Когда дело было достигнуто, новый василевс потерял интерес к своей пухлой низкорослой жене, которая отличалась на редкость белоснежной кожей без морщин, но при все своем благородстве была слишком стара, чтобы произвести на свет потомство. Тем более, самому новоиспеченному императору, хотя он и управлял достаточно мудро, умело и даже стал храбрым полководцем, жить оставалось недолго – болезнь, включая водянку, и приступы эпилепсии прогрессировали. Из красавца он превратился в уродливое, обрюзгшее создание с полупарализованными, чудовищно раздувшимися, пораженными гангреной ногами, и помыслы его были направлены, главным образом, на поиски прощения грехов и умилоствления Божьего гнева.

*И тогда, дабы не потерять возможность управлять государством, своекорыстный ловкач Орфанотроф добился у старой, глупой, легковерной императрицы усыновления другого Михаила, сына своей сестры и некоего, Стефана Калафата, захудалого деревенщины, который начал свою карьеру друнгария флота с простого конопатчика-калфата в порту. Однако, на сей раз привычная схема дала сбой. Придя к власти после страшной и мучительной смерти Михаила IV, племянник, сам отъявленный лжец и прожженный интриган, решил избавиться от не в меру прыткого дяди-махинатора, отправив его в ссылку, а заодно, для пуццы верности искалечил других своих родственников, оскотив их. Новым стало то, что, пренебрегая синклитом, «людьми вельможными», пугая их «грозными речами», он, если верить очевидцу происходившего, царскому асикриту **Михаилу Пселлу**, «...привлек к себе избранный городской люд», то есть сделал ставку на верхи торгово-ростовищических кругов Константинополя, стал давать их представителям должности. Самое главное – «худородный выскочка» с помощью лже-свидетелей обвинил свою нареченную мать, Зою, в покушении на его жизнь, приказал срезать ей волосы и услад в монастырь на остров Принкипо в Мраморном море – признанное место ссылки для дам царских кровей. Это был уже явный перебор. Наглец вызвал взрыв негодования Церкви, придворных аристократов, лишенных новым василевсом привилегий, а также широких*

слоев столичного населения, недовольство которого уже давно подогревалось податным гнетом.

Через четыре месяца, весной 1042 г. в Константинополе вспыхнуло грандиозное восстание. Низы горожан – «рыночный народ» бурно вмешались в борьбу за власть между сторонниками нового безродного царя Михаила V Калафата¹ и его приемной матерью Зоей, вдовой Михаила IV. Имя этой последней настоящей порфирородной царицы, представительницы Македонского дома, олицетворяло собой время расцвета и могущества Ромейского царства, законную власть. Оно стало символом борьбы за перемены к лучшему.

Через неделю после Пасхи, 19 апреля 1042 г., стали оглашать безропотно поддержанный синклитом указ Михаила V об отречении Зои от престола и о ее ссылке. В многотысячной толпе, собравшейся на форосе Константина, недовольно зашумели, вдруг раздались решительные выкрики: «Не желаем Калафата, крест поправшего, василевсом! Хотим законную нашу наследницу, матушку Зою!» В едином порыве сотни голосов слились в грозный вопль: «Поломаем кости Калафату!» Гул, будто от конского топота, долетел до отдаленных галерей царского Дворца. На улицах Константинополя вспыхнул открытый бунт, – завязалось настоящее трехдневное сражение между восставшими и правительственными войсками, наемниками, унесшее около 3000 жизней. Воины стреляли из луков и метали дротики, пытаясь отстоять Дворец и разогнать бунтовщиков. Однако это им плохо удавалось: озверевшими людьми, по словам Михаила Пселла, «...словно обуюла какая-то высшая сила, все носились, как бешенные». Построившись по отрядам, толпа сметала все на своем пути. Ситуацию не исправило даже возвращение в Константинополь Зои и попытка представить ее вместе с напуганным Михаилом Калафатом в кафисме Ипподрома. Разгромив и разграбив многие красивые, роскошные дома вельмож, царских родичей, восставшие – впервые в истории Ромейского царства – взяли штурмом Священный палатий василевса! Они бросились растаскивать все, что попадалось под руку, попутно уничтожая ненавистные налоговые списки. Толпа на радостях плясала на улицах и слагала песни о происшедшем.

Пытавшийся найти защиту у алтаря в Студийском монастыре, судорожно дрожащий Михаил V, несмотря на рыдания и мольбы, был ослеплен вместе со своим дядей, новелисимом Константином, а для верности подвергнут еще и **пострижению** в монахи и ссылке на эгейский остров Хиос. Причина его поражения заключалась в том, что круги, на которые он ориентировался, были слабы по сравнению с главными «политическими игроками» – силами, представленными столичной чиновной бюрократией и оппозиционной военной аристократией. Именно они воспользовались плодами переворота, вернули на трон 64-летнюю Зою и впридачу к ней еще более старую Феодору, хотя обе сестры люто ненавидели друг друга. Разумеется, пришедшие к власти честолюбивая, порывистая, похотливая, попросту неумная, крайне расточительная, склонная к интригам, приземистая, пухлая императрица и ее окруженная

¹ Калафат – в переводе с греческого «конопатчик». Так прозвали Михаила склонные к насмешке константинопольцы.

эктомами-евнухами, болтливая, скупая, высокая и худая, с непропорционально маленькой головой, мрачная старая дева – коронованная сестра, хотя и пытались навести порядок в администрации, руководили страной, мягко говоря, плохо. Детей у них не было и по возрасту уже и быть не могло, а разногласия не способствовали столь желанной стабильности. Поэтому было предложено найти им мужа, который возьмет дело в свои руки. Феодора напрочь отказалась от такого варианта, поскольку приняла «политическую смерть» – монашеский постриг, но идею поддержала продолжавшая мечтать о браке неугомонная, любвеобильная Зоя, вспомнившая об одном из синклитиков, своем фаворите, Константине из древнего, благородного, богатого семейства Мономахов, семь лет назад сосланном Орфанотрофом на остров Лесбос.

В итоге новым хозяином Большого императорского дворца по требованию синклита вскоре стал очередной, уже третий по счету муж императрицы Зои, жизнелюбивый, элегантный, утонченный красавец Константин IX Момах (1042-1055 гг). Василевс, щедрый, добродушный шутник, был на двадцать лет моложе своей не в меру молодящейся жены и имел стойкую репутацию дамского угодника. Вскоре к негодованию константинопольцев, он закрутил шашни со своей бывшей любовницей, племянницей его второй жены, умной, красивой Склиреной, внучкой старого Варды Склира, причем снисходительная Зоя не препятствовала этой вопиющей связи. Лишь смерть Склирены, в 1044 г. умершей от легочной болезни, разрушила эту «семью на троих». В 1050 г. Константин потерял и старушку Зою, которую неумеренно, показно оплакал, чтобы в оставшиеся пять лет жизни никогда больше не печалиться. Вообще, слабовольный император страдал ненасытной жаждой удовольствий, легкомысленных развлечений и, абсолютно безответственный, пренебрегал делами, не забывая лишь, как и его предшественник, жесточайше взыскивать поборы и осыпать невероятно щедрыми дарениями – *апокомбиями* церкви, особенно Св. Софию, где благодаря этому перешли с воскресного на ежедневное литургическое богослужение. По словам Михаила Пселла, такое поведение сменявших друг друга правителей стало «причиной болезней в то время еще здорового государства», хотя на самом деле все было гораздо сложнее, чем неумелая расстановка кадров, налоговые «хитрости», безудержное мотовство, расточительность, легкомыслие и пагубные привычки недалеких императоров и императриц.

В итоге в течение почти всей второй четверти XI в. позиции василевсов слабели, а высшая столичная гражданская знать, которой автократы передоверили заботы, занимала ключевые позиции в управлении Ромейским царством. Из их рядов вышли такие возвысившиеся, богатые знатные семейства как Кируларии или Макремволиты. Они заполучили власть над правительственной машиной и наплодили множество государственных постов, зачастую дублирующих функции друг друга. Пытаясь лишить своих политических противников преимуществ, правящая чиновная аристократия опустошала казну «до последней монетки» и вместе с тем зверски преследовала налогоплательщиков – должников казны, лишала многие церкви и монастыри государственных продовольственных субсидий (*опсония*), узурпировала право суда. Попыткой спастись от экономического кризиса стало девальвирование номисмы, а это лишило ее статуса международно признанной валюты, каким она обладала столько веков.

В борьбу за власть включились и такие аристократические, магнатские семейства, которые были связаны с военной службой и извлекали выгоды из своего участия в военных действиях. Среди них выделяются те, кого ромеи называли «македонцы». В свое время они сражались с болгарами и обосновались в Адрианополе. Диогены, Даласины, Мелиссины, **Вурцы**, Тарониты участвовали в столкновениях и с мусульманами. Многие из них были армянского происхождения и представляли целые кланы с их свитами и клиентами. Все они приняли участие во множестве бунтов, ослаблявших Империю.

Но особенно опасной стала политика сокращения расходов на армию и ее численности. Правители Ромейского царства делали это не только потому, что были не в состоянии нести расходы на армию военного времени, но еще больше потому, что боялись усиления влияния военной провинциальной элиты. Вреда такой политики не понимала и сама недовольная провинциальная элита, озабоченная, как правило, лишь своим положением и взаимоотношениями с правящим василевсом. Прежнего мира и стабильности, достигнутого к концу правления Василия II, уже не было, враги вновь стояли у границ, а стратиотам легкомысленно разрешали откупаться от военной службы. Ликвидация крестьянских и стратиотских фемных наделов шла с огромной быстротой, что негативно отражалось на оборонной и податной силе страны.

Кроме того, византинисты отмечают, что большие достижения в военном деле и громкие успехи второй половины X – первой четверти XI вв. имели оборотную сторону. Они создали у ромеев иллюзорное ощущение безопасности, которое способствовало распространению пацифизма и презрения к армии среди гражданского населения. Даже установление безопасности на море, достигнутое к XI в. долгими усилиями, теперь сыграло роковую роль. Византийцы перешли на использование торгового флота, представив праздно гнить грозным дромам. В итоге оказался значительно уменьшен военно-морской флот, былая слава Ромейского царства. Это было преступным неразумием, поскольку впоследствии он так и не восстановился после регресса и поэтому не смог соперничать с набиравшими мощь флотами итальянских городов. В подобных случаях страна всегда платила высокую цену за свою беспечность.

Фемными ополчениями слишком долго пренебрегали в пользу регулярных войск. В силу этой и других причин социально-экономического характера фемные армии прекращали свое существование, а фемы теряли военный характер, превращаясь в гражданские административно-территориальные, фискальные округа. Само название «фема» в правление Константина Мономаха начинает выходить из употребления и теряет свой прежний смысл. Теряет свои полномочия и стратиг фемы. Его должность теперь носит сугубо гражданский характер. Фемной армии, по крайней мере, как фундамента военных сил Империи ромеев, больше не существовало. Фемного войска теперь не хватало даже для пограничной и гарнизонной службы, тогда как системы регионального управления и командования, известные как пограничные дукаты и катепанаты, годились больше для мобилизации, сбора и организации армий вторжения на неприятельскую территорию, но не могли самостоятельно отражать вражеские удары по внутренним областям страны.

Одновременно вместе с упадком фемного ополчения появляются личные дружины местных владетелей. В подобные «этерии» могли входить вооружен-

ные слуги, парики, земляки, родичи, некоторые из которых получали от хозяина не только плату, но и землю. Иногда такие «сеньоры», опираясь на собственное войско, добивались доминирования в одной или нескольких провинциях и сохраняли определенную самостоятельность от византийского правительства. Окончательно разваливается вся система, на которой столетиями держалось византийское могущество. Талантливых и популярных среди народа полководцев, как потенциальных соперников, василевс не терпел и старался сместить с должности или сослать на окраины Империи. Их место занимали случайные люди – иноземцы, экомы-евнухи, монахи, причем нередко ничего не смыслящие в военном деле. Легкомысленный и беспечный, Константин IX Мономах не умел оценивать качества людей при подборе кандидатов на руководящие должности, вел неудачную внешнюю политику и дипломатию. Неудивительно, что все стремительно катилось в пропасть.

*1042 г. ознаменовался еще одним восстанием, которое вспыхнуло в византийской армии. Возглавил мятеж не очень знатный, но искусный полководец и крупный малоазиатский землевладелец, патрикий **Георгий Маниак**, возможно, арменизированный тюрк из числа тех, что встречались среди знати Византии и совершали карьеру от низшей до верхней ступени. По описанию современника, он отличался огромным ростом «... так что на него нужно было смотреть снизу вверх, как на колонну или вершушку горы», и лвиной силой, способной «...колебать стены и разбивать медные двери». Ядром дружины этого властного силача с громовым голосом и грозными бровями стали профессиональные наемники – норманны, лангобарды. Опираясь на столь превосходное войско, Георгий достиг заметных успехов в борьбе с арабами в Малой Азии. В 1032 г. ему удалось отвоевать крупный и важный город Эдессу в Месопотамии, потерянный в VII в. За эту блестящую победу он был назначен катепаном. Затем в 1038 г. его направили освобождать Сицилию, которую мусульмане удерживали уже два столетия. Там полководец сумел захватить восточную часть острова, в том числе важнейшие, крупнейшие греческие города – Сиракузы и Мессину, контролировавшую переправу с острова. Позже ему же удалось навести порядок в южной Италии и приструнить даже здешних, служивших ему норманнских вождей, с которыми он обращался совершенно бесцеремонно, порой отбирая у них военную добычу. Ужасы, которые при этом творил Маниак с местным населением, трудно передать. Мужчин и женщин, монахов и монахинь, юношей и стариков убивали без разбора: кого вешали, кому рубили голову, детей закапывали заживо.*

Завидовавшее военным успехами Георгия Маниака, а потому обеспокоенное правительство Константина IX Мономаха решило избавиться от слишком быстро набивавшего обороты популярного военачальника, на помощь которого наделась отодвинутая от власти василисса Феодора. В августе 1042 г. в результате дворцовых интриг магистр Георгий был смещен с должности, его имения оказались разграблены, а жена обесчещена. Придя в ярость, он поднял бунт, прибывшему из Константинополя военачальнику-сменинику приказал напихать в рот, нос и уши навоза, а затем забил до смерти. Армия объявила Георгия василевсом ромеев. Высадившись на Балканах, он подошел к стенам Фессалоники. Казалось, победа уже близка, и голову прославленного героя вот-вот покроет царский венец. Однако в февра-

ле 1043 г. во время сражения с верными Константину IX войсками Маниак был внезапно поражен метко пущенной стрелой, упал с коня и попал в плен к врагам. Голову мятежника отправили в Константинополь. Если бы не эта злополучная стрела, византийский трон мог оказаться во власти одного из самых грозных правителей в истории Ромейского царства.

Восстание 1042 г. под предводительством грозного полководца Георгия Маниака оказалось первым открытым и значительным возмущением военной провинциальной знати. Оно положило начало целой серии непрерывных мятежей военной аристократии и дорого стоило Византии прежде всего потерей влияния в фемах южной Италии и Сицилии, вскоре захваченных набиравшими все большую силу норманнами. Евнух Стефан, удачливый победитель Маниака, в 1043 г. организовал заговор в пользу стратига Мелитины, вспыхнуло восстание на Кипре против судьи и сборщика податей, а бывший наместник Сербии, Феофил Эротик, попробовал для захвата престола использовать растущее недовольство народа.

Внутреннюю ситуацию отяготили раздоры между Константином Мономахом и Киевским князем Ярославом Мудрым, двоюродным братом Феодоры и Зои. Если верить «Обзору истории» Иоанна Скилицы, их вызвали ссора между купцами на константинопольском рынке, в результате которой был убит некий «знатный скиф», а на Афоне были разорены пристани и склады Русика – Русского монастыря. Впрочем, истинная причина конфликта, видимо, коренилась в отказе нового василевса в возмещении расходов отряду варяго-росов, призванных сестрами-василиссами Феодорой и Зоей еще до того, как последняя вышла замуж за Константина Мономаха и вместе с ним лишила сестру власти. Теперь надобность в их услугах по охране трона от узурпаторов отпала, но наемники оказались разочарованы таким поворотом событий. Четыреста военных судов, собранных князем Владимиром Ярославичем, с воеводой Вышатой в июле 1043 г. подошли к столице, требуя выплатить по тысяче золотых на каждое судно, но были рассеяны «жидким огнем» наскоро собранного византийского флота, который, по словам очевидца сражения, писателя *Михаила Пселла*, устроил «варварам истинное кровопускание». Потери усугубил разыгравшийся морской шторм. Оставшаяся часть росов во главе с Владимиром Ярославичем все же сумела отбиться от преследовавших их судов и даже потопили 24 корабля, пленив часть ромеев. Но при этом 800 «скифов Тавра» вместе с Вышатой тоже оказались в плену у византийцев, были признаны мятежниками, ослеплены и три года томилась в неволе. Тем не менее это не помешало в Новгороде заложить церковь ...в честь победы над греками!

Порушенный мир удалось восстановить лишь в 1046 г. Ожидая нового нашествия печенегов и нуждаясь в помощи еще недавно такой дружественной и почтительной Руси, Константин Мономах пошел на уступки, пообещал вернуть пленников, возместить весь ущерб и отдать в жены сыну князя Ярослава, 16-летнему Всеволоду, свою внебрачную дочь. Это был последний вооруженный натиск росов на Византию – отныне вплоть до ее падения отношения будут оставаться только мирными. Впрочем, следует заметить, что Всеволод Ярославич был одним из младших сыновей князя Ярослава и не имел никаких перспектив на ведущую роль в Киевской Руси. Так что, как и поход 1043 г., заключенный брак стал для самого Ромейского царства еще одним моментом унижения, кото-

рый лишь в малой степени смогло смягчить поставление из Константинополя в Киев нового митрополита-грека, протопроедра Ефрема, члена синклита.

Воинственные кочевники-сельчуки – самый грозный враг, с кем Византии приходилось сталкиваться за последние четыре столетия, уже стоял у ворот. Великая засуха X-XI вв. вытолкнула эти тюркские племена, возглавляемые семейством Сельчука (в арабском произношении – Сельджука), из степей Средней Азии в северо-западный Иран. Они обосновались на просторах обессиленного, угасшего Арабского халифата, восприняли у покоренных народов суннитский ислам, который вдохновил их на новые походы против «неверных» в «землю войны» (Дар-уль-Харб). Теперь селджуки или сельчуки, как их правильнее было бы именовать на тюркский лад, – легкие конники, высочайшие мастера стрельбы из лука, – были готовы вторгнуться вглубь Малой Азии и нести дальше ислам суннитского толка, вплоть до шиитского Египта Фатимидов.

Вместе с тем непросто складывались отношения с армянами, которые могли бы стать для ромеев спасительным заслоном для надвигающейся угрозы с Востока. В 1045 г. Гагик, правитель армянского княжества на Кавказе с центром в Ани, признал себя вассалом византийского императора, однако натолкнулся на враждебность собственной знати и населения. Сам Гагик и некоторые представители армянской знати получили ромейские саны и имения, главным образом, на востоке Малой Азии. Василевс от этого выиграл, поскольку добился снижения сопротивления армянской военной и религиозной элиты, смог противопоставить ее старой аристократии, проблема контроля за которой всегда вызывала тревогу константинопольского правительства, и, кроме того, добился некоторого увеличения численности населения Анатолии за счет армянских переселенцев. Но, пожалуй, это был один из немногих перспективных и разумных политических шагов, наряду с попыткой начать реорганизацию окончательно запутавшихся функций расплывшихся центральных ведомств. Судя по скудости источников, едва ли это привело к чему-то путному.

Не успела утихнуть спровоцированная императором вражда с северными «родичами», как зимой 1046-1047 гг., перейдя по льду замерзший Дунай, на земли Ромейского царства, теснимая *узами*, то есть турками-огузами или торками, вторглась громадная орда печенегов, с которой едва удалось справиться только благодаря эпидемическим болезням, обрушившимся на кочевников, но возвращавшееся войско ромеев попало в бурю. Кое-кого из побежденных печенежских вождей удалось склонить к принятию Крещения, поселить на территории Болгарии и даже включить в состав северобалканских приграничных гарнизонов. Однако остальные печенеги продолжали грабить Фракию и Македонию, их отдельные отряды подъезжали к стенам Константинополя, нагло выкрикивая угрозы и оскорбления в адрес ромеев.

Вскоре после этого популярный полководец, патрикий *Лев Торник*, выходец из старинной армянской семьи, попытался организовать заговор против изнеженного, беспечного и неудачливого царя, овладеть Константинополем и примерить императорскую корону, правда, безуспешно. Он едва было не ворвался на белом коне в почти беззащитный город с войсками фемы Македонии, поддерживавшими своего любимца, но промедлил в ожидании, когда константинопольцы, покинувшие едва дышавшего, с расстроенным желудком, стонущего царя, сами пригласят его в столицу, потерял инициативу в мелких стычках под стенами Вла-

херн и в итоге был оставлен подкупленными приверженцами, схвачен во фракийском Булгарофигоне, приведен в Константинополь и ослеплен.

Дело дошло до того, что в 1056 г. легкомысленный племянник незадолго перед тем умершего Константина IX, Феодосий Мономах, попытался сместить императора, бывшего стратиотского логофета, Михаила VI Стратиотика (1056-1057 гг.), или Старика. Взошедший на престол в пожилом возрасте, он был человеком ничем не примечательным, примитивным, негибким и ни в чем, кроме снабжения армии, не разбиравшимся. Приближенные к трону придворные интриганы специально избрали человека такого типа, чтобы иметь на престоле послушного, управляемого исполнителя их воли. Он и потворствовал гражданской администрации, синклитикам, осыпая их почестями и в то же время стремясь всячески досадить военным, вместо того, чтобы поддерживать равновесие между ними. Единственное, что он сделал в Константинополе, – повелел расчистить площадь Стратигий, где когда-то продавали убойный скот. Глядя на это, горожане шутили, что он ищет там кубик, который обронил, играя там в детстве.

Надеясь на легкий успех, Феодосий Мономах вооружил своих родственников и друзей и двинулся к императорскому дворцу, попутно освобождая из тюрем заключенных. Но, вопреки ожиданиям, ни Патриарх, ни народ его не поддержал и шутовской мятеж провалился. Незадачливого претендента высмеяли и сочинили даже шутивную песенку с таким припевом: «Ай да Мономах! Что ни задумал – совершил!». Опозоренный искатель престола даже не был серьезно наказан. Его лишь изгнали в Пергам.

Наконец, летом 1057 г. войска малоазийских фем и некоторые стратиги-провинциалы, в частности, опальный, ослепленный императором полководец, прославившийся в войне с грабительскими бандами сельджуков-сельчуков и печенегов, адрианополец Никифор Вриенний, взяв в помощь иноземные силы, в том числе «италийцев» (сицилийских норманнов) и «тавроскифов» (русов), свирепых «людей устрашающего обличья в чужеземных одеяниях» и даже боевой раскраске, добились своего, разгромив в безумном, братоубийственном, кровопролитном сражении недалеко от Nikeи, у пафлагонского места со зловещим названием Аид правительственные войска, верные столичной чиновной знати и ее ставленнику, старику Михаилу VI Стратиотику. По сути дела, это был уже не просто мятеж, а самая настоящая гражданская война с тяжелейшими потерями с обеих сторон. Оппозиции военной знати сочувствовал могущественный Константинопольский патриарх Михаил Кируларий, который отличался железной волей, администраторскими способностями и весьма искусно подстрекал движение против царя, хотя делал вид, что присоединился к заговорщикам по принуждению. Без малейших попыток к борьбе, подчиняясь воле Патриарха, Михаил Стратиотик добровольно снял царские одежды и принял «политическую смерть» – пострижение в монахи. На вопрос, что же взамен ему может пообещать Патриарх, посланники Михаила Кирулария глубокомысленно ответили: «Царство небесное». Дома протестовавших были отданы на разграбление.

На троне впервые оказался ставленник уже не гражданской, а исключительно военной аристократии, малоазийских военных кланов, пафлагонский магнат Исаак I Комнин (1057-1059 гг.), который за свое краткое правление, опираясь на эту знать и своих кровных родственников, попытался установить прочное воен-

ное правление, укрепить императорскую власть и восстановить ее на границах. Он хотел вернуть Ромейскому царству былое величие, утраченное за три десятка лет ни на что не годными василевсами, стареющими императрицами и беспольными эктомами-евнухами, которые держали армию на положении бедной родственницы. При нем синклитики оледенели от страха. Он кругами расходился по этому болоту интриганов, взяточников и бюрократов, думающих только о своем кошельке. Новый суровый василевс, женатый на дочери болгарского царя Екатерине, имел репутацию лучшего, искусного полководца Империи, боровшегося с сельчуками, человека честного, твердого, горячего, энергичного и бесстрашного. Казалось, он практически не нуждается в сне и отдыхе, из развлечений признавая только охоту, которой предавался с обычным для себя неукротимым пылом. Мчась верхом на коне, он мог рукой поймать стремительно удиравшего зайца, но удержать власть оказалось куда труднее.

Исаак Комнин с ходу начал лихорадочную реформационную политику укрепления финансов, императорского домена и создания боеспособной, обновленной, хорошо обеспеченной армии. В случае необходимости командование большими контингентами регулярных войск теперь поручалось временным, экстраординарным командующим – стратилату Востока или стратилату Запада, которым случалось отправляться в походы за сотни километров от мест дислокации своих войск. Василевс попытался поддержать мелких собственников и призывал не обижать сельскую бедноту. Но, пытаясь укрепить государство, обуздать амбиции служилой бюрократии, Исаак покусился не только на земельные владения разного рода фаворитов и приспособленцев, но и на часть владений Церкви и монастырей, дарованные им земли, что привело его к конфликту с бывшим сторонником, фанатичным, суровым и своевольным Михаилом Кируларием, который к тому же высокомерно заявлял, что священство может быть выше царства. Более того, вымогая у царя уступки, осуждая его политику конфискаций в пользу казны, он стал многозначительно грозить василевсу, заявляя: «Я сковал для тебя корону, я же могу ее и расплавить». В итоге зарвавшийся, переоценивший свое могущество старый Патриарх был арестован и вскоре умер от тяжких переживаний в ореоле мученичества. Это обстоятельство позволило церковным кругам вновь вернуться к союзу с оппозиционной чиновной аристократией, гражданской служилой знатью. Парадокс, но именно столичная знать, объективно заинтересованная в централизации, встала против энергично, вопреки принятым традициям действовавшего царя.

В итоге через три года правления резкий и самоуверенный Исаак Комнин, вызвавший своей слишком поспешной, крутой централизаторской политикой недовольство практически всех кругов служилой знати, духовенства и даже деревни, обираемой налогами, оказался в изоляции, оплетен сетью интриг своих ближайших советников и окончательно пал духом. Тяжело заболев лихорадкой, он оказался при смерти, а выздоровев, ушел в монахи и потерял трон. По роковому совету приближенных, василевс, отрекаясь, назначил преемником своего товарища, отпрыска одной из старейших и богатейших семей, не столько военного, сколько интеллектуала, многодетного Константина Дуку, которому было уже больше 50 лет от роду. Тот не стал продолжателем хлопотных дел своего предшественника, а погряз в ученых дискуссиях по хитроумным правовым вопросам, бесплодных мелочевых реформах правосудия, сбора налогов и возведения в должности и титулы бесчисленного количества людей «как из синклита,

так и с рынка». С неразумной скупостью он стал экономить на армии. Вновь столичная служилая бюрократия взяла в государстве верх и ее положение еще больше окрепло.

Исаак же, этот не лишенный талантов человек, умрет через пол года простым иноком Студийского монастыря, похоронив с собой появившиеся было перспективные надежды на столь необходимое для державы глубокое реформирование системы. Процесс расширения церковных и аристократических земельных владений продолжался беспрепятственно, а вместе с ним неуклонно шло ослабление Ромейского царства.

Следующее тридцатилетие в ее жизни стало сплошной полосой интриг, заговоров и переворотов, приводивших к власти все новых и новых, далеко не лучших василевсов и поддерживавших их аристократические кланы. Даже провинциальная знать, провинциальные архонты с окружающими их группами зависимых людей, клиентов, арендаторов, пытаясь оградить местных налогоплательщиков от чрезмерного нажима центральной власти, порой оказывали вооруженное сопротивление правительству, как это было в фессалийской Лариссе при василевсе Константине X Дуке (1059-1067 гг.). Одновременно усилилась и освободительная борьба подвластных Византии народов – болгар, сербов, албанцев. Поразительно, что хозяйственная жизнь Ромейского царства все же успешно развивалась на фоне ослабления центральной власти. Шло строительство, энергично пускались в дело новые эмиссии медных денег. Стран жила и хозяйственно процветала вопреки политической нестабильности.

***В кольце врагов. Позор
Манцикерта***

В то время как внутри государства ромеев шла непрерывная борьба служилой знати, на ослабевших границах Византии было неспокойно. Они руши-

лись с тревожащей скоростью.

Территория балканских владений Империи ромеев подвергалась почти ежегодным набегам тюркских кочевников – печенегов, а затем родственных им узов, на которых давили новые кочевники – воинственные половцы, они же куманы. В 1064 г. переправившись неисчислимыми массами через Дунай на долбленках и на мешках с соломой, привязанных к хвостам лошадей, узы заставили пришедших в ужас ромеев подумывать о переселении в Азию, объявить всеобщий пост, удариться в покаянные молитвы и в церковные процессии с иконами. И небо сжалилось в очередной раз: варваров стали массово косить обрушившиеся на них эпидемии, а оставшиеся повернули обратно или, попав в плен, поступили на византийскую службу.

Тем не менее другие хищные орды степняков, жажда наживы и пропитания, продолжали рыскать по Фракии и Македонии, подвергая ее беспощадному разорению. Их конные отряды стремительно налетали на мирные селения, оставляя после себя лишь руины, трупы, плач и стенания ограбленных и осиротевших.

Полностью пренебрегая военным делом и предоставляя границы Ромейского царства опустошениям, Константин X Дука оставлял безнаказанным эти громадные поражения, из соображений экономии продолжал свою катастрофическую политику, сократив выдачи на военные нужды, забросив постройку кораблей и заготовку военных материалов. Он лишь продолжал любовно возиться с судебными делами, расплодил адвокатов и отдал на откуп желающим сбор государ-

ственных податей, что только отяготило население. Его бесславное царствование несло большой вред Империи.

Пользуясь затруднительным положением ромеев, некогда служившие им и лангобардам наемники, свирепые и алчные норманны-разбойники во главе с семейством Отвилей и их волевым, беспощадным, исключительно одаренным *герцогом* Апулии, Калаврии и Сицилии *Робером Гвискаром* («Хитрым») начали год от года захватывать византийские владения в южной Италии – земли, которые на протяжении многих столетий были известны под названием Великая Греция и по своему духу, языку все еще являлись более греческими, чем итальянскими. Имперские военачальники, привыкшие по старинке атаковать шагом, были ошеломлены смертоносным галопом тяжелой норманнской конницы, в полном порядке, с пением христианских гимнов бросавшейся на неприятеля и, как нож сквозь масло, проходившей через его линии. Прежние византийские научно-технические и организационные преимущества быстро сходили на нет перед лицом новых западных социальных структур, позволявших им выводить в поле большие массы хорошо обученных и отлично вооруженных, надежно защищенных храбрых воинов.

Весной 1071 г., после трехгодичной блокады с суши и с моря норманнам сдался последний город-аванпост на Аппенинском полуострове, который находился во власти ромеев – стратегически важная портовая крепость Бари. С этого времени материковая Италия оказалась навсегда потерянной для византийцев, после того, как они продержались здесь более пятисот лет. Не помогла даже попытка соблазнить Робера Хитрого браком между его дочерью и малолетним сыном-наследником только что пришедшего к власти василевса Михаила VII Дуки. Более того, это предложение, в конечном счете расстроившееся, навело абсолютно беспринципного герцога-авантюриста на мечты о собственном водворении на византийский трон.

Еще более губительные неудачи ждали ромеев на другом конце Империи, на Востоке. Здесь в 40-е гг. XI в. появились новые воинственные враги, исламизированные племена великолепных конных лучников, туркмен-сельчуков, или сельджуков, как их называли арабы, которые к тому времени уничтожили остатки арабского господства в Средней Азии, в 1055 г. овладели Багдадом – некогда блестящей столицей халифата Аббасидов и от имени Багдадского халифа стали номинально править Ираном, Ираком и северной Сирией. Халиф объявил их вождем, Тогрул-бека, внука Сельчука, обратившегося в ислам суннитского толка, «*султаном* и царем Востока и Запада». Туркменские воины-кочевники горели желанием дальнейших завоеваний и захвата добычи уже за пределами исламского мира суннитов и направили свою агрессию против соседних христианских стран. Их первой жертвой стала Армения, религиозная столица которой, значительный город Ани, где была епископская кафедра, оказалась разграблена и разрушена в 1064 г. На границе с Ромейским царством они стали создавать свое независимое государство – огромный Сельчукский султанат. Он стремительно наращивал мощь и наглел. Его ключевыми городами являлись персидские *Тегеран* и *Экбатана*.

Поначалу сунниты-сельчуки не ставили своей целью захват собственно византийских территорий. Их основной удар был нацелен против ненавистных султанов-шиитов из династии Фатимидов, чье государство раскинулось от атлантического побережья Марокко до Сирии и Аравии. Тем не менее именно с сель-

чуков-сельджуков началась турецкая экспансия – медленно развивающаяся, но смертельно опасная болезнь Ромейского царства, поразившая сначала степные плоскогорья, а затем добравшаяся до южного побережья Малой Азии. «Как голодные волки», – по выражению армянского историка, – сельчуки напали на такие цветущие ромейские города как Милитина, Феодосиополь в Армении, Кесария – столица Каппадокии, Колоссы во Фригии, на юго-западе полуострова. Только при взятии древнего Феодосиополя – армянского Арзана погибло до 150 тысяч жителей, а чтобы вывезти захваченные в городе сокровища победителям понадобилось 10 тысяч телег. Все к северу от Кесарии Каппадокийской было занято сельчуками, безжалостно разграблено или превращено в выжженную пустыню. Правда, враги встречали сопротивление партизан-акритов, уничтожавших отдельные разбойничающие отряды и в свою очередь нападавших на туркмен, но вообще восточная Анатолия оставалась беззащитной перед опустошительными набегами, поскольку организованной системы обороны, линейной защиты границы давно не было, как не было и средств для ее создания. Крах оборонительных структур, пренебрежение к оборонительным мероприятиям принесли свои зловещие плоды. Старые ромейские фемы были демилитаризованы и упадочны. Неповоротливые, разношерстные, пестрые имперские войска никак не могли справиться с ситуацией, становившейся невыносимой. Лишь благодаря флоту за Империей сохранились некоторые береговые области Малой Азии и Сирии.

Крупное поражение от туркмен, славившихся своей отчаянной храбростью, маневренностью и военной опытностью, ромеи потерпели все в том же роковом 1071 г. в битве недалеко от кастропа *Манцикерт* в северной Армении. Это к западу от озера Ван в нынешней восточной Турции. Сами по себе военные потери оказались невелики, но стоявший во главе войска храбрый император Роман IV Диоген (1067-1071 гг.) попал в плен к неприятелю. Черная весть, словно гром, поразила византийцев. Ведь ни один василевс никогда не оказывался в плену у варваров.

*Интересна судьба этого императора, полная приключений и неожиданных поворотов судьбы. Он вступил на престол весьма необычно. Опытный, способный полководец, командовавший войсками на Балканах и не раз крушивший отряды печенегов, каппадокийский магнат, дука **Сердики, вестарх** Роман возглавил заговор против вдовы императора Константина X Дуки (1059-1067 гг.), Евдокии, которая оставалась регентшей при трех своих сыновьях, и провозгласил себя василевсом. Но заговор оказался своевременно раскрыт, и Романа Диогена в цепях отправили в Константинополь для предания суду. Однако благоразумная Евдокия, прикинувшая сложную ситуацию, прониклась более чем симпатией к рослому, широкоплечему, мужественному красавцу, который был моложе ее на 11 лет, и решила сжалиться над ним, помирловать, видимо, умно рассчитывая в дальнейшем использовать талантливую, энергичного Романа в качестве столь необходимой ей и детям опоры. Несостоявшийся император был всего лишь сослан в свое родовое поместье. Не прошло и двух месяцев, как его вызвали в столицу, назначили стратилатом и дали высокий сан магистра армии, которую, как и страну, надо было срочно спасать от развала. А 31 декабря 1067 г. он вступил в брак с Евдокией и уже на следующий день короновался царским венцом, добившись волей судьбы того, чего не смог взять силой. Надо сказать, выбор оказался весьма удачен. Трудно было найти наиболее подготовленного для реше-*

ния серьезных военных задач человека, которому в его непродолжительное, трагическое по своим последствиям царствование пришлось действовать в очень тяжелых условиях. Он энергично принялся восстанавливать мощь и благосостояние Ромейского царства.

В короткий срок решительный, порывистый вояка и довольно способный администратор, Роман IV Диоген обуздал дворцовую «вольницу» синклита, сократил траты на пустые церемониалы суда, уменьшил выплаты вконец распоясавшейся придворной знати, значительно снизил расходы на украшение столицы и, самое главное, поправил боеспособность расстроенного, деморализованного, погрязшего в коррупции войска, пополнив его, кроме регулярных кадровых частей и обнищавших фемных стратиотов – ополченцев из Фракии и Македонии, дисциплинированными иноземными наемниками-профессионалами, прежде всего, из числа варягов. С этими упорядоченным, реорганизованным силами он совершил два больших, в целом вполне успешных похода, пытаясь защитить подданных Империи – местных земледельцев-налогоплательщиков от сельчуков, выдавить их из византийских владений и принудить к генеральному решительному сражению, от которого небольшие мобильные отряды неприятеля пока всячески уклонялись. Ничто не предвещало катастрофу. Лагерь отлично укреплялись, войска в полном порядке маневрировали в поле, интендантская служба работала образцово. На повестке дня стояли модернизация оружия и тактики византийской армии.

Весной 1071 г., после неудачных переговоров с сельчуками в сирийском Алеппо и несмотря на тревожные подозрения в измене в своем окружении, василевс во главе армии, собранной из гвардейских дворцовых тагм – этереи, схолы, стратилатов и, главным образом, из разноплеменных, но сплоченных наемников (варангов, франков, немитцов-немцев, болгар, печенегов, узов, сарацин, армян, грузин), в очередной раз направился на Восток, дабы восстановить границу, отвоевать захваченные кастра, а при удобном случае, атаковать на территории Ирана армию сельчукского правителя Мухаммада ибн Дауда Чагри (106-1072 гг.). Его прозвали Алп Арслан – «Отважный лев», но вполне могли бы звать и «Усатый» из-за невиданно длинных усов, которые во время охоты приходилось завязывать за спиной.

Неровно качались копыта над медленно ползущей черной змеей невиданно большой, не менее, чем 40-тысячной войсковой колонной, растянувшейся на несколько миль, плыли над головами значки и знамена-птихи. Скупно посверкивала сталь доспехов, скрипела кожа, бряцали, задевая друг друга, боевые секиры, булавы и мечи. За отдельными отрядами, застилая дороги клубами пыли, громыхали колеса бесчисленных повозок, тяжело груженных двухмесячным запасом провианта, войсковым скарбом, деталями хитроумных военных машин, гелепол, специальными материалами и обстановкой для гигантского царского шатра. Казалось, на сей раз эту собранную с невиданным трудом мощную громаду ничто не в состоянии остановить. Но политические противники Романа из отстраненного от вершин власти семейства Дук не оставили козней и были настроены уничтожить василевса. Сперва на него обрушился ночью тяжеленный походный царский шатер, лишь чудом он остался жив. Затем оказался подожжен дом, предназначен-

ный для ночлега. Кто-то сеял смуту в войске, командующие которым, ошибочно полагая, что враг находится далеко, решили разделить армию на две части, тем самым разбросав и ослабив силы. Это был главный, фатальный тактический и оперативный промах командования.

Половина этого войска, встретив главные силы неприятеля, поспешно отступила к Евфрату, в район Мелитины, даже не предупредив об этом императора. Другая половина, причем далеко не лучшая, скопилась у только что отобранной у сельчуков маленькой пограничной ромейской крепости Манцикерт, контролировавшей стратегически важные пути через Армению на вражескую территорию – Иранское нагорье. 24 августа 1071 г. многочисленный конный отряд под командованием армянского полководца Никифора Василяки, дуки Феодосополя, азартно преследуя заманивавших его сельчуков, проявил беспечность, попал в засаду и был истреблен, а отряд из наемников, легких конников – узов, которых по их безобразной наружности, воинственным крикам и ухватке трудно было внешне отличить от родственных им по сходству сельчукам, был принят за неприятеля и обстрелян из ромейского лагеря, под защитой которого он хотел укрыться. Командующий левым флангом Никифор Вриенний после неудачных атак, пытаясь отогнать наседавших сельчуков, едва смог спастись в лагере, будучи ранен в грудь копьем и двумя стрелами в спину. В общем, начало сражения не предвещало хорошего и указывало на тактические ошибки, плохую разведку, неудачное командование и предательство.

На следующее утро Роман, поняв, что он имеет дело с главными силами султана, отразил дерзкую атаку врага, но часть узов, которым накануне незаслуженно досталось от ромеев, дезертировала и переметнулась к сельчукам. Тем не менее решительно настроенный василевс высокомерно отверг присланные с послами халифа из Багдада предложения о мирных переговорах с Алп Арсланом, хотя и располагавшим до 30 тысяч всадников, но не уверенном в победе над ромеями. Наконец, на третий день византийские войска успешно пошли в наступление своими тяжеловооруженными фалангами и конницей, прикрытыми на флангах оставшимися печенегами и узам. Но вражеская армия, разделенная на несколько отрядов и верная своей давней тактике, продолжала уклоняться от серьезного боя. Осыпаемые тучами стрел легких всадников, стремительно перемещавшихся вдоль боевых порядков византийцев и избежавших сближения, ромеи продвигались в устойчивом темпе по каменистой, сильно пересеченной местности, все ближе подходя к горам. Они даже захватили пустой лагерь сельчуков, но несли все более значительные потери как в людях, так и в лошадях. Руссель де Байель, командовавший норманнскими и франкскими наемниками, вообще не принял участия к битве, поскольку накануне был опрометчиво отправлен императором, чтобы взять одну из крепостей на берегу озера Ван. Отозвать его не хватило времени.

К вечеру, когда солнце стало клониться к горизонту, ромейские войска, остававшиеся, несмотря на потери, в полном порядке, потеснили неприятеля и, усталые, страдающие от жажды, остановились. После этого Роман, настроение которого становилось все более мрачным, приказал армии начать организованный отход в лагерь, оставшийся далеко позади. Однако

сельчуки не умерили свой боевой пыл, продолжали наседать на начавший отступать центр ромейских войск, а основательно оставший правый фланг не понял маневра и ударился в беспорядочное бегство. При этом византийский арьергард и резерв, которым командовал явный политический враг Романа, протопроедр Андроник Дука, молодой племянник умершего императора, не прикрыл отступающие войска, скомандовал отступление, а среди воинов стремительно пробежал предательский, ложный слух, что Диоген убит, его знамена повернули вспять и все кончено. Вслед за этим дезертировали армянские вспомогательные войска и началось позорное, паническое бегство остальных. Очевидец события, историк Михаил Аллиат писал: «Это было как землетрясение: крик, волнение, страх, тучи пыли и орды турок вокруг нас. Это было трагическое зрелище, более скорбную картину трудно даже измыслить».

Из окружения в относительном порядке смогла вырваться только большая часть отрядов левого фланга во главе с мужественным Никифором Вриеннием, хотя потери оказались в целом невелики: сельчуки, преследуя бегущих, гнали их как стада овец, пока не наступила ночная темнота. Часть беглецов успела укрыться за стенами Манцикерта как на спасительном островке. Согласно имеющимся исследованиям, в плен попало около 20% армии и лишь 10%, в основном из числа попавших в окружение в ущельи Цибрица, оказались убиты или ранены. Зато ликующим победителям досталась огромная добыча из брошенного при отступлении богатейшего обоза.

С горсткой храбрецов-гвардейцев, сражавшихся спина к спине, император пытался остановить панику, мужественно сдерживал натиск врагов до тех пор, пока его, смертельно уставшего, раненного мечом в руку, сбили с коня. Заваленный трупами, он был обнаружен только на следующее утро и, закованный в цепи, приведен к предводителю сельчуков, который приказал ему поцеловать землю перед собой, после чего поставил ногу на шею поверженному василевсу. Вместе с тем он уважительно, милостиво отнесся к своему рыцарственному пленнику и уже через неделю отпустил Романа на свободу, обязав отдать огромный выкуп в полтора миллиона золотых монет и впредь платить ежегодную дань, выдать за сына султана одну из императорских дочерей, а до этого оставить сельчукам большую часть восточной Малой Азии в виде залога.

Но к тому времени, когда раненый, больной, страдающий расстройством желудка император поспешил вернуться на родину, его трон оказался узурпирован новым василевсом, 20-летним Михаилом VII Дукой (1071-1078 гг.), старшим сыном Евдокии Макремволитиссы от ее первого мужа, а сама Евдокия, уверенная в смерти Романа Диогена и полумертвая от страха, изгнана в монастырь на берегу Босфора. Василевс-неудачник пытался организовать сопротивление с оставшимися ему верными войсками в Киликии, но покинутый в очередной раз теми, кому доверял, поверил уговорам, сдался на волю победившего семейства Дук, отрекся от престола и дал согласие принять монашество, поверив заверениям трех митрополитов в своей полной безопасности. Однако по дороге в столицу, куда его с позором везли на простом муле, Романа бросили в какой-то чулан, придавили щитом и зверски выжгли глаза раскаленным шестом от палатки. Хронист Иоанн Скилица

оставил об этом злодеянии следующую запись: «Провезенный на дешевом вьючном животном, имея при этом вид разлагающегося трупа – с выколо-тыми глазами и кишачными червями лицом, – он прожил еще несколько дней, испытывая жуткую боль и издавая отвратительное зловоние, пока не испустил дух, после чего был похоронен на острове Проти, где он когда-то построил монастырь».

Манцикерт навсегда остался в памяти ромеев как ужасный, роковой день, – «День Ужаса», как катастрофическое столкновение между двумя государствами и двумя верами – христианством и мусульманством. Он явился символическим переломным моментом в борьбе ромеев с тюрками, раз и навсегда открыв им дорогу на земли Ромейского царства. После этого судьбоносного сражения и Армении, и Сирия, и, самое главное, ядровая Малая Азия – главная демографическая и налоговая база Империи, область за областью, фема за фемой, почти без сопротивления, стали необратимо переходить в руки тюрок-сельчуков, разъяренных отказом Михаила Дуки признать договор, оговоренный Алп Арсланом с Романом Диогеном. Так за десять лет были потеряны крупнейший источник зерна – почти вся Малая Азия и более половины человеческих ресурсов (Карта 5). Разорительные тюркские вторжения вызвали волну миграции на запад. Дороги заполнили новые толпы беженцев. Вскоре эмир сельчуков Сулейман (1077-1086 гг.) присвоил себе титул султана и основал в Никее столицу султаната Сельчуков Рума (Рум – мусульманское название Ромейского царства).

Впрочем, даже после Манцикерта ситуация могла бы не превратиться в катастрофическую, стать необратимой. Беда была вызвана не самим поражением в Армении, изменой и постыдным дезертирством, а политическими последствиями сражения, отказом мобилизовать армию для защиты границы, последующим хаосом внутри Империи, явной и скрытой междоусобной борьбой, по сути дела, гражданской войной, которую развязали высокомерные столичная и крупная землевладельческая знать, полководцы с имперскими амбициями, готовые на любую подлость, чтобы добиться привилегий, власти. В течение последующего десятилетия Дуки, Комнины, Диогены, Вотаниаты и Вриеннии ожесточенно боролись за нее, с ошеломляющей регулярностью поднимая восстания, призывая на помощь кочевников, в том числе сельчуков, и уступая им все больше земель. Именно они нанесли Византии роковой удар, истощили людские и материальные ресурсы соперничающих сторон, покончили с извечным представлением о незыблемом могуществе Ромейского царства. Один лишь талантливый полководец Никифор Вриенний, поднявший мятеж в 1077 г. и неудачно пытавшийся узурпировать трон, на вербовал на Балканах несколько тысяч испытанных в боях ветеранов, а также привлек на свою сторону печенегов, уплатив им больше полутонны золота, – громадную сумму в 20 кентинариев! Дважды восставал неутомимый, жадный командир норманнских наемников, бродяга-воин Руссел де Байель, который даже пытался провозгласить на ромейских землях независимое норманнское государство.

Ситуацию усугубили хозяйственный кризис, попытка введения жестких мер для пополнения казны, государственной монополии на торговлю хлебом, а также инфляция, подорвавшие привычный внутренний уклад. Золотая номисма серьезно снизила свою покупательную способность. Оказавшийся у власти Михаил VII недаром получил обидное, насмешливое прозвище Парапинак – дословно

«на пинакий»: при этом императоре дороговизна столь выросла, что за золотой можно было купить уже не модий хлеба, как раньше, а на пинакий (пара пинакион), то есть на четверть меньше. Безвольный, жалкий, некомпетентный, он тратил массу времени на пустые «поэтические занятия», стыдился резкого слова с приближенными, вертевшими им, и благодушно прощал проступки даже прислуге. Важно заметить, что уже при нем дело шло к установлению коллективного фамильного управления Империей ромеев, огромное значение стали играть члены семьи царя. Но, несмотря на их поддержку и таланты могущественного, коварного, изворотливого и беспредельно алчного советника-логофета, евнуха **Никифорицы**, через семь лет правления неспособный усмирить своих соперников, робкий василевс, не выдержав непрекращающихся бунтов в горящем Константинополе, отрекся от престола, постригся в монахи и в итоге стал архиепископом Эфеса, тогда как его нечистый на руку советник умер после пыток, в изгнании на пустынном крошечном скалистом островке **Оксия** в Мраморном море.

Очередной василевс, 70-летний Никифор III Вотаниат (1078-1081 гг.), в прошлом знатный стратиг фемы Анатолик, неплохой полководец, пришедший к власти, как водится, благодаря очередному мятежу и дворцовому перевороту, правил уже в интересах провинциальной военной знати, достаточно мирно, но беспощадно. Способный, удачливый военачальник, он ничего не смыслил в политике, до безрассудства щедро раздавал награды и подарки своим приверженцам, императорские дарения, фискальные, судебные, налоговые привилегии – права экскусии, села, крестьян. Ресурсы, казна быстро пустели, средств и сил не хватало, хаос нарастал.

Часто сами ромеи своими внутренними раздорами содействовали врагу. Так, Никифор III в борьбе за престол с мятежным Никифором Вриеннием заключил союз с сельчуками, по праву считавшимися хорошими воинами, и призвал их в свои провинции и укрепленные города, которые они никогда бы сами не взяли. Византийская знать сама использовала интервентов в качестве наемников, содействуя таким образом сельджукской миграции. Фактически она своими руками создала тюркский «этнический котел» на территории Фригии и Вифинии. Именно это обстоятельство сделало невозможным восстановление власти Ромейского царства в Малой Азии. В результате туркмены заняли древнюю Nikeю, которая находилась в 100 километрах от Константинополя, после чего вломились даже в город Хрисополь на левом берегу Босфора, напротив столицы ромеев, и сожгли его дотла. Теперь из окон дворца «христианнейших императоров» можно было наблюдать на противоположном берегу зловещие хвостатые знамена и черные шатры кочевников.

Легкой добычей сельчуков стали те беззащитные ромейские города, которые были заброшены. Каппадокийское население не могло простить зверское ослепление своего вожда, Романа Диогена. Его мучительная смерть оттолкнула от поддержки Константинополя. Кроме того ситуацию отягощали набеги безжалостных норманнов и печенегов, рвавшихся на Балканы. Высоченный блондин с громоподобным голосом, неистовый норманнский герцог Робер Гвискар, разозленный заточением в монастырь его дочери Елены, так и не успевшей стать женой малолетнего Константина, наследника свергнутого Михаила VII, летом 1080 г. начал приготовления для вторжения во владения Империи на Адриатике. Более того, используя удачно подвернувшегося ему некоего Лже-Михаила,

якобы бежавшего из монастырского заточения, он рассчитывал при поддержке своего верного союзника, Папы Григория VII (1073-1085 гг.) усадить проходимца на царство в Византии, чтобы взамен этой «помощи» потребовать у ромеев часть их земель. Небывалое предприятие расстроил лишь удар арабов по Риму и тылам Гвискара в Италии, заставивший его бросится на выручку Папы, попавшему в плен. К тому же скорая смерть унесла обоих.

К этому времени сельчуки уже вполне ощутили себя хозяевами на завоеванных ромейских землях в Малой Азии и основали здесь Румский султанат, столица которого поначалу находилась в северомалоазийской Nikei. Отныне в руках ромеев здесь остались лишь несколько развитых городов и крепостей на берегу Эгейского моря. Остальные, внутренние земли – десятки тысяч квадратных километров территории активно осваивались беспощадными иноплеменниками, точнее, раз и навсегда превращались сельчуками в привольную степь и пастбища для выпаса скота, поскольку климатические условия центрального, анатолийского плато полностью соответствовали образу жизни кочевников с их стадами и шатрами. Недаром мудрый византийский историк начала XIII в. *Никита Хониат* сравнивал тюркские племена с огромным стадом овец, которое разбрелось по византийским пределам. Это было страшнее всех потерь «темных веков»! Ромейское царство лишилось своего источника продовольствия и живой силы навсегда. Казалось, его конец был не за горами.

«Великая схизма»

До середины XI в. существовала единая Вселенская (Католическая¹) Церковь. Главными ее авторитетами считались Римский папа и Константинопольский патриарх. Но между ними постоянно возникали споры и давно велась борьба за господство во Вселенской Церкви. К мнению кого из иерархов прислушиваться в первую очередь? Наследника престола Св. Петра или Патриарха Константинопольского? Кому должны подчиняться новообращенные народы – болгары, русы и прочие?

Византийцы разработали целую теорию иерархии государств и народов, возглавляемых их «отцом» – василевсом ромеев. Они признавали всех христиан общей семьей, объединенной единой верой и Церковью во главе с византийским императором и Константинопольским патриархом.

Основателем своей Церкви в Византии – Константинополе ромеи считали старшего брата Св. Петра – апостола Андрея. По этой причине она, как и римская, является «апостолическим престолом». А поскольку Андрей был первым – «первозванным», кого Христос призвал идти за Ним, и именно этот апостол привел своего младшего брата к Иисусу, выходило, что константинопольский престол ничуть не ниже по своему происхождению, чем римский, основанный «первоверховным» апостолом Петром.

Тем не менее уже в 491 г. Папа Геласий высказал теорию о двух властях: светская власть принадлежит императору, но он должен склониться перед духовной властью Римского понтифика. Эти притязания приняли на свой счет и некоторые Константинопольские патриархи, в частности, блистательный, деятельный Фотий (858-867, 877-886 гг.), занявший особенно непримиримую позицию по отношению к папству.

¹ В ромейской транскрипции – «Кафолическая».

Под тонкой пленкой сплоченности христианского мира давно крылись глубокие противоречия Востока и Запада, веками все больше отдалявшихся друг от друга. В частности, расхождения между двумя Церквями обнаруживались в культурном плане – в разности языков богослужения – латинском и греческом, а также по вопросам теологии и догматики, хотя эти несоответствия были несущественны. Так, Никейско-Константинопольский Символ Веры гласил: «Верую... во Святого Духа, Господа Животворящего, происходящего от Отца». Но на Западе уже с конца VI в., причем без одобрения властью Вселенского собора, стали добавлять к этому «и от Сына» (по-латыни *Filioque*), значит, от Иисуса Христа. С IX и до начала XI вв. о прибавке «*филиокве*» спорили, но не использовали, а затем опять установили в Римской Церкви. Ромеи же считали это дополнение не только незаконным, но и ложным с теологической точки зрения: Дух Святой происходит только от Бога-Отца, а добавление имени Бога-Сына – омерзительная ересь. В свое время против нового догмата яростно выступал Патриарх Фотий, который стал насаждать среди высшего духовенства своих людей и добился в 867 г. отлучения Папы от Церкви. Более того, от имени василевса он выставил абсурдные требования к Папе относительно политического и культурного превосходства ромеев. Не менее враждебен Риму оказался и сменивший Фотия Патриарх Игнатий (867-877 гг.). И хотя после этого наступило примирение на Соборе в Константинополе в 879 г. и обе Церкви считались равными, каждая со своими обрядами, на деле искреннего согласия не удалось достичь. Римский престол упрямо продолжал считать, что Константинопольский престол ниже и следует за ним. «Фотиевый раскол» оставил неизгладимые следы.

Этим не исчерпывались богословские расхождения. Так, на Востоке признавали в качестве церковного права 85 апостольских правил, утвержденных церковными Соборами, а на Западе – только 50. На Западе постились в субботу, а на Востоке этот пост был запрещен уже подчеркнутым порицанием Трулльского Пято-Шестого собора в 692 г., что было категорически отвергнуто Папой. На Востоке Соборами было запрещено вкушать удушенину и кровь, а на Западе, Римской Церковью – разрешено. На Востоке было запрещено изображать на иконах – *первообразах* Христа в виде агнца, указываемого перстом Иоанна Предтечи, а на Западе такие изображения были популярны. На Востоке священники приносили молитву о Святых Дарах, на Западе – нет, точнее, делали это иным образом и в ином месте богослужения. На Востоке иереи могли оставаться женаты, если это произошло до их рукоположения в сан, и, значит, иметь семьи, на Западе – нет. На Востоке пели «алилуйя» в Великий Пост, а на Западе – нет.

Особенно страстно обсуждалась тема о том, каким хлебом надо Причащаться: квасным, замешанном на дрожжах по византийскому обычаю, или пресным (опресноками – по-гречески «азима»), как это делали на Западе. По представлениям ромеев, именно в закваске – дрожжах – заключался Святой Дух, а Причащение пресным хлебом являлось обманом. Латыни, которых они презрительно именовали *азимитами*, напротив, видели в закваске зло, грех, не понимали, как можно Причащаться обычным хлебом, подобным спеченному в любой пекарне, тогда как опресноки, по их мнению, означали не просто чистоту, но и иноприродность Тела Христова по сравнению с человеческим. Когда и почему возникло это кардинальное обрядовое разногласие, толком никто не понимал и не помнил, но полемика вокруг этого шла очень бурная.

Византийцы также не признавали такие обрядовые правила латинов, как соблюдение субботного поста в святую четырехдесятницу (от Пасхи до Троицы), совершения полной Литургии во время всего Великого Поста, обычай священников брить бороды, отказ от повторного Крещения раскаявшихся еретиков, а также Крещение посредством одного только обрызгивания, без погружения, хотя бы частичного, новообращенного в купель, пренебрежительное отношение к культу икон, предпочтение скульптурного распятия и прочие подобные, на первый взгляд, мелочи.

Такие различия не были непреодолимыми, однако конфликт серьезно углубился в середине XI в., когда патриарший престол занял Михаил I Кируларий (1043-1058 гг.), дословно Михаил Свечник. Это был посредственный богослов, но человек властный, решительный и своевольный, бюрократ до мозга костей, который пользовался значительной популярностью в Константинополе и не случайно конфликтовал почти со всеми василевсами, на время правления которых приходилось его патриаршество. Он столкнулся с не менее сильным, энергичным и амбициозным Римским папой Львом IX (1049-1054 гг.). Каждый не хотел поступаться своей самостоятельностью, а переписка между ними становилась все более желчной и оскорбительной.

Теперь к назревавшему разрыву подталкивали не только теологические, но и политические причины. Дело в том, что иноземные купцы с IX в. получили право иметь в Ромейском царстве свои церкви. Они служили местом их объединения в чужой стране, своеобразными коммерческими конторами. Экономическая мощь латинского Запада росла и постепенно превращалась в угрозу для ромеев. Патриарх Михаил Кируларий, узнав о поражении от норманнов и о том, что Папа не сможет помочь в деле сохранения византийских владений в южной Италии, велел закрыть церкви иноземцев и тем нанес их торговым делам серьезный ущерб. Но главный спор возник вокруг епископов южной Италии. Кому они должны подчиняться, а значит, и платит, – Риму или Константинополю?

Религиозно-политические противоречия попытались решить путем переговоров, но они лишь углубили разногласия, дали разгореться вражде. После разгрома в 1053 г. папской армии в Италии Папа Лев IX в то время оказался в норманнском плену. Его посол-легат, германский кардинал Гумберт, фактически замещавший плененного Папу, в мае 1054 г. был отправлен в Константинополь с двумя другими прелатами как раз для того, чтобы договориться о союзе с василевсом Константином Мономахом против общего врага, норманнов южной Италии. Это было тем более вероятно, что император отвечал в примирительном тоне и вовсе не желал скандала. Более того, по настоянию василевса игумен Никита Стифат в присутствии папских легатов сжег свой скандальный полемический труд против сочинения Гумберта «Диалог». Но в ответ упрямый Гумберт, враждебно относившийся к ромеям, написал новое, более резким, оскорбительным тоном и приготовился критиковать восточные обычаи греков. Более того, он решил, что сможет большее: уговорить василевса утвердить первенство папского Рима. Всем стало ясно, что Рим ставит ультиматум – либо абсолютная, непререкаемая покорность, либо разрыв. Оскорбленный Патриарх 15 июня резко отказался вести переговоры и принять раздраженного Гумберта, на что легаты на следующий день перед началом богослужения положили на главный престол Великой церкви хартию об отлучении (*Chartam excommunicationis*). Она содер-

жала длинный список грубейших обвинений и даже бранных слов в адрес Михаила Кирулария и его приближенных, а также анафемствовала их и всех прочих сторонников Патриарха. К примеру, среди претензий были обвинения в попытке заставить латинское население Константинополя принять греческие традиции, рукоположение в духовный сан евнухов, что было не принято в Риме, а также несправедный с точки зрения латинов отказ крестить женщин перед родами.

Кипевший от злости, немец Гумберт использовал весть о смерти Папы Льва IX в норманнском плену, чтобы действовать самостоятельно и вырваться из Константинополя, поскольку при мертвом Папе его дальнейшая миссия оказывалась бессмысленной. Субботним утром 16 июня он бросил на серебряный алтарь Св. Софии хартию об исключении из Церкви Михаила Кирулария и его сторонников и, демонстративно обтрусив пыль с ног, в гневе провозгласил: «Пусть Господь увидит и рассудит», после чего высокомерно удалился. Глупый и недостойный жест. На следующий день экс-легаты, несмотря на попытку василевса Константина Мономаха вернуть их, чтобы уладить ссору, покинули Константинополь. Таким образом, эта, по сути дела, частная грамота, вышедшая из-под пера ограниченного, упрямого, заносчивого клирика без официального статуса, – булла, не утвержденная ни одним из Пап (ее папские печати были поддельны, да и папский трон тогда был вакантным), – стала еще одним трагически случайным и роковым документом в списке давних претензий Римской и Константинопольской Церквей друг к другу. Именно человеческий фактор привел к плачевному результату.

Михаил Кируларий не остался в долгу и не долго думая сделал то, что тоже нельзя назвать мудрым шагом. Через два дня он, пользуясь поддержкой византийского духовенства и населения столицы, созвал Синод в Константинополе, который объявил всех приверженцев Папы римского еретиками и анафемствовал его послов. Окружное послание Патриарха предостерегало весь Восток от церковного общения с Римом. Во всех восточных церквях перестали почитать Папу за богослужением. Охочий до удовольствий, слабый император не вмешался в действия фанатичного, упрямого, проникнутого сознанием своей самодержавности Патриарха и недалекого, бескомпромиссного кардинала, хотя ситуацию можно было бы спасти, если бы не искусственно раздутый антилатинский бум. Видимо, ни одна из сторон не осознавала, что инициирует долговременный раскол.

Так было спровоцировано начало «великой схизмы», формального разделения Вселенской Святой Христианской Церкви на Западную и Восточную. Это не означало разрыва с Римской Церковью в целом, да и в адрес византийских светских властей и императора Константина Мономаха Гумбертом не было произнесено ничего, кроме похвал. Попытки ликвидировать этот далеко не первый разрыв, попытки примирения еще предпринимались какое то время. Даже после 1054 г. дружеские отношения между Востоком и Западом продолжались. Но «согласия» в вере (*concordia*) в последующих сношениях между Константинополем и Римом так и не удалось достичь. Длительный процесс отделения друг от друга двух форм богопочитания набирал силу. Западная Церковь стала со временем называться Римско-Католической, а Восточная – Греко-Католической или Православной. Последнее слово стало употребляться для обозначения ортодоксальной вероисповедной общности, признающей только семь Вселенских соборов. Как отметил Джон *Норвич*, «...рана, которую девять столетий назад совместными

усилиями нанесли христианской Церкви кардинал Гумберт и Патриарх Михаил Кируларий, продолжает кровоточить по сей день». Удар оказался непоправимым.

Хотя раскол не помешал Папам призывать верующих Запада на помощь Империи ромеев, тем не менее он привел к ухудшению отношений между Византией и странами западной Европы, усугубил характер международных отношений. Они издавна, едва ли не с V в., и без того складывались как сопернические, а временами, даже враждебные. Религиозный мотив лишь усугублял их характер, но не определял его. Теперь латины (так ромеи называли всех католиков) стали для греков еретиками, которые не заслуживали ни уважения, ни доверия, ни терпимости. Даже на бытовом уровне византийцы относились к ним достаточно холодно, с большой подозрительностью и затаенной ненавистью, считая их коварными, грубыми, неразумными и заносчивыми, рассматривая их в качестве потенциальных, если не явных, то скрытых врагов, неуклюжих варваров, день за днем несущих им «множество великих зол». Взаимная неприязнь, проистекавшая не из споров иерархов относительно проблем веры, обычаев или авторитета, а из политических событий второй половины XI-XII вв., вошла в плоть и кровь, росла, подпитывала схизму. Восток не хотел идти на уступки Западу, а Запад был согласен только на подчинение Востока. Но главное в расколе Церкви заключалось не в разности языка богослужения, догматов, обрядов, церковной традиции, а в том, что перед Востоком и Западом стояли разные проблемы, разные культурные ориентиры. По разному, независимо друг от друга, текла их жизнь и это неизбежно вело к разграничению сфер влияния и к расколу, который должен был произойти рано или поздно и оставить ослабевшее Ромейское царство в опасном и пугающем одиночестве.

Ситуация, пока еще поправимая, окончательно вышла из под контроля с началом рыцарских Крестовых походов, принесших на Восток ту или иную форму чужеземного владычества. Считается, что первый открытый схизматический акт относится к 1098 г., когда норманн-крестоносец, герцог Боэмунд Тарентский захватил Антиохию и назначил сюда латинского Патриарха. Греческий Патриарх удалился в Константинополь, но греческое население не признало ставленника латинов. Таким образом, около 1100 г. в Антиохии возникла местная схизма. Как заметил известный английский византист Стивен Рансимен, «крестоносцы принесли не мир, но меч, и этот меч разрубил христианский мир». Вместо терпимости и мудрости решающими в споре Церквей стали личное соперничество, глупость, жадность и зависть. Противоречия переросли в открытую незатухающую вражду. Одо ди Дийло (Дейльский), каноник, сопровождавший французского короля Людовика VII в его походе на Восток и пребывании в Константинополе в 1147 г., писал в своей книге, что ромеи были согласны принимать католиков в церковное общение только после отречения их от ложных учений и перекрещивания. Правда, в дальнейшем перекрещивание заменили помазанием святым миром, но, разумеется, такая «уступка» несколько не улучшила отношение греков с латинами, которые с не меньшим основанием настаивали на ложности православных учений.

Официально окончательно разделению Церквей послужил разгром Константинополя и византийской Церкви в 1204 г. участниками злополучного Четвертого Крестового похода, что потрясло весь православный мир и надолго сохранило горестное чувство обиды на «варваров». Ромейский чиновник и историк Никита

Хониат, очевидец кощунственного разграбления столицы, писал, что между ромеями и латинами «...утвердилась величайшая пропасть вражды, мы не можем соединиться душами и совершенно расходимся друг с другом». С этого времени христианский Восток и христианский Запад больше не пребывали друг с другом в единстве и каноническом общении. В дальнейшем это усложнит совместные действия европейских держав против турок и приведет к катастрофе – окончательной гибели Ромейского царства и войнам европейских стран с могущественной мусульманской Османской империей.

?

1. Какими путями и средствами шла борьба за власть в Ромейском царстве XI в. и кто принимал в ней участие?
2. Каковы причины столкновений между столичной и провинциальной землевладельческой знатью? Почему в них иногда принимали участие народные массы? Приведите пример.
3. Как вы считаете, что объединяло враждующие группировки ромейской знати и возможен ли был компромисс между ними?
4. Какое чрезвычайно жестокое отношение ромеев к пленным напомнили вам события 1043 г.?
5. Какие новые враги появились на границах Ромейского царства в XI в.? Чем они были опасны для Византии?
6. Вспомните, кто из василевсов отвоевал у мусульман Бари и кто сделал его центром катепаната на юге Италии?
7. Что можно сказать о хозяйственной жизни страны в «эпоху интриг и раскола»? Почему политический кризис не перерос в экономический?
8. Чем вы объясните причины быстрого продвижения туркмен-сельчуков в Малой Азии? Почему Византия не могла противостоять им?
9. Что стало причинами поражения ромеев при Манцикерте? Почему эта битва приобрела роковое значение?
10. Вспомните моменты столкновений между Церквами Рима и Константинополя в V-X вв. Когда и из-за чего они обострились?
11. Каковы причины «великой схизмы», последовавшей после 1054 г.? Почему нельзя считать, что раскол Церкви произошел именно в 1054 г.?
12. Можно ли было избежать разделения Вселенской Церкви или хотя бы уменьшить разрыв? Аргументируйте свой ответ.
13. Сравните догматику и Литургию современной Католической и Православной Церквей. Выясните, какие различия между ними продолжают существовать до настоящего времени.

Внимание, источник!**Константин VII Багрянородный
в трактате «Об управлении империей» (948-952 гг.) о пачинакитах (печенегах)**

1. ...Я полагаю весьма полезным для василевса ромеев искать мира с народом печенегов, заключить с ними дружественные соглашения и договоры, посылать отсюда к ним каждый год посланника – апокрисиария с подобающими и подходящими для (этого) народа дарами и забирать оттуда заложников и (печенежского) посла, которые прибудут в богохранимый этот град [Константинополь]...

4. [Знай], что пока василевс ромеев находится в мире с печенегами, ни росы, ни турки (венгры) не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и богатств, (ибо они) побоятся, что василевс употребит силу этого народа (печенегов) против них, когда они выступят на ромеев. Печенеги, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок (венгров), уводить в рабство их жен и разорять их землю.

8. [Знай], что в стороне Булгарии по направлению к области Днепра, Днестра и других там имеющихся рек расположился народ пачинакитов. Когда послан отсюда василик с кораблями, то [...] обнаружив их, он оповещает (печенегов) через своего человека, пребывая сам на кораблях и [...] охраняя на судах царские вещи. Пачинакиты сходятся к нему, и, когда они сойдутся, василик дает им своих людей в качестве заложников, но и сам получает от пачинакитов их заложников и держит на кораблях. А затем он ведет переговоры с пачинакитами. И когда пачинакиты принесут василику клятвы по своим законам, он вручает им царские дары [...]. Так то нужно договариваться с ними, чтобы, когда у василевса появится потребность в них, они исполняли службу против росов или против булгар или против турок (венгров), ибо они в состоянии воевать со всеми ими и, многократно нападая на них, стали ныне [им] страшными.

**Из «Хронографии» Михаила Пселла,
свидетеля ослепления василевса Михаила V Калафата 21 апреля 1042 г.**

XLVI. Люди Феодоры знали, что Зоя ревнует к ней и скорее согласится увидеть на царском престоле какого-нибудь конюха, чем разделить власть с сестрой, и потому, не без причины, опасаясь, как бы императрица не пренебрегла сестрой и тайными кознями не вернула на трон прежнего царя, единодушно решили устранить бежавшего. Людям, наиболее из них умеренным, не хотелось приговаривать его к смерти, они судили и рядили, каким иным способом погасить в нем всякие надежды, и в конце концов отправили отважных и дерзких мужей с приказом немедленно железом выжечь глаза обоим, как только встретят их за пределами святого храма.

XLVII. И вот они выходили из храма¹, а их уже поджидала позорная процессия. Чернь, как ей и положено в этих случаях, потешалась над несчастными, и одни хохотали и осыпали их насмешками, другие, поддаваясь гневу, тащили их с намерением провести через город. Пройдя совсем немного, они повстречали людей, которым было приказано

¹ Храма Иона Крестителя в Студийском монастыре, у алтаря которого пытались найти убежище бежавшие царь Михаил Калафат и его дядя, новелисим Константин.

погасить глаза пленникам¹. Те сообщили о приказе и, готовясь привести его в исполнение, принялись точить железо...

XLVIII. Беды и горести сломили царя, он пребывал все время в душевном смятении и то принимался рыдать, то голос его прерывался, он просил о помощи каждого подходящего к нему, смиренно взывал к Богу, вздымал в мольбах руки к небу, к храму, к чему угодно. Дядя же его сначала и сам вел себя так же, но когда потерял всякую надежду на спасение (а был он человеком более стойкого и крепкого нрава и умел обуздать свои чувства), взял себя в руки и, как бы вооружившись против урагана бедствий, приготовился мужественно встретить страдания, а когда увидел, что палачи уже готовы приступить к делу, сам первый пошел навстречу пытке и спокойно отдал себя в смертоносные руки. Поскольку строй горожан стоял не на расстоянии, а вплотную к нему, и каждый рвался вперед, стремясь увидеть зрелище казни, новелисим спокойно взглянул кругом в поисках того, кому была доверена эта трагическая роль, и сказал: «Прикажи расступиться этому строю, чтобы лучше могли увидеть, с каким мужеством буду я переносить свои страдания».

XLIX. Палач принялся было его вязать, чтобы он не вырывался во время операции, но новелисим сказал: «Если я стану вырываться, пригвозди меня». С этими словами он распростерся на земле и лежал, не изменившись в лице, сохраняя полное молчание, не испуская ни единого стоны и не обнаруживая никаких признаков жизни. И ему вырвали глаза, сначала один, потом другой. Царь же, по чужим страданиям наперед представляя свои собственные, переполнился его болью, размахивал руками, бил себя по лицу и жалобно мычал.

L. Лишившийся глаз новелисим, поднявшись с земли и опершись на руку одного из близких, заговорил с теми, кто приближался к нему и, будто ему нипочем и сама смерть, был сильнее обрушившихся горестей. Что же до царя, то палач, видя, как тот боится и как без конца взывает к состраданию, связал его потуже и схватил покрепче, чтобы не воротить ему лицо во время наказания. Когда вырвали глаза и у царя, всеобщее возбуждение и злоба улеглись...

Из сатирических стихов Христофора Митиленского о клириках Великой церкви в середине XI в.

Посмотри на этих пастухов, плотников и зеленщиков! Один, только что из моряков, вместо «Давайте помолимся» возглашает по привычке «Давайте поплывем!». Другой, разделяя Святые Дары на божественном алтаре, вспоминает свою профессию и кричит: «А вот кто купит хлебушек?», третий, держа в руках чашу для Причастия, выкликает: «Хорошее вино, сладкое!» – как положено в кабаке.

Из «Хронографии» Михаила Пселла о первом заседании синклита при императоре Исааке Комнине в 1057 г.

[...] Был установлен трон, и сенаторы расположились по обеим его сторонам, император еще не успел ничего сказать, а [...] сенаторы уже были охвачены страхом: одни оледенели от испуга и застыли, будто их поразила молния, ссохшиеся, упавшие духом и бездушные, другие с мирным видом делали одно движение за другим – в тишине пере-

¹ Экзекуцию над бывшим императором и его дядей совершил отряд под командованием нового епарха города в месте под названием Сигма, недалеко от Студия, где полукругом, в виде буквы С, стояли колонны.

минались с ноги на ногу, прижимали руки к груди, поникнув головой. Потом один, а за ним и все остальные испытали непреодолимый страх, они старались быть как можно более незаметными, и когда император всего лишь смотрел на кого-нибудь перед собой, дыхание остальных замирало, а изменения в лице того, на кого смотрел император, были заметны даже невооруженным глазом.

**Из хроники Иоанна Скилицы (последняя четверть XI в.)
о правлении Исаака I Комнина (1057-1059 гг.)
и о смотре армии в начале правления Романа IV Диогена в 1067 г.**

[...] Достигнув власти вышеизложенным способом¹ и обнаружив славу мужества и военной доблести, Комнин немедленно приказал изобразить себя с мечом в руках, не Богу приписывая свою удачу, а собственному мужеству и военному опыту. По отношению к делам империи являет себя неограниченным повелителем и прежде всего почтил отменными наградами тех, которые оказали ему содействие в задуманном предприятии².

В заботах о народной пользе он назначил многих дозорщиков за сборами податей. За Великой церковью утвердил право непосредственного распоряжения всеми ее имуществами, совершенно изъяв ее от государственной власти, так что как в ее земельных владениях, так в распоряжении священными предметами василевс не имел никакой власти, а все было подчинено Патриарху, как назначение должностных лиц, так и заведывание администрацией. Приказав доставить в столицу из кастроны Пимолиссы свою жену, объявил ее августой и *севастой*. Собственного брата Иоанна и Катакалона Кекавмена почтил саном куропалатов, брату кроме того дал звание великого доместика. Так как от материальных средств зависит все, и военное дело пришло в упадок и в конец расстроилось вследствие отсутствия денег в казне, и со всех сторон поднялись против Ромейской державы враги, что не мог он не вменять себе в бесслаvie и что его крайне беспокоило, то он стал беспощадным сборщиком податей с тех, которые задолжали в казну, и сам первый прекратил раздачу привилегий. Обратил он внимание на бережливость в расходовании государственных средств и озаботился приращением казенных имуществ. Почему многие частные лица лишились своих владений, так как он отменял жалованные им царские грамоты, равно как некоторые монастыри потеряли записанные за ними имущества под благовидным предлогом, что монахи должны довольствоваться малым.

Странное зрелище представляли эти столь знаменитые ромейские войны, храбрость которых подчинила Восток и Запад. Налицо было скромное число мужей, да и то одетых в рубища и удрученных скудостью, лишенных вооружения и вместо мечей и военных снарядов имеющих при себе колчаны и секиры; конники без коней и без прочего вооружения. Давно уже василевсы не выступали в поход, поэтому у военных людей, как не несших действительной службы, отняты были содержание и денежные выдачи. Они имели робкий вид, не имели мужества и казались неспособными ни на какое большое предприятие. И сами знамена, не возбуждавшие громкого крика, мрачные и как бы потускневшие, окруженные незначительным количеством воинов, производили на зрителя тягостное впечатление. Приходило на ум, как дошли до такого состояния ромейские во-

¹ Заговором военной провинциальной знати, поддержанным Патриархом Михаилом Кирула-рием, и разгромом в сражении войск василевса Михаила Стратиотика.

² Высших военных чинов, стоявших во главе азиатских фем: магистра Катакалона Кекавмена, вестарха Михаила Вурцу, Константина и Иоанна Дук и др.

йска и каких денег и какого труда будет стоить привести их в прежнее состояние: старые и опытные воины не имеют коней и снаряжения, а вновь набранная молодежь не имеет военной практики и опыта. С другой же стороны, неприятель, с которым придется иметь дело, известен своей отчаянной храбростью, настойчивостью, опытностью и искусством. Сознавая все это, василевс [Роман Диоген] тем не менее ради государственной пользы считал обязательным для себя идти на врага и по возможности ограничить и сократить его сильный напор. Неприятели же, не догадываясь о внутренних тревогах и колебаниях василевса, были крайне удивлены его неожиданным движением и пришли к заключению, как об этом мы осведомились после, что василевс не имеет никакого понятия об опасности своего предприятия, если мечтает с такими средствами восстановить в прежнем блеске ромейские дела и нанести поражение своим врагам.

**«История» Михаила Атталиата (ок. 1030–1100 гг., писал ок. 1080 г.)
о битве при Манцикерте**

Приход послов [сельчуков] еще не был ни отменен, ни отсрочен, а некоторые из приближенных василевса [Романа Диогена] убеждали его отвергнуть мир, как лживый по существу и скорее бесполезный, чем сулящий выгоды. Ведь султан, говорили они, боится [нас], ибо не имеет значительных сил и, ожидая войска, идущие следом за ним, выигрывает время, чтобы соединиться с остальными силами. Эти речи толкали василевса на войну. Таким образом, тюрки (сельчуки) хлопотали у себя о деле мира, василевс же, издав боевой клич, неожиданно одолел в [первой] схватке. Молва об этом, достигнув врагов, поразила их. Пока же они, также вооружившись, отогнали беспомощную толпу [своих] в тыл, а сами тотчас сделали вид, что построились в военный порядок. Но большинство их [тут же] обратилось в бегство, увидев выстроившиеся в порядке и военном великолепии фаланги ромеев. Тюрки отступили назад, а император устремился следом за ними со всем войском [и преследовал их], пока не наступил вечер. Однако, не встречая у врагов сопротивления и зная, что лагерь лишен конных воинов и пешей стражи, ибо у василевса не было с собою достаточного войска, чтобы и здесь оставить защиту, [к тому же] большинство воинов [...] было утомлено еще раньше, василевс решил не продолжать более преследование, чтобы тюрки, устроив засаду, не напали на беззащитный лагерь. Вместе с тем он учитывал, что, если он продолжит свой путь, ночь настигнет его при возвращении и тогда тюрки, будучи хорошими стрелками из лука, изменят направление своего бега на противоположное. Поэтому, повернув царское знамя, он возвестил, что пора вспомнить о возвращении. Стратиготы же, оказавшиеся далеко от своих фаланг, видя поворот царского знамени, решили, что василевс потерпел поражение. Многие, впрочем, уверяют, что некто из злоумышлявших против василевса, двоюродный брат Михаил, пасынок василевса, давно затаив на него злой умысел, сам сел среди стратиготов подобные слухи и тотчас, захватив своих [воинов], а ведь ему по доброте василевса была вверена немалая часть войска, вернулся, как беглец, в лагерь. Подражая ему, и соседние с ним отряды один за другим без боя обратились в бегство, а за ними и другие. Тогда василевс, видя бессмысленное и беспричинное бегство, остановился вместе с окружавшими его людьми, призывая, как обычно, своих [воинов] прекратить бегство. Но никто не повиновался.

Те же из неприятелей, которые стояли на холмах, видя неожиданную беду ромеев, сообщили султану о случившемся и убеждали его повернуть на ромеев. И вот после возвращения султана тотчас и неожиданно для василевса битва разразилась. Приказав

окружавшим его не поддаваться и не впадать в малодушие, василевс долго и мужественно защищался. Среди прочих же [воинов] вне укреплений лагеря, захлестнутых волною паники, стоял разноголосый вопль, господствовало беспорядочное бегство, и никто там не сказал нужного слова. А если и говорили, то один о том, что василевс храбро сопротивляется с оставшимися у него воинами и что варвары уже обращены в бегство, другие же возвещали о его гибели или пленении, третьи же болтали совсем другое и приписывали победу то той, то другой стороне, пока не начали многие из бывших с василевсом в походе каппадокийцев дезертировать оттуда целыми отрядами.

О том же, как я сам, стремясь отвратить поражение, встал на пути бегущих и многих из них задержал, пусть расскажут другие.

После этого многие из царских конюхов, возвращавшихся с конями, на вопрос о том, что случилось, отвечали, что не видели василевса. И какое было смятение, и плач, и горе, и ужас неудержимый, и пыль до небес, и, наконец, тюрки, нахлынувшие на нас отовсюду! Поэтому каждый, сколь у него нашлось рвения, или стремительности, или сил, вверил бегству собственное спасение. Неприятеля же, преследуя бегущих по пятам, одних убивали, других же взяли живыми, а третьих растоптали лошадьми [...].

Так обстояло дело с остальным войском. Но окружившие василевса враги отнюдь не легко и не сразу его одолели. Обладая военным и стратиотским опытом, знакомый со многими опасностями, он оказал сильное сопротивление нападающим, убив многих [из них]. Наконец он был ранен мечом в руку, а затем конь его был повержен стрелой, и ему [Диогену] пришлось сражаться пешим. И вот к вечеру, вконец утомленный, он смирился и стал пленником.

?

1. Подумайте, чем мог быть привлекателен для печенегов описанный Константином Багрянородным союз с ромеями?
2. Насколько типичным был способ устранения от власти Михаила V Калафата, описанный Михаилом Пселлом? Кто сыграл в этом устранении главную роль и почему?
3. Попробуйте найти объяснение падению уровня кадров клириков в Св. Софии в правление Константина Мономаха и Зои? С какими действиями царственной четы это могло быть связано?
4. Как синклитики, столичный правящий класс, по словам Михаила Пселла, относились к василевсу Исааку Комнину, почему они трепетали перед ним?
5. Проанализируйте рассказ Иоанна Скилицы и установите, чье недовольство должна была вызвать политика Исаака I Комнина? Почему его правление могло стать переломным, но не стало им?
6. Исходя из описания Иоанна Скилицы, найдите объяснение, чем была вызвана слабость ромейской армии?
7. Случайно ли было поражение василевса Романа IV Диогена при Манцикерте?
8. Что вы можете сказать о военном искусстве византийцев и сельчуков на основании приведенного рассказа Михаила Атталиата?
9. О чем умолчал очевидец случившегося, Михаил Атталиат, описывая сражение при Манцикерте? В чем его рассказ расходится с данными других источников?

§ 16. Загадка Комнинов

К концу XI в. в Ромейском царстве наметилась попытка изменить государственную власть, а точнее, «восстановить старый порядок» – строго централизованный государственный контроль над экономикой и чиновной элитой. Последующие сто лет, на которые приходится время правления императоров новой династии Комнинов (ударение на втором слоге), некоторые византилисты емко определяют как период «вестернизации», то есть озападнивания ромеев. Он был отмечен реформами по сокращению финансовой администрации и стабилизации денежного обращения, мерами, обеспечивавшими учет и сбор налогов, укреплением самодержавной царской власти и авторитета Церкви в провинциях, развитием византийских провинциальных городов, крупных династических и монастырских хозяйств, преобладанием провинциальной военной аристократии и ростом дорогостоящего наемничества в армии. В последний раз Византия сумела вернуть себе положение мирового лидера, но под нажимом политических обстоятельств ромейские правители расстались с иллюзией исключительности, единственности своей державы во всем мире и начали завязывать дипломатические связи с государствами западной Европы, вступать с ними в тесные контакты, приглашать на службу западных рыцарей, открывать рынки для итальянских купцов. Тогда же была предпринята попытка произвести очередную «перекалибровку» властных структур, придать классический феодальный характер самодержавию, государственной власти и обществу, создать клановую систему аристократических фамильных связей, однако в конечном итоге она оказалась непоследовательной, безуспешной и уже в конце XII в. василевсы вновь вернулись на путь не оправдавших себя прежних традиционных форм власти, то есть к той единственной модели, с помощью которой можно было управлять страной. В новых условиях это стало губительным для Ромейского царства, вынужденного с переменным успехом вести борьбу на два фронта – с сельчуками и норманнами, крестоносцами. При всем том деятельность первых Комнинов выглядит столь блестящей, что ужасающий крах, которым завершилось правление представителей этой безусловно выдающейся династии, кажется чем-то загадочным, почти мистическим.

Царственный клан

В течение своего короткого, трехлетнего правления старый, основательно потрепанный жизнью Никифор Вотаниат не сумел расположить к себе ни военных, ни духовенство, ни обнищавший, бедствующий народ. Знать оказалась недовольна сокращением раздач из оскудевшей, растроченной казны, духовенство не могло простить василевсу его третьего, запрещенного Церковью брака с молодой, умной и красивой Марией Аланской, которая годилась императору во внучки. Тяжким преступлением в глазах всех стало устранение от наследства законного наследника престола, Константина, маленького сына Михаила VII Дуки. Не удивительно, что попытки узурпации престола продолжались. Вместо того, чтобы помочь Империи, безответственные и жадные глупцы, ревниво отстаивавшие только свои интересы, упорно продолжали сражаться за ее полутруп.

Так, бывлой герой-неудачник баталии при Манцикерте, армянин Никифор Васи-лаки, на этот раз наместник адриатического портового *Диррахия* (ныне Дур-рес в Албании), поднял мятеж, захватил Фессалонику, но был выдан своими же сподвижниками. Потом восстал брат Михаила VII, Константин Дука, но василевсу удалось договориться с войсками незадачливого узурпатора, который тоже был выдан и отправлен в ссылку. Наконец, малоазийский аристократ, Никифор из известного, могущественного семейства Мелиссинов, создав свою базу в древней Никеи, двинулся на Константинополь, но не успел: в первый день Пасхи, 1 апреля 1081 г. в столице произошел очередной дворцовый переворот и после продолжавшихся целый день диких грабежей и насилий, чинимых как наемниками, так и коренными ромеями, уже в Пасхальное воскресенье Большой императорский дворец и трон занял овладевший Городом племянник василевса Исаака Комнина, великий доместик Алексей Комнин, дальновидный политик, талантливый, перспективный военачальник с непревзойденной военной репутацией, которого обожала армия. Никифор Мелиссин, свояк Алексея, после этого удовлетворился титулом кесаря и передачей ему во владение второго по значению города Империи – Фессалоники. Трясущийся от дряхлости, согбенный старец Никифор Вотаниат вынужден был отречься от престола и постричься в монахи огромного столичного монастыря Богоматери Перивлепты, впрочем, переживая не столько об утрате трона, сколько о том, что отныне ему не придется вволю есть мяса.

Алексей I (1081-1118 гг.) благодаря матери, знатной и умной Анне Даласине, имел связи со многими видными аристократическими семействами, в частности, членами сильного рода Дук. Его брак с 15-летней Ириной Дукеней, дочерью предательски отступившего при Манцикерте Андроника Дуки, обеспечил ему поддержку не только одного из самых влиятельных семейств Ромейского царства, но также клира, Патриарха Космы и большей части аристократии. Его защитницей стала даже императрица Мария Аланская.

Алексей Комнин был великолепным, храбрым полководцем, каким стал уже с 14 лет, принимая личное участие в боях с сельчуками и при этом не проиграв ни одной битвы за исключением Манцикерта. Именно этому способному, деятельному, скрытному, 33-летнему, слегка картавившему, коренастому человеку с густой бородой, мощным подбородком и широкими плечами было суждено остановить наконец долгую череду переворотов в несчастной Византии и основать последнюю великую византийскую династию – Комнинов. Таким образом, представители этого семейства пришли к власти в результате компромисса с рядом аристократических кланов и находились у власти с 1081 по 1185 г. Их герб – корона на лазоревом поле, которую держат две руки, больше столетия будет осе-нять Ромейское царство.

Новому василевсу досталось жуткое наследство. Маститый английский историк XVIII в. Эдвард *Гиббон*, немало поспособствовавший очернению Византии, на этот раз справедливо писал, что «...небесное правосудие, вкупе с пороками предшественников Алексея, именно в период его царствования обрушило на Империю все бедствия, какие только могут постигнуть приходящее в упадок государство». Расстроено было все – хозяйство, управление, финансы, армия, которая свелась к немногочисленным рыцарям-наемникам, отрядам из провинциальной городской милиции и из слуг или членов свиты родственников императора и знати. Василевсу и другим его преемникам из дома Комнинов пришлось действо-

вать в очень сложное для ромеев время. Византия, находившаяся в состоянии депрессии и распада, стояла на краю гибели: с пустой казной, ослабленная внутренними смутами и близорукой политикой на границах, разрушившей заслоны из союзных народов, она была окружена, как железным кольцом, различными беспощадными и опасными врагами, с запада – норманнами, с севера – печенегами, с востока – сельчуками, которые, что особенно важно подчеркнуть, лишили Ромейское царство основы ее мощи – Малой Азии. Как образно и вместе с тем метко заметил Вальтер Скотт, управлять своими распадающимися провинциями Алексей I «...мог не больше, чем издыхающая лошадь может двигать конечностями, на которых уже расселись вороны и ястребы, терзающие добычу».

Но пришедшему к власти императору удалось справиться с мятежами служилой знати, придворными интригами и уже в течение первого, очень трудного десятилетия своего правления восстановить силу армии и равновесие на границах. Он обратился к народу с призывом предоставить материалы и рабочие руки для строительства кораблей, потребовал снабжать войска в походах бесплатным хлебом, обеспечивать кровом и транспортом. И, хотя эти меры сделали армию крайне непопулярной среди гражданского населения, и без того не любившего ее, византийцы вскоре смогли остановить натиск неприятеля, сами перешли в наступление и обеспечили Ромейскому царству еще столетие славы и процветания.

При первых трех наиболее энергичных представителях новой династии – Алексее I, его сыне, Иоанне II (1118-1143 гг.), и внуке, Мануиле I (1143-1180 гг.), – Византия расширила свои границы и вновь находилась в ряду крупнейших мировых держав (Карта 5). Как и прежде, государство ромеев в XII в. поражало западных путешественников богатством и невиданной роскошью дворцов и храмов, искусством ювелиров и ткачей, образованностью подданных. То, что произошло, считается византийским феноменом. Империя ромеев еще раз показала всему миру, что она способна возрождаться будто сказочный феникс из пепла.

Но вслед за неожиданным взлетом, в короткое, заключительное пятилетие, пришедшееся на царствование малолетнего Алексея II (1180-1183 гг.), сына Мануила, и Андроника I (1183-1185 гг.), самого своеобразного, скандального, лукавого и авантюрного из последних Комнинов, Византия пережила новый политический упадок. Будто молния сразила ствол могучего с виду дерева, оказавшегося внутри трухлявым. До нынешнего времени остается не полностью разгаданными причины столь стремительного подъема и столь же быстрого упадка Ромейского царства, эта загадка последней по настоящему великой византийской эпохи – эпохи Комнинов.

Первые три василевса из новой династии обладали незаурядным умом, энергией и дипломатическим искусством, были одаренными политическими деятелями, неутомимыми воинами. Их жизнь проходила не в роскошных покоях царского дворца, а в непрерывных военных кампаниях, походах, когда приходилось продираться сквозь заросли, пересекать опаленные солнцем степи и ночевать под открытым небом.

В своей политике они сделали ставку не на столичную имперскую или провинциальную знать, одинаково шаткую опору, а на единственное, что оставалось – семью, своеобразный «комниновский клан» из родственников и близких друзей. 33 аристократические семьи – преимущественно выходцы из восточных пограничных областей Империи – Даласины, Мелисины, Дуки, Вриении, Па-

леологи, Торники, Катакалоны, Пакурианы, Кондостефаны, Враны и другие, как и сами Комнины, окрепшие еще во времена Василия II Болгаробойцы, связанные сложными династическими брачными, родственными и дружественными узами с новым императорским домом, монополизировали всю государственную власть, занимали теперь ключевые должности, стремились жить в столице и образовывали фамильную систему Комнинов, вобравшую в себя прежних соперников. Теперь они управляли обширными государственными землями, получая с них доходы, земельные ренты, владели собственными несметными богатствами, поместьями, скорее напоминавшими города, содержали свиту, какую мог себе позволить не всякий монарх. Им принадлежали крепости, села, рынки, прекрасные дворцы, корабли и прочие ценности. Этот союз с рядом знатных кланов позволил Комнинам восстановить центральную власть в провинциях. Даже политические разногласия стали теперь преимущественно внутрисемейными, сосредоточившись внутри этого узкого круга.

Зато старые аристократические, главным образом, армянские фамилии – Склиры, Фоки, Аргире, Куркуасы – сошли с политической сцены. В немалой степени это объяснимо тем, что их владения находились, в основном, в Малой Азии, беспощадно ограбленной сельчуками.

Кроме того, деловые посты Ромейского царства теперь занимали люди незнатного происхождения, не отличавшиеся изысканной речью и хорошими манерами, но преданные династии и обладавшие умом и энергией.

Вот некоторые из них. Иоанн Аксук, пленный сельчук-мусульманин, еще в детстве подаренный крестоносцами Алексею Комнину, после принятия Крещения начал свою карьеру прислужником во дворце, а при Иоанне Комнине стал уже командующим армией – великим доможителем и пользовался таким влиянием, что даже члены царской фамилии при встречах с ним сходили с коней.

Иоанн Каматир («Трудолюбивый») пользовался колоссальным влиянием при дворе Мануила I. Он вовсе не был похож на утонченного вельможу, проводившего дни в изысканных беседах и за книгой. Атлетически сложенный, храбрый и честолобивый, Иоанн, говорят, и пальцем не коснулся философии. Но зато прославился своим обжорством и умением выпить. Однажды он, забавы ради, осушил, «словно бык», целый таз воды и выиграл спор у императора. Чтобы вволю поесть столь любимых им зеленых бобов, Иоанн готов был плыть среди ночи через реку. Во время разгульных пиришеств и сверхобильных возлияний он охотно пел и плясал, быстро перебирая ногами, и при этом, «насыщаясь вином как губка», никогда не теряя ясности мысли, чем приводил в восторг иноземных правителей, к которым Каматир успешно ездил с посольствами.

Иоанн Путицкийский, начав службу с мелкого чиновника, сумел дослужиться до поста главы финансового ведомства Империи. Он достиг такого могущества, что, как рассказывают, утверждал или напротив, разрывал в клочья царские постановления. Иоанн был особо изобретателен по части придумывания новых источников дохода, за что его и ценила власть.

Над скупостью логофета потешались. Однажды, важно шествуя по константинопольскому рынку, в сопровождении свиты, Иоанн заметил новенькую подкову, валявшуюся в пыли. Он немедленно послал слугу подобрать

ее, но едва тот дотронулся до железа, как закричал от боли. Оказывается подкову специально раскалили и подбросили, чтобы поиздеваться над мелочностью всесильного императорского чиновника.

Иоанн Путицкий отличался суровостью нрава: легче казалось жалобить камень, нежели его. Но зато он обладал редкой честностью – логофета невозможно было подкупить дарами и приношениями, что для привыкших к взяточничеству ромеев было само по себе удивительно.

В противовес высшей местной знати, продемонстрировавшей свою низкую боеспособность, Комнины стали поддерживать иноземных западных рыцарей, поступавших на службу к василевсам и нашедших в Ромейском царстве вторую родину. Не связанные с византийской аристократией, они верно служили императорам, так как их благосостояние полностью зависело от милости и щедрости государя.

XII столетие, в целом, довольно благополучное в плане экологических и климатических условий, почти не знало случаев голода и стало благоприятным для сельского хозяйства, в котором окончательно утвердилось крупное землевладение. Кроме того, династии удалось опереться и на городское население Ромейского царства. Василевсы проявляли заботу о городах, которые по-прежнему оставались крепостями: отстраивали разрушенные и пришедшие в упадок, даже возводили новые, содействовали их коммерции, развитию товарообмена между городом и селом. Это была относительно короткая, но яркая эпоха расцвета и преобразования многих провинциальных центров, которые несколько потеснили абсолютную роль Константинополя, продолжавшего оставаться суперполисом.

Реформы Комнинов

Если верить хронисту XII в. Иоанну Зонаре, уже Алексей I видел себя «...не управителем, а хозяином, считая и называя империю собственным домом». «Он вел государственные дела так, – осуждающе пишет Зонара, – как если бы это были его частные дела, то есть не как их управляющий, но как их господин, и все, что принадлежало обществу и фиску, рассматривал как свою собственность». Таким образом, это был отход от прежних государственных порядков и приемов управления, в которых царь был лишь ключевой частью царства, но не его собственником. Тем самым создавался перекосящий баланс власти и опасный прецедент для развития феодализации, прежде слабо знакомой Византии.

Василевсы из рода Комнинов действительно стали рассматривать страну как нечто находящееся в личной собственности правителя, государя – хозяина своих владений. Они считали, что престол Империи ромеев – достояние их семьи, а само Ромейское царство – их дом. Все чиновники рассматривались как слуги-рабы царя. Правящая социальная элита стала наследственной аристократией, внутри которой господствовали несколько могущественных родов, от которых в свою очередь зависело множество семейств менее знатных. Все они по праву традиции считали высшие государственные должности своими и отождествляли свои интересы с интересами централизованной Империи. Но только сам автократ мог назначать себе наследника, уже не считаясь с мнением синклита и войска. Многое из наследия Римской империи и системы феодального строя теперь было отброшено, вытеснено новым. В провинциях власть постепенно переходила к местной знати, укрепившей свои позиции. Несмотря на высокую степень

централизации правительства Ромейское царство стало приобретать некоторые черты феодальной монархии.

Выражением разрыва со старой системой стало появление в конце XI в. новой иерархии титулов. Теперь, в соответствии с происходившей аристократизацией общества, она носила чисто аристократический характер и распространялась на всех чиновников, как прежде, а только на высшие слои знати, да и то не все. Прежние основные титулы византийской служилой знати – магистр, анфипат (проконсул), патрикий и протоспафарий обесценились и практически вышли из употребления. Следовательно, за бортом аристократических разрядов административная реформа специально оставила большую часть константинопольских вельмож. Вертикальная социальная мобильность сворачивалась, «социальный лифт» теперь возносил на верх лишь избранных. Новые титулы *севастократор*, *протосеваст*, *севаст* присваивались лишь членам царской фамилии, родственникам и ближайшим знатым соратникам. Звания *новелиссимов*, *куропалатов* и *проэдров*, как и прежний титул кесарь, теперь давались аристократам второго порядка, как правило, высшим сановникам, придворным. Из головоломной комбинации отдельных титулов и эпитетов возникают все новые возможности для повышения – *паниперсеваст*, севастоипертат, пансевастоипертат, протопансевастоипертат, энтимоиPERTAT, панэнтимоиPERTAT, протопанэнтимоиPERTAT, *протоновелиссим*, протоновелиссимоипертат и тому подобное. Самое главное, рядовые чиновники теперь оказываются вне «табели о рангах».

Правящий класс обрел новые формы, а управление Ромейским царством – все характерные черты последней фазы византийской истории. С этих пор родовитость, родственная близость к правящему императору, к его клану выдвигаются на передний план, благородство крови становится эталоном знатности. До IX в. ромеи знали только ценность добродетелей, которые зависели от Бога. Теперь стала ощущаться потребность в предшественниках, ценность связей с известной семьей. Принадлежность к роду определяла место человека в этом новом обществе, а не занимаемая должность, как ранее. Лучшие офицеры армии стремились вступить в брак с женщинами из семей, родственных царской, и таким образом пополнить ряды высокой аристократии. Понятия «чиновник» – архонт и «знатный человек» перестали быть словами-синонимами. По мере того, как эта аристократическая элита эволюционировала, социальное расслоение все возрастало. Но при всем том многоступенчатая иерархическая лестница из сеньоров и вассалов, присущая классическому феодализму, в Ромейском царстве так и не сложилась.

Византия обладала сложным, разветвленным, громоздким, вездесущим и довольно дорогостоящим бюрократическим аппаратом, который контролировал всё и вся. Дабы уменьшить бремя расходов на его содержание, Комнины сократили и упростили административное управление государством, подстроив его под себя. Это принесло успех. Огромный штат чиновников подвергся сокращению, многие из них вынуждены были искать себе другие занятия, становились адвокатами или земельными собственниками в провинции.

За всей центральной администрацией, секретами (ведомствами, приказами) теперь, согласно административной реформе Алексея I Комнина, следили новые управляющие и контролеры во главе с логофетом секретов. Позже, к концу XII в. его стали именовать великий *логариаст* (по-гречески мегас логариастис)

или просто *великий логофет*. С этой должностью старшего чиновника все чаще соединялись функции по сути дела первого министра и одновременно советника, фаворита царя – *месаона*, дословно «посредника», или *меситевона*. Логофеты имперских владений, куда входили и казенные приюты, тоже отвечали за налоги. Кроме того, важную роль продолжали играть логофет дрома, ведавший иностранными делами, эпарх Константинополя, *великий друнгарий*, командовавший царской дворцовой стражей – виглой, дословно «часами», хартуларий сакеллия, заведовавший государственной казной, хартуларий вестиария, отвечавший не только за царский гардероб, но и за государственные запасы в натуре, чиновник икиака, собиравший доходы с государственных поместий – икосов. Для улучшения системы правосудия была создана должность *дикаиодотов* – чиновников, возглавлявших собственный суд. Имперскую казну стали охранять два небольших гвардейских подразделения *вестиаритов*.

При этом вся вертикаль власти держалась на одном стержне – фигуре автократора, его клане, который единственный принимал решения. И это клан не хотел делиться властью. Управление государством, монополизированное Комнинами, все больше перемещалось во дворец и только во дворец. Недаром именно придворные занимали первостепенное место в иерархической лестнице Ромейского царства и в армии. Зато синклит и народ Константинополя окончательно потерял свои былые значение и права. Недаром членами синклита теперь становились даже некоторые члены столичных торгово-ремесленных объединений. Сенаторы в лучшем случае оставались «собеседниками» василевса, к которым он то прислушивался, то полностью игнорировал. Феодализация общества привела также к тому, что евнухи наконец были отстранены от власти.

Василевсы стали более эффективно использовать государственные и налоговые средства. Они росли за счет завоеваний, земель, перешедших в собственность государства, конфискации имущества многочисленных мятежников. Все это не распродавали по низким ценам, за бесценок, как прежде, а организовывали имперские куратории из общественных земель, на которых селили государственных париков. Налоговую систему тоже удалось приспособить к новым условиям господства крупной земельной собственности. Само право собственности на землю ассоциировалось в сознании византийцев с уплатой с этой земли налогов. Неуплата налогов воспринималась как отсутствие собственнических прав.

Гораздо больше внимания уделялось провинциальным городам, которые на некоторое время стали опорой Комнинов. Они упрочают свое положение, хотя остаются сравнительно небольшими, редко превышая 10 тысяч жителей, если не считать таких старых больших полисов как расцветшие Фессалоника, Смирна и города Востока – сирийские Антиохия, Эдесса, армянский Ани около озера Ван. Но даже небольшие крепости быстро превращаются в оживленные центры ремесла и ярмарочной торговли, а их местная знать, землевладельцы средней руки, именитые горожане вкладывают средства в торговлю и ремесло, таких как производство вина, оливкового масла, керамики, стекла, и получают таким образом прибыль от развития собственной региональной экономики. В отличие от константинопольской знати, пренебрежительно относившейся к торговле, местные землевладельцы гораздо охотнее занимались коммерческими предприятиями, даже если это не давало высокого положения в обществе. Будучи патристически настроенными, они оказываются заинтересованными в развитии соб-

ственных городов, не менее, чем в признании Константинополя. Вместе с тем в отдельных случаях растет их роль в области экономического посредничества между провинциями и столицей, что увеличивает доходы государства. В некоторых провинциальных городах, таких как греческие Фивы и Коринф, активно работают шелкоткацкие эргастии, продукцию которых прямо на месте охотно закупают итальянские купцы. Ромейские рынки вновь становятся привлекательными для иноземцев.

Но производство предметов роскоши в основном концентрируется в Константинополе, который продолжает обладать самым большим рынком. Его экономическая жизнь жестко контролировалась эпархом. Историк Никита Хониат писал, что городское население группировалось вокруг «дел», «занятий», по-гречески *технаи*, а техниты столицы в свою очередь были организованы в системы и силлоги, тогда как рыночный люд – агораи собирались в факции, чтобы защищать своих от засилия царской администрации. Следовательно, политическая и социальная роль горожан все же не была совсем ничтожна, а численность их росла, учитывая медленный демографический рост, начавшиеся с XI в. Во всяком случае, Константинополь вновь достиг своих максимальных показателей населения, приблизившихся к 400 тысячам жителей.

Несмотря на значительное упрощение системы налогов и стандартизацию их ставок, а отчасти благодаря этому, рост производства вел к увеличению налоговых поступлений. Их сбор теперь координировали и контролировали провинциальные практоры, полагавшиеся на тщательно составленные писцами-апографами подробнейшие описи всех обложенных налогами земель. Тягость плательщика легко себе представить, если вспомнить, что уже при Алексее I, вынужденном решиться на исключительную меру – занять сокровища у церквей, на основные подати стали накладывать дополнительные статьи – дикерат, эксафолл, элатикон и другие, которые составляли почти четверть от суммы основных налогов. Выросли и злоупотребления из-за системы откупа или аренды податей. Крестьян еще больше обременяли натуральными повинностями и отработками, среди которых значились постройки кораблей, крепостей, укрепление мостов, обслуживание, ремонт дорог, постой солдат, поставка для государственных нужд дров, угля, всевозможных продуктов по низким ценам. Тем не менее в казну стекались доходы с императорских доменов и поместий, которые росли, пошлины с иноземных купцов. В стране фактически исчезает рабство. Показательно, что на некоторое время затухают народные движения. Они встречаются, как, например, восстание «голых» на острове Корфу в 1147 г., когда из-за тяжести налогов бедняки вступили в сговор с норманнами, но не носят массовый характер.

Удалось поправить и расстроенные финансовые дела Ромейского царства, восстановить относительную стабильность золотой и серебряной монеты, хотя при этом пришлось пойти на значительное, едва ли не в три раза обесценение денег, то есть девальвацию¹: Сказались нехватка драгоценных металлов в момент экономического роста и дефицит имперских финансов. Дело в том, что многие провинции оказались завоеваны и поступление налогов с них прекратилось именно тогда, когда военные расходы особенно возросли. В результате мо-

¹ Уменьшение официального золотого содержания денежной единицы страны и снижение её курса по отношению к валютам других стран.

нетной реформы 1091 / 1092 гг., последовавшей вслед за предшествующей почти вековой порчей монет, была отменена старая система номиналов – номисмы, милиарисии, фоллисы. Вместо нее была введена новая система из золотого иперпира, номисмы из электра, сплава золота и серебра, и медного тетартерона. Более того, в обращение были введены причудливые монеты вогнутой формы, которые невозможно было ни с чем спутать. Отныне новый золотой, хотя его и стали величать иперпир – дословно «сверхчистый», или просто перпер, на деле лишь на треть состоял из золота, а остальная добавка к нему была из серебра. Серебряный милиарисий был заменен новой, вогнутой монетой, которую называли трахи – «неровная» и которая состояла из электра или из низкопробного серебра. Тем не менее эти деньги продолжали широко использовать в международной и особенно внутренней торговле в течение последующих ста лет. Безусловно, громадной заслугой Алексея I Комнина стало то, что в 1106-1109 гг. ему удалось реформировать запущенную фискальную систему.

Второй из Комнинов – смуглый, темноволосый Иоанн (1118-1143 гг.), при всей своей внешней малопривлекательности отличался особенно богоугодной и высоконравственной жизнью. Из-за этого он даже получил прозвище Калоян, то есть «Калеиоанн» – «Прекрасный Иоанн». Унаследовав лучшие качества Алексея I, он и правил достойно, справедливо, с разумной трезвостью и целеустремленной энергией, стараясь не прибегать к обычным в то время пыткам в отношении противников, казнил по крайней необходимости, занимался щедрой благотворительностью, осуждал роскошь, был воздержан во всем и даже не терпел сквернословия. Прямой и твердый человек, Калоян старался заручиться поддержкой интеллектуальной элиты, представителей которой охотно брали в канцелярии, приглашали ко двору для сочинения речей, назначали на важные церковные посты.

Вообще, все Комнины были показно благочестивыми, энергично боролись с еретиками, старательно «прикармливали» верное им духовенство, давая щедрые пожалованья, дары, париков и стремясь одновременно всячески воспрепятствовать росту независимой Церкви и монашества. Царская власть стремилась свернуть интеллектуальные свободы, активно вмешивалась в духовную сферу, пыталась установить контроль над ней. Константинопольский патриарший престол теперь занимали ставленники Комнинов, а императоры вмешивались даже в решение догматических вопросов, стремясь унифицировать богословскую мысль. Давая одной рукой, другой они иногда брали у Церкви, и немало, считая не зазорным при необходимости, из-за нехватки средств покуситься на ее имущества и сокровища.

Но особенно много внимания было уделено восстановлению и укреплению армии и военного аппарата Ромейского царства. Их пришлось восстанавливать фактически на пустом месте. Все наместники, правители областей, особенно пограничных округов, и главы крупных воинских регулярных частей, обладавшие как военной, так и гражданской властью, теперь носили титул дуки, им подчиненные – катепана. Уже с конца X – начала XI вв. они стояли вне делавшейся все более неэффективной прежней системы местных военных округов-фем и фактически защищали эти фемы. Хорошо известное прежнее наименование «стратиг» окончательно исчезает во второй половине XI в. Над городскими гарнизонами начальствовали *прокафимены*, тогда как комендантами крепостей являлись *ка-*

строфилаки. Военно-морским флотом, вновь возрожденным, отстроенным тоже практически с нуля, командовал **мегадука** – дословно «великий дука», «адмирал», который объединил командование провинциальными флотами и постоянной императорской флотилией в Константинополе. Два доместика – Востока и Запада теперь назывались **великими доместиками**. Императоры, начиная с самозабвенно отдававшемуся военному делу Алексея I, лично участвовали в военных учениях и так же лично, не доверяя никому, руководили войсками во время боевых действий. Все высшие военные должности находились в руках царской фамилии и ее ближайшей или дальней родни. Не случайно даже в выпусках монет Комнины начали широко использовать образы святых воинов, своих покровителей.

Старое ополчение из рекрутированных крестьян теперь играло совершенно второстепенную, подсобную роль, набор новобранцев был затруднен, годные к службе всеми способами стремились уклоняться от нее. Первые Комнины еще пробовали восстановить народную армию, сажали на землю поселенцев-стратиотов из числа переселенцев, пленных, но без особого успеха. Именно так возникла воинская часть **архонтопулов** из двух тысяч сыновей отслуживших или погибших солдат. Но в остальном армия все больше пополнялась многоязычными наемными формированиями. Для укрепления ее боеспособности вводили все новые поставки. Заботясь о кавалерии, василевсы покупали отличных боевых лошадей у венгров и сельчуков. Они передавали налоги на откуп отдельным лицам и взамен начинали требовать поставок для армии обученных воинов. И аристократия, и семьи синклитиков, и монастыри сильно страдали от разного рода взиманий. К примеру, на жителей Эгейских островов была возложена обязанность поставлять определенное количество военных судов и моряков. Новой и выгодной для государства Комнинов практикой стали **ория** – обложенные налогами земли, фискальные землевладения, доходы с которых деньгами или натурой, произведенной продукцией шли на поддержание сухопутных и морских вооруженных сил. Ситуация меняется кардинально: если прежде, в докомниновские времена военной службы стремились избежать, то теперь все спешат к вербовщикам., записаться в армию, а военные становятся в государстве господствующим сословием, которое содержится за счет прочего населения. Как водится, армия тяжелым налоговым бременем падает на плечи населения.

Чтобы облегчит армейский призыв и уменьшить расходы на содержание иноземных войск и территориальных войсковых соединений, не включенных в регулярную армию и гвардию, Комнины пошли на отчаянный шаг. Они решили сделать службу прибыльной, особенно для ромейского офицерского состава, пойдя по пути организации новых государственных земель, которые давали на основе прониин. В основе этого понятия, ставшего социально-экономическим явлением, лежала совокупность пожалованных императором правовых привилегий. Так стала расти крупная земельная собственность, на которую были возложены обязательства государственной, прежде всего, военной службы. Прониары должны были прибывать в армию полностью вооруженными, на коне и приводить с собой солдат, набранных среди крестьян. Эти же крестьяне, которые жили на земле прониара, платили ему все налоги и сборы, что помогало таким помещикам разбогатеть. Однако подобные воинственные аристократы, несколько укрепив вооруженные силы Ромейского царства, скоро показали себя неспособными к войне. Да и удаление их из поместий привело к сокращению получаемой от

них продукции, столь нужной государству для все той же армии. Поэтому основной ударной силой окончательно стали бронированные каваларии, тяжеловооруженные воины с копьями, набравшиеся из высокооплачиваемых иностранных наемников, рыцарей, поскольку Империя ромеев так и не смогла в полной мере овладеть этой новой военной тактикой, применяемой на латинском Западе.

После введения соответствующих доспехов, экипировки и длинной, тяжелой пики, ромейское вооружение ни в чем не уступало оружию западных рыцарей, которых василевс Мануил Комнин называл «стальными котлами», в противовес грекам – «глиняным горшкам». По сути, это был тот же хауберк – железная кольчуга с капюшоном и кольчужные штаны, которые пристегивались к поясу. Голову прикрывал островерхий куполообразный шлем широко распространенного норманнского типа с наносником или маской, но пока еще без откидного забрала.

*В византийском войске служили норманны, англо-саксы (инглины), франки, немцы (немитцы), а также болгары, арабы-сарацины, печенеги и другие кочевники, поставлявшие легкую кавалерию. Особо выделялись превосходные норманнские всадники, «скифская» конница, аланская пехота и «британская» гвардия из англо-саксов с их ужасными обоюдоострыми топорами-секирами, свирепо крушившими врагов вместе с лошадьми. Правда, в третьей четверти XII в. в византийской армии появился корпус **вардариотов** – воинов из Македонии и Фракии, но это было уже недолго просуществовавшим исключением из правила. Позже вардариоты превратились в царскую, парадную, дворцовую охрану в эффектной красной одежде с причудливым желтым «персидским» колпаком в форме «огурца».*

Власти все боле наращивали масштабы найма иноземцев на военную службу в регулярные воинские соединения, хотя для поддержания их высокой боеспособности и воинской дисциплины им надо было обязательно регулярно платить. Часть этих людей, особенно с Запада, вербовали, когда они проходили через Константинополь, совершая пилигриммаж – паломничество в Иерусалим. Первоклассные храбрые воины, они имели одно слабое место – страсть к вину, которым до потери рассудка перепивались к каждому вечеру, ибо никогда его не разбавляли. Так, на службе в Византии оказался прославленный варанг Гаральд Гардрад, почти десять лет верой и правдой служивший василевсам, пока не угодил в тюрьму в 1044 г. Говорили, что он посватался к племяннице любвеобильной императрицы Зои, которая сама была равнодушна к могучему варангу и из ревности велела его арестовать. Тот совершил побег и на ладье со своими товарищами, будто на качелях, перелез через знаменитую гигантскую цепь, запирающую Золотой Рог: когда судно приблизилось к препятствию, Гаральд командовал всем перебежать на корму, а оказавшись над цепью – броситься на нос и, таким образом, преодолел препятствие, перед которым пасовал флот арабов и росов. Прибыв на Русь, отважный авантюрист побратался с князем Ярославом Мудрым, а потом вернулся на родину, где в 1046 г. стал королем Норвегии. Он погиб в печально известном 1066 г. при неудачной попытке совершить вторжение в Англию. Эта попытка дорого обоилась англо-саксам, которые, потеряв силы, через неделю после схватки с викингами Гаральда Гардрада не смогли остановить рыцарей герцога Нормандии Вильгельма Завоевателя, захвативших страну. Многие из них, не пожелав жить под чужеземцами,

разорившими их, массово ушли в изгнание, став наемниками ромейских императоров и особенно охотно сражались в Италии и на Балканах против ненавистных норманнов.

Кроме выходцев из западной Европы василевсы охотно поселяли в Ромейском царстве пленных, поработанных сельчуков (турок), «агарян» (арабов), «пеонцев» (венгров), далматов, сербов: получив свободу, они тоже зачислялись в воинские списки. Влияние иноземцев в армии быстро росло, давая повод делать о грехах несправедливое заключение как о лишенных военного мужества. По этому поводу кастильский еврей – путешественник, раввин **Вениамин из Туделы**, посетивший Константинополь в декабре 1171 г., отметил в своих путевых заметках, что «...они подобны женщинам, у которых отсутствует сила военного сопротивления». Вероятно, это преувеличение. Однако важно иметь в виду, что со времени окончательного крушения фемного строя вплоть до окончательной гибели Византии военная организация Империи действительно не имела жизнеспособной социальной основы в самом византийском обществе, да и ромейские дуки и стратиги-администраторы, превосходно разбираясь в военной теории, далеко не всегда могли похвалиться владением оружием.

Уже к началу XII в. Ромейское царство восстановило достаточно мощные военно-морские силы, которые, пережив короткий расцвет, оставались действенными несколько ближайших десятков лет, пока вновь не были утрачены: вместо своих византийцы стали пользоваться кораблями Венеции, Пизы, Генуи и других крупных морских республик Италии. Но при первых Комнинах ромейские эскадры вновь насчитывали сотни судов. Они присутствовали в Эгейском и Адриатическом морях, причем на эгейских островах был введен даже особый «военно-морской» налог. Мегадука находился под неусыпным надзором василевса. Реформа флота сделал его полностью наемным – экипажи кораблей больше не комплектовали по принципу набора в морских фемах. Широкое использование «жидкого огня» и маневрового косо́го паруса обеспечило успехи на море.

Разумеется, все это, – профессиональную армию, крепости, гарнизоны, флотилии, – надо было поддерживать и развивать, что обходилось слишком дорого, требовало все больших средств и в конечном счете оказалось непосильным бременем для ресурсов Ромейского царства и его казны. Прочность подобной системы оказалась невелика еще и потому, что зависела от веры населения в Богом избранного государя. Да и вообще, большим государством нельзя править как собственным поместьем, в «ручном режиме», а именно так поступали все Комнины.

***Поворот к Западу –
беда с Востока.
Кровь Мириокефала***

Несмотря на приведенные выше оговорки, приходится признать, что представители новой династии сделали многое в деле укрепления Византийской империи. К середине XII в. государство ромеев вновь

стало одной из сильнейших и богатейших держав Средиземноморья.

К началу 70-х годов XII в. внешняя политика Ромейского царства достигла значительных успехов. Предшествующий период бедствий и «героической обороны», длившийся почти до конца XI в., ушел в прошлое. Гибель, казавшаяся неминуемой и близкой, миновала, а потускневшая репутация Византии восстановлена. Половцы-куманы были давно уstraшены. С их помощью наседав-

шие печенеги, которым не хватило одного дневного перехода до стен замершей в страхе, запертой столицы Империи, оказались наголову разгромлены 29 апреля 1091 г., после чего среди ночи, по условному знаку ромеями была беспощадно истреблена вся оставшаяся печенежская орда вместе с плененными воинами. Об этой необыкновенной, ужасной резне, когда «...погиб целый народ вместе с женами и детьми, численность которых выражалась в громадных цифрах», даже сложилась поговорка: из-за одного дня скифы не увидели мая. С этой победы, – самой значительной со времен Василия II, – Ромейскому царству перестала угрожать опасность соединения европейских и азиатских тюрок – печенегов и сельчуков. Это был серьезный урок другим варварам. Венгрия и Сербия признали господство ромеев. Сельчуки не были разбиты полностью, но оказались оттеснены вплоть до центральной части Малой Азии и некоторое время не решались открыто поднять оружие. Их вождь Чаха, эмир Смирны, опасный авантюрист, хитроумный пират, хорошо знакомый с положением ромейских дел и строивший дальновидный план взятия Константинополя с моря, был убит по приказу своего тестя, эмира Никеи в результате интриг византийского императора.

На пользу Византии удалось обратить даже священную войну объединенных сил Европы против мусульман – Первый Крестовый поход западных рыцарей (1096-1099 гг.), направленный на отвоевание у сельчуков Иерусалима и Святой земли. Его спровоцировали Римские папы и другие католические проповедники своими призывами силой отнять у мусульман Восток, а также сам василевс Алексей I Комнин неоднократными просьбами о найме на Западе вспомогательных войск и помощи страдающим от неверных христианским общинам в Малой Азии. В итоге плохо организованные, но неисчислимые как песок и истерично преданные вере вооруженные паломники «воинства Христова», известные нам как крестоносцы, общим числом более 100 тысяч, вторглись на территорию Империи ромеев по нескольким сухопутным и морским маршрутам, которые пересекались в Константинополе.

Самая богатая, самая огромная и самая роскошная столица мира с ее невообразимо величественными дворцами и церквями с загадочными обрядами произвела на эту неуклюжую, немытую толпу впечатление чего-то совершенно невероятного, вскружила головы. Ее надменные, экстравагантно разодетые в яркие платья аристократы и накрашенные, благоухающие, увешанные драгоценностями дамы, сопровождаемые по многолюдным улицам и рынкам множеством слуг и надутых евнухов, вызвали смешанное чувство восхищения и черной зависти.

К своему крайнему изумлению крестоносцы застали византийского императора не столь беспомощным, как им представлялось. Он не только не унижался, но, поняв, что пришельцы с Запада высоко ценят клятвы, требовал себе вассальной присяги и договаривался о городах, которые крестоносцы завоюют у турок, причем часть этих турок оказалась у него на службе и в прямом смысле попортила крестоносцам немало крови. Именно в этом следует искать объяснение причин недоверия, взаимных недоразумений и горьких объяснений рыцарей с ромеями, а также попыток некоторых крестных вождей заключать союзы с тем народом, против которого было направлено крестоносное движение.

В итоге после известных треволнений, даже сражений с латинами, Алексей с помощью тех же латинов, воинственных герцогов и графов с развязными, дурными манерами, не устоявших перед огромными богатствами, какими их

соблазнил император, сумел потеснить погрязших в распрях сельчуков. К примеру, василевс до глубины души потряс своего старого врага, честолюбивого Боэмунда Тарентского, старшего сына ненавистного Робера Гвискара и главу южно-италийских норманнов, одарив его золотом, серебром, изысканными шелками, сложенными в дворцовом помещении так обильно, что туда трудно было войти. Понимая, что он имеет дело не с простыми наемниками, император ежедневно, как пишет хронист, посылал армии крестоносцев столько золота, что только два, а часто и четыре человека могли его унести, и это не считая отдельных сумм, на которые кормили солдат. На каждой остановке воины находили припасы и царских посланников с богатыми подарками. Поскольку сила была еще на стороне ромеев и рыцари при всей мощи их неуязвимых для стрел бронированных доспехов, нуждались в помощи, Алексей I довольно гибко, ловко сумел справиться с враждебностью этих вооруженных пилигримов, добился от большинства их вождей принятой на феодальном Западе вассальной клятвы верности и даже извлек выгоду из их присутствия, вновь укрепившись в Малой Азии. Города, недавно потерянные византийцами, отчасти были возвращены им крестоносцами или отвоеваны самими ромеями.

Среди них была и северомалоазийская Никея, которая перестала быть столицей Румского султаната и вновь вернулась под власть Империи. В 1097 г. сельчуки вынуждены были отодвинуть свою столицу к юго-востоку, в город Коний (древний **Иконий**, теперь Конья), важную точку пересечения дорог в глубине малоазийского плато. Были отвоеваны территории обширных богатых ядровых фем – Вукеларии, большая часть Армениака и Анатолика, и почти вся Пафлагония. Граница Ромейского царства на южном побережье Черного моря вновь проходила восточнее Трапезунда. Западные области Малой Азии с лучшими пахотными землями, а также с такими значительными городами как Смирна, Эфес, Милет, Сарды и Филадельфия снова находились в руках византийцев. Удалось спасти окруженный сельчуками порт Атталию, важнейший южный военно-морской центр Империи. Таким образом, ущерб, нанесенный Манцикертом, был отчасти возмещен. Лишь размолвки с крестоносцами в северной Сирии, отказ Алексея вовремя прийти на помощь западным союзникам лишили ромеев шанса получить Антиохию, отвоеванную строптивым норманнским авантюристом Боэмундом Тарентским. Западные вожди стали распространять слухи о том, что император будто бы выдает сельчукам на уничтожение отряды крестоносцев, оказывает всяческое уважение мусульманским пленникам, давая им еду без свинины и обращаясь с ними как с ценными союзниками. Не все в это верили, но взаимная неприязнь, подозрительность стали расти, порой доходя до полного разрыва между ромеями и крестоносцами. Чтобы парализовать враждебные, захватнические, грабительские намерения последних, Алексей и последующие Комнины вынуждены были полагаться не только на силу оружия, организуя целый ряд походов в Сирию, но и на гибкую дипломатическую игру, все сильнее манипулируя иностранными силами и входя при этом в круговорот европейской жизни.

Династические, матримониальные браки, бывшие для ромейских императоров даже в X в. еще осуждаемой редкостью, теперь становятся одним из распространенных средств, превращавших заклятых врагов Империи в её верных союзников. Византия ранее не заключала такого рода союзнических договоров с другими государствами, находилась в «блестящей изоляции».

Гордые «богоизбранные» ромейские монархи не признавали ни одного иноземного правителя достойным партнером в политической игре, сознательно унижали послов во время пышных дворцовых приемов. Но с XII в. ситуация резко изменилась: Ромейское царство постоянно создает коалиции, причем с явным поворотом к латинскому Западу. То вместе с дружественным германским государем Конрадом III Гогенштауфеном и лицемерными венецианцами против буйных южноиталийских норманнов и окрепшего французского короля, то, напротив, в борьбе против Венеции и императора Священной Римской империи, племянника и преемника Конрада, хищного Фридриха I Барбароссы («Рыжебородого») ромеи искали поддержку сицилийских норманнов, Генуи, Пизы и Милана, а затем – французского и английского королей. Любые, самые активные контакты и фантастические проекты теперь были не в силах поразить византийское общество, при этом становившееся, важно подчеркнуть, все более политически и религиозно индифферентным.

Кроме того, Комнины все более активно вмешивались в итальянские дела, особенно Пизы, Венеции и соединенных в одно королевство Апулии, Калаврии, а также Сицилии, окончательно перешедших от мусульман в руки норманнских герцогов и графов. Вообще, в силу роковой необходимости Запад стал главным направлением их политики. Здесь особенно отличился четвертый, младший сын Иоанна Комнина, василевс Мануил I (1143-1180 гг.), полный воинственности и амбициозных планов. Выбор отца, умиравшего от случайной раны, полученной на охоте отравленной стрелой, остановился на нем, несмотря на то, что у 20-летнего наследника был старший здравствующий брат, Исаак (двух других братьев к тому времени уже не было в живых).

Эффектный, очень красивый, высокий, статный, как все Комнины, Мануил имел светлые волосы, но необыкновенно темный цвет кожи, унаследованный от матери Пирошки, дочери знаменитого венгерского короля Ладислава. Став супругой Иоанна II Комнина, она получила имя Ирина. Их высокообразованный отпрыск поражал широтой знаний и выглядел как настоящий император. Кроме того, василевс был довольно умелым бойцом, очень сильным и физически крепким. Однажды на рыцарском турнире, устроенном крестоносцами в Антиохии, он, – неслыханное для византийцев дело, – лично принял участие в поединке и к удивлению собравшихся с такой силой выбил копьем из седла своего противника-италийца, что тот, перелетев через лошадь, поверг на землю другого рыцаря. Мужественный император разделял со своими воинами все тяготы походной жизни: мог стремительно покрывать десятки миль, спать на куче хвороста под проливным дождем, совершать ночные переходы, освещая дорогу факелами.

По словам византийского историка Никиты Хониата, «...ему казалось возможным, что все западные народы составят союз против ромеев и войдут в одно общее против них соглашение, а потому он всячески старался заблаговременно обезопасить себя. Он говорил, что восточных варваров он может деньгами склонить к миру, но что касается многочисленных народов западных, то чрезвычайно их боится: «Это люди высокомерные, решительные, для которых война составляет всегдашнюю потребность, богаты и являются в поход закованные в железо, но кроме всего этого питают непримиримую и неукротимую против ромеев вражду, подозрительно к ним

относятся и постоянно вооружаются». Ввиду возможности образования могущественной коалиции необходимо было разъединять и ссорить Папу и германского императора, норманнов и венецианцев, искать друзей и союзников в Италии. Как верно заметил Георгий Острогорский, «...западная ориентация Мануила была не его капризом, а его судьбой, которую взвалили на него события на Западе».

При все том этот блестящий василевс был убежденным поклонником западных обычаев, больше похожим на рыцаря, нежели на византийского монарха. Его забавляла варварская экзотика этих обычаев, хотя он питал мало теплых чувств к самим латинам и смотрел на них с опасливым высокомерием. В соответствии с западным направлением Мануил перестроил Влахернский дворец, устраивал пышные турниры, приглашал западных рыцарей и советников. В отличие от своего сурового и аскетичного отца, василевса Иоанна Калояна, темпераментный император питал пристрастие к женскому полу и до самозабвения любил показной блеск, веселье, музыку, роскошные пиры, охоту, внешний лоск, удовольствия и радости жизни. Бега на ипподроме, столь любимые константинопольцами, теперь заменили элегантные рыцарские состязания в присутствии прекрасных дам. Пестрая, многоязычная, окончательно ставшая наемной в своей основе, армия обучалась теперь западному строю, имела сходную с латинами экипировку и выучку. Различие заключалось лишь в том, что при должном командовании она имела даже лучший порядок тактических построений. Громадное количество наемников с Запада буквально заполонило византийский двор: им Мануил открыл свободный доступ в армию, доверял самые ответственные посты и должности, что было оскорбительно для чести высокородных ромеев, не могло не вызывать их раздражение. Этот василевс, в отличие от своих предшественников, не пытался силой уничтожить латинские государства в Сирии и Палестине, а, напротив, хотел сблизиться с королями Антиохии и Иерусалима, сохранять с ними хорошие отношения. И во внешней, и во внутренней политике он опирался исключительно на иноземный элемент, возбуждая этим неудовольствие у коренных ромеев.

Сознавая важность родственных союзов на Западе, Мануил, как и его отец Иоанн II, женатый на Ирине Венгерской, стал еще шире вводить в свою семью латинов, несмотря на презрение греков к ним. Большую роль сыграло то, что оба раза, несмотря на негодование византийской Церкви, василевс был женат на западных принцессах. Первой его женой стала дочь немецкого графа Зульцльбаха и свояченица (сестра жены) Конрада III Гогенштауфена – богомольная, холодная и чопорная Берта Зульцльбах, взявшая тронное имя Ирина. Поначалу она чувствовала себя неловко в новой для себя среде, совершала церемониальные промахи, например, приняла пурпурное одеяние за траур, но очень тянулась к образованию и даже заказала известному литератору Иоанну Цецу краткое изложение Гомера, хотя и не получила его, рассорившись с исполнителем из-за гонорара. В источниках о ней сказано, что «...отвергая пудру и румяна, она искала только ту прочную красоту, которая протекает из сияния добродетели». Едва ли физически она удовлетворяла похотливого, открыто изменявшего ей Мануила, которому все же родила двух дочерей, но ее советы и дипломатические достоинства

муж ценил, не забывая оказывать подобающее уважение. Умерла Ирина внезапно, от лихорадки, прожив в браке 14 лет, после чего Мануил «ревел, как лев». Вторая супруга императора ромеев – Мария, дочь графа аквитанской Тулузы и роскошного рыцарственного правителя Антиохии Раймунда де Пуатье – прославленного Сент-Жилля, французенка по происхождению, была совершенно восхитительной, обворожительной, любвеобильной юной красавицей, «звездой Востока», как ее называли.

Кроме того, при Мануиле наблюдается коренное изменение места византийских принцесс в области брачной дипломатии. Их стремятся выдать за иноземцев, прежде всего «франков», то есть немцев, французов, итальянцев, что было крайней редкостью в предшествующие 300 лет. Теперь такого рода морганатические браки, нерадостные для престижа Комнинов, посыпались как из рога изобилия. Малолетняя племянница Мануила, Феодора, была выдана замуж за брата Конрада III, Генриха, герцога Австрийского, а после его смерти, в возрасте 13 лет стала женой умного, просвещенного и на редкость обаятельного короля Иерусалима, Балдуина III (1143-1162 гг.), двоюродного брата Марии Антиохийской, ставшего, как в свое время Конрад, близким другом Мануила. Другая племянница, Евдокия, дочь брата Алексея, вступила в брачный союз с крупным итальянским маркграфом Гийомом Монплие. Кроме того, Мануил устроил брак своей единственной сестры Марии с королем Иерусалима Амори I (1162-1174 гг.). После его смерти Мария в 1177 г. сочеталась вторым браком с Балианом де Ибелином, лордом Наблюским (ум. 1193 г.). Особые хлопоты василевс проявлял по поводу замужества своей дочери Марии. Так, в женихах у дебелой Марии Комниной, отличавшейся крупной статью, побывали сын владетеля Сицилии, Вильгельм II, наследник венгерского престола Бела III, пока, наконец, уже в 30-летнем возрасте «роковая вдова» стала супругой брата влиятельного итальянского маркграфа Конрада Монферратского, 17-летнего, но весьма деятельного Райнера (Ранье) (1163-1182 гг.), который получил сан кесаря, богатые византийские имения и постепенно набирал все больший вес и популярность при дворе. Наконец, малолетний сын василевса, Алексей II был обручен в 1179 г. с 8-летней Агнессой (в православном Крещении Анной), дочерью французского короля Людовика VII Молодого от его третьей жены, Аликс Шампанской. Феодора Комнина в 1175 г. сочеталась первым браком с правителем Антиохии Бозмундом III (1163-1201 гг.). Евдокия, дочь Исаака Комнина в 1170 г. вышла замуж за Одона Франгипани, а в 1179 г. вторым браком – тоже за итальянца, Гуэльфо де Поркария. Из 22 брачных союзов, осуществленных при Комнинах, десять брачных альянсов пришлось на правление Мануила и все были заключены с латинами. Едва ли это делалось только ради получения от них военной и материальной помощи, весьма мизерной. Дело было в другом. Западная политика поневоле становилась велением времени, раскрывала Романию для Запада, но, как покажет история, приобретала роковое значение.

Мануил мечтал соединить под своей властью Запад и Восток, восстановить былые могущество, почет Римской державы и для этого нанести упреждающие удары, особенно – остановить казавшуюся ему самой грозной западную опасность. Никита Хониат не случайно сравнивал его с прилежным земледельцем, который выпалывает сорняки до того, как они разрастутся. Прежде всего, его

тревожили неукротимые, вероломные норманны южной Италии и Сицилии. Их вредоносный король, талантливый дипломат и беспринципный авантюрист Рожер II Сицилийский, племянник грозного герцога Робера Гвискара и двоюродный брат наделавшего в свое время множества хлопот Бозмунда Тарентского, ограбил богатые греческие города Фивы и Коринф, а пленных ремесленников, знатных людей, молодых красивейших женщин и огромную добычу вывез в Сицилию, свою столицу Палермо на громадных грузовых судах, по словам Никиты Хониата, «переполненных множеством дорогих вещей до такой степени, что сидели в воде по верхний ярус». Только с помощью венецианцев, которым вновь были обещаны в Константинополе торговые привилегии, пришедшему в ярость Мануилу удалось потеснить «островного дракона» и в конечном итоге, после неудачных героических штурмов, в 1149 г. взять голодом неприступную норманнскую крепость, воздвигнутую на Корфу, на высоченной обрывистой скале. Но союзные венецианские матросы к тому времени изменили и вообще вели себя крайне нагло, развязывали драки, позволяли себе грубые, циничные издевательства над особой василевса, чего чернявый царь им никогда не простил. В дальнейшем, повелением от 12 марта 1171 г. он изгонит из Ромейского царства венецианских купцов, приказав конфисковать их товары, что окажет крайне отрицательное влияние на экономику Венеции. Мануил будет натравливать на нее оставшихся в Константинополе торговых соперников – генуэзцев и пизанцев, не забывая в свою очередь ссорить зазнавшихся итальянцев между собой, нанося им ощутимые материальные потери.

Василевс, помня каким кошмаром явился для его деда Первый Крестовый поход, толком не поддержал франкских и даже союзных, дружественных ему немецких крестоносцев во время Второго Крестового похода 1147-1149 гг., закончившегося полным провалом. Более того, опасаясь склонных к грабежам и разбоям вооруженных западных паломников, готовивших, как стало известно, атаку на Константинополь, Мануил вступил в союз с казавшимися ему менее опасными сельчуками, гарантируя им свой нейтралитет в отношении вооруженных до зубов западных «паломников». При этом он свел территорию Румского (Иконийского) султаната до внутренней части Малой Азии и укрепил византийское влияние в южномалоазийской Киликии и западной Сирии. Не удивительно, что после поражения этого бездарного Крестового похода, приведшего к самому сильному унижению христианства за весь период Средневековья, на Западе родилось очень опасное для будущего Византии убеждение, что для успешного достижения цели святых походов надо сначала уничтожить мешающее им вероломное царство ромеев-отступников.

Ситуцию накаляли и военные рейды византийцев, совершаемые раз за разом против антивизантийски настроенных венгров и сербов. При этом особенно большие территориальные потери в районе Адриатики понесла Венгрия, чье немалое войско было наголову разгромлено в 1167 г. в сражении при Сирмии благодаря превосходству ромеев в тактике и воинской выучке.

Спаянные железной дисциплиной, профессиональные войска оставались ключевым орудием имперской внешней политики. У каждого времени есть свой потолок понимания и в соответствии с ним василевс, полагавшийся на это ключевое орудие больше, чем на дипломатию, не мог подняться дальше романтической «римской мечты» о единой Империи, единой Церкви и едином монархе

в лице самого себя. Но в условиях стремительно преобразившегося мира это было полнейшим анахронизмом, более того, – опасной утопией. Мануил же спешил любыми средствами распространить на невизантийские земли действия ромейских законов, что меняло политическое пространство Ромейского царства. Его быстро достигнутые, хотя и непрочные успехи, пугали латинский Запад, который, в свою очередь, и манил, и страшил василевса. Дело дошло до того, что он даже решился оспаривать у честолюбивого Фридриха I Барбароссы (1152–1190 гг.), все чаще поглядывавшего на Восток, титул императора Священной Римской империи и, не жалея византийского золота, поддерживал восставшие против этого дерзкого императора североиталийские города-коммуны, оплачивая их наемников.

Тем не менее скороспелым, экспансионистским и, по сути дела, фантастическим замыслам василевса по восстановлению давно нарушенной исторической правды не суждено было сбыться. Время огромных универсальных империй, какой была Византия в незабвенную эпоху Юстиниана Великого, прошло. В выстроившемся сложном мире европейских государств наступала пора национальных монархий, многие из которых имели давно правившие собственные династии, не желавшие подчиняться ромеям. Этого не могли не знать, но не хотели признавать ни василевс, ни его ближайшее окружение. С изумительной настойчивостью, достойной лучшего применения, Мануил Комнин создавал разнообразнейшие комбинации для осуществления притязаний на господство прежде всего в Италии, до конца оставаясь последовательным и верным раз принятой системе. Ради достижения этой важнейшей для него цели он совершил роковую ошибку – не учел, что средств недостаточно, поспешил, пожертвовал всем и возбудил справедливое неудовольствие среди населения Ромейского царства. Кроме того, в результате всех стремительных усилий бывшие союзники византийцев в Италии в лице изворотливых, жадных дельцов-венецианцев, Римского папы и страдавшего манией величия германского императора превратились в заклятых врагов. В них быстро развивалось почти психопатическое чувство ненависти к коварным грекам, пытавшимся обложить их со всех сторон. На Западе были уверены, что Мануил вынашивает злое планы в отношении изгнания латинов из Сирии и Палестины и восстановления восточного обряда в тамошних церквях. В итоге Венецианский конгресс 1177 г. сплотил против Ромейского царства всех ее западных врагов и стал угрозой не меньшей, чем сельчукский Иконийский султанат в Малой Азии, подстрекаемый императором Священной Римской империи. Враждебная коалиция, которой так боялся амбициозный василевс, все же образовалась, и оказавшаяся в изоляции Византия была окончательно вытеснена из Италии.

Внешняя ситуация резко обострилась. Зашевелились болгары и славяне на севере Балканского полуострова, восстали против византийского императора озлобленные сербы, которых пришлось вновь покорять. То и дело вспыхивали войны с воинственными венграми на Дунае. Все труднее стало сдерживать сепаратистские устремления армян, массово бежавших от сельчукских нападений и обосновавшихся на юге Малой Азии, в ставшей вновь ромейской Киликии и горах Тавра. Сами сельчуки признали власть Империи ромеев и согласились не делать набегов, но их султан, культурный, умный Кылыдж Арслан II, обласканный Мануилом и с величайшей пышностью принятый в Константинополе, со

временем воспользовался доверчивостью василевса и завладел значительной частью подконтрольной ромеям территории, за которую теперь надо было вновь ожесточенно бороться. Это стало самой крупной ошибкой Мануила. Погрязнув в хитросплетениях западной политики, в интригах и мечтательных планах о союзе с ломбардскими городами и Папством, могущими, как ему казалось, помочь Византии утвердиться в Италии и оказать противодействие притязаниям со стороны германских императоров, василевс проглядел новое усиление Иконийского султаната и недооценил силу его сопротивления в центральной Малой Азии, которую он во что бы то ни стало стремился вернуть. Его запоздалая, непродуманная и очень дорогостоящая попытка положить конец господству сельчуков привела к беде.

В то время, как в мае 1176 г. армия Фридриха Рыжебородого была наголову разгромлена объединенным ополчением лиги североиталийских городов, поддержанным византийским золотом, и надо было бы спешить пользоваться плодами этой долгожданной победы, огромная ромейская армия к концу лета выступила в грандиозный поход, но не Запад, а на Восток, на территорию сельчуков. Здесь она попала в засаду, была окружена во фригийских горах турками и уже 17 сентября полностью разгромлена, переходя через перевал *Мириокефал*. Это неожиданное жестокое и кровавое поражение продемонстрировало мифичность византийской силы, опустошило казну, ознаменовало собой отказ Империи от активных действий и вновь переход к глухой обороне. Оставалось лишь печалиться и вспоминать как все случилось.

Византийское войско под предводительством Мануила Комнина двинулось по направлению к своей главной цели – сельчукской столице Иконии, с намерением осадить и взять ее. Предполагалось, что решительный, молниеносный удар полностью сокрушит неприятельское могущество. Султан Кылыч Арслан II, после отвергнутого ромеями предложения заключить мир, отдал приказ своей 25-тысячной армии избегать открытых столкновений, лишь устраивать засады, заслоны, но уничтожать на пути все: жечь деревни, запасы продовольствия, корма, заражать источники воды, колодцы, сбрасывая туда трупы и нечистоты. В результате во многих ромейских воинских частях стала свирепствовать дизентерия, косившая хуже вражеских стрел.

Вынужденная все необходимое везти с собой, византийская армия тащила огромный обоз из трех тысяч повозок с провиантом, водой, фуражом, оружием, материалами для осадных, метательных машин и прочим военным скарбом. Колонна из воинов по пять в ряд классическим ромейским походным порядком – авангард, главные силы из регулярных войск, правый фланг, обоз, левый фланг, элитные войска самого василевса, аррьергард – растянулась на десяток мил. Путь к становившемуся все ближе Иконии лежал по малоазийской Фригии через длинный горный проход, ущелье Циврица, находившееся перед руинами заброшенной крепости Мириокефал – дословно «Десяти-тысячеглавой», названной так из-за множества вершин скал, окружающих здешний перевал. Вопреки советам и предписаниям руководств по военному делу, Мануил, зная, что ресурсов осталось крайне мало, решил не тратить их и драгоценное время на обход этого угрюмого, опасного для армии места. Здесь и разыгралось грандиозное сражение, закончившееся сокрушительным разгромом ромеев. Зажатая со всех сторон горными кручами, византий-

*ская армия совершенно пренебрегла элементарными требованиями своей же тактики избегать таких мест и вести разведку, оказалась застигнута врасплох, без организованной защиты на случай нападения, и разрезана сельчуками на части. Начавшие отступать ромеи некоторое время еще пытались сопротивляться, но раз за разом попадали в засады, устроенные по всей длине прохода. С горных круч на головы охваченных паникой ромеев лавинами сыпались вражеские стрелы. В кровавой, безумной сумятице оказались потеряны все нити управления бегущим, гибнущим войском и скучившемся обозом. Отчаявшийся император со съехавшим на сторону шлемом, с обломком копья в руке, сражался как рядовой **кавалларий**, без знамени и телохранителей, подставляя под сыпавшиеся со всех сторон удары щит, в котором торчали десятки стрел. Он лишь по случайности не попал в плен и не разделил судьбу несчастного василевса Романа Диогена. Бой длился весь день и лишь к ночи Мануил насилу вырвался из жуткого ущелья с остатками тех войск, которые сумел перестроить. Он запросил у Кылыдж Арслана разрешения беспрепятственно удалиться, на что тот с радостью согласился, ибо и сельчуки понесли немалые потери.*

Через два дня уцелевшие начали отход. На поле боя остался цвет ромейской армии, погиб весь правый фланг, осадный парк, полностью был потерян обоз. «Зрелище, представшее глазам, – с надрывом писал Никита Хониат, – было достойно слез, или, лучше сказать, зло было так велико, что его невозможно оплакать: рвы, доверху наполненные трупами, в оврагах целые холмы убитых, в кустах горы мертвецов; все трупы были скальпированы, а у многих вырезаны детородные части. Говорят, это сделано было с тем, чтобы все тела казались греческими, ибо многие пали и со стороны турок. Никто не проходил без слез и стонов, рыдали все, называя по именам своих погибших друзей и родственников». «Из-за множества трупов ущелья сделались равнинами, долины превратились в холмы, рощи едва были видны», – такую страшную картину нарисовал очевидец этой провалившейся военной экспедиции с ее напрасными жертвами.

Никогда больше Византия не сможет организовать вторжение в Малую Азию такого масштаба. Несмотря на последующие успешные, более того, блестящие отражения сельчуков, все надежды на возврат земель Анатолии оказались потеряны. Самое главное, они начали полным ходом заселяться турками, несшими с собой ислам и исламизацию населения, отчего Ромейское царство стало терять свою устоявшуюся территориальную форму и все больше становиться лишь европейским государством. Через 105 лет кровь Мириокефала вновь воскресила позор Манцикерта.

Причины постигших внешних неудач и надвигавшихся новых видятся не только в тактических ошибках, но, прежде всего в том, что в своей внутренней деятельности Комнины ограничились полумерами, подвергнув традиционные формы государственной организации лишь относительному, а не радикальному обновлению. Нужно было заботиться о развитии сил самих ромеев, поднять патриотический дух внутренними реформами, радикальным, последовательным улучшением административной и финансовой системы, особенно мерами против сосредоточения земель в руках знати и духовенства. Но должного внимания на это не было обращено. Кроме того ромейские власти выбрали неверный век-

тор внешней политики, будучи одновременно и испуганны, и зачарованы латинским Западом. Показательно, что в беседе с Мануилом I тогдашний Патриарх Михаил III Анхиальский (1170-1179 гг.) сказал, что для спасения души лучше покориться сельчукам, нежели отступникам-римлянам. В этих словах оказалась заложена вся программа будущих событий, закончившаяся через 280 лет окончательной гибелью Империи. С этой точки зрения комниновская Ромейское царство было обречено уже тогда, когда, казалось, находилась на пике успехов.

«Сломанный тростник» К концу правления Мануила Комнина в Византии стал ощущаться рост напряженности. Стратегия «пропалывания сорняка» – предупреждающие военные меры и система дорогостоящих дипломатических сдержек, равновесий не принесли результата. Бесконечные войны, широкие предприятия, огромные задействованные силы, отдаленные затратные экспедиции опустошали казну, армия была утомлена непрерывными походами, битвами и потерями, у флота хватало средств только на защиту морской торговли и охрану побережья от одинаково беспощадных латинских и мусульманских пиратов.

Василевсу прямо в лицо бросали обвинение в том, что он, подобно вампиру, до опьянения пьет христианскую кровь, выжимает последние силы из своих подданных. Тяжелые уроки и разочарования, глубокая депрессия все более лишали его былой энергии и предприимчивости.

В царствование Мануила I оппозиция в лице оттесненной от власти бывшей столичной чиновной аристократии ограничивалась лишь насмешками в адрес царя, но уже после его смерти, последовавшей 24 сентября 1180 г., разгорелась открытая ожесточенная борьба, в которую оказались втянутыми все слои византийского общества. «Кажется, будто божественной волей было решено, чтобы вместе с василевсом Мануилом умерло все здоровое в царстве ромеев, и, чтобы с заходом этого солнца покрыла нас непроглядная тьма», – записал через несколько лет знаменитый публицист, архиепископ **Евстафий Фессалоникский**, как и большинство современников, очень точно почувствовавший роковую точку перелома к худшему, низменному, начало необратимого процесса гибели Ромейского царства. Великая держава снова быстро теряла внутреннюю прочность. Предшествующие реформы не возымели длительного эффекта. Предыдущий внешний блеск был чисто внешним, а по существу далеко не все обстояло благополучно. Противоречия между фискальным аппаратом центральной императорской власти и знатью в центре и в провинциях все более подрывали эту одряхлевшую власть и определили суть стремительно надвигавшегося внутреннего кризиса. Следствием этого кризиса плохо устроенного государства стали социальная и психологическая нестабильность. Все наиболее сильные, лучшие черты, казалось, ушли в прошлое, тогда как слабости, присущие «домовой» административной системе Комнинов, теперь проявились особенно отчетливо. Эффективно регулировать в «ручном режиме» разные сферы государственной жизни теперь становилось невозможно. Ромейское царство ожидало тяжелое будущее.

Василевс оставил власть своему 11-летнему сыну Алексею. Будучи ничем не примечательным ребенком, к тому же с порочными наклонностями, он находился под влиянием матери, вдовствующей императрицы-регента, еще сравнительно молодой красавицы Марии Антиохийской из знатнейшего рода графов

Аквитании. «По незрелости возраста и недостатку благоразумия», Алексей, разумеется, был царем лишь по названию. Занятый пустыми удовольствиями, — отмечал историк Никита Хонитат, — ...он забавлялся только травлями и конными скачками, проводя время с молодыми товарищами своих игр и развивая в себе самые дурные привычки». Насколько можно понять, его воспитанием и образованием толком никто не занимался, да и не собирался заниматься.

Государственные дела оказались совершенно расстроены, дворец наполнен смутами и тревогами: «...все пришло в беспорядок, потому что каждый преследовал свою цель и все друг другу противодействовали». Казна бессовестно расхищалась «народными грабителями», в том числе слишком прозападно настроенным, тщеславным протосевастом Алексеем Комнином, племянником покойного василевса, фаворитом и любовником царицы-латинянки: «Он имел обыкновение проводить большую часть дня в постели... Как только появлялось солнце, он начинал искать более темное помещение, словно дикий зверь». Другим его удовольствием этого бесстыдного человека, порочащего трон своими выходками, являлась чистка зубов и вставка новых взамен разрушавшихся. Все остальное его мало интересовало.

Следует особо заметить, что в XII в. наряду с ростом рационализма, тяге к практическим занятиям стала расти очень опасная для ромеев тенденция — равнодушие к христианству. Писатели эпохи Комнинов все чаще жаловались на пустующие храмы, на сквернословящих епископов, снующих в толпе и бранящихся на рынках монахов, священников, оскверняющих себя непотребством, даже пролитием крови. Рассыпался тот прочный духовный стержень, на котором долгое время держалось ромейское общество, а за этим маячило нечто худшее, чем внутренние трудности, политические интриги и внешние неудачи.

Уже после победных войн Никифора Фоки, разгрома арабов на Крите, плавание в восточной части Средиземного моря стало безопасным, но от такого изменения выиграли больше италийцы, нежели ромеи. В условиях замкнутого пространства Черного моря Константинополь не мог потерять своей роли обязательного посредника. Однако василевсы по давно укоренившейся традиции способствовали ввозу товаров в столицу и ничего не делали, чтобы поощрять вывоз товаров. При всем том, ввоз ряда товаров был неразумно запрещен. Грозные тучи неблагоприятных перемен окончательно накрыли некоторые окраинные города Империи ромеев, такие как крымский Херсон или приазовская Тмутаракань, местные правители которых, севасты, разумеется, отнюдь не царских кровей, стали искать более существенных покровителей в лице все тех же набиравших силу предприимчивых италийцев. Все это привело к тому, что италийцы стали вытеснять греческих купцов из торговли, перехватывать предпринимательскую инициативу в свои руки.

Как уже говорилось, с виду все процветало. Капеллан не по возрасту мрачного Людовика VII, монах Одо де Девиль, сопровождавший набожного французского короля во время Второго Крестового похода, при всех отрицательных отзывах, данных им «хитрым и коварным» надменным предателям — константинопольцам, отмечал необычайную дешевизну товаров в городе. Немного позже приехавший кастильский путешественник Вениамин из Туделы, слышал, что купцы съезжаются в византийскую столицу со всех концов света и, по рассказам, доход от всех лавок, рынков и взимаемых торговых пошлин достигает лишь за

день 20 тысяч золотых монет! И тем не менее эта видимость благополучия была обманчива, была призраком силы, что понимали далеко не все современники. В XII в. византийский город, по выражению известной уральской византистки Маргариты Адольфовны Поляковской, носил уже черты «утомленности», а льготы итальяским купцам, данные Комнинами, усугубили их. Город как кирпич византийского общества вновь стал терять свою прочность, и это тоже следует особо учесть для объяснения случившейся позже катастрофы.

На исторической сцене появились новые силы. Иноземцы в то время приобрели важную роль в Константинополе, который рассматривался ими как восточный, а не европейский город. Особым влиянием пользовались давно имевшие весомые торгово-экономические привилегии венецианцы, чей боевой клич – *Viva San Marco!* – можно было услышать на всех морях. Ромейские императоры, нуждавшиеся в сильном флоте, особенно в борьбе с захватчиками норманнами, не раз прибегали к помощи Республики Св. Марка. В обмен за эту обременительную услугу они уже с 1082 г. даровали купцам Венеции, в которых все еще видели недавних подданных Империи, лавки, причалы, немало другой недвижимости и самое главное – невиданное доселе право свободно торговать любыми товарами во всех городах Ромейского царства, включая ее столицу, без уплаты коммеркиона, налога на торговлю. В 1171 г. они потеряли эти права, но их не лишились пизанцы и генуэзцы. Это ставило итальяцев в более выгодное положение, причем не только перед западными конкурентами, но и перед самими ромеями, которые должны были терпеть такую несправедливость. Империя никогда не сможет избавиться от этой стесняющей связи, превратившейся со временем в мертвую хватку, хотя будет предпринимать спорадичные, в целом неудачные попытки бороться с итальяцами, отказываться возобновлять их торговые права, арестовывать, забирать товары, даже ослеплять особо наглых послов.

Центрами, которые наиболее часто упоминались в венецианских документах XII в., были Константинополь и греческие Коринф, Спарта, Фивы, Алмир. В столице Ромейского царства латины населяли целые кварталы, коммерческие колонии, отведенные им эмволы. Им принадлежали многочисленные лавки, склады, амбары и некоторые пристани-скалы, становившиеся самыми востребованными. Эти кварталы располагались по другую сторону Золотого Рога и поэтому назывались *Пера* (дословно – «выше», «по ту сторону») или *Галата* (во времена античности – «Сики»). Уступка Галаты генуэзцам превратила ее в соперничающий самостоятельный пригород, который со временем стал бурно развиваться и, вопреки запретам, укреплялся стенами и башнями. В Константинополе проживало больше 60 тысяч иностранцев, преимущественно итальянских купцов, а также немцев и французов, которых ромеи называли алеманнами и франкогенами. Они составляли едва ли не четверть населения столицы Империи ромеев. Позабыв, что они находятся не дома и не в завоеванной стране, латины держали себя гордо и вызывающе грубо относились к византийцам. Все более бедневшее население столицы, недовольное правлением регентши, которая сама была западного, франкского происхождения, люто ненавидело этих бесцеремонных, дерзостных, изворотливых чужеземных торгашей, уверенно богатевших любителей наживы, а также надменных западных наемников, составлявших главную опору регентства. Рост анатагонизма между латинами и ромеями отразил известный византийский канонист *Феодор Вальсамон*, который отнес латинов

к схизматикам, раскольникам Церкви. Нужно было малое, чтобы в сверхцентрализованном и в то же время обезглавленном государстве, а точнее в его стольном городе, олицетворявшем державу как таковую, в 1182 г. вспыхнуло антилатинское восстание, переросшее в мощнейший погром.

В начале мая в Константинополе разыгрались драматические события, с трудом поддающиеся рациональному объяснению, хотя понятно, что виною случившегося стала неумная, разорительная «западническая» политика Марии Антиохийской и ее окружения. Кроме того, ситуациюотяготила попытка убийства протосеаста Алексея Комнина, которую предприняли пользовавшиеся популярностью у столичного населения решительная старшая дочь покойного василевса Мануила I, мужеподобная кесарисса Мария, и ее муж кесарь Раймунд (Райнер) Монферратский. После раскрытия неудавшегося заговора они укрылись в храме Св. Софии, который стали штурмовать наемники-латины. Это вызвало взрыв возмущения горожан. Подогретые как патриотическими, ксенофобскими настроениями, так и в не меньшей степени жаждой поживы, они бросились грабить и жечь дома ненавистных италийцев, представленных главным образом генуэзцами и пизанцами. Латинов убивали, не обращая внимания ни на пол, ни на возраст, женщин насиловали. Тех, кто пытался спастись на судах, догоняли и сжигали «жидким огнем», на суше встречали мечом бегущих. Не щадились и церкви католиков, их благотворительные учреждения, госпитали, где перебили даже лежащих больных. Некогда роскошные и цветущие италийские кварталы столицы истекали кровью, в одночасье превратившись в дымящиеся руины. Четыре тысячи иностранцев было взято в плен и продано сельчукам.

Латины, которым удалось спастись от ужасов этого погрома, получившего название «Константинопольской бани», не остались в долгу. Они ограбили и сожгли многие византийские города и селения на берегах Босфора и Принцевых островах в Мраморном море. Главное, вернувшись на родину, италийцы стали взывать к возмездию, изображая в самых мрачных красках византийское правительство. Как верно заметил Федор Иванович Успенский, событиями 1182 г. было «...если не посеяно, то полито зерно фанатичной вражды Запада к Востоку». Некоторые историки даже называют произошедшее «геноцидом» и полагают, что месть за него оправдала будущий сокрушительный разгром столицы Ромейского царства крестоносцами.

Уже до этого небывалого лютого истребления иностранцев на политическом горизонте Константинополя стала утверждаться фигура вернувшегося с области Понта из очередного изгнания двоюродного брата покойного Мануила I – Андроника Комнина, давно имевшего виды на императорский венец и строившего козни против своего кузена. Теперь он воспользовался поворотом судьбы как поворотом ключа, открывавшего дверь к заветному престолу. Будучи правителем города Энея в Пафлагонии, первое, что он сделал, после того, как с пафлагонскими войсками на волне антилатинских настроений в апреле 1183 г. вошел в охваченную мятежом столицу и вскоре узурпировал трон, – приказал отослать в Скифию, то есть в дунайские владения Галицкого князя, своего противника, ненавистного протосеаста Алексея Комнина, но тому повезло, и он смог змеей улизнуть в Сицилию. Зато была убита брошенная в монастырскую темницу 37-летняя вдова Мануила, «бесстыдная кокетка», «иноземка» Мария, а чуть поз-

же – ее сын, законный василевс Алексей II, спасителем и защитником которого Андроник как соправитель клятвенно себя объявил. Мальчик, пишет Никита Хониат, «не совсем еще умевший отличить горе от радости», вынужден был сначала подписать приговор о казни собственной матери, а через два месяца его самого задушили тетивой лука, голову отрубили, причем в ухо вдели восковую серьгу с печатью нового василевса. Тело ребенка в свинцовом гробу утопили в море. Прикрываясь принципом легитимности власти, 13-летнюю невесту Алексея, дочь французского короля Агнессу-Анну, 65-летний узурпатор забрал себе в жены и, по-видимому, жил с ней как с супругой. Избавляясь от других потенциальных претендентов на трон, он организовал отравление своих бывших союзников, дочери Мануила – мужеподобной, громогласной кесариссы Марии и ее зубатого мужа-латина, ослепил некоторых, прежде помогавших ему сторонников из сановой знати.

Андроник, сын обделенного судьбой севастократора Исаака, старшего брата Мануила Комнина, представляет собой одну из самых колоритных фигур византийской истории. Молва, всегда злоязычная, к нему была особенно немилосердна. Высокий, красивый, прекрасно сложенный, импозантный, он обладал богатырским здоровьем и к моменту вступления на трон выглядел гораздо моложе своих лет. Его романтическая жизнь сложилась фантастичнее любого приключенческого романа. Спасаясь от вполне оправданной подозрительности своего царственного кузена, этот смелый авантюрист, легкомысленный и страстный, блестяще образованный, красноречивый и остроумный, изъездил многие страны Европы и Азии, жил в Иерусалиме, Дамаске, Багдаде, Грузии, даже принимал участие в баярских заседаниях, пирах и охоте на кабанов, оленей и зубров у своего родича по матери, Ирине, двоюродного брата Ярослава Осмомысла (1153-1187 гг.), высокообразованного, влиятельного правителя разраставшегося к тому времени могучего, богатого Галицкого княжества. Владея древнерусским языком, он получил от князя несколько местечек «в утешение», а еще больше набрался от «варваров» привычки к кровавым зверствам.

В своей жизни Андроник занимался разбоем купеческих караванов, одну за другой совращал знатных дам-красавиц, включая своих троюродных племянниц, таких как племянница Мануила, принцесса Евдокия, антиохийская княжна Филиппа, сестра Марии Антиохийской, или еще одна племянница Мануила, молодая королева Феодора, вдова короля Иерусалима Балдуина III, от которой он имел детей. Впрочем, на последней Андроник все же женился. Сексуально невосдержанный, он готов был затаскивать в постель любую понравившуюся ему женщину, так что, по словам Никиты Хониата, «...водил за собой любовниц, как петух водит кур или козел – коз на пастбище».

*Девять долгих лет Андроник провел в заключении во Влахернах, в глубоких, темных казематах башни **Анема** – самой страшной политической темнице Константинополя при бастионе со складскими помещениями Влахернского дворца, куда он угодил за скандальные альковные связи, а еще больше – за интриги против своего царственного двоюродного брата. Но и там его мятежная, жаждавшая власти и почестей душа не знала покоя. Благодаря своей исключительной смелости и сообразительности Андронику дважды удавалось бежать из тюрем. Первый раз он воспользовался забро-*

шенной водосточной трубой, добрался до противоположного берега Босфора и лишь там был схвачен. Второй побег оказался удачным: на сей раз хитрец смог добыть ключи от тюремных замков. Пока его искали по Дворцу, он три дня прятался в густой, высокой траве глухого угла дворцового двора, потом по веревке спустился со стены в поджидавшую его лодчонку некоего Хрисохопула, на варварском языке находчиво наплел следившей за подходами с моря страже Вукелеона, что он домашний слуга этого Хрисохопула, якобы пытавшийся бежать от своего жестокосердного господина, совершенно заморочил им голову, умолил отпустить со своим «хозяином» и скрылся.

Атлет и воин, элегантный и обаятельный, особенно с женщинами, которые его обожали, ловкий дипломат и прекрасный актер, он сочетал в себе высокий интеллект, рыцарственное благородство, безрассудную смелость и щедрость с редкостными коварством и жестокостью. Без малейшего затруднения Андроник проливал потоки слез: благоговейно целовал колени Патриарха Феодосия (1179-1183 гг.), твердо решив, что добьется его замены своим пособником. Уже придя к власти, он лил слезы на могиле Мануила I, своего бывшего соперника, которого люто ненавидел, а жену и сына собирався уничтожить.

Поначалу Андроника, невзирая на кровавую узурпацию трона, встретили ликованием, приветствовали любые его дела, слагали восторженные песни. Хитрый, опытный демагог и талантливый «политтехнолог», он, чувствуя массовое настроение и пытаясь манипулировать им, заявил, что не желает, чтобы иноземцы сделали из Ромейского царства западное государство и взяли перевес над греками. Заигрывая перед славящим его простонародьем, новый василевс объявил себя врагом крупной аристократии и всех коррупционеров. Он приказал вывесить перед входом в роскошно отстроенный им константинопольский храм Сорока Мучеников огромную картину, на которой был представлен в простой крестьянской одежде синего цвета, длинных сапогах, с тяжелой и кривой косой в руках – словно настоящий мужицкий царь. Кто бы мог тогда подумать, что он пройдет по людям с косой смерти! Способный правитель, по ширине замыслов, энергии, решимости и даровитости ничем не ниже Мануила, этот император мог бы спасти Ромейское царство, вывести из кризиса, но только ускорил его гибель.

К концу жизни узурпатор потерял свою былую, совершенно исключительную репутацию и превратился в свирепого, развращенного реакционера, тирана, страдавшего манией преследований и погрязшего в массовых репрессиях и злодеяниях. Смерть его оказалась ужасной.

Как бывает в истории, крупные общественные потрясения иногда зависят от мелких личных обстоятельств. 11 сентября 1185 г. к дому вельможи, двоюродного брата Андроника, Исаака Ангела, 35-летнего златокудрого красавца и модника, направился начальник царской охраны, злоеущий Стефан Айохристопорит с несколькими стражниками, дабы арестовать хозяина, безосновательно заподозренного в опасности для императора. В отличие от прочих оцепенелых жертв, безропотно дававших уводить себя на заклание, смертельно испугавшийся Исаак решил не сдаваться. В чем был, в какой-то домашней двухцветной рубахе с длинными фалдами, полуголый, он, схватив меч, выпрыгнул со второго этажа прямо на спину своего

коня и во весь опор помчался на обомлевшего Стефана Айохристофорита и стражников, которые бросились врассыпную. Раскrojив надвое мечом начальника царской охраны, он помчался по улицам Константинополя к храму Св. Софии, ища у его алтаря убежища, и попутно во весь голос крича, что он убил ненавистного Стефана Айохристофорита. Собравшаяся толпа поначалу ждала, что будет дальше. На свою беду василевс промедлил, ибо, находясь во дворце на противоположном берегу Босфора, узнал о случившемся только вечером. Между тем огромная и теперь уже ревушая будто шторм, толпа, продолжала расти, смелела, стала выказывать сочувствие Исааку, к утру следующего дня короновала его императором и двинулась на штурм Влахернского дворца. Андроник, никак не ожидавший такого стремительного поворота событий, потерял обычную выдержку, начал суетиться, совершать недальновидные действия, ошибки. Он попытался взять ситуацию под контроль, организовать с варяжской охраной сопротивление, даже лично стрелял из лука по толпе, убил несколько человек, но этим только еще больше разозлил нападавших, все же ворвавшихся в царские покои. Тогда погрузив на борт корабля золото, юную жену Агнессу, а заодно прихватив самую любимую наложницу-флейтистку, он решил тайком бежать из бушующего города к «тавроскифам», видимое, в родные ему владения Галицкого княжества. Однако буря и встречный ветер не дали паруснику пройти Босфор.

Андроник был схвачен, закован в кандалы и тяжелые цепи, на которых держат львов. Ему отрубили секирой кисть правой руки и бросили в тюрьму Анема, где он провел несколько дней в страданиях, без пищи и питья. Затем снова принялись за него: Андронику выкололи левый глаз, посадили голым на облезлого тощего верблюда и погнали по улицам столицы по самому солнцепеку. Разъяренная толпа, некогда прославлявшая, боготворившая его, провожала развенчанного императора гневными, срамными оскорблениями. Никита Хониат с неодобрением пишет о катившемся по улицам столицы кровавом клубке самосуда, во время которого «...глупые и наглые жители Константинополя, особенно колбасники и кожевники, и все те, кто проводит целый день в эргастирии, кое-как живя починок сапог и с трудом добывая хлеб иголкой», набросились на недавнего царя с палками, били и кололи его ножами, шилами, мечами, мазали калом, обливали мочой и кипятком. Особенно в этом усердствовали родственники казненных и униженные мужья, родители множества обесчещенных им женщин, издеваясь, насмехаясь над которыми он в свое время хвастливо вывешивал на Меси роза пойманных им оленей. Все муки Андроник переносил с необычайной стойкостью, лишь иногда повторяя искаженным муками голосом: «Господи помилуй! Зачем вы ломаете сломанный тростник?!». Его никак не могли убить. Жизнь покидала его по каплям. На Ипподроме истерзанного царя повесили за ноги, кололи в пах кинжалами и избивали, издевались до тех пор, пока истекающий кровью несчастный не забился в предсмертной агонии. Леденящая душу мучительная казнь наконец свершилась. Труп последнего из Комнинов удостоили погребения в церкви Св. Марии Панахрантус (ныне **мечеть** Фенари-Иса) только через несколько суток, да и то в виде милости.

С приходом к власти опорой Андроника, помимо доставшейся ему в наследство старой чиновной аристократии, которую он вынужден был использовать,

стали разного рода жадные до власти и денег проходимцы: лавочники и корабельщики, завидовавшие богатым и предприимчивым купцам – латинам; мелкие, иногда полуграмотные чиновники, мечтавшие о блестящей карьере; отставные дипломаты и тому подобные. Пристраиваясь к «корыту» государственного бюджета, такие бесполезные типы стремились обзавестись жалованьем, получать дары, милости от царя на единственном условии – быть лояльными к власти правоверными ромеями. В общем Андроника поддерживали те, кто хотел погреть руки на нестабильности, и кого устраивала атмосфера политических преследований, смещений, опал и казней, открывавших дорогу к вершинам власти порой самим бездарным, темным личностям.

Поскольку расправам в большинстве случаев подвергались люди знатные и состоятельные, престоное востановление встречало ликованием такие действия василевса, видя в нем своего защитника. За свою лояльность царю оно было настроено требовать содержания от государства, социальных выплат. Дабы снискать себе славу просвещенного правителя и борца с несправедливостью, Андроник I провел меры, которые действительно позволили в короткий срок улучшить положение провинций, поднять захиревшие торговлю, предпринимательство, сельское хозяйство, увеличит население во многих районах. Проводя разделявшуюся большинством православных ромеев антизападную, антилатинскую политику, император попытался избавиться от засилья на византийском рынке дешевых и более качественных западноевропейских товаров, запретив их продажу. Он разрешил всем желающим, а не только знати или стратиотам, перепродавать пожалованную царем землю, что позволило торгово-ремесленным верхам вкладывать свои доходы в землевладение. Андроник действительно обуздал хищничество вельмож, поначалу уменьшил налоги, добился невиданного – отменил «береговое право» – давний, столетиями державшийся дикий, злобный обычай, разрешающий прибрежным жителям, прежде всего, динатам, грабить выброшенные бурей корабли. Сухопутные пираты получали с этого занятия весомую прибыль. После кораблекрушения все село с радостью выбегало на берег, налетая на добычу и потерпевших бедолаг как стервятники. Теперь ослушников царского повеления вешали на мачтах разграбленных кораблей.

Василевс сократил безмерные расходы двора, повел решительную борьбу с коррупцией в государстве: была запрещена порочная практика продажи должностей, сборщики налогов поставлены под неусыпный контроль, повышено жалованье наместникам провинций, чтобы сделать их менее склонными к взяточничеству. За малейшие злоупотребления властью, коррупцию следовали немолимые, немедленные кары, громкие, причем публичные процессы, казни провинившихся. Осмелившемуся осудить его жестокости анагносту Великой церкви Георгию Дисипату царь пригрозил поджарить на вертеле и скормить это жаркое жене чтеца. И это не было пустой угрозой. Недаром говорили, что алчные податные чиновники, готовые прежде нажиться сверх меры и отнять даже у бедняка последнюю рубашку, цепенели и разбегались от одного имени василевса, словно от некоего волшебного заклинания.

Те, кто попадал в его руки, действительно оказывались замученными до смерти, зачастую в присутствии Андроника, а порой и при его личном участии в пытках. Он даже устраивал публичные сожжения своих противников на Ипподроме, во время которых палачи копьями заталкивали жертву в полыхавший

громадный костер. По словам Никиты Хонитата, «этот человек считал для себя тот день погибшим, когда он не захватил или не ослепил какого-нибудь вельможу, или кого-нибудь не обругал, или, по крайней мере, не устрасил грозным взглядом и выражением гнева». «Неумолимый в наказаниях, – писал византийский историк, – он забавлялся несчастьями и страданиями ближних и, думая погибелью других утвердить свою власть... находил в том особое удовольствие». Царь ставил своих слуг перед выбором: «или прекратить творить несправедливость, или прекратить жить», и был убежден, что «нет ничего, чего бы василевсы не могли исправить». Ослепленный идеей собственного всемогущества, он решил строить идеальное государство на крови и кругом видел одних врагов. Пытаясь выявить и искоренить их, он сеял зерна страха и пожинал колосья смертей.

Но так продолжалось недолго, ведь главное – государственная система управления оставалась прежней. Популистской демагогией, одной безоглядной жестокостью и грубой силой ее невозможно было исправить. А император не в меньшей мере нуждался в деньгах, чем его предшественники. Финансовый кризис проявлялся в постепенном, все большем обесценивании иперпира. В нем все более и более падало содержание драгоценного металла, а количество обесцененных, скифатных монет, которые было легко отличить по их вогнутой, блюдцеобразной форме, росло. Практически такой «золотой» меняли уже только на четыре трахи плохого, низкопробного серебра, то есть официальная стоимость монеты снизилась в три раза по сравнению с временами господства полноценного «доллара средневековья». Привилегии венецианцам пришлось восстановить, да еще заплатить за их потери и в 1171 г. и в 1182 г. Ярмо италийского торгового господства не удалось сбросить: мера, которая могла бы стать спасительной для византийской экономики, не состоялась. В скором времени Андроник вынужден был пересматривать налоговые ставки в сторону увеличения поступлений: он нуждался во все большем количестве денег. Его позитивные реформы укорениться не смогли, зато негативные последствия правления становились все более очевидными.

Пожалуй, самым порочным в этом правлении стало то, что василевс безжалостно уничтожал всех, кто стоял на его пути, мог ему явно или потенциально, даже мнимо угрожать, и тем самым еще больше разжигал интриги недовольной крупной знати. На мятежи и заговоры он отвечал все возрастающим насилием, переросшим, по сути дела, в гражданскую войну. Эта главная, серьезная ошибка стоила ему трона и жизни. Жертвами его болезненной подозрительности и лютой ненависти стал едва ли не каждый десятый аристократ, которых Андроник садил на кол, сжигал, вешал, казнил мечом, ослеплял, отправлял в монастыри, в изгнание. Он физически истребил Комниновский клан, с которым на протяжении последнего столетия была связана защита границ Ромейского царства. Тот социальный слой, который выдвинул, поддержал Комнинов и превратился в опору Византии, тоже подвергся беспощадной расправе, что ослабило государство.

Жестокий удар был нанесен и провинциальным городам. Вскоре волна неслыханного по масштабам террора захлестнула простых граждан. В стране стал как никогда процветать донос, широко распространились оговор и клевета. Жертвой волны всеобщего клязушничества оказался и стар, и млад. По словам Никиты Хониата, «...брат не смотрел на брата, и отец бросал сына, если так было угодно Андронику». Причем василевс редко прибегал к тайным убийствам,

предпочитая инструмент «народного гнева»: он создавал громкие судебные дела и, формально не вмешиваясь в деятельность судов, поручал судьям выносить угодные ему приговоры, которые народ должен был одобрять и считать абсолютно справедливыми. Для создания соответствующего «общественного мнения» в Константинополе вывешивались проскрипционные списки крамольников, «врагов народа» с указанием рода казни, которая ждала «предателей родины». Жертвой таких «политических процессов» стало немало ни в чем не повинных людей. Остальные дрожали от страха. Немудрено, что всеобщая ненависть и разочарование заставили со временем забыть даже прежние заслуги царя, его действительные, позитивные преобразования. По мере усиления неудач боготоровивший Андроника плебс Константинополя все более отворачивался от «народного царя» и в итоге стал палачом того, кому не так давно дал «страшную клятву на верность и преданность».

По сути дела, недолгое, трехлетнее правление василевса ознаменовалось возвратом к старому политическому порядку, основанному на жесткой авторитарной бюрократической централизации, но без прежней мощной финансовой подпитки. «Противостояние новаторства и консерватизма обнаружилось в трагической обнаженности» – подытожил случившееся византинист с мировым именем Александр Каждан. За периодом «комниновых реформ» последовало отступление. Более того, режим кровожадного Андроника I Комнина разрушил все, что с таким трудом созидали его предшественники. Он отказался и от спасительной опоры на родственный клан, и от непоследовательных, несмелых попыток перестроить Империю по образцу западноевропейских государств. Возможность спасти Византию была упущена.

Как следствие, в царствование последнего Комнина, погруженное в смуту, Ромейское царство пережило ряд внешнеполитических неудач. Венгрия окончательно захватила побережье Далмации, важное для Византии в стратегическом отношении. Результаты прежних чрезвычайно затратных венгерских войн Мануила Комнина рассыпались в прах. Окрепшая Сербия стала теснить ромеев в их северо-западных владениях. От Ромейского царства отделился Кипр, одна из богатейших его провинций, где утвердился дальний родственник Андроника и внучатый племянник Мануила, Исаак Комнин. Он дерзко назвался василевсом и стал выпускать собственную монету.

Мстя за погром 1182 г., давние и наиболее решительные враги Византии – разнузданные сицилийские норманны под началом графа Танкреда, подстрекаемые опальными византийскими вельможами и ведя с собой некоего узурпатора, Лже-Алексея II, летом 1185 г. высадились на Балканах, без боя взяли важный адриатический порт Диррахий (нынешний Драч) и после яростных атак, воспользовавшись изменой немецких наемников из гарнизона города и подкопом, ворвались в зажиточную, процветающую Фессалонику. Они разграбили, сожгли этот второй по значению после столицы город Империи, осквернили святыни, оставили горы мертвецов – семь тысяч детей, женщин, стариков, и ужасно надругались над их телами, разложив в обнимку с трупами ослов и мулов. Зловещее предзнаменование будущей трагедии, в недалеком будущем ждавшей столицу ромеев!

80-тысячная армия агрессоров сицилийского короля Вильгельма II Доброго (1166-1189 гг.), не встречая сопротивления, маршем двигалась по главной древней балканской дороге к охваченной паникой «царице городов» – Константи-

нополю, рассчитывая добыть византийскую корону. Если бы не разразившаяся в рядах норманнов эпидемия, они бы не отступили. Но в Эгейском и Мраморном морях продолжали хозяйничать сицилийский флот и пираты, остров Эгина стала наводящим жуть притоном морских разбойников. «Пестрая цепь ударов судьбы», по словам мемуариста Евстафия Фессалоникского, привела к тому, что былая слава Ромейского царства в одночасье загадочно улетучилась на глазах современников, которые с недоумением вопрошали, куда же девались мощь и богатства ромеев?! Казавшаяся незыблемой Империя стала, будто срезанный тростник, рушиться на глазах, постепенно съеживаясь в ограниченное пространство вокруг столицы-мегалополиса.

?

1. Как и на кого смогла опереться новая династия Комнинов и к чему это привело?
2. Какие изменения произошли в системе управления Империи ромеев за время правления Комнинов?
3. Сравните систему титулов IX и XII вв. Какие процессы в византийском обществе отражала новая титулатура?
4. Почему в Ромейском царстве в эпоху Комнинов не сложилась феодальная иерархическая лестница, подобная той, что существовала в средневековой Западной Европе?
5. Какие процессы переживали провинциальные города Ромейского царства в эпоху Комнинов? Можно ли говорить о росте их самостоятельности?
6. Как вы считаете, что можно отнести к числу реформ Комнинов? На что они были направлены и насколько успешны?
7. В чем заключалась специфика политики Комнинов в отношении Церкви? Как это связано со сворачиванием интеллектуальной свободы в обществе?
8. Какими средствами пользовались василевсы из династии Комнинов для расширения границ Ромейского царства? Что в них было нового?
9. Какие земли удалось отвоевать ромеям при Комнинах у сельчуков и арабов? Каким образом?
10. На что была направлена внутренняя и внешняя политика Мануила I Комнина? Почему его стремления восстановить Римскую империю были обречены на неудачу? Можно ли эти усилия рассматривать только как каприз деспота?
11. Подумайте, почему Империя ромеев проигрывала всякий раз, когда мало обращала внимание на восточные провинции? Вспомните такого рода случаи.
12. Какие поражения византийцев напоминает битва при Мириокефале? В чем были их сходство и в чем отличие?
13. Каковы причины дряхлости византийской государственной системы к концу XII в.?
14. Как вы думаете, было ли случайно восстание константинопольцев 1182 г. против латинцев? Докажите свою точку зрения.
15. Как вы считаете, какие черты характера Андроника I Комнина позитивные, а какие вызывают осуждение?
16. На кого в своей политике опирался Андроник I? Почему?
17. В чем вы видите противоречивость и главные ошибки государственной деятельности последнего Комнина?

18. Назовите основные изменения в денежной системе Ромейского царства в течение XII в.? О чем они свидетельствуют?
19. В чем, на ваш взгляд, заключается загадка дома Комнинов и эпохи его правления?

Внимание, источник!

Послание василевса Алексея I Комнина к государям западной Европы зимой 1091 г.

Святейшая Империя христиан греческих сильно утесняется печенегами и турками (сельчуками). Они грабят ее ежедневно и отнимают ее области. Убийства и поругания христиан, ужасы, которые при этом совершаются, неисчислимы и так страшны для слуха, что способны возмутить самый воздух. Турки подвергают обрезанию детей и юношей христианских, насилюют жен и дев христианских перед глазами их матерей, которых при этом заставляют петь гнусные и развратные песни. Над отроками и юношами, над рабами и благородными, над клириками и монахами, над самими епископами они совершают мерзкие гнусности содомского греха. Почти вся земля от Иерусалима до Греции и вся Греция, острова Хиос и Митилена (Лесбос) и многие другие острова и страны, не исключая Фракии, подверглись их нашествию. Остается один Константинополь, но они угрожают в самом скором времени и его отнять у нас, если не подоспеет быстрая помощь верных христиан латинских. Пропонтида уже покрыта двумястами кораблей, которые принуждены были выстроить для своих угнетателей греки: таким образом Константинополь подвергся опасности не только с суши, но и с моря¹. Я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасения: я принужден бегать перед лицом турок и печенегов, оставаясь в одном городе, пока их приближение не заставит меня искать убежища в другом. Итак, именем Бога умоляем вас, воины Христа, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки. Мы предпочитаем быть под властью ваших латинов, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам. Для вас должна быть так же дорога та святыня, которая украшает город Константина, как она дорога для нас. Если сверх ожидания вас не одушевляет мысль об этих христианских сокровищах, то я напоминаю вам о бесчисленных богатствах и драгоценностях, которые накоплены в столице нашей. Сокровища одних церквей константинопольских в серебре, золоте, жемчуге и драгоценных камнях, в шелковых тканях могут быть достаточны для украшения всех церквей мира. Но богатства Софийского храма могут превзойти все эти сокровища вместе взятые и равняются разве только богатству храма Соломона. Нечего говорить о той неисчислимой казне, которая скрывается в кладовых прежних императоров и знатных вельмож греческих. Итак спешите со всем вашим народом, напрягите все усилия, чтобы такие сокровища не достались в руки турок и печенегов. Ибо кроме того бесконечного числа, которое находится в пределах Империи, ожидается ежедневно прибытие новой 60-тысячной толпы. Мы не можем положиться и на те войска, которые у нас остаются, так как и они могут быть соблазнены надеждой общего расхищения.

¹ Речь идет о подготовке штурма Константинополя сельчукским вождем Чаха (ударение на последней букве), который принудил ромеев из западно-малоазиатской Смирны построить для него суда.

**Из «Алексиады» византийской принцессы Анны Комниной (1083 – ок. 1153/54 г.)
о её отце, Алексее I Комнине, и его действиях против латинов**

Алексей был не слишком высок, и размах его плеч вполне соответствовал росту. Стоя, он не производил сильного впечатления на окружающих, но когда он, грозно сверкая глазами, сидел на императорском троне, то был подобен молнии: такое всеподобающее сияние исходило от его лица и от всего тела. Дугой изгибались его черные брови, из-под которых глаза глядели грозно и вместе с тем кротко. Блеск его глаз, сияние лица, благородная линия щек, на которые набегал румянец, одновременно пугали и ободряли людей. Широкие плечи, крепкие руки, выпуклая грудь – весь его героический облик вселял в большинство людей восторг и изумление. В этом муже сочетались красота, изящество и непревзойденное величие. Если же он вступал в беседу, то казалось, что его устами говорит пламенный оратор Демосфен. Потоком доводов он увлекал слух и душу, был великолепен и непоборим в речах, так же, как и в бою, одинаково умел метать копье и очаровывать слушателей...

XI. 10. Выступившие в поход на Иерусалим франки, стремясь к завоеванию сирийских городов, многое обещали епископу Пизы¹ за поддержку в достижении их цели. [...] Император, получив об этом известие, приказал строить корабли во всех областях Ромейской империи². Немало кораблей стали сооружать они в самом царственном городе. Сам же он время от времени совершал объезды на монере³ и указывал строителям, что и как следует делать. Зная опытность пизанцев в морских боях и опасаясь сражения с ними, император поместил на носу каждого корабля бронзовую или железную голову льва или какого-нибудь другого животного, – позолоченные, с разинутой пастью, головы эти являли собой страшное зрелище. Огонь, бросаемый по трубам в неприятеля, проходил через их пасти, и казалось, будто его извергают львы или другие звери. [...] общее командование флотом он поручил Ландульф и назначил его, как самого опытного в морской войне, великим дукой.

Покинув столицу в апреле⁴, они с ромейским флотом прибыли к Самосу⁵, причалили к суше и сошли на берег, чтобы покрыть корабли асфальтом и увеличить этим их прочность. Узнав, что мимо прошел пизанский флот, они отчалили и поспешили вслед за ним. [...].

Между тем ромейский флот не вступил в бой с пизанцами в правильном боевом строю, а напал на них быстро и беспорядочно. Сам Ландульф первым подплыл к пизанским кораблям, но неудачно метнул огонь⁶ и достиг лишь того, что огонь рассеялся. Комит по имени Елеимон отважно атаковал с кормы большой корабль, однако его судно зацепилось за руль вражеского и не смогло отплыть. Елеимон попал бы в плен, если бы немедленно не кинулся к снарядам, не бросил в пизанцев огонь и не поразил цель. Затем

¹ Пиза – город-государство в северной Италии, одна из мощных средневековых морских республик, долго соперничавшая с Венецией и Генуей.

² В начале XI в. в Ромейском царстве существовало шесть морских фем, которые поставляли так называемый фемный флот. Но к 1099 г., ко времени, о котором идет речь в рассказе, территория всех этих фем почти полностью была занята сельчуками и норманнами. Поэтому поставлять флот теперь должны были все области Империи, а вскоре он вообще станет наёмным.

³ Корабль с одним рядом весел.

⁴ 1099 г.

⁵ Крупный остров в Эгейском море, у западного побережья Малой Азии.

⁶ Имеется в виду знаменитый «жидкий огонь» – горючая смесь, направляемая на врага из специальных труб – сифонов.

он быстро повернул корабль и тотчас же поджег еще три огромных варварских корабля. Между тем внезапно разгулявшийся ветер взволновал море, стал трепать корабли и грозил вот-вот потопить их (волны бушевали, реи скрипели и паруса рвались). Варвары, испуганные огнем (ведь они не привыкли к снарядам, благодаря которым можно направлять пламя, по своей природе поднимающееся вверх, куда угодно – вниз и в стороны) и уstraшенные бурей, решили обратиться в бегство.

**Из описания крестоносца Одо де Девиля,
капеллана французского короля Людовика VII Молодого
и монаха монастыря Сен-Дени,
посетившего Константинополь в 1148 / 1149 гг.**

[...] Константинополь – слава греков – в действительности богаче, чем о нем говорят, он имеет форму треугольного паруса. [...] море окружает город с двух сторон. По прибытии справа находится Рука Святого Георгия (Золотой Рог), слева – река, которая вытекает оттуда и простирается примерно на четыре мили¹. Далее находится дворец, который называют Влахернским, он воздвигнут на небольшом возвышении, но тем не менее восхищает своей архитектурой, богатством и размерами и дает возможность своим хозяевам наслаждаться тройным удовольствием от тройного пейзажа – деревенского, морского и городского. Его внешняя красота практически не сравнима ни с чем, а внутренняя ее еще и превосходит. Все украшено золотом и мрамором различных оттенков, расположенным с большим вкусом, и я не знаю, что важнее – его стоимость или красота, изящество искусства или ценность материалов. Третий угол треугольника занят полями, но он защищен двойной стеной с башнями², которая простирается от моря до дворца примерно на две мили. Эта стена не очень внушительна, и ее башни не высоки, но я думаю, что город гордится своим многочисленным населением и традиционным спокойствием. Внутри стен – обрабатываемая при помощи плуга и мотыги незанятая земля, которая дает жителям всевозможные овощи. Подземные акведуки приносят в город пресную воду в больших количествах. Но город вместе с тем грязный и смрадный, многие его уголки обречены на вечный мрак. В итоге богатым достаются красивые дома на улицах, беднякам и чужестранцам – грязь и мрак. Там происходят убийства, кражи и другие преступления, которым необходима темнота. В этом городе живут без закона, все богатые здесь короли, почти все бедняки – воры и преступления совершаются без страха и скрытности, потому что преступление остается тайным и безнаказанным. Город превосходит все другие как по богатству, так и по порокам.

**Из описания Константинополя
испанского еврея-путешественника Вениамина из Туделы (1171 г.)**

[...] Жители города очень богаты золотом и драгоценными камнями, они привыкли к шелковой одежде, украшенной золотой вышивкой, они ездят на лошадях и похожи на принцев. Страна по-настоящему богата тканями, хлебом, мясом и вином. Нигде в мире не найдешь похожего процветания.

¹ Речь идет о проливе Босфор.

² Таково описание главной оборонительной стены Феодосия.

**«Ромейская история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина»
Никиты Хониата (ок. 1155-1217 гг.) о раздаче земель
под условием несения воинской службы**

У ромеев принято за правило – да я думаю, что это правило имеет силу и у варваров¹, – давать на содержание воинам жалование и делать им частые смотры, чтобы видеть, хорошо ли они вооружены и заботятся ли надлежащим образом о лошадях, а людей, вновь вступающих на военную службу, прежде испытывать, здоровы ли и сильны ли они телом, умеют ли стрелять, и потом уже вносить в списки. Но этот василевс (Мануил I) все деньги, какие должны были идти на содержание воинов, собирал к себе в казнохранилище, как воду в пруд, а голод войск врачевал пожалованиями париков, воспользовавшись делом, придуманным прежними василевсами и только изредка допуславшимся для таких воинов, которые часто разбивали врагов. Через это он, сам того не замечая, и ослабил войско, и перевел бездну денег в праздные утробы, и привел в дурное положение ромейские провинции.

При этом порядке вещей лучшие воины утратили соревнование в опасностях, так как то, что побуждало их выказывать воинскую доблесть, не было уже, как прежде, чем-то особенным, что представляется им одним, а сделалось доступным для всех.

**Иоанн Киниам (около 1143 – после 1176 гг.) в «Сокращенном изложении
царствования Иоанна и Мануила Комнинов»
о бегстве из заключения будущего василевса Андроника I**

Книга 5. 11. Он (Андроник) не раз каким-то дивным способом уходил из темницы [...]. Так однажды достиг он уже, говорят, реки Сангария², где, понуждаемый холодом, вошел в одну бедную хижину. Но жившие в ней люди тут же узнали его по внешнему виду [...]. Земледельцы окружили его и, несмотря на ужасное сопротивление с его стороны и уверения, что он не Андроник, связали его и отвели в Византию, где опять заковали его в цепи и заключили в темницу. В последний же раз он сделал оттиски ключей на воске, и послал их жене и сыну³; а они, при содействии других, принявших в этом участие, приготовили железные ключи и тотчас переслали к нему. Получив их, он, говорят, немедленно после солнечного заката (каковое время и было назначено для исполнения намерения), подстерг отсутствие стражей и ушел. К стене темницы, в которой он содержался, примыкал двор; а на дворе, в месте наименее утопанном, сама собой росла очень высокая трава. Сюда-то и скрылся беглец, как заяц, и сжал там в комок все свое тело. Когда наступила уже ночь, и ночным стражам нужно было по обыкновению окружить темницу, пришел и тот, кому вверено было от царя хранение Андроника. Поставив стражу и потрясав запоры, что делалось обыкновенно всякий день перед отходом ко сну, он старался узнать, не предпринято ли тут чего-нибудь худого; но уверившись, что нет ничего подозрительного, удалился и предался сну [...]. Потом в глубокую ночь пришел (Андроник) к концу двора, где влез на замыкавшую его стену, которая хотя была и не очень высока, зато стояла так

¹ Здесь имеются в виду бенефиции (от *лат.* *beneficium* – «благодетельство») – условные пожалования, даваемые за службу королем или императором.

² Река в Малой Азии, на азиатской стороне Босфора, в сотне километров от Константинополя, откуда из тюрьмы бежал Андроник.

³ Феодоре, бывшей вдове Иерусалимского короля Балдуина III, от которой у него был упомянутый сын.

близко к морю, что волны воздымавшиеся на нем от южного ветра, часто разбивались о ее поверхность. К вершине этой стены привязал он веревку и, ухватившись за нее, спустился на берег [...]. В ту же минуту для принятия его приблизился плывший по морю челнок, на который посадили его и привезли домой. Дома сбросил он цепи, которыми были закованы его ноги, и тотчас, взошедши опять на корабль, поплыл на нем за городские стены. Там нашел он приготовленных для себя лошадей, на которых сел и уехал.

Архиепископ Евстафий Фессалоникский «О пленении латинами города Фессалоники» (1185 г.)

4. «Да поистине это величайшее несчастье для людей»¹. Самым горестным зрелищем было, когда рядом с погибшими от разных причин взрослыми людьми повсюду лежали распростертые трупы малых детей. Некоторых из них пронзили одновременно с теми руками, которые их держали. Иные гибли от страха, или их убивали как раз те, кто их нес. Большинство из них лежали плашмя. Ведь необходимость бежать влекла за собой подобную смерть, без оружия.

И вот народ кинулся в церкви, и завязалась жесточайшая борьба за жизнь.

Во второй раз это произошло при входе в акрополь: когда вражеское войско поднялось на восточную башню со стороны моря, это было как бы условным знаком для неприятеля, что город уже покорен, так что все, кто только хотел, могли карабкаться с внешней стороны – тогда нижнюю часть города многие покинули. Они обратили взор к акрополю, «словно к горам спасительным»².

5. Судить о размерах уничтожения можно по тому обстоятельству, что рядом с грудами человеческих трупов вырастали горы убитых животных. Так как единственные ворота не давали достаточно выхода для бегущей наверх толпы, и пешеходы, и всадники, чтобы оказаться в безопасности, яростно стремились прорваться, но все же пройти они не могли.

Тогда идущие позади тяжело навалились на передних, но и сами пострадали от тех, кто находился еще дальше. В свою очередь и те не могли избежать подобной судьбы. Так, валящая толпа в стремительном беге превращалась в гору мертвецов, где все находилось в пестром нелепом смешении: люди, лошади, мулы, ослы, на которых многие поместили поклажу с самым необходимым. Этот холм достиг высоты находившейся там городской башни и был лишь немногим ниже валов перед городскими стенами [...].

Итак, это произошло с внешней стороны крепостных ворот. Другая совершенно иного рода трагедия постигла тех, которые прижали ворота изнутри, когда горе-полководец³ очень некстати соскользнул с них и пустился в позорное и тайное бегство.

6. Так как, видимо, еще недостаточно людей различным способом лишилось жизни, тот человек, в хороших делах ничтожный, а в плохих великий, умножил несчастья и как бы собственноручно увенчал беду короной. Он не мог упустить момент стать собственноручным убийцей еще и для тех, которых он приблизил к гибели уже раньше своими бестолковыми планами, говоря по правде, легкомыслием в битве и плохой охраной города [...].

Эти варвары донесли волну своего насилия до самого подножия алтарей. Было странно даже помыслить, что у них появится такое желание – уничтожать наши иконы, используя их в качестве топлива для огня, на котором они готовили для себя еду. Явив

¹ Парафраза из Гомера (Илиада. XXII. 76).

² Псалом 20. 1.

³ Давид Комнин, наместник Фессалоники, который очень плохо подготовился к обороне и вел ее крайне пассивно, отказываясь от вылазок против неприятеля.

еще более преступные наклонности, они начали танцевать на алтарях, перед которыми трепетали сами ангелы, и петь непотребные песни. Потом они стали мочиться по всей церкви, так что на полу потоком лилась их моча.

?

1. Выскажите ваши соображения о достоверности послания Алексея Комнина. Мог ли этот литературный памятник отражать настроения официального Константинополя? В чем последний был действительно заинтересован и что приписывали ему на Западе?
2. Насколько описание внешности Алексея I в «Алексиаде» соответствует современным понятиям о мужской красоте? Как вы думаете, чем руководствовалась Анна Комнина, когда писала о своем великом отце?
3. Какую информацию о «греческом огне» и его использовании можно извлечь из описания Анной морского сражения ромеев с пизанцами? Что изменилось с момента изобретения этой горючей смеси в конце VII в?
4. С чем в описаниях Константинополя эпохи Комнинов можно согласиться, а с чем нет? Чье впечатление, на ваш взгляд, более правдиво – Одо де Девилья или Вениамина Тудельского?
5. Как вы считаете, насколько справедливы слова Никиты Хониата в адрес Мануила I? Действительно ли это была ошибка императора?
6. О каких качествах Андроника I говорит рассказ Иоанна Киннама о его побегах из темницы? Подумайте, почему крестьяне вели себя по отношению к Андронику именно таким образом?
7. В чем Евстафий Фессалоникский видел причину взятия Фессалоники войсками сицилийских норманнов в 1185 г.? Почему ромеи пытались искать спасения от врагов в церквях и на акрополе города?
8. Почему норманны, будучи христианами, творили надругательства над церковными святынями Фессалоники? Вспомните, когда над святынями католиков надругались византийцы?

§ 17. В зените славы и слабости. Ромейское царство на грани XII-XIII вв.

После смерти последнего василевса из дома Комнинов Византийская империя вступила в период резкого упадка и серьезных внешних потерь. С трудом сдерживаемые центробежные силы отныне стали действовать без всякого стеснения. В провинциях бунтовали мятежные магнаты, их политическая роль росла, что было следствием нараставших феодальных тенденций в обществе. В 1186 г. решительно восстали не переставшие стремиться к независимости болгары, сербы в союзе с Венгрией тоже сбросили византийское господство. К Эгейскому морю продолжали рваться войска свирепых сицилийских норманнов, ранее едва не захвативших Константинополь. В душах ромеев росло смятение, вера уходила.

Никуда не годные императоры из новой династии Ангелов (1185-1204 гг.), близкие родственники Комнинов, все два десятилетия выпавшего на их долю короткого, но неудачного правления больше заботились о личном благополучии и поддержании внешней видимости величия, нежели об интересах государства. Несмотря на стремление правительства сдерживать провинциальные центробежные силы, местная земельная аристократия стремительно крепла. Это готовило социальную почву для последующего распада Ромейского царства, порожденного трагическими распрями и недомыслием.

Летом 1203 г., распаленные жаждой наживы, рыцари Четвертого Крестового похода оказались у стен Константинополя. Напряжение между паломниками и ромеями росло, выливаясь в грандиозные пожары Города и взаимные нападения. В Страстную Пятницу следующего года богатейшая древняя христианская столица оказалась захвачена и опустошена крестоносными грабителями. Единство христианства было окончательно расколото, а централизованная государственность, державшаяся в Византии столетиями, разрушена. Это бедствие мирового масштаба можно считать самой страшной культурной катастрофой за всю мировую историю.

Ангелы у власти

Бразды правления Царства ромеев оказались непосильным бременем для слабых рук василевсов из династии Ангелов. Это были внуки знаменитого Алексея I Комнина. В свое время его дочь вышла замуж за члена знатного семейства Ангелов. Но пришедших к власти спесивых новых венценосцев, в отличие от их славных предшественников, мало занимали государственные дела. Куда больше их интересовала роскошь собственной одежды и подаваемые к столу изысканные яства.

Любя показной блеск, Ангелы быстро разбазарили казну, истратив огромные деньги на роскош своего беззаботного двора, дорогие одеяния, многочисленные шумные пиры и женщин. Как всякие посредственности, они подозрительно относились к любым выдающимся людям и различными средствами устранили их. Короче, из всех семейств, правивших Ромейским царством, Ангелы в лице Исаака II, Алексея III и Алексея IV оказались наихудшим.

Пришедший к власти благодаря случаю, Исаак II Ангел (1185-1195 гг.), как пишет Никита Хониат, «...жил великолепно и любил угощать гостей». По ядовитому выражению писателя, «...каждый его пир представлял собой горы хлеба, царство зверей, море рыб и океан вина». Он, будто влюбленный в свою красоту павлин, наряжался в разнообразные, многочисленные богатые одежды, причем в один хитон не облачался дважды, принимал через день освежительные ванны, завивал волосы, тратил огромные суммы на тонкие восточные благовония и притирания, сорил деньгами, раздавая их столичным нищим. О василевсе говорили, что государственные посты и саны он продавал, «...словно овощи на рынке». Даже для покрытия расходов на собственную необыкновенно роскошную свадьбу он ввел в провинциях особый налог. Его излюбленным занятием было разрушать, сравнивать с землей старые, еще вполне добротные казенные здания, даже если это было не очень нужно, и возводить на их месте великолепные громады новых. Любя забавы и услаждаясь песнями и музыкой, этот праздный император-сибарит окружил себя шутами, карликами, мимами, песенниками

и странниками, с интересом слушая их песни, сказки, рассказы, коротал время с многочисленными гадателями и астрологами, бессовестно обиравшими его. Ленивый и неспособный, он был обречен на то, чтобы потерять власть, и можно только удивляться, почему это случилось через десять лет, а не на второй год совершенно бездарного правления. Множившиеся внутренние неурядицы, церковные распри, упадок торговли, задушенной привилегиями италийцев, неконкурентоспособность собственных товаров перед западными вызвали всеобщее недовольство, которым пользовалась византийская знать, рвавшаяся ко все большему влиянию на трон и поднимавшая частые мятежи.

В результате интриг этой знати в 1195 г. Исаак II был свергнут и ослеплен собственным старшим братом Алексеем III (1195-1203 гг.). Своего 12-летнего племянника новый василевс тоже упрятал на годы в самую темную тюрьму. Такого позора Ромейское царство еще не знало! Более того, один брат сменил другого на престоле, как оказалось, только для того, чтобы безраздельно пользоваться всеми благами власти. Дела, и без того паршивые, пошли еще хуже. Византинисты единодушны в том, что царствование Алексея III отличалось невероятной пышностью двора при поразительной некомпетентности и нечестности управления. Новый правитель, человек слабый, испорченный и бесстыжий, не любил стеснять себя в средствах. Для него оставались характерны расточительность при полном отсутствии способностей и интереса к управлению государством. Как и его брат, он, по словам Никиты Хониата, тоже обеими руками сыпал богатства на пышную придворную обстановку и драгоценные костюмы, а еще более на любовниц и родню, «совершенно бесполезную в делах общественного управления». Постоянно, как и его брат, нуждаясь в деньгах, Алексей III не останавливался даже перед мародерством, изымая драгоценности из старых императорских гробниц и таким образом получил 70 кентенариев – около 23 центнеров серебра и некоторое количество золота. Он же отдал приказ грабить морские торговые караваны с помощью немногих оставшихся боевых кораблей ромейского флота, которые принялись столь усердствовать, что вызвали войну с султаном сельчуков. Тайные казни, клятвопреступления, вымогательства были для него в порядке вещей. Слабохарактерный, трусливый и ленивый, он скоро стал объектом самых бессовестных манипуляций. Не без злой иронии современники замечали, что какую бы бумагу василевсу не подносили, будь то просто бессмысленный набор слов, или «...проситель требовал, чтобы по суше плавали корабли, а море пахали», он, не раздумывая, подписывал ее.

Окружавшая Алексея III знать была ему под стать: пыталась не уступать василевсу в мздоимстве, тунеядстве, мотовстве и безумных тратах. Покупая у царя чины и титулы, они стремились путем расхищения казенных средств как можно быстрее вернуть истраченное на их приобретение. Бывали случаи и похуже, на уровне откровенных уголовных дел. Рассказывают, что начальник константинопольской тюрьмы – некто Константин Лагос (с греческого – «заяц») следующим образом извлекал выгоды из своей должности. Он освобождал самых ловких воров на ночь, получая затем свою часть добычи. В столице начались лихие налеты и ночные бандитские грабежи, чего прежде не было.

В то время, как никогда ранее, расцвели злоупотребления и коррупция, которые стали неискоренимым фактором правовой культуры Византии. Их проявлением, если прибегнуть к выражению ромейского историка начала XIV в. **Георгия Пахимера**, стало «умение брать взятки». Аппарат центральной власти продолжал быстро разлагаться. Придворные сановники беззастенчиво расхищали казну. Порченная монета подвергалась обесценению. Ромеи вновь столкнулись с таким явлением как девальвация, которая на сей раз стала катастрофической. Всесильные временщики вступали в тайные сделки с податными чиновниками, которые произвольно повышали налоги. Закрывая глаза на вымогательства сборщиков податей, они требовали себе долю с награбленного. Бесконечный поток чиновников из центра грозил перерасти в потоп. Михаил Атталиат, писатель, вместе со своим братом, Никитой, бывший свидетелем этих гибельных времен, в своей сатире против алчной столицы отметил, что она «...посылает в провинцию чиновников в большем числе, чем Бог некогда лягушек в Египет».

На этом безрадостном фоне местная феодализирующаяся аристократия укреплялась, обзаводилась крупными, по сути дела, независимыми земельными владениями вотчинного типа – уделами. Она думала только о себе, о подчинении административных органов своих провинций, а собственники проний, этих земельных пожалований, радовались лишь тому, что теперь они стали наследственными. Неудивительно, что доведенные до отчаяния непомерными налогами и различными вымогательствами со стороны чиновников, управленцев, налоговых сборщиков, крестьяне часто перебегали к сельчукам, предпочитая власть Иконийского султана – нехристя голодной смерти. Ромеи уходили в леса, искали себе пристанище на труднодоступных островах среди озер, в горах, укрепляли свои поселения, чтобы дать отпор своим притеснителям.

Редкий год не отмечался теперь бунтами, народными восстаниями. Чаще всего они случались в Константинополе и его предместьях. Достаточно было малейшего повода, чтобы взяться если не за оружие, то за камни и черепицу, которые в таких случаях градом летели в продажную городскую полицию, вынужденную прибегать к помощи царских войск. Притихшая в правление Комнинов, провинциальная знать, чувствуя слабость, нестабильность центральной власти, поднимала голову. Некоторые магнаты, ставшие полновластными хозяевами в обширных владениях, все чаще стали пытаться даже отделиться от Ромейского царства, – небывалый доселе симптом опасной для государства болезни, которую Ангелы безуспешно пытались приостановить.

Так, в 1189 г. в крупном городе Филадельфии, столице провинции Лидии на юго-западе Малой Азии, вспыхнул мятеж под предводительством Феодора Манкафы, представителя тюркской знати Византии. Манкафа происходит от турецкого слова, означающего «глупая, тупая голова». Может быть поэтому Феодор был известен как Морофеодор, то есть «глупый Феодор». Тем не менее его поддерживали жители Лидии и соседних областей. Манкафа уже начал было чеканить собственную монету, когда Исааку II щедрыми посулами удалось уговорить сепаратиста сложить оружие и повиниться.

Такие же бунты с целью отделения от Ромейского царства происходили в правление Исаака Ангела на Кипре и в Пелопоннесе. Еще хуже пришлось с армянскими правителями Рупенидами, давно обосновавшимися в Киликии. С их сепаратизмом пытался бороться еще Мануил Комнин, но после его

смерти они все же добились независимости, а в 1198 г., Лев, правитель Киликии, стал самостоятельным королем.

События очередного, Третьего Крестового похода тоже негативно отразились на положении Империи ромеев. Этот поход был спровоцирован тем, что выдающийся полководец и политический деятель, отважный султан, курд по происхождению, ас-Салах Эйюб Наджим ад-Дин – «Защитник веры», известный латинам как Саладин, распространив свою власть от Египта до Сирии и мстя за личные оскорбления, нанесенные ему западными рыцарями, в 1187 г. вступил в Иерусалим, который после разгрома и смерти Иерусалимского короля некому было защищать. Впрочем, рыцарственный султан, не устроил резню, как это 88 лет назад сделали крестоносцы, а великодушно предоставил христианам возможность спасти себя и покинуть город, заплатив соответствующий выкуп. Зеленое знамя ислама вновь взвилось над Иерусалимом, а узнавший об этом Папа Урбан III умер, получив роковое известие. Его преемник, Григорий VIII, в 1189 г. призвал христианский мир к оружию. В ответ на это прославленный своей рыцарской храбростью, стальной волей и прекрасными организаторскими способностями император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса, давний недруг Византии, решил пересечь территорию Ромейского царства и отвоевать у мусульман Святой Город. Он даже заключил с впавшим в панику вынужденным союзником Салах ад-Дина, Исааком II Ангелом договор о взаимопомощи, но лелеял планы завоевания ослабевшей Империи ромеев и, главное, захвата ее столицы с помощью флота италийцев, прежде всего, пизанцев, которые предложили ему для этой цели свои корабли. Осуществлению этих планов помешала лишь сдержанная позиция Папы, не желавшего поддерживать недружественного ему западного императора, а окончательно расстроила внезапная гибель самого Фридриха Рыжебородого во время переправы через холодную, бурную киликийскую горную речку Салеф неподалеку от Селевкии, на юге Малой Азии, куда с боями против сельчуков добралась крестоносная армия.

Зато английские рыцари-паломники во главе со своим королем, жестоким, энергичным Ричардом Львиное Сердце, плывя в Сирию, в 1191 г. попутно захватили отделившийся от Ромейского царства шесть лет назад богатый Кипр, который надолго стал еще одним латинским государством Востока. Его прежнего императора-самозванца Исаака Дуку Комнина английский король приказал заковать в серебряные цепи, а знатным киприотам повелел сбрить бороды в знак перехода Кипра под владычество латинов. Первое время управление островом было за 100 тысяч золотых монет передано ордену крестоносцев – рыцарей Храма (*тамплиеров*), а затем бездарным и кичливым графам Лузиньянам, которые выкупили Кипр у тамплиеров. Иерусалим так и не удалось отвоевать у мусульман, с которыми был заключен мирный договор, после чего власть латинов сохранилась только на узкой полоске побережья Сирии. Самое примечательное в этой истории, что формально единоверные ромеям крестоносцы планировали поход на Константинополь и его захват уже во время Третьего Крестового похода 1189-1192 гг., и это ни для кого не было неожиданностью.

Ситуацию для ромеев ухудшило еще и то, что в царствование Ангелов чрезвычайно укрепилось положение Венеции. Дело в том, что изнеженные василевсы конца XII в. боялись политических интриг наглого Фридриха Барбароссы, в связи с чем искали в лице венецианцев и генуэзцев потенциальных союзников

на случай осложнения взаимоотношений с этим опасным, решительным германским государем. Недальновидную ставку на венецианцев сделал уже Андроник Комнин, который отменил решение Мануила Комнина от 1171 г. об изгнании, аресте и конфискации имущества венецианских купцов, велел освободить тех из них, кто еще сидел в темнице и даже компенсировал им понесенные убытки, в том числе во время погрома 1182 г. Эти компенсации к великому ущербу ромейской казны продолжал выплачивать и сменивший Андроника Исаак II Ангел. Очень скоро торговцы из Венеции вновь потеснили на рынках Ромейского царства позиции своих конкурентов из Пизы и Генуи, обзавелись новыми торговыми факториями. Ромеям теперь не оставалось ничего другого, как пользоваться услугами главным образом флота Республики Св. Марка. Собственный, некогда могущественный ромейский флот – слава и гордость Византийской империи – был заброшен и находился в жалком состоянии. Более того, Исаак Ангел принял безумное решение о его официальном роспуске. Приближенные его брата-узурпатора, муж одной из сестер императрицы Евфрасиньи, мегадука Михаил Стрифн с характерным прозвищем «Толстопузый», вместе с друнгарием флота Стирионе втихую разбазарил оставшееся военно-морское имущество, превратив «...в золото не только рули и якоря, но даже паруса и весла». Недаром к 1204 г. от прежних боевых морских сил осталось, по словам хрониста, лишь «...20 сгнивших кораблей, источенных червями». За предоставляемую помощь в морских перевозках венецианские предприниматели, купцы и судовладельцы уже давно освобождались от налогов, могли беспошлинно торговать во всех концах ромейских владений, а теперь получили еще и право экстерриториальности¹. Правда, в противовес все возрастающему богатству и влиянию Республики Св. Марка, Ангелы по старой дипломатической традиции вновь попробовали давать подобные привилегии Генуе и Пизе, рассчитывая уравновесить ситуацию и использовать в свою пользу вражду между Венецией и ее соперниками на морях. Но это вызвало гнев и ненависть венецианцев к «коварным грекам». Они устраивали отчаянные поединки, даже настоящие сражения с генуэзцами и пизанцами на улицах и в гаванях Константинополя, как пишет Никита Хониат, «...попеременно побеждали или были побеждаемы, и вследствие того грабили своих соперников или подвергались грабежу».

Расточив огромные средства на подарки фаворитам, сановникам и Церкви, Ангелы оставили армию и боевой флот, охранявший столицу Империи, в полном пренебрежении, что стало одной из главных причин происшедшей в скором будущем трагедии. Система фем, представлявшая собой спинной хребет византийской оборонной мощи, фактически окончательно развалилась и ушла в небытие. Фемы остались только по названию, причем, несмотря на сократившиеся размеры государства, число этих «пустышек» выросло в два раза. Такое отношение к вооруженным силам не замедлило сказаться на международном положении государства. Ромейское царство рассыпалось на глазах.

Ярким показателем этого далеко зашедшего процесса стали события 1185–1186 гг., когда после гибели Андроника Комнина восстала болгарская знать под руководством трех братьев – бояр Иоанна, Петра и Асеня. Последние поначалу

¹ Экстерриториальность – особые преимущества: неприкосновенность личности и жилья, неподсудность местным судам, освобождение от налогов и т. п.

потребовали отдать некоторые земли им в пронию. Заносчивый отказ василевса Исаака Ангела удовлетворить эти претензии вместе с недовольством болгар непосильными налогами стали причиной мощнейшего антивизантийского восстания, которое поддержали половцы-куманы – по словам Никиты Хониата, «народ до сих пор свободный, неприветливый и очень воинственный», а также *влахи* – предки современных румын, сербы и «некая ветвь росов, народ милый богу войны», «которые смеются от смерти», возможно, представленные Галицким князем Осмомыслом. Последний не простил жестокой гибели своего царственного родича и помог восстанию болгар, прикрыв важнейшие горные проходы. Ромейское правительство не могло справиться с болгарскими сепаратистами.

В 1187 г. Византия после безуспешной попытки подавить мятеж вынуждена была фактически признать существование Второго Болгарского царства, которое было создано в южном течении Дуная и в скором времени превратилось в одно из сильнейших государств. Решительный и чудовищно жестокий болгарский царь Калоян поставил своей целью отомстить Ромейскому царству за былые обиды и оправдать прозвище «Ромеебойца», «Убийца ромеев»: в соевой лютой ненависти он дошел до того, что приказывал живыми закапывать в землю попадавших в плен греков. Правда, в роковом 1185 г. все же удалось нанести поражение дошедшим до Мраморного моря зверствовавшим норманнам, оставшиеся захватчики стали жертвами восставших фессалоникийцев, а в 1190 г., когда Исаак II, попытавшийся подавить восстание болгар, едва спасся от болгарского плена, был разгромлен блистательный господарь Стефан Неманя, объявивший о независимости Сербии, но даже после этого пришлось выдать за второго сына Неманя племянницу василевса Евдокию и вежливо признать Сербию независимым государством. Господство ромеев здесь было сброшено и стало все больше усиливаться могущество Римской Церкви.

Таким образом, весь север Балканского полуострова был потерян для охваченной разложением, разваливающейся Империи. Более того, дни византийского господства здесь уже никогда не вернутся. Как греческие, так и итальянские феодалы вступали во владения небольшими территориями в Греции, Малой Азии, на островах Ионического моря, а также на Родосе и Кипре. Значительные удельные княжества возникли в Родопах и в Македонии, а затем отошли к переживавшей бурный расцвет державе болгар. Беспринципный король Венгрии отнял у Ромейского царства Боснию и Далмацию на Адриатике. Далекая Сицилия, оказавшись в кольце германских и норманнских владений, тоже окончательно ушла из-под влияния василевсов. Наследник Фридриха Рыжебородого, его старший сын, новый император Священной Римской империи Генрих VI Гогенштауфен (1190-1197 гг.) устроил брак своего младшего брата, герцога Филиппа Швабского с младшей дочерью Исаака II Ириной и на этом основании вполне обоснованно выдвинул территориальные и династические притязания на константинопольский престол, стремясь отобрать его у пришедшего к власти в 1195 г. жалкого узурпатора Алексея III и таким образом якобы восстановить справедливость, отомстить за свергнутого Исаака. Он потребовал от него уплаты дани в размере 50 кентинариев (более 1600 кг) золота, но ни ограбление гробниц византийских императоров, предпринятое Алексеем III, ни попытка обложить ромеев специальным чрезвычайным «германским налогом», так называемым «аламаниконом», не помогли собрать требуемую сумму даже после того как дань

была уменьшена до 16 кентинариев (около полутонны) золота. Как и его отец, Фридрих Барабаросса, Генрих нашел союзников на Востоке в лице правителей Кипра и Киликии – Малой Армении и начал готовить решающий удар, который сорвала лишь смерть латинского императора, скорострительно скончавшегося в 1197 г. от очередного приступа малярии.

Но несчастному Ромейскому царству врагов всегда хватало. Только благодаря «Богом призванной фаланге» энергичного Романа Мстиславича, союзного Галицко-Волынского великого князя, женатого на старшей дочери Исаака II Ефросинье, даже столица Империи ромеев едва спаслась в 1200 г. от половецкого войска, которое стало основной силой в болгаро-византийском противостоянии.

Спокойней было на восточных рубежах Ромейской державы, хотя выручало лишь то, что сельчуков отвлекали собственные внутренние распри. Да и в случае угрозы нападения Ангелы предпочитали откупаться от хищных турок золотом, которое текло потоком, однако этот поток грозил вот-вот окончательно иссякнуть.

«Акробатическое» царствование

Весной 1202 г. сыну низложенного и ослепленного императора Исаака II Ангела, 17-летнему юноше, которого, как и его дядю, нового правителя, звали Алексеем, удалось усыпить бдительность стражей и с помощью сторонников отца в Городе сбежать из заключения. По легенде, его спрятали на своем корабле отчаянные пизанцы в бочке с тройным дном, налив над затычкой воды, чтобы ни у кого не возникло сомнений при обыске. Впрочем, по версии Никиты Хониата, Алексея не смогли найти только потому, что «...он постриг себе волосы в кружок, нарядился в латинскую одежду, смешался с толпой латинов».

Исчезновение молодого царевича не замедлило обнаружиться, и василевс отдал приказ тщательно обыскать все стоявшие на столичном рейде суда. Но смертельно рисковавшему беглецу посчастливилось ускользнуть и добраться до своего шурина, германского императора Филиппа Швабского (1198-1208 гг.), женатого на его сестре, Ирине. Тот оказался главной тайной пружиной последующей трагической интриги, вступив в сговор с беглецом. Именно он посоветовал Алексею обратиться за помощью к крестоносцам, собиравшимся по призыву недавно избранного Папой энергичного, грозного Лотара де Сеньи, римлянина из знатного рода, принявшего имя Иннокентий III, нанести удар мусульманскому Египту, чтобы отсюда в очередной раз попытаться освободить от неверных Святую Землю и обетованный Иерусалим.

Так самый младший из Ангелов стал тем человеком, которому будет суждено разрушить византийское государство. Действия этой роковой фигуры оказались фатальны. В апреле 1203 г. Алексей прибыл на остров Корфу, где заключил соглашение с предводителем начавшегося к тому времени Четвертого Крестового похода, прославленным знатым североиталийским рыцарем, маркграфом Бонифацием Монферратским, заметим, ставленником Филиппа Швабского, к тому же имевшим собственные притязания на Востоке. Отчаянно нуждаясь в поддержке, этот не имевший никаких официальных полномочий «юноша столько же по уму, сколько по летам», безответственно, опрометчиво предлагал за свержение своего дяди и возвращение законного престола отцу, а значит, и самому себе, как прямому наследнику, все что угодно: подчинить Греческую Церковь Римскому папе, уплатить «воинам Христа» любую, самую огромную сумму денег, год содержать

их флот, профинансировать завоевание мусульманского Египта, выставить для Крестового похода 10 тысяч воинов, бессрочно содержать 500 рыцарей на Святой Земле для охраны Иерусалима. Некоторые считают эту авантюру молодого Алексея латинской интригой, затеянной, чтобы сокрушить Византию. Доказательств этому, кроме самих результатов авантюры, нет.

Первоначально рыцари собирались отвоевывать Гроб Господень, переправившись через Средиземное море в Египет, который считали «ахиллесовой пятой» мусульманского Востока, а затем оттуда вторгнуться с юга в Палестину. Византийские дела не входили в их планы. Многие воины не хотели ничего большего, как исполнить свои клятвы пилигримов в Обетованной земле, а потом вернуться к семьям и обычным делам. Они не желали отклоняться в сторону и вмешиваться, пусть даже косвенным образом, в политику других народов, даже если это означало, что они увидят легендарный город столь же легендарного Ромейского царства. Но вожаки крестоносцев и их перевозчики – венецианцы не дали себя долго упрасивать и после споров, поначалу едва не приведших к расколу армии, все же согласились на предложение юного Алексея Ангела. Как показывают мемуары одного из пилигримов, рыцаря Робера де Клари из Амьена, они верили, что в столице греков сосредоточены две трети всех богатств мира. При возможности сказочного обогащения поход на Константинополь, в свете восстановления прав пострадавшего от злого узурпатора якобы законного византийского императора, выглядел по своему даже благородно, а опасность кампании была минимальной. Легкомысленный и хвастливый Алексей не скупился на щедрые посулы, обещая своим покровителям за возврат трона «золотые горы» в виде 200 или даже 300 тысяч марок – миллион и 200 тысяч ромейских золотых иперпиров! В той ситуации, в которой находилась ослабленная Византия, такие сумасбродные обещания были чистой фантазией, но в них хотелось верить и уж тем более попытаться реализовать.

В итоге, предводители Крестового похода не стали возражать: у каждого из них были свои интересы. Жесткий, умный и честлюбивый, еще достаточно молодой Папа Иннокентий III (он занял Св. Престол в 1198 г. в возрасте 38 лет, что было редким явлением в истории папства), ссылаясь на божественное установление, открыто заявил о главенстве Римской Церкви над всеми остальными. Человек железной воли, суровый и властный, он втайне мечтал восстановить единство в христианском мире, более того, создать универсальное мировое теократическое государство и был совсем не прочь распространить свою власть на ромеев, правда, не с помощью оружия, и тем более оружия могущественных германских императоров – соперников, претензий на мировое господство которых откровенно опасался, а путем церковной унии. Поначалу он даже предлагал василевсу Алексею III Ангелу принять участие в организации Крестового похода, прозорливо предрекая, что в случае отказа его могут ждать неприятности со стороны сил Запада. Вместе с тем, по словам эльзасского монаха – хрониста Гюнтера Пэрисского, писавшего в 1207-1208 гг., Папа был не против поворота похода на Константинополь, ибо «...с давних пор ненавидел этот город». Его страшила лишь опасность гибели там западного войска: «Он не надеялся на то, что наши в состоянии будут совершить это, и говорил, что

один только рыбацкий флот Константинополя более многочисленен, чем все их (крестоносцев) суда...; военных же и торговых кораблей у них несметное множество, и к тому же [имеется] вполне надежная гавань».

Невзирая на такого рода опасения, германский император Филипп Швабский, младший сын печально памятного для ромеев Фридриха Барбароссы, предъявил претензии на балканские территории между албанским Диррахием и македонской Фессалоникой, которые считал своим наследственным владением. Он тоже пообещал Папе, что подчинит Православную Церковь Латинской, если «всемогущий Бог отдаст мне или моему шурину Греческую империю».

Тароватые жадные венецианцы надеялись окончательно уничтожить мощь Ромейского царства, от которого долгое время в прошлом зависели, по крайней мере, получить более расположенного к ним византийского императора, навсегда утвердить свое монопольное положение, добиться исключительных льгот, торговых выгод, а заодно и отомстить за памятную кровавую «Константинопольскую баню» 1182 г. и прочие репрессии, несправедливости, контрибуции, денежные поборы византийских властей, – короче, возместить потерянное имущество. Тем более, что в их, оказавшемся очень удачным, коммерческом договоре о морской перевозке крестоносцев на театр военных действий за 85 тысяч марок серебром был четко оговорен еще более соблазнительный размер доли завоеванного: «Половину получим мы, а другую – вы». Уже подвергшимся папской анафеме в ноябре 1202 г. за организацию разграбления христианского адриатического города Задара, своего конкурента, им нечего было терять: грехом больше – грехом меньше, втому проклятию не бывать.

При таком раскладе формальный запрет Иннокентия III – не проливать кровь единоверцев-христиан – все заинтересованные стороны постарались просто не заметить. Но, делая эти оценки, следует учесть главное – отклонение Крестового похода от изначальной цели, его поворот на столицу Ромейского царства в не меньшей степени стали следствием распрей внутри высших слоев византийского общества, правителей, предавших интересы своего государства и народа. Харьковский византист Андрей Домановский верно отметил по этому поводу: «Империя ромеев, сама во многом породившая западноевропейскую цивилизацию, стала в этом плане жертвой собственных детей, обучившихся у нее всему тому, что теперь использовали против нее же. В арсенале антивизантийских средств оказалась и изворотливая венецианская дипломатия, и доминирование купцов Республики Св. Марка во внешней морской торговле с Востоком, и подхваченная Германией мысль об универсальной мировой империи, и окончательно усвоенная папством идея создания единой христианской Церкви в рамках целостного теократического государства». Внутренние и внешние факторы, обстоятельства, подталкивая друг друга, совпали, – капкан набиравшего силу латинского Запада, в который попало увядавшее Ромейское царство, с железным лязгом захлопнулось.

Тихим ранним утром 23 июня 1203 г., вскоре после восхода солнца, венецианские корабли, везшие крестоносцев, оказались у европейского берега Босфора, под стенами Константинополя. Гигантский, богатый город, «столица мира» «христианнейших императоров» и их надменной знати – «владычица городов»

с ее древними, но все еще высоченными стенами, могучими башнями и богатыми дворцами, величественными церквями предстала перед взорами находившихся на борту изумленных западных рыцарей во всем своем великолепии и блеске, в которые было трудно поверить. Дрожь пробирала всех от сознания величайшей дерзости их похода против такой твердыни!

Высадившись на берег, рыцари сначала обосновались на северной стороне Золотого Рога, в Галате, которая тогда была еще торговым поселением преимущественно для иноземных купцов – генуэзцев и пизанцев, поэтому пока не была обнесена стеной, но имела одноименную мощную башню-бастион, откуда полукругом простреливался весь пролив. Самое важное – в ней находился огромный ворот для поднятия и опускания массивной железной цепи, которая перегораживала весь залив и препятствовала входу неприятельских судов в Золотой Рог, или, как его звали латины, «Рука Святого Георгия». Теперь, 5 июля константинопольцы ошарашенно смотрели на то, как крестоносцы убирают эту цепь, после чего, оказавшиеся беззащитными, вовсе не многочисленные остатки окончательно разворованного к тому времени ромейского флота были сожжены. Победа венецианцев на море была полной.

Вскоре крестоносцы, используя корабельные лестницы, поднимавшиеся выше невысоких приморских стен, штурмом заняли еще 25 башен, в том числе в районе царского дворца Влахерн, что и решило успех операции. Малодушный узурпатор Алексей III, безуспешно попытавшийся подкупить крестоносных рыцарей богатыми дарами, 17 июля все же решился выехать с огромной армией против латинов, но затем, по необъяснимым причинам, как последний трус, не принял боя, развернулся и усекал за городские стены. Изрядно струхнувшие крестоносцы восприняли это как Божье чудо. Прихватив с собой 10 кентинариев золота (больше 300 кг) и любимую дочь Анну, василевс сбежал под покровом наступившей ночи в Херсонес Фракийский, а оттуда, возможно, на север, во владения Галицко-Волынского князя Романа Мстиславича, оставив на произвол судьбы столицу и собственную семью, включая печально известную жену-прелюбодейку Ефросинию и их общую дочь Евдокию, уже начавшую проявлять такую же прить, как ее мамаша.

На следующий день, резонно боясь пожаров, грабежей и насилия со стороны ужасных «смертоносных ангелов» – головорезов «воинства Христова» и в то же время уже привыкшие к незаконным захватам власти жители столицы и придворные бросились в тюрьму к слепому и больному старику Исааку II Ангелу, который спешно был вновь провозглашен василевсом, невзирая на то, что, по византийскому обычаю, слепота делала человека непригодным для трона. Уже с венцом на голове, он принял вождей крестоносцев и их ставленника, собственного сына, сделав его соправителем, поклялся исполнить все немислимые условия договора, без каких бы то ни было полномочий заключенного Алексеем Младшим с крестоносцами, но, впрочем, не позволил войскам войти в городе. Они остались на прежних позициях у «Руки Святого Георгия», чтобы ждать положенной им награды.

Пришло время расплачиваться с союзниками, которые формально выполнили обязательства. Однако легкомысленные обещания ромейской стороны, как и следовало ожидать, оказались чрезмерны, невыполнимы, казна пуста. Провинции, обозленные сбором огромных налогов в пользу крестоносцев, не признали воз-

вратившегося на трон экс-василевса. Жители столицы шептались, что он повредился головой от сидения в тюрьме, а его беспутный сын, явившийся с западными дикарями-варварами, обирает всех до нитки и приносит одни несчастья. Духовенство было возмущено слухами о возможном подчинении папскому Риму и обиранием церквей, когда даже священная утварь шла в переплавку на деньги. С большим трудом Алексею IV (1203-1204 гг.) удалось наскрести половину обещанного гигантского вознаграждения – 100 000 марок серебром. Теперь оставалось только запоздало жалеть о необдуманных предложениях, сделанных весной.

Чувствуя себя хозяевами в Константинополе и его окрестностях, латины вели себя крайне бесцеремонно, разнузданно. Нередко у них возникали потасовки, драки с ромеями. Во время одной из таких масштабных стычек в августе 1203 г. пизанцы и фламандцы подожгли мечеть в нагло ограбленном мусульманском квартале города, откуда огонь перекинулся в соседние кварталы. Разгоревшийся страшный пожар бушевал два дня и, по мнению очевидца – латина, поглотил столько домов, сколько их насчитывалось в трех крупных городах Франции вместе взятых, причем жертвой огненной стихии стала восточная, наиболее густонаселенная, древняя часть столицы. Едва не сгорела Св. София. В пламени погибли не только многие мужчины, женщины, дети, но и тысячи ценнейших рукописей, накопленных в течение девяти веков существования Ромейского царства, подверглось разрушению множество великолепных памятников культуры. Вместе с ними превратились в пепелище лучшие, самые богатые торгово-ремесленные кварталы города. Итальянцы могли злорадствовать, видя какой удар они нанесли конкурентам, и без того слабым, упадочным.

Время неумолимо шло, ситуация в Константинополе становилась безысходной и продолжала накаляться с каждым днем. Слепой, с расшатанной психикой, безвольный Исаак II не интересовался реальными делами, проводя все время с астрологами, морочившими ему голову, а его трусливый, лживый сын вертелся, юлил перед латинами, пьянствовал с ними, заискивал, пресмыкался и теперь как мог ловчил и тянул время. Разгневанный **дож** Венеции Энрико Дандоло, ведущий организатор захвата города, по словам Робера де Клари, заявил несостоятельному банкроту, что крестоносцы, однажды вытащив его из грязи, теперь вновь могут столкнуть в грязь. Не только историк, но и современник сложившейся уникальной ситуации, Никита Хониат, метко определил это призрачное царствование как «акробатическое».

В конце января 1204 г., возмущенные предательским поведением двух «ангелов зла», горожане, простонародье вместе с взбунтовавшейся варяжской гвардией, **пелекифорами**-секироносцами из числа наемников-чужеземцев, свергли их, а зная, боясь введения в Константинополь крестоносцев, выдвинула новым василевсом способного к решительным действиям **протоветиария** Алексея IV Ангела, 60-летнего Алексея Дуку, имевшего прозвище Мурзуфл, что означало «насупленный»: его густые, кустистые брови сходились на переносице, придавая ему вечно хмурый вид. Убежденный противник латинов, он должен был отбросить их за море. «Бровастый» был известен как человек скрытный, хитрый, жесткий и вместе с тем крепкий военачальник. Незадолго перед тем Ангелы выпустили его из многолетнего заключения и он даже успел закрутить роман с дочкой Алесея III, похотливой Евдокией, в прошлом женой сербского короля.

Теперь, презрев клятвы присяги, Алексей V Мурзуфл добился истребления своих царственных соперников: младший был предательски умерщвлен в тюрьме – удушен тетивой от лука, а старший, совершеннейшая развалина, умер, видимо, сам, хотя не исключено, что и ему помогли отправиться на тот свет. Тогда же в темницу вместе с женой был брошен выдвинутый простонародьем еще один кандидат на престол – молодой воин Николай Каннавос, человек добродушный, благонамеренный и не лишенный военных дарований, самовольно, без участия Патриарха коронованный горожанами в храме Св. Софии. Как знать, как стали развиваться события, если бы Каннавос основал новую династию? Во всяком случае, «бровастый» узурпатор повел себя круто, самонадеянно, отказался что-либо платить или хотя бы поставлять крестоносцам, в ультимативной форме потребовал от них в недельный срок покинуть пределы Ромейского царства и предпринял энергичные меры по защите столицы и подготовке к войне, что поставило под угрозу позорного срыва все крестоносное предприятие.

Однако Мурзуфл мог положиться в этой ситуации только на мощь оборонительных стен и силы наемников. По его царскому приказу начали вестись работы по восстановлению и надстройке, хотя бы бревнами, особенно с моря, обветшавших, разрушенных участков укреплений Константинополя. Единственной реальной силе – иностранным наемникам, варягам, из которых состоял почти весь гарнизон, были обещаны скорая плата и самое щедрое вознаграждение. Из горожан попытались набрать новое ополчение, а сам храбрый василевс, чтобы вдохновить подданных, с мечом и булавой лично отражал нападения неприятелей или совершал неожиданные brave наскоки на отдельных крестоносцев, когда они разрозненно бродили в поисках продовольствия. Но для того, чтобы вооружить и накормить ополченцев, нужны были деньги, а пожертвования поступали крайне вяло. Да и сами простые константинопольцы, хотя их число в разы превосходило все войско крестоносцев, отнюдь не рвались в бой и были плохо, а точнее, никак не организованы и не мотивированы. Равнодушие и жадность взяли верх над рассудком. Правда, из обложенных экстраординарными тяжелыми взысканиями высоких сановников и правительственных чиновников времен правления Ангелов и даже собственных родичей «Насупленный» выбил все, что мог, но прочие богатые ромеи надеялись на стены столицы, которые испокон веков никому не удавалось преодолеть штурмом. Между тем бездействовавшие недовольные наемники, секироносцы – пелекифоры теперь начали бунтовать, справедливо требуя обещанную плату и угрожая покинуть город.

Роковой финал

А в это время оголодавшие, уже при Ангелах лишившиеся поставок продовольствия крестоносцы, видя позорное крушение задуманного, стали готовиться к взятию Константинополя, чтобы восстановить справедливость «по своему усмотрению». Ими двигала месть за враждебное к себе отношение и за смерть царевича Алексея, которого они обещали даже в случае провала их плана привезти обратно к Римскому папе и влиятельному родственнику, Филиппу Швабскому. Ненавистный город был обложен с суши и с моря.

Чтобы оправдать себя, западные рыцари манипулировали высшими соображениями – отсутствием у ромеев верности своему законному царю, их несогласием с католической верой. Церковники твердили воинам, что эти мнимые христиане

еще хуже неверных. Ведь даже в изображениях книжных миниатюр вполне сознательно насаждались образы распутных и вероломных греков. К примеру, можно обнаружить множество иллюстраций убийств, иногда даже вымышленных, греками своих правителей. Тем самым подспудно внушалась мысль о незаконности власти грешных ромеев и создавался их «черный портрет». Теперь латины явно стремились воспользоваться представившимся поводом – возней всех этих слабых Алексеев вокруг константинопольского престола и двойственной позицией тогдашней главной политико-идеологической «инстанции» – папства. Прикрываясь формально соображениями восстановления справедливости, возвращения на трон «законного» императора, на деле они преследовали весьма корыстные цели, которые очевидец событий Никита Хониат справедливо оценил как «пиратские».

Это особенно отчетливо видно из того, что уже в марте 1204 г. вожди Четвертого Крестового похода вместе с их перевозчиками-венецианцами, с которыми они все еще не расплатились за дорогостоящую перевозку крестоносцев, скрупулезно разработали детальный план завоевания и раздела Византии – Partitio Terrarum Imperii Romaniae. Они заявили, что ромеи вероломны, а их василевсы страшно увечат и убивают друг друга и поэтому утратили «...божественное право владеть Христианской Империей». После захвата Константинополя предполагалось создать совет из шести французов и шести венецианцев, который изберет императором самого достойного и который будет управлять страной «...во славу Бога и Святой Римской Церкви и Империи». О ромеях и их проблемах речь не шла. Новому императору должна принадлежать четвертая часть захваченной территории, остальные три четверти достанутся венецианцам и рыцарям. Латинским Патриархом, который наконец положит конец церковному расколу, станет представитель той стороны, из которой не будет избран император. Ему же достанутся все церковные богатства и знаменитая, блистательная Св. София. Три восьмые части Константинополя с двумя дворцами перейдут в собственность нового монарха, а пять восьмых – венецианцам. Все сеньоры, рыцари, получившие ромейские земли, принесут присягу на верность латинскому императору. Таким образом, над всеми призрачными, оправдательными соображениями изначально явно превалировал мотив дележа награбленной добычи (в виде имущества, привилегий, владений) и управления захваченным при совершенном игнорировании проблем местного населения завоеванной страны.

12 апреля 1204 г., после нескольких неудачных предварительных попыток, уверенные в своих силах, хорошо организованные крестоносцы, наконец, предприняли решающий штурм столицы ромеев. По всем правилам, под гром барабанов и рев боевых труб, с распущенными знаменами, прикрываясь установленными на кораблях защитными панцирями из дубовых настилов и лозы, они ринулись в атаку на морские стены города, откуда летел град стрел, камней и ревели пылающие струи «жидкого огня». При любых расчетах им противостояла немалая сила обороняющихся, превышавшая их собственную в три-четыре раза. Но, придвинув вплотную попарно связанные корабли и перебросив с них мостки на стены, рыцари все же захватили несколько башен, а к вечеру, проделав проход в замурованной калитке и разбив изнутри еще трое городских ворот, ворвались в охваченную паникой византийскую столицу, которую к тому времени уже бро-

сила, покинула часть населения, прежде всего, наиболее богатого. Без всякого усилия и сопротивления «богобоязненные пилигримы» овладели Влахернским царским дворцом. Большая часть деморализованных, разуверившихся в своих правителях, равнодушных ко всему константинопольцев-обывателей, привыкших слепо полагаться на государство, попросту не предполагала такого развития событий, рассчитывая, что, как всегда, военный переворот закончится провозглашением на троне очередного василевса, к чему они уже привыкли. Ведь спор, по их мнению, разгорелся из-за того, кому сидеть на троне, а их богоспасаемому отечеству ничего смертельного не угрожало, тем более от христиан, пусть и латинского обряда. На троне утвердился сильнейший, думали они, и жизнь вернется в свое привычное русло.

Однако на сей раз ситуация сложилась куда хуже, и Византия потеряла не только достоинство, – то, что при всех потрясениях теряется в первую очередь. На рассвете следующего дня потерявшая способность к самоорганизации византийская знать, после пустых ночных препирательств и поисков личного спасения, предложила царскую корону Бонифацию Монферратскому и должна была препроводить его в храм Св. Софии, где, как предполагалось, состоится коронация. Хотя корону он не принял, но присоединился к процессии знати, во время которой армия захватчиков начала грабеж, шокированная лишь неожиданным отсутствием какого либо сопротивления со стороны ромеев. Город наполнился звоном мечей, то там, то здесь вспыхивали потасовки, отовсюду доносились вопли избиваемых и насилуемых. С грохотом разбивались окна и двери, рыцари врывались в жилища константинопольцев и, на глаз оценив их содержимое, выставляли у ворот домов копьё со знаками своей собственности. «Каждый выбрал себе жилище по вкусу, – вспоминал в своих мемуарах о взятии Константинополя маршал Шампани, Жоффруа Виллардуэн, – а было их там достаточно».

По признанию самого сурового Папы Иннокентия III, крестоносцы, «не имея никакого права, ни власти над Грецией» и «предпочтя земные блага небесным», «обагрили мечи в крови христиан, не имея пощады ни к сану, ни к возрасту, ни к полу». Тем не менее, несмотря на свое недовольство случившимся, он, как и непосредственные участники похода, видел в нем истинное «чудо Божье», не думая, что ровно через 800 лет за это «чудо» придется запоздало извиняться его далекому преемнику, Папе Иоанну Павлу II во время визита Константинопольского патриарха Варфоломея в Ватикан. Действительно, тогда казалось невероятным, что всего лишь около 15-20 тысяч крестоносцев сумели овладеть почти полумиллионной столицей великой Империи, считавшейся неприступной. Главным фактором их изумительного, феноменального, казавшегося чудом успеха, помимо ясной мотивированности алчных действий, были военная выучка, решительность и грамотное руководство силами, поскольку ни в чем другом, кроме венецианского флота, у них не было преимущества над ромеями. Единственное объяснение случившемуся можно найти в политическом кризисе, безладе и моральном упадке, которые охватили Ромейское царство в последние десятилетия XII в. и вылились во взаимные распри византийской элиты – главной виновницы разыгравшейся трагедии, инспирированной Западом.

Алексей Мурзуфл, когда понял, что шансов выстоять больше нет, и не желая, по словам Никиты Хониата, «попасть в виде лакомого блюда или десерта в зубы латинов», сбежал ночью из Константинополя с Ефросиньей,

женой экс-императора Алексея III Ангела, и ее дочь Евдокией, своей любовницей. Позже он попытается заключить союз со скитавшимся по Фракии и не прекращавшим попыток вернуть престол Алексеем III, но бродяга обманет его: сначала предложит руку дочери, Евдокии, а потом, заманив, лишит глаз убийцу своего племянника. Несчастный калека попытается бежать в Малую Азию, но осенью 1204 г. попадет в руки крестоносцев, которые казнят его за убийство своего сюзерена – Алексея IV в прямом смысле «высоким образом»: сбросив вниз головой с 40-метровой колонны Феодосия Великого на столичном форуме. Сам неприкаянный экс-василевс Алексей III вскоре после этого будет все же пойман герцогом Бонифацием Монферратским, который вышлет его в собственные владения в Монферрате, в северной Италии. В итоге, ничего не добившись своими дальнейшими интригами в поисках власти, перенесенными теперь уже в Малую Азию, он будет ослеплен в 1211 г. и бесславно закончит жизнь в монастыре в Никее. Поразительно, насколько похожей оказалась судьба всех «путчистов».

Три дня и три ночи продолжались разгром, пожары, убийства и грабежи в опустевшем, запертом Константинополе – богатейшей столице мира, последней жемчужины римской короны. Со дня его основания здесь скопилось невероятное количество драгоценностей, произведений искусства, изваяний, рукописей, предметов церковного обихода, святынь. К слову, само богатство и многочисленность сокровищ современных европейских и американских собраний византийского искусства может служить наглядным свидетельством главной причины разгрома и огромного урона, нанесенного византийской культуре во время Четвертого Крестового похода. Его рядовой участник, амьенский рыцарь Робер де Клари, не веря глазам, восторженно писал в своих мемуарах по этому поводу: «Там было такое изобилие богатств, так много золотой и серебряной утвари, так много драгоценных камней, что казалось поистине чудом, как свезено сюда такое великолепное богатство. Никогда с самого сотворения мира не было видано и завоевано столь громадного количества добра, столь благородного или столь богатого ... И в сорока богатейших городах земли, я полагаю, не было столько богатств, сколько их было в Константинополе. Да и греки говорят, что две трети земных богатств собраны в Константинополе, а треть разбросана по свету». С таким мнением соглашался и немало повидавший на своем веку знатный маршал Жоффруа де Виллардуэн: «...с тех пор, как стоит мир, не было столько захвачено ни в одном городе».

Дав выход страху, безудержной ненависти, жестокости, чувству безумной жажды крушить все и вся, участники «пиратской» экспедиции бессмысленно уничтожали бесценные памятники искусства. Низвергались и разбивались статуи дивной красоты прославленных древних ваятелей, разрушались прекрасные дворцы, храмы и здания, портики и колоннады. С неистовой яростью была бессмысленно сметена даже часть оборонительных стен.

Многие великолепные творения рук человеческих, прекрасные, искусные статуи мастеров древности были разрублены на части, переплавлены и превращены в медные и бронзовые монеты, которые латины стали выпускать, подражая типам византийских монет Комнинов. Такая участь постигла громадных размеров изваяние Геракла, творение гениального Лисиппа, стоявшее на ипподроме (предание гласит, что только окружность

пальца греческого героя равнялась поясу человека), и еще более гигантскую статую Беллерефонта на крылатом коне Пегасе, круп которого был столь широк, что на нем ежегодно устраивали себе гнезда десять цапель. Не пощадили «воины Христовы» даже бронзовую статую Девы Марии, украшавшую один из центральных кварталов Константинополя. Тем более та же участь постигла знаменитые статуи Геры Самосаттской, Парисса, Афродиты и многие другие. Большие везло тому, что попадало в руки знавших толк в красоте венецианцам, в частности, знаменитой бронзовой квадриге коней Лисиппа, стоявшей над карцерами-стойлами константинопольского ипподрома. Ее бережно сняли и отослали в Венецию. До сих пор она украшает возвышение над главным порталом собора Св. Марка.

В глазах ослепленных жадностью крестоносцев цену имело золото, и только оно, все остальное выбрасывалось и втапывалось в грязь. В огонь летели произведения древних мыслителей и ученых, религиозные книги «схизматиков», с которых сдирали дорогие оклады. Мародеры не оставили в покое даже церкви и прах византийских императоров. Ворвавшись в царские усыпальницы, рыцари разбивали саркофаги и обдирали их содержимое: внимание привлекали лишь драгоценности, серебро и золото. Заповеди Христа были забыты, когда открылась возможность за считанные дни сказочно разбогатеть. «И радовались они весьма чести и победе, Господом им дарованной, – с восторгом вспоминал Жоффруа де Виллардуэн, – ибо тот, кто доселе был беден стал богат и имущ».

Главный храм Ромейского царства, величественная Св. София, подверглась страшному опустошению и осквернению. Западные варвары рубили на куски и делили между собой украшенные драгоценностями, необыкновенной красоты святыне аналои – столики для размещения церковных книг, «...забирали священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото, которыми были обложены кафедры, амвоны и врата», а для того, чтобы вывезти награбленное, ввели внутрь притворов Св. Софии вьючных животных, мулов и лошадей с седлами, которые, – ужасается Никита Хониат, – «пугаясь блестящего пола, не хотели войти, но они били их и таким образом осквернили их калом и кровью священный пол храма». Целью охоты победителей были также древние христианские священные реликвии и мощи святых, драгоценная богослужебная утварь и богато украшенные иконы, которые представляли как религиозную, так и художественную ценность. К слову, благодаря вывезенным реликвиям в западной Европе развилось паломничество, а оно, в свою очередь, способствовало складыванию здесь сетей коммуникаций.

Только наступившее лунное затмение приостановило этот разнузданный грабеж, поскольку суеверные крестоносцы сочли его дурным знаком. Насколько кощунственным было зафиксированное хронистами поведение западных ратников и пилигримов, трудно сказать: в отличие от разъяренных ромеев, писавших об этом, сами крестоносцы помалкивали о подобных леденящих душу эксцессах и не видели в своем поведении в Константинополе ничего необычного. Для них это было всего лишь «Константинопольское опустошение», как называлась одна из латинских хроник, описавших случившееся. Так поступали в любом захваченном городе, в том числе и западном, даже католическом, подвергая его страшной резне, ограблению, разрушению и пожарам. Если что и волновало победителей, так это организация справедливого раздела колоссальной, фантастической

добычи, которая во много превосходила то, что обещал дать злополучный Алексей IV Ангел западным войскам, приведшим его на престол.

Это был самый черный час Константинополя, обрекший то, что останется от Империи на роковую судьбу под пятой все новых и новых захватчиков. Богохраняемая столица христианнейших ромейских автократоров, краса и гордость всего средневекового мира, всегда поражавший путешественников своим великолепием и блеском, теперь представляла ужасное зрелище. Несчастные ромеи еще никогда не сталкивались с бедствием подобного масштаба. Половина города в ходе трех пожаров превратилась в дымящиеся развалины, другая – была опустошена и разграблена. Разоренные потрясенные горожане, лишенные крова и пропитания, потерянно бродили по пепелищам своих очагов. Брошенные на произвол судьбы, константинопольцы собирались группами и покидали город, скорбя, кто о гибели имущества, кто о поруганной чести дочерей и жен, – «...каждый шел со своим горем», как печально записал Никита Хониат. С одной из таких групп ехал Патриарх Иоанн Каматир, «...не имея ни дорожной котомки, ни денег, без жезла и без сандалий, в одном хитончике». Чтобы выжить, некогда чванливые горожане, а ныне грязные, оборванные беженцы распродавали за бесценок последнее. «Теперь и мы обогатимся» – злорадно бросали им в спину крестьяне окрестных сел, хотя каждый понимал, что впереди всех ждут отнюдь не лучшие времена.

«Новый Рим» простоял почти девять веков. О его стены разбилась не одна волна варварских нашествий. Их не сумели преодолеть дикие авары и славяне, искусные персы и арабы, храбрые болгары и русы. Это был единственный из городов древности, который, как эмоционально заметил Ларс Браунворт, «...никогда не слышал воня сапог иностранных захватчиков». По иронии жестокой судьбы древней столице Константина I Великого было суждено, по словам ромеев, «испытать чашу гнева от руки Господней», а именно, погибнуть жертвой «воинства Христова», крестоносцев, поклявшихся защищать христианские святыни, не проливать кровь братьев-христиан, но забывших в конечном счете о своих обетах. Они, как обвинял Папа Иннокентий III, не только «безрассудно отклонились от ...чистого намерения» и не вернули из рук мусульман Иерусалим, но даже не достигли Святой земли. Кризис крестоносного движения обрек его на неудачу. Блеск золота превратил «ратников Христа» в безжалостных, алчных грабителей и насильников, сделав вражду ромеев к латинам просто непримиримой.

Уже с конца X в. в Ромейском царстве нагнетался пророческий страх перед разрушением Константинополя светловолосыми чужеземцами, пришедшими с запада и севера. Предчувствие, отнюдь не способствовавшее укреплению отношений между двумя цивилизациями, оказалось вещим. Более того, чудовищный, кощунственный разгром разграбленного, изнасилованного Константинополя окончательно отринул сердца восточных христиан от возможности какого бы то ни было союза с этими западными варварами, которые повели себя хуже известных врагов – мусульман. Показательно, что это отчетливо осознавал сам римский понтифик, когда, отчитывая вождей крестоносцев, писал их предводителю: «И недостаточно было вам исчерпать до дна богатства императора (ромеев) и обирать малых и великих, вы протянули руки к имуществу церквей и, что еще хуже, к святыне их, снося с алтарей серебряные доски, разбивая ризницы, присваивая себе иконы, кресты и реликвии, для того, чтобы Греческая Церковь отказалась возвратиться к Апостольскому престолу, усматривая со стороны ла-

тинов лишь изуверства и дела диавольские, и была бы вправе относиться к ним с отвращением, как к собакам...».

Будущее действительно покажет, что даже в самом бедственном положении ромеи будут готовы подчиниться кому угодно, только не католическому Риму. В коллективном сознании православных огненным клеймом навсегда оказались выжжены слова «Помни 1204 год!». Как признал Папа Иоанн Павел II, дата захвата Константинополя – «это постыдный день для Католичества и скорбный для Православия». Именно кровоточащая рана взаимного отчуждения в значительной степени подорвала универсализм христианства

В последнее время среди историков стало принято отыскивать смягчающие обстоятельства для участников Четвертого Крестового похода. Причиной разграбления Константинополя они считают «снобизм» византийцев, заявляя, что ромеи частично сами оказались виноваты в своих проблемах, ибо отказались смириться с реальным военным превосходством западного мира. Указывается на то, что неверно представлять содеянное крестоносцами как «расправу» над мирным населением столицы, что «греки», православные хронисты многое преувеличили и все было не так уж страшно, оставалось в рамках «принятого» в том мире, где жестокость была нормой. Едва ли бы с этим согласились современники, писавшие, что от происшедшего «...содрогается разум и человечество краснеет от стыда».

И так, весной 1204 г. вследствие достигшего апогея кризиса центральной власти, расстройства системы управления и военной системы пала столица Православия, и Ромейское царство, распавшись, прекратило свое существование, казалось, навсегда покинув сцену мировой истории.

?

1. Чем вам запомнилось царствование династии Ангелов?
2. Сравните правление Комнинов и Ангелов.
3. Почему Ромейское царство оказалось в столь плачевном состоянии именно к моменту Четвертого Крестового похода?
4. Почему василевсы пренебрегали интересами византийских торговцев и предоставляли льготы итальяским купцам?
5. Вспомните, какому византийскому императору удалось подчинить Болгарию, и при каких обстоятельствах? Как вы думаете, почему в 1187 г. Византия признала независимость Болгарского царства?
6. Что привело крестоносцев к воротам Константинополя? Какие силы и почему были заинтересованы в его падении? Можно ли назвать среди них главного виновника отклонения крестоносцев от похода против мусульман?
7. Какие бы меры вы предприняли на месте василевса ромеев, чтобы защитить Константинополь от крестоносцев и урегулировать ситуацию?
8. Оцените поведение рыцарей в захваченном городе. Почему они не считали его преступным?
9. Обратите внимание на высказывания Римского папы Иннокения III до и после взятия Константинополя и дайте им оценку.

10. Вспомните, какие народы прежде осаждали Константинополь? Как вы полагаете, почему они не смогли покорить столицу ромеев, тогда как в 1204 г. это удалось сделать не столь многочисленным крестоносцам?
11. Какие события из современной международной жизни напоминают завоевание Константинополя крестоносцами и какие уроки оставила нам трагедия византийцев?

Внимание, источник!

Византийский историк Никита Хониат (ок. 1155-1217 гг.) в «Ромейской истории» о братьях Ангелах – Исааке II и Алексее III

Он (Исаак II) жил великолепно и любил угощать гостей. Его стол был истинно соломоновский, равно как одевался он, подобно Соломону, всегда в новые одежды, и каждый его пир представлял собою горы хлеба, царство зверей, море рыб и океан вина. Постоянно принимал он через день освежительные ванны, натирался благовонными помадами, прыскался духами, увешивался множеством разных одежд, представлял собой как-будто модель какого-нибудь корабля, и завивался. Нарядившись таким образом, подобно влюбленному в свою красоту павлину, и никогда не позволивши себе два раза в неделю одно и то же платье, он каждый день являлся из своих палат, как жених из спальни, или как светлое солнышко из прекрасного моря. Любя забавы и услаждаясь песнями нежной музыки, царь наполнил дворец шутами и карликами, отворивши также двери всякого рода комедиантам, скоморохам и песенникам [...]. Более всего он был занят сооружением громадных зданий и так рьяно устремлялся к осуществлению задуманного, что при этом большею частию не смотрел ни на какие требования долга [...]. Между тем, когда он решился построить еще во Влахернском дворце башню, частию, как говорил, для защиты и обороны дворца, а частию и для собственного помещения; то разломал несколько церквей, истари спокойно стоявших на берегу моря, обратил в развалины множество отличных домов в столице, основания которых отчасти и доселе представляют вид, невольно вызывающий слезы, и совершенно сравнял с землею великолепные здания государственного казначейства, все выстроенные из обожженной плинфы.

[...] Братья Ангелы [...] во многих отношениях недобросовестно пользовались властью; но особенно они страдали корыстолюбием, не опуская случаев извлекать деньги даже из несправедливых источников, и притом не берегли собираемых богатств, но сыпали их обеими руками на пышную придворную обстановку и драгоценные костюмы, более же всего разорялись на любовниц и на родню, совершенно бесполезную в делах общественного управления. Таким образом, они не только притесняли и опустошали римские города, налагая на них новые, небывалые подати, но, сколько представлялось возможным, обирали и латинов. Между прочим, нарушая мирные договоры с Венецией, они часто налагали на венецианцев разные денежные поборы, брали с их кораблей контрибуции и ссорили их с пизанцами, так что нередко можно было видеть, как среди самого Константинополя или в открытом море граждане обеих республик схватывались между собою в отчаянной битве, попеременно побеждали, или были побеждаемы, и вследствие того грабили своих соперников, или подвергались их грабежу.

**«Ромейская история» Никиты Хониата
об императоре Алексее V Дуке Мурзуфле**

Это был человек хитрый и в то же время самонадеянный, полагавший всю правительственную мудрость в скрытности и рассчитывавший при помощи ее к общему изумлению вдруг явиться со временем, в веках отдаленной будущности, благодетелем своего отечества, в силу того правила, что, как он говорил, царю следует действовать не опрометчиво и безрассчетно, но осмотрительно и неторопливо [...]. Царские сокровищницы Дука нашел не только не переполненными через край, или даже не только убавившимися на половину, но совершенно пустыми, и поэтому немедленно по воцарении начал жать, где не сеял, и собирать, где не расточал. Он обложил тяжелыми взысканиями все лица в сане кесарей и севастократов, занимавших прежде, в правление Ангелов, высшие правительственные должности, и вырученные отсюда деньги обратил на государственные расходы. Прежде всего, и нетерпеливее всех желал он окончательно отразить латинов, считая это дело легким: поэтому увеличил бревенчатыми надстройками высоту прибрежных стен города, огородил земляные ворота¹ укреплениями и собственным примером одушевил войско. Много раз, опоясавшись мечом, с медной булавою в руках, он собственноручно то отражал неприятельские нападения, то сам храбро и неожиданно нападал на неприятелей, когда они разрозненно бродили в поисках продовольствия. Этим он очень нравился горожанам.

**Из «Взятия Константинополя» рыцаря Роббера де Клари о наставлениях
латинских прелатов перед окончательным штурмом города 11 апреля 1204 г.**

LXXIII. И тогда стали скликать по всему лагерю, чтобы утром в воскресенье все явились на проповедь: венецианцы и все остальные; так они и сделали. И тогда стали проповедовать в лагере епископы – епископ Суассонский, епископ Труаский, епископ Ханетест, мэтр Жан Фасет и аббат Лоосский, и они разъясняли пилигримам, что битва является законной, ибо греки – предатели и убийцы и им чужда верность, ведь они убили своего законного сеньора, и они хуже евреев [, распявших Христа]. И епископы сказали, что именем Бога и властью, данной им апостоликом², отпускают грехи всем, кто пойдет на приступ, и епископы повелели пилигримам, чтобы они как следует исповедались и причастились и чтобы они не боялись биться против греков, ибо это враги Господа. И был отдан приказ разыскать и изгнать из лагеря женщин легкого поведения и всех их отослать подальше от лагеря; так и поступили: всех их посадили на корабль и увезли весьма далеко от лагеря.

**Из «Истории завоевания Константинополя» монаха Гунтера из обители Пэрис,
писавшего в 1207-1208 гг. по рассказам вернувшегося из крестового похода
пэрисского аббата Мартина**

XVII. [...] Затем корабли [крестоносцев] с укрепленными на них башнями приблизились, насколько можно было, к стене [Константинополя]; и в то время как несколько храбрецов полезли по лестницам вверх, герольды громко возвестили: тот, кто первым

¹ Земляными воротами, в противоположность прибрежным, назывались все ворота, обращенные к матерiku.

² Папой римским Иннокентием III, заместителем апостола Петра.

взберется на вражеские стены, получит в награду сто марок. И тогда ты увидел бы, как все с неистовостью стали добиваться того, что предназначалось лишь одному, – не столько из стремления к обещанным деньгам, сколько из любви к Богу и ради общей пользы и для завершения начатых трудов [...].

[Взломав ворота, крестоносцы ворвались в город.]

XVIII. С радостными криками ринулись в открытые ворота те, кто был на кораблях, сделав вид, будто грозят врагам смертью копьями, мечами, камнеметательницами, стрелами и всякого рода метательным оружием, а [на самом деле] не имея вообще никакого желания [устраивать] кровопролития; как растерявшихся овец, погнали они врагов по всем площадям города, и те бежали в таком множестве, что даже простор широких улиц был им тесен для бегства; [наши] напали на них с такой стремительностью, что не давали им ни передохнуть, ни оглянуться назад. И хотя они могли убивать сколько угодно, [...] умещены были лишь очень немногие [из греков]. Крестоносцы по своей воле давали им пощаду, ибо еще находившиеся с ними в лагере монахи [в том числе], конечно, Мартин [Пэрисский] и другие, часто увещевали их не мारать по возможности своих рук кровью. Тем не менее в тот день¹ убито было около двух тысяч горожан, но [они погибли] не от [рук] наших, а от [рук] тех франков, итальянцев, венецианцев, немцев и прочих, которые уже раньше жили в городе, но во время осады были заподозрены в измене, и так как соединились с нашими, то подверглись изгнанию греками [из Константинополя]. Помня эту несправедливость, они жесточайшим образом мстили [теперь] грекам за свою обиду [...].

Только тогда, когда все враги были побеждены и обращены в бегство и самым жалким образом изгнаны из города, и только после того как ворота были тщательнейше заперты, победителям дозволено было заняться добычей, но не ранее того: под угрозой казни (букв.: потери головы) было запрещено до полной победы помышлять о добыче. Итак, они нашли повсюду и в изобилии такое количество денег в золоте и серебре, такое великолепие благородных камней и одежд, такое сверхизобилие драгоценных товаров, такую массу съестных припасов, такие замечательные наполненные всевозможным добром дома, что все они вдруг превратились из пришельцев и нищих в богатых горожан.

Тем временем упомянутый выше пожар опустошил почти третью часть города: ибо в то время, пока все, горожане и паломники, были поглощены столь тяжелой опасностью², [там] не нашлось никого, кто мог бы погасить беспрепятственно распространявшийся огонь³ [...].

[В следующей главе рассказывается об охоте за константинопольскими святыми реликвиями аббата Мартина Пэрисского].

«Ромейская история» Никиты Хониата о разграблении Константинополя латинами в 1204 г.

Неприятель сверх всякого ожидания увидел, что никто не выступает против него с оружием в руках и никто не сопротивляется: напротив, все остается открытым настежь, переулки и перекрестки не защищены, нигде ни малейшей опасности и полная свобода

¹ По Гунтеру, крестоносцы ворвались в Константинополь 18 апреля 1204 г.

² То есть военными действиями.

³ В действительности, Константинополь в 1203–1204 гг. поджигался крестоносцами трижды. Простой рыцарь из французского города Амьена, Робер де Клари (ок. 1170 – после 1216), в своих мемуарных записках «Завоевание Константинополя» отметил, что на второй день после взятия города крестоносцы, опасаясь нападения греков, выработали план поджога города с наветренной стороны и «все бароны согласились с этим планом».

да неприятелю. Жители города, передавая себя в руки судьбы, вышли навстречу латинам с крестами и святыми изображениями Христа, как это делалось в торжественных и праздничных случаях; но и это зрелище не смягчило души латинов, не умолило их и не укротило их мрачного и яростного духа: они не пощадили не только частное имущество, но, обнажив мечи, ограбили святыни Господни и звуком труб побуждали коней идти вперед. Не знаю с чего начать и чем кончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди. О ужас! Святые образы бесстыдно потоптаны! О горе! Мощи святых мучеников заброшены в места всякой мерзости! Но что страшно промолвить, и что можно было видеть глазами: Божественное Тело и Кровь Христовы разлиты были и разбросаны по земле. Некоторые из них разбивали драгоценные чаши: их украшения прятали за пазуху, а из них пили, как из бокалов. О предтечи Антихриста и предвестники его нечестивых дел, в ожидании которых мы находимся! [...] О разграблении храма (Св. Софии) нельзя и слушать равнодушно. Святые налои¹, затканые драгоценностями и необыкновенной красоты, приводившей в изумление, были разрублены на куски и разделены между воинами вместе с другими великолепными вещами. Когда им было нужно вынести из храма священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото, которым были обложены кафедры, амвоны и врата, они ввели в притворы храмов мулов и лошадей с седлами; животные, пугаясь блестящего пола, не хотели войти, но они били их и таким образом оскверняли их калом и кровью священный пол храма.

...Разве могли пощадить жен, дочерей и дев, посвященных Богу, те, которые не щадили Самого Бога? Было ведь трудно смягчить мольбами и умиловать варваров, раздраженных и исполненных желчи до того, что ничто не могло противостоять их ярости: если кто и делал такую попытку, то его считали безумным и смеялись над ним. Кто сколько-нибудь им противоречил или отказывал в требованиях, тому угрожал нож; и не было никого, кто бы не испытал в тот день плача. На перекрестках, в переулках, в храмах – повсюду жалобы и плач, рыдания, стоны, крики мужчин, вой женщин, грабежи, прелюбодейство, плен, разлука друзей. Благородные покрывались бесчестьем, старцы плакали, богатые бродили ограбленными. Все это повторялось на площадях, в закоулках, в храмах, в подвалах. Не было места, которое оставалось бы нетронутым или могло служить убежищем для страдальцев.

...Между тем низкая чернь и уличная сволочь обогащались через ограбление святыни, которую распродавали латинам. Враги же предавались пиршествам и увеселениям, имея при этом ввиду особенно осмеять и надругаться над греческими обычаями: так, они ходили по улицам, надев на себя без всякой нужды широкие одежды, а шеи лошадей украсили полотняным убором; белые ленты, которые развешивались по плечам, они привязывали к мордам животных и с таким убранством разъезжали по городу. Другие носили письменные приборы, чернильницы и держали в руках тетради, как бы желая осмеять наших писателей. Большинство же забавлялось тем, что сажало на лошадей задом наперед обесчещенных ими женщин, завязав им волосы в узел и откинув их назад; кроме того, они украшали лошадей женскими головными уборами и локонами и целые дни бражничали и пили, угощаясь лакомствами и дорогими яствами; другие же объедались отечественными блюдами, как-то: лопатки говядины, отваренные в горошке; гороховая каша со свиным салом, приправленная чесноком, и соус, приготовленный из различных острых соков. После раздела добычи они не делали никакой разницы между святынею

¹ Налой (аналой) – высокий столик для чтения стоя церковных книг.

и обыкновенными предметами, но обращали все для своего употребления, без всякого уважения к Господу и религии, так что пользовались образами Спасителя и святых как стульями и скамьями.

**Из письма Римского папы Иннокентия III
к императору Латинской Романии Балдуину I (1204-1205 гг.)
вскоре после взятия Константинополя крестоносцами**

[...] Вы, не имея никакого права, ни власти над Грецией, безрассудно отклонились от вашего чистого намерения, устремились не на завоевания Иерусалима, а на завоевание Константинополя, предпочтя земные блага небесным [...]. И недостаточно было вам исчерпать до дна богатства императора и обирать малых и великих, вы протянули руки к имуществу церквей и, что еще хуже, к святыне их, снося с алтарей серебряные доски, разбивая ризницы, присваивая себе иконы, кресты и реликвии, для того, чтобы Греческая Церковь отказалась возвратиться к Апостольскому престолу, усматривая со стороны латинов лишь изуверства и дела диавольские, и была бы вправе относиться к ним с отвращением, как к собакам [...].

**Жоффруа де Виллардуэн (ок. 1150-1213 гг.). «Взятие Константинополя».
Из записок видного предводителя крестоносцев, маршала Шампани,
продиктованных им в конце жизни (после 1207 г.) на французском языке.
В основе лежали дневниковые заметки, ведшиеся автором с 1201 г.**

LV. 250. [...] и столь значительна была добыча, что не могу вам и описать, сколько было там золота и серебра, утвари, и драгоценных камней, и шелковых одежд и материй, и мехов и соболей, и разных богатств, когда либо на земле существовавших. И истинно свидетельствует Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, что с тех пор, как стоит мир, не было столько захвачено ни в одном городе.

251. Каждый выбрал себе жилище по вкусу, а было их там достаточно. И вот разместились паломники и венецианцы, и радовались они весьма чести и победе, Господом им дарованной, ибо тот, кто доселе был беден, стал богат и имущ. [...] И воистину должны были они Господа нашего славить, ибо было их не более двадцати тысяч воинов, а с Божьей помощью победили они четыреста тысяч, а то и больше человек и взяли самый могучий город мира (а был он и весьма большим городом) и самый укрепленный.

LVI. 252. И приказал по всему войску маркиз Бонифаций Монферратский, предводитель войска, бароны и дож¹, дабы было собрано все захваченное в одно место, как то решено было и скреплено клятвой, а кто того не сделает – тому грозит отлучение. И были указаны три храма, куда сносить добычу, и поставили там охрану из самых надежных французов и венецианцев. И каждый стал приносить свою добычу и складывать в общую груды.

253. Одни несли с охотой, другие поневоле, ибо алчность есть корень всех бед и многих она не отпускала. И стали самые алчные понемногу удерживать добычу при себе, и умалилась любовь Господа к ним. О Боже, сколь благородно вели они себя доселе, и через то даровал им Господь честь и возвысил над прочими людьми [...].

¹ Глава Венецианской республики Св. Марка, Энрико Дандоло.

254. [...] То, что было в храмы принесено, собрано было вместе и поделено между французами и венецианцами, как то ранее клятвой скреплено было. И знайте, что после дележа паломники уплатили венецианцам оставшиеся пятьдесят тысяч марок серебром и сверх того поделено было меж всеми добрых сто тысяч. И знаете как? Простые конные воины получили в два раза больше, чем пешие, а рыцари в два раза больше, чем простые конные воины. И знайте, что ни одному человеку еще не доставалось больше ни по чину, ни по заслугам, разве что он украл.

255. [...] И посудите теперь, сколь велика была добыча, если без того, что было утаено, и без того, что было отдано венецианцам, осталось четыреста тысяч марок серебром и добрых десять тысяч лошадей, как боевых, так и вьючных. Так была поделена константинопольская добыча, как вы уже о том слышали.

?

1. Почему в словах Никиты Хониата звучит осуждение в адрес Исаака II?
2. Как вы считаете, для чего Ангелы, по словам византийского историка, ссорили между собой венецианцев и пизанцев? Какие цели они преследовали?
3. Какие меры предпринял Алексей V Мурзуфл для спасения Константинополя от западных пришельцев и насколько они представляются эффективными?
4. Чем могли бы оправдать свои бесчинства латины, разграбившие Константинополь?
5. Чем объяснить необходимость проповеди перед окончательным приступом крестоносцев, о которой рассказывает Роббер де Клари?
6. В чем можно верить рассказу аббата Мартина Пэрисского, а в чем нет?
7. Как вели себя жители столицы во время описываемых событий и кто из них особенно пострадал?
8. Насколько можно доверять описанию разгрома Константинополя, оставленному Никитой Хониатом? В чем видны библейские аналогии?
9. Что осуждал Папа Иннокентий III в письме к первому латинскому императору Константинополя?
10. В чем рассказ Никиты Хониата расходится с рассказом Жоффруа де Виллардуэна о дележе константинопольской добычи?
11. Высчитайте на основании приведенных данных письменных источников, сколько добычи в среднем пришлось на каждого участника Четвертого Крестового похода.

Раздел IV

ОТ НИКЕИ ДО ПАЛЕОЛОГОВСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

1204 г. стал роковым для государства ромеев. Под ударами мечей «воинства Христова», рыцарей Четвертого Крестового похода, презиравших «греков» и «прикрывших алчность крестом», пал богатейший город, которому завидовал весь мир, – пал гордый и величественный, священный Константинополь, а вместе с ним был разрушен вынашиваемый столетиями романтический миф о непобедимости вечной Богоспасаемой Империи. Ее крушение было вызвано политической слабостью, а с другой стороны – огромным богатством, неотразимо притягивавшем чужеземных грабителей.

За разделом награбленной добычи последовал раздел Империи. После падения столицы Ромейское царство, потеряв свой мистический престиж, навсегда исчезло как государство мирового масштаба, а на некоторое время – и как страна. На ее территории образовалась Латинская империя, которую основали крестоносцы-латины, а также три крупных самостоятельных греческих государства и множество мелких, подчас эфемерных полузависимых феодальных владений. Из них наиболее жизнеспособной, успешной окажется Никейская империя в Малой Азии (Карта 6).

В 1261 г. никейский император Михаил Палеолог сумеет вернуть Константинополь. После латинского владычества Ромейское царство вновь восстанет, но уже в другом качестве, утратив значительную часть своих владений, став региональной греческой страной и на деле представляя собой тень некогда могущественной мировой державы. Лишь крылья былой славы еще будут шелестеть над ней...

§ 18. На обломках крушения

После разгрома Константинополя западными войсками единое еще несколько лет назад ромейское государство превратилось в «лоскутное одеяло» – ряд самостоятельных владений из государств-преемников Византии. По образному выражению историка Никифора Григоры (ок. 1293-1361 гг.), «держава ромеев, подобно грузовому судну, гонимому злыми ветрами и волнами, распалась на множество частей, и каждый, разделив ее как кому досталось, унаследовал свою часть».

Прежде всего плодами наступившей анархии воспользовались враги ромеев. Крестоносцы образовали на ромейской территории Латинскую империю с центром в Константинополе, независимое Фессалоникское королевство, по сути дела, город-государство в Македонии, Афино-Фиванское герцогство в Греции и Ахейское княжество в провинции *Морея* на полуострове Пелопоннес. Венеция заняла важнейшие, наиболее выгодные для торговли гавани и острова, где стала активно возводить свои крепости и укрепления, организовывать городские общины-коммуны.

В целом, латины создали на византийских оккупированных землях автономные колонии с феодальной системой хозяйствования. Но им не удалось сломить ромеев и захватить все их земли. Византийцы, особенно те из них, которые были близки к императорской крови, тоже попытались создать независимые княжества, среди которых в скором времени выделились три региональные греческие державы: Никейская империя в северо-западной части Малой Азии, царство Эпир на Балканах и Трапезундская империя на юго-восточном побережье Черного моря. Именно их действия определяли дальнейшие события в византийских землях. Будто очнувшись от тяжелого сна, ромеи наконец вспомнили о своем попоранном достоинстве и организовали всенародное сопротивление. Роль лидера при этом заняла Никея. Все более популярными среди греков становились безжалостные милитаристские и протонационалистические идеи. Чужая земля отторгала захватчиков. Несмотря на неблагоприятные политические события, в некоторых регионах, оставшихся в руках византийцев, наблюдалось развитие, процветание, росло число сел, распахивались новые земли. Политический крах прежнего византийского государства не означал автоматического ухудшения благосостояния всех византийцев. Ромеев увлекла идея экспансии, которой они будут оставаться верны вплоть до начала XIV в.

«Новая Франция»

Крестоносцы, забывшие свои набожные замыслы, на руинах Византии воздвигли по западному образцу свою державу, которую они сами по укоренившейся традиции называли Романией, а историки именуют Латинской империей.

На престол вновь образовавшегося государства феодального типа вожди латинов в мае 1204 г. избрали молодого, набожного и сговорчивого, а потому удобного для них графа Эно и Фландрии, Балдуина I, который стал первым императором латинской Константинопольской империи – Латинской Романии. Он, как и договаривались крестоносцы, получил четверть всей территории бывшего

Ромейского царства включая большую часть Константинополя, а из прочих трех четвертей половина отходила главным победителям – венецианцам, получившим наибольшие выгоды, другая же половина распределялась между западными рыцарями в качестве императорского лена.

Рыцарь Балдуин I считал себя преемником Юстиниана I и Комнинов. По их примеру он носил пурпурные сапожки и плащ, расшитый царскими орлами. Даже свои грамоты новый властелин подписывал красными чернилами и скреплял указы печатью, где на одной стороне было начертано по-гречески: «Балдуин, деспот», а с другой – по-латыни: «Балдуин, христианнейший император милостью Божьей, правитель римский, вечный август». Такие изображения и подписи должны были показать всем претендентам на византийское наследие, что именно латинский император является единственным законным наследником предшествовавших василевсов ромеев.

*Своим приближенным Балдуин I жаловал византийские титулы. Виднейший крестоносец – Конон Бетюнский стал **протовестиарием**, а смелый, хотя и почти слепой, дож Венеции, дьявольски хитрый 97-летний Энрико Дандоло (1108-1205 гг.), один из самых главных, предприимчивых организаторов захвата Константинополя, получил титул **деспота**. Если верить рассказу новгородца, написавшего в начале XIII в. «Повесть о взятии Царьграда крестоносцами», в 1171 г. его, посла Венеции, по приказу василевс Маниула Комнина, приказавшего арестовать венецианцев и конфисковать их товары, подвергли изощренному ослеплению стеклом (по другой легенде, это было вогнутое зеркало, фокусировавшее солнечные лучи), так что глаза у него остались, но он не мог ничего разглядеть на расстоянии вытянутой руки. По словам Никиты Хониата, этот «...муж, лишенный зрения и дряхлый годами, но самый большой ненавистник и завистник ромеев, называвший себя умнейшим из умных, не хотел умирать раньше, чем отомстит ромеям за обиды» В его лице византийцы нашли себе самого непримиримого и самого жадного врага, который сумел за их счет добиться особенно значительных выгод для Республики Св. Марка.*

Но латинские правители мало чем напоминали могущественных василевсов ромеев, твердой рукой управлявших процветавшей мировой державой. Латинская Романия с ее сложной ленной системой так и не стала единым государством. Хотя герцог Афино-Фиванский, князь Ахейи (Ахайи), графы Кефалонии и правители острова Эвбея (Негропонта) вели западную по своему образу жизнь и на словах признавали вассальную власть константинопольского императора – сюзерена (верховного сеньора) либо короля Фесалоники или Венеции, на деле они являлись самостоятельными правителями, соперниками.

Да и сам император Латинской Романии, коронованный без участия Папы, посчитавший не нужным просить у апостолика утверждения своих прав, быстро превратился в довольно жалкую фигуру с почти всегда пустой казной. Он считался лишь первым среди знатных вождей крестоносцев, то есть одним из пэров (от лат. *parēs* – «равный»). Его полномочия существенно ограничивал Совет двенадцати, в который, согласно договору, входили шесть франков и шесть венецианцев. Совет принимал все важнейшие решения, в том числе и по вопросам войны и мира. По сути, латинский император был главой исполнительной власти, обязанный выполнять все постановления Совета.

Львиная же доля Романии отошла Венеции. Теперь ее герцоги-дожи пышно именовали себя «Властителями Четверти и и еще Половины (от четверти) Ромейской империи», причем рассматривали эти громадные территории как свои собственные, а не константинопольского императора, которому они, в отличие от франкских феодалов, даже формально не приносили вассальную присягу. Непрерывная цепь венецианских колоний и портов растянулась от венецианской лагуны через Адриатику, Средиземное море до Черного моря. Предприимчивой Республике Св. Марка достались земли в глубине Фракии, около Адрианополя, и на побережье Пропонтиды, а также Пелопоннес и многие острова Ионического и Эгейского морей, среди которых были такие жемчужины Византии как Крит, Эвбея и Корфу, – короче, лучшие ромейские гавани и важнейшие стратегические пункты, составившие настоящую колониальную империю, по своему богатству и возможностям превосходившую Латинскую империю, номинальную наследницу Империи ромеев. Даже 3/8 части Константинополя вместе с самым престижным районом храма Св. Софии, а также главными причалами и пристанями оказались в руках пронырливых италийцев. Патриарший престол, как и рассчитывали, занял тоже самостоятельно, без участия Папы избранный венецианец – Томазо Моросини. Италийцы были монополистами в торговле, «денежным мешком» Латинской Романии. Вечно нуждавшиеся в средствах латинские императоры занимали огромные суммы у богатых банкиров Республики Св. Марка, порой под залог собственных наследников престола.

На территории бывшего Ромейского царства крестоносцы принялись устанавливать собственные порядки и обычаи. Общей тенденцией стало укрепление и завершение процессов феодализации, укрепление частно-правовых форм эксплуатации греческого крестьянского населения. Здесь сложилась типичная вассально-сеньориальная система с характерным для средневековой Франции классическим принципом феодального права «вассал моего вассала – не мой вассал». Происходила аграризация многих греческих центров и подъем других, находившихся преимущественно во владениях Венеции и Генуи. На византийских землях, как тогда говорили, возникла «Новая Франция», причем с традициями, обращенными в прошлое, а не в будущее. Романия покрылась многочисленными замками западных рыцарей. Вместе с обычаями своей родины крестоносцы принесли феодализм, феодальные раздоры, узаконенные сеньориальным правом частные войны – *файды*, нескончаемые междоусобицы.

К греческому населению заносчивые латины относились презрительно, считая его отпавшими от истинной Церкви и предателями христианства. О том, что о них думают также, им первое время не приходило в голову. Они нередко подвергали местных жителей грабежам, вымогательствам, непокорных жестоко наказывали. Как печально констатировал Никита Хониат, «...трудно было угодить латину, человеку по речи чужому для эллинов, с характером корыстолюбивым, очами нескромными, чревом ненасытным, душою раздражительную и суровую, рукою, хватающеюся за меч при всяком случае». Не считались императоры Латинской Романии и с византийской аристократией. Ее всячески унижали и оттесняли на задний план. Отсюда социальная борьба греческого населения, восстания на Крите, Кипре, в Аттике против завоевателей.

Впрочем, более терпимо относились к грекам в Ахейском княжестве на Пелопоннесе, который греки из-за его формы весьма поэтично именовали

*Морея – Лист Шелковицы: полуостров славился производством шелка, и его форма напоминала им лист лист тутового дерева – пищу шелкоочных червей. Неплохо чувствовали себя греки и в Фессалоникском королевстве, основанном предводителем крестоносцев, прославленным Бонифацем Монферратским на территории Македонии и Фессалии. К слову, последний женился на вдове василевса Исаака Ангела, молодой прелестной Маргарите, видимо, для укрепления своих имперских перспектив, но пережил серьезную размолвку с императором Балдуином Фландрским, не жаловавшим конкурента. Правители этих областей не гнушались родниться с местными знатными семьями, гарантировали им дальнейшее владение их имениями-пронями, привлекали аристократов к себе на службу. В результате смешанных браков появилось целое поколение полуфранков-полугреков, которое называли **гасмулами**. Образовалась двуязычная интеллигенция, которая содействовала знакомству западной Европы с прекрасным миром греческой цивилизации. К примеру, Коринфский архиепископ Гийом Мэрбеке перевел с греческого на латинский язык многие произведения Аристотеля, Архимеда, Гиппократа, Галена, Птолемея и Прокла.*

Несколько успокоившись после устроенной крестоносцами чудовищной насмешки над греками, Папа Инокентий III все же одобрил взятие ромейской столицы и написал императору Балдуину о том, как ему «...приятно, что Константинополь вернулся к повиновению своей Матери, Святой Римской Церкви». Уже в 1205 г. он призвал к привозу латинских богослужебных книг на Восток с целью введения там западного обряда. Все важнейшие посты в Православной Церкви заняли, разумеется, латинские священники. Даже была предпринята попытка основать в Константинополе католический университет. Центром распространения католицизма должен был стать построенный в самом Константинополе монастырь, недаром названный во имя Св. Доминика – основателя инквизиции, особенно непримиримого борца с ересями.

Тем не менее греки прочно держались своей веры, хранили обряды, обычаи предков. Они наотрез отказывались переходить в католичество, платить обязательную для латинского Запада церковную десятину. Православное духовенство отвергало целибат (обет безбрачия) и требовало создать, наряду с латинским, греческое патриаршество в Константинополе. Нередко православные священники слагали с себя сан, не желая проводить богослужение по католическому обряду. Непослушных бросали в тюрьмы, пытали, а иногда даже казнили. Латины разгоняли православные монастыри, закрывали и опечатывали церкви, прихожане которых не желали принимать католичество. Ромей, не имея возможности покинуть покоренную «варварами» страну, все же не признавали их засилия, находя свое утешение в вестях об успехах правителей греческих государств. А успехи последовали очень скоро.

Не прошло и года владычества крестоносцев в Византии, как во Фракии и южной Македонии весной 1205 г. вспыхнуло восстание. Здешные землевладельцы, несмотря на хранимые мрачные воспоминания в отношении болгарского царя Калояна, даже решились предложить императорский венец своему бывшему могущественному врагу, если тот изгонит латинов из Константинополя. Царь тоже стремился избавиться от крестоносцев и с его помощью греки начали изгонять, более того, беспощадно истреблять завоевателей, их гарнизоны во фракийских городах.

После Пасхи, 14 апреля 1205 г. у захваченного венецианцами, хорошо укрепленного Адрианополя, расположенного на невысоких холмах, у точки пересечения дорог, произошла достопамятная жестокая схватка объединенных сил болгар и греков с латинами. Возглавивший войско самонадеянный Балдуин I в ходе битвы попал в плен к болгарам, где со временем и скончался. Множество знаменитых, отборных, «знамённых» рыцарей сложили головы в этой кровопролитной схватке. Отважно сражавшийся, старый дож Энрико Дандоло привел остатки войск назад в Константинополь и вскоре тоже умер. Его похоронили в стене храма Св. Софии, где до сих пор на верхней галерее можно видеть беломраморную надгробную плиту этого человека, приложившего все силы для гибели Византии (костей под ней нет – через 56 лет их сразу же выбросили на свалку после отвоевания Города у латинов). Правитель Фессалоники, бывший предводитель крестоносной армии, амбициозный Бонифаций Монферратский погиб в битве с болгарами в 1207 г. И хотя неустовый Калоян, губитель и спаситель ромеев, тоже пал в этом году при осаде Фессалиники, новорожденной Латинской империи был нанесен ряд смертельных ударов, от которых она сразу резко ослабла и не смогла оправиться до конца своего существования.

К 1225 г. территория Латинской Романии, где один бесталанный император сменялся другим, еще более непутевым, по сути была сведена к Константинополю и совсем небольшой области Малой Азии на восточном берегу Мраморного моря. Латинам приходилось бороться не только с ненавидевшим их покоренным населением, чей язык и менталитет им был чужд, но и с греческими правителями горного Эпира, блистательной Nikeи, с могущественным Вторым Болгарским царством, рвавшимся через Балканы – от Адриатики к Черному морю. Эта борьба порой выливалась в чудеса героизма со стороны греков, как это было с знаменитым местным разбойником-хосарием Львом Жгуром, который четыре года сражался с врагами до тех пор пока, отчаянно отбиваясь от них, прыгнул вместе с лошадью с вершины акрополя Коринфа и разбился насмерть.

Несмотря на то, что экономика латинского Константинополя после частичной перестройки в 40-50-е гг. XIII в. даже росла под латинским владычеством, слабые и все более бедствовавшие императоры обескровленной, отрезанной от прочих франкских княжеств Латинской Романии держались главным образом не за счет этого, а за счет униженного попрошайничества у европейских государей, распродажи любого имущества (вплоть до свинцового покрытия крыш ветшавшего императорского дворца), займов денег у Венеции (когда пришлось отдать в качестве залога даже такое высокочтимое достояние как Терновый Венец самого Иисуса Христа) и поддержки Римских пап, которые от случая к случаю одаривали золотом, отправляли из западной Европы в Константинополь отряды рыцарей и пилигримов. Спасали Латинскую империю и раздоры между ее врагами, самыми мощными из которых стали греческие императоры Nikeи.

«Империя в изгнании»

В северо-западной части Малой Азии зятю Алексея III Ангела, деспоту Феодору I Ласкарису (1204-1222 гг.), удалось создать прочное, процветающее, успешное греческое государство – близкую к бывшей столице Nikeйскую империю. Эта новая государственная структура стала достойной наследницей павшей Византии и, по сути дела, спасла

византийский мир от окончательной гибели, помогла воскресить его. По словам главы никейской правительственной администрации и литератора **Григория Акрополита** (ок. 1217-1282 гг.), именно этот государь «...положил начало восстановлению Ромейского царства, за что обязаны ему ромеи великой благодарностью».

Феодор Ласкарис происходил из знатной семьи и был женат на Анне, любимой дочери злполучного императора Алексея III Ангела. Небольшого роста, смуглый, немного разноглазый, с острой небольшой бородкой, этот живчик обладал всепобеждающей настойчивостью, неиссякаемой энергией и был чрезвычайно щедр на дары. Георгий Акрополит в своей «Хронике» особо отметил это его качество, наряду со склонностью к гневу и любовным похождениям. Нельзя ему было отказать в отваге и находчивости. Однажды Никейскому императору пришлось принимать участие в личном поединке с иконийским султаном Кей-Хюсревом, к слову, приемным сыном экс-василевса Алексея III, который строил свои коварные планы в отношении захвата власти в Никеи. Стычка произошла во время ожесточенного сражения у Антиохии на Меандре в 1210 / 1211 г., когда погибла вся небольшая франкская дружина, лучшая часть царского войска, буквально сметенная массой турок. К Феодору подсказал султан и могучим ударом палицы сбил его на землю. Но, не растерявшись, ловкий Ласкарис подсек мечом ноги коня Кей-Хюсева и одним махом отрубил голову упавшему врагу, что и решило исход битвы: растерявшиеся сельчуки бежали с поля брани, а изворотливый интриган, тесть Феодора, которого они хотели посадить на трон Никеи, был пленен, ослеплен и окончил свои дни в никейском монастыре.

Невероятно трудными оказались для Феодора Ласкариса первые шаги. Бежав из поверженного Константинополя, знатный деспот натолкнулся на недоверие местного населения Малой Азии, которое в основном было греческим. Поначалу его даже отказывались впустить в надежно укрепленную мощными стенами Никею. Но Ласкарис не сдался. С группой своих сподвижников, вооруженной челядью и домочадцами, он, опираясь на признавший его вифинский город Прусу (Брусу), шаг за шагом начал подчинять соседние земли, стал правителем Смирны и Никеи, которую сделал официальной столицей нового государства. В 1206 г. он был провозглашен императором Никеи. Двумя годами позже здесь был учрежден Патриархат и перед Пасхой Патриарх Никеи наконец смог короновать Феодора как во Христе Боге благоверного императора и правителя ромев, вечного августа.

Много раз приходилось Ласкарису сражаться, побеждать и терпеть поражение от латинов. Но в этой борьбе росли и крепили его авторитет и влияние как защитника восточных владений Ромейской державы от западных пришельцев – «проклятой рати», которая захватывала все как гангрена и которую, вступив на трон, император поклялся истребить. К 1214 г. ему удалось справиться с нападением прорвавшегося до района Пергама и Смирны латинского императора Генриха Фландрского, воинственного брата и наследника Балдуина I. Тогда же произошел раздел владений Никеи и латинов в Малой Азии. Вскоре Феодор получил еще большую поддержку греков и к 1221 г. заметно упрочил свое господство. Путем войн и политических интриг ему удалось осилить других магнатов Малой Азии и превратить здешнюю страну в небольшое, но стабильное греческое государство.

Огромное значение имело то, что Феодор I добился восстановления греческого патриархата в Никее. Кроме того, он был не просто коронован, но миропомазан на царство избранным перед этим Никейским Патриархом, ученым Михаилом Авторианом. Прежде этого не было. Случившееся произошло под влиянием западного церемониала и отныне стало традицией. Никейский Патриарх смог вернуть моральный и политический авторитет. Он рассматривался ромеями как законный преемник константинопольского и глава всего Православия. В условиях враждебности и страха, вызванных попытками Запада подчинить Византийскую Церковь, народ надеялся больше на помощь Бога, а значит, Церкви, чем государства. То, что институт патриаршества был перенесен именно в Никею и она оказалась духовным центром, несомненно, придавало ей политический вес, а сану ее императора – общевизантийское значение. Из высших соображений на монетах никейские императоры-василевсы стали изображаться рядом с Богородицей, святыми, Христом, сидящим на троне, что указывало на идею происхождения власти этих императоров от Бога. Идею их преемственности с Константинополем подчеркивало изображение Св. Константина, основателя Константинополя. Не менее знаменательным стало употребление на никейских монетах сокращения из четырех букв, которые расшифровывались как «порфирогенит», хотя ни один из никейских василевсов не был рожден в Константинополе в специальном порфирном зале. Все это указывает на складывание официальной идеологии Никейской империи, оправдывающей претензии на господство.

Набиравшее силу государство обладало богатыми и плодородными землями. Здесь находились цветущие города – Никея, Пруса (Бруса), Смирна, Нимфей (Нимфаион), Филадельфия. Постепенно росло число деревень, где жило немало свободных крестьян, которые, как встарь, поставляли воинские контингенты в императорское войско. Прибрежные же области славились искусными моряками.

Никейская империя рассматривалась греками как Империя ромеев в изгнании, наследница Византии, только на время утратившая свою древнюю столицу – Константинополь и западные провинции. Она стала центром греческого патриотизма, более того, протонационализма. Со всех византийских земель сюда стекались недовольные латинским владычеством. Среди них можно было встретить вельмож, утративших свое влияние и богатства, оставшихся не у дел чиновников, бывших династов без земель, не смирившихся с католичеством православных священников, ученых, художников. Бежали от грабежей и притеснений рыцарей и простые ромеи, ремесленники и крестьяне. Только здесь греки ощутили себя «дома», почувствовали, что все они – нечто единое, целое, народ.

На восточных границах Никейской империи располагалась прекрасная система пограничной обороны, заложенная уже при Комнинах. Здесь Феодор Ласкарис совершил лишь один недальновидный шаг, который будет потом дорого стоить восстановленному Ромейскому царству. Пытаясь избежать соперничества с Трапезундскими императорами – Великими Комнинами, он в 1214 г. отдал сельчукам важный портовый город Синоп, в результате чего они сильно укрепились в Анатолии и получили постоянный доступ к Черному морю. После захвата сельчуками Атталии на Средиземном море, их торговая деятельность стала еще более процветать. Но как бы то ни было, опрокинуть оборону рубежей молодого государства им не удалось. Большая заслуга в том принадлежала именно Феодо-

ру I, его умению организовать защиту и идти на любые меры, чтобы стабилизировать границы.

Жизненно важная оборона, которой византийцы прежде столь неосмотрительно пренебрегли в пользу наступательных действий, состояла на границах государства из трех родов войск. Основную роль играли акриты – пограничные военные поселенцы. Акриты знали толк и в земледелии, а в случае нападения врагов с луком и мечом в руках могли постоять за себя. Пример такого типичного полусказочного героя являет знаменитый эпос о Дигенисе, храбром, независимом воине. Как и у многих акритов, в нем смешалась кровь разных народов: его мать была христианкой, а отец – мусульманином и вождем. Подобные пограничники обладали большим опытом ведения партизанской войны. Их земли и пастбища освобождались от налогов, государство платило им жалованье. Акриты обычно несли службу по месту своего проживания. Так что защита границы означала для них охрану собственных владений, домов, семей. Нередко акриты и сами отправлялись в набеги, пограбить турецкие земли.

Кроме того, в приграничных областях были разбросаны крепости, гарнизонную службу в которых несли наемники из греков и иноземцев (франков, армян, славян, тюрок). Немалую роль играла «скификон» – легкая конница, главным образом, из метких лучников-сельчуков.

Наконец, к обороне привлекали и стратиотов – конных и пеших воинов из местных свободных крестьян – «эллиникон», организованных во вновь возрожденной системе фем. В отличие от акритов они принимали участие и в далеких военных походах. Заимствуя достижения Запада, византийских тяжелых кавалеристов – «латиникон» или «италикон» снабдили взамен круглых продолговатыми щитами и еще более длинными, чем прежде копьями, а наряду с лучниками появился корпус арбалетчиков, чьи короткие тяжелые стрелы, похожие на заостренные металлические болты, за триста шагов пробивали самые крепкие стальные панцири.

Феодор I в короткий срок собрал в северо-западной части Малой Азии значительный фонд земель, которые и составили основу его могущества. Не имея денег, император только пронией мог наградить своих сторонников за верную службу и поддержку. Однако выдавалась она только на срок жизни, с условием несения службы государю. Создавая бронированное войско кавалариев, василевс уменьшил число иноземцев-наемников, достигавшее трети армии, за счет вотчинников-прониаров и тем повысил боевой дух армии. Воины Ласкариса погибали, но не сдавались, проявляя редкостное мужество, – качество, которым ромеи не блистали еще несколько лет назад.

Как и при Комнинах, широко практиковалась опора на родственный императору узкий клан, в руках которого оказались важнейшие посты государства. Допуск в ряды родственников монарха был знаком особого благоволения и давался только самым преданным. В то время окрепли и выросли новые аристократические фамилии: Синадины, Тарханиоты, Макрины, Стасины. Но собственно правительство фактически сократилось до пределов царского дома и его секретариата. Это станет нормой византийского имперского управления на оставшиеся столетия.

В целом, административный строй, чиновничий аппарат, придворный штат были выстроены по старым византийским принципам. Никейский двор с его сложной иерархией чинов и должностей напоминал константи-

нопольский, хотя штат его стал меньше и более деятельным. Правительство возглавлял великий логофет, военное ведомство – великий стратопедарх, которые в случае необходимости могли замещать самого василевса. Гвардейскими схолами и тяжеловооруженной квалерией командовал великий **конставл**, в самом названии которого сквозит явное подражание западному «коннетабль» – «конюший». Хотя многие земли крупной знати перешли в государственный домен, столичная никейская аристократия добилась сохранения своих привилегий и владений.

Однако принципы управления несколько изменились. Некоторые византийские обычаи в Никее утратили свою силу: ни один наследник престола не был объявлен соправителем и коронован при жизни своего предшественника. Появились и новые традиции: восточный обычай принесения сановой, военной знатью и духовенством торжественной обязательной присяги на верность императору. Так сложилась местная служилая элита.

Преемником Феодора I, согласно его умному решению, стал зять, набожный, болезненный, с возрастом все более страдавший эпилепсией, но безусловно талантливый Иоанн III Дука Ватац (1222-1254 гг.) – величайший государственный деятель никейского периода. При нем возрожденная ромейская армия стала столь мощной, что в 1235-1236 гг. он решился даже на осаду Константинополя, но не смог его взять из-за измены союзников-болгар. Тем не менее императору не только удалось расширить пределы маленькой Никейской империи более чем на половину Балканского полуострова, но и рядом обдуманных мер превратить ее в могущественную, развитую державу. Своей активной деятельностью, близостью к подданным, разумным управлением государственным имуществом, постоянным контролем над должностными лицами он способствовал процветанию народа, который его искренне любил.

Иоанн III Ватац пошел по пути разукрупнения огромных служилых владений, насаждая поместья «средней» величины. Для увеличения поступлений в казну он начал создавать императорские поместья, которые превратил в чрезвычайно доходные предприятия. В короткий срок Иоанн III, будучи рачительным хозяином, добился процветания своих имений, которые стали образцом для подданных. Амбары ломились от зерна, загоны не вмещали стада крупного рогатого скота, свиней, овец, верблюдов.

Если в IX в. участие василевса или членов его семьи в коммерческих сделках считалось унижительным, теперь предпринимательство стало нормой и позволяло увеличивать царские, а значит, государственные доходы. Императору принадлежали огромные табуны лошадей и бесчисленные стада домашней птицы. Рассказывают, что только от продажи куриных яиц Иоанн III выручил столько денег, что смог купить своей супруге золотой венец, украшенный россыпью драгоценных камней. В назидание подданным и в шутку Ватац называл его «яичной короной».

Покровительствовал император городам и отечественной торговле. Иностранные купцы наконец были обложены пошлинами. Наблюдая, как разбогатевшие жители Никейской империи все больше одеваются в роскошные иноземные одежды и, скорбя о том, что деньги уплывают за границу, Ватац издал постановление, в котором повелевал подданным облачаться только в одежду, изготовленную греческими мастерами, то есть запретил импорт. Девизом стала

«самообеспеченность» – главная опора на то, «что родит ромейская земля и производят руки ромеев». Однажды, увидев своего сына Феодора на охоте в дорогой италийской золототканной одежде, разгневанный император сделал ему строгий выговор, объяснив, что, если уж носить подобные одежды, то с пользой для государства, например, во время приема иностранных послов, чтобы поразить их богатством ромеев, но никак не иначе. Он не забывал повторять, что положение государства все еще остается критическим и требовал от подданных, чтобы они самоотверженно трудились и довольствовались самым необходимым.

Плоды благоприятных условий, в немалой степени объяснявшихся мудрой политикой, сказались весьма скоро. В короткое время Никейская империя достигла небывалого процветания, какого уже давно не помнило Ромейское царство. Обогащению казны способствовало и то, что в соседних турецких землях из-за продолжительных беспорядков царил голод. Золото, драгоценности, ткани сельчуки меняли на продукты питания. Гонимые угрозой со стороны длинноволосых, поклоняющихся небу, диких кочевников – **монголов**, чьи конные армии с потрясшим пол мира боевым кличем «ура!» стали стремительно продвигаться из степей Азии и в 1242 г. ворвались в Анатолию, они не прочь были переселиться в греческие земли, под защиту рачительного Иоанна III, увеличивая тем самым число его подданных. Весьма своевременная победа монголов над сельчуками и болгарами вообще привела к тому, что на восточной границе с 1243 г. наступил прочный мир. Свирепые, безжалостные захватчики на фарси – персидском языке назывались татарами, и именно от персов жители Европы впервые услышали упоминание об этом зловещем народе, не знавшем пощады, чье имя было так созвучно слову Тартар – Преисподняя. Но, обрушившись на мусульманский мир с ужасающей яростью, эти степные хищники, монголы или татары, неожиданно удалились, будто провалившись в Преисподнюю, не тронув никейские земли. Несколько десятилетий азиатские провинции пользовались плодами наступившего спокойствия. Император теперь мог не тревожиться за их судьбу.

В царствование Иоанна Ватаца, Никея, несмотря на тяжкие времена, частые войны, превратилась в один из главных центров византийской культуры и образованности. Это проявилось в том, что в городах создавались библиотеки, собирались и переписывались книги древних авторов. При императорском дворе была основана высшая философская школа, в которой обучались сыновья аристократов. Отныне Никея сравнивалась с древними Афинами, а Никейская империя – с античной Элладой.

И все же первой заботой этого выдающегося правителя, как и его покойного тестя, оставалось укрепление военной мощи государства. С помощью средств от посильных налоговых сборов он еще более умножил наемные отряды «латиникон», «скификон», ополченцев-«эллиникон», в воздвигнутых многочисленных военных крепостях на случай осады создал обильные запасы продовольствия и оружия, специальные части по обслуживанию военных машин, организации снабжения войск в походных условиях. Вытесненных свирепыми монголами кочевников-половцев он расселил в качестве стратиотов. Никейский флот занял крупнейшие острова Эгейского моря и заставил подчиниться средиземноморский Родос.

Борьба с латинами-католиками, «франками» неожиданно сблизила Иоанна Ватаца с ярым противником папства – императором Священной Римской им-

перии Фридрихом II Гогенштауфеном, внуком Барбароссы. Как и его хищный дед, он тоже стремился покорить Италию, сломить сопротивление ее свободолюбивых городов-комун. Выросший на Сицилии, необыкновенно образованный, он удивлял мир своими вольнодумными выходками и ни во что не ставил Папу римского, которому не желал подчиняться. Для скрепления возникшего союза со столь оригинальным «овосточенным» правителем давно овдовевший 52-летний Иоанн в 1244 г. женился на внебрачной дочери Фридриха, 14-летней Констанции, в православном Крещении нареченной Анной, и пышно отметил свадьбу, что еще более подняло авторитет Никейской империи. Правда, надежды на то, что грозный тесть поможет изгнать латинов из Константинополя не оправдались: в 1250 г. властолюбивый создатель первой в средневековой Европе абсолютной монархии неожиданно умер в самый разгар борьбы за Италию, куда ему в помощь посылались и никейские контингенты.

Несмотря на государственный режим экономии, набожный Ватац не забывал осыпать духовенство богатыми дарами, мелким землевладельцам жаловал за службу пронию, но, как и его германский венценосный друг, требовал одного – беспрекословного подчинения. Император возводил новые церкви, восстанавливал и украшал разрушенные, заботился о монастырях, строил приюты, богадельни, больницы. Этим он еще более укрепил свою добрую славу и снискал популярность среди простого народа, нужду которого стремился уменьшить.

Василевс поддерживал морально и материально бедствовавшее православное духовенство Константинополя, Фессалоноки, Афона, Атики, Антиохии, Александрии, Иерусалима, Сиона, заслужив его расположение и содействуя сакрализации своего образа как хранителя Православия. Именно за заботу, милость к подданным и благочестие через пол сотни лет после смерти, в эпоху наступившего к тому времени кризиса, он был канонизирован, став православным святым Иоанном Милостивым, чего не скажешь о Фридрихе Гогенштауфене, проклятом Римским папой. К новому святому взывали как к небесному заступнику от турок и радетелю о благе народа.

Осколки великой державы Основателем другого греческого царства – деспотата Эпира, или Арты, как он назывался по его столице, стал энергичный и талантливый полководец Михаил Ангел Комнин (1204–1215 гг.), правнук великого Алексея I Комнина и двоюродный брат бездарных василевсов Исаака II и Алексея III Ангелов. Его держава со столицей в Арте, а в дальнейшем в Афинах заняла территорию в северо-западной Греции – от Коринфского залива до приморского Диррахия на Адриатике. Одно время в это государство даже входило отбитое у латинов-крестоносцев королевство Фессалоника со значительной частью Македонии и Фессалии.

Задача собирания земель была облегчена Михаилу I Ангелу тем, что он находился в родстве со многими феодалами греческого Эпира. Да и географическое положение отличалось чрезвычайной выгодностью: горы преграждали крестоносцам путь в Эпир. Это была неровная местность с малым количеством плодородных земель, не имевшая крупных латифундий, со свободным крестьянским землевладением, удаленная от центральных областей Ромейского царства. В определенной степени все это стало причиной возникновения независимого эпирского государства.

Эпирское царство населяли не только греки. В средней и южной Македонии жили славяне, севернее, в горах Эпира, большинство составляли *албанцы*. Кроме того, в Фессалии и Македонии было немало кочевых и оседлых *валахов* или влахов – пастухов и разбойников, издавна занимавшихся скотоводством.

Однако Эпирское государство не отличалось сплоченностью и централизацией. Неразвитость государственных институтов обусловила неразвитость проиарного землевладения. Часто местные деспоты раздавали земли своим братьям и сыновьям, которые становились независимыми правителями. Главной их обязанностью считалось подчинение во внешних делах воле монарха да военная помощь в случае нападения неприятеля. После отвоевания у крестоносцев Фессалоники в 1224 г. в стране на время оказалось две столицы – два самостоятельных центра – Фессалоника и Арта.

До захвата у латинов Фессалоники правители Эпира даже не носили никакого титула. Не было здесь и единого главы Православной Церкви. Лишь в 1227 г. самоуверенный Феодор Ангел Дука Комнин (1215-1230 гг.), правнук Алексея I Комнина, сводный брат Михаила Ангела, самый сильный и отважный греческий соперник латинов, провозгласил себя василевсом и автократом ромеев¹ и в дальнейшем в открытом противоборстве оспаривал этот титул у «никейцев» Феодора I Ласкариса и Иоанна III Ватаца, пока не потерпел страшное поражение от болгар ранней весной 1230 г. в битве у местечка с рокочущим названием Клокотница, на реке Марица (около совр. болгарского города Хасково), на главной дороге от Адрианополя к Филиппополю. Он попал в плен и позже был ослеплен, но каким-то непостижимым образом именно тогда, когда его могущество обратилось в прах, сумел убедить болгарского царя Ивана II Асеня (1218-1242 гг.) жениться на его дочери Ирине, после чего вернулся в Фессалонику, где посадил на трон собственного сына Иоанна, наделив его титулом императора. В 1241 г. мудро выжидавший конца этой катавасии Никейский император Иоанн Ватац заманил старика Феодора в Константинополь, отпустив его через год только после того, как добился, что сын Феодора, Иоанн Эпирский, согласился сменить титул императора на аморфный титул деспота и признал верховную власть Никеи. Через несколько лет сюда был назначен наместник никейского василевса. В любом случае Фессалоника уже не представляла серьезной силы. Но немного ее было и у Эпира, вынужденного уступить болгарам и никейцам стратегически важные территории во Фракии и южной Македонии. Усиление власти наместников, происходивших из правящей династии, привело к разделению государства на несколько частей и созданию системы полунезависимых владений. Крепла власть крупной земельной аристократии, занимавшей ключевые должности даже в городском самоуправлении. Наконец, создание автономной Эпирской Церкви, не подчиненной Вселенскому Патриарху, тоже стимулировало дальнейшее развитие процесса децентрализации.

Правда, в 1251 г. эпирский деспот Михаил II Ангел, незаконнорожденный сын Михаила I, основателя Эпирского деспотата, подстрекаемый своим дядей, неугомонным, предприимчивым Феодором, вероломно напал на владения Никейского царства, но вскоре оказался наголову разбит Иоанном Ватацем, по-

¹ Феодор по матери имел отношение еще и к династии Дук, отчего с гордостью носил сразу три царских имени – Ангел Дука Комнин. В 1215 г. он пришел к власти в Эпирском царстве, а в конце 1224 г., после долгой осады отнял у латинов Фессалонику и короновался там как император ромеев (1224-1230 гг.).

сле чего признал себя его вассалом. В качестве заложника в Константинополь был увезен сын Михаила II, Никифор, обрученный с внучкой Ватаца, Марией. Старый слепой интриган Феодор, всеми способами изворотливо цеплявшийся за власть, наконец, успокоился в темнице. Надежд на успехи у Эпира больше не было. Борьба его правителей за роль объединителей ромейских земель была бесповоротно проиграна никейским императорам.

Тем не менее сложное политическое положение не помешало росту сельского населения на Балканах. Во всяком случае, сохранившиеся монастырские документы XIII в. из Афона свидетельствуют о росте числа новых деревень в Македонии, которые вписывались в сеть прежних деревень. Часть крестьян в виду нехватки пахотных земель даже занялась подъемом целины. Впрочем, урожаи оставались небольшими, и к резкому подъему сельского хозяйства происшедшие благоприятные изменения не привели.

На территории западных греческих государств находились крупные города – Фессалоника, Арта, Диррахий, Охрид, Навпакт, Ларисса. Но правители не защищали отечественную торговлю: купцы с Адриатики, из Венеции и Дубровника пользовались здесь большими привилегиями.

Третьим обособленным греческим центром стала Трапезундская империя. Она охватывала узкую прибрежную полосу части южного побережья Черного моря, территорию бывшей фемы Халдии и тянулась с востока на запад вплоть до значительного порта Синопа, находившегося сначала у Никейского государя, а затем, как мы уже знаем, недалековидно отданного сельчукам. Греки в этих землях не составляли большинства. В сельских и горных областях в основном жили кавказцы – лазы, а также армяне и турки. Соответственно двойственной по составу (местной и пришлой, греческой) была здесь знать, которая формировалась из старых землевладельческих родовых фамилий и новых родов, выходцев из крестьян, умноживших свои владения путем скупки у родственников и соседей земельных участков. К тому же с Халдией можно было связаться только через море: со стороны суши ее отгораживал от Малой Азии высокий, труднопроходимый Понтийский горный хребет.

В апреле 1204 г., причем еще до окончательного захвата Константинополя крестоносцами, знаменитая великая царица Грузии Тamar (1184-1213 гг.) захватила Халдию и посадила на престол воспитываемых ею при грузинском дворе родственников, Алексея и Давида Комнинов. Они были внуками печальнопамятного василевса Андроника I Комнина, чей сын Мануил – отец братьев – женился на грузинской княжне. Алексей (1204-1222 гг.) утвердился в Трапезунде и был провозглашен императором, а храбрый и любящий войну полководец Давид занял прибрежные районы Пафлагонии с портовыми городами – Синопом, Амастридой (Амастрой) и *Ираклией* Понтийской. Разница направленности деятельности братьев не помешала им принять единое имя Великие Комнины, подчеркнув тем самым легитимность своих прав на трон.

Ядром империи стал Трапезунд – крупный торговый, ярмарочный и ремесленный центр. Здесь ярким образцом имперских амбиций Великих Комнинов стал построенный в середине XIII в. и производивший сильное впечатление храм Св. Софии, который на символическом уровне превращал Трапезунд в новый Константинополь, которым, впрочем, он так и не стал.

От Ромейского царства Великие Комнины также унаследовали ее северные заморские земли: кастрон Херсон с прилегающими областями – *климата* и *Го-*

тию на территории юго-западного Крыма. Ежегодно собираемые с них налоги, едва ли большие, на кораблях доставляли в Трапезунд, причем случалось, что их перехватывали сельчукские правители – райсы, нагло грабившие суда в портах и нападавшие на никейские города.

Поначалу Трапезундское царство стало играть заметную роль в Малой Азии, даже начало с агрессивного нападения на Пафлагонию в 1205 г., попыталась продвинуться дальше по побережью на запад, но это оказалось ему не по силам. Здесь вызрел своеобразный государственный переворот, который привел воинственного Давида в Ватопедский монастырь, а Алексей I потерял поддержку пафлагонцев, попал в плен к сельчукам и стал вассалом Иконийского султана. В ходе ряда конфликтов с Никейским царством Великокомнины утратили все свои земли к западу от реки Галис, включая важные Ираклию Понтийскую и та-роватую Амастру.

Вскоре под ударами сельчуков и из-за внутренних смут Трапезундская империя превратилась в небольшое, плохо спаянное, раздираемое кровавыми внутридинастическими распрями, феодальной анархией, народными бунтами, слабое, окраинное, удаленное государство, которое потеряло всякое влияние на развитие событий в Византии. Населением ее провинций овладели настроения упадничества, представления о непостоянстве земного бытия и тщетности накопления богатств. Затем она попала в вассальную зависимость от набиравших силу монголов, разгромивших Сельчукский султанат, вторгшихся в Европу и в итоге, хоть и ненадолго, создавших огромную, по тем временам очень неплохо устроенную империю, протянувшуюся от Тихого океана до Атлантики. На пике могущества, в 1300 г. эта держава имела площадь в 24 миллиона квадратных километров, в ней жило около 110 миллионов человек, четверть всех обитателей Земли, в орбиту которых попал теперь и Трапезунд. Глубокий кризис середины XIV столетия привел к перестройке как институтов власти и собственности, так и внешнеэкономических связей Трапезундской империи. Ее судьба оказалась навсегда оторванной от судеб остальных областей Ромейского царства, с которыми она так никогда и не воссоединилась, да и не стремилась воссоединиться.

?

1. Как вы думаете, справедливо ли латинские императоры считали себя наследниками византийских василевсов? Сравните положение ромейского василевса и императора Романии.
2. Как крестоносцы относились к покоренному населению? Лучше ли жилось крестьянам в странах западной Европы?
3. Почему для Римских пап так было важно сохранять Латинскую империю?
4. Как вы полагаете, отчего Латинская империя была обречена на скорую гибель?
5. На какие силы опирался Феодор I Ласкарис в своей политике?
6. Как и почему изменилась система управления государством при Никейских императорах?
7. Каким образом Никейское царство в короткий срок превратилось в могущественное государство?

8. Какую роль в истории Никейской империи сыграли монголы и чем отличалась их роль в истории Трапезундской империи?
9. Найдите отличия в политике Иоанна Дуки Ватаца и его предшественника.
10. Как рассматривали сами греки Никейское царство? Почему?
11. В чем заключались главные особенности политического устройства Эпирского царства? Почему оно не могло составить серьезную конкуренцию Никейской империи?
12. Как сложилась судьба Трапезундского царства и почему оно так упорно цеплялось за независимость?
13. Подумайте, чем можно объяснить наличие зависимости заморских крымских владений от Трапезунда, а не от Никеи?
14. Что можно отнести к числу благоприятных изменений в греческих государствах XIII в.?

Внимание, источник!

Никита Хониат (ок. 1155-1217 гг.) в «Ромейской истории» о положении византийских земель в период латинского владычества

Города, до того большие и известные, многолюдные, – небольшие города, но достойные внимания, плодородные поля и пастбища, прекрасно цветущие сады, изобилующие вечнотекущими ручьями, высокие дома и со всех сторон видные жилища, построенные с большим искусством и разукрашенные пестрыми красками, разнообразные прелести бань, плодоносные деревья в садах, нивы с созревающими хлебами и многое другое, производимое временем, что украшает нашу жизнь и делает землю приятной, богатой дарами (природы) и многожеланной, – все это мы видим пустынным, безлюдным, населенным одними ехиднами и дикими зверями. Кто-нибудь, увидев все это, ударяя себя в грудь, проливая слезы и посыпая главу пеплом, сказал бы, что наступила всеобщая гибель или какой-то новый порядок в природе, по которому Бог приказывает произрастать садам, растениям и сеять семена как и прежде, если даже нет человека, который может им пользоваться. Откуда у меня хватает языка для достаточного и усердного перечисления всех этих бедствий или силы голоса, чтобы рассказать их находящимся далеко? О, какой я несчастный писатель, какие бедствия я должен сохранять для памяти, какие несчастья свои и своих единоплеменников я должен передавать! Кто может перенести все это, видя, что враги захватили такие трофеи? В прежние времена победители в сражениях, движимые человеколюбивым чувством, не считали, что ненависть должна сохраняться вечно, и потому устраивали трофеи из дерева и камней [...]. Теперь же варвары, которым, по воле Бога, мы преданы на истязание, оставляют напоказ разрушенные города и другие показатели своих побед [...]. Пришедшие с Запада дошли до великой тирании, так что какое бедствие прошло мимо нас? Мы терпим грабежи денег [...], высылки, убийства и тысячи других бедствий.

Историк и мемуарист Георгий Пахимер (1242 – ок. 1310 гг.) в «Истории о Михаиле и Андронике Палеологах» (1308 г.) об организации защиты восточных рубежей Никейской империи

3. [...] А, наконец, заставив персов (турок) волею или неволею возвратиться восвояси, вступали в горы, созывали отовсюду множество жителей, отличавшихся силою,

и, обезопасив их крепкими стенами и неодолимыми оградами, вверяли им охранение римских пределов.

4. Впрочем, эти горные жители, как могшие затеять возмущение, если бы каким-нибудь образом напали на них неприятели, и ничем не обеспеченные для сохранения верности, когда бы борьба, при случае, оказалась выше их сил; не оставались без всякого о них попечения: все они избавлены были от податей, знатнейшие из них получали пенсии, а тем, которые могли питать дерзкие замыслы, даваемы были царские грамоты. С течением времени они разжились, и богатство текло к ним рекою. Но чем обильнее были средства их к жизни, тем смелее выступали они против неприятелей и через то собирали огромную добычу. Занятие их было – делать засады по ночам и каждый день убивать и грабить врагов. А отсюда происходило то, что, следуя за убегающими внутрь их страны, отнимали у них все, что составляло их надежду, и насильно перевоза это домой, пользовались добычею по своему произволу.

**«Ромейская история» Никифора Григоры (ок. 1293-1361 гг.)
о хозяйственной деятельности никейского императора
Иоанна III Дуки Ватаца (1222-1254 гг.)**

6. [...] Получив безопасность и отдых от продолжительных войн, Ромеи обратили свои заботы на собственные приобретения и внутренние дела. Сам царь (Иоанн III) отрезал себе земли, годной для хлебопашества и возделывания винограда, столько лишь, сколько считал достаточным для царского стола и сколько внушило ему его доброе благотворительное сердце; земля назначалась также для пропитания престарелых и убогих и для лечения одержимых всевозможными болезнями; вместе с тем он поставил досмотрщиков, хорошо знающих земледелие и возделывание винограда, и каждый год начал откладывать большую и значительную часть урожая. Этого мало; он занялся еще разведением лошадей, коров и овец, также свиней, и ежегодно стал получать от всего этого большой приплод. К тому же он располагал и других вельможных лиц, чтобы каждый дома находил у себя все, что нужно; и не имел побуждений налагать корыстолюбивую руку на людей простых и неимущих, и чтобы таким образом римское государство очистилось от неправд. И вот в непродолжительное время закрома у всех переполнились плодами; дороги, улицы, все хлева, стойла и загороды наполнились скотом и стадами домашней птицы [...]. Коротко сказать: когда ходившие за стадами птиц продали от них яйца, накопленные в течение года; то в короткое время составилось от продажи столько денег, что на них устроена была царице корона, украшенная чрезвычайно дорогими камнями и жемчугом. Царь и называл ее яичною короною, потому именно, что он сделал ее на деньги, вырученные за яйца.

**«Хроника синграфа» великого логофета Георгия Акрополита (ок. 1217-1282 гг.)
о внешней политике Иоанна III Дуки Ватаца (1222-1254 гг.)**

51. [...] император Иоанн показал еще большую мудрость в том, что нашел средство достичь разом двух целей – и обессилить врагов, и обезопасить свою власть. Именно, у него был сын от императрицы Ирины, носившей имя деда своего, императора Феодора Ласкариса, – которому было в то время 11 лет; а у Асана¹ была дочь, по имени Елена,

¹ Болгарского царя Иоанна II Асени (1218-1241 гг.).

от его супруги – венгерки, которой был девятый год. Император отправил посольство к болгарскому царю с предложением брачного союза между детьми и договора насчет родства и взаимного вспоможения друг другу. Асан принял посольство; союз и договор были заключены и скреплены клятвой обоих.

**«Хроника синграфа» Георгия Акрополита
об эфирском правителе Феодоре Комнине Ангеле (1215-1230 гг.).**

21. Между тем Феодор Комнин [...], не желал оставаться в том положении, какое занимал уже, но мечтал об императорском достоинстве, когда сделался обладателем Фессалоники¹ и покорил своей власти значительную часть ромейских владений, частью занятых италийцами, частью захваченных болгарами, облекся в порфиру и стал носить красные сандалии, хотя на него сильно восстал за это митрополит Фессалоникский Константин Месопотамит, за что этот защитник канонических постановлений подвергся многим напастям и гонениям. Но архиепископ Болгарский, Димитрий, согласился возложить на него царскую корону, говоря, что он самозаконен и не обязан никому давать отчета (в своих действиях), и потому может помазывать на царство кого бы, когда бы и где бы он ни захотел. Провозглашенный императором², Феодор повел дела по-царски: назначил деспотов, великих севастократоров, протовестиариев – словом весь царский штат. Но плохо знакомый с внутренним строем царского двора, он ввел у себя порядки болгарские, или лучше – варварские. Тут не было ни чина, ни благолепия, ни древних обычаев, соблюдаемых при дворах. Он немало мешал Иоанну³. Этот император согласился считать его вторым после себя и участником царской власти, оставив его владеть своею землею (которой он уже владел) с условием, чтобы он ни на что другое не простирали своих притязаний; а он между тем усиливался все более и более (за счет императора Иоанна).

?

1. В чем Никита Хониат видит главные несчастья ромеев под властью латинов? Насколько можно доверять его описаниям?
2. Каким образом была налажена охрана восточных рубежей Никейского царства? Что можно сказать об образе жизни акритов?
3. Почему Иоанн III такое пристальное внимание уделял императорскому хозяйству? С чем это было связано?
4. В чем выразился союз Иоанна III с Болгарским царством, о котором пишет Георгий Акрополит? Подумайте, почему он был для него так важен?
5. При каких обстоятельствах и кем Феодор Комнин Ангел был коронован императором? Как к этому отнесся никейский царь Иоанн III Ватац? Насколько мог быть активен в своих оценках Георгий Акрополит?

¹ В 1224 г.

² В 1227 г.

³ Никейскому императору Иоанну III Дуке Ватацу (1222-1254 гг.).

§ 19. «Возвращение отечества»

Латинская Романия, просуществовав при семи правителях более пятидесяти лет, рухнула в 1261 г. совершенно постыдным образом, почти случайно захваченная за одну ночь горсткой никейских воинов. Недолговечность ее объяснялась политическими, торгово-экономическими, этническими и особенно религиозными проблемами, полнейшим нежеланием латинов понять греческих подданных и пойти им навстречу. Установленный режим оказался косным, нежизнеспособным, лишь углубив отчуждение завоевателей от завоеванных. Восстановление Ромейского царства означало возвращение ромеям Константинополя. Но, как и город, обезлюдевший, бедный, обезображенный пожарами и грабежами, лишь напоминал блестящую «столицу мира», так и сама Византия, понесшая за десятилетия оккупации колоссальный духовный и материальный ущерб, потерявшая половину своей территории, административную машину, армию, боевой флот, не могла воскресить былое могущество и, главное, особое состояние духа. Сединой и неделимой Империей ромеев было покончено. На востоке вызревал враг в лице новых воинственных тюркских племен, а латинский Запад по-прежнему стремился сломить веру и власть уцелевших ромеев, хотя они все еще оставались последним великим восточным бастионом христианства на пути грозного исламского нашествия.

Борьба за наследство

Едва образовавшись, Латинская империя, Эпирское царство, Никейская империя, а также Болгария вступили в ожесточенное соперничество за ромейское наследство – византийские владения на Балканах.

В борьбу оказались втянутыми Сербия, Венгрия, Иконийский султанат сельчуков, даже Сицилийское королевство. В ход шли все средства: вероломство и обман, нарушение торжественных клятв и заключенных договоров, подкуп и шантаж. Браки роднили вчерашних врагов, превращали их в союзников, но и они не гарантировали успех в этой кровопролитной схватке за земли поверженного великана.

Попеременно то Латинская Романия, то Эпирское царство, то Болгария захватывали лидерство на Балканах. Но так же быстро они приходили в упадок и уступали место очередному окрепшему сопернику. Одно лишь успешное Никейское царство постоянно усиливалось и возвышалось над всеми прочими. Судьба благоволила молодому греческому государству, которое имело все основания стать законным наследником Ромейской державы.

В 1225 г. Иоанн III Ватац вдребезги разгромил отправившихся в поход латинов у стен малоазийского городка Пиманион, взяв реванш за катастрофическое поражение, которое здесь больше двух десятков лет назад потерпел от короля Балдуина I его тесть, Феодор I Ласкарис. После этого он начал решительно изгонять католиков из Малой Азии. Теперь уже не грекам, а латинам приходилось отбиваться. В итоге рыцари сумели удержать за собой лишь полосу азиатского берега Босфора напротив Константинополя и соседний город Никомидию с округой.

Спустя пять лет в битве при Клокотнице, достигший пика своего могущества болгарский царь Иван II Асень (1218-1241 гг.) нанес сокрушительное поражение отважному эпирскому царю Феодору Ангелу Комнину, который был взят в плен. Это положило конец его безоглядным, бурным притязаниям на роль восстановителя Ромейского царства. Но в 1241 г. и сама Болгария ослабела и стала данницей монгольской орды, хищные тумены которых, пройдя истерзанную, издыхающую Русь, были готовы обрушиться на ошеломленную, раздираемую противоречиями западную Европу. Их армия была самым совершенным боевым механизмом своего времени, грозной силой, противостоять которой не смогло бы ни одно государство тогдашнего мира. Она же разрушила Сельчукский султанат в Малой Азии, на греческие земли которого в Анатолии устремились подгоняемые монголами разрозненные, немногочисленные, но воинственные тюркские кочевые племена, пытавшиеся сохранить свою независимость.

Латинские государства на Востоке тоже оказались нежизнеспособными. Их раздирали противоречия, а извне давили мусульманские султанаты, в частности, Египет, накопивший огромные богатства и мощь. В итоге в 1244 г. окончательно пало Иерусалимское королевство крестоносцев, вожаемый трофей многих поколений пилигримов Запада.

Тем временем Никейская империя, накопив силы, перешла в решительное наступление. Вступив в родственный союз с болгарским царем Иоанном II Асением, василевс Иоанн III Ватац продолжил изгнание «франков» уже не только из Малой Азии, но и с многострадальных Балкан, которые напоминали бурлящий котел. Император отвоевал Адрианополи, захватил огромную территорию в северной Фракии и Македонии, в 1246 г. при помощи местных жителей занял Фессалонику, а после – часть Эпирского царства. К 1254 г. границы государства простиралась на Балканах от Черного до Адриатического моря. Теснимые непобедимыми монголами, сельчуки поневоле хранили мир с Никеей. Боевой флот Иоанна III – навтикон, хотя и уступал по мастерству итальяскому, господствовал на Геллеспонте, контролируя проливы и эгейские острова.

За годы своего правления талантливый никейский император в два раза увеличил территорию Никейского государства, тогда как обессилевшая изнутри и лишенная лидера Латинская Романия по сути дела свелась к пределам Константинополя. Его защитой оставались только стены и венецианский флот, который препятствовал любому нападению или блокаде. Убогость же правителей дошла до того, что латинский император Балдуин II (1228-1261 гг.) вынужден был заложить венецианским купцам своего единственного сына Филиппа, чтобы получить от них очередной заем.

Феодор II Ласкарис, сын Иоанна Ватаца, унаследовал от отца все достигнутое, но еще более тяжелую форму эпилепсии, которой он тоже страдал. Это оказался противоречивый человек. С одной стороны император-интеллектуал, «богоподобный по мудрости», увлекался науками (его учителем был известный ученый Никифор Влеммид). Он настаивал на том, что «...каковы бы ни были нужды войны и защиты, необходимо находить время на возделывание сада просвещения». Следуя своей разумной заповеди, Феодор II за свою короткую жизнь создал целый ряд литературных, богословских, научных трудов и, окружив себя многочисленными учеными, превратил никейский двор в центр наук. С другой стороны, император был крайне властолюбив, крут, своенравен и неприступен.

Его подозрительность в отношении придворных выливалась в самые жестокие кары, причем даже по нелепым доносам, стоило, к примеру, кому-нибудь «хрюкнуть обвинением в колдовстве». Гневливый и нервный, болезненно возбудимый, он, ради укрепления государства и выгоды для армии, путем конфискации разорил самых знатных людей, бросив их в тюрьмы и ослепив. В то же время он урезал жалованье наемникам-италийцам, затруднил им доступ к царю и тем настроил против себя. Аристократам он вообще не доверял и формировал управленческий аппарат из представителей низших социальных слоев, обязанных верностью императору. Особенно он опирался на небольшую группу чиновников, среди которых были его друзья детства, протовестиарий Георгий Музалон, единственный, кто имел на него влияние, к слову, человек, низкого происхождения, и два его брата, один из которых стал великим domestikом, а другой был возведен в важный, близкий к царю сан *протиеракариса*, начальника над ловчими в соколиной охоте.

Когда в конце лета 1258 г. в возрасте 36 лет Феодор II умер, измученный депрессией и припадками эпилепсии, регентом при его шестилетнем сыне Иоанне IV стал Георгий Музалон, бывшая «правая рука» царя, к которому никейская имперская аристократия питала не только зависть, но и неприкрытую лютую ненависть. Не жаловал его и простой народ, полагавший, что протовестиарий извел царя чародейством. Уже на девятый день, во время поминального богослужения по Феодору в вифинском Сосандрийском монастыре, Музалона, его выскочек-братьев и даже ни в чем не повинного зятя зверски убили прямо в монастырской церкви Богородицы перед алтарем. Ворвавшиеся в монастырь воины, наемники-италийцы изрубили их тела на такие мелкие куски, что, как пишет историк Георгий Пахимер, «...погребатели должны были сложить их в мешок и так положить в гроб».

Регенство и опека царственного малыша перешли в руки любимца этих самых наемников, блестящего, воинственного полководца, великого констабла Михаила Палеолога. Это был небогатый, но способный и авторитетный молодой аристократ, состоявший в родстве с влиятельными аристократическими домами Ангелов и Комнинов. Его жена к тому же была внучатой племянницей Ватаца. При Феодоре он был в немилости, подозревался в предательстве, даже сбежал к сельчукам, но, смирившись и покаявшись, оказался все же прощен царем. Теперь 34-летнему привлекательному, храброму красавцу, не скупившемуся на лестные обещания, пророчили славу спасителя отечества, тем более, что ситуация требовала уверенного, энергичного правителя: с запада грозила целая коалиция латинских врагов Никеи. В лице Михаила Палеолога победу одержала крупная земельная аристократия, недовольная крутой державной политикой Ласкарисов. Таким образом, кровавая драма в Сосандрийском монастыре вылилась в государственный переворот и оказала непосредственное влияние на дальнейшую судьбу Ромейского царства, в некоторой степени даже предопределив его исход.

Впрочем, поначалу у нового политического лидера, провозглашенного сначала великим дуксом, затем деспотом и, наконец, соправителем малолетнего василевса Иоанна IV Ласкариса, несмотря на нестабильную политическую ситуацию в Никее, все складывалось хорошо. По образным словам Никифора Григоры, он «...поплыл к пристани царствования, так сказать, на всех парусах» и, наконец, 1 января 1260 г. был провозглашен василевсом ромеев. Уже до этого, в середине

1259 г. в долине *Пелагония* в западной Македонии объединенные силы скрепленного династическими браками тройственного союза – деспота Эпира Михаила Ангела, короля Сицилии Манфреда, сына покойного Фридриха II Гогенштауфена, и храброго франкского князя пелопоннесской Ахайи были наголову разгромлены сильной армией под командованием опытного севастократора Иоанна Палеолога, брата Михаила Палеолога. Собственно, антиникейская коалиция рассыпалась из-за внутренних раздоров и подозрений еще до начала сражения, а оставшиеся, основательно потрепанные никейцами кавалерийские силы были сметены венгерской тяжелой латной конницей и ураганом из половецких стрел. Уцелевшие рыцари предпочли сдаться и лишь единицы спаслись бегством. Ахайский принц Гийом Виллардуэн, пытавшийся спрятаться в кустах, был взят в плен – его опознали по характерным выступающим вперед зубам. Через некоторое время, желая обрести свободу, он согласился клятвенно признать зависимость от Никейской империи, которая получила три крупнейших стратегически важных крепости на Пелопоннесе (*Мистру*, Ираклеон, портовую Монемвасию – важнейший пункт византийской провинции Мореи) и одну – в Греции (Майну). Победа была почти полной, а когда позже, в 1278 г. талантливый политик Гийом Виллардуэн умер, сил, способных противостоять, а тем более угрожать Никеи, на Балканах более не было. В Малой Азии коммерческая активность возрастала и многие города процветали. Оставалось, казалось, главное – организовать «константинопольскую кампанию», вернуть столицу бывшего Ромейского царства, к которой в духе идеи священной войны стремились продвинуться все соперники, вынужденные при этом сражаться друг с другом и с латинами.

Впрочем, Никита Хониат и Георгий Пахимер писали о наличии среди никейской аристократии мудрых политических сил, не одобрявших подобные устремления своих властей, боявшихся вновь быть втянутыми в европейскую политику и советовавших не торопиться с отвоеванием Константинополя. Они не видели в этом приоритетной цели и не желали перехода столицы под власть ромейских правителей. В духе веяний нового времени сторонники таких взглядов проповедовали преимущество полиархии – многовластия. Будущее покажет, что они действительно окажутся во многом правы в своих предупреждениях об отрицательных последствиях такого шага.

Тем не менее в 1260 г. Михаил Палеолог предпринял еще одну попытку, как ему казалось, совершить прорыв в военно-политической сфере – вернуть Константинополь или хотя бы Галату. Она оказалась неудачной. Удалось отвоевать лишь прилегающие к столице стратегически важные территории и крепость Силимврию.

Очередной шаг был предпринят ранней весной следующего года. Крайне не нуждаясь в помощи флота Генуи против охранявших Латинскую империю и Константинополь кораблей венецианской морской республики, император заключил с генуэзцами – главными соперниками Венеции договор в *Нимфее*, царской резиденции, расположенной недалеко от процветавшего в это время западно-малоазиатского города Смирны. Согласно соглашению, генуэзцы, в случае отвоевания Никеей столицы ромеев, получали те льготы, которыми раньше пользовались венецианцы. Василевс обязывался предоставить им места для сбыта товаров, собственный квартал в Константинополе, право беспошлинной торговли, а также запретить проход в Черное море кораблей иных латинов, особенно

Венеции. Этим историческим соглашением закладывался фундамент будущему торговому верховенству Генуи на Востоке.

Но до использования генуэзских галер для овладения столицей дело не успело дойти. В 1261 г. никейский полководец, родовитый Алексей Стратигопул, один из командующих битвой в Пелагони, ненароком отнял у латинов самый заветный трофей – Константинополь.

Захват города произошел, на первый взгляд, совершенно случайно, как дар Божий – непредвиденно и с ошеломляющей легкостью. Недаром византийские историки не упоминают даже об обычных в подобном случае знамениях. Летом 1261 г., направляясь в греческую Фессалию на разведку против неугомонных эпирцев с небольшим отрядом в 800 человек из ромеев и наемников-степняков, половцев, годных для набегов и засад, ромейский военачальник решил по пути подступить к столице и всего лишь поугадать латинов. К слову, с ними в это время действовало перемирие. На подступах к Городу, от окрестных сельских жителей – телематариев, работавших у латинов по вольному найму, ему стало известно, что главные силы императора Романии на 30 судах венецианского флота, нарушив перемирие, отправились на морскую вылазку для отвоевания и грабежа принадлежавшего никейцам острова Дафнусия у южного побережья Черного моря. Островок был крошечный, но обладал крепостью с портом-убежищем, важными для контроля входа в Босфор. В Константинополе осталась только малочисленная стража. После некоторых колебаний, заручившись содействием все тех же телематариев, Алексей Стратигопул решил занять беззащитный город. В ночь на 21 июля несколько десятков воинов проникли в безмятежно спавшую столицу через подземный ход из загородного монастыря Живоносного Источника Божьей Матери (по другой версии – городские ворота Пиги, которые разблокировали горожане-добровольцы, сбросившие со стены стражников). Дело уже близилось к рассвету, когда остальные военные силы никейцев, главным образом лучники-половцы, наконец вошли в Город, где стали грабить дома итальянцев и вместе с горожанами избивать оставшихся латинов. Последний император Латинской Романии Балдуин II (1228-1261 гг.), разбуженный шумом, криками, сполохами пожаров и пораженный вестью о взятии города ромеями, бежал на венецианском торговом судне, позорно позабыв в спешке даже символы своей власти – царскую шапку-калипитру и меч.

Узнав о случившемся, латины уже на следующий день вернулись из похода, но пришли в ужас: на стенах Константинополя, ключевых оборонительных рубежах они обнаружили врагов, а свои охваченные паникой семьи, полуголые, в разорванной одежде, босые, столпившимися на пристани или попрятавшимися куда угодно, вплоть до канализационных водостоков. Впрочем, на сей раз ромей благоразумно обошлось без резни: чтобы заставить латинов думать только о собственных семьях, а не о контратаке, Алексей Стратигопул приказал поджечь дома итальянцев, из которых они выбегали, «...как пчелы, выкуриваемые дымом». В этой ситуации латинам не оставалось ничего другого, как спасти жен и детей, и забрав их, погрузиться на венецианские корабли. На следующее утро, 25 июля – день Св. Анны, матери Богородицы, они отправились восвояси. Жизненная нить прогнившей, пораженной страхом и финансовой нищетой Латинской империи оборвалась навсегда.

В полден невероятно жаркого, душного дня 15 августа 1261 г. Михаил Палеолог торжественно вступил в древнюю столицу и пешком, по солнцепеку, с непокрытой головой, приняв смиренный вид, «скорее как Христос, нежели как государь», не торопясь, как полагается великому правителю, направился через медленно открывшиеся перед ним знаменитые Золотые ворота до древнего Студийского монастыря на юго-восточной оконечности города, а затем прошествовал в Айя Софию. Впереди василевса несли древнюю чудотворную икону Богоматери Одигитрии – «Путеводительницы», покровительницы Константинополя, казалось, величайшим чудом божественного промысла спасшей его в очередной раз. Неожданный триумф не случайно носил религиозную окрашенность и еще более подчеркивал потрясающий восторг, эйфорию ликования, царившие тогда в византийском обществе. Он вошел в историю как «мегистис еортис» – «величайший праздник», который отныне собирались ежегодно справлять по «эллинскому обычаю». Едва ли кто думал, что это будет последний триумф, который видели прославленные ворота, через которые в течение многих столетий въезжали победоносные императоры ромеев.

«Богоспасаемый Город» вновь стал столицей и символом Империи ромеев, после 57 лет изгнания вернувшейся домой. Патриарх совершил повторную церемонию венчания на царство Михаила Палеолога и его жены Феодоры в Великой церкви – храме Св. Софии. Их сын, трехлетний Андроник II, был провозглашен наследником престола и тем самым был сделан решительный шаг в сторону основания новой династии Палеологов. Все эти торжественные акции символизировали возобновление греческой Романии и формально способствовали укреплению авторитета восставшей к новой жизни императорской власти.

По поводу возвращения «акрополя Вселенной» в Константинополе на радостях устроили торжественное празднество. Народ ликовал от осознания своего единства и принадлежности к богоизбранной Империи, охраняемой Небесными силами. Удачливый полководец Алексей Стратигопул удостоился неслыханных почестей: он был увенчан драгоценным венцом, возведен в достоинство кесаря, которое давалось только родственникам василевса. Более того, его имя должны были в течение года поминать во всех византийских церквях рядом с именем царя.

Правда, посреди всеобщей эйфории вдруг зазвучали недобрые голоса и на горизонт набежали черные тучки – предвестие грядущих бед. Законный василевс, девятилетний соправитель Иоанн IV (1258-1261 гг.), наследник Ласкари-сов, остался в Никее, забытый и брошенный в этой суете. Хуже того, через несколько месяцев, на Рождество, Михаил Палеолог, которому, как пишет Георгий Пахимер, казалась невыносимой «одна корона на двух головах», нарушил торжественное обещание верности – «сжевал страшные клятвы словно овощи» – и приказал кельтам-пелекифорам взять под стражу царевича, «...нежного малыша, не умевшего еще толком ни радоваться, ни огорчаться, мальчика, которому все равно было, властвовать или подчиняться», а затем лишить зрения, водя перед глазами раскаленным железом. Жалкое, словно бездыханное тело перевезли в приморскую крепость Никитиаты на берегу Никомидийского залива Мраморного моря. До конца своих дней – еще 44 года – ослепленный Иоанн будет находиться здесь в заключении, не играя никакой политической роли, по-христиански простит своего палача, примет постриг под именем Иосаф и окажется канонизи-

рован после смерти как святой мученик. Императорский секретарь, прославленный ритор **Михаил Оловол**, за горячее сочувствие судьбе несчастного мальчика и преданность ему был наказан разгневанным царем отрезанием носа и губ, а затем пострижен в монахи. Такая безжалостность шокирует всех его современников, в том числе и собственную семью императора. В Никее объявился лже-Иоанн, а никейские воинственные поселяне-горцы, **трикоккиоты**, даже взялись за оружие и восстание пришлось усмирять. Впоследствии Михаил Палеолог не мог простить себя – «червь совести точил его сердце», и он справедливо считал все беды расплатой за гнусный грех тяжкого злодеяния. Разгневанный Патриарх, суровый аскет Арсений Авториан (1261-1264 гг.), даже отлучил императора-клятвopепреступника от Церкви, хотя в итоге лишился поддержки царя, потерял патриарший трон и угодил в ссылку на остров Проконнис, где до последнего вздоха проклинал Михаила. Будто разгневавшись на вероломство, небо обрушило на землю сильнейший ливень с градом, сотрясаясь ударами грома и блеском молний. Таким образом, начало правления новой династии Палеологов, оказавшейся самой длительной, но последней в истории Ромейского царства, было омрачено жестоким преступлением, наложившим на нее роковое проклятие.

Воскресение

Возрожденная Империя ромеев мало напоминала прежнюю великую централизованную мировую державу. Под ее властью остались лишь часть Фракии и Македонии, Фессалоника с округой, несколько городов на Пелопоннесе, некоторые земли в Малой Азии и острова Эгейского моря – всего 350 000 кв. км и население от 3 до 5,5 млн человек. Небольшое региональное европейское, преимущественно греческое по составу государство. То, что византийский историк Георгий Пахимер в начале XIV в. назвал «возвращением отечества» – *алосис тис патридос*, состоялось формально.

В Малой Азии Михаилу VIII Палеологу принадлежали владения Никейского царства, но его провинциальное население скоро потеряло доверие к императору, правление которого ничем не напоминало времена былого процветания при мудрых Ласкарисах с их полными золота сокровищницами. Еще более важно, что византийские земли полностью так и не воссоединились. Трапезундское царство, с середины XIII в. ставшее выпускать собственные монеты, продолжало упорно цепляться за свою независимость. Север Фракии и Македонии находились в руках болгар и сербов, которые создали свое величие за счет Ромейского царства, готовили военную экспансию и были настроены антивизантийски, что можно понять. В частности, их вражду усиливали попытки возрождавшейся Византии посягать на независимость Болгарской и Сербской Церквей. Латины отстояли области в средней Греции и на Пелопоннесе. Неугомонный Эпир всегда был готов приветить врагов Константинополя, проявлял особую враждебность и не стремился к единению. Можно было вполне ожидать, что непримиримую позицию займет Папа Урбан IV (1261-1264 гг.), который не мог смириться с тем, что Константинополь был потерян для Римской Церкви. Как и многие на Западе, он был заинтересован в существовании Латинской Романии и уже напугал генуэзцев отлучением от Церкви за поддержку ромеев. Один из имеющихся источников утверждает, что получив известие о восшествии Михаила на константинопольский трон, Папа приказал заживо содрать кожу с посланца василев-

са и начал призывать к новому Крестовому походу. На морях господствовал флот италийских городов-республик. Союз этих врагов, даже не всех, а нескольких, мог легко уничтожить достигнутое. Самое главное, большинство греков вовсе не считало василевса своим законным государем, что делало восстановленное Ромейское царство непрочным и предвещало его распад.

Латинское завоевание нанесло серьезный удар по византийской аристократии и ослабило бюрократию с ее многовековым опытом и управленческими традициями. Административная машина безвозвратно потеряла свою мощь. Собственно, дело было не только в этой мощи. Как верно заметила английская византистка Тамара Тальбот Райс, «...даже усилия многочисленных добросовестных и честных людей, которые продолжали служить ей, не могли восстановить веру в администрацию и будущее страны».

Некогда блестящая и роскошная столица ромеев, три раза масштабно горевшая во время событий 1203-1204 гг., представляла собой печальную картину разорения и опустошения, длившихся более полувека. Обезлюдел даже центр города. Население было небольшим и бедным, а торговля находилась в руках генуэзцев, укоренившихся в своем квартале Галата на северном берегу Золотого Рога. Цистерны, виноградники, сады – все было в запустении, стало кладбищем. Произведения искусств, ранее украшавшие «царицу городов», были распроданы и раздарены жалкими латинскими императорами. Ипподром был почти полностью уничтожен, превращен в гигантскую булыжную яму. Даже во Влахернском дворце – бывшей восхитительной императорской резиденции Комнинов стало невозможно жить из-за пропитавших его стены дыма и кухонного чада: повара латинских вельмож готовили для своих господ прямо в палатах. Опаленные огнем чудовищных пожаров, разграбленные и полуразрушенные, стояли остовы оскверненных церквей и монастырей Константинополя. В густонаселенном когда-то городе появились пустыри, поросшие сорняком и заваленные горами почерневшего мусора.

Воистину, первому императору новой Византии, Михаилу VIII Палеологу (1261-1282 гг.), при всех его недюжинных талантах и энергии, досталось тяжелое наследство.

Михаил Палеолог (дословно «Древнеречивый») происходил из старинного рода, известного с середины XI в. В его предках было не менее одиннадцати императоров из трех династий и сам он стал основателем последней славной византийской династии, которая с некоторыми перерывами находилась у власти с 1261 г. по роковую 1453 г. Это был человек действия, опытный полководец, предприимчивый политик, тонкий интриган и способный дипломат. По словам Никифора Григоры, судьба дала ему многое, чтобы превзойти во всем всех своих царственных предшественников, но подобного не случилось по многим причинам.

Первой заботой василевса стало восстановление лежавшего в руинах Константинополя и поднятие благосостояния константинопольцев. Строительство велось с большим размахом, средств для этого не жалели. Отстраивались и заново освящались после поругания латинами церкви, монастыри и другие святыни, важные для укрепления народного духа и для поддержки со стороны церковных кругов. Вероятно, с этими обстоятельствами обновления, возвращения городу святого покровительства и авторитета «очага христианства» связано появление

на монетах Михаила VIII небывалого прежде числа святых персонажей и символов. Перед храмом Св. Апостолов василевс распорядился воздвигнуть колонну со статуей своего покровителя, Св. Михаила, а перед колонной установить еще одну статую, изображающую самого государя с макетом Константинополя в руках.

С былым великолепием отделялись царские дворцы и общественные здания. В короткий срок была восстановлена гордость константинопольцев – легендарная огромная железная цеп, преграждавшая вход в Золотой Рог, отремонтированы, надстроены и укреплены крепостные стены и башни, расчищены глубокие рвы, даже возведена новая стена, опоясавшая Акрополь, которая превратила его во внутригородскую цитадель в соответствии с веяниями опасного времени. Для усиления обороноспособности были призваны на службу легковооруженные отряды лаконцев, считавшиеся самыми лучшими воинами. На случай осады склады были пополнены большим количеством продуктов, фуража, внутри города расположили многочисленные стада коров, насколько возможно в пределах крепостных стен расширили пахотные угодья, благо места для них все еще оставалось достаточно.

В столицу быстро стекалось население, шли потомки и ученики тех мастеров, что бежали отсюда от разгрома 1204 г., возвращалась знать. Вельможам выделялись щедрые выдачи из казны для восстановления их дворцов, отводились участки под сады и виноградники. Всем этим был вызван «строительный бум», мощный взрыв архитектурной активности в столице, хотя преодолеть картину общего запустения, упадка полностью так и не удалось. Золотая дымка славы, как дымка заката, увы, предвещала ночь.

Энергичный император стремился возродить престиж мировой державы, вокруг которой вновь стала бы вращаться политика в Средиземноморье. Забытые идеи универсальной «Богохранимой Империи» вновь были извлечены на свет, что в новых условиях оказалось крайне губительным. Непомерные средства шли на содержание роскошного двора нового царя, разросшийся штат чиновников, раздачи царским приближенным, назойливым просителям, на нужды дипломатии – богатые дары Римским папам и иноземным правителям, отправление и прием послов.

Не скупясь, Михаил Палеолог жаловал своим родственникам и приближенным чины, поместья, сорил деньгами, раздавал дорогие подарки и пожизненные пронии. Особо важно подчеркнуть, что последние теперь были признаны наследственными или, как метко выразился историк Георгий Пахимер, «бессмертными». Столь высокую цену пришлось заплатить за службу и преданность все растущего числа прониаров. Это усугубляло и без того острый экономический кризис на селе, углубляло социальную и имущественную дифференциацию общества, уводило от централизации государства в сторону раздробленности. Землевладельцы осели в своих поместьях, оказались освобождены от уплаты земельного налога. Многие из них получили полный иммунитет и вели богатую частную жизнь посреди всеобщей нищеты, упадка мелких землевладельцев, крестьянства, которые становились их рабочими руками. Приход к власти Палеологов означал победу византийской крупной аристократии, а значит, очередной взлет процессов феодализации.

При все том военное поприще стало считаться непривлекательным. Несмотря на обязательный призыв из поместий, светских и церковных, армия теперь

все более и более пополнялась иностранными наемниками, жалование которых невыносимым бременем ложилось на казну. Давняя традиция, а еще более откуп прониаров от службы и неуклонное сокращение местных людских ресурсов, вынуждали власти идти именно по этому пути. Византийские войска включали тюрков, особенно крещенных – *туркопулов*, половцев, монголов, сербов, болгар, влахов, грузин, алан, албанцев, латинов. Стоит заметить, что теперь, в новых условиях они все хуже и хуже ассимилировались и зачастую сохраняли свой язык, обычаи, верования. При этом численность армии достигала 15-20 тысяч, что было тяжелой ношей по тем временам. Флот, который снаряжала союзная Генуя, насчитывал от 50 до 75 боевых кораблей и также стоил казне немалых денег. Итальянцы ничего не делали бесплатно, тогда как для них бесплатно укрепили их посад в Пере. Поскольку латины доказали на деле, что гавани Золотого Рога слишком уязвимы, василевс, не считаясь с расходами, решил восстановить обмелевший порт Элефтерий на Мраморном море, для чего провел крупные дноуглубительные работы, по словам Георгия Пахимера, «влив туда ртути» – все истребляющей жидкости, окружил гавань большими камнями и запер извне крепкими железными воротами.

Все, что с таким трудом копили рачительные никейские императоры, исчезло в одночасье в «горниле восстановления». Как отмечал современник, Михаил VIII «...боготворил всем, и из большого, прежде накопленного богатства, черпал обеими руками». Деньги расточались на свадебные подарки иностранцам и «на чрезмерные почести чужим народам», к которым снаряжали массу посольств. Поддержка статуса великой державы, ее новые обязанности требовали больше сил и средств, чем те, которыми Ромейское царство реально обладало в то время. Как верно отметил Георгий Острогорский, «...в героической борьбе была отведена позиция, которую однажды уже оказалось невозможным удержать». Как и во времена Мануила Комнина Ромейское царство вновь взвалило на себя непосильное бремя великодержавности, обрело новых врагов на Западе и беспечно забросило восточные рубежи.

Между тем эйфория «возвращения отечества» довольно быстро прошла. Примечательно, что у нас нет данных о праздновании ромеями дня освобождения Константинополя в более позднее время. Объяснение этому нетрудно найти. Финансовое равновесие Империи очень быстро стало весьма неустойчивым. Налоговые поступления в казну сокращались, а некогда полные казнохранилища-сокровищницы бережливых никейских царей быстро опустели после того, как к ним получил доступ первый Палеолог. Чтобы справиться с финансовыми затруднениями, он стал прибегать к крайним мерам: порче монеты, конфискации имущества опальной знати, штрафам, которые взимались с населения по поводу и без всякого повода. Пытаясь девальвировать стоимость монеты, василевс приказал изъять все золото из обращения и переплавить его якобы для того, чтобы отлить новые монеты с изображением Богородицы-защитницы. Народ разоряли также спекуляция хлебом, некомпетентность, а еще более алчность чиновников и сборщиков налогов-практоров. Крестьяне, десятилетиями страдавшие от постоянных войн и грабежей латинов, уходили на земли магнатов и превращались там в париков. В византийской деревне царило запустение и нищета.

Переход международной морской торговли в руки Венеции и Генуи лишил ромейское государство значительных таможенных поступлений. Особенно акти-

визировал этот процесс уже упоминавшийся невыгодный византийцам договор, заключенный с генуэзцами в Нимфее в 1261 г., еще перед отвоеванием Константинополя. Теперь северное предместье ромейской столицы, Пера-Галата, превратилось в официально признанную соглашением генуэзскую колонию со своим портом, а со временем – укреплениями и гарнизоном. Между тем генуэзцы очень скоро потерпели поражение в морском сражении с венецианцами, и разочаровавшийся василевс отказался от услуг генуэзской флотилии, а их погрязшего в интригах с врагами Византии правителя *подеста* вместе с остальными генуэзцами изгнал из Константинополя. Альянс с Генуей, просуществовав лишь три года, распался на непродолжительное время, но избавиться от агрессивно настроенных чужеземных торгашей, все увеличивавшихся в числе, было практически невозможно. Выручала лишь возможность играть на извечном соперничестве между Генуей и Венецией, то расторгая, то заключая соглашения с ними обоими.

Михаил VIII допустил еще одну серьезную ошибку во внешней политике, недооценив восточные – монгольскую и турецкую опасности. Обороноспособность в Азии оказалась подорвана. Эта оплошность очень дорого стоила Ромейскому царству.

Василевс сознательно пренебрег защитой восточных рубежей, считая это делом второстепенным. Главный заслон границы, акритов, он обложил налогами, стал нерегулярно выплачивать им жалованье. Акриты, в свою очередь, начали уклоняться от несения пограничной службы, перебежали к туркам, а порой поднимали восстания. Оборона восточных границ Византии распалась, теперь враги безнаказанно грабили ромейские земли. Мануил попытался заключить союз с монголами Передней Азии, чтобы с их помощью сдерживать соседний Иконийский султанат сельчуков. Однако это озлобило монголов Золотой Орды, которые враждовали с переднеазиатскими монголами хана Хулагу, главой персидской державы Ильханов. Ворвавшись во Фракию в 1264 г., они в союзе с болгарами наголову разгромили ромейскую армию и едва не убили самого василевса. Говорили, что после этого здесь почти невозможно было увидеть ни вола, ни пахаря, а скорее дикого зверя. Чтобы прервать череду опустошительных вторжений, Михаил Палеолог пошел на то, что отдал в жены хану Ногаю, занимавшему тогда господствующее положение в Золотой Орде, свою внебрачную дочь Евфросинию, отправил ему богатые дары и заключил мирный договор. Только благодаря этому союзу с неверным удалось перенаправить грабительские монгольские набеги на болгар и пресечь их враждебные действия против Византии.

При всем том Михаил VIII Палеолог был, безусловно, талантливым воином и дипломатом. В его правление Ромейское царство в последний раз стало значимым участником международных отношений, поскольку средства и возможности, имевшиеся в распоряжении преемников этого недюжинного царя, уже были сильно ограничены. Михаил сражался против княжества Ахейского, отвоевал пелопоннеские Мистру и Монеувасию, которым суждено было стать крупными коммерческими городами. Сражался он и против венецианцев в Эгейском море, отвоевывал города болгарского побережья с грекоговорящим населением, имевшие коммерческое значение в качестве причерноморских центров торговли зерном. Он заключил союз с внуком «потрясателя мира» – Чингисхана, грозным Хулагу, лидером персидских Ильханидов, против Иконийского султана, и с мон-

голами Золотой Орды против Болгарского царства. Он даже добился союза с Бейбарсом, султаном Египта. Его успешная в целом оборонительная политика по освященному веками византийскому обычаю заключалась в том, чтобы использовать друзей, втайне являвшихся «врагами врагов», и таким образом покорить врагов. Его наступательная политика имела целью полное восстановление Ромейского царства в прежних границах, но была успешна лишь отчасти.

Взгляды честолюбивого императора были обращены на Запад. Именно поэтому все силы концентрировались в европейской части Империи. Именно отсюда, с Запада, нависала совершенно очевидная угроза, пытаясь противодействовать которой он вел войны, бесконечные и отчасти бесполезные, с латинскими баронами Пелопоннеса и Аттики, независимыми амбициозными правителями Фессалии и Эпира, которые сильнее всего противодействовали делу воссоединения.

Опасная игра с Западом

Недостаток средств не позволял Михаилу VIII при всех его воинских талантах вести продолжительные, постоянные войны, столь необходимые для государственной безопасности и поддержания идей великодержавности. Разоренная, на грани банкротства страна, окруженная со всех сторон врагами, остро нуждалась в мире.

С собственными Патриархами василевс не ладил и имел от них не столько помощь, сколько епитимии и унижения. Сторонники смещенного Патрараха Арсения Авториана – *арсенаиты* открыто поносили его. Они отвергали всякое вмешательство царя во внутренние дела Церкви и отказывались признавать новых Патрархов. Тяжба с ними, раскол, растянувшиеся на десятилетия, стали печальной приметой эпохи. Арсенаитов массово поддерживали азиатские ромеи, не простившие Михаилу VIII ослепления Иоанна IV и узурпацию трона.

Надо было проявлять большую дипломатическую умелость, чтобы, маневрируя, способствовать возрождению государства, вносить раздоры в ряды врагов, среди которых наибольшую угрозу с 1266 г. стал представлять амбициозный младший брат храброго и набожного французского короля Людовика IX Святого, чрезвычайно умный, холодный, жестокий, не веривший ни Бога, ни в черта Карл, граф Анжуйский и Прованский. Именем покровительствовавшего ему Папы римского он захватил юг Италии и Сицилию и, в союзе с князем Ахейским, герцогом Афинским, Венецией, Сербией и Болгарией покушался на владения Ромейского царства, мечтая не только о реставрации Латинской империи, но о покорении всего мира. Это было тем более опасно, что сбежавший из Константинополя жалкий Балдуин II женил своего сына Филиппа на дочери могущественного графа и в виде брачного подарка изворотливо отдал ему город, которого уже не имел. Желая обрести этот «подарок», Карл Анжуйский даже вступил в переговоры с такими потенциальными союзниками как Венеция, султан сельчуков, князь Армении и монгольский великий хан. Княжество Морей в центре и на юге Пелопоннеса превратилась в главный плацдарм лихорадочно готовившейся военной экспедиции против ромеев. Перед лицом таких грозных объединенных враждебных сил на Западе и на Балканах будущее Ромейского царства представало в мрачном свете. Даже неожиданная гибель флота Карла, в щепки разбитого на редкость свирепой бурей у берегов Сицилии, казалось, лишь отодвигала неизбежное.

Парализовать стремительно надвигавшуюся угрозу можно было только рассчитывая на поддержку Римского папы, которого втайне не могли не начать тре-

вожить столь феноменальные успехи ненасытного Карла Анжуского, слишком быстро лепившего свою империю. Однако Папа не желал признавать греческого императора-еретика, претендовал на верховное руководство единой Церковью и всеми способами добивался подчинения Константинополя Риму. Отсюда отчаянный дипломатический шаг до предела обеспокоенного Михаила Палеолога – примирение с главным, как ему казалось, противником греков – папским престолом. Желая с его помощью установить, наконец, мир с латинским Западом и подорвать агрессивные намерения твердолобого, заносчивого Карла Анжуйского, василевс предложил давнюю приманку византийской политики по отношению к Риму – соблазнительную идею решить все проблемные вопросы путем **унии**, что, еще раз напомним, в переводе с латинского означало «союз, единение» Православной и Католической (Латинской) Церкви. Как дипломат, – возможно, самый блестящий в истории Византии, – он не видел другого выхода для перемены настроения Папы, наставника западных государей, и, тем самым, сохранения безопасности Ромейского царства.

6 июля 1274 г. во Франции, на церковном Соборе в Лионе – бывшем римском Лугдуне трое чудом добравшихся посланцев василевса (один из двух отправленных кораблей вместе со всеми дипломатическими подарками и самими послами утонул во время бури) подписали соответствующий документ с Папой Григорием X, который проявил себя выдержанным, изощренным дипломатом, нашедшим действенные пути давления на Византию. Свершилось, как всем казалось, величайшее событие. Впервые за истекшие 220 лет Восточная и Западная Церкви вступили в тесный и вроде бы неконфликтный контакт друг с другом. Великий логофет Георгий Акрополит от имени Михаила VIII принес присягу на верность латинскому исповеданию, признал католический Символ Веры – Кredo, верховенство Римского пастыря над всем христианским миром, право апелляции на его имя и необходимость провозглашать Папу во время богослужения. Взамен Григорий X пообещал примирить страны Запада с Ромейским царством и оказать ему столь желанную помощь.

Но дальше слов дело не пошло. Мимолетное объединение фактически осталось на бумаге. Ухищрения, к которым прибег василевс, не оправдали всех его надежд. Правда, Михаил VIII получил кое-какие политические выгоды, которые действительно помогли защитить Ромейское царство от завоевательных планов Запада. С благословения Папы удалось очистить многие эгейские острова и Пелопоннес от оставшихся там латинов, чему помог союз с Генуэзской республикой и католическим Арагоном, мощным феодальным королевством Пиренейского полуострова, и с их помощью, а также с помощью интриг и золота сдерживать напор самого могущественного государя Европы – Карла Анжуйского. Тот лишился морального оправдания для запланированных им военных действий против Империи ромеев и реставрации власти франков на Востоке. Кусая в бешенстве свой скипетр, он вынужден был смириться перед запретом Папы нападать на греков.

К сожалению, цена достигнутого василевсом путем блестящего дипломатического хода оказалась слишком велика. Подлинного примирения между Ромейским царством и католическими странами достичь так и не удалось. Не мусульмане, а христиане-католики, латины оставались на тот момент самыми злейшими врагами православных христиан. Не затухавшие военные действия на Балканах, в западной Греции и на островах эгейского Архипелага вспыхнули

с новой силой. Страна сепаратистки настроенных греческих магнатов, Фессалия, особенно активно продолжала сопротивляться объединительным устремлениям византийского царя. Самое главное, навязанная василевсом Лионская уния не прекратила полемику внутри Церкви, надолго расколола ромеев на враждующие лагеря, привела к распрям, более того, к бурной смуте, ослабила византийское общество, ожидавшее теперь неминуемого наказания Небес за совершенный царем-предателем тяжкий грех. Патриарх Иосиф I Галисиот (1267-1275 гг.) в ярости отказался утвердить дионский документ, за что немедленно впал в немилость государя и вскоре был смещен. Большинство православного духовенства, особенно рядовые священники, а также монашество не признали оскорбительного соглашения. Всего лишь через тринадцать лет свободы они не хотели снова надевать ярмо франков в каком бы то ни было виде, отказывались провозглашать Римского папу в храмах и тем более изменять освященный веками порядок греческого богослужения и обрядов. Против церковного единства с грубыми, неотесанными, презренными западными варварами-еретиками, – а именно так привыкли в Византии воспринимать латинов, – выступала большая часть верующих, которые не забыли, не простили осквернения церковей крестоносцами и насилий над женщинами, стариками и детьми. С крайним недоверием к униатской идее отнеслось мелкое ремесленное и торговое население ромейских городов, интересы которого ущемляли предприимчивые, эгоистичные итальянские купцы, а также византийские крестьяне, хорошо помнившие тяжелые времена унизительного латинского господства, истоптавшего душу народа. Михаил Палеолог явно недооценил характер и настроения своих православных подданных.

Тем не менее новый Патриарх Иоанн XI Векк (1275-1282 гг.), бывший хартофилак, ловкий и многосторонне одаренный человек, стал активно выступать ярым приверженцем Лионской унии, чем возбудил к себе всеобщую ненависть. Его поддерживала лишь близкая к царю придворная знать, чиновничество, высшие православные иерархи, часть рафинированной византийской интеллигенции, а также те купцы, что вели прибыльную для них торговлю с Западом. Но голос врагов унии – арсенайтов звучал все громче, сторонники Векка могли держаться только за счет репрессий, которые василевс-униат обрушивал и на виновных, и на невинных.

*Вскоре дискуссии и столкновения перенесли на улицы, площади и рынки Константинополя. Раздоры накалили страсти до предела. «Отчуждение простирали до того, – вспоминал Георгий Пахимер, – что не хотели ни из одной посуды пить, ни вместе разговаривать». В городе, наподобие антиправительственных «листовок», множились, распространялись памфлеты и пасквили, порочащие василевса-отступника и его приближенных. Новый литературный жанр получил название **василография**. Раздраженный, царь в огромных количествах собирал доносы, так называемые просангелиаис на противников Лионской унии, преследовал и самым жестоким образом наказывал недовольных – клириков и мирян, бедняков и вельмож. Причем монарх не щадил даже собственных друзей и ближайших родственников, членов семьи из числа тех, кто не разделял его точку зрения. В связи с этим к своей дочери, болгарской царице Марии вынуждена была уехать даже любимая сестра Михаила, Ирина, в монашестве – Евлогия, решительная противница унии, которая стала плести интриги против василевса при болгарском дво-*

ре. Становившийся все более неискренним и подозрительным, государь сеял террор, боясь за свою власть. Историк Георгий Пахимер записал: «Иступленный дикими мыслями и подозрениями, он производил ужасы». Обещания, на которые прежде был столь щедр василевс, теперь оказались напрочь забыты. Его двуличная политика, — не меняя вероисповедания хитрить и заигрывать с папскими легатами, — помогла выиграть время, укрепить положение Ромейского царства, но бесконечно так продолжаться не могло. Папа больше не верил обещаниям и требовал дальнейших реальных, конкретных уступок Риму в вопросах веры. Следует также учесть, что православные Болгария и Сербия нашли в случившемся прекрасное религиозное оправдание для войны с Михаилом VIII Палеологом. Чтобы сдержать их, он вынужден был в очередной раз пригласить на помощь монголов, стремительное вторжение которых нанесло болгарам непоправимый, роковой урон.

В скором времени стало ясно, что объединение Латинской и Греческой Церкви не состоялось. В 1281 г. византийцы и латины, рыцари Карла Анжуйского, презревшего запрет Папы поднимать меч против христиан Константинополя, сошлись на севере Балкан, у византийской крепости Берат в ожесточенной битве, которой Михаил Палеолог постарался придать характер «священной войны», понимая, что в случае поражения возможно вновь восстановление Латинской Романии. Во всех церквях ромеи молили о победе и она пришла, в очередной раз спасая Ромейское царство. Но уже через год Папа римский Мартин IV, француз по происхождению, слепое орудие в руках Карла Анжуйского, отлучил василевса от Церкви и предал его анафеме как схизматика, главного виновника фактического разрыва Лионской унии, государя, не сумевшего сдержать клятвенного слова, данного на Соборе. Все жертвы, принесенные несчастным императором ромеев, два десятка лет кропотливой работы по примирения Рима и Константинополя были сведены на нет, а Ромейское царство брошено в одиночестве перед лицом его врагов.

Не помогло даже то, что весной 1282 г. на Сицилии, где собирался огромный десантный флот анжуйцев против Константинополя, неожиданно вспыхнуло кровавое антифранцузское народное восстание, известное как «Сицилийская вечерня»: оно началось в Палермо, когда в пасхальный понедельник колокола звали к вечерней церковной службе. Ненавистные анжуйцы были перебиты и изгнаны с помощью сил короля Арагона Петра III. Субсидируемый потоком византийского золота, он нанес Карлу Анжуйскому спасительный для Ромейского царства удар в спину, после которого тот умер через три года сломленным человеком. Тем не менее с юга Италии анжуйцы не убралась и вступили в продолжительные, изнурительные войны с королевским домом Арагона и византийцами.

Ромеи не простят своему царю унию, предательство величайшей святыни — веры отцов, тюрьмы и казни. Отступник скончается в 58 лет от скорой тяжелой болезни во время очередного похода в Эпир против непокорных латинов, но сын и наследник, Андроник не решится везти тело отца (восстановителя Ромейского царства!) для захоронения в столицу, вполне справедливо опасаясь беспорядков. Прах императора, который в глазах православных и католиков умер еретиком, проклятым Патрархом и Папой, без церемоний будет погребен в крипте кириакона фракийской Силимврии. Он так и не будет перенесен в спасенную им столицу — ромеи утверждали, что земля не принимала его и труп лежал в гробу черный и раздувшийся.

Реакция не замедлила последовать. В правление сына Михаила, кроткого и очень набожного Андроника II Палеолога (1282-1328 гг.) противники унии были возвращены из ссылок и превозносились как мученики за Православие. Свобода Восточной Церкви больше не ущемлялась, влияние ее и особенно монашества выросло. Византийские обители и материально, и духовно вступили в свой золотой век. Иоанн XI Векк, главный поборник церковного единства греков и латинов, удалился в монастырь и отрекся от патриаршества. Тяжелый духовный кризис с виду был вроде бы преодолен. Константинопольский патриархат остался центром православного мира. Но и сменившие друг друга четыре последующих Патриарха (с 1282 по 1303 гг.) не смогли восстановить мир в Греческой Церкви. Один из них, Григорий Кипрский (1283-1289 гг.), светский человек, едва ли не силой втащенный Андроником II на патриарший трон, с горечью вспоминал в своей автобиографии: «...каждый предпочитал собственные удовольствия и почести божественной пользе, Церковь исполнилась смятения и бесчинств, управлять и распоряжаться там нравилось всем, а подчиняться канонам – никому, так что подтвердилась правота Платона: не каждому полезна свобода». Едва возродившись, Ромейское царство, несмотря на виртуозную дипломатию, входило в XIV в. в ухудшившихся внешних обстоятельствах, в предчувствии тяжелых испытаний, растеряв былые надежды.

Рождение османов

Во внешней политике Андроник II тоже поменял ориентацию отца и вовсе перешел к глухой обороне. Военных способностей он не имел, полководцам не доверял, поэтому грохоту сражений этот высокообразованный император предпочитал занятия финансами, литературой, а высшие государственные посты, места советников предоставлял людям сугубо гражданским. В их числе можно было найти таких знаменитых ученых-энциклопедистов, людей высоких интеллектуальных способностей как *Никифор Хумн*, *Феодор Метохит* и *Никифор Григора*. При них Константинополь, несмотря на политический упадок, все же еще удерживал позиции интеллектуального центра мира.

Пустая казна и не менее пустая надежда на выгодное использование кораблей итальянцев заставила василевса принять самоубийственное решение – в 1284 г. распустить с таким трудом восстановленный и требовавший наибольших расходов византийский боевой флот – навиткон, сведя его до двух десятков судов. Это еще более упрочило и без того крепкое положение итальянских купцов в Византии, увеличило зависимость ромеев от военно-морской мощи их держав и вынудило пойти на привязку номисмы к итальянскому *гроццо* – «доброй золотой монете» (*la buono moneta d'oro*), что означало окончательную утрату международного авторитета и значения ромейской золотой монеты. Тогда же начался переход на серебряные номиналы, которые, правда, еще производили на высочайшем уровне. *Василикон*, введенный Андроником II, был создан по образцу венецианского серебряного *дукама*. Предпринятая мера отчасти помогла на время восстановить контроль над хозяйством и финансами, но эти успехи скоро были сведены на нет своекорыстием чиновников, высокородных вельмож, междоусобицами и необходимостью платить соседним державам за мир. Кроме того, свертывание ромейского флота немедленно активизировало пиратство, а добытых с помощью роста налогов и экономии денег все равно не хватило на содержание сухопутных войск.

Был введен даже новый налог – **ситокрифон**, но он взыскивался с крестьян натурой, частью от урожая зерна, и денег государству не приносил. Поэтому ежегодный доход от налоговых поступлений едва достигал миллиона иперпиров, при том, что эта монета обладала лишь половиной своей прежней золотой ценности.

Тогда василевс принял еще одно скоропалительное, роковое, по сути дела, самоубийственное решение – перестал заниматься организацией собственной армии, радикально уменьшив ее до трех тысяч каваллариев и сократив до минимума расходы на содержание наемников, которых теперь набирали не из закаленных профессионалов, а из случайных бродяг и беженцев. Они были дешевы, но не имели ни дисциплины, ни опыта. Кроме этих наемников полевая армия формировалась за счет все новых получателей прони, тогда как провинциальные гарнизоны с трудом обеспечивали себя в основном за счет казенных льгот. По мнению современников, такие вооруженные силы «были смехотворны». Защититься от врага силою оружия стало невозможно.

Между тем правление Андроника II оказалось отмечено новыми испытаниями для незащищенного Ромейского царства. Со своей женой, оборотистой итальянкой Иоландой (в Крещении Ириной) Монферратской, которая уехала жить в Фессалонику, царь не ладил, а она активно интриговала и устраивала своих сыновей: Феодор оказался правителем Монферрата в Италии, Димитрия же мог ждать сербский престол, поскольку старый король Милутин не мог иметь детей от своей, мягко говоря, слишком «юной» жены Симониды, сестры Димитрия. Он радушно принял принца, но тот, по словам Никифора Григоры, «всеми фибрами души возненавидел эту дикую неприятную страну» и вскоре сбежал из тяготившей его Сербии. Хороший шанс наладить отношения с опасным соседом был упущен. Кроме того, очередное болгарское нашествие лишило ромеев западно-черноморских портов, а монахи-рыцари Св. Иоанна – **госпитальеры** захватили богатый Родос.

И это в то время, когда на Востоке начал крепнуть пока неприметный, очередной враг – кочевые туркмены (тюрки-огузы) из рода Османов, под нажимом непобедимых монголов вынужденные со своей ордой уйти за тысячи километров из родного среднеазиатского Хорасана. Надеясь покончить с зависимостью от монгольского государства ильханов, они, с разрешения разгромленных и ослабленных теми же монголами сельчуков Иконийского султаната, поселились у самой византийской границы на полноводной малоазийской реке Сангарий, немногим более чем в ста километрах от Константинополя. Перед ними лежала вся богатейшая Вифиния, но поначалу турок было немного – несколько сот кибиток и они вовсе не казались страшными. Неотесанные вояки, обитавшие среди палаток и дыма костров, они правили, не слезая с седел, вместо подписи ставили отпечаток большого пальца, и их «великая история» явилась плодом позднейшего мифотворчества. Располагая мало-мальски исправной армией продвижение этих жадных до свободных территорий кочевых искателей приключений можно было остановить, если бы взяты за это вовремя.

*Формирование нового государственного образования – османского княжества – **бейлика** началось во второй половине XIII в. В 1258 г. монголы уничтожили Багдад. По легенде, они закатали халифа в ковер и в знак уважения предали почетной казни без пролития крови, затоптав копытами коней. Легендарный, сказочный город был разграблен, а в реку выбросили*

столько рукописных книг, что вода в ней стала цвета чернил. Вскоре султан сельчуков, страдая от сокрушительного натиска беспощадных монголов, громивших его государство, пожаловал пограничную с ромеями область – удж на северо-западе Анатолика вождю огузского кочевого племени кайы, Эрторгулу. Это было обычной практикой того тревожного времени, выплеснувшего к византийско-сельчукской границе в Малой Азии, – этому своеобразному «дикому западу», – массу людей, озабоченных поиском земли и добычи. Воспользовавшись дальнейшим ослаблением Иконийского султана сельчуков, сын Эрторгула, энергичный и очень жестокий **бей Осман I Гази** (1288–1326 гг.), стал вести себя достаточно свободно, дерзко и перешел к практике регулярных набегов на византийскую территорию, система обороны которой пришла в упадок. Более того, в 1302 г. он впервые наголову разбил ромейское императорское войско, – это случилось при Магнисии из-за предательства войска аланов, составлявших ядро ромейской армии, – и основал новую династию турецких султанов, потомкам которых будет суждено захватить вожделенный, снившийся им в вещих снах, драгоценный Константинополь, потрясти мир, создать гигантскую Османскую империю и править до 1923 г. Объединенные под началом Османа Гази соплеменники и другие пришлые воинственные племена, заповнившие к началу XIV столетия почти всю Малую Азию, освободились от подчинения Сельчукидам и получили название османлы – османцы, турки–османы. Как гази – воины веры, они соединили агрессивное кочевничество с воинственным исламом, были спаяны мусульманством, идеей исламского джихада – священной войны против неверных, имели своих мудрецов суфиев, знатоков ислама, и своеобразное «монашество» – **дервишей**, которые объединялись в ордена. Их сильной стороной стало стремление построить собственное независимое государство, которое, основываясь на мусульманской вере, в то же время объединяло бы людей всех народностей и вероисповеданий.

Небольшое государство османов вместе с другими тюркскими владениями, или эмиратами, стало, подобно раковой опухоли на теле Византии, довольно быстро разрастаться, превратившись в постоянную и страшную угрозу. В свою очередь, еще недостаточно окрепшие османы видели в Ромейском царстве угрозу для себя и своих завоеваний, понимая, что они окажутся в безопасности только полностью уничтожив своего соперника и его прославленную столицу. Соперничество между обеими силами привело к тому, что уже к концу первой трети XIV в. почти весь огромный полуостров Малая Азия, прежде представлявший собой становой хребет Империи, был потерян ромеями навсегда (Карта 7). За ними остались лишь считанное число изолированных портов, таких как Ания, Фокия и Смирна на Эгейском побережье и Ираклия Понтийская на южном побережье Черного моря, и отдельные «точки на карте», утесами высившиеся в половодье турецкого завоевания, – малоазийские города Никея, Никомидия, Пруса (Бруса), Эфес, Сарды, Магнисия, Филадельфия, которые турки захватывали по мере необходимости. Ветшавших укреплений и таявших скудных ресурсов Ромейского царства явно не хватало для организации более или менее эффективной обороны. Создавалось впечатление, что его размеры уменьшались с каждым днем, подобно карте, сворачивающейся с краев. Огромная голова – Константинополь покоилась теперь на крошечном, хилом, беспомощном теле.

Активные, предприимчивые османлы – османы, пассионарная энергия которых была ключом, учились в буквальном смысле «на копытах», усваивая ромейские технологии, правила дипломатии и тактику с исключительной быстротой. Они провели военные преобразования, которые укрепили боеспособность их армии. К пехотному ополчению так называемых азебов было добавлено пешее регулярное войско («яя» или «йайа») и конница («мюселлем»), которая вербовалась среди кочевников – лихих наездников. Самое главное, каждый воин за свою службу получал от султана *тимар* или *зеамет* – доходное земельное владение, село или сёла, на условии выполнения службы и, следовательно, был заинтересован в новых и новых захватах. В свою очередь, мощь султана зависела от увеличения числа *тимариотов* и их богатств, возможности платить налоги в казну и содержать своих воинов, даже латников. Именно этим вполне прозаическим обстоятельством объясняется разбойничья политика агрессивного османского государства, стремившегося в ходе джихада поглотить Ромейское царство, другие страны Средиземноморья и стать мощной державой, грабительской империей.

«Каталонская компания» В XIV в. византийская армия стала представлять все более пеструю картину. В ее состав входили крестьянские провинциальные ополчения, служившие на основе освобождения от налогов, «союзники» из соседних стран – сербы, болгары, аланы, половцы-куманы, а также прочие иностранцы, получавшие землю за военную службу, наконец, те, кому были пожалованы пронии. Но против двойного натиска – с Востока и Балкан собственных урезанных сил не хватало и отчаявшийся Андроник II решил нанять на Сицилии крупный иноземный воинский контингент – самостоятельный корпус каталонцев – тяжелых пехотинцев и сицилийских рыцарей под предводительством кондотьера¹, славного тамплиера Рожера де Флора, который предложил императору ромеев свои, разумеется, платные услуги в борьбе против все более наглевших турок. Так начала отсчет действий «каталонская компания», принесящая византийцам не ожидаемое спасение, а неисчислимые бедствия и еще большее разорение.

Немец по происхождению, сын сокольничего Фридриха II Гогенштауфена, Рожер свою подлинную фамилию Блюм переделал на испанский манер – де Флор. Тицеславный авантюрист, в молодости промышлявший откровенным пиратством, Рожер де Флор несомненно обладал организаторскими и полководческими способностями. Его неординарной личности особый романтизм добавляла принадлежность к рыцарям Храма – прославленного, скандально богатого ордена тамплиеров, созданного во время Крестовых походов для защиты пилигримов.

Разношерстное войско де Флора состояло из корсаров, пиратствовавших в Средиземном море, разноплеменных банд наемников и просто лихого сброда, искателей приключений и легкой наживы. Но ядро компании составляла спаянная железной дисциплиной каталонская тяжелая пехота, – знаменитые альмугавары, которые славились высочайшими профессиональными боевыми качествами. Они служили королю Сицилии Федерико Арагонскому,

¹ Кондотьеры (от итальянского «кондотта» – договор или наемная плата) – в Италии и Сицилии XIV–XVI вв. представители военных отрядов, нанимавшихся на службу к городам – коммуна и государям.

который не знал как отделаться от них. Дело в том, что к моменту столь удачно подвернувшегося приглашения на службу к византийцам каталонцы остались не у дел, без заработка после окончания войны на юге Италии между французами-анжуйцами и арагонцами с Пиренейского полуострова, и искали, где бы приложить свои силы.

В сентябре 1302 г. около двух с половиной тысяч испанских наемников на 36 сицилийских и генуэзских кораблях прибыли в Константинополь, прихватив с собой своих многочисленных любовниц, жен и детей, так что общее число этой беспокойной, шумной компании оказалось приблизительно в три раза больше. Надеявшийся на лучшее, не отличавшийся смелостью, добряк Андроник II, пойдя на значительные расходы, с великой готовностью сразу заплатил им за четыре месяца вперед, назначил Рожера де Флора мегадукой, то есть главным адмиралом и в качестве «десерта» отдал ему в жены свою 16-летнюю племянницу, Марию, дочь Иоанна Асеня III Болгарского (1279-1280 гг.), справив пышную свадьбу. Согласно договору, каталонцам было обещано весьма выгодное высокое жалованье по двойному тарифу.

Вскоре небольшое, но опытное испанское войско пересекло Мраморное море и высадилось в Малой Азии около Кизика, а затем направилось к осажденной османами Филадельфии. Компания начала победоносный марш, нанося одно за другим сокрушительные поражения ошеломленным туркам, которые попросту еще не располагали значительными силами. Неся огромные потери, обескровленные отряды османов откатывались от западномалоазийских центров в глубь полуострова.

Ромеев охватило ликование, но, как оказалось, преждевременно. В скором времени выяснилось, что каталонцы при всех их ценных боевых качествах никакие не освободители, а обычные жестокие, властные, высокомерные завоеватели, которые не различают ни христиан, ни мусульман и убивают всех подряд, невзирая на пол и возраст. Их главной целью являлось обогащение за счет византийцев, которых они воспринимали как отколовшихся от истинной Латинской Церкви схизматиков, извращающих христианское учение. Василевс необдуманно дал волю злой силе, которую невозможно было контролировать. Испанские наемники безбожно грабили как на суше, так и на море, облагали поборами в свою пользу местное греческое население, которое отвечало им все возрастающей враждебностью, иногда даже удачными нападениями на каталонские гарнизоны. За первый год такой «службы» они уже получили из царской казны колоссальную сумму денег – 100 тысяч золотых! Теперь распаленные участники компании, ряды которой осенью 1304 г. пополнило новое наемное войско во главе с кондотьером Беренгарием д'Эстнеце, стали требовали от Андроника II уплаты еще 300 тысяч золотых «жалованья», которые тот задерживал по причине пустой казны, и сваливали на это причину своих дерзких бесчинств, нагло утверждая будто они и их семьи голодают. Ромейским властям приходилось отказывать в плате своим собственным войскам, пускать в переплавку ценную церковную утварь, к ущербу собственной экономики еще пуще портить, обесценивать иперпир, чтобы покрыть недостаток в монете. Кроме того, пират по духу, латинянин Рожер де Флор дал ясно понять василевсу, что самостоятельно принимает решения и никому не должен отдавать захваченные огромные земли на юге и западе Малой Азии. Он не собирался беззаветно сражаться за Ромейское царство и пи-

тал вовсе не пустые надежды на создание своего собственного королевства, тем более, что сумел добиться от василевса пожалования сана кесаря – второго по старшинству после императора ромеев, доселе не жаловавшегося иностранцам.

С помощью золота и соблазнительных, заманчивых посулов обуреваемому страхом Андронику II все же удалось выманить и переправить алчных пришельцев во Фракию, где назревала опасность со стороны Болгарии. В апреле 1305 г. ненавистный ромеям кесарь Рожер вместе с сопровождавшими его каталонцами, с почетом прибывшими в Адрианополь для переговоров, были перебиты в военной ставке заведовавшего армейскими делами Михаила IX, сына и соправителя Андроника, который таким традиционным коварным способом рассчитывал избавиться от ставших обузой «спасителей». Убийство, скорее всего, заказное или такое, которому никто не препятствовал, случилось у входа в царский шатер, где некий сын вождя алан зарезал кондотьера, мстя за гибель своего отца, а остальную свиту перебил ворвавшийся на пир, до зубов вооруженный отряд пьяных аланских наемников. Это привело к катастрофе.

Узнав о гибели в лагере Михаила своего предводителя, возмущенные альмугавары стали мстить за его смерть, объявив полномасштабную войну своему нанимателю, насилуя, грабя и уничтожая все населенные пункты на пути к Константинополю. Правда, на море их эскадру удалось остановить с помощью союзного ромеям генуэзского флота, но воинственные наемники не растеряли боевого духа и стали действовать на суше с еще большим остервенением.

В 1307 г. они разгромили малочисленное, нестройное, хотя и усиленное турками и аланами византийское войско. Отважно сражавшийся, но неудачливый наследник престола Михаил IX, раненный, едва спасся бегством во фракийскую крепость Дидимотику, а каталонцы, получив подкрепление с родины и из Арагона, наняв в помощь турок, еще два года бесчинствовали, безжалостно грабили земли южной Фракии, по сути дела, пригороды Константинополя, не менее страшно опустошили Македонию, не пощадили даже знаменитые монастыри Афона, а потом яростно обрушились на плодородную Фессалию в средней Греции, сея ужас среди местного сельского населения. Истребление испанской торговой колонии в Константинополе и арест товаров и торговцев на каталонских кораблях в византийских портах по приказу василевса Андроника II явились слабыми ответными мерами и никоим образом не поправили положение. Критическую, кризисную ситуацию еще более ухудшило то, что болгарский царь, воспользовавшись отчаянным положением Ромейского царства, овладел несколькими важными, опорными ромейскими городами-крепостями на побережье Черного моря, которые пришлось признать за ним по мирному договору. Антивизантийские настроения Запада во всю подогревал зависимый от политики французского короля, бывший архиепископ Бордо, Папа Климент V, вновь подвергший ромейского императора анафеме.

Положиться было не на кого, предавали даже собственные магнаты. Так, Иоанн Мономах, наместник Фессалоники – второго по богатству и значению византийского города Ромейского царства, заявил, что готов признать своим повелителем брата знаменитого жестокого «железного короля» Филиппа IV Красивого (1285–1314 гг.), французского принца Карла Валуа, тоже тянувшегося к императорскому венцу Константинополя. Наиболее могущественные знатные семьи Фессалии стремились обособиться и основать свои собственные удельные владения.

В 1308 г. каталонцы принесли вассальную клятву Карлу Валуа, но в дальнейшем, в 1310 г., нисколько не считаясь с амбициозными планами своего очередного сюзерена, поступили на службу к французскому герцогу Афин, а вскоре, верные своей необязательности, обратили оружие и против него. Весной 1311 г., на греческой реке Кефис, близ Копайдского озера в Беотии они нанесли сокрушительное поражение численно превосходящему войску Афино-Фиванского герцога Вальтера де Бриена и убили его. К негодованию Папы римского здешнее франкское государство пало, а вместе с ним рухнуло навсегда и франкское господство. Но ромеи не выиграли и от этого. В центральной Греции возникло каталонское Афинское герцогство со столицей городом Неопатры (Новые Патры), которое вскоре стало вассалом Сицилийского, а потом Неополитанского королевств. Власть коварных каталонцев на этой территории сохранялась 77 лет, а сами они на века остались в бранных словах и легендах греков как некие дикари, разбойники, преступники. В их лице Ромейское царство получило жестокий удар, на долгие годы приобрело еще одного опасного и беспокойного соседа, хотя, если бы эта весьма опытная в военном деле кучка авантюристов с крайнего Запада соблюдала условия соглашения с Андроником II, она могли бы спасти ромеев и изменить всю будущую историю. Кроме того, случившееся показало, что в борьбе за свое самосохранение византийцы становятся все более зависимыми от иностранных военных частей. Трагедия заключалась в том, что у них не было иного выхода.

?

1. Какие страны принимали участие в борьбе за византийское наследство в XIII в.?
2. Почему именно Никейская империя стала бесспорным лидером на Балканах?
3. Что случилось в Никее после смерти Феодора II Ласкариса и можно ли это оценить как аристократический переворот?
4. Почему часть византийского общества не считала возвращение бывшей столицы Империи ромеев первоочередной задачей?
5. Какой аналогичный договор и с кем напоминает соглашение в Нимфее?
6. Только ли случай помог ромеям захватить Константинополь в 1261 г.?
7. Выиграла ли Византия от возврата своей столицы?
8. Какие территории потеряло восстановленное Ромейское царство? Оцените ущерб.
9. Почему государственная казна так быстро опустела при Михаиле VIII Палеологе? Была ли в этом его вина?
10. В чем была схожесть политики Михаила VIII Палеолога с политикой Мануила Комнина? О чем это говорит?
11. Какие серьезные просчеты допустил Михаил VIII в своей политике, и чем это угрожало Ромейскому царству? В чем вы видите причины упадка византийского государства?
12. Вспомните причины заключения Лионской унии 1274 г.
13. Почему большинство ромеев отвергло унию 1274 г.?
14. Как вы думаете, какими аргументами могли пользоваться сторонники и противники Лионской унии?

15. Что было бы с Ромейским царством, если бы Михаил VIII Палеолог не сорвал захватнические планы Карла Анжуйского?
16. Вспомните, каковы были размеры ежегодных доходов византийского государства в раннее средневековье и сравните их с такими же доходами при Андронике II Палеологе. Насколько обеднела Византия?
17. Когда, почему и где появились турки-османы в Малой Азии?
18. Чем можно объяснить быстрый рост могущества турок-османов?
19. С чем была связана «каталонская компания» и почему император ромеев не искал помощи у себя в стране?
20. В чем заключались причины удивительных успехов каталонских авантюристов и в Малой Азии, и на Балканах?
21. Какие результаты имели приключения каталонцев для Ромейского царства? В чем оно проиграло, а в чем выиграло?

Внимание, источник!

Из «Хроники синграфа» великого логофета Георгия Акрополита (ок. 1217-1282 гг.) об отобрании у латинов Константинополя в 1261 г.

85. Между тем император¹, давши несколько войска Стратигопулу Алексею, кесарю, послал его на запад, с тем, чтобы он вместе с бывшими там ромеями вступил в сражение с неприятелями, поручивши ему между прочим мимоходом, так как дорога лежала неподалеку от Константинополя, сделать нападение на этот город и подвинуть свой отряд до самых его ворот, чтобы напугать находившихся здесь латинов [...]. Между тем кесарь Алексей Стратигопул нечаянно ночью подошел к Константинополю. А так как он имел при себе несколько таких людей, которые по разным причинам удалились раньше из Константинополя и до подробностей знали этот город, то он, расспрашивая их, узнал, что в стенах города есть один проход, которым может пройти внутрь города вооруженный воин, – и без всяких отлагательств приступил к делу. Этим проходом сперва вошел один, за ним другой, третий, и так далее до пятнадцати, а скоро того взойшли и многие другие [...]. Таким образом кесарь Стратигопул и все бывшие с ним ромеи и скифы² (потому что в войске его были и они) очутились в городе. Быв поражены неожиданностью совершавшегося события, бывшие в городе (латины) стали заботиться каждый, как только могли, о своем лишь спасении [...].

86. Император жил тогда в Метеории³, как вдруг ночью разнеслась молва о взятии Константинополя между многими. Молва эта вышла от одного служителя родной сестры императора, Ирины, переименованной в монашестве Евлогией, прибывшего из окрестностей Византии; – он по дороге узнал, что Константинополь взят ромейскими войсками. Сестра императора как можно скорее отправилась к императору и нашла его погруженным в сон, тихонько толкнула его рукой и громким голосом проговорила: «Государь! Ты взял Константинополь! Христос даровал тебе Константинополь!».

¹ Михаил Палеолог, пока еще император Никейской державы.

² Имеются ввиду половецкие и монгольские наемники.

³ Замок Палеологов в Нимфее.

**Из написанной в 1308 г. «Истории о Михаиле и Андронике Палеологе»
Георгия Пахимера (1242 – ок. 1310 гг.)
об освобождении Константинополя от латинов в 1261 г.**

II. 26. [...] вверил он (царь Михаил Палеолог) войско скифское, с небольшим числом других воинов, кесарю Алексею и послал его к пределам Фракии с тем, чтобы он, сколько можно лучше устроил дела в Орестиаде. В то время болгары не хотели жить мирно и питали вражду и ненависть, особенно к царю [...]. Итак, кесарю было приказано остановиться в пределах Фракии и показывать угрожающий вид городу¹, главным же образом грозить мечом италийцам, ничего, однако же, не делая, потому что у него мало было войска. [...] подступив к городу и поставив в предместьях его палатки, он тайно призывал к себе тамошних горожан, кто повиднее, и открывал им свои мысли, питая в них высокие надежды, если они будут содействовать. Призванные говорили ему, что теперь самое благоприятное время напасть на город, потому что весь стоявший у города италийский флот отправился для взятия острова Дафнусия, и вот, к прискорбию италийцев, находится там уже весьма много дней; в городе же остались только народ и самые неопытные из воинов.

27. Когда все было обдуманно и время наступило, – ибо положено сделать нападение ночью, вдруг, неожиданно, – главной заботой их (горожан) было теперь взойти на стену по лестницам без шума, сбросить сверху стражу и отворить ворота, что при Источнике², выломав их сперва посредством клиньев из камней стены, к которой они приложены, а кесарю предоставлено, приведши ночью войско, быть готовым к нападению и вступить в отворенные ворота. Как скоро наступила назначенная ночь, они приступили к делу и, попав на выбранное место, принесли туда лестницы и все делали осторожно, чтобы не открыла их стража [...]. Между тем кесарь в ту же ночь, взяв скифов и все прочее войско, повел его к городу. Прибыв на место прежде, чем те успели исполнить свое дело, и видя, что ночь проходит в бездействии, он испугался этой задержки и стал подозревать, не перехитрил ли его противник. [...] мог ли он вообразить, что они заняты раскапыванием укрепления, сложенного позади ворот из диких камней? [...] итак, Алексей сидел у монастыря Источника, предписав войску молчание, и нетерпеливо ожидал условленного знака: громкой здравицы в честь царей с вершины стены. Между тем горожане, по одному поднявшись тихо по лестницам, тотчас напали на сонных стражей – италийцев и сон их сделали мертвым, ибо одних, и не очнувшихся еще, сбросили со стены вниз, а других, проснувшихся от шума и путившихся наутек, догоняли и рубили, чтобы никто не мог поднять тревогу. Подбежав к воротам Источника, они обнаружили, что те заложены камнями. Ромеи тотчас принялись растаскивать их и приготовили достаточный проход для войска, а затем медными клиньями сбили с крюков ворота. Один из горожан, священник Лакерас, который тоже был из добровольцев и мужественно помогал, наконец поднялся на стену вместе с Главаном и некоторыми другими. Но он очень робел, и голос его от страха пресекался, ему чудилось будто стена раскачивается, так что он боялся свалиться вниз, если громко воспеть здравицу. Однако, понукаемый остальными, он дрожащим голосом пропел провозглашение царствующему дому, а за ним здравицу громко подхватили все. Когда это дошло до слуха тех, что были в засаде с кесарем, они стремглав понеслись к воротам и ринулись в город. Только что блеснули первые лучи солнца, кесареви

¹ Константинополю.

² Мелантиадские ворота или Пиги, расположенные в оборонительной стене Феодосия против монастыря Богородицы Живоносного Источника недалеко от Золотых ворот.

воины вдруг разбежались по окрестностям и начали грабить, что попадалось; напротив, скифское войско благоразумно не рассеивалось, но сдерживало прибывавший из города народ, пытавшийся узнать, верно ли то, что говорят, ибо это событие казалось сказкой.

**«Ромейская история» Никифора Григоры (ок. 1293-1361 гг.)
о состоянии Константинополя после полувекового латинского владычества**

Самая столица представляла не иное что, как равнину разрушения, наполненную обломками и развалинами, – разметанные здания и незначительные остатки на огромном пожарище. Много раз и прежде яркий огонь помрачал красоту Константинополя и истреблял его лучшие здания, когда еще латины добивались поработить его. Потом, когда был поработен, он не видел от них никакой заботливости и даже днем и ночью подвергался всевозможному истреблению; потому что латины не верили, что останутся в нем навсегда [...]. Итак, первым делом, сильно озаботившим царя, было – очистить город, уничтожить его безобразия и возвратить ему, по возможности, прежнюю красоту, – возобновить еще не совсем разрушившиеся храмы и наполнить лишенные обитателей дома.

Никифор Григора о Лионской унии

Между тем Патриарх Иосиф¹, не принимая единения, уступает свой престол, кому угодно и, вскоре удалившись из столицы, поселяется в монастыре Архистратига, у Босфора [...]. Немало было и из знатных людей, которые весьма крепко держались своего убеждения, противоречившего царским приказаниям². Поставленный в такое затруднительное положение, царь решил идти одной какой-нибудь дорогой из двух, если уже крайняя необходимость не допускает другого исхода, то есть или всех согласить с собой, или всех признать врагами. Итак, сначала он пытался вкрадчивыми словами и ласками заманить и завлечь умы, несогласные с ним, говоря, что это дело благоразумия, а не желания новизны. А быть благоразумным – значит принимать меры против бедствия прежде, нежели они наступили [...]. Если, прибавлял он, придут неприятели, то для Константинополя, еще во многих местах разрушенного и еще возобновляемого, или, если можно так выразиться, мало по малу воскресающего из мертвых, настанут бедствия более тяжкие, чем минувшие; неприятели сделаются господами не только храмов, но и решительно всего – наших детей, жен, имущества; а сами господа, быв ограбленными, сделаются из свободных рабами не только по телу, но и по душе, и, уступая силе необходимости, станут выполнять волю врагов. Дело дойдет до того, что некому будет уже отстаивать отечественные обычаи и законоположения, равно как священные правила и догматы, но все легко извратится и уничтожится. Предвидя это, я и становлюсь покорным исполнителем того, чего требует благоразумие. А благоразумие требует того, чтобы в крайности предпочитать меньшее зло большему и большую выгоду меньшей. Говоря так, царь одних убедил, других нет. Посему, оставил убеждение, он пошел другим путем – насилием. По воле царя, оно употреблено было во многих и разнообразных видах: лишение состояния, ссылка, тюрьма, ослепление, плети, отсечение руки [...].

¹ Константинопольский патриарх Иосиф I (1266-1275 гг.).

² Михаила VIII Палеолога (1259-1282 гг.).

«Каталонская компания» в описании Никифора Григоры

[...] Что же касается до латинов, шедших с кесарем Рожером, то они, проходя через оставшиеся у несчастных римлян города, поступали как нельзя хуже; они накинулись, как на неприятелей, на тех, которыми были призваны, говоря в свое оправдание, что не получают от казны определенного годового жалованья и что потому прежде, чем умереть с голоду им самим, им необходимо уморить тех, которые их призвали, а своих обещаний не выполнили. Таким образом, можно было видеть не только, как расхищались имущества жалких римлян, как были насилуемы девицы и замужние женщины, как были связываемы и истязаемы другими способами старики и священники (неприязненная и безжалостная рука латинов была находчива на истязание), но часто и то, как над головой римлянина сверкал обнаженный меч, грозя ему немедленной смертью, если не объявит, где хранятся его деньги. Римляне или отдавали все и сами оставались ни с чем; или же, не имея чем откупиться, валялись по дорогам, с отсеченными конечностями тела, представляя из себя жалкое зрелище, выпрашивая у прохожих ломоть хлеба или какой-нибудь обол, и не имея никаких других средств к поддержанию жизни, кроме языка и ручьев слез. Узнал об этом и царь¹ [...]. Он видел, что призванные им чужеземцы опустошают римские владения больше, чем неприятели, что они для римлян сущее божеское наказание. Но видел и то, что не может отомстить им за все их обиды, потому что его полки возбуждали только смех своею малочисленностью [...].

?

1. При каких обстоятельствах произошло освобождение Константинополя от латинов? Сравните сведения Георгия Акрополита и его продолжателя, Георгия Пахимера и установите в чем они совпадают, а в чем противоречат? Можно ли на них построить связную, цельную картину исторического события?
2. Почему Константинополь оказался в столь жалком состоянии во время латинского владычества? Насколько верно и полно объяснение Никифора Григоры?
3. Исходя из текста «Ромейской истории» Никифора Григоры, установите, какими доводами пользовался Михаил VIII для убеждения противников Лионской унии? Насколько его аргументы были разумны, а действия оправданны?
4. В чем причина разнузданности каталонцев в Малой Азии, согласно рассказу Никифора Григоры? Действительно ли василевс не мог противостоять им и у него не было другого выхода?

¹ Андроник II Палеолог (1282-1328 гг.).

Раздел V

ВИЗАНТИЯ ПОЗДНЯЯ : ПУТЬ К ГИБЕЛИ (XIV-XV вв.)

Нестабильность экономики, бесконечные распри знати, братоубийственная гражданская война, все возрастающие территориальные потери – вот чем были наполнено последнее столетие истории некогда великой Империи. Она перестала быть блистательной державой, превращаясь во второстепенное, крошечное феодальное государство Византию, не оказывавшее существенного влияния на окружающий мир. Для последних поколений ромеев, пытавшихся приспособиться к трагическим событиям, переломить их грозный ход, это стало повседневной реальностью. Но самый страшный удар готовили турки-османы, которым предстояло затянуть смертельную петлю на шею поверженного былого великана...

§ 20. Мир поместий и деревень

Сложными и противоречивыми выдались для византийской деревни XIV–XV вв. ее истории. Благоприятные условия предшествующего времени канули в прошлое. От постоянных войн, как внешних, так и внутренних, в первую очередь страдали крестьяне: горели деревни, вытаптывались поля, угонялся скот, гибли сами земледельцы. Кто только не покушался на их жизнь и имущество – сербы и болгары, турки и латиняне, по-гречески латины, как византийцы собирательно обозначали всех западноевропейцев. Не всегда по-христиански поступали и богатые соотечественники, сутяжничеством, обманом или силой отбирая земли у нуждавшихся *агроиков*, как теперь обозначали крестьян-земледельцев.

Византийская деревня развивалась явно в сторону укрепления феодализма. Последние столетия существования Ромейского царства стали временем установления господства крупных поместий «князьков» – династов и монастырей, которые различными средствами приобретали новые земли и зависимых крестьян – париков. Землевладение свободных общинников сократилось до минимума и составляло теперь лишь незначительную часть.

Борьба за землю

В поздней Византии владения династов и монастырей быстро росли за счет земель прежних свободных землепашцев-георгов, арендаторов и общинных угодий. Земельный фонд стал чрезвычайно подвижным, что было следствием обострившейся борьбы за землю как источник доходов.

Поскольку в правовом государстве, каковым оставалось Ромейское царство, фактор грубой силы, принуждения не был решающим, способы расширения границ имений были самыми разнообразными: покупка надела у обнищавшего пахаря, перехват общинных земель, получение от императора в держание пронии – права взимания налогов с определенной территории и контроля над ней, что со временем превратилась в *гоникон*, условную ограниченную собственность, то есть собственность, смешанную с правом владения. Прониар, по существу, распоряжался землей, переданной ему: в свою очередь передавал ее, сдавал в аренду, обменивал или даже продавал, хотя подобные действия не были предусмотрены царскими постановлениями. Кроме того, ему иногда даровалось право на преимущественную покупку продуктов у местных жителей, что вело к расширению частных прав. Подобные ситуации выходят из под контроля все более слабевшего ромейского государства, которое было не в силах воспрепятствовать новым явлениям такого рода или хотя бы создать их связь с традиционной системой.

«Отринувшая мир» братия милостью Божьей тоже стремилась округлить собственность своих обителей. Сохранились многочисленные свидетельства пожалования монастырям бывших проний или замены монастырских земель на прониарские, тогда как монастырские возвращались в казну. При этом обмен совершался, по-видимому, с учетом интересов монастыря. Монастырские архивы показывают, что иноки не брезговали подделкой грамот и порой въедливо сутяжничали из-за пары фруктовых деревьев, а то и применяли насилие в отношении особенно несговорчивого селянина-агроика или бедной вдовы.

Акты монастырей на горе Афон свидетельствуют, что между 1296 и 1333 гг. здешние монахи покупали виноградники весьма далеко от своих обителей, даже в македонских Серрах, платив за каждый от одной до 24 номисмы. Им даровали императорские **хрисовулы** с пожалованием земли или части десятины с урожая, с правом заселить эти земли элевтерами и обеспечить уплату налогов. Так, престижная Лавра Св. Афанасия получила в 1345 г. старую крепость Контия и прилегающую к ней императорскую землю на прекрасном эгейском острове Лемнос с условием восстановления крепости и поселения на этой территории людей, обязанных охранять остров. В неспокойные времена крупный монастырь, располагавший имениями-**метохами** и даже собственными укрепленными сооружениями, имел жизненно важную возможность защитить население от нападения врага и тем самым создать условия для экономической деятельности и уплаты налогов. Владельцы средних и тем более мелких проний не располагали такими возможностями и вынуждены были передавать земли крупному собственнику или зажиточному монастырю. Уже в XIII в. появилось немало феодальных по сути имений, которые тянулись на десятки километров, и в пределах которых их хозяева – династы чувствовали себя почти независимыми правителями. История сохранила для нас имена некоторых из них: Савва Асидин из Сампсона, недалеко от Милета, Феодор Манкафа из другого важного малоазийского центра – Филадельфии, Мануил Маврозом в долине Меандра. В XIV в. в греческой Фессалии существовало множество полузависимых от василевса владельных «князьков», обладавших огромными массивами пахотной земли. Обратной же стороной роста вотчин-икономий являлось значительное сокращение государственных доменов и числа париков-налогоплательщиков.

Власть, балансировавшая между двумя силами, – высшей бюрократией и земельной аристократией, составлявшими ее социальную базу, более не чинило собственникам ограничения в привлечении на их земли крестьян. Собственники в результате императорских пожалований получали право на взимание налогов с крестьян в свою пользу. Налоги в этом случае, несомненно, выполняли функции частной феодальной ренты. Одновременно расширялись судебные и административные привилегии-иммунитеты. С увеличением размеров владений династов и династов расширялись и их права над личностью парика. Не случайно теперь его стали именовать «прирожденный парик», подчеркивая как бы вечность, исконность этого статуса.

Дело шло к завершению наступления протофеодалов на крестьянскую общину, самоуправление которой они подчинили и использовали для нужд своего поместья. Если раньше члены митрокомии – кинотис пользовались правом предпочтения при покупке земли у односельчан, то теперь оно окончательно перешло только к динату.

Если, умирая, крестьянин-земледелец, агроик не оставлял после себя наследников, то по закону 1/3 его надела доставалась вдове усопшего, а остальные 2/3 делили между собой Церковь и господин крестьянина. Это право получило название **авиотикий** и напоминало столь ненавистное западноевропейскому зависимому крестьянству право «мертвой руки».

Многие собственники заявляли, что парики принадлежат своему господину «...до последнего их дыхания». Иногда династы и монастыри получали от

василевса грамоту, разрешавшую им судить своих крестьян, либо самовольно присваивали такое право. Не случайно мы встречаемся с использованием для наименования пронии термина «деспотейя»: «попечение» переросло в «господство». Оно было весьма ощутимым и нередко вызывало протест.

Хотя знать действовала в отношении общинников зачастую довольно бесцеремонно, не следует думать, что агроики безропотно подчинялись насилию. Доведенные до отчаяния, крестьяне пытались судиться или шли на крайние меры: поджигали монастырские строения, избивали чересчур падких до земных благ монахов, по ночам устраивали потравы на господском поле, саботировали выполнение барщины, отказывались платить подати династу или прогниару, пускались в бег.

При условии регулярной уплаты землевладельцу ренты (подати), парик мог уйти из поместья, временно или постоянно поселиться на других землях, а то и перебраться в город. Зависимые крестьяне допускались к участию в судопроизводстве, выступая и как стороны в процессе, и как свидетели. Они давали показания против своих господ и подписывали грамоты в качестве свидетелей. Парик в любой момент мог принять постриг и посвятить себя служению Богу. Наконец, он мог перейти в разряд беглых париков. Однако на практике такие переходы или уходы, бегства были редки: династы и динаты, служилые прогниары по понятной причине не желали терять работников и изобретали всяческие уловки, условности, дабы удержать их. Кроме того, ушедшие по-прежнему обязаны были платить налог, тяготевший над оставленным хозяйством.

Объединительным центром борьбы выступала кинотис, сплотившая вокруг себя земледельцев. Нередко общинники совместными усилиями вели длительные и довольно дорогостоящие тяжбы против динатов, надеясь на праведных судей, отстаивали свои наделы и пастбища, чем могли, помогали попавшему в беду собрату. Тяготы жизни ожесточали не все сердца.

Цена зависимости

Неумолимой волей исторического процесса поздневизантийское крестьянство постепенно превращалось в сравнительно однородную массу из зависимого и свободного сельского населения. Некоторые крестьяне имели собственную землю, но эти небольшие земельные наделы часто сочетались с паричским держанием. Таких, видимо, было большинство.

При всем том значительная масса крестьянских наделов стояла заброшенной. Многие продавали свои наделы, малосемейные и одинокие – становились беглыми париками, подлежащими возврату, или же арендовали землю, когда и где удавалось. Те, кто лишался земельной собственности, зачастую превращались в **анипостата** – неимущего парика и платил своему господину за пользование наделом или эксплуатировался путем сдачи земли в аренду на основе уплаты десятины урожая натурой либо деньгами. Не случайно в системе землепользования париков теперь преобладала именно аренда на условии уплаты ренты собственнику земли. Пожалование земли в пронию, как мы уже знаем, тоже влекло за собой усиление эксплуатации налогоплательщиков.

В своих имениях византийские протофеоды практиковали различные формы ренты: отработочную, натуральную и денежную. Размеры и формы подати

с париков были различны в отдельных областях Ромейского царства и даже в отдельных поместьях.

Отработочная рента в одних имениях составляла двенадцать дней в году, в иных – один раз в неделю и определялась обычаем, как и натуральная подать, которая, как правило, вносилась хлебом и вином. Но динааты все же предпочитали получать денежную ренту. Ее основной частью являлся *телос* – подушно-поимущественный налог с дома, земли и хозяйства парика, которое включало также движимое имущество: тяглый и нетяглый скот, пчелиные ульи, рыбацьи лодки. Размеры налога устанавливало государство и передавало динаату, или же он определялся чисто средневековым фактором – феодальной традицией, обычаем. Телос мало изменялся на протяжении веков, но денежная рента возрастала за счет всевозможных дополнительных платежей и денежной инфляции.

Например, зевгаратикий, который в XI в. составлял незначительную сумму, в XIV в. уже достигал 20 % всей денежной подати. Вначале он был десятиной с зевгари – воловье упряжки, достаточной для обработки одноименного полного, нормального крестьянского надела. Но в XIII-XIV вв. его первоначальное значение забылось, и зевгаратикий взимался независимо от количества волов, которыми владел хозяин.

Дополнительные поборы были весьма разнообразны: десятина с овец, свиной, пчел; плата за рыбную ловлю и охоту, выпас на горных пастбищах и в дубовых рощах; взносы за пользование господским прессом для выжимания оливкового масла или льномаяльной. Такого рода платежи были идентичны западноевропейским *баналитетам* – правам феодалов на мельницу, давяльный пресс и тому подобное. Теперь ромейские крестьяне с лихвой «наверстывали» упущенные за предыдущие столетия классические возможности феодального гнета.

Однако даже в своей поздней стадии этот «ромейский феодализм» имел незавершенные черты. Большое значение сыграла при этом двоякая роль централизованной государственной власти в Византии. С одной стороны, она давала земельные пожалования, раздавала привилегии «властелям», прониарам, уступала налоги с крестьян собственникам земель. Такая политика, конечно, содействовала феодализации. Но одновременно вмешательство государства в частные дела таких недоделанных «сеньоров», право конфискации земель в фиск, отмены в любой момент частноправовой ренты, податного иммунитета, привилегий приводили к незавершенности процесса феодализации. Иными словами, новые явления были подчинены традиционному правопорядку, вступали с ним в конфликт.

На пороге Нового времени

В XIV в. византийские крестьяне оказались в особенно трудном, по сути дела, экстремальном положении: к частым набегам внешних врагов добавились и гражданский конфликт, разгоревшиеся внутренние смуты. Несмотря на это, трудолюбивые пахари по-прежнему возделывали поля и виноградники, разбивали новые сады, устраивали мельницы, рыбные садки, солеварни, запруды для поливки огородов, совершенствовали приемы и орудия труда и, главное, кормили страну.

Источники рисуют нам нелегкие, а подчас по своему героические будни простого народа.

В разных концах Ромейского царства появилось множество разбойников и грабителей. Порой владевшие крепкими замками, они на проселочных дорогах и на узких горных тропах поджидали путешественников, рискнувших ехать без охраны.

Один такой злодей, по имени Икарий, орудовал на эгейском острове Эвбее, недалеко от греческих Афин, сея ужас среди окрестных жителей. Охваченные паническим страхом, агроикой отваживались выходить на пашины только под защитой дюжих и хорошо вооруженных караульных.

В то же время XIII–XIV вв. ознаменовались значительным подъемом хлебопашества. Новые центры хозяйственной деятельности византийских крестьян возникали в соответствии с направлением легальной миграции или в ближайшем городе, или в сельской местности – в радиусе соседних поселений, часто на периферии села или в другом селе, на арендованной земле. Кроме того, те же миграционные процессы показывают, что в обработку вовлекались все новые земли, и поэтому эти процессы нельзя оценивать как один из симптомов экономического кризиса. Скорее, они говорят о появлении некоторых элементов внутренней колонизации, хотя больших территорий, как это было в свое время на европейском Западе, эта колонизация не захватила. Как бы то ни было, зависимые крестьяне легально перемещались при отсутствии какого-либо контроля со стороны государства за их действиями. Собственники могли поощрять поселение в своих владениях таких крестьян, сохранявших свои налоговые обязательства по покинутому местожительству, находившемуся на территории других собственников. Этим легальные переселенцы отличались от беглых крестьян, бросавших плату налогов. Легальная миграция, создававшая для собственника более благоприятные условия организации производства, находилась в ряду таких явлений, как податной и административный иммунитет, частная аренда и предоставление льготных условий для привлечения крестьян.

Рыночная конъюнктура сложилась весьма благоприятной для ромеев. Она стимулировала развитие земледелия: пахотные поля в вотчинах крупных «властелей» достигали в это время весьма значительных размеров. Так, Меникийскому монастырю, располагавшемуся невдалеке от города Серры в Македонии, принадлежало в XIV в. четыре тысячи модиев пашины (около 330–360 гектаров), тогда как под виноградники отводили лишь 70 модиев (около шести гектаров)¹: данная обитель специализировалась на вывозе зерна.

Важно подчеркнуть, что крупные земельные собственники и монастыри превращали свои имения, недвижимость в чрезвычайно выгодные товарные предприятия, производившие сельскохозяйственные продукты для продажи на рынке. Прониары по уши погрязали в прибыльных хозяйских заботах. Они предпочитали откупаться от докучливых военных обязанностей, связанных с их землями, выплатой налогов. Как им казалось, пришло время делать деньги, а не махать мечом. Продовольствие, особенно хлеб и вино, пользовались широчайшим спросом на внешнем рынке: они шли на экспорт в северобалканский Дубровник и итальянские города – центры оживленной перевалочной морской торговли.

Часто энергичные и предприимчивые динаты и монахи выступали посредниками в хлебной торговле между крестьянами и иноземными купцами. Они ску-

¹ 1 модий – 0,083–0,09 га.

пали зерно на местных рынках у мелких земледельцев и продавали его латинам, извлекая из этой нехитрой операции весьма высокие доходы.

Не только зерно и вина шли на рынок, но и продукты скотоводства и птицеводства. Особенно много в позднем Ромейском царстве разводили овец и свиней. В поместьях динатов, прониаров существовали целые птицефермы. Появилась даже некоторая специализация скотоводства: греческая Фессалия издавна славилась быстрыми, как ветер, лошадьми, во Фракии разводили выносливых, спокойных рабочих мулов.

Не стояла на месте и агротехника. Уже давно земледельцы использовали систему трехполья.

Поле теперь делилось не на две, а на три части – клена. Одна засеивалась яровыми, другая – озимыми, а третья оставалась под паром. На следующий год первое поле «отдыхало», второе шло под озимые, а третье – под яровые. И так повторялось из года в год. Такой севооборот гораздо меньше истощал землю и повышал урожайность.

Чаше, чем прежде, стали случаи применения навоза в качестве удобрения. В XIV-XV вв., несмотря на лихолетья, в Византии получили распространение и стали широко применяться ветряные мельницы, которые сооружали наряду с водяными.

Деревня имела своих искусных столяров и гончаров, ткачей и портных, бочаров и лодочников. И уж вовсе немыслимо было обойтись без собственного кузнеца – мастера на все руки, способного изготовить все что угодно – от поясной пряжки до сошника. Уровень деревенских ремесел вырос. Нередко сельские парики-ремесленники успешно конкурировали с городскими мастерами.

Но наиболее ярким свидетельством того, что византийская деревня стояла на пороге Нового времени, было появление новой фигуры – сельского предпринимателя. Зачастую помещик не обременял себя ведением хозяйства: все свое имение он сдавал в аренду зажиточным крестьянам. А они, в свою очередь, разбивали поля на мелкие участки и сдавали их в субаренду безземельным и мало-земельным крестьянам, тем самым извлекая из этого стабильный доход. Однако до уровня фермера-арендатора Ромейское царство так и не успело дойти.

Существование полной безусловной собственности на землю, длительное преобладание денежной ренты, товаро-денежных отношений, имущественной дифференциации крестьянства, наличие предпринимателей и развитых в торговом отношении центров, казалось, должно было благоприятно сказываться на развитии хозяйства. Но элементы предкапиталистических отношений, которые развивались на европейском Западе в XIV-XV вв., в поздней Византии отсутствовали или почти отсутствовали. Наоборот, византийский феодализм со временем только все больше становился похожим на классический западноевропейский феодализм, за которым стояло не будущее, а прошлое. Подавляющая масса домашних хозяйств ориентировались на хорошо известную поздневизантийской экономике и менталитету идею *аутургии*, то есть собственноручного, «самодостаточного» труда, позволявшего извлекать прибыль без вложения капиталов, то есть вращалось в рамках сугубо средневекового мировоззрения. Тенденции усиления активности и самостоятельности собственника в позднем Ромейском царстве оказались не настолько интенсивными, чтобы преодолеть тормозящий фактор государства с его традиционной разветвленной системой контроля и ре-

гламентации, то есть господствующий правопорядок, в котором взимание налогов рассматривалось как явление первостепенной важности. Поэтому в этой ситуации, зримо определившей развитие страны, не смогли получить распространение ни феодальный, ни раннекапиталистический порядок.

?

1. Какие изменения произошли в византийской деревне на протяжении XIII–XV вв.?
2. Каким образом динаты и монастыри расширяли границы своих владений? Как к этому относились общинники?
3. Чем поздневизантийские динаты стали отличаться от динатов XI–XII вв.?
4. Попробуйте самостоятельно сравнить положение византийских париков и зависимых крестьян (сервовов, вилланов) западной Европы в XIII–XV вв.
5. Какую роль в борьбе агроиков с прониарами, динатами и династами играла деревенская община?
6. Назовите и охарактеризуйте формы ренты, которыми пользовались прониары, динаты и династы в своих имениях.
7. С чем был связан интенсивный и сложный процесс перемещения земель в крестьянской среде позднего Ромейского царства?
8. Какие новшества появились в византийской деревне в XIII–XV вв.?
9. Как вы думаете, почему ветряные мельницы были более прогрессивны, нежели водяные?
10. Что благоприятствовало развитию хлебопашества в Ромейском царстве в XIII–XIV вв.?
11. Как вы считаете, почему западноевропейское ремесло почти полностью сконцентрировалось в городе, а в поздней Византии наблюдается иная картина?
12. О чем свидетельствует появление процессов миграции и внутренней колонизации в поздней Византии?
13. Дайте оценку вывозу товарной сельскохозяйственной продукции из Ромейского царства.
14. Почему появление сельского предпринимателя является свидетельством прогресса в византийской деревне XIII–XIV вв.? Как вы можете объяснить значение этого явления?
15. Дайте оценку уровня развития поздневизантийской деревни.
16. Что сдерживало развитие предкапиталистических отношений и рентабельности хозяйства в поздней Византии?

Внимание, источник!

Иоанн Апокавк (середина XII в. – 30-е гг. XIII в.) – судья по долгу службы и писатель по призванию – об одном из своих приговоров

Константин М., служивший у преславного господина Константина Цирифна, пришел ко мне сегодня и рассказал следующее: «Господин мой назначил меня управляющим пронией¹ [...]. По своему усердию и предусмотрительности я наблюдал и за вспашкой

¹ Здесь прония – поместье.

полей этой пронии, и за сбором желудей, так как настала пора заниматься и тем, и другим. Крестьяне же, рассказывает он, не входившие в состав этой пронии, пытались под руководством Гермения обработать один участок земли, которым дорожил мой господин. Однако при помощи резких слов, споров и даже рукопашных схваток я тогда прогнал их с этого места. Второй же их набег на желуди не могли приостановить ни слова, ни брань, ни что-либо иное, оскорбительное для слуха. И тогда я вынужден был вырвать палку у одного из собиравших желуди – это был Вратана – и стал прежде всего отгонять от желудей; но невольно ударил Вратану палкой по пальцам; нанося удары в грудь, живот и в другие еще более болезненные места, я выждал, чтобы он, таким образом, перестал нагибаться к желудям. Он же мгновенно и вопреки моему ожиданию испустил дух и отошел в царство мертвых, не отвечая на толчки ни в течение получаса, ни в течение часа. Дело в том, что как только палка ударила в грудь, душа человека тотчас же отлетела».

Это рассказал плачущий Константин и сочтен был умышленным убийцей; принял он пожизненную епитимию [...].

**Хрисовул – пожалование в 1293 г. василевсом Андроником II
Палеологом (1282-1328 гг.) царскому приближенному Льву Котеаницу
владения с освобождением от налогов**

Так как приближенный моей царственности Лев Котеаниц, показавший верность и преданность моей царственности и в различное время оказавшийся очень полезным [...] и в борьбе против врагов, угрожавших большим вредом областям и городам моей царственности, обратился к моей царственности с просьбой пожаловать ему хрисовул на получение земли, находящейся в Преаснице и отторгнутой у различных влахов, моя царственность благосклонно приняла его обращение и пожаловала настоящий хрисовул [...]. Силой настоящего хрисовула моей царственности этот господин Лев Котеаниц будет владеть землей Преасницы, как показано, свободной от всяких повинностей, имея право продавать, жаловать, обменивать, отчуждать священным храмам, давать дары и делать все прочее, что божественные благочестивые законы позволяют делать владельцам. Он будет владеть ею без всякого ущерба [...], свободный от всякого требования [...], и никто не будет иметь права вступать на его землю и причинять ему какой-либо ущерб. Ради этого пожалован моей царственностью настоящий хрисовул моему приближенному господину Льву Котеаницу, его детям и наследникам в единственное и беспрепятственное владение в месяце мае текущего 6-го индикта 6801 г., к чему наша благочестивая и бо-гохраняемая сила приложила печать.

Андроник во Христе Боге верный василевс и автократор ромеев Палеолог.

?

1. Почему управляющий пронией Константин попал в суд? О чем свидетельствует этот случай, пересказанный Иоанном Апокваком?
2. Как вы думаете, зачем крестьяне собирали желуди и почему даже палкой их невозможно было отогнать?
3. Как вы считаете, постигло ли бы Константина наказание, если бы он убил не свободного общинника, а зависимого крестьянина-парика?

4. Как вы полагаете, за какие заслуги василевс Андроник II пожаловал земли Льву Котеанице?
5. Какие права на землю, согласно царскому хрисовулу, были дарованы Льву Котеанице? К чему вело предоставление императором таких прав?

§ 21. Губительная конкуренция или плодотворное сотрудничество?

В XIV в. ромейский город оказался в неблагоприятных условиях для своего развития. На его благосостоянии сказывались нарастающая турецкая агрессия, пиратство, разбой на торговых путях, внутренние неурядицы в стране, отсутствие боеспособного войска, потеря прежнего значения государственной властью, деградация административного аппарата, делавшая управление страной малоэффективным. Налоговая система в этих условиях не обеспечивала удовлетворение потребностей казны. Лишь иностранные «вливания» итальянцев имитировали облик активной городской жизни. Вновь, как в «темные века», византийский город не давил над деревней. Но и тогда, при сокращении объемов ремесленного производства, упадке местной торговли, снижении качества византийской монеты, городская жизнь полностью не затихла, она знала периоды расцвета и упадка. Византийская знать стала сливаться с богатейшими купцами, получать выгоды от занятия торговлей и спасать свои капиталы в итальянских банках. Богатые частные лица сумели сохранить свои состояния даже накануне крушения византийского государства.

Историки спорят

Византинисты по-разному оценивают состояние ромейских городов в последние века существования Ромейского царства. И до сего дня эта историческая загадка остается нерешенной и ждет своего исследователя.

Наибольшие дискуссии среди специалистов возникают по поводу торговых взаимоотношений греков и итальянцев. Пагубно или же, напротив, плодотворно сказывались сотрудничество и конкуренция между ними на экономике страны и, в частности, ромейских городов?

Вспомним, уже в 1082 г. Алексей I Комнин под угрозой многочисленных врагов попросил у Венеции финансовую помощь и флот. За долги пришлось расплачиваться десять лет. В качестве щедрой компенсации венецианцам были представлены масса недвижимости, склады, лавки, причалы и особенно выгодные торговые льготы в некоторых ромейских городах, что привлекло в Империю ромеев других западных торговцев. Этому же способствовали Крестовые походы, которые открыли дорогу западным кораблям в сирийские порты, прежде столетиями для них закрытые. Константинополь потерял монопольное положение центрального рынка между Востоком и Западом.

Восстановление Ромейского царства при Палеологах произошло благодаря генуэзцам, которые получили за это вознаграждение. В 1261 г. василевс Михаил VIII Палеолог заключил с Генуей договор в Нимфее, предо-

ставив купцам этой мощной морской республики неоценимые привилегии: право пользоваться проливами Босфор и Дарданеллы и иметь доступ во все ромейские порты, а также право беспошлинно торговать на всей территории Византии. Через семь лет, с целью найти противовес влиянию генуэзцев, аналогичное соглашение было подписано и с Венецией. Ее купцам также гарантировалась беспошлинная торговля и безопасность плавания в территориальных водах Империи.

Действительно, прошло не так много времени, как предприимчивые и оборотистые итальянцы стали чувствовать себя полными хозяевами в ромейских землях и водах. Случалось, Константинополь, к великому позору ромеев, становился полем вооруженных разборок соперничающих генуэзцев и венецианцев, яростно сражавшихся друг с другом и при этом поджигавших город, захватывавших в нем пленных и еще нагло требовавших от византийского императора компенсации за понесенный ущерб, как это было летом 1297 г. Главное – к итальяским торговцам и их агентам стала переходить руководящая роль в экономической жизни Ромейского царства. Они торговали текстильными и металлическими изделиями, изготовленными на Западе, а также сельскохозяйственными продуктами и сырьевыми материалами, определяли шкалу цен на товары даже первой необходимости. Генуэзцы в основном орудовали в Константинополе и на Мраморном море, в укрепленных «точечных» опорных пунктах-факториях, таких как Ялта – Джалита – греческая Алита – «Морская», звеньями единой цепи протянувшихся вдоль северного побережья Черного моря. Венецианцы распоряжались не только в греческой столице, но и на принадлежавших им островах в южной части Эгейского моря, в таких торговых центрах как Корон и Модон на Пелопоннесе, а также севернее – в центральной Греции, Фессалии и Эпире. В Крыму итальянцы владели Каффой – нынешней Феодосией, которая выросла в коммерческий город, по численности населения соперничающий с тогдашним Константинополем. Еще одним важным рынком и опорным пунктом для латинских купцов стала портовая Фокия на западном побережье Малой Азии. Международная торговля оказалась в значительно мере сосредоточена в руках итальянцев и славившихся своим мореходным искусством, развитым морским правом каталонцев.

Одни исследователи полагают, что поздневизантийский город вступил в полосу захирения и упадка, длившегося вплоть до окончательного падения Ромейского царства в 1453 г. Причем главную вину за это они возлагают на торгово-предпринимательскую деятельность генуэзского и венецианского купечества, которое заняло господствующее положение на рынках Ромейского царства. Ведь итальянцы не платили таможенных сборов и налогов, что ставило местных торговцев в весьма неравные условия с их иноземными коллегами, приводило к подрыву позиций ромейского ремесла и торговли, лишало бюджет страны значительных поступлений от все более интенсивно развивавшейся международной торговли, а порой вызывало столкновения, военные конфликты между греками и латинами, да и между самими италиками. В торговле на большие расстояния византийские купцы не выдерживали конкуренции со своими западными коллегами и при попытках расширить рынки сбыта на Западе или хотя бы в итальянских колониях на византийской земле встречали враждебный прием. Им пришлось ограничиться местной розничной торговлей. Средний класс как таковой существовал в эпоху Палеологов, но его дальнейшему развитию вновь

воспрепятствовала византийская аристократия, которая, в то время, как держава ромеев теряла свои земли, уступая их различным противникам, обратилась к торговле как выгодному роду экономической деятельности. Наряду с этим возростала зависимость хозяйственных структур от предпринимательской деятельности итальянских республик. Экспорт постепенно перешел в руки иностранцев, так что даже ромейские продукты, например, вино из Фракии, перевозили на итальянских кораблях.

Поскольку ромеи не вывозили товары за границу, а по давней привычке ждали покупателей, итальянские фактории стали извлекать выгоду из этого недостатка. Они приблизились к источникам производства и, заняв Ромейское царство, заменили продажу византийских изделий своими собственными. Византийцы редко становились финансистами, банкирами, тогда как влияние итальянского капитала на экономику поздней Византии возрастало, а роль государства в регулировании этой экономики сходила на нет. Доходы уходили в чужие руки. Показательным бытовым штрихом к такому положению дел могут служить красочные, сочные строки сатирических стихов некоего Птохопродрома – «Бедного Предтечи», в которых игумен понукает монаха: «Поспешай, быстро дуй к Милию и беги к Пераме (переправе), узнай у венецианцев, почему ныне сыр».

Италия быстро развивалась экономически, утверждалась в положении центра текстильной промышленности. Свободно торгуя в Византии привозными дешевыми тканями, она сбивала цены на византийский товар, даже в тех случаях, когда он был более качественным. В итоге капиталы, которыми могли располагать византийцы, уменьшаются. Ромейские торговые суда стали использоваться только для местных перевозок. Западные торговые флоты подавили Ромейское царство и подорвали его экономические позиции.

Другая часть историков уверена в том, что не стоит сгущать краски и столь однозначно негативно оценивать состояние поздневизантийских городов. Да, некоторые из них в силу различных причин переживали упадок и потеряли свое бывшее значение как центры ремесла и торговли. Но этот процесс затронул далеко не все города Империи ромеев и степень его глубины была разной.

Возьмем, к примеру, неоднократно упоминавшийся византийский город Филадельфию, что в Малой Азии. Окруженный кольцом владений воинственных мусульман, только в первой четверти XIV в. он пережил пять или шесть жестоких турецких осад. Но в промежутке между ними хозяйственная жизнь в городе вновь оживала, даже его ксенон – больничная гостиница, выстроенная епископом Фокой в XIII в., продолжал действовать. Ремесленники, составлявшие славу Филадельфии, покидали крепостные стены и принимались за свои привычные дела, улицы города заполнялись толпами народа, повсюду шла бойкая торговля.

Хрисополь около македонской реки Стримон (ныне Струма) в XIV в. был настолько зажиточен, что смог отстроить новую внешнюю линию оборонительных стен. Пелопоннесская Монемвасия в это же время процветала и ее коммерческая активность была широко известна за пределами Византии. И подобные случаи не были единичными.

Что же касается последствий проникновения итальянцев и прочих западноевропейцев в экономическую жизнь Византии, то они были различны для отдельных областей и регионов Ромейского царства в разное время. Это зависело, пре-

жде всего, от состояния самих ромейских городов. Уступив место венецианцам и генуэзцам в международной торговле, ромейские купцы сохранили довольно прочные позиции в местной торговле и в торговле на средние расстояния. Они активно занимались прибрежным, каботажным плаванием, а, случалось, объединялись с иностранными мореходами. Несмотря на враждебность греков по отношению к латинам, в экономических вопросах они были склонны к деловому сотрудничеству, часто становились посредниками. Византийцы перенимали более передовые для того времени приемы и методы коммерческой деятельности у генуэзцев и венецианцев, выступали младшими партнерами либо посредниками итальянских купцов в торговых сделках, получали свою и, порой, весьма немалую долю в прибылях, помещали деньги в итальянские банки и тем самым сохраняли свои состояния от превратностей нестабильной жизни. Данные латинских архивов показывают, что доля греков даже в международной торговле была не столь малой, как полагали ранее. Да и экономические последствия предоставления торговых льгот латинам были не столь губительны, как может показаться, ибо объем торговли в восточном Средиземноморье оставался сравнительно небольшим. Он никак не мог позволить иностранцам добыть в Ромейском царстве средства, которые предопределили бы в дальнейшем иноземное господство.

Пути предпринимателей

Поздневизантийский город, полис, кастрон или **асти**, как его теперь называли, по-прежнему славился искусностью своих мастеров. Эргастирий – индивидуальная мастерская-лавка – оставался основной формой организации ремесленного производства и торговли, предпринимательства и не подвергался жесткой регламентации властей. Корпорации, контролируемые государственными властями, ушли в прошлое, будучи сменными после XII в. свободными профессиональными ассоциациями.

В это время функционировало не менее двадцати отраслей ремесла и, было известно около девяносто профессий ремесленников. Среди них мы находим ювелиров и бокальщиков, жемчужников и корабельщиков, шелкоделов и меховщиков, свечников и гончаров, кузнецов и медников, ножовщиков и портных...

Особенным почетом и уважением среди ромеев пользовались оружейники. Их профессия насчитывала пятнадцать отдельных специальностей: алебардищики, баллистарии, изготовители луков, колчанов, кинжалов и мечей, осадных машин, пращей, стрел, копейщики, латники, панцирники, шлемники, шпорники, щитники, пушечные мастера. Прославленными центрами военного производства Ромейского царства являлись Константинополь и неоднократно упоминавшаяся Филадельфия, до 1390 г. остававшаяся аванпостом Византии в Малой Азии.

Не отставали по популярности от оружейников и строители. Согласно поздневизантийским задачникам, они могли рассчитывать сооружение башен из кирпича и извести высотой от 15 до 200 м! Творением умелых рук икодомов были роскошные дворцы (палатия) императора и знати, триумфальные арки и великолепные храмы, портики и закрытые галереи, пролегающие почти по всему городу и позволявшие всякому путнику пройти не опасаясь солнечных лучей, спортивные площадки и казармы, крепости и каналы, дамбы и волнорезы. Всего и не перечесть.

Но что особенно изумляет, так это коммерческая активность и предприимчивость многочисленных ромейских монахов. Пораженный восточный путешественник Ибн-Баттута писал в 1332 г.: «Большинство обитателей этого Города – монахи, паломники и священники. Количество церквей не поддается исчислению». И это в Константинополе, продолжавшем оставаться коммерческим сердцем Империи! Монастыри в городах владели разнообразными мастерскими, лавками и даже целыми рынками, имели собственные корабли и участвовали в солидных прибылях от добычи железа и серебра.

Важность доходов от внешней торговли теперь возросла, причем она не падала, а, напротив, росла по мере сокращения территории Ромейского царства. Византия напрямую или чаще опосредственно вела торговлю со многими странами – Египтом, Далмацией, Болгарией, Кипром, Русью, Трапезундской империей, славившейся своими морями Каталонией с крупнейшим мировым портом – Барселоной, южночерноморскими и итальянскими городами.

Византийские купцы продолжали совершать торговые путешествия, хотя теперь ареал их стал уже, ограничиваясь в основном землями все более сокращавшейся Империи. Торговля становится в значительной степени стационарной. Как уже говорилось, на сухопутных дорогах и морских путях поджидали всевозможные опасности: турки и разбойники, пираты и разбушевавшаяся стихия. В условиях резкого сокращения собственного флота, многие ромейские моряки, оставшись не у дел, чтобы выжить нанимались на турецкие корабли или начинали заниматься разбоем. Тем не менее в XIII–XIV вв. коммеркион – налог на торговлю стал давать казне больше средств, чем оскудевший по разным причинам земельный налог, а на территории ромейского государства действовало шестнадцать крупных торговых и одновременно стратегически важных коммуникаций, что говорит само за себя.

Проложенная римлянами в эпоху античности, древняя «дорога Эгнатия» (Via Egnatia) или, как ее стали называть ромеи, димосия леофорос – «большая государственная дорога» соединяла Константинополь через македонские Серры, Фессалонику, Ираклию (болгарский Битоль-Монастырь), Лихнид (Охрид) и Диррахий (албанский Дуррес) с ближней Италией, пересекая весь Балканский полуостров с востока на запад. Не менее знаменитая «царская дорога» связывала Константинополь с расположенными севернее македонскими и фракийскими городами – Адрианополем, Филиппополем (Пловдивом) и самым центром северных Балкан – Сердикой, нынешней Софией. От столицы дорогой, ведущей через Севасту, можно было попасть в Армению, а вдоль западного побережья Малой Азии – к портам Эгейского моря, в Эфес, Фокию и Смирну.

По таким трансконтинентальным трассам можно было путешествовать неделями. Движение по ним то усиливалось, то сокращалось, но никогда не прекращалось. Скажем, чтобы добраться из Трапезунда в Константинополь верхом на лошади надо было потратить не менее 20 дней. Путешествие же морем занимало от восьми до 19 дней, – как повезет. От сирийской Антиохии до Эфеса на крайнем западе Малой Азии было приблизительно 30 дней пути. Коммерческий караван, направлявшийся с берегов Адриатики, из Дубровника, в Константинополь, добирался за 25 дней, то есть шел со скоростью в среднем 25–30 км за один переход. Венецианским

галерам требовалось на один день меньше, чтобы доплыть туда же, минуя остров Корфу и пелопоннесские Патры.

Кроме того, множество второстепенных, в том числе узких дорог, подходящих лишь для вьючных животных, выводило на главные торговые трассы Балкан, связывая их с такими известными городскими центрами как Вероя (Стара Загора), Одесс (Варна), Месемврия (Несебр), Анхиал (Бургас) и другими, расположенными на Черном море.

Среди иноземных купцов продолжали пользоваться спросом ромейские вина Эгейских островов и бассейна Мраморного моря, зерно, скот, соль, осетровая икра, рукописные книги, аптекарские товары, шелковые ткани (правда, теперь в основном, среди правителей христианского Востока, а не Запада). Сами же византийцы ввозили изделия из металла, стекла, мыло, более дешевые, чем отечественные, итальянские крашенные ткани и славившееся во всем средневековом мире прочное фландрское сукно. Добротные и ноские, эти ткани вытесняли привычные тонкие шелковые влаттии, что отразилось в исчезновении профессии вестипрата – торговца ромейскими одеждами, тогда как среди продавцов влаттиев, прежде престижных и зажиточных, все больше и больше становилось людей низкого звания, забитых и бедных. Импорт заполонил византийские города и особенно царственную столицу, продолжавшую оставаться центром нескончаемых игр обмена.

Константинополь, – гордость греков и предмет восхищения иностранцев, – даже после утраты своего монопольного положения рыночного центра, продолжал оставаться одним из крупнейших торговых центров Средиземноморья. Сюда съезжались купцы из Европы и Азии: генуэзцы, венецианцы, флорентийцы, пизанцы, провансальцы и каталонцы, торговцы из Сирии, Сицилии, Сардинии, Корсики. Какие только товары не встречались на шумных и многолюдных константинопольских рынках! Здесь торговали пшеницей, ячменем, бобовыми, рисом, фисташками, миндалем, орехами, винами, оливковым маслом, рыбой, сахаром, медом, сушеными фруктами, пряностями и массой других продовольственных товаров. В продажу шли лен, шерсть, шелк, хлопок, всевозможные ткани, изумительные шерстяные ковры, меха, кожи, железо, свинец, медь, серебро и золото, жемчуг, кораллы, мыло, воск, смола, сера... Итальянские деревянные бочки – новая для византийцев тара постепенно вытесняли привычные ранее керамические амфоры и тифосы.

В конце XIII – начале XIV вв. в Ромейском царстве начинают делать новые денежные номиналы – выпускавшиеся из чистого серебра, плоские василиконы, равнявшиеся 1/12 прежнего иперпира, биллоновые торнезе из низкопробного серебра, вогнутые медные трахи (трахеи) и плоские ассариш, появившиеся вместо медных тетартеронов, но более тонкие и широкие.

В обычное время, когда беды на время отступали, цены на товары не были высоки. Так, из поздневизантийских задачникков следует, что фунт мяса (около 300 г) стоил всего лишь аспр, по сути дела медяк, в котором серебра было ничтожное количество. За ту же цену можно было приобрести четыре десятка яиц, но курица стоила гораздо дороже – 40 аспров, то есть почти иперпир. Впрочем, в этом «сверхчистом» золотом, имевшем блюдцеобразную, неровную форму, золота почти не осталось – его вытеснила лигатура, примеси не столько серебра, сколько меди и олова. Мёд – единственная известная сладость – стоил 143 аспра за кентинарий (56 килограммов),

но куда больше ценились пряности – за фунт перца отдавали в пять раз больше, чем за фунт мяса. На этом фоне неожиданно низко оценивалась лошадь – всего в три четверти перпера, тогда как за морской грузовой корабль надо было выложить 100 пусть обесцененных, но «золотых», то есть стоимость огромного табуна более чем в 130 лошадей. Понятно, почему ромейские торговцы зерном покупали суда, которые продавали в конце мореходного сезона: так было гораздо рентабельнее. Тем не менее рост цен чувствовался все больше и больше, продукты питания порой дорожали настолько, что дело доходило до откровенной нужды и голода, заставлявших многих затягивать пояса или того хуже – ходить с протянутой рукой.

В целом темпы экономического развития того, что осталось от Византии, стали снижаться. Это постепенно вело к застою, а потом и к отсталости. Наметившееся отставание в торговле и предпринимательстве было следствием такого упадка, а не его причиной. Прежние структуры производства, механизмы обмена Ромейского царства оказались не приспособлены к передовым изменениям, происшедшим в средиземноморском мире, который выходил на дорогу капиталистического развития, энергичного свободного предпринимательства с его ярко выраженными тенденциями индивидуализма и голого практицизма, каких не имела Византия. Ей были жизненно необходимы реформы, более того, перестройка, политическая, хозяйственная и ментальная, дабы справиться с наседавшими врагами и хотя бы поравняться с равным впереди Западом.

***Во власти
знати и корысти***

Ремесленная и торговая жизнь все еще была ключом не только в сердце Империи ромеев – ее столице, но и в других городах: Фессалонике, крупнейшем центре Македонии, в хорошо защищенном пелопоннесском порте Монемасии, а до захвата турками – и в западномалоазийских провинциальных центрах, Смирне, Эфесе, Фокии, Прусе (Брусе), Никее. Кое-где из-за ослабления центральной власти даже наблюдалось давно подзабытое возрождение прав городской автономии, тенденций к самоуправлению.

Но бедой византийских городов было то, что всеми делами городского населения, тех, кого называли **астикон**, заправляли не организованные в сплоченную коммуну торговцы и ремесленники, а «могущественные» – своевольные магнаты, приближенные царя и разбогатевшее духовенство, имеющие прямые или косвенные контакты с императорским двором. Им принадлежали не только имения, сады и виноградники в пригородах, но и мастерские, мельницы, лавки, рынки, пекарни, портовые сооружения. Они активно втягивались в приносившую экономические выгоды торговлю. По мере ослабления центральной власти в их руки все больше переходила сама имперская власть, администрация, они все в большей мере фактически правили страной, а значит, и ее финансовыми ресурсами, все еще немалыми.

Ниже их, между богачами и многочисленными презренными неимущими, находились плотный слой тех, кого сами ромеи описывали через прилагательное «средние», по-гречески – **меси**. Это были горожане, средние и мелкие земельные собственники, сдававшие свою землю внаем или арендовавшие чужую, ремесленники, торговцы, лавочники, трактирщики, коммерсанты, имущество которых иногда соперничало с собственностью знати, но которые не имели представительства в городском правлении, тем более связей при дворе и вынуждены были

мириться с самоуправством магнатов, узкого аристократического слоя, мало считавшегося с предписаниями все более слабеющей, безавторитетной центральной администрации.

*Рассказывают, что солнечным осенним днем 1288 г. в Константинополь на продажу пригнали крупную отару овец из шести сотен голов. У городских ворот ее уже поджидали слуги могущественного вельможи, **деспота** Иоанна. Они насильно отделили полторы сотни овец, а торговцев скота, пытавшихся отстоять свое имущество, изрядно поколотили. Не помогло даже вмешательство в инцидент служителей градоначальника – **эпарха**. Впрочем, привратники вовремя успели захлопнуть ворота. Тогда слуги наглого аристократа взялись за топоры и алебарды. Уже готова была завязаться кровавая стычка, когда **эпарх** удержал своих секироносцев.*

*На следующий день на место происшествия явился сам разгневанный **деспот**. На сей раз, он отделил две сотни и приказал их гнать к своему дому, не обращая внимания на вопли, стенания и жалобы избитых, ограбленных торговцев. **Эпарх** оказался бессильным противостоять такому открытому произволу.*

В такой обстановке быстро выветривались прежние патриархально-христианские степенные нравы. Бывший афонский монах-отшельник, Константинопольский патриарх Афанасий I (1289-1293, 1303-1309 гг.) не зря корил в проповедях свою паству, указывая, что греховность ныне торжествует, все обратились к земному и суетному, дух наживы проявляется во всем – даже за свечи, которые следует возжигать в храме, берут несправедливую цену. Что же тогда ожидать от торговцев зерном, вином, маслом? По сути дела, Патриарх справедливо ставил проблему коллективной ответственности ромеев за то гиблое, что происходит с их страной, но две вынужденные отставки Афанасия, которого даже клирики воспринимали только как немытого фанатика во власянице, сами по себе говорят о том, что паства болезненно реагировала на предпринимаемые им усилия, не желая что-либо менять в существующей ситуации.

Горожане стремились разбогатеть любым путем, думая о сиюминутных благах только в этом мире. Казалось бы их должна была интересовать власть, возможность самим распоряжаться судьбой. Но лишь некоторые византийские города получили право самоуправления. Например, Монеmvасии, как уже сказано, крупнейшему порту Пелопоннеса, было даровано самоуправление, а также привилегия беспошлинно торговать в Константинополе и других ромейских городах. Некоторыми муниципальными вольностями пользовались балканские города Адрианополь (Фракия), Верроя и Мельник (Македония), Иоаннина и Кроя (Албания), худо-бедно развивавшиеся в XIII-XIV вв. Они получили от василевса ромеев право сбора налогов и стали фактически автономными. Слой, аналогичный западному патрициату, – слой богачей-предпринимателей, торговцев и ремесленников, пробивавших себе дорогу и, главное, осуществлявших городское самоуправление, здесь так и не сложился. Задавленные государством, а еще больше местной знатью, византийские города в массе своей не приобрели настоящих коммунальных вольностей, как на Западе, собственной организации, способной противостоять засилью разбогатевших динатов и коррумпированных чиновников. В этом видится еще одна существенная причина, добавившаяся в быстро пополнявшуюся «копилку» обстоятельств гибели Ромейского царства.

1. Какие существуют точки зрения на судьбу византийского города XIII–XV вв.? Какими аргументами пользуются историки? Что вызывает наибольшие споры в этом вопросе?
2. Вспомните, при каких обстоятельствах был заключен Нимфейский договор 1261 г.?
3. Какими привилегиями обладали венецианские и генуэзские купцы на территории Ромейского царства? Как вы думаете, что помогло получить их и насколько они были оправданны?
4. Как вы считаете, почему оружейники пользовались особым авторитетом, а их ремесло было столь развито в поздней Византии?
5. Что вы можете сказать о вооружении ромейской армии в XIV–XV вв. на основании разделения профессии оружейников?
6. Перечислите профессии ремесленников, которые существовали в поздневизантийском городе, и, главное, сравните их с предыдущей эпохой.
7. С какими странами и чем торговало Ромейское царство в XIII–XV вв.?
8. Попробуйте установить, подорожала ли жизнь ромеев по сравнению с эпохой раннего средневековья. Сравните цены «темных веков» и XIV–XV вв.
9. Что способствовало росту городской автономии в поздневизантийское время?
10. Как вы полагаете, с чем был связан приток слоя «могущественных» в византийские города?
11. Почему в Ромейском царстве меси были политически бесправными и даже не имели названия как особый социальный слой?
12. Как вы думаете, пагубно или плодотворно сказывалась торговая конкуренция между греками и италийцами на экономике ромейского государства? Поищите аргументы к своему мнению.
13. Почему некогда лидирующее экономическое могущество Византии было быстро превзойдено италийскими торговыми городами?
14. Попытайтесь обобщить и классифицировать все факторы, которые вели Ромейское царство к упадку.

Внимание, источник!

**Выдающийся византийский ученый – гуманист
и политический деятель *Димитрий Кидонис* (ок. 1324 – 1397/98 гг.)
о Ромейском царстве**

[...] мы не имеем права по многим соображениям относиться к себе с презрением. Ибо здесь и города великие, и войско многочисленное, и обычай обращать в бегство варваров, и законы, и достойные состязания в виде ораторских выступлений, чтобы восхищаться деяниями императоров.

**Клятвенная грамота Михаила Гавриилопула¹
жителям крепости Фанари в Фессалии (1295 г.)**

Архонты фанариоты, большие и малые, светские и клирики, хрисовулаты и экскусиаты, со всем усердием просят, чтобы получить им грамоту господарства моего: если некоторые состояли или состоят стратиотами, то они остаются и несут ту же самую военную службу и не требуются на другую, то есть на стражу цаконскую². Потом (они просят), чтобы в окрестности их крепости ни я не переселял албанцев, ни один из преемствующих наследников моих, за исключением тех, которые (уже) живут по силе хрисовула и царского указа в тех владениях, которые они получили от фанариотов по царскому повелению, а равно – я не потребую всех этих фанариотов в поход куда-либо в течение трех лет. По прошествии же трех лет они пусть несут службу стратиотов, а не другую, именно цаконскую. Равно и все местные (жители) пусть несут службу в крепости Фанари, а не в другом месте [...]. И эта крепость Фанари пусть не переходит под власть кого-либо (другого), и я не введу (сюда) франкскую охрану, но она останется под властью моей и моих преемников по наследованию. Равным образом эти фанариоты нисколько не имеют и не подвергаются требованию с них какого-либо налога, именно ямской повинности, сбора хлебом (печеным), вином и маслом, пастбищного налога, или десятины за свиней, или постройки крепостных стен в другом месте и в крепости, за исключением, конечно, того, что господарство мое имеет от них обязательную для них военную службу и таможенный налог, брачный налог и житный. А если кто-либо будет обвинен в неверности или неповиновении, то пусть судится перед всеми архонтами и наказывается только он за свое преступление, но никто другой, и никто иной из рода его – или сыновья, или братья, или друзья его.

**Хрисовул василевса Андроника II Палеолога
о жалованьи привилегий каталонским
и прочим испанским купцам (1320 г.)**

Так как высочайший король Рагуны, Валенсии, Сардинии, Корсики, граф Барселоны, божественный друг моей царственности господин Иаков послал моей царственности письмо с каталонскими купцами Беренгарием, Бонатом Ренци, Вильгельмом Бертулини и Томазо Подио [...], царственность моя жалует настоящий хрисовул, по которому определяет, чтобы названные купцы и все остальные спокойно и впредь пребывали бы там, куда они приходят из земли высочайшего короля и уважаемого друга моей царственности, чтобы они могли свободно появляться в богоспасаемом, возвеличенном Богом и богохранимом Константинополе и в других местах моей царственности, всюду, где хотят, и совершать там свои сделки беспрепятственно и нерушимо [...].

¹ Михаил Гавриилопул – представитель могущественной фамилии, в конце XIII в. некоторое время (1295–1296 гг.) именовался «владыкою Фессалии» и имел резиденцию в греческом городе Фанари близ Кардицы.

² **Цаконы** или лаконы – легковооруженные воины, по происхождению с юга Пелопоннеса. В эпоху Палеологов использовались и для охраны императора и двorca.

?

1. Чем славится, по мнению Димитрия Кидониса, его родина? Как вы думаете, можно ли с ним согласиться?
2. Попробуйте определить значение терминов «хрисовулаты» и «экскусиаты» в грамоте Михаила Гавриилопула.
3. Какие гарантии и почему предоставлял Михаил Гавриилопул фанариотам?
4. Что можно сказать, исходя из грамоты Михаила Гавриилопула, о роде занятий и хозяйственной жизни жителей города-крепости Фанари?
5. Каков был характер налогов фанаритотов и о чем это говорит?
6. Какими правами наделял Андроник II испанских купцов? Сравните их с привилегиями, которыми пользовались в торговле генуэзские и венецианские купцы.

§ 22. Попытка обновления

Начало XIV столетия в обедневшем Ромейском царстве оказалось ознаменовано соперничеством личных и семейных группировок внутри византийской знати. В частности, ожесточенная междоусобная распря, переросшая в семилетнюю гражданскую войну, вспыхнула между василевсом Андроником II Палеологом (1282–1328 гг.) и его внуком, Андроником Младшим, в итоге низложившем деда. Тем не менее европейские провинции еще отчасти процветали и, опираясь на них, Византия могла существовать. Все бы ничего, но на головы несчастных ромеев в 1341–1354 гг. обрушились новые, намного более ужасные раздоры, вылившиеся в воистину трагические бедствия. Ромейское царство потрясла братоубийственная, на редкость жестокая, кровавая война, рожденная, с одной стороны, соперничеством византийской аристократии за престол, а с другой, – стремлением народа к общественной перестройке. В борьбу оказались втянутыми воинственные, коварные соседи греков – турки, сербы, болгары. Все они вынашивали мечту учреждения собственной империи в Константинополе. Результаты затяжной гражданской войны стали плачевными для Царства ромеев: тысячи убитых, уведенных в плен, разоренные и опустевшие некогда цветущие европейские области Империи, навсегда утраченные земли и надежды на спасение. И это на фоне надвигающейся опасности с Востока. Турки–османы, овладев Азией, перешли в наступление и готовились к прыжку через черноморские проливы. Джин мусульманской угрозы, в немалой степени при попустительстве ромейской знати, вырвался на свободу!

Ссора деда и внука

Возмущенный «неправославием», а, попросту говоря, легкомысленным поведением, распутством и скандальными любовными похождениями Андроника Младшего, 60-летний император Андроник II Палеолог, с подозрением относившийся к беспутному внуку, в 1320 г. лишил его как наследника права на престол. Он даже обдумывал

судебную расправу с ним, что, учитывая судьбу дедова брата, Константина, умеренного в тюрьме, заставило опального внука действовать.

Не долго думая, мятежный, буйный Андроник выступил против своего деда и василевса ромеев. При этом личные причины отступили на второй план. Внука поддержало молодое поколение византийской знати, видные феодалы, крупные землевладельцы Фракии и Македонии с их аристократическими кланами – Иоанн Кантакузин, Феодор Синадин, энергичный, опытный в военном деле, хитроумный авантюрист половецких кровей Сиргианн, по матери состоявший в родстве с императорской семьей, а также незнатный, но ставший влиятельным, амбициозный Алексей Апокавк, сумевший со временем подняться до ранга адмирала флота. В числе мятежников оказались даже сыновья верного премьер-министра царя, Феодора Метохита, оппозиция против которого тоже росла.

Андроник Младший слыл человеком деятельным, подвижным, не терпящим этикета размеренной и скучной жизни византийского двора. Он обладал красивой, рыцарственной внешностью, и, как типичный представитель «золотой молодежи», питал страсть «к ... вещам пустым»: обожал охоту, забавы с ловчими птицами и собаками, бега, любовные аферы, тратя на развлечения и азартные игры баснословные суммы. Его несколько не смущала дурная слава ветреника и бабника. Заподозрив одну из своих многочисленных любовниц в неверности, он устроил засаду около ее дома, поджидая неведомого соперника. На беду в эту засаду случайно угодил его брат, Мануил, другой внук Андроника II, на которого по недоразумению набросились и убили. Последовавшая вслед за этим смерть отца, василевса Михаила IX, сраженного трагическим известием, и ссора со строптивым царственным дедом, отказавшемся от своего внука, не вызвала и тени раскаяния у 23-летнего повесы. Напротив, провозглашение наследником младшего брата, Константина, только озлобило его и подтолкнуло к борьбе за «лакомство, которое обещала ему верховная власть». Беззаботный и самонадеянный, младший Андроник настолько уверовал в расположение к себе Бога, что, полагаясь на Его милость, даже отказался от услуг телохранителей. Народ, обираемый налогами, ухивившимися на откупные каталонцам и туркам, был недоволен непопулярным старым императором, правление которого было сопряжено с многочисленными утратами и тяжелыми лишениями, грозившими Ромейскому царству падением. Даже в возмущенной столице, где напряжение нарастало, нашлось немало таких, кто приветствовал мятежного внука, который с 1322 г. вновь вернул статус единственного наследника, а через три года был коронован в справители своего деда.

Разгоревшаяся тяжелая междоусобица продолжалась с перерывами семь лет и завершилась победоносным вступлением на трон нового василевса, Андроника Младшего – Андроника III Палеолога (1328-1341 гг.). Из-за беспечности, проявленной великим логофетом Феодором Метохитом, Константинополь был предательски захвачен без боя. Старый император, правивший почти пол столетия, под давлением напористого, хитроумного внука, действовавшего благоразумно, даровавшего земельные участки наемникам-латинам, щедро раздававшего привилегии и даже освободившего Фракию от налогов, отрекся от престола, еще два года жил во дворце в Влахернах на мизерном содержании, ослеп, после чего его заставили принять схиму. Еще через два года он скончался в крайней бедно-

сти как монах Антоний. На месяц его пережил талантливый сподвижник, попавший в опалу и лишившийся всего Феодор Метохит, тоже окончивший свои дни простым монахом. Яркая, но несчастная судьба этого рафинированного интеллигента, энциклопедически образованного человека, к слову, убеждавшего царя прекратить ссору, найти компромисс, доказывает, что даже самые умные люди, имевшие доступ к большой политике, были не в состоянии выправить кризисное положение.

Самое главное – распря довела и без того истощенную страну до совершенно плачевного состояния, открыла путь на территорию Ромейского царства болгарам, сербам, монголам и туркам, которые, не опасаясь отпора со стороны символической по численности армии, совершали свои опустошительные набеги на византийские земли. В результате некогда богатейшая византийская провинция – Фракия, особенно пригодная для выращивания зерна, была опустошена, многие деревни разграблены и сожжены. Ромеям пришлось вести здесь частые и кровопролитные войны. Еще более безуспешно они пытались вернуть свои былые позиции в практически уже утерянной Малой Азии, где под ударами турок-османов взывали о помощи значительные северные центры – Никея и Никомидия, отрезанные друг от друга. В силу этого Византия все более превращалась из Империи в малую европейскую державу Балканского полуострова, но и здесь ее теснили враги, прежде всех, крепнувшие за счет обильных серебряных рудников Ново Брдо сербы, легкомысленно не чувствовавшие общей нависшей над ними мусульманской опасности с Востока.

С победой Андроника III вся полнота власти оказалась в руках одного из самых видных представителей военной аристократии, могущественного фракийского магната Иоанна Кантакузина, с которым молодой император дружил с детских лет и которому безгранично доверял. Ведь, собственно, золото этого вельможи помогло Андронику Младшему победить в борьбе с его царственным дедом и облечься в вожделенную порфиру. Закадычный друг нового василевса получил титул великого доместика, или главнокомандующего, но все понимали, в чьих руках сосредоточилась реальная власть в стране.

Иоанн Кантакузин (1295/6–1383 гг.) был цельным человеком, одаренным дипломатом, тонким политиком и выдающимся полководцем. В 1341 г. он взял в жены Ирину, двоюродную сестру своего друга-василевса, и тем самым породнился с Палеологами. О сказочных богатствах этого аристократа ходили легенды. Иоанн и его мать Феодора по знатности и размерам состояния вполне могли соперничать со своими царственными родственниками. Центром их обширных владений, площадью около ста квадратных километров, являлась мощная фракийская крепость Дидимотика. Именно в ее округе располагались другие укрепления и поместья этого семейства. Рассказывают, что во время междоусобицы Кантакузины потеряли только одного скота до 25 тысяч лошадей, 50 тысяч овец, 70 тысяч свиней, но это лишь в малой степени сократило их непомерное, колоссальное состояние. Показательно, что наиболее частыми словами, встречающимися в мемуарах Иоанна, которые он напишет на склоне своих лет монахом, станут термин «кердос» – доход, денежная выгода, а также страх, обман и зависть. Это были огненные слова-знамена трагического для Византии XIV столетия, которое ей еще было суждено пережить.

С помощью Иоанна Кантакузина Андроник III, при всей том, что он тяготился царскими заботами и занятиями, все же проявил себя как богобоязненный, добросовестный и мудрый правитель. Он даже попытался реформировать судебную систему, ставшую притчей во языцах из-за своей хронической продажности. Созданная им централизованная высшая судебная коллегия из двух духовных и двух светских «вселенских судей ромеев», надзиравшими за всей судебной системой, проживет до последних дней Ромейского царства, хотя в условиях нараставшего ослабления связей с провинциями в разных местах, особенно на Балканах, со временем появятся свои, так сказать, местные вселенские судьи.

Внутреннее правление первых Палеологов характеризовалось противоречиями и конфликтом интересов государства, стремившегося к централизации, и аристократии, рвавшейся к власти, и на самом деле обладавшей ею, занимавшей особое, привилегированное положение.

В некотором смысле это явилось повторением политики XII в. с той разницей, что притязания государства были фактически гораздо слабее. Тем не менее и Андроник II, и Андроник III проводили жесткую фискальную политику, взимая некоторые налоги сверх положенных и, подобно последним Комнинам, претендуя на «королевские привилегии» (в денежном выражении). Однако в то же время Палеологи жаловали налоговые привилегии светской аристократии и Церкви, священнослужителям и монахам, последним в особенности. В этом заключалось сильнейшее противоречие, которое разрешилось не ранее второй половины XIV в., когда prerogatives государства поневоле существенно уменьшились.

В экономическом отношении, по крайней мере, до 1340-х гг. особенно хорошо развивалось сельское хозяйство и в определенной мере торговля. Но в отношении финансов государственные ресурсы уменьшились. Теперь значительную часть доходов присваивали церковные и светские землевладельцы, поскольку крестьяне-налогоплательщики чем дальше, тем больше становились зависимыми, то есть плательщиками земельной ренты. Михаил VIII Палеолог смог получить в свое распоряжение богатую казну Никейской империи и расходовать ее на нужды своей весьма дорогостоящей внешней политики, но у его преемников таких запасов уже не было. Такую сумму можно было получить только за счет дополнительных налогов, и значительная ее часть расходовалась на плату наемникам, как это видно из примера с буйными каталонцами кесаря Рожера.

И все же правительство Андроника III достигло наибольших, хотя и кратковременных, успехов на западе Ромейского царства: императорская власть в Фессалии была восстановлена, зарвавшиеся болгары отброшены, со все более напиравшими сербами удалось хотя бы на время заключить мирный договор, ослабевшее сепаратистское Эпирское царство, чей деспот был отравлен своей супругой, и независимая Албания признали себя вассалами дряхлой, но еще способной показывать зубы Империи. На Балканах больше не осталось независимых греческих государств. Ромейскому флоту, несколько поправившему свое состояние благодаря частным финансовым вливаниям великого доместика и других магнатов, удалось укрепиться на Эгейском море. В частности, остров Хиос, поднявший восстание против хозяйничавшей на нем генуэзской семьи Дзаккариа, с помощью военно-морских сил Империи вновь вернулся в ее состав. Соседняя Фокия, тоже находившаяся в руках генуэзцев, признала византийское верховенство. В отместку за захват Генуей Лесбоса василевс повелел разрушить

все укрепления Галаты, особенно активно возводившиеся с 1304 г. Немалая территория от побережья Мраморного моря до Адриатики еще могла считаться византийской. В провинциях, регионах действовала власть появившихся с XIV в. **кефалов** – военных администраторов, которые руководили так называемыми **катепаниками**, как правило, включавшими в себя крепость с прилегающими к ней территориями. В густо заселенной Македонии, еще не совсем потерянной ромеями, площадь возделанных земель достигла максимума, Фессалоника соперничали с Константинополем, а Монеувасия в Пелопоннесе – с латинскими портами Короном, Модоном и Кларансом. В подобных обстоятельствах на большее нельзя было и рассчитывать.

Однако опасность, грозившая ромеям с Востока, сводила эти незначительные, как показала история, недолговечные преимущества на нет. Османлы, турки-османы, более не сдерживаемые каталонцами, моментально овладели такими крупными западномалоазийскими городами как Эфес и Смирна. Для того, чтобы снять турецкую блокаду Никеи, в 1329 г. византийская армия высадилась на малоазийском берегу Босфора и впервые открыто сошлась в крупной схватке с врагом. 10 июня при крепости Филокрине на берегу Никомидийского залива она не смогла устоять перед дикой яростью османской конницы и понесла серьезные потери от лучников, расстреливавших ее ряды. Наступление темноты остановило битву, но к этому времени был ранен в бедро василевс, который лишь чудом избег позорного плена и вернулся в Константинополь на носилках. Царский конь с пурпурной попоной достался врагу. Уцелевшие воины в панике пытались спастись на кораблях, стоявших в порту, или, срываясь и падая, карабкались на стены запертой крепости.

Несмотря на сопротивление ромеев, особенно ожесточенное в Вифинии, то есть уже на самых ближних подступах к желанной столице Ромейского царства, **Орхан** (Урхан) **I Гази** (1326–1362 гг.), очередной бей из рода Османов, значительно расширивший свою власть за счет соседних турецких племен, в 1326 г., после семилетней упорной блокады, начатой еще его отцом Османом, заставил сдаться древний византийский город Прусу (Брусу, современная Бурса). Он сделал его столицей своего государства, провозгласив себя султаном, а также «повелителем горизонтов, героем всего мира». Это определило направление дальнейших главных ударов и решило судьбу северомалоазийских владений ромеев: в 1331 г. пала истощенная длительной осадой заветная Никея, в 1337 г. сдалась на милость победителя приморская Никомидия, отрезанная от спасительных поставок продовольствия по морю. Стирая даже память о захваченных городах, турки дали им новые имена – Изник и Измит. Таким образом, погибли центры, некогда составлявшие славу процветавшей Никейской империи и византийского мира. Ромеи оказались фактически изгнаны из Азии. Турок уже можно было видеть из Константинополя. В 1359 г., впервые за истекшие 642 года мусульманская армия появилась у стен Города. Ираклия Понтийская и далекая Филадельфия – последние разобщенные крупные восточные ромейские владения – были обречены.

Держава османов была разделена на **санджаки** – «знамена», а **санджак-беи** осуществляли власть на местах. При султанах была введена должность великого **везира** – своеобразного премьер-министра, стала чеканиться собственная монета – **акче** весом чуть больше грамма серебра. Следуя исламским традициям, православным христианам и иудеям было дальновидно гарантировано сохранение

жизни и собственности при условии уплаты хараджа, но католики во главе с Папой безоговорочно преследовались как самые непримиримые враги османов.

Продолжала развиваться новая система землепользования в виде тимаров – условных земельных пожалований, которые воины получали за военную службу султану. Таким образом, вместо племенного ополчения рождалась феодальная регулярная армия турок. Из всех акций, предпринятых османами, ни одна не имела такого важного значения как эта. Так возникла классическая восточная средневековая агрессивная деспотия, которая впитывала в себя элементы культуры подчиненных ею народов и способствовала их интеграции.

«Могильщики» Империи, турки–османы, с помощью ромейских мастеров построили в Никомидии – Измите собственный военно-морской флот, бороздивший Мраморное море, высаживали десант, нападали на эгейские острова, европейское побережье Византии и готовились к массовому переходу на Балканы через последнее водное препятствие – проливы. Они уже стали частыми непрошенными «гостями» во Фракии и Македонии, на беду для ромеев все лучше узнавая европейские дороги *Румелии*, как они называли Ромейское царство.

*«...против выдающихся
славой и родом»*

В стране, окруженной со всех сторон внешними врагами, в 1341 г. вспыхнула долгая гражданская война, причем самая тяжелая и разорительная за всю историю Византии. В ее хаосе потонули все слои ромейского общества, расколотого на привилегированную аристократию и простой народ.

На одном полюсе находилась крупная провинциальная землевладельческая знать, динааты и династы, которые жаждали расширить и укрепить свои права и привилегии в государстве, и, так или иначе, толкали Ромейское царство в пучину феодальной раздробленности. Идейным вождем и вдохновителем этих кругов стал умный, наделенный многими талантами государственный деятель Иоанн Кантакузин, регент при девятилетнем василевсе Иоанне V Палеологе (1341–1391 гг.), старшем сыне скоропостижно скончавшегося Андроника III и вдовствующей императрицы Анны Савойской. В октябре 1341 г. в Дидимотике приверженцы Кантакузина и армия, которой он командовал, даже провозгласили его императором, хотя он сам пошел на этот шаг вынужденно, продолжал признавать верховное право Анны Савойской и Иоанна V на трон, подписывал хрисовулы их именем и своим и заявлял, что борется лишь с «дурным» окружением при дворе императрицы.

Другая сторона была представлена столичным чиновничеством и духовенством, не желавшие мириться с засилием в Константинополе крупной провинциальной аристократии, а также, что особенно важно, – купцами, ремесленниками и предпринимателями, моряками, населением провинциальных приморских городов, крестьянами, беженцами, то есть всеми теми, кто страдал от всевластия и произвола динаатов, нес наибольшие лишения от нападений нахлынувших врагов и мечтал о превращении Ромейского царства в приморское торговое государство, которое сполна и беспрепятственно смогло бы воспользоваться выгодами своего уникального географического положения. Как вокруг знамени, они сплотились возле законного василевса Иоанна V и его матери Анны Савойской, еще при жизни мужа чувствовавшей себя ущемленной Кантакузином. Душой правительственной партии заговорщиков стал честолюбивый Патриарх Иоанн

Калека (1334–1347 гг.), отлучивший узурпатора Кантакузина от Церкви и претендовавший на роль регента юного Иоанна, а организатором – хитроумный, отличавшийся авантюрными способностями Алексей Апокавк, человек незнатного происхождения, поначалу простой писарь из канцелярии доместика, правителя провинции, выдвинувшийся еще во время борьбы Андроника III Младшего с дедом. Благодаря Кантакузину он нажил богатства, но теперь прикидывался защитником обездоленных. Вдохновляемая ими толпа разгромила и разграбила столичный дом Иоанна Кантакузина, объявленного врагом отечества, и Апкавк, возведенный в сан мегадуки, провозгласил себя префектом Константинополя. Все его помощники тоже получили высокие места и звания. Таким образом, оформился, хотя и временно, антидинатский союз городов, крестьянства и центральной власти. Горожане, которых душило экономическое и политическое заисилье магнатов, надеялись ограничить привилегии последних и расширить собственные права, подвигнуть свое отечество на «генуэзско-венецианский» путь развития и тем спасти его. Единым фронтом с городами выступило и основная масса сельского населения.

Вековая ненависть против притеснений и своеволия богачей, «выдающихся славой и родом», нашла выход в погромах: динатов избивали, лишали имущества, дома их разрушали, а захваченных в плен в кандалах конвоировали в Константинополь. Вся Фракия и Македония были накрыты всесокрушающей волной темного народного гнева. Крестьяне разгромили и разграбили богатейшие имения Кантакузинов: растаскивались ломившиеся от зерна и иного добра склады, угонялись бесчисленные стада скота. Та же участь постигла поместья большинства местной земельной аристократии.

«Можно было видеть, – писал Никифор Гигора в своей «Истории», – весь род ромеев расколовшимся на части в каждом городе и в каждой деревне – на разумную и неразумную, на обладавшую богатством и славой и на терпящую лишения, на познавшую благородное воспитание и подчиненную порядку и на неразумную, мятежную и кровожадную. Все лучшие стекались к Кантакузину, все худшие – к тем, кто сидел в Константинополе». Такую же оценку происходившему позже дал в своих мемуарах и Иоанн Кантакузин, писавший о себе в третьем лице: «Общей была война у каждого города и против василевса Кантакузина, и против динатов, ибо почти надвое расколосось государство: немногие держались Кантакузина, а массы народа, предводительствуемые мятежниками и неимущими, предпочли встать на сторону столицы. Повсюду взяв верх, они уничтожали динатов, и ужасное смятение и беспорядок охватили города».

Особенно мощное антидинатское восстание развернулось в 1341 г. в крупном фракийском городе Адрианополе, где слишком хорошо знали и люто ненавидели Кантакузинов и их сторонников. Скоро и другие фракийские города поднялись с оружием, здешние дианты прятались или пытались спастись бегством к сербам. Ошеломленные такой ненавистью, первое время они пытались договориться о мире, но Алексей Апокавк, направивший в качестве представителя своего сына Мануила, приказывал убивать или заковывать в цепи любых парламентаров и послов, шири террор против кантакузинистов. Даже старая мать Кантакузина, Феодора, погибнет в темнице. Войска впавшего в отчаяние Иоанна, отлученного от Церкви и заклеянного как враг народа, безуспешно пытались взять мятежную Фессалонику. Только неожиданно пришедшая после

удачных дипломатических переговоров добровольная помощь в лице потенциального врага – сербского короля Стефана Душана Сильного (1331-1355 гг.), вынашивавшего свои имперские амбиции, корыстные экспансионистские планы, и наемники старого союзника и преданного друга Иоанна, турецкого эмира Умура-паши, владевшего западномалоазийской Смирной с ее флотом, помогли спасти положение, перейти в наступление, вернуть многие фракийские города и замки, разорив их. После этого провинции Фессалия и Македония высказалась в поддержку Иоанна Кантакузина.

Спасение для избранных С упадком государства, неспособного регулировать отношения, именно Православие, не зависящее от царства земного, стало все больше отождествляться с византийской политической идеологией. Наследницей Римской империи на Востоке – и в культурном смысле, и в смысле имперской идеологии – все больше становилась Церковь и особенно – монашество.

В этих кризисных условиях постоянных раздоров, лишений и бедности, поневоле ведущей к аскетизму, в ромейском обществе усилились религиозные споры вокруг **исихазма** (правильнее **исихасма**) – очень давнего, ярко выраженного мистико-аскетического духовного учения, истоки которого обнаруживаются уже в монастырях Египта и Сирии IV в., в частности, в мистических и монашеских взглядах такого оригинального инока-интеллектуала как Евагрий Понтийский (345-399 гг.) с его идеей непрерывной безмолвной молитвы, посредством которой уму открывался незримый сапфировый свет Святой Троицы. В своем исходном значении слово исихия означало «священное безмолвие, умиротворение, созерцание, отрешенность». Ничего принципиально нового в нем не было и теперь, но обстоятельства способствовали тому, что исихастское движение широко распространилось с 30-х гг. XIV в., будучи возрождено афонским отшельником, монахом-подвижником, богословом Георгием Синаитом (ок. 1265 – после 1341 гг.), обуздавшим византийские земли.

Пламенный последователь Синаита, крупный византийский ученый и оригинальный богослов **Григорий Палама** (1296-1359 гг.), в 20 лет бросивший все – учебу, перспективы придворной карьеры и удалившийся в монастырь на Афон, в ряде своих поучений поддержал и развил новое учение о исихии – «священно-безмолвии» и строгом молитвенном уединении. В итоге к 1338 г. оно вылилось в сложную теолого-философскую и аскетическую систему и получило еще одно название – **паламизм**. Его основой стало отрицание рационализма и опора на эмоциональное мировосприятие и личное благочестие, достигаемое путем созерцания, борьбы с искушениями, совершенного послушания, самоотречения, бесстрастного предания всего себя Господу. Терпение к скорбям через понуждение, усилие к молитве должно было вести к очищающей тело от страстей, просвещающей, приводящей к совершенству благодати.

Палама призывал презреть даже необходимые потребности, что означало отказ от хозяйственной активности, разрыв родственных уз, ограничение потребления и накопительства материальных благ и посвящение всего времени прежде всего глубокой молитве и делам милосердия. Все должно было заполнить уединенное спасительное моление, по возможности, совершаемое почти непрерывно, в полном безмолвии – исихии. В этом виделся и отказ от пути, по

которому шла Римская Церковь, а значит, и возможного, очень страшившего православных, слияния с нею.

Латинский Запад резко отверг исихасм, но в славянских странах, особенно у болгар, он получил поддержку. На Руси последователями этой аскетической идеологии и практики, направленной на поиски особого пути соединения с Богом, стали Сергей Радонежский, Феофан Грек, Андрей Рублев, Нил Сорский и его ученики, и хотя это случилось уже после гибели Византии, во многом определило направленность Православия, попытки создать «монастырь в миру», отказ от рационализма и от поиска истины через человеческую мудрость.

Григорий Палама считал, что Бог – надбытийный, невидимый, непознаваемый и неназываемый, высшее благо и форма форм. Только мистическое единение с Господом через «умную молитву», то есть многократно повторяемую и вслух и про себя, умом, молитву, и принятие сердцем и душой евангельских заповедей заменяет страх перед Богом любовью и делает доступным духовное спасение. Палама твердил, что Бога можно познать в безмолвии и уединении благодаря особой энергии, которая исходит от Господа и проявляется в мире как лучи некоего неземного Божественного Света, подобного тому, каким перед апостолами сиял Христос на палестинской горе Фавор в момент Своего Преображения. Но увидеть Его возможно лишь в результате экстаза, особого напряжения воли, погружения человека в себя, и не обычным зрением, а «внутренним оком» – духовным разумом, поскольку этот Свет является проявлением божественной энергии, как и мудрость, милость и любовь Бога. Так появилось понятие синэргии, которая являлась соединением усилий человека и божественной энергии.

Афонские монахи – главные проводники исихасма – даже изобрели своеобразный способ, точнее, физическую «технику» соединения с Богом. Она заключалась в многократно повторяемой, долгой, тихой или вообще безмолвной краткой молитве: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя» (на греческом языке она звучала еще короче: «Кирие Иису Христэ элеисон мэ»). Ее надо было творить, находясь в уединении, не дыша часто, но говорить примерно пять или даже больше молитв за один вдох и выдох, причем в особой позе, плотно прижимая подбородок к груди, фиксируя взор на области сердца, каждый раз все дольше задерживая выдох. Грудь или пуп были в данном случае упором, на котором концентрировался взор. Задержка дыхания вела к увеличению концентрации углекислого газа в организме, в результате чего на грани потери сознания во время молитвенных боений – медитаций появлялись столь желанные божественные видения. Но при этом лишь избранные, самые смиренные, наиболее благочестивые праведники, отказавшиеся от всего, занятые непрерывным нравственным совершенствованием своего внутреннего мира, для которых постоянно повторяемая «умная молитва» стала дыханием, могли уловить Фаворский Свет и познать Бога, его милость, благодать, а, следовательно, и спастись. Таким образом, исихия – «безмолвие» означало не просто молчание, а особый аскетический, бесстрастный образ жизни, высшую ступень монашества, которая посвящена прежде всего и более всего непрестанной умно-сердечной Иисусовой молитве и связана с максимальным удалением от всего, что такой молитве препятствует.

Единодушного признания учения с его новой аскетически-медитативной практикой не произошло. У одних оно вызвало беспокойство, у других – сарказм, насмешки и сопротивление. Как и следовало ожидать, паламизм активизировал давнюю страсть византийцев к диспутам, словопрениям. Эмоции с обеих сторон накалились и вылились в кризис, который еще более усугубил страсти вскоре разразившейся гражданской войны.

Видный математик и философ, православный монах, воспитывавшейся в латинском окружении, **Варлаам из Калаврии** (ок. 1290-1350 гг.), человек большой учености, однако самоуверенный и сварливый, посетив Афон около 1330 г., познакомился там с укладом духовной жизни исихастов и их исихастириями – дословно «местами безмолвия», но не принял их. Более того, изгнанный афонскими монахами, он выступил в Константинополе с резкой критикой идей и методики исихасма. Варлаам исходил из того, что сотворенный мир является замкнутым в своей собственной природе и не может быть открытым для соединения с Богом как таковым. Он упрямо доказывал, ссылаясь на известные догматы, что Господь сам по себе непостижим и невидим, а значит, никто не может увидеть и Его Свет. Варлаам обвинял учителя безмолвия и его сторонников в том, что те, отделяя энергии от сущности Бога, предполагают, что Бог является сложным, состоящим из частей. Более того, они создают новых мнимых богов, которым и поклоняется в уединении, что совершенно неприемлемо. Стихийный материалист Варлаам, современник таких крупнейших итальянских писателей-гуманистов как Франческо Петрарка и Джованни Боккаччо, высмеял практику исихастов молиться в особой позе, глядя вниз, на область сердца и живота, в ожидании появления Фаворского света. В полемическом задоре он издевательски называл исихастов «омфалонпсихами» («пуподушниками») и заносчиво рекомендовал всем христианам, чтобы они не теряли своего времени в непрестанной молитве, а скорее бы начали изучать труды древних философов и авторов, и именно с их помощью очистили бы свой «непросвещенный» ум от «темного суеверия» и просветились. Другими словами, Варлаам пытался убедить своих противников, что соединение с Богом и познание Бога возможны только через познание мира, сотворенного Богом, а не через долготерпение и невозмутимость.

В 1338 г. Григорий Палама изложил свои доводы в богословском труде «Триады в защиту святых исихастов», а к 1340 г. афонские подвижники составили общий ответ на нападки Варлаама, так называемый «Святогорский томос». Они признавали, что применение тех или иных приемов при совершении Иисусовой молитвы без непосредственного наблюдения за этим опытного наставника может нести в себе опасность для духовного здоровья молящегося, если он придает им первостепенное значение и не трудится в приобретении смирения – главного условия правильной молитвы. Поэтому учителя молитвы советовали молящимся сосредотачиваться на словах молитвы и смиренном расположении души, подобно тому, с каким нищий просит милостыню. В конце концов, на Константинопольском синоде 1341 г. в храме Св. Софии произошел генеральный диспут Григория Паламы с Варлаамом, после чего Собор принял положения Паламы, учение Варлаама было осуждено как ересь и сам он предан анафеме. Это решение незадолго до своей смерти успел поддержать и сам василевс Андроник III Палеолог (1323-1341 гг.)

Однако споры между паламитами и варламитами не закончились. К числу горячих, ярых антипаламитов присоединились диакон, монах Григорий Акин-

дин (дословно «Безопасный») (ок. 1300 – ок. 1348 гг.), болгарин или славянин из пограничного с Византией македонского Прилепа, друг Варлаама, пользовавшийся большим влиянием при дворе императрицы Анны Савойской и малолетнего Иоанна V Палеолога, и ненадолго – даже Патриарх Иоанн Калека (1341–1347 гг.). Страсти разгорались. Акиндин, отнюдь не оправдавший свое прозвище, выступил с рядом опасных трактатов, в которых называл Григория Паламу и прочих афонских монахов виновниками церковных смут. Теперь Палама писал уже опровержения против Акаиндина. Следует заметить, что именно в этой полемике и креп исихасм.

Тем не менее уже в 1342 г. Патриарх велел сжечь сочинения Паламы, а через два года он был осужден собором, пытался скрыться из Константинополя, но был арестован по обвинению в агитации в пользу Иоанна Кантакузина и отправлен в тюрьму, где провел три года. Лишь в 1347 г., когда произошла смена Патриархов, в осажденном и опустошенном бубонной чумой Константинополе прошел еще один собор, осудивший учение Акиндина и оправдавший Григория Паламу. Опального монаха-священника освободили и даже возвели в сан архиепископа Фессалоники.

Акиндина же, осужденного уже на соборе 1341 г., три года прятала Ирина, пользовавшаяся большим влиянием, необыкновенно властная, престарелая игуменья столичной обители Христа Филантропа («Человеколюбца»), бывшая невестка василевса Андроника II Старшего, овдовевшая в 16 лет. Она была очень жестким противником Паламы, который последними словами поносил ее в своих сочинениях. Как бы то ни было «Безопасному» не повезло ни с друзьями, ни с противниками: запутавшись в перипетиях борьбы, он умер в изгнании в возрасте 48 лет.

Таким образом, гражданская война совпала с величайшим бедствием тех лет – пандемией чумы 1347–1348 гг., проходивших в условиях кризиса в византийской Церкви и ожесточенных споров мистиков, сосредоточенных вокруг вопроса о возможности опытного познания Бога в Его Сущности посредством уединенной и непрерывной мистической «умной молитвы». Дискуссии относительно опытного познания Бога в Его Сущности, а не в Его творениях, в контексте средневекового христианства были не новы, но в 1340-х гг. они приобрели главенствующее значение и, в определенной мере, связь с гражданской войной, главным образом потому, что основные сторонники мистицизма, как, например, ученый Григорий Палама, были также и верными соратниками Иоанна Кантакузина, к слову, противника союза с Римской Церковью и ориентации на Запад.

После длительной и ожесточенной полемики, лишь усилившей в Ромейском царстве и без того высокий накал идеологической нетерпимости, победу все же одержали исихасты, доказывавшие, что мудрость, любовь, милость и благодать Божия, как и Фаворский Свет, тоже являются Божественными энергиями. Ими и преодолевается пропасть между миром сим и потусторонним. На зловещем фоне продолжавшей опустошать Константинополь эпидемии *«черной смерти»*, одной из самых свирепых в истории человечества, Поместный собор 1351 г. во Влахернском дворце, дабы положить конец раздорам в Церкви, торжественно признал Православие исихастов, провозгласил исихасм официальной доктриной, то есть официальным каноническим учением византийской Церкви. Его положения были включены в Синодики Православия – особую церковную служ-

бу, во время которой предавались анафеме противники учения Паламы, все прочие враги Православной Церкви и возглашалась вечная память ее ревнителям. Более того, сам бунтарь Григорий Палама, страдавший за свои идеи вплоть до тюремного заключения и отлучения от Церкви, через десять лет после кончины в Фессалонике, будет канонизирован на Константинопольском синоде 1368 г. при Патриархе Филофее, который напишет Житие и службы новому православному святителю.

В перипетии религиозных дебатов, как уже не раз бывало, оказались втянуты самые широкие слои простого народа, стремившегося отстоять веру своих предков, не любившего латинов и видевшего в натиске турок предвестие апокалиптического конца Ромейского царства. Сторонники Кантакузина, думая стабилизировать внутривластическое положение, стали под знамя паламизма и поддерживали исихастов. Возвышенная идеология Паламы с его призывами к глубокому смирению, терпению, бедности, уединению и полному отречению от действительности, была объективно выгодна им, приверженцам старых традиций, хотя теперь за ними и стояли стагнация и застой. Враждебная Кантакузину правительственная партия и противники мистики, наоборот, осознавали трагизм ситуации. Для них был характерен антипаламизм и верность ортодоксальному Православию, то есть привычному мировоззрению, но они же часто заимствовали аргументацию у западных богословов, готовы были идти на идеологические уступки католицизму, ожидая помощи Папы. Сам Палама поэтому был брошен в тюрьму, но и его главный противник, Варалаам вынужден был бежать на Запад. Меч веры вновь был вынут из ножен, чтобы кромсать и чужих, и своих.

Признание исихасма официальным учением Греческой Церкви, его доминирование имело не только религиозное, политическое, но и культурное значение для Византии. Хотя он ограниченно повлиял на повседневный уклад жизни (это была преимущественно монашеская аскетическая практика), в ромейском обществе ощутимо сократилось изучение естественных наук, истории, литературы, музыки, стало уменьшаться количество высокообразованных интеллектуалов. И не удивительно. Ведь исихасты, при всем их смирении, резко ополчились на «эллинские науки» и даже объявили их губительными для спасения души. В частности, Палама в «Триадах» объявил стремление посвятить свою жизнь светским наукам делом предосудительным и даже демоническим. Такой обскурантизм исихастов не мог не принести свои, отнюдь не лучшие плоды.

Плачевное экономическое положение поневоле толкало к бытовому аскетизму, высоко ценимому исихастами, паламитами, что, впрочем, не мешало губительному падению нравов и перениманию не лучших обычаев тех же поносимых латинов. Уменьшилось число ученых классической школы и они работали в условиях определенной культурной изоляции. Отчасти именно из-за холодного дыхания аскетических идей исихасма быстро увял едва начавший распускаться хрупкий цветок ромейского предренессансного искусства. После сильной латинизации XII-XIII вв. верх взяло консервативное греческое направление, резко враждебное не только Римской Церкви, но и всей культуре католического Запада. Партия исихастов быстро политизировалась и захватила в Ромейском царстве «командно-идеологические высоты».

Кроме того, паламизм несомненно нес асоциальный характер: призывы исихастов к отходу от активной жизни, к самому простому труду без стрем-

ления к накоплению, обогащению, к отказу от ответственности, к покорности, послушанию, безропотному долготерпению в ожидании благодати с Небес вели к другой крайности – негативно воздействовали если не на всех, то на некоторую часть ромеев, отрывали их от общества, уводили от борьбы с реальной турецкой опасностью в мир мистики, благостного созерцания, отрешенной молитвы, безмолвия и смиренного уединения. К моменту окончательной гибели Византии ее Церковь взяла на себя олицетворение имперской традиции и говорила о «повиновении больше Богу, нежели человеку» (Деян. 5, 29). По сути дела речь шла о неповиновении государству, что особенно ярко проявилось в активизировавшихся спорах об унии.

**Фессалоникская
«республика» (1342–1349 гг.)**

Самая острая борьба горожан против засилья знати развернулась в это время в Фессалонике с ее давней традицией свободолобивых устремлений. Она всегда оставалась крупнейшим коммерческим, ремесленным и портовым центром Ромейского царства, еще одним «оком Империи». Это был город искусных ремесленников, купцов и мореходов.

Но, как, впрочем, и в других городах, все важнейшие вопросы здесь решали могущественные магнаты и духовенство, игнорируя интересы остальных горожан. Некоторые аристократы были столь богаты, что на собственные средства содержали гарнизон огромного, по средневековым меркам, города: в XIV в. в Фессалонике проживало 40–50 тысяч человек. Величайшее богатство соседствовало здесь с крайней бедностью.

Наконец, в 1342 г. народное терпение иссякло. Воспользовавшись войной двух Иоаннов – Палеолога и Кантакузина, горожане восстали и провозгласили Фессалонику республикой. Во главе бунтовщиков стала экстремистская народная партия **зилотов**, в переводе с греческого – «ревнители», с крепкой организацией и более или менее ясной антиаристократической идеологией. В нее входили богатые торговцы и предприниматели, ремесленники и моряки, средней руки землевладельцы и крестьяне округи. Они изгнали около тысячи приверженцев Кантакузина, иных же без колебаний убивали или арестовывали. Своеволие, жуткое буйство этого террора воистину не знали границ.

Почти семь лет после этого город жил по своим собственным законам и имел почти полную независимость. Все ответственные посты Фессалоникской «республики», разумеется, заняли зилоты, часто не блиставшие происхождением. Они же установили собственный режим, создали городское самоуправление.

*Власть в Фессалонике была поделена между двумя верховными архонтами, каждый из которых имел при себе собственный совет. Один из архонтов, Михаил Палеолог, являлся главой зилотов. Он возглавлял городское самоуправление и мог созывать народные собрания для решения особо важных и трудных вопросов. Другой, родственник (сын или брат) константинопольского диктатора Алексея Апокавка, **великий примикирий** Иоанн Апокавк, в качестве царского наместника представлял столичное правительство. Он командовал гарнизоном «республики», по крайней мере, до тех пор, пока не был казнен ужасной смертью после неудачной попытки переворота в пользу Кантакузина: вместе с другими изменниками сброшен с крепостной башни и изрублен в куски.*

Зилоты были сторонниками законной власти Палеологов и партии Алексея Апокавка, а также находились в жесткой оппозиции по отношению к исихастам, среди которых было много союзников Кантакузина. Они предложили регентам Иоанна V и центральному правительству помощь в борьбе против непокорной знати.

За свое короткое правление зилоты провели в жизнь поистине революционные преобразования: установили всеобщее равенство всех граждан перед законом, разрешили всем участвовать в народных собраниях и избирать должностных лиц, конфисковали имущество знати и некоторых монастырей, церковных имений и пустили эту собственность на общее благо, на оказание помощи беднейшему населению города и деревни, отменили право завещания имущества церквям и монастырям, подчинили Церковь светским властям, сделали выборными все церковные должности, аннулировали долги бедноты ростовщикам, освободили население от некоторых налогов. Наконец, они организовали ополчение, основную вооруженную силу которого составили отважные и бывалые моряки, снабдили это ополчение средствами и восстановили полуразрушенные городские стены.

Вероятно, зилоты, если бы им удалось добиться более широких, кардинальных изменений и успехов, могли бы встряхнуть общество, помочь ему совершить столь нужную перестройку и вывести Византию из того тупика, в который она зашла. Однако история – эксперимент, который при провале нельзя повторить.

?

1. Как вы думаете, насколько справедливыми были притязания Андроника Младшего на императорский престол и выигрывала ли от этого Византия?
2. Как выглядело внешнее положение Ромейского царства в правление Андроника III Палеолога?
3. В чем заключалось главное противоречие политики первых Палеологов?
4. Чем можно объяснить успехи турок-османов по созданию своего собственного государства в XIV в.? Какие сильные стороны оно имело?
5. Назовите и охарактеризуйте противоборствующие лагеря византийского общества в период гражданской войны.
6. Почему в Византии вспыхнула гражданская война? Можно ли было ее избежать и каким образом?
7. Почему для центральной власти важна была поддержка городов?
8. Поищите ответ на вопрос, каким образом и когда сложился союз городов и правительства в Византии и западной Европе?
9. В чем заключалась главная идея учения исихасма? Она была вредна или полезна для поздневизантийского общества и Православия?
10. Можно ли ставить знак равенства между паламизмом и исихасмом?
11. Как вы полагаете, почему сторонники Иоанна Кантакузина поддерживали учение Григория Паламы, а существенная часть высшего духовенства вместе с Патриархом яростно противилась ему?
12. Интересы каких слоев Фессалоники представляли зилоты?

13. Как вы считаете, что удалось и чего не удалось сделать зилотам за время своего правления?
14. Как называлось устройство государства зилотов? Почему?
15. С какой гражданской войной в истории Ромейского царства сравнимы события 1341–1349 гг.? Что в них было общего и различного?

Внимание, источник!

«Ромейская история» Никифора Григоры (ок. 1293–1361 гг.) о нападении турок при Андронике II Палеологе Старшем (1282–1328 гг.)

[...] Нападениз турок становились чаще и чаще, вследствие чего положение римского государства становилось все хуже и хуже. Все орудия обороны, и свои и получаемые царем со стороны, по воле Божьей, оказывались совершенно ничтожны. Тогда царь пошел другим путем, – правду сказать, – скользким, но, по тогдашнему трудному и тяжелому времени, не очень соответствовавшим цели. Он нашел нужным увеличить ежегодные поборы со своих подданных, чтобы одну часть ежегодно употреблять на разные нужды, а другую тратить на врагов – соседей и на нее покупать мир с ними. В этом случае, впрочем, он поступил точно так, как если бы кто, желая подружиться с волками, перерезал себе во многих местах жилы и дозволил волкам пить его кровь и насыщаться.

«История» Иоанна Кантакузина (1295–1383 гг.) о восстании в Адрианополе (1341 г.). Автор писал о себе под псевдонимом Христул, в третьем лице.

Когда в Адрианополь прибыли письма василевса Кантакузина, которые он велел разослать и в другие города с извещением о своем вступлении на престол, знать хорошо приняла эти письма и велела зачитать их на собрании народа¹. Народ же принял их с возмущением и замыслил переворот; некоторые открыто выступали против. Разгневанная знать не только поносила их бранью, но и велела наказывать плетью. Народ некоторое время переносил бесчинство знати, хотя сторонников у него было немало, так как не было вождей, которые возбуждали бы народ. Когда же наступила ночь, некий Вран, человек из народа, землекоп, едва добывающий средства к жизни, и двое других присоединившихся к нему, которые назывались Мугдуф и Франгопул, обходили дома простолюдинов и уговаривали их восстать против знати. Они убеждали не только отомстить за свое оскорбление, но и разграбить имущество знати. Собрав немало народа, они напали на знатных и завладели всеми, за исключением немногих, которые, чувствуя заговор, успели скрыться. Заперев пленных в городские башни и расставив стражу, народ, при наступлении дня, направившись по домам пленников, грабил их имущество, разрушая их дома, ломая не только деревянные части постройки, но в бешенстве разрушая и стены до основания [...]. Многие хотели использовать это движение народа в собственных интересах. Многие же, которым должны были деньги, обвинялись должниками в кантакузинизме [...]. Восставшие состояли из бедняков и грабителей. Побуждаемые бедностью, они решались на все,

¹ Под народом автор понимал широкие социальные слои, включавшие в себя ремесленников, солдат, купцов, объединенных своими оппозиционными действиями по отношению к динамам в условиях социально-политического-кризиса и гражданской войны в Ромейском царстве.

и толкали к этому народ, лицемерно показывая свое расположение к Палеологу¹ и называя себя его вернейшими слугами [...]. Все города сообща восстали против знатных [...]. Те, кто ненавидел Кантакузина и выступал против него с обвинениями и проклятиями, считались верными гражданами [...]. Все благоразумные и умеренные в речи тотчас брались под подозрение [...].

Потом все Ромейское царство было охвачено самой дикой и тяжелой борьбой [...]. Народ готов был восставать по малейшему предлогу и отваживался на самые ужасные действия, так как ненавидел богатых за их плохое обращение с ними в мирное время и теперь надеялся, кроме всего прочего, захватить их собственность, которая была велика.

**Из монодии Димитрия Кидониса (ок. 1324-1397/98 гг.)
о расправе зилотов над знатью в Фессалонике в 1345 г.**

[...] Несчастных тащили на башни, и город, казалось, разделял преступление, так как одни были исполнителями, а другие развлекались предложенным им зрелищем. Они бросали жертвы с высоты стены, а находившиеся внизу подхватывали их на острия своих мечей. У одного была разбита голова, у другого брызнул мозг, у третьего распорот живот. У одного отрезали ногу, другому сломали спинной хребет. Всякий, кого сбрасывали со стены и кто, прежде чем консуется земли, попадал на острие мечей, был мертв, но тем, кого еще не сбросили, было еще хуже, так как они наблюдали все эти ужасы и, видя тела своих друзей, могли знать, каковы будут их тела после падения. Если кто-нибудь, упав, оставался полуживым и просил его пощадить, этим лишь получал более медленную и более жестокую смерть. О тех, кто умирал с одного удара, не заботились. Но против тех, кто еще дышал, толпа ожесточалась. Их убивали всякими способами. Для многих даже смерть не обеспечивала уважения к их телам. Как будто палачи злились на трупы за то, что они целы; они их рубили на куски, чтобы сделать их неузнаваемыми для родственников, которые позднее придут за ними. Тела бросали на тела. Всюду валялись мозги, кровь, внутренности, камни, мясо, куски дерева, обрывки трупов.

**«Программа зилотов» из обвинительной речи известного богослова-мистика,
исихаста Николая Кавасилы (ок. 1320-1397 / 1398 гг.),
друга и советника василевса Иоанна VI Кантакузина**

[...] Что удивительного, если, беря имущества монастырей, мы их употребим на то, чтобы кормить бедных, помогать священникам, украшать церкви? То, что остается монахам, достаточно для их потребностей. Мы не противоречим намерениям дарителей: они не имели другой цели, кроме той, чтобы служить Богу и кормить бедных. Если, кроме того, с помощью этих средств мы вооружим воинов, которые идут умереть за законы, за защиту укреплений, разве это не лучшее употребление, чем, если бы эти средства были бесполезно истрачены монахами и священниками, которым на прожитие достаточно немного и немного для других потребностей, и которые остаются у себя дома под защитой, не подвергаясь никакой опасности? Защита укреплений и законов есть самое необходимое, и это – дело воинов. Разве мы совершаем несправедливость, если приказываем на эти деньги поправить крышу, поднять расшатанный дом, охранять поля и собственность, кормить тех, кто умирает за свободу?

¹ 19-летнему законному василевсу Ианну V Палеологу (1341-1376, 1379-139 гг.).

[...] Если из этих денег никто ничего не берет лично для себя, если ничего не тратится на личные нужды ни из имущества клира, ни монастырей, но если при помощи этих денег восстанавливаются стены, бегут враги, захватываются трофеи, и народ пользуется удивительным спокойствием, кто осмелится критиковать и порицать наши действия?

[...] Правители могут отобрать имущества у богатых и обращать их на общественные нужды, действуя при этом насилием в интересах общественного блага.

Из богословских наставлений святителя Григория Паламы (1296–1359 гг.)

[...] Зло, которое всегда ищет возможности отвлечь нас от высокого, очаровывает наши души и сплетает нерушимо нас с суетными людьми. Оно дает нам обширное и глубокое пространство, обширность его знаний, как оно побуждает других к богатству или ложной славе и телесным удовольствиям, прежде чем мы всю жизнь будем заниматься поиском вещей и не найдем в себе достаточно сил, чтобы очищать душу воспитанием, основной принцип которого – страх перед Богом, чтобы раскаяться после длительной молитвы и принять евангельские заповеди. При соединении с Богом одновременно через молитву и принятие Его заветов страх заменяется любовью, и боль при молитве, став радостью, порождает цветок озарения. И, как запах этого цветка, знание загадок Бога доступно тому, кто может его вынести. Вот настоящее образование и знание, которое человек, преданный любви к суетной философии, обманутый этими построениями и теориями, не видит с самого начала, то есть страх перед Богом. Именно этот страх есть принцип мудрости и божественного созерцания, страх не может жить в душе вместе с какими-то другими чувствами. Он очищает ее и шлифует через молитву, чтобы сделать похожей на чистую досочку, приготовленную для даров разума.

Из исихастского трактата «Метод священной молитвы и внимания» о мистической практике соединения афонских монахов с Богом (XIV в.).

Заперши двери [ума] и вознеси ум твой от всего суетного, то есть временного. Потом склони подбородок твой на грудь свою (упершись брадой своей в грудь) и устрями чувственное око со всем умом в середину чрева, то есть на пупок твой; далее, сожми обе ноздри твои так, чтобы едва можно было дышать (удержи тогда и стремление носового дыхания, чтобы не дышать часто), и внутри исследуй мысленно утробу, дабы обрести глазами то место сердца, где сосредоточены все способности души (душевные силы). Сначала ты ничего не увидишь сквозь тело твое; но, когда проведешь в таком положении день и ночь, тогда – о, чудо! – увидишь то, чего никогда не видал, – увидишь, что вокруг сердца распространяется Божественный Свет.

?

1. Почему Никифор Григора порицал способ, каким Андроник II Палеолог пытался бороться с турками? В чем его ошибочность?
2. «Война двух Иоаннов» – это повод или причина гражданской войны?
3. В чем видел причину восстания в Адрианополе Иоанн Кантакузин? Кого он называет зачинщиком?

4. Какие слои общества участвовали в восстании 1341 г. в Адрианополе?
5. Правильно ли Иоанн Кантакузин объяснил причины народного движения в своих мемуарах?
6. Можно ли оправдать ту крайнюю степень ненависти против знати, которой, если верить Димитрию Кидонису, были охвачены все фессалоникийцы? О чем она говорит?
7. Чем зилоты оправдывали «программную» конфискацию имущества монастырей?
8. Как вы считаете, насколько справедливыми были действия зилотов по отношению к монастырям?
9. В чем Григорий Палама видел воспитание, образование и знание? На каких принципах он предлагал их строить?
10. Почему в методе священной молитвы предлагалось сосредоточение именно на пупе и в чем ошибался Варлаам Калаврийский, называя исихастов «пуподушниками»? Что напоминает такая мистическая «техника»?

§ 23. Сумерки Ромейского царства

В 40-50-е гг. XIV в. правительство Константинополя не воспользовалось горячей поддержкой широких народных масс ромеев, жаждавших перемен к лучшему, и допустило несколько серьезных ошибок, которые, в конечном счете, привели жалкие остатки страны в гибельное положение. У представителей знати, пришедших к власти после окончания жестокой гражданской войны, уже не оставалось ни малейших шансов его поправить. Последние жизненные силы Византии оказались истощены.

Упущенные возможности Самым главным и важным союзником центральной власти в борьбе с динатской вольницей являлись провинциальные приморские города. Но надежды и чаяния горожан, предпринимательских кругов как раз остались не услышанными в Константинополе.

Конфискованное имущество кантакузинистов Алексей Апокавк, хмельной от успеха, щедрой рукой раздавал своим сторонникам, фаворитам, новому нобилитету. Старую константинопольскую аристократию, подозреваемую в нелояльности к режиму, он люто ненавидел и почти всю отправил в тюрьму, организованную им из части Большого императорского дворца, давно превратившегося в развалины. К слову, этот самый непримиримый враг Иоанна VI кончил плохо: в июне 1345 г. оказался убит группой заключенных-кантакузинистов во время посещения тюрьмы, где он хотел поглядеть на сидящих в заточении врагов. Воспользовавшись оплошностью стражи, они отобрали топор у рабочего и, набросившись на своего гонителя, отрубили ему голову, а по другой версии, забили досмерти цепями. Потеря лидера выплеснулась в очередной жестокий погром кантакузинистов в Константинополе, но в любом случае ослабила и без того не блестящее положение сторонников законной власти.

Не считаясь с интересами родины, обе враждующие партии, заложники непреодолимых, роковых обстоятельств, призывали на помощь то сербов под водительством короля Стефана Душана Сильного, то болгар царя Ивана Александра (1331-1371 гг.), заключивших между собой союз, и, что особенно недалекovid-

но, – тюркские отряды, сельчуков, а затем и турок-османов. Воспользовавшись свалившимися на Ромейское царство несчастьями, честолюбивый и талантливый Стефан Душан, к слову, в свое время много лет проживший изгоем в Константинополе и женатый на сестре своего союзника, болгарского царя, почти не напрягая сил завладел землями Македонии и Греции, в 1346 г. провозгласил себя «царем сербов и греков» – в ромейском варианте «василевсом Сербии и Романии», «господином почти всей Империи ромеев» и действительно был торжественно коронован собственным сербским Патриархом как василевс. Его воспринявшая византийскую имперскую идею полугреческая держава, в значительной мере состоявшая из греческих и грекоговорящих земель, по размерам стала превосходить обессиленную Византию, которая оказалась между сербами и османами, а на море – между соперничающими Генуей и Венецией. По сути дела, ее территория ограничивалась теперь только частью отдаленного Пелопоннеса, отрезанной завоеваниями Душана Фессалоникой, Фракией и несколькими островами преимущественно в северной части Эгейского моря. Судьба того немногого, что осталось от некогда великого Ромейского царства и сам исход затянувшейся схватки двух группировок византийской знати, таким образом, оказались в руках хищных, воинственных соседей. Именно они стали победителями в борьбе. Ромеи задыхались от нашествия все новых и новых отрядов иноземцев, особенно турок, которые делили ее земли на уджи, приграничные районы, бейлики и эмираты, беспощадно, монотонно грабили, пиратствовали, убивали, угоняли в плен местных жителей. Так что о какой-либо поддержке простыми греками той или иной враждующей стороны уже не могло быть и речи, настолько страна была разорена и обескровлена.

В борьбе со своими внутренними врагами Иоанн Кантакузин неоднократно прибегал к помощи своего старого друга Умура-паши, напомним, правителя турецкого эмирата Айдын со столицей в бывшей византийской Смирне. Его не смущало даже то обстоятельство, что против Умура довольно успешно сражались силы западной антитурецкой коалиции: латины в итоге прикончат пашу под Смирной в 1348 г. Уже до этого, в 1345 г. Кантакузин, опередив в переговорах представителей Иоанна V Палеолога, заключил еще более могущественный военный союз с османским правителем, эмиром Орханом Гази (1326–1362 гг.), отряды которого не раз вторгались в ближайшие к Константинополю районы Фракии, окончательно превратившиеся, по словам византийского историка Никифора Григоры, «...в обиталище зверей». Чтобы скрепить союзные отношения, на следующий год он собственноручно, после торжественной церемонии, полагающейся при замужестве ромейских принцесс, отдал Орхану в жены свою дочь, красавицу Феодору, перед этим короновавшись в Адрианопле под именем Иоанна VI. Ради победы своей партии и достижения своих, как ему казалось, спасительных для Ромейского царства замыслов он пошел на беспрецедентное унижение Византии: дочь христианского императора, хотя ей и позволили сохранить веру, отправилась в гарем мусульманина – «неверного и варвара», только потому, что тот воспылал к ней сильнейшей страстью и это было выгодно ее отцу. Честь гордых ромеев была поругана в очередной раз.

Как записал Никифор Григора, когда Иоанн VI в припадке бешенства решил призвать турок, он бросил роковую, по своему пророческую фразу:

«Если не я, то и он (Иоанн V) пусть не царствует! Пусть вообще не над кем будет царствовать!». Но даже если таких слов не было, современники вполне справедливо отмечали его вину. Не будучи «туркофилом», именно Кантакузин первым стал использовать во внутренних междоусобицах турецкие отряды как военных партнеров, имея над ними эфемерную власть, и, что особенно печально, начал селить своих хищных, стремившихся к обогащению союзников во Фракии, тем самым «указав им путь» в европейские владения ромеев. Впрочем, этим грешил не только он. Справедливости ради надо заметить, что амбициозная императрица Анна Савойская, действовавшая от имени своего сына Иоанна V, тоже пыталась нанимать отряды турок-сельчуков, которые не столько служили ей против Кантакузина, сколько беззастенчиво грабили византийские земли и опустошали окраины Константинополя. Надежды «нанимателей» на то, что, когда отпадет надобность, – турки уйдут, нельзя назвать иначе как наивными.

В конце концов, Иоанн Кантакузин в холодную ночь со 2 на 3 февраля 1347 г. сумел проникнуть в Город через подкоп под Золотыми воротами, который проделали его сторонники изнутри, и с немногочисленным войском из латинов-италийцев укрепился в находившейся при воротах крепости-цитадели. Ему удалось заключить мир со своим юным соперником, «законным» василевсом, 14-летним Иоанном V Палеологом, которого он тут же обвенчал со своей младшей дочерью Еленой. В обретенной им столице Ромейского царства свирепствовали голод и нищета. Даже «храм храмов» Империи – прославленная Св. София не действовала и стояла с обвалившейся стеной.

Действуя весьма осмотрительно, победитель удержал свои войска от грабежей, объявил о свержении регентства, об амнистии всем своим противникам и весной был еще раз, но уже вполне официально коронован Константинопольским патриархом в храме Богородицы Влахернской. Решение о его отлучении от Церкви было отменено. Согласно достигнутому компромиссному соглашению, Иоанну VI Кантакузину в течение десяти лет должна была принадлежать вся полнота власти в Ромейской державе. Затем его зять, младший Иоанн становился соправителем с равным статусом василевса и автократора. Символично, что все это произошло как раз в страшный канун накатывавшегося на Ближний Восток, Византию и остальную Европу чудовищной пандемии бубонной чумы, занесенной зараженными блохами и крысами, – той самой «черной смерти», колоссальные потери которой за пять лет изменят мир и заставят его начать жить по новому.

В разгар этого бедствия, в 1349 г. пришла очередь и отрезанной от Ромейского царства Фессалоникской «республики»: окруженные кольцом осады, зилоты недолго смогли сопротивляться. Без союзников, разобщенное внутри и изолированное от внешнего мира извне, городское движение оказалось обречено на неудачу. Иоанн VI в очередной раз призвал к себе на помощь сербов и турок, которые довершили дело. «Республика» героически отстаивала независимость, даже начала вести переговоры о союзе с достигшим пика своего могущества сербским царем Стефаном Душаном, пытаясь заинтересовать его, но силы были явно неравны. После того, как предводитель зилотов Андрей Палеолог бежал к сербам, тайный кантакузинист, архонт Алексей Метохит, сдал город подошедшим правительственным войскам обоих василевсов, предварительно натравив бедноту на городских моряков, главную опору зилотов. Митрополитом Фессалоники был

поставлен Григорий Палама – духовный лидер исихастов, которые закрепили свою победу с приходом Кантакузина на константинопольский престол. Последний оплот антифеодальной борьбы пал. А с ним развеялись и слабые надежды на иной путь развития, чтобы спасти исчезающую, агонизирующую Империю ромеев от засилия динатов и иноземцев.

Губительный удар

Приход к власти группировки провинциальной знати во главе с «вынужденным императором» Иоанном VI Кантакузином не мог спасти византийское государство, оказавшееся в катастрофическом положении. Экономически и политически сильная крупная землевладельческая знать, динаты победили, но их победа оказалась «пирровой». Подобно пресловутому полководцу древности, Пирру, Кантакузин тоже мог бы воскликнуть: «Еще одна победа, и я погиб!». Динаты и поневоле принужденный к власти царь остались без прогрессивных перспектив в жутко опустошенной стране. По сути дела, править было некем.

Война 1341–1347 гг. и конфискации Стефана Душана в пользу своих воинов нанесли Ромейскому царству судьбоносный смертельный удар. Хозяйство, финансы страны лежали в разлухе. Разоренное население уже не могло платить подати, приходилось прибегать к чрезвычайным источникам доходов, молить о займах, пожертвованиях. Государство заметно обеднело даже по сравнению с недавним скромным бюджетом времен Андроника II. Иперпирон обесценивался с каждым днем, а итальянцы взвинчивали цены на продовольствие, в любой момент прерывая снабжение, которое зависело теперь только от них. От былого процветания Фракии, Македонии, Фессалии и других балканских провинций, превращенных в подобие пустыни, разграбленных и сожженных, не осталось и следа. На дорогах свирепствовали разбойники. Большинство островов Эгейского моря и значительная часть сельскохозяйственных территорий были потеряны. Ко всему прочему, как уже сказано, весной 1347 г., когда Канатукизин наконец вернулся в Константинополь, до Ромейского царства, а через год и до остальной охваченной смертным ужасом Европы добрался жуткий вал «черной смерти», от которой погибло не менее третьей части населения и без того обескровленной страны. Особенно пострадал многолюдный до этого Константинополь: к XV в. в столице осталось всего 40–50 тысяч человек, – каждый десятый из прежде живших, тогда как османов, державшихся вдали от густонаселенных центров, эпидемия по большей части не затронула. Несчастные ромеи получили еще одно яркое подтверждение того, что силы небесные отвернулись от них, карая за тяжкие грехи.

Путешественники, посещавшие Константинополь, отмечали, насколько унылым стал его вид. Перед взором арабского географа Ибн Батута предстал не Город, а тринадцать деревень, отделенных друг от друга полями. Когда туда приехал испанец Перо Тафур, он нашел царский дворец «...в таком состоянии, что вид и его, и Города мог дать явное представление о напастьях, которые претерпел народ и которые он продолжает терпеть... жители Города выглядят не должным образом одетыми, но печальными и бедными, что свидетельствует об их тяжелой участи». Город словно бы сжался внутри своих стен и василевсы жили нищими в своем дворце. Еще в 1343 г., в начале гражданской войны Анна Савойская, мать Иоанна V, в отчаянии совершила роковой шаг – заложила жадным венецианцам за несколько десятков

тысяч дукатов драгоценные камни из императорского венца, которые уже никогда василевсы ромеев так и не смогли выкупить. Место драгоценностей и золота в пышном одеянии византийских монархов заняли позолота и искусные стеклянные подделки. На званом пиру в императорском дворце после венчания на царство Иоанна Кантакузина пили уже не из золотых и серебряных чаш, а из оловянных и ели на глиняной посуде. Об обнищании венценосцев свидетельствует и то, что расходы на царский стол упали в десять раз.

Чтобы поднять и возродить былое могущество Ромейского царства необходима была поддержка передовых сил – ремесленников, купцов, предпринимателей, деловых кругов, которых как раз не хотел принимать во внимание воевавший с ними Кантакузин, аристократ до мозга костей. Он пытался консолидировать то, что осталось от Ромейского царства, но, будучи выходцем из династских кругов, на деле действовал в интересах династов: раздавал им владения и привилегии, тем самым усиливая децентрализацию и без того ослабевшей государственной структуры. Связь между центром и сократившимися провинциями, все более подпадавшими под власть местных крупных землевладельцев, династов, на деле становилась все менее крепкой. Зародившаяся уже при первых Палеологах тенденция на разделение державы, поначалу как отголосок чуждых западных воззрений, теперь обрела второе дыхание.

Целые области Иоанн VI жаловал своим родственникам в управление. Единовластие императора превращалось в семейный режим правящего дома. Именно на членов этого дома он стремился опереться перед лицом конкурирующих семей крупных феодальных магнатов. Так, то, что осталось от византийской Македонии, он со временем доверил Анне Савойской, а самому Иоанну V Палеологу, своему зятю, – обширный, стратегически важный район Фракии вдоль сербской границы, от Дидимотики до Христополя. Греческую Фессалию Кантакузин отдал племяннику Иоанну Ангелу; старшему сыну, Матфею, – граничившие с агрессивной Сербией земли в западной Фракии; второй сын, Мануил, получил давно отобранную у крестоносных баронов византийскую провинцию Морею на юге Греции с ее столицей, известным с середины XIII в., развитым городом-крепостью Мистрой, расположенной среди кипарисов на крутом склоне голого горного хребта Тайгета в нескольких километрах от пришедшей в упадок древней Спарты. Ее жители теперь укрылись за стенами этого отвоеванного у франков города, превратившегося в миниатюрный Константинополь. Оттуда открывался великолепный вид на тянувшиеся далеко внизу холмы Спартанского плоскогорья, где ромеи выращивали оливки, пшеницу, собирали мед и разводили шелковичных червей. Отметим, что маленький, почти независимый деспотат Мистры – последнего города, основанного в Византии, управляемый как княжеский удел одним из младших детей ромейского императора, будет играть важную роль в международной культурной жизни следующего века. Тут будут жить грезы о золотом веке, пока пришедшие османы не положат им конец. Но важно другое – коллективное управление членов царского дома остатками Империи ромеев становится системой. Этот процесс привел к поглощению ресурсов на местном уровне, региональными властями. В результате и без того куцые доходы центрального правительства еще более сократились.

1348 – начало 1349 гг. принесли Византии, сокрушенной апогеем чудовищного удара пандемии чумы – «черной смерти», новое унижение: генуэзцы все бо-

лее разрастающейся и укрепляющейся колонии в Пере-Галате на северном берегу Золотого Рога, в руки которых ускользало две трети таможенных сборов, буквально на глазах константинопольцев дважды жгли и без того немногочисленные византийские корабли и даже обстреливали из катапульт сам царственный Город. Тяжелые глыбы проламывали крыши домов и храмов. В ответ Иоанн VI увеличил таможенные пошлины итальянцев, в пять раз снизив их для отечественных купцов. На собранные с большим трудом деньги он сумел выстроить флот, с которым генуэзцы, понимавшие только язык силы, поначалу побоялись связываться, поскорее пойдя на заключение мира. Впрочем, это оказался кратковременный успех. В марте 1349 г. с трудом собранные вместе более ста кораблей, решивших на рассвете атаковать латинов в Босфоре, позорно разбежались, а некоторые капитаны от страха сами прыгали в воду. Запоздалая попытка василевса ромеев возродить свой флот и отстоять независимость на море провалилась. Генуэзцы громили беззащитные византийские портовые города, такие как Ираклия Фракийская, разграбленная в 1351 г. после того, как латины своими дерзкими пьяными выходками спровоцировали здесь драки. Всем было ясно, что Ромейское царство не выдерживает неравной борьбы с итальянцами, которых, как можно понять со слов «человека улицы», «полуинтеллектуала» **Алексея Макремволита**, простые ромеи считали неблагодарным, вероломным и неумолимым народом, который превзошел в жестокости всякого варвара и нечестивого, ибо поднял руку на единоверцев.

Теперь сами Генуя и Венеция схлестнулись в схватке за контроль за водами Черного и Азовского морей, на побережье которых они имели такие важные торгово-предпринимательские укрепленные центры как Тана (Азов), Каффа (Феодосия), Солдайя (Судак), Джалита (Ялта), Чембало (Балаклава) и другие. Порой ожесточенные морские сражения венецианцев, арагонцев и генуэзцев, покрывавшие поверхность вод трупами и остовами кораблей, разыгрывались прямо под стенами Галаты, как это случилось в 1352 г. Не следует забывать, что за год до этого исихазм стал официальной доктриной Греческой Церкви, а это означало отказ от всякого компромисса с католицизмом и еще большее обострение и без того паршивых отношений с латинами.

Став главой остатков Империи, Кантакузин, как и ожидалось, вынужден был вступить в борьбу со своими бывшими союзниками, крупной землевладельческой аристократией, которая помогла ему взойти на трон и, разумеется, рассчитывала на благодарность и вседозволенность со стороны нового василевса. Поздно спохватившись, он повел борьбу с децентрализацией и нравами динатской вольницы. По прежнему рассчитывая на помощь мусульман, Иоанн VI стал селить наемников-турок вокруг столицы, увеличивая тем самым всеобщее раздражение собой. Теперь турок, заявлявших о себе как о союзниках ромеев, можно было увидеть даже в самой столице, куда, приглашенные Кантакузином, они приходили и во время богослужения в придворном храме, по словам Никифора Григоры, устраивали у Влахернского царского дворца свои пляски, «выкрикивая непонятными звуками песнопения и гимны Мухаммеда».

В итоге в 1352–1354 гг. молодой Иоанн Палеолог, не желавший довольствоваться тем, что получил от Кантакузина, напал на фракийский Адрианополь, призвав на помощь сербов и болгар, а с помощью венецианцев, к тому же давших ему солидный заем, стал захватывать эгейские острова. В Византии вспых-

нула новая распря, которая в очередной раз подвергла страну смертельной угрозе, съела последние крохи и без того пустой казны, и даже деньги на восстановление Великой церкви, пожалованные в 1350 г. великим князем Московским Симеоном Гордым. Благочестивое даяние ушло на уплату турецким наемникам.

Утративший всякую охоту к власти, осужденный общественным мнением, уставший от ответственности, бесчисленных кровавых междоусобиц, Кантакузин понимал, что, несмотря на тяжкие труды, не может удержать страну на плаву и, видимо, поэтому все чаще заводил меланхоличные разговоры о привлекательности монашеской жизни, даже купил себе участок земли на горе Афон.

Ненастной поздней осенью 1354 г. Иоанн V Палеолог прибыл в Константинополь на двух пиратских галерах, принадлежавших генуэзскому авантюристу Франческо Гаттилузио, пообещав ему за помощь руку своей сестры Марии и остров Лесбос, самый значительный из остававшихся у византийцев островов. Узнав о заговоре, Иоанн Кантакузин прекратил сопротивление, отрекся от престола и, испытывая чувство долгожданного облегчения, постригся в монахи, впрочем, и после этого, еще почти тридцать лет, до глубокой старости сохранив достаточное политическое влияние и авторитет. Его место на троне «досрочно» занял зять, Иоанн V, к которому перебежали недовольные бывшие кантакузинисты.

Эта смена мало что дала стране, а точнее, не дала ничего хорошего, ибо по словам одного из последних ромейских историков, *Дуки Фокийского*, новый автократор уступал прежнему по всем показателям: «Был он весьма легкомысленный человек и не глубоко интересовался иными делами кроме хорошеньких и красивых женщин и [вопроса], которую из них и как поймать в свою сеть». Впрочем, похоже, бедную страну в ее отчаянном положении и мраке упадка были уже не в состоянии спасти ни гении, ни посредственности. Хозяйственная и финансовая нужда стала еще более непреодолимой, а административный аппарат – основа прежнего могущества византийского государства, его бывшая гордость и крепкий стеновой хребет, стремительно потерял последние остатки строго централизованного характера и окончательно разложился. От фем и ведомств логофетов остались одни названия, важнейшие должности превратились в пустые титулы, а иерархия перестала быть четкой, спуталась. Псевдо-Кодин, оставивший ценный трактат о должностях, писал, что было неизвестно, чем собственно занимались даже такие еще недавно значительные чиновники как логофет геникона и логофет дрома. Можно лишь удивляться, что потеряв прочное основание, упадочная Византия еще в течение ста лет будет сохранять потрясающую жизнеспособность.

В год, когда в Ромейском царстве произошла смена правителей, утром 2 марта жуткое землетрясение, превратившее в развалины сотни фракийских городов и деревень, уничтожило дома и оборонительные стены города-крепости *Галлиполи* (Каллиполя) – бывшего древнего Херсонеса Фракийского на европейском берегу пролива. Путь во Фракию отныне было некому преградить. Посчитав это знаменем Аллаха, османлы со своими семьями, спешно перевезенные из Малой Азии сыном Орхана Гази, эмиром Сулейманом, мгновенно заселили Галлиполи, брошенный его прежними обитателями. Он стал не просто первым турецким поселением в Европе, но крайне важным плацдармом, откуда турецкий пресс теперь мог давить вглубь Балкан, не встречая последних препятствий. Воины джихада потоком хлынули из Азии, теперь уже не как налетчики, а как поселенцы.

Они не желали обсуждать свой уход даже на условии богатого выкупа, который Кантакузин безуспешно попытался посулить Орхану, сказавшемуся больным. По словам писателя, интеллектуала Димитрия Кидониса, вконец отчаявшиеся, впавшие в уныние, стенавшие жители Константинополя, чувствовали себя в его «стенах как бы в сети варваров» или покидали город, дабы «избегнуть рабства», а представители Венеции в столице докладывали своему правительству, что ромей, напуганные успехами османов, все более склоняются к идее подчинения Республике Св. Марка, царю Сербии или королю Венгрии, лишь бы найти защиту от турок.

В том же году окончательно завершился длительный период гражданской войны в Византии, а вместе с ним завершилась и ее история как мировой державы и суверенного государства. К этому времени в его составе остались лишь небольшая область разоренной Фракии возле Константинополя, фактически самостоятельные округ Фессалоники, часть Пелопоннеса и некоторые эгейские острова, которые удерживала лишь традиция. В западных владениях страны господствовали сербы, восточные стали жертвой турецкой агрессии, на островах и в самом сердце бывлой Империи, Константинополе, хозяйничали жадные до прибыли, надменные италийцы.

Победу одержала правительственная партия, которую еще так недавно поддерживал народ. Но время было безвозвратно упущено. В ходе гражданской войны и усилившихся к середине XIV в. вражеских нападений, потерь сельскохозяйственных территорий была разорена, изгнана или погибла значительная часть земельной аристократии, из рядов которой выходили должностные лица Ромейского царства. Уцелевшие, пытаясь приспособиться к новым обстоятельствам, стали переходить к занятиям коммерцией, банковским делом. Но остальное, обескровленное, экономически и морально подорванное, население Византии не смогло оказать ощутимую помощь Иоанну V в борьбе с входившими в силу османами, которые жаждали все новых и новых земель.

Последним византийским императорам удалось сохранить вес иперпира не менее двух граммов, но золото сократилось в нем до четверти, а затем – до трети. Наряду с изображениями Христа или Богородицы, другими иллюстрациями на церковные темы – свидетельствами отчаяния ромейских властей, на нем появились сцена коронации или рисунок города. Западные золотые монеты, особенно венецианские дукаты и флорентийские флорины с изображением цветка, вариант грессо, заполнили ромейский рынок. Так, за два константинопольских перпера давали один венецианский дукат, и это еще было неплохо.

В 60-е гг. XIV в., при Иоанне V Палеологе (1341–1391 гг.), византийцы отказались от выпуска своего золота. Оно осталось в обиходе лишь как счетно-денежная единица, в которой могло содержаться разное количество реальных монет. Иперпир окончательно обесценился, потерял характер международной валюты и уступил место серебряным монетам невысокой пробы, которые знаменовали конец тысячелетия золотой валюты в Византии. Став вассалами султана **Мурада I** (1362–1389 гг.), ромеям поневоле приходилось приравнивать свою денежную систему к османской с ее серебряными акче. При этом византийского серебра выпускалось несколько номиналов: тяжелый, почти девятиграммовый **ставрат** – дословно «кресчатый», видимо, от греческого «ставрос» – крест, поскольку он иногда ставился в начале надписи на монете, а также половина, четверть и вось-

мая ставрата. При этом перпер был приравнен к 16 турецким акче, а Иоанна V Палеолог стал выпускать свои серебряные ставраты стоимостью восемь акче. Кроме того, в качестве разменной монеты в ходу были так называемые «политики» или турнесы, весом около грамма, в которых серебра было от силы на треть, и которые подражали звонким денье латинских княжеств Греции. Из медных номиналов остались торнезе и появились фолларо. Но и тех катастрофически не хватало. По образному выражению Никифора Григоры, в императорской сокровищнице были лишь «воздух, пыль и эпикуровы атомы». Армии тоже не существовало. Уже весной 1355 г. дож Венеции советовал просто аннексировать жалкие остатки Ромейского царства, чтобы они не стали вполне вероятной добычей турок. Во всем мире понимали, что это конец и вопрос лишь в том, кому подчинятся оставшиеся византийцы.

История Ромейского царства вступила в финальную фазу, и ее существование на протяжении последующего столетия напоминало затянувшуюся агонию. Если до середины XIV в. у ромеев еще теплились надежды на благополучное разрешение событий, теперь от них не осталось и следа. Византийцы окончательно пали духом, а Ромейское царство сделало еще один шаг к бездне, перешагнув рубикон своей непростой судьбы. Оставалось уповать на чудо и молить небеса о спасении и покровительстве. Неспроста на закате Византии на лицевой стороне ее монет осталось изображение только Христа.

?

1. Почему провинциальная знать во главе с Иоанном Кантакузином смогла одержать победу над правительственной партией?
2. Военной помощью каких иноземных держав пользовались противоборствующие группировки в ходе гражданской войны в Византии? Как вы полагаете, чем это было вызвано и было ли оправдано?
3. Как вы оцениваете союз Иоанна Кантакузина с турками–османами?
4. Каковы причины падения Фессалоникской «республики»?
5. Почему победа динатов в гражданской войне оказалась по сути дела поражением? Могло ли случиться иначе? От чего это зависело?
6. Проанализируйте итоги гражданской войны 1341–1354 гг. в Византии?
7. В чем проявилось изменение системы управления Ромейским царством и о чем это свидетельствует?
8. Как вы думаете, что могло спасти державу ромеев от турецкой агрессии?
9. Почему XIV в. стал для Ромейского царства столетием упущенных возможностей?
10. Объясните, чем гражданская война 1341–1354 гг. отличалась от обычной междоусобной распри?
11. Почему ромеи не смогли противостоять турецкому вторжению в их европейские владения?
12. Как вы считаете, возможен ли был захват остатков византийских владений Венецией в середине XIV в. и изменил бы он ход истории?

Внимание, источник!**Из «Ромейской истории» Никифора Григоры (ок. 1293–1361 гг.)
о восстании в Фессалонике (1343 г.)**

Жители Фессалоники, запершись со стадами внутри стен, и сами испытывали недостаток в продовольствии, и не имели средств пропитания для животных. Так как ежедневно умирали одни за другими, и гниль отравляла воздух, жители города тяжело переносили все это и переходили к восстанию. Для тех, у которых были земельные владения, тяжело было, когда опустошали поля. Те, у которых были стада мелкого скота, быков и вьючных животных, также сильно беспокоились, боясь могущих произойти опустошений в своем имуществе и теряя надежду на помощь. Те, которых бедность угнетала и расстраивала их душевное состояние, стремились к переменам и смутам; зависть направляла их взгляды на богатых людей и крепко заставляла замышлять злодеяния против них. К ним, расколовшимся на две части, присоединилась еще третья из простонародья. Эта часть ничего не понимала в праве и несправедливости, легко шла за теми, кто увлекал ее к оружию, и с упрямством стремилась к опасным злодеяниям. Это простонародье не желало подчиняться ни собственному управлению, ни законам древних мужей [...]. Подобно тому, как суда, идущие против ветра по морским волнам, погибают вместе с людьми, так и эти разрушают до основания дома богачей, жестоко и безрассудно занося свои мечи над головами врагов [...].

**Слова ученого писателя и мезазона Иоанна V Палеолога, Димитрия Кидониса,
сказанные им с амвона храма Св. Софии в адрес Иоанна VI Кантакузина**

[...]. только слово никому не подвластно и судит обо всех. Проклято время наше, и неслыханны грабежи постоянно призываемых полчищ Омар–бея и Урхана¹. Наступило время Божьего заступничества, ибо народ, ожидая Божьего Суда, теряет веру. Много христиан сделались споспешниками турок. Простонародье предпочитает сладкую жизнь магометан христианскому подвижничеству. Мы стали посмешищем проклятых, вопрошающих: «Где Бог ваш?». Пресвятая Богородица! Все мы теряем: имения, деньги, тела наши и надежды. Ни на что не уповаем, кроме помощи от твоей, Богородица, руки.

**Из письма Георгия Инэота (первая половина XIV в.)
о турецком набеге на Фракию в 1326–1327 гг.**

Но сверх того нас побуждало рыдать, безутешно скорбеть и стонать при виде деревень, уничтоженных слугами преступнейшего Мухамеда, при виде благоговейно чтимых образов святых, втоптаных в грязь. О, сколь многочисленны родники, сколь многочисленны источники были испорчены с бесчеловечным безумием [...] Что следует сказать? Это нуждалось бы в трагедии Эсхила и Софокла: я думаю, однако, что избыток несчастий совершенно затмил бы их язык.

¹ Омар–бей (Умур–бей) – эмир турецкого княжества Айдина с центром в Смирне, на западе Малой Азии. Урхан (Орхан) – предводитель османов, Орхан Гази (1326–1362 гг.). Являлись вероломными союзниками Иоанна Кантакузина, как и представители Иоанна V Палеолога, пытавшегося использовать их в своих корыстных политических интересах.

«История» Иоанна Кантакузина (1295-1383 гг.) о волнениях в Ромейском царстве после восстания в Фессалонике в 40-х гг. XIV в.

Восстание распространилось по Ромейскому царству как ужасная злокачественная болезнь и заражало многих, кто раньше казался умеренным и справедливым. Ибо в мирное время и города, и отдельные лица бывают более мирными и менее склонны совершать бесчестие и позорные дела, так как не встречаются с условиями ужасной необходимости. Но война, которая лишает людей их ежедневных потребностей, является ужасным учителем и учит тому, что раньше казалось невероятным и страшным.

[...] Знатные и члены средних классов были полностью разорены; первые потому, что они были благосклонно расположены к Кантакузину; вторые – либо потому, что они не сотрудничали с мятежниками, либо из зависти, чтобы они их не пережили. Человеческая природа, всегда готовая совершать несправедливости по отношению к законам, кажется потом бессильной управлять людским неистовством.

?

1. Какие причины, по мнению Никифора Григоры, привели к восстанию в Фессалонике? Как вы думаете, прав ли он?
2. Что подразумевал Григора, говоря, что жители Фессалоники раскололись на две части?
3. В чем Димитрий Кидонис обвинял Иоанна Кантакузина? Насколько справедливы его упреки?
4. Какой предстала перед глазами Георгия Инэота Фракия и какая главная беда ей грозила?
5. Почему, согласно Иоанну Кантакузину, в Ромейском царстве распространились мятежи? Можно ли с ним согласиться?
6. Кто, по мнению Иоанна Кантакузина, наиболее пострадал в Византии в ходе гражданской войны 1341-1354 гг.? Можно ли с ним согласиться?

§ 24. Между Востоком и Западом

В то время, как остатки Ромейского царства расточали свои жалкие силы на внутреннюю борьбу и внешнее соперничество с Сербией, Болгарией, на стычки с итальяскими республиками, мощь их главного и беспощадного врага – Османского государства год от года все возрастала. Турецкие эмиры теперь уже мечтали полностью покорить Румелию, как они называли Византию. Древнее пророчество утверждало, что только после завоевания Константинополя османы смогут овладеть всем миром. Стремление как можно скорее осуществить эту волю Аллаха подогревало экспансионистские планы турок.

Трагическая ситуация, в которой оказалась некогда великая Империя, отягощалась бедственным положением ее экономики, нищетой населения,

демографическим спадом. Разоренная, измученная, больная страна была не способна к эффективному сопротивлению захватчикам. Единственным оружием греков против османов оставалась дипломатия. Они с отчаянной настойчивостью искали помощь и поддержку у христианских монархов и правителей Европы, но, как выяснилось, тщетно.

Непрерывная война

Смертоносный вал чумы 1348 г. несколько задержал проникновение османов в Европу. Он обрушился на пол мира и истребила не менее трети населения, отчасти и турецкого, заставив историю человечества пойти по новому пути.

Но со второй половины XIV в. оправившиеся от демографического, а значит, и экономического урона османы уже ни на миг не давали передышки византийцам, нанося удар за ударом. Последние ромеи попали в очередную и самую страшную для них перманентную войну, то есть войну, которая тянулась многие десятилетия и развевалась по нарастающей, принося все новые потери.

В конце 1355 г. в расцвете сил умер амбициозный Стефан Душан Сербский, единственный правитель, способный промеряться силами с турками, после чего рассыпалось его плохо спаянное, поспешно созданное силой оружия царство. Сами обессиленные византийцы не могли воспользоваться плодами этого распада, более того, проиграли еще больше, поскольку на Балканах теперь не осталось того, кто мог бы повести борьбу с османами. Уже через три года после этого турки предприняли первую попытку напасть на саму столицу ромеев. Достаточно крепкие стены Города оказались им еще не по силам: штурм был отбит, но все понимали, что он не последний.

После захвата владений Ромейского царства в Малой Азии турки приступили к масштабному завоеванию Балкан, перебрасывая сюда свежие контингенты своей непобедимой конницы – *сипахов* и недавно созданного, немногочисленного султанского элитного регулярного военного корпуса «нового войска» – *йени чери (янычар)*. Поначалу он насчитывал тысячу человек и делился на три корпуса-орты. Кадры для него, так называемых «рабов султана», набирали первоначально среди военнопленных, обращенных в рабство, а затем из числа принудительно обращенных в ислам сильных, здоровых пятилетних мальчиков из христианских семей покоренных народов, на которых возложили налог крови – девширме. Имея нелегкий опыт жизни, они, пройдя многолетнее суровое обучение в школе аджемов и получив призрак свободы, ценили ее, тем более, что полученные знания и покровительство султана делали их положение привилегированным. Янычары жили в казармах – кишласи, где вповалку спали на войлочных твердых подстилках, точно монахи не имели права жениться, не смели никуда отлучаться на ночь, получали от султана плату и часть военной добычи, сопровождали своего повелителя во время военных действий и охоты, служили для церемониальных целей, проведения торжеств, строили при необходимости корабли, отливали пушки, изготавливали порох, наводили переправы, знали тайны подведения пороховых мин под стены осажденных крепостей, великолепно владели оружием. Со временем они стали самыми истовыми, умелыми, опытными, безжалостными бойцами и опорой османского трона, превратившись в своеобразный символ султанской Турции, несколько столетий наводивший страх на Европу, Азию и Африку.

Преемник Орхана Гази, его сын, решительный, смелый полководец и ловкий политик, султан Мурад I (1362-1389 гг.), начал подчинять остатки византийской Фракии, то есть города и земли простирившиеся вплоть до Константинополя. Почти сразу под ударами кривой сабли воинов Пророка пал главный форпост ромеев на Балканах – центр пересечения важнейших дорог, мощная крепость Адрианополь. При ее взятии источники впервые зафиксировали ревностную службу корпуса янычар. К слову, к концу XIV в. в нем появились орты салаков – особые подразделения султанской гвардии во главе с четырьмя салак-баши, которые выполняли функции телохранителей. Взамен малоазийской Брусы султан через пару лет сделал Адрианополь своей резиденцией и новой столицей Османской державы, что подчеркивало притязания турок на Европу. Древний город был переименован в Эдирне. С этого времени османы больше не покидали Фракию. Вскоре она вся оказалась в руках безжалостных захватчиков, нещадно грабивших христиан и не щадивших ни старого, ни малого. С этого времени эти когда-то благословенные и густо заселенные земли, житница страны, по словам византийского историка XV в. Дуки Фокийского, превратились в безжизненную пустыню. Он с печалью описывает, как османы, «...связав людей веревками всех вместе, мужчин и женщин с грудными младенцами и молодых юношей, священников и монахов, как гурты овец на большой дороге... бесчисленными вереницами гнали... на продажу». Остатки местного населения турки отправили в Анатолию, заняв их место своими колонистами и военачальниками.

В 1371 г. османы опрокинули сербов в очень важной, кровопролитной битве на македонской реке Марице, где погибли деспот Сербии Иоанн Угleshа и его брат, король Вукашин, – две наиболее сильные личности тогдашних Балкан. По сербским преданиям, река окрасилась кровью павших, а выживших, тех кто не попал в плен, косил голод настолько лютый, что они завидовали умершим. С этого времени побежденные, еще недавно звавшие Византию «к общей войне против общего врага», станут вассально зависимыми «безбожных мусульман», будут платить им дань и оказывать военную помощь по первому требованию. Через два года болгары и сами ромеи, которые не могли продемонстрировать даже видимость сопротивления, склонили головы перед турецким тюрбаном, тоже став данниками и, более того, вассальными союзниками султана. Болгарский царь Шишман (1371-1394 гг.) отдал в гарем султана свою сестру. В состоянии полнейшей безысходности, сломленный Иоанн V Палеолог тоже принес присягу Мураду I, не только фактически, но и формально перестав быть «автократором ромеев». Этим он пытался хоть как-то договориться с султаном и с его помощью сдерживать банды турецких мародеров. Отныне византийцам, снося все унижения, приходилось вместе с сельчуками принимать участие в походах войска могущественного султана и, верх абсурда, – осаждать, захватывать некогда ромейские города! Так они еще больше увеличивали силу турок и уменьшали свою.

Символом черных перемен стало даже вынужденное изменение герба византийских царей. Давно привычного орла пришлось менять на двуглавого, поскольку на символ василевсов покусился германский император, решивший использовать одноглавого орла на своем гербе. Правда, ромеи и тут постарались не ударить лицом в грязь, заявив, что принятое ими изменение символизирует восточные и западные территории Римской империи, находящиеся одновременно на двух континентах. В таком виде этот герб в дальнейшем перешел через

браки к монархическим династиям Австрии и России. Но на деле еще одна голова смертельно раненного орла не добавила ему силы.

Вдобавок к сгустившимся над Ромейским царством тучам в виде трудностей внешнеполитического и экономического характера, в самой Византии было неспокойно. Обнищавшими жителями было почти невозможно управлять. Демографический спад, вызванный эпидемиями, неудачами, смутами, распрями ромеев и турецкими завоеваниями, стал необратимым. Его не мог переломить даже приход на территорию Малой Азии новых тюркских племен, пополнивший местное население. Низкий уровень материального положения несчастных подданных василевса усиливал политическую нестабильность.

В 1373–1379 гг. в результате борьбы членов царского семейства из-за призрака ускользавшей власти, очередной междоусобицы Палелологов, поддерживаемой османами, которым была выгодна нестабильность в ромейском обществе, государство раскололось на уделы. Оно представляло теперь ряд отделенных друг от друга территорий. В Константинополе правил император Иоанн V Палеолог, но ввиду сложной политической ситуации он сдавал позицию за позицией и часто являлся лишь пассивным наблюдателем. Единственное, что он еще мог делать – пытаться не раздражать врагов. Остальные еще подвластные ему земли василевс разделил между сыновьями.

Наследнику престола, старшему, мятежному Андронику, вечно строившему козни и даже умудрившегося, ворвавшись с боем в Город, на три года упрятать отца и своих братьев Мануила и Феодора в тюрьму башни Анема, достались несколько фракийских городов на северном побережье Мраморного моря, недалеко от столицы (Силимврия, Ираклия Фракийская, *Редесто*, Панид). К слову, Андроник стал жертвой собственных амбиций: он полуослеп, поскольку пострадал из-за того, что в 1373 г. ввязался в сговор с сыном султана Мурада с целью свергнуть обоих отцов. Заговор провалился, разгневанный Мурад казнил своего сына и потребовал от Иоанна того же в отношении взбалмошного Андроника. Боясь послушаться султана, Иоанн бросил его в тюрьму Анема, но ограничился тем, что не полностью лишил сына зрения «при помощи раскаленных кружек для пожертвований» и, когда его зрение отчасти восстановилось, в конце концов отпустил.

Второй сын Иоанна V, просвещенный, многосторонне одаренный Мануил, непримиримый противник турок, не согласный с пораженческой политикой отца, получил в управление Фессалонику. После лишения Андроника прав на престол он занял место наследника и соправителя Иоанна V. Его поведение внушало уважение даже османам.

Наконец, отобранная у Кантакузинов Морея (так стали называть Пелопоннес с XII в.) с 1382 г. отошла Феодору, младшему, но самому умному, доброму и талантливому из братьев. Лишь этому блестящему правителю удастся сохранить целостность своих владений и поддержать имперский престиж.

Феодор Палеолог в скором времени сможет объединить под своим началом весь Пелопоннес, который превратит в последний бастион обескровленного Ромейского царства. Столицу Мореи – Мистру назовут «маленьким раем». В эти мрачные времена она переживет небывалый взлет искусства, архитектуры и станет последним оплотом образования и замечательной предренессансной византийской культуры. Деспотия развивалась за счет

усилий этнически очень пестрого населения, которое включало местных греков, значительное количество «латинов» и потомков смешанных браков, называемых гасмулы, а также переселенцев из числа славян, пастухов-албанцев, евреев, цыган и, наконец, турок. Женой самого Феодора была очаровательная итальянка.

Деспоты Мореи смогут захватить последние небольшие латинские владения на территории Византии, кроме пелопоннских портов Корон и Модон, доставшихся Венеции. Они даже попытаются выйти за Корифский перешеек и отвоевать Афины, и только вмешательство их сюзеренов – османов, отправившихся грабить Пелопоннес, остановит эту последнюю попытку ромейской экспансии.

Превратившись со временем в практически независимый, процветающий деспотат, единственный из способных к серьезному сопротивлению, Мистра приобретет в XV в. славу крупного интеллектуального центра мирской культуры как в Ромейском царстве, так и в Италии, но ее светлый взлет все же будет обрублен ятаганом турецкого завоевания.

Начало 1380-х гг. принесло усиление натиска султана Мурада I на Балканы. Один за одним османы брали штурмом или принуждали к сдаче македонские и болгарские города, включая Софию, которой они овладели в 1385 г. Сербский князь Лазарь со своей дружиной и отрядами боснийцев, македонцев, албанцев, болгар, валахов, венгров и поляков, давно и с переменным успехом теснимые турками, попытались, объединившись, в очередной раз преградить путь врагам в самом центре Сербии, в долине вблизи Приштани, на **Косовом поле**, известном также как «Поле черных дроздов», или просто «Дроздово поле». Здесь летом 1389 г. состоялась одна из крупнейших исторических битв, нашедшая отражение в средневековых эпических поэмах и легендах. По разным оценкам, в сражении приняли участие до ста тысяч человек с обеих сторон. Битва стала трагичной для плохо спаянного союзного воинства. Зять князя Лазаря, богатырь Милош Обилич, который накануне сражения ложно перешел на сторону османов, добился свидания с султаном и ударом копья смертельно ранил в грудь Мурада I. Но в критической ситуации сын и наследник султана, **Баязид**, принял командование и, отразив удачно начавшееся на левом фланге наступление сербской конницы, довел сражение до блестящей победы. После этого он приказал на глазах умирающего отца-султана растерзать князя Лазаря, Милоша Обилича и других взятых в плен знатных сербов.

Отныне преемник князя Сербии обязался посещать ставку османского султана ежегодно, а сербские войска влились в состав османских многонациональных вспомогательных контингентов, показав себя при этом наиболее отборными, боеспособными и дисциплинированными частями из числа тех, что обязаны были поставлять в армию султана покоренные народы. Сокрушительное поражение, как бы высоко или низко ни оценивать его значение, предредило тяжелую участь балканских народов, которая стала неизбежной. Вскоре после этой кровавой битвы оказался потерян весь оставшийся Балканский полуостров, выжившие христианские государства, такие как Валахия и Молдова, в лучшем случае стали вассалами, данниками осман либо были ими поглощены. Именно так произошло через три года с Македонией, а еще через год – с Болгарией, которые оказались оккупированы османами. Все поголовно, от последнего бедняка до

знатного господина, включая даже правителей этих окончательно подчиненных стран, теперь должны были платить туркам подать-харадж.

Всякое поползновение к независимости и тем более любая попытка к сопротивлению заканчивались провалом. К примеру, в Греции воинственный одноклазый султан Баязид I, отважно осаждавший и бравший вражеские крепости, сравнял с землей город Аргос в наказание за упорство защитников. Он на кораблях водил турок к греческим островам и сокрушал там и древние стены, и мужество защитников. Это и понятно – счет солдатам бывлой Империи теперь шел не на тысячи, а на сотни, в составе царской армии преобладали уже не сербские и болгарские, а турецкие «союзники», военных сил почти не было, как, собственно, не было уже и самого Ромейского царства. Оно превратилось в аморфное образование из четырех маленьких государств, управлявшихся тремя так называемыми императорами и деспотом из дома Палеологов. Едва ли можно было принимать за силу дворцовую охрану из числа вардариотов с их бичами и причудливыми, похожими на огурец колпаками, лучников-*муртатов* и *кортинариев*, одетых в красные колпаки и платье с черными чулками, отряды *лаконов* или *цаконов* с парадными голубыми панцирями, украшенными фигурами белых львов, многочисленных волонтеров – *фелематариев*, служивших, вероятно, по наследству за счет выделенных императором земель под Константинополем и таких же *просалентов* или *проселанов*, обеспечивавших жалкие остатки ромейского флота. Снарядит реальное войско Византии было не на что и не из кого.

Правда, Мануилу, сыну и наследнику Иоанна V, обосновавшемуся в Фессалонике, удалось собрать кое-какие военные отряды Фессалии и на некоторое время вдохнуть в них боевой дух, но разъяренный султан в ответ напал на Фессалонику. Весной 1387 г., чтобы спастись от кровопролития и разграбления после трехлетней осады, город открыл ему ворота. Проклиная трусость фессалоникцев, Мануил накануне отплыл из Фессалоники, но Иоанн V решил наказать его и сослал на остров Лемнос, хоть таким показным демаршем надеясь умилиститъ своего грозного сюзерена – султана.

В конце 1390 г. пал восставший против турок последний важный византийский центр сопротивления в Малой Азии – город-крепость Филадельфия, славившийся своими оружейными мастерами, причем армии османов при этом помогали греческие отряды, которые Мануил II, ставший к тому времени василевсом, и его молодой племянник Иоанн, сын мятежного Андроника, несмотря на взаимную лютую вражду, будучи заложниками обстоятельств, вынуждены были послать Баязиду I (1389–1402 гг.), многозначительно принявшему титул «султана Рума» (то есть Рима). С гневом и стыдом писатель *Иоанн Хортасмен* вспоминал о том, как «...варвары нашему благочестивейшему василевсу не давали, как говорится, ни часу дыхания, но гоняли его туда и сюда по всему миру и с его помощью приводили под свою власть еще не поработанные города». К примеру, в завоеванную Филадельфию первыми, как представители османской армии вошли упомянутые Мануил и Иоанн.

Но даже такая откровенно унижительная поддержка не зачлась ромеям, не смевшим ослушаться злорадствующего султана. Тот явно пытался спровоцировать войну, прекрасно понимая, что ответ на нее будет самоубийством для ромеев. Действуя в этом направлении и внимательно следя за событиями в Константинополе, он потребовал срыть укрепления Золотых ворот: незадолго перед этим

в них пытался отсидеться Иоанн V во время очередной омерзительной грызни его со своим внуком, Иоанном VII, сыном Андроника, в которую было бурно вовлечено все население Города от мала до велика.

Османский гнет стал еще более тяжелым. Во время приступов жестокости султан издевался над византийскими послами, калечил их. В 1394 г. Фессалоника, второй по величине и богатству византийский город, еще раз был взят штурмом, сокрушен, часть его населения вырезана. После этого Баязид потребовал устроить в Константинополе турецкие казармы, передать судебные разбирательства между христианами и мусульманами исламским судьям – кади и призвал Мануила идти с ним в поход против Венгрии. Он зловеще предупредил василевса: «Если не хочешь повиноваться мне, запри ворота своего города и царствуй внутри его; все, что лежит за стенами вне города, все мое». Поняв, что пытаться умиротворить такое непредсказуемое чудовище невозможно, Мануил II Палеолог ответил отказом на предъявленный ультиматум и стал готовиться к войне. Несколько месяцев спустя появились войска османов, которые начали очередную осаду Константинополя, надеясь отрезать его от всяких сообщений и взять измором.

На сей раз блокада христианской твердыни длилась с перерывами долгих семь лет. В бедствовавшей столице свирепствовали голод и болезни. Лишь построенные тысячу лет назад мощные оборонительные сооружения города, которые османы называли «костью в горле Аллаха», да море, как встарь, еще спасали ромеев, несмотря ни на что, не прекращавших борьбу. Турки пока не могли ни прорвать сложный тройной пояс стен, ни конкурировать с искусными византийскими и особенно итальянскими моряками, которые доставляли в Константинополь продовольствие, оружие и подкрепления. По свидетельствам современников, осажденные разбирали на топливо дома, чтобы обогреться и приготовить пищу. Но положение становилось все более безнадёжным. Судьба Ромейского царства повисла на волоске.

Теперь мощь наступательного порыва османов и особенно их грозный демарш в отношении Венгрии не могли не встревожить Запад, наконец всерьез почувствовавший непосредственную угрозу и попытавшийся объединиться перед лицом нависшей опасности. Однако Крестовый поход против турок, в котором принял участие цвет христианского рыцарства Венгрии, Франции, Германии, Италии, Чехии, Польши, Валахии и Родоса, обернулся трагедией. Безжалостный, скорый на решения, сверхэнергичный Баязид, в очередной раз оправдавший свое турецкое прозвище Йылдырым – «Молниеносный», оставив обложенный Константинополь, стремительно двинулся к Дунаю с 15-тысячной армией, и здесь, при Никополе 25 сентября 1396 г. достаточно мощное, насчитывавшее без малого десять тысяч человек, но пестрое объединенное христианское войско европейских народов, возглавленное венгерским королем и будущим императором Священной Римской империи Сигизмундом Люксембургским (1387–1437 гг.), было наголову разбито талантливым полководцем. Воспользовавшись недисциплинированностью, беспечностью, горячностью бургундских рыцарей во главе с графом Жаном де Вьеном, вообразивших себя непобедимыми героями-крестоносцами минувших славных времен, османы переломили в свою пользу ход неудачно начавшегося для них сражения, пробили своей конницей страшную стену из вражеских мечей, копий, щитов, лат, крестов и хоругвей и в итоге пленили несколько тысяч человек. Они обезглавили всех, включая присланных

Папой священников, прямо на поле боя, сохранив жизнь только трехстам наиболее знатым рыцарям, да и то лишь потому, что психически нездоровый, или, что называется, не от мира сего, французский король Карл VI Валуа (1380–1422 гг.) заплатил за них султану колоссальный выкуп – 200 тысяч дукатов – около тонны золота. Когда Сигизмунд, спасшийся в Константинополе, возвращался через Дарданеллы домой, султан выстроил на берегах пролива оставшихся в живых пленников, которые слали проклятия вслед удалявшейся королевской галере, в то время, как османы, издеваясь, насмешливо предлагали королю сойти с корабля и освободить своих воинов. Такой итог первой открытой, значительной пробы сил османов и западного христианского мира не предвещал для него ничего хорошего. Этой битвой Баязид надолго устранил рыцарей всей Европы и гордился ею как началом дальнейших побед над неверными, исподволь замышляя новые походы на Запад, когда управится с Константинополем.

Между тем константинопольцы со страхом наблюдали, как на противоположном берегу Босфора быстро растет громада *Анатоли Хиссар* – «Анатолийской крепости», которую Баязид возводил, стремясь покончить с византийской столицей. Обстановка на востоке становилась совсем скверной. В конце XIV в. многим казалось, что с Ромейским царством все кончено. Даже традиционно верная Москва колебалась, считать ли вассала мусульман наследником Константина Великого и тем более духовным проводником православного мира.

Напрасные надежды на Запад

Последние чаяния и надежды ромейские власти возлагали на единственное оставшееся оружие – издавна выручавшую дипломатию. Они то и дело пускались в переговоры о церковной унии с латинами, но без какого-либо ощутимого результата. Когда становилось особенно тяжело, царский двор временами вспоминал об этом обещании.

Византийские монархи искали помощь и поддержку у католических правителей Европы против ставших непобедимыми турок-османов. Наконец дело дошло до того, что впервые в истории Ромейского царства василевсы отправились на Запад не с целью заморского военного похода, а чтобы умолять помочь остановить натиск сыновей Османа, которые показали всем свою необоримую мощь.

Весной 1366 г. Иоанн V Палеолог пошел на беспрецедентный шаг – вместе с сыновьями Мануилом и Михаилом лично посетил в Буде могущественного венгерского короля Лайоша (Людовика) I Великого (1342–1382 гг.) в надежде найти в его лице верного союзника. Но король-католик, хотя и с должным уважением почтил высокомерно восседавшего на коне венценосного правителя и даже спешил перед ним с непокрытой головой, ограничился весьма туманными обещаниями военной помощи, по-прежнему требуя главного, – беспрекословного подчинения ромеев Отцу Римской церкви, Папе и Крещения самого царя по латинскому обряду. На обратном пути опечаленный василевс пережил новое унижение – около шести месяцев его удерживал на положении пленника в захолустном приграничном городке болгарский царь Иван Александр (1331–1371 гг.), который находился в конфронтации с венгерским королем. Только вмешательство кузена – двоюродного брата Иоанна по матери, Амадея, графа Савойского, пришедшего с флотилией, осадившего болгарскую Варну (бывший ромейский Одессос) и попутно, с налету отобравшего у турок Галлиполи, заставило болгар-

ского царя освободить своего несчастного пленника. К слову, радость по поводу взятия Галлиполи будет недолгой – через одиннадцать лет он вновь окажется в руках османов, теперь уже навсегда.

Не принесли успеха и состоявшиеся через три года поездки полунищего, обремененного долгами, а теперь униженного Иоанна V в Рим и Венецию, последовавшие после длительного обмена послами и письмами между императором ромеев, Папой Урбаном V (1362-1370 гг.) и дожем. Летом 1369 г. василевс даже решился на публичное самоунижение – лично принял католичество с благословения Папы, чье верховенство он признал, но помощь в виде организации Крестового похода против турок, присылки кораблей и денежных субсидий так и осталась на словах. Не захотел Папа созывать и Вселенский церковный собор в Константинополе, где можно было бы уладить разногласия, после чего Греческая Церковь, в отличие от государства, не собиравшаяся сдавать свои позиции, устранилась от дальнейших переговоров. Реально торжественное принятие византийским царем католического Символа Веры, при котором не присутствовало ни одного представителя ромейского духовенства, не могло стать серьезным основанием для заключения унии двух Церквей. В Ромейском царстве оно не вызвало никакого отклика. Отчаянный поступок Иоанна – отречение от веры отцов – был встречен с полным равнодушием, как его личная греховная блажь, и о нем быстро забыли. С точки зрения ромеев, василевс не имел власти над душами своих подданных и не мог принудить свою Церковь к заключению унии.

После более чем двухлетнего отсутствия, император, измученный тщетными, бесполезными хлопотами, отказами, прикрытыми лицемерными улыбками христианских владык, осенью 1371 г., так ничего и не добившись, возвратился наконец в Константинополь. Перед этим венценосец ромеев едва не продал венецианцам эгейский остров Тенедос – важный центр на пути кораблей к Константинополю, пытаясь раздобыть уже не военную помощь для своей державы, а лишь деньги, без которых, попросту говоря, не мог вернуться домой. Если бы не внесение требуемой суммы сыном императора, Мануилом, деспотом Фессалоники, он оказался бы в долговой тюрьме.

Несмотря на такое фиаско, именно этот деспот, сбежавший из турецкого плена и занявший после смерти отца в 1391 г. трон василевса под именем Мануила II Палеолога, стал предпринимать еще более энергичные меры по сближению с западноевропейскими странами, которые были крайне озабочены военными успехами османов, но пока не шли дальше пустых разговоров о надобности организации Крестового похода против мусульман. Увлеченный философ, но неудачливый дипломат, в своих многочисленных письмах, прошениях он молил Папу, дожа Венеции, христианских государей Московии, Франции, Англии, Арагона о милостыне, помощи и спасении от турок. Но, несмотря на призывы Папы принять участие в Крестовом походе или хотя бы делать финансовые пожертвования на оборону Константинополя, лишь мало известный западноевропейцам Великий князь Московский Василий I, сын победителя татар Дмитрия Донского, прислал деньги, да безнадежно безумный французский король Карл VI Валуа дал 12 тысяч золотых *франков* – более 45 кг золота и отрядил в помощь 1 200 латников во главе с отважным военачальником, маршалом Жаном Ле Мэнгром (1364-1421 гг.) по прозвищу Бусико. После разгрома у Никополя тот испытал мытарства турецкого плена и теперь горел жадной мщенья. Именно маршал Бусико, пробившись

через османские заслоны с небольшим флотом в Константинополь, посоветовал императору ромеев самому отправиться на Запад, чтобы разъяснить там масштабы бедствия и его возможные чудовищные последствия. Большую часть правления, с конца 1399 по 1403 гг., деятельный, умный василевс действительно провел вне столицы, в долгих разъездах по Европе, но, как оказалось, совершенно бесполезных попытках сколотить действенную антиосманскую коалицию.

В хмурый декабрьский день 1399 г. Мануил II, воспользовавшись отсутствием султана под Константинополем, на кораблях храброго маршала Бусико покинул голодный, блокированный османами город, чтобы, по примеру отца, Иоанна V Палеолога, отправиться в вояж по западной Европе в надежде организовать спасительный Крестовый поход против мусульман. Вначале он посетил богатые итальянские города, Венецию, Падую, Милан, Флоренцию, а в следующем году неторопливо отправился ко двору французского короля Карла VI Валуа, слабого и нездорового монарха, постепенно сходявшего с ума и то и дело терявшего рассудок. В Париже василевс вызвал особое любопытство, его встречали с большим почетом: кардиналы, сам Карл VI с красавицей-супругой Изабеллой Баварской, канцлер, парламент и огромная толпа принарядившихся горожан. Несмотря на ужасное положение, бедствия и унижения, которые постигли Ромейское царство в последнее столетие, европейцы все еще благоговейно чтили византийского императора как государя самой древней христианской державы, прославленной наследницы грандиозной Римской империи, некогда управлявшей всем миром. В этом высоком, величественного вида 50-летнем человеке они сразу чувствовали благородную царскую кровь достойного наследника Константина Великого, что подтверждалось редким умением держаться, импозантными манерами и прекрасным образованием императора, к тому же отличавшегося завидным здоровьем. Каким бы шатким не был его трон, в славе и величии ему не было равных.

Мануилу II отвели роскошные, заново отделанные к его приезду дворцовые апартаменты, в его честь устраивали великолепные праздники и пышные приемы, развлекали, дарили подарки, даже выделили солидную ежегодную денежную ренту в 30 тысяч монет серебром, что было весьма кстати для вконец обнищавшего монарха. Хотя переговоры и не несли ожидаемых результатов, все же василевсу больше нравилось жить при дружелюбном, веселом и галантном французском дворе, чем в собственной нищете, голодной, озлобленной столице.

За Парижем последовал дождливый, туманный Лондон, куда Мануил II и его свита прибыли в безукоризненно белоснежных одеждах, что выделяло их как «белых ворон» на фоне местного населения Англии. Это население поразило искреннее благочестие ромейских гостей, которые причащались и ходили на богослужение каждый день. В Англии Мануилу II оказали не меньше, если не больше знаков уважения, почестей, чем при французском дворе, тоже осыпали подарками, но, увязший в борьбе с феодальными магнатами, лордами, непрочно чувствовавший себя на захваченном троне король Генрих IV Ланкастер, как и французы, не торопился с высылкой королевских солдат на далекий Восток, лишь всячески обнадеживая императора ромеев, готового обмануться. 4000 фунтов стерлингов – около полутора тонн се-

ребра, собранные для василевса по всем церквам страны, были, скорее, свидетельством сочувствия, симпатии англичан и их предельно вежливого короля, чем реальной помощью.

Месяц проходил за месяцем, год за годом, а дальше улыбок, подарков, торжественных речей, здравниц, отговорок и щедрых, но пустых, ни к чему не обязывающих обещаний дело не шло. Христианские владыки, занятые собственными проблемами, уже пытались сломить османов под Никополем на Дунае и хорошо помнили, что оттуда немногие вернулись целы. Не помогли переговоры ни с королями Арагона и Португалии, ни с обоими соперничающими Папами, один из которых пребывал в Риме, а другой в Авиньоне на юге Франции. Не исключено, что их результативности мешало также то, что ромейский император жаждал помощи, но рассматривал перемену веры, католицизм как тяжкий грех, преступление, измену отчизне, невозможность считать себя добродетельным человеком, и поэтому не поднимал вопросов о церковной унии.

На обратном пути Мануил Палеолог, видимо, не имея сил вернуться домой, еще на целые два года задержался в участливом, радушном Париже, предаваясь праздности и позируя художнику, писавшему портрет царя. Наконец, добравшись до Венеции, василевс отчетливо понял, что теперь его пытаются как можно скорее выпроводить восвояси. Императора еще не покидала тень надежды уговорить европейские державы организовать новый совместный Крестовый поход против турок, но, считая выпавшие беды следствием тяжких прегрешений самих ромеев, он больше уповал на милосердие Господа...

В конечном счете василевс так нигде и не получил реальной помощи, даже обещаний о скором подкреплении и собирался вернуться на свою гибнущую родину ни с чем. Западные правители смирились с концом дряхлой, предельно урезанной «Империи» и на деле лишь ждали, как им недальновидно казалось, удобной возможности разделить между собой то немногое, что от нее останется, когда она все же рухнет под ударами османов. Собственно византийские владения свелись лишь к ближайшей округе Константинополя, клочкам северо-западной Греции и пелопоннесской деспотии Мореи, куда василевс предусмотрительно отправил жену и ребенка, а население столицы едва превышало пять десятков тысяч человек. Ощущение шаткости, ощущение смены эпох, ощущение близящейся катастрофы, надвигающейся гибели обреченной отчизны стало сильно как никогда. Теперь ромев и их царя могло спасти только чудо ...и оно пришло.

?

1. Как вы считаете, почему Ромейское царство так быстро сдавало позиции перед натиском турок?
2. Какие земли были утрачены ромеями к концу XIV в.?
3. Какие меры предпринимали византийские императоры для организации отпора османам?
4. Вспомните, когда у ромеев появился герб в виде орла и откуда он был заимствован?

5. Кто из ромейских императоров первым стал рассчитывать на помощь Запада? Правильной ли была такая политика?
6. Как вы полагаете, могли ли государства католической Европы оказать реальную помощь Ромейскому царству в борьбе с мусульманами или просто не хотели?
7. Дайте оценку политике последних византийских императоров в отношении султанов осман.
8. Какие страны посетил Мануил II Палеолог во время своего длительного путешествия по Европе и почему он выбрал именно их?
9. Вы оказались в свите Мануила II. С кем бы вы могли познакомиться и что повидать в ходе своего вояжа по западной Европе на рубеже XIV–XV вв.?
10. Если бы ромей надумал купить дом, то в каком городе он предпочли бы это сделать – в Константинополе или Мистре? Аргументируйте свои соображения, исходя из прочитанного в разделе.

Внимание, источник!

Из «Записок янычара», вероятно, артиллериста, сербя Константина Михайловича из Островицы (между 1497–1501 гг.)

Гл. 38. *Об управлении, которое существует в Турецкой земле.* Порядок и управление в Турецкой земле прежде всего зиждется на том, что султан все крепости во всех своих землях, заняв их янычарами¹, крепко держит в своей руке, никакого замка ни одному из вельмож не отдавая; и тот город, который имеет управление и крепость в нем, султан, заняв своими людьми², также держит сам. А тех янычар, которые находятся в крепости, он снабжает сам, чтобы они на случай осады не имели нужды [...]. А в другое время, когда нет осады, каждый кормится от своей службы. Жалованье они получают от двора каждую четверть года без задержки, а одежду им дают один раз в год [...]. И так они снабжают султанские крепости, а также и всё турецкое государство от наивысшего человека до самого незначительного, будь то богатый или бедный, каждый смотрит на руку султана, ибо султан возмет у одного, когда захочет, и даст другому³.

¹ Привилегированный корпус янычар – регулярная султанская гвардия; просуществовавшая с XIV в. до 1826 г. Подр. см в третьей части книги для чтения.: Толковый словарь (*янычары*).

² Люди, входившие в состав турецкого гарнизона, назывались мустафизы – «стражи крепости».

³ Хотя в Турции вся земля считалась государственной собственностью и формально не могла передаваться по наследству (об этом и говорит Константин), в действительности уже в XIII в. в Сельчукском султанате феодалные владения все более приобретали характер *феодов*, то есть наследственных владений. В XIV–XV вв. эти владения делились на *хассы* – владения с годовым доходом более 100 тысяч акче, которыми наделялись *везиры*, члены султанской семьи, привилегированные конники-сипахи. Их владельцы составили основную военную опору султана. В свою очередь сипахии делились на *зеаметы* (в несколько сел) и *тимары* (одно – два села). Если владельцы хассов и зеаметов обладали налоговым и административным иммунитетом, то *тимариты* его были лишены. Кроме того, существовали *вакуфы* – неотчуждаемые земельные владения мусульманского духовенства, которые тоже пользовались налоговым и административным иммунитетом. Их обрабатывали за часть урожая зависимые крестьяне. За особые заслуги в безусловное землевладение давались также *мюльки* – частные земельные владения, иногда весьма крупные.

**Воспоминания Никифора Григоры (ок. 1293-1361 гг.) в «Ромейской истории»
о Константинополе середины XIV в.**

[...] легко представить падение порядка вещей и разрушение империи, ибо всем бросалось в глаза, что царские дворцы и палаты знатных лежали в разрушениях и служили отхожими местами для мимо ходящих и клоаками; равно и величавые здания патриархата, окружавшие великий храм Св. Софии, [...] были разрушены или вовсе истреблены.

**Придворный юрист английского короля Генриха IV Ланкастера (1399-1413 гг.),
бывший свидетелем пышного приема, устроенного
в честь приезда василевса Мануила II.**

Я подумал, как прискорбно, что этому великому христианскому государю приходится из-за сарацин¹ ехать с далекого Востока на самые крайние на Западе острова в поисках поддержки против них [...]. О, Боже, что случилось с тобой, древняя слава Рима?

**Советы василевса Мануила II своему старшему сыну
и соправителю Иоанну VIII Палеологу (1392-1448 гг.)
в отношении церковной унии**

Сын мой, определенно и достоверно известно нам от самих нечестивых (т. е. турок), что их очень пугает, как бы мы не договорились и не объединились с франками, ибо они думают, что если это произойдет, то им будет причинено из-за нас большое зло христианами Запада.

Так вот о Соборе²: пекись и хлопочи о нем, и особенно тогда, когда тебе необходимо запугать нечестивых. Но не предпринимай ничего для того, чтобы осуществить его, потому что я не вижу, чтобы наши способны найти какой-нибудь способ объединения, мира и единодушия, но они стремятся тех обратить к тому, чтобы мы стали как прежде. А поскольку это почти невозможно, боюсь, как бы не произошла еще худшая схизма — и тогда бы мы раскрылись перед нечестивыми.

**Из Послания Константинопольского патриарха Антония IV
(1389-1390, 1391-1397 гг.) к Великому князю Московскому Василию I.**

Совсем нехорошо, сын мой, когда ты говоришь: у нас есть Церковь, но нет царя. Совершенно невозможно, чтобы у христиан была Церковь, а царя не было, ибо царство и Церковь составляют единство и общность, и совсем невозможно разделить их [...]. Послушай первоапостола Петра, который в Первом послании говорит: «Бойтесь Бога, царя почитайте». Он не сказал «царей», чтобы тем самым никто не думал о так называемых царях отдельных народов, но сказал «царя», чтобы показать, что в мире царь один [...]. Если некоторые другие христиане присвоили себе имя царя, то это случилось вопреки природе и закону посредством тирании и насилия. Какие отцы, какие соборы, какие канонические определения говорят об этих царях? Всегда и повсюду

¹ Имеются в виду турки.

² Речь шла о возможности созыва Вселенского церковного собора, на котором должно было произойти объединение православной и католической Церкви.

раздается их голос о едином природном царе, которого законы, предписания и указы по всему миру имеют законную силу, его одного и никого другого христиане повсюду поминают.

?

1. В чем, по словам Константина из Островицы, состояла особенность организации управления завоеванных османами территорий?
2. Чем отличалось войско янычар от ромейского и западноевропейского войска?
3. На чем по данным источника второй половины XV в. зиждилась мощь турецкого султана? Какую эпоху в истории самого Ромейского царства это напоминает?
4. Вспомните, почему Константинополь в середине XIV в. оказался в том плачевном состоянии, какое описывал Никифор Григора?
5. Можно ли верить современнику, оценивавшему отношение к византийскому василевсу на Западе? С чем оно было связано?
6. Какой важный совет дал император Мануил II своему сыну? На чем основывались его политические рассуждения и насколько они были верны?
7. В чем пытался убедить князя Василия Московского Патрарх Антоний и почему он вынужден был это делать? С какими изменениями в положении императорской власти в Византии к концу XIV столетия это связано?

§ 25. «Град обреченный»

К концу XIV в. Ромейское царство сократилось до ближайших европейских пригородов своей столицы, небольшой части Греции и нескольких островов в северной части Эгейского моря. Даже в самом Константинополе, перенесшем чуму и несколько осад, осталось не более 40-50 тысяч населения – десятая часть того, что было во времена расцвета. Наследники Константина Великого превратились в вассалов турок-османов. Они чувствовали себя в своих стенах будто обитатели тюрьмы, покидать которую боялись. Защищать больше было нечего. Но в 1402 г., когда дни «Града Константина», а вместе с ним и ромейской державы, казалось, были сочтены, весь христианский мир потрясла ошеломляющая, радостная весть – войско османов оказалось жестоко разгромлено чужими руками. Теперь ромеям не надо было ждать безуспешно просимой помощи Запада.

Византийцы на некоторое время освободились от тесной «опеки» турок, вынужденных заняться обрушившимися на них проблемами. Но, как показало дальнейшее, судьба послала ромеям лишь недолгую передышку перед решительным наступлением мусульман. Византийцы оказались слишком слабы, чтобы воспользоваться последним шансом для спасения. Мучительные сомнения, неуверенность, религиозные споры все более поглощали ромейское общество, одна часть которого ждала избавления от турецкой угро-

зы с католического, латинского Запада, а другая, гораздо большая, не хотела идти на уступки ценой гибели отеческой веры, а значит, души.

Короткая передышка

Неожиданное освобождение того, что осталось от Ромейского царства, пришло с того самого тревожного Востока, откуда его меньше всего можно было ожидать. В Париж, где в то время утешался королевскими обещаниями и рыцарскими пирами Мануил II, прилетела ошеломляющая, будоражащая новость – армия непобедимого султана Баязида I потерпела сокрушительное поражение от жестокого эмира среднеазиатского Самарканда **Тимура**. Кровь и огонь нашествия его мирозавоевательных воинов к тому времени уже изведаль весь Восток от Индии до Черного моря. Казавшаяся безвыходной, ситуация предстала в совершенно новом свете и заставила ромеев поверить в чудесную удачу.

*Наследственный наместник городка Кеш вблизи Самарканда, Тимур Гурган (1336-1405 гг.) принадлежал к небольшому знатному тюркскому роду Туркестана и в молодости был табунщиком-разбойником. Рыжеволосый, громкогласный, высокий, хорошего сложения, сильный и отважный, он объявил себя эмиром, наследником монгольского владыки Чингисхана, знаменитого объединителя монгольских племен, и задался целью возродить громадную разобщенную монгольскую державу в прежних границах. Используя ненависть местных жителей к ханам Моголостана, как звался восточный Казахстан, он к 1370 г. подчинил себе значительную часть их земель и основал государство со столицей в Самарканде. Для достижения этой цели Тимур создал хорошо организованное, дисциплинированное войско по монгольскому структурному образцу и предпринял серию грандиозных, кровавых завоевательных походов, принеших ему богатую добычу. Давнее увечье правого колена из-за тяжелого ранения и развившегося костного туберкулеза принесло эмиру прозвище Тимур Ланг, с персидского – «Железный хромой», у европейцев – **Тамерлан**, но не помешало ему стать одним из величайших полководцев средневековья. Воспользовавшись развалом монгольских улусов, он подчинил Маверраннахр – «Заречную страну» – земли в долинах рек Амударьи и Сырдарьи, богатые государства Центральной и Средней Азии, Азербайджан, Грузию, разгромил Золотую Орду и татар на юге Руси, в Поволжье, Приазовье и Крыму, наводнил своими отрядами Афганистан, опустошил Месопотамию и Сирию, совершил вторжение в Индию.*

Этот любитель складывать жуткие башины, пирамиды из отрубленных голов поверженных народов создал себе громкую, страшную славу, которая вместе с его лазутчиками-provокаторами шла впереди его походов, вселяя ужас в сердца врагов. Так, в 1387 г. во время похода в Иран по его приказу в городе Исфгане были отсечены головы 70 тысяч человек мирного населения и из этих голов сложена большая пирамида. В Дамаске он сжег всех жителей в Великой мечети. В Тикрите каждый воин Тимура должен был показать ему по две отрубленные головы или лишиться своей. В Исфизаре была выложена башня из связанных пленников, скрепленных быстро сохнущей известью, с высоты которой муллы призвали мусульман к победной благодарственной молитве. В Индии в 1398 г. эмир приказал умертвить 100 тысяч пленных только потому, что их тяжело было вести в далекую Среднюю Азию. При

взятии Багдада в 1401 г. в один день было вырезано 90 тысяч жителей, из голов которых сложили 120 башен. При малейших попытках покоренного населения дать отпор Тимур Ланг приказывал закапывать людей живыми. Своей безмерной жестокостью даже для тех выдавших виды времен он вызывал всеобщий ужас. Всюду, где проходили войска «Железного хромца», они несли смерть и оставляли пожарища, развалины, запах гари и мертвечины. «Там не было слышно ни лая собак, ни голоса домашней птицы, ни плача ребенка» – писал византийский историк Дука Фокийский об этих чудовищных опустошениях. Наконец пришел черед османов, которым досталось за то, что они вытеснили из Малой Азии других мусульманских эмиров и беев и могли стать препятствием для планируемого Тимуром похода в Египет.

20 июля 1402 г. в битве при Ангоре (современной Анкаре) в центре Анатолии сошлись два сильных, боеспособных войска. Тимуру удалось склонить к измене некоторых сельчукских эмиров, недовольных султаном Баязидом I, и это решило исход короткого, но ужасающего по кровопролитию побоища, стоившего жизни пятнадцати тысячам османских воинов. В нем были задействованы даже боевые слоны из Индии. Турецкая армия оказалась смята и раздавлена, а ее предводитель, гроза всех христиан, могущественный Баязид, вместе с одним из своих сыновей, Мусой, захвачен в плен. С легендой о непобедимости стремительного османского султана было покончено. Тамерлан посадил его в железную клетку, которую вез перед своей армией, периодически использовал пленного как скамеечку для ног, а любимую жену-сербку из гарема султана заставлял униженно прислуживать обнаженной. Через восемь месяцев гордый турок покончил жизнь самоубийством: не вынеся позора и издевательств, он отравился ядом, тайком переданным подкупленным рабом. Впрочем, после этого Тимур великодушно отпустил Мусу и разрешил ему забрать тело отца для погребения в родовом мавзолее.

Оставив позади сожженную, изнасилованную османскую столицу Брусу и павших в Смирне храбрых рыцарей – госпитальеров, «Железный хромец» не стал закрепляться на землях османов, не нанес им роковой удар и в 1403 г. вернулся в Среднюю Азию, чтобы восполнить понесенные потери. Через два года, во время подготовки к походу в освободившийся от монголов Китай, ужасный завоеватель умер от лихорадки, а его пестрая держава, скрепленная лишь кровопролитием и грубым насилием, быстро распалась. Старший сын Тимура, длиннородый султан Шахрух (1405–1447 гг.), сумел сохранить под своим контролем только Среднюю Азию, Иран и неприветливый, каменистый Афганистан. Остальное было утеряно. Мечте свирепого завоевателя, пышно прозванного Повелителем Вселенной, Мечом Аллаха, Рожденным Под Счастливой Звездой, не суждено было сбыться. Однако и Османское государство оказалось расколото и ввергнуто в пучину междоусобицы претендентов, соперничавших за трон турецкого султана и нуждавшихся в любой помощи, даже со стороны слабого Ромейского царства. Так один кровавый и жестокий враг пал жертвой другого, еще более могущественного и беспощадного, которому тоже пришел конец.

Судьба, руками воинов свирепого Тимура Хромого, наголову разбивших турок летом 1402 г., предоставила византийцам еще один шанс для возрождения, но в конечном счете они не смогли воспользоваться им. Случившееся стало

лишь отсрочкой неизбежного. Предыдущие потери были невозполними. Местами крестьянское население сократилось на 80%, как это было, например, между 1321 и 1409 гг. на тех землях Македонии, что принадлежали монастырям Афона. В обезлюдившей стране царил анархия, распри охватили последний византийский оплот на юге Греции – Морею, где после продолжительной болезни умер, не оставив законных наследников, деспот Феодор I, брат Мануила II Палеолога. Постоянно враждовавшие венецианцы и генуэзцы нагло вмешивались во внутренние дела греков, ослабляя друг друга и сея новые, фатальные семена раздора. Их фактории теперь сами несли финансовые потери из-за общей нестабильности и отчаянного положения экономики Ромейского царства, что толкало итальянцев на поиск соглашения с османами. На церковном Соборе 1414-1418 гг. в Констанце, куда дважды приезжали делегации византийцев, Папа Мартин V пока еще вежливо, но настоятельно склонял императора и Патриарха греков к обсуждению вопроса о церковной унии. Не отказываясь от этого предложения, византийская сторона, как и прежде, требовала, чтобы переговоры прошли только на Вселенском соборе, созвать который надлежало в византийской столице.

Впрочем, пользуясь тем, что трое сыновей Баязида – Сулейман, Муса и Мехмед, а вместе с ними европейские и азиатские земли разорванной Османской державы погрязли в междоусобице, переросшей в 1413-1418 гг. в настоящую гражданскую войну, Византия, проводя в отношении османов политику интриг и оказывая поддержку то одному, то другому претенденту на султанский трон, укрывая у себя таких беглых смутьянов, смогла добиться от турок беспрецедентных уступок, освободиться от позорной вассальной зависимости и тягостной дани. Более того, она сама формально стала сюзереном турецкого султана, ненадолго вернула себе Фессалонику с окрестностями, включая Афон, а также уютные территории на побережье Мраморного моря и некоторых эгейских островах. Пользуясь временным перемирием, Мануил II занялся укреплением оборонительных сооружений, заново, с огромным трудом отстроил на Коринфском (Истмийском) перешейке Гексамилон, то есть оборонительную стену в шесть миль, которая от моря до моря преградила доступ на Пелопоннес. Его старший сын-соправитель, Иоанн VIII, даже решился напасть на латинскую Ахею, которую пытались удержать венецианцы, в свою очередь в 1416 г. нанеся поражение сравнительно еще слабому турецкому флоту недалеко от Константинополя. Все это свидетельствует, что у державы ромеев еще оставались силы, она была жизнеспособным государством, способным восстановиться, и лишь внешние неблагоприятные обстоятельства были главной причиной неотвратимо надвигавшейся катастрофы. Жизнь показала, что ее не избежать, ибо оставался главный корень бед.

Смуты у турок, сопровождавшиеся разгромом и удушением одного султана за другим, довольно быстро прекратились. Юный 17-летний Мурад II (1421-1451 гг.), ставший султаном после внезапной смерти своего миролюбивого по отношению к Византии, симпатизировавшего Мануилу 32-летнего отца Мехмеда I (1413-1421 гг.) по прозвищу Челеби («Благородный»), оказался решительным, жестоким правителем, достойным продолжателем агрессивной политики своего деда – Баязида Молниеносного. Он добил реанимированных Тимуром непокорных сельчукских эмиров, объединил отпавшие бейлики, стал полновластным правителем османских владений в Азии и Европе, укрепил Османское государство, набрал былую силу и, разъяренный очередными интригами визан-

тийцев по поводу османского престола, сам перешел в ударное наступление на Ромейское царство.

Его опорой стали сипахи – владельцы тимаров. Так называли владения, приносившие от трех до двадцати тысяч акче в год. Малочисленной, но весьма влиятельной стали группировки более богатых зеаметов с доходом от двадцати до ста тысяч акче и хассов с доходом свыше ста тысяч акче в год. Именно их держатели занимали высшие государственные посты. Им принадлежала основная масса частных земельных владений – мюльки. Крупные земельные владения – вакуфы были переданы мусульманскому духовенству. Их обрабатывали зависимые крестьяне – райяты, которые за пользование отдавали часть урожая.

Кроме того, на государственной службе и в войске султан, согласно давнему обычаю, стали активно использовать «государственных рабов» – капыкулу. Невольников поставляла уже известная нам система принудительного налога кровью – девширме. Мальчики, вырванные из христианских семей, несколько лет жили в турецких семьях, обучались турецкому языку. Затем их отдавали бекташам (орден дервишей-мистиков), которые воспитывали в подростках преданность исламу и султану. «Государственных рабов» распределяли для службы при дворе, в султанских мастерских или в корпус знаменитых янычар.

Именно Мурад II уделил особое внимание «ени чери» – «новому войску». К этому времени янычары превратились в ядро дворцовых полков турецкой армии – замкнутую военную профессиональную корпорацию – султанскую гвардию, регулярно получавшую плату каждые три месяца и вооруженную, экипированную на средства султана. Им полагались надбавки за годы службы, бахши – наградные и деньги для покупки лука, стрел, пошива одежды, которая представляла длинный доломан, плащ, шаровары и особый головной убор. Комплект такой одежды выдавали раз в год. Лучшие янычары в виде поощрения получали даже земельные пожалования – тимары, тогда как провинившихся наказывали тюремным заключением на несколько дней, ударами палицей, ссылкой или даже смертной казнью через повешенье, которая следовала после исключения из янычарского корпуса. Каждая орта корпуса располагалась в отдельной казарме. Янычарская пехота, лучники, конница, артиллерия проходили регулярные тренировки, отличались особенно высокой боеспособностью и абсолютной преданностью правителю и исламу. Это были прежде всего парадные войска, которые в мирное время выполняли охранно-полицейские функции, стояли гарнизонами в провинциальных крепостях, где сменялись раз в три года. Ими командовал ага – господин, высший командир, который лично назначался султаном, подчинялся только ему и был членом султанского совета – дивана. Именно в его резиденции – Ага-Капу производили все необходимое для корпуса «нового войска».

Широко внедрялось стремительно распространявшееся на протяжении XIV в. огнестрельное оружие – пушки, мушкеты, пищали. Развернулось строительство морского и речного флота, которого давно не хватало османам.

Полагаясь на эти громадные силы, уже летом 1422 г. Мурад II с юношеским нетерпением устремился на Константинополь, за год до этого вновь ставший данником мусульман. Он приказал воздвигнуть вокруг него осадные башни и огромные земляные валы, выше оборонительных стен, откуда парк мощных метательных машин, вибрируя мускулами жил, осыпал город тучей снарядов. Тогда же османы, набираясь опыта, впервые применили здесь пока еще слабую,

не очень эффективную пороховую артиллерию, привезя к стенам города громадные, грубо перетянутые стальными полосами «бомбарды» под командованием немцев. Здесь же они стали учиться устройству подкопов под оборонительные стены с целью закладки пороховых мин. Столица отважно выстояла, но не столько благодаря силе укреплений и отчаянному упорству защитников, сколько благодаря попытке брата Мурада, Мустафы захватить трон, что помешало султану довести начатое до конца. Приказав сжечь осадные башни, он отвел войска.

Тем не менее генеральная репетиция будущего решающего штурма Константинополя состоялась, а на следующий год южная Греция оказалась опустошена турками, прорвавшими с таким трудом отстроенный на Коринфском перешейке Гексамилон. Согласно унизительному мирному договору 1424 г., ромеи отказывались от части своих и без того крохотных владений и должны были платить султану ежегодную, очень обременительную для них дань в 30 тысяч иперпиров.

В 1430 г., через пять лет после смерти состарившегося Мануила II Палеолога, когда уже правил его старший сын, Иоанн VIII Палеолог (1425-1448 гг.), древняя, прославленная Фессалоника, несмотря на помощь венецианцев, принявших ее в дар от деспота Андроника, другого сына Мануила, и обещавших превратить во «вторую Венецию», вновь попала под власть османов, теперь уже навсегда. После семи лет тяжелой блокады и голода в ней осталось не более десяти тысяч жителей. В итоге подошедшей к городу огромной армии султана Мурада II понадобилось всего лишь три часа, чтобы проломить оборонительную стену и коротким, решающим штурмом взять город, население которого ненавидело венецианцев не меньше турок. Его церкви и дворцы были опустошены и сожжены, после чего уцелевших от зверств и продажи в рабство фессалоникийцев частично выселили, а части предложили вернуться под гарантию султана об их безопасности. Не лучше было положение в Анатолии и других центрах, которые после зачистки и отуречивания, исламизации местного населения, по давно опробованной османами тактике заселялись турками.

Используя мощную пушку, Мурад в конце 1446 г. в очередной раз пробил брешь в Гексамилоне и за пять дней вторгся с севера на Пелопоннес, снова разграбив и опустошив его. Чума и военные бедствия свели население Коринфа, Патр и даже Мистры до нескольких тысяч жителей, а в Афинах их не набралось бы и тысячи. Деньги, уже не золотые, которых больше не выпускали, а серебряные, окончательно обесценились, система распределения продовольствия не действовала, несчастные, хронически недоедавшие, ослабевшие люди становились все более беззащитными перед свирепствовавшими эпидемиями.

Споры о вере

Новому василевсу ромеев Иоанну VIII Палеологу (1425-1448 гг.), 32-летнему старшему сыну старика Мануила, который последние три года жизни провел прикованный параличем к постели, а перед смертью принял монашеский постриг, досталось воистину плачевное наследство. Фактически Ромейское царство окончательно развалилось на независимые от Константинополя осколки – уделы. Они, будто острова, лежали в окружающем враждебном им мире и зависели как от турок, так и от италийских торговых государств, которые держали в руках всю торговлю.

Можно ли определить, когда в судьбе этих осколков Византии окончательно наступила точка невозврата? С какого момента страну уже действительно ничто

не могло спасти? Для ответа на эти непростые вопросы нам придется погрузиться в сложнейшие ментальные и политические проблемы последних десятилетий существования обреченной страны.

Как и отец, Иоанн VIII стремился в своей политике сохранить добрые отношения с турками, укрепить власть ромеев в Морее – последнем, наиболее значительном оставшемся владении греков, и убеждать Запад прийти на помощь. Все совершенное им свидетельствует, что это был человек большого терпения и мудрости, но печальная ситуация обрекала его на меланхолию и неверие в удачу. Личные несчастья и разочарования василевса усугубляли чувство отчаяния – в пятнадцатилетнем возрасте умерла от чумы первая супруга Иоанна, царица Анна «из России», дочь Великого князя Московского Василия I Темного, внука победителя татар Дмитрия Донского. Она прожила в Константинополе пять лет. Другая его жена, София Монферратская, оказалась поразительно некрасива: как зло пошутил кто-то из современников, ее фигура напоминала Великий пост спереда и пышную Пасху сзади. Бедный василевс так долго ее избегал, что, уязвленная, она сбежала от него в монастырь. Его третья жена, пылко любимая Мария Трапезундская, верный друг и сторонник, умер от тяжелой болезни в начале 1440 г. в разлуке с императором, за несколько недель до возвращения Иоанна из Италии, куда он был вынужден уехать тремя годами раньше, чтобы решать, как казалось, спасительный вопрос об унии Западной и Восточной Церквей. Оставшийся бездетным, часто хворавший василевс не мог положиться даже на родных братьев, – деспотов Морей, Фому, Константина, Феодора II, откровенно выжидавшего смерти царя, и беспокойного честолюбца, интригана Димитрия. Последний отличался особенно буйным характером: в 1442 г. он даже предпримет неудачную попытку переворота и захвата столицы, за что поплатится домашним арестом. Но самое печальное – не только в сварливой семье василевса, все более погружавшегося в уныние, но и среди ромеев не было единства.

Немало ослаблению Ромейского царства содействовало своеобразное «диссидентство». Дело в том, что в Византии образовалось несколько партий, каждая из которых предлагала свой вариант спасения гибнущего отечества.

Латинофилы («западники»), то есть поборники сближения с Западом, считали унию с Католической Церковью и возможную помощь западных государств в виде Крестового похода против турок единственным реальным выходом. С их точки зрения Папа должен был стать духовным главой и лидером объединенного христианского мира, мощь которого можно было противопоставить все более наглевшим туркам-османам. Это была численно небольшая, но очень влиятельная группа, чье мнение обладало весом, поскольку среди них было много представителей правящей элиты, придворной знати, фракийские и греческие, морейские магнаты, некоторые представители высшего клира и интеллектуалы. Будучи включенными в структуры власти или приближенными к престолу, они имели возможность влиять и на выработку политического курса Константинополя, и на принятие императором ромеев ответственных, стратегически важных решений. Более того, сам василевс обычно и возглавлял латинофилов. Их теологическим основанием, разумеется, было католичество, чье преимущество они готовы были признать и в которое зачастую переходили по идейным соображениям, а вовсе не ради «почести и даров», как считали многие современники. Некоторые из латинофилов даже стали монахами-**доминиканцами**. Они всячески акцентировали

внимание на христианском единстве Запада и Востока и пытались преодолеть глухую стену взаимных обвинений в ложности путаных религиозных убеждений. Вместе с тем, признавая равенство и возможность партнерства, они относились к латинским «варварам» снисходительно, если не с высокомерием и пренебрежением, считая себя на голову выше их.

Еще более многочисленной и влиятельной была **православная** или **ортодоксальная** группировка. Она выступала категорически против сближения с Западом, признания приемлемости латинских церковных текстов, догм и унижительной, как им казалось, унии с католиками. Они были настроены глубоко «антипапистски» и привыкли отождествлять Папу, одновременно духовного и светского владыку Запада, с Антихристом, «волком, разрушителем». Примечательно, что «Рум папа» – по-гречески «Папа римский» – было распространенной в Константинополе кличкой собак.

Сторонники ортодоксов видели причины всех бед ромеев в наказании Богом за многочисленные грехи, в частности, за церковный раскол, вину за который возлагали только на латинов, призывали к истинному покаянию и предполагали в отражении натиска турок опереться лишь на православный мир. Немым укором для них стояли пустые остовы многих разрушенных, сожженных церквей. Духовным вождем этого течения стал важнейший мыслитель, горячий, несдержанный антилатинский палемист, красноречивый теолог, монах **Марк Евгеник** (ок. 1394-1444 гг.). Он призывал ромеев: «Бегите от папистов, как вы бежали бы от змеи или от жара пламени». Православную партию поддерживали высшее и среднее духовенство, монахи, большая часть византийских предпринимателей, страдавших от набиравшей обороты конкуренции италийцев. Константинопольские Патриархи – Евфимий II (1410-1416 гг.) и Иосиф II (1416-1439 гг.) – колебались и бросались из крайности в крайность: то поддерживали идею унии, то выступали за строгое соблюдение Православия. Большинство простых греков, обедневших, подозрительных, легко склонных к мятежу и беспорядку, страстно ненавидели латинофилов, что часто приводило к рукопашным стычкам, еще более нагнетавшим напряжение.

Самое главное – среди ромеев находились и **туркофилы**, – те, кто считал, что лучше уж подчиняться сильному мусульманскому султану, нежели влачить жалкое существование в подданстве слабого, пусть и православного василевса. Базис этой партии составляли прежде всего тюркские слои византийского общества – общины византийских тюрок, крещенная тюркоязычная знать, свободные земельные собственники, часть духовенства, владельцы недвижимости, многочисленные воины, парики, значительно увеличившиеся во второй половине XIV – начале XV вв. в связи с приливом тюрок в собственное ромейское население. Они надеялись, что турецкие правители принесут на многострадальную византийскую землю порядок и стабильность, окажут ромеям покровительство, изгонят «жадных латинов». Понять это можно: длительные пограничные контакты тюрок и ромеев в Анатолии давно сопровождались культурным и политическим взаимодействием сторон, смешением этносов и языков. Византийцы перенимали многие мусульманские имена и титулы, а турки – греческие. Эта же ситуация с началом османской экспансии повторилась и на Балканах. Более того, безуспешные попытки ромеев и европейцев отразить османскую угрозу привели лишь к росту антилатинских и антивизантийских настроений на Балканах. Мно-

гие сербы, валахи, албанцы, не способные сопротивляться османам, стали присоединяться к ним и сражаться на их стороне против других балканских правителей. Участились случаи смешанных браков. Сами турки всячески содействовали переходу христиан в мусульманство и даже разработали для этого особенную праздничную церемонию. Таим образом, они медленно, шаг за шагом проводили политику мусульманизации населения, при этом, в отличие от Папы и латинов, мудро разрешая оставшимся ромеям свободно исповедовать то, что они хотят.

В этой обстановке правильно решить именно вопрос веры казалось единственным спасением от суровой судьбы. Но разброд в умах и душах предвещал гибель общества и был следствием длительного кризиса экономики, государственного устройства и международного положения Ромейского царства.

***Вторая уния: последняя
попытка примирения***

Как ни было ему тяжело, Иоанн VIII все же решил-ся на милый сердцу «западников» союз с папским престолом. Он поддержал давно зревшую после первой, несбывшейся, мимолетной Лионской унии 1274 г., идею объединения Греческой и Латинской Западной Церквей, в которой видел единственный луч надежды на спасение своей страны в плотную надвинувшейся беде. Ромеи как никогда прежде были готовы решить этот вопрос на новом церковном Соборе. Последняя карта в политической игре после 165 лет колебаний, проволок, затягиваний была, наконец, разыграна.

Будучи вассалом султана, Иоанн поставил в известность Мурада II о своем намерении поехать в Рим. Тот, разгневавшись, ответил, что помощи надо искать не на Западе, а на Востоке, у турок, от латинов же бежать подальше. Но, поскольку османы не просто наступали, а, образно говоря, уже стояли у ворот, это превысило боязнь василевса навлечь на себя недовольство врагов союзом с Западом, с Папой и вызвать недоверие у собственного народа, как в свое время это случилось с злополучным восстановителем Ромейского царства, Михаилом VIII, основателем династии Палеологов.

27 ноября 1437 г., подчиняясь настоянию латинской стороны, оплаченная Папой Евгением IV эскадра из восьми кораблей, включая три венецианских торговых судна и флорентийский корабль, покинула константинопольскую бухту и в обход Греции, с множеством промежуточных остановок взяла курс на Италию. На борту этих наемных кораблей (своих судов у обедневшего василевса ромеев уже давно не было), кроме представителей папской партии, латинов, находились ромейские почетные гости: сам император, его брат, интриган Димитрий, которого побоялись оставлять в столице, симпатичный, величавый, но не очень ученый, едва передвигавшийся 80-летний Патриарх Иосиф II, клирики, игумены, архимандриты ряда монастырей, более двух десятков высших ромейских архиереев, представители придворной знати и несколько мирян-философов, интеллектуалов – в конечном счете необычно много – около 650–700 человек.

Через два месяца, 8 февраля 1438 г., после длительного, полного тягот и опасностей, изнурительного зимнего путешествия, православная делегация, которая включала латинофилов и ортодоксов, добралась до Венеции. Здесь их с невиданной пышностью, едва ли не помпезным театрализованным представлением, призванным продемонстрировать мощь Республики Св. Марка, встретил дож Венеции на громадной, изукрашенной парадной галере – знаменитом «Буцентавре».

Но прибывшие измотанные ромеи вместе с расхворавшимися в тяжелой дороге императором и мучимым ревматизмом, едва передвигавшимся стариком-Патриархом скоро смогли убедиться, что на Западе тоже масса своих сложнейших проблем и, самое главное, царит раскол. Надо было решать – следовать ли к Папе Евгению, в итальянскую Феррару, куда он, по сути дела, сбежал из Рима вследствие бунта знатного римского семейства Колонна, или отправиться на антипапски настроенный, реформаторский Собор, уже давно заседавший в швейцарском Базеле и собиравшийся решительно ограничить права Папы, даже свергнуть его с престола. Главными интриганам тут выступали подданные набравшего силу французского короля Карла VII, в частности, Парижский университет, поддерживавший идею верховенства Базельского собора над Папой. В любом случае следовало не медлить с выбором, ибо Евгения IV крайне тревожили опасных реформационные, а по сути, раскольнические действия Базельского собора. Стремясь перетянуть на свою сторону василевса и его клир, он не брезговал никакими средствами, давал щедрые обещания и нещадно торопил ромеев, прекрасно понимая, что объединение Греческой и Латинской Церквей под эгидой римской курии укрепить его позиции против «базельцев», которые дошли до такой наглости, что устраивали на рейде Константинополя угрожающие папским кораблям морские маневры. Венецианские же власти, хоть и папские союзники, побаивались раздражения турецкого султана, да и попросту не желали, чтобы византийцы, которых надо было достойно, а значит, накладно содержать и селить, попусту задерживались в их городе.

После колебаний был все же выбран путь на дождливую, зябкую Феррару, к ожидавшему здесь в герцогском дворце Папе Евгению. Последний радушно встретил прибывших ромеев, даже обнял их императора и пожал руку Патриарху Иосифу, хотя они категорически отказались выполнить требуемый давний латинский обряд – поцеловать папскую туфлю. Иосиф нашел для этого достойный ответ: «Если Папа – преемник апостола Петра, то мы – преемники других апостолов. А разве другие апостолы целовали ноги Петру?». Ромеи явно хотели абсолютно во всем чувствовать себя на равных с латинами и даже в мелочах этикета не уронить остатки достоинства.

9 апреля 1438 г., в среду Страстной недели в Ферраре наконец состоялось торжественное открытие совместного Вселенского собора, который, впрочем, из-за разразившейся летом чумы, щадившей византийских делегатов и косившей латинских, а особенно церковных посланников с Руси, после четырнадцати заседаний, в начале следующего года решили перенести в большую, богатую Флоренцию: она была подальше от ставшего не на шутку угрожать Ферраре заклятого врага Папы герцога Миланского, который был не прочь захватить Евгения в плен. Самое главное, здесь было больше надежд на бесплатное проживание, финансовую помощь как ромейской делегации, так и на аванс исчерпавшему свои ресурсы, находившемуся в крайне стесненных обстоятельствах римскому понтифику со стороны флорентийской Сеньории и ее правителей – знаменитых Медичи, богатейшего семейства банкиров и меценатов. Из-за этого переноса Собор и получил у историков двойное название – Ферраро-Флорентийский.

Собор 1438-1439 гг. по сути дела стал религиозным диспутом по наиболее спорным, ответственным доктринальным вопросам – об исхождении Св. Духа, о латинской добавке *Filioque* («и от Сына») к Символу Веры, о *чистилище* – су-

ществовании промежуточного состояния испытания душ после смерти и, конечно, о главенстве Папы. Показательно, что, несмотря на многомесячные ожидания, к разочарованию императора ромеев ни один европейский правитель лично так и не прибыл на Собор, а некоторые западные государи и архиереи, ссылаясь на свою убогость, голод и чуму, не отрядили даже посольств. От нескольких восточных послов южногреческого деспота Морей, черноморского Трапезунда, Грузии и крошечной Молдовлахии толку было мало. Небольшая монофиситская делегация, представлявшая Армянского патриарха – католикоса, вообще добралась до Флоренции уже после подписания Папой соборного декрета с ромеями. Таким же никчемным, символическим оказалось заключение унии с христианами-коптами Египта и Эфиопии, если не считать того, что это встревожило египетского султана. В дальнейшем пустой окажется и уния Римской Церкви с сирийцами далекой Месопотамии и киприотами. Ее признают Польша, Литва, Киевский князь Александр, известный как Олелько, свояк Московского князя Василия, но не сам Василий, грезивший о гегемонии Москвы на всех русских землях. Уния греков с Латинской Церковью будет видеться ему как отход от Православия: он не находил ни малейшего политического резона подчиняться Папе. Царь греков, став вассалом «неверных»-мусульман, с точки Московского князя, не заслуживал никакой помощи. Тем более Василий не собирался воевать из-за него с турками.

Начавшись достаточно сдержанно, с затяжками, с неформальных дебатов, заседания Собора постепенно переросли в ожесточенную публичную полемику между латинами, проуниатски настроенными «западниками» и антилатинской православной партией. Атмосфера собрания временами весьма напоминала массовый психоз. В нервной обстановке дело едва не доходило до рукоприкладства, бушевали эмоции. Если верить записям о дебатах – «Греческим актам», или «Практика» и их латинскому варианту, прочим сохранившимся отчетам-дневникам, мемуарам, обычно выдержанные, благовоспитанные, почтенные отцы Церкви опускались порой до площадной брани, какой позавидовали бы завсегдатаи грязных, задымленных таверн.

Латинофилов или латинофранов, то есть людей симпатизирующих латинским взглядам, более того, даже мыслящих по-латински, в качестве оратора представлял острый на язык, ученый грек Виссарион, а «рупором» ортодоксов, их «оборонцем» был не менее красноречивый непоколебимый ревнитель Православия, чернявый, экспансивный монах Марк Евгений. Для поднятия реноме обоих незадолго до Собора рукоположили соответственно в митрополитов Никейского и Эфесского: в упадочном, забывавшем тягу к наукам осколке Византии явно не хватало высокообразованных, эрудированных кадров.

Латинофилы симпатизировали латинской мудрости, латинской догматике и жаждали объединения с Римской Церковью любой ценой для спасения остатков Ромейского царства от турок. Простодушные ортодоксы, с детства, с молоком матери впитавшие верность преданию своих отцов, тоже считали, что объединение возможно, но только посредством убеждения латинов в истинности вероучения Греческой Церкви, и, не имея, по сути дела, никакого реалистичного, конкретного плана спасения, более уповали на Бога. Самое прискорбное, ни те, ни другие, а особенно уверенные в своих цитатах и силлогизмах напористые латины, не шли на серьезные взаимные

уступки доктринального плана, то есть не сеяли зерна, которые могли бы дать полезные плоды, и, значит, хотя бы теоретически примирить обе стороны, выработать некую приемлемую для ромеев «дорожную карту» пути к истинному единению. Складывается впечатление, что их больше пугало мнение евреев-иудеев о них, как об уклоняющихся в многобожие, и тех заблуждающихся христиан, которые, напротив, чрезмерно настаивали на единстве Бога, отрицая божественность Бога Сына, а также и Святого Духа. Это объясняет, почему особенно яростно шли действительно принципиально важные для богословов дебаты о сути триединства Бога, догме о нераздельной Пресвятой Троице, доказательствах единства ее божественной сущности.

Марк Евгений, изначально предвзято настроенный в отношении происходящего на Соборе «сговора», так написал об умопомрачительных хитро-сплетениях метафизической мысли на спорах, почти бесплодно ведущихся в виде нескончаемых, изматывавших вопросов и ответов: «Говорить это, казалось, – петь глухим ушам или кипятить камень, или сеять на камне, или писать на воде, или другое подобное, что говорится в пословицах в отношении невозможного». В порыве гнева, выведенный из себя Виссарион обозвал своего оппонента «бесноватым». Марк, не оставшись в долгу, кричал ему вслед: «Ты ублюдок и таково твое поведение!». Другие епископы-латинофилы, Дорофей Митиленский и Мефодий Лакедемонский, разъяренные еще больше Виссариона, осыпали Евгения оскорблениями, едва ли не бросаясь на него с кулаками. Латины тем более испытывали особенно сильную неприязнь к митрополиту Эфесскому, считая его заявления еретическими. Ораторы, погружаясь в дебри нестыкующейся латинской и греческой богословской, церковной терминологии, до изнеможения пытались переубедить друг друга, нагромождая взаимоисключающие аргументы, оглушая бесчисленными святоотеческими цитатами, к тому же различающимися в разных, не аутентичных древних книгах, кодексах. Именно эти несовпадения, иногда полное незнание неведомых грекам латинских святых авторов, западных отцов объясняют, почему ромеи часто прибегали во время дебатов к абсурдному обвинению оппонентов в фальсификации, подлоге или же просто отмалчивались. К слову, список деяний Седьмого Вселенского собора, предъявленный латинами в Ферраре, действительно оказался поддельным и еще больше усилил недоверие. В общем, у каждой стороны была своя логика и своя правда, но, как образно выразился царь Иоанн Палеолог, латины потопили греков в словах

В такой обстановке большинство договоренностей поневоле могло совершаться только предварительно, тайком, по углам, не на публичных собраниях, к которым, к слову, не были склонны сами греки, а на «закрытых встречах», закрытых дебатах между специально назначенными комитетами из ограниченного числа лиц, совещаниях греков, встречах, часто конфликтных. Именно о них довольно часто упоминается в деяниях Собора и в «Описаниях», своеобразном дневнике-отчете неизвестного византийского автора, приложенного к «Практика» – уже упомянутым выше «Греческим актам». Православно настроенный патриарший диакон константинопольской Святой Софии Сильвестр Сиропул отметил по этому поводу в своих «Воспоми-

нениях»: «Данный Собор не вынес никакого решения, и не спрашивали у его участников, кто какое имеет мнение о том, что обсуждается на собеседованиях, ...все происходило отдельно, скрытно и прикровенно, ...ни во время дискуссий, ни вообще с начала работы Собора никто – ни грек, ни латин – не был спрошен и не высказал своего мнения на Соборе». Впрочем, обязательно следует учесть, что он писал сии обличительные слова через пять лет после случившегося и не мог быть полностью объективным в оценках, пытаясь задним числом обелить в том числе и свои действия, ибо Сиропул был среди тех, кто все же поставил свою подпись под решениями Флорентийского собора, от которой потом, как и прочие подписанты, отрекся под нажимом общественного мнения.

Другое дело, что силы сторон, действительно, были неравны: ромеи в большинстве своем, по их собственным свидетельствам, уступали настойчивым латинским диспутантам в знании и образовании, не понимали и половины того, что говорилось, и далеко не всегда могли отвести новые аргументы и новые тексты, которыми их засыпали. Утомленные, хмурые, упавшие духом, они чувствовали себя в меньшинстве, на чужой земле, в очень стесненных условиях, а главное, в полнейшей материальной зависимости от дотаций на содержание, которое нерегулярно, с большими задержками, впрочем, как и делегаты-латины, получали от Папы. Если верить мемуарам Сильвестра Сиропула, голодающая императорская охрана дошла до того, что стала закладывать флорентийским ростовщикам свое оружие и одежду, а патриарший протосинкелл Григорий, не добившись помощи от отмалчивавшегося василевса, вынужден был дать им на продажу свои священные наручи, чтобы выручить деньги на харчи. Верховный понтифик, хотя его охрана и щеголяла в блестящих серебряных панцырях, сам находился в сложнейшем финансовом положении, почти исчерпал свои ресурсы и даже начал распродавать или отдавать в залог некоторые итальянские города, принадлежавшие Апостольскому престолу, чтобы покрыть элементарную нехватку средств и сделанные у итальянских банкиров громадные займы. Он никак не предполагал, что заседания Собора затянутся не на месяцы, а на два года. Только за февраль-март 1438 г. Евгений IV вынужден был выплатить ромеям в Италии не менее 46 733 золотых флоринов, и это не считая траты на содержание других участников Собора, собственной курии, многочисленных латинских богословов, а также двух кораблей с арбалетчиками, согласно договору с василевсом, охранявших в это время Константинополь и поглощавших в среднем по пять тысяч дукатов ежемесячно.

Часть византийских делегатов, особенно небогатых, погрязших в долгах, займах, убожестве, тоскующих по дому, разочарованных и разневерившихся, охваченных беспокойством, настойчивыми слухами о приближающейся к Константинополю громадной 150-тысячной турецкой армии, стала разбегаться с Собора или в любой момент готова была к этому. Судя по выдачам на дорожные расходы, из Феррары во Флоренцию в феврале 1439 г. добралось уже не более 170 византийских клириков, причем лишь 67 из них, не считая вечно хворого, с опухшими ногами, истомленного очередным переездом Патриарха Иосифа, были клириками первой категории. Папский двор, Медичи и Синьория Флоренции, представители ее цехов устроила им

торжественную, парадную встречу с толпами зевак на улицах и балконах, преподнесли подарки, засахаренные фрукты, марципаны, но внезапно хлынувший проливной дождь, будто небесный символ, суливший неудачу, заставил поспешно свернуть запланированный сценарий приема.

Чтобы сделать сговорчивее Патриарха, императора ромеев и их окружение, Папа Евгений внушал всеми возможными способами, что грекам надо перестать быть нерешительными, спорить по догматическим вопросам, настаивать на своих формулировках, показать поскорее свою добрую волю, свое согласие с унией и тем развязать чужие кошельки, обеспечить помощь христианских государей Запада, которые в таком случае, дескать, тоже станут уступчивее. 27 мая 1439 г., выступая с ответственной речью перед глубоко взволнованными представителями Греческой Церкви во Флоренции, Папа прямо заявил: «Что я могу сказать? Повсюду перед собой я вижу разделение и спрашиваю себя, какая вам с этого польза? И если так будет и дальше, как посмотрят на это западные государи? И сколько горя вы сами на себя стяжаете, ибо как вы вообще собираетесь возвращаться домой? Если же уния будет принята, западные государи, да и все мы очень утешимся и дадим вам щедрую помощь».

Таким образом, нет ни малейшего сомнения в том, что окончательное решение было продавлено, проломлено римской стороной, искренне верившей, что после этого «...святые ангелы на небесах восторжествуют и земля и небо исполнятся радостью». Василевс же, исчерпав терпение, добавил к этому, что, хотя он не имеет права принуждать синод, каждый, кто станет препятствовать этой святой унии, будет проклят более, нежели Иуда-Предатель. Тем не менее злоеущим знаком было воспринято то скандальное обстоятельство, что во время подведения Иоанном Палеологом итогов по поводу согласия большинства голосовавших архиереев о признании *Filioque*, его любимая собака зашла в лае, вое и скулеже и ее не удалось успокоить, пока хозяин не закончил речь.

«Греки знали, – лукавит Сильвестр Сиропул, снимая вину также и с тех, кто, как и он сам, подписал унию, – что орос подписан императором, подписали и они. Знали и латиняне, что он подписан греками и Папой, подписали и они. При этом большинство не знало, что в нем написано».

Можно лишь удивляться, что то, ради чего собрались делегации, все же свершилось. Ромеи наконец согласились на требования латинов. 6 июля 1439 г., в понедельник, в празднично убранном, красивом Флорентийском соборе Санта Мария дель Фьоре – Святой Марии Цветочной состоялась папская месса (к слову, в проведении восточной Литургии императору ромеев было решительно отказано), после чего авторитетный кардинал Джулиано Цезарини и архиепископ-латинофил Виссарион Никейский по-латыни и по-гречески торжественно провозгласили унию Православной и Католической Церквей. С этого момента христианская Церковь, находившаяся в расколе около 400 лет, вновь становилась единой. На соборном декрете, днем раньше подписанном Папой и василевсом, еще не высохли чернила, а колокола уже торжественно, празднично звонили по всей Европе, возвещая эпохальное историческое событие.

Кроме тайком уехавшего простоватого архиепископа Исаия Ставропольского, лишь ведущий лидер ортодоксов Православия, митрополит Эфесский Марк

Евгеник открыто отказался принять латинские тексты и латинское учение, не подписал унии, то есть совершил грех – не подчинился решению признанного законным Собора Церкви, за что взбешенная этим латинская сторона потребовала над ним суда в Италии. Правда, василевс отказал в этом, но по возвращении Евгеник все равно поплатился арестом и двумя годами заключения на эгейском острове Лемнос. Глава Греческой Церкви, тяжелобольной Патриарх Иосиф II не дожидаясь конца заседаний: он скоротечно умер 10 июня и упокоился во Флоренции, в монастырской церкви Санта Мария Новелла. Остальные греческие архиереи, как и латинские, подходили приветствовать Евгения IV, согласно церемониалу, целуя его в колено и в руку. Произошло то, о чем все предшествующие Папы не могли и мечтать – недаром текст декрета-соглашения начинался со слов «*Laetentur Caeli*» – «Да возрадуются Небеса». Ромеям-ортодоксам уж точно было не до радости. В глубине души они не хотели унии. Торжественная церемония, символизировавшая заключение союза с латинами, на деле говорила о полном бессилии принимавших в ней участие ромеев-статистов, их одетого в дорогую парчу государя, – говорила о «добровольно-принудительном» подчинении Западу ценой измены вековым догматам византийской Церкви. Разделяющая обе Церкви «стена» вопреки громогласному заявлению декрета, к сожалению, никуда не исчезла. Мир и согласие, как и после заключения унии на Лионском соборе 165 лет назад, так и не были достигнуты.

Под давлением обстоятельств делегация ромеев, пусть формально, все же признала Папу римского «наместником Христа» на земле, «пастырем и учителем всех христиан», а латинское вероучение – единственно верным. Тем самым они отрекались от веры отцов и прадедов, апеллируя лишь к тому, что раньше греческие и латинские святые односторонне договаривались и, значит, и те, и другие были правы в вере. Такова была ключевая мысль, в итоге приведшая подавляющее большинство участников Флорентийского собора к согласию. Папа добился признания своего верховенства и над Соборами, что отвергло притязания реформаторского Базельского собора и стало очень важным для сохранения традиционного строя Западной Церкви. Главные, самые весомые спорные вопросы – о Символе Веры, а именно, об исхождении Святого Духа не только от Отца или через Отца, но и от Сына или через Сына Божьего, о чистилище, о примате Папы над всей землей и Церковью – были решены в римском смысле и записаны в католической редакции. Противоречащее принятому ранее первыми Вселенскими соборами, а значит, еретическое для ромеев понятие «Филиокве» тоже принималось, хотя и без жесткого требования включить его в Православный Символ Веры. Латины сохраняли латинские епархии, которые действовали в Византии еще со времен Крестовых походов. Даже в местах с двойной юрисдикцией, где преобладали православные греки, Папа отказался отозвать латинского архиерея, оставив только греческого как духовного проводника обоих обрядов. Более того, только Апостольский престол должен был распоряжаться теми епархиями на Востоке, которые в будущем станут вакантными.

Единственное, что в утешение получил Константинопольский патриарх, – признание действительной Евхаристии не только на пресном, как у латинов, но и на квасном пшеничном хлебе, а также право самому принимать решения по вопросам веры без обращения в Рим. Таким образом, единство

доктрины все же могло сосуществовать с уважением к различным обрядам и традициям в каждой Церкви. На это же надеялись и имперские власти: возвращавшегося с Собора василевса протоиерей Керкиры спросил, как им впредь вести себя с латинами, на что император ответил: «Живите по тому чину, которого держались и раньше. ...Мы так устроили и так приняли объединение, чтобы каждая сторона сохраняла свои обычаи и чин..., чтобы мы имели наши обычаи и чин, как и прежде». Пребывая в нерешительности, он, выходя, не собирался выполнять подписанный им декрет и тем более не чувствовал себя в праве принуждать к каким-то суждениям в вопросах вероучения.

В качестве компенсации за уступки Евгений IV письменно, скрепив соответствующий договор печатью, пообещал Иоанну VIII средства, необходимые ромеям для возвращения домой на наемных венецианских кораблях, обязался включить Константинополь в приносящий доход путь паломников в Иерусалим и обратно, содержать в столице Ромейского царства постоянно триста арбалетчиков и две галеры, а в случае особой нужды прислать еще двадцать кораблей на полгода или десять кораблей на год. Самое главное, Папа пообещал как можно быстрее объединить западных христианских государей на борьбу против мусульман, то есть организовать Крестовый поход, защитить греков, и Венгрия, после захвата турками Болгарии давно чувствовавшая себя как на плахе, согласилась выступить его застельщиком.

Но, как случилось и ранее, все обязательства и клятвенные заверения латинцев остались на пергамене. Истина была проста: на самом деле обе стороны бесполезно потратили время. Личной вины Папы Евгения, человека искреннего, благородного и несомненно бескорыстного, тут не было: международная обстановка никак не способствовала обещанному на условиях унии спасительному походу. Требуемых сил на него явно не доставало. Даже католические державы на Востоке получили помощь в самом ограниченном объеме, а в Константинополе папских денег порой хватало лишь на половину обещанного мизерного числа арбалетчиков, которые и без того не спасали положение. Запад выглядел как басенная Моська, которая пыталась лаять на слона – набравшего невиданные силы турецкого султана. Как ни странно, не было сделано хотя бы попытки послать многочисленных пропагандистов-проповедников идей унии, чтобы посодействовать позитивному восприятию неприемлемых для ромеев соборных решений, как можно более быстро, но деликатно развеять сомнения простых греков, психологически подготовить их к крутому перевороту в ментальности, снизить в обществе градус антилатинства. Кроме того, преждевременная смерть императора Священной Римской империи Альбрехта Габсбурга отвлекла всех заинтересованных на борьбу за престолонаследие, по сравнению с чем померкли все другие планы. Австрия весьма холодно приняла папского посланца. Большинство немецких князей-«избирателей», курфюрстов, одержимых собственным национализмом, тем более не собирались поддерживать Папу и в лучшем случае соблюдали нейтралитет, но даже этого нельзя было сказать о воевавших друг с другом правителях Кастилии, Португалии, Арагона, Наварры и особенно герцоге Милана – давнем открытом враге Папы, а значит, и любых инициатив папской курии, какими бы рационалистичными они ни были. Некоторые из них поддержали выбранного в Базеле антипапу Феликса, что еще больше осложняло

ситуацию, тем более что Базельский собор не признал унии. Похоже, европейских владык куда больше беспокоила сумятица, вызванная борьбой за доходные епископские престолы, концентрация в одних руках многочисленных церковных бенифициев и отток денег в Рим на всякие масштабные папские проекты, нежели общее состояние религии в их странах. Правда герцог Анжу, зарившийся на солнечный Неаполь, был готов стать на сторону Евгения IV, пока его голубые мечты не развеял король Альфонс Арагонский, в 1442 г. овладевший вожделенным неаполитанским тронem. Аристократия Франции и Англии, увязшая в близившейся к концу Столетней войне, была занята собственными судьбоносными проблемами, стоившими ей изрядного кровопускания. Во всяком случае, приказ английского короля Генриха VI проводить по всему королевству радостные многолюдные процессии и молебны по поводу унии уж точно не облегчил участь гибнущих ромеев. Мощные, но находившиеся в сложных отношениях Генуя и Венеция, практически мыслящие торговцы-барышники, руководствовались эгоистичным, холодным расчетом коммерческого соперничества и тоже ничего не делали. Их совершенно не интересовало, униаты византийцы или нет. Им не хотелось становиться защитниками веры. Они жили торговлей и морем, скидками, размерами прибыли, состоянием наличности, а дож Венеции находился в распрекрасных отношениях с султаном. Поэтому принесенным на алтарь даже не победы, а выживания гордости и чести ромеев судилось оказаться напрасной, позорной жертвой. Такой же пустой жертвой со стороны императора ромеев стало предоставление и без того богатой Флоренции привилегий, подобных тем, что уже имели в Константинополе купцы Пизы.

Более того, проведенные переговоры еще больше разъярили султана, вполне верно почувствовавшего в объявленных религиозных договоренностях попытку реванша, организации вооруженного сопротивления христианского мира. Часть ромеев будет до конца уверена в том, – и эта уверенность не беспочвенна, – что именно уния ускорила гибель Византии, ибо действительно вынудила турок действовать категоричнее, быстрее и решительнее. Странно, что византийские власти, цепляясь за европейский вектор политики, не располагали объективными дипломатическими и разведывательными данными или попросту не понимали слабости раздираемого междоусобиями Запада, не способного им реально помочь перед лицом неизмеримо более сильного противника.

Пока до окончательной катастрофы было еще относительно далеко, но лик судьбы уже исказился гримасой вместо улыбки. По возвращению греческой делегации на родину подавляющее большинство православного духовенства, монашества и простого народа весьма скептически отнеслись к случившемуся в Италии. Как и предполагалось, инстинктивное недоверие взяло верх. Раскол, вражда, рознь, борьба как внутри остатков Ромейского царства, так и за их пределами лишь усилились. Хватило таких, кто с фанатичной страстью категорически отверг унию, с ненавистью и презрением отвернулся от отступников и своего василевса, не справившегося с ролью охранителя Церкви. Ведь они более всего опасались погубить свою бессмертную душу ради низменных материальных причин и не признали Собора католиков. С их точки зрения он действительно был не столько Собором, сколько диспутом, а значит, лжесобором, на котором к тому же не присутствовали официальные посольства стран Европы, кроме послов высокомерного герцога Бургундского, ни во что не ставившего Иоанна

Палеолога, и даже не послов, а представителей-одиночек некоторых городов-государств, к примеру, той же двуличной Венеции. Это еще более ослабило позиции бездейственного императора ромеев, который даже не решился обнародовать постановление об унии и действуя, по сути дела, провокативно, не принял никаких мер для проведения ее в жизнь. Далеко не случайно беспокойный брат Иоанна, Димитрий летом 1442 г. сделал попытку, опираясь на турецкую помощь и на антиуниатские силы, напасть на Константинополь и самому стать императором, поскольку слыл среди ромеев единственным членом царской семьи, который правильно толкует церковные дела и будет охранителем Православия.

Почти все, за исключением семи человек из числа тех тридцати трех архиепископов, кто добровольно поставил свои подписи во Флоренции, теперь публично отозвали их, покаялись, утверждая, что их согласия добились нечестными способами. На самом деле это был самообман ради сохранения самоуважения. Так или иначе Патриархи Восточных Церквей тоже выразили несогласие с решением, принятым их послами. Новоизбранный Константинопольский «Вселенский патриарх» Митрофан II, разделявший взгляды василевса и начавший раздавать кафедры епископам-униатам, остался в меньшинстве, но даже он, к раздражению Папы, как равный, продолжал называть его своим «сослужителем». Правда, он пытался подталкивать Иоанна Палеолога на действия, но умер в 1443 г.

Между тем антиуниаты не желали ходить в униатские церкви. Ситуация становилась все более и более напряженной. Тревожные предупреждения, даже угрозы сторонников унии, оказавшихся в меньшинстве и в изоляции, остались безрезультатными. Задача переубедить ромеев пойти совсем иным путем, чем учила их история, оказалась неподъемной, тогда как пламенные антиуниатские проповеди, инвективы, язвительные насмешки непоколебимого, неподкупного Марка Эфесского легко будили страсти и нашли повсюду сильнейший широкий отклик. Недаром его так и не решились отлучить от Церкви, а после внезапной смерти на диспуте с латинами в 1444 г. он через двенадцать лет был причислен к лику православных святых, тогда как некоторые подписавшие унию клирики стали монахами-доминиканцами константинопольской Перы-Галаты, а митрополит Никейский Виссарион покинул Константинополь, этот «Град Обреченный» уже в конце 1440 г. и окончил свои дни изгнанником, хотя и *кардиналом* при Папском дворе, с хорошей ежегодной денежной рентой, безуспешно борясь за организацию Крестового похода против турок. К слову, назначение вознаграждения, платы – своеобразных «грантов» от Папы нескольким царским придворным и архиереям поспособствовало распространению в обществе слухов, что униаты «продали веру» ради «серебра и почестей», подписали декрет за взятку. С другой стороны, оставшиеся непризнанными, не получившие таких почестей видные ромеи тоже затаили обиду на Папу. Впрочем, будь такие милости щедрее, они все равно не изменили бы сложившуюся в обществе ситуацию.

Для большинства ромеев было гораздо важнее выживание отеческой Церкви, сохранение ее чистоты от «латинской ереси», чем забота о судьбе преходящего земного государства и выживании Ромейского царства. Турки, конечно, – зло, но далеко не худшее: при всей своей жестокости и кровожадности, на веру, а значит, на душу, они не посягают. Союз же с Латинской Церковью станет губительным для души, но не сможет гарантировать даже спасение тела от подчинения османам. Примерно так рассуждали многие византийцы, ми-

стически объясняя неудачу соборных унионистских постановлений тем, что именно «...Бог отрубил и отнял то, что должно было служить к поддержанию объединения». Упрямо цепляясь за идею богоизбранности Ромейского царства и проявляя неконформизм, они, как и в предыдущих аналогичных случаях, видели в религиозной унии страшившую их потерю идентичности как народа. Рассчитывая только на помощь с Небес, византийцы, по сути, отказались от своего последнего шанса на мирское спасение. Впрочем, в виду неблагоприятной международной обстановки на самом Западе этот призрачный шанс и так был предельно невелик.

?

1. Что обеспечило Византии в начале XV в. передышку от турок? Насколько она была длительной и можно ли было ею воспользоваться для спасения государства?
2. Какие политические партии существовали в византийском обществе в первой половине XV в., и каким образом они надеялись спасти Ромейское царство от захвата турками?
3. Среди кого находили себе сторонников туркофилы и почему столь быстро росли такие настроения?
4. В чем политическая подоплека поздневизантийских споров о вере, и в чем их актуальность в нынешнее время, что роднит их с нашей современной интеллигенцией?
5. Вы попали в Ромейское царство начала XV в. К какому течению вы бы примкнули и что предприняли для возрождения ее былого могущества?
6. Почему Иоанн VIII Палеолог пошел на союз с папским престолом? Были ли для этого новые обстоятельства?
7. Вспомните, какая уния предшествовала Флорентийской? Чем она отличалась, была ли выгоднее для ромеев в политическом плане?
8. Какие обязательства брал на себя Папа римский перед василевсом? Был ли шанс на их выполнение и почему они все же оказались не выполненными?
9. Что папский Рим приобрел благодаря Флорентийской унии?
10. Докажите, что уния Западной и Восточной Церквей была необходима или же, напротив, не нужна и вредна для Ромейского царства. В чем правда и неправда противников и сторонников унии?
11. Вспомните, по каким вопросам веры и богослужения у православных и латинов ранее возникали споры? Возможно ли было примирение обеих сторон на богословском уровне? Что для этого должно было произойти?
12. Что ждало бы греческую делегацию, если бы она отвергла приглашение Папы Евгения IV и отправилась бы на Базельский собор, в итоге свергнувший Папу?
13. Почему большинство ромеев не приняло Флорентийской унии, а сам религиозный конфликт стал еще более лютым?
14. Было ли искренним и реально подкрепленным делами желание латинского Запада помочь Ромейскому царству в борьбе с турецкой угрозой, и было ли оно вообще?
15. Какими бы могли стать последствия переворота Димитрия Палеолога в 1442 г., если бы ему удалось с помощью антиуниатов подорвать оборону Константинополя и свергнуть брата?

16. Как вы думаете, если бы уния состоялась на деле и была безоговорочно принята ромеями, ее заключение изменило бы положение Ромейского царства и спасло бы его?
17. Какое направление интеграции было бы более перспективным для Византии, если бы она сохранилась до настоящего времени?

Внимание, источник!

Василевс Мануил II Палеолог (1391-1425 гг.) о бегстве на Запад одного из вождей латинофилов

Конечно, я подразумеваю тебя, который предпочел родине чужую страну. Ты считаешь для себя нужным попытаться помочь всеми средствами той чужой стране, которая в своей жадности теперь удерживает тебя. Это совершенно явно доказывает, что ты не любишь, как следует, землю, которая родила тебя. Не думай, что ты выполнил здесь свои обязанности по отношению к ней, представляя ее в трагически возвышенном виде и оставаясь вне досягаемости стрел. Так вот, тебе следует разделить с несчастной родиной ее опасности и помочь делами в меру возможности, если для тебя важно проявить себя воином, чистым от подозрения в дезертирстве.

Из «Дневника» баварского солдата – путешественника Ганса (Иоганна) Шильтбергера (начало XV в.) о церемонии, организованной турками-османами при добровольном переходе христиан в ислам

Когда христианин хотел стать неверным¹, то он должен был прежде всего поднять один свой палец перед всеми и сказать слова: «Ла илах илалах Мохамад русул уллах». На немецком это означает: «Бог всемогущ и Мохамед его истинный пророк». Как скажет это, неверные отводят его к наивысшему их священнику² и он требует повторить вышеописанные слова перед ним, а после этого должен отречься от христианской веры. [...] После этого священник приказывает всем солдатам повесить на себя оружие и прийти к нему, а у кого лошадь, тот должен быть на лошади. Должны прийти также все священники из этого места. И когда народ собирается, главный священник сажает на коня того, который стал неверным. Простой народ³ должен ехать или идти перед ним, а священники после него. Вместе с ними едут музыканты, трубачи и барабанщики и возят его по всему городу, а два священника едут рядом с ним. Неверные кричать в один голос и восхваляют Мохамеда и когда достигнут до какой-нибудь улицы, оба священника говорят ему такие слова: «...Есть один Бог, Мессия (Христос) Его слуга и Мария – Его прислужница, а Мохамед наилюбимейший Его пророк». После как его проведут по всему городу, заводят его в храм⁴ и его обрезают. Если беден, собирают ему много подарков и крупные господа оказывают ему особый почет и обеспечивают его богатством, что они делают только для того, чтобы привлечь больше христиан к их вере. Точно также, когда какая-нибудь христианка меняет веру, приводят её к главному священнику, и она должна сказать вы-

¹ Мусульманином.

² Здесь и далее автор называет «священниками» служителей ислама.

³ Мусульмане.

⁴ Мечеть.

шесказанные слова. После этого священник берет пояс женщины, разрезает его и делает из него крест, который женщина топчет в продолжении трех часов, отрекаясь от своей христианской веры и после говорит вышесказанные слова.

**Григорий Мамма, будущий Патриарх Константинопольский,
участник Ферраро–Флорентийского собора 1438-1439 гг.**

Я знаю, что, если мы приступим к единению с Римской Церковью, нас проклянут прежде, чем мы доберемся до Венеции, если не приступим, проклянут все равно. Так лучше соединиться, и пусть проклинают!

Из Декрета об унии «Да возрадуются небеса» 6 июля 1439 г.

Евгений епископ, слуга слуг Божиих, на вечную память о том, что случилось. По согласию с нижеизложенным наилюбимейшего сына нашего Иоанна Палеолога, сиятельного императора ромеев, заместителей наших достопочтенных братьев Патриархов и иных представителей Восточной Церкви.

«Пусть радуются небеса, пусть веселится земля!». Убрана стена, которая разделяла Западную и Восточную Церкви, и вернулись мир и согласие [...].

Пусть торжествуют верные по всему миру; пусть каждый, кто зовется христианином, радуется вместе с матерью Католической Церковью [...].

Определяем также, что слова «и Сына» законно и к месту доданы к Символу веры ради провозглашения истины и ввиду тогдашней настоятельной потребности.

К тому же: тело Христово истинно возникает и в пресном, и в заквашенном пшеничном хлебе, поэтому священники должны творить Тело Господне в каждом из них – каждый согласно с обычаем своей Церкви, то ли Западной, то ли Восточной.

К тому же: если истинно раскаявшиеся помрут в Божьей благодати, то пока они не принесут достойные плоды покаяния за учиненное и неучиненное, их души после смерти очищаются карами чистилища, а облегчению их кар содействует помощь живых верных, то есть священнодействие Литургий, молитвы, милостыни и иные дела милосердия, какие по обычаю одни верные учиняют за других согласно с установлениями Церкви [...].

К тому же определяем, что святой Апостольский престол и Римский архиерей имеют первенство во всем мире и что только Римский архиерей является наследником князя апостолов святого Петра, наместник Христа, глава всей Церкви и отец и учитель всех христиан; что ему в (лице) святого Петра Господь наш Иисус Христос передал полную власть пасти Вселенскую Церковь, править и направлять е` – так, как об этом говорится в деяниях Вселенских соборов и священных канонах.

Также возобновляем переданный в канонах порядок других досточтимых Патриархов: чтоб Патриарх Константинопольский был вторым после святейшего Римского архиерея, Александрийский – третьим, Антиохийский – четвертым, а Иерусалимский – пятым, с сохранением всех их привилегий и прав [...].

**Византийский историк Михаил Дука (около 1400-1470 гг.)
о прибытии ромейской делегации после заключения Флорентийской унии**

[...] Сразу же после того, как архиереи сошли с трирем, население Константинополя по обычаю приветствовало их и спрашивало: «Ну, как наши дела? Как Собор? Одержаж-

ли ли мы победу?» Но те отвечали: «Мы продали нашу веру, обменяли благочестие на нечестие, предали чистую жертву и оказались азиатами». Эти и другие, еще более позорные и постыдные слова, говорили они. И кто это был? Те, кто поставил свою подпись в договоре: Антоний Ираклийский и все остальные. А если кто-нибудь спрашивал у них: «Зачем вы подписали (декрет)?» – они отвечали: «Потому что боялись франков». И когда снова спрашивали у них, пытали ли франки кого-либо, били ли, бросали ли в тюрьму, (те отвечали): «Нет». «Тогда почему же?» – «Сама рука подписала, – говорили они, – будь она отрублена! Сам язык согласился, пусть будет вырван!» Ничего другого они не могли сказать. Ведь некоторые архиереи заявляли при подписании договора: «Не подпишем, пока вы не дадите нам достаточно денег». Те дали, и они обмакнули перо (в чернила). На них было истрачено бесчисленное количество денег, отсчитанные в руки каждого из отцов. Затем, раскаявшись в этом, они, однако, не возвратили серебра. Что же касается их заявлений о том, что они продали свою веру, то (следует заметить): они совершили больший грех, чем некогда Иуда, ибо тот вернул серебренники.

Из письма трех восточных Патриархов Иоанну VIII Палеологу в 1440 г. по поводу заключенной год назад Флорентийской унии

Если ты на время уступишь латинам, думая получить от них помощь своей Империи, а теперь отказываешься от нечестивого учения и опять держишься православной веры своих предков, то мы будем молиться за спасение твоей Империи и особенно души твоей [...]. Если же будешь упорствовать и защищать догматы чуждые Церкви нашей, то не только прекратим воспоминание твоей державы в молитвах, но и присовокупим [...] тяжелую епитимию, дабы язык чужого и пагубного учения не распространился во Христовой Церкви. Мы не можем пасти Церковь Православную, как наемники [...].

?

1. Как вы считаете, насколько справедливы упреки Мануила II в адрес лидера латинофилов?
2. О чем свидетельствует появление у турок-османов особой церемонии отречения христиан и переход их в ислам? Что привлекает в ней внимание?
3. Попытайтесь найти объяснение смыслу слов Григория Маммы. Какие точки соприкосновения между Западной и Восточной Церквями можно обнаружить в положениях Флорентийского декрета об унии? От чего уберегли папство решения Собора?
4. При каких обстоятельствах, согласно рассказу Дуки, произошло подписание унии?
5. Как вы считаете, почему православные архиереи пошли на заключение соглашения с католиками? Насколько достоверны слова Дуки?
6. Какую позицию занимали восточные Патриархи в отношении унии 1439 г.? Чем они при этом руководствовались, если исходить из текста их послания василевсу?
7. Как вы думаете, считался ли Иоанн VIII Палеолог с мнением восточных Патриархов? Насколько оно могло на него повлиять? Вспомните, где и в чьих руках находились центры их патриархий.

§ 26. Последний бой Империи

Обещанный на Флорентийском соборе 1439 г. и даже успешно начатый Крестовый поход против турок, с сильной задержкой все же организованный Папой и частью европейских народов, закончился катастрофой. Он принес христианам одно из самых тяжелых поражений. Хмурым, холодным осенним днем 10 ноября 1444 г. пестрая 30-тысячная крестоносная армия, неожиданно, в нарушении достигнутого перемирия напавшая на турок, была ими уничтожена под Варной на берегу Черного моря, а ее горячие вожди погибли на поле боя, похоронив с собой последнюю надежду руками латинов избавиться от врагов на Балканах и спасти Византию. Провозглашенная пять лет назад уния Церквей не принесла результатов. Собранные со всей Европы деньги, объявленная Папой церковная десятина, его личные вклады от доходов, пожертвования кардиналов, прочие понесенные траты пропали даром. Теперь ромеи остались один на один с могущественным противником, который готовил решающий удар – захват древней христианской столицы, последнего, что сохранилось в центре владений турок от некогда великой Империи. Никто и ничто уже не могло охладить воинственный пыл сыновей Османа и их нового энергичного султана Мехмеда II (1451–1481 гг.). Он решил во что бы то ни стало добиться осуществления старинного пророчества о падении Города, давно вдохновлявшего турок, и тем самым положить конец ситуации, в силу самых разных причин ставшей совсем обреченной для уцелевших ромеев. В 1453 г. цель джихада – взятие и ограбление Константинополя наконец была достигнута, после чего он обратился в прочный центр растущей Османской империи.

В поисках выхода

К середине XV в. от пережившего коллапс прежнего византийского государства осталось, увы, только пятнышко на карте – «голова без туловища», столица без страны. Если раньше Ромейское царство можно было измерить только долгими месяцами пути, теперь же – спокойно пройти из конца в конец пешком за три часа. Последние «обломки», – немногие острова Эгейского моря, далекую пелопоннесскую Мистру и небольшую Трапезундскую империю, – уже давно можно было не принимать в расчет.

Рассудительный, грозный, мрачный султан Мурад II сумел остановить начавшее успешно разворачиваться освободительное движение на Балканах, которое к 1443 г. возглавил талантливый, отчаянно смелый трансильванский воевода Янош Хуньяди (1387–1456 гг.). Отважный вождь восставших албанцев Георгий Кастриоти – легендарный Скандербег героически партизанил, был оттеснен турками в горы. Оставалось надеяться на планируемый ответный удар объединенных сил христианского воинства, которое, понуждаемое Папой, отвергло предложение встревоженного султана о десятилетнем перемирии, если крестоносцы отступят. В конце августа 1444 г. в Константинополь к великой радости его жителей даже прибыл папский флот, который должен был воевать против османов, а 22 сентября началась антитурецкая сухопутная кампания.

Но, как и предыдущие походы, этот Крестовый поход под предводительством юношески восторженного короля Венгрии и Польши, Владислава III Ягеллона

(1434-1444 гг.), блестящего полководца Яноша Хуньяди и представителя Папы, провозгласителя унии, кардинала Джулиано Цезарини, закончился провалом. Флот фактически бездействовал, в армии царил раздор, дисциплина и тактика «хромали на обе ноги». Сербский контингент крестоносцев во главе с деспотом Георгием Бранковичем, согласившись на сепаратное перемирие с османами, вообще ушел домой. Между тем войско султана, подвижное, хорошо организованное, сплоченное вокруг общего дела священной войны и служения Аллаху, обнаружив Дарданеллы перекрытыми венецианскими кораблями, переправилось севернее, через Босфор с помощью соперников венецианцев – генуэзцев, щедро заплатив им за переправу по дукату за каждого человека.

Встретившись у маленького черноморского города Варны, откуда вдоль побережья для крестоносцев открывался прямой путь на Константинополь, мусульмане сначала дрогнули под первым натиском христиан. А затем случилось непоправимое: лихо погнавшись за отступавшим Мурадом, в самой гуще вражеских рядов оказался сражен король Владислав Ягеллон. Крестоносцев охватила безудержная, фатальная паника. Джулиано Цезарини тоже погиб в сумятице вместе с большей частью христианского воинства. Голову безрассудного двадцатилетнего короля султан поместил в сосуд с медом и теперь меланхолично любовался на свой ужасный трофей.

Янош Хуньяди, единственный спасшийся из полководцев, с остатками перегруппированных войск отошел в Венгрию. Как регент-опекун нового малолетнего венгерского короля, он подписал с Мурадом трехлетний мир, по завершению которого его армия оказалась вновь разбита.

Поражение знаменовало начало конца Константинополя и унии латинов с греками. Никогда более христиане не объединятся для изгнания мусульман из Европы. Запад не спас Византию. Гнев подданных, обрушившийся на василевса-отступника и еще более ослабивший трон, раскол, вызванный Флорентийской унией, – все жертвы ради помощи оказались впустую. Папский легат и флот покинули Константинополь осенью 1445 г. Униаты исчерпали свои доводы, а антиуниаты отказались молиться за своего императора на Литургиях, причем поначалу их поддержала даже императрица-мать. Окончательно сломленный, убитый горем, потерявший всякий интерес к жизни, несчастный Иоанн VIII вынужден был испить последнюю чашу унижения: ради мира лицемерно обвинить побежденных крестоносцев в «клятвопреступлении», а позже, в 1448 г., как покорный вассал, лично приветствовать грозного султана Мурада II, вернувшегося из победоносного похода. Через одиннадцать дней после этого сердце 56-летнего василевса перестало биться. И, будто трепещущее, истомленное сердце смертельно больного, Византия тоже сжалась для последнего удара, чтобы после этого остановиться навсегда.

Умерший император был погребен без обычных церковных почестей, что говорит о доминировавшем влиянии антиуниатов, не желавших ни на йоту смягчать свою категорическую позицию. Теперь царский венец, с согласия извещенного об этом султана турок, одел деспот двумя годами раньше опустошенной османами Мореи, очередной василевс ромеев – Константин XI Палеолог Драгаш (1448-1453 гг.), пылко мечтавший спасти то, что осталось от Ромейского царства и хотя бы возродить Грецию. Символично, что последний царь ромеев носил имя первого императора, правившего в городе на Босфоре, а его мать тоже звали Еленой.

Сын Мануила II и сербской княжны из восточной Македонии Елены Драгаши (Драгас), деспот Морей – наследницы умирающей Византии, 44-летний ромей Константин XI, как и его старший царственный брат, Иоанн VIII, был наполовину сербом и на четверть итальянцем. Фамилию Драгаш он принял потому, что носил имя своего деда, погибшего в 1395 г. в битве с турками. Государственная золотая печать запечатлела тонкий ястребиный профиль Константина XI. Бездетный вдовец, он не блистал образованием, отличался вспыльчивостью, но обладал твердым характером, редким благородством души, прямою, здравым смыслом и даром убеждать слушателей. В свое время именно ему принадлежала решающая роль в осуществлении давней мечты и последнего кратковременного успеха византийцев – возвращении под власть греков почти всех латинских государств на Пелопоннесе. Здесь он в молодости, двадцать лет назад правил вместе с братьями Феодором и Фомой, а с 1443 г. – единолично в Мистре, где через шесть лет в базилике Св. Димитрия византийские посланники из столицы возвели его в сан правителя Ромейского царства. Ныне на полу легендарной церкви, на месте, где была официально проведена церемония провозглашения последнего императора ромеев, изображен двухглавый орел. Очевидно, это свершили в Мистре потому, что в столице не были уверены в благополучном приеме Константина в антиуниатски настроенном городе, где находился брат Димитрий, которого противники унии считали своим покровителем и выражали поддержку его претензиям на трон.

Константин был человеком действия, бесстрашным патриотом, опытным воином, хранил твердость перед лицом неудач, внушал глубокую преданность своему окружению и, в отличие от своих сварливых, своекорыстных и беспринципных братьев, умел держать слово. Он глубоко почитал славное прошлое Ромейского царства и намеревался защищать его достоинство, полагая, что старший брат и дед излишне дрожали перед османами. Византийцам не должно было быть стыдно за их императора.

Василевс чувствовал, что ему не избежать сражения за Константинополь, ставшего передовой линией долгой войны между исламом и христианством. Было ясно, что рано или поздно османы, притягиваемые невиданной добычей и возможностью услужить Аллаху, придут взять вожделенный город. Когда это произойдет – лишь вопрос времени. Поэтому, прибыв из Мистры в столицу, он попытался стабилизировать систему и сразу же принялся готовиться к длительной осаде: продолжая предыдущие усилия Иоанна VIII, чинить башни и стены, обветшавшие от времени и обвалившиеся во многих местах, расчищать заваленные мусором рвы, запастись зерном, продовольствием, топливом, боеприпасами, по возможности вооружать горожан.

Тревожные опасения Константина XI были вполне обоснованы: в феврале 1451 г. турецким султаном стал 17-летний Мехмед II, третий сын Мурада II, внезапно скончавшегося от инсульта. Его старший сводный брат Ахмед давно умер, а другой сводный брат Али, заподозренный в заговоре против отца, был задушен в постели вместе с обоими маленькими сыновьями, поэтому именно Мехмеду, хотя он и родился от рабыни-наложницы султана Умми-Хатун, вероятно, то ли сербской, то ли македонской бывшей христианки, суждено было стать наследником турецкого престола. Интерес к науке, греческой и византийской

философии, увлечение военной историей, географией, математикой, астрономией, садоводством, знание шести языков, включая греческий и латынь, ничуть не повлияли на его нрав и не помешали этому юноше прославиться как жестокому, хитрому, вероломному правителю и непобедимому полководцу.

Современники противоречиво описывали Мехмеда как благочестивого, пылкого, суеверного и в то же время коварного, воинственного, свирепого, искусно владеющего оружием, беспокойного, не по годам развитого, хорошо сложенного османа – полутурка с меланхолическим взором и крючковатым как клюв попугая носом. Самой большой слабостью молодого султана, если не считать наркотиков, двух гаремов из женщин и красивых мальчиков, была страсть к завоеваниям, славе и военным подвигам во имя Аллаха, от чего он получит соответствующее прозвище – «Фатих», в переводе с арабского – «Завоеватель». Источники рассказывают, что, поклявшись в ходе священной войны овладеть Константинополем и увенчать этим объединение всех захваченных турками земель, то есть сделать решительный шаг к созданию империи османов, этот честлюбивый воин ислама ни на минуту, ни днем, ни ночью, «...ложась спать и вставая, в своем дворце и вне его», не забывал о своей грандиозной цели, с большой осмотрительностью строя тайные планы и подыскивая средства покорения древней столицы ромеев. Исходившие из нее династические интриги, прежде всего, поддержка потенциального претендента на османский трон, принца Орхана – дяди Мехмеда, находившегося со своими приближенными в Константинополе, не давали ему покоя, как и опасение, что столица Ромейского царства может оказаться в руках европейцев-латинов, вовсе не таких слабых как ромеи. Обвинения султана, пекившегося о турецкой государственности, были по своему логичны: «Константинополь, расположенный в середине нашего царства, приветает наших врагов и натравливает на нас. Посему завоевание города жизненно важно для обеспечения в будущем безопасности османского государства».

Беспощадная решимость и жестокая предусмотрительность молодого султана были страшны. Будучи сыном султана от наложницы и опасаясь других, более законных претендентов на трон, первое, что он сделал после кончины отца – тепло принял вдову Мурада, прибывшую в турецкую столицу Эдирне, бывший Адрианополь, поздравить его с восшествием на престол, и одновременно отдал приказ своему любовнику Али-Бею умертвить ее сына, своего девятимесячного сводного брата, которого утопили в купальне. На следующий день он казнил Али-Бея за это преступление, а затем выдал обезумевшую от горя мать за одного из своих приближенных. Позже, желая избежать гражданских войн из-за престолонаследия, султан издаст зверский закон о братоубийстве, который совершенно определенно требовал: «Кто бы из моих сыновей ни наследовал трон, ему надлежит убить своих братьев в интересах порядка в мире». С этого времени таким убийствам во имя «мира и порядка» суждено будет стать кошмаром, неизбежно сопровождавшим восшествие очередного султана на престол.

О бессердечии нового государя складывали легенды, которыми была полна вся его дальнейшая жизнь неуравновешенного тирана. Ему ничего не стоило отрубить голову прислужнику, чтобы показать работавшему над портретом султана венецианскому художнику Джентиле Беллини как выглядят ли-

цевые мышцы трупа. Разыскивая похитителя дыни из горячо любимого султанского сада, Мехмед, не раздумывая, велел резать животы работавшим в этом саду четырнадцати рабам, чтобы таким жутким способом обнаружить улику в желудке несчастного виновника. Разумеется, обессиленные ромеи, в полной мере испившие чашу унижения побежденных, стоявшие на пороге национальной трагедии, не могли ждать великодушия от подобного амбициозного, коварного, надменного правителя, который сначала дал клятву на Коране «свято блюсти мир с Городом и императором Константином всю свою жизнь», но затем отказался принять византийских послов, прибывших с дарами, а следующую мирную делегацию приказал казнить на месте.

Давно было ясно, что роковой час близится. Уже в 1396 г. во время осады султаном Баязидом Константинополя на малоазийском берегу Босфора турки построили небольшую, но хорошо вооруженную артиллерией, боеприпасами крепость Анатоли Хисар, которая вела наблюдение за проливом. В 1452 г. внук Баязида, султан Мехмед II приказал как можно быстрее, используя привозные и местные стройматериалы из окрестных разрушенных монастырей, церквей, возвести подобное, еще более мощное укрепление и на европейском берегу Босфора, в самом узком месте пролива (550 м), всего в нескольких милях от Константинополя. **Румели Хисар** – «Румелийская крепость», она же по-турецки Богаз Кезен, а по-гречески Лаймокопия – «Перерезанное горло», или Неокастрон – «Новая крепость», как прозвали ее византийцы, была построена в рекордные сроки – восемнадцать недель, с применением системы соревнования двумя тысячами каменщиками и четырьмя тысячами их помощников, а также другими рабочими, трудившимися день и ночь, при свете факелов. А это означало, что теперь османы взяли проливы под полный контроль и действительно перерезали их, будто горло жертвы. Остро нуждавшийся в причерноморском хлебе Константинополь в любой момент могли отрезать, и тогда его жителей ждала голодная смерть. Византийцы лишались возможности получить любую помощь, подкрепление. Ни один корабль ни днем, ни ночью не мог бесконтрольно проскользнуть рассеченное горло проливов, взятых под прицел громадного количества турецких пушек – бомбард, установленных на стенах замков и на морском берегу. Решившихся на это капитанов итальянских судов, пытавшихся игнорировать запрет, обстреливали каменными ядрами, топили, а спасшихся моряков ждала казнь, включая мучительную смерть на колу. Эту очень распространенную тогда «шоковую тактику» османы позаимствовали на христианских Балканах, в частности, в Венгрии, где этим славился вошедший в легенды, жестокий трансильванский принц Влад Цепеш – дословно «Насаживатель», позже ставший известным как Дракула – «Сын дьявола». Вот как живо описал ее давно торговавший с османами генуэзский купец Якопо Кампи: «Великий Турок (приказывает) людям, которых он желает подвергнуть казни, лечь на землю; острый длинный кол помещают в выход прямой кишки; держа обеими руками большую колотушку, палач забивает ее со всей силой, так что кол, именуемый *пало*, вонзается в тело человека, и, в зависимости от того, на какую длину он вошел, человек кончается в муках или умирает мгновенно; затем палач поднимает кол и втыкает его в землю; и так несчастного оставляют при последнем издыхании».

Попытки Константина XI протестовать были отвергнуты султаном, не только надменно, но оскорбительно ответившего послам: «Я могу делать все, что мне

угодно. Оба берега Босфора принадлежат мне, тот восточный – потому что на нем живут османы, а этот западный – потому, что вы не умеете его защищать. Скажите вашему государю, что если он еще раз вздумает прислать ко мне с подобным вопросом, я велю с посла живьем содрать кожу».

В результате таких крутых мер турок черноморская торговля Венеции и Генуи оказалась на грани срыва. Началась настоящая, теперь уже не прикрытая подготовка османов к военной кампании и осаде Города. Мехмед написал письмо к Константину XI, требуя отдать ему Константинополь без боя и – ловкий дипломатический ход – даже клятвенно обещал взамен не покушаться на веру ромеев и не трогать жалкие остатки их владений в южной Греции. В противном случае он грозил всем разорением и смертью. На это византийский император со спокойным мужеством и верой в священный город Константина ответил, что он «...готов жить с султаном в мире и оставить ему захваченные города и земли; Город уплатит любую требуемую султаном дань, насколько это будет в его силах; только сам Город не может предать император – лучше умереть». В середине лета 1452 г. василевс демонстративно затворил ворота Константинополя.

Уже до этого император ромеев решился в обмен на помощь латинов вновь пойти на признание воссоединения Церквей, объединить два мира и наконец обнародовал постановление об унии, тринадцать лет назад заключенной во Флоренции. Но в очередной раз подтвержденный союз не принес даже слабого положительного результата, не дал реальной помощи и лишь усилил возмущение в простом народе, еще болезненнее, чем прежде, реагировавшего на оскорбление своих религиозных чувств. Уставший от неутихающей враждебности, растущего напряжения, в конце лета 1451 г. униатски настроенный Патриарх Григорий III Мамма покинул свой престол и сбежал в Рим к Папе Николаю V (1442-1455 гг.), оставив Город без главы Церкви. По этой же причине Константина так и не короновали в Св. Софии по всей форме, с миропомазанием, а ему самому было не до торжеств. Как и его покойный несчастный царственный брат, он не контролировал общественные настроения и Церковь, а Папа, кивая на это, сурово укорял оппозицию греков, что Господь справедливо отплатил их отечеству несчастьями именно за пренебрежение унией.

В конце октября 1452 г. из Рима в Константинополь с богословско-пропагандистской миссией прибыл легат Папы, дипломат, ловкий грек-рenegат, уроженец Фессалоники, кардинал Исидор (1426-1458 гг.), бывший митрополит Киевский, который некогда активно участвовал в Флорентийском соборе, а в Московской Руси был осужден, обвинен в ереси из-за настойчивой пропаганды унии. Привезенная им подмога из двухсот стрелков, снаряженных Папой, была ничтожна, но могла рассматриваться как некий авангард более значительных сил. Унылым, промозглым зимним днем 12 декабря в храме Св. Софии, где был зачитан текст публично одобренного от имени народа – демоса соглашения об унии, Исидор Киевский торжественно отслужил службу по латинскому обряду, тем самым символизируя союз восточных и западных христиан. Святое Причастие состояло из опресноков, и в чашу с вином добавили холодной воды. Но праздника не получилось. Едва ли в собор сошелся весь Константинополь, как об этом позже напишет Исидор. В любом случае, православные верующие, в том числе из числа ведущих представителей антиуниатской оппозиции, участвовали в происходящем

неискренне, стиснув зубы, сам василевс выглядел подавленным и безразличным. Появившаяся идея выбрать Исидора Патриархом вместо покинувшего Константинополь Григория Маммы тоже провалилась.

Демонстрация очередной победы Флорентийской унии, удара по антиуниатам вызвала взрыв истерического негодования среди греков, не хотевших отступать от своего благочестия. Они полагали, что не латины их защитники, а Богородица, которая уже не раз спасала Город. Не помог и распространившийся слух, что провозглашенное единение временно и его пересмотрят, когда наступит мир. Клирики, монахи, монахини и простые миряне в смятении толпились на улицах и кричали: «Не нужно нам ни помощи латинов, ни единения с ними, – избавимся же от почитания опресноков!». В отличие от правящих кругов Византии, большей части царских придворных и советников, народ в своей основной массе не хотел идти в церкви, чей клир признал унию и ввел изменения в Божественную литургию. Многие горожане полагали, что они осквернятся, вступив в богослужебное общение со своими братьями-христианами, признавшими Флорентийскую унию, отказывались упоминать в своих молитвах не только Папу, но и своего императора-униата, к тому же официально так и не коронованного в Великой церкви с участием Патриарха.

Один из наиболее скептически настроенных антиуниатов, бывший царский секретарь, придворный проповедник, «вселенский судья ромеев» Георгий Схоларий, ставший стойким последователем Марка Евгеника, в 1450 г. удалился в монастырь Пантократора под монашеским именем Геннадий и принялся за организацию сопротивления в виде синода клириков – противников Флорентийской унии и учения, что лежало в ее основе. Этот человек, десять лет назад говоривший на Соборе речи-поучения в пользу унии, теперь писал: «Даже если весь Восток пойдет на Запад, я не пойду». Схоларий, как и многие последователи его взглядов, искренне верил в близкий конец света и был убежден – православные должны встретить ниспосланный Богом Апокалипсис с незапятнанными душами. Даже на Пасху, пришедшуюся на 1 апреля 1453 г., большинство византийцев продолжали обходить стороной храм Св. Софии, оскверненный латинским обрядом богослужения, и молились в сугубо православных церквях Города. В огромном пустом соборе, покинутом Патриархом и паствой, было темно и странно тихо.

Уже через пять дней к Константинополю подошли турки, но к их удовольствию столкновения между сторонниками и противниками унии не стихали. Тень схизмы легла на попытки Константина защитить Город. Часть богатых византийских аристократов отказалась помогать василевсу в организации сопротивления османам, а позже, в момент осады, по сути дела саботировала оборону, боясь за себя, за свои владения в результате последствий личных энергичных действий против султана. Эта предательская двойственность позиции византийских олигархов прекрасно видна на примере поведения очень влиятельного мегадуки флота, богача Лука Нотара, который, будучи почетным гражданином Венеции и Генуи, разместил в их банках большую часть своего состояния, отправил в Венецию на жительство дочь Анну, и в то же время рассчитывал, что султан будет к нему благосклонен. Говорят, он бросил крылатую фразу, ставшую пророческой: «Лучше увидеть в городе царствующим турецкий тюрбан, чем латинскую

тиару» и ловко подогревал недовольство проуниатской политикой василевса Константина. Кто мог подумать, что это его двурушничество приведет к тому, что после падения Константинополя султан сначала обласкает Нотару, чтобы затем казнить вместе с сыновьями и зятем, жена умрет по дороге в Адрианополь – турецкий Эдирне, куда ее погонят с остальными рабами, а несметные богатства олигарха, в свое время столь необходимые императору для армии, окажутся в османской казне?

Неравные силы

Несмотря на бедственное положение Ромейского царства, на латинском Западе не торопились оказать действенную помощь этому гибнущему «кораблю». Скорее, при всех страхах, там все же недооценивали опасность со стороны турок и ждали удобного случая, чтобы захватить и разделить оставшиеся земли ромеев, нежели реально прийти на подмогу.

Поначалу юный Мехмед II не представлялся западным правителям, как и Константину XI, серьезным противником, способным преодолеть мощные стены города, которые оказались не по силам его отцу, могущественному грозному султану Мураду II. Он и не старался их в этом уверить, дабы не вызвать раньше времени чрезмерную тревогу своих врагов. К тому же, и это главное, взаимная ожесточенная непримиримость ромеев, не желавших признавать унию, и Папы, а также противоречия между западными державами изначально исключали предоставление эффективной помощи. Латины обвиняли антиуниатов в том, что они отказались от такой помощи, но было ли от чего отказываться?

Константин XI отрядил во все западные столицы послов. Это факт. Отклик был очень слабым. И это тоже факт. Едва ли безоговорочное принятие унии, случись оно на деле, кардинально бы изменило для Византии ситуацию к лучшему. Лишь Генуя и Венеция, опасаясь перекрытия прибыльных, коммерчески важных для них торговых путей в Черное море, оказали небольшую поддержку защитникам Константинополя. К великой радости горожан в начале 1453 г., как бы в ответ на начало мобилизации султаном своей огромной армии, в Город на двух больших транспортных судах прибыл отряд венецианских добровольцев из восьмисот человек. Позже, к весне прибыли еще три генуэзских судна, снаряженные на средства Папы Николая V, и стали подходить другие венецианские галеры, везшие, главным образом, припасы, продовольствие. К чести Венеции, ее бальи – предводитель в Константинополе заявил, что ни одно торговое судно Республики Св. Марка не покинет города без согласия василевса. Правда, впечатление от этой клятвы было испорчено после того, как капитаны семи из восьми венецианских судов вместе с сотнями людей в одну из зимних ночей тайком все же ушли из гавани, покинув город. Осталось по одному судно из итальянской Анконы, пиренейской Каталонии и французского Прованса. Пять судов выставила Генуя. В частности, с Родоса и Хиоса, принадлежавшего Генуе, на двух больших кораблях, которых историк Дука называет «огромными», прибыло «...множество великолепных боевых машин, а также вооруженные молодые генуэзцы, исполненные воинственного духа». Их ядро составил отряд из семисот закованных в сверкающую броню искусных воинов под командованием талантливого специалиста, храброго профессионального кондотьера Иоанна (Джованни) Джустиниани по прозвищу Лонго – «Длинный», который добровольно сна-

рядил экспедицию на свои деньги и рассчитывал окупить ее. Он принадлежал к одному из самых влиятельных, благородных семейств Генуи и был известен как выдающийся знаток ведения военных действий в осадных условиях, «с использованием стен» и оборонительного оружия. Именно его император ромеев назначил ответственным за оборону на важнейшем центральном участке, посулив в уплату за труды последнюю «жемчужину ромейской короны» – крупный эгейский остров Лемнос. Все остальные призывы во имя веры Христовой, обращенные к рыцарственным Арагону, Венгрии, Бургундии, богатом судами Дубровнику не привели ни к чему. Правда, король Альфонс Арагонский милостиво разрешил ромеям закупать у него зерно, но цену загнул неимоверную. Даже император Священной Римской империи Фридрих III, недавно коронованный Папой, лишь ограничился посылкой Мехмеду ультиматума, полному громких, трескучих фраз. Горожанами овладело ощущение, будто их предали. «Мы получили от Рима такую же помощь, как от султана из Каира», – с горечью вспоминал участник обороны *Георгий Сфрандзи*.

Греки Мореи, погрязшие в междоусобице и разоренные турками, прорвавшими Гексамилий и опустошившими Пелопоннес, уже не могли прислать подмогу осажденной столице. Собственные же силы константинопольцев оказались настолько невелики, что василевс предпочел сохранить их цифру в тайне. Он разделил 14 районов города на 12 военных округов и распределил воинов. Вместе с разноплеменными, соперничающими между собой отрядами иностранных наемников и добровольцев – константинопольскими венецианцами, генуэзцами и каталонцами, лучниками, оплачиваемыми Папой, греками-добровольцами, островитянами с Крита и Хиоса, испанцами, немитцами-алеманами (немцами), шотландцами, даже турками претендовавшего на султанский трон принца Орхана, защитники столицы, если верить разноречивым источникам, насчитывали немногим более семи тысяч воинов, из которых около пяти тысяч были византийцами, причем большей частью не искушенных в военном деле. Их хватало только для того, чтобы выставить на передовую, шестикилометровую внешнюю оборонительную стену Города, прикрыть берег Пропонтиды и создать небольшой резерв быстрого реагирования из двух отрядов под командованием двуличного столичного богача, мегадуки Луки Нотара и Никифора Палеолога. Это было всё, на что могли рассчитывать оставшиеся приблизительно 35 тысяч константинопольцев, уже не дотягивавших и до былых 50 тысяч жителей. Причем часть из них не могла или не хотела принять участие в обороне по причинам своего туркофильства, антиуниатства, исихасма или другим, о которых остается гадать. Византийско-италийский флот из двадцати шести судов, хотя и обладал такими преимуществами как «жидкий огонь» и высокое мастерство мореходов, сразу же оказался заперт турками в гавани Золотого Рога, за плавучей железной цепью, по приказу царя немедленно поднятой вслед за закрытием всех ворот.

Противостоящая ромеям, энергично готовящаяся к осаде армия султана была огромна и, что особенно важно, воодушевлена перспективой богатой добычи и идеей священной войны. Погибших на такой войне турки превозносили как святых и победителей, их ставили в пример живым и глубоко почитали. От желающих принять участие в подобных военных действиях не было отбоя. Только регулярных войск – конников, тяжелой пехоты, арбалетчиков, лучников, прашников насчитывалось без малого восемьдесят тысяч, включая несколько тысяч

янычар-гвардейцев, обслуживающие части – пушкарей, оружейников, охранников, а кроме того не менее двадцати тысяч *азабов* или *башибузуков* – иррегулярной мусульманской пехоты. Впрочем, иногда можно встретить утверждения, что общее число турецких войск к моменту штурма достигло 150 или даже 400 тысяч человек. В любом случае, для XV столетия это были гигантские, ни с чем не сравнимые, неисчислимые силы, будто вода в половодье, затопившие всю равнину перед столицей ромеев. Самим византийцам они казались «бесчисленными, как песчинки, рассыпанные... по земле от берега до берега», а турецкий хронист писал, что османлы, «бесчисленные как звезды», являли собой «реку стали».

Пришла в движение образцово организованная, дисциплинированная османская тыловая служба: велся сбор, ремонт и изготовление доспехов, осадного снаряжения, пушек, кораблей, островерхих палаток, инструментов, оружия и продовольствия. Для службы в разведке привлекали венецианских шпионов. К Константинополю стягивались гигантские марширующие колонны пехоты в красных и белых шапках, над которыми качался лес копий. Скакали, разбрызгивая весеннюю грязь, эскадроны всадников в стальных кольчугах и остроконечных шлемах-тюрбанах. Тянулись нескончаемые караваны вьючного скота – мулов, лошадей и верблюдов со всеми предметами, нужными для войны, и обслуживающими людьми, прислужой – саперами, минерами, оружейниками, кузнецами, обозниками, поварами, муллами, плотниками, столярами, портными, скупщиками военной добычи. Ведь для пропитания только двадцати пяти тысяч человек, ведущих осаду, – а громадина турецкой армии была в десять раз больше, – требовалось свыше сорока тысяч литров воды и тридцати тонн фуража, чтобы они могли продержаться один единственный день. Под свист бичей и натужное мычание волов по раскисшим дорогам, в дождь и снег, при необычно холодной для весенней поры погоде, сотни человек, изнемогая, тащили тяжеленные пушки. Вместе с османской армией к Босфору двигались нестройные группы пастухов, маркитантов, проституток, проходимцев, бродяг, дервишей в рубчатых халатах и островерхих войлочных колпаках – всех, кого увлек за собой вал великого похода на последнюю твердыню ромеев.

К марту 1453 г. Мехмед II получил гигантское преимущество и в военно-морских силах: он учел, что именно из-за их недостатка проваливались все семь предыдущих блокад византийской столицы. Теперь султан собрал огромный флот из примерно сотни военных парусно-весельных кораблей, около двадцати пяти тяжелых транспортных, грузовых судов, необходимых для переброски десанта и доставки снаряжения, леса, зерна, пушечных ядер, а также некоторого количества более легких судов, и начал концентрировать их под Константинополем. Цифры источников разнятся, но, похоже, турецкая эскадра насчитывала в общей сложности более четырех сотен судов. Невиданные размеры этой армады, для которой отовсюду были выбраны самые искусные моряки, поразили даже приближенных Мехмеда, не говоря уже о ромеях, которые с ужасом смотрели на устрашающее зрелище выплывавших из морской дали все новых и новых вражеских кораблей, число которых казалось бесконечным.

Созданная турками артиллерия тоже не имела себе равных в Европе и стремительно росла. На нее работали нанятые у латинов лучшие пушечные мастера, техники, инженеры, которым султан не скупился платить за их искусство. Давно устаревшие, немногочисленные византийские орудия не шли ни в какое срав-

нение с пушками мусульман. Недаром, после того, как одна из крупных пушек ромеев взорвалась, защитники столицы отказались от использования ядер для подавления турецких батарей, а стали заряжать бомбарды шрапнелью для отражения вражеской пехоты. К тому же греки видели, что отдача от выстрелов, откаты орудий разрушали стены древней христианской твердыни, не приспособленные для артиллерии, и поэтому старались стрелять как можно реже.

При любых расчетах выходит, что на одного защитника Константинополя приходилось никак не меньше пятнадцати врагов. С силами на море обстояло и того хуже: от собственного царского флота осталось десять кораблей – по одному примерно на каждые тридцать судов противника. Даже с кораблями латинов соотношение оставалось по меньшей мере одно судно к десяти вражеским. Правда, как выяснилось позже, султан не знал об этом. Готовясь к быстрому, неожиданному удару превосходящими силами, он преувеличивал численность своих противников.

И все же последние надежды и чаяния ромеи возлагали на проверенные временем мощные тройные крепостные стены своей древней столицы, перед которыми в свое время оказались бессильными авары, персы, арабы, болгары и русы. За всю свою историю эти стены двадцать три раза видели неприятеля, но никому ни разу не удавалось взять их штурмом со стороны суши. Заброшенные участки укреплений восстановили, надстроили, ров перед передовой стеной, прикрывшей Город со стороны суши, расчистили, углубили до десяти метров, дополнительно укрепили башни. Защитники были прекрасно вооружены, снабжены всем необходимым – от хлеба до арбалетных стрел, имели «множество великолепных приспособлений и устройств для ведения войны», большое количество метательных машин, противоосадных механизмов, установленные на стенах, заранее пристрелянные пушки (правда, устаревшие), запасы каменных ядер, селитры для пороха и гремучего «жидкого огня». Они были способны без особой нужды выдержать многомесячную, а то и более чем годовую осаду, рассчитывали на обещанную Папой, итальянцами и венграми военную помощь, которая, казалось, вот-вот должна появиться сушей и морем, знали, что в Венеции с этой целью по заказу Папы стали строить галеры, и в массе своей горели желанием сражаться до конца, понимая, что иного выхода нет. Наконец, и это немаловажно, срабатывал психологический фактор: за долгие века во всем мире привыкли верить в незыблемость столицы Ромейского царства. Сам страх перед осадой стал привычным. За обреченностью еще маячили надежды выжить, которые не казались пустыми. Недоверчивому, снедаемому честолюбием султану османов было о чем переживать. Недаром его собственный визирь, старый, осторожный Халил-паша пугал перспективой возможного длительного сопротивления, опасного для подрыва боевого духа турок, и решительного воссоединения христиан перед роковой угрозой. Наконец, обе стороны знали, что каким бы ни было соотношение сил, в победе на войне все решает удача и случай.

В петле осады

Устрашающе огромная армия интентов быстро и организованно стягивалась в одну точку – к стенам «Града Константина», готовясь к массированному удару и сокрушая либо блокируя по пути, на ближайших подступах последние изолированные очаги сопротивления. Подвигом стала двухдневная героическая оборона мощнейшей ви-

зантийской крепости на европейском берегу Босфора, у гавани Ферапия, – оставшиеся в живых четыре десятка ее отважных воинов были посажены султаном на кол. Позже огнем османских пушек была сметена цитадель Студион на Мраморном море, а ее тридцать шесть выживших защитников тоже приняли ужасную смерть на колу.

23 марта 1453 г., в пятницу, святой для мусульман день недели, сам Мехмед в сопровождении возносящих молитвы видных служителей религии – улемов, шейхов выступил из Адрианополя-Эдирне, «опустошая и разоряя все вокруг, сея ужас, страдания и страх». Уже 5 апреля он разбил свой красный с золотом шатер на холме прямо перед стенами Города, меньше чем в километре от ворот Св. Романа, и кольцо турецкой осады охватило его и с суши, и с моря. Вдоль всех стен, на расстоянии 250 метров от них была вырыта траншея с земляным валом. За ним без всякой неразберихи и затруднений был разбит палаточный город турецкого лагеря, над которым среди прочих штандартов развевался ак-санджак – главное, бело-золотое знамя султана. Призывные переливы муэдзинов в час молитвы перекрывали звуки христианского богослужения из европейских отрядов турецкой армии.

Полагавшееся по Корану предложение Мехмеда сдаться в обмен на жизнь василевс ромеев оставил без ответа. На следующий день начался отсчет героической обороны, которая продолжалась почти два месяца – 54 дня. Несмотря на свою немногочисленность, последние защитники прославленной столицы ромеев мужественно сражались за свою свободу и христианскую веру, сопротивляясь неотвратимой судьбе и невиданной мощи османской армии, отбивая штурмы, уничтожая подземные ходы и осадные башни, выигрывая морские сражения, устраивая вылазки, проводя мирные переговоры, неустанно трудясь на починке укреплений, демонстрируя чудеса героизма, подрывая боевой дух противника и делая, казалось бы, невозможное. Они были ближе к успеху, чем, возможно, знали сами.

Трудная година наконец объединила всех. Теперь бок о бок за Константинополь с упорством смертников бились все, кто мог держать в руках оружие: господин и жалкий бродяга, купец и монах, ремесленник и ученик, православный и католик. Не имея смен, изможденные, они после боя валились с ног от усталости, тогда как турки, по словам повествователя-очевидца, русича *Нестора Искандера*, установив вокруг города «пушки и пищали и туры и лестница и гряды деревянные и ины козни стенобитные», отважно бились без отдыха, ни мало не давая отдохнуть защитникам, с маниакальной настойчивостью бросая вперед все новые и новые контингенты войск.

Воины полумесяца, понукаемые султаном, словно одержимые, снова и снова рвались в Константинополь. Их ярость разбивалась о стойкость ромеев, которые были готовы дорого продать свою жизнь. Со стен и башен византийской столицы на турок летели камни, лилась кипящая вода и смола, с ревом извергались языки «жидкого огня». Врагов поражали стрелами и копьями, сметали градом камней из камнеметов, выстрелами пушек, которые довольно эффективно стреляли по пехоте не ядрами, а каменной, глиняной или металлической шрапнелью размером приблизительно с крупный грецкий орех (каждая бомбарда заряжалась пятью – десятью такими пулями).

Уже первый штурм вскоре после начала осады, предпринятый силами иррегулярной турецкой пехоты, показал, что осажденные не собираются стать легкой

добычей. После отчаянного ночного штурма 18 апреля, который шел четыре часа при свете луны до рассвета, все рвы были завалены трупами врагов. По словам Нестора Искандера, турки карабкались на стены по мертвецам, как по ступеням и лестницам. По сведениям русского летописца, при атаке они потеряли убитыми восемнадцать тысяч человек, тогда как вконец измотанные защитники тоже понесли чувствительные потери, лишившись двух тысяч четырехсот воинов – ромеев, италийцев и армян. Не увенчалась успехом и попытка турецких кораблей овладеть великой цепью через вход в Золотой Рог, которую искусно защитили укрывавшиеся в бухте оставшиеся тридцать семь судов христиан. Для османов это было унижительной неудачей.

Еще большее разочарование принесло султану утро 20 апреля. С острова Хиос через Геллеспонт – пролив Дарданеллы к Константинополю, невзирая на встречный ветер и волны, спешила эскадра из трех больших генуэзских парусных торговых кораблей – когов, снаряженных Папой, и тяжелого транспортного судна, предоставленного василевсу Константину королем Арагона. Они везли в осажденный город подкрепление, оружие, закупленное на Сицилии зерно и прочие, столь необходимые припасы. Перед входом в Золотой Рог маленькая флотилия, сцепив суда в замкнутое каре, приняла многочасовой, неравный, жаркий бой с турецкими галерами, которых насчитывалось около ста пятидесяти, и одержала блестящую победу. Генуэзские моряки обрушили на врага град метательных снарядов, копий и дротиков. Вооруженные огромными топорами, они рубили головы и руки турок, отчаянно пытавшихся со своих более низких судов и длинных лодок взять их на abordаж с помощью крючьев и лестниц. Напряженно глядя в бой, разгоряченный и еще более раздосадованный Мехмед, пытаясь отдавать команды с берега, не заметил, как въехал на лошади в море, и только когда вода подступила к седлу, пришел в себя. Десятки спутавшихся галер мусульман, не справившиеся с управлением в условиях бурного течения Босфора, пошли на дно, взятые на таран и раздавленные плавучей крепостью, в которую сгруппировались четыре высокобортных корабля латинов, все же прорвавшихся сквозь кольцо плотно обступивших их, яростно атакующих турецких галер. К концу того дня опозоренный, униженный султан, если поверить греческим источникам, потерял около двенадцати тысяч отборных моряков. Победоносная эскадра под ликование ромеев, наблюдавших за боем со стен Константинополя, уже в темноте, безлунной ночью, подгоняемая наконец подувшим попутным ветром, прошла поднятое цепное заграждение гавани и спокойно вошла в Золотой Рог. Турки были в очередной раз посрамлены, а настроение отчаявшихся горожан, воспринявших случившееся как очевидное свидетельство помощи Божией, резко поднялось. Гнев султана, лицемерившего этот разгром, был столь велик, что он «в ярости рвал на себе одежду» и собственноручно избил золотым жезлом тяжело раненого в глаз адмирала турецкого флота, болгарина-ренегата Палдада-оглу (Балтоглу), отрешил его от должности, велел дать ему сто плетей, а все имущество неудачливого флотоводца роздал янычарам. В лагере осман началось брожение, усилились разногласия, впервые после начала осады стали высказывать серьезные сомнения в успехе. Никто не думал, что это была последняя победа ромейского оружия.

«Пушки решили все»

По масштабам применения новейших способов ведения войны, особенно применения пороховой артиллерии, осада Константинополя не знала равных и стала крупнейшим событием XV столетия. Понимая, что выстоявшую тысячелетие гигантскую громаду величественных оборонительных стен Феодосия – символ совершенной неприступности можно разрушить, сломить лишь силой новых мощных дальнобойных пушек-бомбард, султан обрушил на ромеев невиданный обстрел, тяжелейший в истории Средневековья.

Одержимый своим планом, Мехмед предпринял грандиозные, дорогостоящие меры по вооружению турок, причем их учителями и наставниками в военном деле уже с XIV в. стали сами европейцы. Османлы оказались хорошими учениками. В высшей степени восприимчивые к новым технологиям, они очень умело привлекали знающих христиан в ряды своей армии, а также хорошо обучали собственных солдат. Все поставки необходимого для артиллерийского корпуса – меди, олова, железа, каменных ядер, селитры, серы – распределяли с помощью транспортной сети, покрывавшей всю страну и непревзойденной по эффективности. Тщательное и продуманное планирование вообще являлось отличительной особенностью военной машины турок.

Пушки делали из кованого железа или отливали из бронзы. Вторые были втрое дороже, но прочнее, надежнее. Стреляли они каменными, гранитными или мраморными ядрами разного диаметра и веса, зависевшего от калибра пушки. Так, под руководством молодого венгерского (по другим данным – германского) литейных дел мастера-техника, христианина Урбана, покинувшего нищего василевса и предложившего свои услуги туркам, османы, готовясь к осаде Города, отлили немало крупных орудий, одно из которых имело исполинские размеры и получило у ромеев прозвание «Василики», то есть «Царская». Длина самой большой в мире громадины превышала восемь метров, толщина стенки ствола – 20 сантиметров, диаметр жерла достигал, по разным данным, от 0,8 до полутора метров, так что в него мог забраться человек, опустившийся на четвереньки. Стрелял этот монстр каменными ядрами весом в 1 200 фунтов, то есть свыше 350 килограммов, на расстояние не менее пятисот метров (приводимая иногда цифра около двух километров или мили представляется не реальной). Чтобы «...никого не поразила немота от неожиданного испуга и не произошел выкидыш у беременных жениц», население Эдирне, бывшего Адрианополя, где отлили пушку, глашатаи заранее предупредили о готовящемся испытании нового орудия. Оглушительный гром от первого пробного выстрела был слышен на расстоянии десяти миль, а облако зловонного дыма закрыло небо. Чтобы шаг за шагом перетащить гигантский пушечный ствол за двести километров к стенам Константинополя понадобилось тридцать пар волов, две сотни людей и два месяца времени. Бронзовое чудовище было поставлена недалеко от шатра султана, против константинопольских ворот Св. Романа – «самых непрочных в городе», на главном участке прорыва османов, где крепостные стены в силу особенности рельефа местности – долины речушки Ликос – понижались и было особенно удобно и эффективно вести стрельбу. Именно поэтому на этом участке на высоких холмах была сосредоточена основная турецкая ударная пушечная сила из четырех батарей

Оружие это было громоздким, тяжелым. Нужен был немалый срок и грандиозное тыловое обеспечение, чтобы по весенней распутице перевезти его на больших, крепких, неповоротливых длинных повозках с цельнолитыми колесами, выгрузить с помощью мощных блоков, канатов, ремней, нужным образом разместить на наклонных деревянных платформах, окружить защитными бревенчатыми изгородями, нацелить каждое орудие и обеспечить его всем необходимым для стрельбы. Изготовление пушек было делом еще более трудоемким, сложным, точность прицела и скорострельность – низкой. Порох засыпали в оружейный ствол, куда вбивали деревянный пыж, оббитый бараньей кожей или железом. Затем каменное ядро подтаскивали к орудию и закладывали его в ствол. Угол прицела регулировали с помощью деревянных клиньев, которые подбивали под платформу. Амортизаторов не было – их роль играли деревянные брусья и огромные камни, установленные позади пушки. Только они и сдерживали отдачу и откат, чтобы грохочущий, раскаленный монстр не раздавил обслугу. Каждое орудие делало не более пятнадцати выстрелов за день, а пушки большого калибра и того меньше – три-четыре выстрела. Необходимо было время, чтобы охладить их и произвести очередную кропотливую зарядку. Предельная дальность в большинстве случаев по нынешним меркам тоже была невелика – 180-200 метров и очень редко достигала пятисот метров. Но урон они приносили огромный, сила поражения была сокрушительной, впечатление приводило в ужас.

С начала XV в. для выстрелов стали использовать «зернистый» порох, гораздо более эффективный, чем прежний порошок. Его научились производить из серы, селитры и древесного угля, смешанных до состояния пасты, которую потом высушивали в виде плиток и дробили на гранулы. Такой порох быстрее горел, был более устойчив к влажности и, самое главное, давал взрыв большей мощности, – настолько сильный, что иногда разрывал как стекло слабые от трещинок в металле оружейные стволы, губил, калечил оружейные расчеты из пушечных мастеров-литейщиков и их прислугу. Даже знаменитая гигантская «Василика», лично отлитая опытным мастером Урбаном, дважды взрывалась к великому гневу султана. Современники недаром называли эти ужасные орудия «диавольскими»: в их громовом реве, вспышках пламени, облаках зловонного дыма, страшно трясающейся земле, чудовищном шуме ядер, с невероятной силой, непреодолимой мощностью и грохотом рушивших дотоле считавшиеся неуязвимыми каменные стены, им чудились духи ада, нечто inferнальное. По словам очевидцев, земля колебалась на две мили вокруг, так что даже в крепких корпусах галер в Золотом Роге отдавалась сила разрывов, а гром пушек, извергающих огонь, слышали за пять миль за Босфором. Женщины падали в обморок. Испуганным жителям, забившимся в церкви, казалось, что наступил Апокалипсис, конец света, гремят трубы последнего, Страшного суда и грядет воздаяние за грехи христиан. Со взрывами и черным дымом, в облаках пыли, щебня приближался конец. Антихрист в обличье Мехмеда стоял у ворот.

Количество артиллерии постоянно нарастало. Теперь ее не только ремонтировали, но и производили в самом осадном лагере османов, откуда поднимался дым и чад угольных ям, плавилен и разносился несмолкаемый гром молотов. Мехмед сгруппировал пушки в четырнадцать или пятнадцать батарей и разместил их вдоль стен в ключевых пунктах, которые считал наиболее уязвимыми:

две – против Золотых ворот, три – против Пигийских ворот, четыре – против ворот Св. Романа, две – против Харисийских ворот, три – против Влахерн.

Уже к 12 апреля турки имели неслыханный по тем временам артиллерийский парк, который начал первую в истории массированную бомбардировку, а затем продолжал вести круглосуточный обстрел осажденной столицы ромеев из шестидесяти девяти орудий разного калибра. Каждой крупной пушке, стрелявшей каменными ядрами, по словам очевидца, достигавшими в высоту колена или пояса, оказывала поддержку батарея малых, и османы любовно называли их всех «медведицей с детенышами». За сорок семь дней этой нескончаемой канонады было произведено около шести тысяч залпов, – примерно по 120 в день, и затрачено больше двадцати пяти тонн пороха. Вместо хаотичных выстрелов с плохой наводкой и недолетами, набравшиеся опыта турецкие артиллеристы с начала мая стали использовать систему прицельных ударов по стенам, как бы рисуя на них треугольник острием вниз, а затем выстрелом большого орудия в его центр обрушивать целые секции укреплений, превращать в пыль отдельные участки самых толстых, прочных стен, башен, парапетов. Примечательно, что подобные советы по улучшению качества стрельбы османам услужливо предложили послы «рыцарственного» венгерского короля. Результат не заставил себя ждать: на наиболее угрожаемом участке так называемого Месотихиона – «Средостення» из двадцати трех башен устояли лишь одиннадцать, а многие куртины передовой стены превратились в груды камней и плинфы.

Медленно, упорно, неотвратимо турецкие пушки прогрызали и перемалывали древние стены Феодосия. Ущерб оказывался невосполнимым, несмотря на трудоемкие, отчаянные ночные попытки защитников очистить заваливаемый ров и закрыть проломы nasкоро сооружаемыми насыпями из земли, обломков камней и плинфы, укрепить их бревнами, кольями, хворостом, даже кусками кож, шкур, полотном. Эти импровизированные баррикады, предложенные опытным Джустиниани, амортизировали удары ядер лучше, чем стены, но их надо было постоянно, на пределе сил возобновлять.

Поначалу непривычным к реву пушек ромеям казалось, что на них навалилась сама преисподняя, тогда как противнику это добавляло уверенность в собственной непобедимости. Неумоимо действовавшие катапульты-требуше по крутой территории поражали камнями крыши домов в Городе, а также били по царскому дворцу во Влахернах не хуже бомбард, с каждым днем увеличивая разрушения.

Гордая душа Мехмеда II не могла снести позора неудач, особенно морского поражения 20 апреля. Последовавшее вслед за ним выгодное предложение василевса Константина заключить мир и выплатить туркам контрибуцию любого размера, он отверг. Ярость продолжала душить его. Уже через день молодой султан, одержимый в своей цели, придумал впечатляющий ответ. Это был новый, довольно ловкий, фантастически дерзкий и вместе с тем гениальный тайный план, который смог восстановить полководческий престиж Мехмеда и оказал решающее стратегическое и психологическое значение на дальнейший ход осады. Османы, продемонстрировав чудеса планирования и организации, проявили лихорадочную активность, сумели по суши, волоком, через пологие холмы Галаты, в обход ее укреплений и ненавистной заградительной цепи, перетащить свой флот из Босфора в залив Золотой Рог. Это лишило защитников столицы последних преимуществ и заставило растянуть и без того слабую оборону.

В ночь на 22 апреля, в кратчайший срок, турки, согнав множество невольников, рабочих, солдат, тягловых животных, соорудили из бревен настил протяженностью в несколько километров. Строительство необычной дороги велось у стен генуэзской Галаты, но коварные торговцы, соблюдая сомнительный нейтралитет в развернувшемся конфликте, повели себя предательски по отношению к защитникам христианской твердыни. Они не только не пытались мешать приготовлениям и маневрам врага, но даже не известили вовремя осажденных. Более того, следует отметить, галатцы, негласно участвуя в защите Константинополя и тайком помогая ромеям, до конца осады, как пишет Дука, «...в изобилии снабжали тирана (султана Мехмеда) всем необходимым: и маслом для орудий, и всем иным, что требовали турки», рассчитывая на благосклонность Мехмеда в будущем и не понимая, что имеют дело с проницательным политиком, лишь до поры до времени терпящим их двурушничество.

Смазав настил и катки топленным животным жиром для лучшего скольжения и подготовив деревянные опоры, лебедки, ворота, турки под грохот пушечной канонады, под звуки барабанов и труб оркестра, за 24 часа с огромным напряжением перетаскивали на канатах около семи десятков своих галер из босфорского залива Диколон (Св. Устье), где базировался их флот, в залив Золотой Рог около бухты Галаты. «То было в высшей степени необычное зрелище, – писал современник тех волнующих событий, знатный ромей **Михаил Критовул**, – невероятное даже для тех, кто видел его собственными глазами: корабли ехали по суше, как будто плыли по морю, с командами, парусами и всем своим снаряжением».

Каков же был ужас ромеев, когда на следующее утро они обнаружили один за другим соскальзывающие на воду суда противника у стен своей столицы и поняли, что положение их гавани, которую они считали недоступной, безнадежно. Ведь именно отсюда, с северной, прикрытой водами бухты и поэтому слабо защищенной стороны, никто не ждал нападения. К тому же защитники теперь лишились возможности пополнять свои скудевшие запасы припасов за счет рыбной ловли в Золотом Роге. Под угрозой оказался и латино-византийский флот, до этого скрывавшийся в заливе за мощной железной цепью, которую османские корабли, как ни пытались, так и не смогли захватить или разорвать. Совместная запоздалая ночная попытка венецианцев и генуэзцев сжечь скопившиеся в заливе вражеские суда с помощью начиненных горючими материалами и обитых хлопком легких судов-брандеров успеха не имела: скрытно подплывших смельчаков, турки, предупрежденные кем-то из Галаты, обстреляли камнями, пушечными ядрами, прочими снарядами, частью потопили и нанесли четырем кораблям прикрытия серьезные повреждения. Около сорока спасшихся моряков-венецианцев казнили, посадив на кол и оставив умирать в жутких муках на виду у жителей Города. В ответ его защитники, разъяренные неудачей, на глазах османской армии стали сбрасывать с крепостных стен захваченных турок, выводя из тюрьмы «по несколько человек», а император приказал у двухсот шестидесяти пленных отрубить головы и выставить их на стенах. Взаимное ожесточение сражающихся продолжало расти.

Блистательно задуманный и, главное, выполненный, хитроумный, смелый военный трюк повлек за собой ужасные последствия для осажденных. По прика-

зу султана в Золотом Роге было немедленно начато строительство грандиозного инженерного сооружения – плавучего моста из дощатого настила и более тысячи больших бочек, по которому могли пройти и войска, и повозки. На оказавшихся в заливе турецких судах и на берегу залива разместили пушки, которые стали систематично крушить более слабые морские оборонительные стены Константинополя, местами обрушивая их целыми участками. После семи недель почти безостановочной бомбардировки они и без того повсюду зияли многочисленными брешами, которые защитники уже не успевали толком заделывать валами, насыпями, баррикадами несмотря на бешенный, изнуряющий темп работы. До сих пор в периволе Феодосиевых стен лежат османские каменные ядра, как целые, так и расколовшихся от ударов по стенам, на которых видны углубления, выбоины. Теперь необходимость обороны еще и морских стен отвлекла и без того слабые людские ресурсы, необходимые для защиты передовых стен с суши, где рвы были доверху наполнены смердящими, разлагавшимися трупами. Резко выросли потери и в самом городе. Как убедительно констатировал Михаил Критовул, «... исход сражения решили пушки». Они стреляли день и ночь.

По данным все того же Михаила Критовула, к 5 мая было введено в действие еще одно хитроумное изобретение деловитого султана – дальнобойная мартира. Поставленная под большим углом пушка, согласно проведенным математическим расчетам, оказалась способна метать ядра по навесной траектории, так что они долетали до района Галаты: в ходе успешных испытаний орудия османы демонстративно потопили здесь генуэзское торговое судно.

После страшных разрушений, 7 мая, к ночи последовал очередной штурм на участке «Средостення», где образовался пролом, но атаку удалось отбить. За этим монотонно последовали все новые и новые изматывающие бомбардировки, шальные атаки турок и попытки сопротивлявшихся из последних сил отремонтировать находившиеся в плачевном состоянии укрепления. События сливались в повторяющийся круг, который, казалось, не удастся разорвать ни одной стороне.

В ночь 12 мая штурмующие прорвались на поврежденном пушками участке стен около Влахернского дворца. В Город даже стала проникать османская кавалерия и лишь личное появление Константина и его охраны, успевших в роковой момент подоспеть к месту боя, предотвратило неминуемую катастрофу. Ее звуки и краски передал Нестор Искандер: «Падаху трупиа обоих стран, яко снопы, с заборол и кровь их течааше, яко реки по стенам, от вопля же и кричания люцкого обоих и от плача и рыдания грацкого, и от звуку клакольного и от стуку оружия и блистания мяшесе всему граду от основания превратитися». Несмотря на очередную неудачу, Мехмед ощутил, что вот-вот добьется успеха. Теперь он решил сконцентрировать всю имевшуюся в его распоряжении огневую мощь на наименее защищенном участке у ворот Св. Романа. Сюда же защитники бросили свой последний резерв – оружие и команды, снятые с тех венецианских галер, часть которых пришлось затопить после захвата османами Золотого Рога.

Ко всему прочему Мехмед поразил и напугал до полусмерти защитников города своим личным, втайне задуманным инженерным проектом. На рассвете 19 мая ко рву внезапно придвинули громадную, собранную из толстых, прочных бревен осадную башню – гелеополу, «весьма широкую и высокую», покрытую тройными воловьими, коровьими, верблюжьими шкурами и наполовину заполненную землей, чтобы выстрелы из пушек и ружей не могли повредить ее. Очеви-

дец происходившего, Георгий Сфрандзи указал, что она передвигалась на многочисленных колесах. К башне вел крытый ход из расположения османских войск. По нему из лагеря подходили сменные отряды турок, которые, под прикрытием лучников, ведших заградительный огонь с верхних ярусов башни, выкапывали землю и забрасывали ею ров, постепенно продвигаясь вперед. Предполагалось, что, когда она достигнет вплотную стен, турки ворвутся в город по опущенным с нее сходням. Но уже на следующую ночь обороняющимся удалось уничтожить угрозу, сбросив на сооружение бочки с порохом и горящей смолой: «...внезапно загремела земля, словно гром великий, и поднялась вверх с турками и людьми, как от бури сильной, до самых облаков».

Та же участь постигла подобные осадные башни, выдвинутые в других пунктах вдоль стены. Сфрандзи с содроганием пишет, что это были «...машины, о которых не мог помыслить ум человеческий и которых никогда не строили для взятия крепостей». С этих башнеобразных колесных платформ османы пытались из пушек делать одновременные выстрелы по стенам.

В это же время под оборонительными стенами Константинополя развернулась настоящая минная война. Вражеские саперы под командованием Заганос-паши, используя опытных саксонских рудокопов из Сербии, с самого начала осады четырнадцать раз предпринимали упорные попытки проложить длинные подземные ходы-подкопы под стены, чтобы из них ворваться в город, но защитники во главе с опытным в таких делах шотландцем Иоанном Грантом по звукам, сотрясениям земли, колебаниям воды в площадках обнаруживали ведение таких работ и с помощью контрподкопов, встречных ходов врываются в туннели, рубили, жгли рудничные подпоры-стойки, душили турок дымом, заживо сжигали струями «жидкого огня», топили потоками воды из столичных цистерн. Порой в кромешном мраке, при мечущемся свете факелов и диких воплях в узких штольнях под землей завязывались ожесточенные рукопашные схватки. 23 мая, в ходе одной из таких подземных стычек византийским саперам удалось захватить в плен Заганос-пашу и его подчиненных, которые выдали места и направления остальных известных им тоннелей, уничтоженных ромеями через два дня. Османы проиграли подземную войну и больше не рыли подкопы. Впрочем, они стали уже не нужны – все решилось на земле.

Несмотря на то, что тела погибших убирали, закапывали, а османы, заботясь о гигиене в лагере, ежедневно сжигали их на погребальных кострах, создалась угроза заражения запасов воды: «Кровь же, оставшаяся во рвах и потоках, разлагаясь, издавала великий смрад». Полная блокада и болезни, усталость и отчаяние, скудное продовольствие, отсутствие долгожданной помощи, предательство части генуэзцев Галаты, которые начали переговоры с султаном за спиной ромеев, сильно ухудшили и без того тяжелое положение защитников города, ослабили их боевой дух. Нервы напряглись до предела. Росли раздоры, споры между командующими, взаимные обвинения греков и италийцев, венецианцев и генуэзцев в сокрытии продуктов питания, праздности, высокомерии, трусости, предательстве, жадности, спекуляциях. Василевса упрекали в неспособности контролировать ситуацию и в недостатке строгости. Даже его вынужденный обстоятельствами приказ собрать церковную утварь и переплавить ее в монеты вызвал раздражение благочестивых сторонников Православия, воспринимавших выпавшие страдания как следствие грехов и заблуждений горожан.

Все знамения указывали на то, что Божий Дух покинул Константинополь: во время процессии неожиданно упал ликом вниз образ заступницы – Божьей Матери, а жуткий ливень с грозой и молниями, разогнал горожан, после чего все погрузилось в непроглядный туман, какого никогда не бывало в это время. Наконец, ночью на куполе Айя Софии стало струиться от основания ввысь таинственное огненное свечение, которое было видно отовсюду, вплоть до противоположного берега Золотого Рога и турецкого лагеря. Небесные предвестия о том, что Господь оставил город, подтверждали плохие вести – на сорок восьмой день из Эгейского моря вернулось посланное в разведку венецианское судно, чтобы доложить василевсу, что не нашло обещанный венецианский флот, который ждали на подмогу. Это погасило последние надежды на спасение и повергло в слезы охваченного скорбью императора. И все же он отверг последние предложения султана заключить мир на условии выплаты колоссальной дани в 100 тысяч золотых монет, либо сдать Константинополь в обмен на жизнь горожан: таких денег у василевса ромеев не было, а сдать город значило потерять последнее. Возникшее позже предание приписывает Константину XI следующий гордый ответ, якобы произнесенный им на военном совете: «Бог не попустит мне жить императором без Империи. Если Город падет, я паду с ним. Кто захочет искать спасения, пусть ищет его, как сможет, а кто готов встретить смерть, пусть следует за мной».

Между тем в шумном османском лагере с вечера 26 мая, уже не скрывая, как прежде, при свете ярко пылавших костров и огромных факелов, взметавших искры, под пугающие, бившие по нервам защитников, пронзительные звуки дудок и зурны, стук кастаньет, звон цимбал, громохание кимвалов, глухой ритмичный гул барабанов, обтянутых верблюжьей кожей, стали безостановочно вести полномасштабную подготовку к решающему штурму, точили клинки, проверяли доспехи, готовили осадные лестницы, стрелы, защитные «плетни», палисады на колесах. Не переставая, грохотали пушки, ведя опустошительный обстрел, а из грандиозного кольца света долетали буйный шум ликования, неистовые крики разгоряченных мусульман, все быстрее повторяющих: «Иллала, Иллала, Магомет Руссолала» – «Бог есть и всегда пребудет, и Мухаммед слуга его». Эти леденящие кровь христиан ритмичные возгласы, вырывавшиеся из тысяч глоток, звучали столь громко, что казалось, будто «должны разверзнуться Небеса». Изумление защитников этим светом и ревом постепенно уступило место панике. К полуночи все столь же резко стихло, огни угасли и наступила пугающая, леденящая, мертвая тишина, потрясая ромеев столь же сильно, сколь и дикие торжества. Подобный психологический прессинг турки поддерживали последующие две ночи кряду, доведя расстроенных, настороженных христиан до состояния величайшего ужаса. От него не было успокоения и в храмах, где слышались лишь покаянные молитвы и слезные просьбы о заступничестве.

К концу дня 27 мая, при попытках починить стены, поврежденные непрекращавшимся огнем пушек, осколком ядра, пробившем стальной нагрудник, оказался тяжело ранен руководивший работами храбрый, неутомимый, изобретательный Джустиниани, которому василевс доверил общее командование на самом опасном участке у ворот Св. Романа. Раненого рыцаря вынесли на руках и всю ночь над ним трудились доктора, пока ему не стало лучше. Но слух о том, что защитники лишились лучшего вождя, воодушевлявшего их, самого знающего из командиров, поверг Город в отчаяние.

Мехмед твердо понимал – сейчас или никогда! Учитывая распускаемые ромеями тревожные слухи о приближении мощного италийского флота и в очередной раз воскресшей армии венгерских крестоносцев под командованием «грозного белого рыцаря» Яноша Хуняди, а также неимоверную усталость и упадок боевого духа все более отчаявшейся османской армии, понесшей за семь недель чудовищные потери, медлить было нельзя. Упование на Рай для благословенных мучеников – погибших со славой воинов веры слабо утешало выживших в жуткой бойне, тем более, что большинство завербованных воинов было обращено в ислам насильно, а подневольные христиане тайком сочувствовали своим братьям по вере.

Ко всему прочему заставлял торопиться и чисто экологический фактор – столь громадная армия интервентов не могла долго вести осаду по простой причине того, что за шестьдесят дней должна была избавиться от почти пяти миллионов литров мочи людей и животных и четырех тысяч тонн чистого веса биологических отходов. Поэтому даже образцово работавшие лагерные санитарные службы турок подошли к пределу, за которым с приближающимся летом маячил призрак вспышки эпидемии, губившей в таких случаях самые сильные армии мира. После стольких усилий невзятие Константинополя стало бы немыслимой по масштабам неудачей, фатальной для репутации молодого султана, который, чтобы разжечь боевой пыл своей армии, поклялся Аллахом, что позволит победоносным воинам присвоить в захваченном городе все кроме построек – «мужчин и женщин, сокровища и имущество».

Пушки продолжали истреблять людей самым ужасным образом. Они разрывали тела на части, превращая их в кашу, и безостановочно долбили стены, которые во многих местах разрушились до основания. Ров, заваленный смердящими трупами и обломками, представлял жуткое зрелище. Самое главное, он был почти полностью засыпан и больше не являлся препятствием. Фатальный финальный штурм мог последовать в любой момент. Тем не менее и теперь Константин XI отказался от благоразумных советов покинуть Город, чтобы в изгнании, в Морее возглавить византийское правительство и оттуда пытаться искать сил нанести ответный удар. В понедельник, 28 мая василевс провел последний военный совет, умолял командиров объединиться, жертвовать своей жизнью, держаться с помощью Божией, помнить о своей чести, о стране, ее прославленной истории и святынях, беззащитных женщинах и детях, просил своих латников о прощении. Он заверил в своей любви италийцев, оставшихся защищать город, и заявил, что вместе с ромеями они теперь стали единым народом, братьями. Былые ссоры, разногласия и личные обиды перед лицом смерти, в момент наивысшей опасности казались наносными, ничего не значившими.

Все трудились из последних сил, даже женщины и дети, монашки, надрываясь, изнемогая, таскали на стены камни, чтобы бросать их во врагов. С невиданным религиозным рвением из домов и церквей выносили самые чтимые иконы и святые реликвии, чтобы со стихийно образовавшейся процессией обнести их вдоль оборонительных стен и особенно помолиться в тех местах, где ожидалось наиболее сокрушительное действие турецкой артиллерии.

Вечером того же дня в великом храме Св. Софии, пустовавшем до этого пять месяцев, примирившиеся в страшный час священники, все вместе, и латины, и православные, в первый и последний раз в византийской истории провели

впечатляющий торжественный совместный молебен, истинную экуменическую службу, а василевс и другие присутствующие, мужчины, женщины, дети надели лучшие одежды и Причастились. Предчувствие неслыханной опасности нависло как грозовая туча и наконец заставило в эти последние часы последней Литургии Византии забыть о всех разногласиях. Многие из тех, кто раньше сопротивлялся унии, теперь были готовы пойти на компромисс.

В погрузившемся в темноту величественном соборе, где после службы погасили почти все свечи, одиннадцатый Константин молился в одиночестве Богородице, чтобы она забрала его венец на небо, ибо Бог оставил Константинополь. Многие плакали, прощались с домочадцами, близкими и, готовясь к смерти, вместе со своим царем, отправившимся объезжать позиции, занимали места на крепостных укреплениях. В погрузившемся во тьму взволнованном османском лагере, притихшем, задумавшемся, углубленном в себя после неумолчных ритмичных выкриков и адского грохота последнего обстрела города, тоже совершали ритуальные омовения и возносили молитвы о долгожданной победе в священной войне, столь важной для воплощения давней мечты народов ислама и для будущего самих турок.

Решающий штурм

Во вторник, 29 мая 1453 г., как всегда ночью, в первые полтора часа после полуночи, несмотря на льющий во тьме сильный дождь, лавина турецких войск подступила к ключевым местам стен города, двигая вперед снаряжения для штурма, а корабли заняли позиции на море. По сигналу султана со страшным боевым кличем, под возобновившиеся пушечную канонаду, жуткий гром барабанов и рев труб османы пошли на отчаянный приступ. Для многих христиан и воинов веры – гази он стал последним.

Сперва перевес был на стороне ромеев. Их вдохновляло держаться известие, полученное через осведомителей, шпионов, что, если защитники Константинополя выдержат атаку, султан снимет осаду. Но подорванные, измотанные последние силы быстро шли на убыль. Город защищало не более четырех тысяч уцелевших воинов, причем были башни со стороны моря, где осталось по одному опытному лучнику, арбалетчику или артиллеристу, которым были приданы отряды необученных горожан и монахов. Даже последний резерв сократился до трехсот человек. Заменить, пополнить обороняющиеся войска было нечем, оставалось только перегруппировывать силы в ходе самого боя. На самом угрожаемом участке Месотихиона между воротами Св. Романа и Харисийскими (они же Адрианопольские, или ворота Эдирне), где взамен разрушенной внешней крепостной стены защитники возвели высокую баррикаду, вместе с василевсом вновь появился раненый Джустиниани, чтобы командовать собранными здесь хорошо вооруженными четырьмя сотнями италийцев и большей частью византийских войск – всего около двух тысяч человек – крохотными силами по сравнению с многотысячной штурмовой армией осман, вдохновленной мечтами о мученичестве и золоте.

Бешеный натиск турок вселял ужас. Казалось, врагами движет нечеловеческая сила. Завоеватели с яростью лезли наверх, и тысячи глоток ревели, и визжали, и горланили там, сливая свои голоса в единый страшный рев беснующегося исполинского зверя. В первый вал атаки были брошены азабы-башибузуки в красных шапках – иррегулярная легкая пехота, состоявшая из необученного

сброда, снабженного осадными лестницами и вооруженного лишь ятаганами, луками, пращами, дротиками и копьями. Через пару часов, истощенные, они, как и ожидалось, были отброшены с громадными потерями. Но взамен их, едва стало светать, к четырем часам утра Мехмед двинул свои лучшие, искусные, превосходно подготовленные и исключительно дисциплинированные свежие части – сначала плотные массы тяжелых панцирных отрядов анатолийских турок, а затем третий, наиболее эффективный вал атаки – дворцовые полки, включая вышколенных, элитных, кадровых янычар. Султан лично довел до рва, заваленного новыми трупами, их безукоризненно четко марширующую под громкие звуки военной музыки, стройную пятитысячную колонну под янычарским желто-красным знаменем с изображением двуручного меча первого праведного халифа Али. Он понимал, что этим утром настал решающий момент в его судьбе и измотанным, смертельно усталым, но героически сражавшимся защитникам столицы нельзя дать ни мгновения передышки, чтобы прийти в себя от утомления. Поэтому, не обращая внимание на потери, метавшийся повсюду Мехмед бросал в пекло боя все новые и новые волны атакующих, решив на сей раз полностью исчерпать фактор численного преимущества. Было ясно, что в противном случае – еще пару часов и штурм захлебнется.

В ходе ожесточенных рукопашных схваток баррикада на центральном участке обороны в долине Ликоса дважды переходила из рук в руки. Обороняющиеся, закрыв калитки и ворота позади себя, в основной стене, отважно стояли здесь на смерть, зная, что им некуда отступать. Боевой дух турок, тоже несших колоссальные потери, упал настолько, что, по словам Георгия Сфрандзи, «чауши и дворцовые равдухи (солдаты полицейских подразделений, игравших роль заградотрядов) стали бить их железными палками и плетью, чтобы те не показывали спину врагу», а Дука подтверждает это, указывая, что сам султан, «...стоя позади войска с железной палкой, гнал своих воинов к стенам, где льстя словами, где угрожая».

Именно в этот кульминационный, переломный момент боя, когда защитники Города почувствовали, что натиск османской тяжелой пехоты и янычар стал немного слабеть, то ли свинцовой пулей, то ли стрелой, то ли случайным ударом кого-то из своих был вновь ранен Джустиниани, главный из командиров василевса, на которого все смотрели как на последнюю надежду. Так неожиданно случилось в этот майский день, полный неизбежности. Измученный, не в силах больше держаться на ногах, чувствуя приближение смерти, он, несмотря на мольбы Константина вернуться на свой пост, велел отнести себя на свою галеру в гавани Золотой Рог, для чего пришлось открыть одну из вылазных калиток в основной стене. На какой-то момент управление боем оказалось потеряно, генуэзцы, оставшись без своего предводителя, больше не ободрявшего их, растерялись, некоторые стали покидать свои места. Паника усилилась, когда дошел слух, что османы проникли в одну из башен внутренней, последней оборонительной стены через случайно оставленную не запертой калитку Керкопорта у северного конца Феодосиевых стен, рядом с Влахернами, и над этой башней вместо белого флага с генуэзским красным крестом и ярко-желтого ромейского знамени с черными орлами развевается зеленый мусульманский стяг.

Почувствовав слабость защитников, османы, усилив натиск, с диким, яростным криком «Аллах акбар!» – «Велик Аллах!» прорвались на центральном участке внутренней стены и, преодолев ее, открыли ворота Св. Романа и Хари-

сия. Часть врагов тогда же ворвалась в город через обрушенные участки стен на юге, у Золотых ворот. Оборона Города внезапно рухнула сразу в нескольких местах менее чем через пять часов после начала штурма.

Между тем сражение не затихало, а, казалось, разгоралось с новой силой под встающим солнцем, светившим в этот день, «как волк глазами». Словно бурная река в половодье, озверелые османы, преодалев наконец стены и башни, ворвались на улицы Константинополя, безжалостно рубя всех подряд. Они заполняли все закоулки, все дворы, вваливались в дома, насилюя, душа, убивая, заграбастывая все, что приглянется. В водовороте боя канул с мечом в руке и последний василевс ромев.

Царь Константин XI предпочел позору капитуляции и плена почетную, славную смерть в бою с врагом. С горсткой храбрецов, в числе которых был его кузен, Феофил Палеолог, кастильский дон Франсиско де Толедо и верный товарищ по битвам Иоанн Далмата, он с мужественной решимостью бросился в гуцу битвы у ворот башни Романа. Большие живым его не видел никто. Столько вынесший благородный василевс героически погиб в 49 лет как простой солдат, разделив участь своего города и своего народа, не прося пощады и не опозорив имя последнего царя ромеев трусостью. По легенде, после боя изрубленный, обезображенный труп Константина XI сербы-янычары обнаружили среди груды мертвецов и опознали только по шелковым чулкам с вышивкой в виде орлов и пурпурным сандалиям. Отрезанная и насаженная на кол голова царя была выставлена на Ипподроме, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что последний василевс ромеев мертв, а тело похоронили, скорее всего, тайно, в общей могиле, из опасения, чтобы она не стала местом паломничества византийцев. Рассказы о его погребении с царскими почестями на одной из городских площадей больше похожи на миф, как и сразу же распространившиеся слухи о спасении, о том, что тело василевса ромеев не нашли. Последний Константин растворился в небытии, а его голову, набитую соломой, еще долго, с тщательно разработанной церемонией, возили на показ ко дворам правителей мусульманских государств как зримый символ состоявшегося пророчества. С того же дня, каждый год, 29 мая, когда турки празднуют взятие Константинополя, устраивая представление у ворот Эдирне, Константин поминается во всех церквах Греции и Крита, хотя с точки зрения православных он и умер еретиком, поскольку поддержал унию

До вечера длились всеобщая резня, жуткий погром и разграбление древней христианской столицы, ее домов, дворцов и церквей. Некоторые горожане еще пытались сопротивляться, швыряя в турок тяжести, камни и черепицу с крыш домов, кидая огонь. Другие пытались прятаться в подвалах, цистернах, или бросались в колодцы, особенно женщины, молодые девушки, не желавшие попасть в руки турок. Повсюду не смолкали вопли и крики убиваемых, насилюемых, пытаемых, разлучаемых, уводимых в неволю. В запертой Св. Софии священники продолжали вести службу заутрени до той минуты, пока ворвавшиеся османы под вопли ужаса укрывавшихся в храме начали грабить и опустошать его. Здесь разыгрались самые жуткие сцены. Иконы выдирали из окладов, рубили на части, топтали Святые Дары, пытались крушить даже мраморные полы, выбрасывали мощи из разграбленных, оскверненных могил святых. Облачение Патриарха, глумясь, обмотали вокруг собачьих ног, а перевернутые алтари превратили

в кормушки для лошадей, мулов или, того хуже, в постели, где насиловали захваченных женщин и детей.

Части византийских вельмож, италийцев и активно участвовавшему в обороне кардиналу Исидору Киевскому, переодевшемуся моряком, удалось спастись на оставшихся немногочисленных генуэзских и венецианских судах, воспользовавшись тем, что турецкие моряки, горя желанием присоединиться к грабежу, бросили свои корабли. Кое-кто из уцелевших, отчаявшись, бросался в море вплавь, другие пытались добраться до генуэзской колонии Галаты. Принц Орхан тоже пытался бежать, но был то ли убит, то ли покончил с собой, бросившись со стены. Критским морякам, отважно отбивавшимся на башнях у Золотого Рога, султан, ценя их доблесть, сам разрешил уплыть, но бальи венецианской колонии, его сына и консула каталонцев с несколькими сподвижниками, игравших важную роль в обороне города, приказал казнить. Прочие остатки «интернационального» ромейского войска были перебиты, пятнадцать уцелевших судов, принадлежавших василевсу, Генуе и Анконе, захвачены, многие жители Константинополя, прежде всего, ненужные завоевателям дряхлые старики, зарезаны, новорожденные младенцы выброшены на заваленные трупами улицы, по которым текли потоки крови.

Отдавая на три дня древнюю христианскую столицу на разграбление своим воинам, султан, по словам истрика Дуки, заявил, что «...не ищет себе никакой другой добычи, кроме зданий и стен города» – «другое же всякое сокровище и пленные пусть будут вашей добычей». Жаждавшие этой добычи османы, в том числе и христиане из нерегулярных войск, как писал Михаил Критовул, творили «мириады ужасных дел» – «грабили, разрушали, расхищали, убивали, оскорбляли, хватали и обращали в рабство мужчин, женщин и детей, старых и молодых, священников и монахов, людей всякого возраста и звания», сносили горы награбленного в веселившийся лагерь и на корабли, вместо попон набрасывали на лошадей ризы священников. Деревянные иконы, не представлявшие в глазах турок ценности, рубили на куски и сжигали в кострах, на которых завоеватели варили себе похлебку. Книги тоже жгли, разрывали, втоптывали в грязь или в лучшем случае продавали их десятками за бесценок, грузили на повозки и вывозили из города в колоссальном количестве.

Сумма трофеев с неимоверно ограбленного Константинополя, по оценкам одного из современников-италийцев, достигала баснословной для той эпохи цифры – четыре миллиона дукатов! Подавляющее большинство уцелевших греков, пленников – примерно тридцать тысяч человек, включая наиболее ценных молодых женщин, красивых детей, были уведены на невольничьи рынки Эдирне, Бурсы и Анкары, как сказал армянский поэт, – «рассыпались по всему миру словно пыль». Кое кому удалось выкупить свободу себе и своим близким, кое кто поспешил перейти в ислам. Лишь несколько изолированных городских кварталов-поселков, такие как Студион на берегу Мраморного моря, Петрион, Псамафия и Фанар у Золотого Рога сохранились нетронутыми, возможно, потому, что их антиуниатски и исихастски настроенное население особенно ревностно склонялось к тукофилству, не принимало участия в обороне города и добровольно сдалось на милость победителя.

Согласно османскому историку, в тот же день, когда затих яростный порыв вторжения, победитель христиан, 21-летний Мехмед II Фатих

*верхом на муле, в небесно-голубых туфлях и с мечом Пророка в руке въехал в Харисийские ворота Города и по разрушенным, превращенным в руины, выжженным улицам медленно подъехал к храму Св. Софии. Пораженный его красотой и величием, султан спешил и, поклонившись до земли, осыпал свой тюрбан горстью пыли в знак смирения перед Аллахом, даровавшим ему победу. Он повелел превратить огромное опустошенное здание в мечеть, которая до сих пор украшает древний город. По ее углам высятся видные изда- лека четыре стройные башни – мусульманские **минареты**, которые, будто стражи, охраняют великую пленницу, ныне превращенную в музей.*

Вступление Мехмеда в «Град Константина» под зелеными и красными зна- менами ознаменовало собой финал долгой агонии – полное крушение Византий- ской империи и рождение другой – Османской. Отныне и надолго гордый и ве- личественный Неа Роми – Новый Рим стал столицей турецкого государства, со временем получив название – Стамбул (по-турецки – Истанбул)¹. С разрешения Мехмеда пост Патриарха Константинополя был сохранен, но при этом османы решили опереться на антиуниатов и не случайно поставили Патриархом захва- ченного в плен Геннадия Схолария, наиболее яркого противника латинов и унии с ними, в свое время упрямо подстрекавшего ромеев к неповиновению своему императору. К слову, Флорентийская уния продолжала существовать. Греческая Церковь официально отреклась от нее только в 1484 г., но решения Флорентий- ского собора действительны до сих пор.

В начале августа 1453 г., сломленный раной и позором, умер на Хиосе достав- ленный туда Джустиниани, которого почти все обвиняли в случившемся пораже- нии. И почти одновременно в Эдирне по приказу султана был повешен старый визирь Халил-паша, последовательно выступавший против политики войны. Верх во внутривосточной борьбе среди приближенных Мехмеда оконча- тельно одержали сторонники непримиримой, бескомпромиссной позиции.

Вместе с Ромейским царством в могилу опустились остатки греческих, ла- тинских, славянских и албанских владений на Балканах. Через три года судьбу поверженной византийской столицы разделили Афины. Знаменитый Парфенон, храм Богородицы, как и Св. София, стал мечетью, а со временем и пороховым складом. В 1460 г. пало то, что оставалось от Мореи, где окончательно рассу- рились вздорные братья погибшего императора, один из которых, Фома, бежал в Италию, забрав с собой сына и дочь, а другой, антиуниат Димитрий, отправил- ся ко двору султана.

Год спустя после коротких переговоров османского визиря с главой местных туркофилов, **Георгием Амирутци**, без боя был сдан южночерноморский Тра- пезунд. Все семейство Великих Комнинов было вывезено в Константинополь и в 1463 г. их глава, Давид, казнен. Атмосфера неминуемой гибели нависла над христианской Таврикой, которую стали покидать жители задолго до непосред-

¹ Название Истанбул или Стамбул (так город называется с 1930 г.) произошло, видимо, от искаженного греческого «ис тин полин» – «к городу, в город». Так ромеи, называвшие Константи- нополь просто Полисом – Городом, отвечали на вопросы о дороге к столице Империи. Словосоче- тание «эстин-болин» как самоназвание Константинополя было усвоено в арабском, а затем в ту- рецком языке и через пять веков превратилось в официальное турецкое название города – Стамбул. Впрочем, есть версия, что уже Мехмед II дал Городу новое имя – Исламбул, означавшее «испол- ненный ислама» – игра слов по отношению к его турецкому названию.

ственного приближения турецкой флотилии к берегам Крыма. В 1475 г. после шестимесячной осады, по ожесточенности и небывало массированному использованию артиллерии равной константинопольской, оказался уничтожен последний осколок Ромейского царства на территории юго-западного Крыма, христианское греческое государство – деспотат **Феодоро** с одноименным главным городом-крепостью на горном Мангупе, а его знать, имевшая родство с Палеологами и Великими Комнинами, почти вся вырезана. На следующий год настал черед Эпира в Греции, одного из последних обломков трагического крушения.

Уже до этого в Азии османы завоевали Месопотамию, Армению и западную часть Грузии. Они захватили Сирию, Палестину и Аравию с древним городом Меккой. Султан – завоеватель, снискавший огромный авторитет своим неумным стремлением стать Александром Македонским своего века, был провозглашен халифом – духовным главой всех мусульман. «На земле должна воцариться только одна держава, одна вера и одна власть» – утверждал он, невольно вторя не сбывшейся мечте василевсов ромеев. В результате завоеваний турок произошел решающий перелом в историческом развитии и действительно образовалась обширная Османская империя, которая раскинулась от Евфрата до Адриатического моря, будто кольцами гигантской змеи, обвив все земли поверженной древней Византии.

Уроки гибели

Ромейская империя, просуществовав более тысячи лет, исчезла раз и навсегда. На то были внутренние и внешние, объективные и субъективные причины, несколько столетий все туже сплетавшиеся в узел смертоносной петли, которая в конечном итоге задушила великана.

Александр Солженицын философски заметил: «Человек никогда не постигает сразу смысла происшедшего с ним. Но когда изменения эти к успеху, к победе, – мы все же разбираемся в них быстрее. Трудней различить, что жизнь от вершинного плоскогорья сломалась книзу, и это непоправимо, и хотя бы еще тридцать лет суждено ей тянуться, а только уже к низу и к низу». Так и Ромейское царство постепенно все ближе и ближе подходило к роковому краю, поздно по настоящему осознав, что неотвратимо движется к нему. Эта наблюдение удивительно перекликается с высказанными столетием раньше мыслями профессора Московской Духовной академии Алексея Петровича Лебедева (1845–1908 гг.): «Все показывает, что Константинополь пал в действительности не от руки мусульман-турок, а оттого, что в нем почти все было мертво, безжизненно. Явились вороны, потому что Византия представляла собой труп. Византия пала потому же, почему и человек в возрасте 70–80 лет умирает, истощившись умственно и физически». Откуда же взялась эта мертвенность при жизни, что и когда привело ромеев к ней?

За несколько месяцев до последней, роковой осады Константинополь посетил венецианец-врач Николо Барбаро, который оставил в своем подробном дневнике мнение о главных причинах упадка некогда великой Империи, – причинах, которые вызрели, разумеется, задолго до трагического конца. Он отметил крайне иерархизированный, разветвленный и, главное, безынициативный, раздутый, не по средствам чиновный аппарат, жесткое разделение общества на богатых и бедных при явном превалировании последних, судебную тяготину и невозможность добиться справедливости в погрязших во взятках судах, невнимание к укреплению собственной армии и флота, наконец, пренебрежение столицы ну-

ждами провинции, которая все отдавала этой столице, кормила ее. Весьма поучающие наблюдения современника агонии, в которых крылся ответ на вопрос, что погубило Ромейское царство. Впрочем, ответ этот был неполным.

Чтобы конкретизировать и расширить его, прежде всего, следует заметить, что византийское государство изначально держалось на двух основах – деньгах и отлаженной, централизованной административной системе. Пока и то, и другое было в исправности, Империя ромеев была непобедима. Ее властная элита разработала и использовала более гибкие стратегию управления государством и комплексные нормы поведения, нежели те, которые применялись на латинском Западе. Для того, чтобы выжить, Ромейское царство долгое время, не раз пыталось производить полную «перекалибровку» властных структур, совершенствовало, углубляло тактику дипломатических и политических интриг, своевременно заключая и разрывая политические и военные союзы, меняло налоговую систему, способ формирования армии, даже сами понятия чиновничества и знати, принципы наследования трона. Однако феодальные усобицы, рост мощи не столько чиновничества как такового, сколько все более неуправляемой, безнаказанной, предательской, всевластной олигархической аристократии, знати «заслуженных», нараставший упадок экономики страны, военного дела, потеря защиты, дипломатические тупики, развал финансовой и управленческой системы, религиозные распри, отказ от своих идеалов при цеплянии за отжившие идеи, убогость подданных, голод и частые вспышки чумы окончательно подорвали жизненные силы Ромейского царства, стратегию его управления, не позволили приспособиться к новым обстоятельствам и пережить еще одного чуда обновления, подобного прежним, какие еще наблюдались до XIII в.

При монархической самодержавной системе благополучие державы во многом зависит от личности правителя. Он же подбирает и свое окружение, строя его всегда по критерию личной преданности. Так было всегда и везде. Но примеры Ромейского царства убедительно показывают, что самые неблагоприятные времена наступали тогда, когда царская власть окружала себя преданной посредственностью, боясь конкуренции умных и сильных, либо, что еще хуже, оказывалась ослаблена междоусобной борьбой или регентством. Схватки же сторонников Иоанна V Палеолога и Иоанна VI Кантакузина ввергли страну в гражданскую войну, в которой, как сверхубедительно показывает история, никогда не бывает победителей, и лишили последних надежд. В условиях этой, по сути дела, так и не прекратившейся войны, измученное, разочаровавшееся в своих правителях население перестало поддерживать власти, ибо они разоряли страну не хуже врагов и легко сдавались на милость завоевателей.

Византия всегда терпела исторические поражения, когда ромеи сами изменяли своим принципам – верности Богу, Его вечным законам, традиции, опоре на свои силы. В этом кроется конфликт византийского и европейского мировоззрений. Для ромеев государство было высшей личной ценностью народа, идеалом же людей средневекового Запада был индивидуализм, частный произвол. Таким образом, византийцы теряли свои силы и обрекали себя на духовный регресс и поражение, когда примеряли на себя западные образцы, которые ментально подходили только европейцам того времени. В то же время, пытаясь сохранить свои принципы, они не пожелали и не сумели включить ряд постановлений новой идеологии, в частности, такое ее направление, как латинофильство, прояв-

лявшееся в попытках унии с Западом, в систему традиционных представлений и в систему своего мирозерцания. Они сопротивлялись этому всеми фибрами своей души и в ослеплении традициями не хотели видеть даже слабый спасительный свет нового. Уповая на Божью помощь, они не учли, что Бог им ничего не должен. Искренние компромиссы оказались выше их сил, а соблазн пойти на уступки и вместе с тем упрямый отказ от них только усугублял положение.

Если разобраться, то выяснится парадоксальное: ромеи и жители Европы мало знали друг о друге, но были настроены друг к другу, мягко говоря, недружелюбно. Церковный раскол, ставший постепенно осознаться современниками со второй половины XI в., ширился от столетия к столетию и вел ко все большему непониманию и глубокому озлоблению. Все большее подчеркивание национального противостояния «греков» и «латинов» увеличивало пропасть, копило в обществе злобу. Примирение с католическим Западом, безусловно, могло бы помочь Рومейскому царству оправиться и получить реальную помощь. Здесь крылся реальный шанс, который при искреннем желании, умелом подходе и отказе от некоторых устаревших, не главных принципов и идей можно было бы использовать на благо ромеям. Но разграбление Константинополя западными «пилигримами» в 1204 г. способствовало новому росту антилатинских настроений, не желанию сотрудничать с Западом ни по каким вопросам, что не мешало некоторым византийским олигархам размещать там свои богатства. Да и сам Запад, все более набиравший экономическую и военную мощь, втайне лелеял собственные планы и, по сути дела, безучастно взирал на несчастья обескровленного христианского Востока. Обеспокоенность выражалась главным образом на словах. Его морские города-республики, ослепленные корыстными торговыми интересами, не осознавали, что Рومейское царство является единственным бастионом, который защищает их от агрессии со стороны мусульман.

К XIV в. на Западе все активнее критиковали развращенность византийского духовенства и объясняли ею все большие и большие успехи ислама. Данте Алигьери в своей четвертой песне прославленной в Италии эпической «Комедии» поместил легендарного рыцарственного султана сельчуков Саладина в Лимбе – светлом убежище первого круга Ада, особом месте для добродетельных нехристиан, царей, философов, ученых и, главное, полагал, что этот султан, знаменитый победами над крестоносцами, мог бы принять спасительное Крещение, если бы его не оттолкнула своей непривлекательностью Греческая Церковь. Конечно, западных ученых и интеллектуалов эпохи Возрождения, итальянского Ренессанса, интересовала классическая древность, но не то общество, которое ее сберегло. Его исчезновения они эгоистично не расценили бы как потерю, ибо не ставили равенства между античной мудростью и все более слабеющей Византией. Ее образ закрепился в европейской культуре как восточный, экзотический, чуждый европейским идеалам.

Далее, важно понять, что обострение конфликта между Константинопольским патриархатом и проуниатским императорским двором привело к ослаблению поддержки государства со стороны Церкви. Не случайно распространение получила идея двух властей. Призывы к неповиновению императору были подкреплены исихастскими лозунгами, призывавшими прежде всего спасти душу и отказываться от материальных благ, которых и так становилось все меньше в поневоле аскетичной жизни.

Бесперспективные при таком настрое попытки унии с католиками внутренне расшатывали общество, не давая взамен существенной военной и иной помощи. Заключение в 1439 г. очередной унии Церквей и ее возобновление в 1452 г. еще больше потрясло ромеев, их дух был окончательно сломлен. Многие византийцы считали плачевное положение, в которое попало Ромейское царство, не просто карой, а именно справедливой карой за недопустимые уступки еретикам, за унию с ними. Предательство православной христианской веры уже до этого стало причиной тотального неверия византийцев, увлечения оккультизмом, процесса депопуляции и кризиса семей, повального алкоголизма, сплошного цинизма и склок. В результате Византия принялась еще быстрее терять свой и без того оскудевший духовный ресурс, что стало одной из фундаментальных причин ее приближающейся окончательной гибели.

Нельзя сказать, что поздняя Византия стала совершенно небоеспособной. Ромейские власти все же располагали профессиональными военными силами, главным образом, наемными, но армия и флот, лишенные финансирования, все более сокращались, а артиллерии было явно недостаточно, чтобы сравниться с иными «пороховыми империями» средневековья, год от года наращивавшими мощь. Перестройки армии, попытки заменить продажных наемников народной регулярной армией, несмотря на то, что такое предлагали провести в XIV-XV вв. некоторые византийские интеллектуалы, к примеру, советник императора Иоанна VIII Палеолога, знаменитый мыслитель, философ *Георгий Гемист Плифон*, так и не случились. Для этого у последних василевсов не хватило ни сил, ни воли, ни толковых помощников.

К негативным явлениям следует отнести чрезмерную децентрализацию власти и ее растущее бессилие. Этот симптом вылился в формирование системы коллективного управления страной и укрепление позиций двучинной олигархической аристократии, феодальной знати из династов и династов при Палеологах. Отсюда рост независимого крупного землевладения, уход его от уплаты налогов, передача проний по наследству, вне зависимости от службы. Византийская элита становилась все более разобщенной, усилились ее центробежные настроения, двойственность позиций, стремление сохранить свои богатства даже ценой предательства интересов отчизны, что способствовало еще большему ослаблению идущей к гибели Империи ромеев и, по сути, означало гораздо большее – кризис византийской цивилизации.

Все, что было собрано в свое время рачительными никейцами, было быстро растрчено на Константинополь – священный Город и на тяжелейшие европейские войны, вести которые, как считали василевсы, обязывало особое положение в Европе. И это при росте непомерных внешних расходов державы на уплату дани внешним врагам. Никифор Григора образно и вместе с тем предельно точно отметил по этому поводу, что Ромейское царство напоминало ему «...человека, который, дабы задобрить волков, во многих местах своего тела вскрывал жилы, чтобы удовлетворить хищность этих зверей, напоив их собственной кровью». Олигархи же, пользуясь безкарностью, отказывались делиться с государством своими доходами, что прикрывалось ссылками на тяжелое положение, разорение в результате войн.

Золотая византийская монета с эпохи Комнинов все более обесценивалась и утратила авторитет за пределами Ромейского царства. Это вело к росту цен,

углублению экономического кризиса, нищете. Если в период раннего средневековья доходы византийского государства составляли не менее семи – восьми миллионов солидов, то есть около 35 тонн золота, а ко второй четверти XI в. по меньшей мере удвоились, то уже при Андронике II Палеологе (1282–1328 гг.) они едва достигали миллиона, причем наполовину обесцененных золотых – иперпиров, то есть всего двух тонн золота.

Однако глубочайшая беда Византии, да и не только ее, а всех обществ идущих по скользкому пути «цивилизации», состояла не в этом финансовом и военном упадке, обеднении и отказе от краугольных традиций прошлого, а в том, что власть, элита страны все более жестко отделялись от народа, отказывались от подлинного обновления, реформирования, реальных преобразований или хотя бы искренних попыток их провести, и, что очень симптоматично, с конца XIII в. перестали издавать правовые нормы, направленные на создание новых структур. Тяжелое экономическое положение, потери территорий, ресурсов и богатств, политический и еще хуже – идеологический, духовный кризис, падение воинского и гражданского духа находили объяснение у современников в испорченности нравов. Служить означало не больше чем прислуживаться. Гражданский подвиг не стал обязанностью. Бывший член царского совета, критский монах *Иосиф Вриенний* записал по этому поводу: «Поскольку ныне добродетель изгоняется и превозносится стремление к пороку, в угоду этому дружба отвергается, взамен же вползает изобилие клеветы. Поскольку каждый брат топчет ноги своего брата, и каждый друг следует дорогой коварства. Поскольку нет ни сострадания, ни сочувствия, растет ненависть и властвует цинизм. Поскольку архонты наши несправедливы, искусные в делах алчны, судьи продажны, посредники лживы, горожане – насмешники, поселяне неразумны, все вместе взятые, мерзки». Общественный долг, патриотизм действительно превращались в пустой звук, вера уходила из сердец, а понятие самопожертвования на благо родины вызывало смех. И когда всем стало все равно, что будет со страной, она окончательно пала.

Впрочем, обязательно надо учесть, что этому способствовала в первую очередь крайне неблагоприятно складывавшаяся в последние три столетия международная обстановка. Следует подчеркнуть, что именно она сыграла определяющую роль в прекращении существования в целом все же жизнестойкого, с большим интеллектуальным запасом, способного к перестройке государства. С Востока на ромеев уже с XI в. неумолимо давили сначала сельчуки, а затем турки-османы, темп нашествий которых все более нарастал и которым провидением было предначертано стать могильщиками древней Империи, оказавшейся в упадке. Ромейскому царству в отдельные годы приходилось вести изнурительную борьбу на несколько фронтов. Уже к середине XIV в. военные разрушения приняли катастрофический характер, некогда цветущие византийские сельскохозяйственные угодья превращались в пустыню, их население гибло или выселялось. Вражеские нашествия становились сквозными, через всю оставшуюся территорию съезжившейся Империи, а затем началось неотвратимое, планомерное завоевание оставшегося – европейских владений ромеев. На ромейской земле установился режим военных оккупантов, заселявших ее своими колонистами. Несомненно, именно наступление кочевого мира с Востока перемололо ромейскую цивилизацию.

В силу различных причин Византии не удалось получить существенной помощи от православных государств – Руси, Армении и Грузии. Болгарские цари

и сербские короли стремились соперничать с ней, грабить ее, но в то же время сами находились в постоянном губительном противостоянии. Преследуя свои геополитические цели, они долгое время не проявляли должного внимания к проникновению и закреплению турок на бывших византийских землях, более того, не единожды неразумно обращались за помощью к османам, пока сами не стали их добычей. Внесли свою пагубную лепту и набеги на Балканы зловещих кочевников-монголов, которые иногда совпадали с изматывающими болгаро-византийскими войнами. Вообще, постоянные столкновения греков со славянскими державами Балканского полуострова все более ослабляли обе стороны перед лицом губительной опасности.

Следует учесть и угрозу со стороны монгольской Золотой Орды с севера и монгольского же государства персидских Ильханов с востока.

Политические амбиции, острые противоречия ослабляли позицию и католических западных государств перед лицом гораздо лучше сплоченных мусульман. Наиболее могущественный правитель на Средиземном море, король Арагона и Неаполя, сам мечтал об императорском венце и в последние годы существования Ромейского царства стремился, как некогда его норманнские, немецкие и французские предшественники, основать очередную латинскую империю в Константинополе, что в новых условиях было совершенно немыслимо. «Столетняя война» между Францией и Англией, принявшая характер затяжного международного конфликта, истощившая обе страны, завершилась лишь в год падения Константинополя и отвлекла крупнейшие христианские страны Европы от деятельного, результативного участия в ромейских делах. Слабый король Англии Генрих VI Ланкастер еще не потерял рассудок, но взаимное ожесточение в стране вело ее аристократию к другой кровавой бойне – Войне Алой и Белой Розы, что не позволяло думать о Востоке и казавшейся далекой турецкой угрозе. Германский император тоже погряз во внутренних разборках с немецкими князьями, пытавшимися всячески ограничить его власть. В итоге папство оказалось не в состоянии поднять европейцев хотя бы на один успешный Крестовый поход, справедливо пеня на неактивность этих самых европейских сил.

Жизненно заинтересованные в спасении Ромейского царства, венецианцы и генуэзцы боролись за собственное коммерческое превосходство в византийских водах, вооружались привилегиями, пожалованными императором ромеев, и в то же время двулично вели закулисные переговоры с султаном османов, шпионили в его пользу, делились военными секретами, стремясь обеспечить свои торговые интересы любой ценой. Уже к началу XIV в. соперничающие между собой генуэзцы и венецианцы произвели неофициальное и негласное разделение сфер влияния и контроля. Но генуэзцы и далее оставались разобщены, расколоты на группировки, а венецианцы воевали с агрессивным герцогом Миланским, слабо представляли военные возможности не по годам решительного султана Мехмеда II, количество его ресурсов, судов, артиллерии и тянули с флотской помощью даже в то время, когда османы во имя Аллаха и невиданной добычи яростно шли на последний штурм обреченной столицы ромеев. Став к тому времени изолированным анклавом, она сама сделала собственное падение совершенно неизбежным. Даже если бы весной 1453 г. благодаря случаю и удаче ромеям удалось выстоять, это только отсрочило бы следующий губительный штурм.

Короче говоря, последние два столетия ослабленной внутренне Византии почти без помощи приходилось противостоять противникам на трех фронтах, и эти враги зачастую были очень сильны и многочисленны. Поэтому надо еще раз особо подчеркнуть, что при всех внутренних неурядицах, включая двуличность византийской олигархии, слабое окружение трона, всевластие чиновной знати, взяточничество, коррупцию, экономический упадок и духовный конфликт, все же именно внешний фактор оказался решающим для горькой судьбы Ромейского царства.

Ромеи из творцов истории превратились в заложников обстоятельств и были раздавлены огромной тяжестью отдаленных первопричин, корни которых, будто гибельные сорняки, уходили в темную глубь веков и удушливым пышным цветом особенно разрослись с середины XIV в. Как следствие, в 1453–1461 гг. под ударами турок–османов остатки бывлой мировой державы – Византийской империи прекратили свое существование.

После падения Ромейского царства мир стал беднее, однако почти не осознал этого, хотя сама великая трагедия, происшедшая в конце мая 1453 г. на берегах Босфора, произвела не меньшее впечатление, чем в свое время падение Древнего Рима. Через месяц ужасная новость о гибели Константинополя постепенно облетала все государства и народы Европы, никого не оставив безучастным. У меньшинства она вызвала злорадство и завистливый смех, у большинства – печаль или гнев, понимание того, что это бесчестие для латинов и христианской веры. Как бы то ни было, скоро все европейцы в той или иной степени ощутили, что значила для них Византия, о границы которой, как о щит, разбилось немало армий самых страшных завоевателей. Теперь государства Балкан и западной Европы лишились своего прикрытия, столь важного для их развития в течении многих веков, получили предельно опасного, мощного и жестокого врага, с которым им приходилось сражаться на суше и на море. Разумеется, итальянцы потеряли свои привилегии на территории бывшей Ромейской империи. Турками была немедленно разоружена Галата, снесены стены и засыпан ров, окружавшие колонию латинов в Константинополе. Чтобы гарантировать лояльность их поведения, из числа сыновей знати были взяты заложники.

Самое главное, османы, в которых жил дух джихада, сохранили пристрастие к завоеваниям христианских земель. Через десятилетие, с 1463 г. началась открытая война султана с венецианцами и уже через четырнадцать лет после этого османская конница стояла у ворот Венеции и разоряла ее окрестности. Летом 1481 г. турки высадились в Италии и с боевым кличем «Рим! Рим!» опустошили Отранто, убив архиепископа в алтаре собора и изничтожив двенадцать тысяч горожан. Лишь известие о смерти великого Мехмеда Фатиха, сраженного в 49 лет потворством собственным слабостям, подагрой, тучностью и страшными болями в желудке, возможно, от яда, заставила османов прекратить итальянскую кампанию.

В 1526 г. турки захватили отчаянно сопротивлявшуюся Венгрию, через три года впервые осадили Вену, перекрыли пути на Восток, вызвали серьезнейший кризис торговли, вынудили европейских мореплавателей искать замену Средиземноморья и Черноморья в иных морях и океанах. Это подтолкнуло к началу эры географических открытий, колоний и складывания мирового рынка. Обе стороны восприняли происходящее как борьбу за выживание. Уже через

тридцать пять лет после падения Константинополя рискованный португальский мореплаватель Бартоломеу Диаш в обход южной Африки преодолел путь до Индии, а еще через четыре года малоизвестный тогда Христофор Колумб доложил королевской чете Испании, что нашел путь через Атлантику в вождественную Азию, хотя на самом деле открыл новый гигантский, сказочно богатый материк.

Падение Константинополя прервало исконные культурные связи Ромейского царства с Европой. Вместе с тем началась сильная эмиграция на Запад, наблюдавшаяся уже и ранее, в XIV в., когда туда бежали прежде всего те, кто симпатизировал Римской Церкви. Следует учесть, что если в истории Церкви уния осталась лишь неудавшимся экспериментом, то ее след в истории культуры был куда более значителен. Она сыграла большую роль в переносе византийской, а значит, и античной культуры на Запад, куда теперь устремились новые греческие ученые и писатели, унося с собой то наследие эллинской культуры, которое столетиями сохранялось в Империи ромеев. Эти ученые, мыслители, спасавшиеся от кривых ятаганов османов в Италии и других государствах Европы, сыграли серьезную прогрессивную роль в последующем Возрождении – Ренессансе и в окончании Средних веков. Но все это, конечно, не могло идти ни в какое сравнение с тем невосполнимым ущербом, который был нанесен развитию общеевропейской культуры в результате гибели Византии. Падение ее столицы стало общим бедствием для всех христиан, с тоской и грустью оплакивавших случившееся.

Ромейское царство прошло длинный, славный и трудный исторический путь, наполненный ярчайшими событиями и трудовыми буднями. Его выживание в течение более чем тысячелетия французский византист Жан-Клод Шейнэ справедливо назвал сияющим подвигом, достойным восхищения. Она создала оригинальную и утонченную цивилизацию средневекового мира, которая могла бы еще многим обогатить человечество. Для многих народов и государств ромеи были наставниками и образцом для подражания. И не случайно, потеряв свою путеводную звезду, Православный Восток долго довольствовался ролью прилежного ученика Католического Запада, который так и не выполнил свою неоднократно провозглашаемую миссию спасителя Византии, не услышал ее голос и не усвоил ее уроки.

?

1. Попробуйте сформулировать причины, из-за которых османы настойчиво пытались овладеть Константинополем?
2. Изменились бы судьбы Ромейского царства и остального мира в случае успеха Флорентийской унии и победы Крестового похода 1444 г. над турками?
3. Как вы считаете, почему даже перед лицом роковой катастрофической опасности византийцы не захотели принять унии с католиками, а часть из них склонялась к туркофиству?
4. Как развивались события в Ромейском царстве после прихода к власти Константина XI Палеолога Драгаша? Перечислите, к кому обращался за помощью император и кто реально ее предложил и оказал?

5. Каково было соотношение сил ромеев и турок-османов перед последней осадой Константинополя в 1453 г.?
6. Подсчитайте, сколько судов выставили итальянцы и византийцы к началу осады Константинополя? Сравните их с морскими силами османов.
7. На что надеялись в 1453 г. защитники столицы и насколько обоснованы были эти надежды?
8. Вы оказались в осажденном турками Константинополе. Что бы вы могли увидеть и что поведать своим потомкам о защите христианской столицы?
9. Как вы думаете, почему современник тех событий писал, что «...пушки решили все»?
10. Каким образом турецкие корабли оказались в перекрытом заливе Золотого Рога?
11. Какие методы и способы осады использовала армия султана Мехмеда? Что было необычного в их применении?
12. Когда начался последний штурм Константинополя? Что вам наиболее запомнилось из исторических свидетельств о нем?
13. Как вы думаете, почему султан пообещал отдать своим воинам все имущество и жителей захваченного города, но не его стены и постройки?
14. Сравните разграбление Константинополя крестоносцами в 1204 г. и османами в 1453 г. Что в них было сходного и различного? О чем это говорит?
15. Можно ли было избежать падения византийской столицы весной 1453 г.? Что для этого нужно было и что бы это дало?
16. Вспомните примеры добровольной или принудительной помощи европейцев туркам во время последней осады Константинополя и дайте им оценку.
17. Выделите основные причины и основные последствия падения Ромейского царства. Что сближает их с ситуацией переворотов, которые переживали иные известные вам империи?
18. Когда были проведены наиболее удачные реформы в истории Ромейского царства?
19. Когда, по каким причинам и при каких обстоятельствах Византия свернула с пути, по какому шло развитие остальной Европы и было ли необходимо возвращение на этот путь?
20. Почему в Ромейском царстве не сложились буржуазные государственные элементы и могли ли они спасти страну?
21. Насколько предательским можно считать поведение византийских олигархов? Вспомните конкретный пример такого поведения.
22. Был ли Запад врагом Византии, и что она сделала для разрушения враждебных стереотипов в отношении себя?
23. Какова роль балканских соседей в истории Ромейского царства и в его гибели?
24. Почему Византия погибла в то время, когда западноевропейские страны находились на подъеме?
25. Когда европейцы осознали значение гибели Византии?
26. Какую роль играло Ромейское царство в средневековом мире и почему его существование можно назвать подвигом?
27. Известны ли вам империи, которые просуществовали столь же долго как Ромейское царство?
28. Какие уроки гибели Византии мы можем учитывать для современного мира?

Внимание, источник!**Из записок французского путешественника Берtrandона де ла Брокьера
об армии султана османов в 1430-е гг.**

Они не знают усталости, с готовностью рано встают и питаются скудно [...] они не придают значения тому, где им доведется спать, и часто ложаться [прямо] на землю [...] у них хорошие кони, которые едят мало, а скачут резво и на дальние расстояния [...] их повиновение старшим беспрекословно [...] когда сигнал подан, те, кто должен идти впереди, движутся очень тихо, а те, кто следует за ними, идут в столь же полном молчании [...] при этом десять тысяч турок производят меньше шума, чем сотня человек в христианском войске [...]. Должен признать, в самых разных ситуациях я убеждался – турки искренни и честны, и там, где необходимо проявить храбрость, они никогда не испытывают в ней недостатка.

**Ответное послание султана Мехмеда II (1451–1481 гг.)
василевсу Константину XI Палеологу (1449 – 1453 гг.) в августе 1452 г.
по поводу постройки турками на европейском берегу Босфора
крепости Румели Хисар**

От твоего города не отнимаю ничего. За пределами своего рва твой город (Константинополь) не имеет ничего. Если я пожелаю выстроить крепость на берегу Босфора, ты не имеешь права мешать мне. Все мне принадлежит: и крепость на азиатской стороне, заселенная турками, и земли к западу (на европейской стороне), незаселенные, так как ромеи не имеют права селиться на них. Разве вы не знаете, как во время наступления венгров на Варну¹ мой отец² затруднялся переправиться через пролив, а ваш император³ привел франкские суда в Дарданеллы, к раздражению мусульман и на потеху гяуров⁴? Тогда мой отец поклялся выстроить крепость на европейском берегу⁵, и я исполняю его замыслы. Не мешайте мне распоряжаться в моих владениях и скажите своему царю, что нынешний султан не таков, как прежние, и легко стерпит то, в чем они затруднялись. Если же еще кто явится ко мне по этому делу, с него будет содрана кожа.

**Из «Большой хроники» византийского мемуариста,
придворного василевса Константина XI, Георгия Сфрандзи (1401 – ок. 1478 гг.),
о числе войск, участвовавших в сражении за Константинополь в апреле 1453 г.**

Глава 3. [...] Еще 10 апреля, сосчитав свой флот и сухопутное – конное и пешее – войско, эмир⁶ нашел, что трирем, бирем, монорем, быстроходных кораблей и небольших судов было у него до 420 вымпелов, а войска, которое сражалось на суше, – 258 тысяч

¹ Речь идет о неудачном, закончившемся поражением под Варной Крестовом походе 1443–1444 гг., вождями которого были король Польши и Венгрии Владислав III Ягеллон (1434–1444 гг.), трансилванский воевода Янош Хуньяди и кардинал Джулиано Чезарини.

² Султан Мурад II (1421–1451 гг.).

³ Василевс Иоанн VIII Палеолог (1425–1448 гг.).

⁴ Гяуры – не верящие в Аллаха, то есть христиане.

⁵ На азиатском берегу Босфора такая крепость – Анатоли Хисар уже была выстроена в 1396 г.

⁶ Так Сфрандзи титулует султана Мехмеда II (1451–1481 гг.).

человек. Для сопротивления им мужчин внутри города такой огромной величины было 4 973, кроме иностранцев, которых едва насчитывалось 2 000.

Из «Повести о взятии Царьграда» (конец XV в.) Нестора Искандера, православного русича, очевидца и участника последней осады Константинополя

От шума стрелявших пушек и пищалей, от колокольного звона и крика дравшихся людей, от молний, вспыхивающих от оружия, от плача и рыдания городских жителей, жен и детей казалось, что небо и земля соединились и поколебались. Нельзя было слышать друг друга: вопли, плач и рыдание людей соединились с шумом битвы и колокольным звоном в единый звук, похожий на сильный гром. От множества огней и стрельбы из пушек и пищалей сгустившийся дым покрыл город и войска; люди не могли видеть друг друга; многие задыхались от порохового дыма.

**Византийский историк Дука Фокийский (ок. 1400–1470 гг.)
об осаде Константинополя весной 1453 г. Хорошо осведомленный автор
состоял на дипломатической службе у генуэзских правителей на острове Лесбосе.**

Глава 38. [...] Часто, выскакивая за ров, вступали ромей в рукопашный бой с турками, иногда отступая, иногда же захватывая пленных. Но это не приносило ромеям пользы, ибо, по правде сказать, один ромей был против двадцати турок [...]. А галатские генуэзцы еще до прихода тирана¹, находившегося еще в Адрианополе, отправили послов, возвещая искреннюю к нему дружбу и возобновляя написанные раньше договора. И он отвечал, что он – друг их и не забыл свою любовь к ним, только чтоб не оказались они помогающими городу [...]. А тиран в свою очередь думал: «Дозволю я, чтобы змея спала, до тех пор, пока поражу дракона, и тогда один легкий удар по голове, и у нее потемнеет в глазах». Так и случилось.

**Хронист Георгий Сфрандзи (1401 – ок. 1477 гг.)
о поведении императора Константина XI
в последние часы обороны Константинополя**

Итак, когда все это² увидел несчастный император, повелитель мой, то, проливая слезы, стал он призывать на помощь Бога, а воинов побуждал отважней сражаться. Но уже никакой надежды на совместные действия воинов на помощь Божию не было. Пришпорив коня, поскакал он туда, где шла густая толпа нечестивцев: как Сампсон напал он на чужеземцев и в первой же схватке прогнал нечестивцев от стен. Дивное чудо это видели все там находившиеся и смотревшие. Как лев, скрежеща зубами и держа в руке обнаженный меч, он заколол им множество неприятелей, и кровь их рекой стекала с ног и рук его.

Дука Фокийский (ок. 1400–1470 гг.) о гибели Константина XI

Гл. 39. [...] Царь же, отчаявшись, стоя и держа в руках меч и щит, сказал следующее достойное скорби слово: «Нет ли кого из христиан, чтобы снять с меня голову?». Ибо он был совершенно покинут всеми. Тогда один из турок, дав ему удар по лицу, ранил его, но

¹ Султана Мехмеда II.

² Речь идет о прорыве турок через константинопольские ворота Св. Романа.

и он дал турку ответный удар; другой же из турок, оказавшийся позади царя, нанес ему смертельный удар, и он упал на землю. Ибо они не знали, что это царь, но умертвив его, оставили как простого воина.

Дука Фокийский о трагедии в храме Св. Софии 29 мая 1453 г.

Итак, когда было раннее утро и день светил еще, как волк глазами, некоторые из ромеев во время вторжения турок в город и бегства граждан – прибежали, чтобы достичь своих жилищ и позаботиться о детях и женах. Когда они проходили кварталами [площади] Тавра и пробегали мимо колонны Креста, их, обрызганных кровью, спрашивали женщины: что случилось? А когда услышали женщины отвратительную ту речь: «Неприятели внутри стен города и убивают ромеев», сначала не верили этому, и, по правде сказать, даже ругали и выражали презрение, как вестнику, накликавшему несчастье. Видя же позади этого другого, а после него – иного, всех забрызганных кровью, поняли, что приблизилась к устам чаша Господа.

И тогда все женщины и мужчины, монахи и монахини побежали в Великую церковь, неся на руках детей своих, оставив дома свои желающим войти. И можно было видеть, что улица забита ими, полна людей [...]. Но разве могли все вбежать в Великую церковь? За много перед этим лет слышали от неких лжепророков, как город будет сдан туркам и как они войдут внутрь с великою силою и как будут посечены ими ромеи везде – вплоть до колонны Великого Константина¹. После же этого сошедший с неба Ангел, неся меч, передаст царство, вместе с мечом, неизвестному некоему человеку, найденному тогда спящим у колонны, очень простому и бедному, и скажет ему: «Возьми меч этот и отомсти за народ Господа». Тогда турки обратятся в бегство, а ромеи, поражая, будут преследовать их: и выгонят их из города, и из областей запада и востока, до пределов Персии. [...] Решили ромеи теперь осуществить то, что давно было задумано, и говорили: «Если мы оставим позади себя колонну Креста, мы избежим грядущего гнева Божия». По этой причине и побежали в Великую церковь. Итак, преогромный храм тот в один час сделался полным как мужчин, так и женщин: и внизу, и сверху, и в боковых пристройках, и во всяком месте толпа бесчисленная. Заперев двери на запоры, стояли, ожидая спасения [...].

Турки, разбегаясь во все стороны, убивая и беря в плен, пришли наконец к храму, когда еще не миновал первый час утра², и, увидев, что ворота заперты, не мешкая, взломали их топорами. Когда они, вооруженные мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего пленника, ибо не было там возражающего или не предавшего себя, как овца. Кто расскажет о случившемся там? Кто расскажет о плаче и криках детей, о воплях и слезах матерей, о рыданиях отцов, – кто расскажет? Турок отыскивает себе более приятную; вот один нашел красивую монахиню, но другой, более сильный, вырывая, уже вязал ее. [...] Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами. Девы, которых не видело солнце, девы, которых родитель едва видел, влачили грабителями; а если они силой отталкивали от себя, то их убивали. Ибо грабитель хотел отвести скорее на место и, отдав в безопасности на сохранение, возвратиться и захватить вторую жертву и третью. Насильничали грабители, эти мстители Божии, и всех можно было видеть в один

¹ Порфиновая колонна со статуей Константина I высилась на центральном, главном форосе столицы – площади Константина.

² «Первый час» ромеи считали от восхода солнца. Следовательно, речь идет приблизительно о 6 часах утра.

час связанными: мужчин – веревками, а женщин – их платками. И можно было видеть непрерывно выходящие из храма и из святылец храма ряды, подобные стадам и гуртам овец: плачут, стенают и не было жалеющего. О храме же как я мог бы рассказать вам? Что сказал бы или что прикинул? Прилип язык мой к гортани моей. Не могу я вздохнуть, ибо запечатались уста мои. В одну минуту разграбили собаки святые иконы, похитив с них украшения, ожерелья и браслеты, а также одежды Святой Трапезы¹. Блестящие лампы – одни портят, другие – забирают; драгоценные и священные сосудохранилища – золотые и серебряные и из другого ценного вещества приготовленные – в один миг все унесли, покинув храм пустынным и ограбленным и ничего не оставив.

Из «Записок янычара» серба Константина Михайловича из Островицы (между 1497-1501 гг.)

Гл. 46. *О христианах, которые находятся под турками.* Христиан турки называют гяуры, и султан знает численность всех, кто находится под властью турок, и сколько их в каждой земле. Султану платят дань каждый год с каждой христианской головы сорок аспров², что составляет один золотой; в год султан получает этой дани несколько сот тысяч. А если кто может заработать деньги, тот дает (султану) еще один золотой в год, исключая детей и женщин; и все это, не считая других доходов, которые поступают к нему (султану) в его казну с моря, с земли и с серебряных гор³. Христиане же дают своим господам, под которыми они находятся и которых они называют тимарерлер⁴, половину султанской дани и к тому же с десятков голов всякого скота или зерно. Работы же никакой они ни на султана, ни на своего господина не выполняют и не поступают на службу. Если же войско султана идет по его земле, то никто из воинов не смеет травить посевы, причинять какой-нибудь вред или без оплаты у кого-то что-либо взять, даже если этого было мало, что стоило меньше мелкой монеты. Турецкие властители не прощают этого один другому, не желая, чтобы бедным был причинен ущерб [как язычникам, так и христианам]. А если кто-нибудь возьмет умышленно без оплаты, он платит жизнью, ибо султан хочет, чтобы бедные жили спокойно. Христиане, которые находятся под властью султана, должны поставить десятки тысяч выючных животных или коней, провиант, отдавая это своими руками, после чего над ними властвуют по справедливости, не причиняя им вреда. Под таким то управлением все живут. [Так продолжается издревле и до нынешнего времени].

Армянский поэт XV в. Аракел Багешский о гибели Византии

Победное имя – Византия!
Чтили тебя, Византия,
Все племена и народы.
Сегодня ты стала жалкой
И слез достойна, Византия.
И повсюду услышали
О горе твоём, Византия,

¹ Святая Трапеза – дары Евхаристии.

² Аспр – мелкая серебряная монета.

³ Рудников, разработок добычи серебра.

⁴ Тимарерлер или *тимариот* – владелец *тимара*.

Сменилась печалью
Радость твоя, Византия,
Во всем мире
О тебе говорят, Византия.
Окружили тебя неверные
И осквернили, Византия,
Стала посмешищем ты
Для соседей – язычников, Византия.
Как виноградник роскошный
Ты цвела, Византия,
Сегодня плод твой стал негодным,
Колючкой стал, Византия.
Византия, Византия!

?

1. На какие сильные стороны османского войска обратил внимание Бертрандон де ла Брокьер? В чем заключались преимущества военных сил турок перед европейскими рыцарскими армиями?
2. Чем султан Мехмед II аргументировал в своем послании василевсу ромеев право на постройку крепости Румели-Хиссар и насколько справедливы его доводы?
3. Каково было соотношение военных сил ромеев и турок, согласно данным Георгия Сфрандзи? Как бы вы организовали оборону ромейской столицы, имея столь скудное количество воинских сил?
4. Как вы себе представляете, со слов Нестора Искандера, осаду Константинополя? Обратите внимание, что особенно впечатлило повествователя.
5. На что рассчитывали генуэзцы Галаты в своей двойной политической игре, о которой пишет Дука? Можно ли ему доверять как достоверному источнику?
6. Что вы можете рассказать, исходя из разных источников, о последних часах жизни византийского императора Константина XI? Как он себя проявил? Оцените его деятельность.
7. Почему ромеи искали защиту от янычар в храме Св. Софии и на что были направлены их последние упования, если верить рассказу Дуки Фокийского?
8. Сравните рассказ Дуки о взятии Константинополя турками в 1453 г. с описанием разграбления города латинами в 1204 г. у Никиты Хониата (§ 16). Что в них общего и каковы отличия?
9. Почему современники считали правление турок-османов справедливым? Можно ли согласиться с таким мнением Константина из Островицы, если исходить только из приводимых им свидетельств?
10. Какие чувства вызывало у Аракела Багешского Ромейское царство и его гибель? В чем прав и не прав поэт?

Научное издание

СОРОЧАН
Сергей Борисович

РОМЕЙСКОЕ ЦАРСТВО

*Книга для чтения
по истории Византии*

В трех частях

Часть I

Технічний редактор Є. Онишко

Підписано до друку 10.04.18. Формат 70х100/16.
Папір офсетний. Гарнітура Таймс. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 45. Наклад 300 прим. Зам. № 18-31.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59.
Тел.: (057) 700-37-30
E-mail: maydan.stozhuk@gmail.com

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.

С.Б. Сорочан

РОМЕЙСКОЕ ЦАРСТВО

Книга для чтения по истории Византии

Блеск и величие, золото и благочестие...

Законная наследница прославленной Римской империи, она стала первым правовым христианским государством на земле, сплотив в единой вере самые разные народы, назвавшие себя ромеями. Эта мощная страна просуществовала, вызывая зависть и восхищение, куда дольше любой другой Империи, какую знала средневековая история и Запада, и Востока. Ее можно не понимать, даже ненавидеть, но нельзя не считать достойной. Исчезнув, она продолжала и продолжает покорять своим глубоким духовным миром, высшими идеалами, которым пыталась следовать. На века огненными буквами запечатлено в памяти человечества ее гордое название — Романия, Византия, Второй Рим.

Харьков «МАЙДАН» 2018